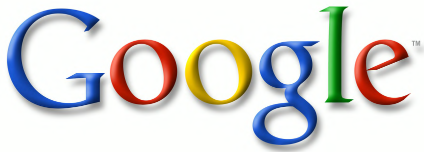
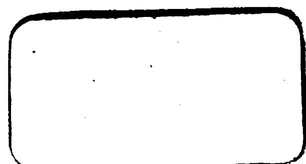
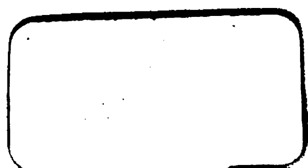






ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ТОМЪ XVII

" ISTORICHESKII VESTNIK "

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XVII

1884

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1884

СОДЕРЖАНІЕ СЕМНАДЦАТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ).

стр.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

СМѢСЬ:

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

I.

СКЕПТИЧЕСКО-МАТЕРЬЯЛИСТИЧЕСКОЕ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СОЧИНЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ [1]).

I.

„Наказъ".

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА, если не по силѣ литературнаго таланта, то по духу и направленію своихъ сочиненій, по ихъ содержанію, занимаетъ очень видное мѣсто въ литературѣ своей эпохи. Можно даже сказать, что она — главная представительница того направленія этой литературы, которое развилось у насъ подъ вліяніемъ такъ называемой «освободительной философіи». Если не все, то многія идеи Вольтера и энциклопедистовъ нашли у насъ

[1]) Главнѣйшія изслѣдованія и статьи о сочиненіяхъ императр. Екатерины: П. Щебальскій, «Екатерина II какъ писательница» (Заря, 1869 г. №№ 2, 3, 5, 6, 8, 9 и 1870 г. №№ 3, 6 и 7). — П. Безсоновъ, «О вліяніи народнаго творчества на драмы имп. Екатерины и о цѣльныхъ русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ» (Заря, 1870 г. № 4). — П. Пекарскій, «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II» (Прилож. къ III т. Записокъ Имп. Ак. Н.). — Добролюбовъ, «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» (Современникъ 1856 г., Соч. т. I). — Н. А. Лавровскій, «О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой». Рѣчь, произнесенная въ Харьковскомъ университетѣ, въ 1856 г. — Я. К. Гротъ, «Горе-богатырь, Ека-

выраженіе въ ея сатирическихъ статьяхъ, комедіяхъ, драмахъ, законодательныхъ, историческихъ и педагогическихъ произведеніяхъ.

Мы видѣли выше, какъ скептицизмъ вѣка сказался въ ея комедіяхъ, осмѣивающихъ масонство, и какъ въ ея журналѣ «Всякая всячина» энергически проводилась идея снисходительнаго отношенія къ жизненному злу.

Многія другія начала философіи XVIII столѣтія отразились въ ея сочиненіяхъ: и начала свѣтлыя — вражда къ суевѣріямъ и стѣсненію личности человѣческой, и темныя, какъ напр. аристократическая идея такъ называемаго «просвѣщеннаго деспотизма». Педагогическіе взгляды XVIII вѣка также нашли въ императрицѣ Екатеринѣ ревностную послѣдовательницу.

Между произведеніями Екатерины очень важное мѣсто занимаетъ, конечно, «Наказъ Коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія». «Наказъ» произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ, какъ въ Россіи, такъ и заграницей (онъ былъ переведенъ на различные языки). По всей вѣроятности, къ нему относятся стихи Державина въ одѣ «Фелица»:

И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь.

«Наказъ» — не самобытное произведеніе нашей императрицы. Многое въ немъ, какъ извѣстно, заимствовано изъ книги Монтескье — «De l'esprit des lois» [1]), многое изъ сочиненія Беккаріи — «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» (это сочиненіе послужило основою для всей уголовной части «Наказа») [2]); иное сложилось подъ вліяніемъ идей Вольтера и другихъ «философовъ» - раціоналистовъ.

Сама императрица Екатерина, посылая Фридриху II экземпляръ «Наказа» въ нѣмецкомъ переводѣ, скромно писала:

«Ваше Величество не найдете въ немъ ничего новаго, ничего такого, что не было бы вамъ извѣстно. Вы увидите, что я поступила, какъ та ворона, которая нарядилась въ павлиныя перья. Въ этой книгѣ мнѣ принадлежитъ только расположеніе предметовъ и изрѣдка строка или слово. Бо́льшая часть «Наказа» заимствована изъ «Духа законовъ» президента Монтескье и изъ «Преступленій и наказаній» Беккаріи [3]).

терины II» (Братская помочь пострад. семействамъ Босніи и Герцеговины. Спб. 1876 г.). — В. И. Сергѣевичъ, «Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи?» (Вѣстн. Евр. 1878 г. № 1.—Лекціи и изслѣдованія. Спб. 1883 г.).— С. Зарудный, «Беккарія. О преступленіяхъ и наказаніяхъ, въ сравненіи съ главою X-ю Наказа Екатерины II и съ современными русскими законами». Спб. 1879 г. — В. И. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II» (Отеч. Зап. 1879 г. №№ 10, 11 и 12).

[1]) Книга появилась въ свѣтъ въ 1748 г. Первый русскій переводъ — въ 1752 г., затѣмъ въ 1809 г.

[2]) Вышло въ свѣтъ въ 1764 г. Перевед. на русскій языкъ въ 1803 г.

[3]) «Заря», 1869 г., № 3. Ст. г. Щебальскаго.

Проф. Сергѣевичъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи «Откуда неудачи екатерининской законодательной коммиссіи?» письмо императрицы къ Даламберу, въ которомъ она высказывается въ томъ-же духѣ:

«Вы увидите (пишетъ Екатерина), какъ тамъ (т. е. въ «Наказѣ») я обобрала президента Монтескье, не называя его». «Его книга служитъ мнѣ молитвенникомъ. Вотъ образчикъ судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей: онѣ служатъ для благосостоянія человѣчества» [1]).

В. И. Семевскій въ своемъ сочиненіи «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II» [2]) указываетъ — какія именно статьи взяты императрицей изъ называемыхъ ею самою сочиненій: изъ 526 статей «Наказа» около 100 (отъ 147 до 245) заимствовано изъ произведенія Беккаріи, а болѣе 250 — изъ книги Монтескье.

Но, не будучи самобытнымъ сочиненіемъ, «Наказъ», однако, выражаетъ личные взгляды, направленіе мыслей императрицы Екатерины, показываетъ намъ, подъ какими вліяніями слагались ея воззрѣнія, и съ этой стороны чрезвычайно для насъ интересенъ. Особый интересъ представляетъ то обстоятельство, что въ «Наказѣ» замѣчается двойственность, непримиренное противорѣчіе несогласныхъ другъ съ другомъ вліяній. На это противорѣчіе указалъ В. И. Сергѣевичъ въ названномъ выше изслѣдованіи его.

Монтескье, считая республиканскую форму правленія наиболѣе естественною, находитъ, однако, самодержавіе наиболѣе соотвѣтственнымъ новѣйшимъ государствамъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы государь не нарушалъ правъ свободы гражданъ и сообразовался съ законами. Такой же смыслъ имѣетъ 520 ст. «Наказа», заключающая въ себѣ слѣдующія прекрасныя слова:

«все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако, мы думаемъ и за славу себѣ считаемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа» [3]).

Въ ст. 13-й императрица пишетъ:

«Какій предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность; но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго бо̀льшаго ото всѣхъ добра».

Изъ книги Монтескье Екатерина освоилась (говоритъ г. Сергѣевичъ) [4])

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1878 г. № 1. — Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, В. Сергѣевича. Спб. 1883 г., стр. 766.

[2]) Отеч. Зап. 1879 г. № 10.

[3]) Соч. имп. Екатерины. Изд. Смирдина, т. I. Спб. 1849 г.

[4]) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. В. Сергѣевича. Спб. 1883 г., стр. 772.

«съ идеей о непроизвольности законовъ, о соотвѣтствіи ихъ съ характеромъ народа, страны и другими условіями человѣческаго быта... Какъ ревностная ученица Монтескье, государыня высказываетъ мысль, что «законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію, ибо мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, слѣдуя природной нашей склонности» (ст. 57).

Согласно съ этимъ императрица пишетъ въ ст. 5-й.

«законы весьма сходственные съ естествомъ суть тѣ, которыхъ особенное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго они учреждены».

В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что благодаря Монтескье, обратившему вниманіе всего образованнаго міра на англійскія учрежденія, Екатерина

«живо заинтересовалась представительными учрежденіями Англіи, знакомилась съ практикой англійскаго парламента, и экземпляръ журналовъ его засѣданій препроводила А. И. Бибикову, маршалу учрежденной ею законодательной коммисіи» [1]).

Этимъ обстоятельствомъ, а также историческимъ прошлымъ Россіи объясняется и созваніе императрицею коммиссіи выборныхъ представителей русской земли.

Но, увлекаясь идеями Монтескье о представительномъ правленіи Англіи, о согласованіи законовъ съ «народнымъ умствованіемъ», Екатерина въ то-же время увлекалась и «философами» вѣка, особенно Вольтеромъ, которые были чужды подобныхъ взглядовъ и аристократически, свысока смотрѣли на народъ, болѣе придавая значенія отвлеченному разсудку единичной личности. Значеніе екатерининской коммисіи, какъ собранія представителей земли, народа, было непонятно Вольтеру. Коммисія занимала его лишь какъ учрежденіе, въ которомъ сошлись люди различныхъ вѣроисповѣданій.

«Она почтила меня извѣщеніемъ (говоритъ Вольтеръ про императрицу въ одномъ своемъ письмѣ) [2]), что собрала въ большой залѣ своего Кремля очень почтенныхъ язычниковъ, образованныхъ грековъ, латинянъ — природныхъ враговъ грековъ, кальвинистовъ — противниковъ латинянъ, добрыхъ мусульманъ, — что они ужинали вмѣстѣ, такъ какъ это былъ единственный способъ понять другъ друга (s'entendre), и что она убѣдила ихъ принять законы, благодаря коимъ они будутъ жить въ добромъ между собою согласіи. До сихъ поръ грекъ считалъ обязанностью выбросить за окно блюдо, съ котораго бралъ латинянинъ, буде ему было невозможно отправить туда самого латинянина... Нашей Сорбонѣ было бы кстати прогуляться въ Москву, да и остаться тамъ».

Слѣдуя общимъ воззрѣніямъ Вольтера и энциклопедистовъ, вдохновляемая разсудочностью ихъ философіи, Екатерина пришла

---

[1]) Лекціи и изслѣдованія В. Сергѣевича, стр. 765—766.
[2]) Заря, 1869 г. № 8, стр. 91—92. Ст. г. Щебальскаго.

къ заключенію, что созванная ею коммиссія должна не столько соображаться съ «народнымъ умоначертаніемъ», сколько сочинять новые законы, на основаніи наставленій «Наказа», наставленій, созданныхъ разсудкомъ ея и тѣхъ мыслителей XVIII столѣтія, которымъ она слѣдовала.

«Сличеніе ея «Наказа» съ оригиналомъ (т. е. сочиненіемъ Монтескье) указываетъ на очень своеобразное измѣненіе мыслей французскаго ученаго (говоритъ проф. Сергѣевичъ). Особенно крупныя отступленія сдѣлала она въ вопросѣ о раздѣленіи властей. Мысль объ участіи народа въ законодательствѣ она не находитъ возможнымъ повторить въ своемъ «Наказѣ», какъ общее правило при организаціи законодательной власти».

«Раціоналистическая философія XVIII вѣка не умѣла отдать должнаго историческому началу въ развитіи человѣчества (справедливо замѣчаетъ уважаемый ученый). Все, выработанное исторіей, она склонна была осуждать, какъ результатъ грубости и невѣжества; все наслѣдіе вѣковъ она хотѣла бы уничтожить и замѣнить новымъ порядкомъ вещей, основаннымъ на указаніяхъ разума. Законы, съ точки зрѣнія этой философіи, не были результатомъ медленнаго и почти всегда болѣзненнаго историческаго развитія, а должны были возникнуть разомъ въ полнѣйшемъ своемъ объемѣ и всесовершенствѣ» [1]).

Въ написаніи императрицею для коммиссіи «Наказа», которымъ коммиссія выборныхъ должна была руководиться, выразилась идея «просвѣщеннаго деспотизма», та идея, которую внушалъ ей Вольтеръ, прославляя ея мудрость и дѣла, и которая сказалась, напр., въ слѣдующихъ словахъ ея письма къ нему:

«у васъ (писала Екатерина) низшіе научаютъ высшихъ, и симъ остается стараться только тѣмъ пользоваться; но у насъ совсѣмъ напротивъ. Мы не имѣемъ такого облегченія» [2]).

Эти слова написаны въ 1765 году, когда выразившаяся въ нихъ мысль еще не вполнѣ овладѣла душой императрицы: коммиссія собрана была послѣ нихъ. Но вліяніе Вольтера и вообще философовъ-раціоналистовъ шло затѣмъ все усиливаясь, въ ущербъ болѣе возвышеннымъ вліяніямъ другаго рода, и наконецъ Екатерина стала ревниво смотрѣть на свое созданіе. Какъ измѣнился ко времени распущенія коммиссіи (въ 1769 г.) собственный взглядъ императрицы на лучшее изъ дѣлъ ея царствованія, объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ драгоцѣнный историческій разсказъ, разсказъ племянника А. И. Бибикова — Дмитрія Гавриловича Бибикова [3]), о причинахъ холодности Екатерины къ его знаменитому дядѣ.

«Въ предпослѣднее засѣданіе депутатовъ, когда Александръ Ильичъ объявилъ имъ, что труды ихъ кончаются, что ихъ на-дняхъ, вѣроятно, приметъ

---

[1]) Лекціи и изслѣдованія В. Сергѣевича, стр. 768.

[2]) Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ. Изд. 1802 г. Ч. I, стр. 6.

[3]) Русск. Стар. 1871 г., іюнь. Разсказы извѣстныхъ лицъ. Памятныя записки В. Д. Давыдова. Стр. 783—784.

императрица и распустить по домамъ, одинъ изъ депутатовъ спросилъ Бибикова: какъ, думаетъ онъ, будетъ впредь поступать императрица? Будетъ ли она вновь собирать депутатовъ всякій разъ, что пожелаетъ издать новый законъ, или впредь будетъ издавать ихъ сама, безъ призыва ихъ? — На это Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ знать волю и намѣренія всемилостивѣйшей монархини, но предполагаетъ, что по примѣру этого собранія, если императрица будетъ довольна ихъ трудами и найдетъ въ нихъ пользу, она и впослѣдствіи по премудрости своей вѣроятно уже не приступитъ къ какой-либо важной мѣрѣ, касательно интересовъ всѣхъ, не собравши снова депутатовъ. Не успѣлъ онъ кончить свой отвѣтъ, какъ услыхалъ за ширмами съ шумомъ отодвинутое кресло и шуршаніе удаляющагося платья императрицы. Съ тѣхъ поръ она стала холодна къ Бибикову, и онъ снова былъ вызванъ на политическое поприще только въ виду развитія и опасности Пугачевскаго бунта».

Очевидно, отвѣчая на запросъ депутата, А. И. Бибиковъ смотрѣлъ на коммисію такъ, какъ смотрѣла на нее императрица прежде; онъ не зналъ, что взглядъ ея измѣнился. Это измѣненіе воззрѣній еще усилилось въ 80-хъ годахъ, когда Екатерина стала считать сочиненіе законовъ уже своимъ исключительнымъ правомъ, и на вопросъ Фонвизина (присланный въ журналъ «Собесѣдникъ»):

«Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?»

рѣзко отвѣтила:

«Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго».

Общественная дѣятельница, сама преслѣдовавшая сатирой пороки и слѣдовательно возбуждавшая негодованіе общества противъ лицъ, хотя и не изобличенныхъ на судѣ, но достойныхъ общественнаго презрѣнія, императрица впослѣдствіи измѣнила свой взглядъ на взаимныя отношенія государства и общества и судъ общественный стала считать простымъ отголоскомъ суда государственнаго. На вопросъ Фонвизина:

«Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?»

она отвѣтила:

«Отъ того, что на судѣ не изобличены» [1]).

Идею «просвѣщеннаго деспотизма», побудившую Екатерину дать коммисіи выборныхъ людей такое подробное руководство, какъ «Наказъ», можно замѣтить и въ частностяхъ «Наказа». Такъ, императрица придаетъ черезъ-чуръ большое значеніе внѣшнему закону и административнымъ органамъ власти, — значеніе воспитательное по отношенію къ народу. Законъ можетъ, по ея мысли, исправлять пороки, создавать добрые нравы. Ст. 82-я «Наказа» говоритъ про «умѣренное управленіе»:

---

[1]) Соч. Фонвизина, изд. Глазунова, 1866 г., стр. 204.

«гражданскіе законы тамъ гораздо легче исправлять будутъ пороки и не будутъ принуждены употребляти столько усилія»;

а въ 83-й статьѣ читаемъ:

«Въ сихъ областяхъ не столько потщатся наказывати преступленія, какъ предупреждать оныя и приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы вселить узаконеніями добрые нравы во гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями».

Встрѣчается въ «Наказѣ» и мысль о томъ, что воспитаніе должно всецѣло принадлежать государству. Въ статьѣ 350-й высказывается такого рода сожалѣніе:

«Невозможно (говорится тамъ) дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ; и для того полезно будетъ установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ».

Въ подобныхъ заботахъ о воспитаніи дѣтей выражается какое-то недовѣріе къ семьѣ, что совершенно гармонируетъ, какъ увидимъ, съ общими педагогическими воззрѣніями императрицы.

Интересенъ взглядъ автора «Наказа» на значеніе губернаторской власти: губернаторъ представляется какъ-бы отцомъ города, а граждане — его дѣтьми. Въ «Начертаніи о приведеніи къ окончанію коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія», въ главѣ «Объ управленіи нравовъ» читаемъ слѣдующее:

«Вообще многія мѣста надзираютъ надъ вещами, касающимися до нравовъ. Каждый градоначальникъ обязанъ наблюдать въ подчиненныхъ своихъ благопристойность нравовъ такъ, какъ каждый хозяинъ въ своихъ домашнихъ».

Авторъ сочиненія «Екатерина II какъ писательница», г. Щебальскій, совершенно справедливо говоритъ, что «кругъ, оставленный Екатериною для правительственнаго дѣйствія, еще слишкомъ обширенъ по нынѣшнимъ понятіямъ» [1]).

Таково вліяніе на «Наказъ» одной стороны философіи XVIII вѣка. Но слѣдуетъ указать въ немъ и слѣды вліянія другой стороны этой философіи — истинно «освободительныхъ» идей.

«Наказъ» совершенно отмѣняетъ пытку.

«Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію (говорится въ статьѣ 123-й); само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобъ онъ была вовсе уничтожена».

«Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорити правду» (поясняетъ ст. 194). «Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго».

---

[1]) Заря, 1869 г. № 3, стр. 104.

«Наказъ» ратуетъ противъ жестокихъ наказаній, которыя признаетъ несообразными и вредными; въ немъ проводится мысль, что преступленія лучше всего предупреждать распространеніемъ образованія.

«Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича (читаемъ мы въ ст. 88), и пускай самая бо́льшая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся».

«Искусство научаетъ насъ (говорится нѣсколько ранѣе, въ ст. 85), что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражаются, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими».

«Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилося между людьми»,

учитъ статья 245-я; а 248-я прибавляетъ:

«самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія».

Императрица особенно внимательно предостерегаетъ законодателя и судью отъ суевѣрій и фанатизма.

«Надлежитъ быть очень осторожнымъ въ изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ (говоритъ она въ ст. 497). Обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть еще источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, есть ли въ законахъ предѣловъ тому не положено».

Здѣсь, въ подобныхъ словахъ законодательнаго сочиненія Екатерины, отразилась разумная борьба Вольтера и другихъ философовъ съ предразсудками и суевѣріями.

Можетъ быть, наконецъ, что и желаніе императрицею равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ явилось тоже (если не вполнѣ, такъ отчасти) подъ вліяніемъ «освоводительной» философіи.

Особенно интересны отношенія императрицы Екатерины въ «Наказѣ» къ крестьянамъ и ихъ судьбѣ.—Въ этихъ отношеніяхъ также бросается въ глаза двойственность.

Статья 260-я, прямой переводъ изъ Монтескье, говоритъ:

«Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ».

Это положеніе не особенно благопріятствуетъ, конечно, освобожденію крестьянъ; но все, что можно было сдѣлать для крѣпостныхъ въ предѣлахъ такого совѣта, императрица хотѣла сдѣлать. Она желала, чтобы крестьяне имѣли собственность и чтобы они постепенно освобождались отъ крѣпостной зависимости.

«Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества»,

говоритъ статья 161-я; а 295-я прибавляетъ:

«Не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго».

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ.

Его Императорскому Величеству НИКОЛАЮ I. Государю Императору
и Самодержцу Всероссийскому

Екатерина II, въ Царскосельскомъ саду.

Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ.

Статья 256-я требуетъ нѣкотораго ограниченія власти помѣщиковъ:

«Петръ Первый (читаемъ мы въ ней) узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По 1-й статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася — неизвѣстно».

Въ первоначальномъ видѣ «Наказа» [1]) императрица желала, для ослабленія произвола помѣщиковъ, учредить особый крестьянскій судъ, по образцу Финляндіи:

«Въ Россійской Финляндіи (писала она) выбранные седмь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ во всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы учредить для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто раззорительно деревнямъ и народу и вредно государству, когда удрученные отъ нихъ крестьяне принуждены бываютъ неволею бѣжать изъ своего отечества. Есть государства, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ инако, какъ двѣнадцатью особами ему равными: законъ, который можетъ воспрепятствовать сильному мучительству господъ, дворянъ, хозяевъ» (383 стр.).

Не ограничиваясь этимъ, императрица положительно хотѣла освобожденія крѣпостныхъ; она предлагала опредѣлить срокъ рабства и точно обозначить сумму выкупа отъ господина.

«Могутъ еще законы опредѣлить (писала она) урѣченное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба враговъ».

(Впрочемъ, какъ можно бы было примѣнить это къ нашей жизни, «Наказъ» не пояснялъ). — Гарантировать крѣпостнымъ право на имущество Екатерина находила нужнымъ для того, чтобы они могли купить себѣ свободу.

Но благородныя мысли императрицы о свободѣ крестьянъ не встрѣтили сочувствія въ средѣ окружавшихъ ее людей. Извѣстно, что «Наказъ» былъ подвергнутъ ею, прежде появленія его въ свѣтъ, двумъ цензурамъ: во 1-хъ «людей разныхъ», близкихъ къ ней; во 2-хъ «людей разномысленныхъ». Статьи объ освобожденіи крѣпостныхъ сквозь цензуру не прошли.

Интересны возраженія на эти статьи Сумарокова и ѣдко-остроумныя замѣчанія императрицы на возраженія поэта.

«Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ вольными нельзя (писалъ Сумароковъ): скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать своихъ слугъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки,

---

[1]) Ст. г. Семевскаго: «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II». Отеч. Зап. 1879 г.

и непрестанно будетъ въ государствѣ междуусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ, — прибавила здѣсь императрица своею рукою), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища». «Мнѣ въ деревняхъ во-вѣки не жить; но всѣ дворяне, а можетъ быть и крестьяне сами такою вольностью довольны не будутъ, ибо съ обѣихъ сторонъ умалится усердіе. А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, и нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ» (и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи, — замѣтила Екатерина).

«Г. Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ (прибавила она). Чтобъ быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ» [1]).

Недовольство императрицы своими цензорами ярко сказалось въ приведенныхъ замѣчаніяхъ ея, какъ сказалось въ нихъ и здравое пониманіе положенія дѣлъ. Но пойти противъ мнѣнія дворянства и разрубить гордіевъ узелъ, освободивъ крестьянъ своею властью, она не рѣшилась: она исключила изъ «Наказа» неодобренныя статьи. Конечно, здѣсь дѣйствовало и вліяніе Вольтера и другихъ мыслителей: мы знаемъ, какое сочиненіе о крестьянахъ писалъ въ это время Вольтеръ на тэму, предложенную Вольнымъ Экономическимъ обществомъ; мы знаемъ и то, что императрица поступила согласно съ его мыслями: освободивъ крестьянъ монастырскихъ, она не посягнула на крѣпостныя права дворянъ.

II.

Сочиненія историческія, драматическія и сатирическія.

Идея «просвѣщеннаго деспотизма», лежащая въ основѣ «Наказа», ярко выразилась и во многихъ другихъ сочиненіяхъ знаменитой государыни, напр. въ «Запискахъ касательно Россійской исторіи», въ трагедіяхъ.

Свои историческія «Записки» императрица печатала въ «Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова». Сочиняя ихъ, она работала, какъ свидѣтельствуетъ Храповицкій въ своемъ «Дневникѣ», по источникамъ.— «Записки касательно Россійской исторіи» не лишены живаго интереса. Мы встрѣчаемъ, напр., въ нихъ дѣльныя историческія соображенія. Такъ, императрица сомнѣвается въ томъ, что древлянскіе послы предлагали княгинѣ Ольгѣ вступить въ бракъ съ ихъ княземъ Маломъ. Она пишетъ объ этомъ:

«Писатели сказываютъ, будто послы (древлянскіе) предлагали соединить супружествомъ своего князя Малдова съ великою княгинею Ольгою; сіе мало имѣетъ вѣроятности, потому что великая княгиня Ольга была уже тогда 60-ти лѣтъ».

---

[1]) Вѣстн. Европы, 1878 г. № 1, стр. 252, 253.

Пожаръ древлянскаго города Коростеня Екатерина считаетъ совершенной случайностью, а не дѣломъ легендарной ольгиной хитрости. Изъ того обстоятельства, что Игорь заключилъ договоръ съ древлянами, императрица выводитъ заключеніе, что въ тѣ времена существовала уже грамотность.

Но рядомъ съ подобными, болѣе или менѣе основательными историческими разсужденіями, мы находимъ въ «Запискахъ» и такого рода свѣдѣнія: что Гостомыслъ былъ «новгородскій князь», что дочь его Умила вышла замужъ за «финляндскаго короля», и что отъ этого-то брака и произошли князья — Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Великую княгиню Ольгу Екатерина считаетъ правнукой Гостомысла, внукой старшей его дочери, и т. д.

Народныя массы представляются въ «Запискахъ» отличающимися своеволіемъ, наивностью и глупостью; народъ, по мнѣнію автора, то же, что дѣти; руководители же его, князья — умны, разсудительны. Разсказывая о призваніи варяжскихъ князей, императрица замѣчаетъ:

«Рюрикъ съ братіями, услышавъ о несогласіи, своеволіи, прихоти и безпорядкѣ новгородцевъ, съ трудомъ согласились на просьбу ихъ» [1]).

Въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа встрѣчаемъ такого рода соображеніе [2]):

«Ольга и языкъ славянскій въ употребленіе общее привела. Извѣстно, что народы и языки народовъ мудростію и тщаніемъ вышнихъ правителей умножаются и распространяются. Каковъ государь благоразуменъ, о чести своего народа и языка прилѣженъ, потому и языкъ того народа процвѣтаетъ. Многіе народные языки исчезли отъ противнаго сему».

То же воззрѣніе на народъ еще ярче выразилось въ историческихъ трагедіяхъ Екатерины. Остановимся на двухъ изъ нихъ: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика. Вольное подражаніе Шакеспиру» и «Начальное управленіе Олега. Подражаніе Шакеспиру».

Піесы эти не отличаются драматизмомъ и въ нихъ нѣтъ живаго очерка характеровъ дѣйствующихъ лицъ; но достойно замѣчанія, что императрица хотѣла, сочиняя ихъ, подражать Шекспиру. Трагедіи эти интересны для насъ, главнымъ образомъ, по выразившимся въ нихъ взглядамъ ихъ автора. Какъ въ своихъ историческихъ «Запискахъ», такъ и здѣсь Екатерина смотритъ на прошлую жизнь съ точки зрѣнія современныхъ ей понятій.

Народъ представляется въ трагедіяхъ одержимымъ порокомъ своеволія. Такъ, въ «Историческомъ представленіи изъ жизни Рюрика» (въ 4 явл. III акта) Труворъ обращается къ пришедшимъ звать его и братьевъ новгородцамъ съ такими словами:

---

[1]) Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова. Спб. 1782 г. № 1 стр. 49.

[2]) Тамъ же, стр. 101—102.

«Сказываютъ, что между вами часто было своеволіе, непослушаніе» [1]).

Отсюда, изъ своеволія народа, логически вытекаетъ недовѣріе къ нему: князья рѣшаются ѣхать въ Новгородъ не иначе, какъ съ «знатнымъ» числомъ «Варягоруссъ».

Личности князя императрица придаетъ въ трагедіяхъ очень большое значеніе. Князья не управляютъ только землею, а земля принадлежитъ имъ. Въ «Начальномъ управленіи Олега» (въ 1-мъ явл. I-го дѣйствія) Добрынинъ говоритъ:

«Рюрикъ уже скончался и Руссія по наслѣдству досталась сыну его Игорю» [2]).

Князья въ-силахъ мѣнять народные обычаи. Въ той же піесѣ изъ Кіева пріѣхали въ Новгородъ послы жаловаться на Аскольда. Одинъ изъ нихъ, Стемидъ, говоритъ (4 явл. I ак.):

«Мы присланы отъ кіевлянъ тебѣ, государю, объявить, что князь Оскольдъ перемѣняетъ у насъ во многомъ древніе обычаи безъ вѣдома твоего» [3]).

Князья представляются автору трагедій какими-то отвлеченными философами, стоящими своимъ развитіемъ ума на неизмѣримой высотѣ въ сравненіи съ темнымъ народомъ. Въ связи съ такимъ пониманіемъ личности князя стоитъ въ трагедіяхъ предпочтеніе варяговъ, близкихъ къ этой личности, славянамъ, которые оказываются глупѣе ихъ.

Вотъ интересная въ этомъ смыслѣ сцена въ «Начальномъ управленіи Олега», сцена, происшедшая послѣ побѣды Олега надъ византійцами (5 и 6 явл. IV-го акта):

Рагуилъ. Государь, войски, услыша, что ты выгодный миръ заключаешь, просятъ тебя приказать имъ парусы исткать, а именно для судовъ, Руссамъ шелковые, Славянамъ бумажные.

Олегъ. А Варяги что хотятъ?

Рагуилъ. Варяги хотятъ парусы холстинные по прежнему.

Олегъ. Вели Руссамъ и Славянамъ выдѣлить часть добычи шелковымъ и бумажнымъ товаромъ. (Рагуилъ уходитъ).

Добрынинъ. Не балуй ихъ, государь. На что имъ паруса шелковые и бумажные!

Олегъ. Нѣтъ, не балую, но отъучу ихъ отъ прихотей; шелковые и бумажные паруса какъ издерутся, тогда увидимъ, что скажутъ.

Такъ и случилось, какъ предвидѣлъ Олегъ,— паруса изодрались; славяне сказали тогда,

«что вѣтръ не знаетъ, что̀ дорого, но что̀ крѣпко» [4]).

Нѣчто подобное приведенной сценѣ, въ отношеніяхъ императрицы къ варягамъ, мы видимъ и въ «Запискахъ касательно Рос-

---

[1]) Соч. имп. Екатерины, т. I, стр. 322.
[2]) Тамъ же, стр. 347.
[3]) Тамъ же, стр. 350.
[4]) Тамъ же, стр. 378—379, 382.

сійской исторіи»: тамъ возстаніе Вадима произошло отъ зависти новгородцевъ къ варягамъ. Впрочемъ, въ «Запискахъ» Екатерина сочувственно говоритъ о томъ, что блаженная Ольга, будучи сама славянка, возвышала славянъ, назначая изъ нихъ военачальниковъ.

Главною добродѣтелью народа признается въ трагедіяхъ — безусловное, слѣпое повиновеніе. Въ «Историческомъ представленіи изъ жизни Рюрика» (4 явл. I акта) Добрынинъ такъ поучаетъ Вадима:

«Народы, пріобыкши повиноваться государю, дѣду твоему, не поважены имѣть тутъ преніе, гдѣ слѣдуетъ исполнять его волю; кто изъ насъ не умѣетъ повиноваться, тотъ не способенъ повелѣвать» [1]).

Параллельно съ этимъ въ названной трагедіи проводится мысль, что жена должна безпрекословно повиноваться мужу. Королева Умила говоритъ своему супругу (2 явл. III акта):

«Повиноваться твоей волѣ безпрекословно я обыкла; я вѣдаю, колико скромность полу моему прилична. Ты король, твои дѣла суть дѣла королевства, я твоя жена, но испытывать тайны мѣста твоего было бы отъ меня любопытство неприличное и несходный съ душею моею поступокъ» [2]).

Какъ жена мужу, такъ дѣти должны повиноваться слѣпо и не разсуждая отцу. Король спрашиваетъ сына своего Рюрика — какой отвѣтъ дать посламъ новгородскимъ, призывающимъ Рюрика на княженіе. Рюрикъ на это отвѣчаетъ (3 явл. III ак.):

«Я привыкъ слѣдовать и повиноваться волѣ моего родителя, оборонять отечество, употреблять оружіе для общей пользы» [3]).

Изъ всего предъидущаго мы видимъ, какъ будто, что отношенія императрицы въ ея трагедіяхъ къ народу несочувственны.— Но съ другой стороны, она выказываетъ, въ этихъ же трагедіяхъ, уваженіе къ народнымъ обычаямъ, повѣрьямъ, симпатію къ народной поэзіи.— Въ «Начальномъ управленіи Олега» идетъ рѣчь о вредѣ неуваженія къ народнымъ обычаямъ. Почти все 3-е дѣйствіе пьесы занято «древнимъ обрядомъ, при свадьбѣ наблюдаемымъ». Въ это дѣйствіе вставлены три народныхъ пѣсни: 1) Перекатно красно солнышко, 2) По сѣничкамъ, по сѣничкамъ, и 3) Ты рости, рости, чадо милое.

Г. Безсоновъ въ своей статьѣ «О вліяніи народнаго творчества на драмы императрицы Екатерины» показываетъ, откуда именно императрица могла заимствовать эти пѣсни. Онъ говоритъ, что въ ту пору еще вся Россія, не исключая и дворянскаго сословія, оглашалась народными пѣснями. Каждый зажиточный помѣщикъ имѣлъ

---

[1]) Соч. имп. Екатерины, стр. 303.
[2]) Тамъ же, стр. 318.
[3]) Тамъ же, стр. 320.

своихъ пѣсенниковъ, имѣлъ рукописные сборники народныхъ произведеній. Были такіе сборники и при дворѣ. При Екатеринѣ II существовали уже и печатные «Пѣсенники». Г. Безсоновъ указываетъ, что въ «Новомъ Россійскомъ пѣсенникѣ» Шнора помѣщены всѣ три пѣсни, внесенныя императрицею въ свою трагедію, — «Перекатно красно солнышко» слово-въ-слово съ текстомъ императрицы; двѣ другія — съ отмѣнами.

Г. Безсоновъ указываетъ на слѣды народнаго творчества и въ другихъ произведеніяхъ Екатерины, напр., въ оперѣ «Федулъ съ дѣтьми» (Соч. т. I), и особенно въ пьесѣ «Новгородскій богатырь Боеслаевичъ». Послѣднее сочиненіе она назвала: «опера комическая, составленная изъ сказокъ, пѣсней русскихъ и иныхъ сочиненій», сама таким образомъ указывая источники, откуда почерпнула содержаніе пьесы. Это содержаніе заставляетъ насъ думать, что императрица была знакома съ былинами или, по крайней мѣрѣ, съ ихъ пересказомъ. Гдѣ-же она познакомилась съ этимъ видомъ народнаго творчеста? Г. Безсоновъ говоритъ, что въ «пѣсенникахъ» того времени былинъ кіевскаго и новгородскаго цикла нѣтъ; но онъ указываетъ, что въ 1780—1783 годахъ Чулковъ издалъ «Былевыя сказки», и что императрица одну изъ этихъ сказокъ цѣликомъ перевела въ своего «Новгородскаго богатыря Боеслаевича»: у Чулкова заимствованы и личныя имена пьесы, и самый ходъ ея дѣйствія. — Г. Безсоновъ высказываетъ догадку, что въ рукахъ императрицы былъ и рукописный сборникъ былевыхъ пѣсенъ, можетъ быть, сборникъ Кирши Данилова [1]).

Съ сочувственными отношеніями императрицы Екатерины къ народнымъ обычаямъ и поэзіи гармонируетъ и тотъ идеалъ государя, который, какъ можно подмѣтить, старается она нарисовать въ своихъ трагедіяхъ. Государь долженъ быть, по ея представленію, доступенъ всякому нуждающемуся въ немъ, кротокъ, милосердъ, долженъ любить правду, уважать народные обычаи и быть снисходительнымъ къ недовольнымъ.

Этотъ идеалъ государя не согласуется съ воззрѣніемъ трагедій на народъ. Но противорѣчія въ сочиненіяхъ императрицы Екатерины встрѣчаются на каждомъ шагу: мы знаемъ, что противорѣчія — обычное явленіе во всей вообще нашей литературѣ екатерининской эпохи, когда писатели были полу-безсознательными носителями боровшихся въ жизни разнородныхъ началъ.

Сочувственныя отношенія къ народному быту и народной поэзіи намекаютъ намъ, что въ характерѣ императрицы Екатерины были народныя черты. И въ самомъ дѣлѣ, эта нѣмецкая принцесса, обладавшая душой живою и впечатлительной, пріѣхавъ почти ребенкомъ въ Россію, такъ освоилась съ русской жизнью, что,

---

[1]) Заря, 1870 г. № 4.

можно сказать, обрусѣла у насъ, еще въ молодости своей. Она полюбила русскій языкъ, хотя до самой смерти не могла вполнѣ овладѣть русской рѣчью, особенно правописаніемъ. Но это весьма понятно.

«Ты не смѣйся надъ моей русской ореографіей (говорила она однажды своему статсъ-секретарю Грибовскому): я могла учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это самое причиною, что я плохо знаю правописаніе.—Впрочемъ (замѣчаетъ Грибовскій), государыня говорила по-русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ множество знала» [1]).

Къ этому можно прибавить, что она знала множество простонародныхъ поговорокъ и пословицъ. Она не разъ писала Вольтеру, что русскій языкъ такъ «богатъ и выразителенъ, что изъ него можно сдѣлать что угодно»; она находила, что французскій языкъ такъ предъ нимъ «бѣденъ», что надо быть Вольтеромъ, чтобы изъ него что-нибудь сдѣлать. — Екатерина любила, чтобы у нея во дворцѣ говорили по-русски, старалась поддерживать старинные обычаи, множество которыхъ тоже знала. — По поводу отъѣзда кн. Григ. Орлова за-границу, Екатерина спросила извѣстную Перекусихину: «что дѣлаютъ съ иконою, которая потеряла свой ликъ отъ ветхости?» Перекусихина отвѣчала, что такую икону сожигаютъ. «Эхъ, Савишна! Ты русская женщина, знаешь всѣ русскіе обычаи, а этого не знаешь: икону, у которой ликъ сошелъ, на воду спускаютъ» [2]). Можетъ быть, неловко сопоставленіе кн. Орлова съ иконою; но все-таки анекдотъ этотъ, какъ нарочно сохраненный А. С. Хомяковымъ, свидѣтельствуетъ въ пользу присутствія народныхъ чертъ въ характерѣ и въ рѣчи Екатерины. — 8-го сентября 1870 г. Храповицкій поздравилъ императрицу съ праздникомъ Рождества Богородицы. «Это бабій праздникъ», отвѣтила она ему. — Екатерина любила народныя игры, пѣсни, пляски: Порошинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ [3]), что ими встрѣчали при ея дворѣ святки; въ первый день Рождества, въ 1765 году, у императрицы, куда приглашенъ былъ и маленькій Павелъ Петровичъ, играли въ веревочку и другія игры, хоронили золото, пѣли «заплетися плетень», плясали по русски.

«Ея величество (говоритъ Порошинъ) во всѣхъ сихъ играхъ сама быть и по-русски плясать изволила съ Никитою Ивановичемъ» (т. е. Панинымъ).

Съ такими наклонностями и симпатіями императрицы Екатерины къ простонародному совершенно согласуется то обстоятель-

---

[1]) Записки о императрицѣ Екатеринѣ Великой, Адр. М. Грибовскаго. Изд. 2-е М. 1864 г., стр. 25—26.

[2]) «Кн. Гр. Гр. Орловъ», ст. г. Барсукова въ Русск. Арх. 1873 г. № 2, стр. 138.

[3]) Записки служащія къ исторія государя Павла Петровича. Семена Порошина. Спб. 1844 г. Стр. 225 и 547.

ство, что она не отличалась модными любезностью и остроуміемъ (въ томъ непріятномъ смыслѣ, какой имѣли эти слова въ XVIII вѣкѣ).

«Если бы я была частной женщиной во Франціи (сказала однажды Екатерина гр. Сегюру, французскому послу), то ваши милыя парижскія дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отъужинать съ ними».

Вѣжливый французъ, разумѣется, возражалъ, разсыпавшись въ комплиментахъ; но едва-ли онъ былъ здѣсь вполнѣ искрененъ: въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ онъ такъ говоритъ о Екатеринѣ:

«одаренная возвышенною душою, она не обладала ни живымъ воображеніемъ, ни даже блескомъ разговора, исключая рѣдкихъ случаевъ, когда говорила объ исторіи или о политикѣ; тогда личность ея придавала вѣсъ ея словамъ» [1]).

Народныя черты характера императрицы Екатерины выразились въ лучшихъ (въ литературномъ отношеніи, а также по духу и направленію) произведеніяхъ ея, — въ бытовыхъ комедіяхъ. Драматическаго элемента въ этихъ пьесахъ, конечно, мало; дѣйствующія лица, не только резонёры, но даже и комическія, не отличаются типичностью; но комедіи эти не чужды, однако, чертъ, выхваченныхъ изъ жизни; въ нихъ видно знаніе авторомъ современныхъ нравовъ; юморъ ихъ не лишенъ живаго остроумія, и (что особенно замѣчательно) этотъ юморъ направленъ именно на главные недостатки общества: императрица благородно осмѣиваетъ въ своихъ пьесахъ французоманію и тѣхъ помѣщиковъ, которые презираютъ и угнетаютъ крестьянъ.

Разсмотримъ двѣ изъ этихъ пьесъ: «О, время!» и «Именины г-жи Ворчалкиной» [2]).

Комедія «О, время!», въ 3-хъ дѣйствіяхъ, сочиненная, какъ сказано въ заглавіи, въ Ярославлѣ въ 1772 г., изображаетъ трехъ сестеръ: Ханжахину, Вѣстникову и Чудихину — ханжу, сплетницу и суевѣрную старуху.

Ханжахина, кромѣ основной черты своего характера, отличается еще лицемѣріемъ, скупостью и жестокостью въ обращеніи съ крестьянами; она занимается и ростовщичествомъ. Внучку свою, молодую дѣвушку Христину, воспитываетъ она въ страхѣ и ничему не учитъ.

Въ самомъ началѣ піесы служанка Мавра разсказываетъ Непустову, дядѣ жениха Христины, какъ ея госпожа проводитъ время (1-е явл. I акта):

«...она встаетъ поутру въ шесть часовъ и, слѣдуя похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ передъ образами лампадку;

---

[1]) Записки гр. Сегюра о его пребываніи въ Россіи въ царствов. Екат. II. Спб. 1865 г. Стр. 188 и 16.

[2]) Обѣ во II т. Соч. имп. Екатерины.

потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ! А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то съ внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны, то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить...»

Въ слѣдующемъ явленіи того же акта, Ханжахина сама свидѣтельствуетъ о своемъ варварскомъ обращеніи съ крѣпостными; она говоритъ Непустову:

«Изволь самъ разсудить, можно ли спокойну быть духу, если съ кѣмъ то случится, что сдѣлалось сегодня со мной? Я обѣщалась, чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила мою покойную матушку, помяни ихъ, Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ сынъ и стоитъ какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю: поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: поди ты, сатана, вонъ; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руки бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете? Что въ этой бумажкѣ написано? О! несмысленная тварь! О, демонское навожденіе!.. Онъ осмѣлился просить позволенія — жениться! Эхая негодница! И онъ жениться вздумалъ? Этимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я число поклоновъ позабыла, и не знаю, сколько еще класть надобно. Однакожь велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ: позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны».

Изъ двухъ другихъ сестеръ-героинь пьесы замѣчательна **Чудихина**, суевѣрная женщина, любящая притомъ разстраивать свадьбы. Она воспитала сына своего—какъ позднѣйшая фонвизинская Простакова Митрофанушку. Сынъ Чудихиной уже на службѣ, но еще не грамотенъ.

«Онъ, мой голубчикъ, и азбуку уже доучилъ, да скоро и часословъ начнетъ»,

говоритъ нѣжная матушка [1]). Она очень обезпокоена тѣмъ, что сынокъ ея хорошъ собою, и потому его легко сглазить. Она чрезвычайно заботится объ его здоровьѣ:

«во всю зиму съ лежанки онъ у меня не сходилъ (говоритъ она); а когда боленъ, то кромѣ блиновъ и сластей ничѣмъ не кормлю... Еще до самой прошлой осени все мама у него въ головахъ спала, чтобы таки и ночью-бъ-то чего не причудилось».

Народное начало въ комедіи «О, время!» выражается, между прочимъ, и въ знаніи авторомъ комедіи народныхъ примѣтъ, суевѣрій и т. п. Въ первыхъ явленіяхъ III-го акта Чудихина разсказываетъ, напр., слѣдующее:

«умереть мнѣ нынѣшній годъ, всемѣрно (плачетъ), всемѣрно умереть. Недаромъ третьяго-дня курица у меня пѣтухомъ кричала. Я, правду сказать, при-

[1]) III актъ, 3-е явл. — Соч. Екатерины, т. II, стр. 51.

казала ее отъ того мѣста, гдѣ она сидѣла, чрезъ голову до порога кувыркать, чтобъ узнать, голову ли, или хвостъ ей отрубить. Жеребій палъ на голову и какъ мнѣ сказали, такъ велѣла ей отрубить голову. Хоть насѣдка и добра была, да провались она, свой животъ всего дороже!» (стр. 47).

Народность сказывается въ пьесѣ и въ очеркѣ идеальныхъ лицъ, въ характеристикѣ ея резонеровъ. Такъ, старикъ Непустовъ высказываетъ взгляды, похожіе на фонвизинскіе или новиковскіе. Въ началѣ комедіи, напр., когда Мавра говоритъ ему о Ханжахиной и преданности ея старинѣ, онъ замѣчаетъ:

«Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ отношеніи съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно».

Прекрасная дѣвушка Христина, внучка Ханжахиной, отличается добродѣтелями въ-духѣ русскаго человѣка: она проста, пряма, искренна, безхитростна, обладаетъ здравымъ смысломъ; она не искажаетъ русскую рѣчь вставками модныхъ французскихъ словъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ свойствъ своихъ (т. е. нѣкоторыхъ признаковъ народности, сатирическаго изображенія суровыхъ помѣщиковъ) комедія императрицы вызвала сочувствіе Новикова; качества самой пьесы дѣлаютъ намъ понятнымъ, почему Новиковъ лучшій сатирическій журналъ свой — «Живописецъ» — посвятилъ автору комедіи «О, время!».

Народный духъ слышится и въ комедіи Екатерины «Именины госпожи Ворчалкиной». (Пьеса эта въ 5 актахъ, тоже сочинена въ Ярославлѣ; а представлена въ первый разъ на сценѣ въ апрѣлѣ 1772 г.).

Здѣсь, какъ и въ комедіи «О, время!», мы встрѣчаемъ теплое слово за крѣпостнаго крестьянина, по крайней мѣрѣ, за мягкое обращеніе съ нимъ. Въ 3 явленіи I-го акта, слуга Антипъ говоритъ:

«будто можно побоями перемѣнить человѣческій нравъ. Посмотри-тко ты, у Невѣждова всякій день то и дѣло, что людей порютъ батожьемъ, и за всякую бездѣлицу, равно какъ и за большую вину, кожу съ нихъ спускаютъ, а люди всѣ и воры и пьяницы. Этимъ не передѣлаешь нашего брата. Напротивъ того, мой баринъ не таковъ лихъ и рѣдко дерется, однако глянь, какіе мы у него молодцы, человѣкъ человѣка лучше, красивѣе, веселѣе и порядочнѣе».

Параллельно съ гуманнымъ воззрѣніемъ на крестьянъ, комедія довольно ѣдко осмѣиваетъ аристократическія тенденціи. Напримѣръ, нѣкто Спесовъ (гордый своей знатностью, какъ указываетъ самая фамилія его) говоритъ другому лицу — Геркулову — въ отвѣтъ на одно его предложеніе:

«ты весьма замысловатъ. Выдумки изъ твоей головы безъ запинки летятъ Мы, знатной породы люди, не таковы прытки умомъ. Полно, и на что намъ ра-

зумъ! много такихъ и безъ насъ, которые должны думать, а мы судить только рождены» (2-е явл. II-го акта).

Съ этимъ ироническимъ осмѣяніемъ родоваго тщеславія совершенно согласно положительное осужденіе его идеальной личностью пьесы—Дремовымъ, говорящимъ по поводу воззрѣній Спесова:

«какая глупая гордость хвалиться родомъ! Это называется хвалиться чужимъ: ворона всегда будетъ ворона, хотя бы она и павлиными украсилась перьями» (V актъ, 8-е явл.).

Но самая замѣчательная сторона въ комедіи «Именины г-жи Ворчалкиной» есть, конечно, довольно яркое сатирическое изображеніе французоманіи русскаго общества. Прекрасно обрисованные въ пьесѣ щеголиха и петиметръ напоминаютъ намъ подобныхъ лицъ въ сатирическихъ журналахъ Новикова.

Щеголиха Олимпіада, дочь Ворчалкиной, встающая въ 11 часовъ, часа 4 посвящающая затѣмъ туалету, говорящая смѣсью французскаго языка съ русскимъ, отличается безсердечіемъ и цинизмомъ; она не понимаетъ чистаго чувства любви и грубо насмѣхается надъ семейнымъ счастьемъ. По поводу нравственно-возвышенныхъ разсужденій на эту тему сестры своей Христины она говоритъ:

«какая нужда замужъ идти... это дурачество никогда не поздно. Смѣшно мнѣ... ха, ха, ха! замужъ! на это и смотрѣть гадко... это impoli, мнѣ кажется, иттить за одного; это слово въ слово, какъ сказать другимъ adorateur'амъ, что вы недостойны этой чести,—а я не хочу весь свѣтъ обидѣть» (V актъ, 1-е явл.).

Бесѣда Олимпіады съ петиметромъ Фирлюфюшковымъ (въ 4 явл. IV-го д.) живо напоминаетъ намъ образцы «щегольскаго нарѣчія» въ «Трутнѣ» или въ «Живописцѣ» Новикова. — Олимпіада встрѣчаетъ Фирлюфюшкова, входящаго насвистывая французскую пѣсенку:

«Ахъ радость! куда какъ ты несносенъ! гдѣ такъ изволилъ по сю пору шататься?»

Фирлюфюшковъ отвѣчаетъ комплиментами:

«Ah, ma princesse! bonjour. Я ѣздилъ гулять, взять немного воздуха. Вы знаете, что я умру, если долго въ одномъ мѣстѣ останусь. Я ничего не люблю, что uniforme; одна только красота ваша навсегда поселилась въ мою голову».

Не менѣе интересна и слѣдующая сцена I-го акта между щеголемъ, служанкой Прасковьей и Антипомъ:

Фирлюфюшковъ. Не опоздалъ ли я? Госпожа Ворчалкина, я чай, уже обѣдаетъ.

Прасковья. Да гдѣ вы такъ долго пробыли? Дѣла за вами, я думаю, не много, а теперь вѣдь ужь поздно.

Фирлюфюшковъ. Belle demande! Гдѣ я пробылъ! A ma toilette, голубка... à ma toilette... Гдѣ можно такъ рано индѣ быть? Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ, и теперь такая мигрена и такъ въ носу грустно, что

Иванъ Ивановичъ Бецкій.

Съ гравюры Дюпюи, сдѣланной съ портрета, писаннаго Рослиномъ.

сказать не можно. Нѣтъ ли eau de luce понюхать? боюсь... чтобъ отъ слабости не упасть... поддержите меня...

Антипъ. Не изволите ли на стулъ сѣсть? Вотъ....

Фирлюфюшковъ. Ужь мнѣ сидѣть на стулѣ! да въ такой еще слабости! по крайней мѣрѣ подай мнѣ хоть кресло.

Прасковья. Диво, что вы въ нынѣшнюю погоду и воздуха не боитесь, чтобъ лицо не обвѣтрило.

Фирлюфюшковъ. Бываетъ и то въ здѣшнемъ климатѣ, но я къ ночи натираю лицо французскою помадой и тѣмъ его лечу... ah diable!., ха, ха, ха!, ты дѣвушка... ха, ха, ха!.. разумная... ха, ха, ха! а какъ одѣта, fi donc... ха, ха, ха! въ нынѣшній saison на тебѣ батавія... да еще и не батавія... а самый легкій круазе... ха, ха. ха! уморишь, радость! возможно ли снести?..

Человѣкъ глупый, Фирлюфюшковъ терпѣть не можетъ книгъ.

«Это великое дурачество, кто къ нимъ привяжется»,

говоритъ онъ (5 явл. I д.).—Онъ такъ легкомысленъ и пустъ, что боится одинъ остаться въ комнатѣ, и когда Прасковья и Антипъ хотятъ уйти, онъ упрашиваетъ ихъ — не покидать его одного.— Изнѣженный щеголь, онъ отличается и трусостью. Когда Геркуловъ хочетъ побить его за неотдачу долга, онъ прячется за Олимпіаду, притворяясь, будто любуется ея костюмомъ:

«Ah, ma deesse! (восклицаетъ онъ). Какое на васъ прелестное платье. Quel gout!» (5-е явл., IV д.).

Такими, можно сказать, живыми чертами осмѣяно въ комедіи пристрастіе русскаго общества къ модамъ, ко всему французскому, наша слѣпая подражательность.

Вообще, сатира комедій императрицы Екатерины стоитъ довольно высоко и рѣзко отличается отъ предшествовавшей ей сатиры «Всякой всячины» и отъ послѣдующей—«Былей и небылицъ» (печатавшихся въ «Собесѣдникѣ»): и журналъ императрицы, и «Были и небылицы» ея замѣчательны легковѣсностью своего смѣха, уступчивостью своей морали. — Какъ объяснить сравнительную высоту надъ ними комедій? Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это объясняется отношеніями императрицы Екатерины къ Новикову: въ началѣ и въ концѣ своей литературной дѣятельности она враждебно смотрѣла на знаменитаго издателя; комедіи написаны ею въ эпоху сближенія съ нимъ, когда она участвовала въ его «Живописцѣ».

Мы видѣли рѣзкую полемику «Всякой всячины» съ новиковскимъ «Трутнемъ»; мы видѣли, какъ расходились эти журналы въ пониманіи жизни, въ нравственныхъ воззрѣніяхъ, въ идеалахъ. Споръ окончился печально для Новикова: «Трутень» долженъ былъ прекратиться. Но на самомъ дѣлѣ побѣда осталась за Новиковымъ: въ душѣ императрица уступила ему. На самую рѣзкую статью «Трутня», гдѣ «Всякая всячина» обвинялась въ непониманіи русской рѣчи и неумѣньи изъясняться по русски, или, лучше сказать, въ неумѣньи логически мыслить, журналъ Екатерины отвѣтилъ уступкой: оста-

вивъ враждебный тонъ, бросивши споръ, онъ заявилъ свою мысль, что лучше рисовать примѣры доблестей, чѣмъ дѣйствовать на нравы сатирой; императрица признала, кромѣ того, своего литературнаго противника остроумнымъ писателемъ и умнымъ человѣкомъ. И, не смотря на прекращеніе «Трутня», съ этихъ именно поръ завязываются литературныя сношенія Екатерины съ Новиковымъ: сначала императрица сообщаетъ своему бывшему противнику древнія рукописи для его историческихъ изданій, а затѣмъ, въ 1772 году, письменно обѣщаетъ свое сотрудничество въ его новомъ сатирическомъ листкѣ «Живописецъ», и дѣйствительно печатаетъ тамъ (по свидѣтельству Карамзина) нѣсколько своихъ статей. Ясно, что мнѣніе императрицы о нравственныхъ свойствахъ Новикова измѣнилось, готовъ былъ измѣниться и ея взглядъ на сатиру и, быть можетъ, вообще ея міросозерцаніе. Этотъ измѣненный взглядъ и выразился въ комедіяхъ «О, время»! и «Именины г-жи Ворчалкиной»: благородный смѣхъ этихъ пьесъ направленъ именно на то, что особенно преслѣдовалъ Новиковъ, — на французоманію и на жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами. Вліяніе народнаго направленія Новикова пересилило въ душѣ императрицы вліяніе матерьялистической философіи. Но, къ сожалѣнію, это продолжалось недолго: взгляды Екатерины потомъ снова измѣнились въ прежнемъ направленіи, и возвышенный тонъ ея сатиры снова понизился.

III.

Педагогическія сочиненія императрицы Екатерины, Ж. Ж. Руссо и Локка.

Между разнообразными сочиненіями императрицы Екатерины есть и цѣлый рядъ произведеній педагогическихъ. На нихъ замѣтно сильное вліяніе идей Локка, Руссо, а также Вольтера и другихъ философовъ-матерьялистовъ.

Идея «просвѣщеннаго деспотизма» выразилась въ этихъ сочиненіяхъ въ проведеніи принципа безусловнаго, слѣпаго повиновенія воспитанника воспитателю и въ поставленіи воспитанія - собственно, какъ такой дѣятельности, въ которой особенно проявляется вліяніе наставника, или руководителя, выше образованія ума, развивающаго личную свободу ученика.

Въ заботахъ же о гигіенѣ, о воспитаніи въ дѣтяхъ твердости духа и «благорасположенія» къ людямъ низшихъ сословій сказалось дѣйствіе «освободительныхъ» идей вѣка.

Первое мѣсто въ средѣ педагогическихъ сочиненій Екатерины принадлежитъ, конечно, «Инструкціи князю Николаю Ивановичу Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей», данной при манифестѣ марта 13-го дня 1784

года [1]). Въ этомъ сочиненіи проводятся слѣдующіе принципы: во 1-хъ, воспитаніе поставлено выше ученія, пріобрѣтенія знаній.

«Языки и знанія суть меньшая часть воспитанія»,

говорится въ Инструкціи (стр. 226).

«Ученіе же, или знаніе (читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ), да будетъ имъ (т. е. великимъ князьямъ) единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію» (стр. 224).

«Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе»,

учитъ императрица (201).

«Воспитаніе замыкается (говоритъ она далѣе) въ четырехъ вещахъ: a) въ добродѣтели, b) въ учтивости, c) въ добромъ поведеніи, и d) въ знаніи» (202).

Знаніе поставлено, такимъ образомъ, ниже не только добраго поведенія, но и учтивости.

Согласно съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ знанію, а также совершенно въ духѣ идеи вѣка о легкомъ и безпечномъ отношеніи къ жизни, «Инструкція Салтыкову» проводитъ другой принципъ въ воспитаніи—принципъ веселья. Веселье свойственно, конечно, дѣтскому возрасту, и потому хорошо; но дѣло совершенно измѣняется, когда это веселье ставятъ какъ противовѣсъ дѣльному ученью.

«Вообще, какъ дѣти не любятъ быть праздными, то надлежитъ стараться (учитъ одно изъ правилъ «Инструкціи»), чтобъ то, въ чемъ ихъ упражнять нужно, для нихъ обратилось въ родъ забавы» (245).

«Питая въ дѣтяхъ веселость нрава (пишетъ императрица въ другомъ правилѣ), надлежитъ отдалять отъ глазъ и ушей ихъ все тому противное, какъ-то: печальныя воображенія, или уныніе наносящіе разсказы и всякія малодушія, привлекающія нѣгу, такожде и ласкательства» (207).

Здѣсь уже веселье поставлено выше и воспитанія.

Третье начало, положенное въ основу «Инструкціи», есть принципъ безусловнаго и слѣпаго повиновенія молодыхъ людей воспитателямъ. Изъ этого принципа вытекаетъ вышеуказанное поставленіе воспитанія-собственно выше ученія, или развитія и обогащенія ума познаніями.

«Что дѣтямъ приказывается или запрещается, то надлежитъ быть исполнено отъ дѣтей тотчасъ безъ прекословія» (239),

учитъ одно правило. А что значитъ это «безъ прекословія»—поясняется для насъ другимъ правиломъ:

«Когда надобны дѣтямъ платья, то оныя дѣлать, но если станутъ требовать такого-то цвѣта, матеріи или покроя, то въ томъ имъ отказывать, и надлежитъ поваживать, чтобъ довольствовались тѣмъ, что имъ даютъ по разсужденію тѣхъ, кому воспитаніе ихъ поручено... тоже чинить въ кушаньѣ и питьѣ» (243).

---

[1]) Соч. имп. Екатерины II, изд. 1849 г., т. I.

(Замѣтимъ кстати, что эти послѣдніе совѣты взяты императрицею изъ сочиненій Локка).

Такова одна сторона «Инструкціи Салтыкову»; но въ ней есть и сторона другая, болѣе симпатичная. Сюда относятся, во 1-хъ, заботы о гигіенѣ.

«Да будетъ одежда ихъ высочествъ и лѣтомъ и зимою не слишкомъ теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь. Чтобъ платье ихъ было какъ возможно простѣе и легче»,

совѣтуетъ императрица (203). Она желаетъ, согласно съ этимъ, чтобы и

«пища и питье были простыя, и просто заготовленныя, безъ пряныхъ зелій, или такихъ кореній, кои кровь горячатъ».

Императрица предписываетъ,

«чтобъ какъ возможно ихъ высочества лѣтомъ и зимою чаще были на вольномъ воздухѣ», «чтобъ въ покояхъ ихъ высочествъ зимою по крайней мѣрѣ дважды въ день перемѣненъ былъ воздухъ открытіемъ оконъ воздушныхъ (204).

Прекрасны затѣмъ въ «Инструкціи» требованія—развивать въ дѣтяхъ твердость духа, терпѣніе, милосердіе «ко всякой твари», «благорасположеніе» ко всѣмъ людямъ, учтивость въ обхожденіи со слугами и простолюдинами. Надо

«поваживать дѣтей, чтобъ обходились учтиво словами и поступками со служителями и простолюдинами, чтобъ съ ними не говорили повелительно и съ пренебреженіемъ, или возвышая голосъ, или со спѣсью; но съ благоволеніемъ пристойнымъ къ человѣчеству вообще» (219).

Къ числу педагогическихъ сочиненій Екатерины можно отнести двѣ сказки, написанныя ею для внуковъ: «О царевичѣ Хлорѣ» и «О царевичѣ Февеѣ». Сказки эти совершенно согласны, по своему направленію, съ принципами «Инструкціи Салтыкову».

Для дѣтей онѣ представляютъ мало интереса, какъ по отсутствію въ нихъ фантастическаго элемента, такъ и потому, что отличаются отвлеченно-нравоучительнымъ и разсудочнымъ характеромъ. Разсудочность—выдающійся признакъ не только философіи, но и поэзіи XVIII столѣтія.

Въ аллегорической сказкѣ «О царевичѣ Хлорѣ» повѣствуется, какъ киргизъ-кайсацкій ханъ, прослышавши о мудрости кіевскаго царевича-младенца Хлора, похитилъ его и задаетъ ему задачу—найти розу безъ шиповъ. Подъ этою «розой» произведеніе разумѣетъ—добродѣтель. Царевичу помогаетъ дочь хана—Фелица (аллегорія мудрости); она даетъ ему въ проводники своего сына Разсудка, при помощи котораго Хлоръ восходитъ на высокую гору и находитъ «розу безъ шиповъ».

Особенно замѣчателенъ въ сказкѣ одинъ эпизодъ, именно—посѣщеніе Хлоромъ и Разсудкомъ крестьянской семьи. Здѣсь нарисованъ императрицею крестьянскій бытъ, идеализируется крестьянское до-

вольство, согласно съ безпечнымъ и примирительнымъ взглядомъ философіи XVIII столѣтія на жизнь и ея темныя стороны. Хозяева посѣщенной царевичами крестьянской избы были очень трудолюбивы, поясняетъ сказка, такъ что даже дѣти «упражнены были: щипали траву негодную изъ овощей». Они приняли гостей ласково и радушно.

«Хозяйка съ невѣсткою (повѣствуетъ сказка) разостлали по столу скатерть и поставили на столѣ чашу съ простоквашею, другую съ яичницею, блюдо блиновъ горячихъ и яицъ въ смятку, а посрединѣ ветчину добрую, положили на столѣ ситный хлѣбъ, да поставили возлѣ каждаго крынку молока, а послѣ вмѣсто закусокъ принесли соты и огурцы свѣжіе, да клюкву съ медомъ» [1]).

Такое изображеніе крестьянскаго благоденствія и блаженства напоминаетъ намъ другое сочиненіе императрицы Екатерины—Антидотъ (ou examen d'un mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Siberie fait par ordre du Roi 1770—1771). Защищая русскую землю отъ иностраннаго путешественника, императрица утверждаетъ здѣсь, будто русскій крестьянинъ живетъ въ такомъ довольствѣ, что ѣстъ когда хочетъ курицу и даже индѣйку.

Сказка «О царевичѣ Февеѣ» даетъ правила воспитанія, между прочимъ и гигіеническія. По этимъ правиламъ воспитываютъ Февея.

«Его не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда, кормили же его порядочно и во-время. Приставили къ нему маму, вдову разумную, которая умѣла различать, кричитъ ли дитя отъ нужды, болѣзни, или своеволія» (I, 265).

Интересенъ эпизодъ съ привитіемъ царевичу оспы. Значеніе этого привитія, только что тогда придуманнаго и вводимаго въ употребленіе, императрица чрезмѣрно преувеличиваетъ:

«Трехъ лѣтъ привили ему (разсказываетъ она) оспу, послѣ которой получилъ наивящшее любопытство и охоту къ спознанію всего. Самъ собою безъ принужденія выучился читать, писать и цыфири» (266).

Личность Февея въ сказкѣ замѣчательна тѣмъ, что представляетъ собою идеалъ благовоспитаннаго юноши, по воззрѣніямъ императрицы Екатерины. Февей отличается учтивостью, смиреніемъ, отсутствіемъ гордости, кротостью. Онъ говоритъ своимъ «комнатнымъ», т. е. слугамъ:

«не дайте душѣ моей возгордиться никогда, и для того ежедневно, какъ пробуждусь отъ сна ночнова, скажите вы мнѣ рѣчь сію: Февей, вставай съ одра, и помни во весь день, что ты еси человѣкъ такой же, какъ и мы» (274).

Царевичъ не хочетъ въ сказкѣ поступать съ плѣнными такъ, какъ поступаютъ съ ними «люди Золотой Орды»:

«неприлично (говоритъ онъ) перенимать намъ худое обхожденіе, пусть перенимаютъ у насъ люди Золотой Орды человѣколюбивое обхожденіе съ людьми и иныя добродѣтели и да будетъ у насъ всякаго добра образецъ» (278).

[1]) Соч. Екатерины II, т. I, стр. 292.

Но на-ряду съ подобными нравственными доблестями, авторъ сказки ставитъ въ заслугу царевичу и отличающее его слѣпое, рабское повиновеніе. Отецъ Февея, желая испытать послушаніе сына, воткнулъ «сучекъ сухой» въ «землю твердую» и

«приказалъ сыну въ день дважды утромъ и вечеромъ лейкою сучекъ сухой обливать водою цѣлой годъ».

Царевичъ, не разсуждая и не спрашивая объясненій, исполнялъ приказанное.

«Окружающимъ его молодчикамъ показалось то странно (продолжаетъ сказка), говорили съ ропотомъ ему: «обливай сколько изволишь сухой сучекъ, дерево не выростетъ изъ онаго, отецъ твой затѣялъ невозможное, а тебѣ приказываетъ небылицу». Царевичъ отмалчивался долго. Наконецъ сказалъ имъ: слушайте вы, друзья добрые молодцы; кто повелѣваетъ, тому и разсуждать, а наше дѣло слушаться, исполняя повелѣнное съ покорностію безъ-ропотно, не разсуждая много» (269).

Какъ было сказано, педагогическіе взгляды императрицы Екатерины сложились подъ вліяніемъ идей знаменитыхъ педагоговъ— Локка, Руссо и другихъ мыслителей западной Европы. Сочиненіе Локка «О воспитаніи дѣтей» вышло въ свѣтъ въ 1721 году, а въ 1760 было уже переведено на русскій языкъ (Поповскимъ). Знаменитая книга Руссо «Эмиль или воспитаніе» написана въ 1759—1760 гг., напечатана въ 1762 и въ томъ же году приговорена къ сожженію въ Парижѣ и Женевѣ [1]).

При различіи своемъ, сочиненія англійскаго и французскаго педагоговъ-философовъ сходятся, однако, въ своихъ главныхъ положеніяхъ, въ главныхъ принципахъ.

И Локкъ и Руссо несомнѣнно принесли много пользы своими педагогическими идеями. Заслуги ихъ состоятъ, во 1-хъ, въ томъ, что они указали на важное значеніе физическаго воспитанія; во 2-хъ, въ томъ, что они стремились къ освобожденію природы ребенка отъ ложныхъ и вредныхъ стѣсненій. — На первой же странице своего «Эмиля» Руссо говоритъ:

«Все хорошо, выходя изъ руки Творца, все вырождается въ рукахъ человѣка. Онъ заставляетъ почву питать несвойственныя ей произведенія, дерево приносить несвойственные ему плоды. Онъ идетъ наперекоръ климатамъ, стихіямъ, временамъ года. Онъ уродуетъ свою собаку, лошадь, своего раба. Онъ все ставитъ вверхъ дномъ, все искажаетъ. Онъ любитъ безобразіе, уродовъ, отворачивается отъ всего естественнаго, и даже самого человѣка надо выдрессировать для него, какъ манежную лошадь, исковеркать на его ладъ, подобно садовому дереву».

Въ-видахъ освобожденія ребенка отъ подобной лжи, оба педагога рекомендуютъ для дѣтей жизнь среди природы и утверж-

[1]) Русскій переводъ въ I т. Собр. соч. Ж. Ж. Руссо, 1866 г. — «О воспитаніи дѣтей» Локка, переводъ Поповскаго, 1760 г.

даютъ, что слѣдуетъ избѣгать всякаго принужденія въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаній: въ этомъ случаѣ надо дѣйствовать (учатъ они) посредствомъ возбужденія интереса къ знанію. Они предлагаютъ, поэтому, наглядное обученіе, напр., совѣтуютъ изучать географію практически, т. е. исходя изъ непосредственныхъ наблюденій учащагося надъ природой.

Далѣе, они проповѣдуютъ мягкое обращеніе съ дѣтьми и сильно возстаютъ противъ суровости воспитателей, противъ строгихъ наказаній.

Затѣмъ, они признаютъ прежде всего необходимымъ общее образованіе, открывающее просторъ способностямъ и наклонностямъ человѣка, дающее человѣку возможность выбрать себѣ дѣло, сообразно съ своею природою и характеромъ; а образованіе спеціальное, гдѣ воля уже ограничивается опредѣленными рамками, они ставятъ на второй планъ.

Вотъ тѣ свѣтлыя идеи педагогическихъ сочиненій Локка и Руссо, которыя принесли дѣйствительную пользу современникамъ, и благодаря которымъ дѣло воспитанія совершило шагъ впередъ.

Но есть и другія, ложныя стороны въ доктринѣ Локка и Руссо. Оба знаменитые педагога-мыслителя проводятъ настоятельно мысль о преимуществѣ воспитанія предъ образованіемъ. Руссо придаетъ такое громадное значеніе воспитанію, что его Эмиль не можетъ ступить шага безъ своего ментора. Ученье-же входитъ въ воспитаніе Эмиля лишь какъ незначительная составная часть его.

«Дѣтямъ нужно преподавать одну науку (говоритъ Руссо): науку объ обязанностяхъ человѣка» [1]).

Знаменитый философъ-романтикъ (отрицавшій цивилизацію, потому что боролся съ раціонализмомъ, которымъ, однако, самъ былъ зараженъ) вообще не уважаетъ знаніе:

«Польза открытія одной истины (утверждаетъ онъ) перевѣшивается заблужденіями, которыя являются вмѣстѣ съ нею... Умѣй мы игнорировать истину, мы никогда не были бы обмануты ложью» [2]).

Локкъ думалъ такъ-же; онъ прямо говоритъ въ своей книгѣ [3]):

«Я знаніе полагаю послѣ другихъ вещей, нужныхъ къ доброму дѣтей воспитанію... я скажу, что знаніе дѣйствительно есть вещь самая маловажная».

«Ученія должно искать не единственно и для него самого, но просто какъ способъ, чтобы найти нѣкоторую вещь изящнѣйшую».

Подъ этой «изящнѣйшей вещью» онъ разумѣлъ—«благонравіе» и «знаніе свѣта». Въ другомъ мѣстѣ своей книги [4]) онъ говоритъ, что, если ребенокъ,

---

[1]) Сочин. Руссо. Спб. 1866 г. Т. I, стр. 17.

[2]) Тамъ же, стр. 21.

[3]) «О воспитаніи» Локка. Пер. Поповскаго. 1760 г. Т. II, стр. 104, 107.

[4]) Тамъ же, т. I, стр. 203, 204—205.

«будучи искусенъ уже въ своихъ поведеніяхъ, пожелаетъ учиться чему-нибудь особливо, чтобы съ пользою употребить свои досуги, или привести себя въ совершенство въ какой-нибудь наукѣ, о которой учитель далъ ему легкое понятіе, то первыя основанія, которыя онъ прежде о томъ слышалъ, довольны будутъ къ тому служить ему столько, сколько онъ пожелаетъ, или природныя его дарованія позволятъ».

Если и нужно дитя учить, то только для того,

«чтобы природныя его способности обратить въ дѣйство, употребить въ пользу его время, отвратить его отъ праздности... и подать нѣкоторой вкусъ въ тѣхъ вещахъ, которымъ онъ послѣ самъ учиться долженъ точнѣе».

Другая ложь въ воззрѣніяхъ Локка и Руссо заключается въ мысли этихъ философовъ о способахъ пріобрѣтенія ребенкомъ познаній. Они думали, что человѣкъ долженъ развиваться только изъ себя самого, долженъ только самостоятельно до всего доходить, самъ выдумывать науки.

«Возбудите въ вашемъ воспитанникѣ (говоритъ Руссо) вниманіе къ явленіямъ природы, и скоро онъ сдѣлается любопытнымъ; но для поддержанія въ немъ любопытства никогда не торопитесь удовлетворять его. Дайте ему доступъ къ вопросамъ и предоставьте ему самому разрѣшать ихъ. Пусть онъ достигаетъ знанія не черезъ васъ, а черезъ самого себя; пусть онъ не заучиваетъ науку, а выдумываетъ ее самъ. Если когда нибудь вы замѣните въ его умѣ разумъ авторитетомъ, онъ перестанетъ разсуждать; онъ станетъ игрушкою чужихъ мнѣній» [1]).

Въ этой мысли сказалось непониманіе философіей XVIII вѣка исторіи, неуваженіе къ исторіи, къ преемственности идей, къ вліянію предшествовавшихъ поколѣній на послѣдующія, къ вліянію семьи и т. д.; разсудочная философія безъ-мѣры вознесла единичный человѣческій разумъ или, лучше, разсудокъ, поставивъ его выше всего. Это выразилось не только въ ученіи о методѣ пріобрѣтенія знаній, но и въ ученіи о воспитаніи: боясь дурнаго вліянія жизни, общества, исторіи на молодое поколѣніе, педагоги XVIII столѣтія находили необходимымъ отрывать дѣтей отъ общества и семьи, т. е. отъ почвы, и воспитывать ихъ изолированными отъ всякихъ воздѣйствій окружающаго человѣческаго міра. Они считали это возможнымъ, и разрѣшали неразрѣшимую, по нашимъ понятіямъ, задачу довольно просто. Локкъ и Руссо дали своимъ предполагаемымъ будущимъ идеальнымъ людямъ идеальныхъ воспитателей, которые, отстраняя окружающую людскую жизнь отъ своихъ питомцевъ, въ то-же время способствовали имъ правильно развиваться.

Но тутъ вышло изумительное противорѣчіе: желая свободы развитію человѣка, они привели его къ рабству; освободившись отъ вліянія общества, воспитанникъ попадалъ подъ вліяніе отдѣльныхъ личностей, отдавался духовно вполнѣ во власть своихъ вос-

[1]) Соч. Руссо, т. I. Эмиль. Стр. 159.

питателей, и здѣсь уже исчезала всякая тѣнь самостоятельнаго развитія. Такъ и должно было, конечно, случиться: разнузданная свобода единичнаго разсудка или единичной личности, отвергающей воздѣйствіе общества, исторіи, неизбѣжно приводитъ къ деспотизму. Это сказалось у педагоговъ XVIII вѣка и въ ихъ ученіи объ образованіи, и въ ихъ принципахъ воспитанія.

Тутъ мы встрѣчаемся съ новымъ видомъ лжи въ ихъ доктринѣ: съ безграничнымъ возвышеніемъ авторитета воспитателя и полнымъ приниженіемъ личности воспитанника.

Руссо совѣтуетъ наставнику обуздывать

«это множество глупыхъ и скучныхъ вопросовъ, которыми дѣти безполезно и безостановочно утомляютъ всѣхъ тѣхъ, ктó ихъ окружаетъ».

Такимъ образомъ у ребенка, который, какъ мы видѣли выше, долженъ самъ до всего додумываться, въ дѣйствительности отнимается всякая свобода мысли; стремленія его природы къ истинѣ сдерживаются; не ребенокъ задаетъ вопросы воспитателю, а наоборотъ — воспитатель ребенку; это дѣлается какъ будто для того, чтобы не навязать дитяти чего нибудь изъ жизни, а на самомъ дѣлѣ — вслѣдствіе затаеннаго убѣжденія, что воспитатель лучше знаетъ, чтò человѣку нужно; взрослый отказываетъ инстинктивному, и потому совершенно истинному стремленію ребенка къ помощи тамъ, гдѣ тотъ ея требуетъ, и навязываетъ ему свои руководящіе вопросы, свои мнѣнія тамъ, гдѣ они, можетъ быть, вовсе и не нужны; является слѣпое подчиненіе, имѣющее лишь внѣшній видъ свободы.

То же самое гораздо ярче замѣтно въ области воспитанія: у Руссо каждый шагъ, каждое слово ребенка и юноши разсчитаны и предвидѣны заранѣе его руководителемъ; воспитаніе обратилось въ дрессировку. Воспитатель постоянно слѣдитъ, чтобы ребенокъ не шелъ никогда иначе, какъ по тайно проложенной имъ колеѣ. Авторитетъ воспитателя въ книгѣ Руссо — безпредѣленъ, передъ нимъ совершенно стушевывается самостоятельность личности воспитанника. — Пусть ребенокъ знаетъ, «что онъ слабъ, а вы сильны», совѣтуетъ Руссо;

«пусть онъ съ раннихъ лѣтъ чувствуетъ надъ своею гордою головою ярмо, которое природа налагаетъ на человѣка, тяжкое ярмо необходимости» [1]).

«Пусть онъ всегда думаетъ, что онъ господинъ, лишь бы на дѣлѣ господиномъ всегда были вы. Нѣтъ болѣе полнаго подчиненія, какъ то, которое имѣетъ видъ свободы; оно порабощаетъ самую волю. Развѣ бѣдный ребенокъ, который ничего не знаетъ, ни на что не способенъ, ни съ кѣмъ не знакомъ, не въ вашей власти? Развѣ вы не располагаете, относительно его, всѣмъ, что его окружаетъ? Развѣ вы не властны въ его ощущеніяхъ? Развѣ его занятія, игры, удовольствія, горести, — развѣ все это не въ вашихъ рукахъ? Конечно, онъ долженъ

---

[1]) Соч. Руссо, т. I. Эмиль, стр. 56.

дѣлать только то, что хочетъ; но онъ долженъ хотѣть только того, что вы хотите, чтобъ онъ дѣлалъ; онъ не долженъ ступить шага, котораго вы не предугадали бы, не долженъ открывать рта безъ того, чтобы вы не знали, что онъ скажетъ» [1]).

Такое рабство воспитанника не оканчивается съ его дѣтствомъ, а должно, по мнѣнію Руссо, продолжаться и далѣе.

«Слѣдуетъ ли предоставить (спрашиваетъ онъ) взрослаго юношу самому себѣ тогда именно, когда онъ наименѣе умѣетъ вести себя, и дѣлаетъ большіе промахи? Слѣдуетъ ли отказаться отъ моихъ правъ, когда для него всего важнѣе, чтобы я воспользовался ими? Ваши права! Кто велитъ вамъ отъ нихъ отказываться? Они только теперь начинаютъ существовать для него. До сихъ поръ вы ничего не добивались отъ него иначе, какъ хитростью или силою; авторитетъ, законы долга были ему незнакомы; чтобы заставить его вамъ повиноваться, нужно было или принуждать его, или обманывать. Но посмотрите, какимъ множествомъ новыхъ цѣпей вы опутали его сердце. Разумъ, дружба, благодарность, тысяча привязанностей говорятъ ему голосомъ, котораго не слыхать онъ не можетъ» [2]).

Чрезвычайно замѣчательны и чрезвычайно странны всѣ эти слова знаменитаго мыслителя: чтобы только поднять на недосягаемую высоту авторитетъ воспитателя, Руссо рекомендуетъ даже обманъ, ложь самую беззастѣнчивую. Такой совѣтъ можно бы назвать циническимъ, если бы онъ не былъ совершенно искреннимъ и... наивнымъ. Здѣсь Руссо, думая, что говоритъ о свободномъ развитіи человѣка, довелъ до ея конечныхъ результатовъ парадоксальную мысль XVIII столѣтія о природѣ человѣка, будто она не имѣетъ въ себѣ никакихъ задатковъ чего бы то ни было, никакихъ способностей и наклонностей, будто человѣкъ въ началѣ своей жизни подобенъ воску, и изъ него можно сдѣлать все, что угодно. Руссо думалъ, что можно изъять человѣка изъ условій жизни и рабски подчинить полному вліянію идеальнаго воспитателя. И этотъ предполагаемый идеальный воспитатель, и предполагаемый воспитанникъ Руссо, его Эмиль, — личности совершенно отвлеченныя и фантастическія, не живые люди, а разсудочныя грезы.

Къ чести великаго ума своего, Руссо порою самъ прозрѣвалъ, какъ-будто, фантастичность своей педагогической системы. Такъ, уже въ началѣ «Эмиля» онъ выражаетъ сомнѣніе въ полнотѣ власти воспитателя надъ дитятей:

«кто можетъ надѣяться (говоритъ онъ) вполнѣ управлять рѣчами и поступками всѣхъ людей, окружающихъ ребенка?» [3]).

Руссо сомнѣвается иной разъ и въ возможности изолировать дитя отъ общества, отъ окружающей жизни.

---

[1]) Тамъ же, стр. 95.
[2]) Тамъ же, стр. 285.
[3]) Тамъ же, стр. 2 и 3.

«Но куда же мы помѣстимъ этого ребенка? (спрашиваетъ онъ про своего предполагаемаго воспитанника) гдѣ воспитывать его такимъ образомъ, какъ нечувствительное существо, какъ автомата? На лунѣ, или на необитаемомъ островѣ? Можетъ ли онъ избѣгнуть встрѣчи съ другими дѣтьми его возраста? Развѣ онъ не будетъ видѣть своихъ родныхъ, сосѣдей, свою кормилицу, гувернантку, своего лакея, наконецъ своего воспитателя, который вѣдь не Ангелъ же?» [1]).

Послѣднія слова намекаютъ на сомнѣнія Руссо и въ томъ, что возможно найти требуемыхъ его системою идеальныхъ менторовъ, руководителей юношества:

«Чѣмъ больше думаешь о роли воспитателя (пишетъ онъ нѣсколько ранѣе), тѣмъ больше видишь въ ней новыхъ трудностей. Ему слѣдовало бы быть воспитаннымъ для своего ученика» [2]).

Для полноты характеристики педагогическихъ воззрѣній Руссо, слѣдуетъ еще указать на то, какъ онъ смотрѣлъ на воспитаніе женщины. Взглядъ его на женщину былъ (нельзя не признать этого) довольно низменный. Онъ думалъ, что дѣвушки непремѣнно

«льстивы, скрытны и съ раннихъ поръ умѣютъ маскироваться».

Онъ полагалъ, что

«изслѣдованіе отвлеченныхъ и умозрительныхъ истинъ, принциповъ, аксіомъ въ наукахъ, все, что клонится къ обобщенію идей, не подъ-стать женщинамъ; ихъ занятія должны всѣ касаться практической жизни; имъ предстоитъ дѣлать примѣненія началъ, открываемыхъ мужчиною, имъ слѣдуетъ дѣлать наблюденія, которыя приводятъ мужчину къ установленію этихъ принциповъ. Всѣ размышленія женщинъ, во всемъ, что не связано непосредственно съ ихъ обязанностями, должны быть направлены къ изученію людей или пріобрѣтенію пріятныхъ знаній, цѣль которыхъ — вкусъ; что же касается геніальныхъ трудовъ, то они недоступны имъ, у нихъ также нѣтъ достаточной трезвости ума и внимательности, чтобы успѣшно заниматься точными науками» [3])

Сообразно съ такимъ взглядомъ, Руссо находилъ, что дѣвушекъ нужно съ самаго начала пріучать къ стѣсненію, потому что

«онѣ всю жизнь будутъ подчинены самому непрестанному и самому строгому стѣсненію, стѣсненію приличій»;

ихъ надо пріучать къ покорности, — въ ней

«женщины нуждаются всю жизнь, потому что никогда не перестаютъ быть подчинены или мужчинѣ, или сужденіямъ мужчинъ, и имъ никогда не позволительно пренебрегать этими сужденіями» [4]).

Женщинѣ болѣе свойственно, думалъ Руссо, заботиться о хозяйствѣ, нежели заниматься наукою или литературою.

«Всякая ученая дѣвушка (замѣтилъ онъ) просидитъ въ дѣвушкахъ всю жизнь, когда мужчины поумнѣютъ на землѣ» [5]).

---

[1]) Соч. Руссо, т. I. Эмиль, стр. 61.
[2]) Тамъ же, стр. 15.
[3]) Тамъ же, стр. 346 и 359.
[4]) Тамъ же, стр. 346 и 347.
[5]) Тамъ же, стр. 387.

Педагогическія воззрѣнія, такъ опредѣленно и полно выразившіяся въ сочиненіяхъ Ж. Ж. Руссо, были совершенно въ духѣ XVIII столѣтія, и потому вліяніе этого рода идей Руссо было громадно и въ западной Европѣ, и затѣмъ у насъ.

Этимъ идеямъ сочувствовалъ и философскій геній вѣка — Вольтеръ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ это въ его повѣсти «Задигъ или судьба». Здѣсь къ герою произведенія, мудрецу Задигу, являются на судъ два мага, спорящіе о томъ, кому жениться на женщинѣ, сына которой каждый изъ нихъ присвоиваетъ себѣ. Сама женщина объявляетъ, что она выйдетъ замужъ за того, кто лучше воспитаетъ ея ребенка. Тогда одинъ изъ претендентовъ на ея руку говоритъ:

«Я научу его 8-ми частямъ рѣчи, діалектикѣ, астрологіи, демонологіи, разъясню ему, что такое случайность и сущность, абстрактное и конкретное, монады и предвѣчный порядокъ».

А другой на это возражаетъ:

«Я постараюсь сдѣлать его справедливымъ и достойнымъ имѣть друзей».

Задигъ отдаетъ предпочтеніе второму изъ маговъ; онъ говоритъ:

«Отецъ ты его (т. е. ребенка) или нѣтъ, но ты женишься на его матери».

Такимъ образомъ и Вольтеръ, какъ мы видимъ, воспитаніе поставилъ гораздо выше образованія. Приведенная повѣсть, «Задигъ», для насъ особенно интересна потому, что пользовалась у насъ на Руси славой и считалась даже весьма нравственной. Порошинъ, воспитатель Павла Петровича, самъ вовсе не вольтерьянецъ, находилъ полезнымъ читать ее съ великимъ княземъ.

Между крупными писателями нашей литературы, подчинившимися вліянію педагогическихъ идей вѣка, кромѣ императрицы Екатерины, можно назвать еще Фонвизина. Въ «Недорослѣ» знаменитый комикъ, противорѣча своимъ общимъ воззрѣніямъ, устами своего любимаго резонера-Стародума говоритъ:

«Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица... Прямую цѣну уму даетъ благонравіе; безъ него умный человѣкъ чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума» (IV д., 2-е явл.).

Въ другомъ мѣстѣ комедіи Стародумъ выражаетъ желаніе, чтобы

«при всѣхъ наукахъ не позабывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — благонравіе».

«Вѣрь мнѣ (говоритъ онъ въ началѣ 5-го акта), что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу».

Изъ области литературы идеи Локка, Руссо и другихъ мыслителей перешли у насъ, въ Россіи, и въ дѣйствительную жизнь, по волѣ, главнымъ образомъ, самой императрицы. — Воспитаніе дѣтей въ екатерининскую эпоху не было у насъ въ цвѣтущемъ состоя-

ніи. Было два главныхъ вида его: одни дворянскія дѣти воспитывались дома, по старинѣ, почти ничему не учились, или учились кое-какъ, иногда у своихъ крѣпостныхъ дядекъ. Другія дѣти возростали подъ руководствомъ иностранцевъ-учителей, или въ иностранныхъ пансіонахъ. Воспитаніе перваго рода давало обществу Фонвизинскихъ Митрофанушекъ, втораго рода — его-же Иванушекъ. Сознавая печальное положеніе педагогическаго дѣла, Екатерина задумала создать на Руси новое воспитаніе; это было еще въ началѣ ея царствованія. Она поручила Ив. Ив. Бецкому составить проэктъ воспитанія на новыхъ началахъ. Какъ результатъ такого распоряженія, появилось въ свѣтъ въ 1764 г. сочиненіе законодательнаго характера «Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества». На основаніи его и было открыто у насъ нѣсколько воспитательныхъ заведеній. Хотя это «Генеральное учрежденіе» и носитъ имя Бецкаго, какъ его автора, но самъ Бецкій говоритъ въ немъ, что выражаемыя въ книгѣ идеи суть идеи самой императрицы. Для насъ очевидно, что это мысли, прямо заимствованныя ею изъ педагогическихъ сочиненій XVIII столѣтія.

Книга Бецкаго такъ объясняетъ причины учрежденія новыхъ воспитательныхъ заведеній:

«Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще прямаго и добраго гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ».

«Генеральное учрежденіе» говоритъ:

«нужно образовать новую породу людей, или новыхъ отцовъ и матерей»,

такъ какъ старое общество испорчено. А чтобы достигнуть такой цѣли, надо принимать въ воспитательное заведеніе дѣтей по 5-му или 6-му году и держать взаперти до 18 или 20 лѣтъ. Дѣти должны воспитываться вполнѣ изолированными отъ общества, отъ жизни; они будутъ возрастать подъ руководствомъ приставленныхъ къ нимъ идеальныхъ воспитателей; даже съ своими родственниками они могутъ видѣться только въ опредѣленное время, да и то не иначе, какъ подъ надзоромъ воспитывающихъ лицъ,

«ибо неоспоримо (поучаетъ Генеральное учрежденіе), что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе внѣ и внутрь онаго (т. е. заведенія) весьма вредительно; а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей».

Въ приведенныхъ мысляхъ Бецкаго и императрицы Екатерины не трудно узнать всѣ главныя основы педагогическихъ взглядовъ XVIII вѣка: здѣсь и поставленіе воспитанія неизмѣримо выше образованія, и желаніе оторвать молодое поколѣніе отъ почвы, отъ общества, отъ семьи, разсудочное непониманіе исторіи и неуваженіе къ преемственности идей и къ семейному началу; здѣсь и на-

ивная увѣренность (которой, замѣтимъ, не было даже у самого Руссо), будто можно найти потребное число идеальныхъ воспитателей. Доводя всякую заимствованную мысль до крайнихъ граней ея развитія, мы, русскіе, и фантастическую мысль Руссо попробовали осуществить на практикѣ. Можетъ быть только недостатокъ денежныхъ средствъ не позволилъ произвести опыта въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, — не позволилъ открыть много заведеній по плану Бецкаго, по его «Генеральному учрежденію о воспитаніи обоего пола юношества».

Не должно думать, однако, что у насъ совершенно царили, покоривши насъ, педагогическія воззрѣнія XVIII столѣтія, мысли Локка, Руссо, Вольтера. Нѣтъ, онѣ встрѣтили противодѣйствіе. Это противодѣйствіе несомнѣнно видно въ педагогической дѣятельности Новикова и въ педагогическихъ статьяхъ его журналовъ послѣдняго періода его литературной жизни. И двѣ первоначальныя народныя школы, основанныя имъ въ концѣ 70-хъ годовъ въ Петербургѣ, и (главное) педагогическія сочиненія, которыя онъ печаталъ преимущественно въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ вѣдомостямъ» 1783 и 1784 годовъ отличаются не подражательнымъ, не заимствованнымъ, а самобытнымъ характеромъ.

Между упомянутыми сочиненіями первое мѣсто принадлежитъ, конечно, тому, которое носитъ названіе «О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія»; оно напечатано въ 1783 году; къ сожалѣнію, авторъ его неизвѣстенъ, быть можетъ — это самъ Новиковъ. Журналы Новикова, какъ извѣстно, имѣли большой успѣхъ, были распространены въ обществѣ и усердно читались. Вотъ почему мы вправѣ думать, что названное сочиненіе сослужило русскому обществу великую службу; оно сослужило эту службу тѣмъ, что подняло, властный умомъ и убѣжденностью, голосъ противъ мысли вѣка, будто воспитаніе должно стоять выше образованія. Русское сочиненіе признало ихъ равноправность; оно показало, что истинное воспитаніе должно опираться на образованіе ума и пріобрѣтеніе знаній.

«Въ натурѣ нашей основано (читаемъ мы въ этомъ сочиненіи), чтобы воля наша въ бо́льшей части случаевъ слѣдовала познаніямъ и предписаніямъ разума. Мы желаемъ того только, что представляемъ себѣ добромъ; если-жь иногда къ добру мы безпристрастны или ненавидимъ его, а зла желаемъ и ищемъ, то почитаемъ мы тогда добро зломъ, а зло добромъ. И такъ, чѣмъ справедливѣе мыслимъ мы и разсуждаемъ и чѣмъ удобнѣе и натуральнѣе сдѣлался для насъ сей образъ мыслить и разсуждать, тѣмъ справедливѣе будутъ опредѣленія нашей воли и происходящія отъ того желанія и отвращенія. Слѣдовательно, чѣмъ раньше обработывается и образуется умъ дитяти или юноши, тѣмъ бо́льшаго можно надѣяться успѣха въ разсужденіи образованія его сердца».

Въ этихъ словахъ заключается основная мысль, подробно развитая въ сочиненіи.

Что касается взгляда на значеніе воспитателя, то авторъ сочиненія «О воспитаніи и наставленіи дѣтей» и здѣсь, конечно, расходится съ Руссо. Вообще, не только въ этомъ произведеніи, но и въ другихъ педагогическихъ статьяхъ своихъ журналовъ, Новиковъ сводитъ воспитателя съ того пьедестала недосягаемой высоты, на который его поставили Локкъ и Руссо: взамѣнъ рабскаго повиновенія съ одной стороны, деспотизма съ другой, онъ устанавливаетъ между воспитанникомъ и его наставникомъ и руководителемъ нравственныя связи взаимной любви и взаимнаго уваженія. Новиковъ былъ чуждъ разсудочнаго возвеличенія единичной личности, былъ чуждъ и идеи «просвѣщеннаго деспотизма» [1]).

Разсмотрѣвъ цѣлый обширный рядъ разнообразныхъ произведеній литературы екатерининской эпохи, въ которыхъ выразилось скептическо-матерьялистическое направленіе, подведемъ въ немногихъ словахъ итоги сказаннаго.

Въ этихъ произведеніяхъ проявилось вліяніе и свѣтлой, истинной, и ложной, темной стороны философіи XVIII вѣка.

Скептицизмъ, какъ чистая стихія анализирующей мысли, скептицизмъ, очищенный отъ грубой примѣси матерьялизма, выразился, какъ мы видѣли, въ философскихъ воззрѣніяхъ «Покоящагося Трудолюбца», одного изъ главныхъ журналовъ Новикова, затѣмъ въ борьбѣ Новиковскихъ изданій съ фанатизмомъ и суевѣріями, въ ихъ отрицаніи и осужденіи тѣхъ тайныхъ наукъ (алхиміи, каббалистики, магіи и другихъ), которыми увлекались масоны, и наконецъ въ комедіяхъ императрицы Екатерины, гдѣ осуждается масонство.

Тѣ идеи философіи, которыя можно назвать «освободительными», сказались, во 1-хъ, въ «Наказѣ» Екатерины, — отмѣною пытки, смягченіемъ наказаній, предостереженіемъ отъ суевѣрныхъ преслѣдованій людей за колдовство и тому подобныя преступленія, и, во 2-хъ, въ педагогическихъ сочиненіяхъ, въ ихъ правилахъ гигіены, гуманнаго обращенія съ дѣтьми, въ ихъ совѣтахъ пріучать юношество «благоволительно» относиться къ людямъ низшихъ сословій.

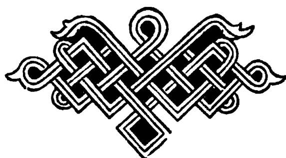
Вліянію темныхъ сторонъ философіи энциклопедистовъ подверглось, какъ мы видѣли, бо̀льшее число литературныхъ явленій. Такъ, грубый матерьялизмъ и цинизмъ мы замѣтили въ поэмахъ Вас. Майкова, Богдановича, въ цѣломъ рядѣ такъ называемыхъ «комическихъ оперъ», Аблесимова, Княжнина и другихъ авторовъ. —

[1]) Подробно о школахъ Новикова и педагогическихъ статьяхъ его журналовъ см. въ моей книгѣ: «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.» Спб. 1875 г. Стр. 262—269 и 325—348.

Въ тѣхъ же комическихъ операхъ, а также въ нѣкоторыхъ сатирическихъ журналахъ мы видѣли терпимость къ пороку, легкомысленно-веселый взглядъ на жизнь, примирительныя отношенія къ жизненной пошлости, къ злу, къ мрачной и тяжелой сторонѣ дѣйствительности (напр. къ крѣпостному праву).—Идея такъ-называемаго «просвѣщеннаго деспотизма», разсудочное преувеличеніе значенія личности, разсудочное отрицаніе исторической преемственности жизни сказались особенно сильно въ сочиненіяхъ императрицы Екатерины, въ ея «Наказѣ», въ ея трагедіяхъ, историческихъ запискахъ и педагогическихъ сочиненіяхъ, — въ послѣднихъ идея «просвѣщеннаго деспотизма» проявилась въ формѣ предпочтенія воспитанія образованію.

Но во всѣхъ исчисленныхъ произведеніяхъ нашей литературы, идеи Запада, усвоенныя нами и доведенныя (какъ это обыкновенно у насъ бываетъ, по широтѣ русской натуры, по ея серьезности и искренности) до крайнихъ граней своего развитія, отразились, однако, не рабски, т. е. не уничтожили, не закрыли народныхъ особенностей нашихъ писателей. И у Майкова, и у императрицы Екатерины, и въ журналахъ, и у авторовъ комическихъ оперъ мы замѣтили нѣчто самобытное, свое, нѣчто противорѣчащее наноснымъ вліяніямъ. Несомнѣнно, что наши писатели страстно и искренно увлекались чужими идеями, увлекались, можно сказать, до самозабвенія; но они, тѣмъ не менѣе, оставались людьми русскими. Освободительная философія XVIII вѣка, такъ сильно на насъ повліявшая, не подчинила насъ себѣ рабски, а была **пережита** нами; она вошла въ плоть и кровь нашу, причемъ мы не перестали, и никогда не переставали, быть самими собою, — и она (по-скольку въ ней было правды) обратилась потому въ одинъ изъ элементовъ многосторонней жизни русскаго общества, и для насъ теперь, для потомковъ людей переживших ее, она стала нашимъ историческимъ прошлымъ, нашимъ неотъемлемымъ наслѣдственнымъ достояніемъ.

А. Незеленовъ.



КАЛИГУЛА.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

А. Дюма-отца [1]).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

ХЕРЕЯ.
АКВИЛА.
АННІЙ.
САВИНІЙ.
ПРОТОГЕНЪ.
МЕССАЛИНА.
ОТПУЩЕННИКЪ.

Дѣйствіе въ Римѣ.

Атріумъ въ домѣ Хереи; кругомъ изображенія его предковъ; на лѣво отъ зрителей жертвенникъ домашнихъ боговъ. Въ глубинѣ дверь; двѣ двери по бокамъ.

СЦЕНА I.

Херея, его **отпущенникъ.**

ХЕРЕЯ.

Никто не приходилъ?

ОТПУЩЕННИКЪ.

Никто.

(Кланяется и хочетъ идти).

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XVI, стр. 525.

ХЕРЕЯ.

Подожди. Который теперь часъ?

ОТПУЩЕННИКЪ.

Третій на исходѣ.

ХЕРЕЯ.

Хорошо.

ОТПУЩЕННИКЪ.

Господину нужно что нибудь отъ меня?

ХЕРЕЯ.

Да. Мнѣ кажется, на тебя можно положиться. Я хочу дать тебѣ важное порученіе. Возьми повозку и съѣзди за рабомъ, котораго я купилъ сегодня вечеромъ на Форумѣ. Онъ оставленъ для меня отдѣльно отъ другихъ. Чтобы онъ не убѣжалъ — свяжи его. Поѣзжай съ нимъ не прямой дорогой, а дальними улицами. Пусть онъ не знаетъ куда его везутъ. Потомъ приведи ко мнѣ. Ты хорошо понялъ меня?

ОТПУЩЕННИКЪ.

Да, господинъ. Ты останешся доволенъ мною.

ХЕРЕЯ.

Можешъ идти... Послушай... Нѣтъ, ничего... Иди, не теряя времени и сдѣлай, какъ я приказывалъ.

(Отпущенникъ уходитъ).

СЦЕНА II.

Херея, преклоняется передъ жертвенникомъ, покрывая голову тогой.

Простите, боги, о простите мнѣ,
Что каждый разъ, когда я преклоняюсь
Съ молитвою предъ вашимъ алтаремъ —
Лицо скрываю я въ смущеньи тайномъ.
Мнѣ стыдно, я поднять не смѣю взора
На васъ, что предковъ видѣли моихъ,—
Мнѣ стыдно за позоръ родного Рима,
За свой позоръ!.. Годами молодъ я,
Но опытомъ богатъ, какъ старый воинъ:
Я видѣлъ блескъ послѣднихъ славныхъ дѣлъ
Германика и вѣчно помнить буду,
Что сдѣлалъ самъ великій вождь меня

Центуріономъ... Передъ вами, боги,
Открыта тайна помысловъ моихъ:
Вы знаете, зачѣмъ я притворяюсь
Изнѣженнымъ гулякою, зачѣмъ
Ношу я хитрости постыдной маску;
И если вамъ души моей печаль
Доступна хоть немного—пожалѣйте
Раба невольной и печальной роли!
Да, тяжело суровому солдату
Разыгрывать шута и расточать
Пустыя фразы языкомъ Тибула,
Овидія; да, тяжело сносить
Любовь позора Рима — Мессалины
И цезарю безумному служить!..
Я самъ себѣ порою ненавистенъ
За жалкое притворство, но свершить
Свой замыселъ я не могу иначе.
Въ былые времена великій Брутъ
Открыто дѣйствовалъ: среди сената
Его кинжалъ отмстилъ за униженье
Святой свободы; онъ увѣренъ былъ
Въ своихъ друзьяхъ... Но въ наши дни солдаты,
Сенаторы и граждане живутъ
Для одного лишь только — для доносовъ;
И сердце вѣрное теперь искать
Приходится въ груди раба...
О, боги!
Исполните задуманное мной:
Я въ этомъ сынѣ Галліи далекой
Нашелъ тѣ доблести, какихъ напрасно
Искалъ у выродковъ страны родной:
Его душѣ невѣдома измѣна,
Онъ пѣсней не откликнется на плачъ
Своей отчизны...
(Прислушиваясь).
Голосъ Протогена...
Зачѣмъ пришелъ онъ—цезаря палачъ?..

СЦЕНА III.

Херея, Протогенъ, Анній, Сабиній, два ликтора.

ПРОТОГЕНЪ, подходя одинъ.

Привѣтствую тебя, трибунъ. Вотъ двое юношей, въ которыхъ цезарь видитъ будущихъ вредныхъ гражданъ. Они были схвачены

съ оружіемъ въ рукахъ въ то время, когда возмущали чернь ложными рѣчами. Они кричали плебеямъ: «въ жилищахъ нѣтъ хлѣба, вы умрете съ голоду». Къ счастію, народъ понялъ ихъ лукавство и самъ отдалъ ихъ въ руки правосудія. Божественный цезарь повелѣлъ, прежде казни, допросить, нѣтъ ли у нихъ сообщниковъ, не развратили ли они своими вредными идеями другихъ. Онъ знаетъ твою преданность и, поручая тебѣ это дѣло, разсчитываетъ на тебя.

ХЕРЕЯ, про себя.

Не подозрѣваетъ ли онъ меня?..

ПРОТОГЕНЪ, арестованнымъ.

Приблизьтесь...

(Къ Хереѣ).

Я распорядился поставить у дверей стражу на случай, если тебѣ она понадобится при допросѣ. Я самъ также останусь тамъ и буду ждать, не дашь ли ты мнѣ какихъ нибудь приказаній.

(Уходитъ съ ликторами).

ХЕРЕЯ, проводивъ Протогена къ дверямъ, про себя.

Тебя я понимаю хорошо:
Подслушивать мои слова ты будешь
И жесты наблюдать. Презрѣнный рабъ
Калигулы! повѣрь, что я съумѣю
Отъ васъ обоихъ тайну думъ моихъ
Въ душѣ похоронить.

(Обращаясь къ арестованнымъ и узнавъ ихъ).

Сабиній! Анній!

АННІЙ.

Я думалъ, что Херея на войнѣ
Прославился; но вижу я, иную
Онъ ищетъ славу въ мирные года
И должность сыщика охотно правитъ.

ХЕРЕЯ.

Какую бы не правилъ должность я —
Поставлю смѣло честь свою порукой:
Не постыдитъ солдата гражданинъ.

АННІЙ.

Кто-жъ доблестнѣй изъ нихъ въ подобной роли?

ХЕРЕЯ.

Намъ роли предназначены судьбой
Пусть при своей и остается каждый;
Пока судьба не перемѣнитъ ихъ,
Я долженъ васъ допрашивать.

АННІЙ.

Клянуся
Юпитеромъ! ты правъ; и отвѣчать
Я буду смѣло.

ХЕРЕЯ, дѣлаетъ имъ знакъ садиться и садится самъ.

Хорошо. Скажи мнѣ:
Какой злой геній подтолкнулъ тебя,
Потомка предковъ славныхъ и великихъ,
Стать въ рядъ мятежниковъ?

АННІЙ.

Трибунъ, я вспомнилъ,
Что вмѣстѣ съ Брутомъ при Филиппахъ палъ
Одинъ изъ тѣхъ, чье доблестное имя
Досталось мнѣ въ наслѣдіе.

ХЕРЕЯ, Собинію.

А ты?
Что завлекло тебя на путь опасный?

САВИНІЙ, играя золотою цѣпью.

Меня?

ХЕРЕЯ.

Молчишь ты?

АННІЙ.

Отвѣчай-же, братъ.

САВИНІЙ.

Сказать по правдѣ, я хотѣлъ развлечься.
Судьба меня дразнила въ эти дни:
Мой лучшій другъ, Лепидъ, внезапно умеръ;
Съ отчаянья я бросился играть
И проигрался; чтобъ забыть потерю
Къ любовницѣ пошелъ я—и узналъ,
Что съ гладіаторомъ она сбѣжала...
Убитый горемъ, я бродилъ по Риму

И вдругъ попалъ въ шумящую толпу:
Она стремилась въ яростномъ волненьи,
Я слышалъ крикъ: «Смерть цезарю!» и самъ
Кричать я началъ что-то въ этомъ родѣ,
И тутъ схватили ликторы меня...

ХЕРЕЯ.

Безумные, какъ вы не разсчитали,
Что, тѣшась противъ цезаря игрой,
Рискуете вы оба головами?

АННІЙ.

Что-жъ, цезарь выигралъ — и пусть беретъ
Онъ нашу жизнь: объ этомъ мы не споримъ.

ХЕРЕЯ.

Но вы играли, вѣрно, не одни:
Сообщниковъ своихъ мнѣ назовите?

АННІЙ.

Сообщниковъ, трибунъ! Что до меня —
Я долго думалъ, что имѣю въ Римѣ
Я одного сообщника: теперь
Надежда на него внезапно скрылась,
Какъ свѣтъ, на мигъ мелькнувшій въ тьмѣ ночной,
И ночь вокругъ еще мрачнѣе стала...
Сообщникъ тотъ, въ минувшіе года,
Въ рядахъ полковъ Германика сражался
И былъ почтенъ отличьемъ отъ вождя;
Но позабылъ онъ лавры прежней славы,
Онъ ихъ вѣнками оргій замѣнилъ,
Онъ дни теперь проводитъ съ куртизанкой;
И лишь порой, покинувши ее,
Приходитъ рабски цѣловать ту руку,
Которая для насъ сковала цѣпь...
Трибунъ, скажи; объ этомъ человѣкѣ
Ты не слыхалъ, его не знаешь ты?

ХЕРЕЯ.

Не знаю.

АННІЙ.

Хорошо... Что съ нами сдѣлать
Намѣренъ Цезарь?

ХЕРЕЯ.

Васъ сведутъ въ тюрьму:
Тамъ будете вы ждать его рѣшенья.

САБИНІЙ.

Трибунъ, коль въ милосердіи своемъ
Властитель насъ велитъ подвергнуть пыткѣ,
То попроси, чтобъ палачамъ приказъ
Онъ далъ не портить пыткой наши лица:
Мнѣ не хотѣлось бы, придя въ Аидъ,
Перепугать богиню Прозерпину.
Прощай...

(Анній и Сабиній уходятъ).

СЦЕНА IV.

Херея, одинъ.

Прощайте, смѣлые борцы
Свободы гибнущей. Въ ночи безумья,
Которую переживаетъ Римъ,
Вы искрами послѣдними блестите
И гаснете безвременно. Стремясь
Въ порывѣ пылкомъ къ благородной цѣли,
Вы не умѣете ее достичь,
Но умирать умѣете вы честно...
Увы, я съ вами мыслью и душой —
И не могу я вырвать васъ у смерти!
О, если бы надѣяться я смѣлъ,
Что въ грязной ямѣ общаго растлѣнья
Найдется золото такихъ сердецъ,
Какъ ваши юные сердца — повѣрьте,
Я сталъ бы ихъ искать и, можетъ быть,
На казнь идти рѣшился вмѣстѣ съ вами.
Но мы живемъ въ такія времена,
Когда безплодна за свободу гибель
Отдѣльныхъ жертвъ: не тронетъ никого
Теперь святой порывъ великодушья;
Вотъ отчего, внимая вашъ укоръ,
Я не иду на встрѣчу смерти честной:
Я остаюсь, чтобы отмстить за васъ!

СЦЕНА V.

Херея, отпущенникъ, Аквила, съ связанными руками.

ОТПУЩЕННИКЪ.

Господинъ, я привелъ раба.

ХЕРЕЯ.

Хорошо. Оставь его и присмотри, чтобы сюда никто не входилъ.

ОТПУЩЕННИКЪ.

Положись на меня.

(Уходитъ).

АКВИЛА, которому Херея развязываетъ руки.

Скажи, кто ты?

ХЕРЕЯ.

Хозяинъ твой иль другъ.

АКВИЛА.

А, если такъ, то буду откровенно
Я говорить съ тобою.

ХЕРЕЯ.

Говори.

АКВИЛА.

Игрушка случая иль преступленья,
Я сталъ твоимъ рабомъ, хоть всѣ права
Я гражданина римскаго имѣю.
Я былъ захваченъ, оскорбленъ: меня
Веревкою позорною связали,
Какъ бѣглаго. При свѣтѣ дня, въ глазахъ
У претора, я отведенъ на Форумъ
И проданъ я тебѣ. А между тѣмъ —
Я былъ свободенъ!.. Да, свободенъ я,
Клянусь богами Галліи далекой, —
Свободенъ, какъ орелъ альпійскихъ скалъ!
Тебѣ нѣтъ дѣла до того, чѣмъ былъ я,
Какъ приведенъ я къ участи моей
Гоненіемъ судьбы. Тобой на рынкѣ
За деньги купленный, я — вѣщь твоя,
Я рабъ, собака...

ХЕРЕЯ.

Да, я твой хозяинъ:
Мои права опредѣлилъ законъ.

АКВИЛА.

Я знаю ихъ. По прихоти ты можешь
Меня ударить, заковать, казнить.
Ты можешь осудить меня на пытку,
Желѣзомъ грудь мою избороздить,
На лбу моемъ увѣковѣчить рабство
Клеймомъ ужаснымъ: вотъ твои права!
Ты видишь: я безтрепетно измѣрилъ
Могущество твое и мой позоръ.
Но ты въ одномъ не властенъ надо мною:
Заставить жить меня не можешь ты,
Когда я съ жизнью захочу разстаться.
Да, правомъ смерти я съ тобою равенъ —
И потому я буду говорить,
Какъ гражданинъ свободный съ гражданиномъ.

ХЕРЕЯ.

Я слушаю тебя.

АКВИЛА.

Ты можешь взять
Съ меня, какъ съ плѣнника, богатый выкупъ,
По договору сдѣлаемъ обмѣнъ.
Я плату дамъ, а ты мнѣ дашь свободу.
Послушай: если золота ты хочешь,
То золота довольно у меня...
Увы, и тамъ, въ моей отчизнѣ дальней,
Какъ въ вашемъ Римѣ, роковой металлъ
Теперь властнѣе честнаго желѣза!..
Возьми что хочешь: будемъ мы считать
Талантами; назначь за выкупъ цѣну,
Какъ Персіи властительный сатрапъ.

ХЕРЕЯ.

Благодарю: я къ золоту не алченъ.

АКВИЛА.

А, понимаю; воинъ ты въ душѣ
И для тебя дары иные нужны:
Я десять лучшихъ дамъ тебѣ коней;
Они легки и быстры, будто вѣтеръ

Пустынь Аравіи—отчизны ихъ;
Онѣ изъ той породы благородной,
Которую великій Аннибалъ
Оставилъ въ Галліи, въ былое время,
Моимъ отцамъ въ подарокъ дорогой.

ХЕРЕЯ.

Нѣтъ, мнѣ иное нужно.

АКВИЛА.

Ты не хочешь
За выкупъ мой ни денегъ, ни коней, —
Своей душою нѣжной ты желаешь,
Чтобъ я украсилъ дорогой уборъ
Любовницы твоей? О, много, много
Я дамъ тебѣ рубиновъ и гранатъ,
Для діадемъ и ожерелій дивныхъ.
Въ богатыхъ рудникахъ моей земли
Есть рудокопы, что искать умѣютъ
Карбункулъ, ярко блещущій во тьмѣ.
Я прикажу искуснымъ водолазамъ
Проникнуть моря глубину и тамъ
Достать и жемчугъ чудный, и кораллы
Для той, кого ты сердцемъ полюбилъ!

ХЕРЕЯ.

И золото, и всѣ свои богатства
Оставь себѣ. Я не того хочу.

АКВИЛА.

Чего-же? Выскажи твои желанья.

ХЕРЕЯ.

Я знаю: каждый благородный Галлъ,
Утратившій свободу, покоренный,
Не можетъ укротить въ душѣ своей
Порыва пылкаго къ минувшей волѣ;
Какъ дикій конь, грызетъ онъ удила,
Скрывая рабства горькую досаду,
И жаждетъ разорвать позорный плѣнъ.
Но, вѣрь мнѣ, есть и среди гражданъ Рима
Такіе люди, что свободу чтутъ,
Какъ божество, и ненавидятъ цѣпи.
Пусть ты не римлянинъ; твоя судьба
И родина иныя, но душою

Отважною ты можешь понимать
Тѣхъ, кто, какъ ты, свободы ищетъ жадно
И за нее готовъ вступить въ борьбу.
Такъ слушай-же: одинъ изъ римскихъ гражданъ
Замыслилъ дѣло тайное въ душѣ:
Купивъ на Форумѣ раба изъ галловъ,
Онъ предложилъ довѣрчиво ему,
Какъ другу, раздѣлить великій подвигъ
Освобожденья Галліи и Рима;
Богами въ этой мысли утвержденъ,
Онъ думалъ такъ: его сообщникъ храбрый
Избѣгнуть жалкой участи раба
Одной измѣной можетъ или смертью;
Но заключивъ съ хозяиномъ союзъ,
Добудетъ честно онъ себѣ свободу
И родинѣ униженной своей;
А если подвигъ славный не удастся,
То онъ умретъ не жалкимъ бѣглецомъ—
Умретъ героемъ за свою отчизну...
Ты понялъ?

АКВИЛА.

Да... И можетъ указать
Тотъ римскій гражданинъ, какія средства
Имѣетъ онъ для замысловъ своихъ?

ХЕРЕЯ.

Обычныя, испытанныя средства
Всѣхъ заговорщиковъ: кинжалъ и мечъ.

АКВИЛА.

Но кто жъ отъ нихъ погибнуть долженъ?

ХЕРЕЯ.

Цезарь.

АКВИЛА.

Ты видѣлъ, я безъ трепета внималъ,
Когда передо мной разоблачалъ ты
Отважный замыселъ души своей.
Я самъ не разъ, мечтая о свободѣ
Моей отчизны, былъ готовъ пойти
На роковое дѣло смѣлой мести;
И еслибы пять дней тому назадъ,
Когда я прибылъ въ Римъ, подобный подвигъ

Капитолій въ Римѣ.

Мнѣ предложилъ бы кто нибудь, какъ ты,
Я, не колеблясь, протянулъ бы руку
Ему въ отвѣтъ. Но случай измѣнилъ
Мои намѣренья: недавно цезарь
Былъ гостемъ въ домѣ матери моей
И пилъ со мной гостепріимства чашу;
Не обольщенъ я милостью такой,
Но я привѣтствовалъ его, какъ гостя, —
А гость, случайный даже, для меня
Священенъ. Цезарю я другъ отнынѣ.

ХЕРЕЯ.

Я высказалъ тебѣ, какой цѣной
Ты можешь выкупить свою свободу.

АКВИЛА.

Пусть лучше я умру твоимъ рабомъ.

ХЕРЕЯ.

Ты обвинялъ свою судьбу; но, вижу,
Ея удары для тебя легки:
Въ своемъ несчастіи ты не лишился·
Ни родины, ни матери, ни той,
Кого любилъ.

АКВИЛА.

Трибунъ, ты судишь ложно!
Съ свободой вмѣстѣ все я потерялъ:
И родину, и милый отчій кровъ,
И мать любимую, что въ тяжкомъ горѣ
О бѣдномъ сынѣ будетъ изнывать
И кончитъ жизнь старухой одинокой;
Я потерялъ и ту, кто для меня
Дороже счастія — мою невѣсту!..
Прекрасное и кроткое дитя, —
Она меня душой любила нѣжной...
Зачѣмъ я не погибъ въ тотъ страшный часъ,
Когда ее со мною разлучили!..
О, три любви священныхъ я имѣлъ,
Какъ три сокровища, и ихъ утратилъ!
И никогда мнѣ ихъ не возвратить,
Коль не найду четвертое — свободу!

ХЕРЕЯ.

Такъ слушай же: я возвращу тебѣ
Свободу и любимую невѣсту,

Отторгнутую отъ груди твоей,
И съ нею мать и милую отчизну,
Спасенную тобой отъ ига рабства —
Все возвращу я это, но съ условьемъ:
Возьми кинжалъ и цезаря убей!

АКВИЛА.

Да охранятъ его благіе боги!

ХЕРЕЯ.

Подумай, галлъ. Въ безуміи своемъ
Ты не боишься развѣ, что открывши
Свой смѣлый замыселъ передъ тобой,
Разбить я долженъ буду поневолѣ
Сосудъ, въ который тайну я вложилъ.
О жизни цезаря боговъ ты молишь:
Молися о своей, несчастный рабъ!

АКВИЛА.

Ты господинъ мой, я принадлежу
Тебѣ вполнѣ: убей меня, коль хочешь.

СЦЕНА VI.

Тѣ-же, отпущенникъ, потомъ **Мессалина.**

ОТПУЩЕННИКЪ.

Та, кого всегда сопровождаетъ нубійскій рабъ, желаетъ видѣть тебя.

ХЕРЕЯ.

Я жду ее.

(Отпущенникъ уходитъ).

А ты войди туда
И дожидайся. Скоро ты узнаешь,
Что я рѣшу.

Аквила уходитъ въ среднюю дверь. Входитъ Мессалина подъ покрываломъ; Херея встрѣчаетъ ее).

Привѣтствую красу,
Сокрытую ревнивымъ покрываломъ!
Подобная божественной Фебеѣ,
Что всходитъ тихо на небѣ ночномъ,
Она своимъ чарующимъ сіяньемъ
Мой непривѣтный озаряетъ домъ.

(Приподнимаетъ ей покрывало).

Позволитъ ли она любви дыханьемъ,
Хотя на мигъ, то облако согнать,
Что красоту небесную скрываетъ?
Позволитъ ли взглянуть на тѣ черты,
Которыя такъ ослѣпляютъ взоры,
Что смертному, увидившему ихъ,
Завидовать готовы сами боги!

МЕССАЛИНА.

Позволитъ ли?.. О, да, мой вѣрный другъ!
Но только нынче грустная Фебея
Не принесетъ лучъ счастія съ собой:
Порою ночь темна и неспокойна,
И мрачный ужасъ гонитъ сны любви...

ХЕРЕЯ.

Но чѣмъ моя встревожена царица?
Народнымъ мятежемъ?.. Вѣдь онъ утихъ.

МЕССАЛИНА.

Я знаю. Нѣтъ, не то меня печалитъ.
Порывъ свободы буйный укрощенъ
И двое молодыхъ ея борцовъ
Захвачены. Богамъ, грозившимъ Риму,
Принесена спасительная жертва,
Ихъ гнѣвъ прошелъ, и съ хлѣбомъ корабли
Стремятся въ гавань за попутнымъ вѣтромъ.
Но вслѣдъ опасностямъ минувшимъ вдругъ
Явились новыя, и я, Херея,
Пришла о нихъ предупредить тебя.
Въ тотъ мигъ, когда, казалось, все готово
Для тайной мести, все согласно шло
Съ желаньями твоими и моими
И умыселъ нашъ смѣлый созрѣвалъ,—
Внезапная явилася случайность,
Благодаря которой, можетъ быть,
Избѣгнетъ цезарь ненависти нашей.

ХЕРЕЯ.

Ты говоришь... но развѣ что нибудь
Подозрѣваетъ онъ?..

МЕССАЛИНА.

О, нѣтъ, навѣрно
Калигула не знаетъ ничего.

ХЕРЕЯ.

А если такъ, чего же намъ бояться?
Твоя любовь притворная къ нему —
Полезная, хоть тяжкая для сердца
Необходимость — во дворецъ всегда
Указывала вѣрную дорогу
Всѣмъ нашимъ замысламъ... Что-жь, развѣ ты
Для цезаря не та же Мессалина?

МЕССАЛИНА.

Да, вѣрный другъ, не дальше, какъ вчера,
Считалось это имя талисманомъ,
Всѣ двери открывавшимъ во дворцѣ, —
Теперь не то, теперь другое имя
Для стражи повелительно звучитъ.

ХЕРЕЯ.

Что хочешь ты сказать?..

МЕССАЛИНА.

А то, что цезарь
Ко мнѣ перемѣнился и другой
Любовью увлеченъ: она всевластно
Царитъ надъ нимъ.

ХЕРЕЯ.

Но кто же та, кого
Бросаетъ рокъ нежданною преградой
Для нашихъ тайныхъ замысловъ?

МЕССАЛИНА.

Дитя
Въ шестнадцать лѣтъ. Ее своей сестрою
Зоветъ Калигула. Дня три назадъ
Она вернулась въ Байю изъ Нарбонны:
Ее привезъ какой-то юный галлъ;
Его зовутъ Аквилою... Ты видишь,
Тутъ заговоръ ужасный противъ насъ
И мы его должны разрушить...

АКВИЛА, у двери.

Боги!
Что говоритъ она? Иль это сонъ?

МЕССАЛИНА.

По приказанью цезаря, насильемъ
Похищена у матери она

И въ Палатинъ къ нему приведена
Сегодня утромъ, не смотря на слезы
И горькія мольбы. Скрываетъ цезарь
Ее отъ всѣхъ, подъ стражей, во дворцѣ
И нынче вечеромъ...

АКВИЛА, порывисто бросаясь къ Хереѣ.

Клянуся Стиксомъ!
Ты говорилъ, что цезаря убить
Желаешь ты, что ищешь человѣка,
Готоваго убійство то свершить —
Онъ предъ тобой!

МЕССАЛИНА.

Ты насъ подслушалъ?..

АКВИЛА.

Да.

ХЕРЕЯ.

Такъ ты согласенъ?

АКВИЛА.

О, скорѣй, сейчасъ-же!
Пусть гибнетъ цезарь отъ моей руки.
Трибунъ, я умоляю: дай оружье,
Кинжалъ иль мечъ — что хочешь ты...

ХЕРЕЯ.

Постой:
Откуда эта странная рѣшимость
И ненависть?

АКВИЛА.

Ужель не понялъ ты?
Вѣдь Цезаря сестра — моя невѣста,
Моя любовь похищенная — Стелла,
Вѣдь я зовусь Аквилою и въ Римъ
Привезъ ее, невинную голубку,
Что къ злому ястребу попалась въ когти!
Онъ сгубитъ жертву... О, скорѣй, скорѣй
Давай кинжалъ... Ее спасти я долженъ!..
Я жду, трибунъ...

ХЕРЕЯ.

Но ты увѣренъ, галлъ,
Въ любви своей невѣсты?

АКВИЛА.

О, проклятье!
Увѣренъ ли я въ этомъ...

МЕССАЛИНА.

Хорошо.
Идемъ со мной: къ ней проведу тебя я,
Исполнятся желанія твои.

АКВИЛА, бросаясь на колѣни.

Ты это сдѣлаешь?.. О, сдѣлай, сдѣлай —
Тебя считать я буду божествомъ,
Я поклонюсь тебѣ...

МЕССАЛИНА, увлекая его.

Идемъ!

АКВИЛА.

Идемъ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

КАЛИГУЛА.
АКВИЛА.
СТЕЛЛА.
ЮНІЯ.
МЕССАЛИНА.
ЖРЕЦЫ.
ЛИКТОРЫ.

Дѣйствіе въ Римѣ.

Спальня. Въ глубинѣ комнаты кровать; двѣ боковыя двери; направо окно; въ головахъ кровати большой канделябръ. Потолокъ комнаты поддерживается колоннами дорическаго ордена.

СЦЕНА I.

СТЕЛЛА, одна, на колѣняхъ, возлѣ кровати, окутанная краснымъ плащемъ; она прислушивается съ напряженіемъ

Что тамъ... какъ будто шумъ за этой дверью?..
Идутъ... сюда?.. О, Боже, я умру,
Но чистою останусь... Нѣтъ... все тихо...
Создатель Милосердый! окажи
Твою великую, святую помощь —
Спаси меня, спаси!.. Во дни былые
Взывали дѣвы къ ложнымъ божествамъ,
И тѣ внимали имъ. Когда Діану
Молила Дафна охранить ее
Отъ нечестивой ласки Аполлона, —
Богиня дѣву обратила въ лавръ,
Древесною корой ее одѣла,
Какъ будто цѣломудренной броней...
И юная Сиринкса, убѣгая
Отъ Пана сладострастнаго, въ слезахъ
Просила помощи у нимфъ — и сестры

Услышали ее, и разлилась
Она ручьемъ, съ журчаньемъ волнъ прозрачныхъ
Смѣшавъ послѣдній стонъ своихъ молитвъ...
О, если боги ложные невинность
Могли спасать — я вѣрую всѣмъ сердцамъ,
Ты, истинный и всемогущій Богъ,
Хранитель слабыхъ, не отдашъ меня
На жертву злу... Не Ты-ль на водахъ Нила
Услышалъ Моисея слабый крикъ?
Не Ты-ли спасъ средь печи раскаленной
Трехъ отроковъ и укротилъ вкругъ нихъ
Дыханье пламени? Не Твой-ли ангелъ
Хранилъ во рву пророка Даніила
Отъ страшной пасти разъяренныхъ львовъ?
И нынѣ я къ Тебѣ взываю, Боже!
Спаси меня!.. Я не за жизнь свою
Молю тебя — ты сердце дѣвы видишь —
Я трепещу...

(Прислушиваясь):

А, слышенъ шумъ... шаги?..
Идутъ... идутъ... То цезарь!..

(Бросается съ простертыми руками къ окну):

Всемогущій!
Пошли мнѣ смерть... я умереть хочу!
Смерть отъ безчестія меня избавитъ...
О, мать моя! прощай, прощай, прощай...
Будь милосердъ ко мнѣ, Создатель!..

СЦЕНА II.

Аквила, Стелла.

АКВИЛА, **появляясь въ дверяхъ.**

Стелла!

СТЕЛЛА, **бросаясь къ нему.**

Аквила... ты?!

АКВИЛА.

Голубка дорогая!

СТЕЛЛА, **упавъ на колѣни.**

Господь, Спаситель мой! услышалъ ты
Мою молитву: скорбь несчастной дѣвы

Ты чудомъ въ радость счастья обратилъ:
О, будь Твое благословенно имя!
(Поднявшись):
А гдѣ-же мать, Аквила?

АКВИЛА.

Не тревожься:
Ее найдемъ мы, Стелла... Но бѣжать
Намъ нужно прежде изъ дворца, отсюда...

СТЕЛЛА.

Бѣжать? Ты думаешь возможно это?

АКВИЛА.

О, я надѣюсь... Женщина одна,
Исполнясь жалости къ моимъ страданьямъ,
Дорогой тайной провела меня
Сюда, къ тебѣ... Мы съ нею-же, навѣрно,
Отсюда выйдемъ, скроемся...

СТЕЛЛА.

Куда?

АКВИЛА.

Куда-бы ни было... но дальше, дальше
Отъ цезаря! Пусть ляжетъ океанъ,
Пусть выси Альпъ воздвигнутся межъ нами
И этимъ человѣкомъ!.. О, бѣжимъ,
Бѣжимъ скорѣй!.. Иди за мною слѣдомъ...
(Увлекаетъ Стеллу къ двери и пробуетъ отворить).
Проклятье!.. Эта дверь...

СТЕЛЛА.

Что?.. заперта?

АКВИЛА.

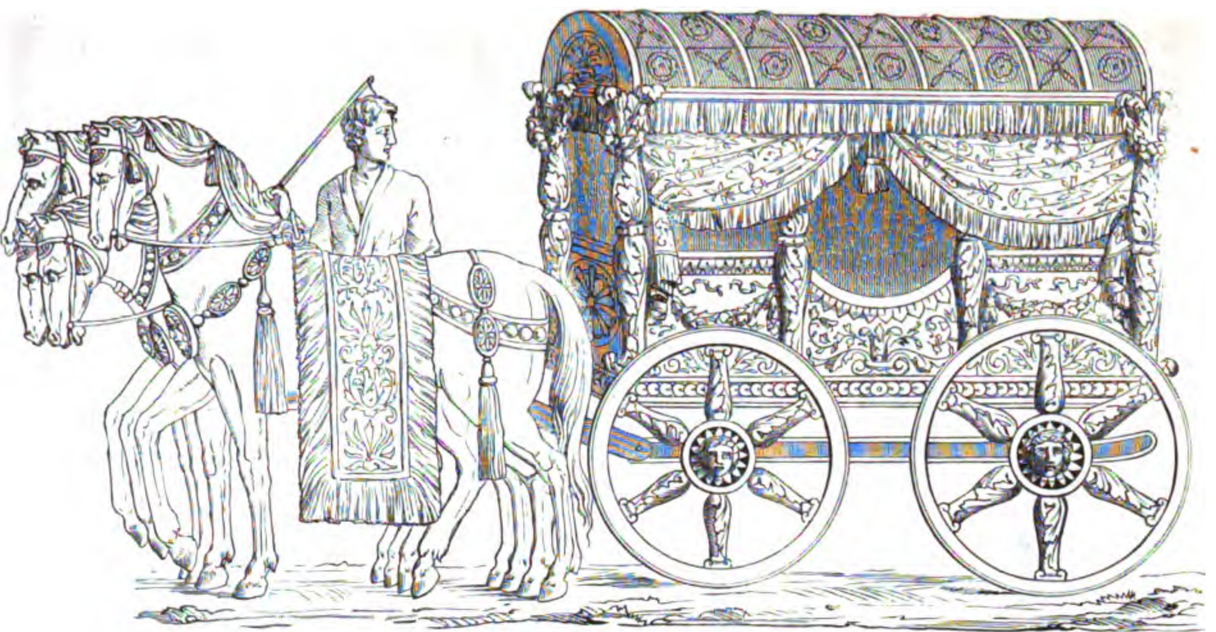
Да... видишь... видишь — вотъ!..

СТЕЛЛА.

Быть можетъ трудно
Ее открыть, но все таки она
Отворится?..

АКВИЛА.

Напрасны всѣ усилья!



Римская повозка для путешествій.

СТЕЛЛА.

Кто-жъ запереть ее нежданно могъ?..

АКВИЛА.

Меня замѣтили... и, вѣрно, цезарь...

СТЕЛЛА.

О, замолчи!.. Мой ужасъ и печаль
Удваиваешь ты...

АКВИЛА.

Теперь насъ вмѣстѣ
Захватятъ здѣсь... мы въ адской западнѣ —
И у меня оружья нѣтъ!

СТЕЛЛА.

Не будемъ
Отчаяваться, другъ мой...

АКВИЛА.

Погоди:
Тамъ дверь другая?..
(Пробуетъ отворить ее).
Заперта и эта!
Ужель отсюда выхода намъ нѣтъ?
А, вотъ окно... уйдти въ окно мы можемъ...

СТЕЛЛА.

Тамъ стража на дворѣ.

АКВИЛА.

О, палачи!..
Проклятіе на насъ отяготѣло,
Проклятіе небесъ!.. Надежды нѣтъ.

СТЕЛЛА.

Аквила... братъ мой...

АКВИЛА.

Горькое мученье...
Что дѣлать намъ... что дѣлать?.. мы погибли!

СТЕЛЛА.

Я думала, что тверже ты душою
И близость смерти не страшитъ тебя.

АКВИЛА.

О, еслибъ я боялся только смерти!
Но увидать тебя въ его рукахъ,
Въ рукахъ злодѣя цезаря...

СТЕЛЛА.

Послушай:
Чтобъ женщину безсильную убить—
Оружіе не нужно: ты руками
Меня задушишь.

АКВИЛА.

Что сказала ты?!..

СТЕЛЛА.

Да, поклянись мнѣ...

АКВИЛА.

Стелла!..

СТЕЛЛА.

Поклянись мнѣ,
Что въ то мгновенье, когда войдетъ
Калигула...

АКВИЛА.

Довольно... умоляю...

СТЕЛЛА.

Аквила, если любишь ты меня,
То смерть мою ты предпочтешь безчестью.

АКВИЛА.

О, перестань...

СТЕЛЛА.

Смерть отъ твоей руки
Мнѣ будетъ счастіемъ. Ты самъ, навѣрно,
Такъ думаешь.

АКВИЛА.

Безумная мечта!

СТЕЛЛА.

Но средства нѣтъ инаго, вѣрь, Аквила;
Я умереть должна и я... умру!

АКВИЛА.

Не говори, не говори мнѣ это...
Прошу тебя я...

СТЕЛЛА.

Всемогущій Богъ!
Дай силу твердую ему въ несчастьи,
Дай силу мнѣ... изнемогаю я...
Одно, одно осталось...

(Рыдаетъ).

Умереть...
О, Боже, умереть...

АКВИЛА, приподнимая ея голову.

Да, Стелла, правду
Ты говоришь: одно осталось намъ —
И мы умремъ, когда нашъ часъ настанетъ!
Но прежде... прежде...

СТЕЛЛА.

Что задумалъ ты?
Твой взоръ меня пугаетъ...

АКВИЛА.

О, послушай,
Моя голубка: смерть для насъ близка, —
Такъ пусть мгновенья жизни остальныя
Блеснутъ намъ счастьемъ...

(Обнимаетъ ее).

Если ты меня
Любила свѣтлой, дѣвственной любовью,
И боги сердце чистое твое
Благословили — дай ему извѣдать
Супружескую, страстную любовь!
Хоть мигъ одинъ похитимъ мы у смерти
Для брачныхъ ласкъ — одинъ блаженный мигъ...
Моя супруга дорогая, Стелла,
Мы умереть должны... Теперь для насъ
Исчезло все: людскія осужденья,
Обычая уставы — и одно
Намъ дорого, одно: минута счастья,
Послѣдняя и краткая минута!
О, насладимся-жъ ею и затѣмъ
Пусть ночь ничтожества сойдетъ надъ нами!

СТЕЛЛА, освобождаясь изъ его объятій.

Несчастный! въ заблужденіи слѣпомъ,
Не знаешь ты: за этой страшной ночью,

Что ты зовешь ничтожествомъ, для насъ
Настанетъ вѣчный день и жизнь иная —
Надежда праведныхъ и ужасъ злыхъ!..

АКВИЛА.

Но тамъ, за темной и нѣмой могилой,
Конецъ всему, всему... Тамъ божества
Подземныя, тамъ смерти мракъ и холодъ...

СТЕЛЛА.

Безумецъ бѣдный! мракъ въ твоей душѣ
И ты не видишь истиннаго свѣта!..
За гранью жизни, за могилой — тамъ
Всевышній Богъ царитъ и раздѣляетъ
Онъ праведныхъ, познавшихъ свѣтъ Его,
Отъ грѣшниковъ, не озаренныхъ вѣрой
Въ жизнь вѣчную и въ благодать небесъ!

АКВИЛА.

О, для чего-жъ твой Богъ неумолимый
Считаетъ заблужденіе грѣхомъ?
Ужель меня онъ разлучитъ съ тобою
И тамъ, на небесахъ, какъ на землѣ
Судьба насъ разлучаетъ роковая!

СТЕЛЛА, съ вдохновеннымъ порывомъ.

Нѣтъ, нѣтъ... я вѣрю милости Творца —
И ты ей вѣрь — мы тамъ соединимся,
Мы будемъ вмѣстѣ у подножья трона
Всевышняго молитвы возносить.

АКВИЛА.

Съ тобою вмѣстѣ я пойду на небо,
Въ Аидъ подземный... всюду я пойду,
Куда зовешь ты... но съ тобой, съ тобою!

СТЕЛЛА.

Спаситель міра! просвѣти его
Святою благодатію. Ты видишь,
Открылся взоръ заблудшаго слѣпца
И лучъ небесъ предъ нимъ уже мерцаетъ...
Аквила, братъ мой, слушай: смерти часъ
Ужасенъ тѣмъ, кто не обрѣлъ душою
Святую вѣру въ истиннаго Бога;

Но справедливъ Господь и милосердъ:
Онъ не казнитъ невольныхъ заблужденій,
Отрекшимся отъ нихъ, Онъ въ небеса
Не заграждаетъ путь... Въ безумьи страсти
Ты спрашивалъ: люблю-ли я тебя?
Въ предсмертную, ужасную минуту
Я говорю тебѣ: да, я люблю...
Люблю тебя, мой братъ, любовью вѣчной,
Да, вѣчною: насъ смерть не разлучитъ...
О, дай мнѣ силу, помоги, Создатель,
Спасти его... Аквила, пусть мой Богъ
Твоимъ отнынѣ будетъ... Преклонися
Предъ волею Его — и въ небесахъ
Съ тобой соединимся мы на вѣки!

АКВИЛА.

Возможно ль это?

СТЕЛЛА.

О, пойми, пойми:
Что значитъ наше счастіе земное
Предъ счастіемъ небеснымъ безъ конца?
Что значитъ мигъ грѣховныхъ наслажденій
Любви безумной, предъ любовью той
Божественной, которою мы будемъ
На небѣ безконечно наслаждаться?...

АКВИЛА.

Вѣдь я язычникъ, я молюсь...

СТЕЛЛА.

Повѣрь,
Когда въ душѣ твоей зажжется чистый
Небесный пламень — можешь ты спастись.

АКВИЛА.

Но что-же, Стелла, что я долженъ сдѣлать
Для своего спасенія?

СТЕЛЛА.

Одно:
Повѣрить въ Бога истины и свѣта.

АКВИЛА.

Такъ слушай же: не знаю я — твой Богъ
Царитъ ли надъ иными божествами;

Сцена въ римскомъ саду.

Не знаю я — за рубежомъ могилы
Пошлетъ ли онъ грядущее блаженство
Небесной жизни мнѣ; не знаю я,
Любовь моя угаснетъ вмѣстѣ съ сердцемъ
Иль возродиться пламенемъ инымъ,—
Но вѣрю я... тебѣ я вѣрю, Стелла!
Съ тобой я жить и умереть хочу,
Твоей души, божественной и чистой,
Желанья и надежды раздѣлить...
Пусть та же тьма, что жизнь твою угаситъ,
И надо мной холодной ляжетъ тьмой,
Пусть тотъ же свѣтъ, что для тебя заблещетъ
На небѣ, тамъ—блеснетъ и для меня:
Я въ сердцѣ предъ твоимъ склоняюсь Богомъ!

СТЕЛЛА.

О, братъ мой,—братъ по вѣрѣ и любви!
Теперь мы смерть съ отрадой можемъ встрѣтить
И у престола Господа предстать
Съ мольбой о милосердьи...

СЦЕНА III.

Тѣ-же, Калигула, жрецы, ликторы.

АКВИЛА.

Императоръ!

СТЕЛЛА.

О, Боже, нашъ послѣдній часъ насталъ!

КАЛИГУЛА.

А! вотъ зачѣмъ такою неприступной
Казались мы! Невинность наша днемъ
Пугалась свѣта, но во тьмѣ полночной
Не страшно ей любовницею быть.

АКВИЛА.

Не оскорбляй безчестнымъ подозрѣньемъ
Невинности святой. Здѣсь нѣту, цезарь,
Любовницы.

КАЛИГУЛА.

Кто-жъ здѣсь?

АКВИЛА.

Моя жена.

КАЛИГУЛА.

Ну, если такъ, то добродѣтель Весты
Къ ней не пристала. Ты сейчасъ назвалъ
Ее своей женою?

АКВИЛА.

Да.

КАЛИГУЛА.

Тѣмъ лучше.
Она умретъ.

АКВИЛА.

Умретъ?!

СТЕЛЛА, бросаясь на грудь Аквилы.

Спаси меня!..

АКВИЛА.

Умретъ—за что? Какое преступленье
Она свершила, цезарь, предъ тобой?
За то-ль умретъ, что свято уважая
Любовь и клятву сердца своего,
Она съ мольбой и горькими слезами
Отвергла страсть безчестную твою?
Твой предокъ Августъ, правды жрецъ великій,
Не казнь бы присудилъ, а похвалу
За цѣломудренный ея поступокъ:
Онъ помнилъ дни республики, когда
Лукреція Тарквинія убила.

КАЛИГУЛА.

Ты ошибаешся, ревнивый галлъ:
У цезаря нѣтъ ненависти въ сердцѣ;
Онъ добродѣтель могъ бы покорить,
Когда бъ желалъ... О, нѣтъ, оружье мщенья
Для Брутовъ цезарь сберегаетъ... да —
Для слишкомъ пылкихъ Брутовъ... Но Данаю
Однимъ лишь золотомъ склоняетъ онъ.
Когда бы, милость Цезаря отвергнувъ,
Она не совершила предо мной
Другаго преступленія,—повѣрь мнѣ,

Я самъ бы похвалой ее почтилъ..
На ней лежитъ иное обвиненье!
Въ нечестіи винитъ ее законъ.

СТЕЛЛА.

Виновна я въ нечестіи?..

КАЛИГУЛА.

А развѣ
Изъ Галліи не принесла ты въ Римъ
Служенье богу ложному?

СТЕЛЛА.

О, цезарь,
Ты богохульствуешъ: Богъ христіанъ —
Богъ истинный!

КАЛИГУЛА.

Вы слышали, жрецы,
Вы слышали? Преступницу ведите
На казнь сейчасъ-же!

АКВИЛА.

Съ нею и меня
Вели казнить: я тоже христіанинъ.

СТЕЛЛА.

Я говорила, братъ мой, что Господь
Соединитъ насъ.

АКВИЛА.

Будь благословенно
Святое имя Бога: за него
Умремъ мы вмѣстѣ.

КАЛИГУЛА.

Вмѣстѣ? Ты ошибся.
За поруганіе боговъ отмстить
Тебѣ грознѣе цезарь: злою пыткой
Я накажу тебя.

АКВИЛА.

Жестокій звѣрь!

СТЕЛЛА.

Аквила... замолчи... я умоляю
Во имя Бога!

Рожденіе Венеры.

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, я умереть
Вамъ вмѣстѣ не дозволю. Пусть увидитъ
Одинъ изъ васъ, какъ приметъ казнь другой:
Такое зрѣлище ужаснѣй казни.

СТЕЛЛА, Аквилѣ.

Я женщина... слабѣе я душой...
Прошу тебя...

АКВИЛА.

О чемъ?

СТЕЛЛА.

Дай умереть
Мнѣ первой...

КАЛИГУЛА.

Цезарь добръ, дитя: согласенъ
Исполнить онъ желаніе твое.
Благодари его.

АКВИЛА.

О, Стелла, Стелла,
Ужель твой Богъ не вступится за насъ?
Ужели Онъ не поразитъ злодѣя?..
Клянусь, съ тобой не разлучать меня:
Я не отдамъ тебя въ ихъ руки!

КАЛИГУЛА.

Стражи!
Разъедините ихъ!

(Одинъ изъ ликторовъ опускаетъ сѣкиру между Аквилой и Стеллой. Стелла съ крикомъ отступаетъ. Жрецы хватаютъ ее; ликторы — Аквилу).

АКВИЛА.

О, палачи!

СТЕЛЛА.

Христосъ! дай силу мнѣ снести мученья...
О, мать моя... О, мать моя... Спаси
Во имя неба!.. Помоги намъ!..

АКВИЛА, отбиваясь отъ ликторовъ.

Стелла!..

КАЛИГУЛА.

Свяжите непокорнаго раба
И увидите женщину отсюда.

АКВИЛА.

Безчеловѣчный!

КАЛИГУЛА.

Повинуйся, рабъ!
Идите же.

СТЕЛЛА.

Прощай, прощай Аквила,
Возлюбленный мой... мать, прощай... прощай...
Мы свидѣмся на небесахъ...

(Жрецы уводятъ Стеллу).

СЦЕНА IV.

Калигула, Аквила, ликторы.

АКВИЛА, котораго привязываютъ къ колоннѣ.

Жестокій,
Безжалостный палачъ! Ты жаждешь слезъ
И жалобъ, и моленій — такъ иди же
Смотрѣть, какъ женщина встрѣчаетъ смерть:
Здѣсь не увидишь ты ни слезъ страданья,
Ни стоновъ пытки не услышишь ты.

КАЛИГУЛА.

Посмотримъ. Можетъ быть найдется пытка,
Что вызоветъ источникъ горькихъ слезъ
Изъ глазъ твоихъ.

АКВИЛА.

Такъ что-жь, злодѣй, ты медлишь?
Терзай меня — и убѣдишься ты,
Что палачи твои устанутъ прежде.

КАЛИГУЛА.

Надменный рабъ! Коль вызовъ сдѣланъ мной —
Такъ значитъ, я заранѣе въ побѣдѣ
Увѣрился.

(Растворяетъ окно).

Смотри сюда, смотри.

АКВИЛА.

О, небо!.. Стѐлла... дорогая Стелла...
Тебя ведутъ на казнь... Передо мной,
Въ моихъ глазахъ... О, Стелла!.. Сжалься цезарь!
Будь милосердъ: вели казнить меня,

Римская обувь.

Но жизнь оставь ей... Сжалься, сжалься, сжалься!..
Ты видишь, плачу я... Такую муку
Нѣтъ силы вынести...

КАЛИГУЛА, смѣясь.

Неправда-ль, галлъ,
Я выигралъ?

(Уходитъ; ликторы за нимъ).

СЦЕНА V.

Аквила, потомъ Юнія и Мессалина.

АКВИЛА.

Я разорву веревки,
Я вырвусь... Къ ней!.. Напрасныя усилья!..
Я не могу помочь ей... защитить
Отъ палачей... О, какъ ужасно это...
Услышьте небеса мою мольбу,
Услышьте!.. Стелла... Вотъ остановились...
Подходятъ ликторы... блестятъ сѣкиры...
Хоть мигъ одинъ постойте... Вмѣстѣ съ ней
Хочу я умереть... О, помогите...
Спасите!.. Цезарь... Юнія... ко мнѣ!..

ЮНІЯ, за сценой.

Кто Юнію зоветъ?..

АКВИЛА.

О, мать, скорѣе,
Скорѣй! сюда!

ЮНІЯ, появляется въ дверяхъ направо.

Я здѣсь, Аквила.

АКВИЛА.

Мать!..

ЮНІЯ.

Гдѣ ты? Что сдѣлали съ тобой?

АКВИЛА.

Веревки
Разрѣжь кинжаломъ... торопись... вотъ такъ,
Скорѣе...

(Бросается къ окну).

Стелла!

ЮНІЯ.

Дочь моя!.. О боги,
Умилосердитесь надъ нею!..

АКВИЛА.

Поздно!..

(Порывисто затворяетъ окно; Юнія и онъ нѣсколько мгновеній остаются неподвижны, въ оцѣпенѣніи).

АКВИЛА.

Месть цезарю! проклятіе убійцѣ!

ЮНІЯ.

Месть и проклятіе!

АКВИЛА, осматриваясь.

Гдѣ намъ укрыться,
Чтобы убить его?..

МЕССАЛИНА, приподнявъ занавѣсъ двери.

Здѣсь, у меня!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

КАЛИГУЛА.
АКВИЛА.
КЛАВДІЙ.
ХЕРЕЯ.
АПЕЛЛЪ, актеръ.
ПРОТОГЕНЪ.
АННІЙ.
САБИНІЙ.
ЮНІЯ.
МЕССАЛИНА.
ХОРЪ, РАБЫ, РАБЫНИ, ВАКХАНКИ, ПРЕТОРІАНЦЫ.

Дѣйствіе въ Римѣ.

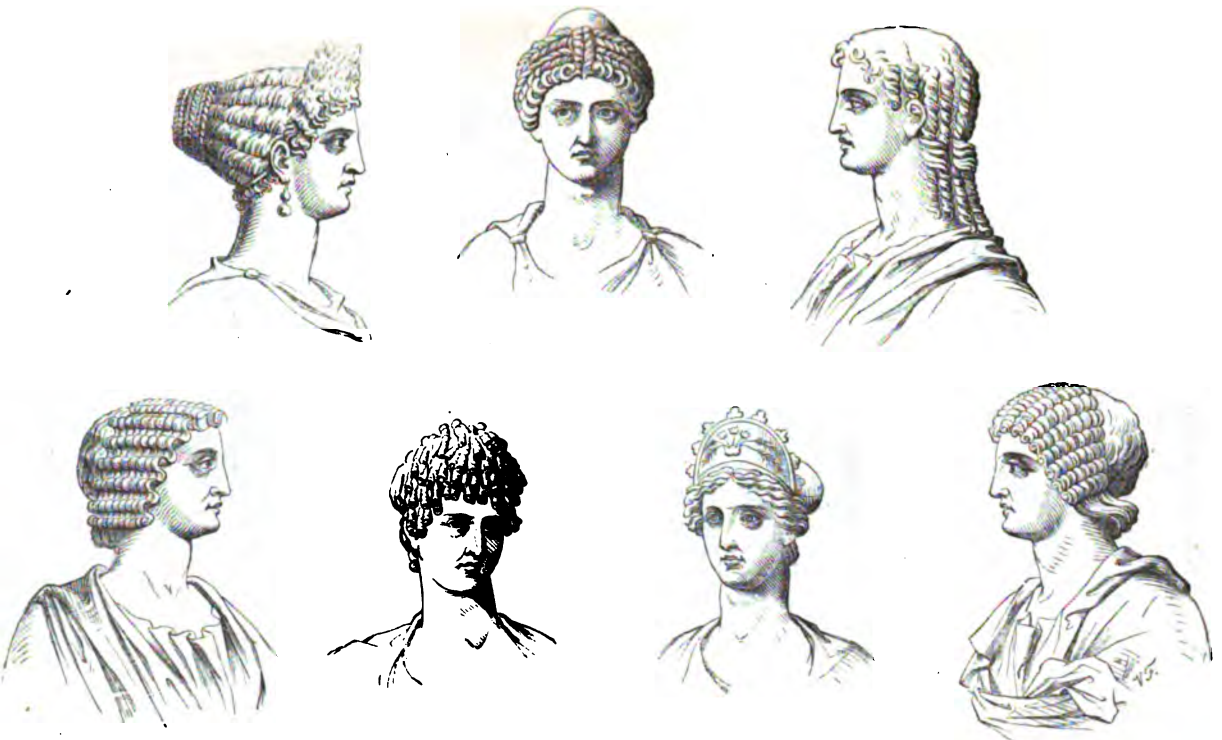
Триклиній во дворцѣ цезаря. Налѣво отъ зрителей столъ и три ложа; на нихъ возлежатъ Калигула, Клавдій и актеръ Апеллъ; вокругъ гости; молодые невольники, въ бѣлыхъ одеждахъ съ золотыми поясами, разносящіе плоды и хлѣбъ, вакханки, разливающія вина, рабы съ факелами. Комната окружена полукруглой аркадой; каждая арка, при поднятіи занавѣса, открытая, позволяетъ видѣть рядъ дворцовыхъ комнатъ на заднемъ планѣ; когда въ аркахъ спускаются драпировки, сцена принимаетъ размѣры обыкновенной комнаты. Въ глубинѣ, на возвышеніи въ три ступени, кровать; по бокамъ двѣ двери. Налѣво отъ актеровъ треножникъ, на которомъ курятся благовонія.

СЦЕНА I.

Калигула, Клавдій, Апеллъ, на возвышеніи хоръ, впереди котораго корифей съ лирой.

ХОРЪ.

Гонитъ мракъ зимы суровой,
Блещетъ яркими лучами
Ароматная весна,



Прически римскихъ женщинъ.

Все ликуетъ жизнью новой,
Лугъ пестрѣетъ подъ цвѣтами,
Сбросивъ ледъ, журчитъ волна.

Кто не зналъ любви — отдайся
Упоенію любви;
Кто любилъ — съ былою страстью
Счастье новое лови.

Мракомъ зимняго тумана,
Грустнымъ холодомъ Аида,
Вся земля полна была;
Но изъ пѣны океана
Вышла юная Киприда,
Будто солнце лучъ свѣтла.

И улыбкою богини
Озарился мракъ земной,
И на міръ ея дыханье
Вдругъ повѣяло весной.

Лѣто жатвы плодъ обильной,
Осень влагу гроздій спѣлыхъ
Благосклонно намъ дарятъ;
Въ дни зимы покровъ могильный
На поляхъ оцѣпенѣлыхъ
Омрачаетъ грустью взглядъ.

Но весна вѣнки веселья
Щедро намъ приноситъ въ даръ,
И на душу вѣетъ сладко
Тайной нѣгой страстныхъ чаръ.

Гонитъ мракъ зимы суровой,
Блещетъ яркими лучами
Ароматная весна.
Все ликуютъ жизнью новой,
Лугъ пестрѣетъ подъ цвѣтами,
Сбросивъ ледъ, журчитъ волна.

СЦЕНА II.

Тѣ-же, Массалина, одѣтая вакханкой.

МЕССАЛИНА.

Привѣтъ мой Клавдію, привѣтъ тому,
Въ чью честь торжественный нашъ пиръ устроенъ!

Привѣтъ мой цезарю! Фалерна чашу
Я поднимаю смѣлою рукой,
Какъ въ битвѣ мечъ свой воинъ поднимаетъ,
И защищаю осени права.

КАЛИГУЛА.

Коль осень защищаетъ Эригона,
Поспоримъ мы съ защитницей такой...
Ну, что же скажешь ты въ ея защиту?

МЕССАЛИНА.

А вотъ что: чашу подними и пей!

КАЛИГУЛА, пьетъ.

Отвѣтъ краснорѣчивъ. Почтимъ наградой
Защитницу.

МЕССАЛИНА.

Ты признаешь теперь,
Что осени веселый даръ привѣтенъ?

КАЛИГУЛА.

По моему, не нужно дѣлать выборъ
Между весной и осенью: весна
Даетъ любовь, вино приноситъ осень:
Прекрасны оба дара и равны;
Такъ будемъ же всегда нетерпѣливо
Ждать осени, дарующей вино,
И радостной весны, любовь дающей.

МЕССАЛИНА.

Клянусь Ѳемидой, справедливъ твой судъ.
Укрась-же, цезарь, мудрое чело
И розами, и вѣтвью винограда:
Амуръ и Бахусъ надъ землей тебѣ
Даютъ такую власть, какую въ небѣ
Они имѣютъ.

КАЛИГУЛА.

Клавдій, что же ты
Молчишь? Какъ царь торжественнаго пира,
Придумай что нибудь повеселѣй:
Мы всѣ твои желанія исполнимъ.
Ну, занимай насъ, Клавдій, какъ гостей —
Я этого хочу.

КЛАВДІЙ.

Напрасно, цезарь,
Взываешь ты къ фантазіи моей;
Съ тобою рядомъ возлежитъ Апеллъ;
Дай повелѣніе — и онъ потѣшитъ
Тебя своимъ искусствомъ.

АПЕЛЛЪ.

Пожелать
Тебѣ лишь стоитъ, цезарь, и готовъ я
Представить сцену Эннія иль Плавта;
Иль можетъ быть трагедію ты хочешь
Послушать: изъ Эсхила и Софокла
Прочту я, цезарь.

КАЛИГУЛА.

Касторомъ клянусь!
Въ одинъ прекрасный день я брошу въ пламень
Вергилія и Пиндора стихи,
Всѣ глупыя писанія поэтовъ!
Въ чемъ ихъ заслуга, чтобы жить въ вѣкахъ
Безсмертной памятью? Кто далъ имъ право
Равняться дерзко славою со мной,
Властителемъ земли? Они — болтали,
Я — дѣйствую. Ихъ власть была мечтой,
Я надѣленъ дѣйствительною властью.
Притворствомъ жалкихъ вымысловъ они
Тревожатъ душу лживою печалью
И слезы вызываютъ; я могу
И горемъ, и слезами переполнить
Весь міръ — лишь слово вымолвлю одно!
Они съ трудомъ въ театрѣ собирали
Своимъ талантомъ зрителей, а я
Въ громадный циркъ влеку толпы народа,
Камедіантовъ львами замѣнивъ;
Я, смерть притворную изгнавъ со сцены,
Какъ гостя, благосклонно призываю
Смерть настоящую; мы съ ней друзья,
И мнѣ всегда она служитъ готова,
Когда настанетъ часъ, чтобъ мечъ поднять
Или наполнитъ чашу ядомъ!.. Клавдій,
Куда уходишъ ты?

КЛАВДІЙ.

Мнѣ показалось,
Зовутъ меня.

КАЛИГУЛА.

Э, вздоръ, ошибся ты.
Останься. Пей. А ты Апеллъ? Ну, что-же,
Наполни чашу... Вѣдь у насъ вино,
Клянуся, слаще Нектара, и Геба
Его подноситъ..

МЕССАЛИНА, протягивая чашу.

Цезарь, за твое
Могущество и счастіе!

КАЛИГУЛА, Апеллу.

Послушай:
Хоть ты лѣнивъ, Апеллъ, но я хочу
Доставить новый случай изученья
Искусству твоему...
(Обращаясь къ рабу).
Пусть приведутъ
Двухъ юношей, которые сегодня
На Форумѣ кричали предъ толпой:
«Смерть цезарю!»
(Рабъ уходитъ).
На завтра ты въ «Медеѣ»,
Иль «Ифигеніи» представишь мнѣ
Томленья ихъ предсмертной агоніи;
Смотри-же, хорошенько наблюдай:
Для трагика тутъ опытъ интересный.

СЦЕНА III.

ТѢ-ЖЕ, Херея.

КАЛИГУЛА.

А, вотъ и ты, трибунъ, явился къ намъ?

ХЕРЕЯ.

Да, цезарь, очередь моя сегодня
Держать ночную стражу во дворцѣ
И я пришелъ спросить у властелина
Слова для пропуска.

КАЛИГУЛА.

«Амуръ и Бахусъ».

ХЕРЕЯ.

Другихъ не будетъ приказаній мнѣ?

КАЛИГУЛА.

Вотъ чаша — пей!.. А вы, мои вакханки,
Съ вѣтвями виноградными въ кудряхъ,
Налейте влаги сладостной Фалерна;
Вы, нимфы стройныя Цереры, намъ
Плоды несите въ золотыхъ корзинахъ;
Вы, спутницы и Флоры, и Зефира,
Повѣйте ароматомъ нѣжныхъ розъ,
Разсыпьте ихъ цвѣтущія гирлянды, —
И въ упоеньи будемъ мы внимать
Гармоніи напѣвовъ іонійскихъ.

МЕССАЛИНА, тихо Хереѣ.

Сама судьба его намъ предаетъ.

ХЕРЕЯ.

Что говоришь ты?

МЕССАЛИНА.

Все уже готово.

ХЕРЕЯ.

Когда-же?

МЕССАЛИНА.

Нынче ночью.

ХЕРЕЯ.

Я боюсь,
Не сбудутся надежды Мессалины.

МЕССАЛИНА.

Нѣтъ... все теперь зависитъ отъ тебя:
Твой нуженъ мечъ.

ХЕРЕЯ.

А галлъ?

МЕССАЛИНА.

Пылая местью,
Онъ ждетъ, когда я призову его...

ХОРЪ.

Будемъ мы сбирать въ кошницы
Васъ, цвѣтовъ весны царицы,
Розы юныя полей,

Уборная знатной римлянки.

И съ лозы роскошной сада
Снявши гроздья винограда,
        Выжмемъ сокъ вина скорѣй.

Все для насъ, что видятъ взоры:
И нарядъ вѣнчальный Флоры,
        И Цереры сочный плодъ,
И лучи благаго Феба,
И прохлада волнъ, и неба
        Голубой, прозрачный сводъ.

Будемъ жить и наслаждаться,
Будемъ сладко упиваться
        Ароматомъ нѣжныхъ розъ,
Лить рукою благодарной
Въ чашу пира сокъ янтарный —
        Дивный даръ роскошныхъ лозъ.

Мчится время торопливо...
Не вчера-ль еще, счастлива,
        Юность быстро жить рвалась? —
Нынче старость наступила:
День за днемъ идетъ уныло...
        Завтра — смерть подкоситъ насъ.

Въ этомъ тайна роковая:
Мы проходимъ, изчезая,
        Будто легкихъ тучекъ тѣнь;
Данъ судьбою неизмѣнной
Намъ для жизни срокъ мгновенный —
        День одинъ... но въ этотъ день

Будемъ мы сбирать въ кошницы
Васъ, цвѣтовъ весны царицы,
        Розы нѣжныя полей
И съ лозы роскошной сада
Снявши гроздья винограда,
        Выжмемъ сокъ вина скорѣй!

СЦЕНА IV.

Тѣ же, Анній, Сабиній, въ черныхъ туникахъ, связанные, въ вѣнкахъ изъ вербены.

КАЛИГУЛА, увидѣвъ входящихъ.

Смѣните ваши радостныя пѣсни
На гимнъ печальный, похоронный плачъ:

Вотъ преданные намъ коварнымъ рокомъ
Два юныхъ Брута; ихъ несчастье въ томъ,
Что родились они полвѣкомъ позже:
Имъ горько жить въ такія времена,
Какъ наше время; но судьбы ошибку
Исправлю я, ускоривъ смерти часъ
Для этихъ пламенныхъ борцовъ свободы.

АННІЙ.

Къ чему веселья пѣсни прерывать?
У насъ въ сердцахъ царитъ святая радость,
Живѣе вашей: веселимся мы,
Что смерть своей рукою благосклонной
Уводитъ насъ съ печальнаго пути,
Гдѣ каждый шагъ — безчестіе и горе!
Намъ смерть свободу принесетъ, а вы
Останетесь съ позоромъ рабской цѣпи,
Которую хотѣли мы разбить...
Нѣтъ, пойте ваши радостные гимны
Для тѣхъ, кто смѣло умирать идетъ
И о спасеньи жизни васъ не молитъ.

КАЛИГУЛА.

Клянусь душой, я радъ, что мы сошлись
Въ желаніяхъ. Сказалъ ты справедливо.
Въ награду вамъ за то, что смерти часъ
Встрѣчаете безстрашно, вашу просьбу
Послѣднюю готовъ исполнить я.
Просите.

САВИНІЙ.

Мнѣ въ предсмертную минуту
Не надо ничего, и я вполнѣ
Доволенъ тѣмъ, что вижу предъ собою
Тирана цезаря: теперь я убѣжденъ,
Что этотъ звѣрь въ себѣ соединяетъ
Гіену съ тигромъ.

ХЕРЕЯ.

Дерзкій...

КАЛИГУЛА.

Не тревожься
Херея мой. Недалеко мгновенье,
Когда... передъ собой увидишь ты,

Какъ ихъ мятежныя уста замолкнуть,
Горячею захлебываясь кровью...

(Аннію).

Ну, ты чего желаешь, говори.

АННІЙ.

Дай чашу мнѣ съ виномъ.

КАЛИГУЛА.

Я исполняю
Твое желанье: цезарь самъ тебѣ
Послѣднюю твою подноситъ чашу.

АННІЙ, беретъ чашу и поднимаетъ ее надъ жертвенникомъ.

Вы, божества подземныя Аида,
Которымъ каждая могила въ дань
Приноситъ то, что на землѣ изчезло, —
Внемлите вы проклятіямъ моимъ
На Кайя Цезаря! Я добровольно
Въ предсмертныя мгновенья обрекаюсь
На муки вѣчныя: пусть буду я
На колесѣ, какъ Иксіонъ, кружиться,
Пусть жажда Тантала меня томитъ,
Пусть я вращать Сизифа буду камень —
Все, все готовъ я вытерпѣть за то,
Чтобъ цезарь раздѣлилъ мои мученья,
Чтобъ въ бездну мрачную Аида мы
Сошли съ нимъ вмѣстѣ. Тѣни роковыя!
Во знаменье обѣта моего
На жертвенникъ вино я изливаю
И съ обреченной головы моей
Срываю погребальную вервену,
Соединивши въ пламени одномъ
И радость жизни и печаль могилы!

(Молчаніе. Клавдій незамѣтно уходитъ).

Ты проклятъ, Цезарь! Посмотри, Аидъ,
Который ждетъ насъ, принялъ благосклонно
Мою молитву: жертвенный огонь
Пылаетъ ярко... Горе, горе, цезарь!
Я говорю: ты смерти обреченъ!

КАЛИГУЛА, схватывая ножъ и готовясь броситься съ ложа.

Къ богамъ подземнымъ ты нетерпѣливо
Желаешь удалиться — такъ иди

И возвѣсти сегодня, что меня
Они увидятъ завтра...

МЕССАЛИНА, удерживая его.

Цезарь, цезарь,
Остановись: что хочешь сдѣлать ты?
Убивъ его, ты слишкомъ легкой казнью
Отплатишь преступленью. Для кого-жъ

Туалетныя принадлежности.

Останутся мученья страшныхъ пытокъ,
Когда такой преступникъ кончитъ жизнь
Отъ одного удара?.

КАЛИГУЛА.

О, мой демонъ,
Какъ чуткимъ сердцемъ понимаешь ты
Желанья сердца моего... Однако,
Кому жъ намъ пытку поручить?...

МЕССАЛИНА, указывая на Херею.

Ему.

ХЕРЕЯ.

Мнѣ, цезарь?..

КАЛИГУЛА.

Да, тебѣ.

ХЕРЕЯ.

Позволь, властитель...

КАЛИГУЛА.

Херея, волю исполняй мою.

МЕССАЛИНА, тихо Хереѣ.

Возьми же ихъ, безумецъ, если цезарь
Тебѣ ихъ отдаетъ... Скорѣй, скорѣй
Несчастныхъ уведи... Они для мщенья
Намъ пригодятся... понимаешь?

ХЕРЕЯ.

Да...

(Громко).

Я повелѣніе твое закономъ
Считаю, цезарь.

АННІЙ.

Августъ, шлю тебѣ
Привѣтъ мой, умирая.

КАЛИГУЛА.

Ты подъ пыткой,
Надѣюсь я, не такъ заговоришь.

АННІЙ.

Не думаю. До скораго свиданья
Въ Аидѣ, у Плутона.

СЦЕНА V.

Тѣже, кромѣ Хереи, Аннія и Собинія.

КАЛИГУЛА, встаетъ шатаясь.

Мессалина!

МЕССАЛИНА.

Чего желаетъ повелитель мой?

КАЛИГУЛА.

Скажи мнѣ... развѣ я несправедливо
Приговорилъ безумцевъ къ смерти... а?

МЕССАЛИНА.

Преступники заслуживали казни.

КАЛИГУЛА.

Однако, ихъ проклятья на меня
Нагнали страхъ... Угрозы роковыя,
Ты знаешь, надо чѣмъ предупредить?—
Богамъ подземнымъ родственника, друга
На жертву принести... я попытаюсь...
Да гдѣ же Клавдій?...

МЕССАЛИНА.

Цезарь, удали
Тревожный страхъ и мрачныя сомнѣнья,
Развеселись за чашею съ виномъ.

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ... Клавдій нуженъ мнѣ... Вино не можетъ
Мой успокоить духъ... я жажду крови...

МЕССАЛИНА.

Но Клавдія здѣсь нѣтъ...

КАЛИГУЛА.

Пускай отыщутъ,
Пусть приведутъ его... и онъ умретъ...

МЕССАЛИНА.

Умретъ онъ... да... но послѣ... Ночь нѣмая
Покровъ спустила надъ землей и сонъ,
Съ кудрями омоченными росою,
Къ тебѣ нисходитъ и счастливыхъ грезъ
Приводитъ за собою вереницы...
Склонись на ложе, покорися ласкамъ
Чарующаго бога и усни,
Мой повелитель.

КАЛИГУЛА, падая на ложе.

Крови... крови... крови...

ХОРЪ, въ головахъ ложа.

Цезарь легъ, сомкнувши очи...
Гаснутъ пирные огни...
Тишина нѣмая ночи
Дня тревогу замѣни!

Пусть страстями не тревожимъ,
До зари властитель спитъ,
Пусть надъ этимъ пышнымъ ложемъ
Только сладкій сонъ царитъ

Тише... скройтесь будто тѣни
И замкните дверь въ покой,
Чтобъ для новыхъ наслажденій
Отворить ее съ зарей.

(Всѣ уходятъ. Занавѣсы аркады опускаются).

СЦЕНА VI.

Калигула, спитъ; **Мессалина**, въ ногахъ кровати.

МЕССАЛИНА.

Иди, иди, покорная толпа,
Отрепья оргіи дворца безумной
Донашивать подъ сумракомъ ночнымъ,
Средь улицъ Рима... Часъ насталъ желанный:
Когда зарею пурпурной востокъ
Заблещетъ радостно — на этомъ ложѣ
Не онъ, не цезарь будетъ возлежать,
А трупъ его... Все помогаетъ мнѣ:
Виномъ на праздникѣ упившись, стражи
Ушли, иль спятъ... и некому теперь
Остановить ужасный призракъ смерти,
Идущій къ цезарю... А, наконецъ,
Ты въ западнѣ моей: однимъ ударомъ
Я уничтожу и тебя, и ихъ—
Убійцъ ничтожныхъ, что орудьемъ мнѣ
Послужатъ къ трону — всѣхъ я уничтожу
И буду властвовать одна, одна!

(Уходитъ).

СЦЕНА VII.

Калигула, спитъ; **Клавдій,** потомъ **Аквила и Юнія.**

КЛАВДІЙ, выглядывая изъ приподнятой имъ драпировки.

Что было тутъ?.. Какой ужасный праздникъ
Для демоновъ и для убійцъ ночныхъ
Готовитъ Мессалина?.. Я замѣтилъ,
Что цезарю грозилъ ужасный взглядъ,
Она шепталася съ Хереей тайно...
Какая цѣль у нихъ? Убить его?..
Что выдетъ изъ такого преступленья?
Воротится свобода дней былыхъ,
Иль рабство худшее еще настанетъ?..
О, если бы я могъ бѣжать, бѣжать
Отъ этихъ ужасовъ, укрыться тайно...
Но поздно... поздно... Или брежу я:
Тамъ занавѣсъ колышется?..

(При послѣднихъ словахъ Клавдія, Аквила и Юнія показываются у ложа цезаря).

Нѣтъ, это
Не бредъ воображенія, не сонъ —
Дѣйствительность ужасная... О, боги!..

(Прячется за драпировкой).

АКВИЛА, беретъ лампу и приближается къ ложу.

Вотъ онъ — смотри.

(Ставитъ лампу на пьедесталъ).

ЮНІЯ.

Проснися, цезарь!

КАЛИГУЛА, вскакивая съ ложа.

Кто
Зоветъ меня? Кто вы?

АКВИЛА.

Аквила я.

ЮНІЯ.

Я — Юнія.

КАЛИГУЛА.

Какъ вы войти дерзнули
Ко мнѣ, сюда?

АКВИЛА.

Вѣдь Стеллы я женихъ...

ЮНІЯ.

Я Стеллы мать...

КАЛИГУЛА.

Чего-же вы хотите?

АКВИЛА.

Хотимъ твоей мы смерти — вотъ чего.

КАЛИГУЛА.

Ко мнѣ, преторіанцы!

АКВИЛА.

Ты напрасно
Кричишь — никто не отзовется тамъ:
Какъ наше сердце, глухи эти стѣны.

КАЛИГУЛА, хватая Юнію.

Ты лжешь! я слышу шумъ... идутъ... идутъ...
Спасите! Помогите мнѣ!

ЮНІЯ, стараясь вырваться.

О, горе!

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, мнѣ не дастъ Юпитеръ умереть...
Они идутъ.

АКВИЛА.

Приходъ ихъ ускоряетъ
Лишь смерть твою.

КАЛИГУЛА.

Ко мнѣ! Скорѣй, ко мнѣ!

АКВИЛА.

Нѣтъ, ты умрешь!

КАЛИГУЛА.

Я цезарь вашъ...

АКВИЛА, душитъ его.

Неправда,
Ты болѣе не цезарь — ты мертвецъ!

КАЛИГУЛА, задыхаясь.

А!

АКВИЛА.

Кто бы не пришелъ теперь, безъ страха
Я встрѣчу васъ.

СЦЕНА VIII.

Тѣ-же, Херея, Анній, Сабиній, съ мечемъ въ рукѣ.

АКВИЛА.

Трибунъ!

ХЕРЕЯ.

Аквила — ты!
Мой рабъ!

АННІЙ.

Гдѣ цезарь?

САБИНІЙ

Цезарь гдѣ — скажи намъ?

АКВИЛА, показываетъ на трупъ Калигулы.

Вы опоздали: я убилъ его.

САБИНІЙ.

Онъ мертвъ — и не отъ нашего кинжала!

ХЕРЕЯ.

Друзья, теперь подумаемъ о Римѣ...
Достигли цѣли мы. Хвала тебѣ,
Отважный галлъ: ты прежнюю свободу
Намъ возвратилъ.

АКВИЛА, отходя.

Я похвалу твою
Не заслужилъ. Оставь меня, Херея.

ЮНІЯ.

О дочь моя несчастная, о Стелла!

ХЕРЕЯ.

Ты, Анній, въ Капитолій поспѣши,
А ты въ сенатъ. Но Форумѣ народу
О смерти цезаря я возвѣщу...
Идемъ, друзья.

СЦЕНА IX.

Тѣ-же и Протогенъ.

ПРОТОГЕНЪ, входитъ въ дверь направо.

Никто не переступитъ
Порогъ дверей.

ХЕРЕЯ.

Кто жъ помѣшаетъ намъ?

(Занавѣсъ поднимается; вся комната окружена стражей).

ПРОТОГЕНЪ.

Смотрите!

АННІЙ.

А! Юпитеромъ клянусь,
Окружены мы.

ХЕРЕЯ.

Это Мессалина!

ПРОТОГЕНЪ.

Преторіанцы! взять подъ стражу всѣхъ
И отвести въ тюрьму.

ХЕРЕЯ.

О, рабъ презрѣнный!

(Его и остальныхъ уводятъ).

ПРЕТОРІАНЦЫ.

Гдѣ Клавдій? Клавдія подайте намъ!
Да здравствуетъ нашъ новый цезарь Клавдій!
Наслѣдникъ Кайя онъ: вѣнецъ ему
Принадлежитъ... На праздникѣ сегодня
Онъ золото намъ щедро раздавалъ...
Гдѣ-жъ Клавдій?

МЕССАЛИНА, входитъ и отдергиваетъ занавѣсъ, за которымъ спрятался Клавдій.

Вотъ онъ.

КЛАВДІЙ, окруженный проторіанцами.

О, не убивайте...
Оставьте жизнь мнѣ... я не виноватъ...

ПРОТОРІАНЦЫ.

Да здраствуетъ, да здравствуетъ нашъ цезарь!

ПРОТОГЕНЪ, преклоняясь предъ Клавдіемъ.

Пусть правитъ Римомъ онъ, какъ божество,
И будетъ ужасомъ и славой міра!

МЕССАЛИНА.

Теперь и Римъ, и цезарь — это я!

В. Буренинъ.

КОЛЫБЕЛЬ МИЛЛІОНОВЪ [1].

(Очерки золотаго царства).

IV.

Падающая башня Невьянска. — Какъ Демидовъ чеканилъ въ ней серебряную монету. — Мѣстные компрачикосы.

Съ НЕВЬЯНСКОЮ наклонною башнею связано много преданій. Въ ея подземельяхъ народъ топили, въ ея закоулкахъ людей замуравливали, въ ея черныхъ казематахъ и застѣнкахъ держали вредныхъ и опасныхъ супротивниковъ. Правда ли это или нѣтъ — стѣны не разскажутъ никому; на каменныхъ полахъ не проступаетъ кровь, когда-то пролитая. Царство призраковъ стало удѣломъ сказокъ, и теперь брящающія матеріальными цѣпями видѣнія уже не являются любопытному туристу съ сказаніями о тайнахъ и ужасахъ, когда-то совершавшихся подъ этими мрачными, тяжелыми сводами. Легенды остались въ народной памяти, и народъ упорно связываетъ ихъ съ этою старою башней; народъ говоритъ о ней то, что не скажутъ выходцы съ того свѣта, народу каждое пятно на этихъ онѣмѣвшихъ стѣнахъ кажется слѣдами убійствъ, каждый загадочный шумъ въ стѣнѣ — стонами когда-то замученныхъ въ каменныхъ мѣшкахъ жертвъ; вой въ верхнихъ галлереяхъ — воплями ихъ: «въ подвалы-то ужъ лучше и не ходите! тамъ страхи». Распросите какіе страхи, — оказывается, что бѣлье мелькаетъ въ воздухѣ, чудятся скелеты, цѣпляющіеся по стѣнамъ,

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XVI, стр. 465.

какъ цѣплялись они, когда вода заливала эти подземелья; слышится стукъ костей по угламъ и традиціонное бряцаніе цѣпей. Въ дѣйствительности, время для всѣхъ этихъ ужасовъ было удобное. И разумѣется безцеремонные потомки тульскаго кузнеца Никиты Демидова не особенно стѣснялись въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было имъ отдѣлаться отъ непрошеннаго свидѣтеля и его обличителя. На Уралѣ всякій мальчикъ поразскажетъ вамъ о дѣлахъ давно минувшаго несчастнаго времени, которое до сихъ поръ многіе считаютъ чуть ли не золотымъ вѣкомъ. Для барства—пожалуй, а для народа вѣкъ этотъ былъ вѣкомъ желѣзнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Говоря о Тагилѣ, я разскажу, что здѣсь творили Демидовы и другіе уральскіе сатрапы въ періодъ полной безнаказанности, когда, помимо ихъ произвола, не было никакого иного закона, когда молчаніе рабовъ не смиряло злыхъ инстинктовъ отупѣвшихъ отъ оргій господъ, а только разжигало ихъ, когда въ каждомъ крошечномъ владѣльцѣ уральскаго участка таился маленькій Неронъ или Тиверій.

4-го марта 1702 года, Петръ Великій отдалъ Невьянскъ и другіе Верхнетурскіе заводы тульскому кузнецу, Никитѣ Демидову. Умный и дѣятельный сынъ его Акинфій, чрезъ двадцать три года послѣ этого, построилъ башню, въ которую мы входимъ теперь, сталъ основывать множество другихъ заводовъ на Уралѣ и даже простеръ свою дѣятельность за сибирскіе предѣлы. Въ Томской губерніи онъ открылъ богатыя, серебряныя и мѣдныя руды, ранѣе даже возведенія Невьянской кампаниллы. Множество поставленныхъ имъ небольшихъ заводовъ съ плавильными печами добывали въ Сибири черную мѣдь и въ такомъ видѣ доставляли ее въ Невьянскъ. Въ металлѣ, выплавленномъ такимъ образомъ, оказывалось значительное количество серебра, нужно было отдѣлить его, но, по закону того времени, частные люди не имѣли права дѣлать этого, тѣмъ болѣе обращать въ продажу золото, или серебро. Демидову оставалось заниматься своею алхиміей тайкомъ, и хотя онъ у себя былъ царемъ, хотя произволу его здѣсь не было предѣла, но этому кузнечному монарху приходилось помнить, что подъ бокомъ у него въ Сибири начальникъ тамошнихъ заводовъ Татищевъ, злѣйшій врагъ невьянскаго самодержца, спитъ и видитъ изловить его на чемъ нибудь и затѣмъ погубить. Времена были неустойчивыя. Сегодня—Неронъ, а завтра Нерону рвали ноздри, били батогами нещадно и ссылали въ Сибирь, въ Березовъ. Нужно, оказывалось, держать ухо востро и не попадать въ лапы къ сторожившей его кошкѣ. Враги стоили одинъ другаго. Оба способны были на все. Тутъ и подлогъ и шпіонство считались средствами самыми невинными. Бился, бился Демидовъ, да и надумалъ, для скрытнаго потаеннаго производства своего, построить башню. Живо согнали народъ отовсюду, изъ далекихъ имѣній привели сюда сотни каменьщиковъ и черезъ два-три года — она была готова. На восточной

сторонѣ этой громады Демидовъ построилъ лабораторію, вырылъ подземелье, высотою въ ростъ человѣка, однако показалось мало— рядомъ устроилъ другія, и тутъ въ вѣчномъ мракѣ, скупо озаряемомъ слабымъ свѣтомъ лампадъ и огнями плавиленъ, начались таинства отдѣленія серебра отъ мѣди. Потомъ и этого ему показалось мало; скрытыми подземными ходами онъ соединилъ мастерскія съ своимъ домомъ, изъ подъ башни продлилъ черную жилу къ домнѣ, отъ домны—подъ то мѣсто, гдѣ стоитъ нынѣшняя полиція; тутъ онъ устроилъ тоже «химическое дѣло» какое-то — по однимъ, чеканку серебряной монеты—по другимъ. Затѣмъ, эту артерію повернулъ назадъ и закончилъ вновь выходомъ къ себѣ. Когда все это было готово, нужно, оказалось, начать дѣло. Взять въ вѣчный мракъ подземелій вольныхъ рабочихъ, либо своихъ крѣпостныхъ— неосторожно; у нихъ останутся семьи, можетъ все выйти наружу. И вотъ, по Уралу прошелъ слухъ, что Демидовъ принимаетъ къ себѣ всѣхъ бѣглыхъ. Каторжникъ, просто ли ушедшій отъ хозяйской кабалы крѣпостной или бродяга—все равно. Имъ находилось дѣло въ Невьянскѣ. Они потянулись туда отовсюду; ихъ запирали въ подземелья, кормили тамъ и заставляли работать надъ плавкою металла. Если не было никакой опасности, по окончаніи урочной работы ихъ выпускали, если же часы съ курантомъ, устроенные на вершинѣ башни, играли сигналъ, показывающій что либо сомнительное, бродяги, оставались въ своихъ норахъ. Расправа съ ними была короткая. Ихъ запаровали до смерти, забивали. Все равно жаловаться не пойдетъ никто—родные его Богъ знаетъ гдѣ!.. Разъ, когда о дѣяніяхъ Демидова дошла вѣсть до столицы и сюда выслали слѣдственную коммисію, то, чтобы не было слѣдовъ преступленія, открыли шлюзы изъ ближайшаго пруда и затопили всѣхъ червей, копошившихся въ этомъ гниломъ подземельѣ. Отдѣленное отъ мѣди серебро продавать нельзя было—не бросать же его такъ. Организовалась чеканка монеты. Дѣлались здѣсь въ этихъ подземельяхъ настоящіе рубли, случалось даже нѣсколько высшей пробы, чѣмъ государственные. Сотни доносовъ сообщали объ этомъ Петербургу, но Демидовы были тамъ слишкомъ сильны. Разсказываютъ, что императрица разъ играя съ Акинфіемъ Демидовымъ и придвигая къ себѣ горсть серебра, выиграннаго ею, спросила его.

— Чьей работы—моей или твоей?

— Все твое, матушка, и мы твои, и работа наша твоя, и всѣми нашими животишками тебѣ кланяемся.

Уклончивый отвѣтъ Демидова очень понравился императрицѣ, и близкіе ей люди такъ прямо и писали Демидову: «Обездолили, мы и обѣдняли, пришли къ намъ своихъ рублей».

Такимъ образомъ, самодержецъ Урала сталъ чеканить свою монету и наводнялъ ею весь востокъ Россіи. Государственный монетный дворъ иногда не выпускалъ ее столько, сколько Демидовъ.

Полиція была безгласна, какъ безгласна она и теперь. Вся ея дѣятельность обрушивается на мелкую сошку, на жалкую плотву, а осетра и бѣлугу она не трогаетъ. Живоглоды того времени всѣ существовали; благодаря Акинфію Демидову, и были скорѣе его холопями, чѣмъ государевыми слугами.

Изъ разсказовъ, подтвержденныхъ потомъ многими, оказалось, что здѣсь не мало всякихъ «креоловъ и метисовъ». Тагильское населеніе—это сумма всевозможныхъ племенъ, потому что Демидовы посылали сюда крестьянъ отовсюду. Малороссы, латыши, пермяки, бѣлоруссы, поляки оказывались здѣсь, потому что сначала ихъ нанимали, а потомъ записывали въ крѣпостные. Одинъ разъ Демидовъ-царь послалъ учителя изъ шведовъ за чѣмъ-то въ Тагилъ, а тамъ его взялъ да и вписалъ въ число своихъ крестьянъ. Такимъ же образомъ сюда попало много французовъ и нѣмцевъ. Писарь, дѣлая перепись, идетъ подъ окномъ. Въ окнѣ француженка съ сентиментальнымъ романомъ въ рукахъ. Какъ васъ зовутъ? — «Мадамъ Шаронъ». Онъ и записываетъ Шаронову, которой потомъ объявляютъ, что она числится крѣпостной. Нѣмецъ механикъ явился сюда учить чему-то, какому то усовершенствованію производства. Не понравился владѣльцу — тотъ и велѣлъ отодрать его. Нѣмецъ съ жалобой — Демидовъ приказалъ отвѣтить, что это его собственный крѣпостной человѣкъ, Иванъ Жидкинъ, посылался имъ заграницу для обученія и документы представилъ. Время для такихъ козырныхъ тузовъ было вольготное, и процессъ кончился тѣмъ, что добродѣтельнаго германца велѣно было наказать за ложный доносъ. Готовились уже шпицрутены, но «преступникъ» не дождался ихъ— повѣсился въ тюрьмѣ. Тысячи мрачныхъ разсказовъ ходятъ о тѣхъ временахъ дикаго самодурства и безпощадной расправы. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ владѣльцевъ привезъ къ себѣ француженку, та пожила два года и когда дикарь - любовникъ разъ отвозилъ ее кнутомъ изъ собственныхъ рукъ, она заявила, что завтра же уѣзжаетъ домой, въ Парижъ. Но Парижъ ей не пришлось видѣть. Ее высѣкли «при заводѣ» и выдали силою замужъ за какого-то рабочаго пьяницу. За то, когда черезъ два мѣсяца несчастная умерла отъ побоевъ, надъ ея прахомъ воздвигнутъ былъ богатый памятникъ съ плачущимъ ангеломъ и барельефами. Процессы по этимъ случаямъ тянулись безконечно долго. Нѣкоторые дошли даже до эпохи освобожденія. Крѣпостные зачастую посылались учиться заграницу. Такихъ выбирали изъ наиболѣе способныхъ. Развившись и пріобрѣтя знанія, несчастные женились на француженкахъ и нѣмкахъ. Каково было положеніе послѣднихъ, узнавшихъ, по прибытіи на мѣсто родины, что они супруги крѣпостныхъ и сами крѣпостныя! Послѣднее, можетъ быть, и не по закону, да закономъ въ то время была воля владѣльца, или капризъ его опричниковъ. Сколько драмъ совершилось здѣсь въ эту мрачную эпоху! даже оставшіеся

холостыми и возвратившіеся изъ Парижа въ Тагиль крестьяне быстро спивались съ кругу. Между ними и безграмотными крепостными никакой разницы не дѣлалось, и какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, были зуботычины, розги, кнуты, шпицрутены и прочія прелести этого тяжелаго времени.

Но варварство заходило еще дальше. О владѣльцахъ Невьянскихъ заводовъ разсказываютъ ужасы. Отказываешься вѣрить этой жестокости, достойной Нерона. Людей не только гноили въ тюрьмахъ, засѣкали, умерщвляли пытками — ихъ жарили въ маслѣ, сжигали въ ихъ собственныхъ избахъ. Разъ несчастные крестьяне послали ходоковъ въ столицу — этихъ выборныхъ перебили въ лѣсу всѣхъ, кромѣ одного, котораго привезли въ село и публично сѣкли кнутомъ въ теченіи двухъ недѣль, пока мученикъ не умеръ отъ истязаній. Изъ самыхъ пустяковъ часто совершались чуть не убійства. Во времена оны, Демидовы сами жили здѣсь и входили во все. Такъ, напримѣръ, осталась цѣлая собственноручная переписка одного изъ Демидовыхъ по поводу трехъ фунтовъ свѣчь, излишне выведенныхъ въ расходъ однимъ изъ заводовъ. И по поводу этихъ трехъ фунтовъ сколько было пересѣчено народу — вѣдаетъ одинъ Господь! Разсказываютъ о томъ, какъ замазывали въ каменныя стѣны людей, оставляя самыя незначительныя отверстія для дыханія, чтобъ дольше не умирали несчастные. Разъ одинъ рабочій, жестоко наказанный кнутомъ за то, что хотѣлъ защитить сестру отъ насиловавшаго ее опричника, бѣжалъ въ пермскіе лѣса. Владѣлецъ не долго думалъ что дѣлать. Онъ безъ цереможіи схватилъ дряхлую мать его и замуровалъ ее въ стѣну, оставивъ окошечко, сквозь которое ей подавали пищу.

— До коихъ поръ держать ее? спрашивали у него.

— А пока самъ бѣглый не явится.

Черезъ два мѣсяца сынъ явился. Старуху выпустили, но она оказалась сумасшедшею. На ея мѣсто замуровали сына и держали его тамъ полгода. Какое желѣзное здоровье нужно было, чтобъ выдерживать подобныя казни. Въ данномъ случаѣ всего характернѣе то, что изнасилованную дѣвушку высѣкли тоже.

— А ее за что?

— Чтобъ духа этого не было. Чтобъ страхъ знала!

И рядомъ съ этими самодурами здѣсь жили люди, получившіе образованіе, даже разработывавшіе исторію края, описывавшіе его. Писателя такого рода обыкновенно призывали къ владѣльцу.

— Ты это представилъ ко мнѣ то-то и то-то.

— Я.

— Молодецъ. Хвалю. Трудъ твой я въ архивъ велю сдать, пусть лежитъ.

Въ видѣ поощренія меценатъ-Демидовъ выдавалъ мѣстному историку рюмку водки и полтину денегъ.

Это, впрочемъ, не отучило пермяковъ работать. Болѣе преданныхъ своему краю людей я встрѣчалъ очень рѣдко. Они до сихъ поръ записываютъ легенды, сказанія, ведутъ дневники, изслѣдуютъ фауну и флору Урала, не щадя издержекъ, зная хорошо, по прежде бывшимъ примѣрамъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, здѣшній кассиръ Шоринъ и учитель Рябовъ сдѣлали археологическую экскурсію въ Верхотурскомъ уѣздѣ; они нашли тамъ множество развалинъ и камней съ надписями, разрыли старинныя могилы, откуда взяли оружіе и разныя вещи. Составили альбомъ рисунковъ всѣхъ этихъ предметовъ и вмѣстѣ съ описаніемъ послали одному изъ петербургскихъ академическихъ нѣмцевъ — дядюшкѣ-Фуссу. Отъ него, разумѣется, они никакого отвѣта не получили. Фуссъ всѣми этими изысканіями не воспользовался и гдѣ онѣ находятся — никому неизвѣстно. Изъ другаго завода тоже въ академію были посланы сборники, разумѣется рукописные, мѣстныхъ пословицъ, характерныхъ пѣсенъ, сказокъ и легендъ, словарь особенностей языка; и всему этому — результату, болѣе, чѣмъ двѣнадцатилѣтняго труда—не суждено было увидѣть свѣта. Даже гдѣ они находятся — никому неизвѣстно. Вообще, въ этомъ отношеніи Петербургъ рѣдко приходилъ на помощь мѣстнымъ дѣятелямъ. Одному изъ нашихъ ученыхъ были доставлены мѣстнымъ ботаникомъ, Ростовымъ, цѣлыя тетради его изслѣдованій и наблюденій; и что же: они попали въ сочиненія перваго, но даже ссылки на скромнаго уральскаго труженика знаменитымъ авторомъ сдѣлано не было вовсе. Учатся и работаютъ здѣсь, не смотря на всѣ препятствія, которыя ставитъ столь пагубному движенію умовъ губернская администрація. Знаете ли вы, что у насъ въ Россійской имперіи, напримѣръ, существуютъ не одна, а нѣсколько цензуръ. Такъ, напримѣръ, если въ Петербургѣ какая-нибудь книга разрѣшается къ обращенію, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы она была разрѣшена и на Уралѣ. Въ Нижнемъ-Тагилѣ ранѣе столицы запрещено сочиненіе Флеровскаго и потомъ губернаторъ Чарыковъ взялъ да и изъялъ его изъ магазиновъ по всему Уральскому округу. Зачастую, просто по капризу властей, отбираются тѣ или другія книжки журналовъ. Чарыковъ, напримѣръ, до того дошелъ, что запретилъ заводоуправленіямъ читать народу изданныя отдѣльно и совершенно уже благонамѣренныя лекціи Коммисіи для народныхъ чтеній. Учитель, выписавшій для этого «фонарь» объяснительныхъ картинъ, подвергся цѣлой массѣ непріятностей и прослылъ человѣкомъ крайне подозрительнымъ. Въ это же самое время на Уралѣ была не дозволена пьеса «Десять невѣстъ», потому что мѣстнымъ властямъ содержаніе ея показалось безнравственнымъ. Антрепренеръ побился-побился, видитъ, что ничего не подѣлаешь, и перекрестилъ пьесу въ «Десять женъ». Подъ видомъ новой пьесы представилъ афишу оной и тогда власть на-

шла возможнымъ разрѣшить ее. Почему десять женъ являлись нравственнѣе десяти невѣстъ—это тайна пермской администраціи. Потомъ та же исторія повторилась со многими другими пьесами. Подъ однимъ названіемъ она запрещается, подъ другимъ разрѣшается. Тоже самое съ книгами. Даже глупѣйшія изданія Мухиныхъ, Манухиныхъ, Ферапонтовыхъ, Земскихъ и т. д. подвергались остракизму. «Черный гробъ» браковался, «Кровавая звѣзда» поощрялась, «Таинство любви» находили безнравственными, но «Океанъ страстей» пропускался и т. д. въ томъ же родѣ. Въ Ижевскомъ заводѣ, напримѣръ, при Чарыковѣ открытіе читальни и библіотеки не было разрѣшено, а раньше существовавшія закрыты. Не одна губернская власть, но и отдѣльныя заводоуправленія являлись любителями-цензорами. Они запрещали въ своемъ районѣ ту или другую книгу, газету, журналъ. Руководили даже вкусами читателей своихъ, находя, напримѣръ, Некрасова не соотвѣтствующимъ, а какого-то невѣдомаго никому поэта Звонарева прекраснымъ. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ положеніе корреспондентовъ было не совсѣмъ безопасно.

За что тутъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ страдали люди — повѣрить трудно.

На одномъ изъ заводовъ захотѣли устроить спектакли. Конторщики поставили нѣсколько пьесъ А. Н. Островскаго и А. А. Потѣхина. Не прошло послѣ того и мѣсяца, какъ разразилась гроза. Изъ Перми явился губернаторскій чиновникъ. Оказалось, что въ данномъ случаѣ спектакли были приравнены къ незаконнымъ сборищамъ. Двое бѣдняковъ должны были оставить службу, остальнымъ сдѣлано внушеніе. Одинъ изъ первыхъ явился въ Пермь съ жалобою.

— Да ты актеръ, что-ли? спрашиваетъ его губернаторъ.—Каждый долженъ быть при своемъ занятіи. Актеръ—играй, рабочій—работай, конторщикъ—пиши по службѣ.

Такъ «Любима Торцова» и оставили безъ куска хлѣба.

Но возвращаюсь къ описанію башни.

Внизу—сырой казематъ какой-то. Мрачный, какъ въ то время, когда его построили. Сквозь заматовѣвшія стекла солнечные лучи какъ-то робко, нехотя проникали въ эту сырую атмосферу и, скользя по старымъ камнямъ стѣнъ, точно пугаясь, замирали въ углахъ. Лѣстница съ разшатавшимися каменными ступенями шла вверхъ. Каждый шагъ мой болѣзненно звучалъ по ней. Отзывались имъ стѣны, эхо доносилось до какихъ-то таинственныхъ закоулковъ, кажется, что даже въ таинственныхъ подземельяхъ внизу звучали глухіе вопросы: кто тамъ!.. Второй казематъ—по меньше перваго. Отъ него опять такая же лѣстница вверхъ. Вся эта каменная масса точно давитъ васъ, груди дышать тяжело. Чудится, что въ этомъ воздухѣ застыли испаренія крови. Кажется, что онъ, не всколыхнувшись, за-

стоялся со времени послѣдняго злодѣйства, совершеннаго подъ этими сводами. И дѣйствительно, глядя на эти слоями пыли покрытыя бойницы, не вѣрилось, чтобы они открывались когда нибудь пропустить живительную свѣжую струю вѣтра, привольно дующаго съ грозныхъ вершинъ Урала сюда, въ эти молчаливыя долины. Въ верху пришлось уже цѣпляться по лѣстницѣ, на которой ступени провалились. Точно въ живомъ тѣлѣ зіяли раны. И только дойдя до конца, мы увидѣли солнце и голубое небо; прямо въ лицо намъ повѣялъ нѣсколько холодноватый, бодрящій воздухъ уральской осени.

— Вы знаете почему, по народному толкованію, покосилась эта башня?

— Почему?

— Видите, грѣховъ на ней много. Потому и осѣла она.

Она сдѣлала наклонъ на юго-западъ на $2^1/_2$ аршина при вышинѣ въ 28 саженъ.

Когда мы проходили подъ стѣнами внизу и видѣли наклонившуюся надъ нами эту массу — становилось жутко поневолѣ. Такъ и казалось — сдвинется она съ мѣста и рухнетъ внизъ, похоронивъ и насъ подъ своими обломками.

Около башни — памятникъ Яковлеву.

Гранитный пьедесталъ поддерживаетъ второй, изъ синяго мрамора; на немъ черная чугунная колонна съ бюстомъ Яковлева; вверху крестъ едва держится, такъ и кажется, что онъ слетитъ. На синемъ мраморѣ — бронзовый дубовый вѣнокъ. Кто-то нацарапалъ на мраморѣ юмористическую надпись: «Почтенному предку — безутѣшные потомки». Потомъ, говорятъ, эта надпись была стерта.

Ужасное уныніе придаетъ окрестностямъ Невьянска отсутствіе лѣса: ни садика, ни рощицы — все голо, какъ голова совсѣмъ оплѣшивѣвшаго старика.

— У насъ чудесная рощица тутъ была, у самаго города. Всѣ туда ходили гулять.

— Куда-же она дѣлась?

— И мѣсто было славное, красивое; тѣни много, вода шумѣла, сквозь листья едва солнце пробивалось. У насъ тогда управлялъ заводомъ Печаткинъ. Ему долго мозолилъ глаза этотъ послѣдній остатокъ старыхъ Невьянскихъ лѣсовъ. А какъ освободили крестьянъ, Печаткинъ сейчасъ-же велѣлъ наголо вырубить всю эту рощу.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ никому недоставалась... Пусть, говоритъ, подъ солнцемъ, на лысинѣ гуляютъ.

Когда я проѣзжалъ около — одни безобразные пни сиротѣли на мѣстѣ, гдѣ еще двадцать лѣтъ тому назадъ шумѣли вершины толстыхъ, старыхъ деревьевъ. По величинѣ этихъ пней видно, какіе это были почтенные ветераны прежнихъ Невьянскихъ лѣсовъ.

V.

Золотое дно.—Болотокмочевскій и Быльговскій пріиски.—Конноэаводская баба.—Рогожинъ.

Мы поѣхали въ Болотокмочевскій пріискъ, т. е. въ мѣстность, гдѣ прежде находился громадный прудъ, по величинѣ подходящій къ озеру. Какъ я уже говорилъ выше, его спустили и на днѣ нашли много золота, какъ по ложу р. Нейвы, такъ и въ самыхъ обнажившихся такимъ образомъ берегахъ ея. Новое русло Нейвы прорыто въ сторонѣ.

— Это нашъ Суэзскій каналъ! улыбнулся Сомровъ, показывая мнѣ свою работу.

Пріискъ въ самой долинѣ. Кругомъ вершины Урала, точно они надвигаются на нее отовсюду... Въ мглистое время кажется, что пріискъ обступили не каменныя горы, а обложили тяжелыя массы непроницаемыхъ тучъ. За то внизу кипитъ и шибко бьется всѣми своими безчисленными порывами упорный трудъ человѣка. Вокругъ пріиска, на бывшихъ берегахъ озера, вся мѣстность изрыта старыми пріисками. Дѣды работали здѣсь цѣлое столѣтіе, собирая золото съ поверхности, дѣти ихъ углублялись въ почву аршина на два и считали это громаднымъ трудомъ, теперь Сомровъ на двѣнадцать и на пятнадцать аршинъ идетъ внизъ...

Искусственное новое русло Нейвы даетъ ту массу воды, которая необходима для промывки золотоносныхъ породъ.

— Теперь отправимтесь на Быльговскій пріискъ, тамъ вы увидите самую промывку золота.

Онъ помѣщается недалеко. Въ немъ 386 человѣкъ ежедневно промываютъ семьдесять тысячъ пудовъ земли, добывая изъ нихъ по 8 фунтовъ золота.

Мы вошли въ заводскія каморы; у стѣнъ устроено нѣчто въ родѣ наклонныхъ корытъ, гдѣ производится промывка песку. Въ эти плоскодонныя посудины длинными ковшами сбрасываютъ сверху породу. Стоя по щиколку въ водѣ, голоногія бабы гребкомъ, или по мѣстному пехломъ, передвигаютъ вверхъ и внизъ массу земли по дну вашгера. Золото остается въ верхней части, а пустая порода — отдѣляется на другой край.

— Какія сильныя, рослыя бабы, невольно замѣтилъ мой спутникъ.

— Это наша порода. Демидовъ здѣсь перемѣшалъ чуть-ли не всѣ племена земныя, оттого и получились такія патагонки.

Нужно признаться, что патагонки эти, помимо своего роста, были очень красивы. Свѣжія здоровыя лица съ черными глазами, высокія груди, порывисто дышавшія на тяжелой работѣ, сильный складъ хорошо обрисованнаго тѣла...

— Тутъ вѣдь какъ бывало, во времена оны: нарочно рослыхъ на рослыхъ женили, для приплоду.

— Совсѣмъ какъ на конскихъ заводахъ.

— Въ старое, крѣпостное время занимались этимъ.

— Много-ли они зарабатываютъ здѣсь?

— Наша баба — наживчица. Въ другихъ мѣстахъ ей и двадцати копѣекъ въ день не получить, а тутъ весь полтинникъ. Сработаетъ она столько-же, сколько и мужикъ.

Одна изъ бабъ, разбиравшая попадавшіеся въ вашгеры каменья, наклонилась и ловко, привычнымъ глазомъ замѣтивъ сразу, выхватила изъ массы кусокъ кварцу, прикинула его вѣсъ на рукѣ и подала Сомрову.

— Что это? спросилъ я.

— Самородокъ.

При мнѣ золото освободили отъ кварца и оказалась лепешка въ тринадцать золотниковъ почти чистаго металла.

Потомъ мы перешли въ другое отдѣленіе золотопромывалень.

Сюда уже попадаетъ заполоскъ, т. е. остатки отъ промывки на главной машинѣ. Они уже были пропущены тамъ и черезъ грохотъ попадаютъ внизъ на вашгеры.

— Ему милости нѣтъ? смѣется коннозаводская баба около.

— Кому ему?

— А золоту-то. Его, какъ зайца баре, въ семи водахъ моемъ. Тамъ его умоемъ, здѣсь вымоемъ, да еще и опослѣ подмоемъ... Чистое оттого и прозывается. Бываетъ, что уже совсѣмъ вымоютъ землю, а старатели берутъ и еще разъ ее пропущаютъ въ своихъ матерахъ.

— Это что за матера?

— Тотъ-же вашгеръ, только по меньше и ручной.

Въ вашгерахъ, когда пёхлы или гребки сдѣлаютъ свое дѣло, бабы берутъ досчечку разбѣгалку и сбираютъ ею породу, слегка разбрасывая золото въ медленно текущей водѣ. Вода уноситъ постороннія частицы и на днѣ вашгера образуется легкій желтый налетъ. Той-же разбѣгалкой отдѣляются камни по мельче, взвѣшиваются и пустые сбрасываются внизъ, къ пустой породѣ. Самое напряженное молчаніе царитъ здѣсь. Можно подумать, что подъ этими сводами совершается какое-то таинство. Вниманіе работницъ напряжено до послѣдней степени. Слышится только раздающееся журчаніе воды, пробѣгающей по дну вашгеровъ, да поскребываніе гребковъ и разбѣгалки.

— У насъ какъ въ церкви!

— Золото крестимъ. Въ водѣ то-же! замѣчаетъ баба, выходя отдохнуть изъ своего отдѣленія.

— Плодовъ крестнымъ матерямъ ничего недостается! замѣтилъ

я, глядя на латунныя подвязки у ея ушей... Золото подъ руками, кажется, а приходится довольствоваться мѣдью.

Вмѣстѣ съ золотомъ осаждается на дно вашгера и шлихъ, т. е. желѣзныя частицы, въ видѣ мельчайшихъ опилокъ.

Я это замѣтилъ только тогда, когда баба при мнѣ вооружилась громаднымъ магнитомъ.

— Это еще что?

— А вотъ козлищъ отъ овецъ отдѣлять будемъ сейчасъ.

Къ первой бабѣ присоединилась другая, и они, нагнувшись головами одна къ другой, самымъ старательнымъ образомъ медленно начали помѣшивать золото магнитами. Разгонка шлиховъ была успѣшна, скоро на концахъ магнитовъ образовался сѣрый налетъ. Желтая масса золота заблестѣла. Третья патагонка щеточкой стала сметать его въ одну кучу.

Разумѣется, при всѣхъ золотопромывочныхъ операціяхъ принимаются предосторожности, предупреждающія всякую возможность похищенія золота.

Мы двинулись къ дверямъ, когда на встрѣчу намъ показался высокій сгорбленный старикъ.

— А, Иванъ Павловичъ! привѣтствовалъ его мой спутникъ.—Это наша знаменитость.

— Кто такой?

— Рогожинъ. Старатель; онъ во всю жизнь перемылъ болѣе 15 пудовъ золота одинъ. Получилъ за это до 50,000 рублей.

— А теперь?

— Теперь, разумѣется, нищій. На желѣзномъ дѣлѣ еще удается откладывать, а золотоискатели наши всѣ кончаютъ сумою. Таково роковое вліяніе этого металла. Всѣ они ничего не имѣютъ. То же и Рогожинъ.

Я вспомнилъ старика Жмаева, этого геніальнаго сыщика золота, если можно такъ выразиться, открывшаго сотню богатыхъ розсыпей, сдѣлавшаго десятки людей милліонерами и пріютившагося теперь изъ милости въ березовскомъ заводѣ у Фохта!

Дѣйствительно, приходилось согласиться съ тѣмъ, что въ доставаніи золота лежитъ чтò-то такое роковое... Клады, зарытые убійцами съ страшными заклятьями и зароками.

Золотоносный песокъ доставляется сюда на тележкахъ, по сорока пудовъ въ каждой. Лошадь съ хозяиномъ и гоньщикомъ оплачивается въ день тремя рублями. Трудъ этотъ самый мучительный, потому что бѣдному только приходится цѣлый день въѣзжать на крутую гору и спускаться по ней. Тѣмъ не менѣе на это является много охотниковъ. При каждой тележкѣ долженъ быть накладчикъ и гоньщикъ. Первый—взрослый, второй—малецъ. Большею частью идутъ на такой промыселъ отецъ съ сыномъ или мужъ съ женою. Мы еще издали слышали болѣзненное скрипѣніе колесъ, неистовыя

крики, ободрявшія спотыкавшихся и изнуренныхъ коней. Стонъ стоитъ надъ этимъ. Самая страшная, въ полномъ смыслѣ слова египетская работа, это—отвозка эфеля, т. е. промытыхъ песковъ. Осенью ребятишки, даже 13—14 лѣтъ, исполняющіе эти̂ уроки въ мокротѣ, въ грязи, зачастую убѣгаютъ домой, и незаманишь ихъ тогда на работу, не смотря на высокую для подростковъ плату 60 коп. за день. Отсюда тифы, лихорадки.

— Дѣйствительно, страшное дѣло! замѣчаетъ Сомровъ.

— Что же, развѣ нельзя какъ нибудь облегчать его?

— Отчего же. И мы придумали устроить рельсы, будемъ отвозить этотъ песокъ въ ямы... Станетъ легче.

Станетъ легче! Когда было легче рабочему, когда ему будетъ легче? Всегда и вездѣ жалкій грошъ свой онъ добываетъ цѣною нечеловѣческихъ усилій. Свое здоровье, здоровье своей семьи—тратится имъ на возможность только сегодня не умереть съ голода. Что будетъ завтра—почемъ знать. Въ концѣ концовъ, получаются выродившіеся, слабые, болѣзненные, малокровные люди, съ безсильными мозгами, съ дряблыми мышцами, съ тонкими ногами и впалою грудью... костистые, неустойчивые. Какія нибудь коннозаводскія бабы—исключеніе. У нихъ сравнительно трата мускульной силы не такъ велика. Въ общемъ, куда не оглянешься—на дальній ли сѣверъ, на знойный ли югъ—одно и тоже.

Кое какъ мы взобрались тоже на верхъ. Нога вязла въ мягкомъ влажномъ пескѣ; видимо, цѣлыя горы ихъ были промыты, прежде чѣмъ ихъ свалили здѣсь. Грохотъ водокачки, взбрасывающей вверхъ цѣлыя разливы бѣлой отъ пѣны воды, заглушалъ здѣсь всѣ звуки. Мимо насъ измоченные гоньщики подвозятъ каждую телѣжку къ люку. Тамъ уже стоятъ двое приставщиковъ. Въ одно и то же время телѣжка опрокидывается и люкъ открывается. Масса золотоноснаго песку валится внизъ. Приставники сгребаютъ все, что̀ осталось на краю и закрываютъ люкъ. На той же платформѣ—провалъ, въ провалѣ чашка, по которой бѣгаютъ волки т. е. жернова размелчивающіе каменья. Разумѣется, песокъ идетъ въ люкъ, а каменья въ провалъ, въ чашку. Вокругъ чашки устроена кишка, пускающая внутрь нѣсколько струй воды. Изъ чашки протертая масса падаетъ на наклонную плоскость, гдѣ устроены продольные и поперечные бруски для задержки золота. Масса, лишенная его, выбрасывается ниже, гдѣ ее складываютъ въ заводки и вывозятъ. Для этого подъѣзжаетъ конь, особый рабочій открываетъ «штырь» въ концѣ не высокой плоскости, и тотчасъ же въ телѣжку льется вода, сыплется эфель. Изъ чаши по временамъ то же открывается подгалечный люкъ, куда и проваливается галечный кварцъ, безсодержательные каменья. Впрочемъ, и ихъ двое рабочихъ перебираютъ внизу лопаточками, отыскивая въ нихъ золото. Если ничего неоказалось—вся эта масса проваливается въ слѣдующій люкъ на

землѣ. Отсюда «пустую» породу уже доставляютъ на особый «отводъ».

Трудно наглядно представить себѣ все это въ высшей степени сложное и запутанное дѣло. Ясно только одно, что малѣйшій камешекъ здѣсь, прежде чѣмъ его признаютъ совсѣмъ нестоящимъ вниманія, побываетъ въ нѣсколькихъ рукахъ и подвергнется всевозможнымъ мытарствамъ. Такъ, напримѣръ, провалившійся сквозь правый люкъ песокъ съ каменьями, прямо по наклонной плоскости, попадетъ въ вращающійся цилиндръ — бочку или бутарь. Вмѣстѣ съ ними онъ сильно вертится, причемъ, конечно, камни выбрасываются въ наружу, на вторую платформу, гдѣ уже находятся трое рабочихъ. Они ищутъ между этими выкидышами самородковъ. Если на свое счастье золотоискатель найдетъ кусокъ золота, то сверхъ поденной платы онъ получаетъ еще по 85 коп. за каждый золотникъ. Случалось здѣсь добывать такимъ образомъ куски золота по фунту и болѣе, вкрапленные въ кварцъ.

Тутъ, кажется, находишься въ настоящемъ аду. Грохотъ достигаетъ своего максимума. Грохочетъ вверху водяная машина, грохочутъ бутора, вращающіеся съ страшной силой, грохочутъ выбрасываемые ими каменья, грохочетъ обрушивающаяся внизъ по наклонной плоскости порода... Какое-то сильное движеніе, какой-то до глухоты доводящій шумъ! точно цѣлый городъ рушится кругомъ, точно разсѣдаются каменныя горы и освобожденныя изъ заключенія воды стремятся изъ нихъ съ торжествующимъ ревомъ на трескающуюся и обваливающуюся землю. Перестаешь понимать, что̀ тутъ дѣлается, мозгъ ничего не соображаетъ, спѣшитъ только поскорѣе уйти отъ этой музыки золотаго дѣла подальше, завидуя рабочимъ, которые при этихъ невозможныхъ условіяхъ стоятъ себѣ невозмутимо и въ высшей степени внимательно дѣлаютъ свое дѣло...

Послѣ всевозможныхъ операцій, полученное золото сдается въ контору. Каждый золотникъ его обходится ей въ 2 руб. 6 коп. къ этой цифрѣ нужно прибавить еще 46 — 50 коп. которыя тратятся на приготовительныя работы, на устройство завода. Казна за чистое, химически изслѣдованное золото платитъ 3 р. 55 коп., здѣшнее же обыкновенно 86 — 87 пробы. Остальные 13% — платина, серебро, такъ что за здѣшнее, не лиховсе золото заводъ получаетъ самъ отъ правительства 3 руб. 16 коп. Обыкновенно здѣсь ежедневно (въ Быльговѣ) промывается до 7 ф. металла, но бываютъ особенно удачные дни. Такъ, напримѣръ, было недавно три подъ-рядъ.

15-го іюня изъ 53,000 пудовъ земли вымыто 19 ф. 70 золотниковъ золота.

16-го іюня изъ 49,900 пудовъ земли вымыто 26 ф. 80 золотниковъ золота.

17-го іюня изъ 52,900 пудовъ земли вымыто 19 ф. 32 золотника золота.

Мнѣ показали здѣсь два крупные самородка. Одинъ — лепешка въ 5 фунтовъ вѣса, другой меньше, весь почти залитый кварцемъ. Самый большой изъ извѣстныхъ въ Россіи — въ Петербургѣ, онъ вѣситъ 3 пуда 37 фунтовъ.

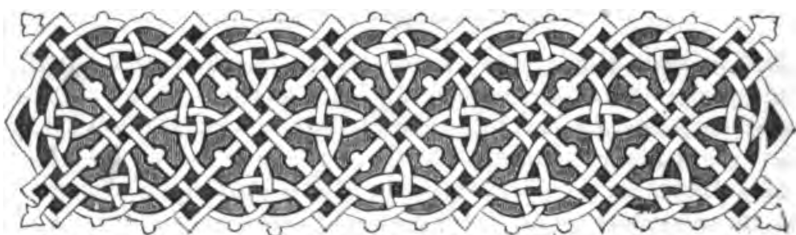
Невдалекѣ отсюда Вилюйскій рудникъ. Онъ принадлежитъ къ этой же заводской дачѣ, чрезвычайно богатой; онъ основанъ былъ незадолго до моего пріѣзда, но изъ него было уже добыто до шести пудовъ драгоцѣннаго металла.

Осмотрѣвъ все, что можно было осмотрѣть, мы двинулись дальше, въ Тагилъ.

Весь Невьянскъ уже тонулъ въ голубыхъ сумракахъ вечера.

Косая башня его казалась еще грандіознѣе. Пики и кряжи Урала медленно уходили въ царство неоглядной ночи...

В. Немировичъ-Данченко.



ВОСПОМИНАНІЯ О С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ 1852—1856 ГГ. [1]

VIII.

КЗАМЕНЫ въ первомъ курсѣ прошли для меня благополучно. Изъ «Учрежденій», «Государственнаго Права», «Богословія», «Зоологіи» необходимо было учить въ «долбяжку». Изъ русской исторіи предоставлялось разсказывать «своими словами»; изъ древней исторіи (М. И. Касторскій) достаточно было вновь пробѣжать Смарагдова. Но камнемъ преткновенія намъ всѣмъ являлись: богословія, логика и ботаника. Тутъ мы рѣшительно не знали, какъ намъ быть, потому что ровно ничего не понимали.

«Догматическое Богословіе», преосвященнаго Антонія, и литографированныя записки, по которымъ преподовалъ протоіерей Райковскій, были исключительно наполнены текстами изъ св. Писанія, Дѣяній Апостольскихъ и св. Отцовъ. Такъ напр., по программѣ, стоялъ вопросъ: что есть вѣра? На это приводилось около сотни текстовъ, и этимъ исчерпывался билетъ. «Что есть любовь?» — опять полторы сотни текстовъ—и конецъ билету, и т. д. Несмотря на кажущееся отношеніе текстовъ къ вопросу, они, въ большей части случаевъ, не имѣли ни малѣйшей связи между собою. Такимъ образомъ, отъ молодыхъ людей, воспитывавшихся въ высшемъ учебномъ заведеніи, требовалось то, что спрашивалось отъ гимназиста третьяго или четвертаго класса. Юношей, всею душою

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XVI, стр. 578.

стремившихся къ наукѣ, жаждавшихъ понять ея сокровенный смыслъ, а не мертвую формулу, оторопѣвшихъ, когда предъ ними возставала какая то непреодолимая громада безсмыслицы, принуждали затверживать уроки, цитаты, изрѣченія, нисколько не уяснявшіе сути настоящаго дѣла. Запоминать же тексты было очень трудно, почти невозможно; приготовленіе къ экзамену,—приготовленіе вполнѣ добросовѣстное, стоило нечеловѣческихъ усилій. У меня была хорошая память; но увидѣвъ эту массу словъ, безъ всякой системы и связи расположенныхъ, не проникнутыхъ одною общею мыслью, разбросанныхъ куда попало, даже нерѣдко повторявшихся въ разныхъ мѣстахъ, т. е. въ разныхъ отвѣтахъ на вопросные билеты, я чувствовалъ, что падаю духомъ и едвали не схожу съ ума. Тоже самое испытывали и другіе студенты-первокурсники, особенно когда разнеслась вѣсть, что на экзаменѣ изъ богословія обыкновенно присутствуетъ преосвященный архимандритъ Макарій (впослѣдствіи митрополитъ московскій), извѣстный своею строгостью и необычайными богословскими познаніями.

Оффиціальныя хлопоты по поводу экзаменовъ, т. е. составленіе программъ, объясненія съ профессорами, въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній, переписку начисто вопросныхъ билетовъ и т. п. брали на себя студенты по каждому предмету отдѣльно. Въ виду всеобщаго унынія, постигшаго первокурсниковъ при одной мысли о предстоящемъ экзаменѣ изъ «Богословія», и для разъясненія вопроса, какую именно часть его слѣдуетъ знать непремѣнно и какую можно, пожалуй, оставить въ сторонѣ, я былъ откомандированъ студентами къ о. Райковскому, причемъ порученіе, возложенное на меня, отличалось до нѣкоторой степени, дипломатическимъ характеромъ.

А. И. Райковскій былъ старшимъ протоіереемъ Казанскаго собора и занималъ квартиру въ церковномъ домѣ, на углу Невскаго проспекта. Квартира его состояла изъ обширныхъ, но низкихъ, грязноватыхъ и мало приглядныхъ комнатъ. При входѣ, меня обдалъ кислый, затхлый запахъ щей, лука и кухни. Впрочемъ, эта обстановка какъ нельзя лучше подходила къ личности отца Райковскаго; онъ вышелъ ко мнѣ въ замасляной рясѣ, съ жирнымъ, лоснящимся лицомъ. По обыкновенію онъ жестоко гнусилъ.

— Труда здѣсь нѣтъ какого либо необычайнаго, замѣтилъ онъ мнѣ на мои доводы; все зависитъ отъ Господа Бога: «коемуждо по дѣломъ его».

— Святой отецъ, съ трепетомъ возразилъ я, — всѣхъ текстовъ положительно нѣтъ возможности заучить.

— И не нужно всѣхъ текстовъ: вникайте въ смыслъ. Нѣкоторые не важны, другіе не такъ важны — для начинающаго.

— Но какъ это узнать?

— Эхъ, батюшка! дайте-ка карандашикъ... У васъ есть записки? Есть; — ну, я вамъ сейчасъ отмѣчу...

И, дѣйствительно, онъ началъ размѣчать карандашикомъ тексты: которые поважнѣе, которые не такъ важны.

Работа продолжалась два вечера и кончилась къ удовольствію не только насъ обоихъ, но и всѣхъ первокурсниковъ. Трудъ облегчился на половину. Тѣмъ не менѣе «зубреніе» происходило страшное. Я изнемогалъ, не понималъ ни цѣли этого «зубренія», ни могущей быть отъ него пользы.

На экзаменѣ присутствовалъ преосвященный Макарій. Величественнаго вида, благообразный, съ мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ, онъ произвелъ на студентовъ самое благопріятное впечатлѣніе. При всемъ ученомъ синклитѣ — изъ Райковскаго, попечителя, ректора, инспектора и трехъ ассистентовъ, онъ явно высказывалъ то вполнѣ сознанное убѣжденіе, что мы не предназначаемся къ духовному званію и потому нельзя требовать отъ насъ такого знанія богословія, какое требуется въ семинаріяхъ или въ духовныхъ академіяхъ.

Другое дѣло было съ логикою, которую намъ преподавалъ также отецъ Райковскій. По недавно установленной программѣ, логика превращалась въ богословіе. Прежде читалъ лекціи логики профессоръ Фишеръ (директоръ Ларинской гимназіи); теперь на его долю осталась лишь педагогика, которая была обязательна для студентовъ историко-филологическаго факультета. Логика читалась намъ о. Райковскимъ весьма своеобразно: ни студенты, ни даже самъ профессоръ не были въ состояніи уяснить себѣ, о чемъ собственно идетъ рѣчь. Говорилось о какой-то теоріи мышленія, о какихъ-то методахъ, объ анализѣ и наведеніи, о Кантѣ и Фихте, — и изъ всего выходилъ сумбуръ невообразимый. Студенты порѣшили въ записки не заглядывать, а отвѣчать на экзаменѣ что Богъ на душу пошлетъ. Такъ, въ дѣйствительности, оказалось гораздо лучше: бо̀льшая часть насъ на экзаменѣ получили по пяти балловъ.

Экзаменъ изъ ботаники производился, такъ сказать, домашнимъ образомъ: намъ розданы были по обыкновенію разные вѣники и пучки засохшихъ растеній. Мы всѣ были снабжены «Руководствомъ къ ботаникѣ» нашего почтеннаго профессора, и въ этомъ «Руководствѣ» видѣли все наше спасеніе. Впрочемъ, высказывать наше знаніе, или, лучше сказать, наше незнаніе намъ не привелось: бо̀льшею частью говорилъ самъ И. О. Шиховскій, повторяя свои давно извѣстные анекдоты и прибаутки.

IX.

Павелъ Антоновичъ Ильенковъ читалъ для камералистовъ втораго курса лекціи химіи неорганической и частью органической,

какъ пространное введеніе къ технологіи, которая преподавалась пять разъ въ недѣлю въ третьемъ курсѣ. П. А. Ильенковъ пользовался любовью и уваженіемъ студентовъ за свое знаніе и безупречный, независимый характеръ. Осенью 1853 года, онъ только что оправился отъ болѣзни, вслѣдствіе которой едва не лишился глазъ: какъ-то, мѣсяца четыре тому назадъ, производя опыты въ лабораторіи въ присутствіи студентовъ, онъ влилъ въ реторту, которую держалъ въ рукахъ, смѣсь изъ нѣсколькихъ кислотъ; стекло не выдержало сильнаго жара, лопнуло и брызги кислоты, вмѣстѣ съ осколками разбитой реторты, обожгли и изранили его лицо и повредили глаза такъ сильно, что нѣкоторое время доктора не ручались за сохраненіе его зрѣнія. Слѣды поврежденій на его лицѣ были еще замѣтны и въ то время, когда онъ началъ читать намъ лекціи: оно было изрыто, точно послѣ оспы, а глаза прикрыты большими синими очками. Его лекціи отличались чисто научнымъ характеромъ и потому для новичковъ бывали подчасъ скучноваты и даже нѣсколько непонятны. Даромъ слова и дикціею онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Плодомъ его трудовъ явилась извѣстная «Технологія» со множествомъ рисунковъ, выдержавшая нѣсколько изданій и стоившая весьма дорого. Впослѣдствіи, П. А. Ильенковъ былъ назначенъ директоромъ Петровской земледѣльческой академіи (близъ Москвы), на мѣсто академика Желѣзнова. Ильенковъ умеръ въ цвѣтущихъ лѣтахъ и много пользы могъ бы принести для науки.

Лаборантомъ при немъ состоялъ Алексѣй Николаевичъ Бекетовъ, окончившій курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, братъ нынѣшняго ректора С.-Петербургскаго университета. Это былъ прекраснѣйшій молодой человѣкъ, всею душою преданный наукѣ и очень близко сошедшійся со студентами. Лекціи талантливаго профессора, любовь къ труду и общность цѣлей, такъ сильно сплотили между собою нѣкоторыхъ изъ насъ, что мы выпросили у Ильенкова дозволеніе заниматься у него въ лабораторіи. Конечно, это дозволеніе было выхлопотано нами безъ малѣйшаго труда. Нѣкоторые студенты камеральнаго разряда — Ржавскій, Рейхель и въ первое время Евреиновъ, занимаясь ежедневно и съ большою охотою практическими опытами, въ скоромъ времени вполнѣ основательно ознакомились съ главнѣйшими основаніями технологіи, и знаніе ея опредѣлило для первыхъ двухъ по выходѣ изъ университета ихъ дальнѣйшую карьеру. Ржавскій поступилъ управляющимъ на мыловаренный заводъ Иллиша и комп., гдѣ получалъ обезпеченное содержаніе, а Рейхель, сколько помнится, поступилъ преподавателемъ въ Технологическій институтъ; что же касается моего наилучшаго товарища, студента Евреинова,—то о немъ будетъ рѣчь впереди.

Не знаю вслѣдствіе какихъ соображеній, я хотя и почувствовалъ большое влеченіе къ неорганической химіи, въ особенно-

сти же заинтересовался производствомъ опытовъ, но сталъ заниматься не въ технической лабораторіи, а въ другой, находившейся въ нижнемъ этажѣ, предназначенной для натуралистовъ, работавшихъ подъ руководствомъ ординарнаго профессора химіи, А. А. Воскресенскаго. Можетъ быть, такому странному рѣшенію съ моей стороны способствовало и то обстоятельство, что профессоръ Ильенковъ отличался нѣкоторою сухостью и педантизмомъ въ обращеніи со студентами. Можетъ быть, именно эта сухость совершенно безотчетно подѣйствовала на мени до такой степени, что я счелъ за лучшее обратиться къ другому профессору, хотя, конечно, экзаменъ изъ химіи и технологіи, во всѣхъ трехъ послѣднихъ курсахъ, мнѣ приходилось держать у П. А. Ильенкова.

Александръ Абрамовичъ Воскресенскій принадлежалъ къ числу тѣхъ профессоровъ, которые были наиболѣе знакомы съ моимъ отцомъ, нерѣдко обѣдалъ у него и разъ въ недѣлю или въ двѣ игралъ по вечерамъ съ нимъ въ карты. Онъ былъ человѣкъ очень простой, очень обходительный и замѣчательно добрый. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ ректоромъ въ Харьковскій университетъ, а затѣмъ, кажется, тамъ же получилъ мѣсто попечителя. Химію онъ зналъ хорошо съ практической стороны, но едва ли интересовался особенно много новѣйшими научными изслѣдованіями. Впрочемъ, программа его лекцій въ университетѣ была до такой степени обширна и разнообразна (онъ читалъ химію неорганическую и аналитическую), что, дѣйствительно, не было возможности преподавать этотъ предметъ во всемъ его объемѣ, подробно знакомя въ то же время слушателей и съ недавно появившимися взглядами и теоріями.

Мои первыя занятія въ химической лабораторіи оказались неудачными: реторты и колбы безпрестанно лопались и разбивались въ дребезги, опыты не удавались, я чувствовалъ, что возбуждаю насмѣшки болѣе свѣдущихъ студентовъ, да и самъ профессоръ Воскресенскій относился ко мнѣ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, предчувствуя во мнѣ дилетанта. Его предположенія оправдались на дѣлѣ; химія надоѣла мнѣ очень скоро и мѣсяца черезъ два-три я пересталъ ходить въ химическую лабораторію.

X.

Лекціи гражданскаго права читалъ юристамъ и камералистамъ втораго курса профессоръ и деканъ юридическаго факультета, К. А. Неволинъ, пріобрѣтшій въ свое время большую извѣстность въ области законовѣдѣнія. Будучи еще профессоромъ въ университетѣ св. Владиміра, откуда онъ перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ, Константинъ Алексѣевичъ издалъ тамъ свое первое

сочиненіе — «Энциклопедію Законовѣдѣнія». Оно отличалось замѣчательно-правильнымъ юридически-философскимъ взглядомъ, глубокими познаніями автора въ философіи права и его поражающею начитанностью. Въ ученомъ юристѣ былъ видѣнъ и самостоятельный мыслитель. Не смотря на нѣкоторую сухость изложенія, «Энциклопедія Законовѣдѣнія» Неволина исчерпывала неоспоримо вполнѣ свой предметъ и являлась настольною книгою для всякаго юриста. Пріобрѣсти ее было весьма трудно, какъ по дороговизнѣ, такъ и по малому количеству экземпляровъ, находившихся въ продажѣ. Второе изданіе этого сочиненія не было разрѣшено цензурою къ печатанію: какъ и всегда, цензура нашла нѣкоторыя страницы зараженными духомъ либерализма и подрывающими религіозныя основы. При такомъ взглядѣ, конечно, было бы лучше разомъ похерить всѣ философскія системы, а въ придачу изъять изъ употребленія и теорію права. Впрочемъ, впослѣдствіи оно и было такъ сдѣлано.

Вторымъ плодомъ авторской дѣятельности К. А. Неволина была его «Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ», въ 3 томахъ. Это сочиненіе еще болѣе упрочило за нимъ славу историка-юриста. Необычайно вѣрное пониманіе разнообразныхъ и мельчайшихъ подробностей русскаго юридическаго быта какъ въ отдаленныя, такъ и въ новѣйшія времена, основанное на глубокомъ изученіи нашихъ лѣтописей, купчихъ записей, старинныхъ граматъ и подлинныхъ актовъ, искусство обращаться съ громадою неизслѣдованнаго матеріала и вѣрность приводимыхъ результатовъ,— все это составляетъ неотъемлемыя достоинства «Исторіи гражданскихъ законовъ», которая, подобно, «Энциклопедіи», была удостоена демидовской преміи. Наконецъ, такое же поощреніе со стороны академіи заслужило и его третье изслѣдованіе «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ», касавшееся, впрочемъ, болѣе спеціальнаго предмета, но, тѣмъ не менѣе, обладавшее всѣми достоинствами, какими отличались и прежнія сочиненія К. А. Неволина.

Зная по наслышкѣ какъ объ изслѣдованіяхъ, такъ и объ извѣстности нашего ученаго профессора, мы съ нетерпѣніемъ ожидали его лекцій. Мы надѣялись услышать краснорѣчивое, живое слово, даже гордились заранѣе тѣмъ, что у насъ будетъ такой преподаватель. Но, къ прискорбію, надежды наши не оправдались: гражданскіе законы читались по литографированнымъ запискамъ, вяло, монотонно, какимъ-то въ тактъ размѣреннымъ, беззвучнымъ голосомъ, съ какимъ-то покачиваніемъ профессора всѣмъ корпусомъ то взадъ, то впередъ. Ни разу, въ теченіе всего курса, не было чего нибудь новаго, что выходило бы изъ обычной колеи, нарушило бы скуку, возбудило бы любопытство студентовъ... Въ лекціяхъ Константина Алексѣевича все было мертво и уныло, все отдавало чѣмъ-то затхлымъ, какою-то плѣсенью омертвѣвшаго юри-

ста-теоретика, какъ видно, совсѣмъ незнакомаго съ практикою,— и, что самое главное, — прямо вычитывавшаго подлежащія статьи изъ свода законовъ, безъ всякихъ объясненій и комментаріевъ. Самая наружность профессора производила далеко не благопріятное впечатлѣніе, не говоря уже объ однообразной, усыпляющей методѣ чтенія: средняго роста, согнутый, съ постояннымъ подергиваніемъ рукъ и головы, съ физіономіею, совсѣмъ не соотвѣтствовавшею профессорскому званію, съ тускло-сѣрыми глазами, небрежно одѣтый, безъ признаковъ бѣлья, — онъ представлялъ собою болѣзненный, по истинѣ жалкій видъ.

Здѣсь не могу я умолчать о томъ, совершенно различномъ, впечатлѣніи, которое произвелъ на меня приглашенный на каѳедру гражданскаго права, послѣ кончины К. А. Неволина, бывшій профессоръ казанскаго университета, Д. И. Мейеръ, хотя я слушалъ его лекціи уже по выходѣ моемъ изъ университета. Мейеръ печаталъ очень мало, — тогда было не время для изданія въ свѣтъ такихъ произведеній, какихъ у этого профессора была цѣлая масса въ рукописи. Его лекціи изъ гражданскаго права, еще въ бытность его въ Казанскомъ университетѣ, привлекали толпу студентовъ всѣхъ курсовъ, отличались блестящимъ, живымъ изложеніемъ и, главное, представляли невиданное до тѣхъ поръ явленіе въ университетскихъ аудиторіяхъ: онъ приносилъ съ собою старыя, рѣшенныя въ различныхъ судахъ и палатахъ дѣла и разбиралъ ихъ съ каѳедры, на основаніи статей свода законовъ. Въ настоящее время, такое практическое примѣненіе мертвой буквы къ жизни, конечно, никого не удивило-бы; но тогда такой методъ преподаванія казался весьма рискованнымъ и навлекалъ на себя нарѣканія со стороны властей. Въ то время, когда студенты наперерывъ переписывали его лекціи, стекались массами въ его аудиторію и съ любовью привѣтствовали профессора, — въ то самое время его недруги и завистники подкапывались подъ него всевозможными недостойными путями... Эта постоянная борьба съ окружающею средою, съ неправдою и закоснѣлою тупостью подкосили его, и безъ того слабое здоровье: въ Петербургъ онъ пріѣхалъ уже больной. Между тѣмъ, его извѣстность распространилась и между петербургскими студентами, тѣмъ болѣе, что его писанныя лекціи распространялись тайнымъ образомъ между нами еще въ то время, когда я находился въ университетѣ. У насъ онѣ тогда считались безусловно запрещенными. Въ Петербургѣ Мейеръ пользовался такимъ же, если не большимъ, успѣхомъ, какъ и въ Казани. Но преподавалъ онъ недолго, — кажется, всего два-три года, и умеръ отъ чахотки.

Съ неменьшимъ интересомъ приготовлялись мы къ слушанію лекцій адъюнктъ-профессора М. М. Стасюлевича, замѣнившаго, къ счастью для насъ, Касторскаго и начавшаго преподавать среднюю

исторію во второмъ курсѣ для камералистовъ. Г. Стасюлевичъ былъ тогда еще молодъ и только недавно окончилъ защиту своей диссертаціи на степень доктора историческихъ наукъ. Онъ былъ, какъ говорится, на хорошемъ счету у старыхъ профессоровъ, и М. С. Куторга, считавшійся весьма компетентнымъ и даже вліятельнымъ человѣкомъ по предмету всеобщей и, въ особенности, древней исторїи, отзывался о немъ благосклонно. Студенты всегда были готовы съ радостью привѣтствовать молодаго ученаго, отъ котораго надѣялись слышать живое слово, хотя бы даже онъ и не составилъ себѣ заранѣе подготовленной репутаціи. Ожиданія наши оправдались лишь вполовину: онъ читалъ намъ лекціи о распаденіи западной римской имперіи, о великомъ переселеніи народовъ, о раздѣленіи западной Европы. Изложеніе этихъ фактовъ заняло большую часть его лекцій. Онъ читалъ внятно, толково, видна была начитанность, знакомство съ историческими пособіями и источниками, но все это было довольно блѣдно и вяло: чувствовались недостатокъ самостоятельнаго воззрѣнія, неполное освѣщеніе фактовъ, заимствованіе чужихъ взглядовъ, напр., Гизо и Тьерри; не было того искренняго, свободнаго слова, которое, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ по молодымъ умамъ. Тѣмъ не менѣе, мы относились къ молодому профессору съ уваженіемъ, какъ къ человѣку если не талантливому, то трудолюбивому.

Большою заслугою для нашего образованія слѣдуетъ поставить М. М. Стасюлевичу то обстоятельство, что онъ, подобно В. А. Милютину, предложилъ желающимъ разработывать нѣкоторыя историческія темы: мы по прежде́му съ радостью взялись за заданныя сочиненія. Со своею обычною неутомимостью, товарищъ мой, А. А. Евреиновъ, избралъ очеркъ перваго періода дѣятельности «Папы Иннокентія III». Превосходно зная иностранные языки, онъ цѣлые дни просиживалъ въ университетской библіотекѣ, въ которой находятся замѣчательныя средневѣковыя сочиненія и историческія монографіи. Его сочиненіе обратило на себя вниманіе профессора, воздавшаго ему должную хвалу. Я выбралъ себѣ жизнеописаніе коннетабля Сенъ-Поля, — изъ временъ Карла Бургундскаго, — при чемъ познакомился съ французскими хрониками и языкомъ начала XV вѣка. Впрочемъ, за недостаткомъ времени и вслѣдствіе черезчуръ обширно задуманнаго плана, это сочиненіе осталось неоконченнымъ. Разработанныя темы не повлекли за собою для насъ дальнѣйшихъ результатовъ; къ тому же, едва-ли подобное нововведеніе могло нравиться попечителю, который не признавалъ самостоятельныхъ работъ студентовъ, а допускалъ лишь, — и то въ видѣ исключенія, — такъ называемые «репетиціи». Вообще, желающихъ заниматься предложенными г. Стасюлевичемъ темами оказалось очень мало, въ сравненіи съ лицами, представившими въ первомъ курсѣ свои сочиненія В. А. Милютину.

Очень странное явленіе представляли для насъ лекціи «Строительнаго искусства», которыя читалъ инженеръ—подполковникъ Аппилинарій Каетановичъ Красовскій. Этотъ предметъ считался дополнительнымъ, т. е. служилъ какъ бы подспорьемъ, на сколько мы догадывались, «Сельско-хозяйственному управленію» (IV курсъ) и технологіи, хотя къ послѣдней «Строительное искусство», въ томъ видѣ, въ какомъ оно у насъ читалось, не имѣло ни малѣйшаго отношенія. Собственно говоря, даже и съ лекціями проф. Усова оно также не имѣло связи; можетъ быть, это происходило отъ того, что, какъ выше было сказано, почтенный профессоръ сельскаго хозяйства вообще не обращалъ вниманія ни на какую связь, которая могла бы существовать между его предметомъ и, напр., политическою экономіею, финансами, неорганическою химіею и технологіею. Точно такъ и въ данномъ случаѣ, говоря о сельско-хозяйственныхъ постройкахъ, С. М. Усовъ, повидимому, совершенно отрицалъ то вліяніе, какое могло-бы имѣть на нихъ строительное искусство вообще. Въ университетѣ ходилъ, по этому поводу, извѣстный анекдотъ, передававшійся изъ курса въ курсъ: какъ то разъ, на экзаменѣ, профессоръ предложилъ студенту вопросъ, отчего происходятъ пожары въ деревняхъ.

— Отъ тѣснаго расположенія деревянныхъ строеній, отвѣтилъ студентъ.

— Нѣтъ.

— Отъ небрежности, неосторожности обращенія съ огнемъ.

— Нѣтъ.

— Отъ грозы, отъ удара молніи.

— Нѣтъ.

Студентъ сталъ втупикъ, хотя превосходно отвѣтилъ на весь билетъ.

— Такъ вы не знаете, отчего происходятъ пожары въ деревняхъ?

— Я перечислилъ всѣ случаи; другихъ не знаю.

— Очень жаль: пожары происходятъ отъ огня, сказалъ профессоръ и поставилъ студенту, вмѣсто пяти балловъ, четверку.

Какъ бы то ни было, но мы не вполнѣ уяснили себѣ цѣлесообразность преподаванія для насъ, камералистовъ, «Строительнаго искусства», неизвѣстно почему втиснутаго въ общую программу преподаваемыхъ предметовъ. Нашъ профессоръ, повидимому, раздѣлялъ этотъ взглядъ: онъ не требовалъ отъ насъ обязательнаго посѣщенія его лекцій, не принималъ во вниманіе на экзаменѣ болѣе или менѣе частое хожденіе въ его аудиторію, да и самый предметъ читалъ намъ поверхностно, причемъ на экзаменѣ выказывалъ снисхожденіе въ крайнихъ предѣлахъ возможнаго.

Раза два или три, ради курьеза, нѣсколько человѣкъ камералистовъ забирались въ аудиторію профессора Гоффмана, преподававшаго минералогію и геогнозію, и едва не надрывались отъ смѣх

слушая его, такъ называемыя «лекціи», что въ высшей степени возбуждало противъ насъ негодованіе студентовъ-натуралистовъ. Дѣйствительно, «лекціи» профессора Гоффмана походили скорѣе на все, что угодно, только не на лекціи. Онъ стоялъ въ чинѣ полковника, при горномъ институтѣ; былъ человѣкъ очень добрый, большой шутникъ и балагуръ, отличался, какъ природный нѣмецъ, всевозможными вицами, но преотвратильно говорилъ по русски. Онъ прибѣгалъ къ русскому языку только въ самыхъ крайнихъ, неизбѣжныхъ случаяхъ; обыкновенно же изъяснялся на своемъ отечественномъ языкѣ съ примѣсью латинскихъ названій. Можно себѣ представить, какъ интересны бывали его лекціи! Впрочемъ, большая часть времени проводилась въ слѣдующемъ занятіи: каждому студенту-натуралисту давалась маленькая спиртовая лампочка и паяльная трубка съ платиновымъ наконечникомъ. Направляя струю огня отъ лампочки, при помощи воздуха, проходящаго черезъ паяльную трубку, студентъ долженъ былъ къ концу лекціи расплавить или прокалить металлъ, находящійся въ данномъ кускѣ камня или руды. Это постоянное надуваніе трубокъ студентами, сидящими за большимъ столомъ, передъ спиртовыми лампами, и старавшимися, съ большими усиліями, прокалить руду, придавало экспериментаторамъ, съ до-нельзя надутыми щеками, чрезвычайно смѣшной видъ маленькихъ толстощекихъ зефировъ, изо всей силы дующихъ въ разныхъ направленіяхъ. За это мы прозвали натуралистовъ «дутиками», а они, въ отместку, выхлопотали у профессора запрещеніе приходить намъ въ аудиторію во время ихъ занятій практическими опытами.

XI.

На торжественномъ университетскомъ актѣ, происходящемъ ежегодно 8-го февраля (день основанія С.-Петербургскаго университета), послѣ чтенія обычнаго отчета и оффиціальныхъ рѣчей профессоровъ, а также по раздачѣ золотыхъ и серебряныхъ медалей студентамъ за наилучшія сочиненія на заданныя темы, провозглашаются задачи по всѣмъ тремъ факультетамъ. 8-го февраля 1854 года, по юридическому факультету была объявлена на публичномъ актѣ слѣдующая тема: изложить въ систематическомъ видѣ постановленія Псковской Судной Грамоты 1467 года (по изданію Мурзакевича, Одесса, 1847 г.), относящіяся къ гражданскимъ законамъ какъ опредѣлительнымъ, такъ и охранительнымъ; при чемъ: истолковать смыслъ несовершенно вразумительныхъ въ настоящее время словъ и выраженій и перевести, въ случаѣ надобности, темныя статьи на нынѣшній русскій языкъ; указать гдѣ находится связь между постановленіями Псковской Грамоты и законами прошедшаго и послѣдующаго времени (особенно Русскою Правдою и Судебникомъ Іоанна III), дѣйствовавшими въ разныхъ частяхъ Россіи.

Задача представлялась, по самому существу своему, весьма сложною и трудною: она требовала, кромѣ большихъ подготовительныхъ работъ, близкаго, основательнаго знакомства съ древними юридическими актами и лѣтописями. Занятія въ первомъ курсѣ у В. А. Милютина внушили мнѣ любовь къ исторіи русскаго права и я рѣшился, посовѣтовавшись предварительно съ отцомъ, попытать свои силы надъ предложенною отъ университета задачей. Весною, въ свободное отъ приготовленій къ экзамену время, я перечитывалъ исторію Карамзина и исторію гражданскихъ законовъ Неволина, «Акты Археографической Экспедиціи» и «Коммисіи». Затѣмъ, лѣтомъ, на свободѣ, мнѣ удалось отчасти ознакомиться съ массою записей и грамотъ XV и XVI столѣтій: рядныхъ, купчихъ, уставныхъ, губныхъ и т. п., а также и съ лѣтописями, преимущественно новгородскими и псковскими.

Какъ скоро я позволилъ себѣ говорить объ этомъ трудѣ, поглотившемъ болѣе десяти мѣсяцевъ непрерывныхъ усилій, трудѣ, съ которымъ я свыкся, который интересовалъ меня въ высшей степени и принесъ мнѣ безусловную пользу,—я, въ настоящей главѣ, нѣсколько прерву обычную нить послѣдовательнаго разсказа о моей университетской жизни и, по возможности вкратцѣ, повѣдаю исторію, постигшую мое «изслѣдованіе», такъ какъ исторія эта тѣсно связана со взглядами и убѣжденіями тогдашняго ареопага большей части профессоровъ.

Въ концѣ лѣта 1854 года, приготовительныя занятія были окончены, и осенью я приступилъ къ систематическому своду собранныхъ матеріаловъ, непосредственно относившихся къ изслѣдованію Псковской Судной Грамоты, согласно условіямъ задачи. Работалъ я преимущественно по вечерамъ и до такой степени втянулся въ работу, что и во снѣ, и на яву только и думалъ о ней: чѣмъ болѣе пріобрѣталъ я новыхъ свѣдѣній, тѣмъ яснѣе открывались предо мною нѣкоторыя стороны древняго юридическаго быта, о которыхъ, до той поры, я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Рамки задачи оказались до такой степени обширными, что каждый отдѣльный фактъ вызывалъ собою цѣлые ряды преемственныхъ и послѣдующихъ фактовъ, а послѣдніе, въ свою очередь, заставляли меня обращаться къ изученію такихъ сторонъ средневѣковой русской жизни, которыя, съ перваго взгляда, имѣли къ нимъ весьма малое отношеніе. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы имѣть удовлетворительное понятіе о полѣ, я долженъ былъ обратиться къ нѣмецкимъ источникамъ и прочесть нѣсколько монографій о такъ называемомъ судѣ Божіемъ; происхожденіе и значеніе, въ смыслѣ самосуда, упоминаемыхъ въ Псковской Грамотѣ братчинъ заинтересовали меня до такой степени, что я обращался за свѣдѣніями по этому предмету къ извѣстному юристу и изслѣдователю русской старины, Александру Николаевичу Попову. Разрѣшеніе смысла

выраженія изгой заинтересовало меня еще въ большей степени, и не мало употребилъ я времени, чтобы добраться до какого нибудь болѣе или менѣе опредѣленнаго значенія этого слова. Наконецъ, нѣкоторые термины, совершенно неправильно переведенные г. Мазуркевичемъ въ его словарѣ, нарочно составленномъ для удобнѣйшаго пониманія изданной имъ Псковской Грамоты, навели меня на мысль обратиться, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, къ русскимъ сказкамъ и былинамъ, гдѣ я могъ бы встрѣтить подходящее значеніе этихъ словъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу, передо мною возставалъ многоразличный циклъ русской средневѣковой жизни въ ея юридическихъ и бытовыхъ проявленіяхъ, а такое постоянное и вполнѣ добровольное стремленіе къ изученію этой жизни, само собою, должно было имѣть благотворное вліяніе на всѣ мои занятія вообще, пріучая меня къ послѣдовательному, систематическому труду.

Диссертація моя была готова къ сроку, т. е. въ концѣ 1854 года; я отправилъ ее въ университетскій совѣтъ, вмѣстѣ съ запечатаннымъ конвертомъ, въ которомъ значилась моя фамилія съ избраннымъ мною девизомъ, помѣщеннымъ также и на заголовкѣ моего изслѣдованія. При обсужденіи достоинства диссертацій, золотая медаль была присуждена студенту IV курса юридическаго факультета и разряда, Ивану Энгельману; серебряная медаль — студенту III курса юридическаго факультета и разряда, Александру Бильбасову. Мнѣ была также присуждена серебряная медаль, но такъ какъ на каждый факультетъ полагалось по одной серебряной медали и другой въ наличности не имѣлось, то мнѣ и былъ выданъ почетный отзывъ.

Не скрою, что подобнаго рода отзывъ, хотя бы даже и почетный, оскорбилъ мое самолюбіе. Былъ ли я правъ, не знаю; но по дошедшимъ до меня впослѣдствіи слухамъ, моя диссертація была поставлена по достоинству третьею, будто бы, только потому, что я былъ камералистомъ; а К. А. Неволинъ, отъ котораго, главнымъ образомъ, зависѣла участь сочиненія, относился къ камеристамъ недоброжелательно и не бывало еще примѣра, чтобы при немъ камералистъ, написавшій сочиненіе на юридическую тему, былъ награжденъ золотою медалью. Этимъ я не желаю сказать, чтобы мнѣ была оказана явная несправедливость, но мнѣ кажется, что мое изслѣдованіе заслуживало лучшей участи, и когда оно было напечатано на мой счетъ, это мнѣніе подтвердилось отзывами критиковъ-спеціалистовъ.

По тогдашнимъ правиламъ, всякій «начинающій» авторъ считалъ долгомъ лично представить свое произведеніе корифеямъ литературы. Такъ какъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ издатели «Сѣверной Пчелы», Ѳ. В. Булгаринъ и Н. И. Гречъ, не совсѣмъ еще утратили свой «престижъ» въ глазахъ читающей публики, то

я и отправился къ нимъ въ мундирѣ, со своимъ напечатаннымъ «Изслѣдованіемъ Псковской Судной Грамоты». Гречъ жилъ въ извѣстномъ многимъ домѣ по Мойкѣ, подлѣ почтамтскаго пѣшеходнаго мостика; сколько помнится, тамъ жилъ и Булгаринъ.

Ѳаддей Венедиктовичъ, наружность котораго очень хорошо представлена въ «Художественномъ Листкѣ» Тимма, принялъ меня въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, съ сигарою во рту. Толстый, приземистый, съ короткою шеею, съ маленькими глазками, широкимъ носомъ, довольно комичною физіономіею, въ очкахъ, спущенныхъ низко на носъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе престарѣлаго бонвивана. Усадивъ меня подлѣ себя, онъ прежде всего освѣдомился о здоровьи моего «батюшки», затѣмъ сказалъ, какъ пріятно видѣть молодыхъ ученыхъ дѣятелей и, узнавъ отъ меня, въ чемъ состояла суть моего изслѣдованія, выразилъ сожалѣніе, что я не сравнилъ постановленія Псковской Грамоты съ Литовскимъ Статутомъ; тѣмъ не менѣе, онъ обѣщалъ, въ самомъ скоромъ времени, напечатать подробный отчетъ о моемъ сочиненіи въ «Сѣверной Пчелѣ» и добросовѣстно исполнилъ свое обѣщаніе.

Мой отецъ уже давно былъ знакомъ съ Н. И. Гречемъ, съ которымъ мы не разъ встрѣчались и за границей, преимущественно въ Парижѣ. Николай Ивановичъ былъ не только умный, но и въ высшей степени остроумный человѣкъ; но — не знаю почему — не находился въ близкихъ отношеніяхъ знакомства съ моимъ отцомъ, можетъ быть, потому что дѣятельность того и другаго была различна. Любимымъ конькомъ Н. И. Греча было постоянное сѣтованіе на то, что, за неимѣніемъ порядочныхъ корректоровъ, ему самому приходится ежедневно держать корректуру «Сѣверной Пчелы». Корректура была его «bête noire» и она безотвязно преслѣдовала его мысли, даже въ то время, когда онъ встрѣчался съ нами за-границей.

Кабинетъ его былъ обширный, изящно убранный, съ солидною, удобною мебелью, съ большимъ, красивымъ письменнымъ столомъ,—вполнѣ похожій на кабинетъ ученаго или дѣловаго человѣка. Маленькую дисгармонію представляло только огромное окно, подлѣ котораго стоялъ его рабочій столъ: сверху до низу оно было прикрыто легкою, прозрачною сѣткою, и въ этомъ, довольно значительномъ пространствѣ между окномъ и сѣткою, чирикали, пѣли, пищали и перепрыгивали по жердочкамъ разныя маленькія птички: соловьи, зяблики, жаворонки, чижики, снигири и т. п. Пискотня и трещаніе были невообразимыя.

Н. И., одѣтый въ сѣрый домашній сюртукъ, принялъ меня, подобно Булгарину, очень любезно. Съ первыхъ же словъ, онъ высказалъ сожалѣніе, что въ настоящее время падаютъ непреложныя традиціи грамматики, уступая мѣсто новымъ, ни на чемъ не основаннымъ, измышленнымъ правиламъ, и совѣтовалъ не увлекаться пагубнымъ примѣромъ.

— «Вотъ ужъ на что лучше, сказалъ онъ, Измаилъ Ивановичъ Срезневскій,—и академикъ онъ, и филологъ извѣстный, и знатокъ русскаго языка, а вѣдь нѣтъ таки, не хочетъ придерживаться тому, чему мы, старики, придерживаемся... На дняхъ издалъ онъ эту брошюру, продолжалъ Николай Ивановичъ, беря со стола и показывая ее мнѣ; взгляните на заглавіе «Сказаніе о Цареградѣ»... Развѣ можно писать е въ серединѣ? Вѣдь тутъ два слова: Царь градъ, Царя града, Царю граду и т. д. Оба эти слова склоняются; слѣдовательно, необходимо писать «Сказаніе о Царѣградѣ». Ошибка непростительная!..

И онъ долго распространялся на эту тему. Когда я сталъ съ нимъ прощаться, онъ подвелъ меня къ письменному столу и, показывая на разбросанные на немъ печатные листы, проговорилъ съ усмѣшкою:

— Вотъ, батюшка, какова наша участь—несчастныхъ журналистовъ: и днемъ, и ночью все приходится возиться съ корректурою!..

Тѣмъ и окончились мои приключенія по поводу «Изслѣдованія Псковской Судной Грамоты». Теперь перейду къ продолженію прерваннаго разсказа.

XII.

Въ третьемъ курсѣ лекціи начались, по обыкновенію, въ августѣ. Изъ числа профессоровъ, которыхъ намъ приходилось слышать впервые, особенное вниманіе обращали на себя И. Я. Горловъ, преподававшій для камералистовъ политическую экономію, и И. Е. Андреевскій, читавшій «Законы благоустройства и благочинія» (Полицейское право) для юристовъ и камералистовъ одновременно.

И. Я. Горловъ, давно уже состоявшій въ званіи ординарнаго профессора, пользовался любовью студентовъ. Онъ читалъ достаточно интересно и обладалъ даромъ слова. Но всѣ желанія его придать болѣе общій смыслъ преподаваемому предмету разбивались о тѣсныя рамки, въ какія въ то время была поставлена «Политическая Экономія», какъ наука. Она подвергалась такому строгому преслѣдованію, что нѣкоторые отдѣлы ея были или совершенно исключены, или же преподавались въ краткихъ, отрывочныхъ замѣткахъ. Не только было запрещено говорить о новѣйшихъ теоріяхъ и системахъ, не только строжайшему остракизму подпали доктрины Фурье и Сенъ-Симона, но даже о Мальтусѣ и Росси слѣдовало выражаться крайне осторожно.

И. Я. Горловъ относился къ студентамъ весьма симпатично и охотно помогалъ имъ совѣтами. Меня до такой степени заинтересовала политическая экономія, что прежде всего я накупилъ со-

чиненія наиболѣе замѣчательныхъ экономистовъ: Смита, Сэ, Сисмонди, Мальтуса, Росси, Фурье, Бентама, Маккулоха и др. и пріобрѣлъ дорогой, но превосходный Dictionnaire des Economistes, изд. Гильомена. Но при моихъ скудныхъ первоначальныхъ познаніяхъ въ наукѣ, я, конечно, совсѣмъ растерялся въ этой массѣ разнообразныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ одно другому свѣдѣній. Въ такомъ затруднительномъ положеніи я рѣшился обратиться къ И. Я. Горлову съ просьбою направить меня на настоящій путь въ моихъ занятіяхъ политическою экономіею. Онъ охотно выразилъ свое согласіе и пригласилъ меня бывать у него по вечерамъ. Въ домашней жизни, въ кругу семейства, онъ являлся еще болѣе привѣтливымъ, благодушнымъ человѣкомъ, нежели въ оффиціальныхъ отношеніяхъ. Онъ съ любовью говорилъ о своемъ предметѣ и высказывалъ основательное знаніе новѣйшихъ авторовъ различныхъ политико-экономическихъ сочиненій и трактатовъ, хотя видно было по всему, что любимыми его предметами были статистика и теорія финансовъ. Непрерывныя сношенія съ нимъ я поддерживалъ все остальное время пребыванія моего въ университетѣ, да и по выходѣ изъ него они не прекращались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Адъюнктъ-профессоръ И. Е. Андреевскій занялъ каѳедру полицейскаго права послѣ ординарнаго профессора Рождественскаго, лекцій котораго я, къ счастью, не слыхалъ. Говорили мнѣ, будто бы послѣдній своими лекціями возбуждалъ въ студентахъ непрерывный хохотъ. Онъ, въ особенности, отличался необычайно страннымъ методомъ уподобленія и свойственнымъ только ему одному способомъ выражаться: такъ напр., онъ говорилъ: «представьте себѣ, господа, что я напился пьянъ, меня отправили въ кутузку и тамъ выдрали розгами,—кому я долженъ жаловаться?» или: «представьте себѣ, господа, что я воръ и укралъ у одного изъ васъ часы; меня поймали на мѣстѣ преступленія, надавали, конечно, подзатыльниковъ и отправили, — но куда?.. вотъ въ чемъ вопросъ...»

Не знаю, вслѣдствіе ли этихъ или другихъ причинъ, Рождественскій долженъ былъ оставить университетъ до моего вступленія и каѳедра его болѣе двухъ лѣтъ оставалась не занятою.

Молодой ученый, полный жизни и дѣятельности, полный чистаго стремленія къ наукѣ, явилъ намъ полнѣйшій контрастъ съ прежнимъ, отжившимъ типомъ рутины, и съ перваго же раза заставилъ насъ съ большою охотою и интересомъ посѣщать его лекціи, на которыя собирались даже студенты четвертаго курса. Своимъ трудолюбіемъ, основательнымъ знаніемъ и прекраснымъ изложеніемъ предмета, И. Е. Андреевскій напомнилъ намъ время В. А. Милютина. Изъ полицейскаго права, меня, сколько помнится, въ особенности заинтересовали постановленія, относящіяся къ страховымъ обществамъ и обществамъ взаимнаго вспомоществованія.

Для разъясненія нѣкоторыхъ подробностей, я просилъ личнаго содѣйствія И. Е. Съ тѣхъ поръ возникли мои частныя къ нему отношенія. Я живо помню всю прелесть тѣхъ вечеровъ, которые я проводилъ въ его кабинетѣ, съ какимъ любопытствомъ слѣдилъ я за его оригинальными, воодушевленными рѣчами... Въ равной мѣрѣ поражало меня и его глубокое знаніе политической экономіи, статистики и финансовъ и многостороннее литературное образованіе. Часы проходили быстро и я возвращался домой счастливый, обогащенный новымъ запасомъ свѣдѣній.

Третьимъ лицомъ, имѣвшимъ на меня самое благодѣтельное вліяніе, былъ Владиміръ Ивановичъ Вешняковъ (нынѣшній товарищъ министра государственныхъ имуществъ). Онъ окончилъ курсъ въ университетѣ въ 1852 году, въ то время, когда я вступилъ въ него. Находясь въ третьемъ курсѣ камеральнаго разряда, онъ представилъ сочиненіе на задачу, предложенную университетомъ, по русской исторіи: «о причинахъ возвышенія великаго княжества московскаго». Это изслѣдованіе отличалось такими рѣдкими достоинствами, такою вѣрностью взгляда и такимъ блестящимъ изложеніемъ, что мой отецъ, кромѣ представленія совѣту объ удостоеніи молодаго автора золотою медалью, ходатайствовалъ о напечатаніи его сочиненія на казенный счетъ. Оба ходатайства были уважены, въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ диссертаціи. Это самое подало поводъ къ постояннымъ сношеніямъ между В. И. Вешняковымъ и моимъ отцомъ. Я познакомился съ нимъ въ то время, когда онъ пріѣзжалъ къ моему отцу на дачу въ Павловскъ. Съ величайшимъ интересомъ слушалъ я его разсказы объ университетѣ, о занятіяхъ, о системѣ экзаменовъ и многимъ воспользовался изъ его опытности бывшаго студента. Наши сношенія не прекращались и впослѣдствіи: я нерѣдко проводилъ цѣлые вечера въ его небольшой квартирѣ, въ 7-й линіи Васильевскаго острова, и не могъ не завидовать его серьезнымъ взглядамъ на науку, его солидному образованію. По окончаніи мною курса, Владиміръ Ивановичъ познакомилъ меня съ тогдашнимъ директоромъ департамента сельскаго хозяйства, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, человѣкомъ прекраснѣйшей души и извѣстнымъ ученымъ по части статистики и сельскаго хозяйства. Онъ опредѣлилъ меня на службу въ свой департаментъ, въ статистическое отдѣленіе. Горячее сочувствіе Владиміра Ивановича ко мнѣ, только что начинавшему заниматься студенту, и его человѣчность, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, навсегда остались у меня въ памяти.

Перейдя въ третій курсъ, я настолько успѣлъ ознакомиться съ университетскими порядками и жизнью, что былъ въ состояніи довольно отчетливо уяснить себѣ положеніе профессоровъ и отношенія студентовъ къ нимъ и между собою. О первыхъ я уже говорилъ, скажу нѣсколько словъ о послѣднихъ.

По мѣрѣ перехода изъ курса въ курсъ, число студентовъ, непревышавшее 50 человѣкъ въ первомъ курсѣ камеральнаго разряда, пропорціонально уменьшалось: иные перешли въ другіе факультеты, другіе не выдержали переводнаго экзамена и должны были остаться въ томъ же курсѣ еще на годъ, наконецъ, третьи, въ особенности престарѣлые гимназисты, — возненавидѣли науку и оставили университетъ. Съ теченіемъ времени, и наша университетская жизнь начала слагаться въ опредѣленныя формы, сталъ проявляться вполнѣ естественный, самостоятельный «подборъ» между отдѣльными личностями. Независимые кружки обозначались еще яснѣе и каждый слѣдовалъ влеченію своихъ симпатій, испытавъ много разочарованій, прежде нежели удавалось ему выбрать товарищей по душѣ.

Вполнѣ понятное образованіе отдѣльныхъ кружковъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, обусловливалось не столько нравственными убѣжденіями каждаго, сколько, большею частью, внѣшнею обстановкой.

У насъ существовала кучка такъ называемыхъ «аристократовъ», рѣдко посѣщавшихъ лекціи, говорившихъ между собою исключительно, хотя и не всегда правильно, по французски, носившихъ шинели съ великолѣпными бобрами, сюртуки съ широчайшими рукавами и тяжелыя золотыя цѣпочки. Однако, передъ экзаменами «аристократамъ» приходилось плохо; они даже заискивали передъ «плебеями», въ надеждѣ понабраться отъ нихъ чего нибудь полезнаго, хотя бы даже получить на нѣсколько дней записки, которыя ни за какія деньги нельзя было пріобрѣсти у швейцара Савельича. Чѣмъ болѣе приближались экзамены, тѣмъ замѣтнѣе вытягивались физіономіи «аристократовъ», тѣмъ чаще изъ румяныхъ онѣ превращались въ блѣдныя; а въ день экзамена «аристократы» положительно не знали, гдѣ найти себѣ мѣсто. Превосходно изобразилъ подобнаго рода типъ И. С. Тургеневъ въ своихъ «воспоминаніяхъ», подъ названіемъ «бакенбардиста». Этотъ типъ студента, вмѣстѣ съ прибавленіемъ другаго типа,—баловня родителей, любимца всей семьи, надежды на прославленіе въ будущемъ именитаго рода, пользовавшагося безъ счета подаренными деньгами и всѣми удобствами жизни, но постоянно «рѣзавшагося» на каждомъ экзаменѣ,—стоитъ, какъ живой, у меня до сихъ поръ въ памяти. Я самъ не разъ бывалъ свидѣтелемъ картинъ и сценъ, такъ мастерски набросанныхъ по этому поводу геніальнымъ писателемъ.

Былъ у насъ одинъ студентъ изъ «аристократической» кучки, который, помимо недостатка природныхъ способностей, совсѣмъ не умѣлъ и не желалъ заниматься. Онъ регулярно приходилъ за часъ до экзамена, въ лихорадкѣ, торопливо расхаживалъ по корридору передъ аудиторіей и объявлялъ каждому встрѣчному, что онъ ровно ничего не знаетъ, кромѣ, напримѣръ, билета 17-го.

— Почему же 17-го? спрашивали его.

— Потому что я выбралъ его, зажмуривъ глаза, и вызубрилъ съ начала до конца... Вотъ все, что я могъ сдѣлать. Выну 17-й билетъ — панъ, не выну — пропалъ.

Подходитъ, бывало, этотъ студентъ къ экзаменаціонному столу, беретъ билетъ и, пока отвѣчаетъ другой студентъ, взявшій билетъ ранѣе его,—садится поодаль, у окна, и думаетъ.

Товарищи смотрятъ на него съ любопытствомъ: неужели такое счастіе, неужели попался 17-й номеръ?

Наступаетъ его очередь. Онъ развязно подходитъ къ столу, кланяется и... молчитъ.

— Ну-съ, говоритъ профессоръ, что вы знаете по этому вопросу?

Молчитъ.

— Не можете ли сказать что нибудь?

Молчитъ.

— Возьмите другой билетъ.

Студентъ весьма развязно беретъ другой билетъ, снова садится у окна и снова думаетъ.

— Можете отвѣтить на этотъ билетъ? спрашиваетъ профессоръ.

Молчаніе.

— Потрудитесь взять третій билетъ, съ удивленіемъ предлагаетъ профессоръ.

Та же развязность, то же сидѣніе у окна, то же думаніе, — и весьма серьезное, какъ видно изъ озабоченной физіономіи.

Студенты заинтересованы въ высшей степени: ими овладѣваетъ самое напряженное любопытство.

— Надѣюсь, вы теперь хотя что нибудь скажите?

Молчаніе.

— Вы рѣшительно ничего не можете сказать? уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ спрашиваетъ профессоръ.

Продолжительное молчаніе.

— Довольно-съ, говоритъ профессоръ и ставитъ ему нуль.

Студентъ, по прежнему, развязно раскланивается и стремглавъ исчезаетъ въ корридорѣ, обтирая платкомъ градомъ льющійся со лба потъ.

— Вотъ такъ задалъ баню! восклицаетъ онъ. Не вывезъ проклятый 17-й нумеръ!

И такъ повторялось съ нимъ почти на каждомъ экзаменѣ. Разумѣется, онъ не остался въ университетѣ, поступилъ во время Крымской кампаніи въ военную службу, въ кавказскую армію, участвовалъ въ сраженіи при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, оказалъ чудеса храбрости, былъ раненъ и получилъ георгіевскій крестъ.

Иные студенты приходили съ массою различныхъ записокъ и пробѣгали ихъ за часъ до экзамена. Совѣты опытныхъ товарищей,

убѣждавшихъ ихъ не отягощать напрасно память ни къ чему неведущей работой, обыкновенно не имѣли никакого успѣха: они путались въ отвѣтахъ, припоминали только отрывки изъ прочитаннаго и оставались очень довольны, получивъ три балла.

«Аристократы» составляли незначительный контингентъ учащихся и не пользовались расположеніемъ товарищей, не желавшихъ участвовать въ ихъ кутежахъ и подражать ихъ пріемамъ. Впрочемъ, личностей, принадлежавшихъ къ дѣйствительно аристократическимъ фамиліямъ, въ нашемъ курсѣ совсѣмъ не находилось: были сыновья разжившихся откупщиковъ, богатыхъ домовладѣльцевъ, ловкихъ управляющихъ, — но всякій понимаетъ, что «порода» тутъ была ни причемъ.

Среди насъ выдавались и труженики, перешедшіе преимущественно изъ семинарій и провинціальныхъ университетовъ. Это были люди бѣдные, жившіе вдвоемъ или втроемъ въ одной небольшой комнатѣ, не знавшіе никакихъ развлеченій, корпѣвшіе надъ переписываніемъ лекцій и добросовѣстно относившіеся къ занятіямъ, при помощи которыхъ могли заработать себѣ кусокъ хлѣба. Они составляли довольно рѣдкое исключеніе: недостаточные студенты получали стипендіи, предоставлявшія имъ возможность жить кое-какъ, но все-таки жить. Процентъ бѣдныхъ студентовъ на 300 человѣкъ полнаго комплекта оказывался весьма незначительнымъ, хотя въ то время у насъ не было ни студенческихъ столовыхъ, ни общежитій, ни литературнаго фонда, ни частныхъ вспомоществованій. Конечно, небольшое количество недостаточныхъ студентовъ зависѣло прямо отъ небольшаго числа учащихся. Кромѣ ого, тогда студенту предоставлялось гораздо болѣе возможности получить приватные уроки, нежели теперь: всѣ они были, такъ сказать, на счету; тѣ, которые хотѣли добросовѣстно заниматься и продолжать курсъ, пользовались рекомендаціею инспектора и субъинспекторовъ. Спросъ на молодыхъ людей, окончившихъ курсъ даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, былъ большой: желающіе преподавать уроки, и въ особенности студенты, брались нарасхватъ. Никто не оставался безъ дѣла, безъ частныхъ занятій, — благо было бы желаніе трудиться. Спросъ даже превосходилъ предложеніе. Мало того, не было примѣра, чтобы молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ университетѣ, даже со степенью дѣйствительнаго студента, не поступалъ немедленно или на государственную, или на частную службу, причемъ получалъ содержаніе, могущее обезпечить его существованіе, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ. Словомъ, окончившій образованіе въ университетѣ могъ, при доброй волѣ и охотѣ къ труду, надѣяться на упроченную будущность, и эта надежда почти всегда осуществлялась на дѣлѣ.

Не существовало сближенія, но не проявлялось и розни: небольшая, сравнительно, семья стояла за каждаго изъ членовъ и

каждому помогала, чѣмъ могла. Почти всѣхъ мы знали въ лицо, знали изъ откровенныхъ разсказовъ и обстановку, и нужды, и домашнее положеніе каждаго, а это приносило большую пользу всѣмъ намъ. Для насъ въ университетѣ не было незнакомаго лица. Оттого происходила извѣстнаго рода солидарность и общность интересовъ во всѣхъ главныхъ случаяхъ нашей университетской жизни.

Отличительною чертою, господствовавшею между студентами въ сферѣ университетскихъ отношеній, была честность, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Обѣщаніе каждаго исполнялось свято. Не бывало примѣра, чтобы, ради нарушенія общепринятаго правила, возникали какія-либо пререканія или недоразумѣнія, хотя товарищество, въ смыслѣ общаго единенія убѣжденій, привычекъ и интересовъ, было развито у насъ въ весьма малой степени — вѣроятно за неимѣніемъ общественныхъ собраній, гдѣ мы могли бы встрѣчаться внѣ университета. Нашъ первоначальный клубъ основался въ «шинельной», у пирожника Василія, къ которому во время рекреацій стекалась толпа студентовъ и который, кстати сказать, кормилъ насъ прескверными пирожками и бутербротами съ отвратительной колбасой; тутъ раздавались свободныя рѣчи, хохотъ и сужденія о «домашнихъ» (университетскихъ) дѣлахъ, а преимущественно о томъ, кто изъ провинившихся навлекъ на себя гнѣвъ его превосходительства Михаила Николаевича. Впослѣдствіи, наши собранія перешли въ кондитерскую Кинше, на углу Большаго проспекта и первой линіи Васильевскаго острова. Тамъ былъ скверненькій билліардъ, на которомъ состязались любители, но большинство изъ насъ пробавлялось чаемъ и сладкими пирожками, о винѣ не было и помина. Бывало, цѣлая ватага вторгалась въ низенькую комнату, и тутъ каждый въ дружеской бесѣдѣ отдыхалъ отъ понесенныхъ утромъ трудовъ. О будущемъ мы какъ-то мало заботились, болѣе или менѣе трудились, но насъ не прельщала профессорская каѳедра. Изъ камеральнаго разряда весьма мало, сравнительно, студентовъ предназначали себя къ ученой дѣятельности, въ противоположность студентамъ другихъ разрядовъ, преимущественно историческаго и математическаго. Такимъ образомъ, мы не особенно сильно предавались занятіямъ и не прочь были искать развлеченій извнѣ. Но развлеченій оказывалось очень мало. Опера, театры Александринскій и Михайловскій, — вотъ и все. Студенты весьма рѣдко посѣщали публичные балы въ клубахъ и еще рѣже бывали въ маскарадахъ, тѣмъ болѣе, что государь Николай Павловичъ удостоивалъ своимъ присутствіемъ маскарады въ Большомъ театрѣ и встрѣча со студентомъ могла бы произвести на него неблагопріятное впечатлѣніе. О товарищескихъ пирушкахъ или собраніяхъ не могло быть и рѣчи: они строго воспрещались, и намъ не было охоты, ради пустаго развлеченія, подвергаться непріятностямъ. Вообще, студенты старались поддерживать въ публикѣ вы-

годное мнѣніе о ихъ нравственности. Весьма рѣдко происходилъ какой-либо скандалъ на улицѣ, учиненный студентомъ; полиція не вмѣшивалась ни во что, касавшееся студентовъ: у послѣднихъ была своя полиція, состоявшая изъ инспектора и субъ-инспекторовъ, наблюдавшихъ за нравами исключительно тѣхъ, которые жили не въ семействѣ или не у родителей; семейныхъ же они оставляли въ покоѣ.

Положеніе студентовъ, жившихъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, было во многомъ лучше положенія остальныхъ. Они вводили въ семью своихъ товарищей и это безъ сомнѣнія приносило большую пользу молодымъ людямъ, которые привыкали къ порядочнымъ манерамъ, умѣли держать себя въ обществѣ и, главное, избавлялись отъ привычекъ неряшливости и неаккуратности, свойственныхъ одинокой жизни. Кромѣ того, возникала общность интересовъ, еще болѣе скрѣплявшая взаимныя связи и нерѣдко превращавшая ихъ въ долговременную дружбу.

Недостатокъ порядочныхъ развлеченій заставлялъ многихъ студентовъ поневолѣ довольствоваться кабинетною жизнью и ограничиваться почти исключительно умственною дѣятельностью. Университетская наука не давала отвѣта на многіе современные, животрепещущіе вопросы; ежедневныхъ большихъ газетъ издавалось всего двѣ: «Сѣверная Пчела», да «С.-Петербургскія Вѣдомости». Изъ нихъ черпались свѣдѣнія весьма краткія, скудныя и неясныя, что то не договаривавшія и нерѣдко противорѣчившія одно другому. Конечно, виновною въ этомъ оказывалась цензура, и ее нельзя было обойти. Такимъ образомъ, для пополненія свѣдѣній о настоящемъ положеніи дѣлъ, приходилось обращаться къ толстымъ ежемѣсячнымъ журналамъ: «Современнику», «Отечественнымъ Запискамъ» и «Русскому Вѣстнику» (въ то время отличавшемуся «либеральнымъ» направленіемъ). Главнымъ же подспорьемъ въ этомъ отношеніи служили «Современникъ» и «Отечественныя Записки» прежнихъ годовъ: тамъ находилось множество прелестныхъ, умныхъ, талантливыхъ произведеній, представлявшихъ драгоцѣнный вкладъ въ русскую литературу: тамъ находились «Письма объ изученіи природы» и «Дилетантизмъ въ наукѣ», Герцена (Искандера), его романъ «Кто виноватъ?» и повѣсти «Сорока и воровка» и «Записки доктора Крупова», статьи Станкевича, повѣсти Кудрявцева, критическіе очерки Бѣлинскаго, «Записки охотника» Тургенева, стихотворенія Некрасова, Огарева, Майкова, Фета и друг. Литературныя свѣтила, въ своихъ глубоко-прочувствованныхъ, исполненныхъ высокой любви и состраданія къ ближнему статьяхъ, очеркахъ, повѣстяхъ, романахъ, стихотвореніяхъ побуждали насъ неутомимо стремиться къ свѣтлымъ идеаламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушали намъ недовольство настоящимъ положеніемъ. Почему являлось это недовольство, — мы чувствовали безотчетно, но фактъ су-

ществовалъ и томилъ насъ. Разочарованіе и томительное сознаніе невозможности осуществленія возвышенныхъ стремленій человѣчества еще болѣе усиливались при чтеніи образцовыхъ произведеній иностранной литературы: Вертера и Фауста, стихотвореній Альфредаде-Мюссе, Виктора Гюго, романовъ Бальзака и друг. Особенно сильное впечатлѣніе, въ самомъ безотрадномъ смыслѣ, произвело на меня сочиненіе Мицкевича: «Курсъ славянской литературы», читанный имъ въ Парижѣ въ 1842—1844 годахъ и изданный подъ общимъ заглавіемъ «Le Messie et le messianisme». Эту книгу удалось мнѣ достать въ бытность мою въ Парижѣ, въ 1853 году; у насъ же она была строжайше запрещена. Изрѣдка, съ большими предосторожностями, пріобрѣтали мы для прочтенія нѣсколько книжекъ «Полярной Звѣзды» и другія анти-правительственныя сочиненія, издававшіяся заграницей. Къ Герцену и Мицкевичу студенты относились съ большимъ уваженіемъ и любовью, какъ къ писателямъ, умѣвшимъ такъ геніально выражать свои симпатіи ко всему прекрасному и свою ненависть ко всему злому и беззаконному. Болѣе сочувствія возбуждалъ въ насъ Герценъ; но имя его въ университетѣ не произносилось, да и вообще говорилось о немъ только въ кругу самыхъ вѣрныхъ и испытанныхъ товарищей. Мы сознавали, что свѣдѣнія о Россіи и о русскомъ правительствѣ, помѣщаемыя въ его журналѣ, не отличались во многихъ случаяхъ правдивостью и безпристрастіемъ, но способовъ провѣрки ихъ у насъ не имѣлось и мы читали и перечитывали ихъ съ жадностью.

Слова: свобода, равноправность, судъ присяжныхъ, права человѣка, — всѣ эти слова, заключающія въ себѣ міровое значеніе, какъ то глухо раздавались въ нашихъ ушахъ и имѣли для насъ лишь теоретически-абстрактный смыслъ. Мы были еще слишкомъ молоды и не могли понять вполнѣ, что происходило у насъ въ Россіи; мы были черезъ-чуръ замкнуты въ тѣсной сферѣ обычныхъ занятій и не имѣли возможности многаго знать, многое сравнивать и дѣлать правдивую оцѣнку событій, вѣсти о которыхъ доносились до насъ съ различными недомолвками. Стремленія къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, къ введенію новыхъ судовъ, учрежденію воинской всесословной повинности и уравненію правъ женщины, въ примѣненіи къ нашему отечеству, казались намъ никогда неосуществимыми идеалами, которые мы хранили въ своемъ сердцѣ, какъ завѣтную, дорогую мечту, безъ всякой надежды привѣтствовать зарю новой жизни.

Разобщенные, такимъ образомъ, съ дѣйствительностью, мы очень мало обращали вниманія на то, что происходило въ нашемъ отечествѣ, вслѣдствіе скудости источниковъ, и еще менѣе интересовались внѣшними политическими дѣлами. Передавать при встрѣчѣ другъ съ другомъ свои впечатлѣнія о «событіяхъ дня» было не только безполезно, но въ высшей степени опасно и рискованно.

Хотя я могу безошибочно утверждать, что среди молодыхъ людей, носившихъ студентскій мундиръ, не было ни одного человѣка, который запятналъ бы его въ качествѣ доносчика или шпіона, но въ университетѣ, на лекціи, являлись и постороннія лица, съ которыми студенты обращались весьма холодно и старались ихъ избѣгать, за весьма немногими исключеніями. Какъ бы то ни было, но попечителю бывало извѣстно многое, что происходило въ кругу студентовъ, преимущественно въ университетѣ, и малѣйшее неосторожное слово съ нашей стороны, которое имѣло бы отношеніе къ внутреннимъ распорядкамъ въ государствѣ или участію правительства въ иностранныхъ дѣлахъ, могло повлечь за собою самыя пагубныя, прискорбныя послѣдствія. Въ припадкахъ страшнаго гнѣва, любимымъ выраженіемъ Михаила Николаевича было: «лобъ забрѣю»! Положимъ, «лобъ забрить» онъ не имѣлъ никакого права,— это выходило изъ предѣловъ его власти; но въ то время право оставалось правомъ, а фактъ оставался фактомъ: онъ могъ, безъ всякихъ разговоровъ, исключить студента изъ университета. Исключеніе же изъ университета портило навсегда карьеру молодаго человѣка, отзываясь на его дальнѣйшей будущности, и это соображеніе заставляло насъ по-неволѣ быть весьма осторожными. Мы предпочитали скромно заниматься своими собственными «домашними» интересами, которые и составляли для насъ маленькій, отдѣльный мірокъ.

Но вскорѣ и эти маловажные интересы должны были стушеваться передъ событіями, внезапно нахлынувшими на всю Россію и разомъ охватившими наши молодые умы.

Ѳ. Устряловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И. А. ГОНЧАРОВА.

«Всякій и всякая теперь носятъ въ себѣ свой судъ надъ своими писателями, иногда вѣрнѣе самой привилегированной критики».

Гончаровъ.

Въ декабрѣ 1882 года, небольшой кружокъ русскихъ писателей скромно праздновалъ пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Ивана Александровича Гончарова: безъ длинныхъ рѣчей и парадной обстановки они поднесли юбиляру кабинетные часы съ бронзовымъ изображеніемъ молодой дѣвушки, при которомъ виднѣлась надпись: «Мареинька» — имя симпатичной героини «Обрыва». Но объ этомъ тихомъ праздникѣ и оригинальномъ подаркѣ образованная публика узнала позже, только изъ газетъ, и потому нѣкоторые горячіе поклонники нашего писателя справедливо сѣтовали, что никто не позаботился предупредить о близкомъ юбилеѣ автора, «Обломова» [1]). Позволимъ себѣ напомнить почитателямъ Гончарова что черезъ нѣсколько дней, именно 5-го іюля, исполнится полвѣка съ той поры, какъ И. А. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ дѣйствительнымъ студентомъ словеснаго факультета [2]) и поступилъ на государственную службу. Мы считаемъ умѣстнымъ напечатать по поводу этого, такъ сказать, новаго юбилея хронологическій обзоръ сочиненій Гончарова, чего до сихъ поръ еще не было сдѣлано въ нашей библіографической литературѣ.

---

[1]) См., напримѣръ, въ Русск. Вѣд. 1883 г., № 3.

[2]) См. брошюру: «Рѣчи, произнесенныя въ торж. собраніи Имп. Московскаго университета, 5-го іюня 1834 г., М. 1834 г., стр. 86.

Первымъ литературнымъ трудомъ Гончарова появился переводъ романа Евгенія Сю, подъ заглавіемъ «Атаръ-Гюль», напечатанный въ «Телескопѣ» (1832 г. ч. 15). Этотъ переводъ, исполненный еще на студенческой скамьѣ, какъ можно думать, былъ вызванъ двумя причинами. Съ одной стороны, русская литература тридцатыхъ годовъ сильно увлекалась такими писателями новѣйшей французской школы, какъ Бальзакъ, Дюма, Поль-де-Кокъ и Сю: имъ посвящались хвалебные критическіе отзывы въ тогдашней періодической печати; ихъ произведеніями наполнялись страницы журналовъ и даже столбцы газетъ. Подобному же увлеченію, какъ извѣстно, поддался и В. Г. Бѣлинскій, который, тоже около Рождества 1832 года, перевелъ «Монфермельскую молочницу», романъ Поль-де-Кока [1]). Съ другой же стороны, русскій переводчикъ «Атаръ-Гюля», любившій въ дѣтствѣ слушать разсказы своего крестнаго отца-моряка, а потомъ увлеченный описаніями путешествій по водѣ, естественно обратилъ вниманіе на французскаго романиста, котораго одна современная рецензія представляла въ такомъ видѣ: «Департаментъ морской находится подъ командою капитана Евгенія Сю. Corbleu! morbleu! vive Dieu! mille sabords! подбирайте паруса!.. Вѣтеръ дуетъ, пиратъ приходитъ въ смущеніе, матросы бросаются сломя голову; одинъ Евгеній Сю, капитанъ, остается хладнокровнымъ и неподвижнымъ. Г. Евгеній Сю вѣчно на кораблѣ, тогда какъ г. де-Бальзакъ вѣчно въ будуарѣ» [2]).

За первымъ переводнымъ трудомъ протекло пятнадцать лѣтъ, пока не появилась вторая, но уже оригинальная литературная работа Гончарова — романъ «Обыкновенная исторія», помѣщенный сначала въ «Современникѣ» (1847 г., кн. 3 и 4), а потомъ три раза изданный отдѣльно (Спб. 1848, 1859 и 1868 гг.). Появленіе этого романа сопровождалось любопытными эпизодами. По словамъ Панаева [3]), Гончаровъ передалъ рукопись «Обыкновенной исторіи» другу Бѣлинскаго—М. А. Языкову; тотъ съ годъ держалъ ее у себя, развернулъ однажды, прочелъ нѣсколько страничекъ, которыя ему почему то не понравились, и забылъ о ней. Потомъ онъ сказалъ о ней Некрасову: «кажется плоховато, не стоитъ печатать»; но Некрасовъ взялъ рукопись у Языкова и, замѣтивъ, что это произведеніе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, передалъ ее Бѣлинскому, который уже просилъ автора, чтобы онъ прочелъ ее самъ... «Бѣлинскій — прибавляетъ Панаевъ — все съ болѣе и болѣе возроставшимъ участіемъ и любопытствомъ слушалъ чтеніе Гончарова и по временамъ привскакивалъ на своемъ стулѣ, съ свер-

---

[1]) «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», сочиненіе А. Н. Пыпина, Спб. 1876 г., т. I, стр. 75.

[2]) Телескопъ, 1833 г., ч. 16, стр. 266—267.

[3]) «Литературныя воспоминанія И. И. Панаева», Спб. 1876 г., стр. 403—404.

кающими глазами, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ему особенно нравились». По выходѣ же въ свѣтъ «Обыкновенной исторіи», нашъ критикъ тотчасъ же поспѣшилъ похвалить ее въ письмахъ къ своимъ друзьямъ. «Будь она напечатана въ первыхъ двухъ №№, вмѣсто плохой повѣсти Панаева (т. е. «Родственники») — писалъ онъ Тургеневу — можно клясться всѣми клятвами, что уже мѣсяцъ назадъ всѣ 2100 экземпляровъ были бы разобраны, и, можетъ быть, надо было бы печатать еще 600 экземпляровъ, которые тоже разошлись бы, хотя и медленно, и доставили бы собою небольшую, но уже чистую прибыль» [1]). Еще болѣе В. Г. восхищался трудомъ Гончарова, адресуясь къ В. П. Боткину [2]): «сильно ли — говорилъ онъ въ письмѣ отъ 4-го марта — понравится тебѣ повѣсть Гончарова, или вовсе не понравится, — во всякомъ случаѣ ты увидишь великую разницу между Гончаровымъ и Кудрявцевымъ въ пользу перваго; эта разница состоитъ въ томъ, что Гончаровъ — человѣкъ взрослый и совершеннолѣтній»... «Повѣсть Гончарова— разъяснялъ онъ въ письмѣ отъ 15-го марта—произвела въ Питерѣ фуроръ — успѣхъ не слыханный! Всѣ мнѣнія слились въ ея пользу. Даже свѣтлѣйшій князь В-скій черезъ дядю Панаева, изъявилъ ему, Панаеву, свое удовольствіе. Дѣйствительно талантъ замѣчательный. Мнѣ кажется, что его особенность, такъ сказать, личность, заключается въ совершенномъ отсутствіи семинаризма, литературщины и литераторства, отъ которыхъ не умѣли и не умѣютъ освобождаться даже геніальные русскіе писатели. Я не исключаю и Пушкина. У Гончарова нѣтъ и признаковъ труда, работы; читая его, думаешь, что не читаешь, а слушаешь мастерской изустный разсказъ. Я увѣренъ, что тебѣ повѣсть эта сильно понравится. А какую пользу принесетъ она обществу! Какой она страшный ударъ романтизму, мечтательности, сантиментальности, провинціализму»!.. Наконецъ, эти отрывочныя замѣтки, изложенныя въ дружеской перепискѣ, нашли полное развитіе и подкрѣпленіе въ предсмертной статьѣ нашего критика, помѣщенной въ «Современникѣ» (1848 г., кн, 3. отд. III, стр. 13—32) и перепечатанной въ «Сочиненіяхъ Бѣлинскаго» (М. 1875 г., т. XI, стр. 374—418), подъ названіемъ: «Взглядъ на русскую литературу 1847 года»; тутъ послѣ обширнаго анализа главнаго героя-Адуева, авторъ пришелъ къ любопытнымъ заключеніямъ: «У Гончарова — писалъ онъ — нѣтъ ничего, кромѣ таланта: онъ больше, чѣмъ кто нибудь теперь, поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный и замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать жен-

---

[1]) «Воспоминанія о Бѣлинскомъ» Тургенева, въ Вѣстникѣ Европы (1869 г. кн. 4, стр. 728—729).

[2]) «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», т. II, стр. 280 и 282—283.

скіе характеры и между прочимъ языкъ чистый, правильный легкій, свободный, льющійся. Разсказъ г. Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація»... Конечно, такой подробный и мѣткій разборъ имѣлъ больше значеніе для публики, чѣмъ другія критическіе статьи, посвященныя «Обыкновенной исторіи» [1]).

Черезъ годъ послѣ романа, Гончаровъ выступилъ съ небольшимъ разсказомъ: «Иванъ Савичъ Поджабринъ», помѣщеннымъ тоже въ «Современникѣ» (1848 г., кн. I) и перепечатаннымъ въ «Сборникѣ для легкаго чтенія» (1856 г., т. II). Новый разсказъ, помѣченный авторомъ «1842 годомъ», вызвалъ изъ-подъ пера П. В. Анненкова основательное замѣчаніе: «мы скажемъ откровенно г. Гончарову, что шуточный разсказъ находится въ противорѣчіи съ самымъ талантомъ его. Съ его многостороннимъ изслѣдованіемъ характеровъ, съ его глубокимъ и упорнымъ трудомъ въ разборѣ лицъ дурно вяжется легкій очеркъ, который весь долженъ состоять изъ намековъ и бѣглыхъ замѣтокъ. Повѣсть перешла у него тотчасъ же въ подробное описаніе поступковъ смѣшнаго Поджабрина и, потерявъ легкость шутки, не пріобрѣла дѣльности психологическаго анализа, въ которомъ онъ выказалъ себя такимъ мастеромъ»... «Впрочемъ — прибавлялъ критикъ — это единственная вещь, написанная авторомъ въ прошломъ (1848) году, и молчаніе его доказываетъ, если не ошибаемся, что онъ занятъ трудомъ, который лучше будетъ соотвѣтствовать высокому мнѣнію, которое передалъ онъ о своемъ талантѣ первымъ своимъ произведеніемъ» [2]). Послѣднее предположеніе оправдалось въ скоромъ времени: редакція «Современника» издала «Литературный Сборникъ съ иллюстраціями» (Спб. 1849 г., 8°, 276 стр.), въ которомъ на видномъ мѣстѣ помѣстила «эпизодъ изъ неоконченнаго романа» Гончарова — «Сонъ Обломова». На этотъ «отрывокъ» обратилось вниманіе тогдашней критики [3]); составители «христоматій» (первый — А. Д. Галаховъ) тотчасъ же зачислили его въ кругъ «избранныхъ статей»; читатели ждали «продолженія»... Но авторъ какъ бы испытывалъ терпѣніе публики и долго молчалъ. Онъ,

---

[1]) Вотъ эти рецензіи: въ «Сѣверной Пчелѣ» 1847 г., № 88 и 89 (за подписью Я. Я. Я., т. е. Л. Бранта); въ Отеч. Записк. 1848 г., кн. 3, отд. VI, стр. 1—11; Московск. Обозр. 1859 г. кн. 2, отд. III, стр. 5—6. — Кромѣ того, есть разборъ «Обыкновенной исторіи» на нѣмецкомъ языкѣ въ книгѣ Минцлова: Beiträge zur Kenntniss der poet, und wissensch. Literatur Russlands, Berlin. 1854 S. 131—154.

[2]) Соврем. 1849 г., кн. I. См. также «Воспоминанія и критическіе очерки Анненкова», Спб. 1879 г., отд. II, стр. 37—38.

[3]) См. за 1849 годъ: Современ. кн. 4, отд. III, стр. 96—98; Москвитян. кн. 11, стр. 71—77 и С.-Петерб. Вѣдом., № 123.—Кромѣ того, Отеч. Зап. 1850 г. кн. I, отд. V, стр. 15—16 и Современ. 1851 г., кн. 1, отд. III, стр. 54—54.

какъ извѣстно, въ 1852 году согласился на кругосвѣтное путешествіе съ адмираломъ Е. В. Путятинымъ. Только черезъ три года ему пришлось вернуться въ Россію и, вмѣсто полнаго романа или нѣсколькихъ главъ, дать русской публикѣ большую вереницу «путевыхъ замѣтокъ» въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ:

«Ликейскіе острова», изъ путевыхъ замѣтокъ (Отеч. Зап. 1855 г., кн. 4).
«Замѣтки на пути отъ Манилы до береговъ Сибири» (Морск. Сбор. 1855 г. кн. 5; отсюда перепечатано въ Журналѣ военно-учебн. заведеній 1857 г. № 511 и 512).
«Атлантическій океанъ и островъ Мадера» (Отеч. Зап. 1855 г., кн. 5).
«Изъ Якутска», описаніе жизни и нравовъ якутовъ» (Морск. Сборн. 1855 г., кн. 6; отсюда было извлеченіе, напечатанное въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1855 г., № 83, подъ названіемъ: «Замѣтки г. Гончарова объ якутскомъ краѣ»).
«Русскіе въ Японіи въ концѣ 1853 и въ началѣ 1854 годовъ», изъ путевыхъ замѣтокъ (Морской Сборн. 1855 г., кн. 9—11; отдѣльный оттискъ: Спб. 1856 г., 8°, 238 стр.).
«Манила», изъ путевыхъ замѣтокъ отъ Лю-чу до Манилы (Отеч. Зап. 1885 г., кн. 10).
«Отъ мыса Доброй Надежды до Явы» (Современ. 1855 г., кн. 10).
«Острова Бонинъ-Сима съ 26-го іюня по 4-е августа 1853 года» (Современ. 1856 г., кн. 2).
«Сингапуръ», изъ путевыхъ замѣтокъ (Отеч. Зап. 1856 г., кн. 8).
«На мысѣ Доброй Надежды» (Морск. Сборн. 1856 г., кн. 8 и 9; отдѣльный оттискъ: Спб. 1856 г., 8°, 156 стр.).
«Отъ Кронштадта до мыса Лизарда», изъ путевыхъ записокъ (Русскій Вѣстн. 1856 г., кн. 21).
«Аянъ», замѣтки изъ памятной книжки на сибирскихъ островахъ (Библіот. для чтен. 1857 г., кн. 4).
«Плаваніе въ атлантическихъ тропикахъ», письмо къ В. Г. Бенедиктову (Русскій Вѣстн. 1857 г., кн. 9).

Названныя статьи, при своемъ появленіи въ журналахъ, вызвали рядъ рецензій, которыя въ одинъ голосъ считали образцовыми «путевыя замѣтки» Гончарова [1]). Особенно высоко ставилъ ихъ такой солидный критикъ, какъ А. В. Дружининъ. «Книга Гончарова — отзывался онъ только объ отдѣльномъ оттискѣ: «Русскіе въ Японіи» — будетъ прочтена каждымъ русскимъ человѣкомъ. Мать можетъ смѣло дать ее въ руки своей дочери, гувернеръ — ученику; и отрокъ, и юноша, и старикъ равно найдутъ въ ней все, что даетъ успѣхъ каждому полезному произведенію, т. е. живой языкъ, интересныя факты и картины природы, изображенныя рукой опытнаго мастера». Не менѣе сочувственно отнеслась

---

[1]) См. С.-Петерб. Вѣд. 1855 г., № 271 и журналы 1856 года: Современ. кн. 1 (ст. Дружинина), Отеч. Зап. кн. 1 (статья Дудышкина), Библіот. для чтен., кн. 2 (статья Кеневича), Общезаним. Вѣстн., № 13 (статья Попова).

журнальная критика [1]) и къ изданію «путевыхъ замѣтокъ» въ видѣ особой книги, подъ заглавіемъ: «Фрегатъ Паллада, очерки путешествія», въ двухъ томахъ (Спб. 1858 г.; 2-е изд. 1862 г. 3-е изд. 1879 г. со включеніемъ дополнительныхъ главъ). Только одна короткая рецензія «Библіографическихъ Записокъ» (1858 г. № 11 стр. 352), среди общихъ похвалъ, выразила такое странное сужденіе: «трудъ г. Гончарова ни мало не имѣетъ ученаго значенія; это легкія, поверхностныя, подъ часъ остроумныя, а подъ часъ утомительныя замѣтки туриста, не приготовленнаго достаточно ни для изученія природы, ни для наблюденій надъ бытомъ и нравомъ народовъ»... Конечно, подобная замѣтка не могла ни унизить значеніе названной книги, ни тѣмъ болѣе охладить читателей къ таланту Гончарова. Это всего лучше сказалось черезъ годъ, когда, наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, появился романъ «Обломовъ», сначала въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1859 г., кн. 1—4), а потомъ отдѣльными изданіями (Спб. 1859 и 1862 гг.). Едва ли какое нибудь другое сочиненіе того времени вызвало такую массу солидныхъ отзывовъ, какъ это произведеніе гончаровскаго пера [2]). Каждый тогдашній журналъ поспѣшилъ сказать свое слово о достоинствахъ новаго романа: одинъ подробно объяснялъ, что «Обломовщина» — живое изображеніе всей русской общественной жизни, погруженной въ сонъ или розовыя мечты; другой касался женскихъ типовъ, сличая ихъ съ героинями Тургенева; третій говорилъ о воспитательномъ значеніи романа и т. д. Эти различныя точки зрѣнія примирялись, какъ лучи въ фокусѣ, въ признаніи Гончарова «талантливымъ современнымъ романтистомъ», а читатели питали надежды, что онъ подаритъ другой подобный же трудъ. Надежды не были напрасны: не прошло и года послѣ «Обломова», какъ стали появляться «Эпизоды изъ жизни Райскаго», помѣщенные то въ «Современникѣ» («Софья Николаевна Бѣловодова» 1860 г., кн. 2), то въ «Отечественныхъ Запискахъ» («Бабушка» 1861 г., кн. 1; «Портретъ» 1861 г., кн. 2). Но едва публика и критика, заинтересованныя этими «эпизодами», надѣялись скоро получить цѣльный романъ, какъ Гончаровъ сначала занялся, въ качествѣ главнаго редактора, изданіемъ «Сѣверной Почты» [3]), а потомъ, какъ и послѣ

---

[1]) См. Современ. 1858 г., кн. 6 и Библіот. для чтенія 1858 г., кн. 7 (статья И. Л.) Позднѣе появилась статья г. Рыкачева въ Морск. Сборникѣ 1869 г., кн. 5—6 и рецензія неизвѣстнаго критика въ Отеч. Записк. 1879 г., кн. 8.

[2]) Вотъ главныя статьи: Современ. 1859 г., кн. 5 (Н. Добролюбова); Русское Слово, 1859 г., кн. 7 (Г. Кушелева-Безбородко); Журналъ мин. нар. просв. 1859 г. кн. 8 (А. Пятковскаго); Библіот. для чтен. 1859 г., кн. 12 (М. У—нова); Русск. Міръ 1859 г., № 20 и 21 (В. Стоюнина); Московск. Вѣстн. 1859 г., № 28 и 42 (А. Пальховскаго); Свѣточъ 1860 г., кн. 1 (А. Милюкова); Русск. Вѣстн. 1860 г., кн. 3 (Н. Ахшарумова); Русск. Слово, 1861 г., кн. 11 и 12 (Д. Писарева); Современникъ 1862 г., кн. 5 (А. О.); Невск. Сборн. 1867 г. (Алкандрова).

[3]) И. А., какъ главный редакторъ «Сѣверной Почты», издалъ за своею подписью нумера 215—282 въ 1862 году и 1—144 въ 1863 году.

«Сна Обломова», замолчалъ на-долго... Только черезъ десять лѣтъ онъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1869 г., кн. 1—5) и отдѣльно (Спб. 1870 г.) свой новый романъ: «Обрывъ», программа котораго, по словамъ автора, «была набросана еще въ 1856 и 1857 годахъ». Трудно было ожидать рѣзкихъ отзывовъ по поводу новаго, тоже мастерски написаннаго, произведенія. Между тѣмъ, наша журналистика, въ лицѣ нѣкоторыхъ литературныхъ органовъ, запальчиво отнеслась къ «Обрыву» [1]): она считала его «талантливою безталанностію», Вѣру называла «псевдо-новой героиней», мысли автора — «уличною философіей...» Такія неосновательныя нападки объяснялись тѣмъ, что взгляды романиста, особенно на «нигилиста» Марка Волохова, не совпадали съ убѣжденіями тогдашнихъ либеральныхъ критиковъ. Но... побѣда, какъ показало время, осталась на сторонѣ не критики, а русской публики: романъ былъ прочтенъ съ удовольствіемъ и вызвалъ годъ тому назадъ такое замѣчаніе женщинъ, изложенное въ адресѣ Гончарову: «читая васъ, не только наслаждаешься, но и учишься: у «Бабушки» — житейской мудрости, у «Вѣры», какъ послѣ горькихъ опытовъ, ошибокъ гордости и невѣдѣнія, — не падать духомъ, не умаляться, а возростать на пути разумной, сознательной жизни». Можетъ быть, эта симпатія публики, чутко угаданная Гончаровымъ еще раньше адреса, не заставила его покинуть литературной сцены, какъ, напримѣръ, постоянныя «вылазки» послѣднихъ лѣтъ удерживали отъ пера другаго романиста — Тургенева: И. А., хотя изрѣдка, все же продолжалъ появляться съ новыми печатными трудами; такъ, его перу принадлежала анонимная статья о комедіи «Горе отъ ума», подъ названіемъ: «Милліонъ терзаній» (Вѣстн. Евр. 1872 г., кн. 3); съ его же именемъ были помѣщены въ «Русской Рѣчи» критическія замѣтки: «Лучше поздно, чѣмъ никогда» (1879 г., кн. 6) и очеркъ: «Литературный вечеръ» (1880 г., кн. 1). Эти три послѣднія произведенія, соединенныя съ «Замѣтками о личности Бѣлинскаго», составили небольшую книжку, изданную подъ заглавіемъ: «Четыре очерка» (Спб. 1881 г.). Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго года, вышло «Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова» (Спб. 1884 г., восемь томовъ). Нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ «собраніи» давно нуждалась наша читающая публика, потому что первыя изданія «Обыкновенной исторіи» и «Обломова» уже нѣсколько лѣтъ не находились въ продажѣ; но также нельзя и отрицать, что оно не можетъ называться «полнымъ» и «образцовымъ»: за исключеніемъ переводовъ, въ немъ пропущенъ ука-

---

[1]) Вотъ статьи журналовъ: Русск. Вѣстн. 1869 г., кн. 7 (Н. Нелюбова), Дѣло 1869 г., кн. 8 (Н. Шелгунова) и кн. 9 (Окрейца); Отеч. Зап. 1869 г.. кн. 10 (А. Скабичевскаго) и 1870 г., кн. 5 (М. Цебриковой); Заря 1869 г., кн. 11 (Л. Антропова) и 1870 г., кн. 5 (А. Незеленова).

занный нами очеркъ: «Иванъ Саввичъ Поджабринъ»; въ него не попали труды Гончарова, занесенные, какъ мы знаемъ отъ Панаева [1]), въ особыя книжки, которыя отлично переписывались, переплетались и показывались гостямъ Н. А. Майкова, отца нашего поэта; кромѣ того, при своеобразномъ размѣщенiи «сочиненiй», нѣтъ въ новомъ изданiи руководящаго, хронологическаго указателя. Поэтому, мы отъ души желаемъ, чтобы въ скоромъ времени вышло безукоризненное и дѣйствительно полное «Собранiе сочиненiй Гончарова», при чтенiи котораго всѣ могли бы повторить предъ авторомъ такiя слова «женскаго адреса»: «вы, по-истинѣ, намъ дороги: дороги, какъ всякая русская слава; дороги, какъ художникъ, тонкое, деликатное перо котораго нарисовало нѣсколько прелестнѣйшихъ въ нашей литературѣ типовъ; наконецъ, дороги, какъ честный, умный и добрый человѣкъ...»

Дмитрiй Языковъ.

---

[1]) Воспоминанiя И. И. Панаева, стр. 138.

ВООРУЖЕННЫЕ КАРАВАНЫ ДЛЯ ТОРГОВЛИ СЪ ОСТЪ-ИНДІЕЮ [1].

О ВРЕМЕНИ славнаго похода Скобелева на туркменъ и покоренія имъ Ахалъ-Текинскаго оазиса, имѣвшихъ чрезъ три года послѣдствіемъ добровольное подданство Россіи Мерва, русской торговлѣ открылся новый, наикратчайшій путь въ Остъ-Индію. Пройдетъ немного лѣтъ и по этому направленію, какъ наиболѣе естественному и удобному, установятся обширные торговые обороты между Россіею и югозападными частями Азіи. Развитію ихъ будутъ способствовать: желѣзная дорога, соединяющая чрезъ Батумъ, Поти и Баку, Каспійское море съ Чернымъ, закаспійская желѣзная дорога, направляющаяся отъ береговъ Каспійскаго моря къ Мервскому оазису, наконецъ, водяное сообщеніе по Волгѣ и Каспійскому морю, дающее возможность дешевой, удобной перевозкѣ товаровъ изъ центра Россіи къ берегамъ Азіи.

Не то было въ прошломъ столѣтіи, когда большая часть береговъ Каспійскаго моря была въ независимомъ отъ Россіи положеніи, когда она вынуждена была рядами укрѣпленій охранять свои границы отъ хищническихъ набѣговъ азіятскихъ кочевниковъ, когда даже въ ближайшія къ нашимъ предѣламъ азіятскія государства русскіе товары и русскіе купцы могли проникать не иначе, какъ подъ болѣе или менѣе сильнымъ вооруженнымъ прикрытіемъ. При послѣднемъ условіи наши торговые караваны, уже въ половинѣ прошлаго столѣтія, пробирались къ Остъ-Индіи, куда привлекали слухи о ея несмѣтныхъ богатствахъ, распускаемые европейцами.

---

[1]) По ненапечатаннымъ документамъ изъ частныхъ архивовъ.

Такъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Неплюевъ, въ письмѣ изъ Оренбурга, отъ 27-го января 1754 года, къ графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову, говоритъ, что въ 1750 году онъ отправилъ для пробы въ Индію небольшой караванъ съ оренбургскими татарами и считалъ его уже безъ вѣсти погибшимъ, а между тѣмъ на прошлой недѣлѣ онъ возвратился въ Оренбургъ [1]). Опытъ знаменитаго начальника Оренбургскаго края, Неплюева, однако же не вызвалъ, повидимому, послѣдователей, пока въ тамошнемъ краѣ не появилось новое лицо, энергически занявшееся разработкою вопроса объ установленіи непосредственныхъ торговыхъ сношеній между Россіею и Остъ-Индіею.

Такимъ лицомъ оказался директоръ оренбургской таможни, Павелъ Елисѣевичъ Величко, занимавшій эту должность въ первое десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія. Родомъ изъ Малороссіи, онъ началъ свою службу въ тамошнемъ казачьемъ войскѣ, участвовалъ въ заграничныхъ походахъ, въ 1776 году былъ уже сотеннымъ атаманомъ, въ 1782 году—войсковымъ товарищемъ, а въ 1783 году былъ уволенъ отъ службы въ этомъ войскѣ съ награжденіемъ чиномъ поручика. Затѣмъ, П. Е. Величко перешелъ на службу по гражданскому вѣдомству, и въ 1788 году, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, былъ уже прокуроромъ губернскаго магистрата Колыванской губерніи, откуда, въ 1797 году, опредѣленъ былъ цолнеромъ въ астраханскую таможню, въ 1799 году на ту же должность въ оренбургскую таможню, гдѣ онъ былъ съ 1800 года директоромъ, а въ 1819 году уже занималъ должность начальника оренбургскаго таможеннаго округа.

Не успѣлъ П. Е. Величко заняться должностью цолнера въ оренбургской таможнѣ, какъ его уже потребовалъ въ Петербургъ министръ коммерціи, князь Гагаринъ, для объясненія ему существующаго въ Оренбургѣ образа торговли, досмотра и выпуска товаровъ, разсчета съ торгующими азіятскими и другими купцами, а также для разъясненія другихъ разныхъ обстоятельствъ, относящихся до таможенной части. П. Е. Величко понравился министру коммерціи, изъ личныхъ объясненій съ нимъ ознакомившагося съ его пониманіемъ торговыхъ обстоятельствъ оренбургскаго края. При свиданіяхъ князя Гагарина съ Величко въ Петербургѣ, въ 1799—1800 году, шла рѣчь не только о возможности усиленія таможенныхъ доходовъ по оренбургской таможнѣ, но и объ учрежденіи въ Оренбургѣ, при содѣйствіи русскихъ купцовъ, желавшихъ развить свою торговлю съ Азіею, «конторы индѣйской компаніи». Переговоры между министромъ и директоромъ таможни о привлеченіи торговли съ Индіею къ Оренбургу имѣли своего рода связь съ проектомъ сухопутной военной экспедиціи въ Индію, предложенной Напо-

---

[1]) См. «Архивъ князя Воронцова», книга 25-я, стр. 214.

леономъ Бонапарте императору Павлу послѣ заключенія мира между Франціею и Россіею, въ видахъ нанесенія сильнаго удара Англіи. Французская армія должна была выступить въ концѣ мая 1801 года, и чрезъ Таганрогъ, Царицынъ, Астрахань прибыть въ Астрабадъ, гдѣ она соединилась бы съ русскимъ отрядомъ, переправленнымъ туда изъ Астрахани. Кончина императора Павла и заключеніе мира между Россіею и Англіею не дали возможности осуществить проектъ французскаго полководца.

Личные переговоры Величко съ княземъ Гагаринымъ побудили перваго еще усерднѣе приняться за дѣло развитія прямыхъ торговыхъ сношеній между Россіею и Индіею. Своими переговорами съ русскими купцами онъ уговорилъ ихъ въ пользѣ для нихъ самимъ снаряжать караваны въ Индію съ русскими товарами и такимъ же путемъ вывозить оттуда въ наши предѣлы тамошнія произведенія. Предполагалось учредить для этого по общему согласію компанію съ необходимымъ для такихъ операцій капиталомъ. Князь Гагаринъ, въ отношеніи отъ 7-го мая 1800 года, радуясь такому успѣшному ходу переговоровъ съ купцами, предлагалъ послѣднимъ обратиться къ нему съ письмомъ по этому предмету, чтобы онъ могъ испросить на то разрѣшеніе его императорскаго величества. Одно время такую компанію предполагали учредить въ Астрахани, но впослѣдствіи выборъ палъ на Оренбургъ. Князь Гагаринъ такъ интересовался ускореніемъ открытія непосредственной торговли съ Индіею, что, 4-го декабря 1801 года, предписалъ Величко вновь пріѣхать въ Петербургъ и представить ему свѣдѣнія «о давно предполагаемомъ открытіи торга съ Индіею».

Но князь Гагаринъ вскорѣ оставилъ постъ министра коммерціи и былъ замѣщенъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ. Передъ своимъ увольненіемъ, князь Гагаринъ выдалъ Величко, отъ 5-го марта 1802 года, особый аттестатъ, въ которомъ между прочимъ, упомянулъ, что Величко, «по особому ему отъ меня препорученію, согласилъ торгущее тамъ купечество на учрежденіе торговой компаніи въ Азію». Князь Гагаринъ, въ бытность свою министромъ, очень много занимался азіятскими вопросами, по ихъ политическимъ и коммерческимъ отношеніямъ къ Россіи. Въ длинномъ, уже частномъ, письмѣ къ Величко, послѣ своего увольненія, онъ сообщалъ ему изъ села Богословскаго, отъ 13-го февраля 1804 года: «Письмо ваше, отъ 19-го января, съ приложеніемъ описанія Хивы [1]) и проч., я получилъ. Топографическое описаніе ваше вниманія достойно и нынѣ и на предбудущія времена; но мщеніе Хивѣ въ теперешнихъ политическихъ обстоятельствахъ едва ли

[1]) Оно было составлено Величко по распросамъ у русскихъ плѣнныхъ, освобожденныхъ изъ Хивы купцомъ Шапошниковымъ, которому императоръ Александръ I пожаловалъ за то медаль съ соотвѣтственною его дѣянію надписью.

возможно. Зазжемъ мы пожаръ на востокѣ; но опасаться надобно, чтобы не воспользовались имъ на западѣ, въ теперешнюю эпоху времени, гдѣ весь политическій составъ, не только Европы, но и другихъ частей свѣта, угрожается сильнымъ потрясеніемъ. Кажется, есть средства миролюбивыя, которыя я и употребить хотѣлъ, но они, не знаю почему, разрушены, такъ какъ и многія другія предпріятія, между которыми одно наименую: «населеніе китайской границы». Сіе предпріятіе, смѣю сказать, безошибочно было хорошо; но не знаю для чего и почему ниспровергнуто: и люди, и деньги потеряны. У насъ многое для того только ниспровергается, что «для чего не я, а другой это выдумалъ». Жалкая эта истина, но она, къ несчастію, существуетъ.

«Азіятская торговля для насъ весьма важна. Въ десять лѣтъ прилежной надъ нею работы, съ потребнымъ, но не весьма важнымъ иждивеніемъ, можетъ она для насъ быть въ нѣсколько разъ важнѣе европейской. Но для сего потребна твердая система, а гдѣ людей мѣняютъ такъ, какъ туфли, то ничего добраго не выйдетъ, ибо всякій преемникъ не можетъ въ точности войдти въ мысли своего предшественника. Изъ этого выходитъ, что Россія всегда остается и оставаться будетъ при благихъ начинаніяхъ. Еще долженъ я вамъ сдѣлать мое замѣчаніе о Мангышлакѣ. Сіе мѣсто ни къ какому важному назначенію неудобно. Я нѣкогда имѣлъ намѣреніе сдѣлать тутъ укрѣпленную торговую контору, для большаго сближенія съ Азіею, подъ прикрытіемъ двухъ или трехъ баталіоновъ и небольшой эскадры, но принужденъ былъ это предпріятіе оставить, ибо, по взятымъ справкамъ, оказалось, что для такого числа людей въ сладкой водѣ великій будетъ недостатокъ».

Изъ дѣлъ прежняго сибирскаго комитета видно, что, по докладу князя Гагарина, состоялся, 17-го октября 1799 года, высочайшій указъ о населеніи сибирскаго края, прилегающаго къ китайскимъ границамъ, отставными солдатами, преступниками и проч., а также о дозволеніи помѣщикамъ отдавать на поселеніе въ Сибири крестьянъ, не старѣе 45 лѣтъ, съ семействами и съ зачетомъ въ рекруты. Вслѣдствіе такого дозволенія, въ Сибирь вскорѣ стали поступать помѣщичьи крестьяне тысячами, а такъ какъ не было сдѣлано никакихъ предварительныхъ распоряженій ни о продовольствіи ихъ, ни о размѣщеніи ихъ, ни о водвореніи, то они, столпясь въ Тобольской губерніи, скитались по дорогамъ безъ всякаго пристанища, умирали сотнями отъ голода и холода, а жены крестьянъ рожали подъ возами и въ оврагахъ. Поэтому, правительство нашло необходимымъ немедленно прекратить подобную мѣру заселенія сибирскаго края, прилегающаго къ китайскимъ границамъ. Командированный въ Сибирь дѣйствительный статскій совѣтникъ Лабба прекратилъ безпорядки, возникшіе при означенномъ переселеніи.

Новый министръ коммерціи, графъ Румянцовъ, не менѣе своего предшественника интересовался торговыми дѣлами съ среднеазіятскими государствами и побуждалъ Величко сообщать ему всѣ доходившія до него свѣдѣнія «о заграничныхъ азіятскихъ движеніяхъ, и наипаче торговыхъ». Благоря его, 24-го января 1804 года, за присылку интересныхъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи Хивы, торговлѣ и внѣшнемъ устройствѣ Бухары, Румянцовъ присовокуплялъ, что «послѣднее увѣдомленіе ваше о воинскихъ дѣйствіяхъ бухарскаго хана, во всемъ пространствѣ, читалъ я государю императору». Членъ коммерцъ-коллегіи, каммергеръ Васильчиковъ, въ іюнѣ 1804 года, просилъ П. Е. Величко сообщить ему: «имѣетъ ли правительство право надѣяться, что наши торговыя связи могутъ достигать чрезъ Хиву и Бухару до Остъ-Индіи. Есть ли сіе возможно, то объявите мнѣ, какія бы преимущественно средства могли быть употреблены къ достиженію намъ сего всѣми европейцами почитаемаго золотаго дна». Васильчиковъ спрашивалъ также, почему трактъ изъ Хивы до Мангышлака, какъ наиболѣе близкій къ предѣламъ Россіи, оставляется безъ вниманія и въ пренебреженіи, и какія необходимы средства, пособія и пожертвованія для того, чтобы торговля могла имъ пользоваться, потому что правительство, можетъ быть, остановится на томъ предположеніи, чтобы оренбургскій край предоставить для торговли съ ближайшими къ нему ордынскими народами, и чтобы хивинской и бухарской торговлѣ предоставить наиболѣе удобный для нея путь въ Россію чрезъ Мангышлакъ и Астрахань. Такимъ образомъ, возбужденный въ прошломъ году вопросъ о ближайшей дорогѣ для торговли въ среднюю Азію чрезъ Астрахань и Усть-Уртъ уже за восемьдесятъ лѣтъ до того былъ обсуждаемъ въ правительственныхъ сферахъ.

Величко въ своихъ запискахъ и докладахъ не переставалъ доказывать, что для наиболѣе успѣшнаго развитія торговли Россіи съ центральными азіатскими государствами, съ Хивою, Бухарою и другими, необходимо, чтобы русскіе купцы сами отправляли туда караваны съ товарами и такимъ же путемъ вывозили оттуда тамошнія произведенія. Онъ развивалъ также мысль о необходимости устройства торговыми людьми особаго рода страховой конторы, которая нанимала бы на свой счетъ вооруженный конвой для охраненія купеческихъ каравановъ отъ степныхъ хищниковъ, потому что посылка съ ними войскъ, по назначенію правительства, имѣла бы видъ какихъ то военныхъ дѣйствій противъ народовъ и государствъ, съ которыми Россія собственно находилась въ мирѣ.

Переписка министра коммерціи съ директоромъ Оренбургской таможни, касаясь разныхъ сторонъ вопроса о расширеніи торговыхъ сношеній Россіи съ среднею Азіею, не приходила однако къ желаемому, повидимому, обоими результату снаряженія для того въ Оренбургѣ вооруженнаго каравана. Только поворотъ въ политиче-

скихъ событіяхъ на западѣ Европы далъ вновь сильный толчокъ этому дѣлу. Какъ въ 1800 году заключеніе мира Россіи съ Франціею и предстоящая война у насъ съ Англіею заставляла тогдашняго министра коммерціи, князя Гагарина, торопить Величко устройствомъ «конторы индѣйской компаніи», такъ точно заключеніе мира въ Тильзитѣ, въ 1807 году, возбудило усиленную дѣятельность въ правительственныхъ сферахъ Петербурга по вопросу объ отправленіи изъ Оренбурга «вооруженнаго каравана» въ Азію. Тогдашній оренбургскій военный губернаторъ, князь Григорій Семеновичъ Волконскій, по соглашенію съ П. Е. Величко, представилъ, 24-го іюля 1807 года, свои соображенія о вооруженномъ караванѣ, которыя графъ Румянцовъ доложилъ императору Александру I, и, 19-го марта 1808 г., отвѣчалъ губернатору, что высочайшая воля по этому дѣлу состоялась въ слѣдующихъ повелѣніяхъ: съ караваномъ отправить Величко, снабдить его инструкціею и назначить ему 10,000 рублей съ тѣмъ, что половину этой суммы онъ получаетъ при отъѣздѣ своемъ, а остальную часть по возвращеніи, когда съ успѣхомъ окончитъ дѣло. Заготовить письмо къ бухарскому хану за малою печатью, равно и подарки. При караванѣ отправить доктора, двухъ геодезистовъ и переводчика. Назначить изъ суммъ коммерцъ-коллегіи 30,000 червонцевъ и ефимковъ на содержаніе вырученныхъ плѣнныхъ. Сформированіе конвоя предоставить оренбургскому губернатору, причемъ его нижнимъ чинамъ, сверхъ процентнаго жалованья, сохранить и казенное; начальнику конвоя выдать единовременно двѣ тысячи рублей.

Директору оренбургской таможни, Величко, дана была министромъ коммерціи, графомъ Румянцовымъ, пространная инструкція. Нѣкототорыя мѣста ея особенно интересны, потому что выясняютъ тайныя цѣли отправки вооруженнаго каравана. Въ началѣ министръ писалъ, что «оренбургскій военный губернаторъ, участвуя непосредственно въ попеченіи моемъ о страдающей торговлѣ тамошняго края по безпокойствамъ ордынскимъ, представилъ надежнѣйшимъ средствомъ къ возстановленію оной вооруженіе каравановъ, отправляемыхъ въ Бухарію. Государь императоръ, по представленію моему, удостоилъ мѣру сію высочайшаго утвержденія, и я не оставилъ объявить монаршую волю по всѣмъ предметамъ, относительнымъ къ сему отправленію.

«Испросивъ высочайшую волю на отправленіе васъ въ Бухарію съ первымъ караваномъ, я съ симъ вмѣстѣ обязываюсь предварительно открыть вамъ вообще виды мои на счетъ сей экспедиціи и тѣ событія, которыя, возникая изъ военнаго пламени Европы, обращаютъ меня къ странамъ, куда оно не достигаетъ,— тѣ событія, которыя по симъ уваженіямъ придаютъ новое отличіе вашему порученію...

«Опытами всѣхъ вѣковъ доказано, что богатѣйшіе народы были

тѣ, которые азіятскія произведенія, передавая, такъ сказать, изъ рукъ въ руки, употребляли ихъ на европейское искусство и роскошъ, и чему Англія служитъ древнимъ примѣромъ. Англичане, начиная съ 1553 года по 1581 годъ, непрестанныя употребляли домогательства о дозволеніи имъ транзита чрезъ Россію азіятскими товарами. Въ 1734 году, въ заключенномъ тогда съ Россіею трактатѣ, они достигли своей цѣли; имъ дарована была сія свобода».

По мнѣнію министра, въ тогдашнее время представляется наиудобнѣйшій моментъ дать вочувствовать сосѣднимъ азіятцамъ, что ближайшій и выгоднѣйшій путь для ихъ торговли ведетъ къ Россіи. Далѣе онъ писалъ въ своей инструкціи: «Англія, будучи въ разрывѣ съ Россіею и почти со всею Европою, вынуждена сама положить преграду своей торговлѣ. Большая часть гаваней европейскихъ для ней заперты. Знатный торгъ, какой она обращала въ Индіи, долженъ естественно сокращаться по недостатку средствъ сбывать товары съ рукъ, слѣдовательно индѣйскіе товары должны накопляться въ ихъ отечествѣ. Бухарія собственнымъ положеніемъ связываетъ азіятскія торговыя богатства. Она сама собою составляетъ поприще торговли собственными продуктами. Вблизи границъ своихъ съ одной стороны она имѣетъ Кабулъ и Лагоръ, служащіе, такъ сказать, вратами въ Персію и Сѣверную Индію, а съ другой Тибетъ, Кашгаръ и Кашмиръ, достигающіе Китая. Естественное стремленіе торга требуетъ какъ будто водворенія индѣйскихъ товаровъ въ Оренбургѣ: поелику не токмо изъ сосѣдственныхъ губерній, но изъ самой Москвы и внутреннихъ городовъ, какъ то изъ Ростова, Переяславля и Казани, несмотря на частые грабежи, съ пожертвованіемъ и знатнаго имущества, торговыя предпріятія наши въ Бухарію и Индію неизмѣнно ежегодно стремились.

«Я предоставляю судить вамъ, не очевидная ли представляется возможность обратить нынѣ индѣйскій торгъ къ нашимъ предѣламъ, когда азіятскіе товары, кромѣ Россіи, по настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ, изобильнѣйшихъ истоковъ не имѣютъ? Когда держава, индѣйскимъ торгомъ владычествующая, занята нынѣ войною, и когда сосѣдственная къ азіятцамъ Россія предлагаетъ охранительныя и миролюбивыя средства по путямъ торговли и даетъ ей надежное пристанище, подъ покровительствомъ кроткаго своего обладателя»?

Собственно инструкція содержала въ себѣ 28 болѣе или менѣе подробныхъ пунктовъ, или, какъ они названы были, постановленій. Величко долженъ былъ убѣдить бухарское правительство, что конвой при караванѣ находится единственно для его охраненія, и что хотя онъ довольно силенъ для сопротивленія покушеніямъ киргизовъ, однако весьма слабъ для какихъ либо другихъ предпріятій. Онъ долженъ былъ объявить бухарскому правительству, что пос-

ланъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ узнать отъ него и по пути, какія мѣры на будущее время необходимо принимать для пособія караванамъ въ ихъ переходахъ. Если бухарское правительство впуститъ конвой, то Величко долженъ былъ первоначально выдать себя посланнымъ только отъ оренбургскаго военнаго гугубернатора, и только тогда дать знать о присланной съ нимъ грамотѣ государя императора, когда усмотритъ наклонность бухарскаго правительства вступить съ нимъ въ тѣснѣйшія сношенія. Въ такомъ случаѣ, Величко долженъ былъ испросить дозволеніе представить грамоту хану вмѣстѣ съ назначенными ему подарками. Если же конвой не будетъ впущенъ, то Величко долженъ былъ умолчать о грамотѣ и подаркахъ и привести ихъ съ собою обратно въ Оренбургъ. Величкѣ предписано было внушить бухарскому правительству убѣжденіе о благонамѣренныхъ видахъ русскаго двора, склонить его къ дружелюбному принятію нашихъ каравановъ и воинскаго отряда, если не въ самомъ городѣ, то по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ бухарскихъ владѣній. Онъ долженъ былъ домогаться дарованія русскимъ права свободнаго пребыванія въ Бухаріи подобно тому, какъ такимъ же правомъ пользуются бухарцы въ Россіи, и дозволенія русскому купечеству построить въ Бухаріи на свои средства свой караванъ-сарай. Величкѣ поручено было внушить бухарскому правительству что «россійскій государь, полагаясь на усердіе къ себѣ хана, надѣется, что россійское купечество будетъ снабжаемо охранными листами, когда оно, или особенно если цѣлымъ караваномъ, вознамѣрится предпріять путь въ Кабулъ, Кашемиръ, Кандахаръ, Тибетъ и въ прочія прилежащія индѣйскія и персидскія владѣнія, обнадеживъ, что и бухарцамъ, которые чрезъ Россію разсудятъ отправиться въ европейскія государства, такія же охраненія будутъ даваться».

На Величко возложено было домогаться выдачи бухарскимъ правительствомъ содержащагося въ Бухарѣ извѣстнаго преступника, русскаго подданнаго, дѣлателя фальшивыхъ ассигнацій, равно и другихъ его соучастниковъ, также русскихъ подданныхъ, и, сверхъ того, освобожденія плѣнныхъ русскихъ подданныхъ, похищенныхъ киргизами и туда проданныхъ, а также бѣглыхъ нашихъ солдатъ изъ татаръ. Во время пребыванія въ Бухаріи, Величко долженъ былъ вникнуть въ сущность тамошней торговли, во вкусъ жителей, какія издѣлія имъ болѣе нравятся и потому которыя можно было бы съ выгодою имъ доставлять, а также обращать ихъ вниманіе на наши произведенія. Ему предписано было также развѣдать о соотношеніи между золотомъ и серебромъ въ Бухаріи и откуда они тамъ преимущественно получаются. Также поручено было Величкѣ разузнать въ подробности о тѣхъ условіяхъ, которыя могутъ споспѣшествовать развитію въ Бухаріи нашей торговли, равно о собственныхъ ея промыслахъ и ремеслахъ, «ибо

извѣстно, что сія нація связываетъ, такъ сказать, всѣ торговые пути въ Индію, Персію и Китай ведущіе» и вслѣдствіе того разузнать «о дорогахъ вообще и въ особенности о тѣхъ, кои ведутъ въ Индію и Персію; о удобствѣ и неудобствѣ оныхъ, о разстояніи селеній, мимо коихъ производятся торговыя отправленія».

Въ пунктахъ четырнадцатомъ, шестнадцатомъ и семнадцатомъ инструкціи, даны были слѣдующія наставленія: «Поелику Бухарія не заслуживала бы сама по себѣ дальнѣйшаго вниманія, если бы, какъ уже сказано, пунктъ соединенія путей, къ китайскому, персидскому и индѣйскому торгу ведущихъ, не дѣлалъ ея примѣчательною, то и нужно вамъ взять на замѣчаніе положеніе кабульскаго владѣнія, свойство его, и въ какомъ оно сношеніи съ персидскимъ баба-ханомъ. А какъ извѣстно, что нѣкоторые русскіе купцы были въ Кабулѣ, то кто именно, и какъ великъ торгъ производили, я ожидаю на сіе вашего донесенія. Равнымъ образомъ вы должны обратить вниманіе на то сношеніе, какое бухарцы имѣютъ съ китайцами; развѣдать о взаимномъ ихъ политическомъ положеніи; замѣтить: знаютъ ли бухарцы, въ какомъ уваженіи іезуиты у китайцевъ по ученой части. А поелику Самаркандъ былъ изъ вѣку верховнымъ мѣстомъ просвѣщенія цѣлой Азіи, и, сколько извѣстно, до нынѣ продлолжается тамъ ученіе, то нельзя ли, по подобію Китая, родить въ бухарцахъ желаніе имѣть въ Самаркандѣ бѣлорусскихъ іезуитовъ? Извѣстно, что въ самомъ городѣ Бокгарѣ (Бухарѣ) есть жиды, живущіе особенною слободою, заключающею въ себѣ болѣе 2,000 домовъ. Сіи, по всѣмъ примѣтамъ, оставшіеся отъ вавилонскаго переселенія израильтяне, почитаются отъ самихъ бухарцевъ за жителей древнѣйшихъ въ Бухаріи, исповѣдываютъ Моисеевъ законъ, говорятъ собственнымъ языкомъ. Евреи сіи, занимаясь въ тишинѣ одною торговлею, производя ее во всѣ страны и не вмѣшиваясь никогда ни въ воинскія, ни въ гражданскія должности, сдѣлались весьма зажиточны и въ Бухаріи почитаются самыми сильными капиталистами. Они весьма охотно вымѣниваютъ наши товары, не допускаютъ до пониженія цѣнъ оныхъ; равномѣрно и азіятскіе товары большею частію въ ихъ рукахъ. Вамъ поручается развѣдать дальнѣйшія связи сихъ евреевъ по торгу съ другими странами Азіи, по ихъ силѣ въ Бухаріи и мыслямъ на счетъ тамошняго правительства, и какія бы можно было извлечь пользы, имѣя ихъ на нашей сторонѣ. Всѣ сіи развѣдыванія произвести вамъ должно съ благоразуміемъ и осторожностію, дабы не подвергнуть сихъ израильтянъ въ послѣдствіи жестокостямъ бухарцовъ». Въ случаѣ успѣха переговоровъ своихъ съ бухарскимъ правительствомъ, Величко долженъ былъ испросить у него позволеніе имѣть въ Бухаріи русскаго коммерческаго консула.

Оренбургскій военный губернаторъ, князь Волконскій, одновременно представилъ на высочайшее утвержденіе «Положеніе о во-

оруженномъ караванѣ», которое вызвало слѣдующій высочайшій рескриптъ на его имя, отъ 27-го апрѣля 1808 года: «Изъ представленнаго намъ чрезъ министра коммерціи положенія о вооруженномъ караванѣ, видя съ удовольствіемъ попеченіе ваше къ возстановленію оренбургской торговли, и что купечество по вашему вызову принимаетъ военное охраненіе каравановъ на свое содержаніе добровольнымъ взносомъ процентовъ съ отправляемыхъ товаровъ, не требуя отъ казны никакихъ отвѣтственностей, — мы изъявляемъ вамъ нашу признательность и поручаемъ вамъ нынѣ же приступить къ отправленію каравана, на основаніи правилъ, вами составленныхъ, дабы увидѣть, какой будетъ имѣть успѣхъ или неудобство сей первый опытъ. Послѣ чего, если потребуется, мы не оставимъ положенію вашему о вооруженномъ караванѣ дать силу закона нашимъ подписаніемъ».

Министръ коммерціи, графъ Румянцовъ, препровождая къ князю Волконскому означенный рескриптъ и правила для вооруженнаго каравана, писалъ ему, что онъ «не включилъ въ правила сіи части политической по сему предмету, сколько потому, что предпріятія сего рода, будучи одновременны, въ общія правила не входятъ, столько и по той причинѣ, что они огласки не терпятъ». Далѣе министръ, между прочимъ, сообщалъ оренбургскому военному губернатору: «Правила окончательно не утверждаются. Они приводятся для дѣйствія въ видѣ опыта. По симъ уваженіямъ государь императоръ судить изволилъ, что всякое отношеніе отъ нашего двора къ бухарскому правительству о допущеніи конвоя въ предѣлы Бухаріи было бы довременно, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ отказа, достоинство имперіи потребовало бы мѣръ, сопряженныхъ уже съ нѣкоторою силою. Во избѣжаніе чего, его величеству угодно, чтобы ваше сіятельство сдѣлали таковое отношеніе отъ вашего имени, сопроводивъ оное, если потребно, отъ себя подарками изъ вещей, какія, по вашему усмотрѣнію, на мѣстѣ найдутся. Если нѣкоторыя потребуются отсюда, покорнѣйше прошу ваше сіятельство меня о томъ увѣдомить; я таковыя вамъ доставлю и равномѣрно перешлю деньги, если вы по сему предмету какія-либо издержки въ Оренбургѣ сдѣлать изволите. Такимъ образомъ, когда бухарское правительство согласится на предложеніе ваше, отношеніе нашего двора будетъ тогда въ полномъ своемъ достоинствѣ, а въ случаѣ неудачи, мѣра сія не нанесетъ затрудненія, а конвои, по собственнымъ словамъ вашимъ, безопасно располагаться будутъ неподалеку отъ Бухаріи, по рѣкамъ Сыръ-Дарьѣ или Куванъ-Дарьѣ».

«Положеніе о вооруженномъ караванѣ для оренбургской торговли», какъ оно названо было въ оффиціальномъ документѣ, состояло изъ 40 параграфовъ, установлявшихъ слѣдующія правила для этого предпріятія: Дабы доставить безопасность торговымъ сношеніямъ съ верхнею Азіею, учреждается вооруженный караванъ. Онъ есть

ничто иное, какъ нѣсколько людей, соединившихся въ общество, чтобы отправиться со своими товарами въ Бухарію, подъ прикрытіемъ достаточнаго числа воинской команды, снабженной пушками. Общество вооруженнаго каравана составляютъ россійскіе подданные, имѣющіе право заграничнаго торга, или отъ лица ихъ приказчики. Вооруженный караванъ къ отправленію въ Бухарію собирается всегда въ Оренбургѣ, откуда будетъ отходить одинъ разъ въ году, въ сентябрѣ или въ началѣ октября мѣсяца. Отправляющій въ вооруженномъ караванѣ свои товары долженъ, за четыре мѣсяца до выхода каравана, подать въ оренбургскую таможню объявленіе о своихъ товарахъ, къ отправленію назначенныхъ, съ показаніемъ цѣны оныхъ, чтобы таможня могла заблаговременно пригласить киргизовъ къ постановленію съ обществомъ договора о свозѣ каравана, и чтобы могла она видѣть количество складственнаго въ караванѣ капитала; ибо при менѣе милліона рублей въ товарахъ отправленіе каравана изъ Оренбурга состояться не можетъ. Отправляющій въ вооруженномъ караванѣ товары долженъ объявить о семъ чрезъ газеты, чтобы участники были извѣщены о своихъ товарищахъ. Отправляющій съ вооруженнымъ караваномъ товары долженъ передъ отъѣздомъ каравана внести въ оренбургскую таможню съ цѣны своихъ товаровъ деньгами два съ половиною процента и такіе же проценты заплатить въ ту же таможню съ вывезенныхъ изъ Бухаріи въ вооруженномъ караванѣ товаровъ. Эти проценты опредѣляются на содержаніе воинской команды, составляющей конвой вооруженнаго каравана, «и купечество отнюдь да не считаетъ ихъ страховыми процентами съ отправляемыхъ товаровъ и не отыскиваетъ на казнѣ иной отвѣтственности, кромѣ воинскаго охраненія каравана». Путевые расходы, издержки по надобностямъ вообще для каравана, равно убытки и несчастія, могущіе случиться въ пути, какъ-то: грабежъ, потопленіе товаровъ и проч., должны раскладываться на весь вообще капиталъ каравана. Въ караванные головы или старшины избирается участниками одинъ изъ хозяевъ отправляемыхъ товаровъ, но не изъ приказчиковъ, человѣкъ благонадежный, расторопный и добросовѣстный. Для самого большаго каравана назначается конвой изъ трехъ сотъ вооруженныхъ казаковъ, о двухъ коняхъ каждый, или два казака о трехъ коняхъ, съ двумя полевыми пушками и съ пристойнымъ числомъ артиллеристовъ. Такъ какъ караванъ не можетъ ранѣе шести или восьми мѣсяцевъ возвратиться въ Россію, то снабженіе воинскаго отряда провіантомъ, фуражомъ и жалованьемъ предоставить мѣстному распоряженію съ тѣмъ, что если бы отрядъ, вмѣсто провіанта и фуража въ натурѣ, пожелалъ получить деньгами, то дозволять ему это. Выше сказано, что купечество платимые имъ два съ половиною процента не должно считать страховыми процентами. Но если бы случилось съ караваномъ несчастіе, то тогда пра-

вительство принимаетъ на свое содержаніе конвой и возвращаетъ купечеству внесенные имъ проценты. Начальникъ конвоя, завѣдывая одними военными людьми и имѣя ихъ въ полномъ своемъ повиновеніи, отнюдь не долженъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла каравана. Обязанность начальника конвоя состоитъ: 1) въ содержаніи воинской команды во всѣхъ правилахъ воинской дисциплины; 2) въ принятіи должныхъ мѣръ и осторожностей во время хода каравана; 3) во время опасности защищать караванъ со всею ревностью. Ходъ, остановка и роздыхи каравана зависятъ единственно отъ распоряженія головы. Если отъ неисполненія воинскими начальниками требованія караваннаго головы послѣдуетъ какое-либо для общей пользы упущеніе или вредъ, особенно, если при нападеніи грабителей начальникъ конвоя допуститъ, по небреженію, караванъ или часть его до гибели, то въ таковомъ случаѣ онъ предается всей строгости военнаго суда. По прибытіи каравана въ Бухарію, голова обязанъ испросить у тамошняго правительства мѣсто для пребыванія конвоя на все время бытности тамъ каравана. Такое мѣсто стараться получить, если не въ самомъ городѣ, то въ ближайшемъ отъ города селеніи, однако же безъ раздѣленія команды, въ выгодномъ къ прокормленію лошадей и совершенно для людей безопасномъ. Конвой на отведенномъ ему мѣстѣ долженъ содержать себя въ тишинѣ и спокойствіи, остерегаясь всѣхъ случаевъ, могущихъ подать малѣйшее подозрѣніе правительству или поводъ къ жалобамъ и неудовольствіямъ жителей.

Вооруженный караванъ предположено было отправить изъ Оренбурга осенью 1808 года, но эта отправка не состоялась. Съ нимъ долженъ былъ ѣхать, въ званіи доктора, надворный совѣтникъ, адъюнктъ академіи наукъ, Лангсдорфъ, для изслѣдованій по естественнымъ наукамъ пройденныхъ каравaномъ странъ. Изъ оффиціальныхъ документовъ видно, что императору Александру Павловичу это замедленіе въ отправкѣ каравана не понравилось. Величкѣ сообщена была княземъ Волконскимъ высочайшая воля, чтобы «экспедиція въ будущемъ году непремѣнно возъимѣла предназначенное дѣйствіе».

Вооруженный караванъ не отправился, потому что не могли набрать товаровъ на одинъ милліонъ рублей, извѣстный процентъ съ котораго въ состояніи былъ бы покрыть расходы по этой экспедиціи, военно-политической и коммерческой. «Слѣдовательно, недоборъ процентовъ, долженствующихъ поступить съ милліона рублей на содержаніе конвоя, надобно будетъ вознаградить со стороны казны, но къ испрашиванію новой суммы на сей предметъ у государя императора я смѣлости не имѣю», писалъ, 13-го января 1809 года, князь Волконскій къ П. Е. Величкѣ. Поэтому, онъ совѣтовалъ ему употребить всѣ возможные способы къ убѣжденію русскаго купечества собрать для предположеннаго каравана това-

ровъ на милліонъ рублей, и для того, согласно предположенію Велички, Волконскій также находилъ необходимымъ для него отправиться въ Москву, Тулу, Ростовъ, Курскъ и другіе города, для личнаго приглашенія купечества къ составленію вооруженнаго каравана. Самъ Волконскій, для достиженія этой цѣли, обратился къ купечеству съ приглашеніемъ чрезъ вѣдомости обѣихъ столицъ.

Результатомъ обращенія Волконскаго и Велички къ купцамъ была записка (мнѣніе) торгующаго въ Оренбургѣ россійскаго купечества объ учрежденіи россійско-азіятской компанія, или «какъ благоугодно будетъ высшему начальству ее наименовать». Проектъ этой компаніи былъ подписанъ восемнадцатью купцами, тульскими, московскими, ростовскими, переславль-залѣсскими, казанскими, челябинскими. Въ числѣ ихъ были Куманины, Кайдаловы, Крестовниковъ, Карелинъ, Крестниковъ, Кекинъ, Серебрениковъ, Кирилинъ, Евреиновъ, Гогинъ, Новоселовъ, Ахматовъ, Буртоевъ, Кузнецовъ, подписавшіеся подъ запискою какъ за себя лично, такъ и по довѣренности отъ другихъ лицъ. Они полагали возможнымъ, для осуществленія мысли о вооруженномъ караванѣ, образовать акціонерную компанію на слѣдующихъ основаніяхъ: Компанію составляютъ «россійско-вѣрноподданные купцы». Капиталъ ея образуется изъ наличныхъ денегъ, а отчасти и товаровъ по денежной цѣнѣ, суммою въ одинъ милліонъ рублей. Этотъ капиталъ раздѣляется на акціи, каждая по тысячѣ рублей, всего на тысячу акцій. Домъ одного купца не можетъ вложить въ дѣло болѣе пятидесяти акцій и не менѣе пяти акцій. При собраніи упомянутой суммы, дозволить открыть торговлю тогда, когда будетъ разобрано до пятисотъ акцій, если, въ теченіе перваго года по учрежденіи компаніи, не можетъ быть собрана вся сумма сполна. По образованіи же полнаго капитала въ одинъ милліонъ рублей, раздачею тысячи акцій, новыхъ участниковъ въ компанію не принимать ранѣе пяти лѣтъ. Компанія учреждается со всѣми ея правами на двадцать лѣтъ. По прошествіи первыхъ пяти лѣтъ, со дня взноса капитала вполнѣ, дѣлается генеральный счетъ, изъ котораго будетъ усмотрѣно положеніе ея дѣлъ. Если, вслѣдствіе успѣшности торговыхъ оборотовъ, понадобится увеличеніе капитала выпускомъ дополнительныхъ акцій, то компаніи предоставляется право просить о томъ, равно и уменьшить капиталъ, вслѣдствіе неуспѣха и даже совсѣмъ уничтожить компанію. Ей предоставляется право производить торговлю въ Азіи: отпускать туда товары изъ Оренбурга и другихъ городовъ и мѣстъ, начиная съ Астрахани до самыхъ китайскихъ границъ, гдѣ только существуютъ таможни или таможенныя заставы съ платежомъ установленныхъ пошлинъ. Товары предполагается отпускать въ Бухарію, Хиву, Кашгарію, Ташкентъ, Бадахшанъ, Индію и въ другіе города и мѣста азіятскихъ владѣній, за исключеніемъ Персіи и Китая. Торговля компаніи должна простираться

«такъ далеко, какъ только пользы государственныя и компаніи требовать могутъ».

Главную контору компаніи предположено было учредить въ Оренбургѣ, съ постояннымъ пребываніемъ тамъ одного «первенствующаго директора». Другой директоръ компаніи предназначался быть въ другихъ мѣстахъ Россіи, смотря по надобностямъ и оборотамъ компаніи, а третій въ Бухаріи, «яко центръ торговли азіятской», съ учрежденіемъ тамъ и конторы. Компанія просила себѣ права кредитоваться деньгами и товарами, но не болѣе какъ на половину собственнаго капитала, т. е. до 500,000 рублей. Но, сверхъ того, учредители россійско-азіятской компаніи просили себѣ безусловной монополіи въ торговлѣ, а именно, чтобы въ теченіе срока, установленнаго для существованія компаніи, запрещено было всякому другому россійскому подданному отпускать заграницу въ Азію какіе либо товары, для торговли тамъ ими, начиная съ Астрахани до китайскихъ границъ, притомъ, какъ водянымъ, такъ и сухопутнымъ путемъ, за исключенімъ, однако, торговли съ Персіею и Китаемъ. Азіятцамъ же предоставлялось торговать на границахъ Россіи на прежнемъ основаніи. Параграфъ тринадцатый проекта установлялъ въ пользу компаніи слѣдующую привиллегію: «торговля сей компаніи, если утверждена и позволена будетъ, обѣщаетъ, съ распространеніемъ оной, нарочитую пользу государственную и прибыль участвующимъ. Но какъ предвидится опасность въ пути караванамъ россійскимъ отъ грабежа кочующихъ народовъ, то, въ обезпеченіе цѣлости компаніи, необходимо нужно подкрѣпленіе и покровительство отъ короны, пожалованіемъ пристойныхъ эскортовъ, когда компанія потребуетъ, для препровожденія каравановъ, и, сверхъ таковой осторожности, если паче чаянія и затѣмъ случится разграбленіе каравана компаніи, въ Азію или оттуда идущаго, отъ чего неминуемо послѣдовать можетъ разстройство дѣлъ и оборотовъ компаніи и полезное сіе намѣреніе можетъ ниспровергнуто быть при самомъ началѣ своемъ: въ отвращеніе сего, не благоугодно ли будетъ учредить въ Оренбургѣ казенную страховую контору, которой компанія обязуется платить, сверхъ обыкновенной по тарифу пошлины, съ каждаго капитальнаго рубля, по два процента, какъ съ отпускаемыхъ въ Азію всякихъ товаровъ, такъ и выходящихъ оттуда компаніи; напротивъ чего, если таковое покровительство корона даруетъ компаніи, страховая контора должна принимать на свой счетъ цѣлость идущихъ въ Азію и оттуда компанейскихъ каравановъ, и въ случаѣ разграбленія отправленныхъ съ секвестромъ [1]) каравановъ (чего не предвидится), ту захваченную сумму возвращать компаніи отъ себя, не далѣе, какъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, по полученномъ извѣстіи о семъ въ главную контору и на-

[1]) Т. е. съ вооруженнымъ конвоемъ.

чальству, предоставивъ равномѣрно на волю компаніи, по экстреннымъ надобностямъ, отправлять товаръ безъ страху и безъ эскортовъ».

Учредители находили также необходимымъ, для существованія въ самой Бухаріи компанейской конторы, заключеніе съ тамошнимъ правительствомъ нашимъ дворомъ торговаго трактата, съ назначеніемъ въ Бухарію русскаго консула. Компанія испрашивала себѣ также право ежегодно отправлять въ Азію, въ числѣ прочихъ товаровъ, золотую и серебряную иностранную монету, но не болѣе какъ всего на 500,000 рублей, даже если бы на выпускъ этой монеты заграницу послѣдовало воспрещеніе русскаго правительства. Учредители, между прочимъ, доказывали, что ихъ компанія должна будетъ стремиться преимущественно къ торговымъ сношеніямъ съ Остъ-Индіею, а индѣйцы, какъ извѣстно, избытокъ своихъ произведеній продаютъ европейцамъ на одно золото и серебро. Поэтому, чтобы доставить изъ первыхъ рукъ изъ Остъ-Индіи такіе продукты, за исключеніемъ пряностей, которые необходимы для внутренняго потребленія въ Россіи и которые получаются нынѣ отъ европейцевъ по дорогой цѣнѣ, компанія также вынуждена будетъ платить золотомъ и серебромъ. На издержки въ пути и на другіе расходы, компаніи также необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи эти драгоцѣнные металлы. Компанія испрашивала также себѣ исключительное право торговли въ Азіи желѣзомъ и мѣдью не въ дѣлѣ, съ запрещеніемъ всѣмъ остальнымъ русскимъ купцамъ отпускать эти металлы за границу и даже торговать ими на ней. Выпускъ за границу въ Азію стали, приготовленной въ Россіи, въ тогдашнее время былъ воспрещенъ. Учредители компаніи, доказывая, что азіятцамъ, для выдѣлыванія оружія, копій, сабель, потребно не чрезвычайно большое количество стали, которая имъ болѣе всего нужна для изготовленія ножей, земледѣльческихъ и домашнихъ орудій, и что они все потребное имъ количество этого металла получаютъ изъ Персіи и другихъ мѣстъ, но только по дорогимъ цѣнамъ, просили у правительства разрѣшеніе вывозить ежегодно въ Азію не болѣе 30,000 пудовъ стали, чтобы и русская сталь могла пользоваться выгоднымъ сбытомъ на тамошнихъ рынкахъ.

Представленное нами извлеченіе изъ составленнаго 18-ю торговыми фирмами устава россійско-азіятской компаніи показываетъ, что это учрежденіе имѣло всѣ признаки крайней монополіи. Компанія была проектирована по образцу единственно существовавшему тогда у насъ акціонерному предпріятію, россійско-американской компаніи и многими подробностями напоминала собою послѣднюю. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подобныя торговыя компаніи, по тогдашнимъ понятіямъ, не мыслимы были безъ исключительныхъ, монопольныхъ правъ и привиллегій. Такимъ образомъ, мысль о сопровожденіи торговыхъ каравановъ въ Азію вооруженнымъ конвоемъ не была при-

ведена къ осуществленію, потому что товаровъ для такого каравана на одинъ милліонъ рублей можно было набрать только на условіи монопольнаго торга, а меньшая сумма не могла обезпечить процентнымъ съ нея сборомъ расходовъ на содержаніе военной силы въ томъ размѣрѣ, какой считался необходимымъ для безопасности каравана среди азіятскихъ кочевниковъ. Сверхъ того, переговоры о сформированіи вооруженнаго каравана затянулись до того времени, когда вновь послѣдовало охлажденіе въ политическомъ сближеніи Россіи съ Франціею, окончившееся войною 1812 года и союзомъ нашего двора съ Англіею. Поэтому, и оренбургскому военному губернатору, генералу отъ инфантеріи, князю Волконскому, не удалось пріобрѣсти себѣ «титло возстановителя богатой оренбургской торговли», какъ польстилъ ему министръ коммерціи, графъ Румянцовъ, въ своемъ сообщеніи отъ 2-го мая 1808 года.

Десять лѣтъ спустя, 4-го декабря 1818 года, министръ коммерціи обратился вновь съ запросомъ къ оренбургскоку военному губернатору о тѣхъ мѣрахъ, какія необходимо было бы принять для охраненія каравановъ и нашей торговли въ средней Азіи. Тогдашній начальникъ оренбургскаго таможеннаго округа, Павелъ Елисѣевичъ Величко, препроводилъ, въ 1819 году, министру записку Григорія Степановича Винскаго съ «проектомъ о усиленіи россійской съ Верхнею Азіею торговли чрезъ Хиву и Бухарію» [1]). Винскій доказывалъ необходимость прекращенія поисковъ военными партіями въ степи, а вмѣсто того находилъ полезнѣе образованіе на Сыръ-Дарьѣ, при Учургинскѣ, значительнаго военнаго поста, съ учрежденіемъ оттуда до нашихъ границъ военнаго кордона. По мнѣнію Винскаго, для прекращенія разбоевъ въ степяхъ и нападеній на торговые караваны, необходимо было бы навсегда присоединить къ Россіи Хиву, но не занимать ее временно. Система военныхъ постовъ, примѣненная въ послѣдствіи, оказалась дѣйствительнѣе вооруженныхъ каравановъ и постепенно обезпечила за Россіею преобладающее значеніе въ центральной Азіи.

Пав. Усовъ.

[1]) См. «Русскій Архивъ» 1878 года, стр. 400.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ НАРОДА [1].

АВѢСА, скрывающая народъ отъ интелигентнаго общества, все болѣе и болѣе приподнимается, ибо, при посредствѣ историческихъ изслѣдованій, касающихся различныхъ проявленій народной жизни, душевныя свойства народа дѣлаются для насъ яснѣе и яснѣе. Историческія изслѣдованія коснулись многихъ сторонъ народной жизни, именно: нравовъ, преданій, вѣрованій, литературы; особенно не мало въ этомъ отношеніи сдѣлано изслѣдователями раскола, составляющаго такое многознаменательное явленіе въ нашей исторіи. Но мало тронутымъ остается одинъ вопросъ въ области исторіи народа, — это вопросъ объ юридическихъ воззрѣніяхъ послѣдняго, или обычномъ народномъ правѣ. Литература коснулась упомянутаго вопроса лишь слегка. Намъ извѣстны изъ сочиненій и статей по обычному праву только слѣдующія: «Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи» П. Ефименко, «Сборникъ матеріаловъ, объ артеляхъ въ Россіи», «Обычное гражданское право въ Россіи» Пахмана, «Народный судъ и народное право» статья Оршанскаго въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права». Мы не упоминаемъ особо объ юридическихъ и историческихъ актахъ, изъ которыхъ можно почерпнуть не мало данныхъ, для ознакомленія съ обычнымъ правомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не помнимъ кто именно, но кажется, одинъ изъ членовъ Географическаго общества, обратился, чрезъ посредство газетъ, съ просьбой ко всѣмъ изслѣдователямъ народной жизни, доставлять

---

[1]) Изслѣдованія народной жизни. Выпускъ 1-й. Обычное право. Александры Ефименко. Спб. 1884 г.

ему свѣдѣнія, имѣющія отношеніе къ обычному праву. Къ какимъ результатамъ привело это обращеніе — мы не знаемъ.

Изъ всѣхъ литературныхъ трудовъ, касающихся обычнаго права, особенно интересенъ и во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ, недавно появившійся въ свѣтъ трудъ г-жи Александры Ефименкó, означенный нами въ выноскѣ, и на основаніи котораго мы излагаемъ настоящую нашу статью.

Можетъ ли у насъ народъ не быть признаваемымъ за активный элементъ?—у насъ, когда мы ежеминутно чувствуемъ на себѣ страшное давленіе этой народной массы? Сомнѣваться въ томъ, что народъ есть великая активная сила, конечно, невозможно, и какъ бы ни относились къ этой силѣ, какъ бы ни относились къ народной правдѣ, съ полнымъ ли ея признаніемъ, или съ такимъ же полнымъ ея отрицаніемъ, какъ относятся многіе, но должно признать за несомнѣнное, что узнать ее все-таки совершенно необходимо;—«необходимо и намъ, интеллигенціи; еще болѣе необходимо законодателю».

Думаемъ, что съ такимъ мнѣніемъ остается только согласиться и ждать, какъ великаго переворота въ нашемъ законоьательствѣ,— когда правительство, при своихъ законодательныхъ мѣропріятіяхъ, не обойдетъ обычнаго права, точно опредѣлитъ мѣсто и кругъ его дѣйствія, что составляетъ прямой долгъ законодательства по отношенію къ тому огромному большинству населенія, которое руководствуется въ своей правовой жизни почти исключительно нормами обычнаго права. Обычныя правовыя воззрѣнія находятся въ тѣсной связи со всѣмъ складомъ народной жизни и съ тѣмъ, въ особенности, чтò составляетъ ея экономическую сторону. Оставлять въ пренебреженіи юридическія воззрѣнія народа значитъ не желать понимать народную жизнь вообще, не понимать экономическую сторону этой жизни въ частности.

Теперь приступимъ къ непосредственнымъ воззрѣніямъ народа, т. е. къ его взгляду, напримѣръ, на бракъ — этотъ важнѣйшій актъ въ жизни человѣка. Народная жизнь, наблюдаемая въ разнообразныхъ мѣстностяхъ, при разнообразныхъ условіяхъ, не только не даетъ никакихъ основаній заключать, чтобы народъ смотрѣлъ на бракъ, какъ на актъ исключительно религіозный, въ чемъ убѣждены нѣкоторые изслѣдователи народной жизни, но, напротивъ, неизбѣжно заставляетъ придти къ выводамъ діаметрально противоположнымъ тѣмъ, какіе высказываются упомянутыми господами.

Изъ нижеслѣдующихъ доказательствъ выясняется, что народъ, ни на что не смотря, остался при своемъ воззрѣніи на бракъ, какъ на гражданскій актъ, лишь освящаемый благословеніемъ церкви. Сохраняя убѣжденіе, что въ народѣ заключеніе брака ничѣмъ существенно не отличается отъ заключенія договора вообще, что бракъ, по способу своего заключенія, есть частный видъ граж-

данскаго договора, мы для большаго разъясненія означеннаго вопроса коротко коснемся вопроса о крестьянскомъ договорѣ вообще.

Договоры нашихъ крестьянъ своеобразны Своеобразность эта заключается, главнымъ образомъ, въ способахъ скрѣпленія договоровъ. Формы скрѣпленія договоровъ, предлагаемыя закономъ, замѣняются у крестьянъ различными символическими дѣйствіями, имѣющими у нихъ полную юридическую силу. Вотъ главнѣйшія изъ этихъ дѣйствій: контрагенты ударяютъ другъ друга по рукамъ, которыя разнимаетъ посторонній, въ качествѣ свидѣтеля, или схватываются правыми руками въ локтяхъ, или, если предметъ договора вещь, передаютъ ее изъ полы въ полу и т. д.; затѣмъ, молятся вмѣстѣ Богу, пьютъ магарычъ или литки. Послѣ совершенія контрагентами того или другого изъ этихъ дѣйствій, актъ договора считается заключеннымъ и юридическія послѣдствія, вытекающія изъ него, вступившими въ свою силу. Къ числу этихъ символическихъ дѣйствій мы относимъ и слѣдующій символическій обрядъ, подмѣченный нами во время нашихъ странствованій по Россіи: при раздѣлѣ имѣнія, совершающемся, положимъ, между двумя братьями, разламывается на половины хлѣбъ, одна часть котораго передается одному, а другая другому изъ раздѣлившихся, для храненія, послѣ чего уже немыслимо нарушеніе или какое бы то ни было измѣненіе совершившагося договора. Инціатива предложенія свадебнаго договора принадлежитъ сторонѣ мужчины. Дѣло обыкновенно начинается чрезъ посредство довѣреннаго лица—свата или свахи. Порученіе, которое беретъ на себя сватъ, составляетъ содержаніе частнаго договора между нимъ и женихомъ, скрѣпляемаго обычнымъ способомъ—бьютъ по рукамъ и молятся вмѣстѣ. Согласіе свое приступить къ дѣлу сторона невѣсты, т. е. родители или замѣняющіе ихъ родственники, выражаютъ тѣмъ, что бьютъ со сватомъ по рукамъ: это вступленіе, не имѣя юридически обязательнаго характера, ставитъ, однако, сторону невѣсты въ нравственное обязательство продолжать дѣло—навести справки насчетъ жениха и лично сдѣлать осмотръ его житья-бытья. Но осмотръ, согласіе, выражаемое одной стороной, и магарычъ, поставляемый другой, не закрѣпляютъ еще договора. Съ рѣшающимъ юридическимъ значеніемъ является лишь актъ такъ называемаго сговора, соотвѣтствующаго гражданскому обрученію греко-римскаго и нашего стараго русскаго брачнаго законодательства. Крестьянскій сговоръ заключаетъ въ себѣ три главныхъ момента: осмотръ лицъ, имѣющихъ вступить въ брачный союзъ (откуда названія сговора: смотрѣнье, глядинки, глядѣшки и т. д.; собственно договоръ объ условіяхъ, какими стороны желаютъ обставить дѣло и, наконецъ, скрѣпленье этого договора обычными обрядами, отъ которыхъ сговоръ получаетъ названія: рукобитья, заручёнья, пропоя, запоя, винопитья и т. д.). Брачный сговоръ заключаетъ

въ себѣ также разнообразныя условія насчетъ расходовъ той и другой стороны, насчетъ обоюдныхъ подарковъ и даровъ, насчетъ подмоги, приданаго или кладки, смотря потому, гдѣ и что въ обычаѣ, иногда насчетъ неустойки. Тутъ же даются въ обезпеченіе исполненія договора залоги деньгами или вещами. Для скрѣпленія договора употребляются на сговорѣ, какъ и при сватовствѣ, всѣ обычные способы, т. е. бьютъ по рукамъ, или просто, или черезъ полу кафтана, теперь уже непосредственно сами контрагенты, т. е. родители лицъ, имѣющихъ вступить въ брачный союзъ, иногда только отцы, а мать и прочіе родственники разнимаютъ руки. Вообще, лица, разнимающія руки, играютъ роль свидѣтелей и въ число ихъ въ иныхъ мѣстностяхъ приглашаютъ священника, какъ уважаемое и нейтральное лицо. Затѣмъ, всѣ присутствующіе молятся Богу, родители благословляютъ жениха и невѣсту и, наконецъ, пьютъ магарычъ, поставляемый стороной жениха. Сговоромъ и обрядами его сопровождающими считается брачный договоръ скрѣпленнымъ и получаетъ обязательную силу. Отказаться отъ него считается дѣломъ безчестнымъ, долженствующимъ навлечь на виновнаго какъ небесную, такъ и земную кару, въ видѣ взысканій расходовъ, даровъ, платы за безчестье, а иногда даже и уголовнаго наказанія. До сей поры мѣстами встрѣчается обычай обходиться сговоромъ безъ вѣнчанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи церковный обрядъ, хотя и считается обязательнымъ, тѣмъ не менѣе сговоръ даетъ право жениху и невѣстѣ жить между собою брачно и они, со дня сговора или заручинъ, называются уже молодыми, т. е. новобрачными.

Гражданскія условія, составляющія содержаніе крестьянскаго брачнаго договора, слѣдующія: 1) свадебные расходы; 2) кладка; 3) приданое; 4) подарки; 5) условія о количествѣ свадебныхъ гостей; 6) неустойки, залоги, задатки и т. д.

Если подробно разсмотрѣть всѣ упомянутыя условія, то придемъ къ ясному выводу объ огромномъ значеніи для народа гражданской стороны брака. Говоримъ не безъ основанія, а опираясь на факты, взятые изъ живаго источника, въ чемъ легко убѣдиться изъ послѣдующаго.

Свадебное пиршество или свадьба, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, имѣетъ важное значеніе въ крестьянскомъ бракѣ: посредствомъ свадебнаго пиршества бракъ какъ бы освящается общественнымъ признаніемъ, подобно тому, какъ религіознымъ обрядомъ онъ освящается церковью. Это важное общественное значеніе свадьбы видно, между прочимъ, изъ того, что каждый имѣетъ право, до извѣстной степени, принимать въ ней участіе: будь знакомый или незнакомый, чужой или свой, другъ или врагъ, никто не можетъ запретить ему, во время празднованія свадьбы, входа въ домъ: онъ имѣетъ пр°во видѣть самихъ брачующихся и все,

что происходитъ въ домѣ, и пожалуй тутъ же высказать вслухъ свое мнѣніе о видѣнномъ; онъ можетъ принять участіе въ свадебныхъ развлеченіяхъ, пляскѣ и пѣніи; онъ имѣетъ свою долю въ свадебномъ угощеніи. Все это неотъемлемое право всѣхъ и каждаго. Въ Малороссіи, гдѣ нерѣдко «весілля» бываетъ далеко послѣ церковнаго вѣнчанія, церковное торжество, не сопровождавшееся «весіллемъ», не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій состоявшагося брака, не даетъ сторонамъ ни супружескихъ правъ, ни обязанностей, которыя вступаютъ въ свою силу лишь послѣ свадебнаго пиршества. Общество не допуститъ, чтобы новобрачная до «весілля» перешла въ домъ новобрачнаго, не допуститъ до фактическаго супружества. Съ другой стороны, бывали такіе случаи, что молодые люди, отбывъ «весілле» жили вмѣстѣ, безъ церковнаго вѣнчанія и считались супругами. Если тотъ или другой изъ супруговъ умираетъ послѣ вѣнчанія, но до «весілля», то, считаясь несостоящимъ въ бракѣ, онъ погребается съ тѣми обрядами, какими обыкновенно сопровождается погребеніе дѣвушки или не женатаго парня. И такъ, въ данномъ случаѣ актъ общественнаго признанія, выраженный «весіллемъ», въ которомъ принимаетъ участіе все общество, не только необходимъ для дѣйствительнаго брака, но что онъ совсѣмъ отстраняетъ на задній планъ церковное вѣнчаніе, давая ему значеніе второстепеннаго обряда. Признаніе брака обществомъ важнѣе признанія его церковью, общественная сторона важнѣе религіозной. И это обычай, не ограниченный какою-либо небольшою мѣстностью, а распространенный по всей Малороссіи и существующій даже въ Воронежской губерніи, гдѣ малороссійскій элементъ пришлый и играющій подчиненную роль.

Нѣтъ необходимости распростаняться о взглядахъ раскольниковъ на бракъ, у которыхъ, какъ, напримѣръ, у духовныхъ христіанъ (молокане), духоборовъ, субботниковъ, у разныхъ послѣдователей поморскаго толка, бракъ имѣетъ значеніе акта гражданскаго. Одинъ изъ наставниковъ поморскаго толка училъ, что для заключенія законнаго брака достаточно благословенія родителей и согласія обще-народнаго; другой, что для законности брака нужны только слѣдующія условія: согласіе сторонъ, благословеніе родителей, обрученіе, свидѣтели и законныя лѣта.

Формальные разводы величайшая рѣдкость между крестьянами. Гдѣ тутъ думать о формальномъ разводѣ, когда, въ большинствѣ случаевъ, для крестьянина обременительно, въ денежномъ отношеніи заключеніе брака посредствомъ церковнаго вѣнчанія, вслѣдствіе чего и явилась поговорка: не страшно жениться, а страшно къ попу приступиться. Но юридическій разводъ крестьяне замѣняютъ фактическимъ. Окажется мужъ неспособнымъ къ брачному сожитію, а, между тѣмъ, супруги находятъ удобнымъ жить вмѣстѣ, мужъ предоставляетъ женѣ полную сво-

боду располагать своими склонностями; но обыкновенно, какъ въ этомъ, такъ и во множествѣ другихъ случаевъ, фактическій разводъ совершается посредствомъ того, что супруги расходятся, «дѣлаютъ расходку» по крестьянскому выраженію. Расходки бываютъ или по обоюдному согласію сторонъ, или по почину одной изъ нихъ. Когда расходка производится по обоюдному согласію сторонъ, въ нее никто не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться; напримѣръ, волостной судъ нисколькой не стѣсняется дать свою санкцію акту, которымъ расходящіеся супруги опредѣляютъ условія, на какихъ они расходятся, и даютъ взаимныя обязательства не вмѣшиваться больше въ дѣла другъ друга. Расходки, по односторонней иниціативѣ, являются въ слѣдующихъ двухъ формахъ: или мужъ прогоняетъ жену, или жена убѣгаетъ отъ мужа. Въ томъ и другомъ случаѣ является сторона не довольная и дѣло идетъ обыкновенно на судебное разбирательство. Волостной судъ иногда возстановляетъ сожительство, если не находитъ достаточно уважительныхъ причинъ къ его расторженію, и чаще возстановляетъ сожительство во второмъ случаѣ, т. е. когда жена убѣгаетъ отъ мужа; но если признаетъ существованіе такихъ причинъ, то не стѣсняется укрѣпить своимъ признаніемъ расходку, хотя бы другая сторона и не была на нее согласна: этимъ нерѣдко женщины защищаются отъ жестокости мужчинъ. Къ счастію, крестьяне — мужья ничего не знаютъ о своемъ законномъ правѣ требовать (да, вѣроятно, и не могутъ представить себѣ этого права) къ себѣ женъ для совмѣстнаго сожительства, такъ же какъ волостной судъ не знаетъ, что онъ поступаетъ противозаконно, укрѣпляя супружескія расходки.

Такимъ образомъ, цѣлая бездна лежитъ между взглядами на бракъ народа и взглядами на тотъ же предметъ законодательства, между народнымъ брачнымъ правомъ и брачнымъ правомъ законнымъ.

Если разсматривать явленія народной жизни строго исторически, то мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что жизнь нашего народа, въ своихъ различныхъ проявленіяхъ, держится корнемъ въ родовыхъ отношеніяхъ, прототипомъ которыхъ является, столь извѣстная въ славянскомъ мірѣ, «задруга», которая есть маленькое общество, состоящее изъ нѣсколькихъ семей, тѣсно связанныхъ между собой родствомъ. Въ сферѣ отношеній личныхъ, основной принципъ задруги — поглощеніе отдѣльнаго лица коллективнымъ лицемъ «задруги», представителемъ которой является старѣйшина; въ сферѣ отношеній имущественныхъ — полная нераздѣльность, принимающая не только общее производство и общее пользованіе орудіями труда, но и общность потребленія.

Существуетъ не малое сходство между задругой и большой ве-

ликорусской семьей. Сходство это объясняется тѣмъ, что задруга своимъ существомъ опирается на родовыя отношенія, въ тѣсной зависимости отъ которыхъ находится и великорусская семья. Родовыя отношенія необыкновенно сильно проникли въ русскую жизнь, даже въ жизнь интеллигентныхъ русскихъ людей; проникли гораздо болѣе, чѣмъ интелегентные люди признають свою таковую зависимость.

Вліяніемъ родовыхъ отношеній только и можно объяснить какъ положеніе женщины въ нашей крестьянской семьѣ, такъ и многіе взгляды народа на семейную собственность, вообще, на семейное имущество.

Если мы пройдемъ, напримѣръ, исторію женщины у различныхъ славянскихъ племенъ, то убѣдимся, что, при господствѣ родовыхъ отношеній, славянская женщина играла самую печальную роль. Умочка, купля женщины — вотъ самыя древніе виды брачныхъ отношеній у славянъ, на которыхъ и построилась дальнѣйшая исторія женщины. Наша женщина боролась и всѣми силами бьется до сей поры, чтобы разрушить родовую семью и поднять свою личность, пропадающую въ семьѣ. Эта борьба ея хотя и выражается пассивно, но, во всякомъ случаѣ, настолько энергично, что напримѣръ, въ нашемъ народѣ создались такія поговорки, ясно говорящія объ упомянутомъ протестѣ женщины; женскій обычай — не мытьемъ, такъ катаньемъ; мужикъ клиномъ, баба блиномъ, а тожъ доймeтъ; день ворчитъ, ночь верещитъ, плюнь да сдѣлай; женская лесть — безъ зубовъ, а съ костями сгложетъ; баба бредитъ, да чертъ ей вѣритъ.

Тяжело положеніе женщины въ крестьянской семьѣ, но все-таки, если принять въ соображеніе ея отношеніе къ имущественному вопросу, это положеніе не до такой степени безнадежно, какъ кажется съ перваго взгляда. Народу вовсе неизвѣстны законныя указныя части, которыя наслѣдуютъ супруги изъ имуществъ другъ друга; эти искусственныя и ни на чемъ не основанныя четвертныя и седьмыя части не нужны народу, который рѣшаетъ дѣло гораздо проще и разумнѣе. Если у женщины вдовы есть дѣти, то она наслѣдуетъ все имущество мужа, т. е. вѣрнѣе, не наслѣдуетъ, а получаетъ его въ пользованіе, при чемъ обязана распоряжаться имъ въ интересахъ дѣтей; если она не заботится объ этихъ интересахъ, расточаетъ имущество или выходитъ вторично за мужъ, надъ имуществомъ назначается опека, состоящая обыкновенно изъ родителей или родственниковъ мужа. Если же она остается навсегда вдовой, то можетъ располагать имуществомъ, пока дѣти не выростутъ и не захотятъ дѣлиться; тогда она получаетъ на прожитокъ долю, равную долямъ сыновей, или идетъ къ кому нибудь изъ нихъ на содержаніе, или, наконецъ, всѣ сыновья обязуются принимать извѣстное участіе въ содержаніи матери.

Какъ не согласиться, что такой взглядъ на положеніе вдовы несравненно ближе къ природѣ вещей, несравненно болѣе даетъ значенія женщинѣ, какъ матери дѣтей, чѣмъ упомянутыя законныя части.

Но особенно оригинально опредѣляется положеніе бездѣтной вдовы. Если она прожила съ мужемъ не долго, то за ней не признается право на имущество мужа, такъ какъ она ничѣмъ не заслужила, не заработала этого права. Въ такомъ случаѣ, она получаетъ свое приданое (которое, кстати замѣтимъ, всегда возвращается вдовѣ), кое что изъ имущества мужа, напримѣръ, его подвѣнечное платье, которое дается ей по обычаю, какъ бы на память, и затѣмъ выходитъ снова замужъ, или возвращается къ родителямъ или уходитъ на сторону, на заработки, а имущество мужа идетъ его родителямъ или родственникамъ; впрочемъ, если бы она пожелала остаться у лица, получившаго имущество мужа, обыкновенно свекра или деверя, тотъ не имѣетъ права отказать ей въ пріютѣ. Но если она долго жила съ мужемъ, то своимъ трудомъ заработала право на все имущество мужа и никто не можетъ у нея оспаривать этого права, для признанія котораго не нужны никакія духовныя завѣщанія. Чувство справедливости было бы страшно возмущено въ крестьянинѣ, если бы кто сталъ оспаривать у такой жены наслѣдство, опираясь на законъ. Нашъ крестьянинъ высоко чтитъ трудъ; въ его глазахъ только то имѣетъ цѣну, что пріобрѣтено трудомъ; земля, напримѣръ, принадлежитъ тому, кто положилъ на нее трудъ. Существованіе трудоваго начала въ обычномъ народномъ правѣ не можетъ подлежать сомнѣнію. Таковое наше мнѣніе находитъ крѣпкую точку опоры и въ превосходной статьѣ г. Ефименко: «Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ», представляющей живыя доказательства тому, до чего нашъ народъ высоко чтитъ трудъ и смотритъ на него, какъ на великое нравственное начало.

До какихъ иногда высоко-гуманныхъ проявленій доходитъ чувство справедливости въ крестьянинѣ, видно изъ одного обычая, распространеннаго въ Архангельской губерніи. Если дѣвушка или женщина жила съ мужчиной безъ вѣнчанія продолжительное время, то послѣ его смерти она признается его наслѣдницей, помимо всякихъ родственниковъ, все равно — есть ли у нея дѣти, прижитыя съ нимъ, или нѣтъ. Такой обычай крестьяне объясняютъ тѣмъ, что женщина, которая прожила вѣкъ съ мужчиной, работала съ нимъ и для него, заботилась о немъ, — больше всѣхъ имѣетъ право на его имущество. Даже право на пользованіе земельнымъ участкомъ, до ревизіи, переходитъ иногда къ такой сожительницѣ, тогда какъ оно не всегда передается даже законнымъ женамъ, а часто идетъ въ семью мужа — его отцу или брату. Мало того, что волостной судъ разбираетъ дѣла между супругами, вовсе не подле-

жащія его вѣдѣнію, но постанавляетъ рѣшенія, совершенно противорѣчащія и буквѣ, и духу закона, причемъ, замѣтимъ, что многія изъ такихъ рѣшеній направлены въ пользу женщины, въ защиту права ея личности.

Вотъ и извольте объяснять эту разницу во взглядахъ въ вопросахъ величайшей важности простыхъ, не интеллигентныхъ людей и людей много и долго учившихся разнымъ наукамъ. Конечно, дѣло въ данномъ случаѣ не въ наукѣ, которая ничего, кромѣ добра, обществу принести не можетъ, но въ чемъ то другомъ, корень чего лежитъ въ исторіи русской жизни.

Г. Ефименко, въ каждой главѣ своего прекраснаго труда, открываетъ читателямъ самыя симпатическія черты въ природѣ простаго русскаго человѣка, на котораго иные изливаютъ такъ много хулы и лжи, изливаютъ потому, что не хотятъ узнать его, да, по правдѣ сказать, и не могутъ узнать, ибо смотрятъ на него съ высоты своего интеллигентнаго величія.

Ближайшее знакомство съ обычнымъ правомъ нашего народа должно привести къ тому заключенію, что обычное право какъ нельзя болѣе субъективно. Субъективность эта, составляющая дѣло величайшей важности, по отношенію къ основамъ всякаго законодательства, всего рельефнѣе рисуется при сравненіи воззрѣній юриста, воспитаннаго на римскомъ правѣ, для котораго извѣстное выраженіе fiat justitia, pereat mundus (да живетъ справедливость и да погибнетъ міръ) есть святая истина, и нашего крестьянина-судьи, для котораго формальное право не имѣетъ смысла, который считаетъ себя въ правѣ какъ наказать преступника, такъ и простить его, смотря по обстоятельствамъ дѣла; мало того: который убѣжденъ, что наказывая, онъ можетъ за одно и то же преступленіе опредѣлять самыя различныя наказанія: и выговоръ, и денежный штрафъ, и арестъ, и розги, все «глядя по человѣку и по дѣлу».

Сколько пониманья человѣческой природы въ этихъ словахъ: «глядя по человѣку и по дѣлу», сколько въ нихъ гуманности! Рано или поздно непремѣнно возбудится вопросъ о вредныхъ послѣдствіяхъ формальнаго права не только у насъ, но и въ Европѣ, тѣмъ болѣе въ послѣдней, что въ ней все законодательство держится на римскомъ правѣ, которое, при своей необыкновенной логичности, послѣдовательности, при развитой въ немъ формальной сторонѣ, только и могло выработать знаменитое, вышеприведенное нами изрѣченіе юристовъ-формалистовъ. Особенно сильно этой формальной стороной англійское законодательство, до безсмыслицы стоящее за букву и форму.

Поднятый г. Ефименко вопросъ объ обычномъ правѣ русскаго народа не можетъ пройти безслѣдно для дальнѣйшаго нашего ознакомленія съ народомъ, свѣтлый образъ котораго будетъ выступать

все ярче и ярче. Дай Богъ, чтобы изученіе народа болѣе и болѣе шло впередъ, безъ чего не мыслимы всѣ работы интеллигенціи, совершаемыя во имя его блага. Необходимо помнить, что изученіе почвы, т. е. народа, можетъ дать намъ гораздо больше, чѣмъ мы привыкли ожидать: во-первыхъ, лишь путемъ такого изученія можно уяснить себѣ, что̀ составляетъ наши настоящія національныя особенности, а едва ли кто сомнѣвается въ безусловной важности такого національнаго самопознанія; во-вторыхъ, оно можетъ указать намъ путь, которому должно слѣдовать, чтобъ придти къ какимъ нибудь вѣскимъ и цѣннымъ результатамъ въ вышеприведенномъ случаѣ (т. е. въ вопросѣ законодательномъ); оно даетъ прямыя указанія юристамъ и законодательству, что̀ нужно дѣлать, чтобы создать вполнѣ цѣльное и послѣдовательное и въ то же время національное право.

Мы ни малѣйшимъ образомъ не стоимъ за слѣпое поклоненіе народу, что нерѣдко встрѣчается въ людяхъ, посвятившихъ себя его изученію, и очень хорошо понимаемъ просвѣтительную роль образованнаго класса общества, по отношенію къ меньшой братіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко сознаемъ все значеніе и той великой роли, которую народъ, эта непросвѣщенная масса, играетъ въ судьбахъ всякаго государства, а слѣдовательно и нашего. Худо, когда народъ заставляетъ узнать себя, и очень хорошо, когда мы, интеллигентные люди, сами стремимся узнать его, ибо это знаніе немедленно родитъ добро для народа или для государства, что все равно.

И. В—въ.

Домъ Хмельницкаго.

ДОМЪ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Недалеко отъ Чигирина находится село Суботово, замѣчательное тѣмъ, что въ немъ родился Богданъ Хмельницкій. Лѣтъ двадцать назадъ, въ Суботовѣ еще существовали остатки дома Хмельницкаго. Извѣстный поэтъ и художникъ Шевченко, проѣзжая въ то время черезъ Суботово, набросалъ карандашомъ видъ этихъ историческихъ развалинъ, который мы и воспроизводимъ здѣсь съ его наброска. Но недавно послѣдніе остатки дома были разобраны и употреблены для постройки церкви Медвѣдовскаго монастыря. Теперь на мѣстѣ дома Хмельницкаго стоитъ гумно; около него еще замѣтны слѣды фундамента по кое-гдѣ торчащимъ изъ-подъ травы кирпичамъ. За гумномъ есть небольшой садъ, гдѣ находилась пасека Хмельницкаго; но отъ его времени уже не сохранилось ни одного дерева, только низменное мѣсто, поросшее болотистыми растеніями, указы-

ваетъ на когда-то существовавшій здѣсь прудъ. Съ возвышенной мѣстности, гдѣ стоялъ домъ, открывается прекрасный видъ на Суботово и далекіе луга. Дворъ и садъ были обнесены частоколомъ и двухъ-ярусным валомъ со рвомъ. Вообще, усадьба Хмельницкаго представляла какъ бы небольшое укрѣпленіе, впрочемъ, необходимое въ тѣ времена, когда каждый день можно было ожидать или татарскаго набѣга, или нападенія поляковъ, или даже просто кровавой ссоры съ сосѣдомъ.

НОВООТКРЫТЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ — АПОЛОГЕТЪ.

ЕСЬМА интересна бываетъ иногда судьба нѣкоторыхъ литературныхъ и вообще историческихъ памятниковъ у насъ въ Россіи. Многіе знаютъ о ихъ существованіи; иные, какъ будто, особенно интересуются ими, — а они все лежатъ да лежатъ въ пыли архивной неизвѣстности, какъ заколдованное сокровище, которому не вышелъ еще срокъ для появленія на свѣтъ Божій, или потому, что не народился «добрый молодецъ», чтобы овладѣть имъ и повѣдать міру о его достоинствахъ и содержаніи.

Такая исторія случилась, между прочимъ, на глазахъ нашихъ съ рукописью преподобнаго Іова, игумена Почаевскаго, извѣстнаго подвижника западно-русской церкви послѣдней половины XVI-го и первой половины XVII-го вѣка. Когда православные снова приняли обитель Почаевскую отъ уніатовъ въ свое управленіе, въ 1831 году, то вмѣстѣ съ другими вещами и предметами получили отъ нихъ также и особую рукописную книгу, писанную частію уставомъ, частію полууставомъ, замѣчательно мелкими буквами, съ спеціальнымъ заглавіемъ: «Книга Блаженнаго Іова, Игумена Почаевскаго, власною (собственною) рукою его писанная». Казалось бы, всего благопристойнѣе было, принявши тогда же мощи преподобнаго Іова, обратить вниманіе и на его книжку... Но на первыхъ порахъ личность самого Іова оставалась какъ-то въ тѣни. Кромѣ краткаго житія его, написаннаго его ученикомъ, «и по немъ тыяжде Почаевскія обители бывшимъ игуменомъ Досиѳеемъ»,—другихъ свѣдѣній въ то время объ Іовѣ совершенно никакихъ не имѣлось. Вслѣдствіе этого, преподобный Іовъ Почаевскій извѣстенъ былъ до послѣдняго времени въ нашемъ отечествѣ лишь по святости

своей жизни и по нетлѣнію своихъ мощей, почивающихъ въ Почаевской лаврѣ Волынской епархіи... Но рѣдко кому извѣстно было, что преподобный Іовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовнымъ писателемъ, трудившимся на поприщѣ духовной литературы въ самый скудный духовными талантами и смутный періодъ существованія южно-русской церкви.

Признаемся, когда мы сами писали, въ семидесятыхъ годахъ, житіе Іова [1]), то хотя и имѣли его книжку въ рукахъ, но за неимѣніемъ тогда необходимыхъ источниковъ для опредѣленія ея подлинности и содержанія, сочли лучшимъ умолчать о ней до времени... Такъ шло дѣло до половины 1882 года, когда, будучи въ Почаевѣ на каникулахъ, и разговорившись съ бывшимъ тогда намѣстникомъ Почаевской лавры, почтеннѣйшимъ о. архимандритомъ Іоанномъ, о предстоящемъ, теперь уже бывшемъ, юбилеѣ лавры, 13-го октября 1883 года [2]), мы вспомнили опять о книгѣ преподобнаго Іова и тогда же рѣшили передать ее, съ разрѣшенія Волынскаго преосвященнаго и священно-архимандрита Почаевской лавры, архіепископа Тихона, на разсмотрѣніе извѣстному знатоку и любителю русской древней письменности, профессору кіевской академіи, Н. И. Петрову.

Ученый профессоръ представилъ результаты своихъ изслѣдованій о рукописи преподобнаго Іова къ юбилею Почаевской лавры въ двухъ редакціяхъ: 1) въ отдѣльной книгѣ въ два столбца, съ изложеніемъ подлиннаго текста рукописи преподобнаго и перевода ея на русскій языкъ, съ особеннымъ къ тому предисловіемъ, для изданія въ Почаевской лаврѣ, подъ заглавіемъ: «Пчела Почаевская» [3]), и 2) въ особой статьѣ, напечатанной въ «Странникѣ» прошлаго 1883 года.

Съ этими изслѣдованіями мы и познакомимъ читателей «Историческаго Вѣстника», присоединивъ къ нимъ нѣсколько своихъ особыхъ замѣчаній, по нашему крайнему разумѣнію, необходимыхъ для надлежащей постановки дѣла и его уясненія.

Въ настоящемъ своемъ видѣ «Книга блаженнаго Іова» заключаетъ въ себѣ 123 листа, въ продольную осьмушку, заново перенумерованные въ 1854 году. Но судя по остаткамъ первоначальной

[1]) Преподобный Іовъ, игуменъ Почаевскій, его жизнь и прославленіе. Историко-біографическій очеркъ. Каменецъ-Подольскія Епарх. Вѣдомости 1871 г. — Перепечатано потомъ въ нашей же книгѣ: «Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни». Житоміръ 1878 г. и оттуда отдѣльною брошюрою.

[2]) См. Историч. Вѣстникъ. 1883 г. Декабрь. Ст. XIII. Смѣсь.

[3]) Книга эта въ настоящее время и печатается въ Почаевѣ, только, къ сожалѣнію, по мѣстнымъ условіямъ, въ одномъ только русскомъ переводѣ г. Петрова съ его предисловіемъ. Такимъ образомъ, пока самый текстъ рукописи преподобнаго Іова остается недоступнымъ для публики. Будемъ надѣяться, что на него обратятъ вниманіе любители отечественной древней письменности и незамедлятъ выпустить его на свѣтъ Божій для дальнѣйшаго изученія.

ея пагинаціи, нужно думать, что въ ней было не менѣе 901 листа. По содержанію своему рукопись Іова представляетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) житія и сказанія въ порядкѣ торжественниковъ и четьминей на нарочитые дни и неподвижные праздники церковнаго года за августъ, сентябрь и декабрь мѣсяцы; 2) выписки изъ патериковъ и особенно изъ лѣствицы преподобнаго Іоанна Синайскаго; 3) слова и бесѣды на страстную и свѣтлую седмицы и на нѣкоторые подвижные праздники и дни, и 4) выписки изъ разныхъ книгъ, замѣтки и коротенькія поученія, и т. п. При этомъ однѣ изъ статей въ рукописи Іова, и при томъ въ самомъ большомъ количествѣ, представляютъ настоящія выписки изъ готовыхъ источниковъ, каковы по указанію г. Петрова: священное писаніе и въ частности пятикнижіе Моисея, книги пророковъ съ толкованіями Епифанія Кипрскаго, Ѳеодорита Кирскаго, Василія Великаго, Кирилла, Златоустаго и Ѳеодула, евангелія, первоевангеліе Іакова, подлинныя и подложныя творенія Ипполита папы Римскаго, св. Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ, Василія, Северіана Габильскаго, Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго, Іоанна Лѣствичника, Іоанна Мосха, Кормчая, Пчелы, Анастасія Синаита, Іоанна Дамаскина, Ѳеодора Студита, Кирилла Скиѳопольскаго, Іоанна патріарха Іерусалимскаго, Никона Черногорца, Никифора Ксанѳопула, Кирилла Туровскаго, Григорія Цимвлака и др.

Уже одно это богатство источниковъ, изъ которыхъ Іовъ черпалъ свои выписки, даетъ книгѣ его необычайную цѣну, тѣмъ болѣе что многихъ изъ этихъ источниковъ въ настоящее время не находится вовсе въ тѣхъ редакціяхъ, которыми долженъ былъ пользоваться Іовъ въ свое время. Но что еще болѣе возвышаетъ достоинство книги преподобнаго Іова, такъ это то, что всѣ заимствованныя въ оной статьи «не представляютъ, какъ говоритъ г. Петровъ, безцѣльнаго свода выписокъ изъ попадавшихся Іову книгъ, а отражаютъ на себѣ индивидуальный характеръ личности преподобнаго», какъ одного изъ величайшихъ подвижниковъ православной церкви XVI—XVII вѣка и неизмѣннаго борца за вѣру православную противъ усиливающихся въ то время вліяній латиноунитства и протестантства. «Въ древней византійской литературѣ, говоритъ г. Петровъ, извѣстенъ цѣлый рядъ сборниковъ, называемыхъ «пчелами», которые собирали медъ духовной мудрости изъ разныхъ источниковъ и пользовались чужими изреченіями для выраженія своей собственной основной мысли или идеи и ея подробностей. Къ числу такихъ «пчелъ» можно отнести и рукопись преподобнаго Іова въ заимствованныхъ его частяхъ, имѣющую, не смотря на заимствованія, своеобразный, основной характеръ».

Но кромѣ сего, въ рукописи преподобнаго Іова есть не мало статей и его собственнаго сочиненія, компилятивныхъ и подражательныхъ, и оригинальныхъ, отличающихся такимъ же характеромъ индивидуальной личности и непосредственнаго отношенія къ нуж-

дамъ и потребностямъ своего времени. По изслѣдованію г. Петрова, эти статьи слѣдующія: 1) «Въ недѣлю цвѣтную толкованіе евангелія о Лазарѣ», составленное по подражанію Златоусту и Григорію Цимвлаку (рукоп. л. 4—7); 2) заключительное нравоученіе въ концѣ подложнаго слова Златоустаго въ недѣлю шестую цвѣтную (л. 9 и 10); 3) поученіе о терпѣніи и благохваленіи, и да не зѣло плачемся о умершихъ, составленное по подражанію поученію Златоустаго подъ тѣмъ же заглавіемъ (л. 70 и 75) 4); поученіе о богатомъ и Лазарѣ, составленное по подражанію шестой бесѣдѣ Златоустаго подъ тѣмъ же заглавіемъ, съ выпискою изъ нея (л. 73); 5) краткое поученіе о сѣмени и сѣятелѣ и слушаніи Слова Божія, составленное по подражанію слову Іоанна Златоустаго о трудѣ земномъ (л. 72); 6) поученіе объ отреченіи отъ міра и о духовномъ совершенствѣ, составленное на основаніи отрывковъ изъ твореній Василія Великаго и Іоанна Златоустаго (л. 99); 7) поученіе о Каинѣ и Авелѣ и зависти и злобѣ, составленное изъ трехъ отрывковъ изъ твореній Іоанна Златоустаго (л. 74); 8) поученіе противъ пьянства на основаніи пророчества Іереміи (л. 99); 9) о почитаніи св. иконъ изъ посланія Іоанна Дамаскина, по другимъ Ѳеодора Студита, къ императору Ѳеофилу и изъ другихъ источниковъ (л. 87); 10) поученіе о божествѣ Іисуса Христа, направленное противъ лютеранъ, аріанъ и жидовствующихъ (л. 75), и 11) поученіе о божествѣ и человѣчествѣ Іисуса Христа, Его воплощеніи и о Богородицѣ (л. 92). Кромѣ того, говоритъ г. Петровъ, въ нѣкоторыхъ словахъ и бесѣдахъ Златоустаго на дни страстной седмицы есть сокращенія, измѣненія и дополненія, тоже сдѣланныя Іовомъ, и т. д.».

Кто же былъ самъ Іовъ? И какія были нужды того времени, когда жилъ онъ и писалъ? Урожденецъ Покутья въ Галиціи, (около 1550 г.) преподобный Іовъ на десятомъ году жизни оставилъ родителей и удалился въ сосѣдній Угорлицкій монастырь. На двѣнадцатомъ году онъ былъ постриженъ въ монахи, и потомъ, по достиженіи опредѣленнаго возраста (около 1580 г.), поставленъ въ іеромонахи и постригся въ схиму съ именемъ Іоанна, которымъ нареченъ былъ при крещеніи. Уже въ Угорлицкомъ монастырѣ Іовъ такъ прославился строгостію жизни и даромъ учительства, что многіе начали приходить къ нему «пользы ради душевныя»... Въ тоже время узналъ о немъ острожскій князь Константинъ и «всяческими просьбами» испросилъ его у игумена Угорлицкаго въ свою Дубенскую обитель Честнаго Креста, для возвышенія уровня нравственной жизни въ инокахъ того монастыря и духовнаго назиданія и руководства, въ которомъ тогда особенно нуждались православные на Волыни, въ виду усиливающагося преобладанія латинянъ и уніатовъ и протестантскихъ сектъ разнаго рода. Будучи вскорѣ (около 1577 г.) поставленъ игуменомъ монастыря, Іовъ первымъ дѣломъ долженъ былъ обратить вниманіе князя Константина

на недостатокъ библіи, для надлежащей борьбы съ врагами православія; и какъ изданіе извѣстной первопечатной библіи 1581 года падаетъ на самое цвѣтущее время служенія его въ Честнокрестскомъ монастырѣ, когда Іовъ былъ ближайшимъ повѣреннымъ лицомъ и духовникомъ острожскаго князя, то мы, не обинуясь, ставимъ Іова въ этомъ отношеніи наравнѣ съ приснопамятнымъ діакономъ Иваномъ Өедоровымъ. Первый внушилъ добрую мысль князю, и, всего вѣроятнѣе, авторитетомъ своей особы и духовной власти побудилъ его издать библію, а второй привелъ эту мысль въ исполненіе. Честь и слава обоимъ, если то было такъ, въ чемъ мы не сомнѣваемся, хотя г. Петровъ въ своемъ изслѣдованіи о Іовѣ проходитъ эту сторону его дѣятельности молчаніемъ [1])...

Въ тоже время, съ ученіемъ библіи, Іовъ находилъ лучшимъ средствомъ для духовнаго водительства своихъ современниковъ «живое слово назиданія» «ихже свыше даилымъ себя благоразуміемъ, скромностію и частымъ поученіемъ, а наипаче трудовъ своихъ благолѣпнѣйшими подвиги... добрѣ управляше»... А для того, чтобы учить другихъ, надобно самому учиться. И вотъ, Іовъ берется за перо, и частію списывая съ готовыхъ источниковъ, частію самъ сочиняя, составляетъ цѣлую книгу разнаго рода поученій и бесѣдъ и другихъ статей, съ одной стороны, для укрѣпленіи вѣры и благочестія въ инокахъ ввѣреннаго ему монастыря, какъ главнѣйшихъ, по тому времени, представителяхъ православной церкви на западѣ Россіи, и съ другой, для предотвращенія и предохраненія отъ вражескихъ козней и другихъ своихъ современниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ, во имя вѣры и церкви православной. «Такожде, — говоритъ списатель житія Іовлева, іеросхимонахъ Досиөей,—писаніемъ книгъ церковныхъ (Іору въ Дубли) упражнятися»...

Сообразно указаннымъ двумъ главнымъ цѣлямъ, и всѣ статьи ...ъ рукописи Іова, професоръ Петровъ разсматриваетъ съ двухъ ...ронъ 1) какъ статьи относящіяся къ назиданію иноковъ Чест...рестскаго монастыря, и потомъ, съ прибытіемъ Іова въ Почаевъ ...ноковъ Почаевкаго монастыря, и 2) собственныя поученія Іова ...влеченія изъ твореній другихъ лицъ, направленныя вообще ...въ иновѣрцевъ, еретиковъ и сектантовъ, волновавшихъ совре...е пр. Іову православное русское общество.

...ервыя изъ этихъ статей, состоящія, главнымъ образомъ, въ ...ченіяхъ изъ патериковъ и лѣствицы Іоанна Синайскаго, и ... и бесѣды на подвижные и неподвижные праздники и на-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. наше изслѣдованіе объ Іовѣ, въ его послѣдней ...ціи, въ «Очеркахъ изъ исторіи православной церкви и древняго благоче... на Волыни», 1878 года, стр. 162, 163. Этого «Житія Іова» г. Петровъ, ка...ся, не имѣлъ въ рукахъ...

рочитые дни церковнаго года, являются, по словамъ г. Петрова, у Іова результатомъ требованій Студійскаго общежительнаго устава, въ силу котораго настоятели обителей каждую седмицу нѣсколько разъ должны были назидать братію или сами, или чрезъ кого либо другаго [1]). Всѣ онѣ отличаются общеназидательнымъ характеромъ, наглядностію. «Чтенія изъ лѣствицы, говоритъ г. Петровъ, выбраны преимущественно повѣствовательнаго характера. Въ словахъ и бесѣдахъ на воскресные, праздничные и нарочитые дни — почти полное отсутствіе словъ и бесѣдъ съ болѣе или менѣе отвлеченнымъ содержаніемъ», за исключеніемъ бесѣды Василія Великаго о благодареніи на вторникъ сырной недѣли и нѣкоторыхъ псевдонимовъ съ именемъ Златоустаго и поздѣйшихъ отцевъ и учителей церкви, отличающихся витіеватостью, аѳоризмами, и т. п.

Что до статей второго рода, то въ рукописи преподобнаго Іова, по изслѣдованію г. Петрова, находятся поученія и выписки противъ евреевъ, католиковъ и разныхъ протестантскихъ сектъ. Противъ іудеевъ и католиковъ, впрочемъ, у Іова находятся только два обличенія, и притомъ заимствованныя у Григорія Цимвлака... «Главныя же усилія преподобнаго Іова, говоритъ г. Петровъ, направлены были къ обличенію протестанствующихъ сектъ, или, по крайней мѣрѣ, къ предохраненію отъ нихъ православнаго народа».—Въ особенности, ближайшею цѣлію апологетической полемики Іова становится социтанство или сититранатирство, которое въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка усилилось было на Волыни до того, что здѣсь имѣло нѣсколько специіальныхъ центровъ въ Киссилинѣ, Берескѣ и Иваничахъ нынѣшняго Новградволынскаго уѣзда, Волынской губерніи, также въ Гощѣ, Ляховцахъ, Тихошмѣ, Острогоскаго уѣзда, въ м. Берестечкѣ,—Дубенскаго уѣзда и друг. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Петровъ, что изъ этихъ и другихъ центровъ своихъ социніанство легко распространялось и въ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ волынскихъ, и между прочимъ въ Дубнѣ, гдѣ жилъ и настоятельствовалъ Іовъ въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Онъ не могъ оставаться равнодушнымъ въ виду широкаго развитія этой ереси, разрушавшей самыя основы христіанской религіи, и выступилъ на ея защиту, подтверждая и усиливая слово свое святою своею жизнію».

До сихъ поръ мы во всемъ согласны съ г. Петровымъ, равно какъ съ искреннею благодарностію отмѣчаемъ въ его трудѣ слѣдующее дальнѣйшее изложеніе апологетическаго ученія преподобнаго Іова «на основаніи его собственныхъ поученій и выписокъ изъ другихъ книгъ о важнѣйшихъ догматахъ православной церкви, отрицаемыхъ еретиками», какъ то: о св. Троицѣ, о божествѣ Христа

---

[1]) См. § 11 Завѣщанія преп. Ѳеодора Студита, въ Cursus completus. t. XCIX, стр. 1819.

о постахъ и пр. «По широтѣ круга, захватываемаго полемикой преподобнаго Іова, скажемъ и мы словами г. Петрова, она можетъ идти въ сравненіе лишь съ наиболѣе капитальными трудами того времени въ этой области, именно, «Показаніемъ Истины» Зиновія Отенскаго, посланіемъ старца Артемія и «Книгой о вѣрѣ» 1602 и 1609 г. отличаясь и высокими внутренними достоинствами». Другіе обличители и защитники ересей того времени, какъ то острогожскій клирикъ Василій и Стефанъ Зизаній, въ борьбѣ съ иновѣрцами пользовались католическими пособіями или стояли на раціональной почвѣ, и такимъ образомъ, невольно выходили за предѣлы строго православнаго богословствованія, какъ это и случилось съ Зизаніемъ. Напротивъ того, Іовъ старался выражать свою мысль по преимуществу святоотеческими твореніями, выписками изъ нихъ и ихъ выраженіями, и потому твердо стоитъ на православной почвѣ; въ такомъ отношеніи «творенія и писанія преподобнаго Іова, какъ справедливо замѣчаетъ г. Петровъ, направленные противъ социніанства, могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на историческую подготовку современной штунды на югѣ Россіи и дать полѣзныя указанія и пособія для борьбы съ нею»...

Признавая однако все это, мы не можемъ согласиться съ г. Петровомъ, чтобы книги Іова были писаны имъ исключительно въ Дубнѣ, а не въ Дубнѣ и въ Почаевѣ вмѣстѣ. Напротивъ, мы думаемъ даже, что Іовъ имѣлъ несравненно болѣе основаній вооружаться противъ протестанства, и въ частности противъ социніанства, находясь на горѣ Почаевской, живя въ Дубенскомъ Честнокрестномъ монастырѣ. Къ этому приводитъ насъ самое житіе преподобнаго, писанное ученикомъ его Досиѳеемъ, которое, вскорѣ по прибытіи Іова въ Почаевъ (около 1600 года), ставитъ его въ фактическую борьбу съ лютераниномъ Андреемъ Фирнеемъ, который съ своими слугами, «такожде лютрами», творитъ всевозможныя пакости Іову и его монастырю, раскапываетъ межевые знаки имѣній, принадлежащихъ монастырю, не дозволяетъ почаевскимъ монахамъ возить воду изъ сосѣдняго села, стараго Почаева и, наконецъ, напавши на монастырь, захватываетъ все его имущество и даже увозитъ съ собою, въ свое имѣніе Козинъ, чудотворную икону Божіей Матери Почаевской, въ намѣреніи совершенно уничтожить монастырь Іова. Если когда, то теперь въ особенности, душа Іова должна была наболѣть отъ безобразій люторскихъ и заставить его заговорить словомъ обличенія противъ «еретиковъ аріанъ и псовъ лютеранъ», какъ самъ Іовъ называетъ ихъ въ своемъ поученіи о Божествѣ Іисуса Христа. Ни «практическая дѣятельность по устройству Почаевскаго монастыря, въ качествѣ игумена сего монастыря, ни самый возрастъ Іова здѣсь, клонившійся къ старости», какъ говоритъ г. Петровъ, ни могли отвлечь Іова отъ духовно-просвѣтительной дѣятельности въ духѣ право-

славія противъ еретиковъ. Во-первыхъ, въ то время ему было не болѣе 50-ти лѣтъ, — возрастъ ни мало не препятствующій самой усиленной литературной дѣятельности, въ особенности, если принять во вниманіе, что Іовъ былъ такъ крѣпокъ физически, что прожилъ около ста лѣтъ († 1651 г.). Во-вторыхъ, и въ Дубнѣ Іовъ также не мало имѣлъ дѣла по управленію монастыремъ, а между тѣмъ это не препятсвовало ему «писаніемъ книгъ упряжнятися».

Въ особенности же, такія спеціальныя обличенія Іова противъ «псовъ лютеранъ», какъ объ образахъ и иконахъ, о хвалѣ и чести угодниковъ Божіихъ, о постѣ, о жизни отшельнической, должны быть по преимуществу написаны, извлечены или скомпилированны Іовомъ въ Почаевѣ, когда онъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ еретиками, и такимъ образомъ, въ силу естественной необходимости, помимо судебныхъ процессовъ, долженъ былъ вести съ ними борьбу религіозную, апологетическую.

Безъ всякаго сомнѣнія, ничто иное, какъ живое сознаніе всей важности и необходимости этой борьбы, было причиною того, что вскорѣ по прибытіи Іова на гору Почаевскую, въ его почаевской типографіи напечатано было (1618 г.) извѣстное «Зерцало Богословія» Транквилліона, представляющее первый опытъ систематическаго изложенія ученія православной вѣры на западѣ Россіи противъ латинянъ и протестантовъ. Затѣмъ, въ 1628 году, когда въ Кіевѣ созванъ былъ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ соборъ противъ Мелетія Смотрицкаго, Іовъ лично отправился на этотъ соборъ, кто знаетъ, какъ лучшій изъ богослововъ-апологетовъ своего времени, не онъ ли по преимуществу заставилъ Смотрицкаго отречься отъ своихъ заблужденій, и, такимъ образомъ, хоть на время успокоить взволновавшуюся было тогда южно-русскую церковь православную...

Такой ли человѣкъ могъ оставить Фирнея и всѣхъ его слугъ, «такожде лютровъ», безъ обличенія, вразумленія и наставленія?

Наконецъ, новую черту въ жизни Іова, хотя, впрочемъ, еще ранѣе этого подмѣченную нами [1]), г. Петровъ открываетъ на основаніи рукописи Іова, что по складу своего характера Іовъ, вообще, склоненъ былъ болѣе къ пустынной жизни «по примѣру Саввы освященнаго», чѣмъ къ общежительству «по уставу студійскому». Но какъ судьба, помимо его собственной воли, ставила во главѣ общежительствъ монастырей, сначала Дубенскаго, а потомъ и Почаевскаго, то онъ, говоря словами г. Петрова, старался по мѣрѣ силъ своихъ «совмѣщать общежительство съ отшельничествомъ». Въ особенности, этому какъ нельзя болѣе благопріятствовало уединенное положеніе Горы Почаевской, изобиловавшей природными

---

[1]) См. Преп. Іовъ — въ «Очеркахъ изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волынѣ», стр. 187—189.

скалистыми пещерами, въ которыхъ, главнымъ образомъ, спасались первые насельники Почаевской обители, со времени основанія ея (въ первой половинѣ XIII-го вѣка) до послѣднихъ временъ. Одну изъ этихъ пещеръ, уцѣлѣвшую въ первоначальномъ своемъ видѣ и доселѣ, Іовъ облюбовалъ по преимуществу, и не смотря на множество дѣлъ по устроенію монастыря, — замѣтимъ кстати, теперь только и начавшаго преобразовываться изъ пустыннаго въ общежительный монастырь, подъ руководствомъ самаго Іова, — онъ находилъ время заключаться въ этой пещерѣ «ово на два, ово на три дня, а иногда и на цѣлую седмицу, ни чѣмъ же въ то время, точію слезами отъ чистаго сердца изливающимися, питаемый». Къ тому же, по свидѣтельству Досиѳея, Іовъ былъ чрезвычайно братолюбивъ, смиренъ, послушливъ, кротокъ, милосердъ, и до того молчаливъ (когда нужно и можно было молчать), что отъ него трудно было что слышать, какъ только при каждомъ словѣ и движеніи, «аки рѣку, молитву сію: Господи Іисусѣ Христе помилуй мя». Подражая древнимъ пустынникамъ, Іовъ также любилъ постоянно заниматься рукодѣліями, самъ насаждалъ деревья въ садахъ монастырскихъ, копалъ собственными руками слюники или пруды, уцѣлѣвшіе и доселѣ у подножія Горы Почаевской, для пойла скота и т. п.

Тѣмъ болѣе, при такихъ обстоятельствахъ, въ Почаевѣ по преимуществу, Іовъ долженъ былъ говорить о преимуществахъ «отшельнической жизни», находя здѣсь самую почву, во многихъ отношеніяхъ подготовленную для этого въ предъидущей исторіи Почаевскаго монастыря и даже въ характерѣ нѣкоторыхъ наличныхъ членовъ его братіи, какъ это можно видѣть въ лицѣ извѣстнаго уже намъ Досиѳея, который, въ качествѣ ученика преподобнаго, какъ самъ говоритъ въ его житіи, во многомъ участвовалъ въ пустынно-отшельническихъ подвигахъ своего учителя, раздѣляя съ нимъ его всенощныя молитвы, пещерное заключеніе и т. п. Въ монастырѣ Дубенскомъ, вблизи шумнаго города, бывшаго резиденціею могущественнаго и великолѣпнаго князя Острожскаго, монахи невольно втягивались въ обыденную жизнь, и потому говорить имъ объ отшельнической жизни едва ли не было бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Иное дѣло, что прирожденная склонность Іова къ скитскому, пустынному житію могла заставить его, какъ говоритъ г. Петровъ, разойтись съ Острожскимъ княземъ, въ виду того, что въ послѣдніе годы князь задался было вопросомъ «о преобразованіи всѣхъ православныхъ монастырей въ своихъ владѣніяхъ въ общежительные, по уставу св. Василія Великаго, какъ бы въ параллель монашескимъ орденамъ католической церкви и во избѣжаніе нареканія со стороны еретиковъ, которые обзывали православныхъ отшельниковъ «скотиною и звѣрьми дикіими»; съ этимъ нельзя

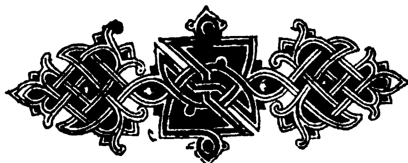
не согласиться. Къ сему же слѣдуетъ присовокупить, какъ замѣчаетъ г. Петровъ, что «князь Острожскій долженъ былъ найти рѣшительнаго противника въ Іовѣ, такъ ревностно обличавшемъ антитринитаріевъ», и въ его, князя Острожскаго, затѣяхъ по вопросу объ участіи православныхъ въ съѣздахъ съ протестантами, съ цѣлью объединенія политическихъ интересовъ тѣхъ и другихъ, для каковой цѣли, между прочимъ, князь Константинъ на Виленскій съѣздъ, 1599 года, пригласилъ было съ собою даже настоятеля Дубенскаго Спасскаго монастыря, Исаакія.

Обстоятельства эти, совмѣстно со славою, которая, по словамъ Дисиѳея, крайне смущала Іова въ Дубнѣ, а также и тайныя козни іезуитовъ, которые въ то время успѣли уже запустить свои сѣти въ самое семейство Острожскаго князя и совратить въ католичество его собственнаго сына Янута, были причиною того, что Іовъ не могъ до конца удержаться въ своемъ Дубенскомъ монастырѣ, и, нашедши удобное время, тайно ушелъ изъ него во образѣ простаго инока на Гору Почаевскую, въ надеждѣ здѣсь найти пустынный покой и просторъ для излюбленныхъ скитскихъ подвиговъ.

Но судьба рѣшила иначе. Незадолго до прибытія Іова въ Почаевъ (1597 г.) сосѣдняя помѣщица, Анна Гойская, пожертвовала значительныя угодія и деньги для преобразованія Почаевской обители изъ пустынной въ общежительную, и, такимъ образомъ, Іовъ, волей-не-волей, долженъ былъ снова втянуться во всѣ треволненія монастырской общежительной жизни, тѣмъ болѣе, что вскорѣ по прибытіи на Гору Почаевскую, онъ и здѣсь былъ избранъ братіею во игумена, въ каковомъ званіи и скончался 28-го октября 1651 года. Здѣсь только оставалось ему счастливо соединять общежительство съ скитскою жизнію, что и дѣлалъ Іовъ, какъ мы видимъ...

А. Ѳ. Хойнацкій.

Г. Нѣжинъ,
11-го декабря 1883 года.



СУЕВѢРІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА [1].

I.

Суевѣрія древнихъ вѣковъ.

РЕВНІЯ преданія указываютъ, что у всѣхъ народовъ была сильно распространена вѣра въ злаго духа, воплощеннаго въ змѣя. Человѣкъ въ тѣ темныя времена находился въ постоянномъ страхѣ; на каждомъ шагу въ природѣ онъ встрѣчалъ враговъ, видѣлъ во всемъ губительную силу, ополченную противъ него. Мысль въ періодъ дѣтства человѣчества не способна къ отвлеченіямъ, она облекаетъ все въ осязательные образы; мы видимъ это на дикаряхъ, видимъ и на дѣтяхъ. Человѣкъ въ эту темную эпоху могъ представить себѣ охватывавшее его со всѣхъ сторонъ зло въ видѣ существа, одареннаго страшной силой уничтожать стада и жатвы, насылать болѣзни и смерть. Всѣ бѣдствія, страшныя человѣку, были воплощены въ этомъ существѣ, которому нужно придать образъ. Потрясенная фантазія не нашла образа болѣе подходящаго для воплощенія зла, какъ образъ змѣя. Въ библіи говорится о множествѣ змѣй, напавшихъ на лагерь израильтянъ; это прямое

[1]) Недавно въ Англіи издано сочиненіе Гранта подъ заглавіемъ: «Таинственное у всѣхъ народовъ» (Mysteries of all nations. By Grant). Оно заключаетъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній, собранныхъ съ добросовѣстностью, отличающею англичанъ, и представляетъ, насколько намъ извѣстно, болѣе полный и обстоятельный популярный сборникъ миѳовъ и суевѣрій всѣхъ вѣковъ и народовъ. Основываясь на этомъ сочиненіи, мы попытаемся указать на общую связь суевѣрій всѣхъ народовъ и на историческое развитіе миѳическихъ преданій, оставивъ въ сторонѣ пересказы Гранта миѳологіи древнихъ народовъ, уже слишкомъ извѣстной по множеству другихъ сочиненій.

своей жизни и по нетлѣнію своихъ мощей, почивающихъ въ Почаевской лаврѣ Волынской епархіи... Но рѣдко кому извѣстно было, что преподобный Іовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовнымъ писателемъ, трудившимся на поприщѣ духовной литературы въ самый скудный духовными талантами и смутный періодъ существованія южно-русской церкви.

Признаемся, когда мы сами писали, въ семидесятыхъ годахъ, житіе Іова [1]), то хотя и имѣли его книжку въ рукахъ, но за неимѣніемъ тогда необходимыхъ источниковъ для опредѣленія ея подлинности и содержанія, сочли лучшимъ умолчать о ней до времени... Такъ шло дѣло до половины 1882 года, когда, будучи въ Почаевѣ на каникулахъ, и разговорившись съ бывшимъ тогда намѣстникомъ Почаевской лавры, почтеннѣйшимъ о. архимандритомъ Іоанномъ, о предстоящемъ, теперь уже бывшемъ, юбилеѣ лавры, 13-го октября 1883 года [2]), мы вспомнили опять о книгѣ преподобнаго Іова и тогда же рѣшили передать ее, съ разрѣшенія Волынскаго преосвященнаго и священно-архимандрита Почаевской лавры, архіепископа Тихона, на разсмотрѣніе извѣстному знатоку и любителю русской древней письменности, профессору кіевской академіи, Н. И. Петрову.

Ученый профессоръ представилъ результаты своихъ изслѣдованій о рукописи преподобнаго Іова къ юбилею Почаевской лавры въ двухъ редакціяхъ: 1) въ отдѣльной книгѣ въ два столбца, съ изложеніемъ подлиннаго текста рукописи преподобнаго и перевода ея на русскій языкъ, съ особеннымъ къ тому предисловіемъ, для изданія въ Почаевской лаврѣ, подъ заглавіемъ: «Пчела Почаевская» [3]), и 2) въ особой статьѣ, напечатанной въ «Странникѣ» прошлаго 1883 года.

Съ этими изслѣдованіями мы и познакомимъ читателей «Историческаго Вѣстника», присоединивъ къ нимъ нѣсколько своихъ особыхъ замѣчаній, по нашему крайнему разумѣнію, необходимыхъ для надлежащей постановки дѣла и его уясненія.

Въ настоящемъ своемъ видѣ «Книга блаженнаго Іова» заключаетъ въ себѣ 123 листа, въ продольную осьмушку, заново перенумерованные въ 1854 году. Но судя по остаткамъ первоначальной

---

[1]) Преподобный Іовъ, игуменъ Почаевскій, его жизнь и прославленіе. Историко-біографическій очеркъ. Каменецъ-Подольскія Епарх. Вѣдомости 1871 г. — Перепечатано потомъ въ нашей же книгѣ: «Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни». Житоміръ 1878 г. и оттуда отдѣльною брошюрою.

[2]) См. Историч. Вѣстникъ. 1883 г. Декабрь. Ст. XIII. Смѣсь.

[3]) Книга эта въ настоящее время и печатается въ Почаевѣ, только, къ сожалѣнію, по мѣстнымъ условіямъ, въ одномъ только русскомъ переводѣ г. Петрова съ его предисловіемъ. Такимъ образомъ, пока самый текстъ рукописи преподобнаго Іова остается недоступнымъ для публики. Будемъ надѣяться, что на него обратятъ вниманіе любители отечественной древней письменности и незамедлятъ выпустить его на свѣтъ Божій для дальнѣйшаго изученія.

ея пагинаціи, нужно думать, что въ ней было не менѣе 901 листа. По содержанію своему рукопись Іова представляетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) житія и сказанія въ порядкѣ торжественниковъ и четьминей на нарочитые дни и неподвижные праздники церковнаго года за августъ, сентябрь и декабрь мѣсяцы; 2) выписки изъ патериковъ и особенно изъ лѣствицы преподобнаго Іоанна Синайскаго; 3) слова и бесѣды на страстную и свѣтлую седмицы и на нѣкоторые подвижные праздники и дни, и 4) выписки изъ разныхъ книгъ, замѣтки и коротенькія поученія, и т. п. При этомъ однѣ изъ статей въ рукописи Іова, и при томъ въ самомъ большомъ количествѣ, представляютъ настоящія выписки изъ готовыхъ источниковъ, каковы по указанію г. Петрова: священное писаніе и въ частности пятикнижіе Моисея, книги пророковъ съ толкованіями Епифанія Кипрскаго, Өеодорита Кирскаго, Василія Великаго, Кирилла, Златоустаго и Өеодула, евангелія, первоевангеліе Іакова, подлинныя и подложныя творенія Ипполита папы Римскаго, св. Аөанасія и Кирилла Александрійскихъ, Василія, Северіана Габильскаго, Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго, Іоанна Лѣствичника, Іоанна Мосха, Кормчая, Пчелы, Анастасія Синаита, Іоанна Дамаскина, Өеодора Студита, Кирилла Скиөопольскаго, Іоанна патріарха Іерусалимскаго, Никона Черногорца, Никифора Ксанөопула, Кирилла Туровскаго, Григорія Цимвлака и др.

Уже одно это богатство источниковъ, изъ которыхъ Іовъ черпалъ свои выписки, даетъ книгѣ его необычайную цѣну, тѣмъ болѣе что многихъ изъ этихъ источниковъ въ настоящее время не находится вовсе въ тѣхъ редакціяхъ, которыми долженъ былъ пользоваться Іовъ въ свое время. Но что еще болѣе возвышаетъ достоинство книги преподобнаго Іова, такъ это то, что всѣ заимствованныя въ оной статьи «не представляютъ, какъ говоритъ г. Петровъ, безцѣльнаго свода выписокъ изъ попадавшихся Іову книгъ, а отражаютъ на себѣ индивидуальный характеръ личности преподобнаго», какъ одного изъ величайшихъ подвижниковъ православной церкви XVI—XVII вѣка и неизмѣннаго борца за вѣру православную противъ усиливающихся въ то время вліяній латиноунитства и протестантства. «Въ древней византійской литературѣ, говоритъ г. Петровъ, извѣстенъ цѣлый рядъ сборниковъ, называемыхъ «пчелами», которые собирали медъ духовной мудрости изъ разныхъ источниковъ и пользовались чужими изреченіями для выраженія своей собственной основной мысли или идеи и ея подробностей. Къ числу такихъ «пчелъ» можно отнести и рукопись преподобнаго Іова въ заимствованныхъ его частяхъ, имѣющую, не смотря на заимствованія, своеобразный, основной характеръ».

Но кромѣ сего, въ рукописи преподобнаго Іова есть не мало статей и его собственнаго сочиненія, компилятивныхъ и подражательныхъ, и оригинальныхъ, отличающихся такимъ же характеромъ индивидуальной личности и непосредственнаго отношенія къ нуж-

дамъ и потребностямъ своего времени. По изслѣдованію г. Петрова, эти статьи слѣдующія: 1) «Въ недѣлю цвѣтную толкованіе евангелія о Лазарѣ», составленное по подражанію Златоусту и Григорію Цимвлаку (рукоп. л. 4—7); 2) заключительное нравоученіе въ концѣ подложнаго слова Златоустаго въ недѣлю шестую цвѣтную (л. 9 и 10); 3) поученіе о терпѣніи и благохваленіи, и да не зѣло плачемся о умершихъ, составленное по подражанію поученію Златоустаго подъ тѣмъ же заглавіемъ (л. 70 и 75) 4); поученіе о богатомъ и Лазарѣ, составленное по подражанію шестой бесѣдѣ Златоустаго подъ тѣмъ же заглавіемъ, съ выпискою изъ нея (л. 73); 5) краткое поученіе о сѣмени и сѣятелѣ и слушаніи Слова Божія, составленное по подражанію слову Іоанна Златоустаго о трудѣ земномъ (л. 72); 6) поученіе объ отреченіи отъ міра и о духовномъ совершенствѣ, составленное на основаніи отрывковъ изъ твореній Василія Великаго и Іоанна Златоустаго (л. 99); 7) поученіе о Каинѣ и Авелѣ и зависти и злобѣ, составленное изъ трехъ отрывковъ изъ твореній Іоанна Златоустаго (л. 74); 8) поученіе противъ пьянства на основаніи пророчества Іереміи (л. 99); 9) о почитаніи св. иконъ изъ посланія Іоанна Дамаскина, по другимъ Ѳеодора Студита, къ императору Ѳеофилу и изъ другихъ источниковъ (л. 87); 10) поученіе о божествѣ Іисуса Христа, направленное противъ лютеранъ, аріанъ и жидовствующихъ (л. 75), и 11) поученіе о божествѣ и человѣчествѣ Іисуса Христа, Его воплощеніи и о Богородицѣ (л. 92). Кромѣ того, говоритъ г. Петровъ, въ нѣкоторыхъ словахъ и бесѣдахъ Златоустаго на дни страстной седмицы есть сокращенія, измѣненія и дополненія, тоже сдѣланныя Іовомъ, и т. д.».

Кто же былъ самъ Іовъ? И какія были нужды того времени, когда жилъ онъ и писалъ? Урожденецъ Покутья въ Галиціи, (около 1550 г.) преподобный Іовъ на десятомъ году жизни оставилъ родителей и удалился въ сосѣдній Угорлицкій монастырь. На двѣнадцатомъ году онъ былъ постриженъ въ монахи, и потомъ, по достиженіи опредѣленнаго возраста (около 1580 г.), поставленъ въ іеромонахи и постригся въ схиму съ именемъ Іоанна, которымъ нареченъ былъ при крещеніи. Уже въ Угорлицкомъ монастырѣ Іовъ такъ прославился строгостію жизни и даромъ учительства, что многіе начали приходить къ нему «пользы ради душевныя»... Въ тоже время узналъ о немъ острожскій князь Константинъ и «всяческими просьбами» испросилъ его у игумена Угорлицкаго въ свою Дубенскую обитель Честнаго Креста, для возвышенія уровня нравственной жизни въ инокахъ того монастыря и духовнаго назиданія и руководства, въ которомъ тогда особенно нуждались православные на Волыни, въ виду усиливающагося преобладанія латинянъ и уніатовъ и протестантскихъ сектъ разнаго рода. Будучи вскорѣ (около 1577 г.) поставленъ игуменомъ монастыря, Іовъ первымъ дѣломъ долженъ былъ обратить вниманіе князя Константина

на недостатокъ библіи, для надлежащей борьбы съ врагами православія; и какъ изданіе извѣстной первопечатной библіи 1581 года падаетъ на самое цвѣтущее время служенія его въ Честнокрестскомъ монастырѣ, когда Іовъ былъ ближайшимъ повѣреннымъ лицомъ и духовникомъ острожскаго князя, то мы, не обинуясь, ставимъ Іова въ этомъ отношеніи наравнѣ съ приснопамятнымъ діакономъ Иваномъ Өедоровымъ. Первый внушилъ добрую мысль князю, и, всего вѣроятнѣе, авторитетомъ своей особы и духовной власти побудилъ его издать библію, а второй привелъ эту мысль въ исполненіе. Честь и слава обоимъ, если то было такъ, въ чемъ мы не сомнѣваемся, хотя г. Петровъ въ своемъ изслѣдованіи о Іовѣ проходитъ эту сторону его дѣятельности молчаніемъ [1])...

Въ тоже время, съ ученіемъ библіи, Іовъ находилъ лучшимъ средствомъ для духовнаго водительства своихъ современниковъ «живое слово назиданія» «ихже свыше даилымъ себя благоразуміемъ, скромностію и частымъ поученіемъ, а наипаче трудовъ своихъ благолѣпнѣйшими подвиги... добрѣ управляше»... А для того, чтобы учить другихъ, надобно самому учиться. И вотъ, Іовъ берется за перо, и частію списывая съ готовыхъ источниковъ, частію самъ сочиняя, составляетъ цѣлую книгу разнаго рода поученій и бесѣдъ и другихъ статей, съ одной стороны, для укрѣпленіи вѣры и благочестія въ инокахъ ввѣреннаго ему монастыря, какъ главнѣйшихъ, по тому времени, представителяхъ православной церкви на западѣ Россіи, и съ другой, для предотвращенія и предохраненія отъ вражескихъ козней и другихъ своихъ современниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ, во имя вѣры и церкви православной. «Такожде, — говоритъ списатель житія Іовлева, іеросхимонахъ Досиѳей,—писаніемъ книгъ церковныхъ (Іору въ Дубли) упражнятися»...

Сообразно указаннымъ двумъ главнымъ цѣлямъ, и всѣ статьи въ рукописи Іова, професоръ Петровъ разсматриваетъ съ двухъ сторонъ 1) какъ статьи относящіяся къ назиданію иноковъ Честнокрестскаго монастыря, и потомъ, съ прибытіемъ Іова въ Почаевъ и иноковъ Почаевкаго монастыря, и 2) собственныя поученія Іова и извлеченія изъ твореній другихъ лицъ, направленныя вообще противъ иновѣрцевъ, еретиковъ и сектантовъ, волновавшихъ современное пр. Іову православное русское общество.

Первыя изъ этихъ статей, состоящія, главнымъ образомъ, въ извлеченіяхъ изъ патериковъ и лѣствицы Іоанна Синайскаго, и слова и бесѣды на подвижные и неподвижные праздники и на-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. наше изслѣдованіе объ Іовѣ, въ его послѣдней редакціи, въ «Очеркахъ изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни», 1878 года, стр. 162, 163. Этого «Житія Іова» г. Петровъ, кажется, не имѣлъ въ рукахъ...

рочитые дни церковнаго года, являются, по словамъ г. Петрова, у Іова результатомъ требованій Студійскаго общежительнаго устава, въ силу котораго настоятели обителей каждую седмицу нѣсколько разъ должны были назидать братію или сами, или чрезъ кого либо другаго [1]). Всѣ онѣ отличаются общеназидательнымъ характеромъ, наглядностію. «Чтенія изъ лѣствицы, говоритъ г. Петровъ, выбраны преимущественно повѣствовательнаго характера. Въ словахъ и бесѣдахъ на воскресные, праздничные и нарочитые дни — почти полное отсутствіе словъ и бесѣдъ съ болѣе или менѣе отвлеченнымъ содержаніемъ», за исключеніемъ бесѣды Василія Великаго о благодареніи на вторникъ сырной недѣли и нѣкоторыхъ псевдонимовъ съ именемъ Златоустаго и позднѣйшихъ отцевъ и учителей церкви, отличающихся витіеватостью, аѳоризмами, и т. п.

Что до статей второго рода, то въ рукописи преподобнаго Іова, по изслѣдованію г. Петрова, находятся поученія и выписки противъ евреевъ, католиковъ и разныхъ протестантскихъ сектъ. Противъ іудеевъ и католиковъ, впрочемъ, у Іова находятся только два обличенія, и притомъ заимствованныя у Григорія Цимвлака... «Главныя же усилія преподобнаго Іова, говоритъ г. Петровъ, направлены были къ обличенію протестанствующихъ сектъ, или, по крайней мѣрѣ, къ предохраненію отъ нихъ православнаго народа».—Въ особенности, ближайшею цѣлію апологетической полемики Іова становится социтанство или сититранатирство, которое въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка усилилось было на Волыни до того, что здѣсь имѣло нѣсколько спеціальныхъ центровъ въ Кисслинѣ, Верескѣ и Иваничахъ нынѣшняго Новградволынскаго уѣзда, Волынской губерніи, также въ Гощѣ, Ляховцахъ, Тихошмѣ, Острогоскаго уѣзда, въ м. Берестечкѣ,—Дубенскаго уѣзда и друг. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Петровъ, что изъ этихъ и другихъ центровъ своихъ социніанство легко распространялось и въ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ волынскихъ, и между прочимъ въ Дубнѣ, гдѣ жилъ и настоятельствовалъ Іовъ въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Онъ не могъ оставаться равнодушнымъ въ виду широкаго развитія этой ереси, разрушавшей самыя основы христіанской религіи, и выступилъ на ея защиту, подтверждая и усиливая слово свое святою своею жизнію».

До сихъ поръ мы во всемъ согласны съ г. Петровымъ, равно какъ съ искреннею благодарностію отмѣчаемъ въ его трудѣ слѣдующее дальнѣйшее изложеніе апологетическаго ученія преподобнаго Іова «на основаніи его собственныхъ поученій и выписокъ изъ другихъ книгъ о важнѣйшихъ догматахъ православной церкви, отрицаемыхъ еретиками», какъ то: о св. Троицѣ, о божествѣ Христа

[1]) См. § 11 Завѣщанія преп. Ѳеодора Студита, въ Cursus completus. t. XCIX, стр. 1819.

о постахъ и пр. «По широтѣ круга, захватываемаго полемикой преподобнаго Іова, скажемъ и мы словами г. Петрова, она можетъ идти въ сравненіе лишь съ наиболѣе капитальными трудами того времени въ этой области, именно, «Показаніемъ Истины» Зиновія Отенскаго, посланіемъ старца Артемія и «Книгой о вѣрѣ» 1602 и 1609 г. отличаясь и высокими внутренними достоинствами». Другіе обличители и защитники ересей того времени, какъ то острогожскій клирикъ Василій и Стефанъ Зизаній, въ борьбѣ съ иновѣрцами пользовались католическими пособіями или стояли на раціональной почвѣ, и такимъ образомъ, невольно выходили за предѣлы строго православнаго богословствованія, какъ это и случилось съ Зизаніемъ. Напротивъ того, Іовъ старался выражать свою мысль по преимуществу святоотеческими твореніями, выписками изъ нихъ и ихъ выраженіями, и потому твердо стоитъ на православной почвѣ; въ такомъ отношеніи «творенія и писанія преподобнаго Іова, какъ справедливо замѣчаетъ г. Петровъ, направленные противъ социніанства, могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на историческую подготовку современной штунды на югѣ Россіи и дать полѣзныя указанія и пособія для борьбы съ нею»...

Признавая однако все это, мы не можемъ согласиться съ г. Петровомъ, чтобы книги Іова были писаны имъ исключительно въ Дубнѣ, а не въ Дубнѣ и въ Почаевѣ вмѣстѣ. Напротивъ, мы думаемъ даже, что Іовъ имѣлъ несравненно болѣе основаній вооружаться противъ протестанства, и въ частности противъ социніанства, находясь на горѣ Почаевской, живя въ Дубенскомъ Честнокрестномъ монастырѣ. Къ этому приводитъ насъ самое житіе преподобнаго, писанное ученикомъ его Досиѳеемъ, которое, вскорѣ по прибытіи Іова въ Почаевъ (около 1600 года), ставитъ его въ фактическую борьбу съ лютераниномъ Андреемъ Фирнеемъ, который съ своими слугами, «такожде лютрами», творитъ всевозможныя пакости Іову и его монастырю, раскапываетъ межевые знаки имѣній, принадлежащихъ монастырю, не дозволяетъ почаевскимъ монахамъ возить воду изъ сосѣдняго села, стараго Почаева и, наконецъ, напавши на монастырь, захватываетъ все его имущество и даже увозитъ съ собою, въ свое имѣніе Козинъ, чудотворную икону Божіей Матери Почаевской, въ намѣреніи совершенно уничтожить монастырь Іова. Если когда, то теперь въ особенности, душа Іова должна была наболѣть отъ безобразій люторскихъ и заставить его заговорить словомъ обличенія противъ «еретиковъ аріанъ и псовъ лютеранъ», какъ самъ Іовъ называетъ ихъ въ своемъ поученіи о Божествѣ Іисуса Христа. Ни «практическая дѣятельность по устройству Почаевскаго монастыря, въ качествѣ игумена сего монастыря, ни самый возрастъ Іова здѣсь, клонившійся къ старости», какъ говоритъ г. Петровъ, ни могли отвлечь Іова отъ духовно-просвѣтительной дѣятельности въ духѣ право-

славія противъ еретиковъ. Во-первыхъ, въ то время ему было не болѣе 50-ти лѣтъ, — возрастъ ни мало не препятствующій самой усиленной литературной дѣятельности, въ особенности, если принять во вниманіе, что Іовъ былъ такъ крѣпокъ физически, что прожилъ около ста лѣтъ († 1651 г.). Во-вторыхъ, и въ Дубнѣ Іовъ также не мало имѣлъ дѣла по управленію монастыремъ, а между тѣмъ это не препятсвовало ему «писаніемъ книгъ упряжнятися».

Въ особенности же, такія спеціальныя обличенія Іова противъ «псовъ лютеранъ», какъ объ образахъ и иконахъ, о хвалѣ и чести угодниковъ Божіихъ, о постѣ, о жизни отшельнической, должны быть по преимуществу написаны, извлечены или скомпилированны Іовомъ въ Почаевѣ, когда онъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ еретиками, и такимъ образомъ, въ силу естественной необходимости, помимо судебныхъ процессовъ, долженъ былъ вести съ ними борьбу религіозную, апологетическую.

Безъ всякаго сомнѣнія, ничто иное, какъ живое сознаніе всей важности и необходимости этой борьбы, было причиною того, что вскорѣ по прибытіи Іова на гору Почаевскую, въ его почаевской типографіи напечатано было (1618 г.) извѣстное «Зерцало Богословія» Транквилліона, представляющее первый опытъ систематическаго изложенія ученія православной вѣры на западѣ Россіи противъ латинянъ и протестантовъ. Затѣмъ, въ 1628 году, когда въ Кіевѣ созванъ былъ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ соборъ противъ Мелетія Смотрицкаго, Іовъ лично отправился на этотъ соборъ, кто знаетъ, какъ лучшій изъ богослововъ-апологетовъ своего времени, не онъ ли по преимуществу заставилъ Смотрицкаго отречься отъ своихъ заблужденій, и, такимъ образомъ, хоть на время успокоить взволновавшуюся было тогда южно-русскую церковь православную...

Такой ли человѣкъ могъ оставить Фирнея и всѣхъ его слугъ, «такожде лютровъ», безъ обличенія, вразумленія и наставленія?

Наконецъ, новую черту въ жизни Іова, хотя, впрочемъ, еще ранѣе этого подмѣченную нами [1]), г. Петровъ открываетъ на основаніи рукописи Іова, что по складу своего характера Іовъ, вообще, склоненъ былъ болѣе къ пустынной жизни «по примѣру Саввы освященнаго», чѣмъ къ общежительству «по уставу студійскому». Но какъ судьба, помимо его собственной воли, ставила во главѣ общежительствъ монастырей, сначала Дубенскаго, а потомъ и Почаевскаго, то онъ, говоря словами г. Петрова, старался по мѣрѣ силъ своихъ «совмѣщать общежительство съ отшельничествомъ». Въ особенности, этому какъ нельзя болѣе благопріятствовало уединенное положеніе Горы Почаевской, изобиловавшей природными

---

[1]) См. Преп. Іовъ — въ «Очеркахъ изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волынѣ», стр. 187—189.

скалистыми пещерами, въ которыхъ, главнымъ образомъ, спасались первые насельники Почаевской обители, со времени основанія ея (въ первой половинѣ XIII-го вѣка) до послѣднихъ временъ. Одну изъ этихъ пещеръ, уцѣлѣвшую въ первоначальномъ своемъ видѣ и доселѣ, Іовъ облюбовалъ по преимуществу, и не смотря на множество дѣлъ по устроенію монастыря, — замѣтимъ кстати, теперь только и начавшаго преобразовываться изъ пустыннаго въ общежительный монастырь, подъ руководствомъ самаго Іова, — онъ находилъ время заключаться въ этой пещерѣ «ово на два, ово на три дня, а иногда и на цѣлую седмицу, ни чѣмъ же въ то время, точію слезами отъ чистаго сердца изливающимися, питаемый». Къ тому же, по свидѣтельству Досиѳея, Іовъ былъ чрезвычайно братолюбивъ, смиренъ, послушливъ, кротокъ, милосердъ, и до того молчаливъ (когда нужно и можно было молчать), что отъ него трудно было что слышать, какъ только при каждомъ словѣ и движеніи, «аки рѣку, молитву сію: Господи Іисусѣ Христе помилуй мя». Подражая древнимъ пустынникамъ, Іовъ также любилъ постоянно заниматься рукодѣліями, самъ насаждалъ деревья въ садахъ монастырскихъ, копалъ собственными руками слюники или пруды, уцѣлѣвшіе и доселѣ у подножія Горы Почаевской, для пойла скота и т. п.

Тѣмъ болѣе, при такихъ обстоятельствахъ, въ Почаевѣ по преимуществу, Іовъ долженъ былъ говорить о преимуществахъ «отшельнической жизни», находя здѣсь самую почву, во многихъ отношеніяхъ подготовленную для этого въ предъидущей исторіи Почаевскаго монастыря и даже въ характерѣ нѣкоторыхъ наличныхъ членовъ его братіи, какъ это можно видѣть въ лицѣ извѣстнаго уже намъ Досиѳея, который, въ качествѣ ученика преподобнаго, какъ самъ говоритъ въ его житіи, во многомъ участвовалъ въ пустынно-отшельническихъ подвигахъ своего учителя, раздѣляя съ нимъ его всенощныя молитвы, пещерное заключеніе и т. п. Въ монастырѣ Дубенскомъ, вблизи шумнаго города, бывшаго резиденціею могущественнаго и великолѣпнаго князя Острожскаго, монахи невольно втягивались въ обыденную жизнь, и потому говорить имъ объ отшельнической жизни едва ли не было бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Иное дѣло, что прирожденная склонность Іова къ скитскому, пустынному житію могла заставить его, какъ говоритъ г. Петровъ, разойтись съ Острожскимъ княземъ, въ виду того, что въ послѣдніе годы князь задался было вопросомъ «о преобразованіи всѣхъ православныхъ монастырей въ своихъ владѣніяхъ въ общежительные, по уставу св. Василія Великаго, какъ бы въ параллель монашескимъ орденамъ католической церкви и во избѣжаніе нареканія со стороны еретиковъ, которые обзывали православныхъ отшельниковъ «скотиною и звѣрьми дикіими»; съ этимъ нельзя

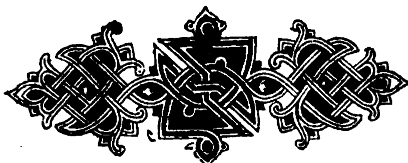
не согласиться. Къ сему же слѣдуетъ присовокупить, какъ замѣчаетъ г. Петровъ, что «князь Острожскій долженъ былъ найти рѣшительнаго противника въ Іовѣ, такъ ревностно обличавшемъ антитринитаріевъ», и въ его, князя Острожскаго, затѣяхъ по вопросу объ участіи православныхъ въ съѣздахъ съ протестантами, съ цѣлью объединенія политическихъ интересовъ тѣхъ и другихъ, для каковой цѣли, между прочимъ, князь Константинъ на Виленскій съѣздъ, 1599 года, пригласилъ было съ собою даже настоятеля Дубенскаго Спасскаго монастыря, Исаакія.

Обстоятельства эти, совмѣстно со славою, которая, по словамъ Дисиѳея, крайне смущала Іова въ Дубнѣ, а также и тайныя козни іезуитовъ, которые въ то время успѣли уже запустить свои сѣти въ самое семейство Острожскаго князя и совратить въ католичество его собственнаго сына Янута, были причиною того, что Іовъ не могъ до конца удержаться въ своемъ Дубенскомъ монастырѣ, и, нашедши удобное время, тайно ушелъ изъ него во образѣ простаго инока на Гору Почаевскую, въ надеждѣ здѣсь найти пустынный покой и просторъ для излюбленныхъ скитскихъ подвиговъ.

Но судьба рѣшила иначе. Незадолго до прибытія Іова въ Почаевъ (1597 г.) сосѣдняя помѣщица, Анна Гойская, пожертвовала значительныя угодія и деньги для преобразованія Почаевской обители изъ пустынной въ общежительную, и, такимъ образомъ, Іовъ, волей-не-волей, долженъ былъ снова втянуться во всѣ треволненія монастырской общежительной жизни, тѣмъ болѣе, что вскорѣ по прибытіи на Гору Почаевскую, онъ и здѣсь былъ избранъ братіею во игумена, въ каковомъ званіи и скончался 28-го октября 1651 года. Здѣсь только оставалось ему счастливо соединять общежительство съ скитскою жизнію, что и дѣлалъ Іовъ, какъ мы видимъ...

А. Ѳ. Хойнацкій.

Г. Нѣжинъ,
11-го декабря 1883 года.



СУЕВѢРІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА [1].

I.

Суевѣрія древнихъ вѣковъ.

РЕВНІЯ преданія указываютъ, что у всѣхъ народовъ была сильно распространена вѣра въ злаго духа, воплощеннаго въ змѣя. Человѣкъ въ тѣ темныя времена находился въ постоянномъ страхѣ; на каждомъ шагу въ природѣ онъ встрѣчалъ враговъ, видѣлъ во всемъ губительную силу, ополченную противъ него. Мысль въ періодъ дѣтства человѣчества не способна къ отвлеченіямъ, она облекаетъ все въ осязательные образы; мы видимъ это на дикаряхъ, видимъ и на дѣтяхъ. Человѣкъ въ эту темную эпоху могъ представить себѣ охватывавшее его со всѣхъ сторонъ зло въ видѣ существа, одареннаго страшной силой уничтожать стада и жатвы, насылать болѣзни и смерть. Всѣ бѣдствія, страшныя человѣку, были воплощены въ этомъ существѣ, которому нужно придать образъ. Потрясенная фантазія не нашла образа болѣе подходящаго для воплощенія зла, какъ образъ змѣя. Въ библіи говорится о множествѣ змѣй, напавшихъ на лагерь израильтянъ; это прямое

---

[1]) Недавно въ Англіи издано сочиненіе Гранта подъ заглавіемъ: «Таинственное у всѣхъ народовъ» (Mysteries of all nations. By Grant). Оно заключаетъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній, собранныхъ съ добросовѣстностью, отличающею англичанъ, и представляетъ, насколько намъ извѣстно, болѣе полный и обстоятельный популярный сборникъ миѳовъ и суевѣрій всѣхъ вѣковъ и народовъ. Основываясь на этомъ сочиненіи, мы попытаемся указать на общую связь суевѣрій всѣхъ народовъ и на историческое развитіе миѳическихъ преданій, оставивъ въ сторонѣ пересказы Гранта миѳологіи древнихъ народовъ, уже слишкомъ извѣстной по множеству другихъ сочиненій.

указаніе на страшный вредъ, который пресмыкающіяся эти наносили до историческому человѣчеству. Культъ змѣя, какъ олицетвореніе разрушительной силы, господствуетъ среди многихъ племенъ негровъ и дикихъ островитянъ Тихаго океана. Тамъ гдѣ крокодилы страшнѣе змѣй, злое божество олицетворяется въ образѣ крокодила.

Отъ олицетворенія злаго начала въ образѣ змѣя переходъ къ поклоненію змѣй былъ логиченъ. Человѣку удалось не разъ избавиться отъ нападенія змѣй, бросивъ имъ какую нибудь добычу; естественно, появилось убѣжденіе, что можно умилостивить духа зла жертвами. Въ древнія времена, и въ наше время у восточныхъ народовъ и дикарей, сношенія людей сопровождаются подарками; человѣкъ въ своихъ представленіяхъ о сверхъестественныхъ силахъ переносилъ на нихъ свои чувства, понятія, привычки. Установился культъ жертвоприношеній. Рядомъ съ культомъ злобной силѣ установился и культъ силѣ добра. Ее олицетворяли въ образѣ солнца — свѣтила, дающаго тепло и жизнь. Солнечныя затмѣнія и въ наше время наводятъ страхъ на суевѣрныя массы, которыя видятъ въ нихъ предвѣщаніе близкихъ бѣдствій. Древнее суевѣріе олицетворило въ солнцѣ радость жизни — любовь, плодородіе земли, — главную причину міровой жизни.

Антропоморфическое представленіе о божествѣ явилось позже, по мѣрѣ того, какъ копился запасъ наблюденій человѣка надъ природой и опытъ общественныхъ отношеній. Въ миѳахъ вавилонянъ, египтянъ, есть много общаго. Обожаніе силъ природы слилось съ обожаніемъ памяти людей, которые оставили слѣдъ выдающимися подвигами или изобрѣтеніями. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, можно найти прототипы боговъ въ царяхъ Египта, царькахъ Ѳессаліи и іудейскихъ патріархахъ. Прометей былъ олицетвореніемъ изобрѣтателя огня. Суевѣріе утверждало, что огонь, открытый на землѣ, былъ принесенъ съ неба. Миѳическія преданія народовъ смѣшивали Бахуса съ Ноемъ, Ахила съ Венерой, Плутона съ Измаиломъ, Ревекку съ Юноной, Меркурія съ Іуваломъ.

Фантазія древнихъ вѣковъ населила воздухъ, воды, землю и огонь живыми существами. Движеніе, звуки, дѣйствія стихій, были проявленіемъ жизни существъ, ихъ населявшихъ; въ силу того же процеса мысли, дикари, въ первый разъ увидѣвъ заведенные часы, воображаютъ, что это животное. Таинственныя существа, населявшія стихіи, были или полубогами, или душами умершихъ людей; въ награду за праведную жизнь, царь боговъ отдавалъ имъ во владѣніе какую нибудь стихію. Всѣ событія человѣческой жизни, частныя и общественныя, находились подъ покровительствомъ боговъ. Поклоненіе богамъ выродилось изъ поклоненія умершимъ. Умершіе являлись въ сновидѣніяхъ или въ галюцинаціяхъ близкимъ своимъ,

говорили имъ слова утѣшенія или предостереженія, отвѣчавшія настроенію, въ какомъ находились близкіе; отсюда явилось убѣжденіе, что умершіе живутъ и за предѣлами гроба, охраняютъ потомковъ своихъ. Убѣжденіе породило культъ умершихъ. Современемъ имъ поставили алтари; преданіе преувеличивало дѣла ихъ до размѣровъ чудеснаго, превратило людей въ боговъ, алтари — въ храмы, въ которыхъ приносились жертвы даже человѣческія.

Съ культомъ боговъ явилось и убѣжденіе, что они вѣщаютъ волю свою людямъ, или лично являясь къ нимъ, или посредствомъ посланниковъ. Жизнь была тяжела; указанія, утѣшенія, были нужны часто, будущее было такъ страшно неизвѣстностью, и человѣкъ началъ вопрошать волю боговъ, узнавать будущее гаданіемъ. Магія была извѣстна въ самой отдаленной древности; раввины разсказываютъ, что ангелъ Разіилъ былъ учителемъ Адама и открылъ ему каббалу. У евреевъ существуетъ преданіе, что одною изъ причинъ потопа были сношенія людей съ демонами. Магія, волхованіе, распространялись; въ нихъ выразилось первое проявленіе знанія природы. Умѣнье производить извѣстныя дѣйствія случайно открытыми свойствами природы, въ суевѣрно настроенныхъ умахъ, превращалось въ сверхестественную силу — творить чудеса путемъ заклинаній. Волхвы заклинаніями исцѣляли болѣзни, изгоняли злыхъ духовъ.

Еврейская каббала была сильно распространеннымъ ученіемъ. Дьяволъ, по ученію каббалы, имѣлъ власть обвинять души въ день страшнаго суда, и евреи умилостивляли его дарами. Не смотря на преслѣдованія, гаданіе все болѣе и болѣе вкоренялось и вѣра въ волхованіе разросталась. Христіане обвиняли евреевъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Раввины знали нѣкоторыя свойства травъ, минераловъ; это знаніе, среди невѣжественнаго населенія Европы, окружало ихъ ореоломъ демонической власти. Еврейскіе колдуны и колдуньи владѣли наукою превращать людей въ животныхъ, вызывать мертвецовъ, предсказывать будущее, истолковывать непонятныя явленія земли и небесъ. Передъ вызываніемъ тѣней умершихъ соблюдались извѣстные обряды. Колдовство могло исцѣлять безплодіе, вызывать отвращеніе другъ къ другу въ любящихъ, или любовь въ мущинахъ и женщинахъ, не только равнодушныхъ, но и чувствовавшихъ отвращеніе другъ къ другу.

Обманъ и шарлатанство входили въ чудеса колдуновъ. Но адепты каббалы, или черной магіи, были люди вполнѣ убѣжденные, изъ тѣхъ натуръ нервныхъ, эпилептическихъ, изъ какихъ вырабатываются ясновидящіе. Въ исторіи суевѣрій есть общая черта: всѣ официальные представители государственной религіи всегда относились враждебно къ людямъ, которые самозванно брали на себя власть вступать въ сношенія съ сверхъестественнымъ міромъ. Въ Греціи, въ Римѣ, казнили волхвовъ; преслѣдованія были всего силь-

нѣе въ теократическихъ обществахъ, или въ тѣхъ, гдѣ духовенство играло сильную роль. Въ папской области и на нашей памяти происходили казни за чернокнижіе и сношеніе съ нечистою силою. У древнихъ евреевъ побивали волховъ каменьями, какъ лжепророковъ. Въ древней Іудеѣ существовали школы пророковъ.

Важность роли пророковъ — этихъ оракуловъ политической и общественной жизни еврейскаго народа — обусловила многочисленность класса пророковъ и въ то же время вызвала суровые законы противъ обращенія къ пророкамъ иноплеменниковъ и противъ лжепророковъ. Евреевъ, уличенныхъ въ сношеніяхъ съ прорицателями иноплеменными или въ лжепророчествѣ, побивали каменьями. Народы, какъ видно изъ лѣтописей язычества, заимствовали другъ у друга боговъ или чтили однихъ и тѣхъ же боговъ подъ разными именами.

Нѣкоторые обряды культа Іеговы и культа языческихъ боговъ были сходны: жертвы животныхъ, зажженныя свѣчи, возліяніе елея и благовоній. Сжигали елей и свѣчи при погребеніи, въ праздники, при молитвахъ, умилостивлявшихъ разгнѣванное божество. Бросаніе въ воду извѣстныхъ предметовъ имѣло символическій смыслъ очищенія отъ грѣховъ. Постъ былъ тоже средствомъ очищенія отъ грѣховъ и умилостивленія божества. Во всѣ эпохи народныхъ бѣдствій — засухи, моровой язвы, голода, войны — фарисеи налагали на себя посты, продолжавшіеся дней по тринадцати, до полнѣйшаго истощенія силъ и галюцинацій.

Не смотря на общія черты въ вѣрованіяхъ древнихъ народовъ, не смотря на то, что они заимствовали одни у другихъ боговъ, обряды, волхованія, иные, какъ евреи и египтяне, строго оберегали себя отъ смѣшенія съ другими народами и считали ихъ нечистыми. Числа 7 и 10 считались особенно знаменательными. Въ церемоніи брака, жениха благословляли пожеланіемъ семи благъ, но желанія эти не имѣли силы, если ихъ не произносили при десяти свидѣтеляхъ. Рожденіе, бракъ и смерть сопровождались обрядами. Нужно было оградить счастіе новобрачныхъ и новорожденныхъ отъ губительнаго вліянія злаго духа и принять мѣры, чтобы доставить умершему замогильный покой. Вѣра въ таинственную связь души съ тѣломъ породила повѣрье, что душа не знаетъ покоя, пока тѣло не погребено; но и погребенные могли подавать голосъ изъ земли, по преданіямъ евреевъ. Одною изъ болѣе торжественныхъ молитвъ евреевъ въ день покаянія, была молитва объ избавленіи отъ тѣхъ мукъ, какими дьяволъ мучаетъ въ могилѣ умершихъ; онъ заставлялъ душу возвращаться въ тѣло, ломалъ кости мертвеца и терзалъ душу и тѣло. У магометанъ была такая же молитва.

Египетъ былъ страною преобладанія суевѣрій. Народъ вѣрилъ въ гаданье по звѣздамъ, превращенія въ животныхъ, вызываніе тѣней умершихъ. Евреи заимствовали многія изъ этихъ суевѣрій. Въ

Египтѣ астрологія и волхованіе были государственнымъ учрежденіемъ; никто, подъ страхомъ смерти, не смѣлъ заниматься гаданіемъ и магіей, если не получалъ на то разрѣшенія. Объ руку съ культомъ природы развивалось и обоготвореніе людей. Благодарная память народа видѣла въ герояхъ и благодѣтеляхъ человѣчества высшія существа. Это породило вѣру въ національныхъ боговъ, хранителей отечества, и вмѣстѣ съ тѣмъ обычай почитать боговъ въ образѣ поставленныхъ имъ статуй. Сначала умершій герой превращался въ полубога, затѣмъ въ бога и занималъ мѣсто въ сонмѣ небесныхъ свѣтилъ.

Геродотъ утверждаетъ, что египтяне были первымъ народомъ, давшимъ имена своимъ богамъ. Божество, по ученію ихъ, проникало всю природу; были священныя животныя и растенія. Аписъ — извѣстенъ всѣмъ. Собакамъ воздавали божескія почести за то, что онѣ помогли Изидѣ отыскать тѣло Озириса. Отъ слезъ Изиды Нилъ выступилъ изъ береговъ. Такъ объясняло суевѣріе причину разлитія Нила. Соколъ принесъ жрецамъ Ѳивъ книгу, завязанную красною ниткою и содержавшую предписаніе обрядовъ и церемоній. Въ образѣ волка Озирисъ поднялся изъ подземнаго міра; кошка была эмблемой луны и плодовитости. Крокодилъ былъ тоже божествомъ. Намѣренное убійство священныхъ животныхъ каралось мучительною смертью; за ненамѣренное — жрецы налагали покаяніе; убійство сокола, кошки или ибиса, намѣренное или нѣтъ, искупалось смертью. Въ эпохи страшнаго голода, когда египтяне доходили до канибализма, никто не прикасался къ священнымъ животнымъ.

Содержаніе священныхъ животныхъ и штата жрецовъ и прислужниковъ, похороны ихъ, стоили огромныхъ суммъ и были одною изъ главныхъ причинъ нищеты египетскаго народа. Похороны Аписа, умершаго въ Мемфисѣ, въ царствованіе Птоломея, сына Лага, стоили не менѣе ста тридцати тысячъ рублей. Смерть домашней кошки повергала семью въ глубокую печаль; семья постилась, носила трауръ. Мертвыхъ кошекъ бальзамировали, живыхъ охраняли, какъ святыню; въ случаѣ пожара прежде всего спасали кошку. Луковицы были также предметомъ поклоненія въ Египтѣ.

Жрецы были первыми учеными, врачами, естествоиспытателями и лѣтописцами. Они записывали каждое замѣчательное событіе. Во всѣхъ провинціяхъ Египта были оракулы, возвѣщавшіе будущее, истолковывавшіе сны и явленія природы. Священныя животныя были также оракулами. Быкъ Аписъ предвѣщалъ счастье или бѣду, смотря по тому, въ какое отдѣленіе своего жилища онъ входилъ. Варварскій обычай человѣческихъ жертвъ былъ въ полной силѣ въ древнемъ Египтѣ и господствовалъ до царствованія Амазиса, который уничтожилъ его. Чтобы не раздражать суевѣрія народа, было дозволено замѣнить человѣческія жертвы изображе-

ніями людей. Человѣческія жертвы были вызваны вѣрованіемъ въ мрачную силу — Тиѳона, олицетворенія злаго начала. Одна кровь человѣческая могла утолить его злобу.

Происхожденіемъ многихъ изъ суевѣрій, существующихъ въ наше время, мы обязаны египтянамъ. Египетскіе жрецы учили народъ, что солнце, луна и звѣзды — живыя существа, одаренныя умомъ и управляющія жизнью людей, что души человѣческія по смерти переселяются въ другія тѣла, души добродѣтельныхъ людей—въ болѣе совершенныя тѣла, души злыхъ — въ нечистыхъ животныхъ, пресмыкающихся, и только послѣ извѣстнаго числа лѣтъ такого искуса, переходили въ тѣла болѣе совершенныя. Это ученіе удовлетворяло чувству справедливости и человѣчности; египтяне не допускали идеи вѣчнаго наказанія. Каждаго умершаго судили, какъ бы ни было высоко общественное положеніе его.

Вавилонъ, великій городъ древняго міра, поражавшій громадностью и великолѣпіемъ своимъ и гордостью жителей своихъ, былъ городомъ гадателей и снотолкователей. Восточныя монархіи, изумлявшія быстрымъ развитіемъ могущества и богатствъ, гибли едва ли не мгновенно. Задавленный нищетой и суевѣріемъ народъ подчинялся рабски побѣдителямъ, видя въ нихъ кару розгнѣванныхъ боговъ.

Мидяне и персы поклонялись солнцу, огню, водѣ, землѣ, вѣтрамъ и безчисленному сонму боговъ, приносили имъ человѣческія жертвы и сжигали дѣтей въ огненныхъ печахъ, посвященныхъ идоламъ. Многосложный культъ развился изъ двойственнаго культа духа зла Аримана и Оромасда — духа добра. Плутархъ говоритъ, что Оромасдъ создалъ нѣсколько низшихъ боговъ или геніевъ, а Ариманъ многихъ демоновъ. Оромасдъ, впрочемъ, тоже создалъ злыхъ духовъ, но не больше двадцати четырехъ и заперъ ихъ въ яйцо; но Ариманъ разбилъ скорлупу и выпустилъ злыхъ духовъ; оттого и произошло на землѣ смѣшеніе добра и зла. Персы позже перешли къ поклоненію огня.

Огонь можно было поддерживать только деревомъ, очищеннымъ отъ коры; гасить огонь дыханіемъ или мѣхами считалось преступленіемъ, за которое казнили смертью. Маги увѣряли, какъ и евреи, что огонь сходилъ къ нимъ съ неба.

Персы вѣрили въ рай и адъ. Въ день послѣдняго суда, каждый человѣкъ долженъ пройти по мосту, узкому, какъ лѣзвіе бритвы. Невѣрующіе и грѣшники падали въ бездну адскаго пламени; небесныя силы поддерживали правовѣрныхъ и праведныхъ; они переносились черезъ мостъ, какъ птицы, и вступали въ рай — на берегъ рѣки наслажденій, осѣненный деревомъ такой громадной величины, что еслибы человѣкъ ѣхалъ верхомъ сорокъ тысячъ лѣтъ, то и въ такой срокъ не могъ бы объѣхать кругомъ одного листа этого дерева. Въ Персіи вѣрили еще, что въ періодъ времени отъ

Адама до Магомета жило много пророковъ, созданныхъ еще до сотворенія міра.

Съ пилигримствомъ въ Каабу, къ священному черному камню магометанъ, связаны разныя легенды. Къ этому камню привязалъ Авраамъ верблюда, когда приносилъ въ жертву Измаила. Адамъ и Ева, блуждая послѣ грѣхопаденія нѣсколько столѣтій по землѣ, сошлись снова у этого камня.

Хананеяне, сиріяне и арабы вѣрили въ заклинанія, гаданья и сношенія съ таинственными силами.

Евреи, впадая въ идолопоклонство, всего чаще поклонялись Ваалу или Молоху — божествамъ, имѣвшимъ однородные аттрибуты и олицетворявшимъ солнце. Болѣе варварской и чудовищной религіей была религія кареагенянъ и тирянъ. Геркулесъ былъ главнымъ божествомъ; ему приносились человѣческія жертвы для обезпеченія побѣды надъ врагами. Кареагеняне должны были закалывать въ честь бога любимыхъ дѣтей; бездѣтные покупали дѣтей для жертвы.

Ассиріяне провозгласили въ сосѣднихъ земляхъ, что богъ ихъ сильнѣе боговъ земель чуждыхъ и что тѣ не устоятъ передъ нимъ. Назначили день состязанія боговъ. Собрали множество чужеземныхъ идоловъ, богъ Уръ (огонь) пожралъ ихъ всѣхъ. Египетскій жрецъ придумалъ планъ уничтожить этого бога. Онъ сдѣлалъ изъ глины идола, пустаго внутри и съ многими отверстіями, которыя были залѣплены воскомъ, и наполнилъ его водою. Богъ былъ названъ Канопомъ. Египетскій жрецъ вызвалъ бога Ура на бой; вызовъ былъ принятъ халдейскими жрецами. Бой боговъ окончился пораженіемъ Ура. Едва огонь началъ пожирать Канопа какъ воскъ растопился, вода хлынула изъ отверстій и залила огонь.

Египетъ былъ источникомъ, изъ котораго болѣе или менѣе обильно черпали всѣ религіи древняго міра. Геродотъ говоритъ, что основныя идеи греческихъ миѳовъ принесены изъ Египта; Плутархъ держался противоположнаго мнѣнія.

Примѣсь космополитизма въ національномъ характерѣ грековъ была причиною преобладанія ихъ въ древнія времена и признакомъ широты міросозерцанія и богатства идей, обусловившихъ значеніе ихъ въ исторіи цивилизаціи. Греки встрѣчали гостя съ религіозными обрядами, подавали ему правую руку въ знакъ пріязни; они отличались такимъ благочестіемъ, что воздвигали алтари даже невѣдомымъ богамъ.

Жизнь древняго міра была подавлена страхомъ зловѣщихъ предсказаній, примѣтъ. Кудахтанье куръ, свистъ молодыхъ дѣвушекъ считались зловѣщими, какъ и шипѣнье змѣи; дыра въ одеждѣ, прогрызенная мышью пророчила бѣду. У грековъ были счастливые и несчастные дни. Они стригли волосы и приносили ихъ въ жертву рѣкамъ. Полетъ птицъ воодушевлялъ мужествомъ солдатъ

передъ битвой. Любовь пріобрѣталась чарами, если предметъ любви оставался равнодушнымъ. Надо было завязать поясъ женщины таинственнымъ узломъ или бросить ей на колѣни откушенное яблоко. Браки сопровождались сложными, частью поэтическими, частью циническими обрядами. Невѣстѣ расчесывали волосы копьемъ воина, убитаго на сраженіи, для того чтобы она принесла храбрыхъ сыновей. Новобрачную переносили черезъ порогъ дома мужа; нога ея не должна была прикоснуться къ порогу, потому что онъ былъ посвященъ Вестѣ — богинѣ чистоты и безплодія. Въ голову новобрачной бросали фиги и другіе плоды, какъ эмблему плодовитости: обычай, сходный съ существовавшимъ въ древней Россіи обычаемъ осыпать молодыхъ зерномъ и хмѣлемъ. При переходѣ въ новое жилище, на головы членовъ семьи возлагали пальмовыя вѣтви. Ребенка тотчасъ по рожденіи мыли въ водѣ и винѣ и завертывали въ покрывало съ затканнымъ изображеніемъ горгонъ и змѣй, которое мать носила въ дѣвичествѣ. На пятый день ребенка обносили вокругъ очага и посвящали пенатамъ; потомъ ему давали имя, устраивали пиръ и приносили благодарственныя жертвы божествамъ. Смерть наводила суевѣрный ужасъ. У грековъ и римлянъ былъ законъ, обязывавшій, при видѣ мертваго тѣла, все равно роднаго или чужаго, трижды бросать горсть земли. Основаніемъ закона служило вѣрованіе, что подземныя божества гнѣвались, если мертвыя тѣла оставались непокрытыми прахомъ, въ который они обращались. Величайшимъ позоромъ былъ отказъ въ погребеніи тѣлъ; вслѣдствіе этого, въ древнемъ мірѣ болѣе всего боялись смерти на морѣ. Отправлявшіеся въ мореплаваніе не рѣдко привязывали къ поясу серебро, золото или драгоцѣнности, на случай смерти, какъ награду тому, кто найдетъ выброшенное моремъ тѣло и похоронитъ его. Погребеніе въ родной землѣ, близъ родныхъ могилъ считалось счастіемъ. Убитыхъ въ битвѣ хоронили съ особыми почестями; товарищи трижды обходили вокругъ пылающаго костра, на которомъ сожигалось тѣло, и бросали въ огонь или могилу пояса, мечи, уздечки и другіе предметы вооруженія всадника и коня. Число три считалось символическимъ при всѣхъ обрядахъ. При погребеніи самоубійцъ, руку, совершившую кровавое дѣло, отрѣзывали и хоронили въ особомъ мѣстѣ. Когда человѣкъ убивалъ врага въ честномъ бою за правое дѣло, то поднималъ окровавленное оружіе къ солнцу, въ знакъ того, что онъ не страшится, что небеса и земля видѣли пролитіе крови. Древніе вѣрили, что ничто не могло смыть крови съ оружія, послужившаго убійству родственника. Сожженіе тѣлъ считалось болѣе почетнымъ, нежели погребеніе въ землѣ, но было доступно только богатымъ.

За неисполненіе обрядовъ погребенія умершіе мстили жестоко; тѣни ихъ являлись преслѣдовать угрозами и проклятіями тѣхъ,

кто могъ и не хотѣлъ исполнить обрядъ. Это повѣрье о блужданіи и преслѣдованіи духовъ существовало не у однихъ народовъ древняго міра, но и у народовъ востока, у германскихъ племенъ, и, переживъ средніе вѣка, дошло до нашихъ временъ. Русскія женщины, омывающія покойника, вѣрятъ, что онъ будетъ мучить ихъ во снѣ, если тѣло будетъ небрежно вымыто. Послѣ похоронъ, греки окуривали домъ сѣрой и устраивали пиръ въ честь Меркурія, который сопровождалъ души умершихъ въ обитель боговъ.

Опасности, войны, болѣзни вызывали усиленіе суевѣрія. Моряки и въ наше время считаются болѣе суевѣрнымъ сословіемъ. Во время бури бросали жребій, чтобы узнать, кто изъ экипажа или пассажировъ прогнѣвалъ бога. Человѣка, на котораго падалъ жребій, выбрасывали за бортъ корабля, чтобы умилостивить божество, управлявшее вѣтрами и волнами. Когда войску приходилось переходить черезъ рѣку, приносили жертву нимфамъ рѣки. Передъ войной вопрошали оракуловъ, заключали сдѣлки съ своими божествами, въ случаѣ побѣды, обѣщали богамъ за покровительство часть добычи, отнятой у непріятеля. Греческій полководецъ не выступалъ въ походъ передъ полнолуніемъ, или въ седьмой день мѣсяца.

Сны играли ту же вѣщую роль въ жизни древнихъ, какъ и въ жизни современныхъ народовъ; помѣшанные считались людьми, обладавшими таинственной силой предсказывать будущее. Дымъ и пламя алтарей, трепетанье закалываемыхъ жертвъ, слѣды брызговъ крови служили предзнаменованіями. Римляне вѣрили, что боги ихъ по ночамъ спускались на землю и ходили смотрѣть, какъ живутъ люди. Вѣчное горе смертныхъ создало миѳъ о богахъ, сходящихъ съ небесъ воплоти для утѣшенія людей. Правая сторона считалась посвященною добрымъ божествамъ, лѣвая — злымъ. Римскіе жрецы и міряне, при совершеніи обрядовъ, всегда обращались къ правой сторонѣ. У римлянъ, какъ и у грековъ, были счастливые и несчастные дни и мѣсяцы. Май считался несчастнымъ для браковъ. Римскія похороны совершались ночью при факелахъ; правители и жрецы не должны были видѣть покойника. Музыканты сопровождали тѣло, женщины пѣли хвалы умершему при звукахъ флейты. За ними шли актеры; одинъ представлялъ личность покойника, когда онъ былъ живъ, и подражалъ словамъ и жестамъ его. Впереди тѣла несли изображенія умершаго и предковъ его. Кладбища были неизвѣстны въ первые вѣка Рима; умершихъ хоронили около домовъ; отсюда явился страхъ блуждающихъ тѣней и вѣрованіе въ ларовъ, въ которыхъ переселялись души покойниковъ. Когда тѣло было засыпано землей, приходилъ жрецъ и трижды кропилъ освященной водой присутствовавшихъ. Въ могилу клали бобы, латукъ, хлѣбъ, яица и т. п.; души умершихъ приходили и ѣли положенную пищу. Если души являлись

тревожить живыхъ, то приносили жертвы для успокоенія «тѣней—manes»,—такъ называли ихъ римляне.

Всѣ божества римлянъ подчинены Року, который таинственно властвуетъ надъ землею, небомъ и всѣми твореніями земли, неба и преисподней. Протестъ боговъ противъ несовершенства жизни и воплощенія ея высказывался у древнихъ въ формѣ ироніи. Міросозерцаніе ихъ было свѣтло; они не считали, подобно народамъ востока, зло страшнымъ властнымъ духомъ, который дѣлитъ міръ съ духомъ добра. Эвмениды, фуріи — не божества, а подчиненные духи. Одинъ рокъ властвуетъ надъ всѣми. Миѳъ Прометея, дерзкаго друга человѣчества, похитившаго для него огонь боговъ, — свѣтлый миѳъ, не смотря на коршуна, посланнаго Зевесомъ терзать его грудь. Изъ всѣхъ суевѣрій древняго міра, суевѣрія грековъ и римлянъ болѣе поэтическія и человѣчныя. Они были достояніемъ народовъ, создавшихъ лучшую цивилизацію древняго міра. Темныя стороны суевѣрій грековъ и римлянъ не уничтожили всего свѣтлаго, что было въ нихъ и что явилось такимъ сильнымъ, гуманизирующимъ элементомъ въ эпоху средневѣковаго варварства.

Миѳологія сѣверныхъ народовъ, населявшихъ, подъ разными именами норманновъ, тевтоновъ, саксовъ, бритовъ, германовъ, Британію, Скандинавію и Германію, полна разсказовъ о страшныхъ и благодѣтельныхъ божествахъ. Космогонія сѣверныхъ народовъ болѣе чудовищна, нежели космогонія грековъ и римлянъ. Въ началѣ вѣковъ на сѣверѣ существовалъ міръ — холодный и мрачный, Нифльгеймъ, въ серединѣ котораго былъ родникъ, изъ родника истекли двѣнадцать рѣкъ. На югѣ былъ другой міръ — Муспельгеймъ, лучезарный, теплый, входъ въ который охранялъ Суртъ-духъ съ огненнымъ мечомъ. Изъ Нифльгейма къ Муспельгейму текли холодныя рѣки, которыя замерзали и образовывали наслоенія льда. На той грани, гдѣ встрѣтилось тепло и холодъ, капли, падавшія отъ таявшаго льда, получали животворную силу, и по власти того, кто ниспослалъ тепло, породили Имира — отца ледяныхъ великановъ. Корова Эдгумла, тоже порожденіе таявшаго снѣга, вскормила Имира молокомъ. Когда Имиръ заснулъ, то изъ подъ лѣвой руки его вышли мущина и женщина, а изъ ногъ — сыновья его, великаны. Корова Эдгумла лизала покрытые инеемъ камни; на первый день появились человѣческіе волосы, на второй голова, а вполнѣ сотворенный человѣкъ — на третій. Его звали Бури, онъ родилъ Бора, который взялъ въ жены Бельтсу, дѣву изъ породы великановъ; Бельтса родила ему трехъ сыновей: Вили, Ве и Одина, царя боговъ.

Не смотря на окраску, приданную климатомъ суевѣріямъ сѣверныхъ народовъ, въ миѳахъ ихъ есть черты общія съ миѳами народовъ юга. Тѣ же легенды о великанахъ, о таинственныхъ си-

лахъ, предшествовали появленію царя боговъ на небесахъ и человѣка на землѣ. Одинъ повелѣвалъ землей и небесами; онъ былъ всевѣдущъ и съ престола своего ежедневно посылалъ двухъ черныхъ вороновъ собирать вѣсти обо всемъ, что̀ творилось на землѣ. Царь небесъ и земли, по миѳологіи сѣверныхъ народовъ, былъ богомъ войны, тогда какъ у грековъ и римлянъ богъ войны — Марсъ былъ подчиненъ Юпитеру. Война была нормальною жизнью скандинавскихъ племенъ. Одинъ собиралъ свою свиту подчиненныхъ боговъ въ Валгаллѣ, гдѣ храбрые воины по смерти находили блаженство въ шумныхъ оргіяхъ. Одинъ сдѣлался мудрѣйшимъ изъ боговъ, испивъ воду чудеснаго источника Мимиръ. Легенда объ Одинѣ произошла путемъ обоготворенія какого нибудь древняго вождя и изобрѣтателя, бывшаго благодѣтелемъ племени. Одинъ былъ женатъ на Фриггѣ, царицѣ боговъ, которая родила ему сына Бальдура, скандинавскаго Аполлона; кромѣ Фригги, у Одина были другія жены и наложницы, и скандинавскій Олимпъ, какъ и греческій, былъ возмущаемъ драмами ревности и любовной мести. Одинъ имѣлъ многочисленное поколѣніе сыновъ и дочерей. Народъ вѣрилъ, что голосъ Одина раздавался въ громахъ и буряхъ.

Вили и Ве, братья Одина, были менѣе славными, но тоже могущественными богами. Они помогли Одину убить Имира, отнести тѣло его на середину (вселенной) и сотворили изъ него землю и небо.

Изъ крови великана создались всѣ рѣки, озера, ручьи и моря на землѣ и неподвижный океанъ, опаясывающій всю землю. Изъ костей его они создали горы, а изъ зубовъ — скалы и камни; изъ черепа — небесный ку̀полъ. Мозгъ Имира былъ употребленъ на облака, волоса — на травы и растенія, изъ бровей сдѣлали крѣпкую изгородь, которая должна была защищать отъ нападеній великановъ Мидгардъ, цвѣтущій садъ по срединѣ земли, предназначенный для жилища сыновъ человѣческихъ. Потомъ три брата бога взяли искры, летѣвшія изъ Муспельгейма, и раскидали ихъ по небесному своду; такъ были созданы небесныя свѣтила и огненные метеоры; братья раскидали искры въ опредѣленномъ, стройномъ порядкѣ, и оттого наступило чередованье дней и ночей, весны, лѣта, зимы и осени, мѣсяцевъ и годовъ. Ночь на черномъ конѣ — мчалась вокругъ земли, и пѣна съ уздечки его падала росой на землю. За ночью слѣдовалъ сынъ ея, день, на конѣ, отъ огненной гривы котораго исходили лучи, озарявшіе землю. За ними слѣдомъ шелъ волкъ изъ породы великановъ, который при концѣ міра долженъ поглотить луну, затмить солнце, распустить леденящіе вѣтры по свѣту и выпить кровь каждаго смертнаго. Мысль о вѣчномъ разрушеніи рѣзко выступала въ мрачной миѳологіи скандинавскихъ племенъ.

По преданіямъ скандинавскихъ племенъ, какъ и по преданіямъ евреевъ, зло вошло въ міръ черезъ женщину. Въ Асгардъ, жилище

боговъ, изъ міра великановъ — Уотунгейма — пришли три дѣвы красавицы, коварныя и злыя, и черезъ нихъ въ мірѣ пошла смута; родъ человѣческій погибалъ. Тогда боги рѣшили создать новыя существа и населить ими землю. Изъ внутренностей убитаго великана Имира родились карлики, которые населили внутренность земли, скалы, камни, травы, кустарники и деревья, послѣ того какъ тѣло великана пошло на сотвореніе вселенной. Боги дали карликамъ человѣческія тѣла и умъ, и, такимъ образомъ, оскверненная смутой природа была очищена. Одинъ съ обоими братьями сошелъ на землю и создалъ мужчину и женщину, поселилъ ихъ въ Мидгардѣ вмѣсто прежнихъ падшихъ существъ; отъ этой четы пошелъ новый родъ людской. Разноцвѣтный мостъ, который для смертныхъ имѣлъ видъ радуги, велъ изъ Мидгарда въ Асгардъ, и по мосту этому боги ежедневно спускались къ священному источнику. Источникъ билъ у одного изъ трехъ корней исполинской ясени, вершина которой достигала небесъ, вѣтви осѣняли всю землю, а корни проникали до преисподней. Подъ однимъ изъ корней находилось жилище Гелы, богини смерти, подъ другимъ — жилище ледяныхъ великановъ, а подъ третьимъ — жилище людей.

Скандинавскимъ богамъ поклонялись въ обширныхъ храмахъ или передъ алтарями, сложенными изъ громадныхъ камней. Мѣста поклоненія находились вблизи священныхъ рощъ и источниковъ, изъ которыхъ иные славились цѣлебной силой. Въ годины народныхъ бѣдствій — голода, повальныхъ болѣзней, войны, приносились человѣческія жертвы.

Боги ходили по землѣ, вмѣшивались въ жизнь смертныхъ, и о похожденіяхъ ихъ сохранилось много легендъ. Во всѣхъ миѳологіяхъ цари боговъ ревниво охраняютъ отъ людей мудрость и знаніе — огонь небесный: Юпитеръ казнитъ Прометея, древо знанія охраняется ангеломъ съ пылающимъ мечемъ, скандинавскій Юпитеръ оковываетъ вѣщую дѣву Брунгильду волшебнымъ сномъ. Знаніе равняетъ человѣка съ богами, а боги хотятъ только, чтобы человѣкъ повергся передъ нимъ во прахъ.

Скандинавскія племена вѣрили въ превращенія людей и боговъ. Боги въ образѣ смертныхъ посѣщали людей и приносили имъ разныя блага. Иногда боги проносились по небу въ вихряхъ и молніяхъ и голоса ихъ гремѣли въ громѣ, въ ревѣ волнъ и свистѣ вѣтровъ. Боги невидимо предводительствовали въ бояхъ. Богини учили женщинъ залѣчивать раны, дѣвъ—прясть, и наказывали ихъ за лѣность. И на сѣверѣ таинственная сила рока стоитъ выше боговъ.

Космогонія сѣверныхъ народовъ, такъ же какъ и космогонія южныхъ, олицетворяла поражающія величіемъ, силой и ужасомъ явленія природы въ образѣ великановъ; когда великаны были истреблены благодѣтельными богами, таинственныя силы получили

иной образъ — карликовъ, злобныхъ, насмѣшливыхъ гномовъ, населяющихъ нѣдра земли, растенія. И въ наше время германскіе рудокопы вѣрятъ въ кобальдовъ, заманивающихъ людей въ подземныя пропасти. Шотландскіе крестьяне вѣрятъ также въ духовъ-карликовъ, въ родѣ нашихъ домовыхъ. Есть духи карлики водяные и лѣсные. Эльфы скандинавской миѳологіи еще живы во многихъ мѣстностяхъ Европы. Въ скандинавскихъ легендахъ, какъ и въ легендахъ грековъ и римлянъ, встрѣчаются нерѣдко противорѣчія. Миѳы, порожденные въ различные эпохи, сливались вмѣстѣ. У скандинавовъ истребленные снова появляются въ позднѣйшахъ легендахъ.

Миѳологія готовъ и вандаловъ грубѣе; въ ней преобладаетъ элементъ дикой силы, разбойничьи подвиги.

Миѳологія лапландцевъ — грубое видоизмѣненіе миѳологіи норманновъ. Въ ней явственнѣе проступаетъ фетишизмъ и менѣе поэзіи и мысли. Идолами служили неотесанные камни. Грубость изображеній боговъ отвѣчала грубости и бѣдности жизни дикарей. Лапландцы тоже поклонялись духамъ добрымъ и злымъ, душамъ умершихъ родственниковъ. Колдовство было сильно распространено; колдуны приводили себя въ изступленное состояніе, какъ и друиды. Когда приносили жертву Тору, мазали голову идола кровью жертвы. Многія изъ суевѣрій лапландцевъ общи грекамъ, римлянамъ, татарамъ; напр., очищеніе дома, гдѣ былъ покойникъ, вѣра въ очищающее дѣйствіе воды была всего сильнѣе распространена въ Эѳіопіи, хотя всѣ древніе народы вообще признавали омовеніе, какъ очищеніе отъ грѣховной скверны. Этотъ обычай распространился повсюду въ память страшныхъ разрушительныхъ потоповъ, преданія о которыхъ сохранились во всѣхъ миѳологіяхъ. Постъ до сильнѣйшаго изнуренія, до галлюцинацій, былъ средствомъ вызывать экстатическое состояніе и даръ прорицанія. Каждый домъ и семья лапландцевъ имѣли своего бога, съ которымъ обходились крайне безцеремонно. Въ древнія времена барабаны носили при войскахъ не какъ музыкальные инструменты, но какъ священные предметы, вдохновлявшіе мужество и ниспосылавшіе побѣду. Женщинамъ запрещалось подъ страхомъ жестокаго наказанія прикасаться къ священному барабану. Лапландцы и норвежцы продавали попутные вѣтры матросамъ. Покупщикъ получалъ веревку съ тремя узлами. Онъ распускалъ первый, если ему былъ нуженъ тихій, ровный вѣтеръ; когда былъ нуженъ сильный, онъ распускалъ второй узелъ; а если хотѣлъ погубить бурею судно, то развязывалъ третій узелъ. Лапландцы, какъ и другіе сѣверные народы, какъ краснокожіе индѣйцы нашего времени, кладутъ въ могилу топоръ, трутъ, огниво, разное оружіе, въ силу убѣжденія, что всѣ вещи эти будутъ нужны умершему въ загробномъ мірѣ.

Слѣды миѳологіи скандинавовъ, грековъ и римлянъ живы и теперь въ суевѣріяхъ европейскихъ народовъ, даже въ названіяхъ

дней и мѣсяцевъ. Первый день каждаго луннаго мѣсяца былъ днемъ религіозныхъ торжествъ. Въ Шотландіи сохранились и теперь слѣды поклоненія лунѣ въ обычаѣ кланяться новому мѣсяцу. Вторникъ былъ посвященъ богу войны. Названіе середы имѣетъ различное происхожденіе; въ скандинавской миѳологіи середа была днемъ Одина, царя боговъ и мудрѣйшаго изъ всѣхъ существъ, у римлянъ—Меркурія, подчиненнаго бога. Впрочемъ, есть и общая черта: Одинъ, какъ и Меркурій, былъ богомъ ремеслъ и промысловъ. Четвергъ былъ днемъ Тора, бога громовъ. Торъ производилъ громъ, катаясь въ колесницѣ по небу. Хитроумные карлики сработали ему чудодѣйственную палицу, которая послѣ каждаго удара возвращалась обратно къ нему. Онъ насылалъ бури, всеистребляющій градъ, ливни, ураганы, губительныя заразы. Когда онъ хотѣлъ быть милостивымъ, то насылалъ плодородіе и хранилъ отъ болѣзней скотъ и человѣка. Лапландцы изображали Тора грубоотесаннымъ обрубкомъ дерева; они клали возлѣ идола огниво и кремень, чтобы онъ высѣкалъ огонь, когда захочетъ, и крѣпкій молотокъ, чтобы могъ побивать злыхъ духовъ. Въ честь бога устраивали праздники, на которыхъ не только допускалась, но и предписывалась полная разнузданность животныхъ страстей. Пятница была посвящена Фриггѣ, женѣ Одина, скандинавской Юнонѣ, ниспославшей радости любви и семейной жизни. Римляне посвятили пятницу Венерѣ. Суббота была посвящена у римлянъ Сатурну. Каждый часъ былъ посвященъ которой нибудь изъ семи планетъ: солнцу, Венерѣ, Меркурію, лунѣ, Сатурну, Юпитеру и Марсу. Первый часъ дня, т. е. первый часъ по восходѣ, принадлежалъ солнцу, второй Венерѣ и т. д.; восьмой снова солнцу, и такъ по очереди всѣ двадцать четыре часа сутокъ. Астрологія была основана на посвященіи часовъ, дней и мѣсяцевъ планетамъ. Всѣ народы вѣрили, что планеты вліяютъ на судьбу смертныхъ; родиться подъ счастливой звѣздой—выраженіе, дошедшее до нашего времени,—отголосокъ древнихъ суевѣрій.

Январь былъ посвященъ у римлянъ двулицему богу Янусу. Римляне заимствовали отъ грековъ обычай встрѣчать день новаго года праздниками и дарами. Февраль былъ мѣсяцемъ Юноны, покровительствовавшей очищенію женщинъ; христіанскія секты первыхъ вѣковъ праздновали второе февраля въ память подчиненія Дѣвы Маріи еврейскому обряду очищенія. Христіане въ этотъ день ходили процессіями съ зажженными свѣчами. Язычники тоже ходили процессіями со свѣчами въ память Юноны. Свѣчи эти имѣли таинственную силу отвращать бѣдствія, ихъ зажигали въ грозу, во время заразительныхъ болѣзней; пламя ихъ отгоняло злыхъ духовъ, и для этой цѣли ихъ вставляли въ руки умирающихъ. Мартъ былъ посвященъ Марсу. Состояніе погоды въ этомъ мѣсяцѣ предсказывало жатву года: сухой мартъ сулилъ хорошій урожай, дождливый—голодъ. Апрѣль получилъ названіе отъ глагола открывать, въ знакъ

того, что на деревьяхъ раскрываются почки. Римляне посвятили апрѣль Венерѣ. Май былъ мѣсяцемъ Маи, матери Меркурія, а Аполлонъ богомъ-хранителемъ мѣсяца. Первый день мая былъ днемъ пировъ, игръ и оргій въ память богини Флоры. Римскія флоральныя игры начинались съ 28-го апрѣля и въ первые вѣка отличались цинизмомъ. Флора была богиней проститутокъ. Обычай майскихъ праздниковъ прошелъ черезъ средніе вѣка до новыхъ. Въ Англіи, въ майскій праздникъ, выбирали въ царицы самую красивую дѣвушку околотка; въ Англіи, Франціи и Германіи ставили майскіе шесты, увитые гирляндами; около шестовъ устраивали ристалища и разныя игры. Фанатизмъ духовенства уничтожилъ майскіе шесты, какъ слѣды язычества. Іюнь былъ названъ въ честь Юноны и считался счастливымъ мѣсяцемъ для браковъ. Іюль прежде носилъ названіе квинтилія—пятаго мѣсяца, но когда Юлія Цесаря причли къ богамъ, то іюлю дали его имя. Англосаксы называли іюль медовымъ мѣсяцемъ, потому что то была пора сбора меда и приготовленія изъ него напитка. Августъ получилъ это названіе въ честь императора Октавія Августа; прежде онъ назывался секстиліемъ — шестымъ мѣсяцемъ. Сентябрь сохранилъ названіе седьмаго мѣсяца, хотя онъ сталъ девятымъ, съ тѣхъ поръ какъ началомъ года считаютъ январь, а не мартъ. Октябрь у саксовъ, занимавшихся винодѣліемъ, назывался мѣсяцемъ вина. Ноябрь носилъ у саксовъ названіе кроваваго мѣсяца, оттого что въ ноябрѣ закалывали скотъ для зимняго запаса и для жертвоприношеній. У римлянъ то былъ мѣсяцъ молитвъ объ умершихъ и жертвоприношеній на могилахъ. Декабрь былъ посвященъ Сатурну и Вестѣ. Англійскій обычай украшать въ это время дома зеленью, елками, омелой, имѣетъ начало отъ временъ друидовъ. Древніе бриты вѣрили, что боги жили въ старыхъ огромныхъ дубахъ. Когда ягоды омелы созрѣвали, друиды сзывали народъ на пиръ и старѣйшій изъ друидовъ, въ бѣлой одеждѣ, влѣзалъ на дерево срѣзать вѣтьви съ ягодами золотымъ серпомъ; прочіе друиды въ это время пѣли молитвы. Ожерелье изъ нанизанныхъ ягодъ омелы считалось спасительнымъ средствомъ при прорѣзываніи зубовъ у дѣтей.

Колыбелью суевѣрій была Индія; каждое племя имѣло своего бога; нѣкоторыя племена поклонялись вареному рису, какъ египтяне пырею.

Космогонія индусовъ была чудовищна. Въ вселенной было семь великихъ морей, высокая гора изъ чистаго золота поддерживала четырнадцать міровъ, составлявшихъ вселенную. Одно море было полно молокомъ, такимъ необыкновенно пріятнымъ на вкусъ, что боги брали его на масло для пировъ своихъ.

Рожденіе, бракъ и смерть сопровождаются у индусовъ суевѣрными обычаями, уцѣлѣвшими отъ древнихъ временъ. Каждая мелочь служила предзнаменованіемъ счастья или несчастья. Для

свадьбы избирали счастливые дни, по гаданью или совѣту жрецовъ. Женихъ бросалъ три горсти рису въ голову невѣсты, она столько же въ его голову. Отцы обоихъ, или лица, представлявшія ихъ, клали монету и лили немного воды въ руку невѣсты. Въ заключеніе церемоніи женихъ привѣшивалъ на шею невѣсты монету, продѣтую на ленту. Похороны были временемъ ужаса и трепета; злые духи могли овладѣть умершимъ и черезъ него мучить живыхъ. Очищеніе тѣла покойника считалось единственнымъ средствомъ прогнать злыхъ духовъ. Покойнику сбривали бороду, клали въ ротъ немного извести, женщины рисомъ терли ему лицо. По сожженіи тѣла, пепелъ бросали въ Гангъ, потому что священная вода рѣки освящала и очищала все, чего ни касалась. Брамины вѣрили, что есть пять ступеней славы въ загробной жизни. Брама съ женою своею сидѣлъ на четвертой ступени; при немъ находился безотлучно бѣлый лебедь, на которомъ богъ спускался на землю и объѣзжалъ ее, принося блага смертнымъ. Однѣ незапятненныя, невинныя души допускались на пятую ступень славы.

Индусы почитали священныхъ животныхъ, хотя не въ такой мѣрѣ, какъ египтяне. Корова пользовалась у нихъ особымъ почетомъ, и они при жертвоприношеніяхъ орошали молокомъ ступени алтарей. По полу, въ храмахъ разбрасывали кучи коровьяго навоза. Жрецы и монахи (факиры) индусовъ были истолкователями велѣній боговъ, прорицали будущее, отыскивали преступниковъ, если правосудіе мірянъ оказывалось несостоятельнымъ. Они писали имена подозрѣваемыхъ лицъ на билетикахъ, клали билетики на алтарь и, по окончаніи богослуженія, запирали всѣ выходы. Билетикъ съ именемъ преступника исчезалъ. Пустынножительство, столпничество, самоистязаніе, юродство были въ большемъ почетѣ у индусовъ. Помѣшанные осѣнены ореоломъ святости. Безумный бредъ толкуется какъ прорицаніе. Жрецы и монахи приводили себя въ изступленное состояніи и оставались въ немъ иногда по цѣлымъ часамъ передъ глазами вѣрующхъ. Астрологія тоже играла важную роль у индусовъ. Метеоры, кометы, затмѣнія солнца и луны были страшными явленіями, въ особенности были страшны лунныя затмѣнія; индусы вѣрили, что луна въ это время борется съ чернымъ дьяволомъ. Индусы гадали по пламени костровъ, сложенныхъ изъ коровьяго навоза и вѣтвей, пропитанныхъ масломъ или саломъ. Костры эти ставились на берегахъ Ганга, надъ ямами, вырытыми въ пескѣ и наполненными водою священной рѣки. На берега Ганга приводили больныхъ, чающихъ исцѣленія или искавшихъ блаженной кончины. И тѣхъ, и другихъ обыкновенно привязывали за руки къ хвосту коровы, которая стаскивала ихъ въ рѣку. Всякая нечистота коровы, пачкавшая въ это время человѣка, считалась знаменіемъ особаго благоволенія боговъ.

Кровь считалась у народовъ востока очищающимъ и освящаю-

щимъ элементомъ. Жители Сіама, заключая торжественные договоры, дѣлали легкіе надрѣзы на рукахъ и высасывали другъ у друга кровь. Крики и вой дикихъ звѣрей предвѣщали имъ будущее; они вѣрили такъ же, какъ вѣрятъ спириты нашею времени, что можно говорить съ душами умершихъ родственниковъ и получать отъ нихъ отвѣты. Вѣра въ переселеніе душъ сильно распространена въ Сіамѣ. У индусовъ есть секты браминовъ — вегетаріанцевъ; они страшатся ѣсть животную пищу, чтобы не съѣсть какихъ нибудь своихъ предковъ. Вѣра эта существовала въ тѣхъ странахъ съ незапамятныхъ временъ. Кастовое устройство общества поддерживало суевѣріе; человѣкъ, вышедшій изъ своей касты, становился паріей. Низшіе классы были самой религіей обречены на тяжелыя роботы; высшіе угнетали ихъ, не смотря на миѳы о Вишну, избивавшемъ тирановъ.

Суевѣрія китайцевъ многочисленны и нелѣпы до крайности. Этотъ народъ древнѣйшій въ мірѣ. Происхожденіе ихъ отъ египтянъ вопросъ спорный, многія сходныя черты народныхъ нравовъ могли происходить и помимо международныхъ сношеній и заимствованій. Народы, оставаясь замкнутыми другъ для друга, могли создать одни и тѣже суевѣрія; условія, въ которыхъ они стояли, были сходны; невѣжество, голодъ, войны, болѣзни, гнетъ, смерть. Во мракѣ, окружавшемъ ихъ, являлись свѣтлымъ лучемъ немногіе благодѣтели человѣчества — изобрѣтатели, учители, подъ разными именами — это исторія всѣхъ древнихъ народовъ. Идолопоклонство было религіею Китая. Богу Фо, царскому сыну, поклонялись за тысячу лѣтъ до Рождества Христова. Фо тотчасъ по рожденіи могъ говорить и ходить. Четыре философа обучали его и въ тридцать лѣтъ онъ началъ творить чудеса. Боги другихъ миѳологій не нуждались въ обученіи; они были сами по себѣ силой всевѣдущей и творческой. Миѳологія китайцевъ свидѣтельствуетъ о сравнительной бѣдности фантазіи народа; не смотря на чудовищныя цифры, — напримѣръ, Фо рождался 8000 разъ и душа его входила во множество животныхъ,—она поражаетъ отсутствіемъ поэтической мысли, которой много въ легендахъ греческой, римской и скандинавской миѳологіи. Небеса китайцевъ были раздѣлены на множество ярусовъ, какъ и пагоды ихъ. Конгъ былъ богомъ низшаго неба и властвовалъ надъ жизнью и смертью. Три духа постоянно сопровождали его: первый посылалъ дождь, чтобы питать и освѣжать землю; второй былъ владыкой моря; всѣ мореплаватели приносили ему жертвы; третій — реформаторъ Китая, Конфуцій, родился за четыреста пятьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова. Какъ только онъ родился, два дракона явились охранять его отъ всякаго зла и звѣзды преклонились передъ нимъ. Онъ женился, но когда увидѣлъ, что жена мѣшала ему стремиться къ наукѣ, отослалъ ее къ родителямъ. Онъ прожилъ семьдесятъ лѣтъ

и умеръ отъ горя, видя всюду царящее зло. Ему воздали по смерти великія почести.

Китайцы приносятъ въ жертву богамъ свиней и узнаютъ, угодна ли богамъ жертва, наливая въ уши ея вина. Если свинья встряхивается, жертва угодна; если стоитъ неподвижно, ее бракуютъ и выбираютъ другую. Китайцы приносили и приносятъ жертвы душамъ умершихъ родныхъ. Цѣлыя полчища нищихъ ходили по Китаю и назойливость ихъ выказывалось особенно въ день поминовенія усопшихъ. Нищенство считалось тамъ религіознымъ подвигомъ. Если кто изъ китайцевъ осмѣливался отказать имъ въ день поминовенія усопшихъ, то они грозили, что души умершихъ предковъ перейдутъ въ крысъ, мышей, змѣй, ящерицъ и другихъ животныхъ, считавшихся нечистыми. Секты нищенствовавшихъ обладали даромъ предсказывать будущее, поднимать вѣтеръ ударами волшебнаго молота. Капитаны судовъ могли покупать попутный вѣтеръ за весьма умѣренную цѣну.

Китай былъ страною гадателей. Законъ запрещалъ имъ посѣщать дома воиновъ и гражданскихъ должностныхъ лицъ для предсказанія грядущихъ народныхъ бѣдствій или радостей; но законъ не запрещалъ имъ предсказывать частныя радости или бѣдствія. Въ Китаѣ астрологія была государственнымъ учрежденіемъ. Если чиновники, завѣдывавшіе этимъ отдѣломъ, замѣчали на небѣ предзнаменованія бѣдствій и не предупреждали верховную власть, ихъ наказывали ста двадцатью ударами бамбука и двумя годами изгнанія. Убійство посредствомъ колдовства было преступленіемъ, предусмотрѣннымъ и строго караемымъ закономъ. Колдуны, вызывавшіе злыхъ духовъ заклинаніями изъ волшебныхъ книгъ, или сжигавшіе по ночамъ ѳиміамъ передъ изображеніями нечистыхъ силъ, подвергались смертной казни посредствомъ удушенія. Поклоненіе небу или полярной звѣздѣ считалось богоотступничествомъ и виновные наказывались восмидесятью ударами.

Въ Японіи было неисчислимое множество боговъ; едва ли не каждая мелочь жизни имѣла своего бога. Большимъ почтеніемъ пользовался идолъ Аббуто, и исцѣлявшій неизлечимыя болѣзни, и ниспосылавшій попутные вѣтры. Въ Японіи существовала секта Яммабуги, занимавшаяся магіей, которую изучалала среди скалъ и горъ. Смертные дѣлались богами въ японской миѳологіи. Интересенъ японскій миѳъ о происхожденіи богатства. Богиня богатства, когда была еще простой смертной, сильно печалилась о своемъ безплодіи и молила боговъ послать ей дѣтей. Молитвы ея были услышаны и она разрѣшилась пятьюстами яицъ. Опасаясь, что яйца, если ихъ высидѣть, принесутъ чудовищъ, она запаковала ихъ въ ящикъ съ особой отмѣткой и бросила въ рѣку. Старикъ рыбакъ вытащилъ ящикъ; увидѣвъ яйца, принесъ ихъ женѣ своей, которая, не имѣя достаточнаго числа куръ, положила яйца въ печь.

Изъ каждаго яйца вышелъ мальчикъ. Старики выростили необыкновенное потомство, которое занялось разбоями и нищенствомъ. Въ одинъ день всѣ пятьсотъ сыновей вошли съ цѣлью грабежа въ домъ матери. Она узнала своихъ дѣтей, оставила у себя, перевоспитала и превратила въ добродѣтельныхъ и полезныхъ людей. За это она была вознесена на небеса и причислена къ лику боговъ, гдѣ окружена пятьюстами сыновей.

Японцы вѣрятъ въ переселеніе душъ, почитаютъ животныхъ, въ особенности обезьянъ за сходство ихъ съ человѣкомъ, и устраиваютъ богадѣльни для животныхъ, въ которыхъ переселились души предковъ. Въ древнія времена близъ Іеддо была священная роща, гдѣ жрецы ежедневно кормили священныхъ животныхъ. Въ этихъ животныхъ, по ученію жрецовъ, переселились и души болѣе благородныхъ и великихъ героевъ. Собаки и олени считались священными. За убійство оленя и собаки виновные наказывались смертью, и домъ, гдѣ было совершено убійство оленя разрушался до основанія. Жители каждой улицы были обязаны кормить извѣстное число собакъ, которыхъ распредѣляли по числу жителей въ родѣ военнаго постоя. Умершую собаку хоронили по среди человѣческихъ останковъ. Рыба также считалась священной. Рѣка близъ столицы Японіи въ древнія времена до того изобиловала рыбой, что ее выбрасывало на берегъ, а народъ въ самый сильный голодъ не прикасался къ рыбѣ, изъ страха проказы, неизбѣжно посылаемой богами за грѣхъ ѣсть священную рыбу. Въ рыбу вселялись души моряковъ.

Жрецы наживались продажей амулетовъ, имѣвшихъ силу исцѣлять всѣ недуги, изгонять злого духа и доставлять блаженство за гробомъ. Нѣкоторые японцы подъ залогъ этихъ амулетовъ занимали деньги, которыя уплачивались не на этомъ свѣтѣ, но на томъ, за гробомъ, блаженствомъ. Умершему вкладывали въ руки документъ, по которому онъ долженъ былъ предъявить въ обители духокъ искъ на должника. Въ каждомъ японскомъ домѣ вывѣшивали таблицу счастливыхъ и несчастныхъ дней, составленную астрологомъ.

Грантъ не говоритъ ни слова въ книгѣ своей о религіи и суевѣріяхъ древней Мексики, и это большой пробѣлъ. Если общія космическія и естественныя условія должны были подъ разными формами создать общія черты миѳологіи, то особенности коммунистическаго строя мексиканской деспотіи должны были выработать особенныя интересныя черты. Общественный складъ народовъ отражался въ религіяхъ. Развитіе суевѣрій шло у всѣхъ народовъ, не смотря на разность ѳтнографическихъ условій, однимъ путемъ. Вначалѣ развивался культъ свѣтилъ, потомъ вырабатывался культъ добрыхъ и злыхъ духовъ, а позже, когда пастушескій бытъ смѣнился государственнымъ,—культъ національныхъ боговъ, воплощеній разныхъ

сторонъ общественной жизни. Новый культъ вытѣснялъ старый, признанный преступнымъ, какъ въ Китаѣ, гдѣ поклоненіе свѣтиламъ наказывалось закономъ такъ же, какъ въ первые вѣка католицизмъ каралъ язычество. Боги, которымъ перестаютъ вѣрить, считаются олицетвореніемъ злыхъ силъ. Культъ злаго духа — чернокнижіе и колдовство — преслѣдуется всѣми религіями. Греки и римляне, отличавшіеся терпимостью и принимавшіе чуждыхъ боговъ на свой Олимпъ, преслѣдовали за чернокнижіе и колдовство. Въ то же время жрецы ихъ, какъ и всѣхъ восточныхъ религій, были снотолкователями, гадателями и астрологами. Это противорѣчіе объясняется вполнѣ ревнивымъ самоохраненіемъ жреческой власти и вѣрой, что одни жрецы могли знать волю истинныхъ боговъ и быть посредниками между ними и человѣкомъ. Люди, искавшіе совѣтовъ, помощи, прорицаній изъ другаго источника, были преступниками, измѣнниками вѣрѣ отцовъ, поклонниками темныхъ силъ; ихъ карали безпощадно, какъ измѣнниковъ. Кары не помогали, и преступный культъ существовалъ и передавался отъ одного народа другому. Человѣкъ былъ задавленъ бѣдами, боги были часто глухи къ мольбамъ его, жрецы оказывались не только безсильными помочь, но сами становились тяжелымъ бичомъ. Дерзкіе смѣльчаки основывали другой, запретный культъ. Во всѣхъ религіяхъ видны двѣ струи: обожаніе природы и обожаніе силы, побѣждающей природу, творческую силу ума. Рядомъ съ культомъ разнузданной чувственности появляются аскетическіе культы, въ которыхъ высказывалась потребность высшаго нравственнаго идеала. Въ городѣ, наслѣдовавшемъ богатство, накопленное Флорой, являются весталки. Аскетическій идеалъ крѣпнетъ и разростается. Чѣмъ бѣдственнѣе становится положеніе массъ, тѣмъ болѣе выдвигается ученіе самоотреченія. Самоотреченіемъ покупается таинственная сила творить чудеса на спасеніе народа. Земныя радости мѣшаютъ служенію богу. Конфуцій прогоняетъ жену. Боги, олицетворявшіе природу, оказываются безсильными удовлетворять нравственному идеалу, до котораго доросло человѣчество. Въ Греціи поставили алтарь «невѣдомому богу». Смертный приговоръ древнимъ религіямъ былъ произнесенъ. Приговоръ этотъ порвалъ связь между природой и человѣкомъ, между духомъ и тѣломъ, — связь, которая явственно видна во всѣхъ миѳахъ, обрядахъ и суевѣріяхъ религій Европы и Востока. Аскетизмъ сталъ лозунгомъ и проклялъ природу и тѣло. Древніе свѣтлые боги стали темными, грѣховными силами.

М. Цебрикова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ, томы III и IV. Спб. 1884.

Въ 1882 ГОДУ наша академія наукъ начала издавать этотъ замѣчательный трудъ, служащій продолженіемъ «Русской исторической библіографіи» П. и Б. Ламбиныхъ, составленной весьма тщательно, но выходившей очень медленно. Когда за эту же работу взялся неутомимый В. И. Межовъ, мы говорили, отдавая отчетъ о первыхъ двухъ томахъ изданія, что окончаніе его не замедлится, судя по тому рвенію къ труду, съ какимъ лучшій нашъ библіографъ составляетъ свои каталоги. Появившіеся теперь два тома (остается издать еще послѣдній, пятый) доказываютъ, что это обширное изданіе, въ которомъ каталогизировано болѣе 55-ти тысячъ книгъ, будетъ закончено въ два года. Затѣмъ остается только издать подобный каталогъ за послѣдніе восемь лѣтъ и продолжать выпускать его ежегодно, что положительно необходимо для лицъ, занимающихся русскою исторіею. Въ вышедшихъ нынѣ двухъ томахъ (каждый въ 400 страницъ слишкомъ) внесено 18,455 книгъ (по 44,705 №). Въ третьемъ томѣ помѣщены сочиненія, относящіяся къ исторіи христіанскихъ исповѣданій въ Россіи вообще и православнаго въ особенности, къ исторіи цивилизаціи и народнаго просвѣщенія въ Россіи, къ исторіи правовѣденія, политико-экономическихъ, соціальныхъ и камеральныхъ наукъ. Четвертый томъ посвященъ исторіи русской словесности и языка. Онъ особенно важенъ для нашей литературы, такъ какъ со времени изданія въ 1872 году В. И. Межовымъ «Исторіи русской и всеобщей словесности», гдѣ собраны въ систематическомъ порядкѣ библіографическіе матерьялы, касающіеся всемірной литературы, не выходило ни одного каталога по этой обширной отрасли библіографіи. Въ IV томѣ новаго изданія внесены всѣ книги съ 1865 года (въ прежнемъ изданіи — съ 1855 г.) по отдѣламъ: исторія и теоріи русской сло-

весности, источниковъ и матерьяловъ для ея изученія, критики, полемики, журналистики, библіографіи, библіоманіи (описаніе рѣдкихъ книгъ, анонимы и псевдонимы въ литературѣ) ученыхъ и литературныхъ обществъ, театра и хрестоматій. Въ отдѣлѣ исторіи русскаго языка, подъ особыми рубриками, помѣщены сочиненія по церковно-славянскому языку, малороссійскому и книги на русскомъ языкѣ для инородцевъ. Относительно этого совершенно логическаго распорядка замѣтимъ только, что въ отдѣлѣ «Общества ученыя и литературныя» ошибочно внесены «извѣстія о дѣятельности русскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій», помѣщавшіяся въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія: имъ мѣсто въ III-мъ томѣ, въ исторіи цивилизаціи, гдѣ имѣется уже отдѣлъ исторіи ученыхъ обществъ. Отдѣлъ «публицистики и злобы дня», отнесенной къ исторіи политико-экономическихъ и соціальныхъ наукъ, въ III-мъ томѣ, также удобнѣе было бы помѣстить въ IV-мъ томѣ, въ отдѣлѣ журналистики или полемики, потому что кому же придетъ въ голову искать измышленія какого нибудь «Гражданина» князя Мещерскаго подъ рубрикой соціальныхъ наукъ? Встрѣчаются еще и другіе мелкіе промахи въ этомъ трудѣ, неуменьшающіе нисколько его значенія. Особенную цѣну придаютъ ему указанія на разборы и рецензіи болѣе замѣчательныхъ сочиненій. Въ сборникахъ показывается всегда ихъ содержаніе, самое подробное. Такъ, въ «Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ 1672—1725 года, собранныхъ Тихонравовымъ», приведены полныя названія пьесъ эпохи Петра I, состоящія изъ 20-ти строкъ и болѣе и занимающія три столбца мелкой печати. При перечисленіи статей въ отдѣльныхъ изданіяхъ русскихъ авторовъ эти указанія еще подробнѣе. Такъ, сочиненій Державина показано 1332 и списокъ ихъ занимаетъ болѣе 33-хъ страницъ. Также обширна библіографія сочиненій Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др. Вообще, трудъ г. Межова необходимъ для всякаго, кого интересуетъ судьба русской исторіи и русской литературы.

В. З.

Историческіе разсказы А. Шардина. Спб. 1884.

Г. Шардинъ не новичекъ въ области исторической беллетристики. Мы уже имѣли случай говорить о его романѣ: «Родъ князей Зацѣпиныхъ». Что касается вновь изданной имъ книжки, то это собственно не повѣствовательное, но только анекдотическое сочиненіе, такъ какъ представляетъ небольшіе, отрывочные разсказы, содержаніемъ которыхъ послужили случаи, не имѣющіе никакого историческаго значенія. Противъ сочиненій такого рода нельзя собственно ничего сказать: они принадлежатъ къ области такъ называемаго легкаго чтенія и въ нихъ нельзя искать обдуманнаго содержанія. Историческій оттѣнокъ придаетъ разсказамъ г. Шардина означеніе при каждомъ изъ нихъ царствованія императоровъ: Петра I, Александра I, Николая I и Александра II и императрицъ: Анны Ивановны и преимущественно Екатерины II.

Разсказамъ своимъ, всего въ числѣ десяти, г. Шардинъ придалъ, между прочимъ, такія особыя названія: «Проучила», «Дозволь потягаться», «Онъ далъ слово», «Шалость даетъ случай», и т. д. Разумѣется, что отъ такихъ разсказовъ нельзя требовать ни подробныхъ очерковъ личностей, ни описаній бытовой обстановки того или другаго времени.

Если даже историческіе романы и хроники не могутъ считаться благонадежными историческими источниками, то тѣмъ болѣе не могутъ имѣть за собою такого значенія анекдотическіе разсказы. Историческій романъ есть, въ сущности, ничто иное, какъ «иллюстрація» къ сказаніямъ объ извѣстной личности или какой нибудь эпохѣ. Въ такихъ произведеніяхъ воображеніе автора беретъ — да и неизмѣнно должно брать — верхъ надъ строгою историческою дѣйствительностію. Конечно, авторъ не имѣетъ никакого права переиначивать ни историческихъ событій, ни духа эпохи, ни характеровъ выводимыхъ имъ личностей, но имѣетъ право пріукрасить все это, для большей занимательности и для большей яркости красокъ въ изображаемыхъ имъ картинахъ. Автора подобныхъ произведеній всего лучше можно сравнивать съ живописцемъ, который по своимъ соображеніямъ, можетъ, какъ ему угодно, распоряжаться перспективой, красками, тѣнями; но какъ этотъ послѣдній не можетъ отступать отъ основы оптики и дѣйствительности красокъ и формъ, существующихъ въ природѣ для тѣхъ или для другихъ предметовъ, такъ точно и авторъ историческаго романа не можетъ, по нашему мнѣнію, отступать отъ главныхъ требованій исторической правды. Постараемся объяснить эти замѣчанія подходящимъ примѣромъ.

Положимъ, что историческому романисту или повѣтствователю приходится вывести личность, о которой въ историческихъ сказаніяхъ сохранились извѣстія, какъ о личности суровой и жестокой. Какъ живопись на портретѣ можетъ съ тѣмъ, чтобы рѣзче представить выдающіяся черты лица и преобладающее въ немъ выраженіе, выставить и тѣ, и другія въ болѣе яркомъ свѣтѣ, такъ точно можетъ въ своихъ разсказахъ сдѣлать это и авторъ историческаго романа или повѣстей. Онъ имѣетъ право ставить выводимую личность въ такое положеніе и приписывать ей въ частности такія поступки, и вести отъ имени ея такіе разговоры и высказывать такія понятія, о которыхъ хотя въ историческихъ записяхъ и ничего не упоминается, но которыя подходятъ подъ общій характеръ исторической личности. Чѣмъ болѣе все это будетъ совпадать съ историческими данными, тѣмъ болѣе выведенныя имъ личности будутъ сходны съ дѣйствительными, и это будетъ придавать роману или повѣсти настоящій историческій оттѣнокъ. Но чѣмъ болѣе будетъ въ этомъ случаѣ искаженій и неправдоподобности, тѣмъ болѣе историческій романъ будетъ походить на сказку, и произведеніе такого рода можетъ до такой степени уклониться отъ исторической правды, что въ немъ, пожалуй, не отыщется ничего дѣйствительнаго, кромѣ того, что такое-то лицо жило въ такое-то время и было, по своему государственному значенію или общественному положенію, тѣмъ-то и тѣмъ-то. За симъ все остальное будетъ только выдумка.

На такую ограниченность писательской свободы не можетъ сѣтовать ни историческій романистъ, ни историческій повѣтствователь, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ положить предѣлы ихъ разыгрывающемуся воображенію. Иначе, каждый историческій романъ, безъ соблюденія въ немъ исторической правды, обратится въ романъ современный, гдѣ авторъ можетъ пользоваться гораздо большимъ просторомъ, чтобы задумывать характеръ выводимыхъ имъ героевъ и героинь и придавать имъ произвольную обстановку, тогда какъ историческій романъ, повѣсть или разсказъ долженъ находиться непремѣнно въ болѣе или менѣе чувствительномъ подчиненіи историческимъ источникамъ.

Разсказы г. Шардина, имѣютъ—какъ мы замѣтили выше—не историческое, но собственно только анекдотическое значеніе. Они не гонятся за тѣмъ, чтобы обрисовать характеръ какого-либо извѣстнаго историческаго лица во всей, по возможности, его цѣлости и представить достаточно полную картину даннаго времени. Они не болѣе какъ отрывки, наброски, и для такихъ произведеній анекдотъ служитъ самымъ пригоднымъ опредѣленіемъ. Онъ самъ по себѣ колеблется всегда между дѣйствительностію и вымысломъ, а потому беллетристическая его отдѣлка не требуетъ строгой исторической правды. Изъ ходящихъ у насъ анекдотовъ о Петрѣ I, Екатеринѣ II и Павлѣ I можно очень легко написать рядъ анекдотическихъ, но не историческихъ разсказовъ, и это сдѣлать тѣмъ удобнѣе, если выводимыя въ этихъ разсказахъ лица будутъ являться въ видѣ добрыхъ геніевъ или благодѣтельныхъ фей. У г. Шардина Екатерина II во всѣхъ о ней разсказахъ является именно въ видѣ благодѣтельной феи. Въ одномъ случаѣ она избавляетъ молодую дѣвушку отъ тяготѣвшей надъ нею подозрительности ея отца, для чего императрица является въ маскарадъ, въ видѣ гусарскаго полковника съ накладными усами, не узнанная подозрительнымъ отцомъ дѣвушки, морочитъ его; рѣшить на сколько такой случай отзывается «историческою» дѣйствительностію трудно, но въ анекдотическомъ разсказѣ такой казусъ можно признать дѣйствительнымъ.

Въ другомъ разсказѣ, озаглавленномъ «Наказанное вельможничество», императрица Екатерина II является благодѣтельною феею извѣстной въ ту пору прехорошенькой актрисы Лизы Урановой, мать которой хочетъ продать за богатство свою дочь старому и сластолюбивому графу Безбородкѣ, тогда какъ Лиза влюблена въ молодаго и красиваго своего товарища по сценѣ, актера Сандукова. Этотъ давно, впрочемъ, извѣстный анекдотъ г. Шардинъ передаетъ пространно, въ очень складномъ, живомъ и наглядномъ разсказѣ, но при этомъ, однако, оказывается уже слишкомъ большой пересолъ. По другимъ разсказамъ, настойчивый волокита-хохолъ былъ за свои любовныя похожденія осмѣянъ по волѣ императрицы въ такой только легкой степени, въ какой это могло быть допущено господствовавшимъ уже въ то время при дворѣ приличіемъ и тонкимъ тактомъ императрицы въ обращеніи съ близкими къ ней людьми, и въ особенности съ такими выдающимися сановниками, къ числу которыхъ принадлежалъ и графъ Безбородко. Но у г. Шардина разсказываются объ этомъ невѣроятныя вещи.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить нѣкоторую неточность, допущенную у г. Шардина; онъ называетъ Безбородко еще въ царствованіе Екатерины «государственнымъ канцлеромъ», тогда какъ при ней онъ не былъ не только канцлеромъ, но даже и вице-канцлеромъ, а былъ только гофмейстеромъ, статсъ-секретаремъ и членомъ иностранной коллегіи. Точно также и Анна Петровна Лопухина въ то время, къ которому относится разсказъ о Безбородкѣ, не могла быть статсъ-дамой, такъ какъ ей въ эту пору было не болѣе тринадцати лѣтъ. Впрочемъ, эти промахи не имѣютъ существенной важности въ анекдотическомъ, а не историческомъ разсказѣ.

Подъ видомъ историческаго разсказа изъ временъ Екатерины II и подъ заглавіемъ «Царская собачка» помѣщенъ въ книгѣ г. Шардина разсказъ, содержаніе котораго по своей нелѣпости не пригоденъ даже для оперетки, не требующей ни малѣйшаго смысла.

Ознакомившись съ содержаніемъ разсказовъ г. Шардина, мы не можемъ

признать ихъ «историческими»; нельзя даже бо́льшую ихъ часть назвать и анекдотическими, потому что анекдотъ все-таки имѣетъ нѣкоторую правдоподобность съ болѣе или менѣе остроумною подкладкою. Дѣлая такой отзывъ собственно о содержаніи книги г. Шардина, мы должны прибавить, что разсказы его изложены легко и живо и что книжка эта можетъ служить развлеченіемъ для тѣхъ читателей, которые не заботятся вовсе о значеніи исторіи и о соблюденіи правдивости въ историческо-беллестрическихъ произведеніяхъ.

К. Н. В.

Филаретъ, арх. Черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы. Кн. 1-я и 2-я. Изданіе третье, съ поправками и дополненіями автора. Спб. 1884.

Издатель этого сочиненія и собственникъ прочихъ изданій и сочиненій покойнаго архіепископа черниговскаго, Филарета (Гумилевскаго), книгопродавецъ И. Л. Тузовъ, безспорно оказалъ услугу лицамъ, изучающимъ исторію русской церкви и литературы: «Обзоръ» давно сдѣлался библіографическою рѣдкостью. Дополненія и поправки къ двумъ первымъ изданіямъ самъ покойный авторъ († 1866 г.) помѣщалъ въ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1864—1865 гг. Теперь эти поправки включены въ самый текстъ, что̀ сдѣлано «подъ редакціей компетентнаго лица, и составляютъ около 290 страницъ. «Обзоръ» — книга настольная, справочная, и, какъ таковая, онъ долженъ быть исправленъ и пополненъ всѣми послѣдними результатами научныхъ розысканій. Этого-то и не сдѣлалъ редакторъ, рекомендуемый, какъ «компетентное лицо». Онъ не принялъ въ разсчетъ исправленій и дополненій, сдѣланныхъ еще при выходѣ перваго изданія «Обзора» въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1857 года, и пр. Впрочемъ, здѣсь редакторъ могъ разсчитывать и на исправленія покойнаго автора, что̀, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы провѣрить; но тѣмъ страннѣе, что онъ, «компетентное лицо», не воспользовался ни «Библіологическимъ словаремъ» Строева, изданнымъ г. А. Ѳ. Бычковымъ еще въ 1882 году, ни «Источниками русской агіографіи» Барсукова, ни даже «Исторіей русской церкви» митроп. Макарія или прекрасной «Исторіей русской словесности» Порфирьева. Если же принять въ разсчетъ массу вышедшихъ въ періодъ 1865—1883 гг. описаній, рукописей (Кіевскихъ, Ундольскаго, Троицкихъ, Григоровича, Севастьяновскихъ, Бѣляевскихъ, Волоколамскихъ, Погодина и др.), массу монографій по отдѣльнымъ историко-литературнымъ вопросамъ, труды и изданія ученыхъ обществъ и проч., то мы ясно увидимъ необходимость новой капитальной переработки труда преосвященнаго Филарета. Его библіографія, указанія рукописей и недостаточны, и устарѣли. Все это, конечно, не мѣшаетъ труду покойнаго архипастыря быть доселѣ хотя и недостаточной, но единственной справочной книгой по исторіи русской литературы, особенно важной для лицъ, начинающихъ заниматься.

И. Ш.

Петербургское дѣйство. Историческій романъ 1762 года; второе изданіе, 3 тома; графа Саліаса. Спб. 1884.

Давно уже всѣ согласились съ тѣмъ, что самый неправдоподобный романъ—дѣйствительная жизнь. Никогда прихотливая творческая фантазія не создавала такихъ невозможныхъ приключеній и комбинацій, какія встрѣчаются иногда въ исторіи не только лицъ, стоящихъ въ главѣ массъ, но и самыхъ заурядныхъ членовъ этой массы. Но исторія представляетъ намъ только внѣшнюю сторону фактовъ и событій, тогда какъ внутренняя сторона ихъ, причины и психическія побужденія, по большей части остаются неразъясненными. Сфера изслѣдованія этихъ побужденій принадлежитъ романисту—и вотъ почему историческіе романы, гдѣ общеизвѣстные факты объясняются съ ихъ внутренней психической стороны, представляютъ всегда такой живой интересъ. Графъ Саліасъ, въ настоящее время,—одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей этого рода литературы. Лучшимъ романомъ его считаются «Пугачевцы», которымъ пора бы явиться вторымъ изданіемъ, такъ какъ первое теперь уже библіографическая рѣдкость. Но мы предпочитаемъ «Петербургское дѣйство», въ которомъ, на первомъ планѣ, стоитъ исторія, тогда какъ въ «Пугачевцахъ» преобладаютъ романическія подробности. Ихъ все-таки меньше въ «Петербургскомъ дѣйствѣ», которое еще больше выиграло бы, если бы авторъ сократилъ ихъ на половину. Наряду съ такимъ капитальнымъ событіемъ, какъ заговоръ, для возведенія на престолъ Екатерины, исторія, напримѣръ, любви Василька къ Шепелеву, не представляетъ интереса и читатель съ нетерпѣніемъ пробѣгаетъ эти совершенно эпизодическія, лирическія страницы, чтобы поскорѣе перейти къ драматическому исходу заговора. Въ первой части романа не является почти ни одно изъ главныхъ лицъ событія, но онъ начатъ широкими, прекрасными сценами между главными руководителями заговора, братьями Орловыми; экспозиція интересна и ведена очень искусно: оба брата, авантюристка графиня Скавронская, ея мужъ и дѣдъ, принцъ Жоржъ, лейбъ-кампанецъ Квасовъ, солдатъ Державинъ, голштинцы Фленсбургъ и Котцау—лица типическія. Но еще полнѣе и рельефнѣе изображенъ во второй части несчастный Петръ III, человѣкъ простой, добрый, съ хорошими намѣреніями, но несомнѣнно находившійся подъ вліяніемъ психическаго афекта, приводившаго его, по временамъ, къ совершенно ненормальнымъ поступкамъ. Графъ Саліасъ приводитъ въ своемъ романѣ всѣ засвидѣтельствованныя исторіею разказы о странныхъ дѣйствіяхъ Петра III, доходившихъ до невозможныхъ фактовъ, вродѣ обозванія дурою своей жены, на парадномъ обѣдѣ, при всѣхъ присутствовавшихъ. Понятно, что такія ненормальныя отношенія между супругами не могли кончиться нормально и слабѣйшій долженъ былъ погибнуть въ борьбѣ. Къ тому же, Петръ самъ называлъ себя нѣмцемъ, въ теченіи двадцати лѣтъ, пока былъ наслѣдникомъ престола, и въ свое шестимѣсячное царствованіе оскорблялъ русское чувство на каждомъ шагу. Все это неминуемо привело къ низверженію его съ престола. Гвардія, духовенство, сенатъ, приняли сторону Екатерины для борьбы съ мужемъ, и онъ, совершенно упавъ духомъ, даже не пробуя защищаться, подписалъ отреченіе. Подробности дня 28 и 29 іюня 1762 года, бѣгство изъ Петергофа Екатерины, которую мужъ хотѣлъ заключить въ Шлиссельбургъ и постричь, присяга Екатеринѣ въ Казанскомъ со

борѣ, всѣ эти сцены очень живо и рельефно изображены въ романѣ, хотя въ нихъ недостаетъ подробностей, еще не вполнѣ разъясненныхъ исторіей, но которыя романистъ могъ бы представить на основаніи психической характеристики героевъ драмы. Екатерина у г. Саліаса очерчена вообще гораздо менѣе рельефно, чѣмъ Петръ, и остается въ тѣни,—впрочемъ, можетъ быть, по независящимъ отъ автора причинамъ.

Эпиграфомъ къ роману взяты слова Людовика XV, назвавшаго воцареніе Екатерины II сказкой изъ «Тысячи и одной ночи». Что же сказочнаго нашелъ французскій король въ этомъ «дѣйствѣ»? Развѣ воцареніе Екатерины I, Анны Ивановны, разорвавшей условія, подписанныя ею, какъ курляндскою герцогинею, Анны Леопольдовны, низвергнувшей регентство Бирона, Елисаветы, низвергнувшей Ивана Антоновича, не были такими же «петербургскими дѣйствами» какъ и низверженіе Петра III?

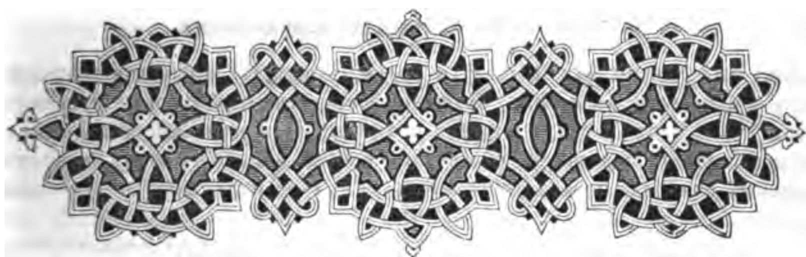
В. З.

Ростовъ-Великій. Историческое обозрѣніе А. А. Титова (съ видомъ соборной колокольни, изданіе А. А. Вахрамѣева). Москва. 1884.

Гг. Титовъ и Вахрамѣевъ продолжаютъ описывать и издавать свою родину, Ярославскую губернію. Нынѣ изданное историческое обозрѣніе Ростова-Великаго, составляетъ дополненіе къ путеводителю по этому городу, вышедшему въ прошедшемъ году, и можетъ быть полезнымъ указателемъ для лицъ, желающихъ ознакомиться съ ростовскими древними святынями. Самый городъ Ростовъ существуетъ болѣе тысячи лѣтъ, а главный его соборъ, Успенскій, въ нынѣшнемъ его видѣ, болѣе 650 лѣтъ. Этотъ соборъ деревянный, объ одной главѣ, былъ построенъ первоначально около 990 года. Нельзя не пожалѣть, что многія ростовскія древнія зданія или разрушились совершенно, или близки къ такому состоянію, или, наконецъ, въ разное время были подновлены и передѣланы неумѣлыми руками, лишившими ихъ первобытный оригинальности. Напримѣръ, митрополитомъ Іосафомъ Лазаревичъ, въ 1700 году, Успенскій соборъ былъ обезображенъ расширеніемъ и пробитіемъ новыхъ оконъ, чѣмъ былъ измѣненъ первоначальный планъ его строителя. Въ послѣдніе годы, нѣкоторые ревнители старины дали средства на возобновленіе древнихъ зданій Ростова. Такъ, 28-го октября 1883 г., состоялось открытіе и освѣщеніе бѣлой палаты, нѣчто въ родѣ московской грановитой палаты, которая находилась въ совершенныхъ развалинахъ, предназначалась къ сломкѣ и избѣгла этой участи только благодаря пожертвованію значительной суммы братьями Королевыми на возстановленіе этого памятника зодчества XVII столѣтія. Въ началѣ нынѣшняго года, крестьянинъ Ростовскаго уѣзда, Иванъ Алексѣевичъ Рулевъ, пожелалъ въ память св. Стефана Пермскаго (въ 1883 году исполнилось 500 лѣтъ со дня посвященія его въ санъ епископа пермскаго), возстановить разброшенныя развалины церкви Григорія Богослова, при которой былъ монастырь, подъ названіемъ «Затворъ», вмѣщавшій въ себѣ знаменитую библіотеку и бывшій одною изъ первыхъ русскихъ академій. Въ этомъ монастырѣ принялъ постриженіе св. Стефанъ Пермскій. Императорское Московское Археологическое общество будетъ способствовать своими указаніями, чтобы пожертвованіе И. А. Рулева

вполнѣ достигло своей цѣли, именно, чтобы упомянутый храмъ возобновился изъ нынѣшнихъ развалинъ въ прежнемъ своемъ величественномъ видѣ. По желанію И. А. Рулева, царскія врата въ этомъ храмѣ будутъ точною копіею съ вратъ XVI вѣка деревянной церкви св. Іоанна Богослова на рѣкѣ Ишнѣ, описанныхъ въ сочиненіи ле-Дюка. Въ возобновленіи этого храма, сверхъ И. А. Рулева, приняла участіе и Елисавета Дмитріевна Мальгина.

П. У.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Сочиненіе о римской имперіи. — Исторія древняго и римскаго міра. — Два германскіе императора. — Шерръ и Базенъ. — Практическое рѣшеніе рабочаго вопроса въ Голандіи. — Проектъ члена англійскаго парламента о соціальной реформѣ.— Леруа Болье о вліяніи большихъ городовъ. — Министерство Гамбеты. — Дневникъ Маріи Стюартъ. — Неизданныя письма Вильгельма Гумбольдта. — Гуссъ и Виклефъ.

Въ ПОСЛѢДНЕЕ время историческая литература обогатилась нѣсколькими замѣчательными работами, составляющими продолженіе прежнихъ или начало новыхъ произведеній. Такъ, вышелъ второй выпускъ «Исторіи римскаго императорскаго времени» (Geschichte der römischen Kaiserzeit) Германа Шиллера, заключающій въ себѣ начало преобразованія принципата въ монархію отъ Веспасіана до Траяна, развитіе монархическаго управленія отъ Адріана до Пертинакса и усиленіе самодержавія отъ Септимія Севера до Карина и Кумеріана. Авторъ этого замѣчательнаго труда не допускаетъ въ немъ никакихъ легендарныхъ и сомнительныхъ фактовъ и возстановляетъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ фигуры многихъ императоровъ. Такъ, Домиціанъ, помимо его жестокости и распутства, является правителемъ мудрымъ, хорошо устроившимъ администрацію, прочно оградившимъ границы имперіи. Онъ потому и отозвалъ Агриколу, что тотъ, въ теченіи своего семилѣтняго управленія на этихъ границахъ, заботился только о расширеніи ихъ, а не объ укрѣпленіи. Исторія II и III столѣтія во многихъ частяхъ ждетъ еще болѣе точной обработки, какъ, напримѣръ, по отношенію къ военной организаціи въ имперіи, и эта часть именно развита довольно слабо у Шиллера что не мѣшаетъ однако причислить изслѣдованіе его къ числу лучшихъ историческихъ трудовъ нашего времени.—Начало другого труда, относящагося также къ той эпохѣ: «Жизнь и нравы римлянъ въ императорское время»

(Leben und Sitten der Römer in der Kaiserzeit), принадлежащее Юл. Юнгу, заключаетъ въ себѣ изображеніе общественныхъ отношеній, семейной жизни Рима, какъ столицы имперіи; его театровъ и игръ. Это не поверхностная компиляція, но серьезно обработанное изслѣдованіе. Авторъ извѣстенъ прежнимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ «Римляне и румыны въ дунайскихъ областяхъ».

— Извѣстная «Исторія древности» (Geschichte des Altertums) Макса Дункера вышла пятымъ изданіемъ, въ пяти томахъ. При первомъ изданіи этого капитальнаго труда, изслѣдованія греческаго міра были совершенно отдѣлены отъ работъ оріенталистовъ. Вліяніе Азіи на развитіе, искусство и государственное устройство Греціи было впервые указано братьями Шлегель и Крейцеромъ, но безъ научныхъ основаній и методической послѣдовательности. Дункеръ доказалъ тѣсную связь восточныхъ идей съ эллинскими традиціями. При каждомъ новомъ изданіи своего сочиненія онъ пользовался послѣдними работами по изученію ассирійскихъ, египетскихъ и вообще восточныхъ памятниковъ. Трудъ его оканчивается эпохою перваго столкновенія Азіи съ Европою—персидскими войнами, и по отношенію къ этимъ временамъ представляетъ едва ли не самое полное, подробное и добросовѣстное изслѣдованіе.

— Вторымъ изданіемъ вышелъ «Основной очеркъ римскихъ древностей» (Grundrisz der römischen Altertümer) Корнелія Крига, съумѣвшаго въ одномъ томѣ дать ясное понятіе о положеніи Рима въ разныя эпохи: о его государственномъ устройствѣ, законахъ, юриспруденціи, религіи, военной организаціи, частномъ правѣ, литературѣ, археологіи. Все это изложено сжато, но въ ясной формѣ.

— Вильгельмъ Бернгарди написалъ исторію Конрада III (Konrad III, 1138—1152), самую полную и подробную. Матерьяловъ о времени царствованія этого императора не мало, но разобраться въ нихъ не легко и заслуга этого сочиненія состоитъ именно въ томъ, что въ немъ, съ критическимъ, вѣрнымъ тактомъ, разработаны всѣ источники и сдѣланы изъ нихъ выводы, по которымъ читатель можетъ составить себѣ ясное понятіе объ эпохѣ Конрада III, когда, послѣ столѣтней борьбы, императорская власть уступила папству верховное владычество, а имперскіе князья пріобрѣли, какъ Генрихъ-Левъ, значительную долю независимости и самостоятельности. Царствованіе Конрада и эпоха втораго крестоваго похода полны княжескими собраніями и сеймами, о которыхъ мы мало знаемъ, хотя общая картина этого времени обрисовывается въ перепискѣ Вибальда, посланіи Бернарда изъ Клерво и хроникѣ Оттона Фрейзингенскаго. Авторъ мастерски характеризуетъ всѣ эти источники, избавляя отъ знакомства съ подлинниками.

— Болѣе ближайшую эпоху XIV вѣка и внѣшнюю исторію другого императора, Карла IV, представляетъ Адольфъ Готлобъ въ сочиненіи «Частныя и политическія отношенія Карла IV къ Франціи» (Karls IV private und politische Beziehungen zu Frankreich. Отношенія эти имѣли дѣйствительно въ то время важное значеніе и были главнымъ событіемъ въ жизни императора. Болѣе подробную біографію его написалъ Верунскій, но Готлобъ и въ этой книгѣ представилъ любопытную картину развитія династій габсбургской, виттельсбахской и люксенбургской.

— Бывшій маршалъ Базенъ напечаталъ еще въ прошломъ году въ Мадридѣ—потому что во Франціи не позволили ни напечатать ее, ни продавать—книгу «Эпизоды войны 1870 и блокада Меца» (Episodes de la guerre de 1870

et le blocus de Metz). Цѣль автора—снять съ себя обвиненія въ измѣнѣ, повлекшія за собой его заключеніе въ тюрьмѣ. Теперь извѣстный профессоръ литературы Шерръ издалъ отдѣльной брошюрой, напечатанный сначала въ «Gegenwart», отчетъ объ этой книгѣ. Шерръ доводитъ свои насмѣшки и порицанія даже до крайности какъ по содержанію, такъ и по формѣ, но въ настоящемъ случаѣ становится на сторону Базена. «Прочтя книгу экс-маршала, говоритъ онъ, я съ полнымъ убѣжденіемъ говорю: Базенъ не былъ измѣнникомъ онъ только далеко не стоялъ на высотѣ своей задачи; не былъ даже счастливымъ полководцемъ, хотя понималъ военное дѣло лучше своихъ товарищей: Канробера, Мак-Магона и Лебефа, и, въ концѣ концовъ, долженъ былъ сдѣлаться козломъ отпущенія за промахи, мерзости и злоупотребленія другихъ. Національная гордость французовъ, страшно потрясенная и оскорбленная событіями франко-прусской войны, естественно должна была подыскать этимъ событіямъ такое объясненіе, которое умѣрило бы оскорбительный характеръ она и подыскала измѣну Базена въ Мецѣ». Принесеніе въ жертву маршала Шерръ приписываетъ еще двумъ обстоятельствамъ: ненависти республиканской партіи, видѣвшей въ немъ одного изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ наполеонскаго правленія и желавшей въ его лицѣ заклеймить позоромъ императора и имперію; во-вторыхъ, проискамъ партіи орлеанистской, представители которой видѣли въ базеновскомъ процессѣ прекрасный случай—выставить орлеанизмъ въ болѣе рельефномъ видѣ. Такимъ, какимъ онъ былъ, Базенъ не могъ сдѣлать въ 1870 г. больше того, что сдѣлалъ. Онъ не нашелъ возможности прорваться сквозь желѣзное и огненное кольцо, которымъ нѣмцы окружили Мецъ. Въ этомъ заключалось его несчастіе. Но несчастіе ему вмѣнили въ преступленіе, влекущее за собою смертную казнь, въ то самое время, когда маршалъ Мак-Магонъ, принесшій гораздо меньше пользы и сдѣлавшій гораздо больше промаховъ, былъ поставленъ въ главѣ правленія и могъ доставить себѣ злорадное удовольствіе—помиловать своего бывшаго товарища замѣною смертной казни пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

— Вольное мѣсто въ жизни современнаго европейскаго общества—рабочій вопросъ—въ Голандіи пробуютъ разрѣшить съ практической стороны и совершенно съ другими взглядами, чѣмъ въ великихъ державахъ. Любопытный образчикъ такой попытки, вполнѣ удачной, виденъ въ устройствѣ быта рабочихъ на фабрикѣ солода и спирта, принадлежащей акціонерному обществу «Nederlandsche gist en spiritus fabrick», расположенной въ городѣ Дельфтѣ, въ нѣсколькихъ часахъ отъ Гаги. Съ этимъ устройствомъ насъ знакомитъ изданная на французскомъ языкѣ книга директора фабрики Ван-Маркена, подъ заглавіемъ: «La question ouvrière à la fabrique neerlandaise de levure et d'alcool. Essai de solution pratique». Съ самаго основанія фабрики (въ 1869 г.) ея директоръ задался идеей способствовать развитію дѣла и увеличенію барышей общества нѣсколько иными средствами, чѣмъ тѣ, которыя, вообще, употребляются для этой цѣли. Маркенъ поставилъ своей задачей заботу объ участи всѣхъ служащихъ на фабрикѣ, видя въ такомъ отношеніи къ дѣлу единственный способъ соглашенія интересовъ предпринимателей съ интересами рабочихъ, или, какъ онъ говоритъ: «единенія капитала, предпріимчивости и труда». Первое время дѣла фабрики шли плохо и затраченный капиталъ не давалъ никакого дивиденда. Ван-Маркенъ признаетъ, что въ это время противники его теоріи сильно подсмѣивались

надъ нимъ. Онъ, однако, не отступилъ отъ своихъ вѣрованій, а продолжалъ утверждать, что только слѣпымъ позволительно не видѣть, насколько развитіе матеріальнаго благосостоянія и нравственности лицъ, приносящихъ свой трудъ на извѣстное дѣло, содѣйствуетъ поднятію ихъ производительныхъ силъ и насколько, слѣдовательно, выигрываетъ отъ того самое дѣло, а затѣмъ и интересы предпринимателя. Послѣдствія оправдали теорію Маркена: послѣ четырехъ лѣтъ неудачи, дѣла фабрики начали постепенно улучшаться. Съ 1874 г. акціонеры начинаютъ уже получать по 6% на затраченный капиталъ; въ 1877 г. прибыль достигла уже 13% и можно было разсчитывать, что эта цифра возростетъ еще въ будущемъ году, но пожаръ истребилъ часть фабричныхъ зданій и пришлось пріостановить работы на 5 мѣсяцевъ, вслѣдствіе чего дивидендъ понизился до 6 проц. Однако, бѣда была исправлена, и въ 1879 г. прибыли поднялись до 24%, а въ 1880 достигли 36%. Въ этотъ періодъ времени, между тѣмъ, дѣлались капитальныя затраты на расширеніе круга фабричной дѣятельности и сооруженіе новыхъ построекъ.

Въ 1880 г. выдано 19.000 флориновъ (флоринъ — 2 фр. 10 с., т. е. около нашего бумажнаго рубля), премій рабочимъ и 7,000 флориновъ отчислено въ ихъ пенсіонную кассу. Въ настоящее время дѣла фабрики развиваются съ каждымъ днемъ. При фабричномъ управленіи организовано особое отдѣленіе, завѣдующее всѣми учрежденіями, вѣдающими личный интересъ рабочихъ фабрики. Эти учрежденія имѣютъ цѣлью согласованіе интересовъ предпринимателей съ выгодами рабочихъ и служащихъ на фабрикѣ и увеличеніе заработка и содержанія, въ зависимости отъ развитія самого предпріятія. Это увеличеніе происходитъ отъ премій, выдаваемыхъ соразмѣрно съ количествомъ продуктовъ, извлеченныхъ изъ сырыхъ матеріаловъ; отъ вознагражденій за излишнее количество работы, произведенной нормальнымъ количествомъ рабочихъ, и отъ участія рабочихъ въ прибыляхъ фабрики, для чего изъ общей цифры прибыли, превышающей 5 проц., отчисляется 10 проц. въ распоряженіе директора на предметъ улучшенія быта рабочихъ. Сверхъ того, на фабрикѣ существуютъ учрежденія, имѣющія цѣлью обезпеченіе участи рабочихъ и семействъ въ случаяхъ болѣзни, старости, увѣчья и смерти. Наконецъ, существуетъ учрежденіе, поставившее своей задачей сближеніе рабочихъ и служащихъ между собою и съ директоромъ фабрики, а равно предоставленіе имъ и ихъ семействамъ извѣстныхъ удовольствій и развлеченій, а также и средствъ къ развитію и образованію, хотя Ван-Маркень сознается, что онъ даже между сосѣдями не нашелъ подражателей своему истинно филантропическому дѣлу.

— Чтобы развить въ полной силѣ учрежденія въ родѣ голандской фабрики, нужно, конечно, имѣть значительныя средства, и въ этомъ отношеніи примѣръ могли бы подать англійскіе лорды. Но вотъ что говоритъ объ нихъ Самюэль Смитъ, членъ парламента, въ своей брошюрѣ «Соціальная реформа» (Social Reform) произведшей сильное впечатлѣніе. «Наши богатые классы слишкомъ склонны думать, что мы живемъ въ лучшемъ изъ міровъ и что Англія—счастливѣйшая изъ всѣхъ странъ. Я позволяю себѣ усомниться въ основательности этого мнѣнія. Англія, быть можетъ, представляется раемъ для богатаго, но никакъ не для бѣдняка. Это страна такихъ вопіющихъ контрастовъ, какіе можно было встрѣтить развѣ только въ Римѣ, въ період императоровъ; только тамъ встрѣчалось такое накопленіе богатства въ рукахъ частнаго человѣка, такія мрачныя бездны человѣческаго униженія и нищеты, какія можно встрѣтить въ столицахъ и во всѣхъ нашихъ боль-

шихъ городахъ. На земномъ шарѣ нѣтъ другой страны, въ которой неравенство въ распредѣленіи богатствъ достигло ды такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ въ Великобританія. Двѣ трети англійской почвы принадлежитъ 10 тысячамъ собственниковъ, и владѣнія каждаго изъ нихъ въ среднемъ размѣрѣ равняются 1,300 гектарамъ (1,190 дес.), не считая пустырей и не приносящихъ дохода земель.

Во владѣніи однихъ пэровъ находится 6,240,000 гектаровъ (5,709,000 дес.), такъ что на каждаго среднимъ числомъ приходится 12,000 гект. (10,980 дес.), соотвѣтствующихъ годовому доходу въ 25,000 ф. ст. Но и эти колоссальныя цифры еще далеки отъ крайнихъ границъ, которыхъ достигаетъ въ Англіи развитіе крупной собственности. Одинъ герцогъ нортумберлендскій владѣетъ 72,000 гект., одни его владѣнія на 12,000 гектар. превышаютъ общую сумму поземельной собственности, принадлежащей 850,000 мелкихъ землевладѣльцевъ, представляющихъ три четверти всего класса собственниковъ. Въ промышленномъ мірѣ накопленіе богатства въ частныхъ рукахъ достигаетъ еще болѣе поразительныхъ размѣровъ и экономическая пропасть, отдѣляющая какого нибудь владѣльца угольныхъ копей отъ его рабочихъ, еще глубже. Не даромъ Гладстонъ долженъ былъ сознаться, что «англичане исповѣдуютъ религію неравенства». Въ любомъ изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ Англіи найдется громадный кварталъ съ сплошнымъ, густымъ населеніемъ, живущимъ въ самой крайней нуждѣ, въ самыхъ ужасныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Въ Ливерпулѣ насчитывается до 2,500 «дворовъ» (courts) съ населеніемъ въ 150,000 чел.; это буквально трущобы, въ которыхъ трудятся и прозябаютъ полуголодные люди; смертность здѣсь, разумѣется, чрезвычайно высока, и подобныя условія, по словамъ автора, повторяются въ каждомъ большомъ городѣ Великобританіи. А между тѣмъ государственная и общественная помощь практикуется въ довольно широкихъ размѣрахъ. Въ Великобританіи 900,000 бѣдняковъ получаетъ правительственное пособіе изъ государственныхъ суммъ, да кромѣ того въ Ирландіи число лицъ, пользующихся въ большей или меньшей степени помощью со стороны государства, доходитъ приблизительно до 500,000; а кто считалъ тѣ легіоны бѣдняковъ, которые безъ всякой помощи изо дня въ день борятся съ нуждою и кое-какъ успѣваютъ прокормиться собственною работою? Въ этой средѣ, въ растлѣвающей атмосферѣ, убійственной какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, среди порожденнаго нищетою порока, растутъ и развиваются сотни тысячъ дѣтей, которыя, въ силу наслѣдственности и, въ особенности, въ силу ужаснаго воспитательнаго вліянія обстановки, обречены, въ свою очередь, влачить впослѣдствіи такое же жалкое существованіе, если избѣгнутъ смерти въ раннемъ дѣтствѣ, или наполнять тюрьмы и публичные дома. На судьбу этихъ дѣтей авторъ и обращаетъ спеціальное вниманіе, ихъ касается та соціальная реформа, которую онъ считаетъ необходимымъ ввести въ Англіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ для того, чтобы оградить хоть дѣтей отъ ужасныхъ условій, встрѣчающихъ ихъ у самой колыбели. Смитъ предлагаетъ закрыть въ городахъ всѣ пріюты какъ благотворительные, такъ и исправительные, и переселять дѣтей въ колоніи, въ Австралію, Канаду и пр. Эта мѣра практикуется и теперь, хотя въ небольшихъ размѣрахъ, и не въ отдаленныя страны. Такъ, Эдинбургъ закрылъ свой филантропическій институтъ и разсылаетъ дѣтей на воспитаніе по деревнямъ. Изъ Нью-Іорка, въ послѣдніе десять лѣтъ, вывезено и поселено на западѣ Америки 51,000 дѣтей, и результаты этого переселенія оказываются благопріятными. Даже изъ самой Англіи въ послѣднее время вывезено въ Канаду 10,000 дѣтей. Но эти

переселенія врядъ ли достигнутъ цѣли, предположенной Смитомъ, и могутъ повести еще къ бо́льшимъ злоупотребленіямъ.

— Извѣстный экономистъ и публицистъ Леруа-Болье издалъ любопытную брошюру: О вліяніи увеличенія Парижа на движеніе народонаселенія во Франціи. (De l'influence de l'accroissement de la Ville de Paris sur le mouvement de la population en France). Статистическими данными онъ доказываетъ, что Парижъ быстро развивается на счетъ всей Франціи и что этотъ быстрый ростъ столицы имѣетъ гибельное вліяніе на всю страну въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Дѣйствительно, населеніе Парижа увеличивается громадно, а населеніе всей страны почти остается неизмѣннымъ. Въ сорокъ лѣтъ, отъ 1841 по 1881 г., населеніе Парижа дошло отъ 935,200 до 2.225,000 чел., тогда какъ населеніе всей Франціи отъ 34.280,178 до 37.672,048 чел. Если мы оглянемся еще далѣе назадъ, то увидимъ, что въ 1800 г. Парижъ равнялся по населенію 2% всей страны, а теперь это отношеніе доходитъ до 6%. Если же прибавить къ Парижу его ближайшія окрестности, входящія въ составъ департамента Сены, то населеніе этой маленькой територіи будетъ заключать въ себѣ 7½% населенія всей Франціи. Этотъ непропорціональный ростъ столицы, по словамъ Леруа-Болье, составляетъ одну изъ причинъ застоя народонаселенія во всей странѣ. Въ Парижѣ, какъ доказываютъ цифры, приводимыя офиціальнымъ статистикомъ Парижа, докторомъ Бертильономъ, въ «Annuaire de la Ville de Paris», женятся и рождаются менѣе, а умираютъ болѣе, чѣмъ въ остальной Франціи. «Такимъ образомъ, еслибъ населеніе Парижа было разсѣяно по всей странѣ, то общее населеніе Франціи увеличивалось бы ежегодно на 40,000, которыхъ теперь пожираетъ парижскій Минотавръ». Всѣ эти любопытные выводы приводятъ ученаго экономиста къ тому мнѣнію, что далеко не желательны искусственныя правительственныя мѣры, способствующія агломераціи столичнаго населенія, которое ростетъ только на счетъ національной силы всей страны.

— Жозефъ Рейнахъ издалъ любопытную книгу «Министерство Гамбеты, его исторія и доктрина» (Le ministère Gambetta, histoire et doctrine), Это министерство, существовавшее всего 74 дня (отъ 14-го ноября 1881 года по 26-е января 1882), принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ современной политики. Рейнахъ принадлежитъ къ числу самыхъ преданныхъ поклонниковъ безвременноумершаго политическаго дѣятеля и передаетъ шагъ за шагомъ, въ своей книгѣ, исторію его управленія въ званіи перваго министра. Когда «гласъ народа» призвалъ его къ этому управленію, всѣ ожидали, что онъ составитъ министерство изъ лучшихъ людей Франціи, но оказалось, что эти лучшіе люди завидовали Гамбетѣ и не хотѣли помогать ему, а одинъ онъ не могъ управлять всѣмъ. Даже бывшіе министры, люди болѣе опытные и способные, не захотѣли принять отъ него портфели. Ни Ферри, ни Фрейсинэ, ни Леонъ Сэ не согласились забыть свои старые счеты и новыя неудовольствія. Пришлось сформировать кабинетъ изъ людей малоизвѣстныхъ. При первыхъ же попыткахъ ввести твердую организацію, поднялись давно знакомые крики о диктатурѣ, о самовластіи. Все, что было мелкаго, посредственнаго, поднялось противъ великаго гражданина и патріота, перетолковывало всѣ его намѣренія, тормозило каждый шагъ его, клеветало, шипѣло, сплетничало, подкапывалось подъ каждую мѣру. Гамбета говорилъ большинству палаты: «Недостаточно быть представителями главенства народа надо быть дѣйствительными главами его на пути прогресса, надо дѣйство-

вать единодушно, слѣдовать одному плану, одной системѣ, идти къ одной цѣли». Могло ли принять эту программу большинство, составленное изъ мелочныхъ самолюбій, ничтожныхъ посредственностей? Непримиримые республиканцы готовы были скорѣе погубить республику, чѣмъ подчиниться авторитету ея лучшаго гражданина. И только низвергнувъ его, они поняли, что̀ потеряли въ немъ, и теперь возвращаются къ тому же, что онъ совѣтовалъ имъ, принимають мѣры и законы, которые отвергали при жизни его. Примѣръ Гамбеты полезный урокъ правителямъ. Кто превосходитъ своими дарованіями толпу, тотъ всегда подозрителенъ ей. Она не любитъ смѣлыхъ реформъ, рѣшительныхъ мѣръ. Ей по плечу посредственность и умѣренность. Министерство Гамбеты продержалось два мѣсяца съ небольшимъ. Министерство Жюля Ферри давно вступило во второй годъ своего существованія.

— О Маріи Стюартъ изданы цѣлые томы изслѣдованій. Послѣднимъ появилось сочиненіе Бернгарда Сеппа, автора «Переселеній кимвровъ и тевтоновъ» и «Гипотезъ о происхожденіи баварцевъ». Сочиненіе носитъ названіе «Дневникъ несчастной шотландской королевы Маріи Стюартъ въ продолженіи ея пребыванія въ Гласгоу, отъ 23—27 января 1567 г.» (Tagebuch der unglücklichen Schottenkönigin Maria Stuart während ihres Aufenthaltes zu Glasgow wom 23—27 Januar 1567). Съ первыхъ же строкъ предисловія, авторъ сообщаетъ, что онъ издаетъ вовсе не дневникъ королевы, а ея письма, напечанныя уже почти триста лѣтъ тому назадъ на четырехъ языкахъ: шотландскомъ, латинскомъ, французскомъ и англійскомъ. Для чего же было давать нѣмецкому переводу писемъ названіе, вводящее въ заблужденіе читателя—Сеппъ не объясняетъ. Онъ приводитъ только мнѣнія Фроуда, Минье, Бёртона, Госсака, Гёдеке и другихъ историковъ, не благопріятныя для королевы, и опровергаетъ ихъ, доказывая, что она не была ни убійцей, ни отравительницею, не нарушала обѣтовъ, не вела двусмысленный образъ жизни, а что ей отрубили голову единственно за то, что она была ревностной католичкой, любила танцы, музыку и поэзію и мѣшала Елизаветѣ присоединить Шотландію къ Англіи. Обвиненія Маріи основывались отчасти на письмахъ къ Ботвелю, найденныхъ въ ея шкатулкѣ. Нѣкоторые историки опровергаютъ подлинность этихъ писемъ, или, по крайней мѣрѣ, многія мѣста ихъ, можетъ быть вставленныя или намѣренно искаженныя врагами королевы. Таковы изслѣдованія Лобанова и Петрика, вышедшія въ Петербургѣ, и г. Бреслау 1882 года. Сеппъ переводитъ эти письма, приводитъ ихъ на англійскомъ, шотландскомъ и французскомъ языкѣ, поясняетъ, коментируетъ, сравниваетъ съ другими документами и приходитъ къ заключенію, что Марія не участвовала въ заговорѣ на жизнь своего мужа Дарнлея, что похищеніе ея Ботвелемъ вовсе не было заранѣе придуманной комедіей и что вообще королева была жертвою давно подготовленной интриги. Въ чрезвычайномъ стараніи автора совершенно обѣлить Марію Стюартъ и снять всѣ обвиненія съ ея памяти не было бы ничего удивительнаго, еслибы его убѣжденіе основывалось па историческихъ данныхъ, хотя бы и спорныхъ. Но во второй части своего сочиненія, Сеппъ, возражая своимъ критикамъ, не признающимъ непорочности королевы, обнаруживаетъ настоящую причину своего заступничества за нее. «Мы, католики, говоритъ онъ, не можемъ быть благодарны протестантамъ за безкорыстное отношеніе къ намъ». Сужденія о Маріи Раумера, Ранке, Беккера, Опитца и другихъ историковъ пристрастны, потому что они протестанты. Поэтому же—католикъ Тилли вовсе не былъ жестокъ и не виноватъ въ сожженіи Магдебурга, тогда какъ протестантъ

Густавъ Адольфъ, котораго выдаютъ за героя, защитника вѣры и справедливости, не болѣе, какъ честолюбивый завоеватель. Съ такими клерикальными взглядами все изслѣдованіе Сеппа становится очень подозрительно и рыцарскій защитникъ Маріи Стюартъ, самъ обнаружившій свои односторонніе взгляды, является не болѣе какъ бойцомъ за явно ложныя тенденціи, pro domo sua или, что еще предосудительнѣе, клеветникомъ на великое религіозное движеніе XVI вѣка, ad majorem Dei gloriam. Онъ даже рѣшается утверждать, что причиною реформаціи былъ вовсе не католицизмъ.

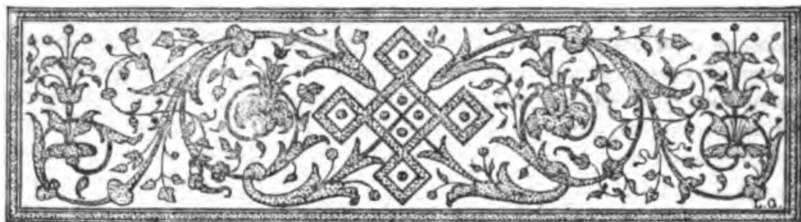
— Въ 1854 году умеръ гофмаршалъ ольденбургскаго двора, Карлъ Ренненкампфъ, жившій нѣсколько времени и въ Россіи, гдѣ у него были родственныя связи. Онъ былъ близокъ къ семейству Гумбольдта и другихъ германскихъ ученыхъ. Въ бумагахъ его, оставленныхъ дочери, она отыскала нѣсколько писемъ Вильгельма Гумбольдта и передала ихъ Теодору Дистелю, который теперь издалъ ихъ подъ названіемъ «Изъ послѣднихъ дней жизни Вильгельма Гумбольдта» (Aus Wilhelm von Humboldts letzten Lebensjahren). Всѣхъ писемъ десять, первое, 1812 года, адресовано въ Петербургъ изъ Вѣны, послѣднее, 1833 года, за годъ до смерти Гумбольдта, писано изъ Нордернея. Никакихъ особенныхъ подробностей къ біографіи ученаго письма эти не прибавляютъ; въ нихъ видна только заботливость его о собираніи разнаго рода полезныхъ для него научныхъ свѣдѣній. Такъ, онъ проситъ Ренненкампфа разузнать, не найдетъ ли онъ въ Петербургѣ, въ академіи или въ частныхъ библіотекахъ, какихъ нибудь восточныхъ рукописей на семитическихъ языкахъ, на индійскомъ, китайскомъ, въ особенности на татарскомъ. Въ такомъ случаѣ онъ проситъ «только какъ можно точнѣе» списать названія этихъ сочиненій. Въ другихъ письмахъ говорится о нѣкоторыхъ литературныхъ явленіяхъ того времени, но не высказывается никакихъ замѣчательныхъ сужденій. Только по поводу книги Фалька «Гёте, изображенный на основаніи близкаго и личнаго знакомства съ нимъ», Гумбольдтъ замѣчаетъ, что, сколько онъ зналъ Гёте, великій писатель не могъ вести такихъ длинныхъ бесѣдъ, какія приводитъ Фалькъ, передавшій, впрочемъ, очень вѣрно тонъ и сущность разговоровъ Гёте. Письмамъ этимъ предпосланъ разсказъ о послѣднихъ дняхъ ученаго. Вообще изданіе, не прибавляя ничего къ характеристикѣ Гумбольдта, доказываетъ, что нѣмцы умѣютъ дорожить памятью своихъ выдающихся дѣятелей, сохраняя для потомства даже незначительныя черты ихъ біографій и ихъ произведеній. Къ книгѣ приложенъ портретъ жены Гумбольдта.

— Іоганъ Лозертъ написалъ изслѣдованіе о «Гусѣ и Виклефѣ и объ основахъ гуситскаго ученія» (Hus und Wiclif. Zur Genesis der husitischen Lehre). Главная цѣль этой книги — изслѣдовать отношеніе Гуса къ ученію и сочиненіямъ Виклефа. Лозертъ доказываетъ, что реформа Гуса была подготовлена еще при Карлѣ IV. Августинскій монахъ Конрадъ, умершій въ 1369 году, возбудилъ своими проповѣдями, не дошедшими до насъ, преслѣдованія ордена нищенствующихъ монаховъ. Еще сильнѣе было вліяніе Милича изъ Кремсира, утверждавшаго въ 1365 году, что наступили времена апокалипсическихъ пророчествъ, призывавшаго всѣхъ къ покаянію и не щадившаго въ своихъ рѣчахъ даже императора. Преслѣдуемый также монахами, онъ отправился въ Авиньонъ, чтобы оправдаться передъ папою, но умеръ, не дождавшись рѣшенія. Изъ другихъ предшественниковъ Гуса важнѣйшіе: Ѳома Штитный, Матвѣй изъ Янова, Іоанъ Стекно. Вопросъ о ежедневномъ причащеніи волновалъ Чехію за-долго до Гуса, и пражскій синодъ 1389 года

возставалъ противъ этого ученія. Преслѣдованіе ереси Виклефа началось въ 1403 году. Авторъ доказываетъ, что Гусъ главныя положенія своего ученія заимствовалъ у Виклефа и многія изложилъ не такъ ясно, безо всякаго указанія на источники заимствованія. Всѣ 42 пункта обвиненія, возведеннаго Констанскимъ соборомъ на Гуса, относятся прямо и къ Виклефу, подвергнувшемуся еще прежде осужденію. Немудрено, что соборъ стоялъ на своемъ, и когда Гусъ не хотѣлъ отречься отъ своихъ убѣжденій, сжегъ сначала его сочиненія, а потомъ и его самого.

— Недавній 300-лѣтній юбилей смерти польскаго поэта Яна Кохановскаго вызвалъ въ польской литературѣ, какъ и прошлогодній юбилей Собесскаго, появленіе нѣсколькихъ книжекъ à propos. Этого тѣмъ болѣе слѣдовало ожидать, что Кохановскій (Янъ изъ Чернолѣсья) считается первымъ народнымъ польскимъ поэтомъ и даже отцомъ польской поэзіи. Литературная дѣятельность Кохановскаго относится къ XVI вѣку, къ эпохѣ Сигизмунда-Августа. Не увлекаясь господствовавшею тогда латынью, Янъ Кохановскій въ своихъ стихотвореніяхъ выработалъ литературный польскій слогъ, съ прибавкою русинскаго элемента къ польскому языку: самъ Кохановскій былъ по происхожденію русинъ изъ Сандомирской области. Мицкевичъ въ своихъ лекціяхъ ставитъ Кохановскаго очень высоко, не только за литературныя заслуги, но и за патріотизмъ. Юбилей праздновался съ особымъ торжествомъ въ Краковѣ, гдѣ собирался по этому случаю и второй польскій историко-литературный съѣздъ, (первый былъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ честь историка Длугоша). Въ Краковѣ же появлялась и юбилейная литература о Кохановскомъ. Упомянемъ для примѣра о книжкѣ стихотворенія Obrazki z z'ycia Iana Kochanowskiego—той же писательницы, которая подъ именемъ «Подолянки», выпустила въ свѣтъ въ прошломъ году «Piésni o Sobieskim». Новѣйшее произведеніе польской поэтессы содержитъ въ себѣ четыре пѣсни, изображающія молодость поэта, жизнь его въ Чернолѣсьѣ, чувства его къ краю, домашнія добродѣтели, любовь къ друзьямъ и т. п.

— Въ Краковѣ же впервые нынѣ явилось Собраніе сочиненій Нѣмцевича (пока вышелъ только первый томъ), въ составѣ дешевой библіотеки польскихъ классиковъ. Цѣлые сорокъ лѣтъ, по словамъ краковской «Реформы», никто не предпринималъ собранія сочиненій знаменитаго польскаго патріота и писателя. Выходили только отдѣльными изданіями его историческія повѣсти, сборникъ стихотвореній «Spiewy historyczne», и т. п. Въ вышедшемъ первомъ томѣ содержатся поэтическія произведенія Нѣмцевича, а именно: оригинальныя и переводныя поэмы и мелкія стихотворенія. Извѣстно, что Нѣмцевичъ обогатилъ польскую литературу переводами знаменитыхъ англійскихъ и французскихъ писателей: Байрона, Драйдена, Мильтона, Попо, Вольтера. Въ слѣдующихъ четырехъ томахъ будутъ помѣщены драматическія произведенія, повѣсти и поэзія Нѣмцевича. Для польской политической исторіи за недавнее прошлое время Юліанъ Урсинъ Нѣмцевичъ имѣетъ значеніе еще своею политико-гражданскою дѣятельностью. Такъ, онъ принималъ участіе въ переговорахъ и поискахъ помощи польскаго временнаго правительства у западныхъ державъ въ 1831 году. До самой смерти (въ 1841 г.) Нѣмцевичъ былъ президентомъ польскаго историческаго отдѣла въ Парижѣ, и послѣ него на эту должность избранъ Мицкевичъ. Всякаго рода матеріалы, относящіеся къ этой сторонѣ дѣятельности Нѣмцевича, представили бы не мало интереса, если бы вошли въ собраніе его сочиненій.



СМѢСЬ.

Памятникъ Александру II. 15-го мая въ Нижнеисетскомъ заводѣ, Пермской губерніи, состоялось освященіе памятника императору Александру II. Памятникъ сооруженъ на средства нижнеисетскаго общества и представляетъ 2-хъ-саженную, сѣрую мраморную, 4-хъ-гранную колонну; на верху бронзированный бюстъ покойнаго императора (произведеніе Луганскаго завода). На одной сторонѣ, сверху, золоченый вѣнокъ, а подъ нимъ подпись: «Царю-Освободителю императору Александру II-му». На другой—«8-го марта 1882 г., служащими, рабочими и обывателями Нижнеисетскаго завода». Въ вѣнкѣ «8-ое марта 1861 г.» (день освобожденія заводскаго населенія объ обязательнаго труда.

Собраніе славянскаго общества. Въ день памяти первоучителей славянства св. Кирилла и Меѳодія, въ залѣ городской думы, состоялось торжественное собраніе петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. Профессоръ О. Ѳ. Миллеръ прочиталъ статью «о Людевитѣ Штурѣ», принадлежащую кандидату Петербургскаго университета, подписавшемуся псевдонимомъ Янко-Краля. Коснувшись несостоятельности существующихъ теорій славянскаго объединенія, каковы: теоріи образованія федеративнаго союза славянскихъ государствъ съ Польшею въ главѣ, австро-славянской монархіи и теоріи Палацкаго, авторъ статьи останавливается на ученіи словака Людевита Штура, который, въ 1856 году, въ своемъ сочиненіи «Славянство и міръ будущаго», очертилъ ту задачу, къ которой должны стремиться славянскія народности. Рано или поздно, по мнѣнію Штура, славянскіе народы должны объединиться въ братскій союзъ, о чемъ многіе уже старались, но безуспѣшно. Отличительную черту славянскаго духа онъ видитъ въ любви къ семьѣ, изъ которой развилась и славянская община, породившая: вѣче, сеймы и т. п. Прослѣдивъ тотъ путь, которымъ шелъ Западъ, Штуръ замѣчаетъ, что онъ привелъ его къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Поэтому славянамъ напрасно искать помощи на Западѣ, а нужно обратить взоры на Востокъ и тамъ искать источниковъ для своего объединенія. Объединеніе славянъ, по мнѣнію Штура, возможно только путемъ соединенія всѣхъ славянскихъ народовъ съ Россіею.

Только русская сила можетъ возсоздать изъ нихъ одно цѣлое. Въ обще-славянскомъ государствѣ должны быть общая греко-славянская церковь и общій литературный языкъ, какимъ можетъ быть, какъ болѣе богатый, только русскій. Послѣ этой статьи г. Миллеръ обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой между прочимъ высказалъ слѣдующее: «Когда преждевременно угасъ Штуръ, не прошло еще и года послѣ воцаренія государя, которому при его рожденіи его будущій воспитатель пожелалъ быть «человѣкомъ на тронѣ». Этого воспитателя-человѣка, чью память мы отпраздновали въ прошломъ году, недавно обозвали у насъ «добродушнымъ поэтомъ-мечтателелемъ». Вспомнивъ тогдашнее пожеланье «добродушнаго поэта-мечтателя» наслѣднику престола «быть на тронѣ человѣкомъ», ежедневный органъ Москвы счелъ нужнымъ замѣтить, что это «слово трогательное, но мало сказавшее». Нѣтъ, отвѣтимъ мы за Жуковскаго и за чествовавшую его Россію, нѣтъ, отвѣтимъ мы и за весь славянскій міръ, для котораго, по замѣчанію Штура, все именно и заключается въ словѣ «человѣкъ», какъ понимаетъ его христіанство; нѣтъ, этимъ словомъ все сказано. Сколько бы ни мѣшали съ разныхъ концовъ великому освободительному подвигу царственнаго питомца Жуковскаго, при его исполненной горькихъ разочарованій жизни, сколько бы ни кидали камней въ этотъ его освободительный подвигъ, послѣ его страдальческой смерти, различные мнимые и сознательно-фальшивые охранители-патріоты — этотъ подвигъ изъ года въ годъ будетъ становиться въ сужденіи потомства свѣтлѣе и краше. Историческая анафема, не смотря ни на что, останется вѣчнымъ удѣломъ не только виновниковъ преступленія 1-го марта, но и тѣхъ малодушныхъ, которые возмущаютъ безумнымъ укоромъ страдальческую тѣнь того, кому пророчески писалъ однажды Жуковскій, что отъ насъ зависятъ наши дѣла, но не отъ насъ зависитъ ихъ участь. Нѣтъ, не съ лукаво-затаенной насмѣшкой должны мы поминать «добродушіе поэта-мечтателя» и его будто бы мало сказавшее слово о томъ, что значитъ быть человѣкомъ на тронѣ, а всею силою души желать побольше такихъ поэтовъ-мечтателей у ступеней трона. Славянское общество въ настоящее время на недавнее радостное торжество земли Русской всего лучше отзовется простымъ повтореніемъ передъ наслѣдникомъ трогательныхъ и многосказавшихъ его великому дѣду пожеланій Жуковскаго:

«Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
«Да славнаго участникъ славный будетъ!
«Да на чредѣ высокой не забудетъ
«Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
«Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
«Для блага всѣхъ — свое позабывать,
«Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
«Съ смиреніемъ дѣла свои читать, —
«Вотъ правила царей великихъ внуку.

Кириллъ и Меѳодій у католиковъ. Приводимъ изъ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» свѣдѣніе о томъ, какъ имена св. Кирилла и Меѳодія эксплуатируютъ въ свою пользу польскіе католики. И чрезъ пилигримовъ, и путемъ контрабанды въ нашъ край проникаетъ изъ-заграницы множество печатныхъ изданій, направленныхъ противъ Россіи и православной церкви. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ изображеніе равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, краковскихъ литографій. Само по себѣ изображеніе святыхъ безукоризненно, во многомъ выдержанъ византійскій типъ иконописи, хотя съ оттѣнкомъ, чуждымъ этой живописи. Святительскія одежды хотя и восточнаго покроя, но съужены и укорочены. Выше изображенія четвероконечный крестъ, отчетливо напечатанный, а надъ нимъ надпись на польскомъ языкѣ «Избави народъ твой и благослови насъ». Подъ изображеніемъ находится слѣдующая надпись, также по-польски: «Польскій памятникъ тысячелѣтія посвященія

въ ксендзы (na kapłaństwo) св. Кирилла и Меѳодія, первыхъ славянскихъ апостоловъ». На оборотѣ изображенія, по обычаю католиковъ, молитва, замѣчательная тѣмъ, что въ ней не забыты и враги Польши. Въ этой молитвѣ говорится: «Боже, во имя славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, отврати притѣсненія и преслѣдованія, которыми отягощена Польша врагами свободы и религіи».

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ засѣданіи этого общества доложено о поднесеніи государю императору перваго тома издаваемаго обществомъ «Круга церковнаго древняго знаменнаго пѣнія», напечатаннаго безлинейными нотами знаменнаго распѣва. Затѣмъ была прочтена замѣтка члена кореспондента В. В. Качановскаго, въ которой онъ пишетъ, что, въ бытность его въ Солунскомъ округѣ, онъ открылъ тамъ мѣстности, гдѣ такъ называемый старо-славянскій языкъ составляетъ мѣстное нарѣчіе, которымъ воспользовались св. Кириллъ и Меѳодій, при переводѣ греческихъ книгъ; эти мѣстности — села Высоко, Сухо, Зарево, Карабурунъ и нѣсколько сосѣднихъ съ нимъ селеній. Г. Качановскій говоритъ, что онъ, какъ занимающійся спеціально изученіемъ славянскихъ нарѣчій, сдѣлалъ всѣ необходимыя замѣтки по этому южно-македонскому нарѣчію, которыя войдутъ въ составляемый имъ болгарскій словарь. Какъ образчикъ упоминаемаго нарѣчія, авторъ замѣтки, для примѣра, сообщилъ въ своемъ письмѣ нѣсколько словъ этого нарѣчія.

Собраніе русскаго историческаго общества. На годичномъ собраніи этого общества былъ прочитанъ отчетъ о его дѣятельности за 1883 и 1884 годы. Въ истекшемъ году совѣтомъ общества изданы и приготовлены къ изданію томы: XXXIX, XL, XLI, XLII и XLIII; послѣдніе два посвящены исключительно екатерининскому времени и заключаютъ въ себѣ переписку Екатерины II съ разными лицами, ея замѣтки и продолженіе изданія дѣлъ екатерининской коммисіи по составленію проекта новаго положенія. Кромѣ того печатаются XLIV, XLV, XLVI и XLVII томы, съ интересными матеріалами по исторіи нашихъ дипломатическихъ сношеній съ иностранными державами въ царствованія: Михаила Ѳедоровича, Елизаветы и Екатерины II. Собираніе историческихъ матеріаловъ для дальнѣйшихъ изданій общества продолжается успѣшно. Матеріалы, при содѣйствіи нашихъ дипломатическихъ агентовъ, извлекаются изъ архивовъ: лондонскаго, парижскаго, вѣнскаго и неаполитанскаго. Научнымъ цѣлямъ общества не отказываются содѣйствовать и частныя лица. Такъ, А. Б. Лобановъ-Ростовскій изъявилъ готовность напечатать особый томъ сборника общества, въ составъ котораго войдутъ бумаги, относящіяся до цесаревича Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳедоровны. Что касается состоянія средствъ общества, то съ 1-го марта 1883 года по мартъ 1884 года, въ кассу общества поступило въ приходъ 10,888 р. 99 к. Израсховано 7,162 34 к. Состоитъ въ остаткѣ 3,726 руб. 65 к. По выслушаніи отчета, членъ совѣта, академикъ Я. К. Гротъ, прочелъ составленный имъ очеркъ исторіи такъ называемой «Аньяльской конфедераціи», военнаго заговора финской арміи противъ Густава III, во время шведской войны 1788 года.

Присужденіе премій Петра Великаго. На основаніи «Положенія о преміяхъ императора Петра Великаго» учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ январѣ текущаго 1884 года, при ученомъ комитетѣ министерства была образована особая коммисія для разсмотрѣнія представленныхъ на соисканіе премій сочиненій по исторіи и географіи, а именно: 4 книгъ, 2 учебныхъ атласовъ и 1 собранія картинъ изъ отечественной исторіи. Нынѣ ученый комитетъ, по донесенію коммисіи и подробныхъ представленныхъ ею отзывовъ о разсмотрѣнныхъ изданіяхъ, постановилъ: 1) профессору Петербургской духовной академіи М. О. Кояловичу, за «Чтенія по исторіи Западной Россіи» съ приложеніемъ этнографической карты, присудить большую премію въ 2,000 р.; 2) экстраординарному профессору Петербургскаго историко-

филологическаго института Е. Е. Замысловскому, за «Учебный атласъ по русской исторіи» большую премію въ 2,000 р.; 3) преподавателю географіи И. Штуцеру, за «Курсъ географіи Европы для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній», 4) директору народныхъ училищъ Петербургской губерніи С. Е. Рождественскому, за изданіе «Отечественная исторія въ картинахъ для школы и дома», малую премію въ 500 р.; въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателя коммисіи, профессора В. Г. Васильевскаго, членовъ: директора частной гимназіи Я. Г. Гуревича, инспектора введенской гимназіи Н. В. Пьянкова, преподавателя 6 гимназіи Г. С. Лыткина и профессора историко-филологическаго института Ѳ. Ѳ. Соколова, — выдать учрежденныя на сей предметъ золотыя медали.

Пріобрѣтенія археологическаго общества. Библіотека и музей археологическаго общества обогатились нѣсколькими интересными и цѣнными пріобрѣтеніями. Главныя пріобрѣтенія составились изъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, веденныхъ по распоряженію общества, а также изъ пожертвованій, сдѣланныхъ членами его и нѣкоторыми посторонними любителями древностей. Такъ, въ музей поступили вещи, найденныя: г. Сизовымъ въ городищѣ близъ Цымлянской станицы въ количествѣ 97, и г. Кельсіевымъ—въ курганѣ деревни Мытиной (58); г. Соловьевымъ изъ Казани присланы въ даръ обществу 26 экземпляровъ мѣдныхъ джучидскихъ монетъ, найденныхъ на мѣстѣ древнихъ Волгаръ, нѣсколько бусъ, обломковъ посуды, бронзовое кольцо и еще нѣсколько предметовъ неизвѣстнаго значенія; г. Гольшевымъ доставлено 35 предметовъ, изъ которыхъ 10 фраементовъ отъ конской сбруи и оружія, найденныхъ близъ слободы Холуя; г. Цѣхановскимъ 6 предметовъ изъ кургановъ Лепельскаго уѣзда, Витебской губерніи; г. Сафоновымъ — 2 принадлежности старинной сбруи, найденныя близъ слободы Холуя. Кромѣ того, обществомъ пріобрѣтены покупкою отъ крестьянки деревни Доброй, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губерніи, Аграфены Федотовой, найденныя ею три древнія серебряныя шейныя гривны.

Изба Кутузова. Извѣстно, что такъ называемая «изба Кутузова», принадлежавшая къ подмосковской деревнѣ Фили, въ которой состоялся 1-го сентября 1812 года военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала князя Кутузова, сгорѣла въ 1868 году. На этомъ мѣстѣ ничего не осталось, кромѣ небольшой площадки всхолмленной земли съ канавкой и валомъ, которымъ была обнесена изба. Вслѣдствіе этого, общество офицеровъ гренадерскаго корпуса, участвовавшее на полевой военной поѣздкѣ, желая сохранить слѣды историческаго мѣста, при окончаніи поѣздки рѣшило положить на этомъ мѣстѣ камень съ соотвѣтствующею надписью, а самое мѣсто огородить. Для осуществленія этого, была собрана небольшая сумма и стали поступать отъ разныхъ частей и лицъ пожертвованія. Необходимые матеріалы были доставлены безвозмездно московскою губернскою земскою управой. Ограда и камень были перевезены на мѣсто «избы Кутузова» и установлены еще въ концѣ прошлаго года. Камень, поставленный на мѣстѣ избы имѣетъ видъ обелиска, высотой до 6 аршинъ, съ двумя надписями на мраморныхъ доскахъ. Ограда поставлена на вершинѣ вала. На лицевой сторонѣ камня-обелиска, обращенной къ смоленскому шоссе, слѣдующая надпись: «На мѣстѣ этомъ находилась изба, принадлежавшая крестьянину деревни Фили, Фролову, гдѣ 1-го сентября 1812 года былъ созванъ военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала князя Кутузова, рѣшившій участь Москвы и спасшій Россію. Изба сгорѣла въ 1868 году. Офицеры гренадерскаго корпуса, бывшіе на полевой военной поѣздкѣ въ 1883 году, въ окрестностяхъ Москвы, и проникнутые чувствомъ благоговѣнія къ историческому мѣсту, возымѣли желаніе увѣковѣчить это мѣсто камнемъ и обнести оградой, что и исполнено заботами и усердіемъ чиновъ гренадерскаго корпуса». На обратной сторонѣ камня надпись состоитъ изъ собственныхъ словъ фельдмаршала

Кутузова, сказанныхъ имъ на совѣтѣ, и которыми онъ закончилъ совѣтъ: «Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія, поставляю первою обязанностію сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и самымъ уступленіемъ Москвы приготовить непріятелю неизбѣжную гибель, и потому намѣренъ, пройдя Москву, отступить по рязанской дорогѣ». Закончилъ онъ совѣтъ такъ: «Я вижу, что мнѣ придется поплатиться за все, но жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать». Такимъ образомъ, въ короткое время сдѣлано наконецъ то, что должно было быть сдѣлано еще 15 лѣтъ тому назадъ, то есть послѣ того какъ сгорѣла изба — этотъ безвозвратно потерянный, рѣдкій, національный, историческій памятникъ.

Трехсотлѣній юбилей Кохановскаго. Въ Краковѣ праздновали юбилей 300-лѣтней памяти польскаго поэта Яна Кохановскаго, патріарха польской поэзіи и отца польской письменности, какъ называютъ его соплеменники. По этому случаю тамъ же происходилъ второй историко-литературный съѣздъ польскихъ ученыхъ и литераторовъ (первый былъ четыре года назадъ, въ честь историка Длугоша). Съѣздъ имѣлъ болѣе мѣстный характеръ и привлекъ сравнительно немного участвующихъ, хотя между пріѣзжими были извѣстныя лица, какъ Владиславъ Мицкевичъ изъ Парижа (сынъ поэта), Спасовичъ изъ Петербурга, варшавскій журналистъ Вацлавъ Шимановскій, профессоръ Хмѣлевскій и др. Три дня засѣдалъ съѣздъ, но читанные на немъ рефераты и вызванныя ими пренія не повели ни къ какимъ практическимъ результатамъ, хотя между ними были и весьма интересные, какъ рефератъ профессора Хмѣлевскаго по вопросу о томъ, какое мѣсто должны занимать въ исторіи польской литературы произведенія народной поэзіи. Устроителями руководила вѣрная мысль пользоваться каждымъ подходящимъ случаемъ, чтобы поддерживать въ соплеменникахъ чувство народной общности, собирать поляковъ со всѣхъ сторонъ къ одному общему центру, — а такимъ центромъ приличнѣе всего быть Кракову, и по историческимъ воспоминаніямъ, и по географическому положенію, и потому, что тамъ, какъ выразился одинъ ораторъ на съѣздѣ, «вѣетъ пріязненный польскому народу вѣтеръ, въ которомъ грудь дышетъ свободнѣе, мысль течетъ быстрѣе, ибо ее не угнетаютъ подозрѣнія, не давитъ кошмаръ ненависти». И поляки пользуются всякимъ историческимъ воспоминаніемъ, чтобъ поддерживать свое духовное единство. Пока такіе юбилеи остаются на культурной почвѣ, ни съ какой стороны не послышится возраженій или порицаній. Таковы празднованія въ честь Коперника, Длугоша, Кохановскаго, какъ ни различна была степень ихъ заслугъ, но не таковъ былъ прошлогодній юбилей Собесскаго, которому потомки оказали плохую услугу, заставивъ припомнить (по выраженію одной русинской газеты), что это былъ «великій герой, который чужому государству помогалъ, а въ своемъ не могъ управить порядка». Къ юбилею Кохановскаго напрасно старались бы пристегнуть политическую сторону: русинъ по происхожденію, онъ былъ польскимъ патріотическимъ поэтомъ, и даже такимъ, котораго самъ Мицкевичъ, въ курсѣ славянской литературы, ставитъ, по горячему патріотизму, наравнѣ съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Къ тому же Кохановскій жилъ во время послѣдняго изъ Ягеллоновъ, Сигизмунда-Августа, при которомъ состоялась люблинская унія: имя Яна съ Чернолѣсья иные желаютъ сдѣлать символомъ этой уніи на томъ основаніи, что онъ произвелъ въ польской литературѣ и цивилизаціи также унію, явившись въ такую эпоху, когда въ польскомъ обществѣ господствовалъ умственный разладъ подъ вліяніемъ борьбы гуманизма со средневѣковыми идеями, появленія реформаціи и т. п. Въ эту-то пору Кохановскій и привилъ польскую литературу къ западно-католической цивилизаціи. Въ лекціяхъ Северины Духинской о Кохановскомъ напоминается даже, что «мудрый король видѣлъ тучи, надвигающіяся съ востока, изъ глубины муромскихъ лѣсовъ, откуда уже ополчалась «кость отъ костей Батыя и Чингис-

хана», поставившая себѣ цѣлью воскресить обширное царство Аттилы... Противъ этой-то грозы рѣчь посполитая польско-литовско-русская стала на стражѣ при Сигизмундѣ-Августѣ, а Кохановскій въ литературѣ—лучшій выразитель счастливой эпохи Сигизмундовъ, и слѣдовательно — борьбы за западную цивилизацію противъ Востока». Но и помимо этихъ историко-политическихъ парадоксовъ должно признать за юбиляромъ дѣйствительную заслугу по части обновленія польскаго языка и письменности, которые взяли въ тогдашней литературѣ верхъ надъ средневѣковою латынью.

Открытіе памятника Гамбеты. Въ Кагорѣ открыта статуя Гамбеты. Церемонія открытія отличалась патріотическимъ характеромъ. Первымъ говорилъ рѣчь генералъ Кампенонъ отъ имени арміи. «Я хочу показать, сказалъ онъ, какъ Гамбета сдѣлался неоспоримымъ главою національной обороны. Гдѣ почерпалъ онъ силы, сдѣлавшія его неутомимымъ борцомъ, не отчаявавшимся никогда и организовавшимъ арміи за арміями передъ лицомъ наступавшаго непріятеля? Гдѣ находилъ онъ эту широту идей и взглядовъ, этотъ духъ терпимости, которые сдѣлали изъ него товарища и друга всѣхъ, кто являлся содѣйствовать оборонѣ французской почвы, къ какой бы партіи ни принадлежали они, каково бы ни было ихъ знамя? Все это нашелъ онъ въ чувствѣ, характеризующемъ всю его жизнь, въ страстной любви къ Франціи. Это-то чувство внушило ему, что нація можетъ существовать лишь подъ условіемъ быть сильной, всегда готовой уважать права другихъ, но и проливать кровь въ защиту своей отчизны и своей чести. Эта-то безусловная преданность странѣ заставила его провозглашать патріотизмъ, какъ первѣйшую изъ всѣхъ гражданскихъ доблестей, запечатлѣвшую въ его сердцѣ культъ національной арміи. И армія платила ему за эту любовь довѣріемъ и преданностью. Она не забыла и не забудетъ никогда, что въ мрачные дни, когда отечество проливало свою кровь, голосъ Гамбетты былъ голосомъ самой Франціи, голосомъ возмущеннымъ, страстнымъ. Въ другихъ рѣчахъ Гамбетты можно научиться любить мудрость, республику, свободу, демократію, а въ его рѣчахъ о національной оборонѣ учатся еще лучшему, учатся любить отечество до смерти». Ферри сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ лѣтописяхъ нашего отечества, въ этой исторіи величій и униженій, есть блестящія эпохи, въ славѣ или испытаніи, обязанныя какому нибудь одному имени. Другія имена изглаживаются и, рано или поздно, одно за другимъ, переходятъ въ безпредѣльное забвеніе. Но тѣ, которыя связаны съ великими скорбями или великими радостями отечества — въ особенности съ великими скорбями — переходятъ изъ устъ въ уста и изъ вѣка въ вѣкъ, какъ лозунгъ, какъ знамя. Такая слава, высшая изъ всѣхъ, какой можетъ достигнуть смертный, твоя, Гамбета, слава! Въ періодъ одного изъ тѣхъ страшныхъ кризисовъ, когда самые отважные колеблятся и падаютъ духомъ, когда національность грозитъ омрачиться въ ураганѣ, въ такое время быть болѣе, чѣмъ рукой — душой Франціи, этому великому народу, парализованному, отдѣленному отъ своего жизненнаго центра, отъ своего правительства, отъ своихъ осажденныхъ или плѣненныхъ армій, этой націи, потерявшей умъ, возвратить мужество и оружіе, поднять сердце народа, найдти начальниковъ и солдатъ, собрать съ почвы старой Галліи въ пять мѣсяцевъ 600 тысячъ бойцовъ, 600 тысячъ людей, умѣющихъ умирать, идти вездѣ впереди и вынести изъ глубочайшей пропасти честь, утѣшеніе, освобожденіе отечества, вотъ что имъ сдѣлано. Любовь къ Франціи была преобладающею страстью, несравненнымъ пламенемъ этого безграничнаго сердца... Гамбета и Франція навсегда неразрывны. Нельзя воздавать хвалу ему, не вызывая восторгъ въ ней. И когда мы воздаемъ здѣсь Гамбетѣ торжественныя почести, мы совершаемъ только апоѳеозъ отечества!»

† 19-го апрѣля умеръ одинъ изъ послѣднихъ декабристовъ, баронъ **Андрей Евгеньевичъ Розенъ.** Онъ родился въ 1800 году въ своемъ родовомъ имѣніи,

Эстляндской губерніи; учился въ кадетскомъ корпусѣ и, окончивъ курсъ, былъ зачисленъ офицеромъ въ Семеновскій полкъ. Катастрофа 14-го декабря разбила блистательно начатую карьеру. Онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ прочими и когда приведенъ на допросъ къ императору, тотъ сказалъ: «Я этого, Розенъ, отъ тебя никогда не ожидалъ; что же ты молчишь, не просишь о милости?» Тотъ отвѣчалъ: «Ваше величество, у насъ есть справедливость и законъ, милости мнѣ не нужно!» Андрей Евгеньевичъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ по 4-му разряду. Жена его, Анна Васильевна, послѣдовала за мужемъ на каторгу. Въ Сибири всѣхъ сосланныхъ помѣстили въ Читскомъ острогѣ, потомъ перевели въ Петровскую тюрьму. Когда Андрей Евгеньевичъ сломалъ себѣ во время гололедицы ногу, его послали лечиться на Кавказъ. Въ тюрьмѣ онъ изучилъ въ обществѣ ученыхъ товарищей три языка: французскій, нѣмецкій и англійскій. Помилованный Александромъ II, въ 1855 году, онъ пріѣхалъ въ имѣніе своей жены, былъ выбранъ въ мировые посредники и за неустанную 6-тилѣтнюю дѣятельность въ этой должности получилъ орденъ. Въ 1870 году А. Е. выпустилъ въ свѣтъ капитальное сочиненіе «Записки декабриста». Онѣ были напечатаны заграницей на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, англійскомъ и русскомъ; на послѣднемъ языкѣ это сочиненіе было позволено для первыхъ 4-хъ чиновъ. Только въ 1876 году, благодаря поэту Некрасову, были напечатаны нѣкоторыя главы этихъ записокъ въ «Отеч. Зап.» (1876 г. №№ 3, 4, 5). Послѣднее время онъ писалъ въ «Русской Старинѣ». Послѣ его смерти остались сочиненія, которыя, согласно духовному завѣщанію, выйдутъ въ свѣтъ. Андрей Евгеньевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ исключительныхъ натуръ, которыя, обладая «мудростью змія и кротостію голубя», стремятся принести пользу какъ для отдѣльныхъ людей, такъ и всему обществу. 60-ти лѣтъ, по пріѣздѣ въ Изюмскій уѣздъ, пользуясь большими матеріальными средствами, онъ сдѣлался школьнымъ учителемъ села Каменки. Это была по времени первая школа въ громадномъ селѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ устроилъ въ Каменкѣ «крестьянскій банкъ на собственный счетъ». Вообще, крестьяне—были его всегдашнею заботою; онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что они, называясь людьми, живутъ въ бѣдственномъ и невѣжественномъ состояніи. Послѣднее, что напечаталъ при жизни покойный, было «Полное собраніе стихотвореній князя А. И. Одоевскаго», его товарища по ссылкѣ, изданное въ 1883 году А. А. Краевскимъ, съ портретомъ кн. А. И. Одоевскаго. Это изданіе, предпринятое Розеномъ, въ пользу внуковъ другого его товарища, имѣло значительный успѣхъ и почти все распродано, въ теченіи одного года. Розена чуть не задушили три года назадъ ворвавшіеся къ нему ночью, въ пустынный его домикъ, въ Викнинѣ, грабители. На мѣстѣ упорно держатся слухи, что покойный, попавшій въ петлю грабителей, настоялъ на прекращеніи слѣдствія, главнѣйше потому, что зналъ злодѣевъ, затянувшихъ въ постели на его шеѣ петлю и полагавшихъ, что онъ удушенъ. Замѣчательная черта въ покойникѣ, вынесшемъ безропотно каторгу. Онъ не охотно говорилъ съ знакомыми объ этомъ приключеніи и не разъ выражался: «Пусть себѣ живутъ и каются, что посягнули на убогій карманъ и на бренную жизнь восьмидесятидвухлѣтняго старика. Покаяніе — лучшее врачеваніе и лучшее возмездіе за всѣ наши проступки, заблужденія и злыя дѣла».

† Въ Кіевѣ скончался доцентъ Кіевскаго университета, бывшій экстраординарный профессоръ духовной академіи, докторъ богословія, **Филиппъ Алексѣевичъ Терновскій**. По окончаніи курса ученія въ Московской духовной академіи со степенью магистра (въ 1862 году) онъ былъ оставленъ бакалавромъ при той же академіи, потомъ перемѣщенъ въ Кіевскую академію на каѳедру церковной исторіи, на которой оставался до конца 1883 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ состоялъ доцентомъ въ университетѣ св. Владиміра по предмету русской гражданской исторіи. Въ русской церковно-исторической наукѣ покойный

извѣстенъ многими трудами, изъ которыхъ особенно важны сочиненія: «Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси», «Опытъ руководства по церковной исторіи. Три первые вѣка христіанства. 1877 г.», «Очерки изъ исторіи кіевской епархіи въ XVIII столѣтіи. Кіевъ. 1879 г.», «І. В. Леванда. Біографія, неизданныя проповѣди, рѣчи и письма. Кіевъ. 1880 г.». Покойный сотрудничалъ въ нѣсколькихъ газетахъ и журналахъ, мѣстныхъ и столичныхъ. Въ декабрѣ 1882 года, когда праздновалось столѣтіе отъ рожденія московскаго митрополита, въ «Новомъ Времени» напечатанъ рядъ біографическихъ статей покойнаго о Филаретѣ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой-Знаменскій.

(Некрологическая замѣтка).

14-го марта нынѣшняго года, за четыре дня до восьмидесятилѣтняго юбилея Императорскаго общества исторіи и древностей, скончался бывшій предсѣдатель общества, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой-Знаменскій. Утрата этого лица не сопровождалась ни одной сочувственной строкой, если исключить короткую телеграмму о его кончинѣ, напечатаную въ газетахъ Между тѣмъ, дѣятельность покойнаго графа прошла не безплодно и для русскаго общества, и для русской науки. Благодаря его собственнымъ запискамъ и нѣкоторымъ другимъ матеріаламъ, можно указать нѣсколько фактовъ изъ жизни и назвать болѣе важные труды его. Д. Н. родился въ мартѣ 1806 года и послѣ Отечественной войны сталъ пользоваться уроками С. А. Маслова, бывшаго секретаремъ при вице-президентѣ Медико-хирургической академіи Г. И. Фишерѣ фонъ-Вальдгеймѣ. «Учитель, — пишетъ гр. М. В. Толстой (Русск. Арх. 1881 г., кн. 6, стр. 424—425), — полюбилъ любознательнаго и талантливаго юношу: онъ не только усердно позаботился о его образованіи, но даже содѣйствовалъ поступленію его на службу въ коммисію прошеній, которая была въ Москвѣ во время коронаціи императора Николая Павловича» (1826 г.). Черезъ пять лѣтъ графу пришлось принять участіе въ войнѣ 1831 года, а затѣмъ снова зачислиться на службу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Какъ лучшій чиновникъ особыхъ порученій, онъ былъ командированъ въ Ригу для усиленія канцеляріи генералъ-губернатора Е. А. Головина. Три года (1845—1848 г.) ему выпало на долю прослужить въ Прибалтійскомъ краѣ, завѣдывать такъ называемою «секретною канцеляріей» и пережить за это время упорную борьбу съ нѣмцами, какъ краснорѣчиво показываетъ его любопытный «Дневникъ русскаго чиновника». Вызванный осенью 1848 года въ Петербургъ, Д. Н. былъ назначенъ управляющимъ дѣлами Остзейскаго комитета, какъ лично знакомый съ мѣстностью и дѣлами нашихъ прибалтійскихъ владѣній. Пятидесятые же годы и начало шестидесятыхъ проведены имъ на должности губернатора въ Рязани, Калугѣ и Воронежѣ — до апрѣля 1861 года. Послѣ того онъ недолго состоялъ директоромъ департамента исполнительной полиціи и, выйдя въ отставку, проживалъ то въ родовомъ селѣ

Знаменскомъ (Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи), то въ Сергіевскомъ посадѣ, гдѣ и скончался.

Уже по окончаніи гражданской службы, покойному графу выпало счастье руководить Московскимъ обществомъ исторіи и древностей: послѣ смерти М. П. Погодина, онъ занялъ кресло предсѣдателя. Не смотря на короткій срокъ (съ 30-го октября 1876 г. до 1-го февраля 1879 г.), ему удалось ввести нѣсколько полезныхъ преобразованій на новомъ мѣстѣ своего служенія: такъ, благодаря гр. Толстому-Знаменскому, общество согласилось на ежемѣсячныя (кромѣ вакацій) засѣданія, тогда какъ прежде члены собирались только четыре раза въ годъ; по инипіативѣ же предсѣдателя было единогласно рѣшено: «образовать коммисію для пересмотра устава общества и составленія новаго, примѣнительно къ современнымъ потребностямъ». За эти труды, по званію предсѣдателя, общество постановило (15-го мая 1879 г.) выразить ему единогласную благодарность и поднести дипломъ почетнаго члена. Нѣтъ сомнѣнія, что такія сочувственныя отношенія членовъ, да и самый выборъ на высокій постъ предсѣдателя, обусловливались не только душевными качествами покойнаго, но и учено-литературными занятіями. Сколько намъ извѣстно, первымъ его трудомъ явилось изданіе «Сочиненій князя Антіоха Дмитріевича Кантемира» (Спб. 1836 г.), которое сопровождалось вступительной статьей издателя: «О жизни и трудахъ русскаго сатирика XVIII вѣка» (стр. I—XIII). Затѣмъ, послѣ десятилѣтняго промежутка, имя графа Толстаго-Знаменскаго начало появляться, главнымъ образомъ, подъ «старинными документами» и «отрывками изъ воспоминаній», помѣщенными въ историческихъ журналахъ. Эти труды покойнаго напечатаны въ такомъ хронологическомъ порядкѣ:

«Рѣчь царя Ивана Васильевича Грознаго къ польскимъ панамъ» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей 1847—1848 г., кн. 9).

«Бумаги князя Лопухина и два рескрипта императора Павла I къ владимірскому губернатору Руничу о Зубовыхъ» (Осьмнадцатый вѣкъ, изд. Бартенева, М. 1869 г., кн. 4).

«А. Ѳ. Львовъ» (Русск. Арх., 1871 г., кн. 12).

«Къ біографіи Е. А. Головина» (Русск. Арх. 1872 г., кн. 10).

«Александръ Васильевичъ Горскій», біографическій очеркъ (Русск. Арх. 1875 г., кн. 3).

«Въ память В. В. Скрипицына» (Русск. Арх. 1876 г., кн. 1).

«Графъ Михаилъ Дмитріевичъ Бутурлинъ» (Чтенія въ Обществѣ исторіи 1876 г., кн. 2).

«1861 годъ, эпизодъ изъ исторіи калужскаго крестьянства» (Русск. Арх. 1876 г., кн. 3).

«Старинная довѣренность» (Чтенія въ Обществѣ исторіи 1878 г., кн. 1).

«Дай оглянусь!..», изъ воспоминаній (Русск. Арх. 1881 г., кн. 3).

«Прибалтійскій край въ 1845—1846 годахъ», изъ дневника русскаго чиновника (кн. 5).

«Нѣсколько словъ въ память В. В. Скрипицына» (кн. 6).

Д. Я.

II.

Къ статьѣ г. Веселовскаго „Подданство туркменъ Россіи".

Въ статьѣ г. Веселовскаго «Подданство туркменъ Россіи», напечатанной въ № 5 «Историч. Вѣстника», говорится, что въ 1855 г. 32 туркменскихъ семейства выселились изъ Астраханской губерніи на свою родину (т. е. Мангышлакъ). Очевидно, что эти 32 семейства составляли небольшую часть Туркменъ-Игдыръ, такъ какъ большая часть ихъ (99 семействъ), повидимому, не пожелали идти такъ далеко.

Въ дѣлѣ подъ № 643 канцеляріи главнаго пристава кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, находится страница (единственная, къ сожалѣнію, и безъ всякой внутренней связи какъ съ предъидущими, такъ и съ послѣдующими страницами), касающаяся вопроса о Трухменахъ Мангышлакскихъ, рода Игдыръ. Сообщая редакціи «Историческаго Вѣстника» копію съ этой оффиціальной бумаги, полагаю, что означенная копія можетъ послужить нѣкоторою нитью для спеціальныхъ изслѣдователей движенія нашихъ юго-восточныхъ кочевниковъ.

«Господину Главному Приставу
«Магометанскихъ Народовъ.

«Въ Астраханской губерніи кочуютъ Мангишлакскіе Туркмены, которымъ, по Высочайшему повелѣнію, дозволено возвратиться на Мангишлакъ. Во время происходившей переписки на счетъ переселенія означенныхъ Туркменъ на Мангишлакъ, Игдыровъ родъ сихъ Туркменъ, состоящій изъ 99 семействъ, или 534 душъ, изъявилъ желаніе остаться въ подданствѣ Россіи и причислиться къ Ставропольскимъ Туркменамъ, кочующимъ въ Астраханской губерніи на Калмыцкихъ земляхъ. Но какъ сіи послѣдніе Туркмены предполагаются къ переселенію въ Ставропольскую Губернію, куда должны слѣдовать и Туркмены Игдырова рода, если будутъ приняты въ ихъ общества, то Г. Астраханскій Военный Губернаторъ проситъ увѣдомить его: могутъ ли быть причислены помянутые Туркмены къ обществу Ставропольскихъ Туркменъ.

«Свѣдѣніе это предлагаю Вашему Высокоблагородію доставить Г. Начальнику Губерніи поспѣшнѣе, для сообщенія по принадлежности».

10-го мая, 1855 года,
№ 1414.

Сообщ. учителемъ исторіи Ставропольской гимназіи **В. Воскресенскимъ.**

III.

Къ юбилею Петербургской семинаріи.

Въ апрѣльской книгѣ «Историческаго Вѣстника» была помѣщена замѣтка о 75-тилѣтнемъ юбилеѣ Петербургской духовной семинаріи, названной, по недосмотру, академіею. Исправляемъ и пополняемъ означенную статью свѣдѣніями, доставленными намъ компетентнымъ лицомъ:

Въ 1788 году Александровская семинарія переименована въ «главную». На мѣсто бывшей Александроневской академіи, замѣнившей въ 1797 году

главную семинарію, были открыты три совершенно отдѣльныя духовно-учебныя заведенія, которыя существуютъ доселѣ: духовная академія (высшее духовно-учебное заведеніе), духовная семинарія (среднее) и духовное училище Александроневское (низшее). До нынѣ дѣйствовавшій академическій уставъ выработанъ особымъ комитетомъ, составленнымъ для этой цѣли. По отчетамъ оберъ-прокурора нельзя опредѣлить количество кончившихъ курсъ въ академіи, потому что отчеты стали издаваться только съ 1836 года и въ немногихъ изъ нихъ показано число окончившихъ курсъ. На актѣ, которымъ праздновалось 75-тилѣтіе духовной семинаріи, читалась историческая записка объ этомъ учрежденіи, составленная преподавателемъ Александромъ Надеждинымъ.

IV.

Профессоръ С. М. Усовъ.

Ѳедоръ Николаевичъ Устряловъ, въ статьѣ своей «Воспоминанія о С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1852—1856 годахъ» («Историческій Вѣстникъ» юнь 1884 г.), при описаніи профессоровъ, лекціи которыхъ онъ слушалъ въ университетѣ, коснулся также и моего отца, профессора сельскаго хозяйства Степана Михайловича Усова, скончавшагося 26-го іюня 1859 года. Между тѣмъ, все, что Ѳ. Н. Устряловъ нашелъ необходимымъ сказать на полустраницѣ о моемъ отцѣ, до того далеко отъ истины и представляетъ такое искаженіе фактовъ, что можетъ быть оправдано только тридцатью годами, протекшими со времени пребыванія автора воспоминаній въ университетѣ, въ теченіи которыхъ онъ о многомъ позабылъ, а о другомъ написалъ, не свѣрившись, сверхъ другихъ печатныхъ источниковъ, хотя бы съ вышедшими въ свѣтъ сочиненіями моего отца.

Ѳ. Н. Устряловъ пишетъ, что «С. М. Усовъ читалъ земледѣліе по литографированнымъ запискамъ, чуть ли не десятки лѣтъ переходившимъ отъ одного поколѣнія студентовъ къ другому». Тутъ что слово, то неправда. Въ первомъ курсѣ, воспоминанія о которомъ г. Устряловъ сообщаетъ въ іюньской книжкѣ, сельское хозяйство не преподавалось, слѣдовательно авторъ пишетъ о профессорѣ, котораго и не слушалъ. Лекціи Усова начинались со втораго курса, въ которомъ онъ читалъ собственно земледѣліе, въ третьемъ скотоводство, въ четвертомъ сельскохозяйственное управленіе. Такимъ образомъ, курсъ его обнималъ все сельское хозяйство, а не «земледѣліе», составляющее только его часть. По литографированнымъ запискамъ Усовъ не читалъ. Онъ былъ приглашенъ университетомъ на каѳедру сельскаго хозяйства осенью 1836 года, которая тогда только что была открыта, такъ что онъ былъ первымъ профессоромъ этой науки въ Петербургскомъ университетѣ, сдѣлавшись извѣстнымъ ему своимъ редакторствомъ съ 1834 года [1]) «Земледѣльческой Газеты», основанной министромъ финансовъ, графомъ Канкринымъ. Читанныя имъ въ университетѣ лекціи онъ издалъ, въ 1837 году, отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ «Курсъ земледѣлія, съ приложеніемъ къ полеводству», за который получилъ отъ Императорской

---

[1]) 1-го іюля исполнится пятидесятилѣтіе существованія этой газеты, которую профессоръ Усовъ редактировалъ двадцать лѣтъ.

академіи наукъ половинную демидовскую премію. Въ 1846 году онъ издалъ «Правила скотоводства», Влока, переведенныя имъ со своими дополненіями съ нѣмецкаго языка. Эта книга служила также пособіемъ для его слушателей, желавшихъ подробнѣе ознакомиться съ предметомъ. Литографированныхъ записокъ своихъ лекцій профессоръ Усовъ не издавалъ. Онѣ были изданы кружкомъ студентовъ, распорядителемъ котораго былъ студентъ Познанскій, и который кружокъ налитографировалъ записки почти по всѣмъ предметамъ тогдашняго курса по отдѣлу камеральныхъ наукъ. Записки по всѣмъ тремъ курсамъ сельскаго хозяйства были изданы студентами въ 1847—1848 году. Я кончилъ курсъ въ университетѣ по отдѣленію естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета въ 1849 году. Хотя сельское хозяйство не принадлежало къ предметамъ моего факультета, но я выслушалъ всѣ три курса моего отца и держалъ изъ этого предмета экзамены. Слушая его лекціи, я составлялъ записки. Камералисты, узнавъ, что мои записки лучше остальныхъ, обратились ко мнѣ съ просьбою дать имъ ихъ для налитографированія, для пополненія или исправленія имѣвшихся у нихъ. Отецъ не согласился исправлять эти записки, а только далъ «позволеніе» съ своей стороны налитографировать ихъ. Такимъ образомъ, г. Устряловъ, поступивъ въ университетъ въ 1852 году, засталъ литографированныя записки по сельскому хозяйству не существующими уже «десятки лѣтъ, переходившими отъ одного поколѣнія студентовъ къ другому», а всего существующими четыре года. Такъ какъ отецъ мой скончался въ 1859 году, то оказывается, что литографированныя записки существовали при немъ всего 11 лѣтъ.

Далѣе г. Устряловъ говоритъ о профессорѣ Усовѣ: «придерживался онъ ихъ (т. е. литографированныхъ записокъ) весьма строго и настойчиво, не пропуская ни единой буквы и твердо отвергая новѣйшія системы сельскаго хозяйства. Его любимыми авторами были Ж. Б. Сэ, Адамъ Смитъ и Тэръ... Устарѣлыя системы давно уже были видоизмѣнены на основаніи теоріи и практики; мы знали, мелькомъ пробѣгая сочиненія новѣйшихъ писателей, въ особенности иностранныхъ, что существуютъ нововведенія, практическія приспособленія и т. п., а объ нихъ въ лекціяхъ совсѣмъ не упоминалось».

И тутъ что слово, то неправда. Отецъ не только не читалъ по литографированнымъ запискамъ, но и вообще не держался системы записокъ. Онъ говорилъ съ каѳедры по своимъ конспектамъ, подготовлялся почти къ каждой лекціи, обновляя свой богатый запасъ знанія новыми свѣдѣніями, данными, цифрами, примѣрами. Оставшіеся послѣ его кончины конспекты тому доказательствомъ. Вышеупомянутыхъ литографированныхъ записокъ онъ не употреблялъ и потому еще, что не одобрялъ ихъ содержанія и считалъ многое изложенное въ нихъ несоотвѣтствующимъ современнымъ указаніямъ науки. У меня есть ихъ экземпляръ съ вклеенными между страницами листами писчей бумаги. Изъ этого экземпляра видно, что отецъ сталъ ихъ передѣлывать кореннымъ образомъ, но потомъ оставилъ, занявшись, съ 1858 года, печатаніемъ новаго курса, подъ заглавіемъ «Основанія земледѣлія», который вышелъ уже послѣ его смерти, изданный (въ 1862 году) по оставленной имъ рукописи. Если бы г. Устряловъ имѣлъ хотя малѣйшее понятіе объ этомъ трудѣ, то устыдился бы своихъ словъ о покойномъ профессорѣ. Этотъ трудъ представляетъ критическое изложеніе мнѣній и совѣтовъ многихъ, если не всѣхъ, писателей по сельскому хозяйству, русскихъ, французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, старинныхъ и новѣйшихъ (до 1859 года), съ показаніемъ правильности

или неправильности сужденія того или другаго писателя о разбираемомъ предметѣ. При каждомъ отдѣлѣ «Основанія земледѣлія» перечислена его литература. Эти «Основанія» составляли курсъ, читанный имъ въ послѣдніе годы его жизни въ университетѣ. Профессоръ сельскаго хозяйства Петербургскаго университета, А. В. Совѣтовъ, преемникъ моего отца, отозвался объ этомъ трудѣ «какъ объ изложенномъ систематически и обнаруживающимъ большое знакомство съ агрономическою литературою, особенно съ англійскою» [1]). Слѣдовательно, въ 1869 году профессоръ Совѣтовъ признавалъ знакомство моего отца съ агрономическою литературою, чего студентъ перваго курса, Устряловъ, не признавалъ въ 1852—1853 году.

Профессоръ В. В. Григорьевъ въ своемъ трудѣ [2]) отозвался о моемъ отцѣ такимъ образомъ: «Это былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ тружениковъ нашихъ по части сельскаго хозяйства и промышленности, которыя зналъ онъ не только изъ книгъ, но и на дѣлѣ, нѣсколько лѣтъ занимавшись торговыми дѣлами и завѣдуя фабрикою». Знаніе имъ своего предмета, на современномъ его уровнѣ, не только теоретически, но и практически, подтверждается также слѣдующимъ свидѣтельствомъ, выданнымъ ему помѣщиками Петербургской губерніи (губернскимъ предводителемъ княземъ Долгоруковымъ, адмираломъ графомъ Н. Мордвиновымъ, тайнымъ совѣтникомъ Н. Муравьевымъ, генералъ-адъютантомъ Адлербергомъ, статсъ-секретаремъ Позеномъ, генералъ-маіоромъ Моллеромъ, княземъ Енгалычевымъ, генералъ-маіоромъ барономъ Шлиппенбахомъ и сенаторомъ Пейкеромъ): «Мы, нижеподписавшіеся, помѣщики С.-Петербургской губерніи, симъ свидѣтельствуемъ, что редакторъ «Земледѣльческой Газеты», Степанъ Михайловичъ Усовъ, своими познаніями въ сельскомъ хозяйствѣ и личными трудами, очень много и очевидно способствовалъ выгодамъ здѣшней губерніи и даже цѣлаго края, какъ мы о томъ можемъ судить по собственнымъ нашимъ имѣніямъ и по наблюденію другихъ мѣстъ. Заслуги его по сему предмету состояли именно въ слѣдующемъ: 1) изданными имъ сочиненіями и помѣщаемыми въ «Земледѣльческой Газетѣ» статьями г. Усовъ подавалъ намъ и всему обществу помѣщиковъ и хозяевъ важные совѣты къ улучшенію имѣній и хозяйства, отъ которыхъ совѣтовъ мы получили во многихъ отношеніяхъ, по земледѣлію и скотоводству, большую пользу, послужившую къ возвышенію благосостоянія нашихъ имѣній. 2) Мы и другіе изъ помѣщиковъ обращались къ нему, г. Усову, многократно съ письменными и словесными вопросами о разныхъ недоумѣніяхъ по нашимъ сельскимъ хозяйствамъ и получали отъ него удовлетворительные отвѣты, объясненія и указанія къ исправленію сельскаго дѣла, чѣмъ устранены были многія неудобства, облегченъ сбытъ произведеній и въ хозяйствахъ водворенъ порядокъ. 3) Когда требовала надобность, г. Усовъ лично объѣзжалъ сельскія имѣнія и на мѣстѣ указывалъ способы къ основанію посѣвовъ, устройству скотныхъ дворовъ, поправленію луговъ и полей, сохраненію скота, благонадежному употребленію лѣсовъ, исправленію проселочныхъ дорогъ и тому подобное. Свидѣтельствуя заслуги г. Усова къ выгодамъ С.-Петербургской губерніи, мы считаемъ пріятною обязанностію изъявить ему тѣмъ нашу признательность».

---

[1]) См. Исторію пятидесятилѣтія С.-Петербургскаго университета, В. В. Григорьева, (Спб. 1870 г.) стр. 50, примѣчаніе 323.

[2]) Тоже, стр. 172.

Въ некрологѣ профессора Усова [1]), написанномъ его университетскимъ слушателемъ Д. А. Реутовичемъ (бывшимъ одно время помощникомъ директора удѣльной фермы, подъ Петербургомъ), между прочимъ сказано: «С. М. Усовъ, какъ профессоръ, обладалъ знаніемъ сельско-хозяйственной литературы, въ такой степени, что мнѣ не пришлось по всей Россіи встрѣтить въ этомъ отношеніи равнаго ему. Занимаясь практическимъ хозяйствомъ, часто въ новыхъ случаяхъ, я обращался за совѣтамъ къ покойному и онъ, безъ всякихъ справокъ, всегда могъ указать на лучшіе источники. Лекціи Степана Михайловича всегда представляли сжатое и критичееки обсуженное извлеченіе изъ лучшихъ писателей, преимущественно русскихъ и англійскихъ, хотя онъ также отдавалъ должную справедливость нѣмецкимъ, французскимъ и польскимъ сочиненіямъ. Взглядъ на предметы хозяйства, выраженный въ лекціяхъ Степана Михайловича, всегда служилъ мнѣ безошибочнымъ руководствомъ какъ въ теоріи, такъ и въ практическихъ примѣненіяхъ. Многіе, однако же, упрекали, особенно его публичныя лекціи, въ монотонности; но эта монотонность была слѣдствіемъ желанія не удаляться отъ главнаго предмета, который для любителей (по его выраженію) самъ за себя говорилъ краснорѣчивѣе Цицерона, а для празднаго любопытства и со всѣми средствами оратора не принесъ бы на одинъ золотникъ пользы».

Приведенныхъ отзывовъ, кажется, достаточно для опроверженія словъ Ѳ. Н. Устрялова, что профессоръ Усовъ не стоялъ на современномъ уровнѣ преподаваемаго имъ предмета.

Въ заключеніе своего отзыва о моемъ отцѣ, г. Устряловъ пишетъ, что «Усовъ, придерживаясь устарѣвшихъ теорій, провозглашалъ въ своемъ сельскомъ хозяйствѣ, что капиталъ есть богатство, а И. Я. Горловъ, въ III-мъ курсѣ политической экономіи, объяснялъ, что капиталъ есть трудъ; профессоръ же Кранихфельдъ, въ теоретической части финансоваго права, выражалъ ту мысль, что капиталъ есть результатъ труда и знанія. Изъ этого одного примѣра легко представить себѣ, на сколько вѣрныя опредѣленія могли мы имѣть объ одномъ и томъ же предметѣ у разныхъ профессоровъ и въ различныхъ курсахъ».

Профессоръ Усовъ не говорилъ, что «капиталъ есть богатство», какъ угодно утверждать г. Устрялову. Въ своемъ сочиненіи, «О капиталѣ въ отношеніи къ сельскому хозяйству» (Спб. 1839 г.), на стр. 6, разбирая опредѣленія учеными «капитала» и замѣчая, что «умъ и тѣлесныя силы человѣка составляютъ въ производствѣ цѣнность», Усовъ выразилъ свое мнѣніе о капиталѣ слѣдующимъ опредѣленіемъ: «капиталъ сельскаго хозяина заключается въ землѣ, строеніяхъ, сѣменахъ, орудіяхъ, скотѣ, запасахъ произведеній и работникахъ съ управляющимъ». Очевидно, г. Устряловъ никогда не читалъ труда С. М. Усова «О капиталѣ въ сельскомъ хозяйствѣ», иначе онъ, вѣроятно, воздержался бы отъ вымышленнаго имъ сравненія мнѣній трехъ профессоровъ о капиталѣ. Очень можетъ быть, что и опредѣленія его гг. Горловымъ и Кранихфельдомъ были иныя.

Отецъ мой, съ 1834 по 1859 годъ, редактировалъ три періодическія сельскохозяйственныя изданія («Земледѣльческую Газету», «Посредникъ», «Труды Вольнаго Экономическаго Общества»), въ которыхъ сообщалъ всѣ новѣйшія

[1]) См. № 6 «Трудовъ императорскаго вольнаго экономическаго общества» 1859 года.

изслѣдованія, открытія, практическія приспособленія, теоретическія предположенія по сельскому хозяйству и естественнымъ наукамъ. Онъ выписывалъ и прилежно прочитывалъ всѣ лучшіе англійскіе, французскіе, нѣмецкіе сельскохозяйственные журналы. По словамъ г. Реутовича, «Земледѣльческая Газета» и «Посредникъ» составляютъ «полныя хозяйственныя библіотеки». Если вѣрить г. Устрялову, то отецъ мой скрывалъ отъ студентовъ новѣйшія пріобрѣтенія науки и дѣлился ими только съ читателями своихъ журналовъ. Рѣдкое явленіе, особенно въ такомъ профессорѣ, котораго, какъ моего отца, смерть поразила, такъ сказать, за письменнымъ столомъ, съ перомъ въ рукахъ, за его ученымъ трудомъ.

Невѣрны также сужденія г. Устрялова и о нѣкоторыхъ другихъ профессорахъ. И. О. Шиховскій, профессоръ ботаники, глубоко и основательно зналъ свой предметъ, но не умѣлъ его преподавать. Профессоръ зоологіи, С. С. Куторга, котораго превозноситъ г. Устряловъ, говоря даже, что онъ «какъ бы предугадывалъ Дарвина», во время пребыванія г. Устрялова въ университетѣ, зоологіею уже не занимался и отсталъ отъ этой науки. Уже въ мое время (1844—1849 гг.), этотъ даровитый преподаватель увлекся палеонтологіею, геогнозіею, минералогіею, посвятилъ ихъ изученію свои талантливыя способности и сталъ даже пренебрегать преподаваніемъ студентамъ своего кореннаго предмета. Въ приведенной выше исторической запискѣ В. В. Григорьева, сказано о С. С. Куторгѣ: «Вообще, въ первый періодъ дѣятельности, до 1848 года, онъ удѣлялъ зоологіи замѣтно больше времени и болѣе разнообразилъ свои чтенія, чѣмъ послѣ того, какъ начатыя имъ, съ 1846 года, ежегодныя геологическія экскурсіи и полученная затѣмъ, въ 1848 году, каѳедра минералогіи и геогнозіи при главномъ педагогическомъ институтѣ, отнимали у него много времени и уже не позволяли ему посвящать всѣ силы, по прежнему, одной своей университетской каѳедрѣ».

Даромъ преподаванія, умѣніемъ увлекать слушателей, С. С. Куторга обладалъ въ высокой степени, равно какъ и искалъ популярности между студентами, хотя въ концѣ его жизни (въ 1860—1861 году) между послѣдними и имъ произошла непріятная для него исторія, главнымъ поводомъ къ которой, какъ кажется, было его добровольное отчужденіе отъ зоологіи. Подробностей ея я не знаю, потому что въ то время стоялъ внѣ университетскихъ сферъ. По словамъ г. Устрялова, «въ «высшихъ» сферахъ лекціи Куторги считались либеральными. Занимаясь съ увлеченіемъ въ то время естественными науками, и подготовленный къ зоологіи и ботаникѣ еще до поступленія въ университетъ, я посѣщалъ не только лекціи своего курса, но и другія, оставаясь иногда въ университетѣ съ 9-ти часовъ утра до 3-хъ часовъ пополудни. Поэтому, курсы С. С. Куторги я прослушалъ вдвойнѣ. Я былъ постояннымъ слушателемъ и его интересныхъ публичныхъ лекцій въ Императорскомъ минералогическомъ обществѣ, но ни тутъ, ни въ университетѣ, ничего «либеральнаго» не слыхалъ. Въ сороковыхъ же годахъ университеты пользовались бо̀льшею свободою, чѣмъ въ началѣ пятидесятыхъ, во времена Ѳ. Н. Устрялова.

Пав. Усовъ.

щихъ точныя свѣдѣнія, относительно деревни, лежащей въ долинѣ, и ея разстоянія до ближайшаго города.

Затѣмъ, рыцарь спросилъ: кто онъ такой и что заключается въ его мѣшкѣ?

Старикъ молча подалъ свой полотняный мѣшокъ чужестранцу, который съ любопытствомъ пересмѣтрѣлъ собранныя травы и передалъ ихъ своимъ спутникамъ. Эти въ свою очередь начали разглядывать растенія, нюхали ихъ и съ таинственнымъ видомъ сообщали другъ другу свои догадки.

Наконецъ, предводитель снова обратился къ старику на ломанномъ итальянскомъ языкѣ, видимо затрудняясь въ выраженіяхъ:

Карлъ VIII переходитъ черезъ Альпы.

— Вѣроятно вы занимаетесь колдовствомъ и приготовляете волшебные напитки?

Старикъ улыбнулся и отрицательно покачалъ головой, такъ что не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ошибочности этого предположенія.

— Значитъ, вы лѣкарь, продолжалъ рыцарь, и собрали эти травы, чтобы приготовлять изъ нихъ различныя снадобья. Такой человѣкъ, какъ вы, можетъ пригодиться намъ, потому что переходъ черезъ эти страшныя горы вредно отозвался на здоровьи нашихъ людей. Но я увѣренъ, что будетъ еще хуже, когда мы спустимся съ высоты и вступимъ въ эту землю, покинутую Богомъ, потому что ядовитыя болотныя испаренія могутъ надѣлать намъ не мало бѣдъ! Вы первый человѣкъ, котораго мы встрѣтили на этой сторонѣ могучихъ горъ, нагроможденныхъ самой природой, чтобы слу-

жить естественной границей между сѣверомъ и югомъ; и я считаю это хорошимъ предзнаменованіемъ. Само небо посылаетъ намъ помощь въ вашемъ лицѣ. Если вы согласны и ничто не удерживаетъ васъ, то вы можете слѣдовать за нами. Само собою разумѣется, что вы получите приличное вознагражденіе, потому что мы ни надъ кѣмъ не позволимъ себѣ насилія, пока не будетъ для этого прямаго повода. Но прежде всего сведите насъ въ ту деревню, которая виднѣется между утесами, тѣмъ болѣе, что эта случайная остановка вѣроятно показалась слишкомъ продолжительной нашимъ людямъ. Тамъ, внизу мы поговоримъ подробнѣе обо всемъ...

Старикъ слушалъ рыцаря съ напряженнымъ вниманіемъ; взглядъ его тусклыхъ глазъ замѣтно оживился и лице принимало все болѣе и болѣе осмысленное выраженіе. Наконецъ, онъ поднялся на ноги и спросилъ незнакомаго рыцаря:

— Объясните мнѣ, кто вы и откуда явились сюда такъ неожиданно?

— Наша страна лежитъ по ту сторону Альпъ, возразилъ рыцарь; мы перешли горы, чтобы покарать злополучную Италію и отомстить за всѣ тѣ преступленія, которыя издавна совершаются здѣсь!

Слова эти магически подѣйствовали на старика; онъ выпрямился, глаза его сверкнули злобной радостью; и рыцарь съ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ далеко не такъ старъ и дряхлъ, какъ ему показалось сначала.

— Вы пришли сюда, чтобы покарать преступленія, какія совершались въ этой странѣ! воскликнулъ старый лекарь взволнованнымъ голосомъ. Я охотно послѣдую за вами и буду служить вамъ по мѣрѣ моихъ силъ и знанія, которымъ я нѣкогда славился больше всѣхъ врачей. Возьмите меня съ собой, вы не будете жалѣть объ этомъ... Господь при самомъ вступленіи вашемъ въ эту землю послалъ вамъ во мнѣ человѣка, который лучше, чѣмъ кто нибудь, можетъ разсказать вамъ о тѣхъ злодѣяніяхъ, какія безнаказанно совершаются въ Италіи».

Затѣмъ, онъ бодрой и увѣренной походкой пошелъ рядомъ съ всадниками, какъ будто встрѣча съ ними возвратила ему молодость. Предводитель войска и его спутники съ недоумѣніемъ смотрѣли на загадочнаго проводника, который такъ странно привѣтствовалъ ихъ у порога страны, на которую они должны были поднять мечь во имя короля Франціи.

Предводитель, по имени Торси, тотчасъ по вступленіи въ деревню, послалъ одного изъ своихъ людей къ мѣстному подеста (градоначальнику) съ извѣщеніемъ о прибытіи войска, вызваннаго французскимъ королемъ изъ Швейцаріи. Въ томъ же письмѣ онъ заявлялъ свои требованія относительно постоя для солдатъ приведеннаго имъ отряда, въ виду соглашенія, состоявшагося между

французскимъ королемъ и миланскимъ герцогомъ. Само собою разумѣется, что все населеніе деревни выбѣжало на улицу, чтобы видѣть швейцарскихъ солдатъ, которые должны были присоединиться къ войску французскаго короля и вмѣстѣ съ нимъ совершить походъ въ Римъ и Неаполь. Жители деревни сначала опасались грабежа, но одобренные присутствіемъ Торси и другихъ французскихъ рыцарей, радушно приняли швейцарцевъ и оказали имъ гостепреимство. Хотя подобныя неожиданности случались довольно часто въ тѣ времена и всякое появленіе войска было крайне обременительно для сельскихъ жителей, но они должны были покориться тяжелой необходимости. Между тѣмъ, вѣсть о прибытіи многочисленнаго швейцарскаго отряда съ быстротою молніи распространилась по окрѣстностямъ; народъ выходилъ толпами на большую дорогу, чтобы взглянуть на чужеземцевъ.

Жители пограничной деревни, въ которой жилъ старый лѣкарь, неохотно простились съ нимъ, потому что онъ былъ для нихъ весьма полезнымъ человѣкомъ. Мѣстный приходскій священникъ, какъ и всѣ знавшіе старика, считали его немного помѣшеннымъ, но постоянно обращались къ нему за помощью съ тѣхъ поръ, какъ убѣдились, что онъ окончательно приходитъ въ себя у постели больнаго, когда требуется его совѣтъ. Никто не зналъ, кто онъ и откуда, такъ какъ старикъ никогда не говорилъ о своей прошлой жизни.

Также скрытно держался онъ и относительно своихъ новыхъ покровителей, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе своего умственнаго разстройства давно привыкъ считать себя не тѣмъ лицомъ, какимъ былъ въ дѣйствительности.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ страшный ударъ судьбы, нарушивъ его мирное существованіе въ Гэтто, отнялъ у него обоихъ дѣтей, и онъ помѣшался отъ отчаянія. Въ его болѣзненномъ воображеніи часто воскресалъ тотъ роковой часъ, когда онъ стоялъ у постели больнаго папы Иннокентія и переливалъ въ его старческое, изнуренное тѣло кровь своихъ собственныхъ сыновей. Ихъ неожиданная смерть поразила его ужасомъ и омрачила умъ; онъ убѣжалъ ночью изъ города, въ полной увѣренности, что надъ нимъ тяготѣетъ проклятіе и что ему суждено вѣчно жить и нигдѣ не найти себѣ покоя.

Такъ странствовалъ онъ съ мѣста на мѣсто въ своей запыленной изодранной одеждѣ съ взъерошенными волосами, наводя ужасъ на прохожихъ своимъ дикимъ видомъ, тѣмъ болѣе, что лихорадочный блескъ его глазъ служилъ явнымъ доказательствомъ полнаго умопомѣшательства. Когда онъ изнемогалъ и чувствовалъ голодъ, то сострадательные люди кормили его и доставляли безопасный ночлегъ. Но какая-то невѣдомая сила снова гнала его впередъ. Онъ часто жаловался, что не можетъ умереть и долженъ

вѣчно странствовать съ одного конца земли на другой. Если случалось, что черезъ продолжительное время снова возвращался на прежнее мѣсто, то люди избѣгали его въ убѣжденіи, что онъ принесетъ имъ несчастіе и нерѣдко запирали передъ нимъ дверь.

Такимъ образомъ, несчастный безумецъ прошелъ вдоль и поперегъ всю Италію. Наконецъ однажды вечеромъ онъ добрелъ, усталый и голодный, до пограничной деревни, лежащей среди горныхъ утесовъ, въ надеждѣ найти себѣ ночлегъ. Долгое время онъ напрасно ходилъ отъ двери къ двери и просилъ впустить его, пока наконецъ ему позволили войти въ одинъ домъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны хозяевъ, которые не рѣшились отказать въ пріютѣ одинокому страннику въ виду грозившаго имъ несчастія. Это была молодая супружеская чета, которая съ часу на часъ ожидала смерти своего единственнаго больнаго ребенка, лежавшаго въ колыбели. Мать со слезами на глазахъ предложила свой ужинъ незнакомцу, который не поднимая глазъ, молча принялся за ѣду. Но вскорѣ лицо его оживилось; онъ поднялъ голову и началъ прислушиваться. До него ясно долетали жалобные тихіе стоны; отъ нихъ мало по малу разсѣялся мракъ его мозговъ и сознаніе дѣйствительности вернулись къ нему; онъ вспомнилъ о призваніи, которое нѣкогда составляло высшую задачу его жизни. Молодые родители въ первую минуту обомлѣли отъ испуга, когда незнакомецъ неожиданно поднялся съ мѣста и, подойдя къ колыбели ребенка, ощупалъ ему руки и лобъ. Но въ тонѣ голоса, съ какимъ онъ отдалъ имъ разныя приказанія, была такая спокойная увѣренность, что они не рѣшились противорѣчить ему и принесли требуемыя снадобья. Странный человѣкъ тотчасъ же приготовилъ изъ нихъ питье и влилъ въ ротъ ребенку. До этого старухи, исполнявшія въ деревнѣ роль знахарокъ, испробовали на маленькомъ существѣ всѣ свои медицинскія средства, но безъ малѣйшаго успѣха, такъ что у родителей исчезла послѣдняя тѣнь надежды. Теперь они съ радостью увидѣли, что лекарство незнакомца магически подѣйствовало на ихъ умирающаго ребенка. Онъ видимо ожилъ, стоны мало по малу затихли, дыханіе становилось все ровнѣе. Лучъ надежды снова проснулся въ сердцѣ измученныхъ родителей; они начали умолять своего гостя остаться у нихъ до полнаго выздоровленія ихъ сына.

Исаакъ Іэмъ остался, такъ какъ у него была прямая цѣль, которая удерживала его на мѣстѣ. Желаніе исцѣлить больнаго ребенка благодѣтельно подѣйствовала на его возбужденную фантазію и отвлекло мысли отъ прошлаго.

На слѣдующее утро между жителями деревни разнеслась молва о таинственномъ пришельцѣ, который больше понималъ во врачебномъ искусствѣ, нежели всѣ тѣ, у кого имъ приходилось лѣчиться до сихъ поръ. Еще прежде нежели окончательно выздо-

ровѣлъ ребенокъ, Іэма призвали къ другимъ больнымъ, и онъ настолько помогъ имъ, что скоро изъ окрестностей къ нему стали обращаться за совѣтомъ. Хотя не разъ имъ овладѣвало безпокойство и побуждало снова пуститься въ путь, но обязанности врача, вслѣдствіе издавна усвоенной привычки, удерживали на мѣстѣ. Мало по малу его тревожное состояніе духа уступило мѣсто тихой меланхоліи и онъ всецѣло предался заботамъ о своихъ больныхъ. Трудность добыть какія либо лѣкарства въ бѣдной деревнѣ, расположенной среди горъ, понудила его отыскивать различныя знакомыя ему травы и коренья и самому изготовлять изъ нихъ декокты и порошки. Но это была его единственная связь съ дѣйствительнымъ міромъ; ко всему остальному онъ не выказывалъ ни малѣйшаго участія. Одиночество не тяготило его; онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ уединенной горной деревнѣ, довольствуясь простой комнатой и скудной пищей; и вѣроятно прожилъ бы такъ до конца жизни, еслибы неожиданное появленіе вспомогательнаго французскаго войска не вывело его изъ умственнаго оцѣпенѣнія, давъ другое направленіе его мыслямъ.

Но по мѣрѣ того, какъ умственныя способности еврейскаго врача приходили все болѣе и болѣе въ нормальное состояніе, увеличивался и его интересъ ко всему окружающему. Онъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія, при разсказѣ о послѣднихъ великихъ событіяхъ, о которыхъ до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Нѣсколько разъ онъ простиралъ руки къ небу и его дрожащія губы шептали слова восхваленія Іеговѣ, когда ему сообщили о тяжелыхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ Италію.

Сколько важныхъ перемѣнъ произошло съ тѣхъ поръ, какъ для него порвалась всякая связь съ дѣйствительнымъ міромъ! Папа Иннокентій VIII умеръ и Александръ IV заступилъ его мѣсто. Французскій король сталъ во главѣ своихъ храбрыхъ рыцарей и наемнаго войска и перешелъ Альпы, между тѣмъ какъ флотъ съ артиллеріей, этимъ грознымъ оружіемъ французовъ, направился изъ Марсели въ Геную. Король нигдѣ не встрѣтилъ сопротивленія на своемъ пути и теперь находился въ недалекомъ разстояніи отъ Рима. Онъ не только вошелъ въ соглашеніе съ Англіей, нѣмецкимъ императоромъ и испанскимъ королемъ, но отправилъ пословъ къ разнымъ итальянскимъ государствамъ, чтобы узнать, какъ они отнесутся къ его притязаніямъ на неаполитанскій престолъ. За исключеніемъ Венеціи, всѣ правительства сѣверной Италіи стали на сторонѣ французскаго короля или дали уклончивые отвѣты. Такимъ образомъ, Неаполь не могъ разсчитывать ни на какихъ союзниковъ, кромѣ Венеціи.

Между тѣмъ Пьетро Медичи, оскорбленный холоднымъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ Болоньи Ипполитомъ Бентиволіо, отправился въ городъ лагунъ и вызвалъ сюда свою семью. Тогда фран-

цузскій король изъ боязни, чтобы Венеція не сдѣлалась притономъ враждебныхъ ему элементовъ, отправилъ для переговоровъ съ республикой своего уполномоченнаго Филиппа Комнена. Но эти переговоры не привели ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, потому что едва Комненъ вернулся въ главный французскій лагерь близъ Генуи, какъ неаполитанскій король вступилъ въ сношенія съ совѣтомъ десяти черезъ своего сына Федериго, чтобы заручиться содѣйствіемъ Венеціи.

Пьетро Медичи былъ почти ребенкомъ, когда его отецъ Лоренцо посѣтилъ Неаполь; но Кларѣ были хорошо извѣстны всѣ обстоятельства, связанныя съ этимъ событіемъ, такъ что при встрѣчѣ съ принцемъ Федериго она невольно вспомнила исторію его несчастной любви.

Катарина Карнаро по прежнему жила въ Азоло и носила титулъ королевы Іерусалима, Кипра и Арменіи, хотя тотъ же титулъ принадлежалъ и Шарлоттѣ Лузиньянской. Красота супруги бывшаго кипрскаго короля и ея романическая судьба были извѣстны во всей Италіи. Когда она впервые въѣзжала въ свою новую резиденцію Азоло, ее привѣтствовала особая депутація. Группа дѣтей вышла къ ней на встрѣчу съ оливковыми вѣтками; почетные граждане города провели ее подъ золотымъ штофнымъ балдахиномъ по главнымъ улицамъ, разукрашеннымъ коврами и гирляндами. Большая толпа народа сопровождала ее въ церковь и затѣмъ въ замокъ. Здѣсь у Катарины былъ многочисленный придворный штатъ, среди котораго, по обычаю того времени, было нѣсколько поэтовъ и ученыхъ. Черезъ годъ послѣ своего водворенія въ Азоло она приказала построить себѣ лѣтній загородный палаццо среди роскошнаго тѣнистаго парка.

Вообще, въ послѣднее время въ городѣ лагунъ чаще, чѣмъ когда либо, говорили о бывшей кипрской королевѣ. Главнымъ поводомъ къ этому послужило прибытіе ученаго историка и поэта Бембо, знатнаго венеціанца, который часто бывалъ при дворѣ Катарины въ Азоло и только что вернулся оттуда, чтобы принять участіе въ предстоящихъ дипломатическихъ переговорахъ.

Прекрасная кипрская королева обыкновенно проводила зиму въ Венеціи, гдѣ она являлась при большихъ церковныхъ торжествахъ во всемъ блескѣ своего сана.

Въ эту зиму она также жила въ родномъ городѣ и противъ своего обыкновенія принимала дѣятельное участіе въ празднествахъ карнавала. Братъ ея Джьоржіо, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣлъ единственную дочь, которая теперь почти неразлучно находилась при своей молодой теткѣ; и хотя принца Федериго часто встрѣчали въ обществѣ обѣихъ дамъ, но никто не зналъ въ точности, которая изъ нихъ привлекала его вниманіе.

Въ то-же время неаполитанскій принцъ познакомился съ ма-

терью и женой Пьетро Медичи и не разъ проводилъ у нихъ вечера. Дни были обыкновенно заняты у него совѣщаніями и отправкой депешъ, такъ что только вечеромъ онъ могъ пользоваться отдыхомъ и употребить время на личныя дѣла. Супруга Пьетро, Альфонсина, была въ дружескихъ сношеніяхъ съ Шарлоттой де Лузиньянъ, которая посвятила ее въ тайну романической любви неаполитанскаго принца къ прекрасной Катаринѣ Карнаро; и это обстоятельство въ значительной степени способствовало сближенію влюбленнаго Федериго съ фамиліей Медичи.

Въ послѣднее время Клара была глубоко возмущена поведеніемъ Лодовико Моро, который, благодаря своему союзу съ французскимъ королемъ, окончательно утвердился на миланскомъ престолѣ, но въ то-же время поставилъ въ ложное положеніе остальныхъ правителей Италіи, и въ особенности Пьетро Медичи. Но такъ какъ самыя умныя женщины даже въ серіозныхъ дѣлахъ не могутъ отрѣшиться отъ личныхъ побужденій, то Клара въ данномъ случаѣ была плохой руководительницей сына. Его нерѣшительность и безтактное поведеніе могутъ быть всецѣло объяснены ея вліяніемъ. Несмотря на печальные результаты такого способа дѣйствій, она теперь готова была перейти на сторону неаполитанскаго короля, тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе въ Венеціи было въ его пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она видѣла въ этомъ единственную возможность отомстить миланскому герцогу и его союзнику, французскому королю, которыхъ она считала главными виновниками изгнанія Пьетро изъ Флоренціи. Такимъ образомъ, для нея была своего рода нравственнымъ удовлетвореніемъ выказать свою симпатію принцу Федериго.

Ей не стоило особеннаго труда вызвать принца на откровенность въ интимномъ разговорѣ и заставить его сознаться въ любви къ Катаринѣ Карнаро. Она вскорѣ убѣдилась изъ его словъ, что пріобрѣтеніе острова Кипра не имѣетъ для него особеннаго значенія и что его помыслы исключительно направлены на обладаніе прекрасной женщиной. Клара, несмотря на свое честолюбіе и гордость, всегда была вѣрной и любящей женой; поэтому она приняла искреннее участіе въ горѣ принца и посовѣтовала ему во что бы то ни стало добиться руки бывшей кипрской королевы, если ея чувства не измѣнились къ нему. Въ душѣ принца Федериго происходила тяжелая борьба. Его отечество было въ опасности; самъ онъ былъ посланъ въ Венецію съ дипломатическимъ порученіемъ, между тѣмъ, сердце неудержимо побуждало его отважиться на опасное предпріятіе. Природа тѣмъ сильнѣе заявляла свои права, что молодой принцъ вообще не чувствовалъ склонности къ государственнымъ дѣламъ и, болѣе чѣмъ когда нибудь, былъ поглощенъ своей неизмѣнной любовью, пережившей нѣсколько лѣтъ разлуки.

Въ то время, какъ во Флоренціи суровый доминиканскій монахъ воспользовался временемъ карнавала, чтобы наглядно убѣдить народъ въ правотѣ своего ученія, въ роскошной Венеціи все шло по старому. На праздникъ карнавала собралось множество лицъ, которыя по своему положенію и образу жизни были дѣйствительными представителями эпохи и того зла, противъ котораго боролся Саванарола. Катарина Карнаро, богато разукрашенная жертва торгово-политическаго разсчета, томилась съ пятнадцати лѣтъ въ позолоченныхъ оковахъ; принцъ Федериго былъ сынъ узурпатора и долженъ былъ убѣдиться по горькому опыту, что для послѣдняго ничего не существовало, кромѣ его честолюбивыхъ стремленій. Оба были одинаково достойны сожалѣнія и страдали изъ-за другихъ, между тѣмъ, какъ члены дома Медичи искупали свои собственные грѣхи. Всевозможныя страсти скрывались подъ личиной равнодушія и свѣтской любезности, и даже среди невинныхъ, повидимому, разговоровъ проводились различные планы и интриги.

На блестящемъ маскарадѣ, устроенномъ дожемъ Венеціи, появился греческій пѣвецъ съ лютней въ рукахъ. Ни одинъ изъ присутствующихъ не догадался, кто онъ, даже и тогда, когда онъ вступилъ въ оживленный разговоръ съ женской маской въ красивомъ костюмѣ кипрской крестьянки, въ которой всѣ узнали Катарину Карнаро по роскошнымъ бѣлокурымъ волосамъ.

Вскорѣ послѣ карнавала, Пьетро Медичи сдѣлалъ попытку снова утвердиться во Флоренціи. Республика Венеціи купила часть его картинной галлереи, такъ что у него не было недостатка въ деньгахъ; Орсини собрали для него значительное войско; флорентинская «Signoria» обѣщала свое содѣйствіе. Но враги дома Медичи заперли городскія ворота и выставили пушки; члены «Signoria» принуждены были удалиться и составился совѣтъ изъ противниковъ Пьетро Медичи, который долженъ былъ отступить отъ городскихъ воротъ и вернуться въ Сіену.

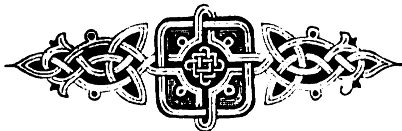
Приверженцы Саванролы носили прозвище «піаньони»; сторонники Медичисовъ назывались «паллески» соотвѣтственно гербу дома Медичи, на которомъ были изображены пять пуль (palle). Третья партія, «арабіаты», дѣйствовала всего энергичнѣе; она не поддерживала ни Медичисовъ, ни Саванаролу и стремилась къ возстановленію независимой республики. Партія піаньони стояла теперь во главѣ правленія, но Саванарола зналъ, что враги его неуязвимы, пока не будетъ отстраненъ папа Александръ IV. Въ виду этого, онъ обратился съ энергическими возваніями къ наиболѣе могущественнымъ христіанскимъ государямъ: нѣмецкому императору, королямъ Англіи, Испаніи и Франціи, и, ссылаясь на дурную репутацію и развратный образъ жизни Борджіа, доказывалъ необходимость церков-

ной реформы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ настойчиво требовалъ, чтобы былъ созванъ соборъ, который бы предалъ суду папу Александра и отрѣшилъ его отъ должности. Одно изъ этихъ посланій, обращенное къ французскому королю Карлу VIII, попало въ руки миланскаго герцога Лодовико Моро, который передалъ его папѣ.

Созваніе собора было всего опаснѣе для папской власти, поэтому, въ предупрежденіе этого, въ Римѣ рѣшено было принять немедленно строгія мѣры противъ настоятеля Санъ-Марко.

Впрочемъ, и въ самой Флоренціи у Саванаролы было не мало враговъ. Его ненавидѣла большая часть молодежи, которая во время его суроваго правленія должна была отказаться отъ всякихъ удовольствій. Равнымъ образомъ противъ него были и юные члены совѣта, обязанные ему своимъ возвышеніемъ, на преданность которыхъ онъ всего больше разсчитывалъ. Въ первое время они молча переносили перемѣну всѣхъ общественныхъ условій и повидимому мирились съ добровольнымъ отреченіемъ отъ веселой жизни, которая до этого господствовала во Флоренціи. Но теперь, когда они сдѣлались вліятельными и могущественными людьми и не нуждались больше въ поддержкѣ Саванаролы, они открыто перешли на сторону его противниковъ арабіатовъ, что мало по малу измѣнило положеніе дѣлъ во Флоренціи.

До этого въ Совѣтъ могли вступать только люди, достигшіе тридцатилѣтняго возраста, но, согласно желанію настоятеля Санъ-Марко, этотъ срокъ былъ уменьшенъ до двадцати четырехъ лѣтъ. Саванарола, проводя эту мѣру, разсчитывалъ на молодыхъ людей, слушавшихъ съ ранней юности его проповѣди, и подрастающихъ дѣтей, которыхъ онъ особенно умѣлъ расположить къ себѣ. Но при этомъ онъ совершенно упустилъ изъ виду, что его суровое, аскетическое направленіе не могло нравиться молодежи и что невинныя, дозволенныя имъ удовольствія казались скучными и однообразными юношамъ, вышедшимъ изъ дѣтскаго возраста, и давали слишкомъ мало простору их ненасытной жаждѣ сильныхъ ощущеній.



ГЛАВА XIII.

Общее вниманіе обращено на приближеніе непріятеля.

АТЬ Джироламо Саванаролы, въ первое время своего пребыванія въ Флоренціи, предалась всецѣло чувству счастья, которое овладѣло ею съ того момента, какъ она была свидѣтельницей почета, оказаннаго ея сыну. Она была убѣждена, что Джироламо предпринялъ хорошее и богоугодное дѣло; и такъ какъ все доказывало ей, что народъ не только уважаетъ, но и любитъ его, то мысль, что она мать подобнаго человѣка, наполняло ея сердце радостной гордостью.

Но богобоязненная женщина по своему смиренію не подозрѣвала, какъ велико было значеніе Саванороды даже по отношенію важныхъ міровыхъ событій. Послѣ изгнанія Пьетро Медичи образовались три вышеупомянутыхъ партіи подъ предводительствомъ знатнѣйшихъ родовъ; и такъ какъ, во время пріѣзда во Флоренцію матери и сестры Саванаролы, піаньони одержали верхъ надъ своими противниками, то смѣлый монахъ въ данный моментъ былъ на высотѣ своего могущества. Онъ ввелъ новое государственное устройство, по которому Флоренція должна была сдѣлаться градомъ Божіимъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ представлялъ себѣ его. При этомъ никто не долженъ былъ признавать другой власти, кромѣ Іисуса Христа, такъ какъ реформаторъ хотѣлъ образовать родъ духовной республики, съ президентомъ, который былъ бы намѣстникомъ Христа на землѣ. Планы честолюбиваго монаха не ограничивались одной Флоренціей; онъ хотѣлъ преобразовать Италію и мало по малу весь міръ, какъ въ государственномъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. Онъ не хотѣлъ измѣнять обѣту своего ордена, а только указывать путь, по которому должна была слѣдо-

вать вновь учрежденная имъ республика. Въ виду этого онъ не разъ въ проповѣдяхъ говорилъ своимъ слушателямъ: «Не утруждайте меня напрасно и не обращайтесь со всякой бездѣлицей; но я всегда готовъ разрѣшить ваши сомнѣнія или дать совѣтъ въ важныхъ дѣлахъ»! Тѣмъ не менѣе, не смотря на скромную избранную имъ роль, онъ былъ безусловно душой и главой вновь учреждаемаго имъ «Божьяго града»; съ его каѳедры исходила инпціатива и рѣшеніе всѣхъ значительныхъ реформъ. Онъ настойчиво требовалъ кореннаго обновленія христіанской жизни; подъ его руководствомъ пышная и расточительная Флоренція вскорѣ приняла совершенно иной видъ. Театры опустѣли; пришлось закрыть многія гостинницы; все болѣе и болѣе увеличивалось число знатныхъ дамъ, которыя отказывались отъ дорогихъ нарядовъ и жертвовали свои украшенія на алтарь отечества. Многіе купцы вносили большія суммы денегъ, чтобы возвратить хотя часть неправильно пріобретенныхъ богатствъ; однимъ словомъ, вездѣ видно было общее преобразованіе и пробужденіе къ новой жизни.

По настоянію Саванаролы приняты были строгія мѣры къ соблюденію нравственности; всѣ игорные дома были закрыты въ городѣ и назначены строгія наказанія за расточительность и безумную роскошь, какая господствовала въ тѣ времена во всѣхъ слояхъ общества. Онъ хотѣлъ сдѣлать библію краеугольнымъ камнемъ общественной жизни и по прежнему безпощадно клеймилъ всякія злоупотребленія въ церкви, въ особенности торговлю высшими должностями при папскомъ дворѣ.

Солнце счастья снова взошло для него во всемъ блескѣ; въ вербное воскресенье, по его иниціативѣ устроена была торжественная процессія вокругъ города. Онъ хотѣлъ этимъ доставить невинное удовольствіе юношеству и простому народу, въ судьбѣ котораго всегда принималъ самое искреннее участіе.

Подобно тому, какъ и во время карнавала, дѣти были главными участниками торжества, которому благопріятствовало ясное безоблачное небо прекрасной Флоренціи, залитое солнечнымъ сіяніемъ. Болѣе восьми сотъ дѣтей, одѣтыхъ въ праздничное платье и разукрашенныхъ вѣнками, медленно двигались по городскимъ улицамъ среди торжественнаго и церковнаго пѣнія. Безмятежная радость сіяла на ихъ лицахъ, такъ что трудно было вообразить себѣ болѣе привлекательное зрѣлище, нежели то, какое представляли собой эти юныя существа, исполненныя надеждъ и убранныя пестрыми весенними цвѣтами. Нѣкоторыя изъ дѣтей несли въ рукахъ чаши для сбора пожертвованій въ видѣ денегъ, золотыхъ и драгоцѣнныхъ вещей, которыя должны были быть употреблены на устройство праздника для бѣдныхъ жителей города. Какъ во время карнавала, такъ и теперь драбанты открывали и замыкали собой шествіе. Впереди шелъ магистратъ и настоятель Санъ-Марко

въ сопровожденіи монаховъ; за ними слѣдовали дѣти и значительная часть городскаго населенія. Нѣкоторые изъ представителей партіи паллески сдѣлали попытку помѣшать процессіи, но возбудили этимъ такое общее негодованіе, что должны были удалиться со стыдомъ. На площади, передъ монастыремъ Санъ-Марко, гдѣ остановилась процессія, Саванорола съ воодушевленіемъ говорилъ о земной жизни Спасителя; и его проповѣдь была встрѣчена громкими выраженіями сочувствія со стороны дѣтей и всѣхъ присутствующихъ.

Въ эту пору высшей и неоспоримой славы Саванаролы, Анна жила во Флоренціи и могла слѣдить шагъ за шагомъ за дѣятельностью своего сына. Ей рѣдко удавалось видѣть его, потому что множество лежащихъ на немъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ не оставляли ему ни минуты досуга. Но для Анны это было блаженное время; она снова была вблизи своего сына, съ которымъ была столько лѣтъ въ разлукѣ, и благословляла небо, что ей пришлось быть свидѣтельницей его торжества.

Между тѣмъ, французскій король мало по мало стянулъ свои войска, чтобы при первой возможности приблизиться къ цѣли предпринятаго имъ похода. Такимъ образомъ, ему пришлось еще разъ побывать во Флоренціи прежде, чѣмъ направиться къ Риму, а оттуда въ Неаполь. По всѣмъ даннымъ онъ могъ смѣло разсчитывать, что окончитъ походъ безъ пролитія крови. Вездѣ передъ нимъ открывались городскія ворота; правители наперерывъ чествовали его блестящими празднествами. Карлъ VIII былъ безусловно предпріимчивый, энергичный человѣкъ, но не одна военная слава занимала его помыслы, онъ настолько же цѣнилъ гастрономискія наслажденія и общество прекрасныхъ дамъ. Это обстоятельство было хорошо извѣстно Лодовико Моро; поэтому, когда онъ отправился въ Асти, чтобы привѣтствовать короля, то рѣшилъ устроить здѣсь рядъ блестящихъ прзднествъ, во вкусѣ своего гостя. Герцогиня Марія отказалась отъ участія въ нихъ подъ предлогомъ нездоровья; но это не помѣшало герцогу выполнить свой планъ и пригласить первыхъ красавицъ Милана, которыя должны были украсить своимъ присутствіемъ пиры, устроенные имь въ Асти. Французскій король Карлъ и рыцари его свиты вполнѣ оправдали свою репутацію любезныхъ кавалеровъ, такь какъ общество милинскихъ красавицъ заставило ихъ забыть на нѣсколько дней всѣ тягости труднаго переходя черезъ Альпы и предстоящей войны. Прелестная весенняя погода, изысканный вкусъ въ устройствѣ празднествъ и необыковенная красота женщинъ были для нихъ какъ бы предвкушеніемъ той жизни, какая ожидала ихъ въ благословенной Италіи. Но въ тоже время они уже отчасти чувствовали на себѣ вліяніе разслабляющей нѣги, которую испытываютъ всѣ чужестранцы подъ очарованіемъ здѣшняго солнечнаго неба и жизни, исполненной наслажденія.

Наконецъ, король выступилъ изъ Асти и безъ всякихъ препятствій дошелъ до Пизы, гдѣ его встрѣтило флорентинское посольство, во главѣ котораго былъ Саванарола. Послѣдній настолько проникся своимъ пророческимъ призваніемъ, что предсталъ передъ французскимъ королемъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что его рѣчь окажетъ на него то же неотразимое дѣйствіе, къ которому онъ привыкъ среди своихъ соотечественниковъ.

«Войди въ градъ сей, сказалъ онъ королю, и мы съ веселіемъ и торжествомъ встрѣтимъ тебя, потому что пославшій тебя Тотъ, который восторжествовалъ на крестѣ. Внемли словамъ моимъ, высшій изъ христіанскихъ королей, и запечатлѣй ихъ въ твоемъ сердцѣ. Слуга Господенъ, вдохновленный свыше, возвѣщаетъ тебѣ, чтобы ты, котораго Господь Богъ послалъ въ эту землю, былъ милостивъ во всѣхъ мѣстахъ, куда ты направишь стопы свои. Но паче всего будь милостивъ къ Флоренціи! Хотя въ ней много людей, творящихъ беззаконія, но есть и много праведниковъ, и ради нихъ ты долженъ пощадить городъ, чтобы они молились о тебѣ и оказали помощь твоимъ подданнымъ. Рабъ Божій, который говоритъ тебѣ отъ имени Всевышняго, молитъ тебя защитить всей силой твоей десницы вдовыхъ, сирыхъ и несчастныхъ и оградить цѣломудріе невѣстъ Христовыхъ, живущихъ въ монастыряхъ, чтобы не умножить грѣховъ на землѣ и не ослабить силу, дарованную тебѣ Богомъ. Вспомни также, великій король, что Господь заповѣдалъ намъ прощать обидѣвшимъ насъ! Если ты полагаешь, что флорентинцы или какой-либо другой народъ оскорбилъ тебя, то прости имъ, потому что они согрѣшили по невѣденію, не зная, что ты посланъ свыше. Вспомни о Спасителѣ, который простилъ убійцамъ, распявшимъ его на крестѣ! Если ты исполнишь все это, то Господь, Владыко живота твоего, преумножитъ твою славу, даруетъ тебѣ побѣду и со временемъ приметъ въ свое вѣчное небесное царствіе».

Слава, которой пользовался Саванарола, была только отчасти извѣстна королю. Онъ не получилъ письма, которое писалъ ему настоятель Санъ-Марко, и поэтому, не придавая особеннаго значенія его рѣчи, обѣщалъ въ общихъ чертахъ сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы флорентинцы остались довольны его распоряженіями. При этомъ король невольно вспомнилъ о другомъ своемъ обѣщаніи, данномъ герцогу миланскому въ Асти, которое относилось къ Пьетро Медичи и было крайне тягостно для него; но онъ считалъ неудобнымъ отступить отъ своихъ словъ.

Тайныя намѣренія короля не могли быть извѣстны посольству которое вернулось во Флоренцію съ самыми радужными надеждами, что еще больше усилило уваженіе народа къ Саванаролѣ.

Въ Римѣ слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за дѣйствіями французскаго короля, особенно въ данный моментъ, когда должны были опредѣлиться его отношенія къ флорентинцамъ. Поэтому, из-

вѣстіе о благополучномъ исходѣ посольства смѣлаго доминиканскаго монаха произвело большое впечатлѣніе при папскомъ дворѣ. Папа сильно разгнѣвался на своихъ приближенныхъ, что они ввели его въ заблужденіе относительно важнаго значенія настоятеля Санъ-Марко и черезъ это помѣшали ему своевременно принять мѣры, чтобы задобрить краснорѣчиваго проповѣдника и заставить его служить интересамъ церкви. Александръ IV въ данномъ случаѣ руководился собственнымъ опытомъ, такъ какъ привыкъ достигать цѣли путемъ подкупа. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что можно купить и такую великую умственную силу, какую представлялъ собой Саванарола, и что весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы предложить ему соотвѣтствующую цѣну. Поэтому, папа немедленно послалъ надежнаго человѣка во Флоренцію съ порученіемъ предложить Саванаролѣ должность флорентинскаго архіепископа и кардинальскую шапку подъ условіемъ, что онъ будетъ съ такимъ же рвеніемъ проповѣдывать въ пользу главы церкви, какъ это дѣлалъ прежде противъ него.

Саванарола не только съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, но даже воспользовался имъ, какъ новымъ оружіемъ противъ папы. Въ слѣдующее воскресенье онъ по своему обыкновенію отправился въ соборъ и здѣсь, передъ многочисленной публикой, подробно изложилъ дѣло въ своей проповѣди, окончивъ ее слѣдующими словами: «Я не признаю другого папы, кромѣ Іисуса Христа, и не желаю иной красной шапки, кромѣ той, которая будетъ обагрена моей собственной кровью».

Естественно, что это событіе возбудило оживленные толки во всѣхъ кружкахъ флорентинскаго общества и способствовало еще болѣе рѣзкому обособленію партій за и противъ Саванаролы. Уваженіе, какое чувствовали къ нему монахи монастыря Санъ-Марко, доходило почти до обоготворенія, потому что они лучше другихъ знали, какъ велико было его самоотреченіе и насколько онъ былъ чистъ и безупреченъ въ своей частной жизни. Изъ пожилыхъ монаховъ его наиболѣе горячими приверженцами были: Доменико Буонвичини и Сильвестро Маруффи; изъ молодыхъ особенно выдавался въ этомъ отношеніи Донато Руффіоли, который чувствовалъ къ нему родъ мечтательнаго благоговѣнія.

Монахи другихъ флорентинскихъ монастырей бо̀льшей частью враждебно относились къ нему, особенно францисканцы, которые остались его непримиримыми врагами и даже не разъ пытались вести съ нимъ открытую борьбу. Такъ, напримѣръ, монахъ этого ордена по имени Цаккали, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей, началъ съ нимъ диспутъ по поводу различныхъ религіозныхъ вопросовъ, но потерпѣлъ полное пораженіе. Равнымъ образомъ, одна монахиня изъ монастыря «Annunziata» поддалась искушенію и также послала вызовъ Джироламо Саванаролѣ, предлагая

Саванарола (съ памятника Лютера въ Вормсѣ).

ему вступить съ нею въ диспутъ. Но знаменитый доминиканскій монахъ съ ироніей отказался отъ ея вызова и написалъ письмо, въ которомъ совѣтовалъ ей не забывать, что она женщина, и не предаваться учености, потому что, сидя за прялкой, она можетъ лучше исполнить свою обязанность. Подобные случаи, о которыхъ онъ постоянно самъ сообщалъ въ проповѣдяхъ своимъ слушателямъ, еще больше увеличивали ту любовь, какую народъ чувствовалъ къ нему.

Патеръ Евсевій совѣтовалъ матери и сестрѣ Саванаролы, чтобы по своемъ прибытіи во Флоренцію онѣ остановились въ женскомъ монастырѣ «Annunziata». Хотя гостепріимство, предложенное имъ приверженцами знаменитаго проповѣдника, избавило ихъ отъ необходимости жить въ монастырѣ, но онѣ тѣмъ не менѣе сочли своимъ

долгомъ посѣтить благочестивыхъ сестеръ. Это случилось именно въ то время, когда Саванарола только что заявилъ публично о своемъ отказѣ отъ кардинальскаго достоинства, что казалось обитательницамъ монастыря неслыханнымъ преступленіемъ и новымъ доказательствомъ связи доминиканскаго монаха съ нечистой силой.

Монахини монастыря «Santa Maria Annunziata» приняли съ огорченнымъ видомъ мать и сестру Саванаролы и говорили о немъ такимъ тономъ, который ясно показывалъ ихъ глубокое негодованіе. Беатриче никогда не могла вполнѣ отрѣшиться отъ неудовольствія противъ брата. Но съ того момента, когда она узнала, что Джироламо могъ сдѣлаться кардиналомъ, если бы далъ обѣщаніе служить папѣ, и что онъ добровольно отказался отъ лестнаго предложенія, которое могло принести величайшій почетъ и неисчислимыя выгоды всей семьѣ, то ея затаенное неудовольствіе перешло въ громкія жалобы на брата. Анна напрасно старалась успокоить дочь и защитить Джироламо. Тѣмъ не менѣе, она также смѣло держала себя относительно монахинь и горячо защищала сына противъ всѣхъ обвиненій.

То же повторилось и при слѣдующихъ посѣщеніяхъ. Но однажды, когда ученая монахиня, которой Саванарола посовѣтовалъ заняться прялкой, начала рѣзкимъ, монотоннымъ голосомъ изрѣкать проклятія противъ настоятеля Санъ-Марко, а Беатриче вторила ей и строго осуждала брата, огорченная мать залилась горькими слезами. При этомъ, въ пріемной монастыря произошла сцена, мало соотвѣтствовавшая характеру святой обители, которая считалась убѣжищемъ мира и долготерпѣнія.

Отказъ Саванороды отъ блестящихъ предложеній, сдѣланныхъ ему изъ Рима, какъ и слѣдовало ожидать, привелъ въ ярость папу. Но Александръ IV былъ слишкомъ ловкій дипломатъ, чтобы дать волю своему чувству, поэтому онъ рѣшилъ принять возможныя предосторожности, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу.

Теперь не могло быть ни какого сомнѣнія въ томъ, что Саванаролу нельзя подкупить какими бы то ни было выгодами и что весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы лишить его возможности вредить папѣ. Для достиженія этой цѣли необходимо было заманить его въ западню, такъ какъ немыслимо было предпринять что либо противъ него во Флоренціи, гдѣ у него было столько приверженцевъ. Было также извѣстно со словъ кардинала Медичи, брата Пьетро, что герцогъ Миланскій и вся фамилія Медичи будутъ крайне довольны удаленіемъ упрямаго монаха. Въ виду всего этого, папа снова послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ къ настоятелю монастыря Санъ-Марко и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ приглашалъ его пріѣхать въ Римъ. Посланный объяснилъ Саванаролѣ, что святой отецъ желаетъ получить отъ него лично нѣкоторыя указанія относительно его пророческаго дара, тѣмъ болѣе,

что сдѣланныя имъ предсказанія оправдались такимъ блистательнымъ образомъ вступленіемъ французовъ въ Италію.

Саванарола отказался и отъ этого предложенія, хотя подъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы не возбудить вторично гнѣвъ папы. Онъ сослался на свое слабое здоровье и добавилъ, что въ виду безпокойнаго военнаго времени не считаетъ себя безопаснымъ отъ своихъ враговъ внѣ Флоренціи.

Съ наступленіемъ весны прекрасная кипрская королева снова вернулась въ Азоло, гдѣ она часто принимала гостей при своемъ маленькомъ дворѣ. Хотя и здѣсь ее окружали шпіоны и ей была предоставлена извѣстная свобода только до тѣхъ поръ, пока она оставалась въ бездѣйствіи и не заявляла никакихъ притязаній; но, по крайней мѣрѣ, никто не мѣшалъ ей предаваться любимымъ занятіямъ, пользоваться обществомъ художниковъ и ученыхъ и принимать друзей. Вскорѣ послѣ карнавала, ее посѣтили дамы изъ фамиліи Медичи, въ сопровожденіи неаполитанскаго принца Федериго. Визитъ принца не могъ возбудить подозрѣнія, потому что братъ королевы, Джьорджіо Карнаро, которому она разсказала исторію своей любви, умеръ, вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда въ Венецію, и ея тайна была погребена вмѣстѣ съ нимъ въ могилѣ. Равнымъ образомъ никто не придалъ особеннаго значенія тому обстоятельству, что Клара и Альфонсина вернулись однѣ безъ принца.

Въ Венеціи расиространился слухъ, что принцъ Федериго боленъ и поэтому не выходитъ изъ дому, между тѣмъ, какъ въ это время, онъ жилъ въ окрестностяхъ Азоло, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленіи къ тайному бѣгству Катарины Карнаро. Планъ бѣгства былъ составленъ Кларой Медичи, которая была тѣмъ болѣе довольна имъ, что никто не могъ заподозрить ни ея вліянія, ни участія неаполитанскаго принца.

Появленіе принца Федериго внезапно пробудило кипрскую королеву изъ мирнаго, полуапатичнаго состоянія духа, въ которомъ она прожила нѣсколько лѣтъ. Когда глаза ея встрѣтили взглядъ любимаго человѣка и она почувствовала пожатіе его руки, въ ней снова проснулась прежняя страсть и неразлучная жизнь съ нимъ стала ея завѣтной мечтой. Она слушала съ замираніемъ сердца, когда онъ краснорѣчиво доказывалъ ей, что если она согласится выполнить задуманный планъ бѣгства, то ничто не можетъ помѣшать ихъ браку. Въ это время Клара вмѣстѣ съ невѣсткой разсматривала различныя сокровища искусствъ, собранныя въ красивомъ палаццо кипрской королевы. Такимъ образомъ, влюбленные долго оставались одни; не разъ разговоръ ихъ прерывался горячими поцѣлуями и объятіями. Принцъ Федериго сообщилъ, между прочимъ, что Шарлоттѣ де-Лузиньянъ извѣстны ихъ отношенія и что

она съ своей стороны готова оказать имъ возможное содѣйствіе. Поэтому, Катарина должна была отправиться въ Римъ, къ своей невѣсткѣ, которая приметъ ее съ распростертыми объятіями. Путь былъ свободенъ и не было никакого повода опасаться погони.

Катарина изъявила свое согласіе и принцъ немедленно занялся приготовленіями къ ея бѣгству.

Въ назначенный день кипрская королева собралась въ путь, въ сопровожденіи небольшой свиты, состоящей изъ нѣсколькихъ женщинъ и вооруженныхъ слугъ.

Тотчасъ послѣ ея отъѣзда, принцъ вернулся въ Венецію въ надеждѣ, что ему удастся ввести въ обманъ синьорію. Но едва прошло нѣсколько часовъ, какъ въ палаццо дожей явился гонецъ изъ Азоло съ вѣстью о внезапномъ отъѣздѣ кипрской королевы. Извѣстно было также, что Катарина отправилась въ Римъ, чтобы искать убѣжища у своей политической соперницы, что давало поводъ опасаться, что королева Шарлотта воспользуется этимъ обстоятельствомъ, чтобы устроить новыя козни противъ венеціанской республики, къ которой она чувствовала непримиримую ненависть.

Поэтому, тотчасъ же сдѣланы были необходимыя распоряженія, чтобы вернуть Катарину Карнаро съ дороги и даже, въ случаѣ крайности, вытребовать ее въ Азоло черезъ папское правительство.

Совѣтъ десяти, повидимому, узналъ также, какую роль играла фамилія Медичи въ бѣгствѣ кипрской королевы, и, вѣроятно, правительство венеціанской республики не замѣдлило бы выразить свое неудовольствіе изгнанникамъ, которые отплатили интригами за оказанное имъ гостепріимство. Но въ это время, во Флоренціи снова начались смуты, которыя побудили Медичисовъ отправиться въ сосѣдство роднаго города.

Хотя партія Саванаролы все еще была во главѣ правленія и, повидимому, пользовалась милостью народа, но на улицахъ не прекращались стычки и возмутительныя сцены убійства происходили днемъ и ночью. Неизвѣстные замаскированные люди всюду подкарауливали приверженцевъ Саванаролы, такъ что, наконецъ, дошло до того, что никто не хотѣлъ принять на себя заботу о раненыхъ и умирающихъ. Тогда, по инициативѣ настоятеля монастыря Санъ-Марко увеличено было общество «Братьевъ Милосердія», въ которомъ участвовали лица изъ всѣхъ сословій. Они появлялись на улицахъ въ одинаковыхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ бѣлыми капишонами, покрывавшими всю голову, кромѣ двухъ отверстій для глазъ; никто не зналъ ихъ имени и не могъ разглядѣть ихъ лицъ. При этомъ они обязаны были по обѣту хранить молчаніе, такъ что нерѣдко случалось, что рядомъ съ простымъ работникомъ можно было встрѣтить человѣка изъ самой аристократической фамиліи, но оба съ одинаковымъ усердіемъ исполняли заповѣдь ми-

лосердія, подбирали по улицамъ раненыхъ и мертвыхъ, чтобы ухаживать за одними и предать погребенію другихъ.

Своеобразное празднество карнавала, которое произвело такое сильное впечатлѣніе на сердца и настроеніе духа всѣхъ присутствующихъ и еще больше воодушивило приверженцевъ новаго ученія, представляло собою до извѣстной степени высшую точку, какую когда либо достигало могущество Саванаролы. Съ этого момента звѣзда его счастья начала клониться къ упадку; онъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, насколько измѣнчиво настроеніе толпы, и что тотъ же самый народъ, который сегодня кричитъ: «Оссана!» завтра будетъ кричать: «Распни его!»

Подобно всѣмъ идеалистамъ, Саванарола надѣялся на благородныя свойства человѣческой природы. Эта надежда и вѣра въ Бога не оставляли его ни при какихъ обстоятельствахъ жизни и всего больше способствовали тому ореолу, какимъ было окружено его имя. Но судьба знаменитаго проповѣдника была рѣшена, вслѣдствіе совпаденія интересовъ и честолюбивыхъ стремленій людей, облеченныхъ властью. Началось съ того, что Карлъ VIII, вступивъ во Флоренцію, торжествено объявилъ, что беретъ ее подъ свое покровительство, но подъ условіемъ, чтобы Пьетро Медичи былъ поставленъ во главѣ республики, вмѣсто Саванаролы.

Французскій король и на этотъ разъ остановился въ палаццо Медичи и отсюда велъ переговоры съ «Signoria». Но такъ какъ послѣдняя выказала энергическое сопротивленіе и не соглашалась на возвращеніе Пьетро Медичи, а королю нужны были деньги для предстоящей войны, то, наконецъ, заключенъ былъ трактатъ, послѣ котораго Карлъ VIII выѣхалъ изъ города. Какое впечатлѣніе произвело это событіе на Саванаролу можно видѣть изъ того, что при вторичномъ свиданіи съ королемъ, который сперва казался ему исполнителемъ Божьей кары, онъ сталъ настойчиво уговаривать его направить свои силы противъ турокъ и покинуть Италію.

Пьетро Медичи находился въ неловкомъ и крайне затруднительномъ положеніи. Хотя Карлъ VIII съ своей стороны выказалъ полную готовность провозгласить его правителемъ Флоренціи, но противъ этого возстали не только флорентинцы, но и венеціанцы, которые зорко слѣдили за нимъ и противодѣйствовали всѣмъ распоряженіямъ французскаго короля. Въ то же время, по собственной винѣ Пьетро, прерваны были давнишнія дружескія сношенія съ Неаполемъ.

Клара уговаривала сына отправиться во Флоренцію, встать во главѣ «паллески», овладѣть паллацо «Signoria» и объявить себя самовластнымъ правителемъ. Эта попытка могла имѣть печальныя послѣдствія для Медичисовъ, потому что флорентинцы, чтобы отстоять свою независимость, взяли на себя обязательство выплатить большую сумму французскому королю. Но они не знали еще

какимъ способомъ собрать эту контрибуцію, потому что, вслѣдствіе безпокойнаго времени, во всей странѣ былъ недостатокъ въ деньгахъ.

Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно обращались къ богатымъ евреямъ, и если тѣ заявляли о своей готовности собрать требуемую сумму, то почти всегда кончалось тѣмъ, что ихъ обвиняли въ лихоимствѣ или выискивали другой предлогъ, чтобы присвоить себѣ ихъ деньги. Саванарола былъ отъявленнымъ врагомъ евреевъ, и, не желая вступить въ сношенія съ ними, подалъ мысль объ основаніи заемныхъ банковъ во Флоренціи, чтобы этимъ способомъ собрать деньги. Но богатые евреи, которые до сихъ поръ въ затруднительныхъ случаяхъ исключительно снабжали деньгами флорентинское правительство, употребили всѣ старанія, чтобы повредить Саванаролѣ и выставить на видъ его неумѣлость въ дѣлахъ. Но имъ дорого пришлось поплатиться за свои подстрекательства, потому что народъ все еще стоялъ за своего любимца. Во Флоренціи вспыхнуло возмущеніе, вслѣдствіе котораго всѣ евреи были изгнаны изъ города. Въ другихъ городахъ также произошли безпорядки, потому что вездѣ, по случаю войны, правительства нуждались въ деньгахъ и евреи старались добыть ихъ всѣми способами. Отчасти въ виду собственной безопасности, частью, чтобы успокоить раздраженный народъ были возобновлены и усилены прежнія постановленія противъ евреевъ.

Тоже произошло и въ Римѣ, гдѣ не только строже прежняго стали наблюдать за тѣмъ, чтобы они проводили ночь въ Гэтто, но и было возобновлено предписаніе относительно значковъ. Всѣ евреи должны были опять носить на груди лоскутокъ желтаго цвѣта, а всѣ женщины желтый бантъ на правомъ рукавѣ. Желтый значекъ на корабляхъ и лазаретахъ служилъ признакомъ чумы, и поэтому евреи считали это предписаніе величайшимъ позоромъ.

Какъ только эти новыя полицейскія правила были введены въ Римѣ, то одинъ богатый еврей, предполагая, что это дѣлается съ цѣлью выманиванія денегъ, предложилъ папѣ сто тысячъ скуди, если новыя распоряженія не будутъ примѣняться къ нему лично и его семьѣ. Но папа Александръ, не обращая вниманія на то, что этотъ еврей пользовался большимъ уваженіемъ среди своихъ единовѣрцевъ, приказалъ публично высѣчь его; послѣ этого ни одинъ еврей не могъ больше сомнѣваться въ серіозномъ значеніи изданныхъ постановленій.

Карлъ VIII, вступивъ съ войскомъ въ церковную область, долженъ былъ скоро убѣдиться, какъ трудно ему будетъ добыть какой либо провіантъ, потому что страна была окончательно раззорена многолѣтней борьбой Колонна и Орсини. Въ Римѣ со страхомъ узнали о приближеніи непріятеля, потому что здѣсь ходили преувеличенные слухи о необыкновенной организаціи французскаго войска.

На ряду съ этимъ были личности, которыя съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія враговъ, такъ какъ связывали различныя мечты съ чужеземнымъ завоеваніемъ и надѣялись достигнуть этимъ способомъ признанія своихъ правъ. Подобно тому, какъ фамилія Медичи надѣялась съ помощью французскаго короля снова получить власть надъ Флоренціей, такъ и Шарлотта де-Лузиньянъ разсчитывала, что Карлъ VIII смиритъ венеціянцевъ и она воспользуется этимъ случаемъ, чтобы заявить свои права на кипрскую корону.

Роскошный и богатый островъ Кипръ съ давнихъ поръ служилъ яблокомъ раздора и попеременно находился въ зависимости отъ Генуи и Венеціи. Послѣ смерти короля Іоанна, кипрскую корону наслѣдовала Шарлотта Лузиньянская, но ея сводный братъ Іаковъ, побочный сынъ покойнаго короля, насильственно отнялъ у ней престолъ. Тогда Шарлотта, послѣ напрасныхъ усилій снова овладѣть прекраснымъ островомъ, удалилась въ Римъ, гдѣ жила подъ защитой папскаго двора, не теряя надежды, что рано или поздно ей будетъ возвращена кипрская корона. Катарина Карнаро была только годъ супругой короля Іакова. Онъ умеръ, единственный сынъ родившійся послѣ его смерти, прожилъ всего нѣсколько лѣтъ. Катарина оставалась номинальной королевой на кипрскомъ престолѣ, пока это согласовалось съ планами Венеціи. Шарлотта знала, что молодая, неопытная женщина при этихъ условіяхъ не можетъ быть самостоятельной правительницей, и что Совѣтъ Десяти распоряжается ею, какъ своимъ орудіемъ. Поэтому, она никогда не чувствовала ни малѣйшей злобы противъ своей соперницы.

Въ одинъ прекрасный день Шарлотта де-Лузиньянъ сидѣла въ своей комнатѣ съ Катариной Карнаро, которая, по пріѣздѣ въ Римъ поселилась у ней по ея настойчивому приглашенію. Обѣ были заняты рукодѣліемъ, которому научились отъ монахинь, такъ какъ получили воспитаніе въ монастырѣ, подобно дочерямъ всѣхъ знатныхъ фамилій того времени. Катарина Карнаро, еще ребенкомъ въ домѣ своего отца, часто бывала въ обществѣ ученыхъ и художниковъ; ими она была окружена и въ Азоло; вслѣдствіе этого она пріобрѣла много разнообразныхъ свѣденій, которыя давали ей преимущество надъ ея родственницей. Но по своей скромности она никогда не давала ей чувствовать своего умственнаго превосходства.

Теперь все ея вниманіе было поглощено работой Шарлотты де-Лузиньянъ, которая вышивала по полотну кружевной узоръ тонкой золотой проволокой. Она пересѣла на подушку къ ногамъ своей невѣстки и слѣдила за быстрыми движеніями ея пальцевъ, что не мѣшало имъ ризговаривать о совершенно постороннихъ вещахъ.

Обѣ женщины, одѣтыя въ богатыя, тяжелыя платья, по модѣ того времени, представляли собой привлекательную картину, до-

стойную кисти художника. Хотя Катаринѣ Карнаро было за тридцать лѣтъ, но она была еще въ полномъ цвѣтѣ красоты и съ такими же роскошными бѣлокурыми волосами, которыми она славилась въ ранней молодости. Шарлотта была старше ее нѣсколькими годами, что было особенно замѣтно при ея черныхъ глазахъ и волосахъ и южномъ колоритѣ лица.

Шарлотта де-Лузиньянъ радушно приняла свою невѣстку, хотя была крайне удивлена ея неожиданнымъ пріѣздомъ. Она и прежде не чувствовала никакой ненависти къ добродушной Катаринѣ, а съ тѣхъ поръ, какъ принцъ Федериго признался ей въ своей сердечной тайнѣ, она стала живо интересоваться судьбой влюбленной пары. Во всякомъ знатномъ домѣ того времени было такое количество слугъ, что прибытіе свиты Катарины Карнаро не могло составить особеннаго неудобства. Равнымъ образомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Шарлотта ничего не имѣла противъ пріѣзда кипрской королевы, хотя въ данный моментъ это не вполнѣ согласовалось съ ея планами. Она возлагала большія надежды на французскаго короля; между тѣмъ, человѣкъ, любимый Катариной Карнаро, принадлежалъ къ дому, паденіе котораго было главной цѣлью похода, предпринятаго Карломъ VIII. Но въ политикѣ смотрятъ иначе, нежели въ обыденной жизни. По мнѣнію Шарлотты, ея гостья должна была радоваться прибытію французскаго короля, которое можетъ больше всего содѣйствовать успѣху ея дѣла. Если ему удастся свергнуть неаполитанскаго короля, то гордость Фердинанда будетъ уничтожена и онъ немедленно согласится на бракъ сына съ Катариной, даже безъ малѣйшей надежды на пріобрѣтеніе Кипра.

Шарлотта довольно долго распространялась на эту тему и вза-ключеніе добавила, что рѣшилась усыновить принца Федериго неаполитанскаго, чтобы этимъ способомъ удовлетворить одновременно всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Само собою разумѣется, что это намѣреніе встрѣтило полное сочувствіе со стороны Катарины и еще больше способствовало дружескимъ отношеніямъ между обѣими женщинами.

Жизнь Катарины протекла довольно спокойно; и кромѣ своей несчастной любви къ принцу, она не испытала особенно сильныхъ волненій. Между тѣмъ Шарлотта, въ продолженіи многихъ лѣтъ, напрасно старалась склонить на свою сторону чужеземныхъ властелиновъ, чтобы съ ихъ помощью добиться признанія своихъ правъ на кипрскій престолъ. Она почти всегда жила вдали отъ своего мужа, Людовика Савойскаго, и только тогда рѣшилась поселиться въ Римѣ на болѣе продолжительное время, когда потеряла всякую надежду на скорое выполненіе завѣтной мечты. Но въ это время ея мужъ удалился отъ міра и поступилъ въ монастырь на Женевскомъ озерѣ.

Быть можетъ тяжелая судьба Шарлотты и всѣ вынесенныя ею неудачи и разочарованія были главной причиной того сердечнаго участія, съ какимъ она отнеслась къ любви неаполитанскаго принца и Катарины Карнаро. Она сама потерпѣла крушеніе во всѣхъ своихъ личныхъ привязанностяхъ и теперь чувствовала себя совсѣмъ одинокой на свѣтѣ.

— Мнѣ часто приходилось слышать, сказала она, продолжая начатый разговоръ, что мужчины большей частью неспособны къ глубокой привязанности. Между тѣмъ, мы видимъ въ семьѣ французскаго короля поразительный примѣръ, который прямо противорѣчитъ этому. Его дядя, Филиппъ Анжуйскій, принужденъ былъ жениться на Біанкѣ Кастильской, хотя давно любилъ одну изъ фрейлинъ своей матери. Біанка приказала удавить ее, въ надеждѣ, что мужъ будетъ вполнѣ принадлежать ей. Но она ошиблась въ своемъ разсчетѣ. Филиппъ до самой смерти не переставалъ оплакивать свою возлюбленную и окончательно бросилъ жену.

— Неужели онъ оставилъ въ живыхъ убійцу и не отомстилъ ей за смерть своей возлюбленной? спросила съ удивленіемъ Катарина Карнаро.

— Нѣтъ, потому что во Франціи мужчина не можетъ мстить за оскорбленіе, нанесенное ему женщиной. Филиппъ съ этого времени отправился странствовать по свѣту и больше не возвращался къ своей женѣ...

Въ эту минуту слуга доложилъ о прибытіи двухъ дамъ, и Катарина могла заключить по выраженію лица своей невѣстки, что посѣтительницы были знатныя особы. Онѣ остались внизу въ носилкахъ, въ которыхъ совершили свое путешествіе по городу. Шарлотта приказала слугѣ покорнѣйше просить ихъ войти въ домъ и передать, что она будетъ безконечно рада видѣть ихъ. Посѣтительницы были: синьора Адріана Орсини и Лукреція Борджіа, которая называлась племянницей папы, хотя всѣ знали, что она не племянница, а родная дочь Александра IV.

Со времени избранія новаго папы, дѣти его заняли видное положеніе. Хотя онъ торжественно заявилъ, что непотизмъ не будетъ играть никакой роли въ его правленіе, но это было одно изъ многихъ обѣщаній, которымъ самъ Родриго не придавалъ особеннаго значенія, такъ какъ нарушалъ ихъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это казалось ему необходимымъ для достиженія цѣли.

Еще въ то время, когда онъ былъ кардиналомъ, сынъ его Чезаре отправился для окончанія своего образованія въ Пизу, гдѣ жилъ съ княжеской пышностью, посѣщая иногда семью Медичи во Флоренціи. Тогда же одинадцатилѣтняя сестра его, Лукреція Борджіа, была помолвлена за сына одного испанскаго гранда, которому было не болѣе пятнадцати лѣтъ. Вступленіе Родриго Борджіа на папскій престолъ тотчасъ же отразилось на судьбѣ его дѣ-

тей; онъ назначилъ своего сына Чезаре архіепископомъ Валенсіи, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени возвести его въ санъ кардинала. Вслѣдъ за тѣмъ, Лукреція была обручена съ графомъ Сфорца, родственникомъ миланскаго герцога, и папа призналъ недѣйствительнымъ прежнее обрученіе своей дочери.

Графъ Джьованни Сфорца, подеста Пезаро, былъ однимъ изъ кондоттьери папской арміи. Когда Лукреціи исполнилось четырнадцать лѣтъ, отпразднована была ея свадьба съ графомъ Сфорца съ неслыханнымъ великолѣпіемъ, которое возбудило удивленіе не только жителей Рима, но и всѣхъ европейскихъ дворовъ.

Ровно черезъ годъ послѣ этого событія, Лукреція переѣхала изъ Пезаро въ Римъ, куда вызвали ея мужа, вслѣдствіе приближенія французскаго войска.

Шарлотта де-Лузиньянъ сердечно привѣтствовала почетныхъ посѣтительницъ и представила имъ Катарину Карнаро подъ именемъ маркизы Ципріани изъ Падуи. Катарина съ любопытствомъ смотрѣла на молодую Сфорца, о которой слышала много разсказовъ отъ своей невѣстки. Лукреція въ свою очередь не спускала глазъ съ очаровательной венеціанки; хотя она имѣла такіе же роскошные золотистые волосы, стройный высокій ростъ и въ высшей степени привлекательныя черты лица, но далеко уступала во всѣхъ отношеніяхъ кипрской королевѣ, которая во всей Италіи славилась своей красотой.

Изъ всего, что говорили обѣ римлянки, можно было заключить, что онѣ, наравнѣ съ другими лицами, принадлежавшими къ папскому двору, съ ужасомъ ожидаютъ прибытія французскаго короля и смотрятъ на него, какъ на исчадіе ада. Шарлотта де-Лузиньянъ была слишкомъ умная и опытная женщина, чтобы откровенно высказать свое мнѣніе. Къ тому же долгъ вѣжливости не дозволялъ ей дать почувствовать обѣимъ дамамъ, посѣтившимъ ее въ первый разъ послѣ своего возвращенія въ Римъ, что она находитъ вполнѣ справедливой небесную кару, которая готова была разразиться надъ папой и его приверженцами.

Поэтому, разговоръ скоро перешелъ на общую тему, и среди обмѣна взаимныхъ любезностей, хозяйка дома выразила свое соболѣзнованіе по поводу непріятности, которую недавно испытала синьора Адріана. Послѣдняя выѣхала однажды утромъ съ своей невѣсткой, Юліей Фарнезе, любовницей папы, изъ ея замка Капо де Монте, чтобы посѣтить кардинала Орсини, жившаго въ Витербо. Но на разстояніи одной мили отъ этого мѣста встрѣтился вооруженный отрядъ французской конницы, который захватилъ въ плѣнъ обѣихъ дамъ и препроводилъ въ Монтефіасконе, вмѣстѣ съ ихъ свитой, состоящей изъ двадцати пяти человѣкъ. И только послѣ того, когда самъ папа обратился писменно къ французскому королю съ просьбой объ ихъ освобожденіи и заплатилъ три ты-

сячи дукатовъ, обѣ женщины были выпущены на свободу и отправлены въ Римъ подъ прикрытіемъ четырехъ сотъ французовъ, которые проводили ихъ до городскихъ воротъ.

Это событіе дало опять богатую тему для разговора, и синьора Адріана воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы похвалить любезность французовъ.

Послѣ того обѣ дамы встали съ своихъ мѣстъ и начали прощаться. При этомъ синьора Адріана сообщила съ озабоченнымъ видомъ Шарлоттѣ Лузиньянской, которую постоянно называла «ея величествомъ», что вѣроятно на долгое время, какъ она сама, такъ и Лукреція, будутъ лишены всякаго общества, потому что вскорѣ переѣдутъ вь замокъ св. Ангела, куда отправится и его святѣйшество, когда французы вступятъ въ городъ.

— Неужели вы рѣшитесь на это добровольное заключеніе! воскликнула Шарлотта. Я не могу представить себѣ болѣе скучнаго мѣста, какъ замокъ св. Ангела.

— Что дѣлать! возразила синьора Адріана, съ глубокимъ вздохомъ поднимая глаза къ небу. Въ такое тяжелое и опасное время, папа почувствовалъ бы себя несчастнымъ, еслибы близкіе ему люди не согласились раздѣлить его участь. Съ другой стороны, можетъ ли быть болѣе утѣшительное сознаніе, какъ то, что находишься вблизи святаго отца, заступающаго мѣсто Бога на землѣ, и поддерживаешь его въ тяжелыя минуты, когда ему приходится страдать за грѣхи другихъ людей!

Хозяйка дома вполнѣ согласилась съ этимъ и добавила, что ей нечего желать благополучія обѣимъ синьорамъ, потому что, въ виду такого благочестиваго рѣшенія, милосердіе Божіе не можетъ покинуть ихъ.

Когда обѣ посѣтительницы удалились, Шарлотта объяснила своей невѣсткѣ нѣкоторыя подробности предъидущаго разговора и упомянула о плѣнѣ обѣихъ пріятельницъ папы: — Если бы французы были умнѣе, сказала она, то не взяли бы такого ничтожнаго выкупа за Юлію и Адріану, потому что эти женщины для папы дороже всего на свѣтѣ. Съ такимъ залогомъ они могли бы вынудить отъ его святѣйшества все, что имъ вздумается; онъ не можетъ жить безъ нихъ, и заплатилъ бы не только три тысячи дукатовъ, а вдвое больше, лишь бы ему возвратили этихъ дамъ. Когда онѣ пріѣхали въ Ватиканъ послѣ этого горестнаго событія, то его святѣйшество вышелъ къ нимъ на встрѣчу въ свѣтскомъ платьѣ. Жители Рима не хотѣли вѣрить собственнымъ глазамъ: на папѣ была черная куртка съ отворотами изъ золотой парчи, красивый кушакъ по испанской модѣ; при этомъ шпага, кинжалъ, высокіе сапоги и бархатный беретъ. Впрочемъ, добавила Шарлота, Родриго Борджіа, нѐ смотря на шестидесятилѣтній возрастъ, все еще красивый и статный человѣкъ; но его поведеніе не только

оскверняетъ занимаемый имъ постъ, но послужило главнымъ поводомъ къ нашествію французовъ...

Затѣмъ Шарлота сообщила своей внимательной слушательницѣ, что кардиналы Юлій делла Ровере и Асканіо Сфорца сами пригласили французскаго короля, чтобы съ его помощью созвать соборъ и лишить Александра IV его высокаго сана, потому что, по своей распутной жизни, онъ менѣе чѣмъ кто нибудь достоинъ быть главой церкви. По словамъ Шарлотты, кардиналъ делла Ровере былъ злѣйшимъ врагомъ папы. Хотя Карлъ VIII и прежде считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола, но онъ долго колебался, прежде чѣмъ рѣшился предъявить свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Равнымъ образомъ онъ не обратилъ вниманія на приглашеніе Лодовико Моро; и только тогда рѣшился предпринять походъ противъ Рима и Неаполя и двинуть свои войска въ Ломбардію, когда кардиналъ делла Ровере убѣдилъ его въ этомъ, при личномъ свиданіи въ Ліонѣ.

Разсказъ Шарлотты былъ прерванъ появленіемъ слуги, который доложилъ о прибытіи почетнаго гостя.

На этотъ разъ хозяйкѣ дома не пришлось отдать приказанія принять посѣтителя, потому что этотъ уже пересупилъ порогъ и едва дождался удаленія слуги, чтобы поцѣловать руку Шарлотты и заключить въ свои объятія Катарину Карнаро, которая съ радостью бросилась къ нему на встрѣчу.

Это былъ принцъ Федериго неаполетанскій, который, убѣждая свою возлюбленную бѣжать изъ Азоло, менѣе всего могъ ожидать такого быстраго хода событій. Онъ хотѣлъ вскорѣ послѣ отъѣзда Катарины отправиться вслѣдъ за нею въ Римъ, въ полной увѣренности, что ничто не помѣшаетъ ихъ тайному браку. Но тутъ совершенно неожиданныя обстоятельства понудили его немедленно вернуться въ Неаполь на помощь отцу, такъ что онъ едва могъ найти настолько времени, чтобы по дорогѣ повидаться съ Катариной въ Римѣ. Онъ разсказалъ въ короткихъ словахъ, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ видѣлъ папу въ Ватиканѣ и долго бесѣдовалъ съ нимъ по поводу извѣстій, полученныхъ изъ Неаполя. Его отецъ, король Фердинандъ, опасно боленъ, а старшій братъ, Альфонсъ, принялъ начальство надъ арміей, которая ожидаетъ прибытія французовъ. Главный начальникъ папской арміи, который считаетъ себя родственникомъ принца Альфонса, (такъ какъ женатъ на его побочной дочери), употребилъ всѣ усилія, чтобы убѣдить папу стать на сторонѣ Неаполя, но Александръ IV, едва выслушавъ его, отвѣтилъ, что не желаетъ ссориться съ Франціей и думаетъ вступить съ нею въ мирные переговоры.

— Мнѣ никогда не приходило въ голову, продолжалъ принцъ взволнованнымъ голосомъ, чтобы Италія дошла до такого разъединенія, какъ это оказывается теперь. Арагонскій домъ долженъ

одинъ вынести борьбу противъ непріятеля, который въ десять разъ сильнѣе его и которому открыты всѣ пути на сушѣ и на морѣ...

Съ этими словами принцъ обратился къ Катеринѣ и порывисто обнялъ ее: — Бываютъ минуты, сказалъ онъ, когда я глубоко сожалѣю, что связалъ твою судьбу съ моей! Прости меня ради той горячей любви, которую я всегда чувствовалъ къ тебѣ, потому что это главная причина моего легкомысленнаго поведенія. Но подожди еще немного; наша участь должна скоро рѣшиться: или я погибну на полѣ битвы съ врагами моей родины, или вернусь снова въ Римъ, чтобы на зло всѣмъ препятствіямъ навсегда соединиться съ тобой!

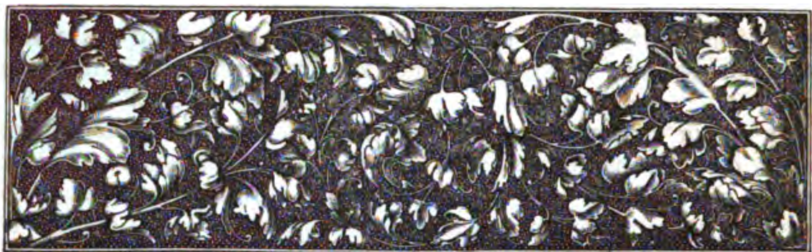
— Не думай, возразила Катарина, чтобы я когда нибудь стала раскаяваться въ моей любви къ тебѣ. Встрѣча съ тобой дала мнѣ единственныя свѣтлыя минуты моей жизни, которая безъ тебя прошла бы среди скучнаго, томительнаго однообразія. Разскажи мнѣ лучше, какъ приняли въ Венеціи извѣстіе о моемъ бѣгствѣ и знаютъ ли тамъ, гдѣ я?

— Судя по тому, что мнѣ приходилось видѣть и слышать, сенатъ и твои родные сильно встревожены, но врядъ ли они подозрѣваютъ, что ты въ Римѣ, отвѣтилъ Федериго. Но во всякомъ случаѣ мой дорогой другъ, добавилъ онъ, обращаясь къ Шарлоттѣ де-Лузиньянъ и пожимая ей руку, не откажите намъ въ своемъ покровительствѣ и на будущее время; и если все кончится благополучно, то мы будемъ обязаны вамъ счастьемъ нашей жизни! Къ сожалѣнію я не могу долѣе оставаться съ вами ни одной минуты; свита моя готова, чтобы сопровождать меня въ Неаполь...

Принцъ еще разъ обнялъ Катарину:

— До свиданія, моя дорогая, до свиданія, великодушный другъ, Ангелъ хранитель нашей любви! Если бы я былъ простымъ дворяниномъ, то считалъ бы себя въ тысячу разъ счастливѣе, нежели теперь. Но я не теряю надежды, что моя искренняя любовь преодолѣетъ всѣ препятсвія и приведетъ насъ къ желанной цѣли...

Затѣмъ принцъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты и не видѣлъ, какъ бывшая кипрская королева заливалась горькими слезами и бросилась на грудь Шарлотты, которая заключила ее въ свои объятія.



ГЛАВА XIV.

Возвращеніе въ Гэтто.

ОХОДЪ французскаго короля въ Италію пока не встрѣтилъ никакихъ препятствій; одержанныя побѣды не стоили ему ни капли крови, такъ какъ были достигнуты посредствомъ мирныхъ переговоровъ.

Карлъ VIII, подойдя къ Риму, отправилъ къ папѣ посольство, состоящее изъ знатнѣйшихъ рыцарей его арміи. Послы требовали, чтобы короля безпрепятственно впустили въ Римъ, и обѣщали именемъ его величества, что онъ не нарушитъ папской власти и отнесется съ уваженіемъ къ правамъ церкви. При этомъ они выразили надежду, что всѣ затруденія будутъ устранены при первомъ-же свиданіи папы съ королемъ. Александръ VI въ высшей степени тяготился необходимостью передать свою столицу въ руки непріятеля и отпустить пословъ безъ какихъ либо опредѣленныхъ обѣщаній съ ихъ стороны. Но французское войско быстро приближалось къ Риму; кардиналъ делла Ровере собралъ армію и перешелъ открыто на сторону враговъ; въ его рукахъ были важнѣйшія крѣпости страны. Орсини также присоединились къ королю съ своими отрядами. Всякое сопротивленіе казалось невозможнымъ; и папа послѣ долгихъ колебаній согласился на условія, предложенныя ему посольствомъ.

Въ тотъ моментъ, когда принцъ Федериго неаполитанскій выѣхалъ изъ воротъ Санъ-Себастіано, французскій король, во главѣ своей арміи, вступилъ въ вѣчный городъ черезъ ворота Порта Марія дель Пополо.

Авангардъ былъ составленъ изъ швейцарцевъ и нѣмцевъ, которые шли съ своими знаменами подъ звуки барабановъ, одежда ихъ состояла изъ куртки, плотно прилегающей къ тѣлу, и узкихъ панталонъ такого-же покроя, какъ у ландскнехтовъ, и изъ самыхъ разнообразныхъ тканей. Предводители выдѣлялись высокими перьями на шляпахъ; у солдатъ были короткія шпаги и копья; четвертая часть войска была вооружена аллебардами, которыя приходилось держать обѣими руками во время битвы. Первый рядъ каждаго баталіона былъ въ латахъ, равно и предвводители.

За швейцарцами шелъ пятитысячный отрядъ гасконцевъ, просто одѣтыхъ и вооруженныхъ арбалетами. Хотя они были вообще ниже ростомъ, нежели швейцарцы, но казались такими-же коренастыми и сильными. Затѣмъ, слѣдовала кавалерія, представлявшая собой цвѣтъ французскаго дворянства; въ первыхъ рядахъ ѣхали Марилльякъ, Баярдъ, и другіе рыцари въ богатыхъ шелковыхъ плащахъ съ воротниками изъ золотой парчи. Они были вооружены шпагами и длинными мечами. По обычаю, принятому во французской арміи, у лошадей были обрѣзаны уши и хвосты. За каждымъ рыцаремъ слѣдовали три лошади; на одной изъ нихъ ѣхалъ пажъ въ такомъ-же вооруженіи какъ и его господинъ; на двухъ другихъ ѣхали конюхи. Четыреста стрѣлковъ, въ числѣ которыхъ было сто шотландцевъ, окружали короля, при которомъ еще находился конвой изъ дворянъ. Послѣдніе отличались богатствомъ одежды и на этотъ разъ противъ обыкновенія шли пѣшкомъ. Рядомъ съ его величествомъ, шествовали кардиналы: Асканіо Сфорца и Юлій делла Ровере, а за ними кардиналы: Колонна и Севелли. Затѣмъ слѣдовали двое другихъ синьоровъ изъ дома Коллона и и итальянскіе генералы съ знатнѣйшими французскими рыцарями.

За арміей везли тридцать шесть пушекъ, длина и тяжесть которыхъ приводила всѣхъ въ изумленіе. Шествіе продолжалось около шести часовъ и подъ конецъ приняло еще болѣе торжественный видъ, когда, вслѣдствіе наступившихъ сумерекъ, зажжены были факела.

Между тѣмъ папа удалился въ замокъ св. Ангела. При немъ находились только шесть кардиналовъ; всѣ остальные присоединились къ королю въ надеждѣ, что онъ созоветъ соборъ и избавитъ церковь отъ папы, весь образъ жизни котораго представлялъ рядъ публичныхъ скандаловъ. Самъ Александръ VI со страхомъ ожидалъ грозившаго ему собора; но чѣмъ больше онъ тревожился за свою личную безопасность, тѣмъ менѣе выказывалъ онъ желаніе исполнить требованіе короля и сдать ему замокъ св. Ангела, такъ какъ считалъ его наиболѣе вѣрнымъ убѣжищемъ для своей особы. Карлъ VIII охотно направилъ бы свои пушки противъ замка, но приближенные умоляли его не нарушать даннаго слова и пощадить главу церкви.

Замокъ св. Ангела представлялъ плохое помѣщеніе для людей, привыкшихъ къ роскоши и ко всякого рода удобствамъ. Тѣмъ не менѣе, здѣсь было нѣсколько великолѣпно разукрашенныхъ залъ и достаточно комнатъ, чтобы пріютить папу, его друзей и кардиналовъ. Гарнизонъ крѣпости находился подъ командой графа Джьованни Сфорца, который былъ извѣстенъ своей опытностью въ военномъ дѣлѣ; помощникомъ его былъ назначенъ молодой Чезаре Борджіа.

Въ настоящее время трудно представить себѣ вѣрную картину нравственной распущенности, лицемѣрія и другихъ пороковъ, господствовавшихъ при догдашнемъ папскомъ дворѣ, скученномъ въ небольшихъ комнатахъ замка св. Ангела, бывшаго нѣкогда гробницей римскаго императора Адріана. Изъ приближенныхъ папы сравнительно лучше всѣхъ чувствовали себя въ новомъ положеніи молодые супруги: графъ Джьованни Сфорца и Лукреція Борджіа.

Графъ Джьованни принядлежалъ къ младшей отрасли дома Сфорца и достигъ виднаго положенія, благодаря браку съ Лукреціей. При своемъ смѣломъ и предпріимчивомъ характерѣ онъ могъ разчитывать еще на болѣе блестящую будущность; сверхъ того, Лукреція была молода и настолько хороша собой, что онъ чувствовалъ къ ней искреннюю привязанность. Безправіе и деспотизмъ мужчинъ и распутство женщинъ шли тогда рука объ руку при многихъ итальянскихъ дворахъ и проявлялись въ самыхъ грубыхъ формахъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь было не мало людей, которыхъ почти не коснулась общая испорченность нравовъ, чему, быть можетъ, они были обязаны тому условію, что видѣли порокъ при дневномъ свѣтѣ во всей его ужасающей наготѣ. Джьованни и Лукреція не представляли собой тѣхъ качествъ, какія по тогдашнимъ понятіямъ были необходимы, чтобы заслужить репутацію выдающагося ума. Молодой графъ въ точности исполнялъ возложенныя на него обязанности и чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ какъ со стороны своей семейной жизни, такъ и тѣхъ преимуществъ, которыми онъ пользовался, благодаря женѣ. Лукреція прожила счастливо цѣлый годъ съ своимъ мужемъ въ Пезаро, вдали отъ блеска папскаго двора, довольствуясь сравнительно бѣдной обстановкой. Поэтому переселеніе въ замокъ св. Ангела не могло особенно тяготить ее, тѣмъ болѣе, что она привыкла исполнять во всемъ волю папы, вѣрить въ святость его призванія и признавать справедливымъ все, что дѣлалъ и рѣшалъ Александръ VI.

Между тѣмъ, папа сильно тяготился своимъ унизительнымъ положеніемъ, въ которомъ видѣлъ паденіе своего папскаго авторитета. Но онъ не терялъ надежды на свою счастливую звѣзду и разсчитывалъ, что свойственная ему изворотливость и на этотъ разъ поможетъ ему выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, какъ это бывало прежде во многихъ другихъ случаяхъ. Присут-

ствіе Адріаны Орсини и Юліи Фарнезе было для него большимъ утѣшеніемъ, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ жить безъ дамскаго общества. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ преданности этихъ двухъ синьоръ, которыя теперь составляли его семью, и зналъ, что онѣ чувствуютъ къ нему такое безграничное уваженіе, что ничто на свѣтѣ не заставитъ ихъ найти что либо дурное въ его распоряженіяхъ.

Въ это время сынъ папы, Чезаре Борджіа, зорко наблюдалъ за личностями, которыя выступали на арену историческихъ событій. Соотвѣтственно своему характеру онъ привыкъ смотрѣть на весь міръ съ точки зрѣнія собственной выгоды, и поэтому заранѣе выискивалъ средства, чтобы проложить себѣ путь къ почестямъ и богатству, съ помощью предстоящей войны.

Замѣчательно, что ни самъ папа, ни его приближенные не понимали характера Чезаре, который, впрочемъ, имѣлъ всѣ внѣшнія данныя, чтобы расположить въ свою пользу людей и ввести ихъ въ заблужденіе. Одна Ваноцца Катанеи чувствовала инстинктивное отвращеніе къ своему сыну и видѣла въ немъ демона, ниспосланнаго судьбой, чтобы наказать домъ Борджіа за его преступленія. Чезаре слѣдилъ за своимъ отцомъ глазами Аргуса, и какъ только замѣчалъ, что кто нибудь заслужилъ милость папы, то употреблялъ всѣ средства, чтобы удалить его. Папа все болѣе и болѣе становился послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своего сына и въ глубинѣ души трепеталъ передъ нимъ, какъ рабъ передъ господиномъ.

Чезаре Борджіа отличался представительной наружностью и гигантской силой. Благодаря испанскому происхожденію фамиліи Борджіа, въ Римъ внесено было много новыхъ обычаевъ. Между прочимъ введенъ былъ здѣсь и бой быковъ. На огороженной со всѣхъ сторонъ площади, передъ Ватиканомъ, Чезаре убилъ однажды шестярыхъ разъяренныхъ быковъ, противъ которыхъ онъ сражался верхомъ на лошади. Первому изъ нихъ онъ отрубилъ однимъ ударомъ голову и привелъ этимъ въ удивленіе весь Римъ. Но кромѣ физической силы Чезаре настолько же прославился своей необузданностью. Такъ, напримѣръ, онъ возненавидѣлъ повѣреннаго своего отца, Піеретто, и закололъ его подъ мантіей папы, гдѣ этотъ искалъ спасенія, такъ что кровь брызнула въ лицо его святѣйшества.

Папа всегда обращалъ особенное вниманіе на слова Чезаре, который, пользуясь этимъ, далъ лукавый совѣтъ своему отцу пожертвовать всѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ свѣта сохранить свое папское достоинство. Вслѣдствіе этого, переговоры съ непріятелемъ приняли миролюбивый характеръ и вскорѣ постановлены условія, на которыхъ рѣшено было заключить миръ. Король далъ торжественное обѣщаніе обращаться съ папой, какъ съ другомъ и союзникомъ и поддержать всѣми способами его папскій

авторитетъ, но при этомъ требовалъ сдачи важнѣйшихъ крѣпостей; и сверхъ того, чтобы Чезаре Борджіа въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ находился при французской арміи въ качествѣ заложника. Всѣ эти условія были приняты.

Затѣмъ, папа покинулъ замокъ св. Ангела и отправился въ Ватиканъ, гдѣ король Карлъ VIII долженъ былъ предстать передъ священнымъ главой церкви.

Этотъ пріемъ былъ устроенъ со всею пышностью, какую только могъ выказать папскій дворъ. Король и всѣ его придворные собрались въ большой залъ Ватикана. Вслѣдъ затѣмъ появились кардиналы въ полномъ составѣ и весь придворный штатъ папы, послѣ чего камфаріи внесли на плечахъ Александра VI на великолѣпномъ позолоченномъ креслѣ, во всѣмъ папскомъ облаченіи, съ драгоцѣнной тіарой на головѣ. По обѣимъ сторонамъ слуги несли огромныя опахала изъ павлиныхъ перьевъ. Когда камфаріи опустили папское кресло и поставили подъ балдахиномъ, подошелъ король и, преклонивъ колѣна, поцѣловалъ ногу папы; его примѣру послѣдовала вся свита, состоящая изъ знатнѣйшихъ рыцарей. Два духовныхъ лица, находившихся въ свитѣ короля, и эпископъ д'Амбуазъ поднесли папѣ кардинальскую шапку, послѣ чего, присутствующій при этой церемоніи нотарій составилъ о ней подробный актъ.

Такимъ образомъ, папа по внѣшности снова достигъ своей полной духовной власти, а Чезаре Борджіа, который больше всего способствовалъ мирному соглашенію между папой и королемъ, получилъ возможность изучить вблизи военное искусство французовъ въ продолженіи тѣхъ мѣсяцевъ, когда онъ оставался въ ихъ войскѣ, въ качествѣ заложника.

Французы, какъ мы упоминали выше, почти безпрепятственно переходили съ одного мѣста на другое, такъ что къ нимъ можно было вполнѣ примѣнить насмѣшливое замѣчаніе папы Александра VI, что «они побѣдили Италію мѣломъ и деревянными шпорами». Дѣйствительно, вездѣ, гдѣ появлялись французы, они дѣлали значки мѣломъ на тѣхъ домахъ и магазинахъ съ провіантомъ, на которыхъ хотѣли наложить запрещеніе, а солдаты угоняя лошадей и муловъ, за неимѣніемъ металлическихъ шпоръ, привязывали къ пяткамъ куски дерева.

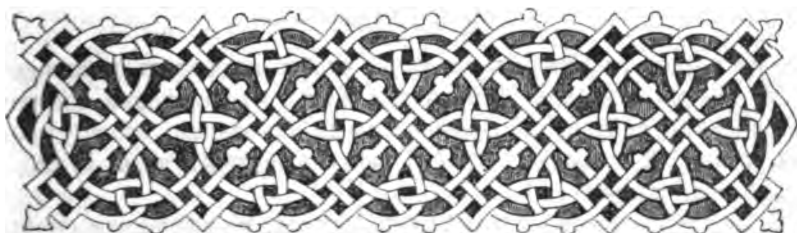
Единственно, что смущало всѣ партіи и ставило ихъ въ затруднительное положеніе, это былъ недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ, вслѣдствіе чего лихоимство болѣе чемъ когда либо процвѣтало въ Италіи.

Евреи, благодаря своей осторожности и умѣнью пользоваться обстоятельствами, устраивали выгодныя сдѣлки, давая деньги взаймы за высокіе проценты. Богатство ихъ могло вдесятеро увеличиться по окончаніи войны, но пока непріятель былъ въ странѣ,

ПОѢЗДЪ ЦАРИЦЫ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

Картина Шварца.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 22 ФЕВРАЛЯ 1884 г. ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.



РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ НАРОДНЫХЪ ПОГОВОРКАХЪ И СКАЗАНІЯХЪ.

НАША НАРОДНАЯ литература представляетъ богатый матеріалъ не только для изученія языка, обычаевъ, вообще жизни народной, но и для изученія отечественной исторіи. Мы не говоримъ уже объ историческихъ пѣсняхъ, въ которыхъ упоминаются народомъ всѣ многознаменательныя событія русской исторіи, всѣ замѣчательныя историческія личности, дорогія русскому сердцу; не говоримъ потому, что этотъ матеріалъ давно разработывается: имѣются отдѣльныя изданія историческихъ пѣсенъ, напримѣръ, Кирѣевскаго; встрѣчаются историческія пѣсни въ изданіяхъ Рыбникова, Шеина, Якушкина и друг.; затѣмъ, имѣются нѣкоторыя статьи, гдѣ по пѣснямъ разсматриваются событія русской исторіи; но въ народной литературѣ встрѣчается еще цѣлый отдѣлъ, если можно такъ назвать, историческихъ поговорокъ, въ которыхъ коротко, образно народъ высказываетъ свой взглядъ на пережитыя имъ историческія событія, т. е., вѣрнѣе сказать, онъ въ нѣсколькихъ словахъ, коротко характеризуетъ духъ цѣлыхъ историческихъ періодовъ, причемъ, что̀ въ высшей степени важно, въ своихъ поговоркахъ подмѣчаетъ тѣ признаки цѣлаго ряда событій, которыми эти событія, извѣстная эпоха, именно отличаются. Не мало лѣтъ тому назадъ, намъ удалось слышать въ одной изъ южныхъ губерній такое выраженіе: «разшумѣлся, какъ воевода галицкій». Кто хотя элементарно изучалъ русскую исторію, тотъ хорошо знаетъ, что жизнь боярщины галицкой Руси представляетъ рядъ крамолъ, интригъ, ссоръ, буйныхъ сценъ, приведшихъ Галицкое княжество къ самому печальному концу. Галицкіе бояре, заносчивые, гордые, безпокой-

ные, постоянно стремились къ тому, чтобы подчинить княжескую власть своему вліянію. Теперь для всякаго совершенно понятенъ историческій смыслъ приведенной нами поговорки: «разшумѣлся, какъ галицкій воевода». Въ ней ясно выраженъ весь духъ галицкой боярщины.

Если только намъ не измѣняетъ память, то рѣшаемся сказать, что въ настоящей нашей статьѣ въ первый разъ, во всей исторической литературѣ, проводятся событія русской исторіи, въ послѣдовательномъ порядкѣ, по народнымъ историческимъ поговоркамъ, начиная отъ принятія Русью христіанства до времени Петра Великаго.

Мы живемъ въ моментъ пробужденія національнаго чувства въ обществѣ. Было бы очень желательно, чтобы предметы учебнаго курса нашихъ школъ, имѣющіе отношеніе къ русской жизни, какъ-то: языкъ, литература, исторія, поднялись бы въ своемъ значеніи, ибо, повторяемъ, этого требуетъ время, указывающее на необходимость внутренней работы для народа, которымъ стоитъ и держится царство; работать же для народа можно только тогда, когда знаешь его.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ сказать, что мы не даемъ своему труду какого бы то ни было ученаго значенія, достиженіе котораго невозможно и по размѣрамъ журнальной статьи, если бы мы и были даже въ состояніи предложить читателямъ таковой трудъ. Мы не коснулись многихъ отдѣловъ народной литературы, напримѣръ, былинъ, лубочныхъ картинъ, различныхъ преданій, именно по той причинѣ, чтобы слишкомъ не увеличить объема нашей статьи.

Историческія поговорки: боженьку за ноженьку да и объ полъ; мы въ лѣсу родились, пнямъ молились,—сколько намъ извѣстно, древнѣйшія наши поговорки. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что онѣ родились въ первое время, по принятіи Русью христіанства. Первая изъ нихъ, по всей вѣроятности, говоритъ о времени низверженія языческихъ боговъ, напримѣръ, Перуна въ Кіевѣ и Новгородѣ; вторая указываетъ на память народа о времени поклоненія богамъ въ лѣсахъ. Путята крестилъ Новгородцевъ мечемъ, а Добрыня огнемъ. Историческій фактъ, по отношенію къ этой поговоркѣ, таковъ: христіанство, по причинамъ совершенно понятнымъ, не могло не встрѣтить протеста со стороны язычества. Протестъ былъ заявленъ по преимуществу на сѣверѣ, въ Новгородской области. Іоакимовская лѣтопись говоритъ: когда узнали въ Новгородѣ, что Добрыня (дядя Владиміра) идетъ крестить, то собрали вѣче и поклялись всѣ не пускать его въ городъ, не давать идоловъ на ниспроверженіе; и точно, когда Добрыня пришелъ, то Новгородцы разметали большой мостъ и вышли противъ него съ оружіемъ. Битва разгорѣлась и кончилась тѣмъ, что Новго-

родцы должны были покориться, ибо Добрыня зажегъ новгородскія строенія, а Путята, бывшій съ нимъ, въ это время сѣкъ жителей мечемъ.

Извѣстенъ разсказъ лѣтописца о бѣлоозерскихъ волхвахъ, обвинявшихъ женщинъ, что онѣ прятали хлѣбъ въ своихъ тѣлахъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя изъ нихъ были убиты. Являлись волхвы въ Ростовской и Ярославской областяхъ. Ростовскій скотій богъ Велесъ замѣненъ, съ принятіемъ христіанства, св. Власіемъ, какъ Перуна смѣнилъ Илья пророкъ. Въ народномъ спискѣ, у насъ имѣющемся, озаглавленномъ: «Сказаніе какимъ святымъ каковыя благодати исцѣленія отъ Бога даны и когда память ихъ бываетъ», значится: отъ избавленія отъ скотскаго падежа слѣдуетъ молиться св. Власію, которому, кстати замѣтимъ, въ иныхъ мѣстахъ, въ день чествованія его памяти, приносятъ молоко, масло, творогъ. Св. Власій собственно покровитель домашняго скота; св. Георгій владыка и покровитель всѣхъ дикихъ звѣрей. Въ томъ же спискѣ мы читаемъ: о сохраненіи скота отъ снѣденія звѣрей подобаетъ молиться св. великомученику Георгію.

Такимъ значеніемъ св. Георгія и объясняется поговорка: **что волку въ зубы попало, то Георгій далъ**, т. е. ни одинъ звѣрь не можетъ захватить добычи безъ воли св. Георгія; если попало звѣрю въ зубы, то значитъ, что на то была его святая воля. На Егорья въ поле стадо сгонять и Егорія окликать: **храбрый ты нашъ Егорій, ты спаси нашу скотину!** На Юрья св. **Егорій разъѣзжаетъ по лѣсамъ и раздаетъ звѣрямъ наказы. Всѣ звѣри, вся живая тварь у Егорья подъ рукой.**

Несогласное съ духомъ христіанскаго ученія вѣрованіе въ примѣты, въ тяжелые дни вытекаетъ равнымъ образомъ изъ язычества. Многія изъ примѣтъ имѣютъ чисто историческое объясненіе; такъ, напримѣръ, встрѣча съ попомъ, предсказывающая несчастіе, надо полагать, сдѣлалась признакомъ бѣды, потому что въ первыя времена христіанства епископы строго предписывали священникамъ наблюдать, чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ всѣ прихожане посѣщали божественную службу и не посѣщавшіе церкви подвергались наказаніямъ. Отсюда и страхъ при встрѣчѣ съ священникомъ; отсюда и понедѣльникъ — тяжелый день, ибо наказаніе налагалось на другой день послѣ воскресенья.

Отдѣлъ народнаго творчества, по отношенію къ вѣрованіямъ языческимъ, настолько богатъ, что можетъ служить неизчерпаемымъ источникомъ для огромнаго, совершенно самостоятельнаго труда. Для того, чтобы дать понятіе объ этомъ матеріалѣ, мы приведемъ одну колядную пѣсню, которая ясно указываетъ на самую глубокую языческую древность; въ ней рисуется какой-то языческій обрядъ, а именно принесеніе въ жертву козла.

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества,
За рѣкою за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коледушки;
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.

Живымъ напоминаніемъ древнеславянскихъ игрищъ, на которыхъ юноши умыкали дѣвицъ и на которыхъ горѣлъ священный огонь, служитъ игра — горѣлки. Къ числу древнѣйшихъ поговорокъ относятся также: тіуны — что трутъ; рядовичи — что искры (древнее судопроизводство); радимичи — волчья хвоста бѣгаютъ (воевода Волчій Хвостъ побилъ радимичей); бѣда, что въ Роднѣ; за Пьяною люди пьяны (рѣка Нижегородской губерніи, на которой русскіе упились виномъ, почему и были побиты мордвой въ 1377 г.).

Оставляя безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія періодъ времени отъ принятія христіанства до татарскаго ига, каковое разсмотрѣніе завлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы переходимъ ко времени тяготѣнія надъ русской землей татарскаго владычества, память о которомъ сохранилась въ слѣдующихъ поговоркахъ: злого татарина тебѣ на дворъ; не въ пору гость хуже татарина; злѣе зла честь татарская; эй, плѣшь-мурза-Булатаичъ, не видалъ ли пса, собаки татарина; близъ царя, близъ смерти; ѣшь медвѣдь татарина — оба не надобны.

Поговорка: близъ царя, близъ смерти, относится къ татарскимъ ханамъ, къ которымъ наши князья ѣздили на поклонъ, не зная, поможетъ ли Богъ возвратиться благополучно назадъ. Поговорка: злѣе зла честь татарская сказана Даніиломъ Галицкимъ, по возвращеніи изъ Орды, гдѣ его приняли съ честью. Память о Куликовской битвѣ сохранилась въ выраженіи: словно Мамай воевалъ. Существуетъ поговорка, опредѣляющая типъ монгольскій или калмыцкій: ай молодца, широка лица, глаза узенька, носъ пяткой.

Не могли русскіе люди видѣть безъ омерзѣнія, что татары пили кобылье молоко (кумысъ) и ѣли маханину (конину). Какъ бы кобылятинки, родилъ бы татарина. Лѣтописецъ такъ пишетъ о татарахъ: «по грѣхамъ нашимъ, пришли народы невѣдомые, которыхъ хорошо никто не знаетъ: кто они, откуда пришли, какого

племени и какой вѣры. А зовутъ татарами, иные называютъ туркменами, печенѣгами; одинъ Богъ о нихъ вѣдаетъ, да развѣ еще мудрые люди, которые въ книгахъ начитаны».

Лубочная картина о Мамаевомъ побоищѣ служитъ яснымъ доказательствомъ, до какой степени сильно нарѣзалось оно въ памяти народа.

Исторія подтверждаетъ неопровержимыми фактами, что крымскіе татары наносили много зла русской землѣ. Съ историческими фактами вполнѣ согласуются и поговорки: всего болѣе надѣлали зла русской землѣ ханъ крымскій, да папа римскій, цацъ (такъ малороссы зовутъ русскихъ) гонитъ сто барановъ на базаръ, а татаринъ сто хохловъ въ Крымъ. Много русскаго люда погибало въ татарской неволѣ, вслѣдствіе чего, состоятельные русскіе люди, умирая, писали въ духовныхъ завѣщаніяхъ, что они оставляютъ такую-то сумму на выкупъ плѣнныхъ. Подобное дѣло считалось святымъ; выкупить изъ неволи христіанскую душу значило — замолить у Бога много грѣховъ. Плѣнные продавались гдѣ нибудь на рынкахъ Малой Азіи въ вѣчное рабство, далеко отъ дорогой отчизны. Народныя историческія пѣсни передаютъ всѣ ужасы пребыванія въ басурманскомъ плѣну.

Казачество служило крѣпкимъ оплотомъ Руси противъ татаръ. Народъ необыкновенно мѣтко, рельефно характеризуетъ казаковъ, ихъ значеніе въ нашей исторіи и, вообще, ихъ природу, какъ людей и какъ воиновъ. Такая характеристика нарѣзывается неизгладимыми чертами въ памяти всякаго, хотя бы онъ слышалъ ее одинъ разъ. Не на то гуляетъ козакъ что есть, а на то, что будетъ, солнце за лѣсъ—казацкая радость; т. е. какъ закатится солнце, такъ казакъ и на промыселъ, ибо мѣсяцъ казацкое солнышко; безъ коня — не казакъ; казакъ обычаемъ— собака; казакъ изъ пригоршни напьется, на ладони пообѣдаетъ; ночь матка — все гладко. Послѣдняя поговорка такъ и звучитъ разбойничьимъ духомъ. Въ этихъ поговоркахъ — все казачество, проводившее жизнь въ тревогахъ, наѣздахъ, грабежахъ. Оставили казаки по себѣ память и на Волгѣ, хотя Волга искони была богата и своими гулящими людьми. На Волгѣ жить—ворами слыть. На эту большую привольную рѣку шли всѣ бобыли, гулящіе и охочіе люди; шли они, спасаясь отъ наказаній за содѣянныя преступленія, отъ крѣпостной зависимости; наконецъ, шли съ цѣлью пожить и погулять на просторѣ. — Волга — починъ всѣмъ мятежамъ, какъ-то: Разинскому, Булавинскому и Пугачевскому; на этой привольной и раздольной рѣкѣ разбойничали казаки, въ томъ числѣ и Ермакъ Тимофеевичъ. Далеко послѣ Петра I, напримѣръ, при Елисаветѣ Петровнѣ, волжскіе разбойники и ихъ дѣянія были извѣстны всей Россіи. «Сарынь на кичку» до сей поры знаютъ волжскіе бурлаки и при-

брежные жители. Слѣдовательно, совершенно справедливо, что на Волгѣ жить ворами слыть. Здѣсь народъ Волгарь (т. е. съ Волги); я, братъ, и самъ съ Волги; (народъ тертый, плутъ). Волга матушка глубокая, раздольная, разгульная, Волга всѣмъ рѣкамъ мать, Волга матушка широка и долга. На Волгѣ издавна стояло Казанское царство, которое преграждало намъ путь на востокъ, препятствовало развитію нашей торговли. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ походовъ, Казань была взята въ 1551 г. Казань прошли и орду прогребли. Именно—прогребли, ибо, въ слѣдъ за покореніемъ Казани, русскіе охочіе и гулящіе люди двинулись далѣе по Камѣ и Чусовой. Въ главѣ ихъ стоитъ Ермакъ, покоритель Сибири, лыжей крестившій сибиряковъ, какъ гласитъ народное присловье.

Доказательствомъ того, насколько тяжело было положеніе русскихъ людей въ мѣстахъ, о которыхъ ведемъ рѣчь, служитъ поговорка: съ одной стороны Черемисъ, а съ другой берегись; въ-семеромъ пойдемъ, Сибирь возьмемъ; Русь навалила, насъ совсѣмъ задавила. Эти поговорки ясно и какъ нельзя болѣе вѣрно говорятъ, что съ легкой руки Ермака потянулись въ Сибирь охочіе и промышленные люди. Вѣрно и то, что можно было завоевать всю Сибирь въ-семеромъ, т. е. съ самымъ незначительнымъ числомъ воиновъ, ибо дикіе туземцы, не знавшіе огнестрѣльнаго оружія, вооруженные лишь копьями и стрѣлами, въ ужасѣ разбѣгались, при первыхъ выстрѣлахъ казаковъ, думая, что сами боги, съ огнемъ и громомъ, сошли на землю. Въ позднѣйшіе года явились поговорки: Сибирь—золотое дно, въ Сибири бабы коромыслами соболей ловятъ. Еще позднѣе, съ развитіемъ золотаго промысла, вслѣдствіе многихъ экономическихъ причинъ, народилась и другая поговорка: золото моемъ, а сами голосомъ воемъ. О ловлѣ въ настоящее время въ большомъ числѣ соболей, конечно, и помину нѣтъ.

Теперь коснемся исторіи Государя Великаго Новгорода. Кто противъ Бога и Великаго Новгорода? умремъ за Великій Новгородъ и св. Софью, гдѣ св. Софія, тамъ и Новгородъ; Новгородъ судитъ одинъ Богъ; справится дѣло и безъ Новгорода (прямое указаніе на то, что интересы Новгорода нерѣдко расходились съ интересами остальныхъ княжествъ русской земли). Понятно, что эти поговорки принадлежатъ исторіи и если повторяются въ настоящее время народомъ, то вполнѣ безсознательно, какъ и выраженія: новгородская честь, новгородская душа, указывающія на честное веденіе новгородцами своихъ торговыхъ дѣлъ, чего нельзя сказать про москвичей, ибо Москва твердо стояла на томъ, что не обманешь—не продашь, торгъ яма—стой прямо, на чемъ, къ сожалѣнію, стоитъ и теперь. Поговорка: не великъ баринъ, не новгородскій дворянинъ,

указываетъ на гордость новгородскихъ дворянъ, порожденную сознаніемъ собственнаго достоинства, каковое сознаніе даетъ только свободная жизнь. Эта поговорка встрѣчается въ народной рѣчи; намъ удавалось слышать ее. Не подлежитъ сомнѣнію, что торговая связь новгородцевъ съ нѣмцами, вмѣстѣ съ политической свободой, много вліяли на образованіе въ нихъ благородныхъ правилъ, хорошихъ душевныхъ свойствъ. «Князь, такъ князь, а не князь, такъ головой въ грязь». Поговорка эта ясно указываетъ на свободный выборъ князей новгородцами, какъ она и отмѣчена у Даля. Новгородцы такали, такали, да и протакали. Можно услыхать и нынѣ эту поговорку про новгородцевъ, которые протакали, проговорили свою волю, свое вѣче. Не могло пройти безслѣдно для русскаго народа и такое многознаменательное историческое явленіе, какъ паденіе вольнаго Новгорода, какъ, равнымъ образомъ, не могла утаиться и причина этого паденія. Отъ Новгорода сохранилась и другая поговорка: на одномъ вѣчѣ да не однѣ рѣчи.

Историческая связь Новгорода и Пскова выражается въ поговоркѣ: душа на Волховѣ, а сердце на Великой.

Продолжая исторію московской Руси, останавливаемся на поговоркахъ: Москва слезамъ не вѣритъ; въ Москву идти—голову нести; Москву не расквелишь (не разжалобишь), живущихъ въ народѣ и въ настоящее время.

Объединеніе Руси, къ которому стремились московскіе князья, не могло совершиться одними справедливыми средствами. Нѣтъ, такія великія историческія задачи совершаются всякими средствами: была бы достигнута цѣль. Такъ поступали всѣ знаменитые объединители, начиная съ Людовика II и кончая Бисмаркомъ. Великая неправда совершалась московскими князьями по отношенію къ другимъ князьямъ русской земли, на что имѣются неопровержимыя доказательства. Кончилась эта неправда тогда, когда кончилась задача объединенія, что послѣдовало при Грозномъ. Такимъ образомъ, понятенъ и смыслъ вышеупомянутыхъ поговорокъ о Москвѣ, — какъ понятенъ смыслъ и такой поговорки: Москва всѣмъ городамъ мать, т. е. прибрала она къ рукамъ всѣ города русской земли и стала въ главѣ ихъ. Росла Москва, украшалась храмами Божьими, каменными стѣнами и палатами: въ Москвѣ сорокъ сороковъ церквей. Вѣками она дожила до слѣдующихъ поговорокъ: кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ; матушка Москва бѣлокаменная, златоглавая православная; хлѣба соли кушать, краснаго звона слушать; Москва людна и хлѣбна. Въ тоже время, т. е. вѣками, народились и такія поговорки: съ москалемъ дружи, а камень за пазухой держи; отъ черта открестишься, а отъ москаля дубиной не отобьешься; московскій человѣкъ бя; кто идетъ? чертъ. Ладно, лишь бы не москаль. (Москвичи дали

себя почувствовать малороссамъ во время борьбы съ поляками и особенно со шведами, при Петрѣ I). Москва бьетъ съ носка; московскій часъ, подожди! московская правда, московская волокита, породившія выраженія: отложить дѣло въ долгій ящикъ, ибо царь Алексѣй Михайловичъ, желая самъ разсматривать просьбы бѣдныхъ людей, повелѣлъ повѣсить при дворцѣ длинный ящикъ, для вкладыванія упомянутыхъ просьбъ, которыя онъ передавалъ боярамъ для исполненія; но въ боярскихъ рукахъ просьбы или совсѣмъ замирали, или исполненіе ихъ тянулось цѣлыми годами; вслѣдствіе чего длинный ящикъ обратился въ долгій ящикъ; московскіе люди землю сѣютъ рожью, а живутъ ложью; удавалось намъ слышать и такое сказанье, имѣющее отношеніе къ Москвѣ: «въ водѣ черти, въ землѣ черви, въ Крыму татаре, въ Москвѣ бояре, въ лѣсу сучки, въ городѣ крючки» (подьячіе). И здѣсь Москва упоминается не съ добрымъ чувствомъ: въ Крыму бѣда — татаре; въ Москвѣ бѣда — бояре. Была правда у Петра и Павла (въ застѣнкѣ московскомъ, гдѣ производилась пытка, у церкви Петра и Павла).

Мы готовы отдать на судъ лучшихъ нашихъ историковъ взгляды народа на Москву, выразившіеся въ приведенныхъ нами поговоркахъ, и увѣрены, что едва ли кто нибудь изъ изслѣдователей историческихъ судебъ русскаго царства, не согласится, что народъ необыкновенно вѣрно понялъ историческіе моменты, имъ пережитые, и въ краткихъ поговоркахъ представилъ намъ, какъ мы видѣли, исторію Москвы, со всѣми ея явленіями, добрыми и не добрыми, какъ то: значеніе Москвы среди другихъ городовъ, которые она старалась притянуть къ себѣ всякой правдой и неправдой, постепенный ростъ ея, какъ города, въ которомъ, если кто не бывалъ, то и красоты не видалъ; ея богатство, нажитое вѣками, вслѣдствіе чего справедливо говорится, что Москва и людна, и хлѣбна; наконецъ, русскій человѣкъ понялъ москвичей, какъ людей, нравственную природу которыхъ онъ опредѣляетъ совершенно согласно и съ лѣтописными сказаніями, и съ отзывами о нихъ иностранцевъ.

Народное творчество особенно сильно проявилось въ исторіи времени царя Грознаго.

Царица Анастасія, совершенно вѣрно понятая народомъ, такъ говоритъ въ одной пѣснѣ, обращаясь, передъ смертью къ царю Ивану:

Не будь яръ, будь ты милостивъ
До своихъ до ратниковъ служащихъ,
И тутъ твоя сила вѣрная.
Еще слушай, царь, ты послушай-ка:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До всего народу православнаго.

Исторически вѣрно, что Анастасія имѣла самое благотворное вліяніе на своего царственнаго мужа.

Какъ было при старомъ при царѣ, при Иванѣ Васильевичѣ,
Было время нехорошее, время нездоровое:
Только слышишь брани, драки, все то буйныя дѣла!
Вотъ настало времячко счастливое;
Ужъ и сталъ то Грозный царь Рассеюшку любить,
Сталъ Рассеюшку любить, чужи страны съ ней сводить.

Въ другой пѣснѣ говорится:

Ужъ настали годы злые на московскій народъ,
Какъ и сталъ православный царь грознѣе прежняго,
Онъ за правду, за неправду дѣлалъ казни лютыя.

Въ лицѣ Малюты Скуратова народъ заклеймилъ проклятіемъ всю Опричину, съ ея кромѣшниками, которые мели и грызли русскую землю. Въ одной пѣснѣ говорится:

«А одинъ изъ нихъ лишь не прячется,
То Малютка—палачъ, то Гурбатовъ сынъ.

Народная легенда такъ передаетъ о казняхъ Грознаго въ Новгородѣ: «Еще до нашихъ дѣдовъ, еще Питеръ былъ не подъ нашимъ владѣніемъ, царствовалъ на св. Руси царь Грозный Иванъ Васильевичъ. Пріѣхалъ царь Грозный въ Новгородъ, пошелъ къ Софіи къ обѣднѣ. Стоитъ Иванъ царь, Богу молится. Только, глядитъ, за иконой бумага видна. (Исторически вѣрно, ибо какой то бродяга Петръ, за что то наказанный новгородцами, въ злобѣ на нихъ, сдѣлалъ доносъ, что новгородцы замышляютъ измѣну и хотятъ отдаться Польскому королю, и что объ этомъ ими составлена грамота, подписанная архіепископомъ Пименомъ, которая хранится за образомъ Богородицы, въ Софійскомъ соборѣ. Дѣйствительно, грамота была найдена и, конечно, оказалась подложной. Но царь всетаки рѣшился наказать новгородцевъ). Онъ взялъ ту бумагу и распалился гнѣвомъ. А ту бумагу положили, по насердкамъ, духовники, а какая та бумага была, никто не знаетъ. Какъ распалился Грозный царь и велѣлъ народъ рыть въ Волховъ. Царь стоялъ на башнѣ, что на берегу на лѣво. Сталъ Грозный на башнѣ, стали народъ въ Волховъ рыть. Нарыли народу на 12 верстъ; тамъ народъ остановился не идетъ дальше, нельзя Грозному народу больше рыть. Послалъ онъ посмотрѣть за 12 верстъ вершниковъ: отчего мертвый народъ внизъ не идетъ? Прибѣжали вершники назадъ, говорятъ царю: мертвый народъ стѣной сталъ. Какъ тутъ быть? Закричалъ царь: давай коня! Подали царю коня. Царь сѣлъ на коня и поскакалъ за 12 верстъ. Смотритъ: мертвый народъ стоитъ стѣной, дальше не идетъ. Въ то самое время стало царя огнемъ палить, сталъ огонь изъ земли вокругъ Грознаго выступать. Поскакалъ царь Иванъ Васильевичъ прочь, огонь за нимъ;

онъ скачетъ дальше, огонь все кругомъ. Царь скочилъ съ коня, да на колѣни палъ, Богу молиться: «Господи! прости мое согрѣшеніе!» Огонь пропалъ».

По нашему мнѣнію, въ этой легендѣ народъ хотѣлъ выразить ту мысль, что самыя тяжкія прегрѣшенія прощаются Господомъ, если только грѣшникъ принесетъ искреннее покаяніе. Такія высокохристіанскія мысли вполнѣ сродны природѣ простаго русскаго человѣка. Подробное разсмотрѣніе народныхъ сказаній о Грозномъ приводитъ къ убѣжденію, что народъ не питалъ ни малѣйшаго чувства нерасположенія къ нему, тѣмъ болѣе ненависти, ибо сознавалъ, что царь, по словамъ одной пѣсни, выводилъ измѣну изъ каменной Москвы, а подъ измѣной народъ понималъ боярскую крамолу, бывшую, въ малолѣтство Грознаго, причиной страшныхъ бѣдъ для русской земли, борьба съ которой нашла сочувствіе въ народѣ, всегда видѣвшемъ въ верховной власти оплотъ противъ боярскихъ насилій. Удаляясь въ Александровскую слободу, Грозный прямо заявилъ, что уходитъ не отъ купцовъ и простаго народа, а отъ бояръ крамольниковъ. Понималъ народъ и умъ Грознаго, значеніе его побѣдъ надъ татарскими царствами; понималъ сочувствіе царя къ иноземцамъ, иначе не сказалъ бы: «сталъ Рассеюшку любить, чужи страны съ ней сводить». Впослѣдствіи его раздражительность и подозрительность приняли вполнѣ болѣзненный характеръ, и тогда уже не было пощады никому.

Историческая поговорка: «вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день», указываетъ на уничтоженіе Юрьева дня, съ которымъ соединялось право перехода крестьянъ отъ помѣщика къ помѣщику.

Память о древней кабалѣ (запись, которую давалъ на себя вольный человѣкъ въ томъ, что онъ извѣстное число лѣтъ будетъ находиться въ кабалѣ у владѣльца) сохранилась въ слѣдующихъ поговоркахъ: итти въ наймы — принимать кабалу; кабала не кабала, а голова не своя; внизъ вода несетъ, въ верхъ кабала везетъ, т. е. бурлаковъ по Волгѣ; вверхъ Волги приходится тянуть лямку; неволя внизъ идетъ, кабала вверхъ.

Переходимъ къ Смутному времени на Руси или, по народному сказанью, лихолѣтью.

Народное сказанье объ убіеніи царевича Дмитрія передано въ высшей степени художественно:

Не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
То орелъ летитъ по поднебесью,
Зорко смотритъ онъ на Москву рѣку,
На палатушки бѣлокаменныя,
На сады ея зеленые,
На златой дворецъ стольна города.
Не лютая змѣя воздувалася,

Воздувался собака булатный ножъ;
Упалъ онъ ни на воду, ни на землю,
Упалъ онъ царевичу на бѣлу грудь,
Да тому ли царевичу Дмитрію;
Убили же царевича Дмитрія,
Убили же его на Углищи,
На Углищи, на игрищи.

Далѣе говорится, что коршунъ (Борисъ Годуновъ) свилъ во дворцѣ гнѣздо съ коршунятами.

Конецъ пѣсни таковъ:

Не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится,
То идетъ грозный Божій гнѣвъ
На православную Русь.

Стихъ: «то идетъ грозный Божій гнѣвъ» удивительно художественъ, картиненъ. Надобно обладать сильнымъ поэтическимъ чутьемъ, чтобы въ нѣсколькихъ словахъ выразить страшную грозу лихолѣтья, которая надвигалась на Русь въ лицѣ Самозванца.

Народъ назвалъ Гришку Отрепьева воромъ, и опять таки какъ нельзя болѣе согласно съ исторической истиной, ибо въ древности подъ словомъ «воръ» понимали человѣка, не только способнаго поживиться на чужой счетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ловкаго, хитраго, которому не стать занимать ума, какимъ и былъ Отрепьевъ.

Поэтическій образъ царевны Ксеніи не прошелъ незамѣченнымъ народомъ, относящимся къ Ксеніи очень сочувственно:

Сплачется на Москвѣ царевна:
Охъ ти мнѣ молодой горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отрепьевъ разстрига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постричи,
Чернеческій чинъ наложити.
Ино мнѣ постричься не хочется,
Чернеческаго чина не сдержати.
Отворите мнѣ темну келью
На добрыхъ молодцевъ посмотрѣти.
Ино, ахъ, милые наши переходы,
А кому будетъ по вамъ ходити
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ батюшки Бориса Годунова?
Ахъ, милые наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти
Послѣ царскаго нашего житья,
Ахъ, послѣ Бориса Годунова?

Въ этой пѣснѣ Ксенія называется бѣлой перепелочкой, малой птичкой.

Отмѣтилъ народъ своимъ вѣрнымъ названіемъ «перелетовъ» бояръ перебѣжщиковъ отъ Шуйскаго къ Самозванцу и обратно; тѣхъ самыхъ бояръ, для которыхъ была дорога только личная выгода; твердо запомнилъ народъ и осаду Троицкой Лавры, ибо сохранилась поговорка: поляки съ пушками, а монахи съ клюшками (монашескій посохъ).

Привлекательная личность князя Михаила Скопина-Шуйскаго обрисована народомъ въ пѣснѣ, изъ которой мы приведемъ только начало, хотя въ ней разсказанъ весь драматическій ходъ дѣла и печальный конецъ юнаго князя. Народъ, въ упомянутой пѣснѣ, смерть его прямо приписываетъ зависти бояръ и видитъ въ отравительницѣ Шуйской только орудіе бояръ.

А Скопинъ князь Михаилъ Васильевичъ
Онъ правитель царству московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свято-русскія,
Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ.

По низверженіи царя Василія Шуйскаго, Москва присягнула на имя боярской Думы, состоявшей изъ 7-ми знатнѣйшихъ бояръ, въ главѣ которыхъ стоялъ князь Мстиславскій. Отсюда и поговорка: знать великъ городъ, что 7 воеводъ; (московская разнобоярщина). Злая насмѣшка, столь родственная русскому уму, слышится въ этой поговоркѣ.

И было тогда, говоритъ одно современное сказаніе, такое лютое время Божьяго гнѣва, что люди не чаяли впредь спасенія себѣ; чуть не вся земля русская опустѣла и прозвали старики наши это лютое время лихолѣтьемъ.

Замѣчательная личность Ляпунова равнымъ образомъ занесена въ народную пѣсню, въ которой, между прочимъ, такъ говорится про бояръ:

Многи русскіе бояре нечестивцамъ отдались,
Нечестивцамъ отдались, отъ Христовой вѣры отрѣклись.
Ужъ одинъ то бояринъ (Ляпуновъ) думнй воеводушка крѣпко вѣру защищалъ,
Крѣпко вѣру защищалъ, измѣнниковъ отгонялъ.

Какъ бы мы, Нижегородцы, не поднялись да не встали, такъ всѣ бы вы поганую землю носомъ копали.

Въ этихъ словахъ коротко выражено нижегородское движеніе, въ главѣ князя Пожарскаго и гражданина Минина. Въ нихъ звучитъ похвальба, которая не совсѣмъ чужда русскому человѣку, особенно, если дѣло касается своей стороны, своихъ земляковъ.

Пришли козаки съ Дону, погнали ляховъ до дому. По всей вѣроятности, эта поговорка относится къ тому моменту послѣдней битвы подъ Москвой, когда князь Пожарскій едва сдер-

живалъ натискъ враговъ, вслѣдствіе чего Авраамій Палицынъ отправился въ казацкій станъ умолять казаковъ ударить на поляковъ. Сильныя убѣжденія Палицына, наконецъ, подѣйствовали и козаки дружно ударили на гетмана Ходькевича, который былъ совершенно отбитъ и ушелъ отъ Москвы.

Имена Пожарскаго и Минина сохранила народная память въ пѣснѣ, въ которой передается весь ходъ нижегородскаго движенія на спасеніе отечества. Мы приведемъ только начало:

Какъ во старомъ то было городѣ,
Въ славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужъ жилъ тутъ, поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ то себѣ войско изъ удалыхъ молодцевъ,
Изъ удалыхъ молодцевъ, нижегородскихъ купцовъ.

Сношенія съ Польшей, почти всегда враждебныя, не могли не оставить слѣда въ народной памяти. Нашъ народъ не злопамятенъ, но замѣчать слабыя стороны національностей, съ которыми ему приводится сталкиваться, умѣетъ въ совершенствѣ. Отличаясь здравымъ смысломъ, русскій человѣкъ всего менѣе способенъ примириться съ безтолочью, неурядицей, которыми всегда отличалась польская историческея жизнь. Всякій народъ прежде всего замѣчаетъ въ чуждой ему національности именно тѣ недостатки, которые составляютъ прямую противоположность его собственнымъ свойствамъ, такъ сказать, претятъ его природѣ. На этомъ основаніи нашъ народъ называетъ поляка безмозглымъ; на этомъ основаніи русскій человѣкъ говоритъ, что на всю Польшу комаръ мозгу принесъ, что у насъ не Польша: есть и больше (т. е. больше боярина, своевольника), что чѣмъ дальше въ Польшу, тѣмъ разбою больше, т. е. всякой неурядицы, безтолочи, самоуправства, что Аршава была шершава, а теперь сгладили. Но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ признаетъ, что полякъ не трусъ, ибо онъ умираетъ, а ногами дрягаетъ; точно такъ, какъ онъ признаетъ молодца въ татаринѣ, ибо выражается: «люблю молодца и въ татаринѣ». Не укрылся отъ русскаго человѣка и замѣтный польскій недостатокъ приврать, прихвастнуть: ляхъ и подъ старость вретъ; какъ не укрылось огромное значеніе женщины-польки въ семейной и общественной жизни: у насъ не въ Польшѣ, мужъ жены больше. О враждебныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ и Литвѣ указываетъ поговорка: къ кому Богородица, а къ намъ Литва. (Икона спасла Москву отъ Тамерлана, а Витовтъ ограбилъ Смоленскъ).

Страшное лихолѣтье миновало, но взволнованная русская земля не могла придти въ совершенное спокойствіе. Московская волокита со всей ея неправдой, боярщина, получившая особенную силу со времени укрѣпленія крестьянъ и создавшая поговорки—

въ боярскій дворъ ворота широки, да вонъ узки (о кабалѣ); неволя, неволя—боярскій дворъ: походя поѣшь, стоя выспишься; вселился чортъ въ боярскій дворъ; затѣмъ печальное экономическое положеніе государства, по преимуществу отзывавшееся на крестьянствѣ, продолжало существовать; боярщина должна была даже почувствовать еще бо̀льшую силу, ибо она, во время лихолѣтья, совершенно разнуздалась, привыкнувъ играть царями. Убѣдившись на опытѣ, что царская власть можетъ быть ограничена боярскимъ вліяніемъ, она начала приводить эту мысль въ исполненіе при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и продолжала при тишайшемъ Алексѣѣ Михайловичѣ. При послѣднемъ дѣйствія бояръ, по отношенію къ народу, вызвали цѣлый рядъ мятежей въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Сольвычегодскѣ, Устюгѣ и, наконецъ, страшный мятежъ Разина, лозунгомъ котораго былъ кличъ: «иду выводить бояръ и воеводъ!»

Такимъ образомъ, лихолѣтьемъ еще не искупалась вся вина прошлаго. Тишайшій царь явился, такъ сказать, очистительной жертвой за грѣхи боярщины, противъ которой по преимуществу и вставалъ народъ въ упомянутыхъ мятежахъ.

Корень смутъ, истекавшихъ изъ боярщины, лежалъ, по вѣрному замѣчанію г. Забѣлина, въ глубокомъ прошломъ, а именно: въ отношеніяхъ дружинниковъ къ князю. Эти отношенія воспитали дружинную боярскую среду особымъ образомъ. Она развила въ себѣ нравы и инстинкты исключительно личнаго, своекорыстнаго свойства, развила стремленіе только къ личному благу и добру, нисколько не помня о благѣ и добрѣ всей земли, которая не даромъ же ее кормила.

Принципъ царской власти, взрощенный московскими князьями, былъ непоколебимо твердъ съ народѣ, и до такой степени, что когда въ разгарѣ мятежа царь Алексѣй сталъ просить народъ, чтобы онъ помиловалъ Морозова, изъ за котораго и загорѣлся мятежъ, то народъ воскликнулъ: «да здравствуетъ государь на многія лѣта! Да будетъ воля Божія и государева!» Иначе не создались бы поговорки: «Царь земной подъ Царемъ небеснымъ ходитъ; народъ думаетъ, а царь вѣдаетъ; какъ весь народъ вздохнетъ, до царя дойдетъ; безъ царя народъ сирота; царь отъ Бога—приставъ; безъ Бога свѣтъ не стоитъ—безъ царя земля не правится; ни солнышку на всѣхъ не угрѣть, ни царю на всѣхъ не угодить; милуетъ царь, да не милуетъ псарь. Замѣчательна слѣдующая древняя поговорка, встрѣчающаяся еще у Даніила Заточника: не князь грѣшитъ, а думцы наводятъ. Никакая сила не пошатнетъ теплой вѣры нашего народа въ царскую власть, какъ единственную его защитницу и покровительницу, что ясно подтверждается въ создавшихся вѣками упомянутыхъ поговоркахъ, въ которыхъ—весь народъ.

Боярскія интриги, государственное неустройство, вызываютъ цѣлый рядъ стрѣлецкихъ мятежей и послѣ тишайшаго царя. Память о стрѣльцахъ сохранилась въ поговоркахъ: у стрѣльца не ходи до крыльца; стрѣлецъ стрѣляетъ да и мошну не забываетъ (грабитъ); купецъ что стрѣлецъ — оплошнаго ждетъ. Поговорки эти ясно и прямо указываютъ на ту недобрую память, совершенно согласную съ исторической правдой, которую оставило по себѣ стрѣлецкое войско въ народѣ.

Стрѣлецкіе мятежи разгорѣлись бы страшнымъ пламенемъ и много было бы пролито боярской крови, но въ лицѣ Петра явилась другая великая сила, явилась цѣлая революція, предъ которой все должно было склониться, всякая сила должна была признать себя побѣжденной. Предъ нравственной силой народившагося богатыря народъ онѣмѣлъ, ибо чувствовалъ, что въ царствѣ совершается что то новое, неслыханное, творятся чудныя дѣла, о которыхъ ни у кого и на умѣ не было. Да, революція, внесенная Петромъ въ русскую жизнь, остановила развитіе расходившихся, со времени лихолѣтья, страстей и положила начало новой жизни, въ которой ненавистное народу боярство умалилось, съежилось, стало ниже травы, тише воды, предъ ничѣмъ непобѣдимой волей могучаго Петра. Только спустя много времени послѣ него, оно, обратившись, благодаря табели о рангахъ, въ чиновничество, снова получило силу и было причиной явленія Пугачевщины.

Обращаясь къ царствованію Алексѣя Михайловича, остановимся на мятежѣ Стеньки Разина, въ которомъ по преимуществу сказались общественныя болячки и ненависть къ боярамъ, вызвавшія страшную разнузданность народныхъ страстей. Сказанія о Стенькѣ, пѣсни и думы о немъ всего вѣрнѣе опредѣляютъ его значеніе, какъ народнаго героя.

Стенька со своей шайкой прежде всего появился на Волгѣ, исконномъ мѣстѣ всѣхъ вольныхъ, гулящихъ, голутвенныхъ людей. Съ Волги онъ пошелъ на Яикъ, отсюда на Каспійское море. Въ короткое время шайка Стеньки возросла до 7.000 человѣкъ, готовыхъ за своего атамана въ огонь и въ воду.

Страшная сила воли Стеньки, его крѣпость физическая, безшабашная удаль, его ненависть къ боярамъ, любовь къ народу, изъ котораго онъ самъ вышелъ, все это, съ теченіемъ времени, обратило Разина въ легендарнаго героя, чародѣя, котораго не беретъ никакое оружіе, который на своемъ вѣку зарылъ множество кладовъ, съ страшнымъ запретомъ, каковой запретъ снимется только тѣмъ, кто узнаетъ заговорныя слова. Большое число сохранившихся до нашихъ дней названій различныхъ урочищъ, холмовъ, насыпей, носящихъ названіе Разинскихъ или Стенькиныхъ, также доказываетъ живучесть памяти о Разинѣ въ народѣ.

Такъ, около Жигулей, на Волгѣ, живетъ много воспоминаній

о низовой вольницѣ вообще, а о Стенькѣ въ особенности. Здѣсь, какъ и ниже по Волгѣ, нѣсколько кургановъ до сихъ поръ носятъ названіе «Стенькиныхъ».

Удивительно сильно развито въ нашемъ народѣ чувство правды: не смотря на свое глубокое сочувствіе къ Разину, который не сдѣлалъ простому человѣку ни малѣйшаго зла, народъ понялъ своимъ великимъ чутьемъ правды, что на его героѣ много тяжкихъ грѣховъ, которые должны быть искуплены не менѣе тяжкими душевными и физическими страданіями. Подъ вліяніемъ своего взгляда на святую правду, народъ и создалъ цѣлый рядъ сказаній, гдѣ описываются муки, перенесенныя Стенькой на землѣ, на которой онъ оставленъ на цѣлые вѣка, для искупленія совершенныхъ имъ тяжкихъ грѣховъ. Стенька, какъ говорятъ сказанія, на столько глубоко раскаялся въ своихъ преступленіяхъ и на столько самъ проникся чувствомъ правды, что обѣщаетъ опять придти, если православные не будутъ жить по правдѣ.

Достаточно любаго изъ такихъ сказаній, чтобы убѣдиться до какой степени огромное значеніе имѣетъ Разинъ въ народномъ творчествѣ, обратившись въ какой-то загадочный миѳъ; загадочный потому, что онъ, какъ въ этомъ сказаніи, такъ и въ другихъ, живетъ цѣлые вѣка, неизвѣстно даже, умеръ ли онъ теперь; въ его обѣщаніи явиться опять, если православные не будутъ жить по правдѣ, звучитъ что-то пророческое, страшное.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сказанія о Стенькѣ приводятъ и къ такому заключенію: сколько долженъ былъ народъ настрадаться, если онъ такъ горячо относится къ Разину и даже придаетъ ему миѳическій характеръ, чего удостоиваются только тѣ историческія личности, которыя оставили по себѣ нестираемый слѣдъ.

Дѣло Разина откликнулось и подъ Нижнимъ, послѣ взятія имъ Астрахани, Саратова, когда онъ поплылъ въ верхъ по Волгѣ на своихъ стружкахъ къ Симбирску. По рѣкамъ Окѣ и Кудьмѣ, разинцы «прелестная своя разношаше писанія» и находили откликъ во всѣхъ недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей; а этихъ недовольныхъ, во время Разина, было не менѣе, если не болѣе, чѣмъ въ смуту начала XVII-го столѣтія.

Народное творчество богато пѣснями о Стенькѣ. Мы приводимъ только нѣкоторыя изъ нихъ. Въ этомъ отношеніи выборъ довольно труденъ, ибо всѣ онѣ полны жизни и картинны.

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубравушкой, надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра молодца,
Что Степана свѣтъ Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,

Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыихъ.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы мы помощнички.
Мы весломъ махнемъ — корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ.

Въ другой пѣснѣ поется:

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала рѣка матушка Камышенка,
Что вела то за собою берега круты,
Круты красны берега, луга зеленые;
Она устьецемъ впадала въ Волгу матушку.
Какъ по той ли рѣченкѣ матушкѣ Камышенкѣ,
Выплываютъ ли стружочки есаульскіе,
На стружочкахъ тѣхъ сидятъ гребцы бурлацкіе:
Все бурлаки, все молодчики заволжскіе.
Хорошо всѣ удальцы были наряжены:
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные.
На камкѣ (на плечахъ) у нихъ кафтаны однорядные;
Канаватные (старая узорчатая ткань) бешметы въ нитку строчены,
Галуномъ рубашки шелковы обложены,
Сапоги на всѣхъ на молодцахъ сафьяные,
Они веслами гребли да пѣли пѣсенки.

Картина необыкновенно живая.

Въ этой пѣснѣ упомянуты именно тѣ мѣста, по которымъ гуляли Разина работнички. Описанная одежда — старо русская, съ казацкимъ прикладомъ. Богатство одежды вполнѣ согласно съ исторіею, ибо извѣстно, что казаки изъ шайки Разина ходили въ шелку и бархатѣ, раздуванивъ все награбленное богатство. Казаки расхаживали въ шелковыхъ и бархатныхъ кафтанахъ; на шапкахъ жемчугъ, дорогіе камни. Находясь въ Астрахани, куда они явились съ повинной, они завели торговлю съ жителями и продавали добычу нипочемъ: фунтъ шелку отдавали за 18 денегъ.

Преданіе говоритъ, что Стенька, сидя въ темницѣ, въ ожиданіи смертныхъ мученій, сочинилъ слѣдующую пѣсню, которая до сей поры живетъ въ народѣ:

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Межъ московской, астраханской, славной кіевской;
Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Въ ногахъ мнѣ положите саблю вострую.
Кто пройдетъ или проѣдетъ — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли, моей вострой, испужается.

Что лежитъ тутъ воръ удалой добрый молодецъ
Стенька Разинъ, Тимофеевъ по прозванію.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что эта пѣсня создана самимъ народомъ, который очень хорошо зналъ, какъ далекъ былъ Стенька отъ духа христіанства и до какой степени онъ кощунствовалъ надъ вѣрой. Для народа было немыслимо, чтобы любимый его герой умеръ нераскаяннымъ, и вотъ, вслѣдствіе такого убѣжденія, онъ влагаетъ въ уста Разина слова глубокаго покаянія.

Помутился славный Тихій Донъ
Отъ Черкаска до Чернаго моря!
Помѣшался весь казачій кругъ:
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина!
Поимали добра молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву,
И на славной красной площади
Отрубили буйну голову.

Такія сказанія, такія пѣсни, создаются лишь о личностяхъ, дѣятельность которыхъ въ исторіи народа носила въ себѣ нѣчто, имѣющее прямое отношеніе къ судьбамъ этого народа. Стенька успѣшно дѣйствовалъ, потому что питалъ глубокую сознательную ненависть къ государственному московскому порядку. Онъ понималъ, что зло шло не отъ царя, а отъ бояръ, ибо царь добра хочетъ, а бояре скребутъ. Лозунгъ: иду выводить бояръ и воеводъ! неустанно повторяется имъ во время возстанія. Стенька жегъ всѣ бумажныя дѣла, какъ и Пугачевъ впослѣдствіи, порожденныя московской волокитой. Взявъ Астрахань, гдѣ сжегъ всѣ бумаги, онъ хвалился, что сожжетъ всѣ дѣла и въ Москвѣ, вверху, т. е. во дворцѣ государевомъ, слѣдовательно онъ хорошо понималъ, что именно въ бумагахъ-то самая язва и сидѣла.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, земскіе соборы пользовались особеннымъ значеніемъ. Имѣется замѣчательная пѣсня, въ которой описывается земскій соборъ при послѣднемъ изъ этихъ царей. Въ пѣснѣ говорится, что царь, отстоявъ обѣдню, становился на лобное мѣсто, на зеленую дубраву, и сказалъ слѣдующее:

Ай же вы, князи, думные бояра!
Пособите государю дума думати:
Надо думать крѣпко, не продумати.
Мнѣ-ка пишетъ нонь король земли шведскія;
Онъ же проситъ у насъ города Смоленска,
А давать ли намъ Химскую землю.
Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдати,

Али намъ за Смоленскъ постояти,
Али намъ на Смоленскъ нанимати?

Князь «Вострохансків» подаетъ голосъ, что Смоленскъ, гдѣ нѣтъ ни войска, ни казны, надо отдать и взять Химску землю.

Государю такія рѣчи неслюбилися, вслѣдствіе чего онъ обращается къ купцамъ, гостямъ богатымъ, съ тѣмъ же вопросомъ. Замѣчательно, что вмѣсто купцовъ отвѣчаетъ царю князь Бухарскій, который также совѣтуетъ отдать Смоленскъ и взять Химскую землю, ибо Смоленскъ строенье не московское, а строенье литовское. Государю такія рѣчи неслюбилися. Тогда онъ обращается къ молодымъ солдатамъ и проситъ ихъ съ нимъ думу думати. За нихъ отвѣчаетъ третій князь Данила Милославской (въ подлинникѣ — Милоставской). Онъ говоритъ, что «въ Смоленскѣ стрѣльцовъ есть 40 тысячей и онъ строенье не литовское, а московское, въ немъ казны есть—смѣты нѣту»; въ заключеніе прибавляетъ, «что не дадимъ мы туда города Смоленска, не возьмемъ себѣ Химскія земли».

Государю тыи рѣчи прилюбилися.
Говорилъ надежа государь-царь:
«Ай ты, ай асу князь Данила Милоставской?
«Мнѣ-ка чѣмъ же бы тя на скоро пожаловати?
«Я пожалую во Смоленскѣ воеводой!»
Вострохансваго-то князя взялъ повѣсилъ,
А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

Не за то ли имъ срублены головы, что они, судя по названіямъ, татарскіе князья, не желавшіе блага Россіи, или, что вѣроятнѣе, послѣдніе два стиха позднѣйшей прибавки, когда за свободное мнѣніе дѣйствительно можно было потерять голову, ибо на земскихъ соборахъ мнѣнія, безъ различія сословій, высказывались свободно, безъ страха отвѣтить головой.

Смоленскъ, какъ извѣстно, былъ постояннымъ яблокомъ раздора между Россіею и Польшею. Польскій элементъ былъ въ немъ всегда силенъ; не даромъ про смольнянъ говоритъ народъ: Смольняне—польская кость, собачьимъ мясомъ обросла.

Не миновало народной памяти и боярское мѣстничество, давшее себя сильно почувствовать по своимъ печальнымъ послѣдствіямъ для русской земли. Сыну сподручнѣй мѣстомъ считатся, чѣмъ отцу; неродословному съ родословнымъ не мѣстничать; не хвались отцемъ, а хвались молодцемъ (сыномъ); родъ службѣ не помѣха; въ полѣ съѣзжаются родомъ не считаются. Послѣдняя поговорка, вѣроятно, относится къ нашему древнему поединку, носившему названіе поля, на которомъ, какъ извѣстно, могли биться всѣ, не считаясь родомъ. Рыцарскаго характера наше поле не носило.

Положеніе монастырскихъ крестьянъ, столь многочисленныхъ въ древней Руси, опредѣляется поговоркой: монастырщина что

барщина. Къ числу поговорокъ, напоминающихъ древнее уголовное судопроизводство, принадлежитъ: на дѣлѣ правъ, да на дыбѣ виноватъ. Дыба — родъ пытки).

Къ числу многознаменательныхъ явленій тишайшаго государя относится старовѣрство, переродившееся впослѣдствіи въ расколъ и имѣющее непосредственное отношеніе къ исторіи народа. По нашему мнѣнію, причина нарожденія старовѣрства не столько религіозная, сколько политическая, а именно недовольство существовавшимъ административнымъ и экономическимъ порядками, что подтверждается мятежами, которыми такъ богато царствованіе Алексѣя Михайловича. Исправленіе же книгъ патріархомъ Никономъ было лишь толчкомъ къ проявленію накипѣвшаго раздраженія противъ правительства, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ то, что въ первое время весь протестъ старовѣровъ противъ Никона былъ направленъ на одну внѣшнюю, обрядовую сторону религіи, безъ малѣйшаго пониманія духовной стороны православія.

Если бы старообрядство было порожденіемъ религіозной причины, то оно имѣло бы исторію въ своей прошедшей жизни, но таковой исторіи нѣтъ, ибо религіозныя сомнѣнія Башкина миновали безслѣдно; религіозныя распри въ Греціи равнымъ образомъ не отозвались у насъ.

По всей вѣроятности, къ этому первому проявленію старообрядства относятся слѣдующія поговорки, созданныя самимъ старообрядствомъ, составляющія какъ бы религіозныя формулы цѣлаго вѣроученія и дающія полную возможность объяснить по нимъ различныя видоизмѣненія раскольничихъ вѣрованій, не выходившихъ въ первое время изъ границъ внѣшней, обрядовой религіи. Іуда бралъ соль щепотью, поэтому щепотью креститься грѣшно; креститься поперекъ пояса грѣшно (т. е. ниже, черезъ поясъ); образъ Божій въ бородѣ, а подобіе въ усахъ; безъ бороды и въ рай непустятъ; рѣжь наши головы, не тронь наши бороды; покойника должно класть ногами къ иконамъ; стоя на молитвѣ, ногъ не разставлять (бѣсъ проскочитъ); родившая дѣвка должна покрывать голову (грѣхъ покрыть); даръ Божій грѣхъ колоть (объ употребленіи вилокъ); съ табачникомъ, щепотникомъ, бритоусцемъ ни молись, ни дружись, ни сердись; кто ожерелье носитъ, у того змѣи вокругъ шеи на томъ свѣтѣ обовьются.

Нельзя не согласиться, что приведенныя поговорки указываютъ только на одну внѣшность, обрядность, малѣйшее отступленіе отъ которой разрушало всю силу молитвы. Да иначе и не могло быть, ибо народная масса, положившая начало расколу, при полномъ невѣжествѣ духовенства, по своимъ умственнымъ силамъ, была слишкомъ далека отъ возможности проникнуться внутреннимъ смысломъ религіи, ея духомъ и высокими задачами. Съ теченіемъ времени,

поклоненіе обрядности, внѣшности, повлекло старообрядцевъ поэтому пути еще дальше: народились взгляды, что извѣстная пища, извѣстные напитки—грѣховны. Кто пьетъ чай, тотъ спасенія не чай; кто пьетъ чай, отчаевается отъ Бога; кто кофе пьетъ, того Богъ (громъ) убьетъ; чай, кофе, картофель, табакъ — прокляты на 7 вселенскихъ соборахъ; кто табакъ пьетъ (нюхаетъ), да куритъ, святаго Духа отъ себя туритъ; китайская стрѣла (чай) въ Россію вошла, въ христіанскія сердца—сгубила всѣхъ до конца. Въ одномъ изъ «Цвѣтниковъ», мы, встрѣтивъ тѣ же проклятія на чай, кофе, между прочимъ, нашли и такое ученіе: «крещенію и поклонамъ и молитвѣ и посту ненудити никого же и кто изволитъ самъ, аще кто неволею погонитъ и сей есть антихристъ, да будетъ проклятъ». По всей вѣроятности, эти слова были высказаны впервые во время гоненія на расколъ.

Хотя умственный кругозоръ первыхъ учителей старой вѣры былъ очень ограниченъ и не могъ перешагнуть за предѣлы обрядности; но, во всякомъ случаѣ, умъ человѣка не можетъ вѣчно стоять на одномъ мѣстѣ; мысль все таки должна работать, благо начало этой работѣ положено. Два, три человѣка, выдавшіеся по уму, идутъ далѣе по пути того или другаго протеста (таковы естественныя условія человѣческаго развитія) и вносятъ новыя мысли въ головы остальныхъ своихъ собратій, способныя лишь принимать готовые выводы и изслѣдованія. Тоже должно было случиться и съ нашимъ старообрядствомъ: обрядность перестала питать души; подвижные умы начали понимать, что, кромѣ внѣшности, есть въ вѣрѣ что-то другое, болѣе отвѣчающее требованіямъ души человѣка, чѣмъ одна мертвая обрядность. Такимъ путемъ явились поговорки: церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ (духоборцы); поклоняйся Христу не мазаному, не писаному, а Христу животворному; (духоборцы). Духоборцы дошли до убѣжденія въ необходимости отвергнуть всякую внѣшность въ религіи; отдались поклоненію исключительно духомъ. Одна крайность родитъ другую. Безъ борца нѣтъ вѣнца, говорятъ они же.

Исторія преслѣдованія старообрядцевъ и раскольниковъ разныхъ толковъ выразилась очень ясно въ поговоркѣ: не та вѣра правая, которая мучитъ, а та, которую мучатъ.

Расколъ особенно знаменателенъ въ томъ отношеніи въ нашей исторіи, что онъ, какъ мы замѣтили выше, не стѣснялъ свободы мысли, порождая множество учителей, что служило единственнымъ средствомъ упражненія мозговой силы нашего народа: съ теченіемъ времени, принципъ исканія истинной вѣры, пути къ спасенію, сдѣлался господствующимъ въ средѣ отщепенцевъ отъ православія; но это исканіе пути къ истинному спасенію было сопряжено съ размышленіемъ, долгими думами, спорами, не рѣдко даже письменными, вслѣдствіе чего умственная сила народа получала упражне-

ніе, котораго не могла дать политическая жизнь государства, ибо эта политическая жизнь, съ участіемъ народа, была убита со времени Петра I.

Отсюда совершенно понятно нарожденіе множества толковъ въ расколѣ: мысль искала пищи, искала дѣятельности. Что мужикъ, то вѣра, что баба, то уставъ. Безъ сомнѣнія, эта поговорка создалась церковниками или никоніянами, какъ называютъ православныхъ нѣкоторые толки.

Умъ народа, не руководимый образованіемъ, разумной школой, предоставленный самъ себѣ, доработался до взглядовъ, до которыхъ онъ никогда не доработался бы при другихъ жизненныхъ условіяхъ. Явились толки, создавшіе поговорки: лучше семерыхъ родить, чѣмъ замужъ ходить (Ѳедосѣевщина); кто въ церковь не ходитъ, тотъ Бога боится, съ попами-дьяками хлѣба-соли не водитъ; (Ѳедосѣевщина); не грѣша, не спокаишься, не спокаившись, не помолишься, не молясь, не спасешься. Послѣдняя въ не маломъ употребленіи у разныхъ толковъ; напримѣръ, на Уралѣ, гдѣ бѣглые попы были въ большомъ ходу; здѣсь эта поговорка признается какъ что-то справедливое, вѣрное. Самый іезуитскій принципъ, разрѣшающій на все тяжкое. Не даромъ на Уралѣ, гдѣ зовутъ раскольниковъ кержаками (выходцы съ рѣки Керженца, Нижегородской губерніи) говорятъ: «это хитрый кержакъ! это настоящій кержакъ: онъ себѣ на умѣ». Подобныя же упомянутой поговоркѣ слѣдующія: большой грѣхъ прощается скорѣе малаго, потому что человѣкъ покаится, не согрѣшивъ, не умолишь. Хлыстовщина сказывается въ поговоркѣ: себя хлещу, Христа ищу. Скопцы: себя скоплю, себѣ рай куплю; веселится весь соборъ, катится къ намъ соколъ (т. е. Духъ святый); златымъ перстнемъ обручились, со грѣхохъ разручились.

Начавъ съ защиты безсмысленныхъ грамматическихъ ошибокъ, съ защиты бороды и проклятія разнымъ напиткамъ, расколъ, въ періодъ очень непродолжительный, дошелъ въ настоящее время до проповѣди чистаго раціонализма въ лицѣ духоборцевъ и новѣйшихъ сектантовъ, шалапутовъ. «Послѣдніе, напримѣръ, по словамъ г. Абрамова, источникомъ вѣроученія признаютъ лишь внутренняго человѣка, т. е. совѣсть и разумъ. Таинства, по мнѣнію шалапутовъ, должны быть понимаемы духовно. Истинное причащеніе есть духовное, происходящее чрезъ слово, мысль и вѣру. Главною идеею соціально-нравственнаго ученія шалапутовъ является идея братства. Всѣ люди братья, то и должно всѣхъ любить, и эта любовь должна лежать въ основѣ всѣхъ людскихъ отношеній. Изъ идеи братства выводится шалопутами понятіе о правахъ и обязанностяхъ человѣка. Первою такою обязанностью является трудъ. Трудиться должны всѣ; самый презрѣнный человѣкъ — лѣтняй».

Дойти до подобнаго воззрѣнія, конечно, возможно лишь при томъ условіи, если у народа работала мысль въ теченіи не малаго времени. Трудно что нибудь сказать противъ того, что расколъ былъ единственной сферой, въ которой работала народная мозговая сила, и вотъ, эта сила доработалась до принциповъ, приведенныхъ нами въ ученіи шалапутовъ. Мы полагаемъ, что народное творчество, составляющее матеріалъ для нашей статьи, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что нашъ народъ, относительно мышленія, не находится въ косномъ положеніи, какъ думаютъ многіе, не имѣющіе понятія объ его духовной жизни.

Существуетъ особый толкъ бѣгуновъ, о которомъ мы не могли найти никакихъ поговорокъ, болѣе или менѣе опредѣляющихъ характеръ ученія, подобно поговоркамъ по другимъ толкамъ. Бѣганье въ этомъ толкѣ возведено въ догматъ. «Бѣги, спасайся, бѣги безъ устали отъ власти тебя преслѣдующей, отъ Антихриста, уже давно царствующаго на землѣ».

Не знаю себѣ, что и быти
Да гдѣ мнѣ главу подклонити,
Понеже антихристовы дѣти
Всюду простираютъ на насъ сѣти,
Хотятъ они насъ уловити,
Антихристу покорити,
А вѣру Христову перемѣнити.

Даль, въ своемъ «Толковомъ Словарѣ», говоритъ о бѣгунахъ: «одинъ изъ самыхъ дурныхъ, извращенныхъ толковъ раскольниковъ безпоповщины; бѣгуны не подчиняются никакому гражданскому порядку, не признаютъ никакихъ властей; для нихъ царство Антихриста настало; они бродятъ весь вѣкъ; должны умереть въ безвѣстности, на чужбинѣ и быть тайно зарыты, чтобы не попасть ни въ какія росписи». Съ своей стороны замѣтимъ, что всякое записываніе имени въ какой бы то ни было списокъ, всякая ревизія, платежъ податей, паспортъ, для бѣгуновъ дѣло грѣховное: они все это отвергаютъ. «Бѣгуны дѣлятся на странниковъ и странопріимныхъ, что исполняютъ поочередно; при жизни, или даже умерши, бѣгуны пропадаютъ безъ вѣсти».

Много злобы должно было накипѣть въ человѣкѣ, чтобы до такой степени настойчиво, съ величайшими лишеніями, ратовать противъ порядка и закона.

Толкъ бѣгуновъ держится на исторической почвѣ. Искони, во всей нашей исторіи, русскій человѣкъ прибѣгалъ къ бродяжничеству, когда приходилось спасаться отъ преслѣдованія власти, уходить отъ помѣщика или просто являлась охота искать лучшихъ условій жизни. Въ древнихъ нашихъ актахъ выраженіе «разбрестись врозь» встрѣчается необыкновенно часто. Бродяжничество и породило, если можно такъ выразиться, особый классъ общества

не помнящихъ родства, явленіе, не бывалое въ цѣломъ мірѣ. Гдѣ душа не бродитъ, кто мыслями не браживалъ, говоритъ народъ; задумалъ бѣжать, такъ нечего лежать; стоять вмѣстѣ, а бѣжать врознь; не грози бояринъ холопу хлѣбомъ, а холопъ боярину бѣгомъ; бѣглому одна дорога, а погонщикамъ сто; пошла погонная на Вязьму, а бѣглецъ на Клязьму. Въ древности существовала особая, такъ называемая, бѣглая грамота, т. е. видъ, данный на поимку и преслѣдованіе бѣглыхъ крестьянъ. Ловля бѣглыхъ въ древности составляла одну изъ самыхъ тяжелыхъ правительственныхъ заботъ.

У насъ имѣется, взятая изъ одного слѣдственнаго дѣла, слѣдующая копія съ подлинной бумаги, которая, сколько помнимъ, была отобрана отъ бѣгуна и которая имѣетъ значеніе духовнаго паспорта, служащаго для бѣгуна защитой отъ всякой напасти со стороны земныхъ властей, ибо сей паспортъ выданъ изъ канцеляріи небесной.

Въ срединѣ паспорта большой кругъ, въ кругѣ осьмиконечный крестъ, надъ крестомъ надпись: «Царь славы»; внутри круга надписи: «кресту Твоему поклоняемся, великое и святое Воскресеніе твое славимъ»; затѣмъ, во второмъ, меньшемъ кругѣ, находящемся въ большомъ, другая надпись: «се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи всего міра». По бокамъ круга, около креста, также надписи, съ одной стороны: «Господь защититель животу моему, кого я устрашуся»? съ другой: «Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся»? Далѣе такой текстъ, т. е. подъ крестомъ, который какъ будто замѣняетъ печать: «Сей пачпортъ отъ града вышняго Царя Спасителя, небу и земли Вседержителя. Отпустилъ меня на волю во вѣки Всевышній Господинъ и Создатель Богъ единъ; написаны мнѣ примѣты и лѣты—радость будущаго вѣка и приложено множество Св. Отецъ рукъ, еже боятися страшныхъ мнѣ мукъ, прописанъ въ полиціи полной, небесной, чтобы имѣть разумъ духовной; заномеренъ въ путь по Бозѣ ревности, чтобы не имѣть лѣности итти правымъ путемъ о Христѣ, дабы не держали бѣси раба Божія нигдѣ и кто меня вѣры ради погонитъ, тѣмъ въ геену себя уготовитъ; а ежели не буду сего наблюдать, то буду много плакать и рыдать. Упованіе мое—Богъ и прибѣжище мое Христосъ и покровитель мой есть Духъ Святой. Всесвятая Богородица! во время живота моего не остави мене и человѣчестей помощи не ввѣри меня, но сама мя заступи и помилуй мя».

Опираясь на статью г. Вескинскаго «Странники или бѣгуны» [1], мы можемъ привести еще нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія объ этой сектѣ. Статистика странничества показываетъ, что преобладающій элементъ его составляли помѣщичьи крестьяне и значительная доля

[1]) «Православное Обозрѣніе» № 8, 1864 года.

военныхъ дезертировъ. По словамъ цитируемаго нами автора, безнравственность бѣгуновъ до глубины души возмущаетъ всякаго, кто хоть мало мальски слыхалъ что нибудь о нравственности. Тѣло играетъ, но душа непорочна, говорятъ странники, предаваясь разнаго рода оргіямъ. Семейный бытъ для бѣгуна не существуетъ. Со дня вступленія въ секту, мужъ и жена чужіе другъ другу, прежній бракъ—прелюбодѣяніе; жена дьяволомъ дана, а дѣвка Богомъ, говоритъ бѣгунъ. Пьянство и воровство — самыя обыкновенныя вещи въ странничествѣ. Въ Сопѣлкахъ, напримѣръ, и у коробовскихъ бѣлопашцевъ, потомковъ Сусанина, открыты склады воровскихъ вещей. Убійство, особенно новорожденныхъ дѣтей, вымариваніе дѣтей, тоже не изъ ряда выходящія дѣла. Есть молва, что въ Пошехонскомъ уѣздѣ, въ сторонѣ, называемой Сохотью, о которой существуетъ даже поговорка: въ Сохоти живутъ дѣвки въ нохоти, — устроенъ въ лѣсу родильный домъ — землянка, которую могутъ находить одни лишь странники и странницы (Сборникъ Кельсіева).

Странничество по своему принципу — самый строгій аскетизмъ. Въ основаніи его лежитъ мысль о первомъ раскольническомъ аскетизмѣ: странники оффиціально всѣ монахи, — подъ этимъ только условіемъ они и бѣгуны.

При вступленіи въ странничество не требуется отчета о прежней жизни. Бѣглый солдатъ, бѣглецъ-преступникъ, крестьянинъ, бѣгающій работы или рекрутства, женщина сомнительнаго поведенія — всѣ принимаются съ распростертыми объятіямъ въ бѣгунство; требуется лишь одно—уничтоженіе законнаго паспорта. Странники таскаются всюду, гдѣ придется, не имѣя, какъ говорятъ они, «здѣ пребывающаго града» и называя себя «странниками христовыми» или «христовыми людьми», не помнящами родства, кромѣ кипарйснаго креста (кипарисный крестъ — принадлежность всякаго странника). У каждаго бѣгуна должна быть своя икона, мѣдная, своя лѣстовка, подручникъ, чашка и ложка; впрочемъ, бѣгунамъ не запрещается ѣсть изъ одной чашки другъ съ другомъ.

Бѣгуны, какъ вообще безпоповцы, признаютъ только два таинства: крещеніе и покаяніе. Иконы употребляютъ или древнія или вылитыя (мѣдныя), ими самими дѣлаемыя. Дѣла спорныя разрѣшаются совѣтомъ изъ старцевъ, болѣе другихъ начитанныхъ. Выбираются иногда въ наставники и женщины, пользующіяся вліяніемъ на дѣла, но имъ дозволено совершать богослуженіе только на малыхъ собраніяхъ (около 10 человѣкъ) и лишь въ крайнихъ случаяхъ исполнятъ обрядъ похоронъ.

Какъ иноку, страннику запрещено употребленіе мяса, вина, чаю и проч.

Люди, знакомые хотя сколько нибудь съ духомъ нашего на-

рода, должны знать, что нашъ народъ отличается величайшей вѣротерпимостью. Всякъ языкъ Бога хвалитъ; всякъ по своему Бога хвалитъ; все одинъ Богъ, что у насъ, что у нихъ (т. е. иновѣрцевъ); Богъ одинъ, какъ ни призывай Его. Вслѣдствіе этой вѣротерпимости, въ нашей народной литературѣ не встрѣчается даже намека какой либо насмѣшки надъ чужимъ вѣроисповѣданіемъ. Нѣмецъ смѣшенъ для русскаго человѣка, но вѣры нѣмецкой онъ не трогаетъ. По отношенію же къ расколу, которому народная масса всегда сочувствовала, сохранилось лишь самое не большое число поговорокъ, далеко не злыхъ, порожденныхъ историческими событіями и объясняемыхъ любовью русскаго человѣка къ легкому юмору, не разбирающему, подъ часъ, ни своихъ, ни чужихъ. Лоскутъ на воротъ, а кнутъ на спину (о раскольникахъ при Петрѣ); что мужикъ, то вѣра; что баба, то уставъ; макушки стрижены, усики не тронуты; попъ да передѣланный (поповщина, принимающая бѣглыхъ поповъ); во Ржевѣ и въ горшкѣ крестятъ; борода—трава, скосить можно; кто куритъ или нюхаетъ табачокъ, тотъ Христовъ мужичокъ. Послѣднія двѣ поговорки родились, конечно, въ разрѣзъ мнѣніямъ раскольниковъ, въ нихъ звучитъ такой незлобивый юморъ, что и самъ раскольникъ не разсердится, услыхавъ ихъ.

Развратъ, существующій въ нѣкоторыхъ толкахъ, напримѣръ, въ Ѳедосѣевщинѣ, утверждающей, что лучше семерыхъ родить, чѣмъ замужъ выходить, не можетъ подлежать сомнѣнію. Подобное явленіе не могло пройти незамѣченнымъ со стороны православныхъ, вслѣдствіе чего и создались нѣкоторыя народныя произведенія, указывающія на грѣхъ раскольниковъ. У насъ записано слѣдующее шуточное стихотвореніе, имѣющее предметомъ скитскую жизнь:

Построю я келью подъ елью,
Проложу дороженьку въ деревню,
Чтобы красныя дѣвицы ходили,
Печеныя бъ яица носили.
Не нужно мнѣ ни быка ни коровы,
Были бы красныя дѣвушки здоровы!

Или шутка, записанная у Даля: «Ой вы, матери келейницы, сухопарыя сидидомицы! къ вамъ старикъ во дворъ, а и гдѣ вы? Въ часовнѣ, часы читаемъ. Ой вы, матери келейницы, сухопарыя сидидомицы! къ вамъ молодчикъ во дворъ, а и гдѣ вы? По кельямъ лежимъ».

Въ раскольничьихъ монастыряхъ также было не безъ грѣха. Разсказовъ объ этомъ ходитъ не мало. У насъ имѣется описаніе старообрядческаго дѣвичьяго монастыря, что при Климовскомъ посадѣ. Монастырь основанъ въ 1763 г. «Удивительно, говоритъ авторъ описанія, что въ этомъ монастырѣ есть много лицъ дворян-

скихъ, даже княжескихъ родовъ. Въ 1789 г. всѣхъ жителей въ немъ было до 700 человѣкъ. Жизнь монахинь отличалась безнравственностью. Пьянство и прелюбодѣяніе дошли до послѣдней степени. Разъ какъ то освящали колодецъ, откуда вынули мертваго новорожденнаго младенца, кѣмъ то брошеннаго туда, о чемъ одна старуха разсказывала другой. Слушавшая разсказъ, съ своей стороны, замѣтила: «и мать моя, что это за горе; это не горе, а вотъ бѣда, такъ бѣда у насъ стряслась: изъ нашего колодца вытащили церковную пелену, съ четырех-конечнымъ крестомъ. Во всемъ требникѣ то и молитвъ не пріискали».

Существуетъ цѣлый отдѣлъ народной литературы, очень многочисленный и достойный изученія, это—лубочныя картинки. Изъ вѣроученій множества толковъ намъ извѣстна только одна картинка, упоминаемая у г. Ровинскаго, а именно—изображеніе учителя Ѳедосѣевщины, который нарисованъ въ старомъ русскомъ платьѣ, т. е. въ кафтанѣ, съ разрѣзомъ позади. Онъ стоитъ у рѣки Хапиловки, считающейся у Ѳедосѣевцевъ Іорданомъ.

Народныхъ картинокъ, въ которыхъ изображалась бы насмѣшка надъ раскольниками, не существуетъ. Существуютъ по этому предмету лишь картинки правительственныя и то въ числѣ самомъ ограниченномъ, не болѣе 11-ти. Вотъ что говоритъ объ этомъ нашъ извѣстный собиратель лубочныхъ картинокъ, г. Ровинскій: «Правительство наше рѣдко пользовалось народной картинкой для объясненія народу своихъ дѣйствій и намѣреній или для подготовленія его къ какимъ либо преобразованіямъ; объяснить такое странное обстоятельство можно развѣ тѣмъ крайнимъ презрѣніемъ, которое питало къ народу и къ обществу высшее чиновничество: «чего ихъ спрашивать, — прикажутъ, такъ и сдѣлаютъ, а не то и заставятъ сдѣлать; а то станешь заранѣе спрашивать, такъ, пожалуй, заберутъ себѣ въ голову, что безъ нихъ и дѣло не обойдется». «Вы чего притащились?» кричалъ министръ полиціи Балашовъ на дворянскую депутацію, которая въ годину народнаго бѣдствія пріѣхала въ Петербургъ положить къ стопамъ государя свои животы и все прочее, по случаю нашествія Наполеона: «кто же это вамъ дозволилъ, господа?»

«Картинокъ, изданныхъ правительствомъ въ назиданіе народа, продолжаетъ г. Ровинскій, насчитывается всего 11; первая изъ нихъ—раскольникъ и цирульникъ,—неудачно составленная въ посмѣяніе раскольниковъ, не хотѣвшихъ брить бороды, и просьба монаховъ Калязинскаго монастыря, изданная для осмѣянія монашества, по приказанію Екатерины II, съ тѣмъ, чтобы подготовить народъ къ задуманному ею отобранію церковныхъ имуществъ. Изъ упомянутаго числа картинокъ одна представляетъ обрядъ покаянія убійцъ Жуковыхъ и составлена по приказанію Екатерины II, а восемь картинокъ, представляющія ужасы наносной оспы, были

назначены для распространенія въ крестьянской средѣ, въ царствованіе императора Александра I.

Такимъ образомъ, къ нашему вопросу относятся картинки: раскольникъ и цирульникъ и картинки, имѣющія цѣлью распространеніе здоровыхъ понятій объ оспѣ, ибо раскольники, утверждающіе, что прививка оспы есть печать антихриста, были самыми горячими противниками оспопрививанія.

Цирульникъ и раскольникъ представлены на картинкахъ въ нѣмецкихъ платьяхъ; послѣдній въ нѣмецкой тальмѣ, сапоги также иноземные; цирульникъ въ шляпѣ съ широкими полями, а раскольникъ безъ шляпы. Цирульникъ держитъ у бороды раскольника огромныя ножницы. Надписи, надъ цирульникомъ: «цирульникъ хочетъ раскольнику бороду стричь;» надъ раскольникомъ: раскольникъ говоритъ — «слушай, цирульникъ, я бороды стричь не хочу; вотъ гляди, я на тебя скоро караулъ закричу».

Картинка, какъ видитъ читатель, не хитрая и, конечно, цѣли своей достигнуть не могла.

Считая привитую оспу печатью антихриста, раскольники говорятъ, что на томъ свѣтѣ каждая щедринка отъ оспы обратится въ жемчужину.

«Народъ, пишетъ г. Ровинскій, отнесся къ новому изобрѣтенію (привитію оспы) не совсѣмъ довѣрчиво: у народа составилось даже повѣрье, что кто умретъ отъ оспы, тотъ будетъ ходить на томъ свѣтѣ въ золотыхъ ризахъ (Буслаевъ)».

Картинки эти, вѣроятно, сдѣланы по заказу министра полиціи. На одной изъ нихъ парень балагуритъ съ красивой дѣвкой, а дѣвка дразнитъ его, посылая къ своей подругѣ Улитѣ, у которой отъ наносной оспы и носъ къ губамъ приросъ, а глаза коробомъ свело; парень, конечно, отнѣкивается и читаетъ нравоученье про Улиту:

Когда бъ ея отецъ и мать умнѣе были,
То оспу ей привить коровью допустили,
Такъ и она бъ была,
Какъ ты, бѣла, румяна и мила.

На другой картинкѣ представлены, съ одной стороны, здоровая семья оспенныхъ, съ другой, рябые отецъ и мать и бабушка грызунья, рябая, какъ она, старинныхъ бредней врунья; несутъ они на кладбище истыканнаго оспою ребенка; вирши тоже заканчиваются наставленіемъ:

Возьмитеся за умъ, не бойтеся коровъ:
Кто воспу ихъ привьетъ,
Тотъ живъ, цѣлъ и здоровъ.

Въ этомъ же родѣ и остальныя картинки.

Духъ мятежа, которымъ отличалось царствованіе Алексѣя Михайловича, лежавшій корнемъ въ глубинѣ прошедшей исторіи Россіи,

особенно сильно охватилъ собой сословіе богомольцевъ, какъ называетъ г. Забѣлинъ бѣлое и черное духовенство, въ которомъ протестъ противъ исправленія книгъ успѣлъ дозрѣть до степени фанатизма: монахи Соловецкаго монастыря, руководимые архимандритомъ Никоноромъ, келаремъ Наѳанаиломъ и другими, рѣшились лучше выдержать осаду царскаго войска, чѣмъ принять новыя книги.

По этому дѣлу въ народной литературѣ сохранился слѣдующій разсказъ, переданный въ формѣ пѣсни, доказывающій на сколько народъ сочувственно относился къ защитникамъ старой вѣры: Царь Алексѣй Михайловичъ призываетъ изъ бояръ воеводу Ивана Салтыкова, и говоритъ ему:

Охъ, ты гой еси воевода.
Царевъ большой бояринъ!
Сослужи ты мнѣ службу:
Сходи ко синю морю,
Ко острову большому,
Къ монастырю честному.
Прикажи ты всѣмъ старцамъ
По новому молитися,
Стару вѣру порушить,
Нову вѣру полюбить.

Воевода сначала отказывается отъ такого страшнаго дѣла, но потомъ, испугавшись казни, соглашается и проситъ царя дать ему войско:

Два полка пѣшихъ солдатовъ,
Стрѣльцевъ два прихода.
Пошелъ же воевода ко синему морю,
Ко острову большому,
Ко монастырю честному.

Старцы, увидавъ корабли на морѣ, были въ недоумѣніи:

Не знай идутъ молиться,
Не знай идутъ рубиться.
Они пушки заряжали,
Пыжами забивали;
Пускали же пушки
Поверхъ той силы,
Чтобъ силы не побѣдити,
Царя не прогнѣвати.

Народное творчество, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, подтверждаетъ до какой степени велика привязанность народа къ царской власти: въ данномъ фактѣ пѣсня говоритъ, что монахи готовы умереть за старыя книги, но все таки стрѣляютъ только для страху, поверхъ, чтобы не прогнѣвить царя. Въ самыя тяже-

лыя годины своего существованія, народъ ни одного раза не относился съ укоромъ къ царской власти, напротивъ, только на нее и возлагалъ свои надежды.

Въ маѣ 1675 года, воевода Мещериновъ, осаждавшій монастырь, узнавъ отъ монаха перебѣжчика объ отверстіи въ стѣнѣ, которое легко закладывалось камнями, проникъ въ монастырь, гдѣ, безъ особенныхъ усилій, перехваталъ спавшихъ монаховъ и такимъ образомъ покончилъ съ возстаніемъ. Главные руководители возстанія были казнены, а объявившіе, что готовы повиноваться царю и церкви, были прощены и оставлены въ монастырѣ.

Умеръ добрый, но слабый царь Алексѣй Михайловичъ. Мягкая душа этого государя не мало наболѣла во время мятежей, сопровождавшихъ его царствованіе. И не думалъ онъ, не гадалъ, что его маленькій сынъ, Петръ, внесетъ страшный переворотъ въ жизнь государства и натворитъ такихъ чудесъ, какія и на умъ не придутъ, по выраженію нашихъ предковъ. Да, за царемъ Алексѣемъ, въ лицѣ Петра, стояла готовая революція. Народъ, пораженный величіемъ, богатырской силой своего перваго императора, успѣлъ все таки отстоять свою самобытность, свои вѣрованія, обычаи, преданія; но въ то же время онъ какъ нельзя лучше понималъ Петра, понималъ его мощь, великій умъ, необычайныя способности ко всякому дѣлу, что выразилъ во множествѣ сказаній, преданій, пѣсенъ. Народное творчество особенно богато матеріалами о Петрѣ. Намъ кажется, что личности, подобныя нашему Великому Преобразователю, только и могутъ быть рельефно обрисованы при посредствѣ матеріаловъ упомянутаго творчества.

Петръ не умеръ, какъ умираютъ всѣ люди: онъ окаменѣлъ на конѣ. Когда онъ построилъ Питеръ, то сѣлъ на коня, протянулъ руку и сказалъ: «все мое и Божье!» За гордыню, что онъ себя поставилъ выше Бога, и наказанъ Господомъ. Въ этой легендѣ высказана необыкновенно вѣрная психологическая мысль, что великій человѣкъ не можетъ не сознавать своего величія, своей духовной мощи надъ другими людьми. Петръ укротилъ плетью бурное Ладожское озеро, проклялъ сорокъ въ Питерѣ. Сама природа повинуется ему. Царь Петръ зналъ все на свѣтѣ, только не умѣлъ лаптей плесть. У него не сходили съ рукъ мозоли, ибо всякую крестьянскую работу зналъ и исполнялъ.

Было-бы желательно, чтобы представленныя нами на судъ читателей произведенія народнаго ума, имѣющія отношеніе къ нашей родной исторіи, доказали бы, что безъ изученія ихъ немыслимо знаніе народа, а это знаніе многимъ необходимо, особенно тѣмъ исполнителямъ верховной власти, въ рукахъ которыхъ и счастіе Россіи, и всѣ ея бѣды.

И. Бѣловъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. М. КОНШИНА.

1812 годъ.

Николай Михайловичъ Коншинъ, дворянинъ Тверской губерніи, родился въ 1793 году, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда почему-то перешелъ на службу юнкеромъ въ гвардейскую конно-артиллерію. Въ 1811 году, онъ произведенъ въ прапорщики полевой артиллеріи, участвовалъ въ кампаніи 1812 года и въ 1814 году, при вступленіи войскъ нашихъ въ Парижъ. Въ 1817 году, Коншинъ вышелъ въ отставку, но потомъ опять поступилъ на службу въ армію. Въ 1819 году, Нейшлотскій пѣхотный полкъ, въ которомъ онъ былъ ротнымъ командиромъ, стоялъ въ Фридрихсгамѣ; въ томъ же году, осенью, поэтъ Баратынскій, по производствѣ его изъ рядовыхъ въ унтеръ-офицеры, былъ переведенъ въ Нейшлотскій полкъ и зачисленъ въ роту Коншина. Встрѣченный со стороны новыхъ своихъ сослуживцевъ привѣтливо и общимъ сочувствіемъ, Баратынскій въ ротномъ командирѣ своемъ нашелъ столько теплаго участія, что они остались друзьями на всю жизнь. Коншинъ любилъ литературу, кой-что и самъ пописывалъ и въ свое время слылъ даже «стихотворцемъ и литераторомъ». Черезъ новаго друга своего онъ сблизился съ Дельвигомъ и, будучи членомъ вольнаго общества любителей россійской словесности, вошелъ въ пріятельскія отношенія и съ другими молодыми литераторами того времени. Каковы были эти отношенія можно видѣть изъ статьи Лонгинова: «Е. А. Баратынскій и его сочиненія». «Весною 1821 года, говоритъ онъ, Баратынскій прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ, который пришелъ туда для занятія карауловъ на время пребыванія гвардіи въ лагерѣ. Баратынскій поселился вмѣстѣ съ Дельвигомъ; они жили въ кругу общихъ друзей: Эртеля, Плетнева, Коншина, князя Эристова, Болтина и проч. Жизнь ихъ

была веселая, безпечная, оживленная дружескими бесѣдами, юношескими похожденіями, поэтическими подробностями, сохраненными въ стихотвореніяхъ, по большей части рукописныхъ, въ которыхъ такъ ярко блестятъ радужные цвѣта, облекающіе собою и незначительныя событія, когда они порождены молодостію, искренностію и изяществомъ чувствъ и мыслей. Баратынскій считалъ это время едва ли не лучшимъ въ своей юности» [1]).

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, Коншинъ поступилъ правителемъ дѣлъ къ управлявшему царскосельскимъ дворцовымъ правленіемъ, генералу отъ артиллеріи Захаржевскому, и занималъ эту должность около 10 лѣтъ; затѣмъ перешелъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, былъ директоромъ гимназіи сперва въ Твери, потомъ въ Москвѣ, откуда назначенъ директоромъ Ярославскаго Демидовскаго лицея. Прослужа здѣсь шесть лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку, а въ 1859 году опять былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири, гдѣ и умеръ.

Въ свое время Коншинъ былъ извѣстенъ слѣдующими произведеніями: 1) Владѣтель волшебнаго хрусталика — аллегорическая сказка, 1825 года. 2) Альманахъ Царское Село, съ портретомъ Дельвига, изданный имъ вмѣстѣ съ барономъ Розеномъ. 3) Густавъ Вертъ — повѣсть, 1834 года. 4) Тайна — повѣсть, 1833 года. 5) Графъ Обоянскій или Смоленскъ въ 1812 году — разсказъ инвалида, 1834 года. Кромѣ того попадаются его статьи въ «Русскомъ Инвалидѣ» тридцатыхъ годовъ и въ журналѣ «Маякъ».

Вотъ все, что извѣстно о личности Коншина. Воспоминанія его о 1812 годѣ писаны имъ не для публики, а для его дѣтей. Разсказъ его, какъ участника и очевидца славной эпохи 1812 года, не лишенъ интереса и мѣстами весьма любопытенъ, но вычурность и изысканность выраженій не только лишаетъ его преимуществъ легкаго литературнаго языка, но во многихъ мѣстахъ даже затемняютъ смыслъ его, а потому, сохранивъ главное и существенное содержаніе записокъ, мы рѣшились упростить риторическій слогъ ихъ.

А. Корсаковъ.

Въ 1811 году мнѣ было 18 лѣтъ. Въ самый праздникъ Рождества я былъ произведенъ въ офицеры конной-артиллеріи, и это были счастливѣйшія минуты моей жизни. Посмотрите — вонъ, по набережной Фонтанки, между Измайловскимъ и Обуховымъ мостами, идетъ молодой офицеръ: бѣлыя перья красиво развѣваются надъ шляпой, маленькія серебряныя шпоры и кавалерійская сабля звучатъ по оледенѣлому тротуару... Морозъ — но онъ безъ шинели, чтобы порисоваться своей тонкой, стройной таліей, своей легкой и

[1]) «Русск. Арх.» 1867 года, N. 2, 254.

молодецкой походкой. Молодой офицеръ въ артиллерійскомъ мундирѣ — это я. Я прохожу мимо дома института путей сообщенія, при которомъ стоитъ часовой, — это первое лицо, которое должно отдать мнѣ воинскую почесть, оказать почетъ моему званію. Сердце мое забилось: я смотрѣлъ на часоваго, какъ на вѣстника будущей моей славы, которому судьбой предопредѣлено преподнести мнѣ первые лавры моего величія. И что же?—часовой равнодушно взглянулъ на меня и продолжалъ спокойно ходить, не остановясь даже у будки. Я почувствовалъ себя не ловко: стало быть, думалъ я, можно не получить даже того, что заслужено, что принадлежитъ по праву?

Кланяюсь тебѣ, товарищъ! Гдѣ бы ни былъ ты—въ инвалидной ли командѣ, или дома, посреди своихъ внучатъ! Кланяюсь памяти твоей, если тебя нѣтъ въ живыхъ! Ты первый далъ урокъ моему тщеславію, ты первый оборвалъ мои пустыя надежды..

Въ концѣ 1811 года, въ Петербургъ пріѣхалъ раненый генералъ и былъ обласканъ дворомъ. Высокаго роста, стройный и видный, онъ славился храбростью и тонкимъ умомъ, суровымъ, военнымъ образомъ жизни, чрезвычайною доступностью для младшихъ офицеровъ и уклончивою, благородною манерой передъ старшими — манерой, которая подчасъ походила не то на глубокую почтительность, не то на ѣдкую насмѣшку; въ немъ было что-то плѣнительное для молодежи. Генералъ этотъ былъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Онъ командовалъ нѣсколькими гвардейскими полками и гвардейской конной артиллеріей, въ которой я служилъ юнкеромъ [1]).

Чтобы застать Ермолова дома, надо было придти къ нему въ 4 часа утра, потому что въ 5 часовъ онъ уходилъ уже прогуливаться. Я желалъ представиться ему, чтобы попросить его ходатайства о переводѣ меня изъ 2-й запасной артиллерійской бригады въ одну изъ дѣйствующихъ.

Въ 4 часа я былъ у Ермолова. Деньщикъ сказалъ, что онъ уже проснулся и спросилъ — какъ обо мнѣ доложить.

«Сюда товарищъ!» услыхалъ я тотчасъ же голосъ Ермолова. Онъ лежалъ въ гостиной на диванѣ съ кожаной въ головахъ подушкой, въ пестрой, съ косымъ воротомъ рубашкѣ; бѣлокурая голова его красовалась густыми бакенбардами. «Здравствуй милый другъ, садись ко мнѣ на диванѣ, вотъ тутъ, въ ногахъ, я подберу ихъ подъ себя. Поздравляю тебя офицеромъ»... Выслушавъ мою просьбу, онъ сказалъ: «Изволь, изволь; это бездѣлица и изъ-за этого тебѣ здѣсь жить нечего; поѣзжай въ Смоленскъ, къ своей

---

[1]) Ермоловъ былъ тогда командиромъ бригады гвардейской артиллеріи и гвардейской пѣхоты, именно полковъ л.-гв. Литовскаго и Измайловскаго.

А. К.

ротѣ; я здѣсь все улажу. Спасибо тебѣ, что навѣстилъ меня. Обращайся ко мнѣ всегда и во всемъ, пиши прямо — къ Алексѣю Ермолову». И лицо его сіяло привѣтомъ и ласкою, казалось оно было открыто до дна души...

Не человѣкъ, а ангелъ, подумалъ я. Сердце мое рвалось обнять его: умереть подлѣ него въ пылу сраженія, отдать жизнь за него, мнѣ казалось въ эту минуту счастіемъ. Заслуженный герой, пользующійся вниманіемъ и ласками самаго царя, говоритъ со мной, мальчикомъ, какъ добрый товарищъ, какъ отецъ, посланный мнѣ новой моей службой! Самолюбіе мое заиграло: стало быть есть же что нибудь во мнѣ, что такъ расположило ко мнѣ этого замѣчательнаго человѣка; глазъ опытнаго воина вѣренъ — онъ проникъ въ мое сердце, полное чистоты, готовое на все прекрасное; мы сошлись съ нимъ, я послѣдую за нимъ и удѣломъ моимъ будетъ слава...

Вошедшій деньщикъ прервалъ мои сладкія чувства.

— Поручикъ N, доложилъ онъ генералу.

— Кто такой?

— Поручикъ N.

Ермоловъ приложилъ руку ко лбу, какъ бы вспоминая имя пришедшаго.

— А, этотъ негодяй, сказалъ онъ вполголоса, и лице его выразило негодованіе. — Ну зови его!

Какъ жаль, что мнѣ придется быть свидѣтелемъ непріятной сцены моего кумира съ негодяемъ, промелькнуло у меня.

— Милый другъ, старый товарищъ! заговорилъ вдругъ Ермоловъ на встрѣчу входившему N.—Дай мнѣ руку, здравствуй! Давно ли здѣсь? Что-жь ты не заходилъ ко мнѣ? Подвинь кресло, садись!

Выбравъ удобную минуту, я всталъ и ушелъ. Душа моя кипѣла негодованіемъ: чему же вѣрить? подумалъ я.

Это былъ второй урокъ, данный мнѣ судьбой. Я также быстро разлюбилъ Ермолова, какъ быстро онъ очаровалъ меня. И сколько еще приходилось мнѣ встрѣчать подобныхъ людей въ свѣтѣ...

Восемь часовъ зимняго утра. На дворѣ чуть брезжется, а въ освѣщенныхъ залахъ Мраморнаго дворца толпятся уже офицеры любимыхъ полковъ цесаревича — конно-гренадерскаго и уланскаго. Ожидали выхода великаго князя. Въ числѣ ожидавшихъ былъ и я, пришедшій благодарить его высочество за мое производство. Великій князь жаловалъ меня лично и изъ всѣхъ юнкеровъ гвардейской артиллеріи мнѣ одному только разрѣшилъ въ этомъ году держать экзаменъ.

Всѣ заняли мѣста — цесаревичъ вышелъ. Открытый, благородный видъ его внушалъ къ нему преданность; его мужественная

фигура, хриплый, но сильный голосъ, нависшія брови, рыцарскіе пріемы, простой языкъ — все въ немъ нравилось и всѣ въ одинъ голосъ говорили: «молодецъ Константинъ!»

— Это кто? Ба, Коншинъ! сказалъ онъ, подходя ко мнѣ и положивъ мнѣ на плечо руку. — Тебя и не узнаешь въ офицерской формѣ — поздравляю! Хочешь представиться государю? Да, представься, явись въ Зимній дворецъ и запишись къ представленію, я буду тамъ. Молодецъ, Коншинъ! Жаль, что ты не у насъ.

Восхищенный привѣтомъ великаго князя, я былъ въ восторгѣ и уже не слушалъ, что и о чемъ говорилъ онъ съ другими. Я поспѣшилъ въ Зимній дворецъ.

Въ залѣ, близь государева кабинета, много уже собралось къ представленію. Мы стали по старшинству войскъ: мнѣ пришлось стоять между полковникомъ кадетскаго корпуса (Маркевичемъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и командиръ 2-го кадетскаго корпуса) и какимъ-то безногимъ капитаномъ корпуса путей сообщенія. Скоро вышелъ къ намъ цесаревичъ, а вслѣдъ за нимъ и государь. Началось представленіе, дошла очередь и до меня.

— Произведенный лейбъ-гвардіи изъ конной артиллеріи прапорщикъ Коншинъ благодаритъ ваше величество, проговорилъ великій князь. Государь взглянулъ на меня съ своей ласковой, очаровательной улыбкой и обратился къ моему сосѣду.

— Гдѣ вы потеряли ногу?

— Подъ Аустерлицемъ, ваше императорское величество.

— Награждены ли вы?

Капитанъ молча наклонилъ голову и взглянулъ на свой владимірскій крестъ.

Аудіенція кончилась.

На другой день всѣмъ вновь произведеннымъ артиллеристамъ велѣно было собраться къ генералу Ермолову. Насъ было до сорока человѣкъ.

— Коншинъ! сказалъ Алексѣй Петровичъ, государь цесаревичъ приказалъ мнѣ объявить тебѣ милость его высочества: ты будешь переведенъ въ гвардію, — поздравляю тебя.

Слово цесаревича осталось за нимъ. Въ началѣ іюля 1812 года, я встрѣтилъ его въ Смоленскѣ, на Днѣпровскомъ мосту. Я ѣхалъ верхомъ, великій князь тоже; съ нимъ была небольшая свита. Поровнявшись со мной, онъ взглянулъ на меня пристально и не узналъ даже.

Этимъ кончилось все мое знакомство съ Константиномъ Павловичемъ; я больше не видалъ его и въ гвардію переведенъ не былъ.

Это былъ третій урокъ. Часовой у будки, Ермоловъ и цесаревичъ Константинъ, каждый дали мнѣ по уроку—не разсчитывать ни на какія почести, не полагать надеждъ на «князей и сыновъ человѣческихъ», не привязываться къ людямъ за ихъ привѣтли-

вость и ласковыя рѣчи. Съ запасомъ этихъ уроковъ, въ январѣ 1812 года, я выѣхалъ изъ Петербурга въ Смоленскъ и явился къ своей ротѣ.

Здѣсь все было еще тихо, но о войнѣ уже носились слухи и правительство готовилось къ ней. У насъ было получено предписаніе при каждой артиллерійской ротѣ сформировать еще другую, а смоленское дворянство пожертвовало лошадей. Къ іюню мѣсяцу мы были совсѣмъ готовы — хоть сейчасъ въ бой.

Получивъ предписаніе, 17-го іюня я выступилъ въ походъ съ 8-ю артиллеристами и 15-ю лошадьми, и въ тотъ же самый день, изъ мѣстечка Свенцянъ, гдѣ была расположена главная квартира, пришло къ намъ первое извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій съ французами. 19-го іюня я пришелъ въ Красный, 21-го въ Оршу, 25-го въ Полоцкъ и, наконецъ, 27-го числа сталъ подходить къ Дриссѣ. Въ Полоцкѣ мы узнали, что французы уже въ нашихъ предѣлахъ и даже не далеко отъ насъ, но гдѣ именно, какъ и что, — никто ничего сказать намъ не могъ. Подходя къ Дриссѣ, увидали мы укрѣпленный лагерь и громадную массу нашихъ войскъ, но такъ какъ, по усталости моихъ лошадей, нужно было скорѣе озаботиться пріисканіемъ для нихъ подножнаго корма, то я и не имѣлъ возможности узнать что либо въ Дриссѣ о положеніи нашихъ дѣлъ; поэтому, переправясь на паромѣ черезъ какую-то рѣчку, впадающую здѣсь въ Двину, и накормивъ лошадей, пустился вдоль праваго берега Двины на Друю; 29-го іюня, не встрѣтивъ на пути своемъ ни русскихъ, ни французовъ, пришелъ, наконецъ, въ Динабургъ.

Комендантомъ здѣсь былъ генералъ-маіоръ Улановъ. По пріемѣ отъ меня лошадей, я былъ засыпанъ вопросами о непріятелѣ, и никакъ не хотѣли вѣрить, что я ничего не знаю. Въ крѣпости были увѣрены, что французы уже вблизи и никакъ не дальше отъ нихъ, какъ на пушечный выстрѣлъ; я же, не видавъ ни одного непріятельскаго солдата, продолжалъ увѣрять, что это неправда просилъ генерала Уланова поскорѣе отпустить меня съ командой въ Смоленскъ. Оказалось, однако же, что въ Динабургѣ говорили правду: французы дѣйствительно были за Двиной, чего я никакъ не подозрѣвалъ во все время моего похода отъ Дриссы до Динабурга.

Обстоятельство это встревожило меня: въ самомъ дѣлѣ, что могъ я сдѣлать, вооруженный только шпагой, что могли сдѣлать и мои 8 солдатъ, которыхъ все оружіе состояло въ однихъ палкахъ. Мысль, что намъ можетъ угрожать плѣнъ, леденила кровь, и я съ тайнымъ безпокойствомъ посматривалъ на высокій сосновый боръ, тянувшійся по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой шелъ съ командой. Идя такимъ образомъ, мы нагнали множество пустыхъ телегъ, далеко тянувшихся по дорогѣ. По всей вѣроят-

мости, это были подводы, наряженныя для арміи. Вдругъ, впереди меня послышался страшный шумъ и гамъ: подводчики ударили по лошадямъ и бросились съ дороги въ лѣсъ, куда попало, дорога въ одинъ мигъ опустѣла. Лишь только услышалъ я этотъ шумъ, тотчасъ же выскочилъ изъ своей повозки и... тоже въ лѣсъ! Увы, 18-лѣтній герой предался самому постыдному бѣгству. Уже я слышу за собой погоню, за мной раздаются звуки шпоръ, они становятся все ближе и слышнѣе, а моя шпага спокойно лежитъ въ чахлѣ на днѣ брошенной мной повозки. Что дѣлать?.. Я остановился, оглядываюсь—вмѣсто непріятеля, за мной гнались мои артиллеристы. Страхъ мой прошелъ, прислушиваюсь—кругомъ все тихо; возвращаюсь на дорогу и нахожу свою повозку съ спокойно сидѣвшимъ на ней солдатомъ-кучеромъ. Съ краской стыда на лицѣ я опять усѣлся въ мой экипажъ и тронулся въ путь.

Между тѣмъ, крестьянскія подводы стали выбираться изъ лѣсу опять на дорогу. Я велѣлъ узнать, что ихъ такъ напугало? Оказалось, что когда передняя подвода своротила на проселокъ, то сзади стали кричать, чтобъ лошадь воротили на дорогу; крика этого не поняли и сочли за предостереженіе отъ опасности, паническій страхъ охватилъ подводчиковъ—и вотъ причина тревоги.

Отправляясь изъ Смоленска въ Динабургъ, я купилъ себѣ прочную почтовую телегу и взялъ свою упряжь, лошади же везли меня тѣ, которыхъ я велъ; поэтому, когда я сдалъ ихъ въ Динабургѣ, назадъ возвращаться пришлось мнѣ на обывательскихъ. Что же случилось? Наступившая ночь заставила меня остановиться въ селѣ, близь котораго проходили; но едва лишь туда въѣхали, какъ тотчасъ же узнали, что всѣ жители въ лѣсу, гдѣ они проводятъ ночи, а домой, для исправленія своихъ домашнихъ нуждъ, приходятъ только днемъ. Войдя въ избу и устроивъ себѣ ложе изъ соломы, покрытой ковромъ, я приказалъ перемѣнить лошадей, а если ихъ не найдутъ, то прежняго подводчика не отпускать, и затѣмъ спокойно заснулъ. На разсвѣтѣ меня будятъ и говорятъ, что лошадей достать нельзя, потому что весь скотъ давно уже угнали въ лѣсъ, и что везшій меня подводчикъ ночью бѣжалъ, захвативъ съ собой хомуты и всю мою упряжь. Что было дѣлать? Разбранивъ моихъ спутниковъ за небрежный надзоръ, я приказалъ—во что бы то ни стало найти мнѣ хоть одну лошадь. По счастью она нашлась у священника, который на предложеніе мое продать ее согласился, и мы выступили.

Дальнѣйшій походъ нашъ былъ безъ приключеній. Мы шли большой дорогой, вдоль праваго берега Двины, и старались догнать нашу 1-ю армію, которую 7-го іюля и нашли въ Полоцкѣ. Войска шли большими, густыми колонами, занимая всю ширину дороги, но при этомъ растягивались, теряли дистанціи, нерѣдко останавливались и по получасу стояли на мѣстѣ—какъ тутъ ѣхать въ

такой сумятицѣ? Надобно было высматривать случайно образовавшіеся интервалы, врѣзываться въ нихъ и тащиться шагомъ, представляя своей тележонкой, окруженной безоружными спутниками, довольно забавное для всѣхъ позорище. Я вышелъ изъ терпѣнія и рѣшился переправиться на лѣвый, занятый непріятелемъ, берегъ Двины и тамъ пробраться въ Смоленскъ чрезъ Оршу, т. е. прежней моей дорогой. Нечего говорить, насколько былъ безразсуденъ мой поступокъ, но онъ вытекалъ изъ моего характера, главной чертой котораго была замкнутость, сосредоточенность, нелюдимость. Дѣтскіе годы мои въ родительскомъ домѣ прошли въ отчужденности, подъ строгимъ вліяніемъ отца и при постоянномъ наблюденіи его, чтобъ я не имѣлъ никакой сердечной привязанности къ своимъ сверстникамъ и товарищамъ, изъ опасенія дурныхъ примѣровъ. Такое воспитаніе привело меня къ тому, что я рѣшительно ни въ комъ не искалъ пріязни, ни отъ кого не желалъ зависѣть и не только думалъ, но, кажется, и говорилъ только съ самимъ собою. Я старался избѣгать необходимости обращаться къ кому бы то ни было за совѣтомъ и ни за что не повѣрилъ бы въ подобномъ случаѣ ни искренности, ни доброжелательности ко мнѣ. Не могу сказать, чтобы я не любилъ людей; я готовъ былъ оказать услугу каждому, но принимать услуги отъ другихъ и снискивать себѣ любовь я не могъ, это было противно моей природѣ. Вотъ почему не подумалъ я ни въ Дриссѣ, ни въ Динабургѣ, ни на обратномъ пути, въ Полоцкѣ, обратиться къ кому-либо за совѣтомъ: кому какое дѣло до меня, кому я нуженъ, думалъ я, пойду, какъ знаю— и все тутъ...

И такъ, переправившись черезъ Двину въ бродъ, я рѣшился держаться ближе къ берегу по направленію къ мѣстечку Бѣшенковичамъ, откуда дорога идетъ на Оршу. 9-го іюля подошли мы къ корчмѣ, которая была у насъ на пути. Видъ ея, сохранявшій слѣды свѣжаго грабежа, поразилъ меня: все было поломано и перековеркано, вездѣ валялась разбитая посуда, залитая виномъ или молокомъ; ни въ корчмѣ, ни кругомъ не было ни одной живой души. Мои артиллеристы принялись за поиски и, наконецъ, изъ какого-то чулана, бывшаго на черномъ дворѣ, вытащили запрятавшагося тамъ жида, что-то бормотавшаго въ безумномъ страхѣ; его успокоили и привели ко мнѣ. Отъ него мы узнали, что французы были здѣсь сегодня до обѣда, ограбили корчму, съѣли и выпили все, что было и отправились въ Бѣшенковичи. Жидъ клялся, что тамъ долженъ быть непріятельскій отрядъ, но что онъ слышалъ однако же въ той сторонѣ выстрѣлы и потому не знаетъ— не прогнали ли оттуда французовъ.

Получивъ эти свѣдѣнія, сталъ я думать съ моими канонирами— что дѣлать, куда идти? Двина близко, но брода нѣтъ; идти назадъ также невѣрно, какъ и впередъ, но такъ какъ стрѣльба, слы-

шанная жидомъ, подавала надежду найти скорѣе своихъ, нежели французовъ, то рѣшились идти впередъ.

До мѣстечка оставалось верстъ семь. Скоро увидѣли мы кресты костела, вотъ ужь изъ кустарниковъ мелькнули и строенія, въѣзжаемъ на поляну и видимъ передъ собой кавалерійскую цѣпь, окружавшую все мѣстечко. Часовой, завидя насъ, поскакалъ къ намъ, смотрю: вооруженіе не русское, въ рукахъ пика съ какимъ-то флюгеромъ — такого оружія я не видалъ въ нашемъ войскѣ. Мои канониры окружили повозку и подняли на плечи свои дубинки, я тоже приподнялся въ своей тележкѣ и смотрѣлъ впередъ, ожидая вопроса; вдругъ слышимъ: «кто идетъ?» Это были наши уланы, которымъ только-что передъ тѣмъ было роздано невиданное мною оружіе. Окликувшій насъ часовой объявилъ мнѣ, что здѣсь два эскадрона русскихъ уланъ, что въ мѣстечкѣ были непріятельскіе хлѣбопеки, которыхъ они только-что сейчасъ выгнали, что отобранный отъ нихъ провіантъ спѣшатъ переправить черезъ Двину и что на переправѣ я могу найти офицеровъ.

Войдя въ мѣстечко, я поспѣшилъ къ парому и освѣдомился — безопасна ли дорога въ Оршу? Командовавшій отрядомъ офицеръ отвѣчалъ, что за безопасность онъ не ручается даже на разстояніи одной версты отъ мѣстечка и что, во избѣжаніе плѣна, онъ совѣтовалъ бы мнѣ поскорѣй переправиться за Двину и соединиться съ арміей. Я послушался, но крайне досадовалъ, что мнѣ не удалось ближайшимъ путемъ пробраться къ Смоленску. Орша была уже близко, а за ней недалеко и Смоленскъ; а теперь нужно было идти на Витебскъ, на Порѣчье, словомъ, дѣлать болѣе ста верстъ крюку, а главное, опять путаться по дорогѣ съ войсками.

Давно уже была ночь, когда мы переправились обратно за Двину. Проходя мимо одной господской усадьбы, отдѣлявшейся отъ насъ одними только огородами, услыхали мы рѣзкій и продолжительный крикъ; мы остановились и стали прислушиваться: съ усадьбы доносился къ намъ шумъ многихъ голосовъ. Что такое тамъ дѣлалось, намъ осталось неизвѣстнымъ, ибо при всемъ нашемъ желаніи узнать причину гвалта и оказать помощь, если она нужна была, мы не посмѣли ввязаться въ дѣло, такъ какъ, кромѣ дубинъ, никакого оружія при себѣ не имѣли, и потому прошли мимо.

Жаркій, душный іюльскій день. Надъ дорогою виситъ туча пыли, поднимаемая проходящими войсками. Колонны идутъ безъ всякихъ дистанцій, напирая одна на другую; они то сталкиваются, то останавливаются, все устало, утомилось. Полковыя и баталіонныя дистанціи, гдѣ идутъ музыканты, единственное мѣсто, черезъ которое можно пробираться въ этой безпорядочной массѣ; стороной ѣхать невозможно, потому что нѣтъ никакой стороны — взводы тянутся во всю ширину дороги; по бокамъ — поля, изрытыя рвами, тоже нѣтъ проѣзда. Среди этого хаоса, то въ томъ, то въ другомъ

мѣстѣ тычется моя одноконная тележка и при ней 8 артиллерійскихъ солдатъ. Когда одна колонна замнется, тележка пробирается сторонкой на рысяхъ, а лишь только люди тронутся, наровитъ сунуться въ ближайшій интервалъ съ музыкантами и опять втирается между ними. При каждой такой попыткѣ начинается ссора, меня бранятъ за нарушеніе походнаго порядка, я отмалчиваюсь или огрызаюсь, смотря по тому, кто ко мнѣ обращается, и все-таки продолжаю соваться то туда, то сюда. Наконецъ, я такъ всѣмъ надоѣлъ, что на меня пошли формальныя жалобы. Вижу, съ правой стороны, между разступившимися солдатами, поднимается облако пыли, приближается ко мнѣ и разлетается у моей повозки. Передо мной, окруженный штабомъ, генералъ-квартирмейстеръ Толь.

— Кто вы, г. офицеръ?

— Конно-артиллерійской № 20 роты прапорщикъ Коншинъ.

— Откуда вы?

— Изъ Динабурга, гдѣ сдавалъ лошадей, ѣду въ Смоленскъ съ командой, къ своей ротѣ.

— На васъ жалуются, что вы разбиваете ряды...

— Да мнѣ нигдѣ нѣтъ мѣста, г. полковникъ.

— Такъ по крайней мѣрѣ поѣзжайте въ одномъ какомъ-нибудь интервалѣ... Господа! офицеръ не виноватъ, дайте ему дорогу.

Я торжествовалъ. Съ гордымъ и самодовольнымъ видомъ продолжалъ я протискиваться гдѣ только было возможно, а когда ко мнѣ опять обращались съ горячими протестами, то хладнокровно и съ достоинствомъ отвѣчалъ, что меня уже видѣлъ генералъ-квартирмейстеръ.

Въ Витебскѣ, у самой заставы, командиръ корпуса, въ частяхъ котораго я путался по дорогѣ, встрѣтилъ полки. При грохотѣ барабановъ и звукахъ музыки, между генералами, салютовавшими своему начальнику, въ одномъ изъ интерваловъ, тащилась скромная поповская лошадка и ввезла меня въ городъ. Пропарадировавъ, такимъ образомъ, передъ корпуснымъ командиромъ, я своротилъ въ первый переулокъ и поблагодарилъ Бога, что наконецъ кончились мои мученья...

Здѣсь я рѣшился опередить отступавшія войска по крайней мѣрѣ хоть на одинъ переходъ, почему и отправился немедленно по дорогѣ къ Порѣчью. Отъѣхавъ верстъ 10, переночевалъ, и на другой день, съ восходомъ солнца, не выспавшись какъ слѣдуетъ, сѣлъ въ повозку и поѣхалъ дальше. Глаза у меня слипались, я задремалъ. На 20-й верстѣ повозка остановилась. «Что случилось?» спрашиваю, протирая глаза.

— Ничего, ваше благородіе, корчма тутъ, такъ мы вошли выпить по чаркѣ.

— Не угодно ли будетъ купить у меня лошадь? обратился ко

мнѣ какой-то человѣкъ, сидѣвшій верхомъ на лошади, не то мужикъ, не то мѣщанинъ.

— Что это за лошадь? спросилъ я.

— Французская — у казака купилъ, отвѣчалъ онъ; давайте баринъ цѣлковый и припрягайте къ себѣ...

Торгъ былъ конченъ. Изъ корчмы я поѣхалъ уже на парѣ.

Жара была невыносимая; дорога какъ будто обезлюдѣла; попадались изрѣдка деревни, но въ нихъ почти никого не было. Утомленный жарой и безпрерывнымъ сидѣньемъ, я нѣсколько разъ останавливался, чтобы покормить лошадей и самому полежать, расправивши ноги, а команда, между тѣмъ, тащась нога за ногу, шла все впередъ. Я нагонялъ и обгонялъ ее нѣсколько разъ и продолжалъ дѣлать свои привалы. Скоро услыхали мы доносившіеся до насъ издали пушечные выстрѣлы. Это, какъ я узналъ послѣ, было одно изъ авангардныхъ дѣлъ, гдѣ-то подъ Витебскомъ[1]). Наши наткнулись на незначительныя силы непріятеля и потерпѣли неудачу, причемъ 6 орудій конной роты полковника Кандибы, находившіяся подъ камандой штабсъ-капитана Коншина (Аѳанасья Михайловича), были смяты своимъ прикрытіемъ, состоявшимъ изъ лейбъ-гусаръ. Преслѣдуемые непріятелемъ, гусары нарочно обрубали постромки у орудій, чтобы привлечь къ нимъ вниманіе французовъ, а самимъ имѣть время ускакать. Такъ и случилось: орудія были взяты, а лейбъ-гусары ускакали...

Наступалъ вечеръ. Выстрѣлы, раздававшіеся въ теченіи всего дня, стали умолкать. Передъ нами показалось мѣстечко, гдѣ мы надѣялись, наконецъ, отдохнуть отъ пути, до крайности утомившаго и меня, и моихъ людей. Названіе мѣстечка я позабылъ, но помню, что пришли мы туда въ пятницу, наканунѣ еврейскаго шабаша; эта пятница навсегда останется у меня въ памяти.

Войдя въ мѣстечко, я замѣтилъ, что, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, около насъ собиралась толпа мѣстныхъ жителей, исключительно почти евреевъ; они суетились, размахивали руками и вели какой-то оживленный разговоръ. Толпа росла все больше и больше, дошло, наконецъ, до того, что по тѣснотѣ мы могли двигаться только шагомъ. Добравшись до площади, я сталъ было разспрашивать о дорогѣ въ Смоленскъ, какъ вдругъ слышу изъ толпы раздается отчаянный крикъ «геwалтъ!» Сотни голосовъ мужскихъ и женскихъ подхватили это восклицаніе, а одинъ изъ евреевъ, ухватясь за одну изъ моихъ лошадей, кричалъ, что это лошадь его. Мои канониры стали уже въ оборонительное положеніе и хотѣли было пріударить на жидовъ; но я, поднявшись въ своей повозкѣ, строго запретилъ самоуправство и, обратясь къ толпѣ, просилъ перестать кричать и объяснить мнѣ въ чемъ дѣло.

[1]) Это было сраженіе при Островнѣ, 13-го іюля. А. К.

— Лошадь эту, сказалъ я, купилъ я сегодня утромъ у какого-то человѣка за французскую и далъ за нее цѣлковый; если мнѣ подтвердятъ, что она твоя, такъ возьми ее...

Толпа закричала, что лошадь принадлежитъ жиду. Я велѣлъ отпречь ее и отдалъ ему.

Шумъ, однако, не унимался: кричали что-то о грабежѣ, о покражахъ. Жиды тѣснились и лѣзли къ повозкѣ. Визгъ, плачъ, крики и угрозы оглушили меня, я не могъ разслышать ни одного слова. Видя, наконецъ, что дѣло идетъ не о лошади, которую я уже отдалъ ея хозяину, а о чемъ-то другомъ, я велѣлъ солдатамъ отодвинуть напиравшую толпу и привести ко мнѣ старосту или кого-нибудь изъ мѣстныхъ начальниковъ.

Да, эта страшная, потрясающая душу сцена жидовскаго гевалта волнуетъ меня даже еще и теперь, когда уже прошло 30 лѣтъ послѣ того...

Я продолжалъ сидѣть въ своей повозкѣ. Солдаты убѣдительно просили меня дозволить имъ разогнать жидовъ и по головамъ ихъ выѣхать изъ мѣстечка. Объ этомъ я и слышать не хотѣлъ. Мнѣ нужно было узнать въ чемъ дѣло, чтобы имѣть право принести потомъ основательную жалобу. Они, однако же, не вытерпѣли и отпустили нѣсколько тяжеловѣсныхъ ударовъ тѣмъ наглецамъ, которые особенно лѣзли къ повозкѣ. Толпа мгновенно отхлынула, но такъ какъ получившіе удары упали на землю и притворились мертвыми, то снова начался гвалтъ: разбой, убійство, грабежъ — раздавалось въ этомъ адскомъ хаосѣ.

Наконецъ, ко мнѣ явился ключъ-войтъ мѣстечка — административное лицо, въ родѣ головы или старосты нашихъ селеній. На груди у него была мѣдная бляха, означавшая его должность. Гордо и нахально, не снимая шляпы, обратился онъ ко мнѣ, спрашивая— кто я такой и потребовалъ у меня видъ. Долго кипѣвшее во мнѣ негодованіе вспыхнуло: размашистая пощечина была отвѣтомъ. «Шляпу долой! закричалъ я, и, выскочивъ изъ повозки, вцѣпился въ его бороду. Не я буду отвѣчать тебѣ, а ты отвѣчай — что это за шумъ? чего хотятъ отъ меня?»

Ключъ-войтъ стоялъ передо мной безъ шляпы, но смѣло и самоувѣренно отвѣчалъ, что солдаты мои по дорогѣ грабили и что награбленное у меня въ повозкѣ. Это дерзкое обвиненіе казалось мнѣ уже выше того, чтобы отвѣчать на него пощечиной. Стараясь овладѣть собою, я подавилъ новую вспышку гнѣва и, насколько могъ, хладнокровно потребовалъ, чтобы мнѣ отвели квартиру, причемъ объявилъ, что позволяю осмотрѣть свою повозку и людей, но чтобы при этомъ осмотрѣ былъ онъ, ключъ-войтъ, нѣсколько человѣкъ изъ почетнѣйшихъ жителей, а также и тѣ, которые жалуются на кражу. Я потребовалъ, чтобы собравшаяся толпа тотчасъ же разошлась, угрожая въ противномъ случаѣ употребить

силу, и прибавилъ, что за оскорбленіе, которое онъ осмѣливается наносить мнѣ подозрѣніемъ, онъ, ключъ-войтъ, расплатится въ главной квартирѣ.

Но толпа такъ расшумѣлась и расходилась, что ничего не хотѣла слушать: неистовые крики вокругъ меня продолжались; прошло полчаса времени, прежде нежели требованіе мое было выполнено. Ключъ-войтъ привелъ насъ къ одному дому, ворота котораго я велѣлъ тотчасъ же запереть, но и тутъ не могъ отдѣлаться отъ назойливости жидовъ: всѣ сосѣдніе заборы и кровли были унизаны ими.

Надобно сказать, что пока все это происходило, солдаты неотступно просили меня не дозволять осмотра. «Статочное ли это дѣло, ваше благородіе, чтобы жиды насъ осматривали», говорили они; «да такого срама намъ и не пережить; прикажите только, мы въ минуту всѣхъ ихъ разгонимъ и выѣдемъ изъ мѣстечка». Я ничего не хотѣлъ слушать. Объявивъ командѣ, что жиды дорого заплатятъ за свою дерзость, что я донесу и ихъ разстрѣляютъ, какъ бунтовщиковъ, приказалъ тотчасъ же снять съ повозки коверъ и выложить все, что тамъ было.

Я долженъ былъ, однакоже, нѣсколько разъ повторить мое приказаніе, прежде нежели кто-либо изъ солдатъ рѣшился исполнить его. Наконецъ, коверъ осторожно сняли.

— Вонъ все! закричалъ я. И что же?—Изъ подъ ковра и сѣна стали вытаскивать убитыхъ гусей, куръ, утокъ, свертки холста и разную рухлядь... Этой добычей спутники мои набивали повозку въ то время, какъ я отдыхалъ на привалахъ, а они шли отъ корчмы до корчмы одни.

Кровь застыла въ моихъ жилахъ при этомъ открытіи. Кровли и заборы огласились криками и воплями. Я стоялъ, какъ убитый: все во мнѣ замерло — и мысль, и языкъ, и чувство...

Оставя вынутое изъ повозки на дворѣ, я вошелъ въ отведенную мнѣ квартиру и позвалъ къ себѣ ключъ-войта и стариковъ. «Мы всѣ виноваты» сказалъ я. «Вотъ вамъ мое рѣшеніе — выбирайте любое: или сейчасъ же, вмѣстѣ съ вами, возвращаюсь я въ Витебскъ и являюсь въ главную квартиру — пусть тамъ судятъ виновныхъ, или я соберу съ солдатъ деньги и приложу свои, какія у насъ найдутся—и отдамъ вамъ, чтобы вы удовлетворили всѣ претензіи или взяли себѣ — какъ хотите, но только, чтобы я спокойно выѣхалъ изъ мѣстечка». Евреи выбрали послѣднее. Я выслалъ ихъ изъ комнаты и позвалъ команду.

— Негодяи! сказалъ я, вынимая свой бумажникъ; на всѣ расходы до Смоленска я оставляю себѣ только 25 руб., остальные 150 руб. кладу на столъ, чтобы удовлетворить претензіи. Всѣ деньги, какія у васъ есть, кладите сюда — всѣ до копѣйки.

Солдаты начали доставать деньги, кто изъ сапогъ, кто изъ ко-

шелька, кто распарывалъ галстукъ или воротникъ; всѣхъ денегъ оказалось слишкомъ 400 руб. Выславъ ихъ вонъ, я опять позвалъ стариковъ. Жидамъ казалось мало, но когда я сказалъ, что больше денегъ рѣшительно нѣтъ, то покончили и на этомъ. Находившійся при этомъ раввинъ, почтенный и честный еврей, напомнилъ своимъ единовѣрцамъ, что наступаетъ время шабаша и всѣ разошлись по домамъ. Когда стало смеркаться, раввинъ съ стариками проводилъ меня за мѣстечко, и я вздохнулъ свободно. — Слава Богу! я не буду разстрѣлянъ, какъ мародеръ! Вспоминаю теперь, какія были безумныя претензіи, чего только не придумали: одинъ кричалъ, что у него выпустили три бочки вина, другой увѣрялъ, что разбили сундуки, третій, что у него такъ избили ребенка, что и живъ не останется, словомъ — попадись я подъ судъ, такъ презусъ пришелъ бы въ ужасъ отъ нашихъ преступленій.

Наконецъ, я прибылъ въ Смоленскъ. Въ немъ все было полно жизни и движенія. Во время моего отсутствія, государь, проѣзжая изъ Вильны черезъ Смоленскъ, объявилъ о вступленіи французовъ въ наши предѣлы, о началѣ войны — и все воспрянуло: и дворянство, и народъ. Находившееся здѣсь войско выступило подъ Красный, стараясь казаться непріятелю авангардомъ арміи, тогда какъ эта армія была еще въ 20 переходахъ отъ Смоленска. Знай это французы, они, задолго до прибытія сюда нашихъ главнокомандующихъ, могли бы раздавить незначительныя силы подъ Краснымъ и овладѣть Смоленскомъ, но къ счастію этого не случилось.

Я явился къ полковнику Мацылеву, нашему бригадному командиру. На возвращеніе мое смотрѣли, какъ на чудо, ибо всѣ думали, что лошади, которыхъ я повелъ въ Динабургъ, давно уже поступили въ комплектъ французской арміи, а я съ людьми попался въ плѣнъ и отосланъ въ Парижъ. Мацылевъ встрѣтилъ меня дружескими объятіями и благодарилъ за успѣшно выполненную командировку.

20-я конно-артиллерійская рота наша находилась въ отрядѣ генералъ-адъютанта барона Винцегероде, котораго главная квартира была въ Смоленскѣ. Арміи наши въ то время еще не соединились, а между тѣмъ непріятель былъ уже недалеко отъ города. Въ виду незначительности нашихъ силъ, можно было опасаться, что французы разобьютъ ихъ и, прежде нежели успѣютъ подойти арміи, овладѣютъ Смоленскомъ. Чтобы хоть сколько нибудь затруднить взятіе города, Винцегероде задумалъ привести его въ оборонительное положеніе, для чего и потребовалъ отъ Мацылева назначить благонадежнаго артиллерійскаго офицера. Такъ какъ Мацылевъ остался доволенъ успѣшнымъ выполненіемъ моей командировки, то съ лестной репутаціей благонадежнаго офицера былъ посланъ я. И такъ, я становился чѣмъ-то уже въ родѣ извѣстности — надежды опять зашевелились во мнѣ..

Въ домѣ Анны Ивановны Повало-Швейковской, въ кабинетѣ Винцегероде, три лица открыли военный совѣтъ: генералъ-адъютантъ Винцегероде, состоявшій при немъ флигель-адъютантъ Бенкендорфъ [1]) и я. Мнѣ, какъ знавшему городъ, было предоставлено составить самый простой и удобнѣйшій для исполненія по обстоятельствамъ и времени проэктъ укрѣпленія Смоленска. Подумавъ надъ раскрытымъ передо мною планомъ города, я указалъ на его слабые пункты и объявилъ, что по моему мнѣнію, слѣдуетъ оставить только двое воротъ: Малаховскія и Днѣпровскія, а прочія завалить; въ цитадели устроить платформы для орудій, исправить амбразуры и аппарели, а для защиты пролома между Никольскими и Днѣпровскими воротами, по берегу отъ стѣны до рѣки, устроить батарею.

Винцегероде поручилъ Бенкендорфу объѣхать вмѣстѣ со мной указанныя мѣста и сказать ему свое мнѣніе. Мы сѣли на дрожки и поѣхали. Проэктъ мой былъ апробованъ и мнѣ приказано, взявъ отъ полковника Мацылева людей и шанцевый инструментъ, немедленно приступить къ дѣлу. Воображеніе мое разыгралось: мнѣ поручаютъ укрѣпленіе Смоленска, вѣроятно мнѣ же предоставятъ защиту и одного изъ пунктовъ его; я уже взялъ фашины и туры, копалъ рвы и строилъ батарею, а вдали мелькалъ георгіевскій крестъ... Распаленный ласкавшими меня мечтами, я поспѣшилъ къ Мацылеву и съ жаромъ увлеченія объявилъ ему о распоряженіи генералъ-адъютанта Винцегероде. Выслушавъ меня, онъ зѣвнулъ во всю ширину рта и хладнокровно отвѣчалъ, что никакого шанцеваго инструмента у него нѣтъ и что онъ ничѣмъ полезенъ быть не можетъ. Планы мои разрушились, однако же была сдѣлана еще одна попытка: меня послали въ полицію, чтобы при ея содѣйствіи, собрать чернорабочихъ отъ города, но такъ какъ хлопоты по этому дѣлу затянулись до поздняго вечера, то работы были отложены до слѣдующаго дня.

Наступившая ночь дала полный просторъ моей восторженности. Предстоявшая мнѣ роль укрѣпителя Смоленска давала моему самолюбію право смотрѣть на себя, какъ на важнаго дѣятеля въ отечественной войнѣ. Укрѣпленія, назначенныя мною, были не важны, но все же они могли задержать французовъ и замедлить взятіе города: батарея между Днѣпромъ и стѣной защититъ проломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ служить обороной и моста; Малаховскія ворота будутъ открыты, черезъ нихъ свободно можетъ отступить нашъ отрядъ, но французамъ трудно будетъ войти въ нихъ—ворота подъ башнею, да притомъ и проѣздъ въ нихъ устроенъ переломомъ, два—три орудія, направленныя на этотъ пунктъ, за-

---

[1]) Константинъ Христофоровичъ, бывшій тогда въ чинѣ маіора. А. К.

валять его трупами тѣхъ смѣльчаковъ, которые отважатся проникнуть сюда; цитадель тоже могла постоять за себя, ежели ее поисправить, орудій у насъ довольно — двѣ батарейныя роты съ избыткомъ вооружать ее...

Впрочемъ, что же—если теперь кто нибудь посмѣется надъ этимъ прапорщичьимъ проэктомъ, то я попросилъ бы его перенестись къ тѣмъ минутамъ, о которыхъ говорю, и подумать о тѣхъ средствахъ, которыми можно было располагать тогда, и придумать что нибудь лучшее.

Съ восходомъ солнца я былъ уже на Днѣпровскомъ мосту, куда велѣно было собраться рабочимъ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ Бенкендорфъ и объявляетъ, что ночью получено извѣстіе, что первая армія приближается къ Смоленску и что въ укрѣпленіи его нѣтъ надобности.

Всѣ надежды мои разсыпались прахомъ. Когда я донесъ объ этомъ Мацылеву, то онъ только зѣвнулъ и совершенно равнодушно проговорилъ: дѣло!

Черезъ три или четыре дня послѣ того, въ окрестностяхъ Смоленска показалась армія Барклая. Отрядъ, находившійся въ Красномъ, былъ смѣненъ другимъ, сильнѣйшимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, воротилась въ Смоленскъ и рота наша и расположилась биваками близъ конюшенъ, потому что обывательскіе дома всѣ были заняты. Домъ военнаго губернатора, гдѣ мы прежде такъ часто танцовали, былъ обращенъ въ квартиру главнокомандующаго. Въ тотъ самый вечеръ, какъ пришла наша рота, я прочелъ въ приказѣ: «Завтрашняго числа конной № 20 роты прапорщикъ Коншинъ наряжается на ординарцы къ главнокомандующему».

На другой день, утромъ, отправясь въ домъ губернатора, я нашелъ въ передней, гдѣ мы бывало снимали шинели, теперь же обращенной въ сборный залъ для адъютантовъ и ординарцевъ, пеструю и разнообразную толпу молодежи и разныхъ должностныхъ лицъ, имѣвшихъ дѣло къ главнокомандующему. Всѣ эти господа, составлявшіе такое блестящее общество, подходили одинъ къ другому и, принимая важный видъ и осанку, заводили между собою разговоры. Въ этой толпѣ особенно обращалъ на себя вниманіе высокій, полный и чрезвычайно красивый молодой офицеръ въ чинѣ поручика—это былъ Орловъ, впослѣдствіи извѣстный любимецъ государя Николая Павловича, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ. Здѣсь же увидалъ я и Ермолова, съ кипой бумагъ подъ мышкой, пришедшаго съ докладомъ къ главнокомандующему, какъ дежурный генералъ 1-й арміи[1]). Онъ привѣтливо взглянулъ на меня и ласково поклонился. «Знаю я тебя!» промелькнуло у меня.

---

[1]) Ермоловъ былъ начальникомъ главнаго штаба 1 арміи, дежурнымъ же генераломъ—флигель-адъютантъ полковникъ Кикинъ. А. К.

Въ 8 часовъ утра толпа зашевелилась: суетливо тѣснясь, она раздвинулась на обѣ стороны и очистила дорогу главнокомандующему, который неожиданно и торопливо вышелъ изъ кабинета въ мундирѣ и шарфѣ, но безъ шляпы. Онъ почти пробѣжалъ мимо насъ и направился къ выходу. Всѣ двинулись за нимъ. На половинѣ лѣстницы онъ встрѣтилъ спѣшившаго къ нему генерала съ смуглымъ лицома и большимъ носомъ, полнаго, но живаго; они обнялись. Это былъ кн. Багратіонъ, опередившій свою армію, приближавшуюся къ Смоленску. Рука объ руку прошли они мимо насъ, вошли въ кабинетъ и двери затворились.

Немного погодя, дверь отворилась и въ ней показался адъютантъ. «Господа, сказалъ онъ, обращаясь къ ординарцамъ: кто изъ васъ хорошо знаетъ Смоленскъ?» Видя, что никто не отзывается я подошелъ.

— Пригласите поскорѣе къ главнокомандующему генерала Уварова; его квартира за Днѣпромъ, вотъ адресъ.

Я отправился. Уварова я засталъ въ большомъ обществѣ генераловъ разныхъ родовъ войскъ—онъ былъ еще въ халатѣ. «Прошу васъ подождать меня минуту, сказалъ онъ, выслушавъ меня; я не знаю квартиры главнокомандующаго и могу замѣшкаться, вы меня проводите».

Я поклонился и отошелъ къ окну. Присматриваясь къ лицамъ и мундирамъ находившихся тамъ генераловъ, замѣтилъ я одного, очень еще молодаго, въ артиллерійскомъ сюртукѣ съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ, но мнѣ какъ то не понравился: что то надменное и кичливое проглядывало въ его наружности.

— Которой вы роты? спросилъ онъ у меня.

Надобно сказать, что прежде роты назывались по именамъ своихъ командировъ, теперь же имъ были даны нумера, но мы по привычкѣ называли ихъ по прежнему.

— Капитана Тебенкова, отвѣчалъ я.

— Я не спрашиваю—чьей вы роты, а которой?

— Конной № 20.

Начальническій тонъ, которымъ звучали эти вопросы, крѣпко мнѣ не понравился, я надулся и раздумывалъ—кто бы это такой, но на этотъ разъ фамиліи его не узналъ. Между тѣмъ, вышелъ Уваровъ; мы сѣли на лошадей и крупнымъ галопомъ поскакали къ губернаторскому дому. Въѣхавъ на Днѣпровскій мостъ, мы увидѣли Барклая съ большой свитой, выѣхавшаго изъ городскихъ воротъ. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ Багратіонъ, а тотчасъ за ними генералъ-квартермейстеръ Толь, у котораго въ рукахъ былъ свернутый планъ мѣстности и расположенія войскъ.

Какъ ординарецъ, я тоже примкнулъ къ свитѣ. Главнокомандующій направился за городъ и остановился на Покровской горѣ,

откуда, какъ изъ центра круга, открывалась вся мѣстность, занятая лагеремъ и биваками, погруженными въ мертвую тишину. Было что то величественное въ этой громадѣ войскъ, еще не тронутыхъ войной и кипѣвшихъ желаніемъ сразиться съ врагами отечества. Толь развернулъ планъ и главнокомандующій съ Багратіономъ стали разсматривать положеніе мѣстности и войскъ. Признаюсь, я былъ пораженъ при этомъ поведеніемъ Барклая. Въ какой нибудь часъ времени, какъ мы тутъ стояли, онъ разослалъ всѣхъ насъ для повѣрки—есть ли у солдатъ, выходившихъ изъ лагеря по своимъ надобностямъ, какъ напр., съ бѣльемъ на рѣчку, съ аммуниціей и т. п., билеты на отлучку изъ команды? Онъ говорилъ объ этомъ съ такой важностью, какъ будто нарушеніе этого порядка было выраженіемъ самаго крайняго упадка дисциплины. Какое мелочное требованіе и въ какое время! Какъ мало соотвѣтствовалъ этотъ нѣмецкій педантизмъ духу русскаго солдата! Думалъ ли Барклай остановить этимъ побѣги? Но изъ русскихъ не бѣжалъ никто, поляковъ же и литовцевъ, не смотря на всѣ эти предосторожности, не осталось въ нашихъ рядахъ ни одного, и мы даже были рады этому. Всѣ эти билетики и записочки, стѣсняя свободу, вели прямой дорогой къ военному деспотизму: явилось «Положеніе о Большой Дѣйствующей Арміи» или что то въ родѣ того, заговорили объ усиленіи дисциплины, послышались слова: военный судъ, разстрѣливаніе, даже обрядъ этой казни былъ составленъ. До сихъ поръ армія наша управлялась нравственнымъ началомъ: любовь подчиненныхъ къ своимъ начальникамъ составляли душу ея, теперь холодный нѣмецкій расчетъ давилъ эту великую народную силу [1]).

---

[1]) Подобнаго рода обвиненія слышались во всей арміи, между тѣмъ, какъ онъ исполнялъ только то, чего требовалъ отъ него императоръ Александръ. Еще за три мѣсяца до войны, Аракчеевъ писалъ (3 апрѣля) къ своему брату: «... война предполагается самая жестокая, усиленная, продолжительная и со всѣми возможными строгостями, о которыхъ выдано конфирмованное изъ четырехъ частей положеніе, коего одинъ экземпляръ къ вамъ при семъ посылаю... Вы увидите въ сихъ положеніяхъ строгую военную полицію, которая должна все знать и обо всемъ доносить къ сему употребятся тѣ люди, которые къ сему привыкли здѣсь, въ С.-Петербургѣ, и которые уже нѣсколько лѣтъ живутъ счастливо на несчастье другихъ людей...» (Русск. Ст. 1874 г. Май, 190—191). Въ началѣ іюля, императоръ Александръ, уѣзжая изъ Дрисскаго лагеря въ Смоленскъ, встрѣтилъ на пути полкъ полковника Бистрома. Отличный порядокъ, въ которомъ онъ нашелъ его, привелъ Александра въ восторгъ. «Даю вамъ честное слово, писалъ онъ Барклай де-Толли, что въ Петербургѣ на плацъ-парадѣ нельзя бы встрѣтить большаго порядка. Выправка удивительная и ни одного отсталаго». Государь поручалъ ему заявить объ этомъ съ похвалою въ приказѣ, но въ то же время писалъ, что на него произвело непріятное впечатлѣніе встрѣчать по дорогѣ отставшихъ отъ войскъ мародеровъ «въ самомъ отвратительномъ видѣ». — «Пожалуста генералъ, просилъ онъ главнокомандующаго, постарайтесь уничтожить это ужасное зло. Я обращаю на это ваше вниманіе...» (Русск. Арх. 1875 г. № 7, 293).

По возвращеніи главнокомандующаго въ городъ, намъ, ординарцамъ, дана была свобода до 6 часовъ вечера. Я отправился обѣдать къ Чапò, знаменитому въ то время въ Смоленскѣ ресторатору. На газонѣ, противъ дома военнаго губернатора, называемомъ Блонье, встрѣтилась со мной толпа кантонистовъ, окружавшая деньщика моего товарища, барона Вольфа.

— Что это? спросилъ я.

— Николай Михайловичъ, заступитесь, сдѣлайте милость; баронъ послалъ меня за сливками къ чаю—вотъ у меня и стаканъ; у молочницы сдѣлался шумъ; какой то офицеръ велѣлъ насъ всѣхъ забрать и отправить по разнымъ гауптвахтамъ, теперь вотъ ведутъ меня подъ арестъ...

Я зналъ этого деньщика, какъ честнаго и смирнаго солдата. Первою мыслью моей было приказать отпустить его, но потомъ подумалъ: къ чему мнѣ вмѣшиваться: коли онъ правъ, такъ его вѣдь и не накажутъ, а если и дадутъ сотню палокъ, такъ пеняй на себя.

— Что жь, братъ, ступай; чего бояться, если ты не виноватъ...

Вечеромъ, возвращаясь въ роту, я совершенно забылъ объ этомъ случаѣ. Вдругъ получается приказъ, что отъ нашей роты назначается команда на экзекуцію. Я и тутъ не вспомнилъ объ арестованномъ деньщикѣ. Офицеры, собравшись въ кружокъ, съ недоумѣніемъ спрашивали другъ у друга: что это значитъ и что за экзекуція такая, при которой должна присутствовать наша команда? На другой день, около полудня, люди наши возвратились и объявили, что деньщикъ барона Вольфа разстрѣлянъ...

Вотъ что мы узнали: Всѣхъ приговоренныхъ къ казни было около десяти человѣкъ. Экзекуцію приводилъ въ исполненіе какой то нѣмецко-русскій генералъ — графъ Сиверсъ, кажется, навѣрное не знаю [1]).

Когда несчастныхъ повели на мѣсто казни, деньщикъ Вольфа не переставалъ доказывать генералу свою невинность, указывая на стаканъ, который не выпускалъ изъ рукъ; онъ умолялъ, чтобы ему дали время оправдаться, но все было напрасно. Ему отвѣчали, что приговоръ долженъ быть исполненъ и чтобы онъ покорился своему жребію. Между тѣмъ команда приблизилась къ мѣсту казни, гдѣ уже стояли столбы съ вырытыми ямами. Несчастныхъ привязали къ столбамъ, завязали имъ глаза и разстрѣляли. Когда денщикъ подходилъ къ столбу и увидалъ, что никакой уже надежды для него не было, онъ разбилъ свой стаканъ о столбъ и сказалъ: «ну, Богъ васъ судитъ за невинную кровь». 12 пуль не сразу прекратили жизнь мученика; онъ опустился на колѣни и судорожно

[1]) Изъ Записокъ Де-Санглена видно, что это былъ генералъ-маіоръ Фокъ (Русск. Стар. 1883 г. Мартъ, 548).

бился; рубашка на немъ тлѣла отъ выстрѣловъ, кровь ручьями лилась изъ ранъ. Тогда солдаты приблизились къ несчастному и выстрѣлами въ упоръ прекратили его страданія.

Много лѣтъ прошло съ того времени, но и до сихъ поръ, когда случается мнѣ видѣть портретъ или статую Барклая, мнѣ кажется, что они съ головы до ногъ обрызганы невинною кровью этого мученика.

Я уже говорилъ, что въ сраженіи подъ Витебскомъ, рота полковника Кандибы потеряла 6 орудій. Для укомплектованія было назначено взять по три орудія отъ нашей роты и изъ роты № 24, а намъ велѣно идти въ Калугу и ожидать тамъ дальнѣйшихъ распоряженій. По случаю этого похода, я былъ посланъ за приказаніями къ начальнику артиллеріи дѣйствующей арміи, графу Кутайсову.

Имя этого генерала пользовалось въ арміи отличной репутаціей: много говорили объ его благородномъ характерѣ, образованномъ умѣ и ласковомъ обращеніи съ подчиненными; онъ былъ кумиромъ женщинъ того времени. Въ залѣ у него я нашелъ нѣсколько офицеровъ, пришедшихъ представиться ему—всѣ они были артиллеристы, одинъ только молодой, худенькій и блѣдный, стоявшій въ сторонѣ, былъ инженеръ корпуса путей сообщенія.

Когда вышелъ къ намъ графъ Кутайсовъ, я узналъ въ немъ того генерала, который мнѣ такъ не понравился въ гостиной Уварова. Онъ учтиво и привѣтливо обошелъ насъ, отдалъ приказанія и обратился къ инженерному офицеру. Не помню съ чего началъ послѣдній; графъ спросилъ его фамилію. «Баронъ Строгоновъ» отвѣчалъ офицеръ. Кутайсовъ съ любезностію взялъ его за руку, расправшивалъ о здоровьѣ его родныхъ и что-то довольно долго говорилъ вполголоса. Этотъ худенькій и блѣдный офицеръ теперь генералъ-адъютантъ, попечитель московскаго учебнаго округа и мой начальникъ, такъ какъ я теперь директоръ гимназіи его округа.

Мы откланялись графу. Кто бы тогда изъ насъ могъ подумать, что этому молодому, блестящему генералу суждено было жить всего только 26 дней!

Въ тотъ же день, вечеромъ, меня командировали для передачи людей изъ нашей бригады въ 12-ю батарейную роту, полковнику Воейкову, у котораго я тогда и переночевалъ въ лагерѣ. На другой день, въ обществѣ знакомыхъ мнѣ офицеровъ гвардейской конной артиллеріи, Захарова, Гельмерсена и барона Раля, весело отобѣдалъ я въ ресторанѣ Чапо и простился съ ними на вѣки. Всѣ они, также какъ и Воейковъ, легли подъ Бородинымъ.

Рота наша выступила уже въ походъ и я догналъ ее на ночлегѣ. Удаляясь изъ главной квартиры, я не скорбѣлъ о ней: страшна она казалась мнѣ, холодна и непривѣтлива, деньщикъ Вольфа не выходилъ у меня изъ памяти...

Мы были на третьемъ переходѣ, когда гроза разразилась надъ Смоленскомъ. Послѣ упорной двухдневной битвы надъ нимъ повисли густыя, темныя массы дыма—городъ горѣлъ.

Тоскливо и однообразно подвигались мы впередъ, не отрываясь мыслями отъ происходившихъ передъ нами событій: безконечное отступленіе и ненавистное имя Барклая было у всѣхъ насъ на языкѣ. Мысль, что удаляясь въ запасъ, мы не будемъ участвовать въ дѣлахъ, тяготила насъ и камнемъ ложилась на сердце. Командиръ нашъ, капитанъ Тебенковъ, недавно только женившійся, ѣхалъ съ молодой своей женой, энтузіасткой нѣмкой, не чуждой желанія отличій и славы своему мужу, но тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ медоваго мѣсяца, весьма довольной, что походъ устранялъ насъ отъ опасностей войны. Она была нашей общей хозяйкой: на продовольствіе роты отпускались порядочныя деньги, отъ которыхъ оставалась экономія и командирша кормила насъ какъ нельзя лучше, лишь бы мы не роптали и своими жалобами на бездѣйствіе не втянули роту въ дѣло.

Погода стояла прекрасная, но она насъ не тѣшила; что-то тяжелое и безотрадное шевелилось въ душѣ, какъ будто что давило всѣхъ. Послѣ взятія Смоленска, всѣми овладѣло уныніе, начался общій ропотъ. «Что онъ дѣлалъ съ своей арміей на Покровской горѣ, когда Раевскій рѣзался въ Смоленскѣ? Это измѣна!» говорили про Барклая. Общій голосъ требовалъ смѣны главнокомандующаго. Правительство наше смутилось и пріуныло. Опасаясь волненія умовъ, въ газетахъ перестали печатать реляціи; Смоленскъ былъ взятъ 5 августа, но объ этомъ молчали, объявлялись лишь незначительные рапорты Платова, Витгенштейна и Винцегероде; затѣмъ, болѣе двухъ недѣль, реляцій вовсе не было; 20-го августа порадовали извѣстіями отъ Витгенштейна о битвѣ подъ Полоцкомъ, потомъ было объявлено о дѣлахъ Тормасова съ австрійцами, на польской границѣ, рапортъ Витгенштейна объ успѣшномъ продолженіи его дѣйствій и Эссена о дѣйствіяхъ противъ пруссаковъ, но о Смоленскѣ все еще ни слова,—только черезъ 25 дней, по отдачѣ его непріятелю, именно при газетѣ (?) 30-го августа, публиковали наконецъ о дѣлахъ, какъ они были, и что вмѣсто Барклая главнокомандующимъ назначенъ Кутузовъ; вмѣстѣ съ этимъ объявлено о занятіи Кутузовымъ позиціи при Бородинѣ. Но я опередилъ событія.

Не доходя до Калуги, мы получили приказаніе остановиться въ Юхновѣ. «Слава Богу, не будетъ ли какой перемѣны?» заговорили мы. Молоденькая командирша наша загрустилась, но мы, въ надеждѣ поступить опять въ дѣйствующія войска, ожили. Это было 14-го августа. Къ ночи возвратился изъ Калуги Тебенковъ и привезъ намъ радостныя вѣсти: Барклай замѣненъ Кутузовымъ, намъ велѣно идти къ Можайску и соединиться съ дѣйствующей

арміей, отступленіе кончилось, будетъ генеральное сраженіе, Кутузова ожидаютъ къ арміи. Милорадовичъ спрашивалъ у командировъ ротъ—готовы ли мы и не слишкомъ ли много у насъ рекрутъ? «Со мной быть въ дѣлѣ, господа, сказалъ онъ, значитъ быть въ жаркомъ дѣлѣ»[1]).

Больныхъ и рекрутъ велѣно было оставить съ двумя орудіями, но кому изъ насъ оставаться съ ними? Всѣмъ хотѣлось въ бой; послѣ долгихъ споровъ былъ брошенъ жребій — досталось князю Девлетъ-Кильдѣеву.

Намъ велѣно было выступить 16 числа, чтобъ шли на рысяхъ, форсированнымъ маршемъ, и на другой бы день къ вечеру присоединились съ дѣйствующей арміей. По случаю этого похода, меня командировали въ Калугу для пріемки денегъ на путевое продовольствіе. Я пригласилъ съ собой товарища моего, Петра Ивановича Дурново, съ которымъ особенно былъ друженъ, и мы поѣхали. Мнѣ было сказано, чтобы деньги я привезъ непремѣнно, во чтобы-то ни стало, въ случаѣ же задержки далъ бы коммисіонеру 10%, какъ это тогда водилось, но до этого не дошло: благодаря присутствію въ городѣ Милорадовича, коммисіонеръ не посмѣлъ потребовать взятки. Я получилъ всѣ деньги сполна и къ четыремъ часамъ пополудни готовъ уже былъ ѣхать обратно. Передъ отъѣздомъ зашли мы въ трактиръ, но такъ какъ поданный обѣдъ мнѣ не понравился, то я спросилъ чаю. На бѣду мою увидалъ я въ окно разнощика съ мороженымъ. Позвавъ его, я накинулся на это ядовитое лакомство, и хотя заливалъ его горячимъ чаемъ, тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько времени я почувствовалъ себя дурно. Мы отправились въ Юхновъ. Ни быстрая ѣзда въ тряской телегѣ, ни 40 верстъ верховой ѣзды рысью,—потому что рота уже выступила и я догналъ ее почти на полпути,—ни діэта — ничто не помогло: мнѣ все становилось хуже и хуже и, наконецъ, горячка совсѣмъ свалила меня.

17-го августа мы присоединились къ арміи. Тутъ я на минуту опомнился. Выглянувъ изъ коляски, куда уложили меня, я спросилъ: гдѣ мы? «Мы пришли на мѣсто», кто-то отвѣчалъ мнѣ. Взглянувъ кругомъ, я увидалъ великолѣпнѣйшую картину: среди ночной темноты, на далекомъ пространствѣ, горѣли бивачные огни, по сторонамъ виднѣлись два большихъ зарева. Глаза мои отяжелѣли; съ глубокимъ вздохомъ я легъ опять въ коляскѣ и завернулся въ шубу. Въ этотъ самый вечеръ къ арміи пріѣхалъ Кутузовъ.

Черезъ пять дней мы уже заняли позицію при Бородинѣ,—говорю мы, потому что я былъ тутъ же. Дѣвать меня было некуда и потому меня уложили на запасномъ лафетѣ.

---

[1]) Милорадовичъ находился въ это время въ Калугѣ, гдѣ, по высочайшему повелѣнію, формировалъ изъ запасныхъ войскъ отдѣльный корпусъ. А. К.

Со вступленіемъ нашимъ въ раіонъ дѣйствующихъ войскъ, мы не измѣняли нашего назначенія — запаса, поэтому во все время, какъ гремѣла Бородинская битва, у насъ брали то оружіе, то людей и лошадей и отсылали въ тѣ части, гдѣ нужно было пополнить убыль. Запасный артиллерійскій паркъ стоялъ въ деревнѣ Псаревѣ, сюда же перевезли и меня. Болѣзнь моя была въ періодѣ полнаго развитія: я ничего не видѣлъ, не слышалъ, не понималъ, словомъ, былъ въ полномъ безчувственномъ состояніи.

Вотъ что я узналъ послѣ.

Когда войска наши начали отступать изъ Москвы, то раненыхъ стали отправлять въ Коломну, гдѣ были устроены для нихъ госпитали. Наша рота шла тоже по Коломенской дорогѣ. Какой-то проѣзжій докторъ, знаменитый, какъ мнѣ потомъ говорили, былъ приглашенъ посмотрѣть меня; посмотрѣлъ онъ и говоритъ: «Заройте его въ землю, онъ ужъ не жилецъ». Однако же, какое-то семейство, ѣхавшее изъ Москвы, приняло во мнѣ участіе. Дамы этого семейства нѣкоторое время ходили за мной, поили меня лимонадомъ и, уѣзжая, оставили нѣсколько лимоновъ и кой-какія домашнія лекарства. Лекаря въ нашей ротѣ не было, поэтому я былъ предоставленъ самому себѣ, или, лучше сказать, силамъ природы, которыя и помогли мнѣ.

Съ 17-го августа я былъ безъ памяти, а когда сталъ приходить въ себя, то былъ уже снѣгъ. Меня везли въ зимней повозкѣ. Помню, что однажды, любопытствуя узнать гдѣ я, сталъ напрягать свои слабыя силы, чтобы отдернуть рогожу, которой былъ закрытъ экипажъ. Кучеръ, замѣтивъ мои движенія, помогъ мнѣ, и я увидѣлъ, что плетусь за пѣшей артиллерійской ротой. Ко мнѣ подъѣхалъ верхомъ, на моей лошади, знакомый мнѣ капитанъ Ѳедоръ Ивановичъ Пахомовъ. Рота эта была его и онъ велъ ее въ окрестности Орла. Добрый товарищъ дружески привѣтствовалъ меня съ возвращеніемъ къ жизни, слѣзъ съ лошади и пересѣлъ ко мнѣ въ повозку. Дорогой онъ разсказалъ мнѣ, что, увидѣвъ меня въ безсознательномъ положеніи, взялъ отъ Тебенкова, чтобы отвезти въ Коломну, въ госпиталь, но потомъ пожалѣлъ оставить меня на чужія руки и повезъ съ собой.

Подъ Тулой я почувствовалъ себя лучше, и хотя бредъ иногда еще продолжался, однако же я сталъ узнавать товарищей. Недѣли черезъ двѣ здоровье мое настолько поправилось, что когда пришли къ Орлу, то воспаленіе въ мозгу можно было считать окончившимся; но я былъ еще очень слабъ и ощущалъ такую боль въ пальцахъ ногъ, что не могъ ступить на нихъ; голосъ у меня пропалъ и я двѣ недѣли говорилъ только шепотомъ.

Рота расположилась въ 10-ти верстахъ отъ Орла, въ деревнѣ Большой Куликовкѣ. Почтенный товарищъ Пахомовъ устроилъ меня и снабжалъ всѣмъ нужнымъ, а когда получилъ предписаніе

выступить съ ротой въ Брянскъ, то передалъ меня пришедшему смѣнить его полковнику Никифору Захаровичу Иванову.

Благороднѣйшій человѣкъ этотъ пекся обо мнѣ съ такой заботливостью, какую я могъ ожидать только отъ роднаго. Съ бритой головой моей онъ свезъ меня въ Орелъ и познакомилъ тамъ въ домѣ статскаго совѣтника Ѳедора Филиповича Филипова, гдѣ дружба милаго семейства согрѣла душу мою самыми нѣжными и святыми чувствами.

Скоро пришла и наша № 20-й конно-артиллерійская рота. Я увидѣлся съ Тебенковымъ и прочими товарищами и узналъ, что за Бородинское сраженіе дано было и мнѣ полугодовое жалованье серебромъ, что по тогдашнему курсу составляло около 450 р. асс. Имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, я былъ очень обрадованъ этою новостью, но радость моя была непродолжительна. Товарищъ мой, Пихельштейнъ, получивъ эти деньги въ Орлѣ отъ Тебенкова для передачи мнѣ, проигралъ ихъ въ карты...

Такъ кончился для меня 1812 годъ.

Н. Коншинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ 1852—1856 ГГ.[1]

XIII.

2-го сентября 1854 года, англо-французскія войска высадились на западномъ берегу Крымскаго полуострова. Сраженіе при рѣкѣ Альмѣ, происходившее 8-го сентября и имѣвшее цѣлью препятствовать ихъ наступленію, доказало, съ перваго же раза, какъ далеко мы отстали, въ сравненіи съ союзниками, въ военномъ искусствѣ: у насъ не оказалось ни усовершенствованнаго оружія, ни тактическихъ соображеній, ни опытныхъ боевыхъ генераловъ. Извѣстный фланговый обходъ князя Меньшикова, послужившій предметомъ столькихъ восхваленій, какъ выяснилось впослѣдствіи изъ достовѣрныхъ источниковъ, былъ дѣломъ простаго случая. Напротивъ, главнокомандующій даже впалъ въ ошибку, открывъ непріятелю свободный доступъ къ Севастополю, предоставленному на произволъ судьбы, и союзники не воспользовались этою ошибкою только потому, что предполагали въ городѣ присутствіе болѣе многочисленнаго гарнизона. Непосредственно затѣмъ, началась осада Севастополя, обезсмертившая имена его защитниковъ-героевъ.

Послѣ изданія манифеста о войнѣ, патріотическое чувство объяло всѣхъ, безъ различія возрастовъ и сословій. Всѣ были увѣрены, что съ нашими громадными средствами, съ тѣми приготовленіями къ войнѣ, о которыхъ мы постоянно слышали заранѣе, туркамъ будетъ нанесенъ, въ скоромъ времени, окончательный

[1]) Окончаніе. См. «Ист. Вѣст.», т. XVII, стр. 112.

ударъ. Къ сожалѣнію, эта увѣренность нѣсколько охладѣла вслѣдствіе нерѣшительности и медленности движеній нашихъ войскъ на Дунаѣ. Еще болѣе поколебалась она, когда была объявлена война Франціи и Англіи, къ которымъ, впослѣдствіи, присоединилась Сардинія; къ тому же, и Азіатская Турція отвлекала значительную часть нашей дѣйствующей арміи. Бороться съ четырьмя противниками было тѣмъ труднѣе, что мы не съумѣли совладать и съ однимъ изъ нихъ. Частныя свѣдѣнія, получавшіяся родными и знакомыми черезъ письма и пріѣзжихъ лицъ и отъ очевидцевъ дѣйствій крымской, дунайской и малоазіатской армій, часто во многомъ не согласовались съ оффиціальными реляціями, возвѣщавшими объ удовлетворительномъ положеніи дѣлъ, хотя и весьма кратко, съ оговорками, какъ бы второпяхъ. Изъ слуховъ, разносившихся въ столицѣ, мы узнавали, что, при существованіи плохаго вооруженія нашей арміи и плохихъ генераловъ, у насъ оказывался еще повсемѣстный недостатокъ въ провіантѣ, войска, вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія, не поспѣвали къ мѣсту назначенія въ опредѣленный срокъ; стали поговаривать объ ополченіи...

До какой степени представлялись невѣрныя свѣдѣнія въ оффиціальныхъ реляціяхъ, видно изъ того, что рѣшительное пораженіе нашихъ войскъ при Инкерманѣ, благодаря недобросовѣстности, безпечности и тупости большей части начальствовавшихъ лицъ, было названо «неудавшеюся вылазкой», въ которой, тѣмъ не менѣе, легло 10 тысячъ, если не болѣе, русскихъ; а кавалерійская стычка подъ Балаклавой, въ которой, только ради запальчивости генерала Ласи Иванса и невѣрно понятаго приказанія бригаднаго генерала лорда Каткарта, наши батареи истребили нѣсколько эскадроновъ англійскихъ драгунъ, — считалась серьозною побѣдой, хотя и не повела ни къ какимъ выгоднымъ для насъ результатамъ. Такъ было и во всемъ: обманъ, рутина, насиженныя мѣста, старческая неумѣлость, недобросовѣстность и стремленіе къ наживѣ въ самыя тяжкія для отечества минуты — подавляли въ зародышѣ благія начинанія, къ прискорбію встрѣчавшіяся весьма рѣдко.

Студенты собирались толпами въ корридорахъ и въ шинельной; они не могли не примкнуть къ интеллигентному классу, осуждавшему войну въ самомъ началѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ лихорадочнымъ трепетомъ слѣдили за перипетіями военныхъ дѣйствій. Казалось, — вотъ-вотъ мелькнетъ надежда на счастливый исходъ, о которомъ такъ много говорилось прежде... Дорогія каждому русскому имена Корнилова, Нахимова, Истомина находили горячій откликъ въ нашихъ сердцахъ. Каждое утро мы старались какъ можно раньше принести и газеты, и свѣжія новости въ университетъ: одинъ читалъ, другіе слушали; читались письма, большею частью горестныя, подавляющія, которыя распространялись лишь въ кругу извѣданныхъ лицъ. Обманъ обнаружился только тогда,

когда ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ прибѣгать къ палльятивнымъ мѣрамъ.

5-е октября, — день бомбардировки Севастополя, буря на Черномъ морѣ, 14-го ноября, вылазки охотниковъ-пластуновъ подъ начальствомъ Бирючева, баснословные разсказы о подвигахъ матроса Кошки, а тутъ геройская смерть Корнилова и Истомина, обдуманныя и мастерски-исполненныя указанія Тотлебена, безумно-отважная храбрость Хрулева, цѣлый лабиринтъ подземныхъ ходовъ подъ руководствомъ такъ называемаго «крота», Мельникова, — эти событія, эти подвиги, эти навсегда обезсмертившія себя въ исторіи дѣянія — служили намъ отрадою и вдохновляли насъ въ минуты самыхъ горестныхъ мыслей. Мы, конечно не были знакомы съ «ужасами войны»; иностранные журналы и газеты получались въ обезображенномъ видѣ: цѣлые десятки страницъ бывали вырѣзаны изъ книжекъ, и каждый номеръ «Journal des Débats» или «Indépendance», во многихъ мѣстахъ, доставлялись покрытыми черною краской. «Illustration française» и «Illustrated London News» доходили до насъ почти безъ половины рисунковъ, изображавшихъ эпизоды изъ Крымской войны. Только «Русскій Художественный Листокъ», В. Тимма съ безпристрастною вѣрностью знакомилъ насъ съ отдѣльными случаями кампаніи и давалъ опредѣленное, наглядное понятіе о томъ, что происходило на Дунаѣ и въ Крыму. Этимъ, какъ говорили, мы были обязаны тому обстоятельству, что самъ государь Николай Павловичъ интересовался изданіемъ «Художественнаго Листка», и каждый вышедшій номеръ этого журнала по нѣсколько дней лежалъ на письменномъ столѣ въ царскомъ кабинетѣ.

Каждый изъ насъ понималъ, какія необычайныя усилія должно было предпринять наше отечество для отраженія врага, вторгнувшагося въ его предѣлы; каждый сознавалъ, что необходимо было всеобщее дружное участіе въ дѣлѣ, такъ близко касавшемся судьбы всѣхъ...

Многіе изъ насъ рвались безотчетно въ ряды защитниковъ; но столько представлялось формальностей, столько приходилось писать разныхъ прошеній, рапортовъ и отношеній, что желающіе поступить въ военную службу терялись въ этой атмосферѣ формализма и казенщины.

Вдругъ, въ университетскомъ корридорѣ были поставлены двѣ пушки.

XIV.

Онѣ были помѣщены въ университетъ въ одно изъ воскресеній, и студенты, конечно, ни о чемъ не догадывались. Въ понедѣльникъ утромъ, Савельичъ, въ шинельной, встрѣтилъ насъ съ лукавою усмѣшкой и, прищуривая лѣвый глазъ, говорилъ:

— «Ну-ка, господа, идите наверхъ: тамъ васъ ожидаетъ пріятный сюрпризъ».

Вѣсть о пушкахъ разнеслась съ быстротою молніи. Мы шли наверхъ цѣлыми толпами и, дѣйствительно, въ нишѣ корридора передъ IV аудиторіею, стояли по бокамъ, недалеко отъ стѣнъ, два шестифунтовыхъ мѣдныхъ орудія, съ дулами, обращенными къ окнамъ.

— «Пушки въ университетѣ! за чѣмъ намъ пушки и что это значитъ?.. Конечно, это эмблема войны, — можетъ быть, пожертвованіе военнаго министерства... но для какой цѣли?»

Мы терялись въ предположеніяхъ; иные подходили къ пушкамъ, осматривали ихъ съ видомъ опытныхъ людей, — до такой степени шовинизмъ внезапно вступалъ въ свои права,—объясняли даже, къ какому калибру онѣ принадлежали, но, все таки, не удовлетворили нашему любопытству. Вошелъ инспекторъ и попросилъ насъ разойтись. Это была его любимая фраза. Мы бросились къ нему гурьбою съ просьбою разрѣшить мучившее насъ недоумѣніе. Онъ отвѣтилъ, что въ полдень пріѣдетъ попечитель, и тогда все дѣло разъяснится.

Въ началѣ перваго, насъ созвали въ дежурную комнату, которая оказалась биткомъ набитою; вошелъ попечитель, въ сопровожденіи ректора, инспектора и субъ-инспекторовъ, и сказалъ намъ, приблизительно, слѣдующую рѣчь:

— Государю Императору благоугодно было выразить августѣйшую волю, дабы всѣ молодые люди, учащіеся въ университетахъ, безъ различія курсовъ и факультетовъ, въ виду нынѣшнихъ событій, обучались военному искусству, т. е. пѣхотному строю, ружейнымъ пріемамъ, начальнымъ основаніямъ артиллеріи и фортификаціи. Желающіе, послѣ необходимой подготовки, перейти немедленно въ военную службу, могутъ, не ожидая окончанія курса наукъ, исполнить свое желаніе, заявивъ о томъ предварительно университетскому начальству. На сей предметъ Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ предоставить означеннымъ желающимъ лицамъ извѣстнаго рода льготы. Господа! вы примете этотъ новый знакъ монаршаго къ вамъ довѣрія, — равно какъ и моего,— съ чувствами восторга и признательности. Подробности будутъ выставлены въ объявленіяхъ, а также и порядокъ занятій, которые начнутся съ завтрашняго дня.

Затѣмъ онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты, оставивъ насъ въ неописанномъ изумленіи.

Всѣ студенты были раздѣлены, въ «военномъ» отношеніи, на два отдѣленія: къ первому принадлежали молодые люди, занимавшіеся въ историческомъ, восточномъ, математическомъ и естественномъ разрядахъ; ко второму—находившіеся въ разрядахъ юридическомъ и камеральномъ. Каждое изъ отдѣленій заключало въ

себѣ до полутораста человѣкъ. Чтеніе и часы лекцій остались, по прежнему, безъ измѣненій и, какъ обыкновенно, начинались въ 9 час. утра и оканчивались въ 3 часа пополудни. Занятія же пѣхотнымъ строемъ и обученіе ружейнымъ пріемамъ, или, какъ мы, впослѣдствіи, называли ихъ, для краткости, «маршировкой», занимали собою время по окончаніи лекцій, т. е. отъ 3 до 5 час. пополудни, съ такимъ распредѣленіемъ, что по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ училось маршировкѣ первое отдѣленіе, а въ остальные три дня второе. Три раза въ недѣлю каждому изъ насъ приходилось, такимъ образомъ, оставаться безотлучно въ университетѣ въ теченіи восьми часовъ, что, конечно, было весьма утомительно. Но главное утомленіе состояло не въ этомъ.

Маршировка была обязательна, какъ выше сказано, для всѣхъ студентовъ; но слушаніе лекцій артиллеріи и фортификаціи было вмѣнено въ непремѣнное условіе только тѣмъ, кто изъявилъ желаніе поступить въ военную службу до окончанія переводнаго экзамена по тому курсу, въ которомъ находился. Льгота, дарованная государемъ императоромъ, заключалась въ томъ, что каждый студентъ, даже не окончившій полнаго курса, т. е. не пробывшій обязательныхъ четыре года въ университетѣ, производился въ первый офицерскій чинъ, черезъ три мѣсяца по поступленіи его въ ряды войскъ, тогда какъ въ прежнее время такого производства удостоивался лишь кандидатъ университета.

Для чтенія лекцій артиллерійскаго искусства былъ временно назначенъ профессоръ Михайловской академіи, генералъ-маіоръ Платовъ, для лекцій по фортификаціонному дѣлу—капитанъ Квистъ. Вначалѣ эти лекціи посѣщались и тѣми студентами, для которыхъ онѣ не были обязательны: намъ интересно было послушать и новыхъ профессоровъ, и новые предметы, и сравнить методъ преподаванія первыхъ съ пріемами ученыхъ мужей, бесѣды которыхъ были достаточно намъ знакомы. Но въ скоромъ времени, лекціи о «военныхъ наукахъ» утратили для любопытныхъ прелесть новизны и аудиторіи гг. Платова и Квиста посѣщались только лицами, изъявившими желаніе поступить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ военную службу. Пушки тоже не служили для демонстраціи военныхъ опытовъ и оказались поставленными лишь для вида, безъ всякой научной цѣли. Въ скоромъ времени ихъ убрали.

Совсѣмъ иное дѣло представляла собою маршировка. Она поглотила всѣ наши силы, помыслы и способности, научныя занятія остались, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ пренебреженіи. Маршировка была на умѣ у каждаго, даже во время свободныхъ дней; разговоры, впечатлѣнія, ежедневные житейскіе интересы — все сводилось къ маршировкѣ, какъ къ одному общему центру, концентрирующему солнечные лучи. И это нисколько не можетъ показаться страннымъ, если припомнить, что на нее обраща-

лось исключительное вниманіе попечителя, а, слѣдовательно, въ лицѣ его, и всего университетскаго начальства: кто осмѣлился бы негликировать ею или, хотя одинъ разъ, безъ уважительной причины, не явиться на ученіе, тотъ, очевидно, не могъ оказать успѣха въ остальныхъ наукахъ и долженъ былъ считаться плохимъ студентомъ. Къ тому же, здѣсь, въ нѣкоторомъ отношеніи, существовала и политическая подкладка, въ смыслѣ патріотизма... Такимъ образомъ, необходимо было вообще соблюдать большую осторожность, дабы не навлечь на себя какое либо прискорбное подозрѣніе, могущее подать поводъ къ весьма непріятнымъ послѣдствіямъ для виновнаго.

Говорятъ, всякое дѣло, какъ бы оно ни было важно и многознаменательно, имѣетъ свои комическія стороны. Такъ было и въ данномъ случаѣ: строгое исполненіе воли государя Николая Павловича было, безъ сомнѣнія, дѣломъ и важнымъ, и знаменательнымъ, въ виду того, что всѣ сословія въ Россіи живо чувствовали необходимость обновленія свѣжими силами состава дѣйствующей арміи. Къ прискорбію, исполненіе этой высочайше выраженной воли было поручено лицамъ, примѣшивавшимъ интересы самолюбія къ требованіямъ всеобщей пользы и неумѣло относившимся къ дѣлу. Вотъ почему, при воспоминаніи о маршировкѣ, въ умѣ моемъ возстаютъ лишь комическіе образы, сцены и эпизоды, нисколько не соотвѣтствовавшіе смыслу нововведенія, которое, какъ и слѣдовало ожидать, принесло весьма несовершенные и скороспѣлые плоды.

Для обученія насъ пѣхотному строю былъ откомандированъ, сколько помнится, лейбъ-гвардіи егерскаго полка штабсъ-капитанъ Малаховъ; въ помощь ему назначены пятнадцать фельдфебелей, изъ которыхъ пятеро принадлежали къ кадрамъ образцоваго батальона,—т. е. отличались въ качествѣ отмѣнныхъ фронтовиковъ,—два барабанщика и одинъ горнистъ.

Смѣшанною толпою, въ одинъ изъ вторниковъ, по окончаніи лекцій, вошли мы въ огромную университетскую залу, гдѣ должно было производиться ученіе. По серединѣ, небольшою группою, стояли инспекторъ и его помощники, разговаривая съ нашимъ непосредственнымъ командиромъ. Въ одномъ изъ угловъ пріютились фельдфебеля, тутъ же находились барабанщики, сложивъ на полъ свои барабаны, и горнистъ. Актовый залъ, при отсутствіи въ немъ многочисленной публики, казался намъ громаднѣе обыкновеннаго. Въ залѣ было холодно, и мы быстрыми шагами ходили по ней взадъ и впередъ, желая нѣсколько разогрѣться. Ровно въ три часа, въ залу вошелъ попечитель, въ сѣрой шинели, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и бархатными лацканами. Онъ былъ въ низенькой шляпѣ, съ широкими полями, какую носилъ обыкновенно. Онъ, какъ будто помолодѣлъ на видъ; глаза его горѣли, фи-

зіономія приняла еще болѣе строгое и внушительное выраженіе. Онъ весь преобразился; чего добраго, воображалъ себя дѣйствительнымъ военачальникомъ, въ кругу подвластной ему арміи, или скорѣе, походилъ на стараго боеваго коня, послышавшаго знакомый звукъ трубы... Намъ было приказано явиться въ фуражкахъ, но безъ шпагъ. При появленіи попечителя, все затихло. Мы прекратили нашу прогулку.

— Смирно-о! закричалъ онъ громкимъ голосомъ, и мы въ удивленіи переглянулись между собою.

— Господа, не угодно ли стать рядомъ, обратился къ намъ штабсъ-капитанъ. Мы размѣстились у колоннъ.

Тогда фельдфебеля, подъ руководствомъ командира, отсчитали по десяти человѣкъ и изъ каждаго десятка составили по отдѣленію, построивъ учащихся по ранжиру. Такимъ образомъ, составилось пятнадцать отдѣленій и къ каждому прикомандированъ былъ особый фельдфебель. Мы стояли довольно небрежно, ожидая съ любопытствомъ, что будетъ дальше. Возгласъ попечителя оказался нѣсколько преждевременнымъ.

Прежде всего, насъ начали учить, какъ слѣдуетъ стоять во фронтѣ: руки по швамъ, такъ, чтобы безъименные пальцы обѣихъ рукъ прикасались къ предполагаемымъ кантамъ панталонъ; грудь выпятить, плечи назадъ, животъ убрать, голову держать прямо и неподвижно, носки врозь. Позиція, съ перваго раза, оказывалась довольно трудною и утомительною; мы не смѣли взглянуть другъ на друга, боясь громко расхохотаться. Наши учителя, т. е. фельдфебели, хлопотали изо всѣхъ силъ. Наконецъ, послѣ многократныхъ и тщетныхъ усилій, имъ удалось привести насъ кое какъ въ должное положеніе. Дѣло пошло хуже, когда началось командованіе дирекціи направо и дирекціи налѣво: это была такая штука, что голова вмѣстѣ съ корпусомъ должна была оставаться по прежнему, неподвижною, глаза же должны были вращаться то вправо, то влѣво, смотря по командѣ. Отъ этого, у многихъ совсѣмъ перекосило лицо, которое выдѣлывало престранныя и несообразныя гримасы; даже наши учителя, — и тѣ не могли удержаться и прикрывали себѣ ротъ рукою, чтобы не выказать неприличной улыбки.

Попечитель, въ своей оригинальной шинели, съ нахлобученной на брови шляпой, съ видомъ военачальника, въ сопровожденіи штабсъ-капитана Малахова и инспектора, дрожавшаго въ вицъмундирѣ отъ холода, бодро выступалъ по залѣ, останавливался передъ каждымъ отдѣленіемъ, грознымъ взглядомъ окидывалъ каждаго студента, дѣлалъ болѣе или менѣе краткія, но сильныя замѣчанія и командовалъ направленіе дирекціи въ ту сторону, куда уходилъ.

— Дирекція на лѣво, громко кричалъ онъ, отходилъ отъ

отдѣленія и потомъ снова возвращался къ нему, съ цѣлью убѣдиться, хорошо ли исполнено его приказаніе.

Когда пришлось дѣлать на лѣво кругомъ, то въ залѣ поднялся такой неудержимый, гомерическій смѣхъ, что наши фельдфебеля даже сконфузились, а попечитель распушилъ всѣхъ студентовъ поголовно и прочелъ внушительное наставленіе, сущность котораго заключалась въ томъ, что настоящее ученіе — не шутка и не забава, что смѣяться неприлично и онъ этого не потерпитъ. Смѣяться было, положимъ, неприлично, но дѣло въ томъ, что самые пріемы для производства налѣво кругомъ показались намъ уже черезчуръ странными и дикими, чтобы не сказать болѣе. Должно замѣтить, что въ то время не вывелись еще изъ употребленія такъ называемый «учебный» шагъ и особенные пріемы при маршировкѣ, давно уничтоженные, какъ признанные не только совершенно безполезными, но тяготительными для солдатъ. Тоже самое должно сказать и о пріемѣ дѣлать «налѣво кругомъ», который требовалъ долгаго упражненія и долженъ былъ производиться съ быстротою и ловкостью. Съ цѣлью показать намъ его, каждый фельдфебель сталъ передъ своимъ отдѣленіемъ и, при словахъ команды «налѣво круг» — выставлялъ лѣвую ногу впередъ, а правою рукою ударялъ себя сзади по тому мѣсту, гдѣ предполагалось существованіе ранца съ патронами. При произнесеніи же послѣдняго слога «омъ», онъ быстро поворачивался въ лѣвую сторону, описывалъ всѣмъ тѣломъ полукругъ и снова принималъ прежнюю позицію, опустивъ руки по швамъ. Пятнадцать человѣкъ солдатъ разомъ начали вертѣться по залѣ, выдѣлывая передъ нами эти невиданныя еще эволюціи, на подобіе движущихся автоматовъ. Мы, съ невольнымъ удивленіемъ и дурно скрываемымъ смѣхомъ, смотрѣли на эти странныя упражненія... Но, наконецъ, очередь дошла и до насъ: намъ приказано было продѣлывать тоже самое, и вотъ, каждый, какъ кто могъ, умѣлъ или хотѣлъ, началъ выставлять ногу, хлопать себя сзади и вертѣться. Иной, неожиданно поворачивался въ противоположную сторону и сталкивался лицомъ къ лицу съ своимъ сосѣдомъ, другой вертѣлся по нѣсколько разъ, не ожидая команды... Все пришло въ движеніе, повсюду раздавалось хлопаніе, слышался топотъ каблуковъ. Безпорядокъ былъ невообразимый. Попечитель снова воспылалъ гнѣвомъ, но офицеръ успокоилъ его, говоря, что такъ всегда бываетъ въ первые разы, когда учащіеся еще не привыкли въ военнымъ пріемамъ.

Между тѣмъ, первый урокъ близился къ окончанію, часы пробили пять. Насъ построили въ одну колонну, по три человѣка въ рядъ, — такимъ образомъ образовалось пятьдесятъ рядовъ. Впереди стали два барабанщика съ горнистомъ; за ними — попечитель, въ качествѣ главнокомандующаго; нѣсколько отступивъ отъ него, съ правой стороны, находился инспекторъ, въ должности адъютанта

а съ лѣвой — офицеръ, въ званіи нашего полковаго командира; наши же непосредственные учители-фельдфебеля размѣстились слѣва, каждый при ввѣренномъ его руководству отдѣленіи. При словахъ: «скорымъ шагомъ, маршъ!» загремѣла барабанная дробь, заиграла труба и весь отрядъ въ вышеизложенномъ порядкѣ, скорымъ шагомъ двинулся къ выходнымъ изъ актовой залы дверямъ. Добросовѣстнѣе всѣхъ исполнялъ свою обязанность попечитель: онъ шагалъ бодро и молодцовато, лицо его сіяло отъ удовольствія, полы шинели развѣвались по воздуху, а шляпа съ широкими полями принимала какой то фантастическій видъ... Такъ мы шли по университетскимъ корридорамъ, до дежурной комнаты. По дорогѣ попечитель нѣсколько разъ останавливался у стѣны и пропускалъ мимо себя войско; сзади него останавливались инспекторъ и офицеръ, а далѣе барабанщикъ и горнистъ, не прекращавшіе свою невыносимую музыку. Попечитель отбивалъ рукою тактъ, приговаривая съ очевиднымъ наслажденіемъ:

— Разъ, два!.. разъ, два! Лѣвой, правой! лѣвой, правой!..

При этомъ дѣлалъ замѣчанія, называя студентовъ по фамиліи и высказывая заслуженную хулу или одобреніе. Стоявшіе въ углу, въ отдаленіи, университетскіе сторожа, отставные военные, также не могли удержаться, чтобы не высказывать громко свои сужденія относительно выправки и походки большей части марширововавшихъ студентовъ.

Вдоволь насладившись видомъ новобранцевъ, попечитель дѣлалъ знакъ, раздавалась команда и весь отрядъ останавливался. Попечитель снова становился во главѣ колонны за музыкантами, подлѣ него снова размѣщались ассистенты и, по данному сигналу, отрядъ снова двигался впередъ до той минуты, пока не раздавались слова: «вольно!» Тогда мы стремглавъ спускались съ лѣстницы, закутывались въ шинели и, точно одурѣлые, выбѣгали на чистый воздухъ.

На первый разъ двухчасовая маршировка дала себя знать: головная боль, тяжесть во всемъ тѣлѣ, нытье спины отъ непривычныхъ позицій и дрожаніе ногъ и рукъ явились ея непосредственными результатами. Придя домой, я рѣшительно не могъ ничѣмъ не только заниматься, но даже и что либо читать. Въ головѣ ощущалась какая то тупость; нравственное настроеніе было отвратительное... Припоминалось невольно все, происходившее въ этотъ день: и «налѣво, кругомъ», и барабаны, и команда, и учтиво-ласковые фельдфебеля, съ круто нафабренными усами, и весь этотъ воинскій пошибъ, до того непривычный университету, что, казалось, самыя стѣны длинныхъ корридоровъ, какъ бы въ нѣмомъ удивленіи, взирали на эту невиданную доселѣ, быстро несшуюся ватагу, слышали грохотъ барабановъ, вторгнувшихся въ святилище чистой науки, терпѣли ярко вычищенныя, блестѣвшія, точно съ иголки,

орудія... и надъ всѣмъ этимъ высился грозный обликъ попечителя, съ развѣвающимися полами его сѣрой шинели, въ шляпѣ съ широкими полями...

Вотъ единственное впечатлѣніе, которое вынесъ я въ первый день маршировки.

XV.

Съ каждымъ разомъ маршировка производила все болѣе и болѣе тягостное впечатлѣніе на тѣхъ студентовъ, которые никогда не помышляли о военной службѣ. Они хорошо понимали, — въ томъ, что́ касалось собственно ихъ самихъ, — всю безцѣльность воинственныхъ упражненій; къ тому же, призывъ, — въ видѣ нынѣшняго германскаго ландвера или ландштурма, являлся чистѣйшею безсмыслицей, въ примѣненіи къ ничтожному проценту вольноопредѣляющихся изъ общаго количества 300 человѣкъ студентовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цѣль высочайшей воли не относилась къ образованію чего то подобнаго ландверу или ландштурму, въ которыхъ не предвидѣлось никакой необходимости, тѣмъ болѣе, что даже сформированныя на «скорую» руку ополченія, за исключеніемъ ополченій двухъ-трехъ губерній, не принимали участія въ войнѣ и организація ихъ устроилась окончательно уже въ то время, когда въ нихъ не предстояло болѣе надобности.

Цѣль высочайшей воли заключалась, очевидно, въ томъ, чтобы заранѣе и безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, существовавшихъ по смыслу университетскаго устава, подготовить къ начальнымъ основаніямъ военной службы тѣ лица, которыя желали посвятить себя военной дѣятельности, а также облегчить возможность къ производству ихъ въ офицеры ранѣе положеннаго по уставу срока, въ виду особенныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, введеніе преподаванія военныхъ наукъ въ университетѣ, очевидно, не могло распространяться на всѣхъ студентовъ безъ исключенія, а касалось лишь тѣхъ, о которыхъ упомянуто выше. Высочайшее повелѣніе нисколько не лишало студента права не поступать въ военную службу, если таково было его намѣреніе. Только невѣрное истолкованіе и примѣненіе на дѣлѣ этого повелѣнія могли повести къ тому абсурду, что студенты, предназначавшіе себя совершенно другой карьерѣ, должны были изучать шагистику и дѣлать «налѣво кругомъ», вполнѣ сознавая, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, имъ, навѣрное, предстоитъ обратиться къ прежнимъ мирнымъ занятіямъ, какъ будто этой шагистики никогда не бывало. Вотъ почему я говорю, не стѣсняясь, о томъ тягостномъ впечатлѣніи, которое производило это нововведеніе на молодыхъ людей, желавшихъ посвятить себя гражданской или ученой дѣятельности, какъ бы внезапно оторванныхъ, волею злополучнаго рока, отъ всего, съ чѣмъ они свыклись, и принужденныхъ.

...«Выступать
Шагомъ журавлинымъ».

Поэтому озлобленіе было острое. Студенты, отбывъ въ узаконенные часы ненавистную имъ маршировку, расходились по домамъ, физически утомленные, нравственно разстроенные, нерѣдко выслушавшіе цѣлый потокъ ругательствъ попечителя и не имѣвшіе возможности, при всемъ своемъ желаніи, справиться съ лекціями, т. е. привести въ порядокъ самое существенное, — то, что было записано наскоро въ аудиторіи, знакомиться съ научными источниками и монографіями, словомъ, устремить всѣ свои заботы на подготовленіе къ экзамену изъ третьяго курса въ четвертый, имѣвшему, сравнительно съ предъидущими экзаменами, весьма серьезное значеніе. Въ особенности, занимала у насъ чрезвычайно много времени подготовка къ лекціямъ Михаила Семеновича Куторги, ординарнаго профессора всеобщей исторіи, читавшаго новую исторію, съ эпохи возрожденія до новѣйшихъ временъ, въ третьемъ курсѣ камеральнаго разряда. Дѣло было до такой степени серьезно, что даже самая маршировка, поглощавшая всѣ наши посторонніе заботы, не могла отвлечь насъ отъ мысли, какъ бы получше выдержать экзаменъ. Эта постоянно гнетущая насъ мысль не столько обусловливалась сущностью лекцій по новѣйшей исторіи, сколько личностью самого профессора.

Профессоръ Куторга—младшій (Михаилъ Семеновичъ) слылъ въ университетѣ знатокомъ греческаго и латинскаго языковъ. Онъ преподавалъ для студентовъ историко-филологическаго древнюю исторію и новую исторію для камералистовъ третьяго курса. Состоя членомъ многихъ ученыхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ, онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность нѣсколькими монографіями по древней греческой исторіи, изслѣдованію которой предавался съ любовью, или, лучше сказать, со страстью настоящаго ученаго, и которую, дѣйствительно, изучилъ до мельчайшихъ подробностей. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ моего отца; наши родственныя отношенія дали мнѣ возможность познакомиться съ его личностью и въ частной жизни. М. С. Куторга принадлежалъ къ числу безспорно талантливыхъ людей, но только въ извѣстной, ограниченной сферѣ дѣятельности; будучи прекрасно образованъ, зная въ совершенствѣ древніе и новые языки, онъ обладалъ даромъ краснорѣчія, или, лучше сказать, умѣньемъ говорить бойко, увлекательно и умно, несмотря на то, что былъ охотникъ до парадоксовъ; но и эти парадоксы высказывались имъ остроумно и съ замѣчательною убѣдительностью. Его лекціи привлекали студентовъ и приносили имъ дѣйствительную пользу, какъ вслѣдствіе многосторонней начитанности профессора, такъ и вслѣдствіе того, что своимъ блестящимъ изложеніемъ онъ заставлялъ интересоваться своимъ предметомъ даже лицъ, не занимавшихся

имъ спеціально. Жилъ онъ вообще скромно, но любилъ все изящное; главное же вниманіе обращалъ на свою библіотеку, которая могла считаться, для частнаго лица, образцовою, въ особенности по исторіи древней Греціи. Книги были его страстью и на нихъ онъ тратилъ большую часть своихъ, не особенно значительныхъ, средствъ; книги составляли для него сокровище, которое онъ берегъ и лелѣялъ неусыпно. Впослѣдствіи,—онъ подарилъ или продалъ, не помню хорошенько, за безцѣнокъ свою библіотеку одному изъ нашихъ университетовъ.

При всѣхъ своихъ неотъемлемыхъ качествахъ, М. С. Куторга отличался и крупными недостатками, о которыхъ я упомяну лишь на столько, на сколько они относились къ нему, какъ къ профессору, а не какъ къ частному человѣку. Самолюбіе его было громадное и высказывалось при всякомъ ничтожнѣйшемъ случаѣ, въ самыхъ оригинальныхъ проявленіяхъ. Самолюбіе много вредило ему въ отношеніяхъ и къ студентамъ, и къ профессорамъ. Конечно, о послѣднихъ я зналъ лишь по наслышкѣ, но первыя были мнѣ достаточно извѣстны. Дѣло въ томъ, что Михаилъ Семеновичъ требовалъ отъ всѣхъ къ своей особѣ чрезмѣрнаго обожанія, едва ли не благоговѣнія. Тогдашнія московскія свѣтила науки, Грановскій, Кудрявцевъ, Леонтьевъ, а также и Бѣлинскій, или служили ему поводомъ къ злобнымъ насмѣшкамъ и несправедливымъ нареканіямъ, или выставлялись имъ личностями, которыхъ онъ какъ бы игнорировалъ. Достаточно было произнести передъ нимъ одно изъ этихъ именъ, чтобы возбудить жесточайшую вспышку гнѣва, и человѣкъ, признававшій за этими лицами заслуги, становился чуть ли не личнымъ его врагомъ. Собственное «я» нашего историка стояло всегда и во всемъ на первомъ планѣ; малѣйшій намекъ не только на первенство кого-либо другаго, но даже на сравненіе съ нимъ, выводилъ его изъ себя.

Его лекціи для камералистовъ не имѣли строго-научнаго характера, а отличались скорѣе общедоступностью. Обыкновенно онъ избиралъ, въ теченіе годоваго курса, одну какую-нибудь эпоху и разсказывалъ о ней интересныя и малоизвѣстныя подробности, причемъ общіе факты, хронологію, вѣйны и сраженія почти оставлялъ въ сторонѣ. Это былъ, дѣйствительно, разсказъ, въ родѣ историческихъ изслѣдованій Мишлэ, довольно малосодержательный, но тѣмъ не менѣе интересный. Такимъ методомъ профессоръ пользовался для достиженія двоякой цѣли: посѣщенія большимъ числомъ слушателей его аудиторіи,—что весьма льстило его самолюбію,—и непремѣннаго условія записывать его лекціи, такъ какъ литографированныхъ записокъ не было по той простой причинѣ, что каждый годъ читалось новое. Записывать за нимъ было удобно: онъ говорилъ не торопясь, многое повторялъ иносказательно, а многое мы и сами выпускали, какъ не относящееся къ дѣлу, хотя

потомъ не разъ приходилось въ томъ раскаяваться. Аудиторія бывала обыкновенно переполнена студентами; раздавался лишь внятный голосъ профессора, да слышался скрипъ перьевъ; тишина была образцовая, и горько приходилось тому неосторожному студенту, который обращался къ сосѣду съ какимъ-нибудь вопросомъ вполголоса. Тогда Михаилъ Семеновичъ сперва краснѣлъ, потомъ блѣднѣлъ, и тутъ сыпались на виновнаго (?) упреки въ неуваженіи, въ незнаніи самыхъ простыхъ правилъ приличія, въ томъ, что онъ прервалъ профессора, что профессоръ потерялъ нить своихъ мыслей и т. п. Иногда доходило даже до того, что Михаилъ Семеновичъ быстро вставалъ съ каѳедры, спускался съ нея и уходилъ изъ аудиторіи, не окончивъ лекціи. — «Я не могу продолжать, — говорилъ онъ, — я слишкомъ потрясенъ такимъ неуваженіемъ и совершенно разстроенъ... Я этого никакъ, никакъ не ожидалъ... и, къ прискорбію моему, долженъ удалиться!» Слѣдующая лекція происходила какъ ни въ чемъ не бывало, но Михаилъ Семеновичъ отличался превосходною памятью, и студентъ, навлекшій на себя его гнѣвъ, рано или поздно, долженъ былъ расплачиваться за свою вину, хотя иногда и совершенно невольную.

Студентовъ преимущественно интересовали мелкіе анекдоты и подробности, неустанно сыпавшіеся изъ устъ профессора. Извѣстно было, напримѣръ, что на экзаменѣ имъ будетъ непремѣнно предложенъ вопросъ: къ какой религіи принадлежалъ Гизо. Хотя до исторіи это нисколько не относилось, но если студентъ забывалъ, что Гизо протестантъ, то терялъ всякое значеніе, и навсегда, въ глазахъ профессора. Нѣсколько лекцій были посвящены имъ о значеніи Варѳоломеевской ночи, но не столько въ смыслѣ борьбы католиковъ съ гугенотами, сколько въ изслѣдованіи вопроса о томъ, дѣйствительно ли Карлъ IX собственноручно стрѣлялъ изъ окна въ спасающихся протестантовъ. Приводились цитаты новѣйшихъ изслѣдователей, упоминались нѣкоторые мемуары современниковъ, но, къ величайшему сожалѣнію, какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ о томъ,—стрѣлялъ ли Карлъ IX въ бѣглецовъ, стрѣлялъ ли изъ аркебузы или изъ охотничьяго карабина, и изъ какого именно окна въ Луврскомъ дворцѣ, оставался нерѣшеннымъ. Микель Анджело, Рафаэль, да Винчи и пр. оказывались чуть ли не лично знакомыми нашему профессору. Открытіе Америки, изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія приправлялись такими анекдотами, отъ которыхъ мы приходили въ восторгъ. Даже самъ Мартинъ Лютеръ возъимѣлъ мысль о реформѣ всего католическаго строя вслѣдствіе внезапно услышаннаго имъ, въ прелестную лунную ночь, пѣнія соловья... «Луна мирно сіяла на голубомъ небѣ; запахъ цвѣтовъ и растеній доносился до Мартина Лютера, сидѣвшаго у открытаго окна... Онъ думалъ о великомъ переворотѣ, который готовился совершить, и вдругъ до слуха его донеслась соловьиная трель, отъ которой содрогнулись

всѣ фибры его тѣла... Онъ понялъ, что онъ пророкъ, что ему предстоитъ идти провозвѣщать свое ученіе. И онъ пошелъ»... Борьба его съ чертомъ описывалась также весьма подробно: говорилось о чернильномъ пятнѣ, до сихъ поръ показываемомъ въ Вартбургѣ, разсуждалось о томъ, при помощи какого геніальнаго ума онъ могъ побороть въ себѣ присущее средневѣковымъ людямъ понятіе о чертѣ, — при этомъ говорилось и о колдуньяхъ, и о Брокенѣ, вскользь упоминалось о Гёте, — все это было высказываемо съ сановитою осанкою, съ полнымъ убѣжденіемъ, съ увѣренностью въ въ величайшемъ значеніи своихъ лекцій. Когда мы нѣсколько обтерпѣлись и привыкли къ интересно-трескучимъ фразамъ, то намъ сдѣлалось жалко, что такъ много времени употребили мы на записываніе всего этого вздора. Мы только пожимали плечами, слушая напыщенно-декламаторскія слова, но должны были по неволѣ записывать ихъ.

Къ величайшему нашему удивленію, экзаменъ изъ новой исторіи, въ маѣ 1855 года, прошелъ безъ непріятностей: профессоръ былъ податливъ, любезенъ, словоохотливъ; помогалъ студентамъ, выказывалъ имъ снисхожденіе и, пріятно улыбаясь, ставилъ удовлетворительные баллы. Наши опасенія оказались совершенно напрасными... Должно быть, военная выправка коснулась и не насъ однихъ.

XVI.

Между тѣмъ, маршировка съ каждымъ разомъ становилась невыносимѣе: мы уставали до одурѣнія. При одной мысли о томъ, что въ три часа придется идти въ актовую залу и въ теченіи двухъ часовъ предаваться безсмысленнымъ тѣлодвиженіямъ, на насъ находила тоска и мы предавались унынію. Наше положеніе было понятно каждому, за исключеніемъ попечителя: даже наши непосредственные начальники, т. е. фельдфебеля, относились къ намъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, не говоря уже объ офицерѣ, положеніе котораго было, дѣйствительно, непріятно. Но онъ, да и вообще всѣ военныя лица, вели себя, въ отношеніи къ намъ, съ замѣчательнымъ тактомъ. Иногда попечитель пріѣзжалъ на маршировку часа въ четыре. Въ его отсутствіе, всѣ занятія производились, конечно, лишь для формы. Нашъ штабсъ-капитанъ или курилъ на лѣстницѣ, или совсѣмъ исчезалъ, вмѣстѣ съ добрѣйшимъ инспекторомъ, а бравые фельдфебеля, которые очень сошлись со студентами и очень ихъ полюбили, — на это у нихъ были, разумѣется, свои причины, — разсказывали въ каждомъ отдѣленіи или о своихъ компаніяхъ, или о порядкахъ строевой службы. Они также весьма интересовались, какія такія науки преподаются въ университетѣ и что такое слѣдуетъ «писать», чтобы получить чинъ. Студенты обходились съ ними отлично, съ удовольствіемъ

слушали ихъ незатѣйливые разсказы и охотно отвѣчали на ихъ вопросы, стараясь подладиться подъ ихъ тонъ.

Но, вотъ, въ залу врывался стремглавъ какой нибудь сторожъ или барабанщикъ съ словами: «пріѣхалъ попечитель!» Мгновенно все измѣняло свой прежній видъ: офицеръ становился посреди залы, инспекторъ у входа, отдѣленія выстраивались, раздавалась звучная команда, все принимало, на сколько возможно, военную выправку... Входилъ попечитель съ видомъ настоящаго боеваго генерала. «Смирно!» раздавалось по рядамъ. Мы вытягивались во фронтъ и онъ отдавалъ намъ честь. Онъ, не шутя, воображалъ себя боевымъ генераломъ, готовымъ, по первому слову, со своимъ отрядомъ, ринуться на врага. Пристально и сурово, нахмуривъ брови, вглядывался онъ въ каждаго студента, подражая извѣстному образцу. Нѣкоторыхъ заставлялъ дѣлать передъ собою «налѣво кругомъ», при чемъ командовалъ самъ. Помню, какъ однажды пришлось мнѣ провертѣться передъ нимъ разъ двадцать, да и то отпустилъ онъ меня съ видимымъ неудовольствіемъ.

Бѣда приходила за бѣдою. Мало того, что маршировали въ актовой залѣ, — попечитель вздумалъ отправить насъ для ученія въ манежъ перваго кадетскаго корпуса, находящагося близъ университета. Длинною вереницею, съ нашими наставниками и съ барабанщиками впереди, потянулись мы однажды въ манежъ, проклиная свою судьбу; но прошагали тамъ не болѣе получаса: песокъ, взрытый конскими копытами, доходилъ намъ чуть ли не до колѣнъ; дѣлать «налѣво кругомъ», къ великому прискорбію попечителя, было рѣшительно невозможно... Такъ и пришлось отказаться отъ геніальной попытки учить студентовъ въ манежѣ.

Въ ноябрѣ 1854 года, изъ среды нашей выдѣлились такъ называемые «охотники», — человѣкъ до двадцати, изъ числа тѣхъ, которымъ трудности науки пришлись не по нутру и которые горѣли желаніемъ какъ можно скорѣе облечься въ военную форму, поступить въ ряды дѣйствующей арміи и сразиться съ врагомъ. Они составили особое отдѣленіе и къ нимъ нарочно былъ прикомандированъ унтеръ-офицеръ изъ кадровъ. Ихъ снабдили ружьями и стали обучать ружейнымъ пріемамъ. Что это было за отдѣленіе!.. Выправка, молодцоватость, преданность начальству, выражавшаяся въ малѣйшихъ складкахъ и изгибахъ лица, единственная мысль о равненіи, затѣмъ «лѣвой, правой... лѣвой, правой»... Они сдѣлались любимцами попечителя, который восторгался ими, какъ истинно русскими молодцами. Къ нимъ отряженъ былъ изъ кадровъ унтеръ-офицеръ Иванъ Сергѣевъ, — человѣкъ, въ своемъ родѣ, удивительный. Всей своей фигурою онъ воплощалъ шагистику; средняго роста, коренастый, сильный, съ широкими плечами, густо нафабренными усами, остриженный въ скобку, онъ и присѣдалъ, и взвизгивалъ, и подскакивалъ, слѣдя за равненіемъ носковъ и ру-

ками по швамъ. Это олицетвореніе формальной шагистики являлось, дѣйствительно, доведеннымъ до степени виртуозности. Студенты смотрѣли на него, какъ на феноменъ, какъ на продуктъ особеннаго механизма, который убивалъ мысль и дѣлалъ изъ человѣка акробата, а не солдата, годнаго на войну.

Стали учить насъ общему построенію, — по-взводно, по-ротно и т. д. Для этого штабсъ-капитанъ Малаховъ предварительно прочелъ намъ въ аудиторіи, съ каѳедры, лекцію о военной службѣ вообще и о строевой службѣ въ особенности. Изъ нея мы ничего не поняли, потому что понимать было нечего, да и читалась она, конечно, ex officio. Впрочемъ, эта лекція была преподана намъ всего одинъ разъ: продолженіе ея было признано излишнимъ.

Не смотря на тяжелое впечатлѣніе, производимое на насъ маршировкою, въ ней заключалось такъ много комичныхъ сторонъ, что и до сихъ поръ, при воспоминаніи о нихъ, я не могу удержаться отъ улыбки. Среди насъ находился, какъ я уже упоминалъ выше, студентъ Ржавскій, душою и тѣломъ преданный химіи и технологіи; онъ отличался прекрасными способностями, хотя весьма плохо зналъ иностранные языки; нравъ имѣлъ привѣтливый и любилъ много говорить, не обращая вниманія на то, что страдалъ небольшимъ косноязычіемъ. Отъ химическихъ опытовъ, руки его постоянно измѣняли свой натуральный цвѣтъ: сегодня онѣ были коричневыми, завтра зелеными, а послѣ-завтра фіолетовыми. Разумѣется, это было для него рѣшительно все-равно: вообще онъ отличался индифферентизмомъ. Роста онъ былъ средняго, дурно и нескладно сложенъ, съ довольно старческими чертами лица, и часто страдалъ грудью. Къ числу его особенностей принадлежала замѣчательная неловкость: непремѣнно онъ или отдавитъ кому нибудь ногу, или наткнется на какой нибудь предметъ: столъ, скамейку, печку и т. п. Мы считали его большимъ оригиналомъ, онъ и былъ таковымъ въ дѣйствительности. Совершенно помимо своего желанія, онъ внушилъ къ себѣ особенное благоволеніе попечителя, знавшаго его по имени, вызывавшаго его на экзаменахъ въ числѣ первыхъ и цѣнившаго его умные, основательные, хотя и многорѣчивые отвѣты. Помню даже одинъ случай съ Ржавскимъ на экзаменѣ у профессора Усова изъ сельскаго хозяйства, на которомъ присутствовалъ, по обыкновенію, попечитель. Усовъ былъ теоретикъ по преимуществу и обладалъ, какъ носились слухи, самою ничтожною долею практическихъ знаній въ дѣлѣ сельско-хозяйственнаго управленія имѣніями. Напротивъ, Ржавскій нѣсколько лѣтъ провелъ безвыѣздно въ своей деревнѣ, на дѣлѣ изучилъ примѣненія разныхъ системъ и могъ поспорить съ любымъ знатокомъ земледѣлія и скотоводства. Какъ нарочно, на экзаменѣ ему достался вопросъ о пользѣ и недостаткахъ трехпольной системы. Онъ сталъ разсказывать о томъ, что самъ видѣлъ и что самъ дѣлалъ, совсѣмъ оста-

вивъ въ сторонѣ литографированныя записки сельскаго хозяйства, которыхъ правильность воззрѣній во многихъ случаяхъ отвергалъ. Между нимъ и профессоромъ возникли пререканія; одинъ отстаивалъ свою систему, другой свои записки. — «Вы, кажется, хотите доказать, что знаете больше профессора?» спросилъ его, наконецъ, С. М. Усовъ недовольнымъ тономъ. — Я хочу только доказать то, что знаю, а знаю ли я больше или меньше профессора — это мнѣ рѣшительно все равно», хладнокровно отвѣтилъ Ржавскій. Къ удивленію, отвѣтъ его прошелъ безъ всякихъ замѣчаній со стороны присутствовавшаго при этомъ попечителя, который высказался даже за то, что ему слѣдуетъ поставить полный баллъ, хотя студентъ и отвѣчалъ не по запискамъ. Это былъ одинъ изъ рѣдчайшихъ при мнѣ случаевъ, когда справедливость факта восторжествовала надъ личными убѣжденіями Мусина-Пушкина.

Такимъ же безпристрастнымъ оставался Ржавскій и на маршировкѣ; но, очевидно, она ему не нравилась, да и онъ никакъ не былъ въ состояніи постигнуть ея премудрости: во время ученія, онъ или отставалъ, или ходилъ не въ ногу, или не сохранялъ равненія, къ тому же, онъ отличался какою то неуклюжей походкой, причемъ размахивалъ руками и необычайно сильно топалъ ногами. «Налѣво кругомъ» было для него камнемъ преткновенія; въ первое время, глядя, какъ выдѣлывалъ онъ это упражненіе, мы были увѣрены, что онъ непремѣнно заплетется ногами и растянется на полу... Своею фигурой онъ портилъ весь фронтъ. Попечитель нѣсколько разъ подзывалъ его къ себѣ, заставлялъ вертѣться и маршировать въ одиночку передъ собою; но все было напрасно: Ржавскій маршировалъ — точно входилъ въ аудиторію, снимая съ рукъ огромныя замшевыя перчатки, прозванныя нами «жандармскими»; попечитель пробовалъ ругаться — результатъ былъ одинъ; прибѣгалъ, наконецъ, къ кроткому убѣжденію — и тутъ не помогало. Ржавскій оказывался положительно неспособнымъ фронтовикомъ. Тогда его отдали въ руки особаго унтеръ-офицера, учившаго его отдѣльно отъ всѣхъ; интересно было видѣть, какъ онъ, вполнѣ хладнокровно, какъ ни въ чемъ не бывало, своею развалистою поступью, шагалъ по огромной залѣ, въ сопровожденіи злополучнаго дядьки, который, выбиваясь изъ силъ, весь красный и запыхавшійся, гудѣлъ ему подъ самымъ ухомъ: «лѣвой, правой!..»

Одинъ случай рѣшилъ его военную карьеру: намъ стали преподавать учебный шагъ по отдѣленіямъ; однажды Ржавскому пришлось быть крайнимъ, т. е. фланговымъ. При звукѣ барабана, все отдѣленіе, изъ 14 человѣкъ (онъ — пятнадцатый), шло за нимъ гуськомъ: я уже не говорю, какъ онъ насъ путалъ, какъ сбивалъ съ ноги. Но, вотъ, посереди залы раздалась команда, — «отдѣленіе, налѣво — кругомъ, маршъ!» Это значило, что всѣ въ отдѣленіи должны были сдѣлать оборотъ влѣво и идти назадъ. Такъ всѣ и

сдѣлали, за исключеніемъ только Ржавскаго, который, конечно, на команду не обратилъ никакого вниманія и продолжалъ себѣ одинъ шагать впередъ по громадной залѣ, при неумолкаемомъ хохотѣ всѣхъ присутствовавшихъ. Отъ смѣха не могли удержаться не только студенты, но фельдфебеля, офицеръ, инспекторъ; расхохотался, наконецъ, и самъ попечисель, когда Ржавскій, маршируя, дошелъ до послѣдней колонны и столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу. Видя, что идти далѣе некуда, онъ обернулся, а всѣ товарищи находились уже на противоположномъ концѣ залы.

— Эхъ, Ржавскій, Ржавскій! проговорилъ попечитель, укоризненно качая головою, — такой славный студентъ, а портитъ весь фронтъ!..

Съ тѣхъ поръ, было навсегда рѣшено — Ржавскаго во фронтъ не пускать ни подъ какимъ видомъ, но отъ военной службы не освобождать, — а пусть учится по прежнему, одинъ, подъ наблюденіемъ унтеръ-офицера. Такъ, на него начальство болѣе и не обращало вниманія. А онъ очень скоро сошелся съ своимъ наставникомъ, угощалъ его папиросами и по долго бесѣдовалъ съ нимъ, будучи вполнѣ доволенъ своимъ отлученіемъ отъ прочихъ товарищей.

Но и намъ приходилось подъ часъ плохо, особенно, когда команду играли на сигнальномъ рожкѣ. Многимъ не давался этотъ проклятый сигнальный рожокъ, въ томъ числѣ и мнѣ. Горнистъ протрубитъ, а студенты и не знаютъ что дѣлать... Одинъ повернется сюда, другой—туда, третій двинется впередъ, четвертый отступитъ назадъ — хаосъ невообразимый. Не мало труда стоило офицеру приводить насъ въ порядокъ и начинать все сначала.

XVII.

Въ первыхъ числахъ декабря 1854 года, въ одинъ изъ дней, назначенныхъ для маршировки, попечитель пріѣхалъ ранѣе обыкновеннаго въ университетъ, собралъ насъ всѣхъ въ актовой залѣ и объявилъ, что, по случаю «успѣшныхъ занятій военными науками», дарована новая льгота, распространяющаяся, на этотъ разъ, на всѣхъ студентовъ безъ исключенія, занимавшихся строевымъ ученіемъ.

— Государь императоръ,—въ такихъ, приблизительно, словахъ началъ свою рѣчь попечитель, — благосклонно убѣдясь изъ доклада министра народнаго просвѣщенія, а также изъ личныхъ объясненій, которыя я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представить на всемилостивѣйшее воззрѣніе его императорскаго величества, что студенты всѣхъ курсовъ С.-Петербургскаго университета, въ теченіе зимы 1854 года, съ успѣхомъ и рвеніемъ занимались военными науками, а также обучались фронту, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ:

объявить имъ за это монаршую благодарность и избавить ихъ отъ экзаменовъ въ четвертомъ курсѣ, какъ изъ предметовъ дополнительныхъ, такъ и изъ главныхъ, которые читались до перевода студентовъ въ четвертый курсъ, оставивъ за ними обязательными, такимъ образомъ, экзамены лишь изъ тѣхъ предметовъ, которые преподаются въ означенномъ курсѣ. При этомъ, студенты, получившіе неудовлетворительные баллы изъ какихъ либо предметовъ,—главныхъ или дополнительныхъ,—въ первыхъ трехъ курсахъ, имѣютъ право просить о переэкзаменовкѣ во время выпускнаго экзамена въ четвертомъ курсѣ.—Такого рода знакъ высочайшаго вниманія къ вамъ, господа, а также и причины моего ходатайства, добавилъ попечитель,—доказываютъ, что государь императоръ и я довольны вашимъ поведеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдываютъ пословицу, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Ура!

Мы дружно подхватили это «ура», громко разнесшееся по сводамъ огромной залы.

Несмотря на болѣе чѣмъ странную рѣчь попечителя, очевидно увлекшагося не въ мѣру своимъ собственнымъ значеніемъ, новая льгота представляла весьма существенныя и значительныя выгоды для студентовъ.

Какъ извѣстно, въ каждомъ курсѣ, не исключая и четвертаго, преподавались предметы главные и дополнительные. По общему правилу на выпускномъ экзаменѣ повторенія испытанія изъ дополнительныхъ предметовъ не полагалось, тогда какъ изъ главныхъ безусловно требовалась переэкзаменовка, если бы даже они преподавались въ первомъ курсѣ и баллъ былъ полученъ удовлетворительный. Для камералистовъ такое правило было въ высшей степени обременительно: предметы большею частью не имѣли никой связи между собою; приходилось держать экзаменъ вновь изъ государственнаго права и учрежденій, преподававшихся въ первомъ курсѣ, изъ сельскаго хозяйства—во второмъ и третьемъ, изъ логики и психологіи — тоже во второмъ и третьмъ, изъ политической экономіи и полицейскаго права — въ третьемъ. Но хуже всего было то, что приходилось вновь приготовляться къ экзамену изъ химіи и технологіи, а главное изъ богословія, которое мучило насъ текстами. Химія и технологія поражали своимъ объемомъ. И вдругъ оказывалась такая благодать, что въ четвертомъ курсѣ намъ предстояли экзамены лишь изъ финансоваго права, уголовнаго права, статистики, сельско-хозяйственнаго управленія и одного изъ иностранныхъ языковъ. Все-таки, значитъ, повидимому, непроизводительно утомительный трудъ послужилъ намъ въ облегченіе.

Въ ноябрѣ 1854 года, было довольно значительное наводненіе. Еще съ девяти часовъ утра, когда я, изъ дома академіи наукъ (на углу 7 линіи В. О.), отправился пѣшкомъ въ университетъ,

дулъ съ моря жестокій вѣтеръ: вода въ Невѣ прибывала съ необычайною быстротою; сигнальная пушка, помѣщавшаяся въ то время прямо противъ университета, по ту сторону Невы, передъ зданіемъ главнаго адмиралтейства, палила черезъ каждыя четверть часа; окна въ домахъ дрожали отъ взрывовъ урагана и пушечныхъ выстрѣловъ. Въ двѣнадцать часовъ лекціи прекратились; вода выступила на улицы. Выйдя изъ университета, я съ большимъ трудомъ пробирался противъ вѣтра, прямо несшагося мнѣ въ лицо; добравшись до Румянцевской площади, среди которой въ то время возвышался лишь монументъ, но не былъ еще разведенъ нынѣшній соловьевскій скверъ, я увидѣлъ передъ собою обширное озеро, залившее почти всю площадь; его набѣгавшія волны омывали тротуаръ и раскатывались до первой линіи. Пришлось идти домой въ обходъ по кадетской линіи и большому проспекту.

Едва добрелъ я домой и только что снялъ съ себя шинель, какъ почувствовалъ запахъ дыма, большими клубами врывавшагося изъ передней въ нашу квартиру. Я выбѣжалъ на лѣстницу,—тамъ дымъ стоялъ столбомъ. Оказалось, что загорѣлось на чердакѣ и что тамъ уже заливаютъ. Но, какъ видно, домашнія средства не приносили ожидаемаго результата: дымъ не прекращался, стали слышны удары топора и трескъ падающихъ досокъ. Какъ и всегда, казенныя власти, въ видѣ экзекутора и его помощника, находились въ отсутствіи, а такъ называемый «ундеръ», завѣдывавшій порядкомъ въ домѣ, не смѣлъ, безъ ихъ разрѣшенія, обратиться въ пожарную часть. Пожаръ, да еще при такомъ сильномъ вѣтрѣ, могъ принять, до прибытія начальствующихъ лицъ, весьма почтенные размѣры. Не долго разсуждая, я вскочилъ въ первыя попавшіяся сани и помчался въ пожарную часть, въ 8 линію, за большимъ проспектомъ. У воротъ я нашелъ часоваго, до такой степени глупаго, что онъ не могъ сказать мнѣ, куда обратиться и кому объяснить дѣло. Къ счастью, подлѣ него находился на вышкѣ колоколъ; я ухватился за веревку и сталъ звонить. Это средство оказалось наиболѣе дѣйствительнымъ: пожарные сбѣжались и вмигъ запрягли лошадей. Толстый брантмейстеръ попросилъ меня ѣхать вмѣстѣ, но такъ какъ моему извощику не было никакой возможности угнаться за пожарными, то я взгромоздился на паровую машину и помчался вмѣстѣ съ ними. Когда съ звономъ и трескомъ, мы примчались къ дому, то увидѣли, что пожаръ уже прекратился.

На другой день, рано утромъ, къ моему отцу явился въ кабинетъ квартальный надзиратель, очень невзрачный, тихій и скромный, съ просьбою росписаться на «объявленьицѣ» о томъ, что студентъ такой-то напрасно произвелъ тревогу. При этомъ квартальный заявилъ, что необходимъ нѣкоторый денежный расходъ. На эти расходы отецъ выдалъ три рубля, которые тотъ принялъ

съ величайшею благодарностью, и вышелъ изъ кабинета съ низкими поклонами.

На третій день я получилъ приказаніе явиться къ попечителю. Догадываясь, въ чемъ дѣло, и облекшись въ требуемую форму, я предсталъ предъ его грозныя очи.

— Ты, говорятъ, созвалъ пожарныхъ? обратился ко мнѣ попечитель.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— И скакалъ на трубѣ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— При шпагѣ?

— При шпагѣ, ваше превосходительство.

— Молодецъ!

Я чувствовалъ, что поступилъ глупо. Но за эту глупость получилъ похвалу. Тѣмъ дѣло и кончилось.

XVIII.

Наступилъ 1855 годъ. Мысли всѣхъ неслись къ осажденному городу. Послѣ сравнительнаго затишья, въ началѣ февраля, происходили сильныя схватки съ непріятелемъ, но реляціи о нихъ, по прежнему, были неполны, и многое, къ великому нашему прискорбію, оставалось неразъясненнымъ. Предъ роковыми вопросами дня не приходили въ голову заботы о другихъ интересахъ, казавшихся мелочными. Общество оплакивало многія утраты и убѣждалось все болѣе и болѣе въ неизбѣжности великихъ жертвъ, которыя еще предстояли въ будущемъ. Это настроеніе отражалось, хотя косвенно, и на студентахъ. Научныя занятія шли вяло; не только общественныя, но и частныя увеселенія почти прекратились. Носился слухъ, что государь заболѣлъ простудой; но ничего положительнаго мы, конечно, не знали, такъ какъ въ газетахъ не видали бюллетеней о его нездоровьи. 17-го февраля, по окончаніи лекцій, возвратясь домой, я услыхалъ отъ отца моего, что государь опасно боленъ. Это извѣстіе только что сообщилъ ему П. А. Плетневъ, бывшій въ тотъ день во дворцѣ. На другой день, придя въ университетъ, мы узнали, что лекцій не будетъ: государь Николай Павловичъ скончался.

Роковая вѣсть поразила всѣхъ, какъ ударомъ грома въ солнечный день съ безоблачнаго неба. Его не стало именно въ ту минуту, когда отечество, болѣе чѣмъ когда либо, нуждалось въ твердомъ, опытномъ вождѣ. Наступило какое то странное всеобщее недоумѣніе: всѣ растерялись. Припоминались какія то примѣты, странныя предвѣщанія о чемъ то роковомъ, въ недавнемъ будущемъ: говорили о волкѣ, который трое сутокъ безнаказанно бѣ-

галъ по Петербургу, о воронѣ, каркавшей надъ балкономъ государя, объ орлѣ на дворцовомъ флагштокѣ, который взлетѣлъ на александровскую колонну... Но, главное, толковали, что послѣднія новости изъ Крыма были въ высшей степени прискорбны, что ихъ нарочно скрываютъ отъ публики, что онѣ весьма сильно подѣйствовали на государя и ускорили его кончину. Сколько помнится, дня черезъ три появились въ газетахъ краткія свѣдѣнія о ходѣ болѣзни и послѣднихъ минутахъ почившаго императора.

Въ день кончины государя, мнѣ случилось поѣхать въ нѣсколько семействъ, или находившихся съ нами въ родствѣ, или въ самомъ близкомъ знакомствѣ. Повсюду я встрѣтилъ жестокое уныніе и самую искреннюю печаль; въ особенности дамы, при одной мысли о внезапномъ событіи, то падали въ обморокъ, то заливались слезами. Для нихъ скончавшійся императоръ представлялся олицетвореніемъ рыцаря, въ полномъ смыслѣ этого слова, заключавшемъ въ себѣ что то феноменальное, — и въ голосѣ, и въ осанкѣ, и во взорѣ, и въ образѣ жизни, и даже въ образѣ постигшей его смерти. Разсказывались разныя эпизоды изъ его жизни, припоминались факты необычайной силы воли, даже чего то сверхъестественнаго въ его взглядѣ, заставлявшаго трепетать каждаго, на кого онъ устремлялся... Возвращаясь домой, я видѣлъ на дворцовой площади несмѣтную толпу народа: всѣ стояли съ обнаженными головами, многіе крестились и плакали.

На третій день (въ воскресенье, 20 февраля) всѣхъ насъ, студентовъ, приводили къ присягѣ въ университетской церкви; обѣдню служилъ заслуженный, почтенный протоіерей, преподававшій Законъ Божій въ главномъ педагогическомъ институтѣ, П. Ө. Солярскій. Мы расписались на присяжныхъ листахъ и разошлись по домамъ; знали только, что извѣстія изъ Крыма были неутѣшительны и всѣ мы находились подъ какимъ-то тягостнымъ, подавляющимъ чувствомъ, не зная чего ожидать и на что надѣяться.

Лекціи, однако, не прекращались, точно также и маршировка; но попечителя мы не видали недѣлю или полторы; на ученіи мы уже не узнавали бывалой обстановки: все какъ-то притихло, измельчалось, люди казались совсѣмъ не такими, какъ прежде. Только одинъ Савельичъ глядѣлъ бодро и, какъ прежде, молодцовато разговаривалъ съ молодежью: онъ пережилъ многое и видалъ многіе виды. Опять пріѣхалъ на маршировку попечитель, но маршировка была уже не та, да и попечитель былъ не тотъ. Помимо того весьма естественнаго потрясенія, какое перенесъ онъ вслѣдствіе кончины императора, онъ очевидно чувствовалъ, подобно всѣмъ осколкамъ прежняго времени, что его пора прошла и никогда болѣе не возвратится. Новое вѣяніе безотчетно разносилось въ воздухѣ и смущало приверженцевъ рутины. Михаилъ Николаевичъ видимо постарѣлъ, согнулся, утратилъ свой видъ боеваго,

браваго генерала, вошелъ въ залу тихо, не обращался ни къ кому съ обычными рѣзкими замѣчаніями. Ученіе шло вяло, парадировали лишь одни «охотники», но даже и ихъ попечитель не удостоилъ ни единымъ взглядомъ; — «любимцы» тоже отжили свой вѣкъ. Онъ поглядѣлъ на насъ, не проронилъ ни одного слова, и скоро удалился также незамѣтно, какъ и пришелъ. И вся эта перемѣна произошла въ какіе-нибудь десять-пятнадцать дней. Съ этого времени попечитель заглядывалъ въ университетъ гораздо рѣже прежняго и почти не бывалъ на маршировкѣ; онъ вообще стушевался и о немъ вдругъ перестали мы слышать. Самая маршировка сдѣлалась пустою формальностью; она все болѣе и болѣе сокращалась относительно предназначеннаго ей времени: сперва продолжалась всего часъ, затѣмъ дошла до получаса и менѣе. Многіе студенты являлись только, чтобы показаться; многіе совсѣмъ манкировали. Наконецъ, она совсѣмъ прекратилась, развѣявшись точно паръ въ воздухѣ; но послѣдствія ея относительно облегченія выпускныхъ экзаменовъ остались для насъ въ своей прежней силѣ.

Ко всѣмъ волненіямъ, какія приходилось испытывать мнѣ въ то время наравнѣ съ другими, примѣшалось и личное чувство жесточайшаго горя, которое постигло меня вслѣдствіе внезапной утраты наилучшаго моего друга и товарища, А. А. Евреинова, о которомъ я говорилъ выше. Я не сталъ бы распространяться о его смерти, если бы она не произошла въ стѣнахъ самаго университета и не относилась бы, такимъ образомъ, и къ моимъ университетскимъ воспоминаніямъ, обрисовывая, въ тоже время, и тогдашніе университетскіе порядки.

Въ третьемъ курсѣ большую часть свободнаго времени Евреиновъ посвящалъ опытамъ по органической химіи, въ которой сдѣлалъ весьма замѣчательные успѣхи. Онъ занимался обыкновенно, каждый день въ технической лабораторіи профессора П. А. Ильенкова, предоставившаго въ его распоряженіе всѣ находившіеся въ ней аппараты и реагенты. Въ послѣднее время Евреиновъ занялся добываніемъ никотина, для чего и было пріобрѣтено большое количество простаго табаку, извѣстнаго подъ названіемъ «махорки». Лабораторія была обширная, почти не посѣщалась студентами, и Евреиновъ обыкновенно занимался по утрамъ въ то время, когда въ ней, кромѣ сторожа, никого не было.

Въ понедѣльникъ, 21-го февраля, я слушалъ лекцію профессора Куторги младшаго, по окончаніи ея, часовъ въ 12, разнеслась вѣсть, что съ однимъ студентомъ въ лабораторіи Ильенкова сдѣлалось дурно; я поспѣшилъ туда и увидѣлъ Евреинова, лежавшаго безъ чувствъ на скамейкѣ: его поразилъ нервный ударъ; онъ всегда страдалъ полнокровіемъ. Собрались профессора и студенты; болѣе всѣхъ хлопоталъ и заботился о немъ С. С. Куторга, высказавшій замѣчательное человѣколюбіе и сердечность. Кромѣ него, никто не

зналъ что дѣлать и за что приняться. Евреиновъ не приходилъ въ себя. Многіе изъ студентовъ поспѣшили стремглавъ за докторами; я побѣжалъ къ университетскому врачу Делю, но, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, его не оказалось дома. Онъ пріѣхалъ къ умирающему часовъ черезъ пять... Я не понималъ, для чего въ университетѣ существовало мѣсто доктора съ опредѣленнымъ содержаніемъ и казенною квартирою, но тогда я былъ слишкомъ молодъ, а теперь понимаю, что безъ этого, видно, въ казенныхъ учрежденіяхъ обойтись нельзя, хотя польза приносится не болѣе прежней. Мало того: когда нужно было пустить кровь, нигдѣ не оказалось фельдшера, не было бинтовъ; когда хотѣли устроить постель,—не оказалось ни подушекъ, ни одѣяла; когда, по приказанію С. С. Куторги,—еще до пріѣзда врачей,—требовалось посадить умирающаго въ ванну, мы, студенты, съ величайшими усиліями, перетащили ванну изъ близъ находившагося педагогическаго института, почти силою добыли на кухнѣ кипятокъ и холодную воду, которую вносили ушатами наверхъ, и изъ частныхъ квартиръ добыли подушки, простыни и одѣяла.

Несмотря на всѣ заботы и средства, какія были подъ руками, привести нашего товарища въ чувство, — нельзя было успѣть. Часа въ четыре пріѣхалъ профессоръ Здекауеръ, осмотрѣлъ паціента и сказалъ, что нервный ударъ черезчуръ силенъ. Въ шесть часовъ вечера прекратилось біеніе пульса, затѣмъ сердца, и Евреинова не стало.

Этотъ внезапный ударъ отразился на мнѣ глубоко.

XIX.

Вскорѣ послѣ начала лекцій, осенью 1855 года, стало очевидно, что, съ занятіемъ южной стороны Севастополя союзною арміею, военныя дѣйствія, хотя на время, должны прекратиться. Начало новаго царствованія вселило въ насъ надежду на скорый миръ, и о прежнихъ военныхъ упражненіяхъ въ стѣнахъ университета не было и помина. Все вошло въ свою обычную колею и студенты могли по прежнему предаваться своимъ мирнымъ занятіямъ.

Въ четвертомъ курсѣ (1855 — 1856 годъ) мы, камералисты, познакомились съ профессорами Ивановскимъ, Баршевымъ и Кранихфельдомъ.

Въ прежнее время профессоръ Ивановскій читалъ для юристовъ и камералистовъ международное право, которое, впослѣдствіи, по велѣнію высшаго начальства, было переименовано въ государственное право европейскихъ державъ. Но и это право для камералистовъ въ 1855 — 1856 г. не читалось; подвергнутое остракизму, оно преподавалось лишь для студентовъ юридическаго раз-

ряда. Тѣмъ не менѣе, я бывалъ на каждой его лекціи, такъ какъ преподаваніе его отличалось замѣчательнымъ знаніемъ международныхъ сношеній государствъ, толковостью и популярностью. Лекціи профессора Ивановскаго привлекали къ себѣ массу слушателей. Говоря даже объ уставѣ торговаго флота иностранныхъ государствъ, профессоръ и тутъ находилъ средство заинтересовать студентовъ, встрѣчавшихъ съ удовольствіемъ его умную, блестящую рѣчь. Ивановскій образовалъ не одно поколѣніе; его имя чтится въ средѣ учениковъ многихъ высшихъ учебныхъ заведеній и память о немъ не пропадетъ даромъ.

Яковъ Ивановичъ Баршевъ читалъ намъ уголовное право. Онъ представлялся намъ какъ бы прототипомъ К. А. Неволина: безъ признаковъ бѣлья, дурно, даже грязно одѣтый, мѣднымъ, однозвучнымъ, мертвящимъ голосомъ преподавалъ онъ свой предметъ по литографированнымъ запискамъ, переходившимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Непостижимо, какимъ образомъ могъ онъ, при тѣхъ совершенно отсутствовавшихъ данныхъ для профессора, заслужить себѣ извѣстность криминалиста, тѣмъ болѣе, что и имя его въ литературѣ по уголовному праву совсѣмъ игнорируется. На его лекціи собиралось очень мало студентовъ, да и профессоръ, повидимому, не обращалъ на это никакого вниманія.

Финансовое право преподавалось у камералистовъ четвертаго курса профессоромъ А. И. Кранихфельдомъ, — опять-таки по литографированнымъ запискамъ. Г. Кранихфельдъ былъ извѣстенъ своею дѣятельностью въ качествѣ инспектора въ школѣ правовѣдѣнія. Лекціи его въ университетѣ, по пяти разъ въ недѣлю, представлялись для студентовъ истиннымъ мученіемъ. Я хорошо помню, какъ на экзаменѣ изъ финансоваго права мнѣ попался билетъ о колонистахъ. Къ стыду своему, признаюсь, что я выучилъ его наизусть: при вопросѣ о налогѣ на колонистовъ, я, какъ бы «Отче нашъ», проговорилъ не только рубли съ копѣйками, но и съ дробями, — что отъ насъ положительно требовалось. Кромѣ того, предметъ, самъ по себѣ, отличался чрезвычайною сухостью, тѣмъ болѣе, что изъ него была исключена теоретическая и историческая часть въ томъ видѣ, въ какомъ она преподавалась прежде, и былъ оставленъ лишь подробный перечень существовавшихъ современныхъ узаконеній, съ изложеніемъ ихъ сущности.

Чтеніе А. И. Кранихфельда было, во всякомъ случаѣ, интереснѣе для насъ лекцій многихъ профессоровъ-юристовъ, представлявшихъ собою самое вѣрное олицетвореніе статей закона. Самый методъ чтенія былъ живой и не производилъ впечатлѣнія томительной скуки.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода моего изъ университета, профессоръ Кранихфельдъ промѣнялъ свою ученую дѣятельность на должность столичнаго мироваго судьи, которую и занималъ въ

теченіи перваго трехлѣтія учрежденія мироваго института. Изъ любопытства, я нѣсколько разъ заходилъ въ его камеру, находившуюся на Васильевскомъ островѣ, и съ большимъ интересомъ слѣдилъ за его рѣшеніями и приговорами. Въ то время онъ показался мнѣ совершенно другимъ: видно было, что онъ совершенно отрекся отъ той профессорской рутины, часть которой невольно испытывалъ на себѣ во время пребыванія въ университетѣ, разбиралъ дѣла бойко и скоро и, въ большей части случаевъ, вполнѣ сообразно съ новыми мировыми узаконеніями.

XX.

Экзамены въ четвертомъ курсѣ окончились благополучно. Изъ 30 — 40 человѣкъ, поступившихъ въ камеральный разрядъ въ 1852 году, осталось не болѣе 12 — 15; остальные или поступили въ военную службу (человѣкъ 7), или покинули университетъ, или перешли, еще прежде, въ другіе факультеты. Въ виду предстоявшихъ въ скоромъ времени преобразованій университетскаго устава, о которыхъ много говорилось, прежнія строгости исчезли, да и система экзаменовъ измѣнилась: не требовалось учить наизусть и слѣпо слѣдовать по ненавистнымъ литографированнымъ запискамъ.

Черезъ недѣлю по окончаніи экзамена, я уѣхалъ за границу.

Въ заключеніе этихъ отрывковъ, драгоцѣнныхъ для меня, конечно, болѣе, нежели для кого бы то ни было, могу сказать одно: какъ бы ни была плоха и безотрадна та среда, въ которой я провелъ первые годы своей молодости, въ какихъ бы ни находилась она неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, но одна мысль, одно воспоминаніе о счастливомъ, — именно счастливомъ, не смотря ни на что,—времени, полномъ надеждъ и увѣренности въ будущемъ, цвѣтетъ неувядающимъ цвѣткомъ до сихъ поръ въ полуотжившемъ сердцѣ моемъ.

Ѳ. Устряловъ.

ТАМБОВСКІЙ КРАЙ ВЪ КОНЦѢ XVIII И НАЧАЛѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

АМБОВСКІЙ край, искони населенный мордовско-мещерскими племенами, безслѣдно пропавшими для исторіи, до начала XVII столѣтія стоялъ въ сторонѣ отъ широкаго теченія русской исторической жизни. Когда въ Новгородѣ созидался государственный строй земли нашей, о существованіи Тамбовскаго края никто не зналъ; когда развивался русскій удѣльно-вѣчевой укладъ, когда затѣмъ на землю русскую Божіимъ попущеніемъ надвигалась темная татарская сила, когда далѣе изъ подъ гнета этой силы Московская Русь стала съ трудомъ и по немногу выбиваться, когда наконецъ русская земля переживала великій нравственный свой искусъ,—смутную эпоху, — Тамбовская сторона была только «дикимъ полемъ да дикимъ лѣсомъ», куда, по свидѣтельству лѣтописи, «прибытки ради людіе хождаху звѣрей ловити». Въ «Хожденіи Пименовѣ въ Царьградъ» о нынѣшнемъ Тамбовскомъ краѣ говорится слѣдующее: «сіе путное шествіе бысть печально и унывливо, бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ни чтоже, ни града, ни села». Уже въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, Тамбовскій край примкнулъ къ исторической жизни русскаго народа, увеличенный въ своемъ народонаселеніи русскими переселенцами и особенно бѣглецами. Но вмѣсто «дикаго поля» онъ сталъ «воровскимъ полемъ». Вотъ что сказано о нынѣшней Тамбовской губерніи въ окружной грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича: «въ тѣ мѣста Крымскіе, Ногайскіе и Озовскіе люди прихаживали изгономъ и тѣ всѣ мѣста воевали, людей побивали и въ полонъ всякихъ людей мужеска и женска пола и младенцевъ имали, и села и деревни многія пожгли и до конца разорили. А служилые люди отъ такія великія войны оскудѣли и учинилися безлюдны и безлошадны и безоружейны. И въ прошломъ 144 году указали мы

для береженья отъ воинскихъ людей поставить городъ Тамбовъ» [1]). Тамбовская сторона сдѣлалась особенно смутною въ эпоху Стеньки Разина, когда многіе разбойники изъ его партіи склоняли на свою сторону Тамбовскихъ крестьянъ и холопей и похвалялися всякимъ дурномъ. Очень много тревогъ въ этой сторонѣ было также въ 1688 году, потому что въ это время донскіе раскольники, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ, подъ начальствомъ Козьмы Косаго, устроили городокъ около Тамбова. Не легко также было жить Тамбовскому краю при Петрѣ Великомъ и при Екатеринѣ II. Въ это время Булавинскія и Пугачевскія шайки свободно разгуливали по всему Тамбовскому захолустью. Во времена Пугачева жители города Тамбова были такъ напуганы пугачевцами, что бросили свои дома и разбѣжались по сосѣднимъ лѣсамъ.

Такимъ образомъ оказывается, что Тамбовскій край очень бѣденъ выдающимися историческими событіями, совершившимися въ его предѣлахъ. Тѣмъ не менѣе Тамбовскій «дикій» край, благодаря сравнительной плотности народонаселенія и превосходной черноземной почвѣ, сталъ одною изъ самыхъ солидныхъ экономическихъ силъ Россійской имперіи и въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ полнаго вниманія русской исторической науки.

Какъ проявилъ свою историческую жизнь Тамбовскій край отъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича и до послѣдняго времени?

Серьезныхъ документальныхъ источниковъ и преданій объ этомъ мы почти не имѣемъ. Не сохранилось о Тамбовскомъ краѣ историческихъ записокъ какихъ нибудь мѣстныхъ дѣятелей, потому что тамбовскіе обыватели не отличались въ былое время наклонностію къ письменности; не заглядывали въ Тамбовскую глушь иностранные путешественники, которые повѣдали бы что нибудь о ней образованному міру. Единственнымъ серьезнымъ источникомъ для изученія прошлой тамбовской жизни остались намъ оффиціальные архивные акты, относящіеся къ XVIII и XIX столѣтіямъ, которые представляютъ эту жизнь конечно не во всей ея широтѣ. Какъ великая русская равнина поражаетъ путешественника своимъ скучнымъ однообразіемъ, такъ и различные тамбовскіе письменные акты, рисующіе намъ прошлую тамбовскую жизнь, изображаютъ все одни и тѣ же, по большей части самые неприглядные, факты. Ничего эффектнаго, выдающагося; все будничная и будничная жизнь.

Никогда тамбовское народонаселеніе не отличалось смышленостію и тароватостію ярославцевъ, предпріимчивостію владимірцевъ и костромичей, отважностію архангельскихъ поморянъ и бойкостью жителей всего поволжья. Тамбовскій мужикъ изстари

---

[1]) Городъ Тамбовъ построенъ въ 1636 году стольникомъ Романомъ Федоровичемъ Бобарыкинымъ.

былъ по преимуществу сѣрымъ мужикомъ. Не выдавались особеннымъ развитіемъ и другія тамбовскія сословія. Отъ этого то мы почти и не видимъ, чтобы изъ среды тамбовскаго народонаселенія выходили какіе нибудь особенно значительные общественные и государственные дѣятели. Словомъ, Тамбовскій край представляется намъ выразителемъ глубокой великороссійской провинціи.

Въ предлагаемой читателямъ статьѣ мы постараемся представить исключительно тѣ черты былой тамбовской жизни, которыя сохранились въ мѣстныхъ архивныхъ документахъ. Въ нашемъ очеркѣ будутъ попадаться все люди темные, неизвѣстные русской исторіи, но и они могутъ дать намъ понятіе о бытовыхъ чертахъ Тамбовскаго края, схожихъ съ бытовыми признаками всей отжившей центральной Руси. Сперва мы представимъ нѣкоторыя черты изъ крѣпостнаго быта Тамбовской губерніи, потомъ скажемъ о тамбовскихъ чиновникахъ, духовныхъ и крестьянахъ, и, наконецъ, приведемъ нѣсколько выдающихся фактовъ изъ внѣшней тамбовской жизни.

I.

Черты крѣпостнаго быта въ Тамбовской губерніи.

Въ прежнія времена широкаго разгула помѣщичьяго самовластія, попадались, конечно, въ массѣ русскихъ помѣщиковъ люди добрые, честно и — можно сказать — идеально смотрѣвшіе на свои отношенія къ крѣпостнымъ. Смутныя преданія объ этихъ патріархахъ старой Руси еще живы въ народной памяти [1]). Такъ, напримѣръ, въ Темниковскомъ уѣздѣ еще доселѣ помнятъ добродушнаго помѣщика, князя А. В. Дивѣева. Покойный князь, жившій въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, ничему такъ не радовался, какъ зажиточности своихъ крестьянъ, которые всѣ были отпущены имъ на легкій оброкъ. Если онъ заходилъ въ какую нибудь избу своего крестьянина и тамъ въ это время обѣдали или ужинали, то безъ церемоніи присаживался къ общей трапезѣ и запросто ѣлъ вмѣстѣ со всѣми. И ничто, съ другой стороны, такъ не возмущало его, какъ извѣстіе о какой нибудь жестокости или несправедливости въ крѣпостномъ быту. О послѣднемъ лучше всего можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай.

[1]) Въ 1818 году одинъ липецкій помѣщикъ, Михаилъ Юрьевичъ Пушкинъ, отпустилъ даже крестьянъ своихъ на волю. Тоже сдѣлалъ въ 1821 году относительно своихъ крестьянъ тамбовскій помѣщикъ Григоровъ.

Въ одной дальней деревнѣ князя Дивѣева, именно въ Татарской Лакѣ, Керенскаго уѣзда, прикащикомъ былъ нѣкто Павелъ Вуколовъ, который въ кратковременное свое управленіе успѣлъ отличиться крайнею жестокостью въ обращеніи съ крестьянами. Объ этомъ узналъ помѣщикъ и немедленно поѣхалъ въ Татарскую Лаку. Между тѣмъ, Павелъ Вуколовъ въ день барскаго пріѣзда умеръ. Когда Дивѣевъ входилъ въ комнату, гдѣ лежало тѣло умершаго прикащика, въ это время въ сѣняхъ стояли два мальчика, которые молились и плакали. Помѣщикъ, смущенный этимъ, спросилъ ихъ:

— Что вы молитесь и о чемъ вы плачете?

Мальчики отвѣчали ему: — Прикащикъ больно билъ насъ каждый день и вотъ мы отъ радости молимся и плачемъ.

— За что же васъ билъ прикащикъ?

— А за то, отвѣчали Дивѣеву, что мы пасли гусей и утокъ...

Послѣ этого А. В. Дивѣевъ, конечно, ничуть уже не сомнѣвался относительно поведенія бывшаго своего прикащика. Въ день похоронъ Павла Вуколова, когда крестьяне подняли было гробъ покойника, когда духовенство пошло за этимъ гробомъ, Дивѣевъ приказалъ крестьянамъ остановиться и сложить свою ношу на телѣгу, а духовенство просилъ не провожать похоронной процессіи. «Покойникъ, говорилъ онъ, не стоитъ такой чести». Это наказаніе, примѣненное къ мертвому, было, конечно, предостереженіемъ для всѣхъ другихъ прикащиковъ Дивѣева.

Нельзя также не помянуть добрымъ словомъ самаго скромнаго и въ то же время весьма симпатичнаго типа отжившихъ помѣщиковъ. Это были люди очень бѣдные, наравнѣ съ своими немногочисленными крѣпостными обработывавшіе въ потѣ лица землю. Таковъ, напримѣръ, былъ поручикъ Бутыркинъ. Стѣсненныя обстоятельства вынудили этого Бутыркина подать прошеніе о вспомоществованіи самому императору Александру I. Проситель писалъ государю слѣдующее: «Семья у меня большая: жена, сестра и пятеро дѣтей, а крестьянъ всего трое, да два мальчика. И жить мнѣ и людямъ моимъ нечѣмъ. Служилъ я Кирсановскимъ засѣдателемъ, да не съумѣлъ потрафить начальству и мнѣ отказали отъ мѣста, а вины за собой я никакой не знаю». Бутыркинъ просилъ у царя пособія на томъ основаніи, что служилъ въ военной службѣ самъ и, кромѣ того, на той же военной службѣ убитъ непріятелемъ его старшій сынъ... Результаты прошенія Бутыркина намъ неизвѣстны.

Кромѣ того, не можемъ мы не указать на подвигъ помѣщика Граве, характеризующій его отношенія къ крѣпостнымъ. Въ іюлѣ 1821 года, на рѣкѣ Окѣ, близь Елатьмы, поднялась сильная буря. Въ это время два крестьянина Жучковы, которые везли на плотахъ дрова, стали тонуть, такъ какъ плотъ ихъ стало разбивать и

рвать волнами. Тогда помѣщикъ И. С. Граве, случайно бывшій на берегу р. Оки, сѣлъ въ первую попавшуюся ему лодку и одинъ поплылъ къ погибавшимъ. Такое самоотверженіе великодушнаго Граве вознаграждено было спасеніемъ обоихъ тонувшихъ крестьянъ.

Но такихъ помѣщиковъ, какъ князь А. В. Дивѣевъ или Граве, было мало, какъ вообще мало было у насъ, въ старыя времена и при старыхъ порядкахъ, истинно-развитыхъ людей, съ строгимъ нравственнымъ направленіемъ. Большинство же помѣщиковъ по привычкѣ, выработанной вѣками, и по условіямъ умственно-нравственнаго развитія, какъ извѣстно, сурово относилось къ своимъ подвластнымъ людямъ. А иные изъ нихъ, въ родѣ генерала Измайлова и многихъ подобныхъ ему, являлись положительно тиранами несчастнаго крѣпостного люда. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежатъ и нѣкоторые бывшіе тамбовскіе помѣщики, напримѣръ: Подъяпольскій, Леманъ, И. И. Дивѣевъ, помѣщица Татаринова и многіе другіе.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мы представимъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ тамбовскихъ печальной памяти дѣятеляхъ. При этомъ мы имѣемъ въ виду, что такого рода сообщенія, особенно основанныя на положительныхъ архивныхъ данныхъ, въ настоящее время, при всей ихъ однородности съ подобными же общеизвѣстными фактами, имѣютъ свою цѣну, такъ какъ служатъ неотразимою уликою противъ отжившаго крѣпостнаго быта, доселѣ еще, можетъ быть, имѣющаго тайныхъ поклонниковъ и воздыхателей.

Помѣщикъ Подъяпольскій проживалъ въ селѣ Бычкахъ, Тамбовскаго уѣзда. Много всякой неправды и зла было отъ него его крѣпостнымъ. Но никому изъ нихъ такъ не доставалось, какъ дворовому человѣку Петру Акинфіеву. Бѣднякъ не вынесъ барскихъ истязаній и убѣжалъ, какъ бѣжали многіе и многіе крѣпостные мученики. Однако, его скоро поймали и привели къ барину. Это было осенью 1805 года. Несчастнаго раздѣли до нога и стали сѣчь розгами и бить палками.

По окончаніи истязаній, позванъ былъ къ помѣщику вотчинный староста Абрамъ Ефимовъ. Привычный къ суровой обстановкѣ крѣпостной жизни, староста все-таки смутился, когда увидѣлъ изсѣченнаго и избитаго Петра Акинфіева, тѣмъ болѣе, что помѣщикъ сталъ бить по щекамъ и его самого за то, что якобы онъ не унимаетъ отъ побѣга того двороваго человѣка. Послѣ того Подъяпольскій приказалъ старостѣ ѣхать въ село Гагарино, къ бригадиру Пашкову, по одному хозяйственному дѣлу. На другой день вечеромъ староста воротился. Но Петра Акинфіева уже не было въ живыхъ: по барскому приказанію его удавили, тѣло спрятали въ погребѣ, а потомъ ночью тайкомъ увезли изъ усадьбы и съ при-

вязаннымъ камнемъ бросили въ рѣку Кершу. Вся эта процедура происходила въ отсутствіе помѣщика, который спокойно уѣхалъ въ гости къ г. Пашкову, какъ будто въ его имѣніи все обстояло благополучно. А чтобы скрыть слѣды преступленія, непозволительнаго и небезопаснаго даже и для тогдашняго помѣщичьяго самовластія, г. Подъяпольскій приказалъ поджечь людскія избы и объявилъ земской полиціи, что пожаръ произведенъ Петромъ Акинфіевымъ, послѣ чего онъ и убѣжалъ опять неизвѣстно куда. Объявленіе заключалось просьбою о немедленномъ розыскѣ бѣглеца.

Однако, нельзя было скрыть такого крупнаго дѣла. Слишкомъ много было соучастниковъ у г. Подъяпольскаго: кто сѣкъ Акинфіева, кто душилъ, кто пряталъ въ погребѣ тѣло его, кто съ привязаннымъ къ нему камнемъ хоронилъ его въ холодной Кершѣ... И вотъ, черезъ нѣсколько недѣль по совершеніи преступленія, крестьяне Григорій Тимофеевъ и Александръ Денисьевъ рѣшились дать знать обо всемъ земской полиціи. Но ихъ намѣреніе не было приведено въ исполненіе, потому что помѣщикъ узналъ объ ихъ затѣяхъ и сослалъ ихъ въ Рязанскую губернію, въ дальнія свои деревни. Слѣдующіе опыты въ томъ же родѣ опять были неудачны: одного крестьянина-докащика, Афанасьева, Подъяпольскій сдалъ безъ очереди, за дурное поведеніе, въ рекруты, другаго, Ефимова, продалъ на Урюпинской ярмаркѣ. Кромѣ того, оба они были жестоко высѣчены и для пущаго позора на голо острижены. Наконецъ, въ отсутствіе помѣщика, староста Абрамъ Ефимовъ съ нѣсколькими крестьянами пришелъ въ Тамбовъ и донесъ губернатору Кошелеву о дѣйствіяхъ своего помѣщика. Доносчиковъ немедленно арестовали и посадили въ острогъ. Началось продолжительное слѣдствіе.

При допросахъ въ тамбовскомъ уѣздномъ судѣ многіе крестьяне дали, по приказанію своего помѣщика, совсѣмъ неожиданныя и благопріятныя для Подъяпольскаго показанія. Они говорили, что Акинфіевъ послѣ сѣченія отведенъ былъ въ людскую избу. Туда же пришелъ вечеромъ и самъ помѣщикъ и началъ уговаривать Акинфіева, чтобы онъ исправился. Тогда Акинфіевъ схватилъ будто бы со стола ножъ и бросился на своего барина, но промахнулся и съ отчаянія тѣмъ же ножемъ пропоролъ себѣ животъ.

Какъ ни очевидно было преступленіе Подъяпольскаго, тамбовскій уѣздный судъ нашелъ возможность оправдать его. Уже уголовная палата возстановила правосудіе. Вотъ рѣшеніе этой палаты:

«Хотя тамбовскій уѣздный судъ якобы по недоказательству отъ суда и слѣдствія сдѣлалъ Подъяпольскаго свободнымъ, однако палата полагаетъ съ лишеніемъ чиновъ удалить Подъяпольскаго въ монастырь на вѣчное жительство, лиша при томъ его права владѣть и распоряжаться имѣніемъ, а по силѣ жалованной дворянству грамоты 23 статьи предоставить оное наслѣдникамъ, коимъ однако

подтвердить наистрожайше, чтобъ съ людьми своими и крестьянами поступали со всею умѣренностію и не было бы тиранства и жестокостей. Что же слѣдуетъ до людей его (имена ихъ), старавшихся скрыть въ угодность своего господина мертвое тѣло, то ихъ въ страхъ и примѣръ другимъ наказать на мѣстѣ преступленія плетьми, съ дачей каждому по 50 ударовъ. Касательно-жь тамбовскаго уѣзднаго суда, то какъ изъ дѣла видно, что, оный многія сдѣлалъ по оному упущенія, за что по силѣ указа 1800 года 29-го октября, оштрафовать каждаго изъ присутствовавшихъ по дѣлу и секретаря на треть получаемаго ими жалованья».

Въ то же время и Подъяпольскій былъ подвергнутъ домашнему аресту: къ нему приставили троихъ солдатъ. Въ острогъ, однако, его не посадили, потому что, по свидѣтельству врача, онъ заболѣлъ лихорадкою. Потомъ онъ отданъ былъ на поруки.

По высочайшей конфирмаціи приговоръ уголовной палаты былъ приведенъ въ исполненіе. Только монастырское вѣчное жительство было замѣнено ссылкою на поселеніе.

Такимъ образомъ, Подъяпольскій сошелъ со сцены. Но еще долго имя его было памятно не въ одной Тамбовской губерніи. Въ 1816 году, въ александровсковъ земскомъ судѣ (Екатеринославской губерніи) допрашивали бѣглыхъ тамбовскихъ крестьянъ: Черкасова, Агеева, Полякова и другихъ. Всѣ они показали слѣдующее: «бѣжали мы отъ барина Подъяпольскаго, а баринъ родственниковъ нашихъ засѣкалъ до смерти и намъ житья отъ него не было». Слѣдовательно, султанская расправа съ злополучнымъ Акинфіевымъ была далеко не единственнымъ кровавымъ подвигомъ Подъяпольскаго [1]).

Современникомъ Подъяпольскаго въ Тамбовской губерніи былъ помѣщикъ Леманъ. Это былъ человѣкъ крайне жестокій и въ то же время сумасбродный. Даже ближайшіе родственники его, тесть и жена, прекратили съ нимъ всякія сношенія и довели о его дѣйствіяхъ до свѣдѣнія правительства.

Помѣщикъ Леманъ поставилъ себѣ цѣлью совершенно разорить крестьянъ. Для этого онъ заставлялъ ихъ работать на барщинѣ даже въ такіе праздники, какъ Троица и Духовъ день, такъ что крестьянскія поля оставались почти необработанными и крестьяне

[1]) Не одинъ Подъяпольскій казнилъ своихъ крѣпостныхъ. Въ 1820 году помѣщикъ Сосѣдовъ, жившій въ г. Тамбовѣ, пріѣхалъ однажды ночью домой пьяный. Всѣ люди его разбѣжались, зная дикій нравъ его во время пьянства. Въ комнатахъ осталась одна дворовая, Авдотья Михѣева. На нее-то и обрушился весь необузданный барскій гнѣвъ. Сосѣдовъ ударилъ ее ножемъ, вслѣдствіе чего она бросилась бѣжать въ сарай, гдѣ сейчасъ же и умерла отъ истеченія крови. По высочайшему повелѣнію, Сосѣдовъ сосланъ былъ за это убійство въ Нерчинскъ.

принуждены были ѣсть лебеду и ходить по міру[1]). Не довольствуясь такою манерою разоренія крестьянъ, Леманъ придумалъ другую. Онъ отпустилъ своихъ крестьянъ на оброкъ съ тѣмъ, чтобы они платили ему слѣдующее съ каждаго тягла: ржи 28 четвертей и 1 четверикъ, овса 5 четвертей и 5 мѣръ, кромѣ того, снопôваго овса 8 копенъ, пшена и гречневыхъ крупъ по одному четверику, гороху 5 мѣръ. Полагая за тѣмъ, что его крестьяне въ достаточномъ количествѣ обзавелись домашней скотиной и всякой живностію, Леманъ требовалъ съ каждаго тягла по пуду свинины, по гусю, уткѣ, по 8 куръ, по барану и поросенку; коровьяго масла по 2 фунта, свиного сала по 3 фунта, и по 20 яицъ. Кажется, довольно бы. Но Леманъ и этимъ не хотѣлъ ограничиться. Онъ бралъ съ тягла еще по 2 аршина русскаго сукна и по 25 аршинъ льнянаго самотканнаго холста. Помѣщикъ Леманъ, очевидно, хотѣлъ совершенно устранить себя отъ хозяйственныхъ хлопотъ. Съ этою цѣлію онъ, между прочимъ, распорядился, чтобы крестьяне сами продавали весь господскій хлѣбъ по установленной самимъ помѣщикомъ таксѣ. Такса эта была очень высокая. Напримѣръ, за каждую четверть ржи крестьяне обязаны были заплатить барину по 5 рублей. Конечно, такой цѣны имъ никто не давалъ и они окончательно разорялись. Съ каждаго тягла въ карманъ помѣщика Лемана должно было поступить примѣрно рублей по 180. При тогдашнихъ цѣнахъ на жизненные припасы и при тогдашнемъ денежномъ курсѣ это была, конечно, громадная подать, совершенно непосильная для бѣднаго крестьянина.

Участь крестьянъ помѣщика Лемана становилась еще тягостнѣе отъ жестокаго и сумазброднаго съ ними обращенія. Леманъ часто выходилъ изъ себя по самымъ пустымъ поводамъ. Такъ, напримѣръ, крестьянинъ Сакердонъ Антоновъ былъ жестоко высѣченъ и въ кандалахъ сосланъ въ дальнюю деревню только за то, что баринъ увидалъ на немъ довольно красивый шейный платокъ. Если кто изъ крестьянъ Лемана навлекалъ на себя барскій гнѣвъ, то часто подвергался самымъ изысканнымъ истязаніямъ. Однажды въ чемъ то неважномъ провинился дворовый Власъ Никитинъ. Тогда, по барскому приказу, потащили его въ жестокій морозъ къ рѣкѣ Воронѣ, раздѣли тамъ и стали поливать холодною водою. Къ удивленію всѣхъ, Власъ Никитинъ остался живъ и даже впослѣдствіи попалъ въ милость къ барину. Милость эта выразилась въ томъ, что Власа Никитина сдѣлали прикащикомъ, послѣ чего онъ въ лютости сталъ мало уступать самому Леману. При личной ра-

---

[1]) Въ описываемое нами время крестьяне села Оржевки, Кирсановскаго уѣзда, хоронили своихъ покойниковъ сами, безъ священника. Это они дѣлали на томъ основаніи, что имъ, какъ они сами говорили, некогда было, за барскою работою, ѣздить за священникомъ.

справѣ съ крестьянами и дворовыми грозный Леманъ рвалъ у нихъ бороды и выщипывалъ волосы на головѣ. А если кто нибудь изъ нихъ попадалъ подъ особенный барскій гнѣвъ, то у таковыхъ Леманъ приказывалъ ломать избы, а всѣ вещи, начиная съ одежи и кончая сундуками, скамейками и всякой домашней рухлядью, жечь...

Понятно послѣ этого, что многіе Лемановскіе крестьяне дѣлались совершенными нищими, безъ одежи, безъ пищи и безъ крова. Но неукротимому барину недоступно было чувство жалости и лютость его со дня на день все усиливалась. Дошло до того, что Леманъ, прогнѣвавшись за что то на все свое село, однажды отдалъ подъ проходившій гуртъ все крестьянское яровое поле. Къ числу любимыхъ каръ помѣщика Лемана относилась слѣдующая мѣра. Онъ собиралъ цѣлыя партіи не угодившихъ ему крестьянъ и отправлялъ ихъ въ кандалахъ за карауломъ въ какую нибудь дальнюю свою деревню.

О дѣйствіяхъ Лемана, въ 1817 году, узналъ императоръ Александръ I-й и повелѣлъ судить его дворянскимъ судомъ. Во время повальнаго обыска совершенно неожиданно обнаружилось, что нѣкоторые тамбовскіе дворяне во всѣхъ отношеніяхъ одобряли поведеніе Лемана. Такихъ дворянъ набралось 23 человѣка.

Изъ нихъ съ особеннымъ усердіемъ заступались за подсудимаго помѣщики: Мосоловъ, Давыдовъ, Трескинъ и Дятьковъ. Огромное большинство тамбовскихъ дворянъ, однако, высказалось противъ Лемана, въ виду полной и совершенно очевидной его виновности, и слѣдствіемъ этого было то, что все имѣніе Лемана взято было въ опеку. Было ли какое наказаніе самому Леману, намъ неизвѣстно. Кажется, наказаніе ограничилось лишеніемъ его всѣхъ имущественныхъ правъ. Это видно изъ прошенія его въ тамбовское губернское правленіе, поданнаго 21 іюля 1821 года, въ которомъ, между прочимъ, находятся слѣдующія выраженія: «не имѣя у себя ни одной копѣйки денегъ, и никакого жизненнаго пропитанія, претерпѣваю голодъ и горькую участь» [1]).

---

[1]) Совершенно въ духѣ Лемана дѣйствовалъ немного раньше его жившій помѣщикъ Логвиновъ. Онъ отнялъ у крестьянъ всю скотину, птицу, всѣ пожитки, а самихъ выгналъ въ поле. А въ 1814 году, усманскіе крестьяне такъ жаловались императору Александру I-му на своего помѣщика Шубина: «баринъ моритъ насъ голодомъ, отягощаетъ безъ мѣры работою повседневно, отнимаетъ собственное наше имущество и наказываетъ безъ всякаго милосердія безвинно, отчего нѣкоторые уже и умерли». Каковъ былъ этотъ помѣщикъ Шубинъ, можно судить по слѣдующему. Одинъ крестьянинъ Шубина, И. Кузьминъ, собиралъ подаяніе въ Усмани. Шубинъ увидалъ его тамъ и отнялъ у него Христа ради собранныя 43 копѣйки. Впослѣдствіи крестьяне Шубина выразили своему помѣщику открытое неповиновеніе, слѣдствіемъ чего была военная экзекуція.

Такимъ же, какъ Подъяпольскій и Леманъ, былъ тамбовскій помѣщикъ Мосоловъ, жившій въ началѣ настоящаго столѣтія. Жутко было жить въ его имѣніяхъ разоренным и забитымъ крестьянамъ. Часто Мосоловъ наказывалъ ихъ единственно за то, что они не приводили къ нему несовершеннолѣтнихъ своихъ родственницъ, дочерей или сестеръ; часто приказывалъ пересыпать крестьянскій хлѣбъ въ свои амбары, вслѣдствіе чего крестьяне голодали; а иногда для собственнаго удовольствія заставлялъ крестьянъ бить другъ друга по щекамъ и стукаться лбами. Жена и теща Мосолова старались урезонить его, чтобы онъ остепенился, но изъ этого ничего новаго не выходило, кромѣ лишней семейной брани. Впослѣдствіи, когда надъ Мосоловымъ производилось судебное слѣдствіе, въ его кабинетѣ нашли засохшія кровавыя пятна—слѣды мучительныхъ истязаній надъ крестьянами [1]).

Судебнымъ слѣдствіемъ, между прочимъ, было обнаружено, что Мосоловъ для забавы жегъ вещи своихъ крестьянъ, а разъ, въ пьяномъ видѣ, сжегъ 5 крестьянскихъ дворовъ. По поводу подобныхъ подвиговъ Мосолова даже сосѣди раззнакомились съ нимъ, а крестьяне при удобномъ случаѣ шли врознь, куда попало.

Наконецъ, толпа его крестьянъ пришла въ Тамбовъ съ жалобою губернатору. Всѣхъ жалобщиковъ сначала посадили подъ караулъ, а потомъ высѣкли, такъ какъ уѣздная (Борисоглѣбская) полиція объяснила начальнику губерніи, что жалобы крестьянъ неосновательны и что ихъ подговорилъ жаловаться какой то прохожій солдатъ. Результатомъ этого сѣченія было то, что крестьянскіе ходоки сознались въ ложномъ показаніи. Не смотря на то, жалобы опять повторились и на этотъ разъ началось судебное слѣдствіе.

Слѣдствіемъ между прочимъ было раскрыто, что Мосоловъ насильно приводилъ въ свои комнаты 13 и 14 лѣтнихъ дѣвочекъ и что за все про все онъ жестоко билъ крестьянъ кнутомъ собственноручно.

60-ти лѣтняя старуха Наталья Жукова говорила на допросѣ слѣдователямъ: «меня баринъ наказывалъ такъ часто и не упомню: за что и сколько разъ меня наказывали». Чѣмъ далѣе производи-

---

[1]) По мнѣнію многихъ помѣщиковъ стараго времени битье крестьянъ было ихъ правомъ и обязанностію. Въ 1817 году бурмистръ Юровъ, села Трубетчины, Лебедянскаго уѣзда, избилъ одну солдатку въ этомъ селѣ. Лебедянскій судъ сталъ судить его за это. Тогда помѣщикъ В. Пашковъ написалъ слѣдующее письмо губернатору Безобразову: «Ваше Превосходительство сами помѣщики, прошу разсудить, можетъ ли какой нибудь начальникъ удержать въ повиновеніи крестьянъ, если отымается у него право наказывать такъ, какъ у всѣхъ всюду водилось и водится до сего. Ежели лишить начальника власти чинить сего рода наказанія, то кто будетъ увѣренъ, чтобъ въ годъ и два не сдѣлалось цѣлое селеніе разбойниками. 15 Марта 1817 года».

лось слѣдствіе, тѣмъ болѣе и болѣе раскрывалось ужасное положеніе Мосоловскихъ крестьянъ. Оказалось, что у нихъ почти не было ни коровъ, ни лошадей, никакого хозяйства: все отнималъ баринъ. «Въ рѣдкомъ домѣ Мосоловскихъ крестьянъ, показывали слѣдователямъ во время повальнаго обыска сосѣди,—есть корова, овца или 2—3 курицы, да и тѣхъ кормить нечѣмъ». Голодные и оборванные, эти крестьяне, дѣйствительно, ничего у себя не имѣли. Помѣщикъ выдавалъ имъ только каждый мѣсяцъ по 1 пуду 30 фунт. ржаной муки на рабочаго человѣка, да по 1/2 пуда на дѣтей. На дѣтей ниже 5 лѣтъ ничего не отпускалось. Мука эта была подмоченная, испортившаяся, за которую никто не давалъ хорошей цѣны. Къ Пасхѣ, Рождеству, Крещенію, масляницѣ и сѣнокосу крестьянамъ, кромѣ муки, выдавалось по два гарнца на человѣка пшена, ячменю или крупъ. Соли при этомъ не полагагалось. На барскую работу, не смотря на такой скудный кормъ, выходили всѣ, даже мальчики и дѣвочки, которые могли что нибудь дѣлать. Крестьянскіе домишки были маленькіе, грязные, покосившіеся, не огороженные.

Между тѣмъ, самъ Мосоловъ годъ отъ году богатѣлъ: у него были конскіе заводы и обширныя поля и пастбища, на которыхъ крѣпостные пастухи пасли многочисленныя стада разнаго домашняго скота. Недовольствуясь прямыми источниками доходовъ, Мосоловъ обратился къ косвеннымъ источникамъ. Именно, онъ сталъ раздавать деньги взаймы, въ ростъ.

Во время слѣдствія Мосолову былъ предложенъ вопросъ о причинахъ бѣдности его крестьянъ. «Крестьяне мои, отвѣчалъ онъ,—бѣдны по случаю неурожаевъ и покражи у нѣкоторыхъ, иные же бѣдны отъ своей глупости».

Мосоловъ былъ представителемъ типа помѣщиковъ, хладнокровно, систематически преслѣдовавшихъ своихъ крестьянъ. Такіе помѣщики въ частной жизни бывали иногда людьми добродушными и обыкновенно мирно оканчивали свое жизненное поприще, оставляя по себѣ репутацію вполнѣ благонамѣренныхъ гражданъ. Но были между помѣщиками люди болѣе горячаго темперамента. Они увлекались своею властительною ролью, обращали на себя этимъ законное преслѣдованіе правительства и такимъ образомъ погибали.

Къ числу такихъ помѣщиковъ описываемаго нами времени относится поручикъ Дуловъ, про котораго даже сосѣди помѣщики говорили, что онъ несоразмѣрно жестокъ съ своими крѣпостными. Въ 1801 году, отъ него убѣжала малолѣтняя крѣпостная Прасковья Иванова. Тогда онъ, поймавъ ее, связалъ ей руки назадъ и собственноручно перебросилъ ее черезъ плетень. Потомъ привязалъ ее за шею и за ноги и «на вису» два раза принимался сѣчь ее кнутомъ. Затѣмъ послалъ ее въ садъ на работу и еще билъ

и тамъ палкою. Отъ этихъ побоевъ Прасковья Иванова упала замертво и на другой день найдена была въ саду мертвою. Все тѣло ея, избитое, покрытое ранами и кровью, распухло. Надобно замѣтить, что Дуловъ совершилъ такой же подвигъ еще раньше, но былъ выручень одною своею крѣпостною, которая «приняла грѣхъ на себя», сказавши, что она отравила покойницу (Дуловъ и въ первый разъ засѣкъ дѣвочку) ядомъ. За это несчастная крѣпостная, думавшая по своему легкомыслію, что баринъ за нее заступится, приняла наказаніе плетьми и пошла въ Сибирь.

По высочайшему повелѣнію Дуловъ лишенъ былъ чиновъ и дворянства и сосланъ на поселенье въ Иркутскую губернію [1]).

Въ такомъ именно свѣтѣ, какъ помѣщикъ Дуловъ, представляется намъ и шацкій помѣщикъ Тенишевъ. Однажды, въ Преполовенье, онъ вошелъ въ церковь. Дьячекъ Ивановъ пѣлъ въ это время «херувимскую» и конечно пѣніе его было далеко не гармоническое. Тенишевъ на этотъ разъ былъ почему-то не въ духѣ и поэтому подошелъ къ правому клиросу и закричалъ на несчастнаго пѣвца:

— Что ты, дуракъ безграмотный, врешь; не такъ поешь! Никуда всѣ вы, духовные, не годитесь, какъ только въ пастухи, беречь скотину.

Напуганный этимъ окрикомъ дьячекъ пересталъ пѣть.

Но Тенишевъ не унялся. Онъ сталъ придираться къ дьячку за то, что тотъ мало звонилъ въ этотъ день.

— Дуракъ, воръ,— шумѣлъ онъ на всю церковь,— какъ ты смѣлъ не звонить?

Ивановъ вздумалъ оправдываться: — «нѣтъ, звонилъ».

Тогда Тенишевъ схватилъ его за полукафтанье и сталъ трясти изо всей силы, причемъ бранился непристойными словами.

Въ дополненіе къ этому разсказу мы можемъ прибавить только то, что Тенишевъ, какъ это видно изъ дѣла объ немъ, не былъ ни сумасшедшимъ, ни идіотомъ, ни горькимъ пьяницею. Онъ былъ просто шацкимъ помѣщикомъ.

Тамбовскій помѣщикъ Лихаревъ тоже былъ замѣчателенъ въ своемъ родѣ. Однажды, въ его имѣніи былъ такой случай. Въ самую страдную пору въ полѣ работалъ старикъ-крестьянинъ Фе-

---

[1]) Извѣстно, что въ прежнія времена не одни помѣщики, но и всѣ такъ называемые «господа» не прочь были потѣшиться надъ простымъ народомъ. Въ апрѣлѣ 1808 года, нѣсколько шацкихъ помѣщиковъ и чиновниковъ охотились съ борзыми въ дачахъ села Рождественскаго. Увидавъ въ сторонѣ крестьянское стадо, всѣ они поскакали на него и начали травить собаками, а часть стада вогнали въ прудъ. Не довольствуясь этимъ, помѣщикъ Жихаревъ наскакалъ на крестьянина Кирея Семенова, стоявшаго недалеко отъ стада, и кнутовищемъ, ради потѣхи, прошибъ ему голову. Факты, въ родѣ приведеннаго нами, были въ свое время, конечно, весьма и весьма не рѣдки.

доръ Алексѣевъ. Скоро онъ утомился такъ, что заболѣлъ и въ изнеможеніи упалъ на землю. Повезли больнаго старика на барскій дворъ свидѣтельствовать. Во время свидѣтельства баринъ нашелъ, что Федоръ Алексѣевъ притворяется и потому приказалъ его лечить такимъ образомъ, чтобы три дня, на зарѣ, дворовые конюхи сѣкли его. «Выздоровѣешь — приговаривалъ Лихаревъ, присутствовавшій при экзекуціяхъ, — какъ полѣчу тебя березовой кашей». Послѣ трехъ сѣченій старикъ ползкомъ добрался до сѣновала и зарылся въ сѣнѣ. Но тамъ нашли его и по барскому приказанію сбросили внизъ головою. Конечно, Федоръ Алексѣевъ разбился и сейчасъ же умеръ. Уѣздный судъ, однако, находилъ, что не побои были причиною смерти Алексѣева, а неумѣренное употребленіе вина. Тогда сынъ убитаго подалъ новую жалобу въ судъ, но его за ложный доносъ наказали плетьми и сослали въ Сибирь на поселенье.

Едва ли лучше Подъяпольскаго, Лемана, Мосолова и комп. была тамбовская помѣщица Татаринова, жившая въ селѣ Иноземной Духовкѣ, Тамбовскаго уѣзда. Однажды она замѣтила, что дворовая ея женщина, Анна Плетнева, утаила 4 горстки конопли. Это ее до того озлобило, что она при другихъ своихъ людяхъ, въ примѣръ имъ, начала бить Плетневу по головѣ сперва валькомъ, а потомъ толстой палкой. Отъ этихъ побоевъ по лицу Плетневой обильно потекла кровь, но Татаринова и не думала остановить своихъ расходившихся рукъ. Плетнева наконецъ упала. Оказалось, что голова ея въ нѣсколькихъ мѣстахъ была пробита, лѣвая рука переломлена и по всему тѣлу виднѣлись синіе боевые знаки. Это было въ 1814 году. Объ этомъ убійствѣ дано было знать начальству соцкимъ одного сосѣдняго села, такъ какъ собственные крѣпостные боялись жаловаться на нее. Во время допросовъ разныхъ свидѣтелей всѣ показанія относительно подсудимой были совершенно одинаковы. Свидѣтели говорили: «Татаринова крестьянъ своихъ наказываетъ безъ всякаго разбору и сожалѣнія къ человѣчеству». Такъ говорила даже родная мать Татариновой, прапорщица Данилова, и двоюродный братъ ея, коллежскій регистраторъ Даниловъ.

Въ 1816 году состоялась высочайшая конфирмація сенатскаго приговора по дѣлу Татариновой: «Лишить преступницу чиновъ и дворянства и, заковавъ въ кандалы, отослать въ каторжную работу, въ Иркутскую губернію». И вотъ, 26-го ноября 1816 года, бывшая помѣщица Татаринова, вмѣстѣ съ другими арестантами, тронулась изъ Тамбова въ свой продолжительный путь. Въ это время ей было 50 лѣтъ. Дома она оставила четверыхъ дѣтей.

Къ числу тамбовскихъ героевъ, практиковавшихъ кулачное право въ самыхъ неограниченныхъ размѣрахъ, принадлежитъ и мелкопомѣстный темниковскій помѣщикъ, гвардіи унтеръ-офицеръ,

князь И. И. Дивѣевъ, дѣйствовавшій совершенно за одно съ своею женою, Пелагеею Ивановною [1]). Дивѣевы иногда по пяти сутокъ не давали пищи своимъ дворовымъ. Если же дѣло доходило до кулачной расправы, то въ этомъ случаѣ достойные супруги не щадили ни больныхъ, ни беременныхъ женщинъ. Двѣ такія женщины послѣ побоевъ немедленно выкинули. До какой степени Дивѣевскіе дворовые и крестьяне страшились своихъ суровыхъ господъ, можно судить по слѣдующему случаю. Одна дворовая, бывшая въ людской избѣ кухаркой, нечаянно разбила глиняный горшокъ. Это ее до того перепугало, что она стремглавъ бросилась бѣжать куда попало. Въ попыхахъ даже забыла взять съ собою своего грудного ребенка, который въ ея отсутствіе и умеръ, предварительно съ голоду изсосавши свои пальцы до костей... Каждую субботу Дивѣевы приказывали мыть у себя полы, для чего со всего села сгонялись къ нимъ поломойки. Въ это-то время вполнѣ вступала въ свои права П. И. Дивѣева. Слегка покачиваясь, такъ какъ вмѣстѣ съ мужемъ она довольно неумѣренно забавлялась спирт-

---

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ мелкихъ помѣщиковъ при случаѣ любили выказывать самыя необузданныя замашки. Шацкій исправникъ Тонкачеевъ однажды разговаривалъ по дѣлу въ земскомъ судѣ съ протоіереемъ Люминарскимъ, который по старости и болѣзненности безъ приглашенія сѣлъ у дверей присутствія. Это очень не понравилось Тонкачееву и онъ закричалъ на Люминарскаго: «старый дуракъ, встань!»

Въ 1791 году, мелкопомѣстный дворянинъ Мазыринъ засѣкъ до смерти своего крестянина Данилова. Замѣчательно, что сенатъ по этому случаю утвердилъ любопытное (по снисходительности) постановленіе тамбовской уголовной палаты: «какъ смерть крестьянина Данилова послѣдовала токмо отъ запальчивости Мазырина, подержанной упорствомъ наказуемаго, и такъ какъ Мазырину, имѣвщему 4-хъ человѣкъ дѣтей и только 5 человѣкъ крестьянъ, не выгодно было уничтожить свое имущество, то лишить его одного чина и предать церковному покаянію».

Около того же времени, отставной подпоручикъ Палчаниновъ, собравъ нѣсколько человѣкъ дворовыхъ и крестьянъ, билъ немилостивно священника Савву Григорьева и сына его, и вскоча на дворъ, выбилъ у горницы стекла и, вошедъ въ самые покои, разбилъ коробья и вынулъ 500 рублей денегъ, 3 шубки, 23 холста, синяго сукна 35 аршинъ; а на дворѣ 3 телѣги съ упряжью взялъ. Онъ же Полчаниновъ билъ случившихся гостей священника и плевалъ имъ въ лицо. А послѣ того священническаго сына Софрона высѣкъ на конюшнѣ и кромѣ того 6 лошадей зарѣзалъ. Проѣзжавшихъ купцовъ зазывалъ къ себѣ и непристойно обижалъ, обливая нечистотами.

Безмѣрное изнуреніе крѣпостного крестьянства выражалось, между прочимъ, въ томъ, что нѣкоторыя семьи продаваемы были помѣщиками порознь въ разныя руки. Одинъ елатомскій помѣщикъ прогнѣвался на своего крестьянина Василія Евдокимова и распродалъ разнымъ помѣщикамъ Тамбовской и Владимірской губерній всѣхъ его дѣтей: троихъ сыновей и двухъ дочерей. Такимъ образомъ, Василій Евдокимовъ, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшій, остался совершенно одинъ. Между тѣмъ, барскій оброкъ онъ долженъ былъ платить сполна, какъ при дѣтяхъ.

ными напитками, грозная помѣщица начинала придираться къ поломойкамъ и непремѣнно таскала ихъ за волосы и била кулаками и чѣмъ попало.

Дѣло о Дивѣевыхъ началось въ 1818 году, именно въ то время, когда послѣдовалъ высочайшій указъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ отъ барщины въ воскресные и праздничные дни, чтобы они имѣли возможность посѣщать храмъ Божій. Духовенству въ то же время вмѣнено было въ обязанность слѣдить за исполненіемъ императорскаго указа и въ случаѣ его нарушенія доносить объ этомъ высшему духовному начальству. Чѣмъ кончилось Дивѣевское дѣло, намъ неизвѣстно.

Одновремено съ указанными мною героями крѣпостного права въ томъ же родѣ дѣйствовали и нѣкоторые другіе бывшіе тамбовскіе помѣщики. По сохранившимся письменнымъ документамъ, крайне отрывочнымъ, мы далеко не можемъ воспроизвести ихъ печальныхъ образовъ. Но и тѣ отрывочныя данныя, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, ярко рисуютъ намъ мрачный характеръ крѣпостной эпохи въ Тамбовской губерніи и тѣ далеко непривлекательные типы, которые развивались въ крѣпостныхъ условіяхъ. Вотъ передъ нами изъ тамбовской архивной пыли возстаетъ безвѣстная тамбовская помѣщица А. И. Бажукова. О ней мы знаемъ немного, но и это немногое много говоритъ о прошлыхъ временахъ. При Бажуковой проживала ея крѣпостная Василиса Ульянова съ дочерью, 4-хъ-мѣсячною дѣвочкой. Разъ эта дѣвочка раскричалась, а барыня принялась ее за это бить: не безпокой де меня. Ульянова кинулась въ ноги Бажуковой и стала просить за дочь. «Матушка, кричала она, убьешь ты мою дѣвочку!» Это заступничество до того обидѣло Бажукову, что она бросилась на Ульянову, избила ее и искусала. Не ограничиваясь этимъ, она прогнала Ульянову съ глазъ долой и не велѣла давать ей пищи. Объ этомъ узналъ тамбовскій губернаторъ, И. С. Мироновъ, и сообщилъ уѣздному предводителю дворянства къ свѣдѣнію. Но предводитель, Болотниковъ, отвѣчалъ Миронову про Бажукову, какъ примѣрную помѣщицу: и что она добрая, и что съ людьми своими всегда обходится ласково. Тѣмъ дѣло это и кончилось.

Вотъ передъ нами новый представитель отжившаго крѣпостного права. Это отставной канцеляристъ и мелкопомѣстный помѣщикъ, Антонъ Епихинъ. Однажды онъ былъ навеселѣ; ради этого случая позвалъ къ себѣ старика Силантія Золотухина и съ бранью, изо всей силы ударилъ его поуху, такъ что бѣднякъ пролежалъ безъ чувствъ съ полчаса. Затѣмъ Епихинъ приказалъ привести къ себѣ двухъ невѣстокъ Золотухина и сталъ съ ними заигрывать. Одну изъ нихъ, Авдотью Иванову, онъ нарядилъ даже въ свой сюртукъ и за такой маскарадъ подарилъ ей двугривенный, который впрочемъ сейчасъ же взялъ назадъ. Авдотья Иванова взду-

мала было уйти отъ барина, но тотъ сталъ бить ее за это стуломъ, а мужа ея велѣлъ заковать въ желѣза. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого Епихина нашли мертвымъ. Кто то убилъ его коломъ по головѣ [1]).

Вредное вліяніе крѣпостничества съ чрезвычайною силою выражалось иногда даже въ дѣтяхъ. Въ 1827 году, въ селѣ Покровскомъ, Липецкаго уѣзда, гостилъ у своей бабки, подполковницы Пушкиной, 14 лѣтній недоросль Д. Сѣченовъ. Этотъ мальчикъ, совершенно неграмотный, былъ крайне избалованъ своею бабушкой и вслѣдствіе этого преждевременно попалъ подъ судъ. Судился онъ въ тамбовскомъ совѣстномъ судѣ за убійство одного крестьянина своей бабки. Вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, малолѣтній преступникъ оставленъ былъ только въ сильномъ подозрѣніи. Но это нисколько не образумѣло его. По прежнему наводилъ онъ страхъ на обывателей села Покровскаго и собирался, ради удали, сжечь все бабушкино село. По требованію Липецкаго предводителя дворянства, Д. Сѣченова выслали въ Тамбовъ, къ отцу его, надворному совѣтнику Митрофану Сѣченову. Что съ нимъ было дальше, мы не знаемъ [2]).

Замѣчательно, что женщины во времена крѣпостного права суровостью нравовъ почти нисколько не уступали мужчинамъ. Если же принять во вниманіе ту сравнительную ограниченность сферы, въ которой дѣйствовали отжившія русскія помѣщицы, то придется склониться къ той мысли, что слабый и нѣжный полъ существуетъ только въ воображеніи поклонниковъ женской красоты. Нѣкоторыя тамбовскія помѣщицы описываемаго нами времени от-

---

[1]) Иногда преступленія противъ жизни помѣщиковъ отличались чрезвычайною и притомъ изысканною жестокостію. Въ началѣ XIX столѣтія, крестьяне Морозовъ и Попковъ рѣшились убить своего помѣщика Артемьева. Они подстерегли его, когда онъ ѣхалъ мимо одного оврага, связали, живого втоптали ногами въ тину, которой много было въ томъ оврагѣ, и потомъ засыпали землей. Дѣло это происходило въ Тамбовскомъ уѣздѣ, около деревни Зайцевой.

Иные же убійцы крестьяне дѣлали свое дѣло съ самою покойною совѣстью и съ сознаніемъ своего самоотверженія. 14-го мая 1818 года, дворовый госпожи Волковой, Федоръ Дмитріевъ, собираясь убить свою помѣщицу, говорилъ своимъ товарищамъ: «Ну, такъ и быть, иду на пропалую; пусть другимъ будетъ хорошо и пусть они молятся за меня».

Вообще, въ описываемое нами время не мало было случаевъ убійствъ помѣщиковъ крѣпостными. Такъ, напримѣръ, убиты были помѣщики: Адамовичъ, Свиридовъ, Давыдовъ, Дочкинъ, Антоновъ, Матякинъ, Бунинъ, фонъ-Минихъ и другіе.

[2]) Чрезвычайная разнузданность нравовъ самаго легкомысленнаго характера иногда замѣчалась и между взрослыми помѣщиками. Такъ, шацкій помѣщикъ Недѣлкинъ любилъ заходить въ церковь во время богослуженія съ собакою. А полковникъ Даниловичъ, жившій въ городѣ Липецкѣ, въ день смерти жены своей счелъ возможнымъ воспользоваться помѣщичьими правами по отношенію къ жениными горничнымъ.

личались, можно сказать, даже воинственностію. Такова напримѣръ, была липецкая помѣщица Протасова. Поссорившись съ своимъ сосѣдомъ, капитаномъ Блюммеромъ, она собрала своихъ людей и сдѣлала наѣздъ на владѣнія злополучнаго капитана, слѣдствіемъ чего было то, что Протасова отправила въ свою Ряжскую деревню 36 благопріобрѣтенныхъ заводскихъ лошадей.

Въ другой разъ та же воинственная Протасова скосила у Брюммера сѣна на 400 рублей и разорила у него плотину на мельницѣ, такъ что обиженный капитанъ принужденъ былъ жаловаться на свою обидчицу начальству. «Въ такомъ притѣсненіи и насиліи,— писалъ онъ въ тамбовское губернское правленіе, — не имѣю никакой защиты и потому прибѣгаю съ малолѣтними дѣтьми подъ покровительство губернскаго правленія».—Это было въ 1814 году.

А въ 1809 году помѣщица, дѣвица Викентьева, сдѣлала наѣздъ на имѣніе Стриневскаго, помяла весь хлѣбъ въ полѣ и испортила луга. «И я, — жаловался по этому поводу Стриневскій, — уже нѣсколько лѣтъ терплю такіе убытки и безпокойство отъ Викентьевой».

Въ тоже время помѣщица Коренева отняла у вдовы однодворца Евсигнѣева четырнадцатилѣтнюю дочь, увезла ее въ Липецкій уѣздъ и повѣнчала съ своимъ крѣпостнымъ. Вся эта невольная семья послѣ продана была помѣщику Муратову.

Но не одни увлеченія и крайности крѣпостнаго самоуправства мы имѣемъ въ виду при составленіи настоящей статьи. При разборѣ архивныхъ связокъ тамбовскаго губернскаго правленія за 1826—27 гг. насъ поразило чрезвычайное множество дѣлъ о ищущихъ вольности. Подневольные люди сотнями являлись въ разныя тамбовскіе суды и искали воли не отъ однихъ помѣщиковъ. Въ описываемое нами время владѣніе людьми въ Тамбовской губерніи находилось въ самомъ хаотическомъ состояніи. Крѣпостными владѣли чиновники, не имѣвшіе дворянскаго званія, протоіереи, священники, діаконы и дьячки; къ числу рабовладѣльцевъ относились также купцы, мѣщане и однодворцы. Были даже случаи, когда крестьянами владѣли дворовые и отставные солдаты. Происхожденіе такого владѣнія крѣпостными было самое простое. Извѣстный помѣщикъ продавалъ какого нибудь крестьнина купцу или мѣщанину и тотъ владѣлъ своимъ добромъ безъ всякихъ актовъ до крупной ссоры съ помѣщикомъ. Такъ, липецкій помѣщикъ Говоровъ продалъ купцу Подугольникову семью крестьянина Салова. Когда же поссорился съ своимъ покупателемъ, то подалъ на него жалобу: Подугольниковъ держитъ де бѣглыхъ крестьянъ... Если же о незаконномъ владѣніи крестьянами узнавало начальство, то купцы, мѣщане и подобные имъ владѣльцы оправдывались тогда тѣмъ, что крестьяне находились у нихъ въ услуженіи по найму, и въ доказательство справедливости своихъ словъ ссыла-

лись на помѣщиковъ, между которыми бывали иногда и такіе, которые спеціально занимались распродажею своихъ людей разночинцамъ. Къ числу такихъ помѣщиковъ, въ 1827 году, принадлежалъ тамбовскій дворянинъ и титулярный совѣтникъ Казимировъ.

Замѣчательно, что всѣ случайные рабовладѣльцы пользовались своими купленными правами надъ людьми ни сколько не меньше прирожденныхъ помѣщиковъ. Такова была жена двороваго Каширина, неуступавшая любой захолустной барынѣ въ издѣвательствѣ надъ «собственными людьми». Каширина отняла у «своей» крестьянки Прасковьи Федоровой и у дѣтей ея Егора и Степаниды всѣ пожитки, оставивши имъ только старое платье, и кромѣ того тирански ихъ мучила [1]).

Таковъ былъ усманскій священникъ Шадринъ, въ 1810 году выкупившій у помѣщика Солодова, семейство крестьянина Федора Ефимова. За это выкупленная семья между прочимъ должна была работать на Шадрина 5 лѣтъ. Но когда эти 5 лѣтъ прошли, священникъ не соглашался отпустить Федора Ефимова на волю. Тотъ отправился въ Тамбовъ жаловаться. А въ его отсутствіе священникъ Шадринъ, по чувству досады, остригъ головы сестрѣ и племянницѣ Ефимова и вымазалъ ихъ смолою...

Не милостивѣй Кашириной и священника Шадрина были и слѣдующіе рабовладѣльцы, имена которыхъ случайно попались намъ въ архивныхъ связкахъ: протопопъ Иларіонъ Андреевъ; священники — Кривополянскій, Ивановъ, Петровъ, Протопоповъ, Максимовъ, Михайловъ, Трескинъ и Вяжлинскій; дьяконы Песковъ и Алексѣевъ, дьячекъ Климонтовъ и пономарь Алексѣевъ. Кромѣ того—однодворцы: Золотухинъ, Мухортовъ, Монашковъ и Пучковъ; купцы и мѣщане — Сусоровъ, Перелыгинъ, Невѣровъ, Терпуговъ и Толмачевъ и унтеръ-офицеръ Голубевъ. Даже кирсановская попадья Иванова, тамбовская попадья Калугина, протодьяконша Семенова, армянинъ сапожникъ Чалабовъ, солдатка Воронцова и іеродіаконъ Ювеналій ухитрились какъ то завладѣть крѣпостными и держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

II.

Отношенія тамбовскихъ крестьянъ къ помѣщикамъ.

Указанныя нами отношенія тамбовскихъ помѣщиковъ къ крѣпостному міру естественно вызывали самыя ненормальныя общественныя явленія, тѣмъ болѣе что простой русскій народъ изстари

[1]) Каширина принадлежала помѣщицѣ Олсуфьевой. Изъ дворовыхъ, владѣвшихъ людьми, намъ извѣстны еще слѣдующіе: дворовый г-жи Бобарыкиной, Александровъ, и дворовый Нарышкина, Филиппъ Николаевъ.

отличался крайнимъ легковѣріемъ. Какимъ нелѣпостямъ не вѣрилъ и (отчасти) не вѣритъ онъ? И бѣлый арапъ какой-то есть у него, есть и одноглазые люди, и одноногіе, есть и вѣдьмы съ хвостами и еще много-много кой-чего. Начиная съ знаменитой исторіи суздальскаго голода, произшедшаго будто бы отъ старыхъ бабъ суздальскихъ, прятавшихъ жито себѣ подъ кожу, черезъ всю нашу исторію проходятъ разные курьезы. Заболитъ ли въ какомъ нибудь знатномъ семействѣ бояринъ, сейчасъ же московскіе мудрецы начинаютъ подозрѣвать, что это какой-то лиходѣй пустилъ по вѣтру злой наговоръ; сгоритъ ли городъ какой-нибудь или люди начнутъ умирать отъ какой-нибудь лихой болѣсти, опять являются странныя подозрѣнія на людскую злобу и хитрость. А то явится какой-нибудь умный человѣкъ, въ родѣ троицкаго архимандрита Діонисія, и захочетъ онъ разумомъ своимъ помочь темному людскому стаду хоть бы исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, а его за это, за его же добрые труды, обвиняютъ въ ереси и въ волхвованіи: огонь де хочетъ истребить на землѣ, говорили про Діонисія, исправившаго извѣстное мѣсто въ служебникѣ, и чѣмъ де будутъ промышлять люди, занимающіеся «огненнымъ» промысломъ...

Къ числу подобныхъ же курьезовъ русской исторической жизни, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и то, что въ эпохи позднѣйшихъ нашихъ бѣдствій нашъ народъ сваливалъ вину ихъ на представителей высшаго сословія, чиновниковъ и дворянъ, подозрѣвая съ ихъ стороны то отраву рѣкъ и колодезей во время эпидемій, то измѣну во время военныхъ неудачъ, то поджогъ въ чрезвычайныхъ пожарныхъ случаяхъ. Было какое-то странное недоразумѣніе между русскими людьми. И только великая реформа 19-го февраля, въ связи съ послѣдующими реформами, съумѣла вернуть русскому уму въ данномъ случаѣ его обычный здравый смыслъ.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мы представимъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о былой сословной розни русскаго народа. Факты, которые мы приведемъ, относятся къ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Всѣ они, конечно, далеко не имѣютъ развитія и драматической обстановки однородныхъ съ ними событій въ новгородскихъ, напримѣръ, военныхъ поселеніяхъ, но во всякомъ случаѣ, и въ своемъ отрывочномъ видѣ, сохраненномъ имѣвшимися у насъ документами, они указываютъ на тѣ странныя, фальшивыя отношенія, какія въ прежнее время существовали между нашими крестьянами и ихъ помѣщиками.

Въ концѣ августа 1839 года были большіе пожары въ смежныхъ уѣздахъ Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерній. Особенно сильный пожаръ случился въ селѣ Дворянщинѣ, Кирсановскаго уѣзда.

Недолго думая, погорѣльцы села Дворянщины заподозрили въ поджогѣ своихъ помѣщиковъ: Иванова и Гарденина. «Кому же,

говорили они, придетъ на умъ разорять насъ, кромѣ господъ. На это они и господа, чтобы намъ было худо».

Однажды, вскорѣ послѣ пожаровъ, за Дворянщиной собралась крестьянская толпа. Разговоры, конечно, были самые невеселые: кто считалъ свои убытки, кто соображалъ, куда дѣваться съ ребятишками въ наступающую осень и зиму, кто бранилъ лиходѣевъ-поджигателей, въ существованіи которыхъ, по обыкновенію, никто не сомнѣвался. Въ это время къ толпѣ подбѣжалъ крестьянинъ Малафей Романовъ, считавшійся въ своемъ селѣ однимъ изъ первыхъ богачей. Махая желѣзною лопатою, онъ съ крикомъ требовалъ отъ прочихъ крестьянъ, чтобы всѣхъ помѣщиковъ, какъ несомнѣнныхъ поджигателей, перебить, а ихъ дворовыхъ, барскихъ лизоблюдовъ, повѣсить на ветлахъ и оставить тамъ на три дня, чтобы всѣмъ злодѣямъ это было въ наученіе и страхъ.

Вскорѣ послѣ этого, Ивановъ и Гарденинъ, какъ видно, не слыхавшіе про крестьянскіе разговоры или не придававшіе имъ особеннаго значенія, шли вмѣстѣ по селу. У моста черезъ рѣку Малый Ломовисъ ихъ увидалъ крестьянинъ Юдаевъ и закричалъ: «держите ихъ!» На крикъ Юдаева со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ и всею массою бросился въ погоню за Ивановымъ и Гарденинымъ. Иванову, однако, посчастливилось: получивши нѣсколько ударовъ и оставивъ на мѣстѣ побоища фуражку, онъ успѣлъ вырваться и бѣжалъ домой. Гарденину же пришлось плохо. Крестьянинъ Латунцовъ ударилъ его цѣпомъ по головѣ и свалилъ въ воду. Однако, паденіе Гарденина образумило толпу. Многіе испугались этого и разбѣжались, а другіе, болѣе храбрые, кинулись въ воду и вытащили оттуда уже захлебывавшагося Гарденина. Но все таки на другой день крестьяне опять пошли на помѣщиковъ, хотя уже не съ прежнею рѣшительною цѣлью. Забравши Иванова и Гарденина, они посадили ихъ въ одну изъ уцѣлѣвшихъ избъ и поставили около «арестантовъ» караулъ, впредь до суда.

Между тѣмъ въ Кирсановѣ земская полиція усиливалась воинскою командою и въ половинѣ сентября поспѣшила въ Дворянщину. Начались обычныя при подобныхъ обстоятельствахъ экзекуціи. Нѣкоторые же крестьяне села Дворянщины, нежданно, негаданно для нихъ самихъ, переселились въ Сибирь...

Около того же времени сгорѣло село Татарская Лака, Керенскаго уѣзда, и погорѣльцы, думая на своихъ пепелищахъ о причинахъ пожара, заподозрили въ поджогѣ мелкопомѣстнаго лакинскаго помѣщика Дуракова: взялъ де три тысячи рублей, чтобы пустить по міру все село. Подозрѣніе это, между прочимъ основано было на томъ, что Дураковъ еще за нѣсколько дней до пожара говорилъ о немъ, какъ о чемъ-то неизбѣжномъ. Иные крестьяне, подлаживаясь подъ общій тонъ разговоровъ, разсказывали даже, что они сами видѣли, какъ Дураковъ предъ пожаромъ пробѣжалъ по

задворкамъ съ горящею лучиною. Послѣ этого рѣшено было идти къ «поджигателю» всѣмъ міромъ и судить его мірскимъ судомъ. Сперва Дуракова, тщетно объяснявшаго крестьянамъ всю нелѣпость ихъ подозрѣній, избили, причемъ жена мѣстнаго священника проломила ему голову скалкой; потомъ его связаннаго клали на раскаленныя печи и въ заключеніе бросили на улицу. И только черезъ нѣсколько часовъ послѣ этой экзекуціи, уже ночью, нашлись добрые люди, которые подтащили Дуракова, еле живаго, къ воротамъ одного уцѣлѣвшаго дома и положили тамъ на солому.

По поводу этого дѣла, въ свое время замѣченнаго даже въ Петербургѣ, пріѣзжалъ въ Татарскую Лаку одинъ флигель-адъютантъ, распоряжавшійся какъ слѣдствіемъ надъ крестьянами, такъ и экзекуціею надъ ними.

Крестьянскія враждебныя отношенія къ помѣщикамъ иногда выражались самымъ оригинальнымъ образомъ.

Въ описываемое нами время много шуму надѣлало убійство нѣкоего Родзевича, человѣка крайне жестокаго, который лѣтъ по 10 не допускалъ крестьянъ къ исповѣди и причащенію и вогналъ ихъ въ совершенную нищету постоянною барщиною. Особенно недовольны были Родзевичемъ женщины, которыхъ высылали на работы даже и въ томъ случаѣ, если онѣ были беременны. Разъ, во время полевыхъ работъ, десятка четыре женщинъ сговорились убить Родзевича. Случайно бывшіе при этомъ разговорѣ крестьяне, родственники заговорщицъ, одобряли ихъ: «вы — бабы, говорили они, и съ васъ какъ съ гуся вода. Ничего вамъ не будетъ, если и узнаютъ про ваше дѣло,— въ солдаты васъ не отдадутъ». Въ это время Родзевичъ на бѣговыхъ дрожкахъ подъѣзжалъ къ разговаривавшимъ. Тогда крестьяне отошли въ сторону, а женщины окружили между тѣмъ подъѣхавшаго Родзевича и убили его точно такъ же, какъ въ свое время былъ убитъ сынъ Бориса Годунова. Послѣ этого тѣло Родзевича привязали къ дрожкамъ и погнали лошадь въ поле.

Это было въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, въ началѣ 40-хъ годовъ.

Современникомъ Родзевича былъ нѣкто Ахлебининъ, пензенскій помѣщикъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало данныхъ для его характеристики. Между тѣмъ, несомнѣнно, что онъ былъ выдающимся типомъ помѣщика-самодура въ свое время. Въ 1812 году, за его жестокости надъ крестьянами жаловалась на него правительству родная мать и только смутная пора спасла его отъ законнаго наказанія. Онъ былъ подъ судомъ 50 разъ. Въ 1840 году былъ преданъ военному суду по высочайшему повелѣнію, и все за жестокости по отношенію къ крестьянамъ. Нѣсколько разъ ему воспрещено было въѣзжать въ его деревню. Съ 1829 года онъ находился подъ надзоромъ полиціи до самой смерти, случившейся въ 50-хъ годахъ. Но онъ имѣлъ своего рода счастіе попадать подъ милости-

вые манифесты. Кромѣ того, Ахлебининъ былъ крайне неуживчивъ съ сосѣдями помѣщиками и къ тому же отчаянный дуэлистъ.

И вотъ этотъ то Ахлебининъ, гроза своихъ крестьянъ и пугало своихъ сосѣдей, постоянно избѣгавшій суда и привыкшій не обращать на законъ никакого вниманія, былъ наказанъ своимъ кучеромъ Розиновымъ. Въ 1848 году, Ахлебининъ ѣхалъ съ Розиновымъ въ г. Спасскъ. Дорогою кучеру пришла мысль высѣчь барина. Не долго думая, онъ нарочно уронилъ кнутъ и послалъ за нимъ лакея, а самъ сейчасъ же повалилъ Ахлебинина, тогда уже довольно пожилаго, раздѣлъ его какъ слѣдуетъ и высѣкъ розгами, заранѣе приготовленными.

Впрочемъ, случаи крестьянскаго самоуправства по отношенію къ помѣщикамъ были довольно рѣдки въ Тамбовской губерніи. Въ большинствѣ случаевъ тамбовскіе крестьяне искали суда и управы на лихихъ помѣщиковъ законнымъ путемъ и иногда рѣшались даже на подачу прошеній на высочайшее имя. Въ 40-хъ годахъ крестьянинъ Гагаевъ такъ жаловался на своего помѣщика государю императору: «Всемилостивѣйшій Государь! прошу тебя, какъ помазанника Божія, умилосердуйся надъ твоимъ вѣрноподданнымъ рабомъ. Помѣщикъ мой расторгнулъ узы моего семейства: сына и племянника отдалъ въ солдаты, а меня съ женой хочетъ сослать въ каторжную работу. Ты, царь, не все видишь и не все знаешь! Мы несчастные рабы зря погибаемъ. Помазанникъ Божій! обрати вниманіе на несчастную горесть невинности» [1]).

III.

Взаимныя отношенія Тамбовскихъ помѣщиковъ.

Въ эпоху крѣпостнаго права многіе помѣщики, пользуясь «вольностью дворянства», какъ извѣстно, слишкомъ рано выходили въ отставку. Сравнительно немногіе дворяне добивались высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Большинство же, получивъ вожделѣнный чинъ поручика или капитана, въ извѣстномъ смыслѣ

---

[1]) Разныя злоупотребленія помѣщичьею властію въ прежнія времена такъ были обычны, что крестьяне часто не вѣрили въ искренность дѣйствительно добрыхъ помѣщиковъ и относились къ нимъ недовѣрчиво, подозрительно. Баринъ, напримѣръ, положительно благодѣтельствовалъ крестьянамъ, забывая отчасти свои собственные интересы. Но крестьяне за это иногда считали и называли его не добрымъ, а глупымъ.

мирно почивали на лаврахъ въ разныхъ уѣздныхъ захолустьяхъ обширнаго нашего отечества. Въ этихъ захолустьяхъ творили они судъ и расправу надъ своими крѣпостными, а въ свободное отъ хозяйства время широко растворяли свои двери для гостей, ближнихъ и дальнихъ сосѣдей. То было время широкаго русскаго разгула, теперь уже немыслимаго. По недѣлямъ жили помѣщики другъ у друга въ гостяхъ съ женами, чадами и домочадцами, и по недѣлямъ же со сворами бороздили свои и сосѣдскія поля, наводя ужасъ на зайцевъ, волковъ, лисицъ и на инаго лѣснаго звѣря.

Но не всегда такая дружба соединяла сосѣдей-помѣщиковъ. Часто они ссорились между собою и, какъ люди, не привыкшіе въ чемъ либо стѣснять себя, взаимную вражду свою выражали по своему, широко и неудержимо.

Въ 1765 году, въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ возникло тяжебное дѣло между темниковскими помѣщиками Никифоровыми, села Ляхова. Дѣло это тянулось ровно 28 лѣтъ, благодаря особенной энергіи отставнаго отъ арміи капитана Семена Никифорова. Выпущенный въ 1762 году изъ сержантовъ гвардіи въ армейскіе капитаны, Семенъ Никифоровъ посвятилъ всю свою жизнь «приказной ссорѣ» съ помѣщиками сосѣдями. За такое отношеніе къ сосѣдямъ, конечно, они платили Никифорову полною ненавистью и старались всячески надѣлать ему непріятностей.

Особенно часто Семенъ Никифоровъ ссорился съ своими однофамильцами и односельцами Иваномъ и Петромъ Никифоровыми. Вотъ они то именно и начали донимать его, то запахивая его пашни, то подучая крестьянъ своихъ свозить хлѣбъ съ его полей и нападать на его крестьянъ. Однажды, расходившіеся крестьяне съ крикомъ и угрозами окружили даже домъ Семена Никифорова, такъ что онъ принужденъ былъ запереться и отстрѣливаться отъ толпы дробью. Въ другой разъ, 12 октября 1785 года, Семенъ Никифоровъ былъ у заутрени и въ это время нахлынула на его домъ толпа въ 150 человѣкъ. Испуганный этимъ обстоятельствомъ, Семенъ Никифоровъ бросился на колокольню и сталъ звонить въ набатъ, чтобы такимъ образомъ привлечь въ село Ляхово какъ можно болѣе «нейтральныхъ» крестьянъ. Тогда враждебная ему крестьянская толпа отошла къ его гумну, разломала его и растощила весь лѣсъ по своимъ дворамъ. Послѣ этого, по жалобѣ С. Никифорова, въ село Ляхово пріѣхали засѣдатели елатомскаго земскаго суда, Некрасовъ и Поповъ, съ 13-ю человѣкъ военной команды, но крестьяне Ивана и Петра Никифоровыхъ съ позоромъ выгнали ихъ изъ села, такъ какъ ихъ помѣщики были люди богатые и вліятельные и, слѣдовательно, могли защитить ихъ отъ земской полиціи. Даже Тамбовскій губернаторъ Неклюдовъ, пріѣхавшій въ

это время въ Елатьму, не обратилъ должнаго вниманія на Ляховскія происшествія [1]).

Такимъ образомъ, всѣмъ стало ясно, что въ разгорѣвшейся помѣщичьей борьбѣ С. Никифоровъ оказался слабою стороною. Съ этого времени положеніе его стало дѣйствительно невыносимымъ. Ночью С. Никифорову страшно было выѣзжать изъ дому, потому что крестьяне его противниковъ часто стрѣляли по немъ. Даже гости перестали ѣздить къ злополучному С. Никифорову: и имъ проѣзду не было отъ крестьянскихъ шалостей. Вмѣстѣ съ тѣмъ на Никифорова обрушился цѣлый рядъ и другихъ сосѣдскихъ непріятностей. Передъ самыми окнами его дома братья Никифоровы возвели разныя постройки, затруднявшія проѣздъ въ его ворота экипажей, тѣмъ болѣе, что даже половина его воротъ была застроена. Въ колодцы его усадьбы бросали навозъ. Одинъ колодезь былъ даже совсѣмъ закиданъ навозомъ. И на поляхъ у него стало не безопасно, потому что братья Никифоровы десятками телѣгъ свозили его хлѣбъ въ свои амбары или же разбрасывали его по дорогѣ, а если въ полѣ или на лугахъ попадалась домашняя скотина С. Никифорова, то и ее угоняли. Если же на дворѣ у него сушилось бѣлье, и бѣлье тащили. Даже по ночамъ ломали замки у его амбаровъ и ссыпали къ себѣ муку и всякое зерно. А зимою братья Никифоровы ловили ни въ чемъ не повинныхъ крестьянъ С. Никифорова и раздѣвали ихъ, такъ что иногда верстъ десять бѣжали они домой въ однихъ рубашкахъ. Дошло до того, что С. Никифоровъ de-facto пересталъ быть хозяиномъ въ своемъ имѣніи и не смѣлъ даже своихъ дворовыхъ посылать ловить рыбу въ своемъ же собственномъ прудѣ. Тогда онъ обратился къ тамбовскому губернатору Неклюдову съ просьбой о защитѣ. Семенъ Никифоровъ просилъ, чтобы ему дана была «опасная грамота съ заповѣдью на обѣ стороны».—«Если кто кого убьетъ изъ насъ, писалъ челобитчикъ,—то повиненъ выплатить пострадавшему семейству 50,000 рублей». Братья Никифоровы не согласились, однако, на это условіе: «самъ де убьетъ себя, пришедши на нашъ дворъ, чтобы заработать своимъ наслѣдникамъ 50,000 и сдѣлать намъ непріятность»—отписывались они. Между тѣмъ, пока шло судопроизводство, братья Никифоровы продолжали преслѣдовать своего противника: они загородили ему прямую дорогу изъ его усадьбы, такъ что онъ долженъ былъ дѣлать объѣздъ версты въ двѣ.

Когда Темниковскій земскій судъ пріѣхалъ въ Ляхово и сталъ справляться у окрестныхъ темниковскихъ и елатомскихъ дворянъ о С. Никифоровѣ, то большинство дало о немъ самые нелестные

---

[1]) О степени вліянія братьевъ Никифоровыхъ на окрестныхъ помѣщиковъ можно судить по тому, что они совершенно безнаказанно выгнали изъ села Ляхова тамошнихъ семерыхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ.

отзывы. «Человѣкъ оный С. Никифоровъ, писали темниковскіе и елатомскіе дворяне,—своенравный и сутяга». При собираніи этихъ отзывовъ обнаружилось замѣчательное явленіе: нѣкоторые дворяне были неграмотны и за ихъ неграмотностью вмѣсто нихъ подписывались другіе. Въ Темниковскомъ уѣздѣ неграмотными оказались прапорщикъ Узбековъ и три брата Антоновы. А въ Елатомскомъ уѣздѣ не умѣли подписаться подъ своими показаніями прапорщица Крымская и дворянинъ Никифоровъ.

Судъ кончился внушеніемъ враждовавшимъ сторонамъ, чтобы онѣ оставили другъ друга въ покоѣ. Однако, онѣ другъ друга въ покоѣ не оставили. Въ «дѣлахъ» 1800 года мы нашли новую жалобу С. Никифорова все на тѣхъ же своихъ противниковъ, и жалоба эта, по всей вѣроятности, была не послѣдняя, потому что резолюція на ней была слѣдующаго неудовлетворительнаго содержанія: «принявъ сіе въ свѣденіе, сообщить къ дѣлу».

Жалуясь на своихъ притѣснителей, С. Никифоровъ при случаѣ и самъ былъ не прочь обидѣть болѣе слабаго сосѣда. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія была у него тяжба о землѣ съ помѣщикомъ княземъ Маматказинымъ. Спорная земля была еще за послѣднимъ, между тѣмъ Никифоровъ засѣялъ ее гречихою и, когда она созрѣла, послалъ рабочихъ косить ее. Тогда Маматказинъ выѣхалъ съ своими людьми защищать «свое» поле. Враждебныя стороны, въ присутствіи Маматказина и пріѣхавшаго вслѣдъ за нимъ Никифорова, сперва начали перебраниваться и потомъ вступили въ рукопашный бой. Оба помѣщика верхами и въ сопровожденіи своихъ конныхъ старостъ, носились по полю битвы и воодушевляли своихъ крестьянъ. Особенно горячился С. Никифоровъ. Онъ отдалъ своимъ рабочимъ такой приказъ: «если сойдете съ мѣста, всѣхъ васъ пересѣку плетьми; бей въ мою голову!» И крестьяне его дружно устремились въ бой, окончившійся убійствомъ Маматказина. Увидавши такую неожиданную развязку побоища, С. Никифоровъ немедленно ускакалъ домой и приказалъ всѣмъ своимъ крестьянамъ говорить, что весь этотъ роковой день онъ пробылъ безвыходно дома. И вслѣдствіе этого, почти вся тяжесть отвѣтственности за убійство Маматказина пала на крестьянъ, которымъ, по рѣшенію суда, вырѣзали ноздри, наложили клейма, а потомъ наказали ихъ черезъ палачей плетьми и сослали въ Сибирь. Темниковскій уѣздный судъ приговорилъ было и самого Никифорова къ каторгѣ, а потомъ, за недостаткомъ ясныхъ уликъ, къ денежному штрафу; губернаторъ же освободилъ его и отъ этого взысканія, вмѣнивъ ему въ наказаніе четырехлѣтнее нахожденіе при Темниковской земской полиціи, во время судебнаго слѣдствія.

Когда С. Никифоровъ освободился отъ суда и слѣдствія по поводу убійства Маматказина, онъ употребилъ остатокъ своей многолѣтней жизни преимущественно на дѣла, болѣе для него безопас-

ныя, хотя по прежнему направленныя ко вреду случайныхъ его противниковъ и сосѣдей. Онъ началъ писать всевозможныя прошенія, преимущественно тяжебнаго характара, и подавать ихъ во всѣ присутственныя мѣста Тамбовскаго намѣстничества, въ сенатъ и даже на высочайшее имя, чѣмъ навлекъ на себя, конечно, вражду всего мѣстнаго дворянства. Въ имѣвшемся у насъ «дѣлѣ» о С. Никифоровѣ мы нашли нѣсколько сотъ его прошеній, изъ которыхъ иные тянутся листахъ на 15. Только всѣ они слишкомъ бѣдны содержаніемъ, растянуты и темны.

Изъ «приказныхъ ссоръ» С. Никифорова послѣдняго періода его дѣятельности особеннаго вниманія заслуживаютъ ссоры его со вдовою Маматказиною и съ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Голицынымъ. Послѣднее имя указываетъ на то, что С. Никифоровъ былъ храбрымъ сутягою, вполнѣ полагавшимся на силу своего пера даже въ борьбѣ и съ вельможами.

Вдова Маматказина жаловалась на С. Никифорова, какъ на своего раззорителя; она напомнила судьямъ, что С. Никифоровъ извѣстный «буянъ», который уже судился за то, что отнялъ у княгини Энгалычевой конскій табунъ и, кромѣ того, выгналъ ее изъ ея собственнаго дома. Особенное вниманіе суда Маматказина обращала на слѣдующій поступокъ С. Никифорова. Въ 1802 году онъ былъ въ Кадомѣ на базарѣ. Тамъ же былъ съ нѣкоторыми своими крѣпостными и недругъ его, Трофимовъ. Это было во время пріема рекрутъ. Не желая отдавать кого либо изъ своихъ крѣпостныхъ въ солдаты, С. Никифоровъ отнялъ у Трофимова его крѣпостнаго Пимена Савельева и сдалъ его отъ себя въ рекруты. Отписываясь по поводу жалобъ Маматказиной, герой нашъ, между прочимъ, сообщаетъ любопытныя данныя относительно торговли людьми въ концѣ прошлаго столѣтія. Хорошею цѣною за душу было 100 руб., а обыкновенно, 70 руб. [1]) Но, случалось, что взрослаго крестьянина продавали за 50 руб. А въ 1790 году помѣщикъ Петръ Никифоровъ купилъ у помѣщиковъ Тарбѣевыхъ 50 душъ за 150 руб.

Во время тяжбы съ княземъ Голицынымъ С. Никифоровъ обнаружилъ замѣчательное знакомство со всевозможными законами и старинными актами. Отстаивая свои сомнительныя имущественныя права, онъ указывалъ, между прочимъ, на Шацкія писцовыя книги, гдѣ обозначены были земли и дворы его прапрадѣдовъ и ихъ двоюродныхъ братьевъ. А также подробно расписывалъ положеніе его родовыхъ помѣстій въ 1723 и въ 1725 годахъ.

Увлекшись ролью писателя прошеній, С. Никифоровъ, подъ старость, сталъ предлагать свои услуги и другимъ лицамъ и велъ ихъ дѣла въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ съ обычнымъ ему

---

[1]) Разумѣется, мы говоримъ о цѣнахъ, существовавшихъ въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ.

азартомъ, по довѣренности. Такимъ образомъ, герой нашъ былъ прототипомъ современныхъ адвокатовъ. Какъ опытный дѣлецъ, С. Никифоровъ возбудилъ къ концу своей дѣятельности такой страхъ въ своихъ противникахъ, что они, одинъ по одному, стали отставать отъ тяжбы съ нимъ. «Процессъ-де дороже дѣла, говорили они да и безпокойства много» [1]).

Нѣсколькими десятками лѣтъ позже Никифорова, проживалъ въ Тамбовской губерніи помощникъ Богдановъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ онъ продалъ свое имѣніе, село Мальцево, Воронцову-Вельяминову. Но пока не совершился еще вводъ во владѣніе новаго владѣльца, Богдановъ положительно началъ грабить бывшее свое имѣніе, чтобы такимъ образомъ надѣлать непріятностей своему преемнику. Онъ собралъ весь крестьянскій хлѣбъ и продалъ его; кромѣ того, собралъ съ крестьянъ въ усиленномъ размѣрѣ подушныя подати, уже прежде взятыя. Не ограничиваясь этимъ, Богдановъ насильно взялъ съ каждаго тягла по 50 руб. оброку. И, что хуже всего, при помощи арапниковъ забиралъ въ крестьянскихъ семействахъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, начиная съ 12 лѣтняго возраста, и вмѣстѣ съ ними и многочисленными гостями совершалъ безобразныя оргіи.

Такими и подобными наклонностями Богдановъ отличался еще въ молодости. Въ то время опекуномъ надъ нимъ былъ помѣщикъ Барышниковъ, какъ видно, человѣкъ очень добрый. Часто совѣтовалъ онъ своему необузданному воспитаннику, чтобы онъ остепенился: «и мужикъ, говорилъ онъ, не чуждъ честности и ревности; того и гляди за жену или дочь озадачитъ дубиною». Но на эти слова Богдановъ отвѣчалъ такъ: «пулю всажу тебѣ въ лобъ и пузо твое сдѣлаю балахономъ, если не оставишь меня своими нравоученіями». Тогда испуганный Барышниковъ бросилъ свое опекунство и съ этого то времени начались дикія оргіи Богданова, наводившаго страхъ даже на сосѣдей помѣщиковъ. Одинъ изъ этихъ помѣщиковъ, оставшійся неизвѣстнымъ, въ докладной запискѣ, поданной на имя Тамбовскаго губернатора, такъ выражался о Богдановѣ: «надъ поступками Богданова нужно слезно плакать. Всякій скажетъ, что они заслуживаютъ рукоплесканій, или пера геніальнаго Гоголя, или... еще чего? Ужели висѣлицы». Не смотря на все это, Богдановъ увернулся отъ законной отвѣтственности.

И. Дубасовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Надобно замѣтить, что въ описываемое нами время «приказныя ссоры» затѣвались и между вельможными помѣщиками. Такъ, въ 1802 году въ Моршанскомъ уѣздѣ поссорились «изъ за мельницы на рѣкѣ Цнѣ» дѣйствительный тайный совѣтникъ Саблуковъ и извѣстный графъ П. П. Кутайсовъ.

НОВЫЙ СПИСОКЪ „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

Второй томъ «Мертвыхъ душъ», какъ извѣстно, оставленъ авторомъ въ неоконченномъ и полуобработанномъ видѣ. Такъ, если судить по «Полному собранію сочиненій Гоголя» (М. 1880 г. т. III), послѣдняя глава обрывается на полусловѣ; другія главы имѣютъ бо̀льшіе или меньшіе пробѣлы, лишь частію восполненные издательскими примѣчаніями; наконецъ, недописки автора и мало разборчивыя слова его черновой рукописи или записной книжки внесены въ печатное изданіе поэмы безъ необходимыхъ поправокъ. Такое «воспроизведеніе» предсмертнаго труда Гоголя уже давно заставляло надѣяться, что когда нибудь отыщется болѣе исправный и по возможности полный списокъ, снятый съ рукописи автора до сожженія чистовой тетради «Мертвыхъ Душъ»[1]). Долгое время ожиданія были напрасны. Только на дняхъ случайно нашелся одинъ изъ желанныхъ списковъ поэмы, на который и спѣшимъ обратить вниманіе [2]). Онъ представляетъ большую рукопись въ листъ, написанную крупнымъ почеркомъ на 110 страницахъ бѣлой бумаги и переплетенную въ толстый картонъ. При сличеніи этой рукописи съ печатнымъ изданіемъ «Мертвыхъ Душъ», прежде всего открылось болѣе правильное чтеніе нѣсколькихъ строкъ поэмы. Напримѣръ, уже нѣсколько разъ печаталась такая странная тирада: «недѣли черезъ двѣ послѣ этого разговора былъ онъ (Тентентниковъ) уже въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ про-

---

[1]) См. «Записки о жизни Н. В. Гоголя», Спб. 1856 г., т. II, стр. 226—228.

[2]) Онъ находится въ библіотекѣ моего родственника А. Ѳ. Шидловскаго.

неслось его дѣтство, невдалекѣ отъ того прекраснаго уголка, которымъ не могъ налюбоваться никакой гость и посѣтитель» стр... 277. Выходитъ такъ: «уголокъ-то прекрасенъ, а имъ не могъ налюбоваться никто». Между тѣмъ наша рукопись даетъ полный смыслъ приведенной фразы, повторяя союзъ «не» и передъ словомъ «налюбоваться». Далѣе, Тентетникова, по пріѣздѣ въ деревню, окружили не «сороки», какъ печаталось до сихъ поръ (стр. 279), а «сорочки, кички, повойники», какъ и читается въ нашемъ спискѣ. Равнымъ образомъ онъ замѣняетъ неправильно напечатанную форму «раздобаривая» (стр. 295) болѣе употребительнымъ словомъ «растобаривая»,—невозможное выраженіе «точный арбузъ» (стр. 310)—яснымъ оборотомъ: «точно арбузъ или боченокъ». Этого мало: изъ нашей рукописи стало видно, какъ мало удачны издательскія добавки къ недописаннымъ строкамъ авторскаго черновика; такъ Василій Платоновъ, по нашему списку, говоритъ: «во-первыхъ пустоши этой я ни за какія деньги не продамъ», а издатели, найдя пробѣлъ въ своемъ спискѣ, по догадкѣ печатаютъ въ скобкахъ: «не отдамъ» (стр. 362), что совершенно измѣняетъ смыслъ и тонъ разговора; въ другомъ мѣстѣ рукописи читается такъ: «вотъ у меня есть этакой пріятель, по имени нечего называть»; послѣднюю фразу, не дописанную Гоголемъ, издательскій карандашъ поправляетъ такъ: «по имени не сказалъ (стр. 378). Но какъ вѣрно и полно наша тетрадь исправляетъ печатный текстъ, можетъ показать еще одинъ рельефный примѣръ: можете ли вы понять такую фразу: «въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье (стр. 381)? Конечно, нѣтъ; но она будетъ вамъ ясна, если прочтете такую добавку въ рукописи: «въ довершенье хорошаго расположенія духа, портной въ это время принесъ платье»...

Съ другой стороны, новый списокъ «Мертвыхъ Душъ» измѣняетъ не одни простыя слова печатнаго изданія поэмы: онъ вноситъ поправки и въ фамиліи нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ, по рукописи, графиня Бордырева (стр. 285) называется Болдыревой, генералъ Бетрищевъ (стр. 299)—Быстрищевымъ, Гукзовскій (стр. 304)—Гунзовскимъ, графъ Трехметьевъ (стр. 304)—Перпехтѣевымъ, Березовскій (стр. 329),—Берцовскимъ, Ханасарова (стр. 355)—Ханжаревой. По нашему мнѣнію, большинство этихъ прозваній (напримѣръ, Гукзовскаго, Березовскаго), могло измѣниться подъ перомъ невнимательнаго переписчика. Но нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что въ печатномъ изданіи ошибочно явились Бордырева и Ханасарова. Особенно бросается въ глаза послѣдняя фамилія: она принадлежитъ, какъ выражается Гоголь, «трехмилліонной тетушкѣ, старушкѣ богомольной, которая на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугонька» (стр. 355); подобный типъ

естественнѣе могъ прозываться порусски Ханжаревой, чѣмъ какой-то восточной фамиліи — Ханасаровой.

Затѣмъ приходится упомянуть, что въ нашей рукописи есть «примѣчанія», помѣщенныя подъ строками и пропущенныя въ печатномъ изданіи «Мертвыхъ Душъ». Такъ, при описаніи затѣйливыхъ построекъ полковника Кошкарева (стр. 328), виднѣется прибавка: «подобное было въ имѣніи Кочубея; слышалъ отъ М. С. Щепкина». Въ другомъ мѣстѣ, послѣ окончанія четвертой главы (стр. 365), прибавлено: «здѣсь пропускъ; Чичиковъ улаживаетъ дѣло между Лѣницынымъ и Платоновымъ, потомъ ѣдетъ къ Ханжаревой старухѣ и составляетъ фальшивое завѣщаніе». Есть еще и третья замѣтка при одномъ любопытномъ мѣстѣ, которое цѣликомъ приводится ниже; она относится къ обширному разсказу объ Муразовѣ, Иванѣ Потаповичѣ, и сообщаетъ слѣдующее: «тотъ же самый разсказъ, но въ видѣ болѣе распространенномъ; предъидущій (стр. 377—380), какъ видно, былъ сокращеніемъ послѣдующаго». Не можемъ точно опредѣлить, кому принадлежатъ два первыя замѣчанія: самому ли Гоголю, или тому лицу, которое прежде владѣло нашею рукописью. Что же касается третьяго примѣчанія, то оно, несомнѣнно, не вышло изъ-подъ пера Гоголя.

Наконецъ, остается привести наиболѣе любопытныя мѣста, какихъ совѣмъ не оказывается въ изданныхъ главахъ поэмы. Эти варіанты, отдѣленные скобками отъ печатнаго текста, сообщаются нами въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ:

... Множество всякихъ свѣдѣній и предметовъ онъ считалъ дѣломъ излишнимъ и мѣшающимъ самобытному развитію ума. (Безсмысленно-глупыхъ гимнастическихъ коверканій, которыя завели французы, у него не было, а на мѣсто ихъ ручныя ремесла да занятія въ саду, укрѣпляющія тѣло).

... Что вы думаете? (Развѣ званіе помѣщика не служба?) Я помѣщикъ...

... «За что-жъ такъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?» (Такъ говорилъ дядя. Самъ же онъ во всю жизнь свою не ходилъ по другой улицѣ, кромѣ той, которая вела къ мѣсту его службы, гдѣ не было никакихъ красивыхъ публичныхъ зданій, не замѣчалъ никого изъ встрѣчныхъ, — былъ ли онъ генералъ или князь; въ глаза не зналъ прихотей, какія дразнятъ въ столицахъ людей, падкихъ на невоздержаніе, и отъ роду не бывалъ въ театрѣ. Все это онъ говорилъ единственно за тѣмъ, чтобы затеребить честолюбіе и подѣйствовать на воображеніе молодаго человѣка. Въ этомъ, однакоже, онъ не успѣлъ. Тентетниковъ стоялъ на своемъ упрямо.) Деревня начинала представляться ему...

... (Сорочки), кички, повойники, зипуны, бороды (всѣхъ родовъ— заступомъ, лопатой и клиномъ, рыжія, русыя и бѣлыя, какъ се-

ребро, покрыли весь дворъ. Мужики загремѣли: «кормилецъ, дождались мы тебя»! бабы заголосили: «золото, серебро ты сердечное»! Стоявшіе подалѣе даже подрались отъ усердія продраться. Дряблая старушенка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнувъ промежъ ногъ другихъ, подступила къ нему, всплеснула руками и взвизгнула: «да какой же ты жиденькой! Изсушила тебя окаянная нѣмчура»! — «Пошла ты, баба», — закричали ей тутъ же бороды заступомъ, лопатой и клиномъ, — «ишь куда полѣзла, корявая!» Кто-то приворотилъ къ этому словцо, отъ котораго одинъ только русскій мужикъ могъ не засмѣятъся. Баринъ не выдержалъ и размѣялся; но тѣмъ не менѣе онъ тронутъ былъ глубоко въ душѣ своей). Сколько любви...

... Это было что-то живое, какъ сама жизнь. (Никакъ нельзя сказать было, какая страна положила на нее свой отпечатокъ, потому что подобнаго профиля и очерченія лица трудно было гдѣ нибудь отыскать, развѣ только на античныхъ камняхъ). Какъ въ ребенкѣ...

... Она бросала просившему все, что̀ имѣла, еще прежде чѣмъ успѣвала подумать о томъ, что бросить неприлично кошелекъ со всѣмъ, что̀ въ немъ ни было. (Не вдаваясь ни въ какія разсужденія и разсчеты, она разорвала бы на себѣ платье для перевязки страдальцу, если бы онъ былъ раненъ). Было въ ней что-то стремительное...

... Скучная жизнь его на мгновеніе озарилось. (Халатъ на время былъ оставленъ. Не такъ долго копался онъ на кровати; не такъ долго стоялъ Михайло съ рукомойникомъ въ рукахъ. Растворялись окна въ комнатахъ, и часто владѣтель картиннаго помѣстья долго ходилъ по темнымъ излучинамъ своего сада и останавливался по часамъ передъ плѣнительными видами на отдаленіе). Генералъ принималъ...

... Петрушка пустилъ Григорью пыль въ глаза (тѣмъ, что онъ бывалъ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ и даже въ Москвѣ). Григорій же осадилъ его съ разу Петербургомъ...

... (Лошадямъ Павла Ивановича тоже было хорошо. У Тентентникова сѣно хорошее, овесъ круглый, безъ усовъ, стойла въ конюшнѣ высокія, перегородки между ними удобны, такъ что если засѣдатель хотѣлъ пошептать на ухо чубарому, то тутъ же, просунувъ морду, исполнялъ свое желаніе). Словомъ, всѣ обжились, какъ дома...

... Онъ уже собрался и расположился вокругъ нея въ такихъ сборкахъ и складкахъ, что (ваятель сейчасъ же перенесъ бы ихъ на мраморъ. А) всѣ барышни, одѣтыя по модѣ, показались бы передъ ней (чѣмъ-то обыкновеннымъ. Чичиковъ въ первую минуту не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что̀ такое именно стояло передъ нимъ, а только потомъ уже замѣтилъ, что у нея былъ существен-

ный недостатокъ, именно недостатокъ толщины). — Рекомендую вамъ мою баловницу»...

... «Верхомъ на гнѣдой лошади»! подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну. (Ты думаешь, Алексаша, нашъ чагровый хуже его»? — «Хуже не хуже, но выступка не такая»)... «Гдѣ, гдѣ? закричалъ Пѣтухъ, подступивъ къ окну...

... Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдъ. («Пропалъ совершенно сонъ», сказалъ Чичиковъ, перевернувшись на одну сторону, закуталъ голову въ подушки и закрылъ себя всего одѣяломъ, чтобы не слышать ничего; но и сквозь одѣяло и подушки) раздавалось безпрестанно: «да поджарь»...

... «И всѣ такъ право: и просвѣщенные, и не просвѣщенные. (Вотъ знаю одного: былъ умный мужикъ, изъ ничего нажилъ сто тысячъ, а какъ нажилъ сто тысячъ, пришла въ голову дурь сдѣлать ванну изъ шампанскаго). Нѣтъ, чего-то другаго намъ не достаетъ, а чего — и самъ не знаю. (Но вотъ мы, кажется, и все осмотрѣли; больше ничего нѣтъ. Хотите развѣ взглянуть на мельницу? Впрочемъ, въ ней нѣтъ колеса, да и строеніе никуда не годится». — «Что-жъ и разсматривать», сказалъ Чичиковъ. — «Въ такомъ случаѣ пойдемъ домой». И они всѣ направили шаги къ дому). На возвратномъ пути были виды тѣже...

... Свѣтъ сталъ мерцать вдали... (Иванъ Потапычъ былъ милліонщикъ, выдалъ дочерей своихъ за чиновниковъ, жилъ, какъ царь, а какъ обанкротился, чтожъ дѣлать? Пошелъ въ прикащики. Не весело-то было ему съ серебрянаго блюда за простую миску: казалось, что и руки ни къ чему не подымутся. Теперь Иванъ Потапычъ могъ бы хлѣбать изъ серебрянаго блюда, да ужъ не хочетъ. У него ужъ набралось бы опять, да онъ говоритъ: «нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, служу я теперь ужъ не себѣ и не для себя, а потому, что Богъ такъ велѣлъ. По своей волѣ не хочу ни́чего сдѣлать. Слушаю васъ потому, что Бога хочу слушаться, такъ какъ Богъ иначе не говоритъ, какъ устами лучшихъ людей. Вы умнѣе меня, а потому не я отвѣчаю, а вы. Вотъ что говоритъ Иванъ Потапычъ; а онъ, если сказать правду, въ нѣсколько разъ умнѣе меня». — «Аѳанасій Васильевичъ! Вашу власть и я готовъ надъ собой принять, — вашъ слуга и, что̀ хотите, отдаюсь вамъ. Но не давайте работы свыше силъ: я не Потапычъ и говорю вамъ, что ни на что доброе не гожусь». — «Не я-съ, Семенъ Семеновичъ, наложу на васъ, а такъ какъ вы хотѣли бы послужить, какъ говорите сами, такъ вотъ вамъ богоугодное дѣло. Строится въ одномъ мѣстѣ церковь доброхотнымъ дательствомъ благочестивыхъ людей. Денегъ недостаетъ, нуженъ сборъ. Надѣньте простую сибирку; вѣдь вы теперь простой человѣкъ, разорившійся дворянинъ и тотъ же нищій. Что-жъ тутъ чиниться? Да съ книгой въ рукахъ на простой телѣжкѣ и отправляйтесь по городамъ и деревнямъ. Отъ архіерея вы получите благословеніе и шнуровую книгу, да и съ Бо-

гомъ». Семенъ Семеновичъ былъ изумленъ этой совершенно новой должностью. Ему, все-таки дворянину, нѣкогда древняго рода, отправиться съ книгой въ рукахъ просить на церковь? Ему съ хворостью трястись на телѣгѣ? А между тѣмъ вывернуться и уклониться нельзя: дѣло богоугодное... — «Призадумались, сказалъ Муразовъ. Вы здѣсь двѣ службы сослужите: одну службу Богу, а другую мнѣ». — «Какую же вамъ»? — «А вотъ какую! Такъ какъ вы отправляетесь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я еще не былъ, вы узнаете-съ на мѣстѣ все, какъ тамъ живутъ мужики: гдѣ по-богаче, гдѣ терпятъ нужду и въ какомъ состояніи всѣ? Раскольники тамъ и всякіе-съ бродяги смущаютъ ихъ, противъ властей и порядковъ ихъ возстановляютъ. Вы человѣкъ умный, узнаете все это, гдѣ отъ другихъ смущеніе, а гдѣ отъ собственнаго ихъ неспокойнаго нрава, да и разскажете потомъ мнѣ все. Я вамъ на всякій случай небольшую сумму дамъ на раздачу тѣмъ, которые уже и дѣйствительно терпятъ безвинно. Съ вашей стороны будетъ также полезно утѣшить ихъ словомъ и получше истолковать имъ то, что Богъ велитъ переносить все безропотно и молиться въ то время, когда несчастливы, а не буйствовать и распоряжаться самимъ. Словомъ, говорите имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя. Если увидите въ комъ противу кого бы то ни было ненависть, употребите все усиліе». — «Аѳанасій Васильевичъ! Дѣло, которое вы мнѣ поручаете, сказалъ Хлобуевъ, святое дѣло; но вы вспомните, кому вы его поручаете. Поручить его можно человѣку почти святой жизни, который бы и самъ умѣлъ уже прощать другимъ». — «Да я не говорю, чтобы все это вы исполнили, а по возможности, что̀ можно. Дѣло-то въ томъ, что вы все-таки пріѣдете съ позназньемъ тѣхъ мѣстъ и будете имѣть понятіе, въ какомъ положеніи находится тотъ край. Чиновникъ не имѣетъ возможности, да и мужикъ то съ нимъ не будетъ откровененъ. А вы, прося на церковь, заглянете ко всякому, и къ мѣщанину, и къ купцу, и будете имѣть случай разспросить всякаго. Говорю-съ вамъ, что генералъ-губернаторъ особенно теперь нуждается въ такихъ людяхъ, и вы, мимо всякихъ канцелярскихъ повышеній, получите такое мѣсто, гдѣ не безполезна будетъ ваша жизнь». — «Попробую, приложу стараніе, сколько хватитъ силъ», сказалъ Хлобуевъ, и въ голосѣ его было замѣтно ободреніе; спина выпрямилась и голова приподнялась, какъ у человѣка, которому свѣтитъ надежда. «Вижу, что васъ Богъ наградилъ разумѣньемъ, и вы знаете иное лучше насъ, близорукихъ людей). Теперь позвольте васъ спросить... и т. д.

Послѣ такихъ подробныхъ указаній и наиболѣе важныхъ примѣровъ намъ хочется пожелать, чтобы издатели «Сочиненій Гоголя» обратили вниманіе на нашу рукопись и воспользовались ея варіантами для лучшаго изданія втораго тома «Мертвыхъ Душъ».

Дим. Языковъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА И КОРОЛЬ ЛЮДОВИКЪ XV.

I.

Когда, въ 1717 году, Петръ Великій, во время своего пребыванія въ Парижѣ, держалъ на рукахъ малютку-короля Людовика XV, ровесника своей младшей дочери Елизаветы, то, быть можетъ, у него въ ту пору мелькнула мысль о возможности брака между его наихристіаннѣйшимъ величествомъ и хорошенькой и шаловливой дочерью царя Петра, Лизой. Но ни регентъ Франціи, ни царственный домъ Бурбоновъ не внушилъ Петру никакого къ себѣ расположенія, и, кромѣ того, вмѣшательство Петра въ дѣла Европы, направлявшееся во вредъ фамиліи Бурбоновъ, если и не пресѣкли, то все же отдалили возможность родственнаго союза между этой фамиліею и домомъ Романовыхъ. Петръ не отказывался, однако, окончательно отъ такого родства. Елизавета, между тѣмъ, подростала, но вдругъ всѣ надежды Петра рушились, когда оффиціально всѣмъ европейскимъ дворамъ было объявлено о предстоящемъ бракѣ Людовика XV съ одной изъ испанскихъ инфантъ. Послѣ такого непріятнаго извѣстія Петръ перешелъ къ другому предположенію: «если,—думалъ онъ,—мнѣ не удалось выдать Лизу за короля, то въ такомъ случаѣ можно подумать, чтобъ женить на ней одного изъ принцевъ королевскаго французскаго дома. Да и, кромѣ того, развѣ не можетъ разстроиться предстоящій бракъ Людовика съ инфантой?» Въ продолженіи своей жизни до самой своей смерти думалъ объ этомъ Петръ.

Когда, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1721 года, пріѣхалъ въ Кронштадтъ французскій повѣренный въ дѣлахъ Кампредонъ, то Петръ, вопреки всѣхъ правилъ этикета, прибылъ туда къ нему самъ, а по-

томъ далъ ему въ Петербургѣ торжественную аудіенцію. Пріемъ со стороны Петра Кампредону былъ самый любезный, но при этомъ царю пришлось выслушать, скрѣпя сердце, извѣщеніе о предстоящемъ бракѣ Людовика XV съ испанскою инфантою, какъ о предположеніи окончательно рѣшенномъ.

Въ Петербургѣ, при торжествѣ по случаю заключенія Ништадскаго мира, Кампредону въ первый разъ пришлось увидѣть обѣихъ царевенъ, Анну и Елизавету. По отзыву его, онѣ обѣ были очень хороши собою, но Анна отличалась большимъ благородствомъ и сдержанностію; въ меньшой же, Елизаветѣ, было болѣе привлекательности и веселости. Обѣ онѣ нисколько не походили на свою мать: толстую, съ самымъ простымъ и смуглымъ лицомъ, выдававшимъ ея непородистость. Обѣ дочери Петра говорили бѣгло и по французски, и по нѣмецки. Узнавъ передъ этимъ изъ газетъ, что во Франціи ходила молва о возможности брака герцога Шартрскаго, сына регента, съ одною изъ русскихъ великихъ княженъ, онѣ, по наблюденіямъ Кампредона, обнаруживали въ отношеніи къ нему замѣтное любопытство, смѣшанное съ волненіемъ, считая французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ сватомъ и не зная, на которую изъ нихъ можетъ пасть его выборъ.

Пиры, задаваемые въ Петербургѣ Петромъ Великимъ въ честь Кампредона, съ изумительными для француза попойками, не мѣшали Петру вести дипломатическіе переговоры съ представителемъ Франціи и обдумать способы, чтобъ при посредствѣ Елизаветы породниться съ Бурбонами—съ одной изъ древнѣйшихъ династій въ Европѣ. Въ Петербургѣ шла о томъ рѣчь, и по поводу этого Кампредонъ, отъ 8-го ноября 1721 года, писалъ кардиналу Дюбуа, завѣдывавшему во Франціи иностранною политикою, слѣдующее:

«Одинъ изъ моихъ друзей сказалъ мнѣ, что, съ цѣлью расположить царицу къ Франціи, было бы лучше всего устроить бракъ младшей дочери царя, которая очень красива и стройна, съ однимъ изъ французскихъ принцевъ, и тогда этотъ принцъ легко бы могъ сдѣлаться королемъ въ Польшѣ и оставаться тамъ при могущественной поддержкѣ царя. Я увѣренъ, что эти внушенія идутъ со стороны Шафирова. Я принялъ рѣчь объ этомъ, какъ частный разговоръ, и, узнавъ, что въ женихи намѣченъ графъ Шароле [1], въ общихъ словахъ отвѣчалъ, что относительно этого сватовства мнѣ ничего неизвѣстно. Ваше преосвященство давно уже знаете, что̀ я писалъ на счетъ этого, а именно, что осуществленіе такого предположенія не представляетъ большаго затрудненія и что изъ этого брака, если онъ состоится, Франція можетъ извлечь для себя большія выгоды. Надобно только узнать, найдетъ ли это предположеніе отзывчивость съ нашей стороны въ такой именно мѣрѣ, которая соотвѣтствовала бы

[1]) Шарль Бурбонъ, графъ де Шароле, изъ дома Бурбонъ-Конде. Ему въ эту пору было 23 года.

заискиванію съ другой стороны, и затѣмъ соотвѣтственно этому прошу дать мнѣ наставленія, съ которыми я могъ бы сообразоваться».

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—доносилъ спустя нѣсколько дней Кампредонъ,—что царь чрезвычайно желаетъ выдать одну изъ своихъ дочерей за французскаго принца, и если его королевское высочество находитъ это удобнымъ, то я полагаю, что въ приданое за невѣстой будетъ польская корона, такъ какъ царь въ Польшѣ полновластенъ. Его королевскому высочеству предстоитъ обдумать способъ, какъ подвести дѣло, къ исполненію котораго здѣсь приступятъ съ полною готовностію».

Соображенія объ устройствѣ графа Шароле въ Польшѣ высказывалъ Кампредонъ въ виду того, что престолъ польскій долженъ былъ вскорѣ остаться празднымъ, такъ какъ здоровье короля Августа II было совершенно разстроено. Регентъ понялъ очень хорошо выгоды такого предложенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пришелъ и къ другому, касавшемуся лично его, предложенію. Онъ задумалъ доставить польскую корону орлеанской линіи бурбонскаго дома, къ которой принадлежалъ онъ самъ, и намѣтилъ въ женихи Елизаветѣ старшаго своего сына, герцога Шартрскаго. Одно только удерживало его отъ осуществленія этой мысли. «Положимъ,—разсуждалъ онъ,—королевская корона, хотя бы и польская, сама по себѣ хороша, но за невѣстой одинъ недостатокъ: мать ея женщина темнаго происхожденія и эту темноту не можетъ разсѣять весь блескъ славы отца невѣсты. Нужно было также сообразить регенту Франціи и о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ въ Англіи подобное тѣсное сближеніе Франціи съ Россіею, тѣмъ болѣе, что отношенія короля англійскаго Георга I къ Петру были крайне недружелюбны и грозили даже дипломатическимъ разрывомъ между обоими государствами. По этой причинѣ, регентъ не давалъ, въ теченіи шести мѣсяцевъ, никакого отвѣта и только въ октябрѣ 1722 года Кампредону была доставлена длинная-предлинная инструкція, въ которой кардиналъ Дюбуа, какъ государственный секретарь по дѣламъ иностраннымъ, излагалъ соображенія версальскаго кабинета по вопросу о предполагаемомъ бракѣ.

Въ основѣ Дюбуа соглашался съ умѣстностію и выгодами для Франціи брачнаго союза между обоими царствующими домами, но отлагалъ окончательное разрѣшеніе упомянутаго вопроса до открытія польскаго «приданаго» и при томъ съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы герцогъ Шартрскій былъ прежде провозглашенъ королемъ и уже послѣ этого вступилъ бы въ супружество съ Елизаветой Петровной.

Къ этому кардиналъ добавилъ, что царь изъ предстоящаго брака извлечетъ много выгодъ, къ которымъ онъ равнодушно относиться не можетъ. Онъ вступитъ въ такое родство, лучше котораго не отыщетъ въ Европѣ. Онъ соединитъ свои выгоды съ выгодами могущественной державы и, кромѣ того, враждебныя противъ Россіи дѣйствія со стороны Польши прекратятся.

Но взвѣшивая могущія быть для Франціи выгоды отъ этого брака, кардиналъ не слишкомъ сочувственно относился къ самой невѣстѣ. Онъ высказывалъ, что младшая изъ русскихъ принцессъ, предназначенная въ супруги герцогу Шартрскому, сохраняетъ черты грубости, свойственной русскому народу. Къ этому Дюбуа добавилъ, что бракъ не можетъ быть заключенъ на иномъ условіи, какъ только съ обязательствомъ, даннымъ со стороны Франціи,— поступать согласно видамъ царя, а между тѣмъ, возможно ли быть

Императрица Елизавета Петровна.

увѣреннымъ, чтобы царь, приведя въ порядокъ свои внутреннія дѣла, не вдался въ такія предпріятія, которыя будутъ противны выгодамъ Франціи и навлекутъ на нее могущественныхъ непріятелей? Можетъ случиться еще и то, — предполагалъ Дюбуа,—что герцогъ Шартрскій, вступивъ въ бракъ съ Елизаветой, не получитъ польской короны, да и, кромѣ того, преждевременное оглашеніе его брака съ русской царевной откроетъ Европѣ замыслы царя, а польскіе магнаты, пожалуй, и не захотятъ имѣть королемъ французскаго принца.

Разъясняя такимъ образомъ свои соображенія Кампредону, Дюбуа предоставлялъ его благоразумію вести дѣло, соображаясь съ обстоятельствами, и поручалъ увѣрить царя, что регентъ весьма польщенъ тою честью, какую оказалъ его величество герцогу Шартрскому.

Когда велись эти переговоры, Петръ былъ не въ Петербургѣ, а на другомъ концѣ своей имперіи, въ походѣ противъ Персіи. Въ 1722 году, онъ пріѣхалъ въ Москву и Кампредонъ отправился туда же. Петръ принялъ представителя Франціи чрезвычайно благосклонно, окруженный своими сановниками; но сообразивъ, что рѣчь будетъ идти о бракѣ, выслалъ всѣхъ изъ пріемной залы, оставивъ около себя только государыню и Остермана.

Едва лишь Кампредонъ произнесъ имя герцога Шартрскаго, какъ Петръ перебилъ его, сказавъ: «я знаю герцога и весьма уважаю его»; при этихъ словахъ выраженіе удовольствія промелькнуло по лицу Екатерины. Изъ понятнаго самолюбія Петръ отклонился отъ дачи тотчасъ же положительнаго отвѣта; онъ не хотѣлъ обнаружить своей радости передъ чужимъ человѣкомъ, но, понимая вмѣстѣ съ тѣмъ, что дѣло о бракѣ требуетъ и быстроты, и тайны, не захотѣлъ затруднять его разными формальностями и поручилъ вести его князю Долгорукову, бывшему передъ этимъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, и слѣдовательно знакомому со взглядами тамошняго двора.

Долгоруковъ усердно принялся за порученное ему сватовство, тотчасъ же начавъ переговоры съ Кампредономъ, и не хотѣлъ отлагать бракъ царевны въ ожиданіи смерти короля польскаго. Онъ завелъ рѣчь только о наличномъ, а не о будущемъ приданомъ невѣсты и о средствахъ обезпеченія Елизаветы на случай ея вдовства.

Въ торопливости Петра нельзя не видѣть особыхъ разсчетовъ. При бракѣ дочери его съ старшимъ сыномъ герцога Орлеанскаго, Елизавету отдалялъ бы отъ французской короны одинъ только Людовикъ XV, слабое здоровье котораго было тогда предметомъ общаго безпокойства для однихъ и возбуждало надежды другихъ. Такимъ образомъ, къ мечтамъ о польской коронѣ, предоставляемой супругу Елизаветы, присоединились мечты о томъ, что эта корона со временемъ будетъ замѣнена французскою. Съ своей стороны Долгоруковъ, по поводу разсчетовъ жениха на польскую корону, говорилъ: «что же, однако, будетъ, если король польскій проживетъ еще пятнадцать лѣтъ? Въ такомъ случаѣ цесаревна вовсе не выйдетъ замужъ.» «Государь — продолжалъ Долгоруковъ — поручилъ мнѣ сказать вамъ, что тайно сдѣланное предложеніе о бракѣ ему очень непріятно, и что онъ хочетъ какъ можно скорѣе окончить сватовство. Если же съ вашей стороны будетъ при этомъ проволока, и вы будете привлекать къ

этому дѣлу Англію, то лучше вовсе прекратить сватовство». Кампредонъ сообщилъ объ этомъ въ Парижъ въ томъ смыслѣ, что регенту слѣдуетъ ускорить рѣшеніемъ вопроса о бракѣ и принять предложеніе Долгорукова. «Тотчасъ послѣ свадьбы—передавалъ Кампредонъ — можно заключить договоръ и царь, довольный совершившимся бракомъ своей дочери, дозволитъ Франціи продиктовать всѣ статьи договора и удовлетворитъ всѣ ея требованія по отношенію къ Англіи. Что же касается возведенія молодой четы на польскій престолъ, то это останется вопросомъ времени».

О самой Елизаветѣ Кампредонъ писалъ:

«Она достойна того жребія, какой ей предназначается; по красотѣ своей она будетъ служить украшеніемъ версальскихъ собраній. Если ея свободное обращеніе и удивитъ съ перваго раза французскій дворъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очаруетъ его. Съ свойственной ей гибкостью характера, эта молодая дѣвушка скоро примѣнится къ нравамъ и обычаямъ той страны, которая сдѣлается вторымъ ея отечествомъ, и Франція усовершенствуетъ прирожденныя прелести Елизаветы. Все въ ней носитъ обворожительный отпечатокъ. Можно сказать, что она совершенная красавица по тальѣ, цвѣту лица, глазамъ и изящности рукъ. Если же въ ней есть какіе нибудь недостатки, то это только недостатки ея воспитанія. Меня увѣряли, что она умна, а потому возможно исправить ее, если приставить къ ней соотвѣтствующую тому особу».

Долгоруковъ въ свою очередь нашелъ нужнымъ возбудить ревность при французскомъ дворѣ, давъ Кампредону понять, что пріѣхавшіе въ Петербургъ два принца Гессенъ-Гомбургскіе могутъ очутиться женихами цесаревенъ. Что же касается самого Кампредона, то онъ усердно дѣйствовалъ съ своей стороны и просилъ, между прочимъ, Дюбуа прислать въ Петербургъ портретъ герцога Шартрскаго, такъ какъ царевнѣ очень желательно видѣть его.

Депеши Кампредона были такъ настоятельны, что требовали немедленно отвѣта, но не смотря на это, французскій дворъ не отозвался на нихъ ни полсловомъ, а между тѣмъ въ Петербургѣ сильно напирали на Кампредона. Онъ былъ въ отчаяніи и безпрестанно отправлялъ письмо за письмомъ то къ кардиналу, то къ регенту и даже къ самому королю, не смотря на то, что Людовику было только пятнадцать лѣтъ. Но все было тщетно: версальскій кабинетъ какъ будто не подавалъ признака жизни. Кампредонъ началъ затрудняться пріѣздомъ къ петербургскому двору и сидѣлъ дома, сказываясь больнымъ.

— Непонятно, почему король, сказалъ Остерманъ Кампредону, не присылаетъ до сихъ поръ своихъ приказаній относительно веденія начатыхъ уже переговоровъ. Многіе дворы полагаютъ, что договоръ уже подписанъ, и вѣнскій кабинетъ высказалъ уже на счетъ этого свои опасенія. Государь не можетъ понять, почему король уклоняется отъ заключенія трактата, послѣ того какъ онъ выразилъ самъ на счетъ этого свое желаніе.

Дюбуа принялъ уже пятнадцать курьеровъ, отправленныхъ Кампредономъ, и только по пріѣздѣ шестнадцатаго рѣшился дать отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что замедленіе происходило вслѣдствіе затрудненія со стороны Англіи, и нынѣ, чтобъ устранить ихъ, король отправляетъ въ Лондонъ г. де-Шаваньи, а потому и нужно пообождать, что бы дать петербургскому двору окончательный отвѣтъ. Къ этому объясненію кардиналъ добавилъ, что Франція никакъ не согласится на совершеніе брака прежде избранія герцога Шартрскаго въ короли польскіе. Самъ Петръ не получалъ изъ Парижа никакого офиціальнаго извѣстія, но спустя нѣсколько мѣсяцевъ, къ огорченію своему, узналъ о бракѣ герцога Шартрскаго на одной германской принцессѣ.

3-го декабря 1723 года, параличъ разбилъ регента, герцога Орлеанскаго, на сорокъ-девятомъ году жизни, и король пригласилъ на его мѣсто герцога Бурбона, изъ дома Конде, поручивъ ему общее управленіе дѣлами, такъ что во Франціи установилось собственно новое регентство. Самъ же герцогъ находился подъ властію маркизы де-Сенъ-При. Маркиза повела, между прочимъ, такую политику, что прежнее высокомѣрное отношеніе Франціи къ Россіи болѣе уже не допускалось. Узнавъ объ этомъ, Петръ возобновилъ сношенія съ версальскимъ кабинетомъ, но вскорѣ они должны были прекратиться подъ неблагопріятнымъ для Россіи вліяніемъ со стороны Англіи.

Петра, однако, не покидала мысль о родствѣ съ королевско-французскимъ домомъ. Не успѣвъ уладить брака ни съ королемъ, ни съ герцогомъ Шартрскимъ, онъ задумалъ сосватать Елизавету за герцога Бурбона съ обѣщаніемъ доставить ему польскую корону. Объ этомъ, въ декабрѣ 1724 года, Петръ сообщилъ Кампредону, но вскорѣ послѣ того царь скончался, не доведя до конца переговоровъ о вновь предположенномъ бракѣ.

II.

Послѣ смерти Петра, князь Меньшиковъ высказался за сближеніе съ Франціею, и въ то же время къ Кампредону пришло извѣстіе, что бракъ короля Людовика XV съ испанскою инфантою, быть можетъ, и не состоится. Въ 1722 году, привезли инфанту во Францію и воспитывали въ Луврѣ, чтобъ освоить ее съ французскими обычаями и подготовить быть французскою королевою. Но инфантѣ было въ ту пору только семь лѣтъ, а Людовику XV минуло уже четырнадцать. Такая несоразмѣрность возраста жениха и возраста невѣсты заставляли отложить бракъ короля на слишкомъ продолжительный срокъ, и министры, рѣшившись спровадить подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ инфанту

обратно въ Мадритъ, постановили женить короля какъ можно скорѣе.

Въ эту пору нѣсколько таинственныхъ и ловкихъ эмиссаровъ выѣхали изъ Франціи съ порученіемъ совершенно новаго рода. Они должны были объѣхать всѣ европейскіе дворы, гдѣ могли оказаться невѣсты, подходящія для Людовика XV. Имъ было дано наставленіе заискать благорасположеніе родителей намѣченныхъ невѣстъ, сблизиться съ придворными, свести знакомство съ гувернантками и воспитательницами принцессъ, присмотрѣться къ лицу и къ стану каждой невѣсты, собрать свѣдѣнія объ ея родствѣ, а также объ ея хорошихъ качествахъ и недостаткахъ, и представить на письмѣ портретъ каждой и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Всѣ свѣдѣнія по этой части должны были быть сосредоточены въ рукахъ министра иностранныхъ дѣлъ, де-Морвиля, и въ его министерствѣ долженъ былъ быть составленъ сравнительный отчетъ о тѣхъ удобствахъ или неудобствахъ, которыя представляются при бракѣ съ той или другой невѣстой. Ни одинъ изъ такихъ эмиссаровъ не былъ, однако, отправленъ въ Россію, но тѣмъ не менѣе, въ спискѣ семнадцати невѣстъ, имѣвшихся въ виду у Морвиля и считавшихся достойными вниманія короля, занимала второе мѣсто цесаревна Елизавета. По всей вѣроятности, свѣдѣніямъ, сообщаемымъ объ Елизаветѣ Кампредономъ, на столько вѣрили, что считали излишнимъ производить ей особыя смотрины. Да и кромѣ того, молва о красотѣ и хорошихъ качествахъ Елизаветы расходилась сама по себѣ по всѣмъ европейскимъ дворамъ.

Екатерина поспѣшила воспользоваться отправкою въ Мадритъ инфанты. Она думала, что даже изъ девяносто девяти принцессъ, которыя могли быть подходящими для короля, младшая ея дочь все-таки будетъ имѣть преимущество передъ всѣми, какъ по красотѣ, такъ равно и по своему блестящему положенію. Большинство намѣченныхъ невѣстъ принадлежало къ владѣтельнымъ германскимъ фамиліямъ, хотя и отличавшимся древностію своего происхожденія, но ни одна изъ нихъ не была дочерью значительнаго и притомъ прославившагося государя, такъ что союзъ съ такими фамиліями не представлялъ для французской политики ничего особеннаго. Только одна невѣста — внука короля англійскаго — могла считаться соперницею Елизаветы. Но, разсуждали въ Версали, король французскій не можетъ жениться иначе, какъ на католичкѣ, а въ Англіи никогда не согласятся, чтобы великобританская принцесса публично отреклась отъ протестанства. Напротивъ того, русскія великія княжны — какъ тогда полагали во Франціи — легко отрекутся отъ своей религіи для блестящаго брака, и Елизавета обратится въ католичество, подобно тому, какъ мать ея, протестантка, приняла восточную вѣру. Съ своей же стороны Екате-

рина не будетъ противиться переходу своей дочери въ католичество, такъ что остается только поторопиться этимъ дѣломъ.

Императрица поспѣшила заключить союзъ съ Франціею и Англіею и приняла Кампредона въ особой аудіенціи. «Правда ли, торопливо спросила она черезъ Остермана, что король отсылаетъ инфанту въ Испанію?» Кампредонъ не зналъ этого достовѣрно, а потому далъ уклончивый отвѣтъ. «Я получила изъ Голландіи письма— продолжалъ Остерманъ отъ имени императрицы — въ которыхъ сообщаютъ мнѣ, что даже назначенъ день отъѣзда инфанты въ Мадритъ. Я еще раньше предвидѣла, что такая малолѣтняя невѣста, какъ инфанта, не соотвѣтствовала ни королю, ни государственному благу. Я желаю его величеству всего хорошаго. Мнѣ было бы пріятно содѣйствовать ему во всемъ, и я прошу васъ увѣрить короля, что его дружбу и его союзъ я уважаю болѣе, нежели дружбу и союзъ какого другаго государя».

На другой день князь Меньшиковъ разъяснилъ Кампредону подробно слова императрицы. Меньшиковъ говорилъ, что бракъ короля съ Елизаветой — единственный способъ для установленія прочнаго союза между Россіею и Франціею, и что такъ какъ король рѣшился отправить инфанту въ Испанію, то почему бы ему не жениться на Елизаветѣ? Ни одинъ бракъ — говорилъ Меньшиковъ — не представляетъ столько удобствъ для Франціи, какъ этотъ. Женихъ и невѣста однихъ лѣтъ, вся разница въ ихъ возрастѣ заключается только въ шести недѣляхъ. Мать невѣсты владѣетъ съ неограниченною властью громадною имперіею и располагаетъ огромными какъ сухопутными, такъ и морскими силами. Въ случаѣ брака императрица обязывается предоставить въ распоряженіе Франціи всѣ свои силы и употребить въ дѣло всю свою власть, и всѣмъ этимъ король вправѣ будетъ располагать, какъ онъ самъ пожелаетъ. Союзъ Франціи съ Россіею даетъ первой изъ нихъ возможность осуществить на сѣверѣ всѣ свои предположенія, а также въ Италіи и въ римско-нѣмецкой имперіи, и доставитъ средства держать въ страхѣ всѣхъ германскихъ владѣтелей. По мнѣнію Меньшикова, необходимо было, чтобы Кампредонъ безотлагательно довелъ эти сообщенія до свѣдѣнія версальскаго кабинета, а со стороны петербургскаго двора, заключилъ Меньшиковъ, не будетъ никакого промедленія и не послѣдуетъ никакихъ возраженій. Религія—говорилъ въ другой разъ Меньшиковъ—не можетъ служить препятствіемъ, такъ какъ Елизавета перейдетъ въ католичество. Она съ очаровательной внѣшностью соединяетъ здравый умъ, а также веселость и живость, столь подходящія къ французскимъ нравамъ. Кромѣ того, Людовикъ, вступая въ бракъ съ Елизаветою, послѣдуетъ примѣру одного изъ своихъ предковъ, короля Генриха I, который былъ женатъ на русской принцессѣ и притомъ въ такую пору, когда Россія была еще слаба и не пользовалась уваженіемъ Европы.

Спустя послѣ этого два дня, Екатерина принялась за дѣло. Она приказала передать Кампредону предложеніе, которое относилось лично къ герцогу Бурбону. Екатерина, сообразившая, что самъ герцогъ, мѣтившій на Елизавету, можетъ такъ или иначе помѣшать ея браку съ Людовикомъ XV, совѣтовала ему черезъ Кампредона жениться на дочери Станислава Лещинскаго, избраннаго въ 1704 году въ короли польскіе и послѣ своего низложенія съ престола удалившагося на житье въ Германію. Не смотря на всѣ превратности судьбы, у Станислава было въ Польшѣ много сторонниковъ. Но такъ какъ онъ искалъ только покоя, то — какъ говорила императрица Кампредону — онъ очень охотно передастъ свои королевскія права и свои притязанія своему зятю, и такимъ образомъ будетъ подкрѣплена кандидатура герцога Бурбона на польскій престолъ, который онъ и получитъ при обоюдномъ содѣйствіи Россіи и Франціи.

Вообще — какъ сообщалъ Кампредонъ — предложеніе, сдѣланное Екатериною, по своей выгодѣ для Франціи, превосходило предложеніе, сдѣланное Петромъ, почему онъ и поспѣшилъ обо всемъ этомъ сообщить французскому министру иностранныхъ дѣлъ, снова начертивъ портретъ Елизаветы въ слѣдующихъ строкахъ:

«Все, что говорилъ мнѣ князь Меншиковъ о личныхъ качествахъ принцессы Елизаветы, вѣрно. Несомнѣнно, что она одарена способностями, если могла сдѣлать большіе успѣхи въ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, на которыхъ она и говоритъ, и пишетъ очень хорошо, и если она умѣла пріобрѣсти хорошій навыкъ и въ обращеніи, и въ разговорахъ точно такъ же, какъ и сестра ея, принцесса Анна, не смотря на недостатки тѣхъ лицъ, которыя занимались ихъ воспитаніемъ. Сверхъ того, въ Россіи твердо держатся правила, въ силу котораго всѣ женщины, начиная съ простой горожанки и кончая принцессой, находятся въ слѣпомъ повиновеніи у своихъ мужей».

Къ этому Кампредонъ, желавшій заохотить короля къ браку съ цесаревной, добавилъ, что изъянъ въ происхожденіи Елизаветы исправленъ и пополненъ теперь тѣмъ, что на головѣ ея матери блеститъ императорская корона, и несомнѣнно, что выборъ будущаго короля польскаго будетъ въ полной зависимости отъ произвола царицы.

III.

Только что Кампредонъ отправилъ эту депешу, какъ Екатерина узнала, что начатые герцогомъ Бурбономъ переговоры о бракѣ Людовика XV съ принцессою Саллійскою не привели ни къ чему. Въ Англіи самымъ рѣшительнымъ образомъ противопоставили вопросу о бракѣ разновѣріе жениха и невѣсты. Эта новость успокоила императрицу и обнадежила ее въ успѣхѣ задуманнаго дѣла, такъ какъ ко времени прибытія депеши Кампредона въ Версаль, тамъ уничтожены были всѣ прежнія препятствія.

Вскорѣ, однако, русскій посолъ въ Парижѣ, князь Куракинъ, сообщилъ императрицѣ очень странное и нерадостное извѣстіе. Извѣстіе это имѣло романическій оттѣнокъ. Одна изъ сестеръ герцога Бурбона, мадмуазель де-Санъ, внезапно появилась въ Парижѣ и произвела тамъ сильную сенсацію. Эта принцесса, восемнадцати лѣтъ отъ роду, отличалась полнымъ разцвѣтомъ своей очаровательной красоты и тотчасъ плѣнила собою короля до безумія. Она приняла ухаживаніе за нею своего кузена съ разсчитанною сдержанностію, чѣмъ еще болѣе усилила вспыхнувшую въ немъ любовь, и вскорѣ весь дворъ заговорилъ о взаимной страсти короля и его прелестной кузины. Но вдругъ разнеслась вѣсть о внезапномъ отъѣздѣ принцессы, которая принуждена была удалиться отъ двора по настоянію своего брата. Король былъ въ отчаяніи и жаловался на суровость герцога. «Сестра моя — отвѣчалъ на это герцогъ — не такого происхожденія, чтобы могла быть вашею любовницею». Тогда король объявилъ, что онъ хочетъ жениться на ней. По этому поводу былъ созванъ чрезвычайный совѣтъ.

Случай этотъ былъ сильнымъ ударомъ, нанесеннымъ Екатеринѣ, и она отправила къ Кампредону графа Петра Андреевича Толстаго, чтобъ обстоятельно разузнать о томъ, что произошло въ Версали, и о чемъ только вкратцѣ было сообщено княземъ Куракинымъ. Кампредонъ затруднялся отвѣтомъ и началъ оправдывать короля, только какъ вѣтреннаго молодаго человѣка. Затѣмъ, онъ послалъ сообщеніе въ Парижъ о посѣщеніи Толстаго и спрашивалъ, какъ дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ? присовокупляя, что то супружество, которое готовится королю въ Петербургѣ, несравненно пристойнѣе, чѣмъ бракъ съ дѣвицею де-Санъ.

Въ ту пору на проѣздъ курьера изъ Петербурга въ Парижъ требовалось отъ двадцати пяти до тридцати дней, а между тѣмъ герцогъ Бурбонъ старался устроить бракъ короля съ своею сестрою, но когда увидѣлъ, что это предположеніе возбуждаетъ во Франціи общее негодованіе, какъ смѣлая интрига противъ орлеанской линіи, то онъ отказался отъ осуществленія своего замысла. Въ это время прибыла въ Версаль депеша Кампредона, но она недружелюбно была встрѣчена маркизою Сенъ-При. Маркиза разсчитала, что если супругою короля будетъ такая высокопоставленная принцесса, какъ Елизавета, то ей, маркизѣ, и ея сердечному другу, герцогу Бурбону, неудобно будетъ ладить съ королевою, и потому она предпочла вызвать изъ мрака безвѣстности такую принцессу, которая была бы обязана маркизѣ своимъ неожиданнымъ возвышеніемъ.

Отвѣты на депеши Кампредона не получались въ Петербургѣ и Екатерина выходила изъ терпѣнія, а, между тѣмъ, здѣсь появился англичанинъ Гай, агентъ того тайнаго союза, который замышляла Испанія противъ Франціи. Причиною гнѣва короля испанскаго

Филиппа V была отсылка въ Мадритъ инфанты, назначенной, какъ мы видѣли, въ невѣсты Людовику XV. Ягужинскій, подбиваемый Гаемъ, началъ внушать императрицѣ мысль о разрывѣ съ Франціею и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи вполнѣ успѣшно, чему, впрочемъ, способствовало одно чрезвычайно-важное обстоятельство, а именно бракъ короля Людовика XV съ Маріею Лещинскою.

Мы уже знаемъ, что Екатерина съ затаеннымъ умысломъ предлагала эту дѣвушку въ супруги герцогу Бурбону, но онъ самъ от-

Людовикъ XV.

казался жениться на ней, а въ свою очередь, подъ вліяніемъ Сенъ-При, придумалъ сосватать ее за короля, увѣренный, какъ и маркиза Сенъ-При, что скромная Марія не будетъ для него опасной соперницей и доставитъ ему возможность сохранить надъ королемъ прежнее вліяніе. Одинъ изъ эмиссаровъ герцога, шевалье де-Мере, отправился въ Германію, въ Виссенбургъ, гдѣ жилъ тогда Станиславъ Лещинскій съ своею дочерью въ нуждѣ и въ безвѣстности. Увидѣвъ Марію Лещинскую, онъ представилъ ее Людовику XV, какъ дѣвушку во всѣхъ отношеніяхъ достойную быть королевой Франціи. Король согласился жениться на ней, и маркиза

Сенъ-При отправилась въ Виссенбургъ, чтобы привезти оттуда нареченную королевскую невѣсту въ Парижъ.

До Екатерины дошли слухи о бракѣ Людовика XV прежде, чѣмъ въ Петербургѣ получено было на счетъ этого офиціальное извѣщеніе, которое пришло туда только 30-го іюля. Изъ этого извѣщенія можно было заключить, что въ Парижѣ прочитывались депеши Кампредона съ крайнимъ невниманіемъ. Въ упомянутомъ извѣщеніи причиною невозможности брака Людовика XV съ Елизаветою выставлялось разновѣріе невѣсты съ женихомъ, между тѣмъ какъ Кампредонъ, по порученію императрицы, сообщалъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, что невѣста приметъ вѣру своего будущаго супруга. Въ извѣщеніи было прибавлено, что всѣ происходившіе переговоры останутся въ тайнѣ, что король, зная приверженность русскихъ къ ихъ религіи, не рѣшался поставить въ затрудненіе Екатерину и Елизавету, когда этой послѣдней пришлось бы отречься отъ своей религіи для перехода въ католичество.

Что же касается предположенія на счетъ ея брака съ герцогомъ Бурбономъ, то маркиза Сенъ-При воспротивилась этому, но отказъ герцога отъ руки Елизаветы былъ написанъ въ общихъ выраженіяхъ съ изъявленіемъ только сожалѣнія, но безъ объясненія причинъ такого отказа.

IV.

Близкія сношенія петербургскаго кабинета съ версальскимъ на время прекратились, но благосклонный образъ дѣйствій Франціи во время войны Россіи съ Турціею побудилъ императрицу Анну Ивановну приказать Кантеміру, чтобы онъ изъявилъ за это признательность Людовику XV. Въ отвѣтъ на эту любезность Франція отправила въ Петербургъ своего посла маркиза де-ла-Шетарди, которому въ данныхъ инструкціяхъ поручалось: «узнать въ особенности о томъ положеніи, какое занимала Елизавета и ея сторонники, и наблюдать за настроеніемъ умовъ въ Россіи, дабы имѣть средства судить о возможности революціи въ этой странѣ».

Первая аудіенція, данная Шетарди въ Петербургѣ, отличалась чрезвычайною пышностью, а по выходѣ изъ аудіенцъ-залы, онъ тотчасъ же отправился къ Елизаветѣ Петровнѣ, которую чрезвычайно тронуло такое вниманіе къ ней со стороны французскаго посла. Красота Елизаветы и въ особенности ея голубые глаза съ поволокой произвели на маркиза самое пріятное впечатлѣніе.

Стараясь понравиться Елизаветѣ и въ виду того, что сама императрица уже не танцуетъ, онъ офиціально потребовалъ для себя право имѣть честь открывать придворные балы съ цесаревной, а въ отвѣтъ на это она высказала тѣ чувства расположенія, какія сохраняетъ къ Франціи и Людовику XV.

V.

Въ это время началась война за австрійское наслѣдство, при чемъ ясно было видно, что перевѣсъ въ загорѣвшейся борьбѣ будетъ на той сторонѣ, которую станутъ поддерживать Франція и Россія, и та, и другая гарантировали такъ называемую «Прагматическую санкцію», въ силу которой наслѣдственныя владѣнія Габсбургскаго дома должны были во всей цѣлости перейти къ эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи, единственной дочери императора Карла VI.

Россія оказывалась на сторонѣ Маріи, и Шетарди находилъ нужнымъ измѣнить такое направленіе русской политики, несогласное съ видами версальскаго кабинета. Лучшимъ для него средствомъ казалось ему уничтоженіе при петербургскомъ дворѣ нѣмецкаго вліянія, а чтобъ достигнуть этого, необходимо было произвести въ Россіи государственный переворотъ, который низвелъ бы браунпвейгскую фамилію съ императорскаго престола. Но кѣмъ замѣнить ее? Вопросъ этотъ казался маркизу очень простымъ: такъ какъ преемницею императора Ивана Антоновича могла быть цесаревна Елизавета Петровна, то Шетарди рѣшился призаняться этимъ дѣломъ.

Французское министерство долго отклонялось отъ сообщества съ Шетарди, оно считало неприличнымъ вмѣшиваться въ тайныя козни и быть соучастникомъ въ заговорѣ противъ установившагося въ странѣ правительства. На первое заявленіе Шетарди относительно переворота, министерство отвѣчало, что такое заявленіе требуетъ зрѣлаго обсужденія. Но желаніе устранить нѣмецкое вліяніе въ Петербургѣ скоро взяло верхъ надъ первоначальнымъ чувствомъ щекотливости, и французскій министръ иностранныхъ дѣлъ призналъ, что предложеніе маркиза Шетарди заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны его королевскаго величества. Вскорѣ послѣ того, французское министерство пошло далѣе и изъ дипломатической переписки стало извѣстно о томъ, какъ оно помогало Елизаветѣ Петровнѣ деньгами.

Въ Петербургѣ французскій посолъ былъ душою замысла въ пользу Елизаветы и усердствовалъ не только какъ дипломатъ, но и какъ рыцарь цесаревны. Воображеніе его сильно разыгрывалось при романической обстановкѣ этого замысла. Тутъ было все: и таинственныя свиданія, и томительное ожиданіе, и взглядъ, брошенный украдкой, и отрывистая рѣчь, и тайная переписка въ условленныхъ заранѣе выраженіяхъ.

Послѣ успѣха, сопровождавшаго предпріятіе Елизаветы, она не забыла добраго къ ней расположенія Людовика XV, къ которому постоянно направлялись ея мысли и о которомъ она никогда не говорила безъ волненія. «Я увѣрена — сказала она маркизу — что

никто столько не порадуется моему торжеству, какъ его величество; я намѣрена выразить ему, на сколько я признательна за все то, что онъ для меня сдѣлалъ». Дѣйствительно, на третій день своего воцаренія, она отправила къ королю письмо, въ которомъ, изложивъ весь ходъ дѣла, писала: «мы не сомнѣваемся нисколько, нашъ дражайшій братъ и истинный другъ, что ваше величество, не только по пріязни къ предкамъ нашимъ, съ удовольствіемъ узнаете о совершившейся счастливой перемѣнѣ, столь благопріятной для нашей имперіи, но что вы имѣете намѣреніе и желаніе ненарушимо утвердить ту дружбу, которая существуетъ между обоими дворами. Съ своей стороны мы будемъ неустанно стараться объ этомъ во все продолженіе нашего царствованія и воспользуемся каждымъ случаемъ, чтобы все болѣе и болѣе убѣждать ваше величество въ такомъ искреннемъ и неизмѣнномъ нашемъ намѣреніи».

При Елизаветѣ возникли снова предположенія о родствѣ царствующаго въ Россіи дома съ домомъ Бурбоновъ. Явилась мысль, чтобы женить племянника императрицы и ея наслѣдника герцога Голштинскаго на одной изъ дочерей Людовика XV. Сверхъ того распространился еще слухъ, будто бы въ Петербургъ прибыли французскіе эммисары, чтобъ отклонить императрицу отъ ея дѣвственной жизни и предложить ей вступить въ бракъ съ однимъ изъ бурбонскихъ принцевъ. Лестокъ, какъ главный совѣтникъ государыни, началъ получать пенсію отъ французскаго двора, а изъ архивныхъ дѣлъ французскаго министерства видно, что и многія знатныя русскія дамы хлопотали у Шетарди о томъ же самомъ. Елизавета каждый день видѣлась съ маркизомъ и не упускала ни одного случая, чтобъ выразить свое сочувствіе къ Франціи. Она приказала отыскать портретъ Людовика XV, который Петръ привезъ изъ Парижа и который былъ нарисованъ въ то время, когда королю было только семь-восемь лѣтъ. Взглянувъ съ нѣжностію на этотъ портретъ, она сказала Шетарди: «Я желала бы, чтобы вы доставили мнѣ тотъ портретъ короля, который находится у васъ».

«Съ большимъ огорченіемъ — сообщалъ въ Парижъ Шетарди — я исполнилъ желаніе царицы, такъ какъ портретъ, заказанный мною для посольства, неудовлетворителенъ въ отношеніи живописи». Во время разговора о портретѣ, императрица случайно обратилась спиною къ портрету короля и сдѣлала сама себѣ выговоръ за свою разсѣянность. По поводу этого маркизъ насказалъ ей не мало разныхъ любезностей.

VI.

Подъ вліяніемъ могущественнаго канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева, крайне не благоволившаго къ Франціи, симпатія петербургскаго кабинета къ версальскому значительно ослабѣла;

но когда Бестужевъ палъ, то Елизавета пожелала войти въ самыя дружескія отношенія съ Франціею.

— Между мною и королемъ—говорила она французскому послу, маркизу Лопиталю — существуютъ взаимныя симпатіи съ самаго нашего дѣтства, и вы можете увѣрить его величество, что чувства мои не измѣнились и что я всегда готова дать доказательство моей искренней дружбы, чего ожидаю и съ его стороны. Вы можете увѣрить короля, что я всѣми моими силами буду содѣйствовать

Маркизъ Шетарди.

его видамъ, и я увѣрена, что и онъ будетъ поступать точно также въ отношеніи ко мнѣ. Пусть же въ настоящее время онъ направитъ всѣ свои усилія, чтобъ образумить короля прусскаго». Съ этого времени между королемъ и Елизаветою начались тайныя сношенія, при чемъ посредствующимъ лицомъ былъ кавалеръ д'Еонъ.

Четыре или пять разъ въ году, французскій посланникъ вручалъ императрицѣ письма Людовика XV, написанныя по всѣмъ правиламъ этикета. На эти письма слѣдовала соотвѣтственная офиціальная отписка. Но въ тоже время, графъ Воронцовъ отправлялъ

въ Парижъ въ чрезвычайной тайнѣ частную переписку императрицы съ королемъ. Въ письмахъ этихъ, написанныхъ шифромъ, излагались личныя намѣренія, желанія и чувства Елизаветы. Письма къ королю сочинялъ довѣренный секретарь императрицы Олсуфьевъ, и объ нихъ не зналъ даже на первыхъ порахъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. У короля такою работой занимался Терсье. Король съ своей стороны отвѣчалъ обыкновенно въ общихъ словахъ, такъ что письма ихъ величествъ имѣли значеніе скорѣе частной дружеской переписки, нежели переписки лицъ, взаимное сближеніе которыхъ было основано на политическихъ соображеніяхъ.

Въ своей перепискѣ императрица сообщила однажды королю объ одолѣвавшихъ ея недугахъ и король прислалъ въ Петербургъ своего придворнаго врача Пуасонье, пользовавшагося во Франціи громадною извѣстностію. Онъ былъ съ уваженіемъ принятъ при дворѣ, но петербургскіе врачи встрѣтили его неприязненно, а одинъ изъ нихъ, грекъ Кондоиди, который обыкновенно пользовалъ государыню, отказался отъ участія въ консультаціяхъ съ Пуасонье; этотъ эскулапъ ссылался на то, что онъ, какъ придворный врачъ, состоитъ въ рангѣ генералъ-лейтенанта и что поэтому онъ станетъ совѣщаться съ Пуасонье только въ томъ случаѣ, если его величество король пожалуетъ своему медику таковой же генеральскій чинъ. Вслѣдствіе этого, императрицѣ пришлось совѣтоваться съ Пуасонье тайкомъ отъ Кондоиди.

Пользуясь расположеніемъ короля, Елизавета обратилась къ нему съ просьбой, чтобъ онъ для ея развлеченія прислалъ знаменитыхъ въ ту пору въ Парижѣ драматическихъ артистовъ господина Лекэня и мадмуазель Клеронъ, но король не нашелъ возможности исполнить такое желаніе повелительницы сѣвера. Въ отвѣтъ на эту просьбу король отвѣтилъ, что онъ очень желалъ бы увеселять императрицу Лекэномъ и Клеронъ, но что они, состоя при «французской комедіи», принадлежатъ парижской публикѣ, что развлеченіе парижанъ составляетъ предметъ особенной заботливости со стороны правительства и что отъѣздъ изъ Парижа упомянутыхъ артистовъ привелъ бы въ упадокъ театръ французской комедіи, поддержкою которой они служатъ.

Не удалась и другая просьба Елизаветы. Черезъ маркиза Лопиталя она сообщила версальскому кабинету, что назначеніе ей отъ Франціи годовой пенсіи или единовременная ей выдача взаймы пяти милліоновъ рублей были бы ей очень желательны; такъ какъ казначейство ея пусто, а отыскать кредитъ очень трудно. Елизавета указывала даже на тотъ способъ, которымъ можетъ быть удовлетворена ея просьба, а именно: она предлагала версальскому кабинету прекратить выдачу Австріи субсидіи и перевести ихъ на Россію. Но ни король, ни его министры не согласились на та-

кую сдѣлку. Это было въ половинѣ 1757 года. Позднѣе императрица повторила свою просьбу, но и на этотъ разъ она не сопровождалась успѣхомъ.

Не удалась и третья просьба Елизаветы. Въ ожиданіи, что у великой княгини Екатерины Алексѣевны родится ребенокъ, Елизавета вздумала пригласить Людовика XV въ воспріемники будущему новорожденному. При этомъ Воронцовъ сообщилъ Лопиталю, что удовлетворенію королемъ настоящей просьбы государыня придаетъ чрезвычайно большую важность, и что на сдѣланное ей предложеніе — въ случаѣ отказа короля — пригласить въ крестные отцы кого нибудь изъ членовъ императорско-австрійскаго дома, она отвѣчала: «или король или никто».

На эту просьбу былъ данъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что король, руководимый благочестіемъ, считаетъ обязанности воспріемника весьма существенными и потому онъ въ званіи крестнаго отца долженъ будетъ слѣдить за религіознымъ воспитаніемъ своего духовнаго чада, но такъ какъ тотъ младенецъ, который родится въ семействѣ императрицы, долженъ быть воспитанъ въ правилахъ греческой церкви, то его величество не будетъ имѣть возможности исполнить свои священныя обязанности. Отказъ короля чрезвычайно огорчилъ Елизавету, но она сдержала свое обѣщаніе, такъ какъ при крещеніи вскорѣ послѣ этого родившейся у Екатерины дочери никого воспріемникомъ не было, а была только воспріемница въ лицѣ самой императрицы.

Не смотря на всѣ эти, въ сущности маловажные, но тѣмъ не менѣе чувствительные отказы, Елизавета продолжала по прежнему выражать Франціи и ея королю свои сердечныя чувства.

Болѣзненные припадки, которыми страдала императрица, повторялись все чаще и чаще, и послѣ каждаго изъ нихъ она становилась слабѣе. Она была постоянно раздражена и тревожна. Она чувствовала приближеніе смерти, и къ тѣлеснымъ ея страданіямъ присоединились еще и нравственныя муки. Съ негодованіемъ думала она, какъ послѣ ея кончины преемникъ ея уничтожитъ все, къ чему она стремилась, и изгладитъ память объ ея царствованіи, и хотѣла въ своей секретной перепискѣ посовѣтоваться съ Людовикомъ XV объ устраненіи отъ престола великаго князя Петра Ѳедоровича, объявивъ своимъ непосредственнымъ преемникомъ подъ опекою Екатерины, сына ея Павла.

Провѣдавъ объ этомъ, Людовикъ написалъ своему послу въ Петербургѣ, барону Бретейлю слѣдующее:

«Я узналъ, что послѣдній припадокъ, бывшій съ императрицею, возбудилъ опасенія на счетъ ея жизни, и хотя публично не сообщается никакихъ свѣдѣній о состояніи ея здоровья, но ея темпераментъ, ея праздная и удручающая здоровье жизнь и отказъ отъ врачебной помощи поддерживаютъ эти опасенія. По чувству искренней дружбы, я очень сожалѣю объ императрицѣ, но, и помимо

моихъ личныхъ чувствъ, кончина ея, при настоящихъ обстоятельствахъ, была бы крайне прискорбнымъ событіемъ. Образъ мыслей ея преемника мнѣ извѣстенъ. Изъ разговора, сообщеннаго въ послѣднемъ письмѣ, отъ 15-го февраля, видно, что лицо, съ которымъ мы вели этотъ разговоръ, не отвергаетъ чувства нерасположенія императрицы къ ея наслѣднику. Не упоминая ни о переданныхъ вами извѣстіяхъ, ни о тѣхъ лицахъ, съ которыми вы бесѣдовали, я скажу только, что вы должны заискивать въ господинѣ Олсуфьевѣ, пользующемся довѣренностію императрицы, дабы при случаѣ внушить ему, чтобы онъ убѣдилъ императрицу сдѣлать свои предсмертныя распоряженія. Теперь я только намѣчаю вамъ это, предоставляя себѣ дать вамъ болѣе обстоятельныя наставленія сообразно съ тѣми извѣстіями, какія я получу отъ васъ. Главное же дѣло состоитъ въ томъ, чтобы ими черезъ васъ или черезъ то лицо, съ которымъ вы бесѣдовали, внушить г. Олсуфьеву, чтобъ онъ не давалъ государынѣ такихъ совѣтовъ, которые могутъ быть противны моимъ намѣреніямъ и служить во вредъ моимъ интересамъ».

Бретейль не успѣлъ, однако, примѣнить наставленія короля; въ то время, когда онъ получилъ ихъ, императрица была уже наканунѣ своей смерти, а затѣмъ началась агонія, продолжавшаяся двое сутокъ.

Смерть Елизаветы дала Людовику XV поводъ измѣнить свою прежнюю политику по отношенію къ Россіи. Въ то же время, въ письмѣ къ Бретейлю, Людовикъ XV выразилъ свою горесть въ слѣдующихъ строкахъ: «кончина императрицы вызвала во мнѣ искреннюю печаль, вслѣдствіе той дружбы, которая соединяла насъ. Союзъ нашъ былъ основанъ и на личныхъ чувствахъ, и на взаимности нашихъ выгодъ, и при настоящихъ обстоятельствахъ онъ имѣлъ для меня еще болѣе цѣны и внушалъ мнѣ надежду, что при соединенныхъ усиліяхъ мы водворимъ миръ, который былъ предметомъ нашихъ заботъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Людовикъ XV озаботился и объ уничтоженіи всякихъ слѣдовъ той переписки, которую онъ велъ непосредственно съ покойною государынею. Терсье сообщилъ Воронцову, что письма короля къ императрицѣ были ни что иное, какъ только частная, дружеская ихъ переписка, и что поэтому король настоятельно желаетъ, чтобы письма эти были возвращены ему, а черновые на нихъ отвѣты императрицы были бы сожжены. Спустя нѣсколько времени, Людовикъ XV писалъ о томъ же самомъ Бретейлю слѣдующее: «я полагаю, что вы не перестаете сообщать господину Воронцову о желаніи моемъ знать на счетъ возвращенія моей корреспонденціи; если болѣзнь до сихъ поръ препятствовала ему исполнить такое мое желаніе, то я не сомнѣваюсь, что онъ, по выздоровленіи, тотчасъ же займется этимъ дѣломъ».

Одинъ изъ современныхъ намъ французскихъ писателей, г. Вандаль, издавая акты, хранящіеся въ государственномъ архивѣ французской республики и которыми мы пользовались при составленіи

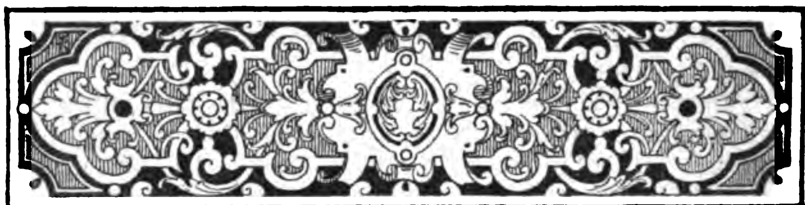
настоящей статьи [1]), дѣлаетъ объ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ слѣдующій отзывъ:

«Елизавета чувствовала или, вѣрнѣе сказать, инстинктивно понимала истинныя выгоды своего государства. Она съ прискорбіемъ видѣла, что въ сосѣдствѣ съ нимъ усиливается Пруссія, и потому хотѣла побороть ее. Она, въ виду того, что могло составить и славу и тревогу Россіи, предпочитала опираться на такую отдаленную державу, какъ Франція, не имѣющую прямыхъ притязаній на сѣверѣ, нежели на сосѣдей, за которыми приходилось бы зорко слѣдить и покупать ихъ подмогу дорогою цѣною. Политика Елизаветы не была плодомъ ни разсчетовъ, ни соображеній. Ея сочувствіе къ Франціи, ея расположеніе къ Людовику XV и ея ненависть къ Фридриху II замѣняли ей политическія начала и обусловливали образъ ея дѣйствій. Выходило такъ, что страсти ея давали политикѣ вѣрное направленіе, а сердечныя ея побужденія обращались на пользу ея народа и Европы. Она, то порывистая, то слабая, не обладала ни однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыя свойственны мужчинамъ и которыми блистала потомъ на престолѣ царей другая императрица. Она только женскою рукою исполняла глубоко обдуманныя политическіе планы своего отца. Ея недостатки—легкомысліе въ юности и безучастность въ послѣдніе годы жизни—очень часто брали верхъ надъ ея добрыми стремленіями, на которыя въ то же время вліяли какъ недовѣрчивость Людовика XV, такъ и неумѣстныя интриги тайной дипломатіи. Предначертанный Петромъ Великимъ французскій союзъ установился только въ послѣдніе годы царствованія его дочери, — установился слишкомъ поздно, чтобы могъ сопровождаться всѣми своими послѣдствіями. Если бы — заключаетъ г. Вандаль — союзъ этотъ устроился ранѣе, то онъ воспрепятствовалъ бы опасному усиленію Пруссіи, обуздалъ бы геній Фридриха II, воспрепятствовалъ бы его удачамъ, не допустивъ этого властолюбиваго государя подготовить то, что осуществили его преемники».

К. Н. В.

---

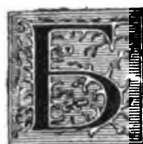
[1]) Louis XV et Elisabeth de Russie. Par Vandal. Paris. 1883.



СИБИРСКІЕ САТРАПЫ.

1765 — 1819.

(Письмо барона В. И. Штейнгеля къ А. П. Ермолову.)



АРОНЪ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель (1784 † 1863), членъ тайнаго общества сѣверныхъ славянъ, другъ братьевъ Бестужевыхъ, участникъ въ мятежѣ 14-го декабря 1825 года, по приговору слѣдственной коммисіи провелъ въ глуши Сибири тридцать долгихъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ, при своемъ наблюдательномъ, высокообразованномъ умѣ, превосходной памяти, имѣлъ возможность узнать многое, относящееся до администраціи и общественнаго быта далекой, полудикой страны, по собственному свидѣтельству барона, знакомой ему еще съ дѣтства. Не вдаваясь въ біографическія подробности, считаемъ однако же не лишнимъ ознакомить читателя съ нѣкоторыми фазисами жизни и съ характеромъ покойнаго Владиміра Ивановича, основываясь на документальныхъ данныхъ и на отзывахъ близкихъ ему людей.

Въ «Росписи государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаемыхъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ» (изд. 1826 г.), Штейнгель и Батенковъ, причисленные къ третьему разряду, осуждены къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу. О первомъ слѣдующая помѣтка:

Подполковникъ баронъ Штейнгель: «зналъ объ умыслѣ на цареубійство съ лишеніемъ свободы, съ согласіемъ на послѣднее; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и участво-

валъ въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ манифеста и приказа по войскамъ».

Этотъ приговоръ верховнаго уголовнаго суда былъ всемилостивѣйше смягченъ: баронъ Штейнгель и подполковникъ Батенковъ, подверглись лишенію чиновъ и дворянства и ссылкѣ на двадцать лѣтъ въ каторжную работу, а потомъ на поселеніе.

Въ ожиданіи помѣщенія въ Читѣ, «декабристы», по словамъ М. А. Бестужева въ его запискахъ [1]), въ числѣ восьмидесяти двухъ человѣкъ, были, по распоряженію коменданта, генералъ-маіора Лепарскаго, помѣщены въ казематѣ Петровскаго завода. Здѣсь скучились всѣ участники заговора, члены обществъ «Сѣвернаго», «Южнаго» и «Соединенныхъ славянъ».

В. И. Штейнгель, пребывая въ Сибири долѣе другихъ, оставался неразлученъ съ братьями Бестужевыми, дружно дѣля съ ними труды и страданія. Вотъ что говоритъ о немъ М. А. Бестужевъ (родился 22-го сентября 1800 г., скончался въ Москвѣ 21-го іюня 1871 г.), въ своихъ «Запискахъ» [2]), писанныхъ въ 1862 году съ примѣчаніями барона Штейнгеля:

«Моимъ первымъ другомъ, съ перваго дня вступленія въ корпусъ, былъ Александръ Никитичъ Баскаковъ; послѣднимъ въ тюремной жизни — баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель. О первомъ вы спросите у сестры Елены Александровны и она вамъ разскажетъ о его неизмѣнной привязанности ко мнѣ (даже въ то время, когда судьба насъ разлучила на вѣки); какъ онъ, не имѣя возможности облегчать мою участь личнымъ участіемъ своей дружбы, во имя ея старался, по возможности, быть полезнымъ матушкѣ и сестрамъ. До самой смерти своей онъ велъ постоянно со мною переписку, присылалъ на память разныя вещи и работы своей дочери и готовъ былъ присылать деньги, если бы я на это далъ свое согласіе. Послѣдняго (барона Штейнгеля), если пожелаете, можете узнать лично: онъ живетъ въ Петербургѣ, въ Кирочной улицѣ, въ домѣ Кольмана. Вы увидите въ немъ весь пылъ молодости [3]), сохранившейся подъ убѣленною временемъ головою, какъ пламя Этны подъ снѣгомъ. Вы найдете въ немъ живую лѣтопись прошедшаго, которая не солжетъ вамъ даже въ часѣ прошлаго событія: такъ свѣжа его память [4]) и, слѣдовательно, кромѣ любопытныхъ подробностей о нашемъ казематномъ бытѣ, онъ можетъ сообщить многія интересныя событія вамъ, какъ исторіографу» [5]).

---

[1]) «Русская Старина» 1870 года, изданіе третье, томъ II, стр. 240 — 242.
[2]) «Русская Старина» 1881 года, томъ XXXII, стр. 616 — 617.
[3]) «Онъ говоритъ по воображенію».
[4]) «Была!» Оба примѣчанія самаго барона Штейнгеля сдѣланы, въ числѣ прочихъ, незадолго до его кончины.
[5]) Авторъ «Записокъ» обращается къ редактору «Русской Старины».

Если отзывъ М. А. Бестужева можетъ показаться пристрастнымъ, то искренняя пріязнь и уваженіе многихъ другихъ лицъ, знавшихъ барона Штейнгеля, служатъ надежными поруками за его душевныя качества. Въ числѣ этихъ лицъ былъ и Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, который имѣлъ дружескія сношенія съ узникомъ петровскаго каземата въ тѣ времена, когда всякое проявленіе сочувствія къ кому либо изъ сосланныхъ декабристовъ могло навлечь на сочувствующаго крайнее неудовольствіе правительства. По крайней мѣрѣ, представители административной власти относились къ поселеннымъ уже ссыльнымъ, по окончаніи срока каторги, съ крайнею суровостью. Въ воспоминаніяхъ Александра Филипповича Фролова [1]) находимъ слѣдующую замѣтку:

...«князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ выслалъ почтеннаго и уважаемаго (барона) В. И. Штейнгеля изъ губернскаго города Тобольска, гдѣ онъ обзавелся хозяйствомъ, въ жалкій уѣздный городъ Тару за то только, что дошло до его свѣдѣнія, будто В. И. Штейнгель, уступивъ просьбѣ губернатора Ладыженскаго, неопровержимо отстаивалъ мнѣніе губернатора по какому-то уголовному дѣлу, не согласное со взглядомъ по этому предмету, изложеннымъ заранѣе княземъ Горчаковымъ».

Въ сосланныхъ и поселенныхъ декабристахъ вообще, и въ баронѣ Штейнгейлѣ, быть можетъ, въ особенности, сибирскія губернскія власти имѣли, конечно, опасныхъ «протестантовъ» на свои злоупотребленія. Это были не якуты и камчадалы, съ которыхъ можно было драть тройной ясакъ, не богачи-золотопромышленники или купцы, которымъ за щедрыя взятки дозволялось безнаказанно душить своихъ чернорабочихъ и грабить народъ. Каторжныя работы не могли, путемъ физическаго изнуренія, подавить работы умственныя въ ссыльныхъ 1826 года. Напротивъ, многіе изъ нихъ въ сибирской глуши нашли возможность усовершенствовать свое первоначальное образованіе...

Но, говоря словами Некрасова:

Настал̆ъ святой, великой мигъ,
Въ скрижаляхъ царства незабвенный —
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовѣсть достигъ!

Всемилостивѣйшая амнистія, дарованная декабристамъ и ихъ семействамъ, возвращеніе имъ прежнихъ правъ и ихъ возвращеніе въ Россію сняли съ «декабрьскаго» дѣла покровъ тайны, и съ 1856 года оно — достояніе исторіи и ея необлыжнаго и неподкупнаго суда. Баронъ В. И. Штейнгель скончался на шестой годъ по своемъ освобожденіи, завѣщая отечественной исторіографіи нѣсколько любопытныхъ данныхъ о временахъ давно минувшихъ. Къ этимъ

[1]) «Русская Старина» 1882 года, томъ XXXIV, стр. 474.

даннымъ причисляемъ и впервые нами печатаемое его письмо къ А. П. Ермолову о сибирскихъ губернаторахъ, во многихъ отношеніяхъ весьма любопытное.

Судя по изяществу слога и чисто литературному пошибу пера, нельзя не заключить, что баронъ Штейнгель, находясь въ ссылкѣ, писалъ очень много, касаясь важныхъ общественныхъ и административныхъ вопросовъ. Ревность къ изобличенію злоупотребленій была въ немъ до того сильна, что онъ, находясь въ Петропавловской крѣпости, писалъ, отъ 11-го января 1826 года, императору Николаю Павловичу о вредныхъ дѣйствіяхъ Магницкаго и Рунича. Быть можетъ, нѣкоторыя изъ его произведеній были напечатаны заграницею; но такъ какъ тамошняя русская печать — у насъ контрабанда, то, не вдаваясь въ библіографическія изслѣдованія, скажемъ, что донынѣ, въ одной лишь «Русской Старинѣ» 1881—1882 гг. были напечатаны двѣ статьи, редактированныя барономъ Владиміромъ Ивановичемъ, именно «Записки М. А. Бестужева» и «Записки несчастнаго, содержащія путешествіе въ Сибирь по канату» въ 1826—1827 гг., (1881 г., томъ XXXII, стр. 763 — 804, и 1882 г., томъ XXXIII, стр. 133 — 160). Послѣднія были записаны барономъ Штейнгелемъ со словъ разсказчика въ 1835 году.

Дополненіями къ прилагаемому письму о правителяхъ Сибирскаго края могутъ служить «Бумаги» Ивана Борисовича Пестеля («Русскій Архивъ» 1875 г., № 4, стр. 368 — 414) и «Воспоминанія» г. Эразма Стогова («Русская Старина» 1878 г., томъ XXIII, стр. 499 — 530) хотя и къ тѣмъ, и къ другимъ слѣдуетъ относиться съ крайнею осмотрительностью. Въ выноскахъ мы приводимъ ссылки на разнорѣчія этихъ авторовъ съ письмомъ барона Штейнгеля.

П. Каратыгинъ.

Петровскій казематъ, 1834 г. апрѣля 28.

Многоуважаемый мною, почтеннѣйшій Алексѣй Петровичъ!

Вы желали знать отъ меня, кто за кѣмъ, съ открытія Иркутской губерніи, начальствовалъ въ ней. Мнѣ показалось, что я плохо бы удовлетворилъ вашему любопытству, если бы представилъ вамъ голый списокъ именъ и прозваній этихъ господъ, а потому не могъ воздержаться, чтобъ не сказать вамъ, хотя кратко, что̀ знаю о каждомъ изъ нихъ. Не обманитесь; не подумайте найдти интересный, завлекательный разсказъ: я взялся бы не за свое дѣло. Нѣтъ, я скажу вамъ просто и, можетъ быть, безъ связи, только то, что въ обрывкахъ сохранилось въ ослабѣвающей моей памяти. Прежде я зналъ многое: чуть не родился въ Сибири; жилъ долго, жилъ не безъ толчковъ и потому не безъ оглядки; сверхъ

того, по нѣкоторому случаю имѣлъ многія бумаги Иркутскаго архива въ своихъ рукахъ... Но, вотъ, я начинаю разсказывать.

Вамъ, конечно, извѣстно, что Иркутская губернія воспріяла свое отдѣльное отъ «Сибирской» губерніи существованіе съ 1765 года и что съ того времени управляли ею губернаторы по Наказу Петра Великаго, имѣя при себѣ одно присутственное мѣсто—губернаторскую канцелярію. Изъ сихъ губернаторовъ, два оставили по себѣ память: Нѣмцевъ и Кличка. Первый не былъ настоящимъ губернаторомъ и въ самыхъ бумагахъ назывался: «со властію губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ». Онъ прославился здѣсь особенно по случаю арестованія сумасброднаго Нарышкина, возмутившаго Нерчинскій край: обстоятельство, описанное съ довольною точностію въ романѣ г. Калашникова: «Дочь купца Жолобова». Не останавливаясь на семъ, я упомяну только мимоходомъ, что разсказы о Нарышкинѣ имѣютъ связь съ преданіями о несчастномъ митрополитѣ Арсеніѣ Ростовскомъ, погребенномъ въ Нижнеудинскѣ [1]). Кличка, Францъ Николаевичъ, былъ, если не ошибаюсь, послѣдній губернаторъ предъ открытіемъ намѣстничества. Онъ оставилъ по себѣ память, какъ человѣкъ умный, благонамѣренный и весьма дѣятельный. Существующій въ Нерчинскѣ «Кличкинскій рудникъ» въ честь его получилъ это названіе.

Въ 1783 году, послѣдовало въ Иркутскѣ открытіе намѣстничества. Первымъ намѣстникомъ Иркутскимъ и Колыванскимъ былъ Якобій, генералъ-поручикъ; губернаторомъ при немъ Ламбъ, генералъ-маіоръ. По странной, конечно, игрѣ случая, тотъ и другой — «Иванъ Вареоломеевичъ». Можетъ быть, не найдете лишнимъ, если я припомню, что губернія въ это время была раздѣлена на четыре области: Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую, и въ каждую назначенъ комендантъ области, генералъ-маіоръ; помню и фамилію — Блюмъ. Все это чиноначаліе просто деспотствовало. Объѣздъ Охотскаго коменданта Козлова-Угрейнина по своей области долго вспоминался въ Камчаткѣ подъ именемъ «собачьей оспы». Самъ Якобій былъ сатрапъ-сибаритъ. Одно осталось по немъ въ памяти иркутянъ: пышно, весело жилъ. Конецъ его вы знаете: чуть не десятилѣтнее томленіе подъ судомъ. Дѣло кончилось ничѣмъ; но зачернило сибиряковъ въ мнѣніи правительства и чуть не въ мнѣніи всѣхъ россіянъ. Слова высочайшаго указа слишкомъ были громки, разительны. Онъ такъ начинался: «Читано передъ Нами нѣсколько тысячъ листовъ, подъ названіемъ Сибирскаго, Якобіевскаго дѣла, изъ коего Мы ничего

---

[1]) Арсеній Маціевичъ (род. въ 1697 году) умеръ въ Ревелѣ 28 февраля 1772. Съ его личностью въ народныхъ преданіяхъ смѣшана личность іеромонаха Нижегородскаго монастыря, тоже Арсенія, дѣйствительно умершаго въ Нижнеудинскѣ. П. К.

иного не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетенъ и кляузъ, а потому...» и проч. Словами этими положено клеймо на сибиряковъ, за которое они впослѣдствіи дорого поплатились; кто знаетъ, можетъ быть и теперь поплачиваются. Горе отдаленной провинціи, ежели правительство между ею и собою поставитъ оплотъ предубѣжденія! Какая истина, какая невинность можетъ быть увѣрена, что гласъ ея за симъ оплотомъ не покажется ухищреннымъ воплемъ ябеды? Но — не наше дѣло; притомъ же это вѣдь давнопрошедшее.

Ламбъ оставилъ по себѣ воспоминаніе, какъ человѣкъ добрый, честный и безукоризненный. Вмѣсто Якобія поступилъ Иванъ Алферовичъ Пиль, также генералъ-поручикъ. Ламба смѣнилъ Михаилъ Михайловичъ Арсеньевъ. Сей послѣдній былъ добрый москвичъ, хлѣбосолъ; но губернаторъ слабый; имѣлъ большое семейство и кончилъ жизнь въ Иркутскѣ въ 1791 году. Мѣсто его занялъ генералъ-маіоръ Нагель, только что кончившій переговоры съ китайцами въ Кяхтѣ, по случаю бывшаго тогда съ ними разрыва. Здѣсь позвольте мнѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Обстоятельство это напоминаетъ мнѣ человѣка, котораго память близка моему сердцу.

Разрывы съ китайцами были часты, такъ что съ 1744 года по 1792, въ теченіе 48 лѣтъ, кяхтинская торговля девять разъ была прекращаема, по причинамъ совершенно вздорнымъ, чтобъ не сказать болѣе, и если счесть время безторженія (?), оно составитъ 15 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ съ днями. Съ Нагелемъ, въ послѣднемъ соглашеніи съ китайцами, участвовалъ чиновникъ коммерцъ-коллегіи, Ванифантьевъ, который и остался директоромъ кяхтинской таможни. Съ того времени ворота кяхтинскія уже не запирались. Ванифантьевъ пробылъ директоромъ 24 года; умеръ въ Москвѣ, оставивъ по себѣ двѣнадцать рублей съ полтиною: вещи сами собою объясняются. Ванифантьевъ былъ мой тесть: я промолчалъ бы, если бы истина не позволяла сказать того, что служитъ къ его чести. Обращаюсь къ предмету.

Пиль былъ человѣкъ строптивый, капризный и вообще въ Иркутскѣ нелюбимый; имѣлъ своихъ тварей и допускалъ неправосудіе; однимъ словомъ — память его не совсѣмъ чиста. По восшествіи на престолъ Павла I, съ уничтоженіемъ намѣстничества, онъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто присланъ военный губернаторъ Штрандманъ—добрый старикъ и, какъ военный человѣкъ, не знаменитый администраторъ: дѣла, однако же, шли, какъ это и часто бываетъ. Съ Нагелемъ былъ другой конецъ. Вслѣдствіе какого то доноса, за нимъ прискакалъ фельдъегерь: названіе это тогда только что сдѣлалось извѣстнымъ Россіи и наводило ужасъ. Можете легко представить состояніе бѣднаго Нагеля, везомаго на перекладныхъ въ С.-Петербургъ. Привезли; представили государю; онъ ждалъ

разрѣшенія. Не то судьба ему готовила. Государь гнѣвно, но пристально взглянувъ на него, спросилъ:

— Не тотъ ли ты Нагель, который (въ такомъ то году) служилъ (въ такомъ то) гусарскомъ полку?

Услышавъ утвердительный отвѣтъ, онъ бросился на него, обнялъ и сказалъ:

— Я знаю тебя: ты честный человѣкъ, на тебя солгали!—Поздравилъ генералъ-лейтенантомъ и назначилъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу, а при разставаніи на дорогу пожаловалъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ Иркутскъ, на мѣсто его, губернаторомъ присланъ былъ Николай Ивановичъ Репьевъ, человѣкъ честный и весьма добрый.

Старикъ Штрандманъ [1]) помнится, не пробылъ и двухъ лѣтъ въ Иркутскѣ [2]). На смѣну къ нему (ему?) пріѣхалъ генералъ отъ инфантеріи Борисъ Борисовичъ Леццано, переведенный изъ Архангельска. Леццано былъ человѣкъ гордый, надменный и сухъ въ обращеніи, но былъ честенъ, добръ и безкорыстенъ въ полномъ значеніи слова. Онъ облегчалъ участь несчастныхъ, которые толпами ссылались въ Иркутскъ, и впослѣдствіи, при перемѣнѣ правительства, былъ за нихъ ходатаемъ и, что важнѣе,—ходатаемъ не безуспѣшнымъ: чрезъ него многіе увидали свой кровъ родной! Вы удивитесь, вѣроятно, если вдругъ вамъ скажу, что Леццано дурно кончилъ: онъ выѣхалъ изъ Иркутска, чтобы предстать предъ судомъ сената. Для поясненія сей странности необходимо знать обстоятельства того времени.

Въ царствованіе государя Павла I, въ Иркутской губерніи, какъ почти и во всей Россіи, происходило необыкновенное движеніе. По проекту князя Гагарина послѣдовалъ высочайшій указъ: собрать со всей Россіи въ зачетъ рекрутовъ десять тысячъ человѣкъ и послать въ Сибирь, для заселенія. Повелѣніе исполнили прежде, нежели приведено было въ извѣстность: гдѣ и какъ и чѣмъ

---

[1]) Густавъ Эрнстъ фонъ Штрандманъ родился въ Лифляндіи, 23 декабря 1742 года, скончался въ чинѣ генерала отъ инфантеріи въ 1803 году. 4 марта 1787 года былъ назначенъ командиромъ Сибирской дивизіи и занималъ эту должность до 5 апрѣля 1789 года. Затѣмъ, до 1800 года, управлялъ Сибирскимъ краемъ и командовалъ тамошними войсками. Въ іюнѣ 1801 года, онъ повергъ на благоусмотрѣніе императора Александра I докладную записку о Сибири и ея нуждахъ (см. «Русская Старина», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 150—156).

[2]) Автору измѣнила память, или онъ пользовался свѣдѣніями изъ весьма невѣрнаго источника: Штрандманъ управлялъ Сибирскимъ краемъ не два года, а одиннадцать лѣтъ (съ 1789 по 1800 годъ). Въ этотъ періодъ времени имъ было открыто и разработано нѣсколько новыхъ серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ рудонахожденій, проложено много новыхъ торговыхъ дорогъ, сооружено нѣсколько церквей и построено, по его планамъ, 48 редутовъ, на пограничной китайской линіи, для обезпеченія примыкавшихъ къ ней поселеній.

П. К.

селить? Губернія наполнилась негодяями, нищими; начались воровства, убійства, разбои. По другому высочайшему повелѣнію въ Иркутскѣ сформированъ со слова (?) гарнизонный полкъ и отправленъ въ Камчатку — для защиты отъ мнимаго нападенія испанцевъ. Это обстоятельство повлекло за собой усиленіе дѣйствій по коммиссаріатской и провіантской частямъ, чрезвычайныя доставки въ подкрѣпленіе Охотскаго порта и раззореніе якутовъ. Въ это же время положено въ Иркутскѣ основаніе суконной казенной фабрики, зависящей отъ коммиссаріата, коего начальникомъ былъ генералъ-маіоръ Новицкій — человѣкъ умный, грамотный и тонкій, чтобы не сказать пронырливый. Въ этомъ положеніи дѣлъ застала Леццана катастрофа, изумившая всю Россію... Онъ обратился къ новому правительству съ представленіями. Во избѣжаніе затруднительнаго продовольствія Камчатскаго полка, онъ далъ мысль сдѣлать изъ него «ландъ-милицію». Это опробовано, назначены суммы, начались доставки земледѣльческихъ орудій и скота; возились съ этимъ еще лѣтъ шесть—и бросили [1]). Онъ требовалъ особаго чиновника для разселенія присланныхъ въ зачетъ рекрутовъ; прислали тотчасъ генералъ-маіора Лабу, который только высмотрѣлъ мѣста и не поселилъ ни одного человѣка. Для устраненія побѣговъ и разбоевъ Леццано представилъ, чтобы суконную Тельминскую фабрику перенести на островъ Ольхонъ. Новицкій протестовалъ противъ этого и дозволилъ себѣ весьма неосторожныя выходки на счетъ управленія Леццано вообще. Въ это же время, по проекту вице-адмирала Фомина, замышляли перенести Охотскій портъ на р. Алданъ и потому прокладывали туда изъ Якутска дорогу посредствомъ каторжныхъ, которые бѣгали и грабили купеческіе караваны, идущіе въ Охотскъ. Одинъ изъ нихъ, по прозванію Баратаевъ (бывшій нѣкогда княземъ и офицеромъ), съ шайкою занялъ и разграбилъ городъ Жиганы и уже во льдахъ, при устьѣ Лены, застигнутый воинскою командою, палъ отъ восьми ранъ, какъ герой. Донесеніе объ этомъ не могло быть пріятно правительству и, какъ обыкновенно, все надобно чему нибудь приписывать, это приписано слабости (?). Къ довершенію, граждане иркутскіе жаловались на Леццано: имъ не понравилось, что онъ воспретилъ сѣять въ городѣ табакъ и велѣлъ перенести табачныя плантаціи на городскую землю, въ окрестности города, а внутри дозволилъ и даже поощрялъ разводить огороды съ овощами и, сверхъ того, приказалъ лучшіе проспекты въ Иркутскѣ обсадить березками. Послѣднее обстоятельство было представлено въ видѣ отяготительнаго налога для жителей. Результатъ всего

[1]) Слѣдовательно, первая мысль о «военныхъ поселеніяхъ» принадлежала Новицкому, но вмѣсто Сибири, гдѣ она была бы вполнѣ у мѣста, она осуществилась подъ Новгородомъ. П. К.

этого былъ тотъ, что прислали сенатора Селифонтова [1]) обревизовать Иркутскую губернію и разобрать Лецциано съ Новицкимъ.

Для васъ, надѣюсь, весьма будетъ понятно, если скажу коротко, что Селифонтовъ не сошелся съ Лецциано и взялъ сторону Новицкаго. Въ первое воскресенье, при собраніи всѣхъ чиновниковъ и лучшихъ гражданъ, Новицкаго позвали въ кабинетъ сенатора и, черезъ десять минутъ, Селифонтовъ самъ вывелъ Новицкаго въ Анненской лентѣ и велѣлъ поздравлять кавалера! Случай рѣдкій, если не единственный; по крайней мѣрѣ въ царствованіе Александра. Это обстоятельство понято было всѣми, какъ объявленіе явной войны Лецциано, и тогда лѣнивый только на него не жаловался. Селифонтовъ представилъ, что Иркутская губернія въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что безъ слезъ взирать на нее невозможно. Разумѣется, что Лецциано тотчасъ удаленъ былъ отъ должности и мѣсто его поручено временно генералъ-лейтенанту Лебедеву [2]). Между тѣмъ, въ Иркутскѣ, вмѣсто Репьева, давно уже былъ другой губернаторъ, Толстой, человѣкъ самый незначительный.

Селифонтову велѣно было представить: какими мѣрами думаетъ онъ исправить положеніе Сибири. Его мнѣніе состояло въ томъ, чтобы, раздѣливъ Сибирь на три губерніи, соединить ее подъ управленіемъ одного генералъ-губернатора, облаченнаго особенною высочайшею довѣренностію. Теперь насталъ вопросъ: кого-же облечь этою довѣренностію? Отвѣтъ самъ собою представился: кого-же лучше, какъ не того, кто плачетъ о Сибири!.. И такъ Селифонтовъ назначенъ генералъ-губернаторомъ и повелѣно открыть Томскую губернію. Это происходило въ 1803 году. Губернаторъ для Иркутска данъ ему былъ на выборъ: онъ привезъ съ собою Картьелина. Въ инструкціи, высочайше данной Селифонтову, одинъ пунктъ особенно замѣчателенъ: въ немъ сказано, что, «по духу ябеды, издавна» (вспомните Якобія) «замѣченнаго между сибирскими жителями», ему дается полная власть, всѣхъ тѣхъ, которые имѣя безпокойный характеръ, вліяніемъ своимъ на общество могутъ препятствовать благонамѣреннымъ дѣйствіямъ правительства,—ссылать въ отдаленнѣйшія мѣста, гдѣ безпокойство ихъ не можетъ быть вредно. Разумѣется, что копія съ этой инструкціи прежде была получена всѣми мѣстными начальниками и присутственными мѣстами во всей Сибири, (прежде) нежели узнали о выѣздѣ Селифонтова изъ Петербурга.

---

[1]) Иванъ Іосифовичъ Селифонтовъ родился въ 1744, уволенъ отъ службы 3 марта 1806, умеръ въ 1823 году.

[2]) Лебедевъ любилъ пуншъ и вино и «вся яже къ тому есть». Въ это время посѣщалъ Иркутскъ умный генералъ Штренгпортенъ съ Бенкендорфомъ, своимъ адъютантомъ, теперешнимъ графомъ. Первый изумился, видя какимъ людямъ ввѣряются иногда отдаленныя провинціи! В. Ш.

Явился, какъ вице-рой; все пало ницъ и безмолвствовало! Чувствую, что любопытство ваше подстрекается скорѣе узнать: какъ начали поправлять бѣдствующую Иркутскую губернію! Въ самомъ дѣлѣ, это чрезвычайно интересно и вы сейчасъ узнаете. Но позвольте напередъ сказать нѣсколько словъ о пріѣздѣ Селифонтова въ Иркутскъ и о жизни его тутъ, которая была истиннымъ соблазномъ. Сначала онъ пріѣхалъ одинъ, съ сыномъ своимъ Павломъ Ивановичемъ, но вскорѣ, въ самое то время, когда его жена съ прочимъ семействомъ прибыла въ Тобольскъ и по его распоряженію осталась тамъ жить, наперсница его, мадамъ Бойе съ дочерью, пріѣхала чрезъ Ишимъ въ Иркутскъ и остановилась въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Отношенія сей матери и дочери къ отцу и сыну не долго оставались двусмысленными. Тотчасъ догадались, чрезъ кого надобно обдѣлывать дѣла — и обдѣлывали, что хотѣли, и какъ хотѣли. Мало этого, я добавлю: Селифонтовъ привезъ съ собою правителемъ канцеляріи коллежскаго совѣтника Бакулина, сибирскаго и, если не ошибаюсь, ишимскаго уроженца, человѣка весьма «дѣловаго». Бакулинъ захотѣлъ хозяйничать въ губерніи и съумѣлъ это сдѣлать. Всю Сибирь они раздѣлили на частныя коммиссарства; опредѣленіе коммиссаровъ предоставили себѣ и поставили ихъ въ прямое соотношеніе съ генералъ-губернаторомъ, подъ предлогомъ отдаленности мѣстъ, требующей скорѣйшихъ распоряженій. Обезпечивъ, такимъ образомъ, зависимость коммиссаровъ, они, безъ околичностей, назначили, сколько слѣдовало заплатить за опредѣленіе въ такое или другое коммиссарство и не забывали смѣнять тѣхъ, кои думали отдѣлываться «однимъ купемъ». Въ это-же время случилось, что одинъ изъ секретарей Селифонтова, Бѣляевскій — человѣкъ «смышленный» и большой проказникъ, котораго послѣ я лично зналъ, когда онъ былъ въ Новгородѣ губернскимъ прокуроромъ, написалъ къ одному изъ коммиссаровъ:

— «Государь мой, покорно васъ прошу на прилагаемыя при семъ яко-бы деньги, купить для меня и прислать, какъ можно скорѣе, хорошую кунью, или рысью шубу, и проч.»

Шутливое было время!.. Однако же, оно не понравилось Картьелину. Селифонтовъ въ немъ ошибся: онъ не поладилъ съ его Бакулинымъ и попросилъ увольненія на первыхъ, такъ сказать, порахъ. На губернаторство пріѣхалъ честный морякъ Корниловъ [1]), лично извѣстный (по Галерной гавани, въ коей онъ былъ началь-

---

[1]) По отзывамъ Пестеля, Корниловъ, нелюбимый своими сослуживцами—моряками, повышеніемъ своимъ былъ обязанъ ходатайству своей жены (стр. 376). Между прочимъ Пестель обвиняетъ его въ противузаконномъ распоряженіи о выдачѣ подъ росписку 50,000 р. казенныхъ денегъ, за что Корниловъ былъ отданъ подъ судъ (стр. 382). Въ 1822 году Корниловъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ.

никомъ) государю. Вы вѣрно догадаетесь, что и этотъ не сошелся съ Бакулинымъ и, слѣдовательно, съ Селифонтовымъ. У нихъ доходило до публичной разбранки и, конечно, Корнилову было бы дурно, еслибы не подоспѣло посольство графа Головкина [1]).

Вамъ, конечно, извѣстно, что графу Головкину поручено было, въ проѣздъ до границъ Китая, обращать вниманіе на состояніе губерній, по тракту лежащихъ, и доносить правительству, что замѣтить дурнаго. Какъ Леццано, по надменности своей, не захотѣлъ кланяться Селифонтову, такъ точно этотъ, въ качествѣ полномочнаго вице-роя, не оказалъ пріѣзжему гостю особеннаго уваженія. Съ первой встрѣчи замѣтили между ними сухость. Напротивъ, Корниловъ старался привлечь на свою сторону не только посла, но и его свиту. Жена Корнилова, Александра Ефремовна, урожденная фан-дер-Флитъ, была весьма любезная, ловкая, гостепріимная женщина. Вообще семейство Корнилова показалось посольству весьма любезнымъ и кавалеры, какъ говорили въ Иркутскѣ, — «живмя жили» въ губернаторскомъ домѣ. Послѣ, когда Корниловъ выѣхалъ изъ Иркутска съ долгами, повторяли, что онъ «прожился на посольство». Какъ бы то ни было, вѣрно то, что Александра Ефремовна успѣла передать свитѣ графа, какъ говорится, «всю подноготную» о Селифонтовѣ и графъ всякое утро получалъ вѣрный отчетъ обо всемъ, что тамъ слышали. Послѣдствіе оказалось вскорѣ.

Едва графъ Головкинъ отправился въ Китай, Селифонтовъ отправился для свиданія съ семействомъ въ Тобольскъ, давъ обѣщаніе иркутянамъ вскорѣ воротиться. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ, онъ и дѣйствительно думалъ уже о возвратномъ пути, какъ вдругъ послѣдовалъ высочайшій указъ объ увольненіи его отъ службы и о запрещеніи ему въѣзда въ столицы.

Вы, вѣроятно, знаете, что Селифонтовъ не вдолгѣ [2]) окончилъ жизнь въ своихъ ярославскихъ деревняхъ, вслѣдствіе паралича. Не буду дѣлать сужденій, но вы, конечно, при семъ случаѣ, обратились мыслію къ поступку его съ Леццано. Послѣдовало назначеніе новаго генералъ-губернатора, И. Б. Пестеля [3]), съ тою-же

---

[1]) Графъ Юрій Александровичъ Головкинъ (1749 † 1846) былъ впослѣдствіи оберъ-каммергеромъ. Русскій графъ по происхожденію, онъ былъ окрещенъ по обряду реформатскаго вѣроисповѣданія, но очень плохо говорилъ по русски. О немъ разсказываютъ, что когда графъ былъ назначенъ посломъ въ Китай, то генералъ Ѳ. П. Уваровъ, славившійся своимъ невозможнымъ французскимъ языкомъ, ходатайствуя за своего племянника, сказалъ: «Comte, je vous en prie, prenez mon neveu à la Kitay»; на что графъ, въ доказательство своего умѣнья говорить по русски, отвѣчалъ: «хорошо, я его возьму съ собою на Шину!»

[2]) Черезъ тринадцать лѣтъ, въ 1822 году. П. К.

[3]) Иванъ Борисовичъ Пестель родился въ Москвѣ 6 февраля 1765 года, умеръ въ своемъ сельцѣ Васильевѣ (Смоленской губерніи, Краснинскаго уѣзда) 18 мая 1843 года. Поступилъ въ военную службу въ 1780; черезъ два года, въ

инструкціею, но еще съ большею существенною довѣренностію. Это случилось въ началѣ 1806 года.

Пестель, какъ онъ самъ разсказывалъ, не соглашался принять это порученіе иначе, какъ съ усиліемъ (условіемъ), чтобы Трескина[1]) дали ему губернаторомъ въ Иркутскъ. По московскому почтамту онъ имѣлъ его своимъ помощникомъ и зналъ его, какъ думалъ, совершенно. Корниловъ представлялъ въ этомъ затрудненіе; но доложили, что онъ самъ просится въ Тобольскъ, а потому государь согласился и на переводъ Корнилова, и на опредѣленіе Трескина. По пріѣздѣ въ Иркутскъ, при первой встрѣчѣ съ чиновниками, Иванъ Борисовичъ (Пестель) разсказалъ имъ, вмѣсто привѣтствія, слѣдующее:

— Когда государю императору угодно было назначить меня въ Сибирь генералъ-губернаторомъ, то первая моя всеподданнѣйшая просьба была, чтобы перемѣнить здѣсь бѣлые воротники. Я былъ въ Вяткѣ на слѣдствіи: тамъ, тоже бѣлые воротники — и все ябедники! Хе, хе, хе!» Онъ имѣлъ привычку язвительно смѣяться нѣсколько въ носъ. Слышавшіе смекнули дѣломъ и почесали только въ затылкахъ. Вы знаете здѣшнее: «чего станемъ дѣлать»? Это было для нихъ прелюдіею будущей драмы, которую готовились разыграть на сибирской сценѣ.

Пестель побывалъ въ Кяхтѣ и, обозрѣвъ Нерчинскій край, отправился въ 1807 году въ Тобольскъ и зимою на 1809 годъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ, откуда уже не возвращался. Въ Иркутскѣ онъ оставилъ дѣйствовать Трескина, на основаніи инструкціи своей, съ полною свободою и властію. Разставшись въ Тобольскѣ съ губер-

---

чинѣ ротмистра, перешелъ въ гражданскую, при московскомъ почтамтѣ. Съ 1789 по 1798 годъ былъ московскимъ почт-директоромъ. Тайный совѣтникъ и сенаторъ въ 1801; съ 1806 г. генералъ-губернаторъ Сибири; въ 1816 г. членъ государственнаго совѣта; въ 1821 году уволенъ отъ службы. Казнь его сына Павла Ивановича (18 іюля 1826 г.) кончина жены и неустанныя заботы объ уплатѣ долговъ—отравляли послѣдніе двадцать лѣтъ жизни Пестеля. При всемъ его желаніи выставить себя въ автобіографіи человѣкомъ добрѣйшей души и истиннымъ христіаниномъ—онъ оставилъ по себѣ въ Сибири тяжелую и недобрую память многими неблаговидными поступками. Что онъ при всемъ этомъ былъ человѣкъ неподкупной честности, это подтверждаютъ и злѣйшіе его враги.

[1]) Николай Ивановичъ Трескинъ—креатура Пестеля. Сынъ священника, онъ въ 1789 году былъ имъ взятъ изъ Рязанской семинаріи и опредѣленъ на службу при московскомъ почтамтѣ, въ 1806 г. былъ уже вице-губернаторомъ въ Смоленскѣ. «Я его, такъ сказать, образовалъ къ службѣ», говоритъ о немъ Пестель (стр. 377) «и зналъ его правила, его строгую честность и искреннее благочестіе. Нельзя было найдти человѣка надежнѣйшаго, который бы былъ мнѣ болѣе преданъ и даже, изъ благодарности, болѣе привязанъ». По отзывамъ Э. Стогова (Р. С. стр. 503) Трескинъ былъ деспотъ и самодуръ, но умный дѣлецъ, неутомимо заботившійся о благосостояніи жителей Иркутска и его благоустройствѣ. Корыстолюбивъ былъ страшно и набралъ взятками десятки милліоновъ (!!?), но онъ «бралъ и умѣлъ дать средства наживать другимъ» (стр. 506—507). П. К.

наторомъ Корниловымъ и съ вице-губернаторомъ Штейнгелемъ, моимъ дядею, какъ нельзя лучше, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, на обоихъ онъ (Пестель) сдѣлалъ представленіе, вслѣдствіе котораго они преданы суду сената. Мѣсто Корнилова получилъ зять Пестеля, фон-Бринъ [1]). Поступокъ, вообще, не весьма чистый. Корниловъ и Штейнгель впослѣдствіи оправдались, но огорченія свели послѣдняго преждевременно въ гробъ. Въ это же время преданъ суду генералъ-маіоръ Куткинъ [2]), начальникъ тобольскаго провіантскаго депо. Съ нимъ поступали съ неимовѣрною жестокостію, содержали подъ строжайшею (?), лишивъ сообщенія съ семействомъ; имѣніе, прежде начета, все описали. Дочь его отъ слезъ ослѣпла, а онъ умеръ подъ стражею. Жалоба Куткина министру юстиціи ходила въ спискахъ по всей Россіи [3]). Когда дѣло Куткина, при всѣхъ натяжкахъ, кончилось, оказалось, что онъ подлежитъ взысканію двухсотъ семедесяти пяти рублей за неправильную выдачу прогонныхъ денегъ одному коммиссіонеру. На провіантскихъ и коммиссаріатскихъ чиновниковъ по всей Сибири открыто было гоненіе, какъ на жидовъ, и продолжалось до тѣхъ поръ, пока обѣ части не сдѣлались подчиненными гражданскому начальству и когда на всѣ мѣста посадили, какъ говорится, своихъ. Вы скажеже: и это не чисто? Не буду спорить. Дѣла сами говорятъ.

Въ Иркутскѣ отдали подъ судъ бывшаго предсѣдателя уголовной палаты — Гарновскаго [4]), человѣка умнаго, философа по образу жизни, имѣвшаго многихъ почитателей въ городѣ. Это называлось «партіей» — и всѣ принадлежавшіе къ партіи терпѣли равное гоненіе. Борьба съ Гарновскимъ кончилась его смертію. Его не могли сломить. Для планированія улицъ, началась ломка обывательскихъ домовъ. Граждане заговорили. Тогда въ обществѣ

---

[1]) Фонъ-Бринъ, по словамъ Пестеля, отличался кротостью и человѣколюбіемъ, особенно во время ареста Куткина. П. К.

[2]) Ѳедоръ Тихоновичъ Куткинъ умеръ въ Тобольскѣ, лѣтомъ 1815 года. О немъ Пестель говоритъ очень пространно (стр. 407—414), видимо желая выставить его въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, а себя—героемъ великодушія. Судя, однако-же, по жалобамъ Куткина, на обхожденіе съ нимъ во время слѣдствія и по оправданіямъ Пестеля, его только что не подвергали пыткамъ. Желая обѣлить себя въ этомъ дѣлѣ, Пестель говоритъ: «Въ свѣтскомъ отношеніи я, конечно, несчастливъ и много, очень много терпѣлъ огорченій, обидъ и оскорбленій всякаго рода; но чистой совѣсти и надежды на будущую жизнь (sic) этого не можетъ никакая власть у меня отнять»... П. К.

[3]) Со временемъ, надѣемся сообщить читателямъ этотъ любопытный документъ. П. К.

[4]) Гарновскій, о которомъ къ автобіографіи Пестеля приложена была особая меморія (стр. 400—402), по словамъ послѣдняго, былъ четыре раза подъ уголовнымъ судомъ. Человѣкъ, для котораго ничего не было святаго, преданный пьянству и всякаго рода распутствамъ (стр. 379). Изъ отзывовъ Пестеля видно, какую сильную ненависть онъ питалъ къ Гарновскому. П. К.

купеческомъ въ Иркутскѣ первыми считались дома: Сибирякова и Мыльникова. Первый былъ головою и крѣпко стоялъ за общество, за бѣдныхъ. Осмѣлился жаловаться министру на притѣсненія. Жалоба отослана къ Пестелю, а отъ него къ Трескину. Кончилось тѣмъ, что на основаніи того пункта инструкціи, о коемъ я вамъ упомянулъ, Сибяриковыхъ одного брата сослали въ Нерчинскъ, другаго — въ Жиганье; а Мыльникова — въ Баргузинъ [1]). Двое изъ нихъ были первостатейными купцами: это не помѣшало. Всѣ они вскорѣ въ ссылкѣ этой умерли. Преслѣдовали также купца Киселева, человѣка умнаго и пылкаго, довели до сумашествія, т. е. посадили въ сумашедшій домъ, изъ котораго онъ безъ вѣсти пропалъ. Это осталось загадкою, которую, впрочемъ, не нашлось Эдипа разгадать. Управившись съ главами иркутскаго неугомоннаго общества, заставили выбрать головою — Саватѣева, который былъ уже совершенно «покорнѣйшимъ слугою».

По Сибири, во время Селифонтова, былъ знаменитъ откупщикъ, коммерціи совѣтникъ Передовщиковъ. При торгахъ на четырехлѣтіе, съ 1807 года, онъ взялъ пол-Россіи и всю Сибирь на откупъ. Объ окончаніи торговъ долго не получали свѣдѣнія, а годъ приходилъ къ окончанію. Это заставило губернатора (по частнымъ извѣстіямъ, что откупъ останется за Передовщиковымъ) рѣшиться допустить къ торгамъ въ казенной палатѣ уѣздныхъ откупщиковъ, на основаніи прежней довѣренности, какую имѣлъ отъ Передовщикова его повѣренный. Только что это успѣли сдѣлать, пріѣхала съ новою полною довѣренностію жена Передовщикова. Руководимая купцомъ Киселевымъ, о судьбѣ котораго я поспѣшилъ вамъ сказать, она формально протестовала противъ дѣйствій губернатора. Отсюда ссора и вражда непримиримая. Ее (Передовщикову), однакожъ, принудили подтвердить заключенныя въ палатѣ условія, заставивъ уѣздныхъ откупщиковъ сдѣлать надбавку, и не прежде выпустили изъ Иркутска. Какъ женщина, она выѣхала съ угрозами, хвалясь «связями» своего мужа. Трескинъ не захотѣлъ дожидаться ихъ нападенія. Представился случай [2]); полетѣлъ нарочный въ Петербургъ, и Передовщикова, подъ строжайшимъ арестомъ, привезли въ Иркутскъ, гдѣ содержали его еще строже и

[1]) По словамъ Пестеля (стр. 379—380), Мыльниковъ и Сибиряковъ были отъявленные ябедники, происками своими способствовавшіе отдачѣ подъ судъ Якоби и Леццано. Императоръ Александръ I предоставилъ самому Пестелю назначить мѣсто для ссылки купцовъ и она была какъ бы благодѣяніемъ: Сибиряковъ въ Нерчинскѣ имѣлъ главную торговлю, а Мыльниковъ въ Баргузинѣ имѣлъ возможность пользоваться тамошними минеральными водами, такъ какъ страдалъ ревматизмомъ и параличемъ. П. К.

[2]) Обрѣтеніе, какъ нѣкіихъ мощей, книгъ откупщичьихъ въ кирпичныхъ сараяхъ. За недѣлю передъ тѣмъ онѣ были выкрадены изъ конторы откупщика. В. Ш.

судили въ палатѣ (въ которую для сего прикомандированы были особые члены «довѣренность заслуживающіе») по ночамъ, начиная засѣданія въ 9 и 10 часовъ вечера. При первомъ приступѣ начли на него 600 тысячъ; потомъ, когда жена обезпечила въ сенатѣ эту сумму векселями, еще насчитали 400 тысячъ... Короче, статью обработали такъ хорошо, что Передовщиковъ изъ суда прямо поѣхалъ въ каторжную работу, въ Нерчинскъ! Подробности этого интереснаго эпизода заняли бы столько же листовъ, сколько я исписалъ уже, и потому умалчиваю о нихъ; скажу только—для романиста онѣ сущій кладъ [1]). Во время этихъ гоненій, которыя продолжались лѣтъ шесть, напали также на одного ничтожнаго чиновника, Пѣтухова, бывшаго при Селифонтовѣ гдѣ-то коммиссаромъ. Его описали, и, на основаніи «сподручнаго» пункта инструкціи, безъ суда сослали въ Туруханскъ. Жена его, молодая женщина, въ отчаяніи ходила къ губернатору; была почти выгнана; жаловалась не только людямъ — стѣнамъ, но тѣ и другія равно были невнимательны. Не стоило бы упоминать объ этомъ дѣлѣ, еслибы послѣдствіе не заслуживало особаго вниманія. Пѣтуховъ былъ «грамотѣй» и слѣдовательно при первыхъ его жалобахъ министрамъ, былъ представленъ отъ мѣстнаго начальства, какъ обыкновенный сибирскій «ябедникъ». Не смотря на это, онъ нашелъ случай изъ Туруханска написать къ Балашеву — министру полиціи, и тотъ жалобу его представилъ государю. Что же вышло? Вообразите, что правительство признало справедливымъ взять Пѣтухова подъ свою защиту отъ «притѣсненій» Пестеля, и, чтобы избавить его отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, высочайше повелѣно дать Пѣтухову мѣсто въ Архангельскѣ. Но бѣдный Пѣтуховъ отъ долговременнаго страданія немного свихнулся: занялся исчисленіемъ, съ удивительною подробностію, пространства и вмѣстимости Ноева ковчега! И этотъ гигантскій трудъ, съ планомъ, посвятилъ

---

[1]) Передовщиковъ, по словамъ автобіографіи Пестеля (384—388), былъ отъявленнымъ злодѣемъ, вполнѣ заслужившимъ постигшее его наказаніе. Начавъ свою карьеру подносчикомъ въ кабакѣ, обворовывая хозяина, онъ при Екатеринѣ II, уже разбогатѣвшій на сотни тысячъ, попалъ подъ уголовный судъ и, наказанный кнутомъ, былъ посланъ въ Туруханскъ. Еще при императорѣ Павлѣ, онъ по высочайшему указу былъ лишенъ права брать на себя казенные подряды. Какимъ образомъ онъ попалъ въ откупщики и опять нажилъ милліоны— все это дѣла темныя; но онъ былъ по слѣдствію изобличенъ въ разсыропливаніи водки купоросомъ и ядовитыми зельями. Жена его, женщина молодая, умная и такая же, какъ онъ самъ, плутоватая, ходатайствуя за него въ Петербургѣ, пользовалась благосклонностью важнаго сановника, супруга котораго имѣла большое вліяніе на императора Александра I (не трудно догадаться о комъ идетъ рѣчь); при всемъ томъ Передовщиковъ былъ раздавленъ Пестелемъ, мнѣніе котораго, во-преки общему собранію сената, было утверждено императоромъ. Въ этомъ дѣлѣ есть все — и романъ, и трагедія — только трудно доискаться самаго главнаго — правды. П. К.

государю — «яко дань вѣрноподданнической благодарности» за избавленіе отъ Пестеля. Кажется, онъ умеръ въ ожиданіи великой награды и славы. Я видѣлъ его въ 1824 году въ Москвѣ и онъ былъ истинно жалокъ.

Ужасными мѣрами уничтоженія непокорныхъ при неограниченной довѣренности высшаго правительства къ представленіямъ Пестеля, или все равно Трескина, въ Иркутскѣ, наконецъ, всѣ части попали, если не въ формальную, по крайней мѣрѣ въ политическую зависимость отъ губернатора. Не исключается изъ сего даже военная часть. Начальникъ гарнизона, начальникъ артиллеріи, инженерные офицеры — всѣ сдѣлались покорные слуги, преданные начальству. Вы, можетъ быть, скажете: по крайней мѣрѣ духовная часть осталась независимою? Нѣтъ, и ее держали въ рукахъ. Вотъ какъ это случилось:

По поводу весьма соблазнительной исторіи, какую иркутскіе семинаристы сдѣлали съ своимъ ректоромъ, Іакинфомъ [1]), извѣстнымъ нынѣшнимъ оріенталистомъ, онъ перессорился съ архіереемъ Веніаминомъ и написалъ на него доносъ, обвиняя его въ симоніи. Это случилось еще при Селифонтовѣ. Святѣйшій синодъ архимандрита Іакинфа перевелъ въ Тобольскъ и наложилъ на него «запрещеніе», а поступокъ архіерея представилъ изслѣдовать духовно-гражданской коммисіи, иначе сказать: отдалъ пастыря на судъ овцамъ. Исполненіе этого подоспѣло ко времени Трескина. Какъ человѣкъ умный, онъ не упустилъ случая дать архіерею замѣтить, что отъ него зависитъ смять его или удержать его на ногахъ. Трескинъ назначилъ въ коммисію съ гражданской стороны «дѣловыхъ» людей и точныхъ исполнителей своей воли. При открытіи коммисіи, они потребовали и настояли, чтобы архіерей явился въ присутствіе какъ отвѣтчикъ. Смѣшно было видѣть, какъ тогда сами же чиновники, что священники, которые при входѣ архіерея сидѣли, какъ на иголкахъ, показывали ему, что рады бы встать, но угрозы гражданскихъ чиновъ коммиссіи удерживаютъ ихъ. Для архіерея это было крайнее униженіе. Онъ смирился, и Трескинъ надъ нимъ сжалился; но за то нещадно показывалъ, какое вліяніе на него имѣетъ. Въ торжественный день, напримѣръ, архіерей вышлетъ говорить проповѣдь, а Трескинъ пошлетъ городничаго въ алтарь, сказать «не надо» и налой тотчасъ унесутъ: всѣ это видятъ и дивятся! И чего онъ съ нимъ не дѣлалъ? Заставлялъ даже пріѣзжать въ маскарадъ и любоваться фарсами масокъ, которыя предъ нимъ плясали... За то коммисія слѣдственная

[1]) Отецъ Іакинѳъ Бичуринъ († 19-го мая 1853) нашъ знаменитый синологъ. По отзывамъ Пестеля (стр. 380—400) наше духовенство въ Сибири было «самое безнравственное». П. К.

дѣйствовала уже такъ медленно, что бѣдный Веніаминъ успѣлъ умереть, прежде нежели дождался обвиненія или оправданія.

Говоря о гоненіяхъ, я съ намѣреніемъ умолчалъ о смѣнѣ и арестованіи Камчатскаго комендата Кошелева и Охотскаго начальника Бухарина; ибо это сдѣлано было истинно ко благу тѣхъ отдаленыхъ странъ. Оба эти начальника просто неистовствовали въ ввѣренныхъ имъ областяхъ, а послѣдній къ тому грабилъ безъ зазрѣнія совѣсти. Бухарина генералъ-губернаторъ рѣшился самъ смѣнить, ибо на всѣ его отношенія къ морскому министру, Чичаговъ находилъ, что нѣтъ достаточныхъ причинъ утруждать государя императора всеподданнѣйшимъ докладомъ; а это значило просто, что Устимовичъ, правитель канцеляріи министра, былъ «съ руки» Бухарину.

Изъ всего, что я сказалъ, вы ясно видите, что Пестель и Трескинъ строго держались истины: «кто не за насъ, тотъ противъ насъ»; а кто противъ, того надобно душить... и душили, какъ говорится, въ гробъ. Все, что съ этой стороны можно сказать въ ихъ извиненіе, такъ развѣ одно то, что въ нихъ было нѣкотораго рода предубѣжденіе, на благонамѣренности основанное: они боялись, что безъ сильныхъ мѣръ и безъ введенія во всѣ мѣста людей преданныхъ и, какъ говорится, надежныхъ, не успѣютъ ничего сдѣлать путнаго для Сибири. По крайней мѣрѣ, я неоднократно слышалъ подобное сужденіе изъ устъ Трескина. Ни Пестеля, ни Трескина нельзя назвать злыми людьми. Они, кажется, по совѣсти думали, что душатъ негодяевъ, злодѣевъ, ябедниковъ — «для блага цѣлаго края». Еще болѣе можно бы было имъ въ этомъ повѣрить, еслибы люди, ими избираемые и покровительствуемые, были строго честные и благонамѣренные; или, еслибы въ противномъ случаѣ, они и ихъ равно не щадили... Но вотъ бѣда, что въ этомъ отношеніи приходится Крылова вспомнить:

Все знаю я сама,
Да эта крыса — мнѣ кума!

Теперь время взглянуть на Трескина, какъ на администратора. По внутреннимъ безпорядкамъ онъ засталъ губернію точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ была при Леццано: шатающіеся повсюду посельщики; вездѣ, и въ самомъ Иркутскѣ — грабежи, убійства; по дорогамъ — разбой; въ судахъ — медлительность; по присутственнымъ мѣстамъ—крайнее запущеніе дѣлъ; большой московскій трактъ походилъ на проселочную дорогу, въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, проѣзжающаго лѣсомъ, сучья били по глазамъ. Въ первый самый годъ онъ (Трескинъ) очистилъ Иркутскъ отъ всѣхъ праздношатающихся, поставилъ полицію на самую лучшую ногу. Онъ тотчасъ-же распредѣлилъ всѣхъ посельщиковъ въ Нерчинскій уѣздъ и въ Нижнеудинскій. Въ семъ послѣднемъ они отработали (?)

прекраснѣйшую дорогу и потомъ выстроили по ней огромныя селенія. Къ этимъ поселеніямъ приставленъ былъ знаменитый Лоскутовъ, который строгостію довелъ до того, что выроненный проѣзжимъ на дорогѣ кошелекъ, никто не смѣлъ утаить. При этомъ сдѣлалъ изъ воровъ — хлѣбопашцевъ и хозяевъ; такъ, что они теперь благословляютъ его память. Я это слышалъ, будучи въ желѣзахъ и, слѣдовательно, слышалъ непритворный голосъ! Въ Иркутскѣ Трескинъ завелъ вновь почти всѣ заведенія приказа общественнаго призрѣнія; особенно прекрасно учрежденный рабочій домъ и городовую больницу; самый городъ вычистилъ, выхолилъ: это самое послѣднее. Въ присутственныхъ и судебныхъ мѣстахъ у него кипѣло. Онъ слѣдовалъ самъ за каждымъ и зналъ, гдѣ какое дѣло и на чемъ остановилось. «Смотри-же, живо!» было всѣмъ и каждому его любимое выраженіе. Истинно, не видалъ человѣка съ большею наружностію (?) и существенною дѣятельностію. Онъ только за обѣдомъ не былъ занятъ. Когда надобно было сдѣлать какое либо распоряженіе къ улучшенію мѣстному и тамъ гдѣ онъ не былъ, онъ соберетъ «бывалыхъ»: чиновникъ-ли то, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ, бурятъ, якутъ — ему все равно... Онъ выспроситъ всю подноготную и чтобы лучше въ этомъ успѣть, слушаетъ ихъ споры, сводитъ показанія, въ коихъ они не согласны и тогда уже дѣлаетъ свое заключеніе. Такимъ образомъ, онъ исправилъ Охотскую дорогу; уничтожилъ безконечную работу Алданской, увѣрившись, что самое предположеніе — о перенесеніи туда порта — есть вздорное; представилъ объ уничтоженіи Камчатской области и о введеніи морскаго управленія, доказавъ, что мысль о ланд-милиціи была химерическая. Тельшинскую суконную фабрику онъ довелъ до того, что она стала снабжать всѣ сибирскія войска сукнами. Запасные хлѣбные магазины держалъ въ исправности. Къ минеральнымъ Тункинскимъ водамъ велѣлъ проложить дорогу и выстроить потребныя для больныхъ зданія; опредѣлилъ смотрителя и медицинскаго начальника. Теперь все это, сказываютъ, въ запустѣніи. Однимъ словомъ, ни одна часть не осталась у него безъ вниманія и онъ крѣпко держалъ бразды правленія въ своей губерніи. По крайней мѣрѣ, вы видите, что при безпристрастномъ сужденіи, ежели Трескинъ, съ одной стороны, достоинъ сильнаго порицанія, то, съ другой — есть чѣмъ это «уравновѣсить». Смѣю сказать, что со стороны достоинствъ административныхъ собственно, Иркутскъ не имѣлъ другаго губернатора, ему подобнаго.

Чувствую, что вы готовите мнѣ вопросъ: «да былъ ли онъ человѣкъ безкорыстный?» Гм!.. Вещь не легкая отвѣчать рѣшительно. Разскажу факты, судите сами. Когда душили Передовщикова, съ его стороны не пожалѣли бы Богъ знаетъ чего, чтобы «замять» дѣло. Купецъ Губинскій, родственникъ его, былъ хорошъ съ Трескинымъ: было кому дѣло сладить, но, однако-жъ, всѣ покуше-

нія остались тщетны. То же скажу о Сибиряковѣ и Мыльниковѣ: семейства ихъ не постояли бы за сотни тысячъ, чтобы ихъ возвратить. Сынъ перваго даже вошелъ въ милость у Трескина, но для отца ничего не успѣлъ. Было нѣсколько примѣровъ, что у него «не шло на деньгу». — Подозрѣвали, замѣтите? Но, кого же не подозрѣваютъ! Подозрѣвали, однако-жъ, что заготовленіе хлѣба въ запасные иркутскіе магазины и для винокуренныхъ казенныхъ заводовъ, производимое чрезъ исправниковъ и коммиссаровъ, доставляло ему знатный доходъ. Указывали на смотрителя иркутскаго магазина, извѣстнаго плута изъ разжалованныхъ, коего онъ «вывелъ» въ офицеры и принималъ его какъ человѣка, о которомъ «есть что переговорить наединѣ». Все это—догадки; но вотъ, что было явно. Онъ не отказывалъ въ такъ называемой «хлѣбѣ-соли», кою приносили на имянины. Довольно странно бывало видѣть, въ передней сидящаго лакея, фаворита барыни самой, записывающаго, кто что принесъ—и толпу купцовъ съ кульками, со свертками, съ цыбиками, съ анкерками и т. п. Это бывало наканунѣ имянинъ и рожденій — его (Трескина) жены, дѣтей. Кто приносилъ, тотъ получалъ на завтра приглашеніе на балъ, или, просто, на вечеръ. Приносы на имянины жены состояли большею частію изъ матерій: канфъ, канчей и т. п., а это—не бездѣлица! Это распоряженіе приписывали самой губернаторшѣ, въ дѣла которой мужъ — «ни въ какомъ отношеніи» не вмѣшивался. Агнесса (Агнія) Θедоровна, такъ ее звали, дочь извѣстнаго сенатора Θедора Петровича Ключарева, была женщина «домовитая» и весьма, притомъ, не строгихъ нравовъ. Къ ней отправлялся смѣло всякій, кто хотѣлъ давать. Исправники, коммиссары «безъ доклада» могли входить въ уборную, въ спальню даже. Былъ претекстъ: «все свои дѣти»: такъ она ихъ называла. Въ самомъ дѣлѣ, эти мѣста, подъ конецъ, всѣ были заняты чиновниками, привезенными Пестелемъ и Трескинымъ изъ Москвы, только что вышедшіе изъ студентовъ; они, такъ сказать, взросли на ея глазахъ.

Другая явственность въ этомъ отношеніи: отправленіе ежегодно обозовъ въ Москву. Братъ Трескина, помощникъ московскаго почтамта (?), человѣкъ честный и прямой, мнѣ самъ сказывалъ, что все присланное братомъ до 1812 года сгорѣло во время пожара, и сгорѣло не мало. Но и послѣ онъ продолжалъ присылать тюки на храненіе брату. Будучи уже въ несчастіи, онъ успѣлъ пристроить двухъ дочерей, а этого нельзя сдѣлать безъ денегъ; особливо когда онѣ у него (были) не только не красавицы, но даже дурны собою. Недвижимаго у него не было. Теперь — судите.

Съ моей стороны скажу, что еслибы не было у Трескина жены, Агнессы Θедоровны и секретаря Бѣлявскаго, онъ былъ бы, какъ говорится, совсѣмъ другой человѣкъ. Замѣтьте, это не тотъ проказникъ Бѣлявскій, о которомъ я говорилъ выше. Этотъ былъ ро-

домъ изъ нѣжинскихъ грековъ — человѣкъ умный, неутомимый, даже честный, коли хотите; но человѣкъ холерическій и злобный. Онъ безпрестанно твердилъ губернатору: «что ихъ щадить, ваше превосходительство; все бездѣльники! Въ бараній рогъ надобно согнуть»?

И подлинно — гнули...

Этотъ человѣкъ бѣдственнымъ образомъ кончилъ жизнь свою. Бывъ свидѣтелемъ ужасной кончины губернаторши [1]), которую онъ сопровождалъ на Погромнинскія воды, онъ тутъ же лишился разсудка; вскорѣ пришелъ въ бѣшенство и въ цѣпяхъ привезенъ въ Иркутскъ, гдѣ не вдолгѣ умеръ.

Вы видите, я не пощадилъ Трескина, при всемъ томъ, что отъ него, кромѣ добра ничего не видалъ. Напримѣръ, когда, послѣ моего сговора въ Кяхтѣ, меня перевели въ С.-Петербургъ и мнѣ надобно было для женидьбы возвратиться, то онъ мнѣ далъ къ Пестелю письмо. Пестель принялъ меня сухо; но, когда прочелъ письмо, подошелъ ко мнѣ съ веселымъ лицемъ и сказалъ:

— Вы согласитесь, я васъ не зналъ. Николай Ивановичъ пишетъ такъ много хорошаго о васъ, что я совершенно въ вашихъ повелѣніяхъ; что вамъ угодно, чтобы я для васъ сдѣлалъ — я сдѣлаю.

И сдѣлалъ: выпросилъ меня къ себѣ, по особымъ порученіямъ и отправилъ въ Иркутскъ. — Вообще я старался говорить, какъ мертвецъ, смотрящій съ того свѣта на дѣла людей, безъ всякаго лицепріятія, — и, въ этомъ отношеніи, не безъ насилія для себя. Признаюсь: люблю, даже уважаю Трескина. Пестель мнѣ всегда менѣе нравился. Въ немъ я всегда видѣлъ что-то фальшивое, хитрое, уклончивое. Мое уваженіе къ нему особенно потерпѣло подрывъ съ того времени, когда я нашелъ въ архивѣ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора его секретныя донесенія Прозоровскому съ копіями распечатываемыхъ въ почтамтѣ писемъ [2]). За всѣмъ, когда меня не однажды даже здѣсь спрашивали: бралъ ли Пестель взятки? Нѣтъ; отвѣчаю рѣшительно — нѣтъ! Пестель, съ этой стороны, былъ чистый, честный человѣкъ. Подозрительные— (а гдѣ ихъ нѣтъ?) думали, что Трескинъ дѣлится съ Пестелемъ. Неправда; не тѣ были отношенія. Трескинъ очень зналъ, что долженъ былъ въ глазахъ Пестеля играть роль человѣка безкорыстнаго и этимъ языкомъ только онъ могъ съ нимъ говорить смѣло. Какъ бывшій членъ россійско-американской компаніи, я видѣлъ письмо Пестеля къ директорамъ, самое унизительное: объ от-

---

[1]) Подробности смерти Трескиной разсказаны у Э. Стогова (Р. С. т. XXIII, стр. 507), она была истерзана колесами экипажа, изъ котораго хотѣла выскочить, когда его понесли лошади. Ея спутникомъ и фаворитомъ онъ называетъ не Бѣлявскаго, а какого то мѣщанина—Кузнецова. П. К.

[2]) См. «Русская Старина» изд. 1874. Томъ IX, стр. 57—72. П. К.

срочкѣ только долга 10 тысячъ рублей! Это, кажется, довольно для убѣжденія.

Смѣна Пестеля и Трескина—Сперанскимъ и всѣ послѣдствія, думаю, извѣстны вамъ столько же, какъ и мнѣ; — и такъ, симъ заключаю мое письмо, довольно уже длинное. Надѣюсь, что не будете взыскательны; это не сочиненіе: я писалъ просто подъ диктовку плохо выражающейся памяти. Если, по содержанію, найдете его достойнымъ сохранить у себя, то пусть оно останется памятникомъ того неподдѣльнаго уваженія и чистосердечной пріязни—(не смѣю сказать—дружбы: о ней имѣю высокое понятіе) которую къ вамъ питаю и сохраню вездѣ, куда-бы судьба насъ ни разбросала, сохраню до послѣдней минуты.

Владиміръ Штейнгель.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ НА ЗАПАДѢ.

I.

Вальтеръ Скоттъ и его вліяніе въ Европѣ.

Историческій романъ—видъ литературы, вполнѣ отвѣчающій исторической любознательности нашего времени, стремленію его объективно смотрѣть на прошлое культуры. Починъ въ этомъ сочетаніи поэзіи съ исторіей принадлежитъ Англіи. Вальтеръ Скотту національная литература Великобританіи обязана своимъ обновленіемъ въ духѣ патріотическо-романтическомъ, а Европа обязана шотландскому поэту созданіемъ новой формы эпоса, совмѣщающей въ себѣ на почвѣ исторіи качества романа всѣхъ жанровъ. Подъ вліяніемъ Гетева «Геца» и балладъ Томаса Перси, Вальтеръ Скоттъ обратился къ національнымъ мотивамъ, которыми такъ богатъ шотландскій эпосъ, и въ формѣ романа достигъ того, что сдѣлано было Шекспиромъ въ драмѣ. Онъ явился такимъ же литературнымъ Колумбомъ, открывшимъ неисчерпаемый источникъ новыхъ средствъ, которыми художникъ-писатель можетъ воспользоваться для пробужденія вкуса къ историческимъ познаніямъ. Оцѣнивать достоинства этого открытія и въ частности произведеній Вальтеръ Скотта — значило бы повторять давно сказанное другими и многимъ извѣстное. Достаточно сослаться на отзывы Бѣлинскаго о романахъ его, по словамъ нашего критика, представляющихъ собой «цѣлую и огромную панораму вселенной, въ которой движутся и толпятся всевозможныя явленія человѣческой жизни, за-

ключенныя въ волшебныя рамы вымысла». Немудрено, стало быть, что великій шотландецъ нашелъ себѣ горячихъ почитателей во всемъ образованномъ мірѣ, вездѣ, гдѣ пробуждались національныя стремленія.

Въ 1814 году начали появляться знаменитыя «Waverley Novels» Вальтеръ Скотта, а въ Германіи уже въ 1815 г. Ла-Моттъ Фуке, авторъ «Ундины», предпринимаетъ длинный рядъ рыцарскихъ романовъ, пропитанныхъ условной приторностью ко всему, что только соприкасалось съ дворянствомъ и юнкерствомъ. Это, по справедливому выраженію Брандеса, «поэзія для кавалерійскихъ офицеровъ». Единственное, съ чѣмъ Фуке удалось справиться въ психологическомъ отношеніи — лошади, такъ что въ нѣмецкихъ рыцарскихъ романахъ слились во едино психологія дворянская и лошадиная. Въ Даніи, гдѣ тенденціи романтизма были тѣ же, что и въ Германіи, рыцарскій романтизмъ въ произведеніяхъ Ингемана сдѣлался національно-роялистскимъ.

Черезъ десять лѣтъ по выходѣ перваго романа изъ цикла «Waverley», и въ Италіи вліяніе Вальтеръ Скотта даетъ себя чувствовать. Манцони напечаталъ «Promesi Sposi» (Обрученные) и сразу имя его прогремѣло по всему литературному міру Европы. Романъ переведенъ былъ на всѣ европейскіе языки. Тутъ съ замѣчательнымъ лирическимъ вдохновеніемъ воспроизведена гибельная эпоха, когда надъ Ломбардіей тяготѣло испанское господство, и разнузданность нравовъ, въ связи съ тогдашней чумой, очерчена итальянскимъ романистомъ едва ли не съ такой же силой, какъ у Вальтеръ Скотта, родовыя войны кельтовъ. Манцони, что называется, сдѣлалъ школу въ Италіи. Вслѣдъ за «Обрученными» тамъ явился цѣлый рядъ романовъ, пробудившихъ въ публикѣ интересъ къ родной старинѣ.

Почти одновременно имя Вальтеръ Скотта становится популярнымъ во Франціи, откуда эта популярность проникаетъ и къ намъ. Романы его переводились у насъ съ французскаго и имѣли такой успѣхъ, что нѣкоторые изъ русскихъ писателей начали подражать англійскому образцу. По отзыву «Москвитянина», рецептъ для составленія историческихъ повѣстей былъ таковъ: взять нѣсколько историческихъ лицъ, одѣть ихъ въ народные костюмы и завязать между ними какую нибудь интригу. Предметами для названныхъ повѣстей брались паденія и разрушенія замковъ и городовъ. При описаніи осады было всегда много боеваго стука и грома, вводились при этомъ два любовника, изъ которыхъ одно лицо принадлежало осаждаемымъ, другое осаждающимъ. Между историческими лицами помѣщалось лицо вымышленное, чудесное, колдунъ, цыганъ или жидъ. Этотъ жидъ являлся повсюду, какъ Deus ex machina, связывалъ и развязывалъ всѣ узлы происшествія. Каждая глава начиналась описаніемъ утра или ночи, или бури.

Въ описаніяхъ встрѣчались такія выраженія: «полосатый коверъ зари разостлался по небосклону; звѣзды, лампады ночныя, погасли, взлетѣло солнце и залило золотомъ землю» и пр.

Но тогда какъ у насъ восторгались фантастичностью произведеній Вальтеръ Скотта, во Франціи молодая романтическая школа писателей увлекалась преимущественно живописью, изобразительнымъ талантомъ и, такъ сказать, средневѣковымъ тономъ романовъ Вальтеръ Скотта, описанными въ нихъ пестрыми костюмами и романтической архитектурой старинныхъ замковъ. Его трезвый взглядъ на жизнь, его протестантскій образъ мыслей, такъ нравившіеся въ Германіи, прошли незамѣченными для французовъ. Бейль первый выступилъ съ рѣзкой критикой на Вальтеръ Скотта. Онъ пророчилъ популярному романисту лишь кратковременную славу, такъ какъ, по мнѣнію французскаго критика, талантъ Скотта состоялъ въ умѣньи живописать физіономіи и платье, а не чувства и страсти. Тѣмъ не менѣе выдающіяся дарованія въ числѣ французскихъ писателей находились подъ сильнымъ вліяніемъ англійскаго романиста. Подъ этимъ вліяніемъ Альфредъ де Виньи напечаталъ «Cinq Mars», гдѣ, впрочемъ, лирическое настроеніе помѣшало болѣе или менѣе безпристрастному изображенію временъ Ришелье. Здѣсь прославленіе молодечества старой Франціи затмило характеристику этой рыцарской эпохи. Подъ вліяніемъ же Вальтеръ Скотта, Проспоръ Мериме написалъ свою «Chronique du règne de Charles IX». Авторъ «Хроники» явно искалъ въ исторіи сильныхъ и необузданныхъ страстей, стараясь откровеннымъ описаніемъ плѣнить своихъ согражданъ. Не безъизвѣстно, что и Александръ Дюма-отецъ своеобразно пользовался богатствомъ колорита и историческимъ стилемъ Вальтеръ Скотта во многихъ легкихъ, занимательныхъ романахъ, въ родѣ «Трехъ Мушкетеровъ». Но менѣе извѣстно, что и Бальзакъ, этотъ родоначальникъ новѣйшаго французскаго романа, подобно де Виньи и Мериме, увлекался иностраннымъ историческимъ романистомъ.

Бальзакъ желалъ быть самостоятельнымъ. Онъ считалъ себя въ силахъ конкурировать съ Скоттомъ въ описательномъ жанрѣ и въ разговорномъ стилѣ. Вальтеръ Скоттомъ созданъ былъ только женскій типъ. Во Франціи же романистъ, задумавшій писать историческіе романы, задался цѣлью сопоставить блестящіе пороки и пестрые нравы католицизма съ темными проявленіями кальвинизма, въ наиболѣе страстный періодъ французской исторіи. Такъ Бальзакъ надѣялся избѣжать однообразія, въ которомъ укорялъ своего англійскаго соперника, къ неудовольствію его французскихъ поклонниковъ и панегиристовъ. Наконецъ, Бальзакъ, вѣчно мечтавшій объ исполинскихъ шедеврахъ, составилъ планъ изобразить въ послѣдовательномъ рядѣ романовъ каждую эпоху особо, начиная съ Карла Великаго до настоящаго времени. Подобную мысль, какъ увидимъ

ниже, привелъ въ исполненіе относительно Германіи Фрейтагъ въ «Die Ahnen». Изъ этой проектированной цѣпи романовъ, въ 1829 году, когда вышли названныя произведенія де Виньи и Мериме, явилось первымъ звеномъ «Les Chouans», гдѣ изображены битвы въ Вандеѣ временъ революціи. Другими звеньями были позже вышедшіе «Cathérine Médicis» и «Maître Cornelius» — романъ, въ которомъ Бальзакъ непосредственно столкнулся съ Вальтеръ Скоттомъ. Въ этомъ романѣ главная роль дана Людовику XI-му, охарактеризованному Скоттомъ пристрастно, конечно, по мнѣнію Бальзака. Хотя каждый изъ этихъ романовъ имѣетъ свои достоинства, какъ опыты живыхъ характеристикъ, но въ итогѣ они показываютъ, что Бальзакъ явился бы не больше, какъ ученикомъ своего англійскаго соперника, если бы планъ цѣлой серіи романовъ удалось выполнить.

Виктора Гюго также соблазнилъ Вальтеръ Скоттъ сочинить большой историческій романъ. Центромъ дѣйствія этого романа французскій поэтъ избралъ старинный парижскій соборъ Богоматери. По контракту съ издателемъ, Гюго обязывался сдать въ наборъ свое произведеніе не позже апрѣля 1829 года. Поэтъ не могъ исполнить обязательство во-время, получилъ первую отсрочку на пять мѣсяцевъ, потомъ вторую, до 1 декабря 1830 года, съ условіемъ платить съ этого же дня неустойку по тысячѣ франковъ въ недѣлю, если романъ не будетъ готовъ. 27-го іюля Гюго сѣлъ за романъ, а день спустя разразилась іюльская революція. Домъ поэта подвергся бомбардировкѣ; при переселеніи въ другой домъ все написанное для романа было растеряно. Гюго получилъ еще отсрочку на три мѣсяца и принялся за работу; ни съ кѣмъ не видясь, онъ безвыходно просидѣлъ за романомъ до 14-го января 1831 года, когда работа была кончена.

Съ юныхъ лѣтъ Гюго испытывалъ на себѣ сильное дѣйствіе романовъ Вальтеръ Скотта. По поводу «Квентинъ Дорварда», будучи 21 года, онъ высказывалъ непомѣрныя похвалы историческому чутью Скотта, нравственнымъ его взглядамъ и драматической формѣ. Тогда уже онъ писалъ, между прочимъ: «по живописному, прозаическому роману Вальтеръ Скотта остается еще создать романъ въ иномъ жанрѣ, по нашему мнѣнію, болѣе изящный и болѣе законченный. Это долженъ быть въ одно и то же время романъ, драма и эпосъ, конечно, живописный, но въ то же время поэтическій, конечно, дѣйствительный, но въ то же время идеальный, вполнѣ правдивый, но въ то же время великій, который заключилъ бы въ себѣ Вальтеръ Скотта и Гомера». Послѣднія слова, чисто въ манерѣ Гюго, своей преувеличенностью портящія впечатлѣніе, не мѣшаютъ, однако, признать, что молодой поэтъ имѣлъ ясный взглядъ на то, къ чему онъ самъ былъ способенъ въ области романа. Онъ какъ бы предчувствовалъ, что его романы будутъ

обширными стихотвореніями въ прозѣ, скорѣе живописными легендами, нежели образцами изъ дѣйствительности, подобно романамъ Скотта.

Въ самомъ дѣлѣ, «Notre Dame de Paris» — произведеніе, имѣвшее цѣлью изобразить жизнь и нравы Парижа XV-го вѣка — есть продуктъ колосальнаго фантастическаго замысла. Стремленіе Гюго

Вальтеръ-Скоттъ.

къ мощному и величественному нашло себѣ здѣсь вполнѣ соотвѣтственный сюжетъ. Онъ одушевилъ этотъ соборъ, такъ что церковь представляется живымъ существомъ. Вѣрованія и суевѣрія, нравы и искусства, законы и чувства того стараго времени обрисованы въ широкихъ, сильныхъ штрихахъ, безъ особенной рѣзкости, но съ той чарующей силой, которая все себѣ покоряетъ. Людскіе образы явились характерами, въ стилѣ эпопеи, въ какой то полу-

героической величавости. Взамѣнъ человѣчности Вальтеръ Скотта, выступаетъ настроеніе художника, опьяненнаго красками, благочестивое сердце шотландца вытѣснено у француза страстью, которая, не стихая, оказывается желѣзной, слѣпой необходимостью, тѣмъ рокомъ, что̀ начертанъ на стѣнахъ собора, и изъ вѣка въ вѣкъ сокрушаетъ передъ читателемъ всѣхъ, цыгана и священника, красоту и звѣроподобіе, Фебу и Квазимодо.

Въ Америкѣ вліяніе творчества Вальтеръ Скотта выразилось не столь непосредственно, а въ своеобразной, оригинальной формѣ. Крупными послѣдователями его считаются Куперъ и Вашингтонъ Ирвингъ. Но относительно перваго изъ нихъ надо замѣтить, что до самаго послѣдняго времени исторія его литературной карьеры была извѣстна лишь отрывочно и по случайнымъ замѣткамъ. Болѣе или менѣе подробное жизнеописаніе Купера вышло недавно и помѣщено въ послѣднемъ (пятомъ) томѣ капитальнаго изданія «American Men of letters». Новизна любопытныхъ данныхъ этой біографіи, впервые сгруппированныхъ воедино, заслуживаетъ особаго вниманія.

II.

Куперъ и Вашингтонъ Ирвингъ.

Джемсъ Фениморъ Куперъ родился въ 1789 году въ Бортингтонѣ, въ штатѣ Нью-Іоркъ. Отецъ его, во время войны за независимость, пріобрѣлъ большой участокъ земли, построилъ тамъ домъ и поселился въ немъ съ своимъ семействомъ. Въ этой мѣстности еще были живы воспоминанія о кровавыхъ битвахъ индѣйцевъ. Подъ впечатлѣніемъ ихъ и среди исполинскихъ лѣсовъ почти нетронутой природы росъ будущій романистъ. Съ образованіемъ онъ покончилъ рано: въ 1805 году его исключили изъ колледжа за участіе въ какой-то продѣлкѣ школьниковъ. Уже въ слѣдующемъ году онъ поступилъ въ морскую службу, а въ 1811 году вышелъ въ отставку и женился на миссъ де-Лансе. Разъ какъ-то прочелъ онъ женѣ одинъ англійскій романъ. Романъ не понравился ему и, отложивъ его въ сторону, онъ сказалъ: «я думаю, я бы написалъ получше романъ». Вскорѣ Куперъ принялся за писаніе, жена ободряла его, а одобреніе пріятелей побудило его напечатать. Такъ, въ 1820 году, явился въ двухъ томахъ первый романъ Купера «Precaution». Романъ этотъ еще носилъ печать полной зависимости тогдашнихъ американскихъ писателей отъ англійской литературы. Сюжетъ былъ заимствованъ изъ жизни англійскаго общества, которое зналъ онъ изъ книгъ и по слухамъ, хотя это не помѣшало ему

выдать себя за англичанина. Романъ не имѣлъ большаго успѣха, но и тотъ, какой достался на его долю, побудилъ Купера еще испробовать свои силы, и на этотъ разъ неопытный романистъ рѣшился воспользоваться собственными наблюденіями американской жизни.

Въ 1821 году явился его «Шпіонъ», написанный не безъ робости и выпущенный не смѣло. Книга попала въ благопріятный моментъ, по крайней мѣрѣ, въ Америкѣ. Въ то время еще ни одинъ изъ американскихъ писателей не имѣлъ своей публики. Читающій людъ пробавлялся продуктами литературной производительности Англіи и въ особенности романами Вальтера-Скотта. «Шпіонъ» выдержалъ три изданія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, а въ 1822 году романъ былъ переведенъ по французски и затѣмъ вездѣ въ Европѣ былъ встрѣченъ сочувственно. Извѣстность Купера установилась, его дальнѣйшіе романы могли только упрочить и разширить ее. Тутъ-то романистъ показалъ всю свою плодовитость, — до 1830 года вышло еще девять его романовъ. Первое изданіе «Піонеровъ» было раскуплено въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Затѣмъ появился его знаменитый «Лоцманъ», обязанный почти случайности.

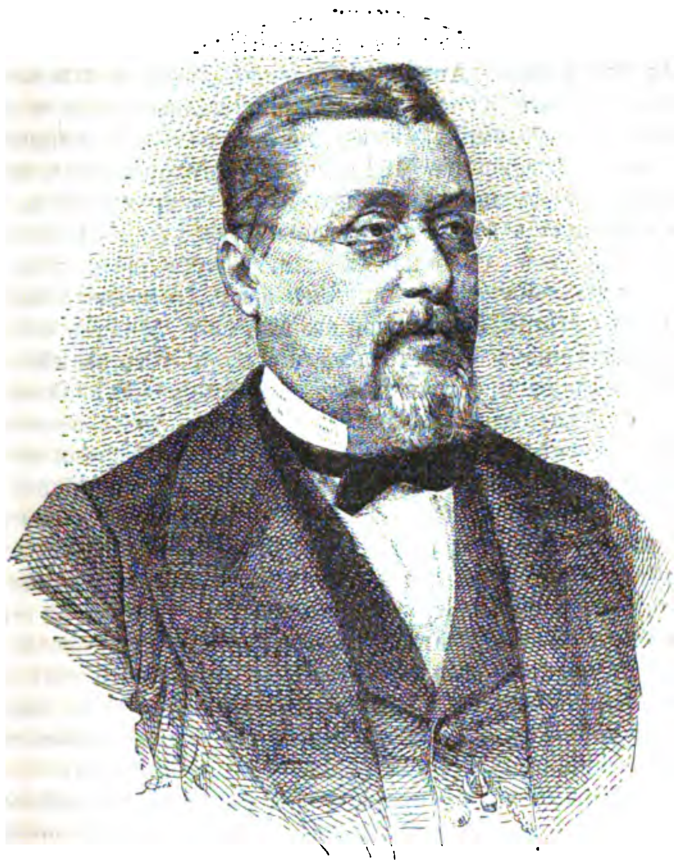
На одномъ обѣдѣ въ Нью-Іоркѣ, въ 1822 году, толковали объ авторѣ «Waverley Novels». Тогда это было неисчерпаемымъ предметомъ разговоровъ. Дивились только-что появившемуся роману «Пираты» и полагали, что авторъ долженъ быть знакомъ съ жизнью на морѣ по личному опыту. Иначе-де трудно было бы объяснить живость и правдивость описаній въ этомъ романѣ. Но Куперъ, опираясь на собственную наблюдательность, утверждалъ противное. По словамъ его, изъ романа видно, что авторъ никогда не былъ морякомъ, и съ тѣми же матеріалами, какими пользовался Вальтеръ-Скоттъ, при личномъ наблюденіи жизни на морѣ, можно бы получше описать эту жизнь. Въ потверждені своихъ словъ Куперъ самъ принялся за морской романъ. Смѣлостью его поражались, предсказывали неуспѣхъ, но рѣшительный романистъ не робѣлъ. Чтобы самому убѣдиться въ правдивости своего описанія, онъ прочелъ рукопись старому моряку,—ту сцену, гдѣ большое судно застигается штормомъ. Слушатель былъ глубоко потрясенъ. И это, дѣйствительно, былъ первый морской романъ, создавшій особый жанръ беллетристики, по сю пору находящій себѣ большой кругъ читателей. Затѣмъ, вслѣдъ за неудачнымъ романомъ «Lionel Lincoln», явился «Послѣдній Могиканъ», съ которымъ Куперъ достигъ вершины своей популярности.

Въ 1822 году онъ переселился въ Нью-Іоркъ и здѣсь былъ центромъ общества и литературныхъ кружковъ. Успѣхъ его романовъ, наконецъ, доставилъ ему теперь возможность выполнить его давнишнее намѣреніе—путешествовать по Европѣ. Въ 1826 году онъ уѣхалъ въ качествѣ консула въ Ліонъ и только въ 1833 году,

вернулся въ Америку, побывавъ въ Англіи, Германіи, Швейцаріи и Италіи. Во Франціи, особенно въ Парижѣ, онъ провелъ большую часть своего путешествія. Во все это время Куперъ проявлялъ лихорадочную дѣятельность, написавъ четыре романа изъ американской жизни, и не страшась своего поверхностнаго знакомства съ посѣщенными странами, взялся за демократически тенденціозныя изображенія видѣннаго въ нихъ. Этому неудачному поползновенію обязаны своимъ появленіемъ «The Bravo», «The Heldenmaner», The Headsman». Послѣднее время его пребыванія въ Парижѣ омрачено было сильными нападками на него. Въ своей книгѣ «Notions of the Americans, picked up by a traverling Bachelor», онъ энергически выступилъ на защиту національнаго самосознанія американцевъ, съ энтузіазмомъ набросалъ картину будущности Соединенныхъ Штатовъ, тогда считавшуюся плодомъ разгоряченной фантазіи, а теперь уже давно оправдавшуюся дѣйствительностью. Куперъ представилъ тутъ настоящее въ яркихъ краскахъ и позволилъ себѣ неблагопріятныя для Англіи сравненія. Англійская критика объявила его врагомъ британцевъ и при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ принялась громить этого врага. Съ другой стороны, и въ Америкѣ не понравились нѣкоторыя изъ его выраженій. Соотечественники порицали Купера за неудачную защиту американскихъ порядковъ, вызванную рѣчами во французскомъ парламентѣ. Огорченный романистъ вернулся въ Нью-Іоркъ осенью въ 1833 году.

Здѣсь многое уже измѣнилось. Звѣзда Купера стала сильно меркнуть. Онъ объявилъ даже, что больше ничего не намѣренъ писать. Но романистъ былъ очень впечатлителенъ, каждый неодобрительный отзывъ казался ему личнымъ оскорбленіемъ, и въ предисловіяхъ къ его первымъ романамъ, онъ страстно полемизировалъ съ самыми ничтожными изданіями. Теперь онъ также выступилъ съ «Письмомъ къ моимъ землякамъ», противъ старыхъ рецензій, неловко впутался въ только что разгорѣвшіяся пререканія сената съ президентомъ Джаксономъ, разсорился со всѣми партіями и сдѣлался мишенью неисчислимыхъ нападокъ со всѣхъ сторонъ. Въ Англіи газеты набросились на его десять томовъ путевыхъ наблюденій, хотя эти томы читались мало; все, что выходило, изъ подъ пера Купера, объявлялось враждебнымъ и невѣрнымъ. Можно сказать, что съ этого времени до послѣднихъ лѣтъ своей жизни, онъ, не переставая, самъ единолично боролся съ американской прессой, даже съ общественнымъ мнѣніемъ. Несчастная сатира «The Monikins», въ которой Куперъ желалъ въ каррикатурѣ à la Свифтъ представить американцевъ, и два тенденціозныхъ романа «Homeward Bound» и «Home as Found» только ухудшили положеніе. Куперъ оказался въ раздорѣ со всѣми литературными, общественными и политическими кружками. Особенно журналистика не давала ему покоя за то, что въ одномъ изъ разсказовъ онъ выста-

вилъ въ неблагопріятномъ освѣщеніи двухъ газетныхъ писакъ. Языкъ американской прессы былъ тогда еще разнузданнѣе, чѣмъ теперь, когда, по крайней мѣрѣ, большія газеты сдержанны въ выраженіяхъ. Можно себѣ представить, слѣдовательно, какимъ слогомъ поносили Купера прежнія газеты. Самая сильная травля на романиста относится къ 1837—1843 годамъ, иные, однако жь, и



Шеффель.

позже продолжали эту травлю. На всѣ личныя нападки Куперъ отвѣчалъ судебными преслѣдованіями, всегда выигрывалъ процессы и газеты платили значительные штрафы. Сначала газеты принимали въ шутку такія преслѣдованія, но когда присяжные систематически обвиняли ихъ, приговаривая не только къ штрафу, но и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, онѣ стали осторожнѣе и осмотрительнѣе. Самъ Куперъ отъ этихъ процессовъ скорѣе проигралъ, чѣмъ выигралъ, ибо въ нихъ всѣ промахи его рѣчей выставлялись

на публичный судъ, подчеркивались, поносились и англійской печатью разносились по Европѣ. Такъ сложилось мало по малу весьма плохое мнѣніе о Куперѣ, онъ слылъ за «гордаго, строптиваго, злоязычнаго, упрямца, злеца, мстительнаго и кляузника».

Но и въ годы своихъ распрей, Куперъ не переставалъ работать Въ 1839 году, онъ напечаталъ свою «Исторію военнаго флота Соединенныхъ Штатовъ», обстоятельное, основанное на документахъ и точномъ изученіи предмета, изслѣдованіе, выдержавшее нѣсколько изданій въ короткое время. Эта книга тоже имѣла непріятныя послѣдствія для автора. Англійскія газеты подняли большой шумъ по поводу сужденій Купера объ англійскомъ флотѣ, да и въ Америкѣ завязалась полемика, завершившаяся только лишнимъ процессомъ для Купера. Съ 1840 до 1851 года, Куперъ написалъ еще семнадцать романовъ. Въ послѣдніе годы жизни романиста публика смягчилась къ нему. Новое поколѣніе не участвовало въ борьбѣ, старое было склонно къ снисходительности, тѣмъ болѣе, что относительно Купера во многомъ были несправедливы. Незадолго до его болѣзни, сложившей его въ гробъ (1851 г.), его чествовали торжественнымъ банкетомъ. Если принимать за мѣрило значенія писателя распространенность его сочиненій, количество изданій, то Купера слѣдовало бы зачислить въ ряды величайшихъ романистовъ нынѣшняго столѣтія. Не всѣ романы его, но добрая половина ихъ печатались множество разъ. Въ каждой библіотекѣ встрѣчаются повѣсти Купера, каждое новое поколѣніе читаетъ ихъ, хотя бы это было въ большинствѣ случаѣ и въ обработкахъ «для старшаго возраста». Отъ этихъ иллюстрированныхъ и водянистыхъ «обработокъ», однако, не можетъ пострадать литературно-историческое положеніе истиннаго художника. Популярность у юныхъ поколѣній служитъ даже напротивъ свидѣтельствомъ того, что разсказчикъ умѣетъ занять и плѣнить фантазію, еще не окрѣпшую опытомъ и ученьемъ. Только въ этомъ онъ оправдываетъ издавна присвоенное ему имя «американскаго Вальтеръ-Скотта».

Самъ Куперъ и устно, и въ печати всегда отклонялъ отъ себя такой комплиментъ, какъ совершенно ложный и неумѣстный. Сравненіе, дѣйствительно, мало подтверждаемое. Куперу прежде всего далеко до Вальтеръ-Скотта въ обрисовкѣ характеровъ. Если этотъ Колумбъ историческаго романа самъ страдалъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же типовъ, то Куперъ и подавно, и кругъ его типовъ и образовъ былъ къ тому же ограниченнѣе. Всѣ образованные люди у Купера выставлены въ приподнятомъ видѣ въ томъ или иномъ отношеніи. Тонкій глазъ имѣлъ романистъ лишь относительно низшаго слоя демоса. Тутъ его лучшіе, не забываемые образы. Такими типами, каковы его охотники изъ бѣлыхъ, живущіе въ лѣсномъ уединеніи, со всѣми качествами героевъ, Куперъ создалъ литературную модель, по которой многочисленные подража-

тели американскаго романиста, въ иной только окраскѣ, выбивали своихъ лѣсныхъ героевъ. Фигуры старыхъ моряковъ, патріотическій шпіонъ, разные женскіе типы — все это надо зачислить въ активъ романисту.

Ниже Вальтеръ-Скотта американскій романистъ и въ композиціи своихъ произведеній; въ нихъ нѣтъ умѣнья завязать интригу и распутать ее, мотивировать разныя превратности въ судьбѣ изображаемыхъ героевъ, нѣтъ этого умѣнья, отличающаго романы Скотта. Повѣствованіе у Купера неровно, то черезчуръ обставлено подробностями, то слишкомъ эпизодично. О стилѣ и говорить нечего: онъ не соотвѣтствуетъ внутренней силѣ его героевъ, тривіаленъ, вялъ и, вмѣсто необходимаго діалога, авторъ вдругъ начинаетъ громить свои персонажи, резонируя на счетъ современныхъ имъ политическихъ и соціальныхъ условій, отчего характеристика сводится къ описанію внѣшности и, разумѣется, проигрываетъ въ художественности.

И не смотря на эти основные недостатки, читатели даже съ тонкимъ литературнымъ чутьемъ цѣнили Купера. Самъ Бальзакъ ставилъ его высоко, да и до настоящаго времени у американскаго романиста есть почитатели. Это объясняется правдивостью его изображеній, — все, что онъ рисуетъ передъ читателемъ, онъ знаетъ изъ личныхъ наблюденій; и этотъ первобытный лѣсъ, и это бурное море дѣйствовали на него самого и читатель воспринимаетъ отъ него впечатлѣнія во всей ихъ свѣжести.

Въ чемъ же заслуга Купера? Конечно, и до него существовала исторія давней исторической борьбы индѣйцевъ, какъ существовало и устное преданіе о жизни въ лѣсахъ, но Куперъ съумѣлъ искусно воспользоваться этими источниками. Съ ихъ помощью онъ развилъ свое сильное дарованіе разказчика, особенно ярко выступающее въ первыхъ его повѣстяхъ, онъ открылъ повѣствовательной литературѣ новую область и са́мъ доискался, какая техника умѣстна въ подобныхъ разсказахъ.

Во всякомъ случаѣ, при оцѣнкѣ Купера нельзя забывать и обстоятельствъ его личной жизни. Тонкаго образованія и художественной мѣры, какія даются зрѣлой и спокойной культурой, отъ Купера нельзя требовать. Необдѣланности и неровностей въ стилѣ могъ избѣгнуть его соотечественникъ Вашингтонъ Ирвингъ, очищавшій и совершенствовавшій свой слогъ по старымъ англійскимъ образцамъ, но при этомъ внесшій и много своеобразія. У Купера же варварскій стиль выкупается наивностью его силы.

Вашингтона Ирвинга американцы справедливо считаютъ самымъ доблестнымъ представителемъ ихъ литературы. Намъ въ данномъ случаѣ интересны лишь тѣ изъ его произведеній, въ которыхъ поэзія сочеталась съ исторіей. Къ нимъ принадлежитъ, во первыхъ, «Sketch-book», собраніе очерковъ и наблюденій нравовъ,

обычаевъ англичанъ и американцевъ, — книга, сразу стяжавшая себѣ европейскую извѣстность и вполнѣ заслуженно.

Эта картина нравовъ старой Англіи, эти описанія страны, эти отрывки американской исторіи отличаются юморомъ и жизнью. Въ 1824 году появились въ Лондонѣ его «Разсказы путешественника», а въ слѣдующемъ году онъ отправился въ Испанію, гдѣ провелъ четыре года надъ изученіемъ рукописей Эскуріала, документовъ, послужившихъ ему матеріаломъ для его исторіи открытія Америки. Въ 1828 г. дѣйствительно вышла въ четырехъ томахъ его «Жизнь и путешествія Христофора Колумба». Трудъ этотъ выдвинулъ Ирвинга въ ученомъ мірѣ. Но пребываніе его въ Испаніи особенно для насъ важно, такъ какъ оно дало возможность американскому писателю издать замѣчательное въ литературномъ отношеніи описаніе «Альгамбры», гдѣ въ блестящей формѣ воспроизведены всѣ преданія объ этомъ магическомъ дворцѣ мавританскихъ королей. Въ 1832 г. Ирвингъ вернулся въ Америку и, проведя нѣкоторое время среди дикихъ, обрисовалъ нравы индѣйцевъ въ «Преріи».

Но этимъ, такъ-сказать, этнографическимъ направленіемъ не ограничилось развитіе историческаго романа. Германіи суждено было расширить его область.

III.

Историческій романъ въ Германіи.

По стопамъ Вальтеръ-Скотта въ Германіи пошелъ Вильгельмъ Герингъ (род. 1798 г. † 1871 г.), писавшій подъ псевдонимомъ Вилибальда Алексиса. Имя «нѣмецкаго Вальтеръ-Скотта», какого лишила Германію въ лицѣ Гауффа преждевременная его смерть, вскорѣ небезосновательно осталось за Герингомъ. Герингъ въ дѣтствѣ былъ свидѣтелемъ ужасовъ осады Бреславля (1806), пережитой имъ съ матерью и сестрою въ монастырской кельѣ. Въ 1823 г. явился его «Walladmor». На заставномъ листѣ значилось: «пересказъ съ англійскаго по Вальтеръ-Скотту», а посвященіе гласило: «Вальтеръ-Скотту, баронету, переводчикъ скромно посвящаетъ этотъ переводъ». Эта мистификація такъ удалась, что многочисленные почитатели великаго шотландца сочли Валладмора за произведеніе Вальтеръ-Скотта. Подъ такой же маской въ 1827 году вышелъ еще «Schloss Avalon», также считавшійся въ публикѣ шотландскимъ романомъ. Только черезъ пять лѣтъ Герингъ рѣшился выступить въ качествѣ самостоятельнаго ученика Скотта. Подобно своему учи-

телю, изображавшему жизнь родной страны въ различные фазисы ея развитія (въ 19 романахъ Вальтеръ-Скотта дѣйствіе происходитъ въ Шотландіи, въ остальныхъ пяти рѣчь идетъ объ Англіи), Герингъ въ 1832 г. положилъ начало отечественному роману въ Германіи своимъ «Cabanis», гдѣ главная роль принадлежитъ Фридриху Великому. Время семилѣтней войны еще никогда прежде не было такъ описано, какъ теперь. Въ теченіи 1832—1856 г. слѣдовали одинъ за другимъ шесть романовъ, для которыхъ сюжеты заимствованы изъ важнѣйшихъ періодовъ бранденбургско-прусской исторіи.

Историческая новеллистика не замедлила пустить корни въ Германіи. Тому благопріятствовала пробудившаяся потребность въ развитіи національнаго самознанія. Цѣлый рядъ именъ заявилъ себя необычайной плодовитостью. Авторами, наиболѣе читавшимися, были: Витцлебенъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Тромлица (1773—1839), Рефусъ, Карлъ Шпиндлеръ, оставившій 102 тома за двадцать три года писательства (1831—1854) и Людвигъ Релльштабъ, главное произведеніе котораго относились къ 1812-му году въ Россіи. (Das Jahr 1812). Но все это служило такъ или иначе лишь отраженіемъ сильнаго увлеченія жанромъ, созданнымъ Вальтеръ-Скоттомъ. Самостоятельнаго значенія историческій романъ въ Германіи могъ достигнуть только тогда, когда труды историковъ не оставили неразработанными почти ни одной изъ эпохъ, ни одного изъ важнѣйшихъ періодовъ отечественной и всемірной исторіи. Такими историками были Шлоссеръ, Раумеръ, Ранкъ, Нибуръ, Моммсенъ и Эрнстъ Курціусъ. Оживленная ими историческая наука оказала свое дѣйствіе и на литературу. Явились крупныя дарованія, творчески воскресившія прошлые вѣка. Въ ихъ числѣ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто принадлежитъ Фрейтагу и Шеффелю. Густавъ Фрейтагъ создалъ почти одинаково выдающіяся произведенія и въ эпосѣ, и его драматургіи, и въ области исторіи культуры, не говоря уже о лирическихъ попыткахъ нѣмецкаго писателя. Что же касается собственно романовъ его, то онъ по всей справедливости можетъ быть названъ живописателемъ нѣмецкой гражданственности. Историческіе романы его явились лишь послѣ нѣсколькихъ культурнобытовыхъ произведеній. Но еще раньше этихъ послѣднихъ Фрейтагъ задумалъ изобразить прошлое своего народа въ «историческихъ и культурно-историческихъ сочиненіяхъ». Съ этой цѣлью онъ напечаталъ прежде всего «Bilder aus der deutschen Vergangenheit» въ пяти томахъ. «Не политическая исторія націи», говоритъ авторъ въ предисловіи къ первому тому, «должна быть разсказана и оправдана документами прошлаго. Здѣсь въ цѣломъ рядѣ картинъ показано, какъ жизнь индивидуумовъ, въ большинствѣ случаевъ маленькихъ, проходитъ подъ вліяніемъ большихъ политическихъ событій». Изъ этихъ картинъ выросъ циклъ романовъ подъ заглавіемъ «Die Ahnen». «Этотъ трудъ», замѣчаетъ

авторъ въ посвящени кронпринцессѣ Викторіи, «содержитъ въ себѣ рядъ разсказовъ, въ которыхъ повѣствуется о судьбѣ отдѣльнаго поколѣнія. Онъ начинается съ предковъ и, если автору хватитъ силъ и охоты работать, мало по малу будетъ доведенъ до послѣдняго родича, который еще теперь живетъ подъ нѣмецкимъ солнцемъ, заботясь о дѣлахъ и испытаніяхъ своихъ предковъ». Въ этихъ шести романахъ много искусственнаго и фальшиваго. Самый языкъ изысканный и нѣсколько отдѣланный, особенно въ первой части, многое кажется неопредѣленнымъ и недостаточно мотивированнымъ. Но, не смотря на это, въ общемъ «Ahnen» небезосновательно признается нѣмцами національнымъ эпосомъ въ формѣ романа, и въ «Предкахъ» сдѣлана впервые попытки изобразить національную жизнь Германіи, попытка, нашедшая себѣ многихъ послѣдователей и подражателей. Жанровыя картинки, натуральность описаній, поэтическо-патріотическое настроеніе — вотъ тѣ свѣтлыя стороны, какія выдвинули эту поэму въ разрядъ первоклассныхъ произведеній нѣмецкой литературы XIX столѣтія.

Въ Фрейтагѣ историкъ культуры беретъ верхъ надъ поэтомъ-романистомъ. Шеффель, авторъ «Gaudeamus», напротивъ въ своемъ «Ekkehard'ѣ» представляетъ замѣчательное сочетаніе поэта съ историкомъ. Въ этомъ романѣ разсказана исторія изъ X-го столѣтія, на основаніи монастырскихъ хроникъ. Языкомъ хрониста, чуждымъ всякой манерности и прикрасъ, Шеффель повѣствуетъ о любви монаха Эккегарда и герцогини Швабской, Гадвиги. По историческимъ свидѣтельствамъ, Гадвига беретъ къ себѣ монаха изъ любви къ наукѣ, мучаетъ его своими капризами, не выказывая къ нему никакого инаго чувства. Впослѣдствіи, по рекомендаціи герцогини, онъ приглашается ко двору Оттона I, живетъ тамъ въ почетѣ и умираетъ въ Майнцѣ 23-го апрѣля 990 г. Въ романѣ Шеффеля страсть монаха, послѣ долгой борьбы съ ней, въ одинъ прекрасный день такъ неистово разыгрывается, что онъ обнимаетъ и цѣлуетъ Гадвигу. Захваченный въ расплохъ враждебными монахами, онъ вынужденъ бѣжать въ Аппенцелль, гдѣ является отшельникомъ, постепенно смиряется и находитъ утѣшеніе въ поэзіи. Такъ, изъ старинныхъ поблекшихъ извѣстій возникъ культурно-историческій романъ.

Также и Генрихъ Лаубе, въ сороковыхъ годахъ почерпавшій себѣ матеріалъ изъ исторіи Франціи («Графиня Шатобріанъ» и проч.), двадцать лѣтъ спустя перешелъ къ отечественной исторіи. Въ его обширномъ циклѣ романовъ «Der dentsche Krieg» (9 томовъ въ трехъ отдѣлахъ 1863—1866 г.) онъ написалъ картину временъ тридцатилѣтней войны. Пятнадцать лѣтъ спустя появился его второй романъ того же типа «Die Böhminger» изъ временъ іюльской революціи, романъ, гдѣ тенденціозность сквозитъ очень ясно и потому лишаетъ его всякаго историко-культурнаго значенія.

Съ успѣхами въ разработкѣ исторической науки романъ получаетъ научное направленіе. Профессоръ Георгъ Эберсъ (род. 1837 г.) печатаетъ «Дочь египетскаго царя», въ 1877 г. издаетъ «Uarda», второй романъ изъ жизни древняго Египта, и черезъ два года третій тоже египетскій романъ «Die Schwestern». Содержаніе перваго хорошо извѣстно по русскому переводу. Относительно «Uarda» слѣдуетъ замѣтить, что наименѣе привлекательна сама героиня, давшая названіе роману. Настоящимъ героемъ является Пентавръ, проникающійся вѣрой въ единобожіе. Около этихъ двухъ

Фрейтагъ.

лицъ группируются множество другихъ, дѣйствія которыхъ въ итогѣ воспроизводятъ египетскую жизнь временъ Рамзеса. «Die Schwestern» переносятъ читателя въ ту эпоху (164 г. до Р. X.), когда Птоломей Филометоръ въ Мемфисѣ насильственно лишается престола его братомъ, Птоломеемъ Евергетомъ II, и въ Египтѣ возстановляется единство управленія. Исторія двухъ сестеръ Ирены и Клеи нисколько не фантастическая. «По изумительной случайности», замѣчаетъ авторъ въ предисловіи, «нѣсколько документовъ изъ уничтоженнаго архива въ Мемфисѣ сохранились; документы эти, писанные по гречески на папирусѣ, содержатъ въ себѣ записки

жившаго въ Серапеумѣ отшельника македонскаго проис хожденія о двухъ сестрахъ, бывшихъ прислужницами при жертвоприношеніяхъ». Факты, почерпнутые изъ этихъ записокъ и дополненные изученіемъ древняго Мемфиса, слѣдовательно, и послужили основаніемъ роману. «Сестры»—знатной греческо-македонской крови; онѣ рано лишились родителей и вынуждены были сдѣлаться прислужницами. Ихъ положеніе настолько бѣдственное, что имъ не всегда приходится утолять свой голодъ, но благодаря попеченію стараго отшельника духовно онѣ развиты вполнѣ. За старшей, Клеей, ухаживаетъ Публій Корнелій Сципіонъ, состоящій при дворѣ Птоломеевъ посланникомъ римской республики; младшая Ирена нравится легкомысленному коринѳянину Лизіасу. Но на обѣихъ накидываетъ глазокъ Евергетъ и старается извести благороднаго римлянина. Планъ, однако, разрушается предусмотрительностью Сципіона и находчивостью Лизіаса. Въ романѣ Эберса особенно любопытна характеристика Клеи, которая подъ вліяніемъ ученія стоиковъ прониклась любовью къ вѣчному Богу и оттого дѣлается счастливой женщиной.

Болѣе значительная мысль заключена въ романѣ «Homo sum» (1878 г.), что перевести можно не только «я человѣкъ», но и «я—грѣшникъ». Анахоретъ IV вѣка, не смотря на весь свой аскетизмъ, на всякій постъ и воздержаніе, не въ силахъ побороть прежнюю грѣховную натуру. Она все даетъ себя знать, и получается выводъ, что не въ внѣшнемъ аскетизмѣ заключается спасеніе, а во внутреннемъ, въ трудѣ и уклоненіи отъ суеты мірской, какъ учитъ само евангеліе. Весьма существенный недостатокъ произведеній Эберса заключается въ томъ, что антикварныя подробности нерѣдко весьма нехудожественно мѣшаютъ свободному развитію дѣйствія. Кромѣ того, колоритъ у Эберса какой-то блѣдноватый. Другой профессоръ (изъ Кенигсберга) Феликсъ Данъ извѣстенъ своимъ романомъ «Ein Kampf um Rom», гдѣ изображена борьба и паденіе остготовъ въ Италіи.

Съ Феликсомъ Даномъ и Георгомъ Эберсомъ вниманіемъ нѣмецкой публики пользуются Юліусъ Роденбергъ и Юліусъ Вольфъ. На сколько спеціальность Эберса составляетъ живописаніе женскихъ типовъ въ древней обстановкѣ, на столько трое другихъ его собратовъ склонны преимущественно изображать героевъ. Роденберга, впрочемъ, болѣе извѣстнаго патріотическими сонетами, увлекаютъ новѣйшія времена (напр. въ «Грандидье»), тогда какъ Данъ и Вольфъ предпочитаютъ средневѣковые сюжеты. Среда, обстановка, играетъ у Дана и у Вольфа главную роль. Въ двухтомномъ романѣ Вольфа «Der Sülfermeister» костюмъ героя, домъ, гдѣ живетъ онъ, профессія его, описываются съ мельчайшими подробностями, такъ какъ при стеченіи разныхъ обстоятельствъ все это оказываетъ рѣшительное вліяніе на образъ дѣйствій персонажей.

Но здѣсь произведенія Вольфа должна постигнуть судьба, общая всѣмъ романистамъ, почерпающимъ свой матеріалъ изъ средневѣковой отечественной исторіи. Эта исторія распадается на мелкія событія, представляющія интересъ, такъ сказать, мѣстный. Патріотизмъ извѣстной мѣстности польщенъ и удовлетворенъ, стоящій же внѣ круга изображаемой мѣстности равнодушно, безучастно относится къ живописуемымъ явленіямъ. Страна и люди, предметы и воззрѣнія одинаково чужды и далеки для читателя со стороны. Вотъ, напримѣръ, Вольфъ съ любовью погружается въ Люнебургскую хронику, съ удивительной точностью изображаетъ отдѣльные случаи изъ жизни города Люнебурга и за этими изображеніями общее какъ-то пропадаетъ само собой. Напрасно искать въ его романѣ какихъ-нибудь руководящихъ мыслей, которыми не совсѣмъ была бѣдна изображаемая имъ эпоха, вторая половина XV вѣка. Короче сказать, романистъ требуетъ отъ читателя не только забыть о настоящемъ, какъ только онъ вступилъ въ средневѣковый городъ, но еще и оставить въ сторонѣ всякій другой интересъ, помимо Люнебургскаго, тогда какъ для читателя и Люнебургская соль должна являться вообще «солью земли».

Болѣе широкой и болѣе глубокой содержаніемъ кистью отличается произведеніе Германа Линга, пѣвца эпохи переселенія народовъ. Въ его «Bysantinischen Novellen» историческое описаніе служитъ не цѣлью, а лишь средствомъ, задачей побочной, второстепенной. И Лингъ охотно останавливается на эпизодахъ, за этими эпизодами всегда скрывается общечеловѣческая мысль, эти эпизоды такъ или иначе имѣютъ значеніе въ общемъ ходѣ историческихъ событій. Политическая исторія служитъ для романиста всемірно-историческимъ фономъ, на которомъ оттѣняются явленія душевной, внутренней жизни. Новелистика его получаетъ не столько историческій интересъ, сколько художественный. Изъ нея непосредственно нельзя ознакомиться съ византійской исторіей. Но каждый, кто имѣетъ понятіе о судьбахъ византійской имперіи и о придворной жизни въ Константинополѣ, въ повѣстяхъ Линга найдетъ исторически вѣрное и художественно яркое изображеніе всѣхъ главныхъ моментовъ въ исторіи восточно-римской монархіи. Въ основѣ разсказовъ Линга лежитъ глубокое изученіе византійской исторіи, но романистъ умѣетъ скрыть ученый баластъ. Историческое преданіе, почерпнутое имъ изъ документальныхъ источниковъ, вмѣстѣ съ поэтическимъ замысломъ творческой фантазіи автора, составляютъ нераздѣльное цѣлое. Поэтому-то повѣсти и романы Линга одинаково интересуютъ и знатока Византіи, и каждаго, кто ничего не знаетъ объ условіяхъ ея жизни. Они поучительны при внимательномъ ихъ чтеніи, но въ тоже время въ нихъ нигдѣ не видно намѣренія поучать. Помыслы и дѣйствія персонажей сливаются въ общую гармонію, нисколько не умаляя къ

себѣ интереса отдаленностью времени и не имѣя ничего общаго съ современными намъ понятіями. Персонажи эти думаютъ, чувствуютъ, говорятъ и поступаютъ въ духѣ времени, изображаемаго авторомъ. Но современный читатель, при всемъ развитіи своихъ воззрѣній на міръ и жизнь, все таки интересуется судьбою этихъ характеровъ иной эпохи, интересуется тѣмъ человѣческимъ элементомъ, который во всѣ времена и у всѣхъ народовъ остается вѣчно неизмѣннымъ и только выражается въ вѣчно измѣняющихся формахъ.

Эти качества исторической новелистики указываютъ на то, какія требованія можно и должно ставить современному культурно-историческому роману. Болѣе точное и болѣе основательное изслѣдованіе историческаго матеріала, правда, облегчаетъ теперь задачу историческаго романиста. Но за то современная публика стала требовательнѣе относительно колоритной окраски событій прошлаго и правильной обрисовки характеровъ. Автору приходится не только штудировать источники, но и заботиться о художественной композиціи. Историческій романистъ уже не рѣшится, какъ бывало прежде, внѣшнимъ образомъ сочетать историческій матеріалъ съ поэзіей, которая служила ему чѣмъ то въ родѣ прикрасъ и арабесокъ. Опытъ выдающихся писателей-художниковъ предостерегаетъ его отъ многихъ одностороннихъ пріемовъ. Вальтеръ Скоттъ долженъ служить ему образцомъ метода въ искусствѣ ярко живописать характеры и въ умѣньи рельефно выдвинуть личность на первый планъ. Въ произведеніяхъ Фрейтага, Шеффеля и другихъ нѣмецкихъ писателей, историческій романъ является неотъемлемой частью національной исторіи. На данномъ пространствѣ романистъ составляетъ рядъ рѣзко очерченныхъ образовъ и картинъ, такъ что въ жизни, въ окружающемъ и испытаньяхъ судьбы каждаго изъ этихъ образовъ, отражается физіономія данной эпохи. Если мы видимъ въ нихъ иногда произвольное и даже фальшивое освѣщеніе исторіи, это именно потому, что сама историческая наука въ то время, когда являлись вышеназванныя произведенія, представлялись еще во многихъ отношеніяхъ смѣсью правды и лжи. Особенно это надо сказать объ освѣщеніи государственной дѣятельности передовыхъ людей извѣстной эпохи. Имъ нерѣдко приписываются произвольныя идеи и измышляемые авторомъ мотивы. Такая участь всякой шумной, видной и міровой дѣятельности подлежать суду тенденціозному, кажется, должна бы предостеречь историческаго романиста отъ попытки воспроизводить великія событія или характеризовать поступки историческихъ лицъ, то возвышая ихъ до небесъ, то принижая ихъ до ничтожества. Задача романиста должна быть болѣе посильная и доступная художественному творчеству и исторической правдѣ. Этого достигаетъ романистъ, показывая, какъ люди жили въ условіяхъ извѣстной эпохи, какіе нравы были

тогда, какъ возникли и во что вырождались извѣстныя формы жизни, какъ, наконецъ, подъ дѣйствіемъ этихъ формъ складывался внутренній міръ человѣка описываемаго времени. Страсти вѣдь, обуревающія людей, были вѣчно все тѣже; мѣшались и разнообразились только формы, въ какихъ проявляются эти страсти. Умѣнье воскресить ихъ къ новой жизни въ обстановкѣ, вполнѣ соотвѣтствующей культурно-историческимъ условіямъ, и заключается заслуга историческаго романиста, вдохновившагося поэтической идеей, безъ которой художественный замыселъ превращается лишь въ весьма прозаическое намѣреніе въ беллетристической формѣ представить итоги добытыхъ наукою данныхъ.

Ѳ. Булгаковъ.

ПАРИЖЪ ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ.

Вѣчные союзы и измѣнчивость политики.—Офиціальная ложь.—Безполезность полумѣръ и компромисовъ.—Новогодняя рѣчь Наполеона.—Опасенія войны.—Англія въ роли успокоительницы Европы.—Краснорѣчіе и нерѣшительность императора французовъ.—Принцъ Наполеонъ.—Нравы придворныхъ.—Виконтъ писатель и мошенникъ.—Вступленіе австрійцевъ и французовъ въ Сардинію.—Настроеніе Италіи.—Прокламаціи Наполеона и Виктора Эмануила.—Военныя и не гуманныя дѣйствія.—Неожиданный миръ.—Манифесты властителей и выходки подданныхъ.—Двусмысленная политика Англіи.—Амнистія и эмигранты.—Офиціальныя оправданія.—Надежды печати и гоненія на нее.—Положеніе общества.—Воры и убійцы.—Лемеръ и Авиненъ.—Нравственные уроды.—Докторъ отравитель.—Таинственный убійца президента.—До чего доводятъ заботы о памятникахъ великимъ людямъ.

ЕТВЕРТЬ СТОЛѢТІЯ—эпоха значительная въ жизни человѣка и ничтожная въ жизни природы—въ исторіи, особенно послѣдняго времени, является періодомъ измѣняющимъ совершенно международныя отношенія и положеніе отдѣльныхъ государствъ. Между державами встрѣчаются и такія, въ которыхъ коренныя измѣненія совершаются въ еще болѣе краткій промежутокъ времени. Припомнимъ, какіе перевороты произошли во Франціи, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія: сначала самодержная монархія, превратившаяся въ конституціонную, которая не просуществовала и трехъ лѣтъ, затѣмъ три года кровавой республики, четыре года директоріи, три года консульства, тринадцать лѣтъ имперіи, пятнадцать бурбонской манархіи, восьмнадцать орлеанской монархіи, пять лѣтъ второй республики, восьмнадцать лѣтъ второй имперіи и четырнадцать лѣтъ третьей республики—итого въ теченіи столѣтія одиннадцать коренныхъ измѣненій въ системѣ правленія

и жизни народа. И ни одна изъ этихъ перемѣнъ не существовала въ продолженіи четверти вѣка. А политика еще твердитъ о ненарушимыхъ трактатахъ, о прочныхъ союзахъ и правленіяхъ! Да и одна ли Франція измѣнилась въ послѣдніе 25 лѣтъ. Развѣ Италія, Германія, Австрія, Испанія тѣ же теперь, какъ въ 1859 году? Даже консервативная, неподатливая на реформы Англія изумляетъ въ 1884 году если не своею внѣшнею, то внутреннею политикою. Наконецъ, развѣ Россія той эпохи, когда еще только созрѣвали великія преобразованія, похожа на Россію шестидесятыхъ годовъ или конца семидесятыхъ, къ которому примыкаетъ безпримѣрная въ исторіи катастрофа, окончившаяся мученическою кончиною великаго царя, замышлявшаго сдѣлать еще много для горячо любимой имъ Россіи.

О 1859 годѣ напомнилъ намъ появившійся недавно новый томъ Записокъ Вьель-Кастеля, о которыхъ уже не разъ приходилось говорить «Историческому Вѣстнику». Авторъ посвящаетъ цѣлый томъ этому году, возбудившему столько надеждъ и не исполнившему ихъ, какъ и многіе послѣдующіе годы. Въ исторіи этотъ годъ замѣчателенъ двусмысленною политикою главныхъ европейскихъ державъ и стараніемъ ихъ отдѣлываться полумѣрами и компромисами при рѣшеніи важныхъ вопросовъ, касающихся судьбы народовъ. Теперь, слѣдя за всею этою дипломатическою ложью, удивляешься, какъ люди, стоящіе въ главѣ управленія и знакомые съ исторіею хотя бы послѣдняго времени, не убѣдятся въ необходимости прямой, ясной, рѣшительной политики, въ безполезности всѣхъ увертокъ и полумѣръ, никогда никого неудовлетворяющихъ, только путающихъ положеніе дѣлъ и замедляющихъ неизбѣжную, неотвратимую развязку. И къ чему служатъ всѣ эти оттягиванія, колебанія, эта нерѣшительность, нежеланіе открыто высказать свои намѣренія, объяснить свои требованія?.. Никогда эта двуличность, іезуитизмъ и макіавелизмъ правящихъ лицъ не высказывались такъ ясно, какъ при началѣ войны за освобожденіе Италіи, и такъ какъ нити всей дипломатической путаницы соединялись въ Парижѣ, то мы набросаемъ картину этого города и его общественной и политической жизни въ 1859 году, на основаніи книги Вьель-Кастеля и другихъ современныхъ записокъ.

Въ первый день 1859 года, Луи-Наполеонъ, принимая поздравленія иностранныхъ пословъ, сказалъ австрійскому посланнику при Тюльерійскомъ дворѣ: «Я сожалѣю, что наши отношенія съ вашимъ правительствомъ не такъ хороши, какъ прежде, но я прошу васъ сказать императору, что мои личныя чувства къ нему не измѣнились». Слова эти возбудили бурю въ дипломатическихъ сферахъ, хотя, повидимому, въ нихъ не было ничего угрожающаго. Но лица, знакомыя съ положеніемъ дѣлъ, увидѣли въ нихъ подтвержденіе желанія Луи-Наполеона — прославить себя военными под-

вагами и прекратить покушенія итальянцевъ на его жизнь, явившись бойцомъ за свободу Италіи. Для этого, конечно, надо было объявить войну Австріи, и потому то, сбираясь отнять у нея ея лучшія провинціи, императоръ французовъ счелъ нужнымъ увѣрить австрійскаго императора въ неизмѣнности своихъ личныхъ чувствъ. Ложь въ дипломатическихъ канцеляріяхъ неминуемо влечетъ и ко лжи на тронѣ. Но Парижъ былъ пораженъ словами Наполеона: онъ не хотѣлъ войны, привыкнувъ въ теченіи шести лѣтъ повторять слова своего императора: «имперія — это миръ». Эту блистательную ложь французы повторяли и во время крымской войны; но тогда необходимо было «положить предѣлъ ненасытному честолюбію сѣвернаго колосса», а теперь — изъ-за чего было драться съ Австріей? Чтобы отдать ея итальянскія владѣнія Піемонту? Но вѣдь, если не всѣ во Франціи раздѣляли мнѣніе Вьель-Кастеля, что «итальянцы — не народъ, а домъ умалишенныхъ или бѣшеныхъ, потерявшихъ нравственное чувство», то, во всякомъ случаѣ, что̀ за надобность была создавать себѣ могучаго и сильнаго сосѣда, отвоевывая для него французскою кровью австрійскія владѣнія? Мудрено ли, что во Франціи противъ войны были даже приближенные и маршалы Наполеона. За нее были только молодые офицеры и карьеристы, разсчитывающіе на то, что «старшихъ перебьютъ или выключатъ». Женитьба принца Наполеона на дочери короля Сардиніи, въ концѣ января, еще болѣе подтвердила воинственное настроеніе союзниковъ, хотя Ротшильдъ предсказывалъ, что Франція погибнетъ, если начнетъ войну. Въ началѣ февраля, при открытіи англійскаго парламента, рѣчь Викторіи отличалась загадочностью сфинкса. «Событія идутъ тѣмъ путемъ, съ которымъ ознакомила насъ долговременная опытность», говорила королева, прибавляя, что употребитъ все свое вліяніе для сохраненія общаго мира и силы прежнихъ трактатовъ. Если бы Англія дѣйствительно не хотѣла войны, она могла бы помѣшать ей, объявивъ прямо, что становится на сторону Австріи. Но это не было сдѣлано и, послѣ рѣчи королевы, фонды на биржѣ еще болѣе упали. А тутъ вышла еще брошюра «Наполеонъ III и Италія», написанная Лагероньеромъ, но внушенная императоромъ, и въ ней прямо говорилось, что прежніе трактаты никуда не годятся и ихъ надо пересмотрѣть. Брошюра предлагала составить конференцію изъ итальянскихъ владѣтелей, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Эти политико-утопическія фантазіи конечно не могли никого успокоить, но послѣ рѣчей Пальмерстона и Дерби биржа вдругъ поднялась на цѣлый франкъ. Первый объявилъ прямо, что Англія употребитъ всѣ усилія, чтобы отвратить столкновеніе; второй доказывалъ, что осуществленіе фантазіи итальянскаго единства невозможно, что этому мѣшаетъ не столько чужеземный гнетъ, какъ внутренніе раздоры самихъ итальянцевъ. «До насъ нисколько не

касается — сознавался благородный лордъ — кротко или деспотически, благоразумно или неосторожно правитъ Австрія своими итальянскими провинціями: онѣ принадлежатъ ей въ силу давняго владѣнія, въ силу трактатовъ, нарушеніе которыхъ нанесло бы неисчислимый вредъ Европѣ, и никто изъ сосѣдей не имѣетъ права, ни подъ какимъ предлогомъ, отнимать у Австріи эти владѣнія». Причины волненій Дерби видѣлъ вовсе не въ Ломбардіи и Неаполѣ, а въ Римѣ, гдѣ двѣ арміи, папская изъ швейцарцевъ и французская, нисколько не содѣйствуютъ водворенію порядка. Опасенія войны грозили также со стороны Сардиніи, но «императоръ французовъ далъ увѣреніе, что пока Австрія останется въ своихъ границахъ, Франція не приметъ сторону Сардиніи.

Чтобы успокоить взволнованные умы, которые онъ самъ же взволновалъ, Наполеонъ произнесъ при открытіи палатъ блестящую рѣчь, можетъ быть очень поэтическую, но ни какъ не политическую. Въ ней не было ничего, кромѣ громкихъ фразъ; а между тѣмъ дѣло дошло до того, что надо было не говорить, а дѣйствовать. 6-го февраля въ Парижѣ арестовали двухъ итальянцевъ, вооруженныхъ револьверомъ и динамитной бомбой. Они поджидали императора. Ихъ захватили, но одинъ изъ нихъ убилъ себя въ Мазасѣ, другой ни въ чемъ не сознался. Наполеонъ видимо колебался; Викторія писала ему собственноручно, чтобы онъ не начиналъ войны, а созвалъ лучше конгресъ; Жирарденъ издалъ брошюру, въ которой доказывалъ, что война съ Пруссіей и даже съ Англіей будетъ выгоднѣе, чѣмъ съ Австріей; папа давалъ знать секретно, что Австрія не прочь уступить Ломбардію, если ее вознаградятъ дунайскими княжествами. Наполеона удерживали также опасенія за будущность своей династіи. Принцеса Матильда передала ему слова его кузена, принца Наполеона, не стѣснявшагося заявлять: «если съ императоромъ случится несчастіе, я приму мѣры, чтобы обратились ко мнѣ, а не къ этой глупой (niaise) императрицѣ и мальчишкѣ принцу императорскому». Этотъ кузенъ дѣлался положительно невыносимымъ. Какъ министръ колоній, онъ пускалъ въ ходъ такія продѣлки, что остальные министры заявили о невозможности управлять съ такимъ господиномъ—и онъ принужденъ былъ выйдти въ отставку. На свадьбу сенатъ назначилъ ему 800 тысячъ франковъ, но съ тѣмъ, чтобы сумма эта передана была не ему, а въ руки императора, и генералъ Кастельбажакъ прямо объявилъ въ сенатѣ, что ни въ чемъ не довѣряетъ принцу, враждебному императору. Изъ 200,000 фр., назначенныхъ на брилліанты молодой, принцъ удержалъ въ свою пользу 120,000. Съ женой онъ обращался самымъ недостойнымъ образомъ; не хотѣлъ съ ней обѣдать; если она хотѣла его видѣть, то должна была испрашивать на это позволеніе письменно; въ горничныя далъ ей одну изъ своихъ прежнихъ любовницъ. Про него, при дворѣ со-

ставили удачный каламбуръ, не переводимый по русски (какая разница между каплуномъ и принцемъ? Un chapon est un coq impuissant, le prince est un coquin puissant). Впрочемъ, и самъ Наполеонъ не стѣснялся высказывать явно свое расположеніе г-жѣ Лабедольеръ, Гревиль и графинѣ Валевской; послѣдняя говорила ему: ты. Немудрено, что нравы придворныхъ отличались страшною распущенностью, приводили не только къ грязнымъ, но и къ уголовнымъ дѣламъ. Герцогиня Дино, желая помѣшать своему возлюбленному Монгомери жениться, поддѣлала отъ его имени письмо къ роднымъ его невѣсты и попала за это на скамью подсудимыхъ. Бывшій префектъ, виконтъ Бомон-Васси, авторъ замѣчательной «Исторіи моего времени», получавшій болѣе пятидесяти тысячъ франковъ съ своихъ земель, задумалъ основать промышленно-акціонерное общество, которое увѣрилъ, что военный министръ далъ ему концесію на поставку селитры. Въ собраніе акціонеровъ явился подложный адъютантъ министра, привезшій подложную официальную бумагу и Бомон-де-Васси объявилъ, что за эту концесію надо дать взятку въ 60,000. Акціонеры вручили ему эту сумму, но подали на него жалобу въ судъ, узнавъ, что ихъ надули. Васси былъ приговоренъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію за мошенничество и къ лишенію гражданскихъ правъ въ теченіи десяти лѣтъ. Сынъ министра Фульдъ, убѣжавшій въ Англію съ актрисою Валеріей, издалъ въ Лондонѣ брошюру противъ всего семейства, обвиняя своего отца и дядей въ томъ, что они воры и развратники. Книга выдержала четыре изданія, пока папенька рѣшился скупить ее у издателя и уничтожить; этотъ министръ двора былъ въ силѣ, потому что далъ взаймы Евгеніи 600,000 фр. и потому же его нельзя было прогнать, хотя онъ это вполнѣ заслужилъ. Биржевые маклера пожаловались суду, что ихъ лишаютъ доходовъ биржевые зайцы, заключающіе сдѣлки, недопускаемые закономъ. Судъ конфисковалъ реестры лицъ, на чье имя зайцы играли на биржѣ, но нашелъ въ спискахъ такія громкія имена близкихъ къ трону лицъ, что нерѣшился производить слѣдствіе и замялъ дѣло.

Чтобы избѣжать войны, Россія предложила конгресъ великихъ державъ. Австрія не согласилась на конгресъ и въ свою очередь предложила посредничество Англіи съ рѣшающимъ голосомъ, на что Франція, зная нерасположеніе Англіи и ея взгляды, также не могла согласиться. Въ Тосканѣ армія взбунтовалась противъ великаго герцога и онъ отрекся отъ престола. Австрія, ожидая съ минуты на минуту возстанія въ Миланѣ и вторженія сардинцевъ, рѣшилась предупредить нападеніе и войска ея вступили въ Піемонтъ. 3 мая Наполеонъ издалъ прокламацію, въ которой говорилось, что этимъ поступкомъ Австрія объявила войну Франціи и хочетъ господствовать въ Италіи до Альпъ; поэтому Италія должна

быть свободна до Адріатическаго моря. Французскія войска, давно уже готовившіяся къ войнѣ, пошли на встрѣчу австрійцамъ. Но у нихъ не доставало артилеріи и многіе полки не имѣли еще всего, необходимаго для выступленія въ походъ, хотя Наполеона увѣряли, конечно, что все готово. Маршалъ Вальянъ, выйдя однажды изъ кабинета императора въ Тюльери, попросилъ дежурнаго камергера отдать записку для пересылки въ военное министерство. Камергеръ отдалъ записку дежурному флигель-адъютанту; тотъ, не разслышавъ или перепутавъ приказаніе, принесъ записку дежурному генералу, который распечаталъ ее и прочелъ: «императоръ хочетъ знать: отправился ли въ походъ 30-й линейный полкъ? отвѣчайте мнѣ, что уже отправился». Генералъ, не любившій маршала, принесъ записку Наполеону, чтобы показать, какъ его обманываютъ.

Когда Наполеонъ отправился въ Италію, Парижъ провожалъ его съ невообразимымъ энтузіазмомъ. Въ Италіи встрѣтили его съ умѣреннымъ восторгомъ. Нѣкоторые полки кричали: да здравствуетъ Италія! и не хотѣли кричать: да здравствуетъ императоръ. Но въ народѣ и въ высшихъ классахъ настроеніе было восторженное. Итальянцы, бывшіе при дворѣ Франца Іосифа, бросали австрійскую службу. Маркизъ Адда, камергеръ императора, вступилъ простымъ солдатомъ въ сардинскую армію. Болѣе другихъ державъ была недовольна войною Англія, съ 1847 года, въ лицѣ своихъ газетъ, министровъ, ораторовъ въ парламентѣ и на митингахъ подстрекавшая Италію къ освобожденію. Но передовые люди и этой страны, какъ и всѣхъ цивилизованныхъ странъ, горячо сочувствовали началу итальянскаго возрожденія. Его привѣтствовалъ на одрѣ смерти высокодаровитый Гумбольдтъ, а умирающій Метерних оплакивалъ будущность страны, болѣе другихъ испытавшей всю тяжесть его деспотической политики. Послѣ первой побѣды, одержанной франко-сардинской арміей, умеръ неаполитанскій король, заживо изъѣденный червями. Австрійская армія, судя по ея бюлетенямъ, одерживала блестящіе успѣхи, истребляла цѣлые полки кавалеріи тамъ, гдѣ ея вовсе не было, и брала въ плѣнъ зуавовъ, еще не появлявшихся на полѣ сраженія, а на самомъ дѣлѣ терпѣла пораженія при Монтебелло, Мадджентѣ. Наполеонъ издавалъ прокламаціи. Итальянцевъ онъ приглашалъ организоваться военными отрядами и быть солдатами, въ ожиданіи того времени, когда они сдѣлаются гражданами великой страны. «При просвѣщенномъ направленіи общественнаго мнѣнія, говорилъ онъ, въ наше время можно быть болѣе великимъ нравственнымъ вліяніемъ, чѣмъ безплодными побѣдами, и я съ гордостью стремлюсь къ этому нравственному вліянію, содѣйствуя къ освобожденію одной изъ обширнѣйшихъ странъ Европы». Французскимъ солдатамъ онъ говорилъ, что отцы ихъ съ небесныхъ высотъ смотрятъ на нихъ съ гордостью. Побѣды французовъ низвергли, однако, въ Англіи министерство

Дерби. Палата общинъ приняла резолюцію, обвинявшую министерство въ томъ, что оно было неискренно въ своей нейтральности и высказало дурныя намѣренія противъ Франціи. Пруссія, испуганная успѣхами французовъ, заговорила объ интересахъ Германіи. Горчаковъ разослалъ русскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ циркуляръ, въ которомъ строго осуждалъ Австрію, принудившую Францію начать войну, и восхвалялъ умѣренность императора Наполеона. Въ тоже время русскій канцлеръ доказывалъ, что Германскій союзъ имѣетъ цѣлью защищать интересы Германіи, если на нее нападутъ, но не имѣетъ основанія составлять коалицію для нападенія на другія державы.

Но офиціальная ложь не переставала проявляться во всѣхъ документахъ того времени. Когда австрійцы, отступая, очистили Болонью и она сбросила съ себя папское иго, Викторъ Эмануилъ, въ своей прокламаціи, на приглашеніе взять въ свои руки власть, говорилъ: «Не слѣдуетъ, чтобы Европа могла обвинить меня въ томъ, что я дѣйствую только изъ личнаго честолюбія и хочу замѣнить піемонтскимъ поглощеніемъ австрійское угнетеніе. Святой отецъ, почитаемый всѣми вождь вѣрующихъ, остался въ главѣ своего народа, и какъ властители Пармы, Модены и Тосканы не отказался отъ своей свѣтской власти, которую мы должны не только уважать, но и утвердить». Конечно, этого уважаемаго главу вѣрующихъ лишили свѣтской власти, которую должно утверждать, не вдругъ, а его столицу заняли черезъ одиннадцать лѣтъ, но тѣмъ не менѣе всѣ эти увѣренія въ уваженіи также странно читать, какъ похвалы тогдашнихъ французскихъ газетъ храбрости принца Наполеона, бывшаго во все время войны далеко отъ мѣстъ сраженій, «но стремившагося всей душою въ битвы», хотя во время ихъ ему все какъ-то являлась необходимость то собирать резервы въ Генуѣ, то организовать интендантство во Флоренціи, то хлопотать о продовольствіи въ Болоньи.

Война въ Италіи велась съ обычными жестокостями, какъ и всѣ войны. Сардинское правительство, производя формальное слѣдствіе, обнародовало возмутительный поступокъ генералъ-фельдмаршала Урбана: найдя въ хижинѣ одного крестьянина мѣшечекъ съ охотничею дробью, онъ приказалъ разстрѣлять всѣхъ девятерыхъ жильцовъ этой хижины, а въ числѣ ихъ были женщины, шестидесятилѣтній старикъ и 14-тилѣтній мальчикъ. Правда, самый свирѣпый изъ австрійскихъ генераловъ, Гіулай, отличавшійся казнями венгерцевъ въ 1849 году, былъ смѣненъ въ это время и командованіе 2-ю арміею передано Шлику, но, конечно, не за жестокости генерала, а за его неспособность. Сраженіе при Сольферино, гдѣ была разбита на голову вся австрійская армія, положило, какъ извѣстно, конецъ этой войнѣ, продолжавшейся мѣсяцъ съ небольшимъ. Наполеонъ, обѣщавшійся, что Италія будетъ свободна до Адріатики,

поторопился заключить въ Виллафранкѣ миръ, по которому Францъ-Іосифъ уступилъ ему Ломбардію, а онъ передалъ ее Сардиніи. Во Флоренціи сардинскій комиссаръ протестовалъ противъ мира въ Миланѣ; наканунѣ въѣзда туда Наполеона покрыли чернымъ крепомъ французскія знамена, въ Туринѣ портреты Наполеона исчезли съ оконъ книжныхъ и эстампныхъ магазиновъ и замѣнились портретами Орсини. Кавуръ вышелъ въ отставку, Англія стала кричать противъ умѣренности французскаго императора, Германія начала обвинять Пруссію, что та не умѣла во время вмѣшаться въ войну, хоть и готовилась къ ней. Однимъ словомъ, всѣ были недовольны, и въ самомъ Парижѣ прокламаціи Наполеона были сорваны со стѣнъ въ сентантуанскомъ предмѣстьѣ. Францъ-Іосифъ въ прокламаціи къ своей арміи, говоритъ, что она «съ радостью ожидаетъ продолженія борьбы, начатой за святость трактатовъ», но что одинъ, безъ союзниковъ, онъ долженъ уступить несчастнымъ обстоятельствамъ, и, не желая напрасно проливать кровь своихъ солдатъ, заключилъ миръ «на основаніи линіи Минчіо». Эта превосходная метафора объ «основаніи линіи», вмѣсто уступки всей Ломбардіи, представляетъ великолѣпный примѣръ политической риторики и дипломатическаго фразерства. Въ свою очередь, Наполеонъ, принимая въ Парижѣ по возвращеніи изъ похода правительственныя учрежденія, объяснялъ имъ, что онъ остановился въ Италіи не потому, что «покинулъ благородное дѣло, которому хотѣлъ служить», но потому, что «въ его сердцѣ нѣчто говорило еще громче: интересы Франціи». Этотъ неожиданный мирный трактатъ, ни слова не упоминавшій о томъ, что же будетъ съ Тосканою, Пармою и Моденою, прогнавшими своихъ герцоговъ, съ папскими владѣніями, прогнавшими папскихъ легатовъ, съ Венеціей, не успѣвшей прогнать австрійцевъ, съ Неаполемъ, гдѣ новый король самодержавствовалъ по старому, разстрѣливая и вѣшая либераловъ,—эти полуосвободительныя полумѣры возбудили въ полусвободной печати такія статьи, полныя негодованія, что губернаторъ Ломбардіи поспѣшилъ издать циркуляръ, которымъ журналистика приглашалась къ чувству умѣренности и акуратности, а газетамъ, выражающимся рѣзко «о послѣднихъ событіяхъ, о королѣ и его августѣйшемъ союзникѣ», обѣщалъ закрытіе.

Основы вѣчному миру должны были положить на конгресѣ въ Цюрихѣ уполномоченные великихъ державъ. Франція послала туда Буркене, старую дипломатическую бездарность съ гримасами новой преданности. Дипломатическому корпусу, поздравлявшему Наполеона, онъ объявилъ, что заключилъ миръ, чтобы доказать, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія возбудить общую войну въ Европѣ, несправедливо къ нему относившейся. Болѣе всего онъ былъ недоволенъ Англіей, оказывавшей все время нравственную поддержку Австріи и требовавшей въ газетахъ и въ парламентахъ, чтобы

Францiя не увеличивала и не развивала своихъ морскихъ силъ. Напрасно «Монитёръ» отвѣчалъ на это простыми цифрами: морской бюджетъ Англiи на 1859 годъ — 320 миллiоновъ франковъ, Францiи — 123 миллiона съ половиной, — добрые заламаншскiе сосѣди не переставали твердить, что усиленiе французскаго флота возбуждаетъ опасенiя и не можетъ быть терпимо. Вьель-Кастель увѣряетъ, что Наполеонъ рѣшился даже на войну съ Англiей, но отложилъ до болѣе удобнаго времени осуществленiе своего намѣренiя. Итальянцы изъявляли Сардинiи свои желанiя слиться въ одно государство и желанiя ихъ печатались во всѣхъ газетахъ. Когда же савойскiй журналъ «Courrier des Alpes» помѣстилъ петицiю, подписанную извѣстными всей странѣ именами — о желанiи французской Савойи присоединиться къ Францiи — журналъ запретили. Проповѣдывать либерализмъ другимъ очень полезно: это избавляетъ отъ необходимости быть либеральнымъ у себя дома.

Послѣ войны начались обыкновенно слѣдующiя за нею обличенiя и разоблаченiя. Генералъ Нiель, въ рапортѣ о сраженiи при Сольферино, написалъ, что маршалъ Канроберъ, угрожаемый съ праваго фланга «счелъ благоразумнымъ (jugea prudent) помочь мнѣ только къ вечеру». Канроберъ напечаталъ въ «Монитерѣ», что помогъ, когда слѣдовало. Нiель отвѣчалъ на возраженiе маршала вызовомъ на дуэль. Наполеонъ не позволилъ имъ драться и запретилъ продолжать перебранку въ газетахъ. Армiя, по возвращенiи въ Парижъ, была принята съ восторгомъ. Высшимъ чинамъ ея Наполеонъ далъ обѣдъ, на которомъ говорилъ, что ему «было очень лестно найти такое послушанiе въ тѣхъ, кто обладалъ такою воинскою опытностью». Но какъ бы могли офицеры не слушаться распоряженiй своего главнокомандующаго, да еще и императора? Въ заключенiе онъ прибавилъ: «если Францiя сдѣлала такъ много для дружественнаго народа, чего не сдѣлаетъ она для своей независимости!» Увы, не позже какъ черезъ одиннадцать лѣтъ, исторiя доказала, что̀ Францiя не могла ничего сдѣлать для сохраненiя этой независимости!

По обычаю, принятому во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, послѣ всѣхъ важныхъ событiй, по окончанiи итальянской войны (какъ и у насъ послѣ паденiя Плевны и послѣ войны съ Турцiею) были сняты во Францiи всѣ кары и предостереженiя съ перiодической печати и объявлена амнистiя эмигрантамъ. Вернунулись многiе, протестовали Луи Бланъ и Викторъ Гюго. Первый объяснилъ, что амнистiя только тогда можетъ быть принята, когда положенъ конецъ системы управленiя, по которой граждане лишаются свободы по малѣйшему подозрѣнiю, административнымъ порядкомъ—что̀ гораздо хуже знаменитаго «закона о подозрительныхъ лицахъ» временъ первой революцiи, когда по произволу министра заглушается голосъ общественнаго мнѣнiя, безъ всякаго суда, безъ

возможности оправдаться или принести куда нибудь жалобу. Викторъ Гюго заявилъ, что при настоящемъ положеніи Франціи протестъ безусловный, непреклонный, вѣчный составляетъ его обязанность. «Вѣрный обѣту, данному своей совѣсти, я раздѣляю со свободою ея изгнаніе. Когда она вернется, вернусь и я». Протестовали также эмигранты въ Лондонѣ, въ газетѣ «Courrier de l'Europe». «Зданіе увѣнчано: имперія совершила свое оскорбленіе — она амнистировала насъ; мы не амнистируемъ ее. Принципы непреклонны. Февральскіе республиканцы не прощаютъ декабрскому императору. Осмѣлившись казнить, онъ осмѣливается прощать, этимъ довершается узурпація. Но преступленіе не имѣетъ права прощать свои жертвы. Мы тѣ же сегодня, какими были вчера, будемъ всегда во Франціи или въ изгнаніи. На нашей сторонѣ право».

Недовольство Наполеономъ во всей Европѣ было такъ сильно, что, наконецъ, «Монитеръ» рѣшился объяснить причины быстраго заключенія мира и невозможности объединенія Италіи. Въ виду того, что Пруссія, а можетъ быть и вся Германія, готовились принять сторону Австріи, Наполеонъ былъ бы принужденъ перевести свои войска съ Эча на Рейнъ. При свиданіи въ Виллафранкѣ, Францъ-Іосифъ, уступая Ломбардію, обѣщалъ дать Венеціи такую же организацію, какою пользуется Люксембургъ по отношеніи къ германскому союзу, но въ замѣнъ этого онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ — возвращеніе изгнанныхъ герцоговъ въ ихъ владѣнія. Императоръ согласился на эти условія, не желая рисковать новой войной и проливать кровь солдатъ. «Въ Европѣ — такъ оканчивала официальная газета — только одна страна, способна сражаться за идею, страна эта Франція — и она исполнила свою задачу». Но въ томъ-то все и дѣло, что задачи этой она не исполнила, идеи не осуществила, а возбудивъ страсти и надежды, остановилась на полдорогѣ. И официальное краснорѣчіе никого и ни въ чемъ не убѣдило. Чтобы склонить на свою сторону общественное мнѣніе, правительство стало снисходительнѣе относиться къ печати и ослабило нѣсколько систему предостереженій и запрещеній. Морни, въ своей рѣчи на генеральномъ совѣтѣ, заявилъ, что готовятся мѣры для бóльшей свободы печати. Газеты, конечно, тотчасъ же заговорили объ этихъ мѣрахъ. «Journal des débats» отнесся недовѣрчиво къ этимъ слухамъ. Лагероньеръ въ «Presse» сказалъ: «Безъ свободнаго голоса журналистики — все молчитъ, и когда этотъ голосъ задушенъ, всѣ государственныя учрежденія изолированы отъ народа и остаются безъ жизни, безъ авторитета, безъ престижа. Англичане приписываютъ свободѣ печати всѣ благодѣянія ихъ конституціи; они считаютъ эту свободу присущею ихъ націи и одинаково полезною какъ для власти, такъ и для ея противниковъ, которые, съ помощью этой свободы, умѣряютъ, направляютъ и исправляютъ ходъ правительственныхъ дѣлъ. Англичане скорѣе повѣрятъ, что

ихъ островъ разрушится, нежели тому, что они могутъ лишиться этой свободы. Намъ еще далеко до этого, но мы придемъ къ тому». Въ отвѣтъ на подобныя фразы, правительство, испугавшись черезчуръ либеральнаго и восторженнаго тона газетъ, объявило въ «Мониторѣ», что слухи объ измѣненіи законовъ печати 1852 года неосновательны, что печать во Франціи «свободна обсуждать всѣ правительственныя мѣры и просвѣщать общественное мнѣніе, но что правительство твердо рѣшилось держаться системы, положившей конецъ лжи, клеветѣ и ошибкамъ». Газеты, конечно, не успокоились и послѣ этого, продолжая толковать и спорить о томъ, что необходимо сдѣлать для печати—и «Мониторъ» еще разъ объявилъ, что правительство не допуститъ полемики по этому предмету. Вслѣдъ затѣмъ оно запретило газету «Correspondant» за статью Монталамбера, въ которой говорилось совершенно справедливо, что Франція спасла свѣтскую власть папы въ 1849 году и погубила ее въ 1859 году. Статья оканчивалась извѣстіемъ, что въ Тосканѣ рѣшено одновременно воздвигнуть статуи Виктору-Эмануилу, Наполеону III и Макіавелю. Монталамбера отдали подъ судъ, а газетѣ «Univers» дали второе предостереженіе также за защиту папы, и въ то же время захватили брошюру Жирардена «Наполеонъ III и Европа».

Пятый томъ записокъ Вьель-Кастеля оканчивается разсужденіями о характерѣ Наполеона и объ окружающихъ его лицахъ. Къ этому предмету авторъ возвращается, впрочемъ, нѣсколько разъ во всѣхъ томахъ. Послѣ долгихъ наблюденій, онъ пришелъ только къ тому убѣжденію, что императоръ очень скроменъ и, въ то же время, хитеръ. «Кто думаетъ узнать его по его собственнымъ словамъ, даже въ интимной бесѣдѣ, или по его поступкамъ—жестоко ошибается: въ немъ постоянно видѣнъ плѣнникъ, все скрывающій, заговорщикъ, всегда идущій окольными путями. Его холодность по отношенію къ однимъ людямъ, знаки расположенія, оказываемые другимъ—ровно ничего не значатъ. Онъ рѣшительно никого не уважаетъ (черта, свойственная тѣмъ, кто чувствуетъ, что самъ не достоинъ уваженія—прибавимъ мы). Онъ раздѣляетъ всѣхъ людей на полезныхъ и безполезныхъ. Самый честный и прекрасный человѣкъ, если онъ не нуженъ императору, не имѣетъ въ глазахъ его никакого значенія; но тонкій мошенникъ, какъ Гаусманъ, если онъ съумѣетъ сдѣлаться полезнымъ, будетъ принятъ съ почетомъ и ласками: ему простятся его кражи и всѣ мерзости, ему будутъ жать руку и привѣтливо улыбаться». Что касается до лицъ, окружающихъ Наполеона—все это или ничтожные, или низкіе люди, нисколько не преданные императору и готовые продать его каждую минуту. Они презираютъ его такъ же, какъ онъ ихъ презираетъ, хотя и называютъ себя его апостолами. Только между этими двѣнадцатью апостолами по крайней мѣрѣ одиннадцать Іудъ.

Если таковы были лица, близкія къ императору, то чего можно ждать отъ разжирѣвшей буржуазіи, отъ всякаго рода дѣльцовъ, нажившихся по мелочамъ около авантюристовъ, хватавшихъ большими кушами. Особенною беззастѣнчивостью къ наживѣ безчестными путями отличалось торговое сословіе. Многіе извѣстные магазины въ Парижѣ разжились оттого, что укрывали и пріобрѣтали ворованныя вещи не только во Франціи, но и за границей. Такъ, фирма ювелира улицы Пажевенъ была мѣстомъ сбыта и тайнаго склада вещей итальянской шайки мошенниковъ, глава которыхъ, Франчіони, грабилъ на большихъ дорогахъ, разыгрывая въ городахъ роль богатаго помѣщика. Въ мастерскихъ ювелира работали сообщники Франчіони, придававшіе другой видъ пересылаемымъ въ магазины драгоцѣннымъ вещамъ. Фирма славилась изяществомъ и дешевизною своихъ издѣлій — послѣднее было понятно въ виду того, что вещи пріобрѣтались дешевымъ способомъ. Ворамъ и негодяямъ вообще хорошо жилось во время второй имперіи, но честнымъ людямъ приходилось плохо отъ мошенниковъ. Убійствъ было также не мало въ эту печальную эпоху и убійцами являлись странные выродки человѣчества, нравственные уроды, очевидно съ ненормальными мозговыми функціями. Таковъ былъ девятнадцатилѣтній Лемеръ, сынъ зажиточнаго слесаря. Онъ цинически хвасталъ на судѣ убійствомъ женщины, на которой хотѣлъ жениться его отецъ, и сожалѣлъ, что не успѣлъ убить и отца. Съ дѣтства отличаясь безнравственностью и грубостью, когда умерла его мать, онъ вывыразилъ удовольствіе, что теперь въ семьѣ будетъ меньше расходовъ. Когда отецъ объявилъ ему, что женится во второй разъ, на прачкѣ, вдовѣ, жившей въ томъ же домѣ со своей дочерью и ученицею, Лемеръ началъ бранить отца и сказалъ, что не позволитъ ему сдѣлать такой глупости. Вечеромъ, вскорѣ послѣ этого разговора, онъ вошелъ къ прачкѣ, работавшей съ дочерью и ученицей, и сказалъ, что отецъ его ждетъ ее внизу, чтобы передать ей какое-то важное извѣстіе. Они жили по одной лѣстницѣ и прачка пошла внизъ за Лемеромъ въ его квартиру. Черезъ нѣсколько времени тамъ послышались страшные крики; дѣвушки побѣжали внизъ и видя, что дверь заперта, а за нею раздаются крики о помощи, вмѣстѣ съ сосѣдями выломали дверь. На полу комнаты лежала вся въ крови несчастная женщина, за нею стоялъ Лемеръ съ ножомъ, у котораго остріе было сломано. Когда его схватили, онъ спокойно сказалъ, что убилъ эту женщину и сожалѣетъ, что не успѣлъ убить остальныхъ. Она дѣйствительно умерла въ тотъ же день отъ двадцати насесенныхъ ей ранъ, а онъ на судѣ, ничего не скрывая, разсказалъ подробно, какъ приготовилъ сначала все, чтобы повѣсить прачку, заманивъ ее въ комнату, гдѣ онъ вбилъ въ стѣну большой гвоздь, прикрѣпивъ къ нему веревочную петлю, но прачка начала бороться и защищаться и онъ поневолѣ долженъ былъ пустить въ

дѣло ножъ, который приготовилъ для ея дочери и ученицы, а для отца хорошо отточенную бритву, которою легко перерѣзать горло. Онъ не просилъ ни помилованія, ни снисхожденія и говорилъ, что раскаявается только въ томъ, что глупо распорядился и не съумѣлъ убить всѣхъ четверыхъ. Онъ взошелъ на гильотину съ тѣмъ же спокойствіемъ и цинизмомъ, хвастая своимъ преступленіемъ. Это былъ скорѣй маніакъ, чѣмъ злодѣй, принимающій всѣ мѣры предосторожности, когда замышляетъ убійство. Лемеръ же дѣйствовалъ такъ, что можно было сомнѣваться въ нормальномъ состояніи его умственныхъ способностей.

Другой убійца, казненный вскорѣ послѣ Лемера, былъ шестидесяти-восьми-лѣтній мясникъ Авиненъ, шесть разъ судившійся за воровство и грабежи, осужденный на двадцатилѣтнюю каторжную работу, отбывшій срокъ наказанія и вернувшійся въ Парижъ. Онъ нанималъ лачугу по берегу Сены, зазывалъ къ себѣ подъ вечеръ продавцевъ дровъ, зелени, живности, пріѣзжавшихъ въ столицу изъ окрестностей, предлагалъ имъ купить разомъ, гуртомъ, весь ихъ товаръ, угощалъ ихъ виномъ, ужиномъ, совѣтовалъ не возвращаться ночью въ деревню, а остаться у него ночевать и оставшихся убивалъ во время сна большимъ молоткомъ, потомъ, какъ бывшій мясникъ, искусно рѣзалъ трупы на части и бросалъ въ Сену, отдѣльно руки, ноги, голову, туловище. Пойманный, наконецъ, на мѣстѣ преступленія, онъ сознался, но умеръ также нераскаяннымъ цинikомъ. Былъ также уличенъ и пойманъ одинъ женоподобный мальчишка, избравшій своими жертвами проститутокъ. Въ военномъ костюмѣ онъ заводилъ подъ вечеръ знакомство съ тою изъ бульварныхъ дѣвицъ, которая была одѣта получше и побогаче, приглашалъ ее въ какой нибудь незатѣйливый пріютъ, ночью душилъ и уходилъ рано утромъ, одѣвшись въ платье несчастной. Нѣсколько труповъ, найденныхъ голыми, съ признаками задушенія, навели на слѣдъ этого спеціалиста. Застигнутый въ одной трущобѣ, онъ успѣлъ однако бѣжать, произведя поджогъ и скрывшись во время суматохи. Полиція такъ и не нашла его и впослѣдствіи, но убійства этого рода женщинъ больше не возобновлялись. Одна изъ нихъ была найдена, нѣсколько позже, задушенною въ Фонтенеблъоскомъ лѣсу, но ея убійцею была ея подруга, страстно ее любившая и рѣшившаяся на преступленіе, чтобы отомстить своей возлюбленной за измѣну. Это было уже такое извращеніе человѣческихъ чувствъ, что судъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ и преступница присуждена къ вѣчнымъ каторжнымъ работамъ. Еще ужаснѣе былъ процесъ одного молодого солдата, занимавшагося разрытіемъ могилъ на парижскихъ кладбищахъ и осквернепіемъ труповъ недавно схороненыхъ дѣтей и молодыхъ особъ. Но всѣ эти лица принадлежали къ низшимъ слоямъ общества, какъ кучеръ Колиньонъ, убившій скромнаго буржуа за то, что тотъ

смѣлъ пожаловаться полиціи на грубость своего возницы. Имперія представляетъ не мало примѣровъ злодѣевъ изъ высшихъ интелигентныхъ классовъ. Таковъ былъ докторъ-гомеопатъ Лапомере, отравившій сначала свою тещу, чтобы воспользоваться ея состояніемъ, потомъ свою любовницу, застраховавшую въ значительной суммѣ свою жизнь, съ условіемъ, выплатить послѣ ея смерти сумму эту ея доктору. Лапомере защищался самъ на судѣ и выказалъ большія знанія въ химіи и токсикологіи. Обѣ жертвы его были отравлены дигиталиномъ и Лапомере доказывалъ, что ядъ этотъ не оставляетъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, что всякое вещество, принятое въ извѣстномъ количествѣ или при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть причиною смерти слабаго организма. Опыты надъ дигиталиномъ, производимые химиками и экспертами, длились нѣсколько засѣданій и только мнѣніе знаменитаго Клода Бернара, заявившаго, что дигиталинъ въ самой слабой дозѣ останавливаетъ біеніе сердца — прекратило диспутъ. Присяжные засѣдатели, въ виду общественнаго положенія ученаго доктора изъ старинной дворянской фамиліи, не нашли возможнымъ дать ему снисхожденіе и онъ признанъ былъ виновнымъ безусловно. И этотъ холодный, безсердечный преступникъ умеръ, не раскаявшись, не принимая утѣшеній религіи, но прося священника, провожавшаго его на гильотину, передать послѣднее прощаніе его женѣ, которую онъ любилъ искренно, хотя и отравилъ ея мать. Онъ просилъ даже отрѣзать у него прядь волосъ и послать ихъ его Клотильдѣ, съ именемъ которой перешелъ въ вѣчность.

Еще сильнѣе общественное мнѣніе было возбуждено убійствомъ лица, близкаго къ императору, президента главнаго суда, Пуансо. Онъ былъ застрѣленъ въ вагонѣ западной желѣзной дороги, въ ночномъ поѣздѣ, направлявшемся въ Парижъ. Убійца былъ наканунѣ въ помѣстьи Пуансо, бесѣдовалъ съ нимъ и они вмѣстѣ поѣхали въ Парижъ, причемъ президентъ взялъ съ собою какія-то бумаги, которыя, по словамъ его камердинера, хранились въ особомъ секретномъ ящикѣ конторки, вмѣстѣ съ важными документами. Эти бумаги исчезли вмѣстѣ съ саквояжемъ, часами и портмоне убитаго, но убійца оставилъ въ отдѣльномъ купѐ свой кашне и табатерку. По этимъ признакамъ и другимъ указаніямъ заключили, что убійца былъ альзасецъ Жюдъ, дезертеръ драгунскаго полка, разыскиваемый уже полиціей по обвиненію въ убійствѣ между Цилисгеймомъ и Ильфуртомъ, русскаго военнаго врача. Онъ былъ тогда же схваченъ, но успѣлъ бѣжать. И теперь полиція напрасно искала преступника, примѣты котораго были ей извѣстны. Газеты стали подсмѣиваться надъ тѣмъ, какъ хорошо служатъ имперіи лица, обязанныя охранять ее. Начальникъ сыскной полиціи, Клодъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ онъ отправился въ Мюльгаузенъ разъискивать Жюда съ однимъ шпіономъ,

какъ на нихъ напали въ окрестностяхъ прусскіе офицеры, убили шпіона за то, что онъ осмѣлился смѣяться надъ ними, а Клоду посовѣтовали вернуться въ Парижъ, не разъискивая Жюда, потому что это будетъ напрасно. Вся эта исторія можетъ быть и вымышлена Клодомъ, какъ оправданіе въ своихъ неуспѣшныхъ поискахъ, но во всякомъ случаѣ и самый Жюдъ, и причина убійства президента такъ и остались неразгаданными. Только на похоронахъ Пуансо, Жюль Фавръ замѣтилъ во всеуслышанье: «не дешево же стòитъ быть хранителемъ тайнъ Тюльерійскаго дворца».

Не дешево стоило и вообще, во время имперіи, браться за какое нибудь хорошее и честное дѣло. Однажды ліонскій житель Жерменъ, гуляя по Улленскому кладбищу, былъ пораженъ тѣмъ, что на могилѣ Жакара, изобрѣтателя ткацкаго станка, обогатившаго свой родной городъ Ліонъ и всю Францію, поставленъ простой деревянный крестъ. Для чести родины и города, гдѣ десятки тысячъ рукъ работали на жакаровскихъ станкахъ. Жерменъ задумалъ поставить памятникъ на могилѣ изобрѣтателя и послалъ двадцать франковъ въ комерческую ліонскую палату, съ предложеніемъ открыть подписку на этотъ предметъ. Палата возвратила деньги съ отвѣтомъ, что занятая въ настоящее время важными дѣлами по городскому устройству, она не можетъ принять на себя заботы по подпискѣ на памятникъ. Тогда Жерменъ обратился къ органамъ общественнаго мнѣнія, печати, и парижскій журналъ «Искуство въ XIX вѣкѣ», органъ художниковъ, взялъ на себя пропаганду воздвигнуть памятникъ. Редакція напечатала воззваніе ко всѣмъ фабрикантамъ, обогатившимся отъ изобрѣтенія Жакара, и въ Парижѣ организовался комитетъ для сбора приношеній. Тогда комерческая палата въ Ліонѣ объявила, что забота о чествованіи памяти своего великаго согражданина принадлежитъ исключительно ей одной и что она давно уже намѣрена была увѣковѣчить память человѣка, двинувшаго ліонскую промышленность на путь усовершенствованій. Палата не объясняла однако, почему она тридцать лѣтъ только раздумывала объ этомъ увѣковѣченіи и не предпринимала ничего для его осуществленія. Правительство согласилось съ ліонской палатой и журналу объявили, что не его дѣло заботиться о памятникахъ высокимъ людямъ Франціи. На это есть начальство и подвѣдомственное министерство. Стали разузнавать, кто редакторъ журнала и изъ его програмы увидѣли, что онъ требовалъ также устройства художественныхъ выставокъ, професіальныхъ школъ и музеевъ декоративнаго искуства. Ясно, что это былъ человѣкъ безпокойный и неблагонадежный. Къ тому-же онъ былъ основателемъ «Общества развитія промышленнаго искуства». Подняли на ноги сыскную и тайную полицію. Тѣ конечно отрекомендовали его человѣкомъ подозрительнымъ. Еще бы! журналистъ, толкующій о необходимости прогреса, косвенно своимъ воззваніемъ къ подпискѣ

порицающій правительство за то, что оно забываетъ о своихъ великихъ гражданахъ, возбуждаетъ этимъ неудовольствіе противъ правительства. Редактора начали таскать по явнымъ и тайнымъ полицейскимъ бюро, допрашивать, съ какимъ намѣреніемъ онъ предлагалъ подписку, копаться въ его частной жизни, перехватывать его письма, слѣдить за каждымъ его шагомъ. Административнымъ порядкомъ закрыли «Общество промышленнаго искуства», преслѣдовавшее какія то тайныя, подозрительныя цѣли, потомъ, вслѣдствіе цензурныхъ придирокъ, предостереженій и доносовъ, редакторъ долженъ былъ закрыть и свой журналъ, убѣдившись въ томъ, что предусмотрительная политика имперіи причисляетъ къ законопреступнымъ дѣйствіямъ и заботы о памятникахъ вовсе не политическимъ людямъ. Хорошо, что еще редактора не постигла участь самого Жакара, брошеннаго въ Рону ліонскими ткачами.

Вл. Зотовъ.

СУЕВѢРІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА [1].

II.

Суевѣрія среднихъ вѣковъ.

ЕЛИКІЙ Панъ — таинственное олицетвореніе природы — умиралъ; одна за другою нѣмѣли священныя рощи, въ которыхъ вѣрующіе вопрошали боговъ. Древніе боги стали демонами. Природа, проклятая мистицизмомъ, была признана злымъ началомъ. Неумолимый аскетизмъ требовалъ отреченія отъ земныхъ радостей и налагалъ невыносимое бремя на вѣрующихъ. Медленно вымирала старая вѣра; вѣковыя привычки забываются не легко. Старая вѣра пустила глубокіе и цѣпкіе корни въ частную и общественную жизнь. Народныя религіозныя празднества, обряды, освящавшіе рожденіе, бракъ и смерть, долго сохраняли обаятельную силу для многихъ, хотя новая вѣра и наложила на нихъ клеймо грѣха и грозила имъ ужасами ада. Духъ возмущенія обратилъ пытливыя, смѣлыя натуры къ культу темной, нечистой силы. Демонологія, существовавшая у первобытныхъ народовъ, приняла новую форму.

Первыя понятія о демонологіи явились у халдеевъ, потомъ она распространилась въ Персіи, Египтѣ, Греціи; римляне наслѣдовали ее отъ Греціи. Есть древнее преданіе у раввиновъ, рельефно изображающее древность культа темныхъ силъ. Первою женою Адама была Лилитъ или мать дьяволовъ. Она отказалась повиноваться

---

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. XVII, іюль, стр. 181.

мужу и пренебрегла велѣніями Бога, которыя передали ей ангелы. Затѣмъ она призвала имя Іеговы по ученію каббалы и въ наказаніе была поднята на воздухъ и мгновенно исчезла.

Смерть дѣтей отъ неизвѣстныхъ болѣзней приписывалась Лилитъ, которая невидимымъ воздушнымъ призракомъ разносила смерть. Новобрачные писали на внутренней сторонѣ дверей дома имена ангеловъ, Адама и Евы, а на наружной: «уходи Лилитъ». Греки и римляне называли демонами воздушныя существа, являвшіяся въ видимомъ образѣ людямъ и приносившія добро или зло. Евреи видѣли въ демонахъ одно злое начало; первые христіане приняли взгляды евреевъ. Демонологія, распространяясь, захватила въ область свою и древнихъ боговъ, и оракуловъ, и души умершихъ людей, нарушавшихъ при жизни велѣнія церкви, и души живыхъ людей, если они смѣли возставать противъ безчисленныхъ каноническихъ правилъ, опутывавшихъ каждый шагъ жизни. Были духи или демоны воздушные, водяные, лѣсные, огневые. Тертуліанъ говоритъ: «духи летали по воздуху быстрѣе окрыленной птицы. Если ихъ не вызывали и не приказывали имъ дѣйствовать, они оставались пассивными, не дѣлали ни добра, ни зла; но злые духи появлялись и исчезали по приказанію дьявола. Оба класса духовъ могли служить человѣку, только если онъ зналъ, какъ вызвать ихъ». У древнихъ египтянъ существовало преданіе, что въ отдаленной древности люди возмутились противъ боговъ и прогнали ихъ. Боги бѣжали въ Египетъ и скрылись подъ видомъ разныхъ животныхъ; отсюда взялось поклоненіе животнымъ и ученіе о переселеніи душъ. Отголоски его находимъ мы и въ демонологіи: козелъ, кошка, воронъ, конь, волкъ и другія животныя играютъ роль въ явленіяхъ нечистой силы. Древніе арабы вѣрили въ геніевъ и духовъ; это было основной чертой религіи ихъ, перешедшей въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и въ магометанство. Геніи сопутствовали человѣку цѣлую жизнь; каждый человѣкъ имѣлъ при себѣ добраго и злого генія, которые боролись за него; злые дѣла совершались во время отсутствія добраго генія, обязаннаго по временамъ являться въ небесную обитель съ отчетомъ о ввѣренномъ ему человѣкѣ. Такъ объясняли арабы борьбу страстей въ человѣкѣ и причину преступленій. Католицизмъ училъ, что у каждаго человѣка есть свой ангелъ хранитель и одинъ общій искуситель — сатана. Арабы, хищники степей, создали геніевъ по своему образу и подобію. Главный геній ихъ, Хафеда, былъ покровителемъ хищниковъ и ему молились передъ набѣгами. Мавры принесли въ Испанію вѣру въ геніевъ. Когда магометанство вытѣснило поклоненіе духамъ, они превратились въ демоновъ, которыхъ вызывали тайною, преступною наукою—чернокнижіемъ. Сокровища знанія, смѣшанныя съ каббалой, скопленныя эллинами въ Александрійской библіотекѣ, не всѣ погибли отъ грабежей и пожара.

Въ средніе вѣка культъ дьявола распространился въ Европѣ, не смотря на всѣ громы духовенства, не смотря на всѣ ужасы ада. Феодальное иго папы и епископовъ, хроническіе военные поборы и грабежи, голодъ, повальныя болѣзни убили вѣру въ добро. Рыцари и князья церкви считали себѣ все дозволеннымъ; грѣхи богатыхъ искупались вкладами въ монастыри; бѣднякамъ нечѣмъ было откупаться. Если ужъ горѣть въ аду, такъ хоть на землѣ пожить въ свою волю. Небо было глухо къ мольбамъ, нечистая сила должна была помочь. Запуганное, наполненное страшными призраками воображеніе, нищета, вѣчный страхъ потрясали нервную систему; явились повальныя нервныя болѣзни, галлюцинаціи, бѣсноватые, увѣренные, что въ нихъ вселился дьяволъ, истеричныя женщины, убѣжденныя въ сношеніяхъ съ нимъ, въ своей беременности отъ него. Дьяволъ представлялся въ различныхъ видахъ: то грознымъ, сверкающимъ, какъ пламя, ангеломъ, возсѣдающимъ на огненной колесницѣ или на адскомъ драконѣ; то чудовищемъ съ львиной головой, гусиными ногами и заячьимъ хвостомъ, то человѣкомъ съ огромными крыльями летучей мыши; то трех-головымъ уродомъ, три головы котораго — ящерицы, кошки и человѣка, мѣняютъ безпрестанно мѣста.

Сатана былъ недоступенъ. Лицезрѣнія его удостоивались только крупные грѣшники, постигнувшіе всѣ тайны каббалы. Мелкому, невѣжественному, грѣшному люду являлись мелкіе демоны, служившіе сатанѣ на посылкахъ, обязанностью которыхъ было таскать души въ адъ, сгребать уголья и раздувать огонь, а на землѣ соблазнять слабыхъ.

Толедо, Севилья и Саламанка были школами чернокнижія. Учители каббалистической мудрости учили, что съ помощью падшихъ ангеловъ можно пріобрѣсть всѣ знанія земли, неба и преисподней; они знали хорошо древніе и современные языки, алхимію, астрологію, свойства трехъ царствъ природы; они увѣряли, что могли понимать языкъ животныхъ, поднимать и усмирять воздушныя явленія, охлаждать пламень адскій, давать роздыхъ мучившимся въ немъ душамъ, вызывать землетрясенія, духовъ, души умершихъ, исцѣлять и насылать болѣзни, тоску, помѣшательство, мирить враговъ, дѣлать врагами друзей, приколдовать любовь, исцѣлять безплодіе, насылать и отвращать засухи.

Большая часть средневѣковыхъ легендъ заключаетъ въ себѣ разсказы о явленіи дьявола. Его вызываютъ, чтобы продать ему душу за золото, власть, любовь красавицъ, высшее знаніе. Дьяволъ исполнялъ всѣ требуемыя отъ него службы; иногда случалось, что его обманывали и запроданная ему душа ускользала отъ него. Легенды о дьяволѣ, котораго перехитрили, сложились позднѣе, когда дьяволъ началъ утрачивать свое страшное обаяніе. Интересна легенда о расколотыхъ чугунныхъ воротахъ одного древняго собора.

Одинъ императоръ приказалъ строить соборъ. Сатана, увидя положенный фундаментъ, спросилъ: какое зданіе строятъ? «Игорный домъ», былъ отвѣтъ. Сатана ушелъ довольный. Черезъ извѣстное время онъ увидѣлъ закладку алтарей. На вопросъ его: что это такое? императоръ отвѣчалъ: «Игорные столы», и тогда сатана предложилъ помогать въ работѣ. Онъ принесъ чугунныя ворота рѣдкостной работы, но увидѣлъ на стѣнѣ распятіе; тогда онъ бросилъ ворота на землю съ такою силою, что они раскололись.

Въ средніе вѣка была выработана цѣлая система демонологіи. Демоны перваго класса были огненными существами, саламандры, жили близъ луны, но не смѣли входить въ это свѣтило. Они имѣли власть зажигать блуждающія звѣзды, ложныя солнца, луны и метеорическіе огни и останавливать бури. По временамъ они жили въ нѣдрахъ Геклы, Этны и Везувія. Демоны второго класса были воздушные, населявшіе атмосферу; они наносили бури, ураганы, вырывали съ корнями деревья, поражали людей и животныхъ, поднимали заразительные міазмы. Третій классъ заключалъ въ себѣ всѣхъ земныхъ демоновъ: фавновъ, сатировъ, лѣсныхъ нимфъ. Водяные демоны, русалки, нимфы, тритоны, принадлежали къ четвертому классу; подземные гномы или кобольды—къ пятому. Они хранили сокровища земли. Демоны обладали тѣлесными формами, способными къ физическимъ ощущеніямъ.

Души умершихъ тоже иногда причислялись къ демонамъ; души самоубійцъ, убійцъ, страшныхъ преступниковъ, отступниковъ, отлученныхъ отъ церкви, тирановъ феодаловъ, блуждали по землѣ, не находя покоя, и вредили живымъ. Появленіе ихъ было предзнаменованіемъ страшныхъ бѣдствій. Въ средніе вѣка не было почти ни одного знатнаго рода, ни одного древняго замка, съ которымъ не былъ бы связанъ страшный призракъ, являвшійся свидѣтелемъ совершоннаго преступленія. Призраки говорили о замученныхъ голодомъ, замурованныхъ вассалахъ, о нечеловѣческихъ пыткахъ, кровосмѣшеніяхъ, истерзанныхъ дѣтяхъ и т. п. Самыми страшными и ненавистными демонами были вампиры, преданія о которыхъ всего крѣпче держались въ Венгріи и славянскихъ земляхъ. Вампиръ — это человѣческое тѣло, сохраняющее жизнь и въ могилѣ, изъ которой вампиръ выходитъ по ночамъ сосать кровь спящихъ; теплая кровь живыхъ людей предохраняетъ тѣло вампира отъ разложенія. Укушеніе вампира не оставляло видимаго слѣда на тѣлѣ, но если не были приняты немедленно спасительныя мѣры, т. е. если укушенный вампиромъ не ѣлъ землю съ могилы его или не вытирался кровью его, то самъ становился вампиромъ, умиралъ и выходилъ по ночамъ мучить людей. Вѣрили въ двойники, т. е. призраки, схожіе съ живымъ человѣкомъ и являвшіеся въ знаменательные моменты жизни его. Вѣра въ двойниковъ была всего сильнѣе распространена въ Англіи и Шотландіи.

Въ средніе вѣка не было кладбища безъ привидѣнія. Только отчаянные смѣльчаки отваживались проходить ночью черезъ кладбище; туда приходили колдуны и колдуньи вырывать кости изъ могилъ для изготовленія своихъ чаръ. Строгіе законы запрещали хоронить самоубійцъ и убійцъ въ освященной землѣ. Самоубійца, непримиренный съ церковью, былъ добычей ада; грѣхи убитаго переходили на убійцу. Души самоубійцъ и убійцъ блуждали, не находя покоя. Если родные упорствовали и погребали тѣло убійцы или самоубійцы въ освященной землѣ, то мѣстныя власти и раздраженный народъ принуждали вырыть тѣло до заката солнца. Даже самые страшные тираны феодалы были принуждены въ этихъ случаяхъ подчиняться народной волѣ. Самоубійцъ и убійцъ хоронили на перекресткахъ дорогъ. Поднявшись изъ могилы, они видѣли крестъ, образуемый дорогами, и должны были въ ужасѣ скрыться въ могилу. Сверхъ того въ трупъ вбивали осиновый колъ.

Государство и церковь вѣрили въ колдовство и издавали строгіе законы противъ вызыванья мертвецовъ, дьявола, чернокнижія. Но законы не помогли. Жизнь была такъ тяжела, а церковь съ дикимъ фанатизмомъ проклинала немногія радости жизни. Несчастные говорили: «до Бога далеко», и звали дьявола. Запуганное воображеніе, потрясенная нервная система, муки физическія и нравственныя — вотъ отличительныя черты этой эпохи. Сумасшествія были часты и принимали особенную форму оборотней. Человѣкъ дичалъ до того, что считалъ себя звѣремъ. Арденскіе лѣса во Франціи были населены толпами несчастныхъ помѣшанныхъ, видѣвшихъ въ себѣ волковъ, медвѣдей, кабановъ. Волкъ былъ, впрочемъ, болѣе популярной формой оборотня. Несчастные ходили нагими, обростали волосами, ползали на четвереолькахъ, отпускали крючковатые ногти, питались всѣмъ, что попадалось подъ руку.

Галлюцинаціи въ тѣ времена были не только часты, но и принимали повальный характеръ. Войска видѣли на небѣ сражающіяся полчища духовъ; иногда являлись знаменія, огненные кресты, руки; архангелы проносились на коняхъ, сходили съ облаковъ вести войска. Въ тѣ мрачные вѣка галлюцинаціи геройскихъ, самоотверженныхъ натуръ считались навожденіями бѣсовскими. Все, выдававшееся надъ обыденнымъ уровнемъ жизни, все, осмѣливавшееся мыслить и чувствовать иначе, нежели по указкѣ церкви, отмѣчалось остракизмомъ, какъ дьявольское навожденіе. На кострахъ, по обвиненію въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ нечистой силой, гибли жертвы изувѣрства.

Дьяволъ былъ грозной силой, рыскавшей на погибель грѣшниковъ. Напрасно отъ него уходили въ пустыни, изнуряли плоть лишеніями, онъ повсюду настигалъ свои жертвы. Спасались не многіе избранные — святые, канонизированные церковью; но и они, по преданіямъ, нерѣдко заключали союзъ съ дьяволомъ и умѣли

перехитрить его. Легенда о св. Дунстанѣ можетъ служить образцомъ многочисленныхъ легендъ этого рода. Св. Дунстанъ, покровитель англосаксовъ, когда былъ еще ребенкомъ, заболѣлъ опасно и былъ излеченъ духомъ, прилетѣвшимъ въ вихряхъ и бурѣ и принесшимъ лекарство. Родители дали ребенку лекарство. Св. Дунстанъ, не зная откуда оно взялось, отправился въ церковь благодарить Бога за исцѣленіе. Дьяволъ, съ сворой черныхъ собакъ, остановилъ его на дорогѣ, требуя поклоненія себѣ; но ангелъ перенесъ ребенка черезъ свору и сквозь крышу церкви, оказавшейся запертой. Дьяволъ далъ клятву, что Дунстанъ будетъ ему принадлежать, и когда святой ушелъ жить въ пустыню, неотступно преслѣдовалъ его. Разъ святой работалъ въ своей кузницѣ, зарабатывая хлѣбъ трудомъ. Дьяволъ явился искушать его въ образѣ красавицы. Святой разглядѣлъ когти подъ обнимавшими его руками, вытащилъ накаленные до красна щипцы изъ огня и ухватилъ за носъ врага рода человѣческаго, который,* по увѣренію лѣтописца, такъ и остался съ тѣхъ поръ на вѣки изуродованнымъ.

Вѣчный страхъ передъ злою, темною силою заставлялъ принимать мѣры для спасенія отъ нея. Вся человѣческая жизнь въ мельчайшихъ подробностяхъ была опутана сѣтью церковныхъ узаконеній, и объяснять ихъ исключительно властолюбіемъ духовенства, желавшаго захватить все въ свои руки, было бы слишкомъ односторонне. Въ основѣ ихъ лежало искреннее желаніе спасать паству отъ врага, умышляющаго погибель душъ.

Магія, начало которой было положено древними восточными народами, развилась въ средніе вѣка и находила себѣ пищу въ таинствахъ религіи. Маги собирали свѣдѣнія о свойствахъ разныхъ царствъ природы и изрѣдка, среди массы нелѣпыхъ представленій, мелькали дѣльныя наблюденія. Магія сдѣлала невѣроятное открытіе, что фиговое дерево имѣло свойство усмирять бѣшеныхъ быковъ, когда ихъ привязывали къ нему, что если смѣшать перья орла съ перьями другихъ птицъ, то первыя сжигали вторыя, и что крошечная рыба ремора имѣла силу остановить ходъ самаго большого корабля. Маги доставляли ораторамъ драгоцѣнные камни, имѣвшіе силу одарять краснорѣчіемъ и пріобрѣтать милость государей. Одинъ камень приколдовывалъ мужу любовь и вѣрность жены. Гіацинтъ вызывалъ дождь, нагонялъ тучи на солнце и спасалъ отъ молніи. Халцедонъ приносилъ удачу въ тяжбахъ, увеличивалъ тѣлесную силу и хранилъ отъ обмановъ. Былъ даже камень, предохранявшій отъ опьянѣнія; владѣлецъ его могъ безнаказанно выпивать цѣлыя ведра. Камни получали таинственную силу отъ планетъ; этому учили еще Гермесъ и Зороастръ. Камень Сатурна вставляли въ отдѣлку изъ свинца — металъ бога времени; камень солнца въ золото, луны въ серебро, Юпитера въ олово, Марса въ желѣзо, Венеры въ мѣдь, Меркурія въ ртуть.

Маги и алхимики составляли цѣлый рядъ предписаній относительно разнообразныхъ случаевъ и предметовъ. Многія изъ суевѣрій нашего времени происходятъ отъ этихъ предписаній. Оливы слѣдовало сажать безпорочной дѣвѣ; если ихъ сажала нецѣломудренная женщина, онѣ увядали. Змѣю изъ норы слѣдовало брать лѣвою рукою; правою было опасно, укушеніе было неизбѣжно. Можно было разными средствами наслать мучительный страхъ, безсонницу, болѣзнь и смерть на всякаго: стоило только взять новый ножъ и рѣзать лимонъ, произнося заклинанія и имя того, на кого хотѣли наслать всякія напасти.

Лечебникъ магіи такъ же оригиналенъ, какъ и ея заклинанія. Зубная боль и истома излечивались, если при восходѣ солнца ловили лягушку и плевали ей въ ротъ. Живая жаба, привѣшенная къ дымовымъ трубамъ на три-четыре дня, спасала отъ моровой язвы и заразы. Сердце жабы, повѣшенное у груди на голубой лентѣ, излечивало отъ золотухи. Вырѣзанное изъ живого крота или ластки сердце и проглоченное придавало умъ и даже даръ ясновидѣнія и пророчества. Крыло летучей мыши усмиряло злобныя страсти. Нѣкоторыя тѣла природы, какъ одушевленныя, такъ и неодушевленныя, имѣли симпатію или антипатію къ другимъ. Человѣческая кровь, и въ особенности кровь молодой невинной дѣвушки или непорочнаго младенца, обладала чудодѣйственною силою. Если мечъ, обезглавившій человѣка, опускали въ вино, оно получало цѣлебное свойство. Огни, поддерживаемые человѣческимъ жиромъ, отгоняли злыхъ духовъ; за то другія куренія имѣли свойство призывать ихъ. Золото и серебро надо было зарывать въ полнолуніе, произнося заклинанія солнцу и окуривая яму шафраномъ, бѣленой и чернымъ макомъ; никто не могъ унести кладъ, зарытый такимъ способомъ; духи постоянно сторожили его. Кровь голубицъ и нетопырей имѣла свойство привлекать духовъ и возбуждать любовь. Легкія осла, когда ихъ сжигали, отгоняли злыхъ духовъ.

Маги, принося планетамъ жертвы, бросали въ пламя благовонныя вещества, если хотѣли сдѣлать доброе дѣло, и зловонныя — если злое. Всѣ инструменты, сосуды и вещи, употребляемые для магическихъ чудесъ, должны быть совершенно новыми. Когда приходилось писать договоръ или другой документъ чернокнижія, то употребляли пергаментъ, выдѣланный изъ кожи чернаго котенка, перо вырванное у живой совы или ворона, а чернила изъ смѣси человѣческой крови, пережженныхъ костей каракатицы, чернильныхъ орѣховъ и дождевой воды, изготовленныя въ день и часъ Сатурна. Для успѣшнаго дѣйствія чаръ всѣ помыслы мага должны были сосредоточиваться на его работѣ, иначе она оказывалась напрасной. Маги могли чарами создавать чудовищныя существа и даже злыхъ духовъ. Они создавали чудеснаго пѣтуха, искусственно высидѣвъ куриное яйцо въ смѣси изъ мышьяка и змѣинаго яда.

Зола сожженой утки, приготовленная по извѣстному рецепту, производила огромную жабу. Маги могли приставлять головы ословъ, лошадей и другихъ животныхъ къ туловищу человѣка. Они могли вызывать души умершихъ. Болѣе благопріятнымъ временемъ для этого была свѣтлая лунная ночь или сильныя грозы и вихри, потому что адскіе духи тогда были ближе къ землѣ.

Въ средніе вѣка были выработаны формулы для вызыванія духовъ умершихъ. Душа самоубійцы, который повѣсился, являлась только, когда вызывающій запасался прямымъ прутомъ изъ орѣшника, къ которому, вмѣсто набалдашника, была привязана голова совы. Затѣмъ оставалось принять мѣры, чтобы вызванный духъ не являлся болѣе смущать смертныхъ, и единственнымъ средствомъ противъ этого было—хоронить тѣло совершенно обнаженнымъ и осыпаннымъ смѣсью извести, соли и сѣры. Неопытныхъ заклинателей предупреждали, что если созвѣздія и положеніе планетъ во время рожденія его было неблагопріятно, то встрѣча съ духами опасна для него, потому что духи умершихъ имѣютъ силу убивать маговъ, которымъ не покровительствуютъ звѣзды.

Маги передавали другъ другу ученіе, какъ вызывать духовъ и заставлять ихъ служить себѣ. Обряды эти передавались изъ самой глубокой древности. Чернокнижіе было, такъ сказать, католицизмомъ своего рода, связывавшимъ одними вѣрованіями различные народы, поколѣнія, вѣка.

Маги и астрологи въ средніе вѣка явились наслѣдниками смолкнувшихъ оракуловъ. Небесная сфера, раздѣленная на двѣнадцать частей, содержала въ себѣ всѣ судьбы человѣчества. Каждый отдѣлъ представлялъ какой нибудь фазисъ жизни: рожденіе, бракъ, болѣзнь, смерть, честь, успѣхъ, дружбу, богатство, нищету, вражду и пр. Астрологи учили, что въ жизни человѣка есть роковые годы; первый—седьмой годъ жизни, а за нимъ всѣ помноженные на 7, 21, 49, 63 и 84. Каждая планета въ свой чередъ владѣетъ тѣломъ человѣка одинъ годъ; Сатурнъ, болѣе губительная планета, владѣетъ тѣломъ въ тотъ седьмой годъ, который выпадаетъ ему на долю, и особенно опасенъ въ 63 и 84 года, когда люди въ преклонныхъ лѣтахъ. Эти годы такъ же опасны государствамъ, какъ и человѣку.

Луна играла важную роль въ предсказаніяхъ. Ребенокъ, рожденный въ первый день луны, былъ обреченъ на долгую и счастливую жизнь, если переживалъ дѣтство. Рожденнаго на второй день, при томъ же условіи, ждала славная будущность мудреца и сверхъ того онъ выросталъ замѣчательнымъ силачомъ. День этотъ былъ счастливымъ днемъ и въ другихъ отношеніяхъ. Рожденіе на третій день обезпечивало могущественнаго друга, который выручалъ во всѣхъ бѣдахъ. Четвертый день былъ днемъ несчастнымъ и рожденному въ этотъ день нужно было много трудиться и отличиться честностью для того, чтобы прожить сносно. Рожденные на пятый

день бывали легкомысленны, причудливы; на шестой недолговѣчны, если родители не принимали мѣръ, чтобы избѣжать рокового пророчества. Седьмой день сулилъ долгую жизнь. Болѣзнь, начинавшаяся въ этотъ день, неизмѣнно излечивалась. Всѣ дни луны имѣли свое значеніе. Самымъ несчастнымъ днемъ былъ 29. Дѣти, рожденныя въ этотъ день, если и достигали какого нибудь благополучія, то цѣною страшныхъ лишеній и вражды, если не дорогихъ, то самыхъ близкихъ людей.

Гадали не только по трепещущимъ внутренностямъ заколотыхъ птицъ, по полету живыхъ, но и по цвѣту оперенія прилетѣвшей птицы. Люди, умѣвшіе приманивать птицъ, считались одаренными таинственной силой. Гадали по пѣнію птицъ и нерѣдко въ этомъ пѣніи слышали голоса духовъ. У Магомета были священные голуби, прилетавшіе къ нему и бесѣдовавшіе съ нимъ о грядущихъ событіяхъ. Пророкъ самъ описывалъ видѣніе свое: множество ангеловъ прилетѣли къ нему въ разныхъ образахъ; многіе подъ видомъ птицъ. Одна изъ такихъ ангельскихъ птицъ походила на бѣлаго пѣтуха и была такъ чудовищно велика, что занимала всю высоту пространства между первымъ и вторымъ небомъ, т. е. пространство пятисотъ лѣтъ пѣшеходнаго пути. Магометане увѣряютъ, что священная птица была еще выше, что голова ея достигала седьмого неба, а крылья, покрытыя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, занимали соотвѣтственное пространство въ ширину. Пѣтухъ этотъ былъ главнымъ ангеломъ пѣтуховъ; каждое утро онъ громко кричалъ славу Аллаху и всѣ живыя существа, кромѣ человѣка и волшебницъ, слышали его. Мелкіе земные пѣтухи, подражая примѣру его и заслыша его голосъ, привѣтствуютъ восходъ солнца.

Гадали по повѣшенному рѣшету, колебаніе котораго указывало преступника. Еще Теокритъ упоминаетъ о женщинѣ, прославившейся мастерствомъ своимъ въ этомъ способѣ узнавать тайны; гаданье это дошло черезъ средніе вѣка и до нашего времени и нерѣдко употребляется въ деревняхъ. Гадали зеркаломъ, и невѣсты, гадающія на святкахъ въ наши времена, не подозрѣваютъ, что гаданье это пришло изъ отдаленной древности, отъ ахейцевъ. При опасной болѣзни опускали зеркало въ источникъ у храма Цереры, и, вынувъ его изъ воды, смотрѣли въ него, пока не появлялось на немъ лицо больного. Если лицо было блѣдно, искажено, то смерть была неизбѣжна; если лицо казалось добрымъ, цвѣтущимъ, гадающіе шли домой утѣшенные, — больной долженъ былъ выздоровѣть. Астрологи часто употребляли зеркала при гаданіи. Особеннымъ расположеніемъ зеркалъ они вызывали разныя видѣнія. Оптическій обманъ имѣлъ всю яркость дѣйствительности.

Гадали по кольцамъ. Этотъ родъ гаданія назывался дактиліомантіей. Надъ круглымъ столомъ, на которомъ была начертана азбука, привѣшивали на нитку кольцо. Гаданье могло быть ус-

пѣшно только при соблюденіи извѣстныхъ обрядовъ. Во-первыхъ кольцу слѣдовало предварительно придать магическую силу извѣстными формулами; во-вторыхъ, лицо, державшее нитку, на которой висѣло кольцо, должно быть одѣто въ льняныя одежды, а голова его обрита въ кружокъ; самъ онъ непремѣнно долженъ былъ держать въ другой рукѣ вѣтку вербены. Кольцо въ колебаніяхъ своихъ останавливалось надъ иными буквами, изъ которыхъ составляли слова.

Былъ еще способъ гаданья по имени, т. е. счастливая или не счастливая будущность человѣка угадывалась по буквамъ его имени. Гаданье это, какъ и всѣ почти способы вопрошать будущность, за исключеніемъ картъ и кофейной гущи, перешли по наслѣдству отъ древности. Этотъ родъ гаданья былъ особенно популяренъ; о немъ писали цѣлые трактаты; пиѳагорейцы учили, что умъ, дѣятельность и успѣхи человѣка всегда соотвѣтсвенны его судьбѣ, генію и имени. Платонъ совѣтовалъ родителямъ давать дѣтямъ счастливыя имена и считалъ мнѣніе пиѳагорейцевъ истиннымъ. Съ введенія христіанства начали давать имена святыхъ, поручая ребенка покровительству святого, имя котораго онъ носилъ. Въ феодальныя времена начали преобладать династическія соображенія, но къ нимъ примѣшивалась суевѣрная надежда, что ребенокъ будетъ походить на того, чье имя онъ носитъ. Не давали именъ родственниковъ или другихъ близкихъ лицъ, которые были несчастны или опозорены. Было гаданье и по случайно услышаннымъ словамъ. Теперь это святочная игра почти у всѣхъ народовъ Европы, а въ средніе вѣка гаданье это играло важную роль и было въ ходу даже въ церкви.

Начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства, рядомъ съ каббалистическимъ гаданьемъ шло гаданье по священному писанію. Въ средніе вѣка оно входило даже въ церковные обряды, а въ наше время уцѣлѣло у мистическихъ христіанскихъ сектъ. Августинъ не осуждалъ такое гаданье, если оно не примѣнялось къ мірскимъ цѣлямъ. Хлодвигъ, первый французскій король христіанинъ, когда шелъ противъ Алариха, короля визиготѳовъ, послалъ вельможъ съ дарами на могилу св. Мартина и съ приказаніемъ принести ему благопріятное предсказаніе. Посланные едва вступили въ храмъ, какъ услышали возгласъ священника. «Препоясалъ мя мечемъ и положилъ подъ нози мои враговъ моихъ». Хлодвигъ, въ надеждѣ на побѣду, началъ сраженіе и побѣдилъ. Жильбертъ изъ Ножана говоритъ, что въ его время, т. е. въ началѣ XII вѣка, существовало обыкновеніе прибѣгать къ Sortes Sanctorum, священному гаданью, при избраніи епископа, чтобы узнать судьбу его. Хотя многіе папы въ VIII вѣкѣ осуждали гаданье, причисляли его къ языческимъ суевѣріямъ, но оно сохранилось и въ слѣдующіе вѣка. Клали на голову

библію и открывали ее на удачу. Первый попавшійся на глаза стихъ содержалъ предсказаніе.

Гаданіе пѣтухомъ, метаніемъ стрѣлъ, костей, орѣховымъ прутомъ, перешло отъ древнихъ народовъ до нашихъ временъ. Въ Англіи ученые геологи, въ концѣ древнихъ вѣковъ и даже гораздо позже, отправлялись на поиски рудниковъ не иначе, какъ запасшись орѣховымъ прутомъ. Даже тѣ, которые не вѣрили въ чудодѣйственную силу его, запасались имъ, потому что безъ него рудокопы отказались бы работать и не пошли бы на розыски руды безъ этого прута.

Суевѣріе всего долѣе сохранялось въ горныхъ и приморскихъ мѣстностяхъ и въ ремеслахъ, связанныхъ съ большимъ рискомъ жизни, какъ у рудокоповъ и моряковъ. Горы отрѣзывали населеніе отъ сообщеній и оттого народныя преданія и обычаи долѣе сохранялись неприкосновенными; и въ наше время въ иныхъ горныхъ округахъ Пиринеевъ или Альпъ можно найти населеніе, во многомъ сохранившее средневѣковые обычаи суевѣрія.

Моря, какъ и горы, грозятъ опасностью жизни, и моряки суевѣрны не менѣе горцевъ; море — всенародный путь сообщеній, для нихъ всего чаще путь обмѣна суевѣрій. У моряковъ, болѣе чѣмъ у людей другихъ профессій, уцѣлѣли средневѣковыя легенды о сиренахъ, драконахъ, чудовищныхъ змѣяхъ. Боги, покровительствовавшіе въ древности мореплавателямъ, стали злыми духами и моряки призывали ихъ, когда средневѣковые святые, покровительствовавшіе мореплаванію, оставались глухи къ мольбамъ. Но призываніе духовъ тьмы приносило только временную удачу и въ концѣ концовъ нечестивца, дерзавшаго обращаться къ нимъ, постигала страшная кара. Пятница, считавшаяся у скандинавскихъ племенъ счастливымъ днемъ, потому что была посвящена богинѣ благополучія Фриггѣ, съ введеніемъ христіанства стала несчастнымъ днемъ, какъ день смерти Христа. Средневѣковые моряки ни за что не вышли бы изъ гавани въ пятницу. Воскресенье считалось счастливымъ. Присутствіе женщины или ребенка на кораблѣ считалось хорошимъ предзнаменованіемъ; монаха или попа — дурнымъ. Долгое время послѣ среднихъ вѣковъ держалось суевѣріе — не брать на суда финновъ, потому что этотъ народъ считали въ союзѣ съ сатаною; обиженный финнъ могъ накликать бурю. Собаки приносили несчастіе, а кошки, напротивъ, сулили счастливое плаваніе. Если крысы уходили съ корабля, готовившагося къ выходу въ море, это было непреложнымъ предзнаменованіемъ крушенія. Въ штиль моряки «насвистывали вѣтеръ»; но въ бурю не позволяли свистать ни себѣ, ни другимъ. Ломать старую лодку считалось дурною примѣтою. Колыбель ребенка, привѣшанная въ каютѣ, не давала судну идти ко дну. Иныя прибрежныя мѣстности считались несчастными; ихъ избѣгали. Большое голландское судно,

шедшее изъ Индіи подъ командою Вандердекена, пыталось обогнуть мысъ Доброй Надежды при сильномъ противномъ вѣтрѣ. Порывы бури не разъ относили судно назадъ, но капитанъ упорствовалъ, не смотря на примѣты, грозившія крушеніемъ, и объявилъ, что обогнетъ мысъ, даже если бы пришлось плавать до дня страшнаго суда. За этотъ нечестивый вызовъ; судно съ безбожнымъ капитаномъ и командой было обречено до окончанія вѣка плавать въ широтахъ мыса, неогибая его. Суда, встрѣчавшія летучаго датчанина, были обречены крушенію. Въ бурную полночь не разъ команда судовъ видѣла корабль древней постройки и оснастки и на кормѣ Вандердекена, отдающаго приказанія командѣ призраковъ, которая уже много столѣтій борется съ вѣтрами и волнами и не въ силахъ одолѣть ихъ.

Суевѣріе поддерживалось невѣжествомъ и случайными удачами каббалистическихъ предсказаній. Благопріятное предсказаніе поддерживало энергію и обусловливало успѣхъ, зловѣщее — наводило уныніе, подрывало силы. Извѣстны факты смерти многихъ средневѣковыхъ историческихъ личностей въ тотъ самый день, который былъ предсказанъ астрологомъ или сновидѣніемъ. Пораженное воображеніе сводило въ могилу человѣка. Чудесныя изцѣленія тоже объясняются потрясеніемъ нервной системы. Католицизмъ поддерживалъ суевѣріе. Библія, положенная подъ подушку родильницы, облегчала муки и ускоряла роды. Опрыскиванье ребенка святой водой отгоняло вѣдьмъ, нечистыхъ духовъ и уничтожало вліяніе злого глаза. Зажженная церковная свѣча или лампада служила вѣрнѣйшимъ громоотводомъ; пожаръ прекращался и наводненіе останавливалось, если бросали въ огонь освященныя облатки причастія. Каждая молодая дѣвушка знала, что молодой человѣкъ, котораго она любила, полюбитъ ее, если она помажетъ его священнымъ масломъ изъ церкви. Масло это въ средніе вѣка считалось всесильнымъ любовнымъ снадобьемъ, употребленіе котораго долго держалось и послѣ введенія протестантства. Папы посылали вѣрнымъ священникамъ золотой ключъ, въ которомъ было положено нѣсколько опилковъ отъ ключей св. Петра. Золотой ключъ носили какъ натѣльный крестъ и онъ хранилъ владѣльца отъ болѣзней, несчастья и злыхъ духовъ. На востокѣ больныхъ дѣтей лечили, взвѣшивая ихъ на вѣсахъ на могилѣ святого; разновѣсомъ служили деньги, которыя шли въ церковную сокровищницу.

Народныя суевѣрія — слѣды обрядовъ языческихъ религій, смѣшивались съ суевѣріями, поддерживаемыми духовенствомъ. Святая вода, смѣшанная съ смолою и пылью, была цѣлебнымъ средствомъ у католиковъ, какъ у римлянъ люстральная вода, которою въ Dies Lustralis, люстральный день, для мальчиковъ девятый, а для дѣвочекъ восьмой отъ рожденія, опрыскивали дѣтей передъ домашними пенатами. Въ иныхъ мѣстностяхъ дождевая вода, собран-

ная во время грозы, въ другихъ — вода отъ мартовскаго снѣга производила то же дѣйствіе. Бартоменъ написалъ цѣлый трактатъ о пользѣ снѣга, гдѣ онъ доказывалъ, что снѣгъ предохраняетъ отъ чумы, излечиваетъ лихорадки, зубную боль и глазныя болѣзни. Не менѣе дѣйствительнымъ средствомъ была передача болѣзни растенію или какому нибудь животному. Средневѣковые лечебники, найденные въ монастыряхъ, содержатъ много подобныхъ рецептовъ. Подагру излечивали очень простымъ образомъ: больной долженъ былъ обстричь ногти, просверлить въ дубѣ дыру и спрятать туда обрѣзки. Для излеченія нарывовъ на пальцахъ было другое средство — передать ихъ домашней кошкѣ, потеревъ ухомъ ея больное мѣсто.

Самымъ страшнымъ бичомъ этой суевѣрной эпохи было отлученіе отъ церкви. Цѣлыя семьи, населеніе цѣлыхъ селеній, городовъ, государствъ, признавались проклятыми. Отлученные не находили нигдѣ пристанища; ихъ можно было травить, какъ дикихъ звѣрей; они скитались жертвою гоненій и душевной пытки, которая была страшнѣе всѣхъ физическихъ страданій, пытки суевѣрнаго ужаса сознавать себя добычей ада и дьявола. Отлученіе государя отъ церкви разрѣшало подданныхъ отъ присяги и вызывало кровавыя возмущенія, которыми пользовался престолъ св. Петра. Отлученіе разрывало семейныя и племенныя связи, душило въ зародышѣ каждое движеніе свободной мысли. Оно существовало у всѣхъ народовъ. У древнихъ римлянъ и грековъ были богини мести, Немезида, фуріи на землѣ и евмениды въ аду. Богинь призывали съ молитвами и заклинаніями. Жрецы, произнеся проклятія, обрекали преступника злобнымъ божествамъ. У евреевъ отлученіе отъ церкви обсуждалось въ судѣ и налагалось всенароднымъ приговоромъ. Были три степени отлученія: первая — изгнаніе изъ синагоги на тридцать дней и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещеніе всѣхъ сношеній съ людьми, общей трапезы и запрещеніе бритья и очищеній водой. Если преступникъ упорствовалъ послѣ тридцати дней, то произносилось проклятіе, обрекавшее душу его сатанѣ. О преступленіи и отлученіи объявляли въ синагогѣ, при этомъ зажигали свѣчи и гасили ихъ по произнесеніи проклятія, въ знакъ того, что преступникъ отлучался отъ свѣта небеснаго. Имѣніе его конфисковалось, сыновьямъ запрещалось обрѣзаніе. Если онъ умиралъ нераскаяннымъ, то по судебному приговору на тѣло его клали камень въ знакъ того, что онъ заслужилъ побіеніе камнями. Никто не смѣлъ провожать тѣло, оплакивать его публично, хоронить съ обычными обрядами. Послѣднею степенью отлученія была анаѳема въ синагогѣ; ей подвергали преступника, отказавшагося исполнить требованіе суда, а за нею слѣдовало тѣлесное наказаніе и изгнаніе изъ родины или смерть. У друидовъ также существовалъ обрядъ отлученія. Католицизмъ заимствовалъ

многое изъ еврейской церемоніи: церковное проклятіе, обреченіе души отлученнаго вѣчнымъ мукамъ, отрѣшеніе его отъ воды и огня и сношеній съ людьми. Отлученіе отъ церкви вело за собой шестьдесятъ каръ уголовныхъ законовъ. Отлученный лишался христіанскаго погребенія, тѣло его бросали въ яму и закидывали каменьями, и мѣсто это становилось мѣстомъ шабаша злыхъ духовъ, колдуновъ и вѣдьмъ. Народъ долгое время вѣрилъ, что тѣла отлученныхъ не истлѣвали, но до дня страшнаго суда оставались нетлѣнными, какъ страшный урокъ народу. Въ Англіи до Карла II еретиковъ сжигали на кострѣ. Пятнадцать столѣтій римскіе первосвященники приписывали себѣ власть распоряжаться душою человѣка, благословлять, проклинать по произволу. Проклятіе произносилось при зажженныхъ свѣчахъ, которыя старшія духовныя лица по произнесеніи бросали на землю и топтали ногами. Колокола гудѣли похороннымъ звономъ. Отлученіе вселяло такой ужасъ, что императоръ германскій босой ходилъ вымаливать разрѣшенія отъ клятвы у гордаго первосвященника. Власть папы простиралась даже надъ мертвыми; онъ и ихъ отлучалъ отъ церкви; у нихъ отнимались права быть въ чистилищѣ и они переходили въ адъ. Бывало, что одновременно являлись двое папъ, отбивавшіе другъ у друга паству и предававшіе другъ друга анаѳемѣ, какъ еретиковъ. Церковные суды, существовавшіе при аббатствахъ, епископствахъ и при папскомъ престолѣ, были также страшны. Нечеловѣческія пытки при допросахъ, судебное слѣдствіе — жалкая пародія правосудія и свирѣпая месть подсудимому — вотъ главныя черты этихъ судилищъ, наводившихъ ужасъ на католическій міръ. Еретиковъ хватали ночью, судили, пытали, казнили и обрекали на вѣчныя муки.

Формула папской анаѳемы очень длинна. Церковь подавала примѣръ, и всякое лицо, облеченное авторитетомъ, считало себя въ правѣ проклинать подчиненныя ему лица. Проклятіе родительское навлекало всевозможныя бѣдствія на дѣтей, и церковь одна могла разрѣшить эту клятву, если родители отказывались снять ее. Проклятіе святаго навлекало муки ада; проклятіе неправедно убіеннаго обрекало насильственной смерти не только самого убійцу, но и потомковъ его. Святые проклинали вредныхъ животныхъ, насѣкомыхъ. Одинъ святой проклялъ мухъ, жужжавшихъ во время литургіи, и съ той поры мухи исчезли изъ храма и окрестностей его.

Монахи въ своихъ лѣтописяхъ сохраняли и распространяли суевѣріе. Въ этомъ имъ много помогали поэты, слагавшіе пѣсни и передававшіе легенды о волшебникахъ, рыцаряхъ, прекрасныхъ дѣвахъ и святыхъ. Поэты считались вѣщими пророками, не въ переносномъ смыслѣ, какой придаетъ словамъ этимъ современная поэзія, но избранными существами, которымъ открыты тайны про-

шедшаго и будущаго. Стихотворенія бардовъ не записывались, но заучивались наизусть и передавались изъ рода въ родъ. Барды продавали народу разные амулеты, чудесныя лекарства, въ родѣ яицъ змѣи, собираемыхъ съ особыми церемоніями въ лунныя ночи, въ извѣстные фазисы луны. Яица эти доставляли успѣхъ въ тяжбахъ и милость государей. Они долго держались на сѣверѣ Европы, особенно въ Англіи и Шотландіи. Каждый знатный лордъ считалъ обязанностью содержать барда и капеллана, и нерѣдко къ послѣднему относились съ пренебреженіемъ, тогда какъ первый пользовался величайшимъ почетомъ. Барды и менестрели были хранителями народныхъ преданій, пѣли о добромъ старомъ времени вольнаго народа, когда птица въ воздухѣ и рыба въ водѣ, и звѣрь въ лѣсахъ были всенароднымъ достояніемъ. Барды слѣдовали за кланами въ поле, воспѣвали подвиги вождей, славныя дѣла прежнихъ вѣковъ. Передъ битвой они ходили отъ одного племени къ другому, воодушевляя пѣснями, пророча побѣду.

Буйные, дикіе рыцари почитали бардовъ; поднять руку на барда было преступленіемъ. Слово барда считалось вѣщимъ, и хотя короли и князья не призывали ихъ въ совѣты свои, какъ во времена Оссіана, но нерѣдко тайно посылали спрашивать ихъ совѣта.

Мрачная природа, въ которой носятся призраки умершихъ, море и бури, темные лѣса, дѣва, плачущая о миломъ — вотъ главные мотивы поэзіи бардовъ. Рѣдко среди нея слышится призывъ къ радостямъ жизни. Въ этой мрачной поэзіи было обаяніе неотразимое для того времени. Физическое мужество высоко цѣнилось; оно выручало въ борьбѣ, оно было главной силой. Пѣсни бардовъ вдохновляли на борьбу. Когда феодальный бытъ сковалъ вольныя, воинственныя племена, барды пѣли о прежней волѣ и славѣ; они были живыми лѣтописями давно прошедшихъ временъ.

Не одни барды, но и поэты, и вообще даровитые люди, уловившіе тайны природы, считались колдунами и чернокнижниками въ средніе вѣка; въ глубокой древности человѣчество причисляло ихъ къ сонму боговъ. Но силы природы и пытливый умъ были прокляты духовенствомъ. Католицизмъ, съ своимъ ученіемъ высшаго единственнаго авторитета церкви, признавалъ нечистою силою всякое знаніе, которое пріобрѣталось помимо него. Въ первые вѣка, когда варвары владѣли міромъ, монастыри были пріютомъ науки, но къ концу среднихъ вѣковъ наука эта, не развиваясь, потому что преданіе сковывало духъ изслѣдованія, заглохла въ схоластическихъ умствованіяхъ. Наука вышла изъ монастырей и сдѣлалась чернокнижіемъ, алхиміею, астрологіею. Ученые уже болѣе не святые аббаты и епископы, но гонимые и отлучаемые отъ церкви еретики, страшные грѣшники, продававшіе дьяволу душу за знаніе и власть. Легенда о Фаустѣ извѣстна. Парацельсъ, Нострадамусъ,

извѣстные своими предсказаніями и тайными знаніями, пріобрѣли ихъ съ помощью нечистой силы.

Къ такимъ же ученымъ принадлежалъ и Михаилъ Скоттъ, знаменитый шотландскій философъ и поэтъ, жившій въ тринадцатомъ вѣкѣ. Онъ считался колдуномъ, продавшимъ душу дьяволу за славу, власть и наслажденія земли. Онъ родился въ области Файфъ и началъ рано изучать науки того времени — астрологію, алхимію и каббалистическую математику. Позже онъ отправился въ Оксфордъ и Парижъ, гдѣ пріобрѣлъ изумительныя для того времени познанія въ филологіи, математикѣ, естественныхъ наукахъ и теологіи. Онъ путешествовалъ по Европѣ и всего болѣе по Норвегіи, Германіи и Испаніи, посѣщалъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ и астрологовъ. Слава его гремѣла по Европѣ; ученый міръ призналъ его всевѣдущимъ магомъ, ученымъ и прорицателемъ. Небо было для него открытою книгою, въ которой онъ читалъ участь каждаго человѣка и судьбы народовъ. Труды его обратили вниманіе германскаго императора Фридриха II, который пригласилъ его къ себѣ на должность придворнаго астролога. Михаилъ Скоттъ предсказалъ день, часъ, мѣсто и всѣ обстоятельства смерти Фридриха. По смерти императора онъ возвратился въ Шотландію, гдѣ его ожидалъ санъ рыцаря. Скоттъ совершалъ съ помощью дьявола безчисленные чудеса. Духовенство злобствовало на него и обвиняло въ сношеніяхъ съ нечистою силою, въ колдовствѣ и отступничествѣ. Скотта судили, но благодаря своему вліянію на сильныхъ міра и своей тайной наукѣ, онъ избѣгнулъ котгей закона.

Преданіе сохранило память о власти Михаила Скотта надъ темными силами. Разъ злые духи сильно приставали къ нему, напоминая обо всѣхъ послугахъ своихъ и требуя давно ожидаемой уплаты долга. «Пора отдать твою душу, кричали демоны: мы уже исполнили для тебя всѣ возможныя работы въ мірѣ». Скоттъ приказалъ сатанѣ поставить плотину поперегъ рѣки Твидъ, въ самомъ быстромъ мѣстѣ и отвести теченіе. Онъ считалъ это дѣло невозможнымъ даже для сатаны. На слѣдующее утро плотина была готова. Тогда Скоттъ приказалъ изъ высокаго Эйльдонскаго холма сдѣлать три. Демоны ушли со смѣхомъ и на слѣдующее утро солнце, всходя, освѣтило землю и увидѣло, что на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышался прежде одинъ большой коническій холмъ, стоялъ холмъ съ тремя вершинами. Демоны снова пришли къ Скотту, требуя, съ лукавой усмѣшкой, новой работы. Скоттъ продалъ душу сатанѣ съ условіемъ, что онъ уплатитъ, когда сатана исполнитъ всѣ работы въ мірѣ. Скоттъ не зналъ, какую работу задать теперь. Наконецъ, онъ приказалъ демонамъ: «Ступайте вить веревки изъ песка». Демоны ушли съ унылымъ видомъ и не возвращались болѣе мучить заклинателя. «Почемъ мы знаемъ, можетъ они и теперь вьютъ веревки изъ песка», заключаетъ лѣтописецъ. Въ этой легендѣ есть замѣча-

тельная черта для среднихъ вѣковъ. Въ аду мучатся тѣ, которые «упорно презрѣвали велѣнія разума»; а разумъ—слово, рѣдко упоминалось въ средніе вѣка. Человѣкъ науки того времени, какъ ни была темна она, ставилъ выше всего велѣнія разума и нарушеніе ихъ признавалъ достойнымъ мукъ ада. Смерть Михаила Скотта была предметомъ споровъ; преобладало мнѣніе, что онъ умеръ въ глубокой старости и былъ погребенъ со своими волшебными книгами въ Мельрозскомъ аббатствѣ. Священная обитель не отказалась принять чернокнижника и книги его. Впрочемъ, Мельрозское аббатство славилось веселыми нравами монаховъ и снисходительностью ихъ къ сильнымъ міра.

Легенда о Михаилѣ Скоттѣ — это легенда о человѣческомъ умѣ, побѣдившемъ духа тьмы и зла своею силою, безъ всякой сверхъестественной помощи. Слуга разума оказался сильнѣе слугъ церкви, которые цѣлые годы боролись съ дьяволомъ. Средневѣковыя лѣтописи и біографія святыхъ полны разсказовъ о такой борьбѣ.

Обиліе и чудесный характеръ легендъ развивали суевѣрія. Лѣтописцы, превозносили чудодѣйственный характеръ своихъ излюбленныхъ святыхъ, въ ущербъ другимъ и даже Христу; такъ, въ легендѣ о св. Игнатіѣ мы видимъ, что онъ изгонялъ бѣсовъ, когда имя Христа оказалось безсильнымъ. Нерѣдко завязывались горячіе споры о превосходствѣ одного святого надъ другимъ, похожіе на ссоры васаловъ о томъ, чей патронъ знатнѣе и почетнѣе, доходившіе до грубѣйшаго комизма. Противники не скупились на унизительныя выраженія на счетъ соперника своего святого; и какъ ни далеки они были отъ малѣйшаго сомнѣнія и отъ мысли о нечестіи, когда отрицали чудеса святаго чужаго прихода, чтобы превозносить своего, но тѣмъ не менѣе они безсознательно прокладывали путь критическому отношенію къ легендамъ. Къ наивно сложившимся легендамъ духовенство прибавляло и присочиненныя позднѣе; сначала ложь была невинная, безкорыстная; воображеніе, напитанное чудесными преданіями, безсознательно создавало новыя чудеса. Позже, по мѣрѣ того какъ утрачивалась наивная дѣтская вѣра, по мѣрѣ того какъ католическое духовенство все болѣе и болѣе принимало характеръ римскихъ авгуровъ, которые при жертвоприношеніяхъ не смѣли поднять глазъ другъ на друга, чтобы не разсмѣяться, наивная дѣтская ложь переходила въ сознательную, злостную, въ шарлатанство съ мошенническимъ характеромъ, ради власти, золота, въ ложь, которая подъ прикрытіемъ іезуитскаго правила, что цѣль все оправдываетъ, въ сущности имѣла въ виду только однѣ выгоды, одно торжество духовенства. Къ этому времени, вмѣсто легендъ святыхъ, которые получали вѣнецъ на небѣ за то, что кормили, исцѣляли больныхъ, учили любви и миру, болѣе всего встрѣчаются легенды о чудесахъ, которыя совершались за богатыя приношенія духовенству. Образцомъ такихъ легендъ

можетъ служить легенда о смерти императора Генриха I. Когда императоръ умиралъ, одинъ пустынникъ увидѣлъ дьявола, бѣжавшаго къ умирающему. Пустынникъ приказалъ чорту вернуться потомъ и разсказать, что тамъ происходитъ. Черезъ нѣсколько времени дьяволъ возвратился съ воплями и крикомъ: «Горе, горе намъ! Ангелы прогнали насъ. Когда стали взвѣшивать дѣла императора передъ нами и ангелами, чаша съ его грѣхами опустилась низко, а чаша съ добрыми дѣлами поднялась высоко; вдругъ явился сожженый человѣкъ съ золотою чашею, которую онъ бросилъ въ чашу съ добрыми дѣлами, и она низко опустилась и перетянула нашу чашу. Увидя это, ангелы закричали: побѣда! и унесли съ собою душу, а намъ оставили позоръ пораженія». Сожженый человѣкъ былъ мученикъ св. Лаврентій, во имя котораго императоръ пожертвовалъ церкви драгоцѣнную чашу. Сильные міра легко искупали всѣ свои преступленія; феодальные владыки, бросивъ алтарямъ часть добычи отъ грабежей народа, получали благословеніе церкви и обѣщанія рая. Нравственное чувство было оскорблено. Чѣмъ же были виноваты тѣ, кому нечѣмъ искупать грѣхи, кто не могъ принести въ церковь никакихъ вещественныхъ знаковъ раскаянія, а только одно невещественное чувство? Крестовые походы, двинувъ массы народа на востокъ, расширили умственный кругозоръ, и какъ ни казалась незначительною сначала перемѣна, она принесла огромные плоды въ послѣдующія времена. Власть духовенства надъ умами значительно ослабѣла. Крестоносцы испытали обманчивость многихъ обѣщаній церкви. Не смотря на святую цѣль похода, восточные варвары, бывшіе цивилизованнѣе крестоносцевъ, побѣдили въ концѣ концовъ воиновъ креста. Восточная цивилизація привилась и къ рыцарямъ.

Послѣ крестовыхъ походовъ появлялись легенды о рыцаряхъ, которые боролись съ злыми духами и побѣждали ихъ, не прибѣгая ни къ церковнымъ заклинаніямъ, не запасаясь освѣщенными четками или крестомъ. Человѣкъ одинъ, безъ помощи сверхъестественной силы, оказывался сильнѣе духа тьмы.

Суевѣріе долго управляло всею жизнью и слѣды его уцѣлѣли въ законахъ. Обряды судебныхъ поединковъ (ордалій), испытаній водою и огнемъ для открытія преступленія и очищенія отъ обвиненія — хорошо извѣстны и были въ употребленіи у всѣхъ народовъ Европы и на дальнемъ востокѣ. Обвиненный долженъ былъ взять голой рукой накаленный до красна желѣзный болтъ, опустить выше локтя руку въ кипящую воду, масло; пройти съ завязанными глазами по горячимъ углямъ, стоять съ распростертыми руками передъ крестомъ вмѣстѣ съ своимъ противникомъ; тотъ чьи руки опускались прежде отъ утомленія, проигрывалъ дѣло, или имѣніе, а иногда и самую жизнь. Епископъ Парижскій и аббатъ Сен-Дени затѣяли тяжбу о патронатствѣ надъ монастыремъ. Пипинъ, про-

званный Короткимъ, не былъ въ состояніи разрѣшить запутанный споръ и приказалъ рѣшить его ордаліями. Каждый изъ тяжущихся выбралъ адвоката и въ назначенный день оба явились въ часовню и простерли руки передъ распятіемъ. Собралась многочисленная толпа зрителей, державшихъ пари за того и за другого. Представитель епископа первый опустилъ руки и проигралъ дѣло своего довѣрителя.

Судебное испытаніе было введено въ Англію саксами. По англійскимъ законамъ обвиненный имѣлъ право выбирать судъ присяжныхъ или судъ ордалій. Судъ ордалій былъ уничтоженъ въ Англіи не ранѣе 1218 г. Коронованныя особы также прибѣгали къ суду ордалій. Эмма, мать Эдуарда Исповѣдника, была обвинена въ связи съ епископомъ Лейстерскимъ. Для оправданія своего она потребовала пройти босыми ногами и съ завязанными глазами черезъ раскаленное желѣзо. Желаніе ея было исполнено и она перешла черезъ девять раскаленныхъ полосъ, не дотронувшись до нихъ ногой. Невинность ея была вполнѣ доказана. Знатныя лица подвергались очищенію посредствомъ кипящей воды, простой народъ очищенію посредствомъ холодной. Теотберга, жена Лотарія, короля Франціи, была обвинена въ кровосмѣшеніи; чтобы доказать ея невинность или виновность избрали ордаліи кипяткомъ. Ей приказали опустить руку въ котелъ съ кипяткомъ и достать кольцо со дна. Она воспользовалась привилегіею, которую давалъ законъ: выставить вмѣсто себя другое лицо. Представитель ея досталъ кольцо со дна котла не обжегши руку, не смотря на то, что вода кипѣла такъ сильно, что выходила изъ котла.

Въ ордаліи холодной водой, обвиненнаго, послѣ молитвъ и другихъ церемоній, бросали въ глубокую воду, укутаннаго или связаннаго такъ, что ему невозможно было плавать. Если онъ шелъ ко дну, то считался виновнымъ и его оставляли тонуть. Если онъ всплывалъ на верхъ, его спасали, признавали невиннымъ и освобождали.

Судебный поединокъ былъ долго въ употребленіи; дуель — слѣды этого средневѣковаго суевѣрія. Онъ сохранился въ англійскихъ законахъ даже до временъ Георга III. Еще въ 1817 году молодой человѣкъ, обвиненный въ убійствѣ, потребовалъ судебнаго поединка; судъ былъ обязанъ признать его право требовать такое рѣшеніе; но тотъ, кто долженъ былъ принять вызовъ, отказался драться, и обвиненный избѣжалъ суда. Вслѣдствіе этого законъ былъ отмѣненъ въ 1819 году.

Ордаліи были въ употребленіи у индусовъ. Варренъ Гастингсъ, изслѣдуя Индію, нашелъ, что ордаліи происходили тамъ девятью различными способами.

Судебные поединки существовали и между рыцарями и простымъ народомъ, но при безправности низшихъ классовъ, были

крайне рѣдки. Рыцарь дрался на конѣ и въ полномъ вооруженіи, васалъ пѣшій съ лукомъ, копьемъ. Иные брали мѣшокъ съ пескомъ, чтобъ уравновѣсить шансы, и бросали песокъ въ глаза рыцаря и коня.

Въ средніе вѣка существовалъ еще родъ ордаліи, слѣды котораго уцѣлѣли почти у всѣхъ народовъ въ повѣрьи, будто изъ тѣла убитаго капнетъ кровь, когда къ нему прикоснется убійца. Грантъ говоритъ, что обычай этотъ перешелъ изъ Даніи въ прочія европейскія страны.

Вся жизнь человѣчества среднихъ вѣковъ была основана на суевѣріи; искуство, наука, ремесла — все было подчинено таинственнымъ силамъ. Чѣмъ глубже невѣжество, тѣмъ бо́льшую роль играетъ въ жизни случай, тѣмъ болѣе подавленъ страхомъ человѣческій умъ и тѣмъ болѣе нужны ему средства оградить себя отъ грознаго неизвѣстнаго, найти опору, защиту, средства взять у жизни хоть кроху благъ. Человѣкъ искалъ этого въ церкви, искалъ въ чернокнижіи.

Мысль, достигая высшаго развитія въ послѣднихъ философскихъ школахъ Греціи и Рима, въ средніе вѣка тратилась на грубый мистицизмъ, на темную схоластику. Римъ упорно давилъ ее. Въ главѣ церкви являлись иногда люди, понимавшіе нелѣпость суевѣрія, но оно было выгодно для нихъ и они упрочивали его. Первые вѣка новой эпохи могутъ считаться продолженіемъ средневѣковой по преобладанію суевѣрій, которыя дошли до нашихъ временъ. Медленно отвоевывало человѣчество шагъ за шагомъ права разума и уничтожило суевѣріе. Въ средніе вѣка человѣчеству некогда было мыслить: это были вѣка буйныхъ силъ, находившихъ исходъ въ кровавыхъ подвигахъ; тогда клали первые камни политическаго быта Европы. Мысль была роскошью, а не потребностью. Медленно вымирало суевѣріе въ новые вѣка; оно исчезало изъ законодательства, но сохранилось въ нравахъ; и даже люди, стоявшіе впереди своего времени, были не чужды ему. Объ уцѣлѣвшихъ суевѣріяхъ мы поговоримъ въ послѣдней статьѣ.

М. Цебрикова.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

В. Г. ШВАРЦЪ И ЕГО КАРТИНА „ПОѢЗДЪ ЦАРИЦЫ ВЪ XVII СТОЛ.“.

Прилагаемый подъ этимъ названіемъ къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» геліотипическій снимокъ сдѣланъ съ картины самаго выдающагося изъ нашихъ историческихъ живописцевъ, В. Г. Шварца. Картина эта, извѣстная подъ именемъ «Вешній царскій поѣздъ на богомолье, во времена Алексѣя Михайловича», была послѣднимъ шедевромъ сильнаго таланта, похищеннаго смертью въ пору его полнаго разцвѣта, и можетъ служить яркимъ образцомъ его тонкаго пониманія и изученія русской старины и умѣнья воскресить ее въ живыхъ, правдивыхъ и блестящихъ краскахъ. Но прежде чѣмъ говорить о самой картинѣ, необходимо познакомить читателей съ ея замѣчательнымъ мастеромъ. Кстати, недавно напечатана довольно подробная біографія В. Г. Шварца, составленная В. В. Стасовымъ по личнымъ воспоминаніямъ собственнымъ и близкихъ Шварцу людей, а равно и на основаніи переписки съ друзьями покойнаго художника (см. «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ», вып. I и II, 1884 г.).

Вячеславъ Григорьевичъ Шварцъ родился 22-го сентября 1838 года въ городѣ Курскѣ. До 8-ми-лѣтняго возраста пробылъ онъ на Кавказѣ, а затѣмъ, проживъ съ годъ въ Москвѣ, В. Г. переѣхалъ съ семьей въ село Бѣлый Колодезь (Курской губерніи), гдѣ и находился безвыѣздно до 13-ти-лѣтняго возраста. Рано сказались художественныя наклонности В. Г. Предоставленный самому себѣ въ занятіяхъ рисованіемъ, онъ усердно предавался имъ, и въ своихъ самостоятельныхъ попыткахъ давалъ особенное предпочтеніе военнымъ сценамъ. По словамъ брата художника, «этотъ вкусъ поддерживалъ въ немъ отецъ, давая ему копировать батальныя

картины». Въ 1851 году, В. Г. свезли въ Петербургъ и отдали въ пансіонъ Спѣшнева, а въ августѣ 1852 года онъ поступилъ въ Александровскій лицей. Интересующіеся этимъ періодомъ въ художественномъ развитіи Шварца могутъ найти о немъ особенно полныя свѣдѣнія въ статьяхъ г. Стасова.

Изъ лицея Шварцъ выпущенъ былъ 24-го мая 1859 года первымъ и съ золотою медалью; въ томъ же году, противъ своей воли, поступилъ на службу по I-му отдѣленію Собственной его величества канцеляріи, въ Кавказскій и Сибирскій Комитетъ. «Лицейское образованіе — говоритъ г. Стасовъ — не удовлетворяло его, и онъ захотѣлъ продолжать теперь самъ свое научное развитіе». Черезъ три съ небольшимъ мѣсяца послѣ выпуска изъ лицея, Шварцъ сдѣлался вольнослушателемъ петербургскаго университета по факультету восточныхъ языковъ. Тутъ онъ, между прочимъ, сталъ усердно посѣщать лекціи Н. И. Костомарова. «Эти лекціи имѣли громадное вліяніе на Шварца и на всю его послѣдующую дѣятельность. Содержаніе и настроеніе этихъ лекцій совпадали съ коренными вкусами и настроеніемъ Шварца». Что касается художественныхъ занятій, онъ для выработки своей техники поступилъ въ академію художествъ. Здѣсь особенно ярко обнаружилась его любовь къ историческимъ сюжетамъ и преимущественно изъ эпохи Ивана Грознаго.

Съ цѣлью «усовершенствовать свой колоритъ, которымъ былъ сильно недоволенъ», молодой художникъ, имѣя нѣсколько академическихъ отличій, въ началѣ 1861 г. уѣхалъ на полгода за-границу, и по возвращеніи откуда, съ большимъ запасомъ художественныхъ наблюденій, принялся за картину: «Иванъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына». Это значительнѣйшее созданіе Шварца г. Стасовъ приравниваетъ даже къ великому европейскому созданію — «Кромвель у гроба Карла I» Делароша: «только выраженіе Ивана Грознаго еще глубже и патетичнѣе, вся сцена потрясательнѣе». «Я думаю, прибавляетъ авторъ біографіи, что какъ отъ «Свѣжаго кавалера» Ѳедотова пошла наша бытовая живопись, такъ отъ «Ивана Грознаго» Шварца пошла наша настоящая историческая живопись».

Въ началѣ 1863 года онъ вышелъ въ отставку и опять уѣхалъ заграницу. Какъ въ первую его заграничную поѣздку онъ сильно поддался вліянію Каульбаха, такъ теперь изъ Парижа онъ вывезъ сильное увлеченіе Жеромомъ, которое, разумѣется, не могло уживаться съ прежнимъ, и Каульбахъ отошелъ въ сторону осмѣяннымъ. По возвращеніи изъ Парижа, Шварцъ провелъ лѣто въ деревнѣ у отца и съ начала осени поселился въ Петербургѣ. 1865 годъ, по мнѣнію г. Стасова, должно считать пунктомъ, съ котораго начался періодъ полной зрѣлости Шварца. Съ этого времени онъ написалъ историческія картины: «Игра въ шахматы» (царь Алексѣй Михайловичъ съ бояриномъ), «Стрѣлецъ XVI-го вѣка», костюмы для

постановки на сценѣ драмы графа А. К. Толстаго «Смерть Ивана Грознаго», картины «Схимникъ», «Посольскій приказъ въ Можайскомъ уѣздѣ», «Плачъ Ярославны», «Патріархъ Никонъ», «Гонецъ XVI-го вѣка» и, наконецъ, «Вешній царскій поѣздъ». За это же время онъ побывалъ еще разъ въ Парижѣ, въ качествѣ комиссара со стороны нашей академіи художествъ, командированнаго для устройства русскаго отдѣла на всемірной выставкѣ 1867 г., доставившей ему двѣ медали: золотую и бронзовую, и орденъ почетнаго легіона. Подъ конецъ пребыванія въ Парижѣ у него открылась страшная и мучительная болѣзнь, такъ называемая «бронзовая болѣзнь», и 29 марта 1869 г. онъ умеръ въ Курскѣ.

О томъ, какъ серьезно относился къ своимъ работамъ В. Г. Шварцъ, даетъ понятіе исторія его послѣдней картины, снимокъ съ которой здѣсь приложенъ. Онъ написалъ ее лѣтомъ 1868 г., у отца въ деревнѣ. По словамъ г. Стасова, сначала онъ сдѣлалъ рисунокъ перомъ и красками, который былъ очень удаченъ и который онъ подарилъ потомъ графу Ю. И. Стенбоку, въ то время предсѣдателю удѣловъ. Но скоро, вслѣдъ за рисункомъ, онъ принялся и за картину масляными красками. «Онъ писалъ ее на моихъ глазахъ, разсказываетъ Е. Г. Шварцъ. Для нея онъ сдѣлалъ много подготовительныхъ «археологическихъ» рисунковъ въ Москвѣ. Пейзажъ картины онъ снялъ съ Курской деревни Верховый Бѣлый Колодезь. Всѣ лошади и почти всѣ люди сняты съ натуры жителей Щигровскаго уѣзда. Самая ростополь снята съ натуры, потому то она такъ вѣрно и передаетъ природу. Избы онъ ѣздилъ рисовать въ подмосковныя деревни, потому что типъ избъ въ Курской губерніи совершенно иной.

Нашъ снимокъ сдѣланъ съ первоначальнаго акварельнаго рисунка, ибо въ картинѣ масляными красками, съ которой фототипія помѣщена въ «Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ» (вып. I), дѣло происходитъ въ ростополь. На картинѣ представленъ съ замѣчательной правдивостью и типичностью «унылый видъ русскихъ пустырей зимой». Г. Стасовъ весьма умѣстно напоминаетъ, что даже спустя сто лѣтъ послѣ Алексѣя Михайловича, Россія была все та же. Въ «Семейной хроникѣ» Аксакова русская проселочная дорога обрисована почти такъ же, какъ на картинѣ Шварца: «Проселочная дорога была ничто иное, какъ слѣдъ, проложенный нѣсколькими санями по снѣжнымъ сугробамъ, при малѣйшемъ вѣтеркѣ совершенно заметаемый верхнимъ снѣгомъ. При такой то дорогѣ надо было тащиться гусемъ, часовъ семь сряду, потому что упряжки или переѣзды дѣлились верстъ по 35 и болѣе, да и кто мѣрилъ эти версты».

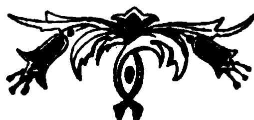
По такимъ же дорогамъ тянется и у Шварца царскій поѣздъ. Огромный возокъ съ орлами, переваливаясь съ боку на бокъ, еле-еле вывозится изъ сугробовъ коренастыми конями. Верховые

проводники поѣзда — стрѣлецкіе сотники. Одинъ изъ нихъ на переднемъ планѣ развѣдываетъ дорогу, чтобы объѣхать ветхій и едва живой полуразрушенный мостикъ. Этотъ сотникъ даетъ указанія вершнику, а тамъ влѣво другой сотникъ справляется у мѣстнаго поселянина, гдѣ дорога побезопаснѣе. Оттуда повысыпала вся деревня поглазѣть на невиданное зрѣлище, какое представляетъ собой длинный поѣздъ возковъ и царской свиты, изъ за сельской церкви пробирающихся вслѣдъ за царскимъ возкомъ по снѣжнымъ сугробамъ. Вправо тоже тѣснятся избы, позади которыхъ виднѣется лѣсъ.

Тотъ же сюжетъ, написанный масляными красками, значительно разнится въ подробностяхъ отъ акварельнаго. Возки тащатся пятью, четырьмя лошадками. Весь поѣздъ на виду у зрителя дѣлаетъ крюкъ. Бабы и мужички сбились по кучкамъ тоже на виду у зрителя; слѣва въ сторонѣ стоитъ особнякомъ кузница, откуда мужичекъ выглядываетъ на диковинку. Вдали, прямо передъ вами, на горизонтѣ вырисовывается монастырь, а вправо помѣщены избы съ соломенными крышами; за ними на пустырѣ стоятъ четыре жиденькихъ и голыхъ дерева. Но если отъ такого размѣщенія фигуръ и предметовъ на картинѣ пейзажъ кажется пустыннѣе и шире, то въ общей сложности сюжетъ не теряетъ ни своей типичности, ни своеобразности.

Остается сказать еще два слова о самомъ способѣ воспроизведенія нашего снимка. Онъ исполненъ въ Берлинѣ въ мастерской Гальяра. Первые опыты примѣненія цинкографіи къ иллюстраціямъ сдѣланы были во Франціи. Травить цинкъ стали въ 40-хъ годахъ, но въ практикѣ водворилась и достигла большаго развитія геліотипія лишь какой нибудь десятокъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ книжная торговля начала пользоваться этимъ способомъ въ обширномъ размѣрѣ и выдвинула его на ряду съ гравюрами на деревѣ. Преимущества геліотипіи заключаются въ воспроизведеніи рисунка въ возможно короткое время и съ небольшими издержками, въ сбереженіи времени, что важно особенно для періодическихъ изданій, и это же, разумѣется, обезпечиваетъ за геліотропіей хорошую будущность въ ея примѣненіи къ иллюстраціямъ.

Ѳ. В.



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцатая. Москва. 1884.

НИГА эта содержитъ въ себѣ письма Роджерсона, Н. Н. Новосильцева, историковъ: Миллера и Бантышъ-Каменкаго, русскаго дипломата Поццо-ди-Борго, князя Куракина и другихъ лицъ, въ числѣ которыхъ находится и неизвѣстный по фамиліи пріятель молодости графа С. Р. Воронцова, и его-то письмомъ къ графу открывается появившаяся нынѣ тридцатая и, кажется, послѣдняя книга «Архива». Письма пріятеля напечатаны въ числѣ десяти и обнимаютъ пространство времени отъ 1760 по 1783 годъ съ значительными, впрочемъ, промежутками, такъ что нельзя сказать, чтобы переписка эта была не только постоянная, но и довольно частая. Письма же не представляютъ ничего особеннаго для русской исторіи, такъ какъ касаются внутреннихъ событій, происходившихъ во Франціи въ упомянутый промежутокъ времени, да и сами по себѣ не заключаютъ ничего замѣчательнаго или занимательнаго.

Безъ всякаго сомнѣнія, главнымъ вкладомъ являются письма Роджерсона, въ числѣ шестидесяти четырехъ, относящіяся по промежутку времени отъ 1791 по 1819 годъ. Роджерсонъ, какъ извѣстно, былъ придворнымъ врачемъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Онъ родился въ 1741 году, въ Шотландіи, и кончилъ въ 1765 году медицинскій курсъ въ Эдинбургскомъ университетѣ, а въ слѣдующемъ году пріѣхалъ въ Петербургъ и, въ 1769 году, былъ назначенъ придворнымъ врачемъ. Роджерсонъ вскорѣ научился по-русски и не только порядочно говорилъ на русскомъ языкѣ, но даже учился, хотя и плохо, писать на немъ. Въ 1816 году, онъ возвратился на родину, гдѣ и умеръ въ 1823 году.

Очень понятно, что по своей службѣ при дворѣ, а въ добавокъ къ тому, какъ личный врачъ государыни, Роджерсонъ могъ многое не только слышать, но и видѣть, и если бы онъ велъ «записки», то оставилъ бы послѣ

себя однимъ изъ самыхъ богатыхъ вспомогательныхъ источниковъ для русской, особенно придворной, исторіи въ концѣ прошедшаго и началѣ текущаго столѣтія. Надобно, однако, полагать, что едва ли онъ занимался веденіемъ «записокъ»; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ онѣ не только не извѣстны, но и не встрѣчается нигдѣ ни слѣдовъ ихъ существованія, ни даже намека на это. Между тѣмъ, изъ переписки его съ графомъ С. Р. Воронцовымъ видно, что Роджерсонъ дѣйствительно зналъ очень многое, что дѣлалось при дворѣ. Хотя онъ при существованіи въ то время такъ называемой «перлюстраціи» писемъ и писалъ съ большою опаскою, но въ тѣхъ письмахъ, которыя, какъ онъ полагалъ, будутъ доставлены Воронцову надежнымъ путемъ, онъ дѣлалъ сообщенія, очерчивавшія весьма вѣрно въ немногихъ словахъ современное положеніе дѣлъ въ Россіи, сообщая между прочимъ и то, что считалось въ ту пору секретнымъ.

Въ письмахъ Роджерсона промелькнули имена почти всѣхъ тогдашнихъ особъ русскаго императорскаго дома, а также фамиліи лицъ, выдававшихся своимъ замѣтнымъ положеніемъ при дворѣ, и своимъ значеніемъ или вліяніемъ въ правительственной сферѣ. Роджерсонъ упоминаетъ, впрочемъ, не столько объ ихъ служебной дѣятельности, сколько объ ихъ личныхъ качествахъ и ихъ обстановкѣ при дворѣ. Онъ часто упоминаетъ о Потемкинѣ, Орловыхъ, Остерманѣ, преимущественно же о Безбородко, Морковѣ, Румянцевѣ, Панинѣ, Зубовѣ и другихъ представителяхъ екатерининской поры, а также о лицахъ, бывшихъ любимцами императора Павла, и о молодыхъ дѣятеляхъ, появившихся около императора Александра Павловича въ первые годы его царствованія. Встрѣчаются въ перепискѣ Роджерсона нѣкоторыя данныя и о тогдашнемъ экономическомъ и финансовомъ положеніи Россіи, сопровождаемыя иногда весьма вѣрными, практическими соображеніями съ его стороны. Передаетъ онъ, по временамъ, придворные и городскіе слухи, доходившіе до него, какъ надобно полагать, изъ должностныхъ источниковъ, и по возможности не медлитъ сообщать Воронцову, а порою и предостерегать его на счетъ того, что касалось самаго Воронцова, его родныхъ, а также его друзей и пріятелей. Вообще же, какъ видно изъ многихъ строкъ его переписки, онъ внимательно слѣдилъ за движеніемъ «политическаго барометра». Хотя, по своему служебному положенію, Роджерсонъ принадлежалъ къ такъ называвшемуся «большому» двору, т. е., ко двору императрицы, но тѣмъ не менѣе онъ слѣдилъ и за тѣмъ, что дѣлалось при «маломъ», т. е., около наслѣдника престола въ Гатчинѣ, а въ перепискѣ его, еще при жизни Екатерины, начинаютъ уже появляться имена любимцевъ будущаго императора, изъ числа которыхъ, какъ надобно полагать, онъ находился въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ Кутайсовымъ и особенно Ростопчинымъ.

Изъ событій, совершившихся въ концѣ царствованія Екатерины, Роджерсонъ съ наибольшими подробностями описываетъ пріѣздъ въ Петербургъ короля шведскаго Густава IV и неудавшееся сватовство за него великой княжны Александры Павловны, но какихъ либо неизвѣстныхъ подробностей онъ при этомъ не сообщаетъ. Послѣднее болѣе важное сообщеніе, сдѣланное Роджерсономъ Воронцову, въ концѣ октября 1796 года, заключалось въ томъ, что въ Петербургѣ говорили въ-тихомолку, будто Екатерина намѣрена отправить русское войско подъ предводительствомъ Суворова противъ французскихъ революціонеровъ, при чемъ главнымъ начальникомъ, послѣ Суворова, будетъ назначенъ братъ тогдашняго фаворита, графъ Валеріанъ Зу-

бевъ, который въ то время командовалъ русскимъ войскомъ въ Персіи и уже тяготился войной, такъ какъ первоначально онъ надѣялся, что война эта продолжится не болѣе одного года, тогда какъ на дѣлѣ оказалось, что она протянулась года три.

О смерти императрицы Екатерины встрѣчается очень мало извѣстій, хотя Роджерсонъ, какъ ея врачъ, могъ бы сообщить объ этомъ обстоятельствѣ болѣе чѣмъ всякій другой. Объ этомъ Роджерсонъ писалъ Воронцову только слѣдующія строки: «я тотчасъ же увидѣлъ, что она скончалась. Преклонные годы и ея тучность (такъ какъ въ послѣднее время она очень пополнѣла и отяжелѣла) предрасположили ее къ апоплексіи—этому наслѣдственному припадку, отъ котораго умерли ея братья. Я увѣренъ, однако, что тѣ обстоятельства, о которыхъ я сообщилъ вамъ черезъ Фратера, еще болѣе ускорили ея кончину». Тотчасъ же послѣ смерти императрицы, въ самой ея спальнѣ, Роджерсонъ заговорилъ въ пользу своего благопріятеля С. Р. Воронцова съ Ростопчинымъ, который былъ извѣстенъ какъ первый любимецъ воцарившагося государя.

Относительно новаго царствованія Роджерсонъ сообщилъ Воронцову, что въ первые дни былъ не только «дождь», но «ливень» всякихъ милостей и пожалованій. Но Роджерсонъ, не смотря на это, совѣтовалъ тѣмъ, къ кому онъ былъ расположенъ, не полагаться на милости императора и по его выраженію, «притвориться мертвыми». Онъ сообщилъ Воронцову о той силѣ, въ какую такъ неожиданно вошелъ Безбородко при Павлѣ, но не объясняетъ до сихъ поръ еще загадочной причины такой перемѣны императора къ нелюбимому имъ Безбородкѣ. За тѣмъ онъ сообщаетъ о всѣхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ по внутреннему управленію государствомъ.

Въ письмахъ Роджерсона не безъинтересны сообщенія о взаимныхъ отношеніяхъ императора и императрицы, а также о томъ положеніи, какое заняла Нелидова, не желая вмѣшиваться ни во что. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, Роджерсонъ пишетъ, что Нелидова, въ союзѣ съ императрицей, стала пытаться сдерживать императора, но что это удавалось имъ очень рѣдко. Изъ любимцевъ императора Роджерсонъ съ большой похвалой отзывается о Ростопчинѣ. Затѣмъ, въ слѣдующихъ письмахъ идутъ сообщенія о тѣхъ стѣснительныхъ и причудливыхъ мѣрахъ, какими ознаменовалъ свое царствованіе Павелъ Петровичъ. Роджерсонъ писалъ, что императоръ тяготился государственными дѣлами и занимался съ удовольствіемъ только военными экзерциціями и парадами, что офицеры и солдаты истомлены, что во всемъ государствѣ проявляется всеобщее неудовольствіе, вызывающее тревожныя мысли. Самъ Роджерсонъ въ своей перепискѣ начинаетъ высказывать боязнь и высказываетъ за себя самаго и необходимость «перемѣнить климатъ». Къ прежнимъ неудовольствіямъ среди русскихъ, присоединилось еще неудовольствіе и по поводу французскихъ эмигрантовъ, которымъ Павелъ оказывалъ чрезвычайныя милости. Такъ, для принца Конде онъ купилъ два дома: одинъ въ городѣ, а другой на петергофской дорогѣ, заплативъ за нихъ 200,000 рублей. Между тѣмъ, приближенныя къ государю лица, по выраженію Роджерсона, «не могли знать, будетъ ли завтра свѣтить солнце такъ, какъ оно свѣтитъ сегодня». Собственное же положеніе Роджерсона стало очень щекотливо, когда у Павла произошелъ разрывъ съ Англіею. Жизнь становилась все тяжелѣе, при дворѣ было тоже что-то пасмурно, а изъ одного письма Роджерсона видно, что почему-то императрица взяла съ Нелидовой клятву

никогда не упоминать передъ Павломъ ея имени. Объ опалахъ и высылкахъ упоминается въ каждомъ письмѣ Роджерсона. Особенную неблагосклонность сталъ проявлять Павелъ Петровичъ къ лицамъ, бывшимъ близкими къ умершему князю Безбородкѣ, но о причинахъ такого настроенія Роджерсонъ не пишетъ ничего, и по выраженію его въ ту пору, «всего лучше было оставаться во мракѣ и забвеніи».

Если бы кромѣ переписки Роджерсона съ Воронцовымъ не было никакихъ другихъ источниковъ о послѣднихъ мѣсяцахъ царствованія императора Павла, то и въ такомъ случаѣ одна эта переписка давала бы довольно ясное понятіе о томъ тревожномъ настроеніи умовъ, какое должно было господствовать въ Петербургѣ, когда страхъ охватывалъ каждаго. Наконецъ, Роджерсону привелось сообщить Воронцову о томъ, что, по повелѣнію императора, подъ пустымъ предлогомъ, наложенъ секвестръ на его, Воронцова, имѣніе.

Переписка Роджерсона со времени воцаренія Александра I утрачиваетъ свой прежній таинственный характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и ту занимательность, какую всегда придаетъ таинственность. Эта часть переписки содержитъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на то положеніе, какое занимала вдовствующая императрица, а также свѣдѣнія о кроткой и невліятельной личности императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Изъ другихъ документовъ, помѣщенныхъ въ тридцатой книгѣ «Архива», заслуживаетъ особаго вниманія, по своей своеобразности, переписка главнаго директора придворной музыки и театра, И. П. Елагина, съ графомъ А. Р. Воронцовымъ, бывшимъ посланникомъ въ Голландіи. Переписка эта относится къ 1767 году и касается найма заграничныхъ артистовъ и дѣлъ съ иностранными фабрикантами. Особенно любопытна та часть этой переписки, въ которой идетъ дѣло о договорѣ съ «mademoiselle Martin». Обыкновенно нынѣ у насъ жалуются на претензіи иностранныхъ артистокъ, но едва-ли кому нибудь изъ лицъ, завѣдывавшихъ императорскими театрами, приводилось имѣть столько пререканій, сколько имѣлъ ихъ Елагинъ съ дѣвицею Мартенъ.

К. Н. В.

Главные мотивы министерской дѣятельности Тюрго и ихъ значеніе. Г. Е. Афонасьева. Одесса. 1884.

Въ числѣ государственныхъ дѣятелей второй половины XVIII вѣка, Тюрго занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ министровъ несчастнаго короля Франціи, которые реформами хотѣли избавить страну отъ революціи. Но Людовикъ XVIII не слушалъ его совѣтовъ, какъ не слушалъ ни Калонна, ни Неккера, никого, кто открывалъ ему глаза на опасное положеніе государства. И Тюрго, неожиданно смѣненный, почти прогнанный королемъ, не успѣлъ сдѣлать многаго въ свое кратковременное управленіе. Но дѣятельность его на пользу отечества была все таки почтенна и полезна и заслуживаетъ добраго слова и памяти потомства. Реформы его служили уже предметомъ изслѣдованія не только французскихъ, но и русскихъ историковъ и экономистовъ; но не смотря на это, трудъ г. Афонасьева далеко не лишній и принесетъ несомнѣнную пользу. Авторъ придаетъ особенное значеніе цѣлостности программы министра, а но

гуманности началъ, положенныхъ имъ въ основаніе своей дѣятельности, сравниваетъ его съ гуманнѣйшимъ реформаторомъ того же времени, Іосифомъ II. Вообще г. Афонасьевъ очень вѣрно изобразилъ и значеніе реформъ министра, и его положеніе при дворѣ между вельможами-интриганами, думавшими только о своихъ выгодахъ, да о средствахъ къ наживѣ, а не о благѣ страны. Книга начинается картиною положенія Франціи въ началѣ царствованія Людовика XVIII — особенно въ финансовомъ отношеніи; затѣмъ слѣдуютъ преобразованія министромъ хлѣбной торговли и разборъ его второстепенныхъ реформъ, цеховъ, почтъ и дорожной повинности, уничтоженія натуральной повинности и др. Все это разобрано подробно и вѣрно оцѣнено. Особая глава посвящена отставкѣ Тюрго, ничѣмъ не заслуженной и не мотивированной, хотя и понятной. Въ то время, когда Вольтеръ писалъ министру стихи, въ которыхъ говорилъ, что, когда возрождается Сюлли, можно надѣяться и на появленіе Генриха VI, — «вмѣсто Генриха VI царствовалъ безхарактерный и лѣнивый человѣкъ, которымъ овладѣла веселая и пустая женщина». Нерасположеніе Маріи Антуанеты къ министру финансовъ началось съ того времени, когда она для своей любимицы, принцессы Ламбаль, возстановила должность «министра двора королевы» (surintendante de la maison de la reine) съ жалованьемъ въ 150,000 ливровъ. Тюрго не соглашался на такое огромное содержаніе, но министръ двора Мальзербъ разрѣшилъ исполнить желаніе королевы. Вмѣстѣ съ тѣмъ ея частные доходы (la cassette de S. M.) были увеличены съ 96,000 до 200,000 въ годъ. Вотъ что говоритъ г. Афонасьевъ объ увольненіи министра: «Тюрго взялъ слово съ короля, что тотъ не будетъ давать никакихъ подарковъ на счетъ казначейства. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней ему принесли королевскій ордеръ выдать 500,000 ливровъ одной высокой особѣ. Тюрго обратился за разъясненіями къ королю и тотъ разрѣшилъ ему не платить, объяснивъ, что его застигли въ расплохъ съ просьбою о подаркѣ. Упомянутою высокою особою была королева». Черезъ три дня онъ былъ отставленъ. Другіе историки приписываютъ эту отставку тому, что министръ разоблачилъ взяточничество и низкіе поступки французскаго посла герцога де Гиня, которому покровительствовала королева, получившая отъ своей матери, Маріи Терезіи, строгій выговоръ по этому случаю. Тюрго выйдя въ отставку, отказался отъ удвоенной пенсіи, назначенной ему королемъ, такъ какъ это противорѣчило идеѣ справедливости, лежавшей въ основаніи всѣхъ его поступковъ. «Во имя этихъ идей онъ осуждалъ сословныя привилегіи и требовалъ равенства передъ государствомъ, во имя справедливости же, наконецъ, онъ требовалъ отъ короля экономіи въ дворцовыхъ расходахъ и сокращенія милостей, расточаемыхъ близкимъ къ нему лицамъ». На основаніи той же идеи онъ составилъ планъ передачи финансовыхъ дѣлъ государства въ руки представителей сельскаго и городскаго землевладѣнія. Плательщики податей на государственныя нужды имѣютъ право знать, на что идутъ эти подати, и контролировать ихъ распредѣленіе. Между тѣмъ, Тюрго не былъ приверженцемъ парламентской системы и на собраніе генеральныхъ штатовъ 1789 года смотрѣлъ съ опасеніемъ, тогда какъ, по словамъ г. Афонасьева, «собраніе это доказало, что дѣло прогресса только выиграло отъ созыва представителей сословій», такъ какъ въ теченіе 15-ти лѣтъ (съ 1774 по 1789 г.) «общество успѣло увѣриться въ неспособности обветшалаго абсолютизма двигаться впередъ и успѣло увѣриться, что желанный король не можетъ справиться съ непосильной задачей государственнаго управленія». Ре-

волюцію авторъ называетъ «точнѣе—крушеніемъ феодальнаго строя». Вообще книга г. Афонасьева представляетъ серьезный, вполнѣ полезный трудъ, который съ пользою и интересомъ прочтется въ настоящее время.

В. З.

Живописная исторія древней и новой Россіи. Сочиненіе А. Рамбо. Перевелъ А. Михельсонъ. Редакція изданія Е. Тихомирова, Н. Бочарова и др. Рисунки художниковъ Янова, Коровина, Колмыкова, Ачуева и др. Изданіе книгопродавца Морозова. Москва. 1884 года.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣстный французскій ученый Рамбо издалъ на французскомъ языкѣ краткую «Исторію Россіи», встрѣченную весьма сочувственно нашей критикой и имѣвшую вполнѣ заслуженный успѣхъ заграницей. Добросовѣстно ознакомившись, благодаря знанію русскаго языка, съ источниками, чуждый всякой предвзятой идеи, энциклопедически образованный и даровитый, Рамбо первый изъ иностранцевъ написалъ правдивую исторію нашего отечества и такимъ образомъ познакомилъ западную Европу съ дѣйствительной, а не вымышленной или искаженной Россіей. Само собою разумѣется, что сочиненіе Рамбо имѣетъ значеніе преимущественно для иностранцевъ, тѣмъ не менѣе изданіе его въ русскомъ переводѣ является не лишнимъ, такъ какъ Рамбо излагаетъ въ сжатомъ и послѣдовательномъ очеркѣ всю русскую исторію отъ начала Руси до кончины императора Александра II. Къ сожалѣнію, издатель русскаго перевода, книгопродавецъ Морозовъ, вздумалъ его иллюстрировать нѣсколькими грубо и неумѣло сдѣланными гравюрами, вѣроятно, для того, чтобы имѣть возможность придать книгѣ громкое заглавіе «Живописной исторіи древней и новой Россіи» и назначить за это возвышенную цѣну. Рисунки, находящіеся въ изданіи г. Морозова, до того плохи, что о нихъ не стоитъ и говорить; а между тѣмъ какой богатый неисчерпаемый матерьялъ для иллюстраціи исторіи Россіи заключается, на примѣръ, въ «Древностяхъ Россійскаго Государства» въ «Путешествіяхъ» Мейербера, Герберштейна, Олеарія, въ «Русскихъ Древностяхъ» покойнаго Прохорова, въ изданіяхъ Погодина, графа Строганова и др.; кромѣ того, мы имѣемъ, начиная съ XVIII вѣка, массу современныхъ гравюръ и портретовъ почти всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей; наконецъ, многіе извѣстные художники наши воспроизвели талантливой кистью наиболѣе выдающіяся событія русской исторіи. Г. Морозовъ не заимствовалъ рѣшительно ничего изъ этихъ достовѣрныхъ и драгоцѣнныхъ источниковъ и изданіе его отличается отъ рыночныхъ изданій московскихъ книгопродавцевъ только тѣмъ, что текстъ его принадлежитъ извѣстному иностранному ученому.

С. Ш.

Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды. В. Тизенгаузена. Томъ I. Спб. 1884.

О Золотой Ордѣ, или улусѣ Джучидовъ, болѣе двухсотъ лѣтъ распоряжавшихся судьбами Россіи и имѣвшихъ громадное вліяніе какъ на ея государственный строй, такъ и на бытъ народа, существуетъ всего одно обстоя-

тельное сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, вышедшее 44 года тому назадъ и написанное на конкурсъ, предложенный нашею академіею, извѣстнымъ оріенталистомъ Гаммеромъ Пурхстономъ. Академія не нашла однако это сочиненіе достойнымъ преміи по его неполнотѣ, недостаточному знакомству съ русскими источниками, поверхностной критикѣ. Г. Тизенгаузенъ совершенно справедливо говоритъ, что полная, основательная исторія Золотой Орды невозможна и теперь, такъ какъ источники ея не разработаны и неоцѣнены критикою, а «наша академія, обязанная стоять на стражѣ научныхъ интересовъ Россіи, не позаботилась даже объ изданіи критическаго свода важнѣйшихъ матеріаловъ на восточныхъ языкахъ». Трудъ этотъ принялъ на себя г. Тизенгаузенъ. Въ изданный имъ нынѣ сборникъ вошли въ хронологическомъ порядкѣ извлеченія изъ арабскихъ сочиненій, относящихся исключительно до Золотой Орды. Изданныя уже прежде сочиненія по этому предмету помѣщены въ переводѣ; помѣщаемыя въ первый разъ — являются въ подлинникѣ и въ переводѣ. Такихъ извлеченій, составляющихъ объемистый томъ въ 570 страницъ, помѣщено 26, принадлежащихъ столькимъ же писателямъ, изъ которыхъ многіе являются въ печати въ первый разъ. Въ слѣдующемъ томѣ г. Тизенгаузенъ обѣщаетъ дать извлеченія изъ персидскихъ, татарскихъ и турецкихъ писателей, а также историческія, географическія и другія примѣчанія. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть полный сводъ всего, что написано восточными учеными объ этомъ предметѣ, важное значеніе котораго для насъ незачѣмъ доказывать. На изданіе этого сборника покойный графъ С. Г. Строгановъ пожертвовалъ 2,500 рублей. Печатаніе 423-хъ экземпляровъ одного перваго тома обошлось 1,400 рублей, и трудъ г. Тизенгаузена, доступный только спеціалистамъ, врядъ ли вознаградится. А между тѣмъ, если бы издать для русскихъ историковъ, незнакомыхъ съ восточными языками, одинъ переводъ съ коментаріями—книга нашла бы читателей.

В—ъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Книга француза о Россіи. — Былъ ли Валленштейнъ измѣнникомъ? — Исторія Германіи въ послѣдніе тридцать лѣтъ. — Воспоминанія лорда. — Записки Гревиля. — Женщины Пестіона. — Книга графа Парижскаго. — Англійскій публицистъ объ Испаніи. — Письма Кавура. — Изслѣдованія о самоубійствѣ и сумасшествіи. — Исторія итальянской литературы.—Паденіе нѣмецкаго дворянства.— Первая часть монографіи Казимира Моравскаго. — Дневникъ ксендза. — Поляки въ Сибири.—Сказочная литература зулусовъ.—Греческія народныя сказки.

Ъ ФРАНЦУЗАМЪ, пишущимъ о Россіи безъ предубѣжденія и предвзятой цѣли, слѣдуетъ причислить де Вогюэ, автора добросовѣстныхъ статей о нашемъ отечествѣ и записокъ, доказывающихъ, что онъ не только знаетъ, но и любитъ Россію. Къ его замѣчательнымъ сочиненіямъ, этнографическимъ, описательнымъ и публицистическимъ, надо присоединить еще историческое, вышедшее въ прошлемъ мѣсяцѣ и заключающее въ себѣ изслѣдованіе о трехъ эпизодахъ нашей исторіи, подъ названіемъ «Сынъ Петра Великаго; Мазепа; Перемѣна царствованія» (Le fils de Pierre le Grand, Mazeppa, Changement de règne). Этотъ новый, добросовѣстный трудъ послужитъ къ тому, чтобы уничтожить ошибочныя и часто нелѣпыя сужденія иностранцевъ о нѣкоторыхъ событіяхъ нашей исторіи, да и для русскихъ будетъ не безполезно съ нимъ ознакомиться. Хотя въ характеристикѣ Петра I и его эпохи и не найдется ничего новаго, за то разсказъ о восшествіи на престолъ Павла I все еще передается нашими историками далеко не полно. Казалось, пора бы намъ знать всю правду объ этой эпохѣ, отстоящей отъ насъ болѣе чѣмъ на восемьдесятъ лѣтъ, и которую иностранцы описали гораздо подробнѣе и основательнѣе, такъ же какъ и переворотъ 1762 года. При разсказѣ о воцареніи Павла, Вогюэ представляетъ весьма вѣрныя характеристики новаго императора, покойной императрицы, Ростопчина, Алексѣя Орлова, Зубовыхъ и др. Опасенія не только

придворныхъ, но и всей Россіи при перемѣнѣ царствованія очень живо изображены авторомъ, такъ же какъ и измѣненіе всей правительственной системы и первыя странныя мѣры, необѣщавшія много хорошаго въ будущемъ. Грубость, интриги, лукавство, хищничество, низость нашихъ высшихъ классовъ, забитое, приниженное положеніе простого народа описаны вѣрно, хотя состояніе обоихъ этихъ сословій во всей Европѣ было не многимъ лучше въ ту эпоху. Особенно мрачными красками изображено въ статьѣ Мазепа положеніе простаго народа въ Малороссіи, послѣ присоединенія ея къ Россіи; закрѣпощеніе народа, столько вѣковъ пользовавшагося свободой, представляло дѣйствительно печальное зрѣлище. Вогюэ яркими чертами описалъ жизнь народа, его исторію и самую страну, хотя и вклеилъ сюда, по нашему мнѣнію, напрасно описаніе степей изъ «Тараса Бульбы», украинской ночи, сцену съ Кочубеемъ въ тюрьмѣ, его казнь и сцены Маріи съ Мазéпой и матерью изъ «Полтавы» Пушкина, — все это поэзія, а не исторія. Въ первой статьѣ о царевичѣ Алексѣѣ авторъ доказываетъ, что смерть его была естественная, а не насильственная, какъ увѣряли нѣкоторые современники. Можетъ быть, дѣйствительно, Алексѣя и не задушили, но нельзя назвать и естественною — смерть послѣ такой пытки, какой былъ подвергнутъ царевичъ.

— Въ прошломъ году минуло двѣсти лѣтъ со времени рожденія Валленштейна. По поводу этой годовщины одинъ изъ современныхъ историковъ, написавшій уже замѣчательное сочиненіе о смерти Валленштейна, Германъ Гальвихъ, издалъ другое изслѣдованіе объ этомъ дѣятелѣ тридцатилѣтней войны, озаглавленное «Гейнрихъ Матвѣй Турнъ, какъ свидѣтель процеса Валленштейна (Heinrich Mathias Thurn, als Zeuge im Process Wallenstein). Прежде всего авторъ точно опредѣлилъ годъ и мѣсто рожденія полководца; затѣмъ подтверждаетъ, что въ тысячахъ писемъ и документовъ той эпохи нѣтъ ни малѣйшихъ явныхъ слѣдовъ и доказательствъ его измѣны: ее не могли подтвердить злѣйшіе враги Валленштейна — Пикколомини, Альдрингеръ, Галласъ. Замѣчательно, что въ то время, когда бумаги ихъ дошли до насъ, архивы друзей и защитниковъ убитаго герцога — Квестенберга, епископа Антона, Эггенберга и др. исчезли. Сохранились 11-ть писемъ къ нему второй жены его, Изабеллы Гаррахъ, и не осталось ни одного письма къ ней самого герцога. «При жизни его, говоритъ Гальвихъ, несчастіемъ его было то, что онъ сдѣлалъ себѣ враговъ изъ торжествующей партіи; по смерти его, несчастіемъ было то, что пережившіе его враги написали его исторію». Въ свидѣтели невиновности Валленштейна авторъ приводитъ графа Матвѣя Турна, написавшаго въ 1636 году «Вынужденный, но согласный съ справедливостью правдивый отвѣтъ на полное лжи и клеветы, основательное и подробное донесеніе, изданное на нѣмецкомъ, латинскомъ и чешскомъ языкѣ». Брошюра была напечатана въ Стокгольмѣ, но такіе сильные враги Валенштейна, какъ Шликъ и Славати, уничтожили ее, такъ что ни въ Германіи, ни въ Австріи, ни въ одной библіотекѣ не осталось ни одного экземпляра. Гальвихъ перепечатываетъ эту брошюру, оправдывающую герцога, и доказываетъ, что Турнъ былъ вполнѣ безпристрастенъ и правдивъ. Во всякомъ случаѣ это очень любопытный историческій документъ. Если исторія не должна представлять героями сомнительныя личности, какъ бы высоко онѣ ни стояли, хотя бы на ступеняхъ трона, то тѣмъ болѣе ея долгъ снять обвиненія враждебныхъ лицъ съ человѣка, оклеветаннаго ими же, или подкупленными памфлетистами. Оправдать человѣка пріятнѣе, чѣмъ изобличить его.

— Вторымъ изданіемъ вышло двухтомное сочиненіе Видермана «Тридцать лѣтъ нѣмецкой исторіи (Dreissig Jahre deutscher Geschichte) 1840—1870. Начиная съ перемѣны царствованія въ 1840 году, книга эта оканчивается учрежденіемъ Германской имперіи. Разсказу, отличающемуся стремленіемъ къ безпристрастію, предпосланъ краткій очеркъ событій отъ 1815 по 1840 г. Успѣхъ книги доказывается тѣмъ, что потребовалось уже второе изданіе, хотя послѣ перваго не прошло еще двухъ лѣтъ. Въ текстѣ новаго изданія нѣтъ перемѣнъ, но въ предисловіи авторъ, благодаря критику и публику за благосклонный пріемъ его сочиненія, защищается отъ нападокъ нѣкоторыхъ рецензентовъ по отдѣльнымъ пунктамъ разсказа и говоритъ, что въ виду слишкомъ близкихъ къ намъ лицъ и событій, о которыхъ упоминается въ книгѣ, онъ предпочелъ сдержанность въ сужденіяхъ рѣзкимъ приговорамъ, которые, можетъ быть, пришлось бы измѣнять впослѣдствіи.

— Книга, относящаяся къ современной политической исторіи, «Мои воспоминанія» лорда Ренальда Гауера (My Reminiscences)—довольно странная попытка издавать свои мемуары молодому тридцатипятилѣтнему человѣку. Но въ виду любопытныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ лордомъ о Биконсфильдѣ, можно и не читать безконечныя страницы, трактующія о безчисленныхъ родственникахъ автора, герцогахъ, виконтахъ, лордахъ, графахъ и т. д., или скучныя описанія посѣщенныхъ имъ странъ и городовъ. Характеристичны разговоры Гауэра съ Биконсфильдомъ въ сентябрѣ и ноябрѣ 1880 года. «Я самый несчастный изъ смертныхъ, говорилъ низвергнутый министръ: шесть дурныхъ урожаевъ, одинъ хуже другого, были причиной моего паденія; меня, какъ Наполеона, побѣдила природа. Мы съ Бисмаркомъ совершенно поладили, и еслибъ я остался въ главѣ управленія, мы накинули бы узду на европейскихъ демократовъ; но теперь все пропало». Говоря далѣе о Бисмаркѣ, котораго онъ очень уважалъ, Биконсфильдъ прибавилъ: «Это одинъ изъ немногихъ людей, которыхъ я на старости лѣтъ искренно полюбилъ; но теперь все прошло, и еслибъ онъ пріѣхалъ въ Англію, я не выразилъ бы желанія его видѣть. Между государственными людьми не можетъ существовать симпатіи или привязанности. Я потерпѣлъ пораженіе и ему не интересно видѣть меня, а мнѣ не къ чему его видѣть». Бывшій министръ сильно осуждалъ лорда Гартингтона за непринятіе имъ поста перваго министра, когда королева послала за нимъ послѣ отставки консервативнаго кабинета, и замѣтилъ презрительно: «Онъ показалъ недостатокъ мужества и покинулъ женщину въ критическую минуту». Эти слова ясно подтверждаютъ слухъ, ходившій въ то время о нежеланіи королевы обратиться къ Гладстону и о назначеніи его первымъ министромъ только въ виду единодушнаго требованія всей страны. Замѣчательны также циничныя отношенія Биконсфильда къ своей партіи. «Я съ удовольствіемъ бросилъ бы политическую арену, говорилъ онъ, но безъ меня будетъ хаосъ. Мнѣ тошно и надоѣло возиться съ политикой; мнѣ не даютъ покоя и съ каждымъ поѣздомъ пріѣзжаютъ мои старые товарищи по кабинету». Подъ этими выходками скрывалось разочарованіе и мрачное уныніе. «Жизнь, говорилъ онъ, или скука, или забота; для людей знатныхъ и богатыхъ она скука и тягостное бремя, а для людей, которые сами проложили себѣ дорогу, жизнь вѣчная забота о томъ, чтобъ не потерять завоеваннаго положенія».

— Много характеристичныхъ подробностей о политическихъ дѣятеляхъ Англіи и Франціи можно почерпнуть изъ мемуаровъ Генри Гревиля, издан-

ныхъ его племянницей, Лэди Энфильдъ (Leaves from the diary of Henry Greville). Братъ Чарльса Гревиля, мемуары котораго надѣлали много шума нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Генри Гревиль, вращался въ высшемъ обществѣ и зналъ всѣ скандалы лондонскихъ и парижскихъ «сливокъ». Онъ долго находился при англійскомъ посольствѣ въ Парижѣ, и его характеристики Луи Филиппа, Гизо, Тьера весьма любопытны. Хотя онъ приписываетъ февральскую революцію, главнымъ образомъ, трусости Луи Филиппа и вѣритъ словамъ Гизо, что «еслибъ король не потерялъ головы, то легко было бы усмирить возстаніе», но приводимое имъ мнѣніе Гизо о Наполеонѣ III заставляетъ сильно сомнѣваться въ дальнозоркости этого реакціоннаго доктринера. «Луи Наполеонъ—честный малый, говорилъ онъ въ 1849 г. послѣ избранія въ президенты будущаго императора; но онъ человѣкъ дурного тона; о немъ рабочіе говорятъ: «мы его выбрали, но это не то». Всякій разсмѣялся бы при одной мысли о возможности возстановленія имперіи». Любопытенъ анекдотъ, приводимый Гревилемъ изъ разсказа Талейрана о пребываніи Наполеона I въ Эрфуртѣ: «Наполеонъ часто видѣлся съ Гете и разговаривалъ съ нимъ объ его сочиненіяхъ, особенно о Вертерѣ, который ему нравился. «Я только не любилъ конецъ романа, сказалъ однажды Наполеонъ: это не конецъ». Гете разсмѣялся. — «Да, прибавилъ Наполеонъ: я желалъ-бы, чтобъ конецъ былъ настоящимъ концомъ.» Гете снова разсмѣялся. — «Отчего вы смѣетесь?» спросилъ Наполеонъ. «Ваше величество, отвѣчалъ Гете: я полагалъ, что вы болѣе всякаго другого не желали-бы, чтобъ въ романѣ былъ конецъ».

— Іосифъ Пестіонъ, штиріецъ, очень любимъ въ Вѣнѣ. Пятнадцатый числомъ ученый трудъ его вышелъ недавно, а Пестіонъ остался тѣмъ же полунищимъ, безъ опредѣленныхъ занятій, принужденный вѣчно думать о завтрашнемъ днѣ. Для исторіи классической культуры онъ сдѣлалъ много, и въ другой странѣ давно былъ бы обезпеченъ. Но въ Австріи, какъ и въ другихъ странахъ, весьма не завидна участь лицъ, занимающихся наукою лишь для науки. Пестіонъ давно изслѣдуетъ положеніе женскаго вопроса въ древности и спеціально — дѣятельность женщины на поприщѣ культуры, науки и искуствъ. Въ очеркахъ «Aus Hellas, Rom und Thule», онъ познакомилъ насъ съ римскою «интеллигентною» женщиною. Въ вышедшихъ нынѣ «Греческихъ поэтесахъ» «(Griechische Dichterinnen)», и «Женщинахъ-философахъ» «(Grichische Philosophinnen)» онъ даетъ новое, капитальное, исчерпывающее вполнѣ предметъ изслѣдованіе. Въ введеніи къ «Поэтесамъ» положеніе женщины въ древней Греціи изложено на столько художественно и научно, что увлекаетъ даже читателя не-спеціалиста. Слѣдуютъ затѣмъ этюды о сорока поэтесахъ, извѣстныхъ иногда по одной строкѣ, иногда лишь по имени, дошедшемъ до насъ. Портретъ всѣмъ извѣстной Сафо, веселой и полной жизни, женщины въ полномъ смыслѣ слова, увлекающейся цѣннымъ ожерельемъ и богатымъ одѣяніемъ, — нарисованъ въ особенности блестяще. Переводы сохранившихся отрывковъ точны и удачны, какъ въ первой, такъ и во второй книгѣ. Въ особенности изъ книги «Женщины-философы» легко составить себѣ понятіе о взглядахъ гречанокъ на женскій вопросъ и на призваніе женщины. Еще за 6 вѣковъ до Р. Х., Теана, спрошенная о достойныхъ женщины стремленіяхъ, отвѣтила: «Посвятить всю жизнь мужу». Кто-то восхищался ея чудеснымъ, случайно обнаженнымъ локтемъ. — «Онъ не для общества», — отвѣтила она. «Лучше довѣриться бѣшеному коню, чѣмъ глупой

бабѣ», — тоже одно изъ ея изреченій, и ей же принадлежитъ совѣтъ объ обращеніи съ прислугою. «Главное, надъ чѣмъ должна властвовать въ домѣ хозяйка, это — прислуга. Покупая себѣ рабынь, мы этимъ не обладаемъ еще ихъ сердцами, а достигнуть этого — главнѣйшая задача хозяйки. Не обременяй ихъ слишкомъ, — онѣ тоже люди. Снисхожденіе и прощеніе иногда лучшее средство предотвратить еще бо̀льшія заботы. Не забывай, подруга, что слуги, это — струны. Натяни ихъ слишкомъ слабо—онѣ не дадутъ тебѣ звука; натяни ихъ слишкомъ сильно—онѣ могутъ порваться». Очень хорошъ также этюдъ о геніальной Леонтіонѣ, поклонницѣ Эпикура и его ученія.

— Графъ Парижскій напоминаетъ о себѣ послѣдними томами «Исторіи междуусобной войны въ Америкѣ» (Histoire de la guerre civile en Amerique). Авторъ, какъ извѣстно, былъ адъютантомъ генерала Мак-Клелана. По живости разсказа, ясности изложенія и глубинѣ взглядовъ новые томы нисколько не уступаютъ прежнимъ.

— Вышло сочиненіе объ Испаніи итальянца, уже давно поселившагося въ Англіи и пишущаго на англійскомъ языкѣ, Галленга — «Иберійскія воспоминанія» (Iberian Reminiscences). Это почти исключительно собраніе писемъ, печатавшихся въ послѣдніе годы въ «Times», при редакціи котораго Галленга состоитъ постояннымъ кореспондентомъ, посѣщая то Испанію, то Италію, то Россію, то Францію или Германію. Онъ знаетъ испанскій языкъ, знакомъ съ политическими и военными дѣятелями страны и присутствовалъ при нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ событій ея новѣйшей исторіи. Первый разъ онъ посѣтилъ Мадридъ во время неудачнаго пронунсіаменто Прима въ Аранхуесѣ; потомъ вернулся въ 1868 г. и при немъ произошла сентябрьская революція. Впослѣдствіи онъ былъ при штурмѣ карлистами Ируна, въ 1875 г. присутствовалъ при возстановленіи Бурбоновъ и, наконецъ, недавно посѣтилъ Испанію въ четвертый разъ. Его разсказы о всемъ видѣнномъ и слышанномъ занимательны и живы; но рисуемая имъ картина политической и общественной жизни испанцевъ далеко не сочувственная. Галленга рьяный консерваторъ и одобрительно отзывается только о двухъ политическихъ дѣятеляхъ: Примѣ и Кановасѣ дель-Кастильо; къ демократамъ же и радикаламъ, особливо къ Сорильѣ и Кастелару, относится съ узкимъ пристрастіемъ, не признавая даже ихъ вліянія и талантовъ. Несмотря на свое несочувствіе къ Испаніи, Галленга не можетъ не признать, что она сдѣлала большіе шаги по пути прогреса въ послѣдніе годы, хотя, конечно, приписываетъ это реставраціи Бурбоновъ, со времени которой «общественная безопасность стала не мертвой буквой, большіе города, особенно Мадридъ и Барселона, быстро увеличиваются и украшаются; наконецъ, финансы съ каждымъ годомъ улучшаются». Отчего же, не смотря на все это положеніе Испаніи такъ ненадежно, не смотря на внѣшній блескъ?

— Для желающихъ изучить современную итальянскую литературу вышла книга Амедея Ру — «Современная литература въ Италіи» (La Litterature contemporaine en Italie). Обширный трудъ автора оконченъ изданіемъ третьяго тома, обнимающаго послѣднюю эпоху современной итальянской литературы отъ 1873 до 1883 г., тогда какъ первые два тома, изданные десять лѣтъ тому назадъ, разбирали первую эпоху отъ 1800 по 1859 и вторую отъ 1859 г. до 1873 г. Указывая въ предисловіи на общій характеръ литературной дѣятельности Италіи въ послѣднія десять лѣтъ, Ру замѣчаетъ, что она ознаменовалась большими успѣхами во всѣхъ отрасляхъ, которыя онъ

подробно разбираетъ, посвящая отдѣльныя главы поэзіи, драмѣ, исторіи, философіи, критикѣ, роману и журналистикѣ.

— Изданіе «Писемъ графа Кавура» продолжается. Вышелъ второй томъ, обнимающій время отъ 1852 года, когда Кавуръ сдѣлался первымъ министромъ въ Пьемонтѣ, до 1-го января 1859 г., т. е. до дня, когда была рѣшена франко-итальянская война. Интересно письмо Кавура къ Ла-Марморѣ, уже напечатанное въ итальянскихъ газетахъ, въ которомъ находится много характеристичныхъ подробностей дипломатическихъ переговоровъ о положеніи Италіи между парижскимъ, лондонскимъ и вѣнскимъ кабинетами послѣ крымской войны. По словамъ Кавура, единственный результатъ парижскаго конгреса для Италіи былъ «убѣжденіе, что отъ Австріи миролюбіемъ ничего не добьешься, хотя французскій императоръ долго тѣшился иллюзіями». Особенное сочувствіе къ Италіи выказывалъ лордъ Кларендонъ, говорившій Кавуру, что «война съ Австріей была бы очень популярна въ Англіи», а лордъ Коули прямо сказалъ Гюбнеру: «Передайте Буолю, что его слова (высокомѣрныя угрозы Италіи) возбудятъ въ Англіи общее негодованіе». «Еслибъ французскій императоръ имѣлъ темпераментъ Кларендона, прибавляетъ Кавуръ въ письмѣ къ Ла-Марморѣ, тогда еще бывшему въ Крыму,—то тебѣ пришлось бы по возвращеніи прямо идти на Тичино».

— Мульгаль издалъ любопытныя историко-статистическія изслѣдованія о сумасшествіи, самоубійствѣ и цивилизаціи (Insanity, Suicide and Civilisation). По словамъ доктора Тука, «цивилизація дѣлаетъ людей наиболѣе склонными къ сумасшествію», но Мульгаль, признавая, что между сумасшествіемъ и цивилизаціей дѣйствительно существуетъ связь, совершенно справедливо доказываетъ, что «безпредѣльныя блага цивилизаціи настолько же могутъ быть отвѣтственны за сумасшествіе и идущее съ нимъ рядомъ самоубійство, насколько свобода торговли можетъ быть признана виновной въ банкротствахъ. Однако, безспорно, что это зло сопутствуетъ цивилизаціи, а слѣдовательно можно принять и мѣры къ его уменьшенію, если не къ совершенному уничтоженію. Для этого необходимы не новые законы о сумасшедшихъ, а распространеніе между людьми мыслящими сознанія необходимости поднять нравственный и физическій уровень мало развитыхъ классовъ, среди которыхъ сумасшествіе всего болѣе свирѣпствуетъ». Въ Англіи число сумасшедшихъ почти удвоилось въ двадцать лѣтъ, увеличиваясь въ три раза быстрѣе населенія: въ 1860 г. было сумасшедшихъ 65,120 или 2,326 на каждый милліонъ жителей, а въ 1880 г. — 112,590 или 3,217 человѣкъ на такое-же число жителей. Изъ всего числа сумасшедшихъ, 19,205 находятся дома, а 93,385 состоятъ подъ попеченіемъ комисіи душевныхъ больныхъ, причемъ на каждаго расходуется 24 ф. ст. въ годъ, что̀ составитъ общую цифру 2.000,000 ф. ст., которая къ окончанію XIX столѣтія дойдетъ до 6.000,000, если не будутъ приняты необходимыя мѣры для уменьшенія этого рокового бича, который въ Англіи уноситъ болѣе жертвъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Во Франціи, на каждый милліонъ жителей 2,208 сумасшедшихъ, въ Германіи 2,302, въ Италіи 1,629, въ Скандинавіи 2,960, въ Соединенныхъ Штатахъ 1,590, въ Бельгіи 1,364. Разсматривая общественное положеніе англійскихъ сумасшедшихъ, мы видимъ, что изъ общей цифры 112,590 чел.—83,757 рабочихъ и только 28,833 лицъ средняго и высшаго классовъ, т. е. первыхъ 3,490 изъ каждаго милліона жителей, а послѣднихъ 2,670. «Эти цифры, прибавляетъ авторъ, ясно доказываютъ, что мы

недостаточно заботимся о здоровьи рабочихъ классовъ, а этотъ недостатокъ заботъ имѣетъ вліяніе и на интеллектуальный упадокъ низшихъ классовъ, какъ доказываютъ недавнія изслѣдованія доктора Галя, который нашелъ, что большинство преступниковъ отличается очень слабой мозговой дѣятельностью, а 12 проц. обитателей тюремъ въ Шотландіи и 4 проц. въ Англіи почти идіоты». Разбирая причины сумасшествія, Мульгаль указываетъ, что 24 проц. случаевъ падаетъ на наслѣдственность, 14 проц. на пьянство, 12 проц. на дѣловыя заботы, 11 проц. на потери родственниковъ, 10 проц. на бѣдность, 6 процентовъ на несчастные случаи и 23 процента на разныя причины. Переходя къ самоубійствамъ, авторъ замѣчаетъ, что какъ бы ни смотрѣть на самоубійство, какъ на преступленіе или какъ на болѣзнь, но во всякомъ случаѣ оно распространяется во всей Европѣ, увеличиваясь въ послѣднія двадцать пять лѣтъ на 63 проц., тогда какъ населеніе возросло только на 19 проц. Въ теченіи 1871—1877 г. въ Англіи было ежегодно самоубійствъ 67 на милліонъ жителей, во Франціи 156, въ Германіи 159, въ Австріи 96, въ Италіи 37, въ Бельгіи 71, въ Скандинавіи 81. Замѣчательно, что усиленіе военной службы въ Германіи и Франціи прямо вліяетъ на увеличеніе цифры самоубійствъ, подтверждая теорію профессора Морзели, что солдатъ подвергается вдвое болѣе другихъ гражданъ наклонности къ самоубійству. Въ городахъ самоубійства бываютъ вдвое многочисленнѣе, чѣмъ въ деревняхъ, и первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ Парижъ, гдѣ ежегодно на каждый милліонъ жителей въ послѣднія десять лѣтъ приходится 402 самоубійства; затѣмъ слѣдуютъ: Стокгольмъ — 354, Копенгагенъ—302, Вѣна—287, Брюссель—271, Петербургъ—206, Флоренція—180, Берлинъ—170, Нью-Іоркъ — 144, Генуя — 135, Лондонъ — 87, Римъ — 74 и Неаполь—33.

— Одна изъ даровитѣйшихъ послѣдовательницъ Вальтеръ-Скотта, Анна Брай, умерла въ 1883 году 93-хъ лѣтъ. Теперь издана ея автобіографія (Autobiography of Anna Bray). Брай оставила 12 томовъ историческихъ романовъ, читавшихся съ интересомъ цѣлымъ поколѣніемъ. Она принадлежала къ аристократическому семейству и провела молодость въ кругу артистовъ и писателей. Замужъ она вышла въ 1818 году за архитектора и антикварія, но въ 1821 году ея мужъ упалъ съ лѣсовъ при постройкѣ одного дома и убился до смерти. Вдова издала его «Записки» и свои «Путевыя письма по Франціи» и черезъ два года вышла вторично за англиканскаго пастора въ Девоншейрѣ. Въ тихомъ уединеніи сельскаго пастората она начала писать историческіе романы, изъ которыхъ лучшіе: «Де-Фуа», «Протестантъ», «Тальба», «Трелоуней», «Варвикъ или роковой судъ» и «Фитцъ изъ Фитцфорда».

— Во Флоренціи вышелъ пятый томъ «Исторіи итальянской литературы» Адольфа Бартоли (Storia della letteratura Italiana). Томъ этотъ посвященъ Данту и его времени, и здѣсь авторъ разрушаетъ очень много давно установившихся, но тѣмъ не менѣе невѣрныхъ свѣдѣній о великомъ поэтѣ. Бартоли не признаетъ даже точнымъ года его рожденія 1265. Потомъ онъ опровергаетъ показаніе первыхъ біографовъ Данте, Джіованни Виллани и Бокачіо, не признаетъ существованія Беатриче. Онъ находитъ неточности даже въ сочиненіяхъ самого Данте, какъ напр. въ «Vita nuova» разсказъ о смерти Фалько Портинари, и удивляется, какимъ образомъ, такой набожный христіанскій поэтъ могъ въ канцонѣ «Donne que avete» говорить о смерти

слабой женщины, что «само небо было безъ нее неполно». Участіе Данта въ битвѣ при Кампальдино такъ же отрицается, какъ его пребываніе въ Оксфордѣ и вообще въ Англіи. Наконецъ, опровергается даже его политическая дѣятельность и посольство въ Венецію отъ Равенскаго подесты Гвидо Полента. Послѣ такихъ изслѣдованій приходится передѣлывать и составлять вновь біографію поэта.

— Объ упадкѣ высшаго дворянскаго сословія въ странѣ жалуются не въ одной Англіи. Одновременно вышли по этому предмету два сочиненія въ Германіи: «Дворянство Германіи и его положеніе въ Германской имперіи и ея отдѣльныхъ государствахъ» (Adel Deutschlands und seine Stellung im deutschen Reich und dessen Einzelstaaten) и «Паденіе дворянскихъ родовъ. Воззваніе къ нѣмецкому, австрійскому, венгерскому и балтійскому дворянству въ интересахъ его самохраненія» (Der Verfall der Adelgechlechten. Ein Mahnruf an den deutschen, österreichischen, ungarischen und baltischen Adel im Interesse seiner Selbsterhaltung). Первое сочиненіе принадлежитъ прусскому коронному судьѣ, д-ру Отто Розе, второе д-ру Клейне и выходитъ уже третьимъ изданіемъ. Обѣ книги доказываютъ неоспоримыми статистическими, научными данными несомнѣнный упадокъ высшихъ сословій и развитіе демократизма. Такъ, д-ръ Клейне въ нѣмецкихъ земляхъ, къ которымъ причисляются и наши балтійскія провинціи, насчитываетъ всего тысячу графскихъ родовъ; изъ нихъ у 90 нѣтъ мужского поколѣнія, у 250-ти по одному, по два наслѣдника, что не обѣщаетъ продолжительности ихъ существованія. Всѣхъ членовъ въ этихъ графскихъ родахъ мущинъ женатыхъ 2,062, а между остальными, не женатыми, 704 свыше 60-ти лѣтъ. Графинь замужнихъ 2,239, между ними 897 старухъ и бездѣтныхъ. Причину упадка дворянства Клейне видитъ не въ физическомъ вырожденіи, какъ у испанскихъ дворянъ, а скорѣе въ условіяхъ соціальнаго быта. По отдѣльнымъ случаямъ онъ заключаетъ, что паденіе между графами католическими и въ южной Германіи совершается быстрѣе, чѣмъ между сѣверными протестантскими. Да и большая часть нѣмецкихъ графовъ далеко не древняго происхожденія и сродни силезскимъ помѣщикамъ, поставлявшимъ быковъ въ армію Фридриха II, и которымъ (не быкамъ, конечно) онъ пожаловалъ графство, не имѣя денегъ для уплаты за поставки. Всѣхъ старинныхъ графскихъ родовъ въ Германіи Клейне насчитываетъ только 34; изъ нихъ раньше 1250 года, всего одинъ процентъ! Подобныхъ любопытныхъ выводовъ не мало въ сочиненіяхъ обоихъ авторовъ.

— Юбилей Кохановскаго, польскаго поэта XVI столѣтія, послужилъ сигналомъ къ оживленію въ польской литературѣ вниманія къ изслѣдованіямъ изъ эпохи возрожденія, на сколько она касается Польши. Одна газета называетъ эту тенденцію «возрожденіемъ эпохи возрожденія», усматривая сходство между стремленіями гуманистовъ того времени, унаслѣдовавшихъ цивилизацію Греціи и Рима, и нашимъ временемъ, «одареннымъ способностью изслѣдованія, претворенія и усвоенія себѣ цѣлаго наслѣдства (spuscizny) всемірной цивилизаціи». Къ плодамъ такого настроенія принадлежитъ вышедшая недавно въ Краковѣ первая часть (съ 1522 по 1572 г.) монографіи г. Казиміра Моравскаго: «Андрей Патрицій Нидецкій, его жизнь и сочиненія.» Это полуфилологическій, полуисторическій этюдъ объ одномъ изъ современниковъ и близкихъ пріятелей Кохановскаго. Нидецкій составилъ себѣ имя у современниковъ изданіемъ фрагментовъ Цицерона, научному значенію кото-

раго посвящено въ книгѣ особое объясненіе. Онъ былъ товарищемъ недавняго юбиляра по Падуѣ, и вотъ въ этомъ отношеніи, въ смыслѣ обрисовки тогдашнихъ вліяній на польскую молодежь со стороны иностранныхъ ученыхъ и первыхъ реформаторскихъ вѣяній, въ связи съ біографическими данными, изслѣдованіе г. Моравскаго, основаное на архивныхъ источникахъ, и представляетъ общеисторическій интересъ.

— Въ Краковѣ же вышли «Воспоминанія о пережитомъ» ксендза Добшевича, который, получивъ образованіе въ виленскомъ университетѣ, сдѣлался въ 1831 г. ксендзомъ и затѣмъ до самой смерти въ 1881 г. — около полувѣка, перебывалъ во всѣхъ епархіяхъ западнаго края. Въ запискахъ характеризуются, съ точки зрѣнія автора, люди, отношенія, церковныя дѣла. По словамъ газетъ, любопытны подробности о виленскомъ университетѣ подъ конецъ его существованія при Новосильцовѣ и объ университетѣ кіевскомъ, гдѣ авторъ былъ нѣсколько лѣтъ профессоромъ богословія.

— Къ числу новостей должно отнести добросовѣстный компилятивный трудъ извѣстнаго Петербургу Сигизмунда Либровича: «Поляки въ Сибири». Книга издана въ Краковѣ, у Гебстнера, очень изящно, хотя разгонисто, не только по иностраннымъ, но и по русскимъ источникамъ. Авторъ нѣсколько поусердствовалъ, начиная рядъ поляковъ въ нынѣшнихъ русско-сибирскихъ владѣніяхъ — съ посла папы Иннокентія IV, францисканца Плано-Карпини. Столь же несправедливо онъ пристегиваетъ сюда изъ новѣйшаго времени извѣстнаго поэта Шевченку, который, во 1-хъ, не полякъ, во 2-хъ, былъ не въ Сибири, а въ Оренбургѣ. Впрочемъ, Оренбургскій край вполнѣ сознательно подводится авторомъ подъ избранную рубрику, такъ какъ особая глава посвящена, напримѣръ, сосланнымъ въ этотъ край виленскимъ «Филаретамъ», товарищамъ Мицкевича, въ концѣ царствованія императора Александра I. Въ общемъ, книжка, касаясь также и добровольныхъ переселенцевъ изъ поляковъ въ Сибирь, подводя итоги смѣлымъ попыткамъ тамошнихъ возстаній, стараясь дать общую характеристику польскаго вліянія на сибирское населеніе, не лишена интереса по существу, не смотря даже на видимое пристрастіе автора къ своимъ единоплеменникамъ.

— Изслѣдованія въ области духовной стороны народной жизни съ каждымъ годомъ разростаются все больше и больше и въ примѣненіи къ историко-литературнымъ явленіямъ даютъ благодѣтельные результаты, ведущіе къ совершенно новой постановкѣ дѣла изученія памятниковъ словесности устной и письменной. Особенно важно здѣсь то, что изслѣдованія эти даютъ богатѣйшій матерьялъ для примѣненія сравнительнаго метода. Такъ, напр., вопросъ о сказкахъ долженъ трактоваться въ наше время совершенно иначе, такъ какъ существуютъ уже собранія сказокъ почти всѣхъ европейскихъ народовъ. Но интересъ и неутомимость изслѣдователей на этомъ не останавливается. Въ послѣднемъ годичномъ собраніи англійскаго общества Folk-lore (народовѣдѣніе) разсматривался трудъ епископа Кафрарскаго, посвященный «Сказочной литературѣ зулусовъ» (Sulu Nursery Literature) и выпущенный въ продажу въ небольшомъ числѣ экземпляровъ (цѣна 1 гинея). Въ приложеніи въ «Folk-lore Journal» за текущій годъ помѣщается собраніе мадьярскихъ народныхъ сказокъ, записанныхъ Джонсомъ и Кропфомъ. Въ томъ же годичномъ засѣданіи было заявлено, что весьма много сообщеній изъ области Folk-lore доставляется англійскими консулами и дипломатическими агентами, въ виду чего общество Folk-lore приступило къ выработкѣ

програмны, которая могла бы руководить изслѣдователей въ собираніи матерьяла.

— Къ той же области Folk-lore надо отнести изданныя Гельдартомъ «Греческія народныя сказки» (Folk-lore of Moderne Greece: the Tales of the People. Edited by the Rev. E. M. Geldart). Сказки эти собраны главнымъ образомъ на островахъ Эгейскаго моря и сравненіе ихъ съ миѳами классической древности свидѣтельствуетъ о ихъ замѣчательной живучести.

СМѢСЬ.

ОГИЛА ТУРГЕНЕВА. 16 іюня на Волковскомъ кладбищѣ происходило освященіе памятника на могилѣ Ивана Сергѣевича Тургенева. Купленное комитетомъ литературнаго фонда мѣсто обнесено желѣзной рѣшеткой, сдѣланной на заводѣ Сан-Галли. Противъ могилы Ивана Сергѣевича стоятъ 4 скамейки и между ними въ кадкѣ померанцевое дерево; сторона, обращенная къ церковной стѣнѣ, обнесена металлической сѣткой, покрытой вьющимися растеніями. Вокругъ всей рѣшетки и отдѣльно вокругъ могилы оставлено мѣсто для цвѣтовъ. Предполагается вокругъ рѣшетки насадить маленькія цвѣтущія деревца и сдѣлать родъ садика, а на мѣсто временно поставленнаго померанца посадить лиственницу или хвою. Въ настоящемъ видѣ могила великаго писателя поражаетъ простотой—не лишенной величественности. Одинъ камень, на немъ надпись: «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ», подъ нею цифры 1818—1883 и больше ничего. Но надпись эта говоритъ о безсмертныхъ твореніяхъ писателя, а камень-монолитъ единственный, который нашли въ Петербургѣ, какъ единственный былъ въ своемъ родѣ и писатель, прахъ котораго онъ прикрываетъ. Вѣсъ камня — чернаго сердобольскаго гранита, хорошо отполированнаго—600 пудовъ, длина 4½ аршина, ширина 1½ аршина, вышина въ верхнемъ концѣ, въ изголовьи, 8 вершковъ, въ нижнемъ 4 вершка. Камень лежитъ на фундаментѣ изъ сѣраго гранита. Утромъ въ придѣлѣ соборной церкви была отслужена заупокойная литургія и панихида. Народу собралось человѣкъ полтораста, считая въ этомъ числѣ и литературную семью.

Общество любителей древней письменности. Послѣднее засѣданіе этого общества было посвящено чтенію доклада академика Ѳ. И. Буслаева о поднесеніи государю императору и государынѣ императрицѣ «Свода изображеній изъ лицевыхъ апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI по XIX вѣкъ», съ объяснительной книгой Ѳ. И. Буслаева, изданныхъ обществомъ. Въ заключеніе доклада, Ѳ. И. Буслаевъ прочелъ предисловіе къ своему труду, который, какъ и всѣ названныя изданія, могли появиться въ свѣтъ, благодаря графу С. Д. Шереметеву. Предсѣдатель благодарилъ г. Буслаева отъ имени Общества любителей древней письменности за превосходное исполненіе

труда, разъясняющаго происхожденіе и историческое развитіе русскаго лицевого апокалипсиса и установляющаго разныя его редакціи,—трудъ, который, по богатству собраннаго и объясненнаго въ немъ матеріала, составляетъ цѣнный вкладъ въ археологическую науку и къ которому занимающіеся апокалипсическою иконографіею будутъ постоянно обращаться при своихъ изслѣдованіяхъ.

Преміи митрополита Макарія. Въ минувшемъ мѣсяцѣ состоялось опредѣленіе синода по поводу перваго конкурса на соисканіе премій покойнаго митрополита московскаго Макарія. Въ учебный комитетъ при синодѣ было представлено восемь сочиненій, въ томъ числѣ три рукописныхъ. На основаніи отзывовъ приглашенныхъ учебнымъ комитетомъ рецензентовъ и заключенія членовъ комитета, синодъ назначилъ не полную премію, въ тысячу рублей—ректору могилевской духовной семинаріи, архимандриту Сергію, за сочиненіе его, подъ названіемъ «Отношенія протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ», и удостоилъ почетнаго отзыва сочиненіе помощника инспектора петербургской духовной семинаріи, Василія Жмакина, подъ заглавіемъ: «Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія». Съ 1-го мая открытъ второй конкурсъ для соисканія премій митрополита Макарія. Преміи эти состоятъ изъ полныхъ, въ 1,500 рублей каждая, и не полныхъ, въ 1,000 рублей каждая; въ одинъ конкурсъ можетъ быть присуждаемо не болѣе двухъ полныхъ и трехъ неполныхъ премій. Къ соисканію преміи допускаются: сочиненія ученыя по всѣмъ отраслямъ богословскихъ наукъ и знаній, учебныя — по предметамъ богословскаго и общаго образованія, преподаваемаго въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и популярныя духовно-назидательнаго содержанія. Всякій конкурсъ на преміи преосвященнаго Макарія начинается 1-го мая, въ четные годы. Срокъ для представленія сочиненій на преміи назначается съ 1-го мая (со времени открытія конкурса) по 1-е марта слѣдующаго года.

Памятникъ Волынскому. Въ Петербургѣ предполагается поставить памятникъ на могилѣ бывшаго кабинетъ-министра во времена императрицы Анны Іоанновны, Артемія Петровича Волынскаго, казненнаго 27-го іюня 1740 года, по проискамъ Бирона. Казнь была совершена на Петербургской сторонѣ, у Сытнаго рынка. Волынскому предварительно вырѣзали языкъ, затѣмъ отрубили правую руку и голову. Прахъ Волынскаго покоится на Выборгской сторонѣ, въ оградѣ церкви Сампсонія. Могила Волынскаго находится съ правой стороны церкви. На ней находится почти вросшая въ землю полуразрушенная каменная плита, а въ головахъ поставленъ четырехсторонній гранитный пьедесталъ, увѣнчанный небольшою мраморною урною. На плитѣ уцѣлѣла слѣдующая надпись: «Во имя въ триехъ лицехъ Единаго Бога здѣ лежитъ Артемей Петровичъ Волынской, которы жизни своея имѣлъ 51 годъ. Преставися іюня 27 дня 1740 г. Ту же погребены Андрей Хрущовъ и Петръ Еропкинъ». Ниже надписи высѣчена такъ называемая адамова голова. Почти такая же надпись и на мраморной урнѣ. Средства, необходимыя для постановки памятника, составляются частью изъ пожертвованій, собранныхъ по подпискѣ редакціею «Русской Старины», въ количествѣ 1,355 руб., и частью пополняются остающимися въ живыхъ потомками Волынскаго,

Юбилей Сергіевской пустыни. Сергіево-Троицкая пустынь, на южномъ берегу Финскаго залива, въ 15 верстахъ отъ Петербурга, готовится къ предстоящему въ ней торжеству, по случаю 150-лѣтія ея основанія въ 1734 году. Прежде эта земля, на которой стоитъ теперь пустынь, принадлежала царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, сестрѣ императрицы Анны Іоанновны, и называлась мызою. Въ 1731 г., по кончинѣ царевны, императрица подарила эту мызу духовнику своему, архимандриту Сергіевской лавры, Варлааму, жившему тогда въ Петербургѣ, который, въ 1734 г., построилъ при каменномъ домикѣ царевны Екатерины деревянную церковь, назвалъ мызу Ново-Троицкою Сергіевскою пустынью и проводилъ въ ней свободные часы. Въ 1737 г. Вар-

лаамъ скончался и 28 іюля погребенъ въ самой же пустынѣ, съ правой стороны алтаря, гдѣ до сихъ поръ находится надъ гробомъ его сѣнь, сдѣланная изъ камня. По смерти основателя, пустынь управлялась строителями, присылаемыми изъ Троицко-Сергіевской лавры, къ которой она была приписана; зданіе же оставалось безъ малѣйшаго ремонта около 15 лѣтъ. Постройка новыхъ каменныхъ зданій стала производиться въ пустынѣ съ 1752 г., при архимандритѣ Сергіевской лавры, Аѳанасьѣ Валиковскомъ, на средства лавры, и окончена при его преемникѣ Гедеонѣ Криновскомъ въ 1758 г. Въ 1764 г. пустынь была отписана отъ Сергіевской лавры къ петербургской епархіи, а въ 1836 г. возведена на степень первокласнаго монастыря. Въ настоящее время въ пустынѣ четыре храма: Троицы, въ которомъ икона св. Сергія, апостола Іакова брата Божія, Сергія и мученика Валеріана; эта послѣдняя воздвигнута надъ прахомъ графа Валеріана Александровича Зубова въ 1806 г. братьями покойнаго. Затѣмъ въ пустынѣ много замѣчательныхъ памятниковъ надъ гробами именитыхъ людей, фамильныхъ склеповъ, богадѣльня графа Строгонова и проч.

Гуттенберговская выставка. Въ Берлинѣ открыта, въ тамошнемъ «Konzerthaus», выставка 600 древнѣйшихъ произведеній книгопечатнаго искусства. Всѣ эти произведенія принадлежатъ «Библіографическому музею», Клемма въ Дрезденѣ. Прежде всего обращаетъ вниманіе коллекція замѣчательныхъ и драгоцѣнныхъ рукописей, въ томъ числѣ нѣсколько рукописей 816 года. Затѣмъ слѣдуютъ, безъ всякихъ пробѣловъ, первыя произведенія первой основанной въ Европѣ типографіи, т. е. книги, отпечатанныя въ мастерскихъ Гуттенберга (1450 года) въ Майнцѣ, его товарищей, Іоганна Фуста, Петра Шеффера и ихъ преемниковъ. За Майнцемъ слѣдуютъ произведенія бамбергской книгопечатни 1453 г., страсбургской 1458 г., кельнской 1464 г. и эльтвильской 1465 года (третья типографія Гуттенберга). Рядомъ съ послѣдней видна первая книга, напечатанная внѣ предѣловъ Германіи, именно въ типографіи монастыря Субіако, переведенной въ 1467 г. въ Римъ. Книга эта отпечатана въ 1465 г. Изъ дальнѣйшихъ выставленныхъ книгъ, отпечатанныхъ въ XV столѣтіи, видно, что типографскимъ дѣломъ въ началѣ занимались и въ другихъ странахъ исключительно нѣмцы. Такъ, «таинственное нѣмецкое искуство» привилось, благодаря переселившимся нѣмцамъ, сначала въ Субіако потомъ въ Римѣ (1467 г.), Венеціи (1469 г.), Фолиньо (1470 г.) и Парижѣ (1470 г.). На выставкѣ встрѣчаются книги, отпечатанныя во всѣхъ перечисленныхъ городахъ, за то не достаетъ произведеній еще слѣдующихъ древнѣйшихъ типографій: аугсбургской (1466), маріентальской (1468), миланской, первой, основанной не нѣмцами книгопечатни (1469), ульмской (1469), нюрнбергской (1470) и люцернской (1470). Тщательно составленный Клеммомъ каталогъ даетъ о каждомъ выставленномъ нумерѣ обстоятельныя историческія и техническія свѣдѣнія.

† 16 іюня въ Варшавѣ умеръ **Николай Васильевичъ Бергъ**, талантливый литераторъ, авторъ интересныхъ разсказовъ и воспоминаній, отличный переводчикъ съ славянскихъ языковъ, и особенно съ польскаго. Ученикъ Погодина и Шевырева, другъ Щепкина и Садовскаго, членъ «молодой редакціи» «Москвитянина» въ 40-хъ годахъ, товарищъ съ юношескихъ лѣтъ Островскаго, Аполлона Майкова, Полонскаго, Аксакова и покойныхъ Аполлона Григорьева, Мея, Кетчера, Павлова, Кошелева и другихъ писателей сороковыхъ годовъ, рѣдкій человѣкъ по благородству и стойкости характера, по непоколебимой честности убѣжденій, лекторъ варшавскаго университета, преподававшій русскій языкъ нѣсколькимъ поколѣніямъ студентовъ въ послѣдніе 15 лѣтъ, съ 1868 года, авторъ «Записокъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», сумѣвшій съ исторической правдою соединить безпристрастіе историка. Онъ родился въ Москвѣ, въ 1824 г.; не только отецъ и мать, но и дѣдъ его были русскіе и православные. Дѣдъ его служилъ въ войскахъ Суворова и убитъ подъ Си-

листріей. Первыя семь лѣтъ Н. В. прожилъ въ Москвѣ, въ домѣ родителей, потомъ въ Сибири, куда и уѣхало все семейство Берговъ, по случаю полученія отцемъ его должности предсѣдателя томскаго губернскаго правленія. Здѣсь Н. В. получилъ первоначальное образованіе и девяти лѣтъ уже писалъ стихи. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ отецъ Берга поселился въ Тамбовской губерніи, въ своемъ имѣніи, а затѣмъ переѣхалъ въ Москву, куда перевезли и Н. В., перешедшаго изъ тамбовской въ московскую 1-ю гимназію, гдѣ онъ окончилъ курсъ и поступилъ на филологическій факультетъ московскаго университета. Въ бытность въ университетѣ, Бергъ началъ печатать въ «Москвитянинѣ» и другихъ журналахъ стихотворенія и переводы: изъ Мицкевича, Байрона, Шиллера, Гете, съ чешскаго, сербскаго, болгарскаго и, наконецъ, перевелъ извѣстную Краледворскую рукопись. Переводъ этотъ такъ понравился чехамъ, что они напечатали его въ Прагѣ нѣсколько разъ. Оставивъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, университетъ, Н. В. продолжалъ заниматься славянскими нарѣчіями и все время посвящалъ литературѣ. Короткое время, въ началѣ 50-хъ годовъ, Бергъ состоялъ на службѣ въ московской конторѣ государственнаго коммерческаго банка. Наступившія затѣмъ военныя дѣйствія увлекли его въ южную армію, потомъ въ крымскую, въ Севастополь, гдѣ онъ состоялъ переводчикомъ при штабѣ главнокомандующаго, участвовалъ въ сраженіи на Черной рѣчкѣ, живалъ на бастіонахъ, во время осады, и все это описалъ въ «Запискахъ объ осадѣ Севастополя», съ приложеніемъ «Севастопольскаго альбома». Около того же времени вышла въ свѣтъ его книга «Пѣсни разныхъ народовъ» и напечатано много стихотвореній и разсказовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и проч. По сдачѣ Севастополя и переходѣ главнаго штаба крымской арміи въ Одессу, Бергъ оставилъ службу и до 1868 года нигдѣ не служилъ, ведя большею частью жизнь туриста. Война 1859 года, между Италіей и Австріей, увлекла Н. В. въ Ломбардію, гдѣ онъ находился при штабахъ войскъ разныхъ вождей. Эти походы и впечатлѣнія описаны имъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1859 годъ. Движеніе въ Ливанской горѣ, между друзами и маронитами, въ 1860 г., заставило Берга перенестись на Востокъ, гдѣ онъ странствовалъ по Сиріи, Палестинѣ, Египту и по Европейской Турціи, около двухъ лѣтъ. Плодомъ этихъ странствій было нѣсколько статей въ московскихъ и петербургскихъ изданіяхъ и книга «Путеводитель по Іерусалиму и его ближайшимъ окрестностямъ». Во время этой поѣздки, Н. В. изучалъ жизнь бедуиновъ, съ которыми скитался по пустынямъ. Въ началѣ 1863 г., при извѣстіи о вспыхнувшемъ польскомъ возстаніи, Бергъ явился въ Варшавѣ, жилъ и въ Галиціи; а въ концѣ 1864 г. получилъ приглашеніе намѣстника въ царствѣ Польскомъ, гр. Берга, собрать матеріалы для исторіи послѣдняго польскаго возстанія, что̀ и вошло въ изданную имъ книгу «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ». Въ 1865 г. вышли въ Варшавѣ его «Переводы изъ Мицкевича», а нѣсколько раньше изданы Гербелемъ «Переводы и подражанія», куда вошли всѣ переводы Берга съ чешскаго, сербскаго, болгарскаго и польскаго, не вошедшіе въ книгу «Пѣсни разныхъ народовъ». Затѣмъ, въ 1875 г., изданъ былъ Бергомъ полный и весьма близкій къ подлиннику переводъ «Пана Тадеуша» Мицкевича, печатавшійся передъ тѣмъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ послѣднее десятилѣтіе Бергъ печаталъ свои разсказы и воспоминанія въ «Русской Старинѣ» и «Историческомъ Вѣстникѣ», и послѣднія изъ нихъ напечатаны въ іюньской книжкѣ перваго изъ этихъ журналовъ за текущій годъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ сказался тотъ же правдивый, безпристрастный и талантливый разсказчикъ; изложеніе такъ же живо и картинно, несмотря на то, что здоровье Н. В., въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, замѣтно пошатнулось. Особенно тяжело провелъ онъ послѣдній годъ. Доктора настойчиво посылали его заграницу, но оказались препятствія служебныя... Въ послѣдній

годъ его жизни не мало огорченій доставила ему размолвка съ нѣкоторыми изъ его старинныхъ друзей изъ-за напечатанныхъ имъ въ майской книжкѣ «Русской Старины» 1883 года разсказовъ. «Грустно видѣть, говорилъ покойный, какъ не хотятъ люди понять, что человѣку, какъ мнѣ, вступающему въ седьмой десятокъ, позволительно имѣть свои взгляды на того или другого генерала; какъ не хотятъ взять во вниманіе всей моей 40-лѣтней литературной дѣятельности, какъ будто не знаютъ того, что нѣтъ ни одного слова умышленной неправды и ни одной непатріотической строчки во всемъ томъ, что я написалъ въ послѣдніе 40 лѣтъ, и вотъ, изъ-за какихъ-нибудь пяти страницъ въ «Русской Старинѣ», написанныхъ притомъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ, обвиняютъ меня, на старости лѣтъ, въ отсутствіи патріотизма»...

† 28-го іюня, въ Стрѣльнѣ, на 64 году, отъ воспаленія въ легкихъ извѣстный литераторъ и финансистъ, **Петръ Петровичъ Сухонинъ.** Происходя изъ дворянъ Костромской губерніи, онъ въ 1833 г. поступилъ въ морской корпусъ, гдѣ и окончилъ свое образованіе. Въ 1838 г. поступилъ въ черноморскій флотъ, гдѣ, подъ командой Лазарева, ему пришлось пройти хорошую морскую школу. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Сухонинъ былъ переведенъ въ балтійскій флотъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ вышелъ въ отставку. Министръ народнаго просвѣщенія предложилъ Сухонину состоять при немъ по особымъ порученіямъ. Директоръ лѣсного департамента перевелъ его въ лѣсное вѣдомство, и отсюда онъ перешелъ въ министерство финансовъ, гдѣ былъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, а въ 1862 г. начальникомъ петербургскаго табачнаго акцизнаго округа, но вскорѣ былъ причисленъ къ министерству финансовъ. Литературнымъ и научнымъ трудамъ посвящалъ онъ все свое время. Пріобрѣтя извѣстность какъ авторъ «Русской свадьбы», онъ написалъ «Дьяка Щелканова», историческіе романы: «Княжна Владимірская» (Тараканова), «На рубежѣ двухъ столѣтій», «Родъ князей Зацѣпиныхъ» и другіе, также изслѣдованіе «О золотой и серебряной монетѣ», «Объ ассигнаціяхъ», о «Банковыхъ дѣлахъ» и массу другихъ беллетристическихъ, финансовыхъ, экономическихъ трудовъ и статей, разсѣянныхъ, по разнымъ изданіямъ. Въ «Илюстрированномъ Листкѣ», издававшемся подъ редакціей В. Зотова, онъ велъ «Денежный фельетонъ». Появляясь то подъ своимъ именемъ, то подъ псевдонимомъ «Шардинъ», Сухонинъ, въ теченіи своей труженической жизни, принималъ участіе въ большинствѣ нашихъ журналовъ и газетъ. Но непосильный и упорный трудъ надломилъ силы труженика и смерть вырвала одного изъ энергическихъ представителей литературной семьи сороковыхъ годовъ.

† 19-го іюня, заграницею, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался генералъ-адъютантъ графъ **Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.** Имя этого инженера, неразрывно связанное съ событіями севастопольской эпохи и недавней русско-турецкой войны, пользуется заслуженною извѣстностію и за предѣлами отечества. Сынъ купца, онъ учился въ инженерномъ училищѣ. Боевая карьера открылась для него еще въ 1849 году, когда за отличіе ему пожалована золотая сабля съ надписью «за храбрость. Появленіе военнаго инженеръ-полковника Тотлебена въ Севастополѣ было важнымъ событіемъ въ 11-ти мѣсячной оборонѣ твердынь, воздвигнутыхъ даровитымъ инженеромъ. Заслуги его въ этомъ отношеніи доставили ему въ короткій промежутокъ времени, съ 1854 до начала 1856 года, рядъ высшихъ наградъ: орденъ св. Георгія, сперва 4-й, а затѣмъ 3-й степени, чинъ генералъ-маіора, и званіе генералъ-адъютанта. Геройская оборона Севастополя, вызывавшая изумленіе въ врагахъ Россіи, главнымъ образомъ, стала возможною благодаря энергіи Тотлебена. По окончаніи крымской кампаніи, Тотлебенъ занималъ постъ товарища инспектора по инженерной части и въ теченіи многихъ лѣтъ принесъ много пользы инженерному дѣлу. При началѣ

войны съ Турціей не нашли нужнымъ употребить въ дѣло его знанія и опытность, и только въ октябрѣ 1877 года Тотлебенъ былъ вызванъ на задунайскій театръ военныхъ дѣйствій. Съ прибытіемъ его подъ Плевну, блокада этого пункта, благодаря предложенному имъ плану, привела, въ концѣ концовъ, къ результату, обезпечившему благопріятный успѣхъ кампаніи. Тотлебенъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 2-й степени. Въ 1878 году ему пожалованъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, а въ 1879 году былъ возведенъ въ графское достоинство. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ онъ занималъ постъ сначала одесскаго, потомъ виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора, и умеръ 65 лѣтъ. Какъ человѣкъ, онъ отличался неуклонною строгостію. Такъ, принявъ званіе главнокомандующаго уже по заключеніи санъ-стефанскаго договора, Тотлебенъ позаботился объ устраненіи безпорядковъ, которые водворились въ операціяхъ по снабженію войскъ разнаго рода довольствіями, и цѣлый рядъ лицъ, на разныхъ ступеняхъ служебной лѣстницы, въ виду обнаруженныхъ злоупотребленій, былъ имъ привлеченъ къ отвѣтственности. Онъ оставилъ замѣчательный трудъ «Исторія обороны Севастополя», изданный въ 1864 году.

† 13-го іюня умеръ въ Бауценѣ, послѣ тяжкой болѣзни, 68 лѣтъ, **Янъ Смоляръ**. Онъ родился въ прусской верхней Силезіи въ 1816 году; въ Бреславлѣ, прослушалъ четырехлѣтній курсъ богословскаго факультета. Въ 1838 году вмѣстѣ съ Ресслеромъ онъ сталъ заниматься изученіемъ сербо-вендскаго языка, затѣмъ других славянскихъ языковъ. Въ 1840 году, получилъ отъ прусскаго короля субсидію для продолженія своихъ изслѣдованій по славянскимъ языкамъ и былъ назначенъ профессоромъ. Тогда же началась и его литературная карьера. Въ 1846 году, онъ съ профессоромъ Іорданомъ переселился въ Лейпцигъ, гдѣ вступилъ въ составъ редакціи «Slavische Jahrbücher». Въ 1848 году, въ Бауценѣ, Смоляръ писалъ въ еженедѣльномъ изданіи «Tydzenska Novina» и основалъ множество обществъ, посвятившихъ свою дѣятельность національному возрожденію сербо-вендовъ. Въ 1850 году онъ сдѣлался профессоромъ вендскаго языка въ бауценской гимназіи, основалъ потомъ большое книгопродавческое предпріятіе и издавалъ книги на языкахъ вендскомъ и славянскомъ. Въ ряду многочисленныхъ сочиненій Смоляра—главныя: «Пѣсни сербовъ верхней и нижней Лузаціи» (1841—1843 г.) «Сербско-нѣмецкій словарь» (1843 г.), «Рукопись Краледворская» (1852 г.), «Исторія сербовъ и болгаръ» (на нѣмецкомъ языкѣ). Смоляру принадлежитъ починъ многихъ изданій вендскихъ и нѣмецкихъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ біографіи Д. В. Веневитинова.

Въ одномъ изъ недавно вышедшихъ томиковъ «Дешевой Библіотеки», издаваемой А. С. Суворинымъ, напечатаны стихотворенія Д. В. Веневитинова съ краткой его біографій и портретомъ. Матерьялы для этой біографіи заимствованы изъ жизнеописанія Веневитинова, приложеннаго къ полному собранію его сочиненій, изданному нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ редакціей А. П. Пятковскаго. Родной племянникъ покойнаго поэта, М. А. Веневитиновъ, прислалъ г. Суворину письмо, гдѣ указываетъ на неточности, вкравшіяся въ трудъ г. Пятковскаго, а потому повторенныя и въ краткой біографіи, помѣщенной въ «Дешевой Библіотекѣ». Такъ какъ въ письмѣ г. Веневитинова заключается нѣсколько указаній, которыя могутъ пригодиться для будущихъ біографовъ его дяди, то мы считаемъ не лишнимъ напечатать это письмо цѣликомъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Милостивый Государь

Алексѣй Сергѣевичъ.

Просмотрѣвъ изданную вами книжечку стихотвореній моего дяди Дм. Вл. Веневитинова, не могу не выразить вамъ глубокой признательности за благое намѣреніе освѣжить воспоминаніе объ одномъ изъ самыхъ талантливыхъ нашихъ поэтовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ заявить вамъ крайнее мое сожалѣніе о томъ, что я не зналъ заблаговремено о вашемъ предпріятіи, чѣмъ могъ бы предупредить васъ отъ повторенія нѣкоторыхъ біографическихъ неточностей, допущенныхъ предъидущимъ издателемъ сочиненій моего дяди, А. П. Пятковскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я могъ бы указать вамъ данныя, которыми вы могли бы еще болѣе освѣтить личность Д. В. Веневитинова. Я уже давно собираю все, что относится къ его біографіи и располагаю многими матеріалами, еще вполнѣ неизвѣстными. Здѣсь, въ деревнѣ, они у меня не подъ рукою, я не могу потому въ настоящее время документально изложить вамъ всѣ необходимыя исправленія и дополненія къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ А. П. Пятковскимъ и вами въ вашемъ предисловіи. Но надѣясь современемъ исполнить такую задачу, я рѣшаюсь теперь же сообщить вамъ по поводу вашего изданія нѣкоторыя замѣтки, въ которыхъ прошу васъ видѣть только мое желаніе охранять достовѣрныя семейныя преданія о моемъ родственникѣ.

Для предисловія вы, какъ кажется, воспользовались исключительно свѣдѣніями біографіи, составленной о моемъ дядѣ А. П. Пятковскимъ. Я могъ бы указать вамъ кромѣ того на другой источникъ, именно на статью о Д. В. Веневитинова, помѣщенную П. А. Плетневымъ въ IX томѣ энциклопедическаго словаря Плюшара; хотя статья эта даетъ гораздо менѣе фактовъ, но, какъ произведеніе современника, полнѣе рисуетъ личность безвременно умершаго поэта.

Затѣмъ, въ вашемъ предисловіи было бы, кажется мнѣ, не лишнимъ назвать нѣкоторыхъ друзей моего дяди, сношеніями съ которыми онъ такъ дорожилъ и о которыхъ упоминаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Имена И. В. и П. В. Киреевскихъ, А. Ст. и Ѳ. Ст. Хомяковыхъ, М. П. Погодина, Ст. П. Шевырева, князя В. Ѳ. Одоевскаго, А. П. Кошелева и другихъ — рисуютъ цѣлую эпоху и рѣзкое направленіе въ ея представителяхъ. Это все были близкіе друзья Д. В. и онъ могъ по праву дорожить ими.

Наконецъ, въ вашемъ предисловіи было бы желательно встрѣтить хотя простой перечень предъидущихъ изданій сочиненій моего дяди. Всѣхъ ихъ было до 1884 года три. Первое вышло въ 1829 и 1831 году въ двухъ частяхъ и по тексту должно считаться лучшимъ, такъ какъ въ немъ принимали участіе друзья Д. В. и родной его братъ, т. е., мой отецъ. Въ 1855 году, изданіе это было перепечатано А. Смирдинымъ въ «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ» и помѣщено въ одномъ томѣ съ сочиненіями В. Л. Пушкина. Наконецъ, третье изданіе принадлежитъ А. П. Пятковскому; оно вышло около 60 года, точнѣе не припомню, а самой книги подъ рукою не имѣю.

Изъ біографическихъ неточностей, проникшихъ въ ваше предисловіе, обращу ваше вниманіе на слѣдующія.

Нашъ родъ происходитъ не отъ запорожцевъ, а отъ выходцевъ изъ города Венева, повидимому давно поселившихся въ Воронежской губерніи въ числѣ служилыхъ людей, получавшихъ въ XVII вѣкѣ помѣстья въ Заоцкихъ городахъ, т. е. въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Тульской, Орловской, Курской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской. Этимологія фамиліи Веневитиновыхъ таже, что и многихъ дворянскихъ и купеческихъ семействъ, по нынѣ существующихъ въ Воронежской губерніи, и имена которыхъ указываютъ на ихъ коренное происхожденіе изъ городовъ средней Россіи, откуда они переселились на югъ. Таковы, напримѣръ: Болховитниковы (изъ Болхова), Масалитиновы (изъ Масальска), Тверитиновы (изъ Твери), Туляновы (изъ Тулы), Переяславцевы (изъ Переяславля) и т. д.

Мать Д. В. Веневитинова называлась не Анна Петровна, но Анна Николаевна. Она была рожденная княжна Оболенская и, по своей матери (въ дѣвицахъ Мусиной-Пушкиной), считалась въ родствѣ и была въ сношеніяхъ съ семействомъ графа А. И. Мусина-Пушкина (извѣстнаго библіографа и

владѣльца единственной рукописи «Слова о Полку Игоревомъ» погибшей при пожарѣ Москвы въ 1812 г.) и съ родителями А. С. Пушкина. Эти родственныя связи Д. В. не остались повидимому безъ значенія для него. По крайней мѣрѣ я знаю, что онъ занимался комментаріями на «Слово о Полку Игоревомъ» и что знакомство его съ А. С. Пушкинымъ было отчасти облегчено ихъ взаимнымъ, хотя и дальнимъ родствомъ.

Слѣдуя А. П. Пятковскому, вы, въ вашемъ предисловіи, намекаете на любовь Д. Вл. Веневитинова къ замужней женщинѣ и на разлуку съ ней, какъ на поводъ его ранней смерти. Хотя этой идеальной любви и нельзя вполнѣ отрицать, но ближайшей причиной смертельной болѣзни Дм. Вл. было совсѣмъ другое обстоятельство, обнародовать которое еще не пришло время, такъ какъ не всѣ еще данныя находятся въ моемъ распоряженіи.

Кромѣ стиховъ И. И. Дмитріева на смерть Д. В., мнѣ извѣстно еще стихотвореніе декабриста князя А. И. Одоевскаго. Не помню вошло ли оно въ изданіе барона Розена?

Въ заключеніе, еще одно замѣчаніе. Стихотвореніе «Импровизація» (стр. 40, вашего изданія) не находится въ изданіи 1829 года, вслѣдствіе чего я полагаю, что оно не принадлежитъ моему дядѣ, а только, можетъ быть, переписано имъ. Въ этомъ убѣждаетъ меня и содержаніе стиховъ, и заключающіеся въ нихъ намеки.

Все вышеизложенное заставляетъ меня еще разъ повторить свое сожалѣніе о томъ, что я ранѣе не зналъ о вашемъ предпріятіи и не могъ заблаговременно послужить вамъ своими указаніями.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи.

М. Веневитиновъ.

II.

Кутузовская изба.

По поводу недавняго сооруженія памятника на мѣстѣ, гдѣ находилась извѣстная «Кутузовская изба» въ деревнѣ Филяхъ, мы получили отъ г. И. С. К. слѣдующую замѣтку:

Изба, въ которой происходилъ въ 1812 году военный совѣтъ, окончившійся рѣшеніемъ сдать Москву французамъ, находилась за Драгомиловской заставой, у Поклонной горы, въ деревнѣ Филяхъ. Она стояла шестой избой въ улицѣ отъ Поклонной горы, въ ряду съ прочими, по линіи Можайской большой дороги. Наружный видъ ея ничѣмъ не отличался отъ другихъ; она имѣла три окна на улицу, окно налѣво, на дворъ, и небольшіе сѣни съ единственными входными дверями и слуховымъ маленькимъ оконцемъ. Надворной постройки никакой не было. Внутренній видъ былъ очень простъ: при входѣ, направо возвышалась русская большая печь, по лѣвую сторону и впереди во всю стѣну стояли толстыя лавки, а въ переднемъ углу большой столъ, некрашенный, простой работы, и двѣ полочки для иконъ. Въ этомъ заключалась вся меблировка и украшеніе избы.

Съ 1812 года по 1850 годъ, изба эта была оставлена въ забвеніи и въ ней жилъ бѣдный крестьянинъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, хорошенько не упомню, въ 1850 или 1851 г., владѣлецъ деревни Филей, полковникъ гвардіи (нынѣ тайный совѣтникъ) Еммануилъ Дмитріевичъ Нарышкинъ пригласилъ къ себѣ управляющимъ Степана Васильевича Колпикова, который при осмотрѣ имѣнія нашелъ, что деревня Фили, расположенная въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Москвы, не приноситъ никакого дохода крестьянамъ по неимѣнію вблизи воды и лѣса. Вслѣдствіе этого, онъ испросилъ разрѣшеніе своего довѣрителя перенести деревню къ рощѣ села Покровскаго, гдѣ была и вода. Г-нъ Нарышкинъ одобрилъ этотъ планъ и далъ свое согласіе; когда приступлено было къ переноскѣ деревни, управляющій Колпиковъ обратилъ вниманіе на избу (называвшеюся въ то время жителями «Кутузовскою»), гдѣ происходилъ въ 1812 году военный совѣтъ, и испросилъ раз-

рѣшенія владѣльца оставить ее въ цѣлости, поправить и сохранить, какъ историческій памятникъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была. (Старики, жители деревни Филей, передовали, что въ Кутузовской избѣ столъ и лавки тѣ самыя, которые были въ 1812 году и по этому оставлены неприкосновенными).

Затѣмъ, изба была починена, дворъ обрытъ большимъ рвомъ, во дворѣ насажены деревья и помѣщены на жительство, для охраны, два старыхъ ветерана 1812 года, съ содержаніемъ владѣльца.

Внутри все также было оставлено безъ измѣненія. На столѣ была накрыта скатерть и положена книга «Исторія войны 1812 года», раскрытая на страницѣ, гдѣ говорилось о рѣшеніи: «сдать Москву». Здѣсь-же на столѣ стояла чернильница съ перомъ и большая чистая книга, для записки посѣтителей своеручно. Спустя годъ послѣ этого, я былъ снова въ Филяхъ и заходилъ въ избу, гдѣ прочиталъ въ книгѣ очень много фамилій посѣтителей всѣхъ сословій.

Затѣмъ изба эта была подарена, какъ я слышалъ, московской городской думѣ, и къ крайнему моему изумленію сгорѣла!

И. К.

III.

По поводу однаго стихотворенія Батюшкова.

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» нынѣшняго года, на страницѣ 220-й, напечатано стихотвореніе К. Н. Батюшкова, начинающееся такъ:

«Ты знаешь, что изрекъ
«Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ, —

Стихотвореніе это сообщено А. И. Подолинскимъ, какъ предсмертное, съ замѣткою, что оно, уже по смерти К. Н. Батюшкова, было замѣчено на стѣнѣ, будто бы написанное углемъ. Между тѣмъ, стихотвореніе это, строка въ строку, напечатано въ сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, изданныхъ въ 1834 году въ С.-Петербургѣ, часть 2-я, страница 224, подъ заглавіемъ: «Изреченіе Мельхиседека», кромѣ замѣны только одного слова, въ сочиненіяхъ Батюшкова: ты помнишь, а въ «Русской Старинѣ»: ты знаешь.

Притомъ, означенное стихотвореніе не можетъ быть предсмертнымъ, такъ какъ К. Н. Батюшковъ умеръ въ 1855 году, а это стихотвореніе напечатано въ его сочиненіяхъ въ 1834 году, т. е. болѣе, чѣмъ за 20 лѣтъ до смерти автора.

Андрей Цимбалистовъ.

IV.

Результаты нашихъ художественныхъ выставокъ.

На выставкахъ нынѣшняго года, бывшихъ въ Петербургѣ и устроенныхъ Академіею Художествъ, въ ея зданіи, и обществомъ передвижныхъ выставокъ, въ домѣ князя Юсупова, на Невскомъ проспектѣ, число явившихся картинъ и ихъ авторовъ распредѣлялось такимъ образомъ: на XII передвижной выставкѣ участвовало 43 художника, выставившихъ 162 произведенія, а на академической выставкѣ 73 съ 207 картинами, не считая акварелей.

Подводя итогъ картинамъ и распредѣляя ихъ по группамъ или родамъ живописи, имѣемъ такую таблицу:

	12 выставка.	Академическ.	Итого.
Портреты	26	12	38
Пейзажи	57	66	123
Жанръ	30	54	84
Историческія картины . . .	3	16	19
Этюды и перспективы . .	46	59	105
Всего...	162	207	367

Отсюда видно, что изъ общей суммы 367 картинъ наименьшій процентъ падаетъ на историческій родъ живописи, около 6%; затѣмъ слѣдуютъ портреты 10%; жанръ 24%; этюды и перспективы 30% и наконецъ наибольшее число пейзажи 35%.

Число всѣхъ 116 художниковъ относится къ суммѣ написанныхъ ими картинъ такъ: на каждаго живописца приходится 3,1 произведенія, но, беря число ихъ отдѣльно по каждой выставкѣ, видимъ, что на академической 207 картинъ, дѣленныя на 73 лица, даютъ въ результатѣ по 2,8 произведенія, а на XII передвижной 3,8, т. е. другими словами, на академической выставкѣ приходится на каждаго художника только почти по 3 картины, а на передвижной по 4. Кромѣ того число женщинъ-художницъ было на передвижной 2, а на академической 5, итого 7, или почти 1/16 часть всего числа 116 живописцевъ. Скульптура-же была представлена въ академіи 18 ваятелями, а въ обществѣ 1, въ количествѣ одной вещи, а у первыхъ 40 экземпляровъ.

Посѣтителей въ академіи, по словамъ газеты «Художественныя новости» съ 22 марта по 30 апрѣля было 28,776 человѣкъ, въ томъ числѣ безплатныхъ 23,082. Отъ продажи билетовъ выручено 1,708 р. 20 к., а отъ каталоговъ, проданныхъ въ количествѣ 7,894 штукъ,—1,184 р. 10 к. Весь доходъ составилъ 2,892 р. 35 к. Въ послѣдніе двѣ недѣли выставка была открыта въ пользу Краснаго Креста, которую посѣтило 3,469 человѣкъ, сборъ составилъ 1,040 р. 70 к. и отъ каталоговъ 208 р. 5 коп.

О числѣ лицъ, посѣтившихъ 12-ую передвижную выставку, свѣдѣній еще нѣтъ, но за то мы приводимъ изъ поступившаго въ продажу въ послѣдній день выставки иллюстрированнаго каталога слѣдующія свѣдѣнія за прошлогоднюю XI выставку, на которой изъ 30 членовъ товарищества участвовало 27, выставившихъ 128 картинъ на сумму 118,625 изъ коихъ продано 80 на сумму 77,000. Экспонентовъ было 9, съ выставленными ими:

Картинъ	16, продано 9,	на сумму	4,925 р.
Скульптурныхъ произведеній	6—5	»	1,720 р.

Выставка была въ слѣдующихъ городахъ:

Петербургѣ .	40 дней,	посѣтителей	17,803	каталоговъ продано	7,993
Москвѣ . . .	41 »	»	9,824	» »	4,231
Харковѣ. . .	18 »	»	6,260	» »	1,925
Елисаветградѣ	9 »	»	1,294	» »	357
Кіевѣ	27 »	»	11,105	» »	3,591
Одессѣ. . . .	19 »	»	8,310	» »	2,644
Варшавѣ. . .	31 »	»	3,968	» »	1,505

Всего 185 дней, 58,565 посѣтителей, купившихъ 22,246 экземпляровъ каталоговъ. За всѣми же расходами чистой прибыли выручено обществомъ 8,604 р. 33 к.

И. Божеряновъ.

они находились подъ гнетомъ вѣчнаго страха, что какой либо партіи вздумается поднять вопросъ объ изгнаніи ихъ изъ страны, съ цѣлью отнять у нихъ все имущество. Поэтому, въ виду своей личной безопасности, они были постоянно на сторожѣ и приняли всѣ мѣры, чтобы шпіоны или измѣнники не прокрались въ ихъ жилища, съ цѣлью собрать свѣдѣнія о скрытыхъ въ нихъ сокровищахъ.

Разъ вечеромъ, въ пятницу, вскорѣ послѣ прибытія французовъ въ Римъ, появился пожилой человѣкъ у желѣзныхъ воротъ, замыкавшихъ Гэтто, и просилъ впустить его въ еврейскій кварталъ. Онъ былъ настолько взволнованъ, что не могъ скрыть своего нетерпѣнія, и этимъ возбудилъ подозрѣніе еврейскаго привратника, который въ первую минуту на отрѣзъ отказался отворить ему калитку. Хотя незнакомецъ, по видимому, зналъ еврейскіе обычаи и черты лица его ясно показывали, что онъ принадлежитъ къ избранному народу, но это не могло служить ручательствомъ въ его благонадежности. Поэтому привратникъ не рѣшился впустить его безъ разрѣшенія старшинъ, тѣмъ болѣе, что начинался шабашъ, и въ это время предписана была двойная осторожность. Незнакомецъ говорилъ, что Гэтто его родина, что онъ всѣмъ извѣстный врачъ Исаакъ Іэмъ; но эти увѣренія не произвели никакого впечатлѣнія на привратника, который молча удалился, чтобы призвать старшинъ.

Наконецъ эти явились и были не мало удивлены, когда увидѣли знаменитаго врача, пропавшаго безъ вѣсти, послѣ постигшаго его ужаснаго несчастія. Хотя онъ сильно постарѣлъ и измѣнился, но его легко было узнать по чертамъ лица и голосу, такъ что для старшинъ не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что передъ ними стоитъ прежній Исаакъ Іэмъ. На ихъ вопросъ: откуда онъ явился, такъ неожиданно? Исаакъ отвѣтилъ, что долго странствовалъ по свѣту безъ опредѣленной цѣли и теперь прибылъ въ Римъ съ французской арміей, подъ покровительствомъ храбраго рыцаря де Торси.

Старшины еврейской общины просили Исаака подождать еще немного, пока они не вернутся въ свои дома. Послѣ этого, привратникъ впустилъ его въ Гэтто, съ которымъ у него было связано столько дорогихъ воспоминаній. Трудно передать словами тѣ чувства, какія охватили его душу при видѣ знакомыхъ мѣстъ, гдѣ онъ прожилъ много лѣтъ, счастливый и довольный, среди своей семьи, не смотря на всѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергался, наравнѣ съ своими единовѣрцами. Онъ медленно шелъ по улицѣ, сложивъ руки на груди; губы его бормотали одну изъ тѣхъ молитвъ сыновъ Израиля, въ которыхъ выражается ихъ безусловная покорность воли Божіей.

Глазамъ Исаака предстала та же картина, которую онъ видѣлъ столько разъ въ своей жизни наканунѣ шабаша. Вездѣ у

дверей домовъ сидѣли люди, женщины были большею частью въ бѣлыхъ платьяхъ и въ праздничныхъ украшеніяхъ; всѣ казались веселыми и довольными, потому что въ эти торжественные часы каждый старался забыть свои мелочныя, будничныя заботы и думать только о Богѣ и своей семьѣ. Исаакъ видѣлъ группы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сидѣвшихъ вмѣстѣ; и имъ все болѣе и болѣе овладѣвало нетерпѣніе. Гдѣ его жена Лія? Жива ли она? Этотъ вопросъ не разъ готовъ былъ сорваться съ его губъ; но онъ такъ боялся отвѣта, что не рѣшился произнести вслухъ имя своей жены. Между тѣмъ, въ душѣ его снова шевельнулся слабый отблескъ надежды, которая воскресла въ немъ въ послѣднія недѣли, вмѣстѣ съ пробужденіемъ къ новой жизни.

Онъ подошелъ къ своему дому и обомлѣлъ отъ радостнаго испуга, когда увидѣлъ женщину, одѣтую въ бѣлое платье, которая сидѣла у дверей, сложивъ руки на колѣняхъ. Онъ узналъ въ ней свою жену.

Рядъ мучительныхъ вопросовъ одинъ за другимъ возникли въ его душѣ: какой встрѣчи можетъ онъ ожидать отъ своей жены послѣ того, какъ онъ убилъ собственныхъ дѣтей и бросилъ ее на произволъ судьбы? Развѣ она не въ правѣ ненавидѣть его и съ проклятіемъ выгнать изъ дому, какъ виновника постигшихъ ее несчастій? Что онъ отвѣтитъ ей, когда она потребуетъ отъ него своихъ сыновей?

Съ этими мыслями онъ нерѣшительно приблизился къ ней, почти задыхаясь отъ волненія; губы его шевелились, но онъ не въ состояніи былъ произнести ни единаго слова. Она сидѣла, склонивъ голову, такъ что лица ея не было видно; вся ея фигура, неподвижная и спокойная, съ руками, сложенными на колѣняхъ, представляла картину тихой покорности судьбѣ.

Исаакъ молча стоялъ передъ своей женой и такъ какъ она, по видимому, не замѣчала его присутствія, то онъ взялъ ее за руку и сказалъ подавленнымъ, чуть слышнымъ голосомъ:

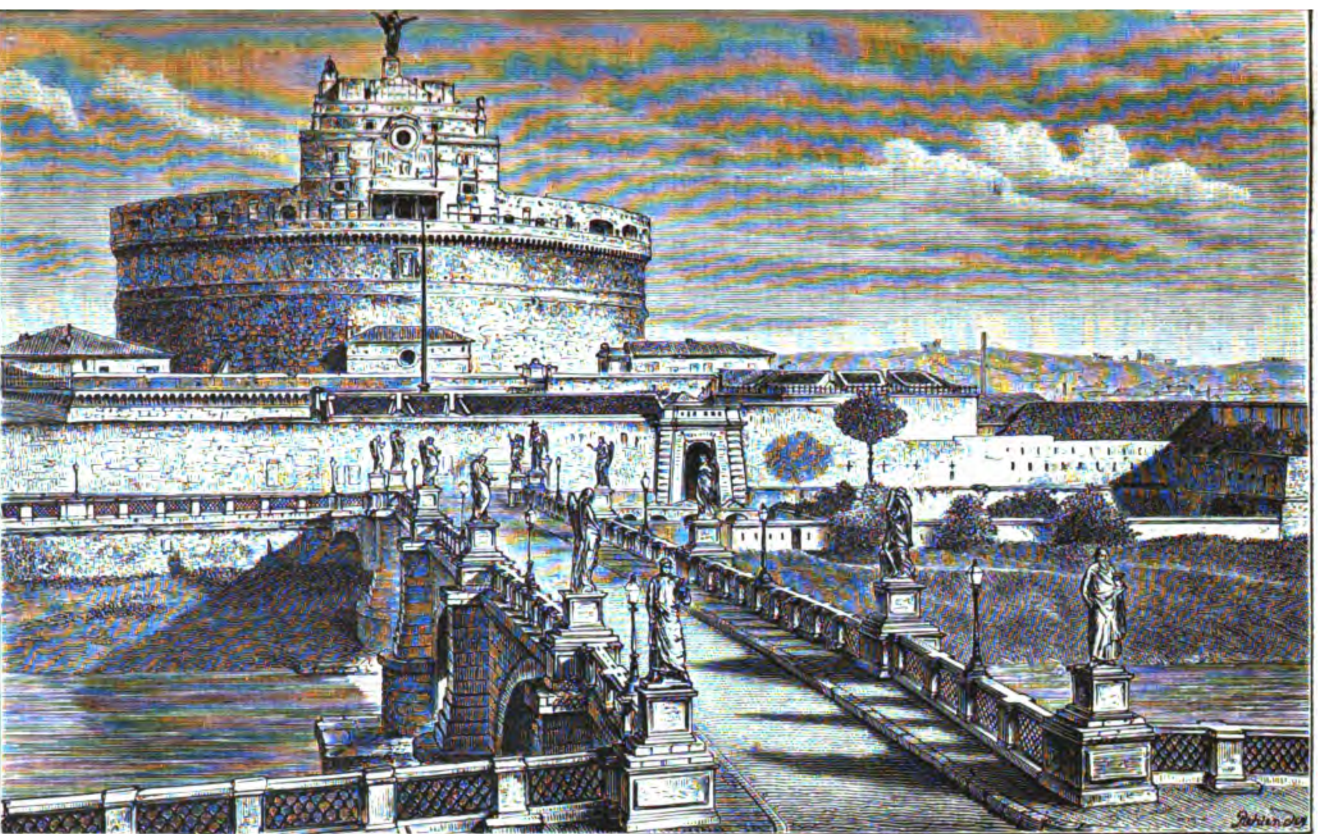
— Здравствуй, Лія!

Она съ удивленіемъ подняла голову, но въ первую минуту ничего не отвѣтила ему.

По еврейскому обычаю во всѣхъ комнатахъ стояли зажженныя свѣтильники, отблескъ лампы изъ открытыхъ дверей освѣтилъ лицо Ліи, покрытое глубокими морщинами, съ кроткимъ задумчивымъ выраженіемъ.

— Привѣтъ тебѣ, кто бы ты ни былъ! отвѣтила она печально послѣ нѣкотораго молчанія. Я никогда не слыхала твоего голоса! Объясни мнѣ, что понудило тебя, чужаго человѣка, прійдти къ одинокой женщинѣ въ такой день!

Эти слова поразили Іэма. Онъ еще разъ внимательно посмотрѣлъ на лицо любимой жены, которое было обращено къ нему, и



Нынѣшній замокъ и мостъ св. Ангела въ Римѣ.

тотчасъ-же убѣдился, что ея глаза не могутъ видѣть его. Великій Боже! невольно воскликнулъ онъ. Когда истощится гнѣвъ твой!... Могъ ли я ожидать, что меня постигнетъ это новое несчастіе, чтобы переполнить мѣру моихъ страданій!..

Тутъ Лія узнала голосъ своего мужа, и чувство невыразимаго счастія охватило все ея существо. Она быстро поднялась на ноги и съ громкимъ крикомъ: Исаакъ, неужели ты вернулся ко мнѣ! протянула ему обѣ руки; но вслѣдъ за тѣмъ съ ней сдѣлался обморокъ, такъ какъ она была слишкомъ измучена, чтобы вынести новое сильное потрясеніе.

Въ эту минуту горе и радость одновременно наполняли сердце Исаака. Онъ нашелъ свою жену ослѣпшею, но она не предавала его проклятію, не чувствовала къ нему ненависти. Послѣ всего, что вынесла и вытерпѣла эта несчастная женщина, любовь не погасла въ ея сердцѣ; онъ ясно видѣлъ это по тону, съ какимъ она произнесла его имя.

Онъ поднялъ ее на руки и внесъ въ домъ, покрывая поцѣлуями ея блѣдное, безжизненное лицо и полузакрытые глаза.

Все въ домѣ было въ томъ же видѣ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; каждая вещь была на прежнемъ мѣстѣ. Поэтому Іcаакъ тотчасъ же нашелъ спальню и, положивъ Лію на постель, всталъ около на колѣняхъ; немного погодя онъ тихо назвалъ ее по имени, такъ какъ видѣлъ, что она начинаетъ приходить въ себя.

Глубокій вздохъ и вопросъ: Неужели это правда? ясно показывали, что сознаніе вернулось къ ней.

О прошломъ между ними пока не было сказано ни единаго слова: потому ли, что впечатлѣніе настоящаго было слишкомъ сильно, или обоимъ было тяжело вспомнить о пережитыхъ событіяхъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, они были опять вмѣстѣ; и это сознаніе наполняло ихъ сердца глубокой благодарностью Богу Израиля. Но Ліи казалось, что ея радость неполная, пока она не подѣлится ею съ близкими людьми, которые не оставляли ее въ несчастіи.

— Подожди немного, сказала она Исааку, я должна сообщить друзьямъ о милости, ниспосланной мнѣ Богомъ. «Да будетъ благословенно имя Его во вѣкъ! Благъ Господь ко всѣмъ и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его!»...

Лія знала каждый уголъ въ домѣ, въ которомъ прожила большую часть своей жизни; поэтому она прямо направилась къ двери и, сойдя съ лѣстницы, перешла на другой дворъ къ своей сосѣдкѣ, которая всегда выручала ее въ тяжелыя минуты жизни.

— Онъ вернулся! воскликнула она, подходя къ дверямъ сосѣдняго дома, у котораго слышались знакомые голоса. Моя надежда исполнилась!... Господь возвратилъ мнѣ мужа, котораго я ждала столько лѣтъ!..

Затѣмъ она поспѣшно вернулась домой и пригласилаІсаака раздѣлить съ ней ѣду, которая стояла готовая на столѣ, такъ какъ въ день шабаша запрещена всякая работа и кушанье приготовляютъ заблаговременно.

Но едва успѣли они сѣсть за столъ, какъ явились сосѣди съ своими женами, чтобы привѣтствовать стараго друга, потому что по всему Гэтто уже разнеслась вѣсть, что Исаакъ Іэмъ вернулся въ свой домъ. Всѣ искренно сочувствовали радости слѣпой женщины и съ сердечнымъ участіемъ разспрашивали Іэма объ его странствованіяхъ, такъ какъ никто не считалъ себя вправѣ упрекать его за прошлое.

Когда сосѣди удалились,Ісаакъ снова остался на-единѣ съ своей женой. Онъ не находилъ достаточно словъ, чтобы выразить свое сожалѣніе о несчастіи, постигшемъ бѣдную женщину. Но Лія ничего не отвѣтила на это и заговорила о тяжеломъ пережитомъ ею времени съ того дня, когда мужъ бросилъ ее и она очутилась въ полномъ одиночествѣ.

Когда принесли въ домъ трупы ея обоихъ сыновей, которыхъ она за часъ передъ тѣмъ видѣла цвѣтущими и здоровыми, ею овладѣло полное отчаяніе. Но сосѣди и друзья неотлучно находились при ней и поддержали ее въ первыя минуты неутѣшнаго горя. Затѣмъ она стала со дня на день ожидать возвращенія своего мужа, чтобы вмѣстѣ съ нимъ оплакивать потерю дѣтей; но и тутъ ей ни разу не приходило въ голову упрекать его. Она была увѣрена, что онъ съ отчаянія странствуетъ по бѣлому свѣту и не въ состояніи видѣть ея горя. Она молила Бога ниспослать душевный миръ и утѣшеніе ея мужу, потому что надѣялась, что въ этомъ случаѣ онъ снова вернется къ ней и поддержитъ ея мужество въ тяжелыя минуты. Проходили дни, недѣли, мѣсяцы, годы; а она съ той же неизмѣнной покорностью судьбѣ ожидала его возвращенія. Если у ней иногда являлась мысль объ его смерти, то она утѣшала себя надеждой, что это не могло случиться безъ того, чтобы ее не извѣстили объ этомъ тѣмъ или другимъ способомъ. Она также не хотѣла вѣрить, чтобы Исаакъ могъ лишить себя жизни, какъ думали многіе. Тѣмъ не менѣе, бѣдная, покинутая женщина, не предвидя конца своему горю, пролила столько слезъ, что зрѣніе ея стало все болѣе и болѣе слабѣть и, подъ конецъ, она совсѣмъ ослѣпла.

Теперь Лія разсказала все это своему мужу, который слушалъ ее съ сердечнымъ участіемъ, такъ какъ живо представлялъ себѣ всѣ вынесенныя ею страданія. Если онъ съ своей стороны, быть можетъ, испыталъ еще большія мученія, но они сравнительно продолжались не долго, потому что, съ помраченіемъ разсудка, сознаніе дѣйствительности оставило его. Долгое время ихъ разлуки прошло для него въ тяжеломъ полуснѣ, въ которомъ, послѣ періода лихорадочнаго бреда, смѣшаннаго съ мучительными галлюцинаціями,

наступило полное физическое и нравственное оцѣпененіе. Онъ помнилъ отчетливо только свою встрѣчу съ швейцарскимъ отрядомъ въ горахъ, такъ какъ съ этого момента къ нему вернулся разсудокъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ дѣйствительной жизни.

Бесѣда обоихъ супруговъ продолжалась далеко за полночь и становилась все задушевнѣе, такъ что эти первые часы ихъ свиданія были для нихъ часами безмятежнаго спокойствія и давно неиспытаннаго счастья.

Исаакъ Іэмъ долго не могъ заснуть въ эту ночь; мысль возвратить зрѣніе женѣ неотступно преслѣдовала его; онъ заранѣе придумывалъ различные способы леченія, которые по его мнѣнію могли быть примѣнимы въ данномъ случаѣ. На слѣдующее утро онъ внимательно осмотрѣлъ глаза Ліи и окончательно убѣдился, что ея зрѣніе далеко не въ безнадежномъ состояніи и что можно разсчитывать на полное изцѣленіе.

Между тѣмъ, при тогдашнемъ соотояніи медицины врядъ ли какой другой врачъ взялся бы за подобное леченіе, потому что относительно глазныхъ болѣзней существовали самые разнорѣчивые взгляды. Такимъ образомъ Іэмъ въ былыя времена не разъ встрѣчалъ энергическое сопротивленіе отъ больныхъ, которымъ надѣялся возвратить зрѣніе съ помощью смѣлой операціи.

Лія безусловно вѣрила искусству своего мужа, поэтому она съ первыхъ же словъ согласилась на предложенный имъ способъ леченія и обѣщала въ точности исполнить всѣ его предписанія.

Исаакъ Іэмъ отправился во французскій лагерь къ своему покровителю де-Торси и, подробно объяснивъ ему свои семейныя обстоятельства, просилъ дозволенія остаться нѣкоторое время въ Гэтто. Рыцарь де-Торси не только согласился исполнить эту просьбу, но на всегда освободилъ Іэма отъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, и, пожелавъ ему счастья, ласково простился съ нимъ.

Жажда мести привела Исаака въ Римъ; но послѣ встрѣчи съ женой, когда онъ увидѣлъ ея неизмѣнную покорность Провидѣнію, онъ рѣшилъ отказаться отъ задуманнаго плана и, по примѣру сыновъ Израиля, безропотно слѣдовать по пути тяжелыхъ испытаній, по которому Господь въ продолженіи столѣтій направлялъ свой избранный народъ.

Теперь Іэмъ былъ исключительно занятъ мыслью объ изцѣленіи своей вѣрной жены. Но имъ обоимъ пришлось пережить не мало непріятныхъ минутъ, чтобы побороть упорно вкоренившійся предразсудокъ. Даже самые близкіе друзья Іэма рѣзко выразили ему свои сомнѣнія и упрекали его въ самонадѣянности. Но ничто не могло поколебать рѣшимости Ліи; и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль леченія, глаза ея снова увидѣли свѣтъ Божій.

Это удачное изцѣленіе сразу возстановило репутацію ученаго врача, который вскорѣ вошелъ въ такую же славу, какъ въ былыя

времена. Даже Пико де-Мирандола, который около этого времени прибылъ въ Римъ, познакомился съ Исаакомъ и подъ его руководствомъ изучалъ нѣкоторыя отрасли медицинскихъ наукъ.

Послѣ этого, Исаакъ Іэмъ прожилъ много лѣтъ среди своихъ единоверцевъ, наслаждаясь тихимъ семейнымъ счастьемъ. Никто изъ лицъ, близко знавшихъ его, не могъ указать единаго случая, гдѣ бы онъ отказалъ въ своей помощи страждущему человѣчеству.

ГЛАВА XV.

Семейство папы.

Исторія наложила вѣчное клеймо на имя Борджіа, съ которымъ будетъ всегда связано представленіе о самыхъ гнусныхъ порокахъ и преступленіяхъ. Но по странному недоразумѣнію, та же незавидная репутація выпала на долю одного члена семьи, который всего менѣе заслуживалъ этого. Хотя подъ вліяніемъ окружающей среды у Лукреціи Борджіа могъ составиться слишкомъ свободный взглядъ относительно общепринятыхъ нравственныхъ правилъ, но по новѣйшимъ, весьма тщательнымъ изслѣдованіямъ, ея личная жизнь едва ли заслуживаетъ порицанія. Дѣти Александра VI послѣ его смерти лишились значительной части богатыхъ имѣній, которыя онъ роздалъ имъ при жизни; между тѣмъ какъ Лукреція по прежнему осталась герцогиней феррарьской и пользовалась до конца любовью и уваженіемъ своего мужа и подданныхъ. Совсѣмъ иная участь постигла ея братьевъ...

Но теперь мы вернемся снова къ нашему разсказу и послѣдуемъ за французскимъ королемъ, который продолжалъ свое побѣдоносное шествіе по Италіи, захвативъ съ собой старшаго сына папы, въ качествѣ заложника.

Графъ Джьованни, мужъ Лукреціи Борджіа, былъ слишкомъ прямодушнымъ и честнымъ человѣкомъ, чтобы не тяготиться ложнымъ положеніемъ, въ которомъ онъ очутился послѣ занятія Рима французами. По своему близкому родству съ Лодовико Моро, онъ считалъ своею обязанностью примкнуть къ французскому королю,

между тѣмъ, папа въ данный моментъ былъ враждебно настроенъ противъ французовъ; и онъ долженъ былъ повиноваться ему, какъ своему непосредственному начальнику.

По этому поводу графъ Джьованни написалъ подробное письмо своему дядѣ Лодовико Моро, съ просьбой выручить его изъ затруднительнаго положенія:

... «Не далѣе какъ вчера, его святѣйшество спросилъ меня въ присутствіи кардинала Асканіо: Ну что скажешь ты мнѣ, синьоръ Сфорца? Я отвѣтилъ: Святой отецъ, весь Римъ убѣжденъ, что ваше святѣйшество войдетъ въ соглашеніе съ неаполитанскимъ королемъ, между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что Фердинандъ врагъ герцога миланскаго. Если состоится это соглашеніе, то я буду поставленъ въ крайне непріятное положеніе, такъ какъ получаю жалованье отъ вашего святѣйшества и упомянутаго государства. Я не вижу возможности согласить службу одному съ измѣной другому; и поэтому рѣшаюсь просить ваше святѣйшество устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы я не сдѣлался врагомъ моей собственной крови и не былъ бы вынужденъ измѣнить моимъ обязанностямъ какъ относительно вашей особы, такъ и герцога миланскаго. На это папа возразилъ мнѣ, что я слишкомъ забочусь объ его дѣлахъ и что онъ совѣтуетъ мнѣ безъ всякихъ разсужденій брать по прежнему жалованье съ той и съ другой стороны, согласно договору. Затѣмъ его святѣйшество приказалъ монсиньеру Асканіо написать прилагаемое письмо вашей свѣтлости. Само собой разумѣется, что если бы я могъ предвидѣть, что буду поставленъ въ такія условія, то охотнѣе отсался бы безъ всякихъ средствъ, нежели быть связаннымъ этимъ способомъ. Умоляю вашу свѣтлость не лишать меня своей милости и научить, что я долженъ дѣлать, чтобы выйти изъ моего затруднительнаго положенія и остаться вашимъ вѣрнымъ слугой. Въ настоящее время я считалъ бы для себя величайшимъ благодѣяніемъ, если бы мнѣ дозволили вернуться въ Пезаро, который былъ предоставленъ во владѣніе моихъ предковъ по милости Милана; тогда я самъ и мои люди были бы всегда къ услугамъ вашей свѣтлости»...

Это письмо было написано, прежде чѣмъ кардиналы, Асканіо Сфорца и Юлій Ровере примкнули къ французскому королю, чтобы съ его помощью свергнуть развратнаго Борджіа съ папскаго престола. Но этотъ разсчетъ оказался ошибочнымъ, хотя Карлъ VIII прожилъ около четырехъ недѣль въ Римѣ, послѣ того, какъ поцѣловалъ туфлю его святѣйшества.

Отсюда французскій король направился въ Неаполь, гдѣ также не встрѣтилъ никакого сопротивленія, потому что народъ только что принудилъ къ бѣгству ненавистнаго короля Фердинанда и его старшаго сына Альфонса.

Ихъ мѣсто заступилъ принцъ Федериго и въ качествѣ главно-

командующаго хотѣлъ вести свои войска противъ непріятеля. Но прежде чѣмъ онъ могъ выполнить это намѣреніе, въ Неаполѣ вспыхнуло возстаніе. Безпорядки начались избіеніемъ евреевъ, на которыхъ и здѣсь падало обвиненіе, что они пользуются войной для неправильной наживы. Принцъ Федериго поспѣшилъ въ столицу; и дѣйствительно присутствіе любимаго и всѣми уважаемаго принца тотчасъ же утишило возстаніе; но оно вспыхнуло съ новой силой, какъ только онъ вернулся въ лагерь къ своему войску.

При этихъ условіяхъ храбрый Федериго не могъ разсчитывать на успѣшныя дѣйствія противъ непріятеля и долженъ былъ отступить съ войскомъ къ горнымъ крѣпостямъ, чтобы выждать болѣе благопріятнаго времени.

Между тѣмъ Чезаре Борджіа, который всегда пользовался общественными событіями для устройства своихъ личныхъ дѣлъ, употребилъ время, проведенное Карломъ VIII въ Римѣ, на ухаживаніе за бѣлокурой красавицей, воспламенившей его сердце. Онъ познакомился съ нею въ домѣ Шарлотты де Лузиньянъ, которая представила ему свою гостью подъ именемъ маркизы Ципріани изъ Падуи, такъ что у него не было ни малѣйшаго повода подозрѣвать, что это не ея настоящая фамилія, съ другой стороны, онъ ни минуты не сомнѣвался, что ему не трудно будетъ одержать полную побѣду надъ прекрасной женщиной.

Всѣмъ было извѣстно, что Чезаре пользуется милостью жены своего меньшаго брата, Эонны Санціи, побочной дочери неаполитанскаго короля Фердинанда, и что онъ вообще не признаетъ женской добродѣтели и чести.

Послѣ своего случайнаго знакомства съ мнимой маркизой Ципріани, Чезаре часто бывалъ въ палаццо Лузиньянъ и подъ разными предлогами всегда находилъ случай остаться на единѣ съ красивой женщиной, возбуждавшей его чувственность. Навязчивость Чезаре вскорѣ сдѣлалась невыносимой не только для Катарины Карнаро, но и для Шарлотты; обѣ женщины старались всѣми способами избавиться отъ его любезности, хотя это было не такъ легко, потому что сынъ папы занималъ видное мѣсто въ римскомъ обществѣ и внушалъ общій страхъ.

Съ водвореніемъ папы изъ дома Борджіа, въ Римъ прибыло множество испанскихъ дворянъ. Хотя ихъ появленіе возбудило сильное негодованіе со стороны знатныхъ римлянъ, но это не мѣшало послѣднимъ принять многіе испанскіе обычаи и моды и находить удовольствіе въ испанскихъ національныхъ увеселеніяхъ. Между прочимъ, введены были бои быковъ, къ которымъ Чезаре Борджіа чувствовалъ особенную страсть. Такимъ образомъ, вскорѣ послѣ прибытія французскаго короля въ Римъ, въ честь его устроенъ былъ грандіозный бой быковъ въ огромномъ старинномъ амфитеатрѣ Флавіевъ, близъ древняго Forum romanum. Само собой разу-

мѣется, что сюда устремился весь Римъ, чтобы видѣть своеобразное зрѣлище.

Всѣ болѣе или менѣе значительные итальянскіе города, лежавшіе по пути Карла VIII, чествовали его прибытіе блистательными празднествами и властелины старались выказать въ этихъ случаяхъ возможную для нихъ роскошь и художественный вкусъ. Король уже видѣлъ при другихъ итальянскихъ дворахъ духовныя мистеріи, мимическіе танцы и свѣтскія театральныя представленія; поэтому римская аристократія особенно гордилась тѣмъ, что можетъ предложить почетному гостю небывалое чужеземное увеселеніе.

Чезаре Борджіа.

Чезаре Борджіа приготовилъ для королевы Шарлотты и ея пріятельницы лучшія мѣста и по обычаю того времени прислалъ за ними собственный великолѣпный экипажъ.

Бой быковъ удался вполнѣ и по своимъ размѣрамъ превзошелъ всѣ ожиданія зрителей. Чезаре Борджіа былъ въ числѣ бойцовъ и выказалъ поразительное искусство и ловкость. Многочисленная взволнованная толпа хлынула разомъ изъ колосальнаго зданія, развалины котораго были отчасти скрыты искуственными декораціями. Слуга въ ливреѣ, украшенной гербомъ Борджіа, встрѣтилъ обѣихъ дамъ у входа и проводилъ ихъ до экипажа. Катарина Карнаро вошла первая, но едва Шарлотта де Лузиньянъ хотѣла

вступить на подножку, какъ дверцы экипажа неожиданно захлопнулись; слуга вскочилъ на козлы и лошади помчались съ такой быстротой, что стоявшая вокругъ толпа съ испугомъ разступилась.

Обѣ дамы были такъ озадачены, что въ первую минуту ничего не чувствовали, кромѣ досады на небрежность слуги. Онъ былъ въ ливреѣ Борджіа и хотя лицо его показалось незнакомымъ Шарлоттѣ, но среди толкотни она не обратила на это особеннаго вниманія. Катарина съ своей стороны была убѣждена, что все случилось вслѣдствіе недоразумѣнія, которое разъяснится, какъ только она пріѣдетъ въ палаццо Лузиньянъ. Тѣмъ не менѣе она съ безпокойствомъ думала о Шарлоттѣ и съ нетерпѣніемъ ожидала, когда остановится экипажъ, такъ какъ по ея разсчету она должна была скоро пріѣхать. Но лошади быстро уносили ее изъ улицы въ улицу; наконецъ она замѣтила, что очутилась за воротами Рима, и что нѣсколько всадниковъ окружаютъ экипажъ. Паническій страхъ овладѣлъ ею; она невольно вспомнила о Чезаре Борджіа. Такой насильственный поступокъ былъ въ его характерѣ, а послѣ того, что Катарина слышала, ей нечего было ожидать, что онъ пощадитъ ея честь даже въ томъ случаѣ, еслибы ему было извѣстно ея настоящее имя.

Между тѣмъ, для Шарлотты де Лузиньянъ одна неожиданность слѣдовала за другой. Едва успѣла она опомниться послѣ отъѣзда Катарины Карнаро, какъ снова былъ поданъ экипажъ и передъ ней очутились знакомыя лица слугъ въ ливреѣ дома Борджіа; одинъ изъ нихъ почтительно открылъ дверцы экипажа, чтобы подсадить ее. Въ первую минуту Шарлотта обомлѣла отъ удивленія. Затѣмъ она стала распрашивать слугъ, и когда убѣдилась, что имъ ничего неизвѣстно, у ней явилась мучительная догадка, что ея подруга сдѣлалась жертвой насилія, такъ какъ подобныя случаи не составляли рѣдкости въ тѣ времена. Но похищеніе Катарины Карнаро не могло пройти незамѣченнымъ. Венеціанская республика несомнѣнно вступится за свою пріемную дочь и подвергнетъ строгой отвѣтственности всѣхъ лицъ, прямо или косвенно прикосновенныхъ къ дѣлу. Шарлотта не была труслива и много разъ въ своей жизни находилась въ крайне затруднительномъ положеніи, но въ настоящемъ случаѣ мужество совсѣмъ покинуло ее; она пожалѣла, что приняла участіе въ любовныхъ дѣлахъ неаполитанскаго принца и своей политической соперницы. Она была увѣрена, что можетъ принудить своихъ слугъ къ молчанію, но дѣло представлялось ей далеко не безопаснымъ. Хотя въ Венеціи строже наказывали за самый ничтожный государственный проступокъ, нежели величайшее преступленіе, нарушавшее законы общечеловѣческой нравственности, но теперь трудно было разсчитывать на снисходительность республики. Съ другой стороны, Шарлотту сильно безпокоила участь ея невѣстки, потому что Чезаре Борджіа, пре-

сытившись своей жертвой, могъ отстранить ее съ помощью яда или кинжала, какъ онъ дѣлалъ это во многихъ другихъ случаяхъ.

Съ этими мыслями Шарлотта поспѣшно поднялась на лѣстницу своего палаццо, такъ какъ у ней все еще оставалась слабая надежда застать Катарину. Но тутъ она узнала отъ слугъ, что маркиза Ципріани еще не возвращалась домой.

Между тѣмъ Катарина пришла въ полное отчаяніе, когда окончательно убѣдилась, что ее везутъ куда-то изъ Рима; она даже не знала въ какомъ направленіи, потому что наступившая темнота мѣшала разглядѣть окружающую мѣстность.

Экипажъ быстро катился по большой дорогѣ, несмотря на глубокія колеи и ухабы. Катарина знала, что на ея крики не будетъ обращено никакого вниманія, такъ какъ слуги въ этихъ случаяхъ буквально исполняютъ приказаніе своихъ господъ, и что, несмотря на сопротивленіе съ ея стороны, она все-таки будетъ доставлена въ то мѣсто, гдѣ ея ожидаютъ. Въ ея душѣ происходила борьба противорѣчивыхъ мыслей и ощущеній. По временамъ она была внѣ себя отъ гнѣва и рѣшалась бороться до послѣдней крайности съ силой отчаянія; но затѣмъ снова мужество покидало ее и она доходила до совершеннаго безсилія. Она проклинала себя и свою несчастную судьбу и почти готова была смотрѣть на свою любовь, какъ на тяжелый грѣхъ, потому что небо видимо не благопріятствовало ея союзу съ принцемъ и, быть можетъ, готовитъ ей теперь неминуемую гибель. Сообразно духу тогдашняго женскаго воспитанія, она возсылала молитвы къ небу и давала обѣтъ отказаться отъ своей привязанности, если Пресвятая Дѣва охранитъ ее и спасетъ отъ грозящей бѣды.

Среди этого хаоса мыслей она замѣтила, что экипажъ останоновился. Рѣшительная минута наступила; сердце ея усиленно билось; она едва не лишилась чувствъ отъ страха и безпокойства.

Каждая минута казалась ей вѣчностью; наконецъ дверцы экипажа открылись: и она едва повѣрила своимъ глазамъ, когда передъ ней очутилось знакомое лицо ея младшаго брата Ферранте-Карнаро.

Катарина все еще находилась подъ вліяніемъ мучившихъ ее опасеній, такъ что сначала не могла понять въ чемъ дѣло. Но Ферранте скоро привелъ ее къ сознанію дѣйствительности, объяснивъ ей, что рѣшился на ея похищеніе по приказанію Совѣта Десяти, и могъ выполнить его только благодаря содѣйствію венеціанскаго посольства въ Римѣ. Затѣмъ молодой Карнаро добавилъ, что ему велѣно, во что бы то ни стало доставить сестру въ Азоло, гдѣ ее будутъ охранять строже прежняго, чтобы отнять у нея всякую возможность дѣйствовать по собственному побужденію, безъ согласія республики.

Послѣ этой рѣчи Ферранте подалъ руку сестрѣ, чтобы помочь ей выйти изъ экипажа. Онъ ожидалъ, что Катарина осыплетъ его упреками и даже, быть можетъ, сдѣлаетъ попытку къ сопротивленію; поэтому онъ очень удивился, когда она съ радостнымъ восклицаніемъ: «Мой братъ!» бросилась къ нему на шею и начала громко рыдать.

Путешествіе продолжалось почти безъ остановки. За экипажемъ бывшей королевы слѣдовала ея свита, которая по распоряженію Ферранте была одновременно съ нею привезена изъ Рима. Но по прибытіи въ Азоло Катарина должна была немедленно отпустить своихъ вѣрныхъ слугъ, въ силу особеннаго приказанія венеціанской «Signoria», но при этомъ ей было объявлено въ видѣ утѣшенія, что они не подвергнутся никакому наказанію.

Шарлотта де Лузиньянъ въ тотъ же вечеръ была выведена изъ мучительной неизвѣстности письмомъ, которое ей было передано дворецкимъ. Ей сообщали, что венеціанскому сенату удалось узнать черезъ преданныхъ слугъ мѣстопребываніе бывшей кипрской королевы и что теперь велѣно отвезти ее въ Азоло съ почетомъ, подобающимъ ея сану. Но такъ какъ бѣгство Катарины Карнаро не имѣло никакихъ послѣдствій, то республика желаетъ предать дѣло забвенію. Въ заключеніе принцессѣ Лузиньянской совѣтовали хранить молчаніе въ виду ея собственныхъ интересовъ, потому что, въ противномъ случаѣ, она можетъ навлечь на себя непріятности, которыя помѣшаютъ ея дальнѣйшему пребыванію въ Римѣ.

Не смотря на оскорбительный тонъ письма, Шарлотта, прочитавъ его, вздохнула свободнѣе. Но въ то же время въ душѣ ея впервые проснулось сомнѣніе относительно возможности идти наперекоръ государственнымъ планамъ могущественной республики и добиться когда либо кипрской короны съ помощью интригъ.

Между тѣмъ, неаполитанскій принцъ Федериго, не получая никакихъ извѣстій изъ Рима, предавался сладкимъ мечтамъ. Несмотря на тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ онъ находился, образъ прекрасной Катарины Карнаро не покидалъ его. Между тѣмъ, французскій король изъявилъ желаніе видѣть его, и онъ, подъ прикрытіемъ вооруженной свиты, вступилъ во дворецъ, который столько лѣтъ принадлежалъ его фамиліи, чтобы вести переговоры съ побѣдителемъ.

Неаполь, одаренный всѣми благами южной природы, избыткомъ вина и прекрасныхъ плодовъ, расположилъ къ нѣгѣ и невоздержанію непривычныхъ чужестранцевъ, представляя для нихъ ежедневно новыя неиспытанныя наслажденія. Такая жизнь въ самомъ непродолжительномъ времени усыпительно подѣйствовала на французскаго короля и его войско и вызвала стремленіе къ скорѣйшему окончанію войны.

Карлъ VIII хотѣлъ принудить принца Федериго отказаться отъ всякихъ притязаній на неаполитанскую корону и предлагалъ ему взамѣнъ герцогство внутри Франціи.

Это предложеніе было въ высшей степени заманчиво для принца, такъ какъ давало ему надежду на исполненіе самыхъ завѣтныхъ желаній его сердца. Онъ такъ живо представилъ себѣ счастливую жизнь съ Катариной Карнаро въ своемъ новомъ герцогствѣ, что почти не обратилъ никакого вниманія на слова своихъ спутниковъ, которые умоляли его не отказываться отъ своихъ правъ на Неаполь. Онъ просилъ короля дать ему время на размышленіе и воспользовался имъ, чтобы послать гонца въ Римъ къ Шарлотѣ Лузиньянской.

Посланный вернулся съ лаконическимъ отвѣтомъ, что принцъ Федериго долженъ обратиться по своему дѣлу къ сенату Венеціянской республики.

Этотъ отвѣтъ былъ слишкомъ ясенъ для принца. Мысль, что Катарина страдаетъ изъ за любви къ нему и что, быть можетъ, Венеція наказала свою непокорную дочь строгимъ заключеніемъ, еще больше укрѣпила его рѣшимость принять предложеніе французскаго короля. Поэтому онъ отправилъ посольство къ венеціанскому сенату съ формальнымъ сватовствомъ и заявленіемъ, что онъ намѣренъ принять предложеніе Карла VIII и, если Венеція отдастъ ему руку Катарины Карнаро, то онъ немедленно отправится съ своей супругой въ новое герцогство.

Но во время войны событія совершаются быстрѣе, нежели когда либо. Въ Венеціи только что выбрали новаго дожа, и древняя церемонія его обрученія съ моремъ въ данный моментъ поглотила общее вниманіе и отодвинула всѣ дѣла на задній планъ.

Это празднество совершалось ежегодно въ день Вознесенія. Дожъ садился въ пышно убранную и разукрашенную галлеру «Bucentauro» и въ сопровожденіи иностранныхъ посланникахъ, при звукахъ музыки и привѣтственныхъ крикахъ безчисленной собравшейся толпы, выѣзжалъ въ Адріатическое море, гдѣ бросалъ въ воду золотое кольцо. Затѣмъ слѣдовали всевозможныя народныя увеселенія, служившія заключеніемъ этого торжественнаго дня, который считался однимъ изъ важнѣйшихъ праздниковъ республики.

Въ то время, какъ принцъ Федериго ожидалъ отвѣта изъ Венеціи, Карлъ VIII, потерявъ терпѣніе, приказалъ короновать себя неаполитанскимъ королемъ.

Наконецъ вернулось посольство изъ Венеціи съ отвѣтомъ отъ сената, который на отрѣзъ отказывалъ принцу въ рукѣ Катарины Карнаро. Вмѣстѣ съ тѣмъ получено было официальное извѣстіе, что по инициативѣ новаго дожа составилась лига изъ всѣхъ государствъ сѣверной Италіи, съ цѣлью изгнать изъ страны фран-

цузскаго короля и снова возстановить Аррагонскую династію на Неаполитанскомъ престолѣ.

Такимъ образомъ всѣ желанія и надежды двухъ любящихъ сердецъ были принесены въ жертву политическому разсчету. Италія рѣшилась соединить свои силы. Венеція заключила договоръ съ папой и испанскимъ правительствомъ; къ этому договору примкнули мелкія республики и герцогъ миланскій. Послѣдній пришелъ къ убѣжденію, что Италія, соединенная общимъ бѣдстьіемъ, предоставляла больше ручательствъ въ будущемъ, нежели французскій король, который давалъ много обѣщаній, но не выказывалъ ни малѣйшаго желанія привести ихъ въ исполненіе.

Мечта объ идиллическомъ счастьи съ Катариной среди осчастливленныхъ подданныхъ исчезла для принца Федериго, такъ какъ сила обстоятельствъ толкнула его на иной путь. Во всемъ Неаполитанскомъ королевствѣ со дня на день усиливалось недовольство противъ новаго французскаго правительства, тѣмъ болѣе, что Карлъ VIII роздалъ лучшія доходныя мѣста своимъ приближеннымъ и постоянно нарушалъ права мѣстнаго дворянства. Такимъ образомъ Федериго долженъ былъ заглушить въ себѣ всѣ личныя стремленія и посвятить свои силы будущности родины.

Венеція стояла во главѣ новой лиги и поэтому до тѣхъ поръ, пока непріятель не былъ изгнанъ изъ страны, принцъ Федериго не могъ идти на перекоръ могущественной республикѣ и выполнить какое либо предпріятіе безъ ея согласія.

Карлъ VIII былъ сильно встревоженъ доходившими до него слухами объ итальянской лигѣ, потому что непріятель, сосредоточивъ свои силы, могъ отрѣзать ему обратный путь, и онъ очутился бы съ войскомъ въ безвыходномъ положеніи. Въ виду этого, онъ долженъ былъ удалиться изъ Неаполя прежде, чѣмъ непріятель успѣетъ организовать свои войска и приготовить ихъ къ бою. Опасность была бы далеко не такъ велика, если бы германскій императоръ Максимиліанъ не обѣщалъ помощи своему зятю Лодовико Моро и испанскій король Фердинандъ Католикъ не примкнулъ къ лигѣ. Хотя папа, въ знакъ своего расположенія, послалъ въ подарокъ французскому королю золотую розу, но онъ видимо все болѣе и болѣе склонялся къ союзу съ остальными итальянскими государствами. При этихъ условіяхъ приходилось дорожить каждымъ днемъ, и Карлъ VIII, сталъ готовиться въ обратный путь.

Онъ оставилъ часть своего войска въ Неаполѣ и двинулся къ Риму. На этотъ разъ папа отказался отъ свиданія съ нимъ, такъ что кардиналъ Санта Анастазіа, архіепископъ Кентерберійскій, принималъ въ Ватиканѣ французскаго короля, который остался одинъ день въ Римѣ и поспѣшилъ въ Тоскану.

Однако Карлъ VIII, прежде чѣмъ покинуть Италію, принужденъ былъ дать единственную битву, ознаменовавшую его походъ.

Въ долинѣ Таро, близь Форнуово, въ томъ мѣстѣ, гдѣ горы постепенно понижаются къ Пармезанской равнинѣ, онъ встрѣтилъ союзныя войска, которыя было вчетверо сильнѣе его арміи и намѣрѣвались отрѣзать ему путь. Но онъ остался побѣдителемъ въ послѣдовавшемъ затѣмъ сраженіи, въ которомъ, по свидѣтельству историковъ, погибло не менѣе трехъ тысячъ итальянцевъ, между тѣмъ какъ французы потеряли всего около двухъ сотъ человѣкъ. Былъ одинъ моментъ, когда жизнь Карла VIII подвергалась большой опасности, но онъ пробился сквозь ряды непріятеля, который не рѣшился долѣе удерживать его.

Битва при Форнуовѣ прославила французскій способъ веденія войны и отразилась на ходѣ дальнѣйшихъ событій.

Со времени вступленія французовъ въ страну, во многихъ мѣстностяхъ Италіи проявилась чума, которая составляетъ неизбѣжное слѣдствіе скопленія большихъ массъ войска въ извѣстныхъ пунктахъ. Естественно, что въ болѣе значительныхъ городахъ эпидемія должна была свирѣпствовать съ особенной силой въ узкихъ и грязныхъ улицахъ, въ которыхъ были скучены евреи; но простой народъ по своему недомыслію приписалъ имъ все зло, смѣшавъ причину съ послѣдствіями. Къ этому присоединились грубыя страсти: ненависть къ евреямъ, зависть и алчность, которыя одновременно вызвали въ нѣсколькихъ мѣстахъ народныя возмущенія, ознаменованныя дикой жестокостью и сценами убійства и грабежа.

Знатные люди, лучше понимавшіе положеніе вещей, при первомъ появленіи чумы переѣзжали изъ многолюдныхъ городовъ въ свои помѣстья, гдѣ воздухъ былъ менѣе наполненъ міазмами. Страхъ заразы особенно господствовалъ при папскомъ дворѣ и послужилъ предлогомъ святому отцу и его окружающимъ, чтобы удалиться изъ Рима, вслѣдъ за извѣстіемъ о приближеніи Карла VIII.

Лукреція Борджіа воспользовалась общей боязнью чумы, чтобы вывести своего мужа изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ долженъ былъ снова очутиться при вторичномъ вступленіи французскаго короля въ Римъ. Папа Александръ находился всецѣло подъ вліяніемъ окружавшимъ его женщинъ; поэтому Лукреція обратилась къ ихъ помощи, чтобы достигнуть своей цѣли. Разсчетъ ея оказался вѣрнымъ, потому что самъ папа, въ виду чумы, приказалъ ей выѣхать изъ Рима, вмѣстѣ съ ея матерью Ваноццой, прекрасной Джуліей Фарнезе и синьорой Адріаной Орсини. Мужъ Лукреціи, Джьованни Сфорца, долженъ былъ сопровождать дамъ и оставаться въ Пезаро для ихъ охраны до новаго распоряженія.

Ваноцца Катанеи съ нѣкотораго времени опять принадлежала къ папскому придворному штату. Благодаря щедрости Александра VI, она была богатая женщина и не только владѣла нѣсколькими домами въ Римѣ, но и виноградниками въ окрестностяхъ. Она

обратилась въ величественную матрону, но все еще сохранила правильныя красивыя черты лица и огненные глаза чистокровной римлянки. Наученная тяжелой нравственной борьбой, какую ей пришлось вынести при разлукѣ съ отцомъ ея дѣтей, она трезвѣе смотрѣла на жизнь, нежели другія лица, стоявшія вблизи папы; и только ей одной удавалось иногда сдерживать дикій эгоизмъ Чезаре, властолюбіе котораго не знало границъ.

Всему Риму было извѣстно, что могущественный представитель Бога на землѣ, имѣвшій власть разрѣшать грѣхи людскіе, былъ рабомъ женщинъ, и по слабости къ своимъ дѣтямъ не только не видѣлъ ихъ недостатковъ, но до комизма восхищался ихъ достоинствами. Чезаре зналъ это и поставилъ себѣ задачей пріобрѣсти неограниченную власть надъ главой христіанскаго міра и возстановить его противъ своихъ меньшихъ братьевъ и сестры.

Лукреція принадлежала къ числу тѣхъ пассивныхъ натуръ, которыя умѣютъ приноравливаться ко всѣмъ положеніямъ жизни. Послѣ своего замужества она провела цѣлый годъ въ Пезаро съ своимъ мужемъ, и теперь съ радостью вернулась къ прежней скромной обстановкѣ. Но Ваноцца, синьора Адріана и въ особенности Джулія Фарнезе скучали въ уединеніи и придумывали различныя удовольствія, не всегда доступныя для нихъ въ Римѣ, при ихъ общественномъ положеніи. Хотя онѣ ежедневно слушали обѣдню и исполняли всѣ обряды, предписанные церковью, но тѣмъ не менѣе позволили себѣ однажды, въ видѣ развлеченія, отступить отъ правилъ строгаго благочестія, чтобы заплатить дань самому грубому суевѣрію.

Онѣ слышали отъ прислуги о существованіи старой колдуньи, жившей за городомъ, и рѣшились отправиться къ ней, такъ какъ, несмотря на близость къ папѣ, подобно большинству женщинъ того времени, находили живой интересъ въ предсказаніяхъ, связанныхъ съ колдовствомъ. Предпріятіе могло увѣнчаться полнымъ успѣхомъ только въ томъ случаѣ, если колдунья не будетъ знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Поэтому придуманъ былъ слѣдующій планъ. Джулія Фарнезе была совершенно неизвѣстна въ Пезаро и должна была явиться къ колдуньи подъ видомъ знатной дамы, живущей въ одиночествѣ. Ваноцца, Адріана и Лукреція намѣревались сопровождать ее въ качествѣ служанокъ. Если бы Джьованни Сфорца вздумалъ отправиться вмѣстѣ съ ними, то онъ также обязанъ былъ взять на себя роль слуги прекрасной незнакомки.

Графъ Джьованни, чтобы угодить дамамъ, изъявилъ полную готовность сопутствовать имъ и обѣщалъ провести ихъ окольной дорогой къ старой колдуньѣ, которая устроила себѣ фантастическое убѣжище въ развалинахъ древняго храма. Здѣсь она, подобно Сивиллѣ, жила одна среди обширнаго поля; окрестные жители обык-

Обрученіе венеціянскаго дожа съ моремъ (по Г. Фогелю).

новенно избѣгали ее, но въ экстренныхъ случаяхъ обращались къ ней за совѣтомъ.

На Джуліи Фарнезе было надѣто платье изъ лиловаго бархата; она подобрала свои густые шелковистые волосы, доходившіе до земли, въ шелковую сѣтку съ золотыми блестками. Она ѣхала верхомъ. Графъ Сфорца сопровождалъ ее въ качествѣ конюха; такъ какъ всѣ мѣстные жители знали его въ лицо, то онъ изъ предосторожности привѣсилъ себѣ накладную бороду. Лукреція съ матерью и синьора Адріана шли сзади, переодѣтыя служанками.

Джулія Фарнезе была такъ неподражаема хороша въ своемъ богатомъ нарядѣ, что старая колдунья, едва взглянувъ на ея спутниковъ, обратила на нее особенное вниманіе и пригласила сѣсть. Затѣмъ она тщательно осмотрѣла ладони рукъ прекрасной синьоры, но не рѣшилась сказать, что либо непріятное. Ея слова, что Джулія замужемъ за знатнымъ человѣкомъ и любима другой, еще болѣе важной особой, согласовалось съ дѣйствительностью; и только предсказанія о будущей счастливой судьбѣ должны были быть приняты на вѣру. Между тѣмъ отъ вниманія старухи не ускользнуло, что остальныя дамы и графъ Джьованни перешептываются другъ съ другомъ и видимо насмѣхаются надъ ней.

Джулія выразила желаніе, чтобы колдунья предсказала будущность ея спутникамъ. Съ ними старуха не считала нужнымъ стѣсняться и говорила все, что ей приходило въ голову; нѣкоторыя изъ ея предсказаній подходили къ истинѣ, другія доказывали, что она несомнѣнно принимаетъ ихъ за прислугу знатной дамы.

Все это приключеніе кончилось бы смѣхомъ, если бы одно пророчество старой Сивиллы не нарушило общаго веселія. Когда Лукреція протянула ей свою руку, то она, разглядѣвъ линіи, сказала: «Эта рука подвергнетъ большой опасности того человѣка, кому она отдана». Затѣмъ она взяла руку графа Джьованни и, не подозрѣвая связи съ предъидущимъ предсказаніемъ, добавила: «Жена, избранная тобой, подвергнетъ твою жизнь опасности»!

Если бы старуха знала, что передъ нею подеста Пезаро съ своей супругой, то она врядъ ли рѣшилась бы на такія мрачныя предсказанія. Но теперь съ одной стороны она, быть можетъ, хотѣла отомстить мнимому слугѣ за его насмѣшливые взгляды, а съ другой усилить вѣру въ свое искусство, набросивъ нѣсколько мрачныхъ тѣней на розовыя, нарисованныя ею картины будущности.

Джулія щедро одарила старую Сивиллу за трудъ; затѣмъ все общество удалилось въ полномъ убѣжденіи, что она никогда не узнаетъ, кто посѣтилъ ее въ этотъ день.

Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, слова, сказанныя колдуньей Лукреціи и ея мужу, глубже запали въ сердце молодой женщины, нежели предполагали ея спутники. Съ этихъ поръ

въ ея воображеніи чаще прежняго сталъ рисоваться образъ ея старшаго брата; она съ ужасомъ думала о темныхъ слухахъ, ходившихъ въ городѣ о жестокости Чезаре, которому приписывали различныя случаи тайныхъ убійствъ. Впослѣдствіи она не разъ вспоминала съ содраганіемъ о таинственномъ предсказаніи, когда ея мужу грозила опасность отъ ея брата.

Остальныя три синьоры и графъ Джьованни скоро забыли болтовню колдуньи, такъ какъ считали все приключеніе забавой, которая могла занять ихъ не болѣе, какъ на одинъ день. Запасъ развлеченій въ Пезаро былъ невеликъ, хотя графъ Джьовани познакомилъ синьоръ съ знатными фамиліями въ окрестностяхъ и устраивалъ для нихъ различныя поѣздки; между прочимъ на виллу Imperiale и ко двору Урбино.

Герцогиня Урбино приняла съ большимъ почетомъ знатныхъ римлянокъ и, между прочимъ, представила имъ мальчика поразительной красоты, съ задумчивымъ взглядомъ и правильными чертами лица. Это былъ Рафаэль, сынъ живописца Санти, который уже ревностно занимался искусствомъ и заслужилъ милость герцога и его супруги удачными эскизами портретовъ и прелестными изображеніями мадоннъ.

Тишина уединенной жизни въ Пезаро была нарушена скорѣе, нежели можно было ожидать, тѣмъ болѣе, что послѣ удаленія Карла VIII въ верхнюю Италію и битвы при Форнуово, повидимому устранена была всякая возможность новыхъ столкновеній съ французскимъ королемъ. Папа сначала отправился въ Орвіэто, затѣмъ въ Перуджу, откуда былъ посланъ приказъ графу Джьованни пріѣхать съ дамами. Нѣсколько дней спустя, папа вернулся въ Римъ съ своей возлюбленной, Джуліей Фарнезе, ея предшественницей, Ваноццой, и синьирой Адріаной, а графъ Джьованни вернулся въ Пезаро.

Съ тѣхъ поръ, какъ миланскій герцогъ присоединился къ итальянской лигѣ и сталъ въ непріязненныя отношенія къ французскому королю, графъ Джьованни Сфорца могъ безъ колебанія поступить на службу лиги по предложенію Венеціи. Но вслѣдствіе распоряженія папы, сдѣланнаго вѣроятно по просьбѣ Лукреціи, онъ принужденъ былъ остаться еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Пезаро.

Война уже была почти окончена, когда графъ Сфорца получилъ дозволеніе отправиться въ армію, между тѣмъ какъ Лукреція уѣхала въ Римъ.

ГЛАВА XVI.

Божій судъ.

Быстрое удаленіе Карла VIII съ театра войны ни въ какомъ случаѣ не могло быть принято за доказательство его намѣренія очистить Неаполь; но тѣмъ не менѣе, это событіе, соотвѣтственно воспріимчивому характеру итальянцевъ, вызвало необыкновенное воодушевленіе во всей странѣ. Хотя подобное патріотическое рвеніе не всегда отличается устойчивостью, но въ первый моментъ оно во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ съ неудержимой силой. Венеція снова достигла своего высшаго могущества, какъ бы въ оправданіе сдѣланнаго о ней отзыва, что въ исторіи извѣстны только три великія республики: Спарта, Римъ и Венеція. Французскій полководецъ и историкъ, Филиппъ де-Комминъ, во время войны прибылъ въ качествѣ посланника въ Венецію, гдѣ провелъ восемь мѣсяцевъ. Онъ былъ посланъ сюда, чтобы склонить могущественную республику къ союзу съ Франціей или, по крайней мѣрѣ, къ соблюденію нейтралитета. Для достиженія этой цѣли онъ обѣщалъ отъ имени своего правительства предоставить различныя выгоды республикѣ, но осторожные венеціянцы не довѣряли этимъ обѣщаніямъ и съ самаго начала войны сомнѣвались въ успѣхѣ предпріятія французскаго короля. Равнымъ образомъ отвергнуты были предложенія неаполитанскаго наслѣднаго принца Альфонса и султана Баязета, такъ какъ Венеція не хотѣла принимать никакого участія въ войнѣ. Но послѣ занятія Рима французскими войсками, когда явилось опасеніе, что король заключитъ договоръ съ безсовѣстнымъ Александромъ VI, Венеція рѣшилась составить лигу.

Главнымъ поводомъ разрыва миланскаго герцога съ французскимъ королемъ послужило то обстоятельство, что Карлъ VIII отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ возстановить фамилію Медичи во Флоренціи. Вслѣдъ затѣмъ Лодовико-Моро вступилъ въ соглашеніе съ своемъ зятемъ Максимиліаномъ и собралъ многочисленное войско въ Германіи, такъ что положеніе французовъ становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Карлъ VIII рѣшился наконецъ оставить Неаполь и поспѣшилъ черезъ Римъ въ Тоскану, гдѣ къ нему былъ высланъ Саванарола, чтобы отклонить его отъ насильственныхъ мѣръ противъ Флоренціи. Настоятель Санъ-Марко смѣло явился передъ королемъ и, ссылаясь на божественный авторитетъ, предсказывалъ, что надъ нимъ разразится небесная кара за его поведеніе въ Италіи. Въ заключеніе онъ упрекалъ Карла VIII, что онъ, несмотря на прежнее, сдѣланное ему предостереженіе, не измѣнилъ своихъ намѣреній и не направилъ своего меча противъ невѣрныхъ, а также не достаточно преслѣдовалъ безпорядки, произведенныя его арміей въ Италіи.

Король, послѣ битвы при Форнуово, расположился съ своимъ войскомъ въ Мантуѣ, но здѣсь онъ получилъ печальное извѣстіе, что его сынъ, недавно родившійся у Анны Бретанской, внезапно умеръ. Этотъ случай придалъ особенный вѣсъ угрозамъ и предсказаніямъ Саванаролы и снова усилилъ значеніе настоятеля у большинства публики. Король былъ настолько пораженъ смертью сына, разрушившей его надежны, что будущность стала представляться ему въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ виду этого, онъ рѣшился по возможности ускорить свое возвращеніе на родину.

Чезаре Борджіа былъ снова на свободѣ, потому что уже давно прошелъ срокъ его пребыванія въ арміи короля въ качествѣ заложника. Честолюбіе и жажда наслажденій играли первую роль въ его жизни, чему въ значительной степени способствовали условія, при которыхъ развивался его характеръ. Хотя онъ воспитывался, какъ сыновья владѣтельныхъ домовъ, и былъ окруженъ такой же роскошью и подобострастіемъ, но ему было извѣстно съ ранняго дѣтства, что его существованіе не признано закономъ. Онъ былъ сынъ человѣка, который хотя считался представителемъ Бога на землѣ и пользовался безграничной властью надъ думами и совѣстью людей, но въ то же время не имѣлъ права оставить что либо по завѣщанію своему сыну. Если Чезаре хотѣлъ утвердить за собой общественное положеніе, которое онъ занималъ сообразно своему воспитанію и желанію отца, то долженъ былъ пользоваться всѣми доступными для него средствами. Многое уяснилось для него, благодаря послѣднимъ военнымъ событіямъ. Шаткость политическихъ отношеній вела къ полной неопредѣленности правъ отдѣльныхъ лицъ. Чезаре зналъ, что онъ можетъ удержаться на мѣстѣ только въ томъ случаѣ, если въ его рукахъ будетъ власть, и онъ нераз-

рывно свяжетъ свою судьбу съ какимъ либо могущественнымъ лицомъ. Для достиженія этой цѣли онъ могъ воспользоваться вліяніемъ своего отца. Ядъ и кинжалъ должны были устранить всякаго, кто отважился бы помѣшать исполненію плановъ Чезаре, который не стѣснялся никакими соображеніями въ примѣненіи избраннаго имъ способа дѣйствій.

Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на окружающихъ лицъ, которыя наравнѣ съ нимъ пользовались милостью папы. Изъ нихъ первое мѣсто занимали его два брата: донъ Хуанъ, герцогъ Гандія, женатый на дочери одного испанскаго гранда, и донъ Джоффре, который, благодаря своей женитьбѣ на побочной дочери неаполитанскаго наслѣдника, получилъ титулъ принца Сквиллаче. Затѣмъ виднуую роль при папскомъ дворѣ играла его сестра Лукреція, супруга герцога Джьованни Сфорца, владѣтельница многочисленныхъ помѣстій, полученныхъ ею отъ отца. Самъ Чезаре былъ назначенъ папой на церковную должность, но онъ стремился къ свѣтскому господству. Съ этой цѣлью онъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ папской власти съ знатными римскими фамиліями и надѣялся рано или поздно присвоить себѣ Романью. Онъ хотѣлъ отстранить Колонна и Орсини и заступить ихъ мѣсто въ качествѣ полновластнаго властелина. Чтобы провести этотъ планъ, ему необходима была полная свобода дѣйствій и исключительная милость папы или, вѣрнѣе сказать, полное господство надъ нимъ; а при сластолюбіи Александра VI это могло быть достигнуто только съ помощью женщинъ. Поэтому Чезаре долженъ былъ заручиться расположеніемъ Джуліи и Адріаны, что не было особенно трудно для него при его ловкости и представительной наружности.

Хотя Лукреція по своему легкомысленному характеру не въ состояніи была непосредственно способствовать выполненію его плановъ, но еслибы она была супругой владѣтельнаго лица, то могла бы быть для него полезной и могущественной союзницей. Чезаре относился съ пренебреженіемъ къ Джьованни Сфорца, который въ его глазахъ былъ такъ же ничтоженъ, какъ любой изъ офицеровъ папской арміи. По его мнѣнію Лукреція при своей красотѣ и родству съ папой, могла безусловно сдѣлать болѣе блестящую партію.

Къ пасхѣ вся семья Борджіа собралась въ Римъ. Мужъ Лукреціи также счелъ долгомъ явиться. Насколько папскій дворъ не считалъ нужнымъ обращать вниманіе на общественное мнѣніе, доказываетъ тотъ фактъ, что во время праздничной церемоніи въ соборѣ Св. Петра, Джьованни Сфорца, Чезаре Борджіа и герцогъ Гандія занимали первое мѣсто, какъ высшіе сановники папскаго двора, и приняли пальмовую вѣтвь изъ рукъ святаго отца. Принцъ Джоффре въ это время лежалъ больной отъ раны, полученной въ неудачной стычкѣ противъ Орсини. Жена его, герцогиня Гандія, Лукреція и три женщины, находившіяся неотлучно при Але-

ксандрѣ VI, сидѣли на мѣстахъ, которыя обыкновенно занимали кардиналы, что возбудило сильный ропотъ среди собравшагося народа.

Чезаре рѣшился отдѣлаться отъ своего зятя Джьованни во время пасхальныхъ празднествъ.

Разъ вечеромъ, камердинеръ графа Джьованни находился въ комнатѣ Лукреціи, когда ей доложили о прибытіи Чезаре Борджіа. Лукреція, зная насколько онъ нерасположенъ къ ея мужу, приказала камердинеру спрятаться за портьерой.

Чезаре, съ свойственнымъ ему цинизмомъ, откровенно сообщилъ сестрѣ о своихъ планахъ относительно ея будущности и объявилъ ей, что Джьованни Сфорца долженъ умереть въ самомъ непродолжительномъ времени.

Когда Чезаре удалился, Лукреція подозвала камердинера и сказала:

— Ты слышалъ все! Бѣги къ своему господину и сообщи объ ихъ рѣшеніи. Напомни ему о предсказаніи колдуньи въ Пезаро и передай, что я умоляю его искать спасенія въ бѣгствѣ...

Камердинеръ въ точности исполнилъ это приказаніе и вмѣстѣ съ другими слугами немедленно занялся приготовленіями къ бѣгству своего господина. Вслѣдъ за тѣмъ, графъ Джьованни удалился изъ Ватикана, подъ предлогомъ посѣщенія церкви San Onofrio, и, найдя въ назначенномъ мѣстѣ приготовленныхъ для него лошадей, сѣлъ на своего лучшаго турецкаго коня и ускакалъ во весь опоръ изъ Рима. Черезъ двадцать четыре часа онъ уже былъ въ Пезаро, но конь палъ подъ нимъ.

Бѣгство графа Сфорца привело въ бѣшенство Чезаре Борджіа, который хотѣлъ воспользоваться его смертью, чтобы немедленно распорядиться рукой сестры по своему усмотрѣнію. Но такъ какъ онъ никогда не останавливался ни передъ какими препятствіями для достиженія своихъ цѣлей, то онъ принудилъ Лукрецію къ скандальному процессу о разводѣ, исходъ котораго зависѣлъ отъ папы.

Это событіе, быть можетъ, было первой причиной неблаговидныхъ слуховъ, которые распространились тогда о Лукреціи. Фактъ былъ на лицо, но его мотивы оставались скрытыми для публики. Извѣстно было, что папа постоянно окруженъ женщинами, которыя господствуютъ надъ нимъ, и что Джьованни Сфорца едва спасся отъ смерти, угрожавшей ему въ Ватиканѣ, между тѣмъ, какъ Лукреція оставалась въ Римѣ. Всѣ глубоко ненавидѣли Борджіевъ; тѣмъ не менѣе, верховная власть была въ ихъ рукахъ, и, кромѣ смѣлаго доминиканскаго монаха во Флоренціи, никто не осмѣливался открыто нападать на глубокую испорченность нравовъ при папскомъ дворѣ. Но тѣмъ больше распространились сплетни, усиленныя завистью и желаніемъ большинства отомстить хотя этимъ

способомъ за свое безсиліе. Такимъ образомъ, клевета впервые запятнала имя Лукреціи, приписывая ей различныя небывалыя преступленія.

Трудно сказать въ настоящее время за неимѣніемъ точныхъ извѣстій, что побудило тогда Лукрецію удалиться въ женскій монастырь San Sisto близъ Via Appia. Неизвѣстно, способствовали ли этому ходившіе о ней слухи или ее насильственно послалъ туда папа, по внушенію Чезаре, такъ какъ она отказалась принять участіе въ постыдныхъ интригахъ, съ помощью которыхъ хотѣли расторгнуть ея бракъ съ Джьованни Сфорца. Какъ мы упоминали не разъ, въ тѣ времена монастырями часто пользовались въ тѣхъ случаяхъ, когда другія понудительныя средства оказывались безуспѣшными.

Вскорѣ послѣ того, въ семействѣ Борджіа совершилось трагическое событіе, а именно убійство донъ-Хуана, герцога Гандія. Папа Александръ особенно любилъ этого сына и даже мечталъ о томъ, чтобы какимъ нибудь способомъ добыть ему неаполитанскую корону. Разъ вечеромъ, Ваноцца устроила для своихъ сыновей и близкихъ родныхъ семейное празднество на своей виллѣ, расположенной среди виноградниковъ у Санъ-Пьетро въ Винколи. Въ эту же ночь донъ-Хуанъ исчезъ безслѣдно, но три дня спустя тѣло его было найдено въ Тибрѣ. Онъ вышелъ изъ виллы своей матери одновременно съ другими гостями съ намѣреніемъ отправиться домой. Общественное мнѣніе тотчасъ же приписало Чезаре убійство роднаго брата; но онъ уговорилъ папу оставить злодѣяніе безъ всякихъ послѣдствій. Съ этого времени, Александръ VI болѣе чѣмъ когда нибудь сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своего преступнаго сына и долженъ былъ потворствовать всѣмъ его предпріятіямъ. Такимъ образомъ, Чезаре Борджіа шелъ шагъ за шагомъ по пути злодѣяній, на который онъ выступилъ съ такимъ неслыханнымъ успѣхомъ. Его необыкновенная сила, въ соединеніи съ мужествомъ и свойственной ему проницательностью, внушали къ нему общій страхъ.

Чезаре не считалъ нужнымъ скрывать долѣе свои честолюбивые планы. Папа по его внушенію послалъ довѣренныхъ лицъ въ Неаполь для переговоровъ относительно брака своего сына Чезаре съ сестрой принца Федериго. Въ то же время, онъ велѣлъ предложить самому принцу руку Лукреціи, которая властью его святѣйшества должна быть разведена съ графомъ Сфорца.

Но Федериго не далъ своего согласія, равно и неаполитанская принцесса отвѣтила рѣзкимъ отказомъ на предложеніе папы.

Послѣ удаленія французовъ, принцъ Федериго сдѣлался правителемъ Неаполя. Но его положеніе казалось настолько шаткимъ, что папская партія въ Римѣ разсчитывала на скорый переворотъ

и связывала съ этимъ смѣлую надежду посадить Чезаре Борджіа на неаполитанскій престолъ.

Хотя неопредѣленная будущность и чрезмѣрное честолюбіе въ связи съ дурными наклонностями и глубокой нравственной испорченностью побуждали Чезаре къ самымъ ужаснымъ злодѣяніямъ, но въ своей частной жизни онъ ничѣмъ не отличался отъ знатныхъ людей своего времени. Онъ не только интересовался рыцарскими упражненіями, травлей звѣрей и боями быковъ, но разыгрывалъ роль Мецената, выказывалъ любовь къ наукѣ и искусству, и, по примѣру своихъ современниковъ, покровительствовалъ выдающимся ученымъ и художникамъ.

Лукреція Борджіа.

Онъ слышалъ отъ кардинала Джьованни Пацци, брата миланской герцогини, о разнообразныхъ талантахъ Леонарда да-Винчи, который въ это время уже пользовался большой извѣстностью, какъ живописецъ, скульпторъ, инженеръ и музыкантъ. Леонардо по его приглашенію пріѣхалъ въ Римъ, и такъ какъ онъ былъ не только многостороннимъ ученымъ и художникомъ, но въ высшей степени пріятнымъ собесѣдникомъ, то Чезаре рѣшилъ удержать его при себѣ, поручалъ ему планы крѣпостей, проэкты мостовъ и другія работы. Леонардо, съ своей стороны, охотно разстался съ Флоренціей, гдѣ ему было непріятно оставаться по многимъ причинамъ. Хотя его любовь къ Маріи Пацци скорѣе походила на дружбу, но

онъ почувствовалъ себя совершенно одинокимъ послѣ ея отъѣзда въ Миланъ; ему казалось, что воспоминаніе о ней будетъ меньше томить его среди новой обстановки и въ другой сферѣ дѣятельности. Марія Пацци была недоступна для него; онъ зналъ это съ первой минуты ихъ встрѣчи и полюбилъ ее той чистой идеальной любовью, на какую способны только исключительныя, богато одаренныя натуры. Она была путеводной звѣздой его внутренней жизни; онъ мысленно обращался къ ней въ трудныя минуты и искалъ утѣшеніе и отраду.

Дѣятельность Саванаролы во Флоренціи неблагопріятно отразилась на творчествѣ и на общественномъ положеніи художниковъ. Любовь къ картинамъ и скульптурнымъ произведеніямъ считалась теперь непозволительною роскошью и не подходила къ серьезному направленію, которое было введено во Флоренціи проповѣдями Саванаролы. Хотя Пьетро Медичи въ умственномъ отношеніи имѣлъ мало общаго съ своимъ отцомъ и предпочиталъ роскошь въ одеждѣ и блестящую обстановку всѣмъ сокровищамъ искусства, но у художниковъ сохранилось воспоминаніе о щедрости и высокомъ артистическомъ пониманіи знаменитаго Лоренцо. Поэтому всѣ они болѣе или менѣе были приверженцами изгнанныхъ Медичисовъ.

Кромѣ Леонардо да-Винчи, изъ Флоренціи прибылъ въ Римъ другой молодой художникъ, который еще раньше покинулъ отечественный городъ, когда смерть лишила его могущественнаго покровителя въ лицѣ Лоренцо Медичи. Это былъ Микель Анджело. Онъ не могъ поладить съ сыномъ Лоренцо, такъ какъ однажды, когда выпалъ обильный снѣгъ, Пьетро поручилъ великому художнику сдѣлать снѣжную статую на дворѣ палаццо Медичи. Въ это время Микель Анджело работалъ надъ статуей Геркулеса, имѣвшей около четырехъ футовъ высоты и началъ распятіе въ натуральную величину для настоятеля монастыря San Spirito, въ благодарность за данное имъ тайное дозволеніе заниматься анатоміей надъ трупами бѣдняковъ умершихъ въ госпиталѣ.

Послѣ своей ссоры съ Пьетро Медичи, Микель Анджело переселился изъ палаццо Медичи въ домъ своего отца, но не долго прожилъ здѣсь и съ двумя товарищами отправился въ Венецію. У юношей не достало денегъ на дорогу; кромѣ того ихъ задержали у воротъ Болоньи за отказъ явиться къ начальству. Знаменитый болонскій гражданинъ Джіанфранческо Альдобранди освободилъ Микель Анджело и взялъ его къ себѣ подъ свою отвѣтственность. Все время, пока продолжалась война, Микель Анджело прожилъ у этого ревностнаго поклонника искусства, которому онъ читалъ по вечерамъ Данте, Петрарку и Бокаччіо. Благодаря Альдобранди молодому флорентинцу поручено было сдѣлать Ангела у гроба св. Доминика. Этотъ выгодный заказъ возбудилъ зависть болонскихъ художниковъ, которые дѣлали столько непріятностей своему со-

пернику, что онъ вернулся въ родной городъ. Черезъ годъ Микель Анджело отправился въ Римъ.

Въ это время въ Италіи ревностно занимались раскопками, тѣмъ болѣе, что продажа художественныхъ произведеній античнаго міра приносила огромныя выгоды. Но случалось нерѣдко, что на ряду съ драгоцѣнными сокровищами искусства покупались по высокой цѣнѣ вещи низкаго достоинства. Между тѣмъ пріобрѣтеніе древнихъ скульптурныхъ произведеній считалось признакомъ хорошаго тона и вошло въ моду. Микель Анджело сдѣлалъ изъ мрамора восхитительнаго спящаго амура и по совѣту одного пріятеля придалъ своему изваянію видъ античнаго произведенія вырытаго изъ земли. Статуя была отправлена въ Римъ къ извѣстному Балтазару, который продалъ ее кардиналу Юлію Ровере. Ловкій торговецъ обманулъ при этомъ не только покупателя, но и художника, такъ какъ изъ двухъ сотъ дукатовъ полученныхъ за статую выслалъ ему только тридцать. Обманъ скоро обнаружился; Микель Анджело отправился въ Римъ, чтобы взыскать остальную сумму съ Балтазара. Несмотря на рекомендательныя письма, онъ встрѣтилъ не особенно ласковый пріемъ при папскомъ дворѣ, потому что кардиналъ Ровере, разочарованный въ своей покупкѣ, не успокоился до тѣхъ поръ, пока ему не возвратили всѣхъ денегъ, выданныхъ имъ за мнимую античную статую.

Между тѣмъ Италія уже успѣла отдохнуть отъ послѣдствій войны; и другіе интересы выступили на первый планъ. Герцогъ миланскій, убѣдившись въ невозможности возстановить во Флоренціи власть своего союзника, Пьетро Медичи, обратилъ весь свой гнѣвъ на смѣлаго доминиканца, который управлялъ республикой согласно своимъ взглядамъ. Въ Римѣ врядъ-ли рѣшились бы начать непріязненныя дѣйствія противъ Саванаролы, еслибы Лодовико Моро, при посредствѣ своего родственника, кардинала Асканіо Сфорца, не понудилъ папу къ болѣе строгимъ мѣрамъ. Кардиналъ передалъ Александру VI письмо герцога, а равно и прежнее посланіе настоятеля Санъ Марко къ французскому королю, послѣ чего распря Саванаролы съ папой обратилась въ открытую и ожесточенную борьбу.

Въ общественной жизни флорентинцевъ произошло не мало различнѣхъ улучшеній, благодаря вниманію Саванаролы; его имя произносилось съ благодарностью въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о водвореніи порядка и примѣненіи строгой кары. Но радость и веселіе исчезли безслѣдно. Тѣ изъ художниковъ, которые остались въ городѣ, изображали только мрачные сюжеты въ своихъ картинахъ, такъ что въ этомъ отношеніи даже самые снисходительные люди не могли не упрекнуть въ односторонности суроваго реформатора.

Мать и сестра Саванаролы все еще жили во Флоренціи, гдѣ ихъ удерживало гостепріимство его сторонниковъ. Беатриче не

прерывала сношеній съ монахинями монастыря св. Анунціаты и время отъ времени бывала у нихъ, хотя знала, что мать не одобряетъ этихъ посѣщеній. Всякій разъ она возвращалась оттуда съ неблагопріятными вѣстями о братѣ, чѣмъ поддерживалось ея собственное недовольство противъ него. Она не въ состояніи была понять безкорыстной материнской любви Анны къ своему сыну; ей не нравилось, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на своихъ родныхъ и идетъ по избранному имъ опасному пути, не заботясь о томъ, что приноситъ этимъ вредъ своей семьѣ.

Однажды Беатриче вернулась изъ монастыря св. Анунціаты съ извѣстіемъ, что Александръ VI приказалъ монахамъ Санъ Марко убѣдить своего настоятеля, чтобы онъ покаялся и прекратилъ враждебныя дѣйствія противъ папскаго престола. Одновременно съ этимъ францисканцамъ поручено было проповѣдывать съ возможнымъ рвеніемъ противъ Саванаролы и объяснить народу, что онъ придерживается еретическихъ взглядовъ. Ходили слухи, что самъ Саванарола получилъ изъ Рима строгое повелѣніе воздерживаться отъ публичныхъ проповѣдей подъ угрозой отлученія отъ церкви.

Всѣ эти извѣстія сильно встревожили Анну; она съ безпокойствомъ ожидала слѣдующаго воскресенья, чтобы убѣдиться: дѣйствительно-ли Джироламо лишенъ права говорить проповѣди въ соборѣ.

То, что ей пришлось пережить въ этотъ день, составляло полную противоположность съ тѣми восторженными оваціями ея сыну, при которыхъ она присутствовала столько разъ по пріѣздѣ во Флоренцію.

По окончаніи обѣдни Джироламо выступилъ впередъ въ полномъ облаченіи настоятеля доминиканскаго монастыря чтобы взойти на кафедру. Но едва онъ поднялся по ступенямъ, какъ отступилъ назадъ съ видомъ глубокаго отвращенія, такъ какъ менѣе всего могъ ожидать такой грубой и возмутительной выходки отъ своихъ враговъ. На каѳедрѣ, которая столько времени была мѣстомъ его одушевленной дѣятельности, положена была дохлая собака, слегка прикрытая соломой. Джироламо медленно сошелъ съ каѳедры и, стоя передъ алтаремъ, началъ свою проповѣдь. Но его противники воспользовались волненіемъ, которое произошло въ церкви, и ежеминутно прерывали рѣчь проповѣдника насмѣшливыми восклицаціями, приглашая слушателей выгнать его изъ города и предать постыдной смерти.

Саванарола казался спокойнымъ и сохранилъ полное самообладаніе. Но шумъ былъ настолько великъ, что онъ напрасно употреблялъ всѣ усилія, чтобы заставить слушать себя. Наконецъ, потерявъ всякую надежду на водвореніе тишины, онъ долженъ былъ выйти изъ церкви.

Это была минута горькаго испытанія. Онъ не принадлежалъ къ знати по своему происхожденію; до сихъ поръ только власти отно-

сились къ нему съ недовѣріемъ, между тѣмъ, какъ народная толпа была на его сторонѣ и никогда не сомнѣвалась въ чистотѣ его намѣреній. Но теперь онъ былъ оскорбленъ самымъ недостойнымъ образомъ въ присутствіи этой самой толпы и не могъ сказать ни единаго слова въ свое оправданіе.

Когда онъ вышелъ на паперть, къ нему подошла Анна и съ глазами, полными слезъ, убѣждала сына не подвергать свою жизнь опасности и уѣхать изъ Флоренціи, потому что враги не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не погубятъ его.

Но Джироламо тихо отстранилъ ее рукой со словами:

— Они могутъ погубить тѣло, но не духъ. Ты должна радоваться, если сыну твоему суждено умереть и остаться вѣрнымъ призванію, для котораго Господь облекъ безсмертную душу въ эту бренную оболочку.

Анна замолчала, преклоняясь передъ душевнымъ величіемъ, которое выражалось въ этихъ словахъ, хотя сердце ея обливалось кровью за сына. Она напрасно искала утѣшенія въ бесѣдѣ съ своей дочерью Беатриче, которая, подобно многимъ посредственнымъ натурамъ, повторяла съ увѣренностью, что она все предвидѣла заранѣе и не столько сокрушалось о судьбѣ Джироламо, какъ о неловкомъ положеніи его родныхъ. Несчастная мать, не находя поддержки въ своей дочери, долго не знала на что рѣшиться и что предпринять для спасенія Джироламо. Наконецъ, когда до нея стали доходить все болѣе и болѣе тревожные слухи, ей пришло въ голову обратиться за совѣтомъ и помощью къ своему сыну Марко Аврелію, который по прежнему жилъ въ доминиканскомъ монастырѣ въ Болоньи. Она втайнѣ послала къ нему гонца съ письмомъ, въ которомъ умоляла его пріѣхать во Флоренцію, чтобы спасти брата, или по крайней мѣрѣ утѣшить ее въ горѣ.

Слава Саванаролы разнеслась по всѣмъ монастырямъ, и доминиканцы считали для себя честью, что онъ принадлежитъ къ ихъ ордену. Поэтому Марку Аврелію не трудно было получить дозволеніе отъ своего начальства отправиться во Флоренцію. Онъ пріѣхалъ сюда передъ самымъ Рождествомъ и былъ съ радостью принятъ настоятелемъ монастыря Санъ Марко.

Для Анны было большимъ утѣшеніемъ, что она могла говорить съ младшимъ сыномъ о своей душевной тревогѣ и обращаться къ его помощи, когда Беатриче позволяла себѣ слишкомъ гнѣвныя выходки противъ своего брата.

Марко Аврелій былъ такимъ же горячимъ поклонникомъ настоятеля Санъ Марко, какъ большинство монаховъ его монастыря. Взглядъ его не измѣнился и тогда, когда изъ Рима прислано было формальное отлученіе отъ церкви, которое читалось францисканскими монахами во всѣхъ церквахъ Флоренціи съ колокольнымъ

звономъ, и по которому Саванарола лишался всякаго покровительства законовъ.

Само собой разумѣется, что отлученіе отъ церкви настоятеля произвело сильное волненіе въ монастырѣ Санъ Марко, монахи знали, что подобный приговоръ имѣлъ весьма серіозное значеніе и былъ торжественно постановленъ всей коллегіей кардиналовъ.

Церемонія отлученія отъ церкви происходила въ Ватиканѣ. Папа сидѣлъ на тронѣ, стоявшемъ на возвышеніи, подъ балдахиномъ изъ краснаго бархата, богато украшеннымъ золотомъ. Ступенью ниже, на низкихъ табуретахъ, помѣщались кардиналы въ пурпуровыхъ одѣяніяхъ, затѣмъ большимъ полукругомъ сидѣли епископы и прелаты, которыхъ можно было отличить по краснымъ и фіолетовымъ клобукамъ. По рединѣ, направо отъ трона, поставленъ былъ столъ, покрытый чернымъ сукномъ, для аудиторовъ, т. е. для членовъ и засѣдателей священнаго судилища, во главѣ которыхъ былъ президентъ. Напротивъ стоялъ такой же столъ для прокурора и третій для защитника.

Саванарола живо представилъ себѣ всю эту сцену при первомъ извѣстіи о постигшемъ его приговорѣ, затѣмъ онъ невольно задумался надъ послѣдствіями. Онъ зналъ, что враги его употребятъ всѣ усилія чтобы возстановить противъ него народъ, и поэтому не оставался въ бездѣйствіи. Прежде всего ему необходимо было убѣдиться въ преданности монаховъ Санъ Марко. Въ одну ясную, звѣздную ночь, онъ собралъ ихъ въ церкви, и, когда имъ были розданы факела, онъ вышелъ вмѣстѣ съ ними на монастырскій дворъ. Здѣсь онъ всталъ подъ большимъ кустомъ розъ, гдѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ говорилъ проповѣди среди своихъ приверженцевъ. Монахи расположились около него полукругомъ; онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, которой снова возбудилъ въ ихъ сердцахъ самую горячую преданность къ себѣ. Каждый готовъ былъ въ эту минуту пожертвовать для него жизнью, но всего больше ратовали за своего настоятеля его неизмѣнные приверженцы: Сильвестро Маруффи и молодой Донато Руффоли. Они предложили остальнымъ монахамъ принести торжественную клятву раздѣлить участь Саванаролы, хотя бы имъ пришлось изъ-за этого подвергнуться мученической смерти. Саванарола замѣтилъ, что не всѣ монахи участвовали въ клятвѣ, но старался утѣшить себя мыслью, что большинство монаховъ Санъ Марко на его сторонѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ флорентинская «Signoria» примкнула къ лигѣ противъ Франціи, она употребляла всѣ усилія, чтобы поддержать хорошія отношенія съ папой. Поэтому хотя она сдѣлала попытку оправдать письменно Саванаролу въ глазахъ его святѣйшества, но въ то же время потребовала отъ настоятеля монастыря Санъ Марко, чтобы онъ прекратилъ свои проповѣди.

Екатерина II верхомъ, во главѣ войскъ 29 іюля 1762 года.

Съ картины, находящейся въ Эрмитажѣ. Гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

Дозв. цензурою. Спб., 27 августа 1884 г. Типографія А. С. Суворина.

ЭТНОГРАФЪ-БЕЛЛЕТРИСТЪ.

И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

Лермонтовъ.

АСТЬ ЛѢТА 1883 года я провелъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, занимаясь разборкою бумагъ, оставшихся послѣ Павла Ивановича Мельникова, скончавшагося за полгода передъ тѣмъ. Помѣстивъ тогда въ газетѣ «Новое Время» свои воспоминанія о нашихъ взаимныхъ съ нимъ отношеніяхъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, я задался цѣлью пополнить то, что вынесъ изъ знакомства съ подобнымъ выдающимся талантомъ въ нашей литературѣ, и такимъ образомъ составить очеркъ его жизни на основаніи тѣхъ документовъ, замѣтокъ, записокъ, которые окажутся въ его бумагахъ. Для осуществленія этого намѣренія я обратился къ вдовѣ покойнаго, Еленѣ Андреевнѣ Мельниковой, и встрѣтилъ съ ея стороны всевозможное содѣйствіе и самое предупредительное вниманіе.

Въ бумагахъ П. И. Мельникова я нашелъ богатый, разнообразный матеріалъ для его жизнеописанія, но не объясняющій съ одинаковою точностью всѣ періоды его дѣятельности. На основаніи найденныхъ мною данныхъ, нѣкоторые изъ нихъ могли быть изображены подробнѣе, чѣмъ остальные; но въ общемъ, по моему мнѣнію, можетъ быть и ошибочному, все таки является довольно полная картина неутомимой работы этого даровитаго человѣка на разныхъ поприщахъ. Читатель увидитъ, что, измѣняя характеръ своей дѣятельности въ разные годы своей жизни, Мельниковъ ока-

зывается и выдающимся археологомъ, и обращавшимъ на себя вниманіе учителемъ, подготовившимъ замѣчательныхъ историковъ, дѣятельнымъ, умнымъ, находчивымъ, расторопнымъ чиновникомъ, первымъ знатокомъ раскола, убѣждавшимъ «древлеправославныхъ» своимъ знаніемъ каноническаго права, своеобразнымъ беллетристомъ, наконецъ, завершившимъ свой жизненный путь созданіемъ двухъ первоклассныхъ бытовыхъ романовъ, въ которыхъ онъ вылился замѣчательнымъ художникомъ-этнографомъ.

Въ бумагахъ Мельникова я нашелъ, между прочимъ, начатыя имъ самимъ описанія нѣкоторыхъ годовъ своей жизни. Отыскалъ я также дневникъ, который онъ началъ въ 1858 году, но велъ его только въ теченіе немногихъ дней. Всѣ эти попытки собственнаго жизнеописанія приведены въ моемъ трудѣ безъ измѣненій. Жаль, что всѣ подобныя благія начинанія покойнаго писателя ограничивались только, такъ сказать, однимъ присѣстомъ. Задумаетъ онъ описать свое прошлое, возьмется за перо, напишетъ сколько успѣетъ въ одинъ присѣстъ, пока ему не помѣшаютъ, или не оторвется онъ самъ другимъ дѣломъ, и затѣмъ, однажды прекративъ, онъ уже не продолжаетъ осуществлять своего добраго намѣренія. Напримѣръ, характеристику свою, какъ учителя, онъ начертилъ, по его собственноручному признанію, по слѣдующему поводу: «1863 года ноября 12-го, въ Петербургѣ, сидѣлъ я вечеромъ у товарища по университету, Александра Ивановича Артемьева [1]), извѣстнаго своими статистическими работами и многими учеными статьями. Шла рѣчь, между прочимъ, и о томъ, что столько уже намъ не жить, сколько прожито. Года пошли подъ гору, а въ прожитомъ времени много было видано, много было слышано и не мало было такого знаемо, что весьма немногими знаемо. Надобно вести записки о прошломъ, записывая безпристрастно, sine ira, замѣчательные случаи жизни. Дали слово другъ другу и я принялся за эти записки тотчасъ по возвращеніи отъ А. И. Артемьева».

Мельниковъ дѣйствительно принялся, написалъ десять страницъ листоваго формата и тѣмъ покончилъ.

I.

Родословная и семейныя отношенія П. И. Мельникова. — Его дѣтство.

Изъ найденной въ бумагахъ П. И. Мельникова собственноручно начатой имъ родословной, родъ его довольно старый, хотя его и нѣтъ не только въ Бархатной Книгѣ, но и въ Разрядахъ. По преданію предки Мельникова вышли съ Дону. У Павла Ивановича

[1]) Онъ уже скончался

былъ старинный образъ Спасителя, пропавшій въ Петербургѣ во время пожара 28-го мая 1862 года (когда сгорѣлъ Апраксинъ дворъ, а также часть Троицкаго переулка, въ которомъ жилъ тогда Мельниковъ въ домѣ Лукунова). На этой иконѣ была надпись, что она пожалована царемъ Иваномъ Васильевичемъ Василью Мельникову, но кто былъ этотъ Мельниковъ — неизвѣстно. Въ XVIII столѣтіи, Мельниковы, небогатые и незнатные дворяне, служили въ рейтарскихъ полкахъ иноземнаго строя. Прадѣдъ П. И. Мельникова, Ѳедоръ Васильевичъ, жившій въ первой половинѣ XVIII вѣка и служившій также въ рейтарахъ, не имѣлъ офицерскаго чина и прожилъ наслѣдственное состояніе. Сынъ его, Иванъ Ѳедоровичъ, родился въ 1759 году. Въ послужномъ спискѣ онъ показанъ «прежнихъ службъ изъ рейтарскихъ дѣтей». Зачисленный тринадцати лѣтъ въ военную службу солдатомъ, онъ былъ, въ 1791 году, тридцати двухъ лѣтъ, уволенъ, въ чинѣ секундъ-маіора морскихъ баталіоновъ, изъ службы за болѣзнію, такъ какъ пушечнымъ колесомъ переѣхало у него лѣвую ногу и оторвало три пальца. Въ томъ же году онъ поступилъ въ правленіе пермскаго намѣстничества совѣтникомъ, при знаменитомъ генералъ-губернаторѣ Модерахѣ. Даже въ царствованіе императора Александра II, превосходно сохранившіяся дороги въ пермскомъ краѣ слыли въ народѣ подъ названіемъ «Модераховскихъ».

Еще молодымъ человѣкомъ, Иванъ Ѳедоровичъ влюбился въ дочь сельскаго священника въ казанскомъ намѣстничествѣ, Лизавету Ивановну, и женился на ней. У него родились три сына, Василій, Иванъ, Дмитрій, и дочь Надежда. Иванъ, отецъ Павла Ивановича, родился 25-го сентября 1788 года въ Казани, гдѣ Иванъ Ѳедоровичъ служилъ тогда поручикомъ въ тамошнемъ адмиралтействѣ. Надежда родилась уже въ Перми. Вскорѣ послѣ рожденія этой дочери, Иванъ Ѳедоровичъ, бывши въ Екатеринбургѣ, влюбился въ девятнадцатилѣтнюю красавицу Марью Степановну Ѳедорову, дочь какого то чиновника. Въ семействѣ Ивана Ѳедоровича произошелъ вслѣдствіе этого раздоръ. Лизавета Ивановна съ дѣтьми уѣхала въ Казань, а Иванъ Ѳедоровичъ, въ 1796 году, будучи уже совѣтникомъ пермской гражданской палаты, обвѣнчался съ молодою красавицею въ Екатеринбургѣ, въ Успенской церкви. Родные Ивана Ѳедоровича, Веригины, въ Казани, вступились за его дѣтей. Передъ самою кончиною императрицы Екатерины II, до ея свѣдѣнія дошло о бракѣ Мельникова отъ живой жены. Его отставили отъ службы, которая пошла было у него очень хорошо, потому что въ то время было очень немного тридцатидвухлѣтнихъ совѣтниковъ въ секундъ-маіорскомъ рангѣ. Старшаго его сына, двѣнадцатилѣтняго Василія Ивановича, опредѣлили въ гвардію, изъ которой онъ попалъ въ гатчинскія войска и при императорѣ Павлѣ Петровичѣ получилъ 200 душъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ,

Нижегородской губерніи (сельцо Міякуши). Лизавета Ивановна сошла съума и бѣдствовала съ дѣтьми въ Казани, гдѣ ей помогали дальніе родственники ея мужа, Веригины, нѣкоторые богатые казанскіе помѣщики, Родіоновы, Болховскіе и другіе, также братъ ея, Александръ Ивановичъ Псаломщиковъ, служившій въ правленіи казанскаго университета съ самаго основанія его.

Иванъ Өедоровичъ Мельниковъ съ молодою женою уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поселился въ Троицкомъ переулкѣ, веселился съ своими пріятелями, потому что имѣлъ порядочное состояніе, жилъ открыто, между тѣмъ, какъ семья его бѣдствовала въ Казани. Со старшимъ своимъ сыномъ, бывшимъ въ Гатчинѣ, онъ не видался. Еще въ Пермской губерніи, въ іюлѣ 1796 года, онъ близко сошелся съ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержантомъ Онуфріемъ Петровичемъ Гедеоновымъ, молодымъ, богатымъ человѣкомъ. Гедеоновъ такъ полюбился Мельникову, что послѣдній далъ ему 12.000 руб. асс., весьма значительную по тому времени сумму, подъ залогъ деревни Сосновки. Сверхъ того, у Ивана Өедоровича Мельникова были въ долгахъ немалыя деньги и на другихъ лицахъ.

И. Ө. Мельниковъ умеръ въ 1799 году, но, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, онъ засвидѣтельствованнымъ духовнымъ завѣщаніемъ оставилъ все свое имущество, наличныя деньги, дворовыхъ людей, долговыя обязательства и проч., законной (?) женѣ своей втораго брака, Марьѣ Степановнѣ, «потому что все завѣщанное онъ пріобрѣлъ на полученное за нею приданое». Въ завѣщаніи было сказано, что изъ этого имущества ничего не принадлежитъ дѣтямъ, рожденнымъ отъ перваго брака, «которымъ ни до чего вышесказаннаго не касаться». Такимъ образомъ, все имѣніе Ивана Өедоровича досталось второй, незаконной его женѣ, хотя она не принесла денегъ въ приданое. Въ 1807 году, 15-го февраля, Марья Степановна обвѣнчалась въ Андреевскомъ соборѣ, на Васильевскомъ островѣ, съ мѣщаниномъ петербургскаго посада Иваномъ Кузьминымъ. Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна.

У Лизаветы Ивановны съ дѣтьми изъ родоваго ихъ имущества остались лишь нѣсколько образовъ, въ томъ числѣ и пропавшій во время пожара 1862 года, обручальное кольцо и серебрянный сервизъ. Послѣ кончины Ивана Өедоровича Мельникова, казанскіе родные его стали хлопотать о наслѣдствѣ въ пользу его законныхъ дѣтей и объ опредѣленіи на службу втораго его сына, отца Павла Ивановича. По просьбѣ восемнадцатилѣтняго своего брата Василія, котораго любилъ императоръ Павелъ I, Иванъ Ивановичъ Мельниковъ, одиннадцати лѣтъ отъ роду, не въ примѣръ другимъ, былъ опредѣленъ, 9-го марта 1800 года, въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ унтеръ-офицеромъ, но оставался при матери. По ходатайству же того же брата, Иванъ Мельниковъ, 1-го января 1801 года, былъ уволенъ изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ

дѣламъ коллежскимъ регистраторомъ, имѣя отъ роду только 12-ть лѣтъ.

Наконецъ, бракъ Ивана Ѳедоровича Мельникова съ Марьею Степановною признанъ былъ незаконнымъ. Стали взыскивать долги съ Гедеонова, но въ одномъ присутственномъ мѣстѣ крысы, по просьбѣ должника, выѣли изъ заемнаго письма слова «надцать тысячъ» до означенія въ какой губерніи и въ какомъ уѣздѣ находилась заложенная деревня Сосновка, такъ что въ заемномъ письмѣ сохранились слова: «занялъ я (Гедеоновъ) пермскаго намѣстничества гражданской палаты у совѣтника секундъ-маіора Ивана Мельникова деньги государственными ассигнаціями двѣ . . . . округѣ въ деревнѣ Сосновкѣ, принадлежащую на мою часть» и т. д. Безграмотныя крысы выѣли хорошо; подьячіе знали, гдѣ помазать бумагу. Гедеоновъ доказывалъ на судѣ, что онъ занималъ только двѣсти рублей и что, по неозначеніи, гдѣ именно находится деревня Сосновка, требовать эту деревню наслѣдникамъ Мельникова нельзя. Гедеоновы были богаты, а Мельниковы бѣдны и не получили съ богатаго ни копѣйки.

У Марьи Степановны остались всѣ родовыя бумаги Ивана Ѳедоровича Мельникова, кромѣ его патента на чинъ капитана. Вслѣдствіе того, при запискѣ въ родословную книгу, родъ Мельниковыхъ попалъ не въ шестую, а во вторую часть.

Отецъ Павла Ивановича, Иванъ Ивановичъ Мельниковъ, росъ и учился въ Казани. При открытіи тамъ университета, въ 1805 году, семнадцатилѣтній коллежскій регистраторъ намѣревался поступить въ студенты, въ которые принимали тогда съ самыми ограниченными свѣдѣніями, но не попалъ въ университетъ, потому что вовсе не зналъ латинскаго языка, а изъ математики былъ обученъ только четыремъ правиламъ ариѳметики. Но въ это же время, по случаю войны съ императоромъ Наполеономъ, набиралось въ Россіи земское войско или милиція. На выборахъ казанскаго дворянства, Иванъ Ивановичъ былъ выбранъ сотеннымъ начальникомъ милиціи. Въ губернскіе начальники милиціи избранъ былъ Л. Н. Энгельгардтъ, авторъ извѣстныхъ записокъ о временахъ Екатерины II, умершій въ 1836 году и бывшій въ роднѣ, по женѣ, Василію Ивановичу Мельникову, дяди Павла Ивановича. Энгельгардтъ любилъ Ивана Ивановича и держалъ его при себѣ. Выйдя впослѣдствіи изъ военной службы съ мундиромъ, Иванъ Ивановичъ всегда носилъ милиціонный мундиръ съ малиновымъ воротникомъ и маленькими золоченными пуговицами, съ зеленымъ перомъ на трехугольной шляпѣ и золотую медаль на владимірской лентѣ съ надписью: «за вѣру и отечество земскому войску». Въ этомъ мундирѣ онъ завѣщалъ и похоронить себя. При роспускѣ милиціи, въ 1808 году, онъ перешелъ на дѣйствительную службу въ Уфимскій пѣхотный полкъ, но, влюбившись въ одну польку и не желая разста-

ваться съ нею, перешелъ въ каменецъ-подольскій гарнизонъ, въ которомъ и пробылъ всю войну 1812 года. Романъ Ивана Ивановича съ полькою кончился въ 1813 году выходомъ ея за мужъ за какого то пана, вслѣдствіе чего отецъ Павла Ивановича перешелъ въ дѣйствующую армію, въ Великолуцкій пѣхотный полкъ штабсъ-капитаномъ, сдѣлалъ походы за границу въ 1813 и 1814 годахъ и въ 1816 году, за болѣзнію, по окончаніи войны съ Наполеономъ, переведенъ былъ въ нижегородскій гарнизонный батальонъ, гдѣ, въ 1817 году, назначенъ былъ начальникомъ состоявшей при немъ жандармской команды. Въ то время это была обыкновенная конная полицейская стража. Между тѣмъ, старшій братъ Ивана Ивановича, Василій Ивановичъ, поселившійся въ пожалованномъ ему ардатовскомъ имѣніи, звалъ какъ его, такъ и другаго брата, Дмитрія Ивановича, на службу въ нижегородскую губернію. На этотъ зовъ откликнулся только Иванъ Ивановичъ, потому что Дмитрій Ивановичъ, женившись на Бипловой, сдѣлался помѣщикомъ Темниковскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Василій Ивановичъ былъ долго предводителемъ дворянства ардатовскаго уѣзда и умеръ въ августѣ 1837 года. Онъ былъ женатъ на дочери сосѣда, Любови Васильевнѣ Жуковой, мать которой была двоюродною сестрою Л. Н. Энгельгардта. Братъ Любови Васильевны, Разумникъ Васильевичъ, былъ женатъ на Марьѣ Степановнѣ, извѣстной сочинительницѣ «Вечеровъ на Карповкѣ» и другихъ повѣстей, имѣвшихъ успѣхъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Въ январѣ 1818 года, Иванъ Ивановичъ Мельниковъ женился на дочери нижегородскаго исправника, надворнаго совѣтника Павла Петровича Сергѣева, Аннѣ Павловнѣ. Первенцемъ у нихъ родился сынъ, названный въ честь дѣда Павломъ, 22-го октября 1819 года, въ самый благовѣстъ къ обѣдни. Молодые супруги жили тогда въ деревянномъ домѣ П. П. Сергѣева, на углу Мартыновской и Тихоновской улицъ, въ Нижнемъ Новгородѣ. Домъ этотъ существуетъ донынѣ подлѣ удѣльной конторы. Дѣдъ Павла Ивановича Мельникова, со стороны матери, былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ. Онъ пользовался такимъ большимъ уваженіемъ среди дворянства, что оно избирало его въ исправники въ продолженіе тридцати шести лѣтъ. Но, между тѣмъ какъ, по тогдашнимъ нравамъ, исправники въ два или три трехлѣтія наживали себѣ состояніе въ двѣ или три сотни душъ, П. П. Сергѣевъ не пріобрѣлъ себѣ никакого состоянія. Учился онъ, по пословицѣ, на мѣдныя деньги, но образовалъ себя чтеніемъ. Иностранныхъ языковъ онъ не зналъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія и отчасти въ началѣ нынѣшняго, издавали въ Россіи множество переводовъ дѣльныхъ книгъ, особенно французскихъ. П. П. Сергѣевъ не жалѣлъ денегъ на пріобрѣтеніе книгъ и у него образовалась большая библіотека. Послѣ его смерти половина этой библіотеки досталась матери Павла Ива-

новича, который и ознакомился съ нею въ ранней молодости. Въ этой библіотекѣ были переводы греческихъ и римскихъ классиковъ, историческія сочиненія, переведенныя съ французскаго языка, описаніе различныхъ путешествій, всѣ изданія Новикова и нашей академіи, сочиненія всѣхъ русскихъ писателей, отъ Кантеміра и Ломоносова до Карамзина и Жуковскаго. Когда П. П. Сергѣевъ ослѣпъ, послѣ выхода замужъ дочери Анны, то онъ заставлялъ своихъ двухъ дочерей читать ему въ слухъ и все дожидался, когда его внуки выучатся грамотѣ и будутъ читать слѣпому дѣдушкѣ. П. П. Сергѣевъ, по должности исправника, усмирялъ мордовскій бунтъ и производилъ слѣдствіе о мордовскомъ пророкѣ «Кузькѣ-Богѣ». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1865 года напечатана была большая статья объ этомъ «Кузькѣ-Богѣ», въ которой дѣйствительные факты, почерпнутые, вѣроятно, изъ офиціальныхъ источниковъ, перепутаны со множествомъ нелѣпѣйшихъ выдумокъ. Такъ, тамъ, между прочимъ, напечатано, что мордва, въ 1809 году, разорвала нижегородскаго исправника, т. е. Павла Петровича Сергѣева, какъ древляне Игоря, на деревьяхъ. Но Сергѣевъ скончался въ 1824 году въ Балахнѣ, куда онъ переселился послѣ того, какъ ослѣпъ, и гдѣ онъ купилъ себѣ домъ, слѣдовательно прожилъ пятнадцать лѣтъ послѣ такъ называемаго бунта мордвы. Впрочемъ никакого открытаго возстанія мордвы противъ властей и не было; если и было неповиновеніе, то только помѣщику, графу Сенъ-При.

П. П. Сергѣевъ, пользовавшійся, какъ сказано выше, уваженіемъ всего дворянства, былъ въ особенной пріязни съ нижегородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, княземъ Петромъ Сергѣевичемъ Трубецкимъ (отцомъ декабриста), вторая жена котораго, урожденная Кромина, была родственница Сергѣевыхъ. Мать Павла Ивановича Мельникова, будучи еще молодою дѣвицею, подолгу гостила у Трубецкихъ въ ихъ имѣніи Лапшинкѣ и была много обязана имъ своимъ образованіемъ. Она была очень дружна съ ровесницею своею, княжною Елисаветою Петровною Трубецкою, впослѣдствіи графинею Потемкиною. Первая жена князя Петра Сергѣевича Трубецкаго была родная сестра знаменитаго нижегородскаго магната, князя Егора Александровича Грузинскаго, бывшаго (во все царствованіе императора Александра I) около сорока лѣтъ нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и умершаго въ 1852 году, девяноста лѣтъ отъ роду. Это тотъ самый губернскій предводитель князь Грузинскій, которому императоръ Павелъ Петровичъ, въ 1797 году, въ бытность свою въ Нижнемъ, высочайше повелѣть соизволилъ: «считаться мертвымъ».

Анна Павловна Сергѣева, вышедшая за мужъ за Ивана Ивановича Мельникова, была второю дочерью Павла Петровича Сергѣева. Старшая его дочь, Александра, еще въ 1815 году, вышла за мужъ за имѣвшаго хорошее состояніе новгородскаго и симбир-

скаго помѣщика, Никиту Захаровича Жилина, внука астраханскаго губернатора, повѣшеннаго въ его симбирской деревнѣ Енгалычевѣ Пугачевымъ.

Въ найденныхъ мною рукописяхъ Павла Ивановича Мельникова, онъ сообщаетъ слѣдующее о своемъ дѣтскомъ возрастѣ:

«Связныя мои воспоминанія начинаются съ пятилѣтняго возраста. Насъ было въ это время у родителей трое сыновей: я, братъ Николай, годомъ моложе меня, и Ѳедоръ, родившійся въ 1823 году, въ Лукояновѣ, гдѣ, по выходѣ изъ военной службы, мой отецъ служилъ по дворянскимъ выборамъ. Въ томъ же Лукояновѣ жилъ родной дядя моей матери, Николай Петровичъ Сергѣевъ, у котораго была предобрѣйшая жена, впрочемъ безграмотная, вывезенная изъ Сибири, Александра Кузьминишна. Люди они были пожилые, а дѣтей у нихъ не было. Когда родился братъ Ѳедоръ, они упросили отца моего съ матерью отдать его имъ въ дѣти, за что они сдѣлаютъ его единственнымъ своимъ наслѣдникомъ. Они согласились. Ѳедоръ былъ даже и окрещенъ въ домѣ Николая Петровича. Между тѣмъ, дѣдушка Павелъ Петровичъ сталъ очень слабъ и писалъ къ обѣимъ дочерямъ, чтобы онѣ со своими семьями пріѣзжали въ Балахну, провести съ нимъ послѣдніе его дни. Вслѣдствіе такого вызова, отецъ мой вышелъ въ отставку и поѣхалъ со всѣми нами въ Балахну, весною 1824 года. Жилины изъ новгородской деревни пріѣхали еще ранѣе. Путешествіе наше на долгихъ помню отрывочно; живо помню Арзамасъ, поразившій меня своею огромностью, множествомъ церквей и каменной мостовой, дотолѣ мною невиданной. Помню высокія кирпичныя стѣны строившагося тогда огромнаго собора, въ память избавленія Россіи отъ французовъ; помню даже постоялый дворъ, въ которомъ мы остановились, и громкіе крики пѣтуховъ, немилосердно кричавшихъ на крытомъ дворѣ его. Послѣ того, въ Арзамасѣ въ первый разъ я былъ уже студентомъ, но безъ труда отыскалъ тотъ постоялый дворъ. Но Нижняго Новгорода, чрезъ который мы тоже проѣзжали, совсѣмъ не помню, кромѣ дома дяди моей матери, Ѳедора Герасимовича Шебалина, преемника дѣдушки Павла Петровича по должности нижегородскаго исправника. Какъ теперь помню его въ угольной комнатѣ его небольшаго, но чистенькаго дома, со множествомъ статуетокъ изъ севрскаго и саксонскаго фарфора, стоявшихъ въ шести этажеркахъ за стекломъ (онѣ такъ и простояли на одномъ мѣстѣ, равно какъ и вся мебель, до 1867 года, когда умеръ Ѳ. Г. Шебалинъ); помню и Ѳедора Герасимовича съ его длинною фигурою, съ его длиннымъ чубукомъ и сухощавую красивую жену его, Анну Андреевну, дочь французскаго эмигранта де-Варраля, полковника нашей службы, бывшаго тогда командиромъ нижегородскаго гарнизоннаго баталіона. Помню даже, какъ модница и щеголиха Анна Андреевна нахмурилась, когда я ее назвалъ «бабушкою», и какъ

она, когда мужъ ея съ моимъ отцомъ вышли въ другія комнаты, со слезами на глазахъ повѣряла свое страшное горе моей матери: она, дочь полковника, ѣздила въ каретѣ четвернею, а теперь, вышедши замужъ за капитана, должна ѣздить только парою. Впослѣдствіи я узналъ, что Шебалины были не въ ладахъ съ нижегородскимъ полиціймейстеромъ, который говорилъ, что онъ остановитъ шебалинскую карету и собственноручно отпряжетъ форейторскую пару, исполняя законъ, дозволявшій четвернею ѣздить только дворянамъ штабъ-офицерскаго чина. Едва ли онъ даже не исполнилъ обѣщанія.

«На пути изъ Лукоянова въ Балахну, мы заѣзжали въ Міякуши, къ дядѣ, Василью Ивановичу Мельникову. Онъ, уѣздный предводитель дворянства, съ Анною на шеѣ (тогда не малая рѣдкость въ провинціи), былъ важною особою въ Ардатовскомъ уѣздѣ. Но я мало помню его; за то крѣпко врѣзалось въ моей памяти свиданіе съ бабушкою, Лизаветою Ивановною, въ тихомъ помѣщательствѣ доживавшею свой вѣкъ у старшаго сына. Какъ теперь гляжу на чистенькую, опрятную старушку, всю въ черномъ, сидѣвшую въ волтеровскихъ креслахъ у растворённаго окна въ тѣнистый садъ. Она вся была окружена цвѣтами. Весь флигель, занимаемый бабушкою, былъ заставленъ цвѣтущими растеніями. Она очень любила цвѣты и уходъ за ними составлялъ единственное ея занятіе. Она не скоро узнала моего отца и мою мать; узнавъ, много плакала и, взявъ меня на руки, посадила къ себѣ на колѣни, и легонько похлопывала по моему лицу цвѣтами бѣлой сирени. Я зналъ, что бабушка сумасшедшая и страшно боялся, чтобы она меня не съѣла. Сумасшедшихъ я до того времени никогда не видывалъ, а отъ нянекъ много слыхалъ про бабу-ягу, ѣвшую маленькихъ дѣтей. Воображеніе пятилѣтняго ребенка представило мнѣ бѣдную бабушку Лизавету Ивановну — бабой-ягой. Она меня благословила образомъ, много цѣловала, и, поставивъ насъ съ братомъ Николаемъ передъ собою, положила на наши младенческія головы свои исхудалыя, морщинистыя руки и со слезами на глазахъ говорила что-то много, часто повторяя: «ростите мои внучки милые, да не будьте въ дѣдушку». Впослѣдствіи уже я понялъ и смыслъ этихъ словъ помѣшанной старушки, и тѣ слезы, которыя потекли изъ блестѣвшихъ какимъ-то особеннымъ блескомъ голубыхъ глазъ ея по впалымъ, сморщеннымъ щекамъ. Вскорѣ бабушка Лизавета Ивановна скончалась и похоронена при церкви села Нучарова.

«Въ Балахнѣ мы помѣстились въ домѣ дѣдушки Павла Петровича Сергѣева. Домъ хотя и былъ довольно помѣстительный, но когда поселились въ немъ обѣ дочери умирающаго старца съ мужьями и шестерыми дѣтьми у обоихъ, стало тѣсновато. Домъ былъ на рѣчкѣ Нетечѣ, у выѣзда въ село Кубенцово, подлѣ большаго каменнаго дома Николая Яковлевича Латухина, военнаго совѣтника,

двоюроднаго брата жены Павла Петровича, моей бабушки Надежды Степановны. У него была жена полька, Тереза Ивановна, и дочка моихъ лѣтъ, Анюта, вышедшая потомъ за мужъ за полковника Гриневича, бывшаго лѣтъ двадцать балахнинскимъ предводителемъ дворянства. Латухины были очень богатые, по тому времени, люди; у единственной ихъ дочери были двѣ, если не болѣе, гувернантки, которыя и насъ съ братомъ, да двоюродныхъ братьевъ и сестеръ Жилиныхъ, начали учить пофранцузски, а Тереза Ивановна при этомъ нещадно кормила насъ конфектами. Такіе уроки продолжались съ утра до вечера. Многому мы, разумѣется, не научились; да этого и не требовалось: вся цѣль этого ученья состояла въ томъ, чтобы нашего крикливаго общества не было въ дѣдушкиномъ домѣ, гдѣ догорали послѣдніе дни почтеннаго старца. Латухинъ былъ изъ балахонскихъ купцовъ; его родственники и онъ самъ имѣли соловарни въ Балахнѣ; сверхъ того, у Николая Яковлевича Латухина былъ стеклянный заводъ. И соловарни, и заводъ были близко, и мы не столько времени занимались съ гувернантками, сколько проводили его на соловарняхъ и на заводѣ. Къ дѣдушкѣ насъ водили рѣдко; онъ страдалъ водяною въ груди и рѣдко выпадали спокойные для него часы. Онъ меня очень любилъ, меня и Владиміра Жилина, и обоимъ любимымъ внукамъ, лаская ихъ полумертвою рукою, говаривалъ: «учитесь, учитесь, да читайте больше. Читайте «Записки Сюлли» и «Дѣянія Петра Великаго» (Голикова). Петра Великаго чтите; онъ нашъ полубогъ!..» Разумѣется, мы не понимали его словъ, но имена Сюлли и Петра Великаго врѣзались въ мою память, и уже послѣ мать моя растолковала мнѣ предсмертный завѣтъ дѣдушки. Это съ раннихъ лѣтъ заставило меня полюбить исторію, и много лѣтъ спустя, когда я началъ печатать статьи свои, бо̀льшею частью историческаго содержанія, у меня не рѣдко бывало на умѣ: «Ахъ! какъ бы было хорошо, если бы живы были мать да дѣдушка и прочитали бы печатныя статьи мои!»

«Въ половинѣ сентября 1824 года, утромъ, мы играли въ банѣ съ моимъ ровесникомъ, двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Жилинымъ, сдѣланными при насъ на стеклянномъ заводѣ бутылками, когда вдругъ какая-то изъ нянекъ прибѣжала къ намъ, и, схвативъ насъ за руки, бѣгомъ пустилась къ дому, говоря: «дѣдушка умираетъ». Помню тѣсную, биткомъ набитую людьми комнату, запахъ ладона, высоко подымавшуюся грудь дѣдушки; помню, какъ онъ подалъ руку моей матери, а она положила ее на мою голову; помню унисонъ ильинскаго попа, читавшаго отходную; помню, какъ Тереза Ивановна прикладывала къ губамъ дѣдушки бритвенное его зеркальце, а потомъ клики, вопли, рыданія... Дѣдушки не стало.

«Послѣ него остались деревни въ Семеновскомъ уѣздѣ, посту-

нившія къ моей матери и ея сестрѣ. Черезъ четыре мѣсяца по смерти дѣдушки, въ январѣ 1825 года, были дворянскіе выборы и новые семеновскіе помѣщики были избраны дворянскими засѣдателями, отецъ мой въ земскій, а дядя Жилинъ въ уѣздный судъ. Мы переѣхали въ Семеновъ, гдѣ протекло мое дѣтство и гдѣ лѣтъ чрезъ двадцать пять послѣ того, какъ меня привезли туда ребенкомъ,—привелось мнѣ исполнять высочайшую волю императора относительно упраздненія Керженскихъ и Чернораменскихъ раскольничьихъ скитовъ».

Свое дѣтство П. И. Мельниковъ провелъ по бо́льшей части въ городѣ Семеновѣ, гдѣ послѣдніе годы своей жизни служилъ его отецъ, умершій въ 1837 году. Мать его умерла двумя годами ранѣе. П. И. Мельниковъ былъ крайне впечатлительный мальчикъ, чутко прислушивавшійся ко всему его окружавшему, ко всему происходившему въ его семьѣ. Онъ лежалъ, въ ноябрѣ 1825 года, въ горячкѣ, наѣвшись ледяныхъ сосулекъ, когда пришла вѣсть о кончинѣ императора Александра. Въ домѣ поднялся плачъ, вопль. Плакала даже вся прислуга. Весь этотъ переполохъ усилилъ болѣзнь выздоравливавшаго мальчика и докторъ выговаривалъ его родителямъ, что они не уберегли эту впечатлительную натуру отъ горестной для всѣхъ вѣсти.

II.

Пребываніе въ гимназіи. — Тогдашніе порядки. — Спектакли въ башнѣ Кремля. — Дѣтскія трагедіи. — Вызываніе духовъ. — Новые учителя.

Въ 1829 году, десяти лѣтъ, П. И. Мельниковъ поступилъ въ нижегородскую гимназію. Она была тамъ-же, гдѣ и теперь, на площади противъ Благовѣщенскаго собора. Въ срединѣ былъ трехъэтажный домъ (нынѣшняя средняя часть гимназическаго зданія), а на углахъ Варварской и Тихоновской улицъ стояли двухъэтажные дома. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, все это было соединено вмѣстѣ. Этимъ домамъ теперь слишкомъ сто лѣтъ. Въ 1767 году, когда императрица Екатерина писала Н. И. Панину изъ Нижняго Новгорода, «городъ сей ситуаціею прекрасенъ, но строеніемъ мерзокъ», этихъ домовъ, вѣроятно, еще не было. До 1807 года они принадлежали мѣстному приказу общественнаго призрѣнія. Въ среднемъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ, помѣщалось главное народное училище, открытое 22-го сентября, въ день коронованія Екатерины II, 1786 года; въ срединѣ дворянское собраніе, т. е. клубъ; въ залѣ въ два свѣта, сохранившейся до нынѣ въ прежнемъ видѣ, бывали выборы дворянскіе; рядомъ съ залою помѣщалась канцелярія дворянскаго собранія; въ верхнемъ этажѣ

помѣщалось малое народное училище, преобразованное въ 1807 году въ уѣздное училище. Въ домѣ на углу Тихоновской улицы былъ трактиръ пивовара купца Пальцова, называвшійся казанскимъ, а въ выходящемъ на Варваринскую улицу домѣ жили учителя и былъ винный погребокъ. Съ дворянскаго собранія, казанскаго трактира и погребка приказъ общественнаго призрѣнія получалъ ежегодно по 1460 р., а на содержаніе главнаго народнаго училища отпускалъ 3000 руб.

Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, предполагая открыть въ Нижнемъ Новгородѣ гимназію и, не имѣя въ виду для нея помѣщенія, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ, князя Кочубея, уступить подъ новое учебное заведеніе дома, принадлежавшіе приказу общественнаго призрѣнія. Кочубей согласился на такую уступку, тѣмъ болѣе, что 1460 руб., получаемые приказомъ въ видѣ дохода съ отдаваемыхъ помѣщеній, положено было возвращать изъ суммы, отпускаемой на содержаніе нижегородскихъ училищъ. Поэтому нижегородская гимназія, до самаго упраздненія приказовъ общественнаго призрѣнія, получала изъ суммъ нижегородскаго приказа 1540 р. Первый директоръ нижегородской гимназіи, Кушелевъ, ученикъ харьковскаго коллегіума, а потомъ петербургской учительской семинаріи, представлялъ попечителю казанскаго университета, С. Я. Румовскому, объ оставленіи въ домѣ дворянскаго собранія казанскаго трактира и погребка, но попечитель нашелъ, что помѣщеніе ихъ въ одномъ домѣ съ гимназіею не можетъ быть «совмѣстно съ достоинствомъ заведенія». Попечитель предписалъ уѣздное училище помѣстить въ маломъ флигелѣ, гимназическіе классы въ среднемъ этажѣ большаго дома и въ верхнемъ на одной половинѣ, а другую половину предоставить для библіотеки и для храненія другихъ гимназическихъ принадлежностей. Въ двухъэтажномъ флигелѣ на Варваркѣ велѣно было отвести квартиры для помѣщенія директора и и для всѣхъ восьми учителей гимназіи. Такимъ образомъ, въ нижегородской гимназіи, съ самаго ея основанія, были казенныя квартиры для всѣхъ преподавателей, за исключеніемъ времени съ 1833 по 1840 годъ, когда производилась перестройка зданія, но и тогда, съ 1836 по 1840 годъ, почти всѣ учителя имѣли квартиры въ домѣ благороднаго пансіона при гимназіи, въ 1844 году преобразованнаго въ особое среднее учебное заведеніе, подъ названіемъ Александровскаго дворянскаго института.

Для передѣлки домовъ подъ нижегородскую гимназію отпущена была изъ казны особая сумма. Постройками распоряжался одинъ Кушелевъ, и, по видимому, не такъ, какъ слѣдовало бы. Между нимъ и попечителемъ Румовскимъ завязалась переписка, изъ которой видно, что не только перестройка зданій для гимназіи была произведена крайне небрежно, какъ оказалось изъ составленныхъ

актовъ, но что Кушелевъ не отвѣчалъ на запросы по этому предмету попечителя. Вообще, съ нижегородскою гимназіею и впослѣдствіи повторялись казусы, подобные бывшему при перестройкѣ ея Кушелевымъ. Такъ, въ 1824 году, послѣ пожара, гимназія при директорѣ Алферьевѣ передѣлывалась уже заново, а въ 1833 году принуждены были перевести гимназію въ наемный домъ изъ опасенія, чтобы учениковъ въ одинъ прекрасный день не придавило потолками. Въ 1840 году, вновь перестроили гимназію, соединивъ три дома въ одинъ, но лѣтъ черезъ пятнадцать или двадцать и этотъ домъ вновь потребовалъ капитальныхъ передѣлокъ. Директоры Кушелевъ, Алферьевъ, Грацинскій, были удалены отъ должностей. Грацинскій, лѣтъ десять послѣ отставки (въ 1849 году), жилъ въ Нижнемъ, и, уплачивая изъ скуднаго пенсіона сдѣланный на него начетъ, почти нищенствовалъ. Вообще, нижегородскіе архитекторы съ давняго времени умѣли набивать карманы, но не умѣли строить. Съ основанія Нижняго, въ 1222 году, въ немъ, по словамъ его сторожиловъ, были только два путные архитектора и одинъ инженеръ. Это архитекторъ Монферандъ, строитель въ Петербургѣ Исаакіевскаго собора, построившій въ 1822—1824 гг. ярмарочный соборъ «Происхожденія честныхъ древъ», и архитекторъ Л. В. Даль, умершій въ 1878 году. Изъ инженеровъ—баронъ А. И. Дельвигъ, строитель перваго нижегородскаго водопровода. Всѣ остальные пріѣзжали въ Нижній въ шинелькахъ, подбитыхъ вѣтеркомъ, и оставляли его или свою должность съ туго набитыми карманами.

При тогдашнихъ воззрѣніяхъ, дворянство не желало отдавать своихъ дѣтей въ такое учебное заведеніе, гдѣ они должны были сидѣть рядомъ съ ихъ же крѣпостными и вольноотпущенниками. Поэтому, съ самаго учрежденія нижегородской гимназіи, дворянство ходатайствовало о томъ, чтобы при ней былъ особый благородный пансіонъ, въ родѣ такого, какой былъ въ Москвѣ при университетѣ, принимая содержаніе его на свой счетъ. Въ этомъ ходатайствѣ дворянству было отказано. Попечитель Румовскій, 6-го ноября 1811 года, писалъ Кушелеву: «я не нахожу нужнымъ заведеніе при гимназіи особаго пансіона для обучающихся дѣтей дворянства, которое только потому не соглашается отдавать ихъ въ гимназію, что въ оной обучаются ученики разнаго сословія. Къ тому же симъ болѣе подается способъ учителямъ къ уклоненію и небреженію о прямой ихъ обязанности, когда оні, какъ сами же свидѣтельствуете, и безъ того въ должности своей мало исправны. И такъ, чтобы охотнѣе благородное дворянство отдавало дѣтей своихъ, по мнѣнію моему, одинъ есть способъ, чтобы, чрезъ прилежное прохожденіе каждымъ должности своей, доведено было ученіе до возможной степени успѣховъ. А чтобы сдѣлать отличіе благороднымъ дѣтямъ, то во время ученія въ классахъ можно сажать ихъ особо на пра-

вой, а прочихъ на лѣвой сторонѣ; до начатія же ученія, чтобы они не имѣли сообщенія, можно держать ихъ въ особыхъ классахъ». Эта уступка дворянамъ сдѣлана была между прочимъ и потому, что въ просьбѣ ихъ объ учрежденіи пансіона было указано, что «дѣти крѣпостныхъ и разночинцевъ крайне неопрятны и что на сидящихъ рядомъ съ ними дворянскихъ дѣтей переползаютъ извѣстныя насѣкомыя, столь обыкновенныя на дѣтяхъ низшихъ сословій». Желаніе нижегородскаго дворянства объ учрежденіи благороднаго пансіона было исполнено только въ 1836 году.

Когда П. И. Мельниковъ учился въ нижегородской гимназіи, съ 1829 по 1834 годъ, это предписаніе Румовскаго уже не исполнялось и дворянъ уже не сажали въ классахъ одесную, а разночинцевъ ошуюю. Въ 160 саженяхъ отъ гимназіи, въ Кремлѣ, находилось военное училище, существовавшее со временъ императора Павла Петровича. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, это военное училище преобразовано было въ четвертый учебный карабинерный полкъ. По упраздненіи послѣдняго, огромный домъ его вмѣстилъ въ себѣ аракчеевскую военную гимназію. Во время Мельникова лучшіе ученики этого военнаго училища, въ мундирахъ съ желтыми воротниками, ходили на уроки въ гимназію. Такъ, младшій братъ Павла Ивановича, Николай, убитый въ 1844 году на Кавказѣ въ званіи ротнаго командира Житомирскаго полка, былъ въ этомъ военномъ училищѣ и ходилъ въ гимназію. Изъ него въ гимназію ходили впрочемъ не одни дворяне, но и солдатскія дѣти. Въ числѣ ихъ былъ Румянцовъ, сынъ солдата, отданнаго въ военную службу изъ крѣпостныхъ дѣда по матери П. И. Мельникова. Онъ кончилъ курсъ въ 1830 году, былъ замѣчательно развитъ, переводилъ Непота и Саллюстія à livre ouvert, хорошо говорилъ по французски, съ хорошимъ притомъ выговоромъ, изучилъ основательно нѣмецкій языкъ, писалъ русскіе стихи; особенно же былъ силенъ въ математикѣ. Но, какъ солдатскій сынъ, онъ долженъ былъ поступить въ военные писаря, спился, былъ наказанъ розгами и удавился на 24-мъ году отъ роду.

Во время пребыванія П. И. Мельникова въ нижегородской гимназіи, она пришла въ такое ветхое состояніе, что даже была переведена въ частный домъ, въ ожиданіи приведенія классовъ въ болѣе безопасное положеніе.

«Это обстоятельство, пишетъ П. И. Мельниковъ. было причиною того, что ни я, ни мои товарищи, вовсе не знали математики. Учитель ея, Л—нъ, должно быть, очень боялся погребенія подъ развалинами храма просвѣщенія. Придетъ, бывало, въ классъ, прямо къ большой, черной доскѣ, напишетъ какую нибудь алгебраическую формулу, поговоритъ о непонятныхъ для насъ иксахъ и игрекахъ, безпрестанно повторяя: «во я вамъ скажу», и, пробывъ съ нами не болѣе четверти часа, кончаетъ урокъ словами:

«во̀ я вамъ скажу—ступайте домой». И самъ пойдетъ домой, слегка покачиваясь. Математическіе уроки были, какъ нарочно, всѣ послѣ обѣда и потому ни алгебры, ни геометріи мы не выучились, но за то пристрастились къ драматическому искусству. Въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ въ то время театръ, заведенный еще въ царствованіе императрицы Екатерины помѣщикомъ княземъ Шаховскимъ. Этотъ деревянный театръ находился на углу Большой и Малой Печерскихъ улицъ. Наглядѣвшись на трагедіи, комедіи, оперы, балеты и водевили, вздумали мы устроить свой театръ. Въ пустой башнѣ нижегородскаго Кремля, именно въ Часовой, устроили мы театръ, разумѣется безъ декорацій и безъ костюмовъ. Это было не безъ пользы для насъ. Многіе изъ насъ наизусть выучили Эдипа въ Аѳинахъ, Фингала, Дмитрія Донскаго, и хотя у насъ не было руководителя, однако мы сдѣлали не малые успѣхи въ декламаціи. Бывало ждемъ, не дождемся той минуты, какъ Л—нъ скажетъ намъ: «во̀ я вамъ скажу—ступайте домой». Дѣломъ не волоча, мы тотчасъ же веселою гурьбою прямо на кремлевскую стѣну. Но только одно лѣто разыгрывали мы трагедіи Озерова. Башня понадобилась гарнизонному начальству подъ цейхгаузъ и батальонный командиръ, придя ее осматривать, засталъ насъ во время представленія «Поликсены». Драматическую труппу, подъ присмотромъ солдатъ, отправили къ директору, а башню заперли. Съ нами расправились, по тогдашнему обычаю, довольно круто, а бѣдному Л—ну отказали отъ должности.

«Изъ ребяческой нашей шалости съумѣли раздуть страшную исторію. Въ городѣ разсказывали вещи несодѣянныя, будто мы, одиннадцати и двѣнадцатилѣтніе мальчики, составили опасный заговоръ для ниспроверженія существующаго порядка. Одна нижегородская барыня К. поѣхала въ это время въ Казань и тамъ стала разсказывать о нашемъ злоумышленіи. Изъ учебнаго округа предписано было разобрать дѣло какъ можно строже и съ нами въ другой разъ распорядились круто. Всего замѣчательнѣе то, что раздувалъ эту исторію учитель словесности Св., по понятіямъ котораго мы должны были въ первомъ классѣ, десяти-одиннадцати лѣтъ, выучить логику Кизеветтера, а потомъ по Кошанскому изучить всѣ тропы и безчисленныя фигуры; все же остальное въ глазахъ его было или вздоръ да пустяки, или вольнодумство.

«Двукратная расправа не истребила въ насъ страсти къ драматическимъ представленіямъ. Мы перенесли сцену изъ запертой башни въ домъ одного товарища, Крупенина, искренняго, вѣрнаго друга моего дѣтства и юности. Домъ отца Саши былъ на Петропавловской или Кладбищенской улицѣ, съ маленькимъ садомъ, густо засаженнымъ грушами, яблонями, вишнями, въ которомъ я провелъ такъ много счастливыхъ часовъ золотой юности... Тамъ то, въ мезонинѣ, стали мы разыгрывать трагедіи, сначала Озерова, а потомъ

и собственнаго издѣлія. Большой успѣхъ имѣлъ «Мухамедъ II», трагедія, сочиненная Крупенинымъ, въ которой я игралъ византійскую царевну Ирину, а десятилѣтній братъ мой, Өедоръ, пажа греческаго. Я тоже написалъ трагедію, въ пяти дѣйствіяхъ, «Вильгельмъ Оранскій», но она не имѣла успѣха.

«У Крупенина въ мезонинѣ мы еще занимались вызываніемъ духовъ. У одного изъ товарищей, Евдокимова, достали мы старинную рукопись на нѣмецкомъ языкѣ, писанную, сколько помнится, на бомбацинѣ пожелтѣвшими чернилами. На ея пергаментной оберткѣ было написано: «D. Faustens Geister Zwang. Anno 1509»[1]. Крупенину, хорошо знавшему понѣмецки, поручено было перевести рукопись на русскій языкъ. Это стоило ему не малаго труда, потому что «Geister Zwang» былъ писанъ старинымъ языкомъ и было множество непонятныхъ мистическихъ выраженій. Помню, что вызывались три духа Achant, Astaoth и Aziel и что было болѣе десяти заклинаній. Сложились мы на покупку пергамента, изъ котораго должно было сдѣлать двѣ таблетки, которыя, по наставленію Фауста, должно было положить при входѣ въ кругъ, и на покупку шелковой матеріи для мантіи заклинателя. Но вышло затрудненіе: въ рукописи было сказано, что кабалистическія фигуры на таблеткахъ должно написать драконовою кровью (Drachenblut). Гдѣ сыскать дракона, какъ убить его? Мы знали, что такихъ драконовъ, какого поразилъ Персей и какой рисуется въ казанскомъ гербѣ, на свѣтѣ нѣтъ и не бывало, но у Блуменбаха[2] было сказано о какой-то ящерицѣ, которая называется дракономъ. Но, увы, эта ящерица водится въ тропическихъ мѣстахъ; не найдешь ее въ Марьиной рощѣ, куда хаживали мы гулять и гдѣ были нерѣдко змѣи. Не ѣхать же за драконовою кровью въ Африку. Одни предлагали убить змѣю и ея кровью написать кабалистическія фигуры, увѣряя, что это все равно, что змѣя, что драконъ — все одинъ и тотъ же гадъ, пресмыкающееся. Я былъ того мнѣнія, что вся сила въ непонятныхъ фигурахъ и что поэтому можно ихъ написать и чернилами. Кто-то вспомнилъ, что въ москательныхъ лавкахъ продается краска, называемая драконовою кровью, и мы единогласно рѣшили купить этой краски, потому что Фаустъ именно о ней и говоритъ. Купили краски, написали таблетки, сшили мантію, — все готово. Но снова возникли пренія. Фаустъ говорилъ: «чтобы не устрашиться духа, вызывай его въ пріятномъ видѣ, напримѣръ, въ видѣ короля». Но мы полагали, что и въ видѣ короля Achant будетъ страшенъ, много спорили и, наконецъ, рѣшили вызывать духа, въ видѣ маленькой, хорошенькой дѣвочки.

---

[1]) Рукопись эта осталась у А. Д. Крупенина.

[2]) «Руководство къ естественной исторіи доктора Іог. Фридр. Блуменбаха, переводъ Наумова и Теряева», — по которому мы учились зоологіи.

«Пришла первая пятница послѣ полнолунія, день, предписанный Фаустомъ. Пятеро изъ насъ стали въ кругъ; Крупенинъ надѣлъ мантію и сталъ читать «Geister Zwang» въ русскомъ переводѣ. Прочиталъ—не идетъ Ахантъ; въ другой разъ прочиталъ—не идетъ; семь разъ прочиталъ,—нѣтъ какъ нѣтъ Аханта.

«— Должно быть онъ не знаетъ порусски, заклинай его Саша понѣмецки, сказалъ кто-то Крупенину.

«И понѣмецки не выходитъ Ахантъ. Три раза нарождался мѣсяцъ и мы три пятницы послѣ полнолунія бились съ упорнымъ духомъ, но Ахантъ такъ таки и не пожаловалъ къ намъ.

«Эта неудача имѣла на насъ своего рода вліяніе. Мы отъ всей души смѣялись и надъ собою, и надъ Фаустомъ, и уже болѣе не вѣрили ни духамъ, ни колдовству, ни другому чему сверхъестественному.

«Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ гимназіи сдѣлано было много улучшеній. Послѣ того, какъ въ одной комнатѣ (къ счастію ночью) грохнулся заразъ весь потолокъ, попечительное начальство озаботилось пріисканіемъ квартиры для гимназіи въ частномъ домѣ. По нѣкоторымъ предметамъ назначены были новые учителя. Александръ Васильевичъ Савельевъ, заступившій мѣсто Св., далъ живое направленіе нашимъ схоластическимъ до того времени занятіямъ. Онъ заставлялъ насъ писать сочиненія, читалъ въ классахъ и давалъ на домъ читать сочиненія современныхъ авторовъ. Тутъ мы ознакомились съ Пушкинымъ, Козловымъ, Дельвигомъ, Баратынскимъ, а до тѣхъ поръ насъ заставляли удивляться только Хераскову, Ломоносову и Державину. О Карамзинѣ Св. отзывался неодобрительно; совѣтовалъ и дома не читать его, потому что сочиненія его пропитаны якобинскимъ духомъ. Впрочемъ и Ломоносова, Хераскова, Державина, знали мы только по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ риторикѣ Кошанскаго. Особенно еще тѣмъ былъ полезенъ намъ Савельевъ, что говорилъ съ нами живымъ языкомъ. Хотя онъ былъ не изъ важныхъ педагоговъ, но живая рѣчь его, а не рабское, усыпляющее своею монотонностью, повтореніе затверженныхъ выраженій Кошанскаго, ввели насъ въ новый міръ, въ міръ мысли. Савельевъ разсказами своими объ университетѣ подстрекалъ насъ къ дальнѣйшему образованію. Онъ нарочно знакомился съ отцами болѣе даровитыхъ учениковъ и уговаривалъ ихъ отправить сыновей своихъ въ университетъ, вызываясь самъ ѣхать съ ними въ Казань и быть тамъ при нихъ неотлучно до поступленія въ студенты. Мы очень обязаны А. И. Савельеву. Это былъ первый настоящій нашъ учитель; онъ первый показалъ намъ, что между учителемъ и ученикомъ могутъ существовать иныя, болѣе человѣческія отношенія, чѣмъ грубыя, сопровождаемыя площадными ругательствами, розгами, потасовками, да карцеромъ, отношенія прежнихъ нашихъ наставниковъ. Особенно люты были учителя изъ духовнаго званія; они же были и самые безтолковые.

«Другой новый учитель, Кученевъ, быть можетъ, и самъ того не подозрѣвая, открылъ намъ новый міръ — міръ природы. Правда, и до него мы учились ботаникѣ, но это изученіе ограничивалось заучиваніемъ въ долбяжку системы Линнея, причемъ не было показано намъ ни одного живаго растенія, ни одного рисунка, чтобы могли мы понять различіе между моногаміею и криптогаміею. Учились мы и минералогіи, долбили по системѣ Гаю сотни названій никогда невиданныхъ нами камней, удѣльный вѣсъ каждаго и даже химическій составъ ихъ, а что за звѣрь такой химія, того и во снѣ намъ не грезилось. У Кученева учились мы зоологіи по Блуменбаху. Вѣроятно, скучая классными занятіями, нашъ учитель заставлялъ одного изъ насъ читать Бюффона, а прочимъ слушать, самъ же, ходя по классу взадъ и впередъ, разсуждалъ о благосостояніи Европы. Шалить и рѣзвиться въ присутствіи его мы не смѣли, а потому волею неволею стали мы слушать Бюффона, стали слушать и заслушались. Новый міръ, міръ жизни, предсталъ передъ нами; пытливый умъ мальчиковъ началъ работать; посыпались вопросы къ учителю. Онъ сначала неохотно и даже грубо отвѣчалъ намъ, но, впрочемъ, замѣтивъ, какъ сильно развивается въ насъ понятливость и любознательность, перемѣнилъ тонъ и живымъ языкомъ заговорилъ съ нами объ изученіи природы, о жизни животныхъ и растеній. Чтеніе Бюффона, разсматриваніе иллюминованныхъ изображеній разныхъ животныхъ, сдѣлалось любимымъ нашимъ занятіемъ. Настало лѣто; по садамъ началась ловля гусеницъ, разныхъ букашекъ и бабочекъ; на Волгѣ по вечерамъ уженье рыбы; у Чернаго Пруда, тогда еще не совсѣмъ превращеннаго въ городской садъ, и въ Грузинскомъ саду — ловля лягушекъ. И всякая добыча разсматривалась и анатомировалась съ Блуменбахомъ въ рукахъ. Я усердно и съ любовью занимался зоологіею, но, дойдя до рыбъ, спутался въ ихъ классификаціи, а въ насѣкомыхъ и подавно. Несмотря на то, и я, и товарищи мои хотѣли непремѣнно и въ университетѣ продолжать занятія естественными науками, но, къ сожалѣнію, тогда еще не было особеннаго естественнаго факультета и науки, входящія въ составъ его, преподавались въ математическомъ факультетѣ, куда поступить намъ было невозможно, потому что рѣдкій изъ насъ смыслилъ изъ математики что нибудь, кромѣ четырехъ ариѳметическихъ правилъ, пиѳагоровой теоремы, да уравненія первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ.

«Третій новый учитель былъ шевалье Делассеръ, старый эмигрантъ, съ крестомъ св. Людовика въ петличкѣ. Прежде училъ насъ пофранцузски одинъ изъ остатковъ великой арміи. У него также была красненькая ленточка Почетнаго Легіона, но онъ ее носилъ только въ карманѣ. Неловко же было, въ самомъ дѣлѣ, учителю русской гимназіи носить крестъ, полученный за разгромъ Смоленска. Онъ очень любилъ карточную игру и былъ мастеръ играть:

не разъ случалось, что ученикъ отвѣчаетъ урокъ, заглядывая, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, въ Ломондову грамматику, а кавалеръ Почетнаго Легіона преусердно мечетъ въ классѣ банкъ, отыскивая рутерку. Разумѣется, успѣхи учениковъ были не блистательны и кто не учился пофранцузски дома, тотъ имѣлъ такое произношеніе, которому могла позавидовать любая семинарія... Кавалеръ св. Людовика въ одинъ годъ сдѣлалъ для насъ гораздо болѣе, чѣмъ наполеоновскій соратникъ въ три года. За то уже почти и не проходило ни одного класса, чтобы нашъ шевалье не ругнулъ хорошенько кавалера Почетнаго Легіона не за то, что онъ насъ ничему не выучилъ, а за то, что онъ, нося извѣстную фамилію, бывшую въ свойствѣ съ Монморанси и другими, унизился до того, что служилъ въ рядахъ узурпатора,—титулъ, которымъ приверженецъ Бурбоновъ постоянно величалъ Наполеона».

Въ іюлѣ 1834 года, П. И. Мельниковъ со своими товарищами выдержалъ выпускной экзаменъ изъ нижегородской гимназіи. Публичный актъ происходилъ въ залѣ дворянскаго собранія, потому что домъ гимназіи тогда развалился. Мельниковъ получилъ свой аттестатъ изъ рукъ прибывшаго на актъ гимназіи принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, тогда еще двадцати-двухъ-лѣтняго молодаго человѣка. Всѣхъ окончившихъ курсъ въ гимназіи было двѣнадцать человѣкъ, изъ которыхъ пятеро отправились доканчивать свое образованіе въ университеты. Двое, Мизко и Безсоновъ, отправились въ Москву, а трое, Мельниковъ, Евдокимовъ и Мальчиковскій, въ Казань. Имъ всѣмъ хотѣлось ѣхать въ московскій университетъ, но для поступленія въ него по словесному факультету надобно было знать греческій языкъ, котораго тогда въ нижегородской гимназіи не преподавали. Мизко и Безсоновъ рѣшились пробыть годъ вольными слушателями, чтобы потомъ, научившись погречески, поступить въ студенты; остальные же трое не рѣшились ждать такъ долго и отправились въ Казань. Нижегородская гимназія, директоромъ которой въ 1834 году, и притомъ очень недурнымъ, былъ М. А. Никольскій, входила тогда въ составъ казанскаго учебнаго округа.

П. И. Мельникову очень желательно было поступить въ московскій университетъ, но родители не пустили его туда. Незадолго передъ тѣмъ была извѣстная исторія со студентами въ Москвѣ, отъ которой пострадалъ тогда въ числѣ прочихъ и Герценъ, а потому нижегородскіе дворяне перестали отправлять своихъ сыновей въ московскій университетъ. Все къ лучшему въ этомъ мірѣ. Если бы Мельниковъ отправился въ Москву, то навѣрное не былъ бы принятъ въ студенты. Не зная хорошо математики и имѣя нервное отвращеніе отъ мертвыхъ тѣлъ, онъ не могъ поступить ни на медицинскій, ни на математическій факультеты, а на юридическомъ надобно было быть своекоштнымъ, но у родителей его не было

средствъ, чтобы содержать его въ чужомъ городѣ. Средства ихъ были ограничены, даже скудны. Оставался факультетъ словесный, къ которому Мельниковъ стремился, но, какъ уже сказано, греческій языкъ, введенный во всѣхъ гимназіяхъ московскаго округа, въ нижегородской гимназіи не преподавался. Поэтому Мельниковъ не выдержалъ бы экзамена въ студенты. Мизко и Бессоновъ, бывшіе старше его и учившіеся лучше его, провалились на экзаменѣ въ московскомъ университетѣ, цѣлый годъ послѣ того вновь приготовлялись къ вступительному экзамену, одинъ по юридическому, а другой по математическому факультету, оставивъ попеченіе о греческомъ языкѣ.

Къ Мельникову, Евдокимову и Мальчиковскому присоединился и Василій Павловичъ Васильевъ (нынѣ заслуженный профессоръ китайскаго языка въ петербургскомъ университетѣ), бывшій другомъ П. И. Мельникова съ десятилѣтняго возраста. Крупенину, окончившему гимназическій курсъ вмѣстѣ съ Мельниковымъ, нельзя было ѣхать въ университетъ, потому что ему не было еще 15-ти лѣтъ. Онъ поступилъ въ университетъ въ 1835 году. Васильевъ успѣлъ окончить гимназическій курсъ 13-ти лѣтъ отъ роду, такъ что онъ два года дожидался срока, когда ему можно будетъ поступить въ университетъ. Правило о пріемѣ въ студенты не ранѣе 16-ти лѣтъ не очень строго соблюдалось въ тѣ времена, особенно относительно хорошо выдерживавшихъ вступительный экзаменъ. Преемникъ Магницкаго, попечитель казанскаго учебнаго округа, Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, говаривалъ: «Государь послалъ меня сюда (въ Казань) не разгонять студентовъ (какъ дѣлалъ Магницкій), а собирать ихъ»; но, все-таки, тринадцатилѣтнему мальчику нельзя было надѣяться поступить въ университетъ.

Начало пріемныхъ экзаменовъ въ казанскомъ университетѣ въ 1834 году назначено было 15-го августа. Времени оставалось еще довольно и Мельниковъ поѣхалъ въ Семеновъ проститься съ больною матерью, нѣжно его любившею.

III.

Первое путешествіе Мельникова по Волгѣ. — Пріѣздъ въ Казань.

Учитель русской словесности, Александръ Васильевичъ Савельевъ, сдержалъ слово и поѣхалъ вмѣстѣ съ юношами въ Казань. Онъ отправлялся туда къ учебному начальству по какому-то дѣлу. Тогда лучшимъ путемъ для переѣзда изъ Нижняго въ Казань, какъ и нынѣ, считалась матушка-Волга. На сдаточныхъ перекладныхъ ѣхать было безпокойно и небезопасно. Троичные извозчики нани-

мались тогда верстъ на полтораста и болѣе, изъ Нижняго, напримѣръ, до Иваньковскаго перевоза чрезъ Суру, въ Ядринскомъ уѣздѣ, или до Козьмодемьянска. Первый извозчикъ, проѣхавъ станцію верстъ въ сорокъ, въ пятьдесятъ, сдавалъ сѣдоковъ другому, или, какъ говорили тогда, «продавалъ» ихъ, этотъ сдавалъ третьему и т. д. Условившись, напримѣръ, за 25 рублей провезти 150 верстъ, онъ, отъѣхавъ верстъ 50, получалъ 15 рублей, и за 10 рублей передавалъ другому, который везъ тѣ же 40 или 50 верстъ и получалъ за то 10 или 12 рублей, а затѣмъ слѣдовали станціи уже болѣе короткія, верстъ по 15 и по 20, и за каждую платилось менѣе и менѣе, такъ что послѣднему троичнику, провезшему верстъ двадцать, доводилось получать рубль или полтора. Чуваши, черемисы, всегда честно доставляли сѣдоковъ до мѣста, хотя бы имъ за послѣднюю станцію приходилось получить и нѣсколько гривенъ мѣдью, но съ нашими единоплеменниками иной разъ бывало не то. Пріѣдутъ на станцію, отпрягутъ лошадей и разбѣгутся, такъ что хоть пѣшкомъ ступай.

Въ то время, между Нижнимъ и Астраханью, ходилъ только одинъ пароходъ, въ 60 силъ, Евреинова. Онъ ходилъ черепашьимъ шагомъ, стаивалъ на меляхъ по недѣлѣ и болѣе и перевозилъ только кладь. Пассажирами на немъ были «находившіеся при клади». Буксирныхъ пароходовъ не было на Волгѣ. Всѣ подобныя попытки оказывались неудачными, потому что пароходы не могли идти съ судами противъ теченія. Причина тому заключалалось въ слабосильности сооружаемыхъ пароходовъ, но на Волгѣ сложилось убѣжденіе, что «вода въ ней слишкомъ густа для пароходовъ». Нелѣпость подобнаго мнѣнія доказана была осязательно пароходомъ «Волга», пущеннымъ въ ходъ, въ 1846 году, учредившимся акціонернымъ обществомъ пароходства по Волгѣ.

На пароходъ поэтому разсчитывать было нельзя въ 1834 году, а потому молодежь отправилась въ Казань на крытомъ дощаникѣ, или большой лодкѣ, который путь туда изъ Нижняго совершалъ въ трое сутокъ.

«Погода стояла прекрасная, пишетъ П. И. Мельниковъ, описывая свой переѣздъ въ Казань. Солнце палило, когда мы спускались по Коровьему взвозу на берегъ Волги, гдѣ подъ Пятницею [1]) стоялъ нашъ дощаникъ. Сильно было нетерпѣніе наше; хотѣлось сейчасъ же ѣхать, чтобы взглянуть на невиданныя еще мѣста Приволжья. Это я говорю про себя. Товарищей моихъ провожали родные; имъ, конечно, хотѣлось отдалить хотя сколько нибудь минуту разлуки, но у меня родныхъ не было въ Нижнемъ; я уже простился съ ними въ Семеновѣ. Сидя на кормѣ дощаника, зорко смотрѣлъ я

---

[1]) Ни Коровьяго взвоза, ни церкви Пятницы, нынѣ не существуетъ. На этомъ мѣстѣ устроенъ Егорьевскій съѣздъ и разбитъ великолѣпный Волжскій садъ.

на знакомый плескъ Волги и думалъ, что-то будетъ тамъ, за поворотомъ, у Печерскаго монастыря, какія-то тамъ будутъ мѣста, какая-то тамъ будетъ Волга. Рисовалась въ моемъ воображеніи далекая и еще незнаемая Казань, съ университетомъ въ серединѣ, съ мечетями вокругъ его, съ дворцами и башнями мавританской архитектуры. Столицу татарскаго царства я воображалъ Алгамброю, населялъ ее мысленно только студентами да татарами, и никакъ не могъ себѣ представить, что это такой же губернскій городъ, какъ и Нижній, только побольше.

«А дощаникъ все не отчаливаетъ; то лодочники за харчами на базаръ пойдутъ, да въ кабакѣ пропадутъ, то кормщикъ съ кумою проститься сбѣгаетъ на минуточку, которая бываетъ въ добрый часъ. Вотъ раздался на горѣ и подъ горою гулъ колоколовъ съ пятидесяти колоколенъ; вотъ и вечерня кончилась; на плотахъ рыбаки стали уже расправлять невода, чтобы закинуть ихъ ночью, когда стихаетъ шумъ и гамъ на Волгѣ — а дощаникъ все у пристани. Уже солнце сѣло за низменный долъ Балахонскаго Приволжья, а на лѣвомъ, боровскомъ, берегу Волги, на перевозѣ и рыбачьихъ стоянкахъ замелькали огоньки; уже все стихло вокругъ и сталъ слышенъ глухой шумъ отдаленной ярмарки, да топанье лошадиныхъ копытъ по плавучему мосту чрезъ Оку,—когда дощаникъ нашъ отвалилъ отъ берега. Дощаникъ поворотилъ носомъ къ низу рѣки.

«— Молись Богу, православные! громче прежняго крикнулъ, снимая шапку, кормчій. Бурлаки покинули весла и мы всѣ, бывшіе на дощаникѣ, снявъ шапки, стали креститься. Крестились и насъ крестили издали оставшіеся на берегу родные и знакомые.

«Мѣрно раздавались въ вечерней тиши всплески воды подъ веслами дружно работавшихъ лодочниковъ. Всѣ молчали. Какъ ни заманчива была будущность, какъ ни хотѣлось намъ извѣдать неизвѣданнаго, посмотрѣть на новыя мѣста и на людей невиданныхъ, а все-таки грустно было разставаться съ роднымъ городомъ. Вотъ и Кремль сгинулъ съ глазъ нашихъ и незатѣйливыя строенія Пятницкаго конца (сломаннаго въ 1837 году), и только бѣлая, высокая церковь св. Георгія высилась на углу крутаго сорокасаженнаго утеса. Но вотъ и она скрылась изъ глазъ; вотъ и знакомый древній Печерскій монастырь скрылся и Подновье. Прощай Нижній!

«Когда скрылись и Печера и Подновье, мы, оторванные отъ родного города, разомъ всѣ заговорили, разумѣется, о Казани. Александръ Васильевичъ Савельевъ сталъ намъ говорить про студенческую жизнь, и въ рѣчахъ его уже звучалъ голосъ товарища, а не буки-учителя, какимъ, впрочемъ, онъ не былъ. Много говорилъ онъ намъ о союзѣ молодой дружбы, которая на скамьяхъ университета и важнаго аристократа, и сына ремесленника, и поповича, и мѣщанина соединяетъ въ одно неразрывное братство. Много онъ

говорилъ намъ, какъ полезно это братство для будущей жизни, когда, скинувъ студенческій мундиръ, станемъ мы лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью. Жадно ловили мы слова Александра Васильевича, конечно не совсѣмъ ясно понимая ихъ, и сразу выучили наизусть, со словъ его, «Gaudeamus igitur». Были уже глухія сумерки, когда плылъ нашъ дощаникъ мимо Великаго Врага, одного изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ Приволжья. Дружный хоръ молодежи раздался тогда на тихой Волгѣ:

Vivat universitas!
Vivat professores!
Vivat nostra civitas!
Et qui illam regit!

«Радостно вторилъ намъ А. В. Савельевъ.

«— Вотъ, говорилъ онъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, вотъ какая пѣснь раздается теперь на Волгѣ! Въ первый разъ раздается она здѣсь, потому что до сихъ поръ мало нижегородцевъ ѣздило въ казанскій университетъ, а если и ѣздили, такъ все одиночками. Вотъ какую пѣснь поютъ теперь на Волгѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рядомъ стоятъ «Слопинецъ и Татинецъ, всѣмъ разбойникамъ кормилецъ»... А прежде пѣвали здѣсь буйныя свои пѣсни волжскіе разбойники, да «сарынь на кичку» кричали. Вотъ что значитъ просвѣщеніе-то! Давай Господи, давай Господи!

«Въ ознаменованіе братства и на животъ и на смерть, на первый разъ порѣшили мы собрать во едино наши харчи и жить на дощаникѣ артелью. Но Евдокимовъ, у котораго было всякихъ припасовъ столько, что ихъ хватило бы и до Саратова, на это не согласился. Это значитъ — и жить и умереть вмѣстѣ, а ѣсть, пить врозь. И былъ же наказанъ онъ. Время стояло жаркое: гнили его рябчики, куры и яица и бросилъ онъ, сердечный, подъ Чебоксарами все свое хозяйство въ воду. Васильевъ года два донималъ его этими рябчиками; все бывало спрашиваетъ: «а не попортились ли куры твои, Евдокимовъ»? Впрочемъ этотъ случай не безъ пользы былъ для Евдокимова; онъ впослѣдствіи сдѣлался прекраснымъ товарищемъ.

«Ни Слопинца, ни Татинца мы не видали, — проспали. А какъ сладко спалось въ свѣжую августовскую ночь на дощаникѣ, плывшемъ по соннымъ струямъ Волги, при мѣрныхъ всплескахъ веселъ, при полувнятной пѣснѣ лодочниковъ. Мы проснулись у Макарьева монастыря. Было раннее утро; туманъ еще не совсѣмъ сошелъ съ поверхности Волги и мы едва могли разглядѣть богатое Лысково, раскинувшееся на горахъ, по правому берегу рѣки, за островами, поросшими тальникомъ. Ближе къ полугорѣ виднѣлись Исады съ яблочными садами, которые будто полѣзли въ гору. Въ Макарьевскомъ монастырѣ благовѣстили къ заутрени и яркій звонъ колокола разносился по волжской водной равнинѣ. Что за мѣста, что

за виды! И съ каждымъ новымъ плесомъ Волги, новые да новые виды, и все лучше, все живописнѣе!

«Къ ночи были мы верстахъ въ полутора отъ Козьмодемьянска. Не знаю почему, лодочники, не дойдя до города, сдѣлали здѣсь привалъ. Тихій вечеръ догоралъ; опаловый отблескъ покрывалъ поверхность рѣки; кое гдѣ вспыхивали звѣздочки; издали неслась бурлацкая пѣсня съ ходовой расшивы. Мы вышли на берегъ и купили у рыбаковъ превосходныхъ стерлядей; хотя за нихъ заплатили мы только полтину серебра, но это была такая рыба, что хотя бы на царскій столъ. Взяли у лодочниковъ походный котелокъ, разложили на берегу огонь и, усѣвшись вокругъ его на сырой опокѣ, принялись за стряпню... Много разъ послѣ этого ѣдалъ я стерляжью уху и на годовыхъ обѣдахъ дворянскаго клуба въ Нижнемъ, и за столомъ откупщиковъ, и на великолѣпныхъ купеческихъ обѣдахъ на нижегородской ярмаркѣ, ѣдалъ сурскихъ стерлядей въ Василѣ, сылвенскихъ въ Кунгурѣ, шехонскихъ, донскихъ, камскихъ, но ни какая уха, изготовленная знаменитымъ поваромъ, сваренная на шампанскомъ, поставленная на роскошно сервированномъ столѣ, не казалась мнѣ такою вкусною, какъ наша козьмодемьянская, сваренная въ бурлацкомъ котелкѣ. И какая чудная ночь накрывала въ это время поднебесье: звѣзды чаще и чаще загорались на темносинемъ небѣ и красный мѣсяцъ выкатывался изъ за горы. Волга тиха; не шелохнется ея стеклянная поверхность; какъ вороново крыло почернѣла она, а два мерцавшіе вдали рыбачьи огонька показывали, гдѣ лѣвый берегъ, уже давно потонувшій во мракѣ. Вскорѣ мѣсяцъ серебромъ разсыпался по Волгѣ, мы поплыли дальше и отдохнувшіе лодочники дружно подхватили удалую волжскую пѣсню:

Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Надъ дубравою взойди, надъ зеленою,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ — сиротъ бѣдныхъ,
Сиротъ бѣдныхъ — людей бѣглыхъ,
Мы не воры вѣдь, не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы вольные работнички...

«Такъ плыли мы три дня и три ночи, коротая время въ оживленныхъ разговорахъ или слушая бурлацкія пѣсни про Стеньку Разина и про волжскихъ разбойниковъ. Давно уже и вломинѣ не было этихъ удальцовъ, что однимъ крикомъ «сарынь на кичку» останавливали цѣлые караваны судовъ и, спокойно проходя между рядовъ улегшихся ничкомъ бурлаковъ, дочиста опоражнивали хозяйскіе сундуки; давно не слыхать про волжскихъ разбойниковъ, но преданія о нихъ были еще живы. Словоохотливый, бывалый лоцманъ нашего дощаника разсказывалъ намъ преданіе за преданьемъ, указывая на самыя мѣста разбойничьихъ подвиговъ.

— «Вотъ села Татинецъ да Слопинецъ», говорилъ лоцманъ, «всѣмъ ворамъ кормилецъ». Показалось устье какой то рѣки, выпавшей съ луговаго, лѣсистаго берега. «Это рѣчка быстрая, омутистая, зовутъ Керженкой», продолжалъ лоцманъ, «притонъ разинцевъ и послѣ нихъ волжскихъ разбойниковъ. Тамъ, на пустынныхъ берегахъ этой рѣки, они дуванъ дуванили и строили теплыя зимницы, чтобы пробиться въ нихъ до весны, когда вновь придетъ пора разгуливать въ косныхъ лодкахъ по широкому раздолью Волги. Вотъ села Юркино и Лысково, часто поминаемыя въ разинскихъ и разбойничьихъ пѣсняхъ. Вотъ село Фокино, прозванное по имени разбойника Фоки, слывшаго колдуномъ и сбиравшаго подать со всѣхъ мимо его проходившихъ судовъ. Вотъ за Сурою, на высокой горѣ, узкое ущелье; тамъ жилъ знаменитый разбойникъ Галагай, который на своемъ кафтанѣ плавалъ по Волгѣ, какъ въ лодкѣ, и, сказавъ тайное слово, вѣщьбу, обратилъ свою рукавицу въ птицу, и перелеталъ на ней съ одного берега на другой, а размахнувъ передъ собою кушакомъ, усыплялъ цѣлые полки царской рати и отбиралъ у сонныхъ ратниковъ ихъ оружіе». Разсказывалъ разговорчивый лоцманъ и про русскаго князя-мурзу, что въ дни стародавніе разселилъ русскій народъ по пустыннымъ дотолѣ берегамъ Волги. «Плылъ князь-мурза внизъ по рѣкѣ на камешкѣ, въ одной рукѣ держалъ ведро привезенной изъ Руси земли, а другою бросалъ ту землю по берегамъ Волги. И гдѣ броситъ горсточку, тамъ городъ является, гдѣ броситъ щепоточку, — тамъ выростаетъ селеніе».

«Въ половинѣ четвертаго дня мы подплывали къ деревнѣ Морквашамъ, расположенной у подножья высокой, крутой горы, стоящей надъ рѣкою почти отвѣсно.

«— Вотъ и Казань! сказалъ нашъ разговорчивый лоцманъ, указывая рукою вдаль, на правую сторону.

«На краю небосклона синеватою пеленою широко растилалась какая то мгла и среди ея бѣлѣлось множество какихъ то зданій. Были ли то дома, церкви, башни, разглядѣть было еще невозможно. Быстро несется нашъ дощаникъ по всплескамъ воды, дуетъ вѣтеръ попутный, но намъ не терпится, не сидится. Новость мѣста, новость жизни, новость занятій — такъ бы и перелетѣлъ туда птицею... Эхъ, какъ бы знать да вѣдать тайное слово, чародѣйную вѣщьбу Галагая-разбойника.

«Ближе и ближе подплываемъ къ Бакалдинской пристани. Зданія обрисовываются и представляются напряженному взору яснѣе. Тотъ же нашъ пріятель-лоцманъ сталъ намъ указывать и разсказывать.

«— Вонъ тамъ, лѣвѣе-то, гляди — это Кремль, а видишь красную башню съ золотымъ шаромъ, татарская царица ее ставила, когда Казань еще за татарами была, а теперь ихъ за край города

выселили: гляди налѣво, вишь татарскія слободы, вишь сколько у нихъ тамъ мечетей наставлено.

«Дощаникъ отъ услонскаго берега круто поворотилъ къ Бакалдѣ. Казань стала передъ нами, какъ на ладони.

«— Гдѣ университетъ? Гдѣ университетъ? въ одинъ голосъ спросили мы Александра Васильевича Савельева.

— «Вонъ, направо отъ тѣхъ башенъ, видите на горѣ бѣлое зданіе? Это университетъ.

«Мы невольно сняли фуражки. Я всегда былъ нервнымъ мальчикомъ: у меня слезы выступили на глазахъ; съ каждымъ взмахомъ веселъ яснѣе и яснѣе представлялись глазамъ нашимъ университетскія зданія. Будто растутъ, будто ширяться, будто простираютъ они къ намъ материнскія объятія и что то вѣщее занѣю духовнымъ ушамъ моимъ: «сюда, сюда! здѣсь просвѣщеніе, здѣсь благо».

«Лишь только привалили мы къ Бакалдѣ, пристани въ шести верстахъ отъ Казани, какъ наша волжская «civitas» разрознилась. Мальчиковскій ѣхалъ въ Казань къ своимъ роднымъ, Евдокимовъ къ знакомымъ, а у насъ съ Васильевымъ не было въ Казани ни родныхъ, ни знакомыхъ. Когда мы плыли Волгою, ни на одну минуту мнѣ и Васильеву въ голову даже не приходило, гдѣ мы будемъ жить до поступленія въ студенты; только на Бакалдѣ пришло это намъ въ голову.

— «Александръ Васильевичъ, куда же намъ ѣхать?» заразъ спросили мы своего учителя словесности.

«Александръ Васильевичъ Савельевъ и самъ сначала немного призадумался, но тотчасъ же и самъ вышелъ, и насъ вывелъ изъ затруднительнаго положенія.

«— Въ гостинницу съ собою я васъ не возьму, сказалъ онъ, это не идетъ, вы еще молоды. А пойдемте-ка мы съ вами прямо въ университетъ, тамъ у меня есть старинный пріятель, Алексѣй Ивановичъ Теласковъ; человѣкъ онъ семейный, живетъ на казенной квартирѣ, человѣкъ добрый, хорошій; жена его барыня добрая; она будетъ за вами, какъ за своими дѣтьми, смотрѣть. Я увѣренъ, что онъ приметъ васъ на хлѣба».

«Взяли мы извозчиковъ и поѣхали къ Теласкову, служившему въ правленіи университета и бывшему послѣ того казначеемъ. Онъ принялъ насъ съ Васильевымъ радушно и мы такимъ образомъ нежданно, негаданно нашли себѣ пріютъ въ университетѣ. Это насъ пріободрило, потому что обоимъ намъ было невступно по 15 лѣтъ.

IV.

Пріемный экзаменъ. — Профессора. — Пребываніе въ университетѣ. — Памятники Магницкаго. — Буряты въ университетѣ. — Лама Минитуевъ. — Императоръ Николай I въ университетѣ. — Выпускной актъ.

«Дня черезъ два послѣ нашего пріѣзда въ Казань, пишетъ П. И. Мельниковъ, начались пріемные экзамены въ тамошнемъ университетѣ. Я и Васильевъ подали ректору Лобачевскому просьбы, представили свои документы и не безъ робости вступили въ залу совѣта, гдѣ профессора экзаменовали желавшихъ поступить въ университетъ. Все лица новыя, незнакомыя; изъ нихъ одинъ только Гр. В. Никольскій, незадолго передъ тѣмъ ревизовавшій нижегородскую гимназію, былъ немножко знакомъ. Онъ экзаменовалъ изъ страшной для насъ математики. Старикъ Никольскій спрашивалъ безъ билетовъ; многіе уже у него срѣзались окончательно. Онъ наводилъ страхъ и ужасъ. Каково же было намъ, вовсе не знавшимъ математики? Самъ не понимаю, какимъ образомъ случилось, что, когда я подошелъ къ Никольскому, онъ тотчасъ же спросилъ меня:

«— А знаешь ли ты, государикъ мой, Пиѳагоровы штаны?

«Я схватилъ мѣлъ и бойко разрѣшилъ Пиѳагорову теорему.

«— Хорошо, сказалъ Никольскій, а ну-ка, государикъ мой, уравненіе съ однимъ неизвѣстнымъ?

«И это дѣло знакомое: уравненіе сошло съ рукъ недурно. Тутъ Никольскій спросилъ меня что то изъ тригонометріи и я сталъ въ пень. Онъ еще что то такое спросилъ, но отъ меня ни гласу, ни послушанія.

«— А по какому ты факультету думаешь идти, государикъ мой?

«Я отвѣчалъ, что по словесному.

«— Ну, коли по словесному, такъ будетъ съ тебя, сказалъ Никольскій, справился въ бумагахъ и, увидавъ, что я дѣйствительно желаю поступить по словесному факультету, поставилъ мнѣ удовлетворительную отмѣтку.

«За то на экзаменѣ изъ исторіи и географіи, которыми я съ ранней молодости любилъ особенно заниматься, я выдержалъ экзаменъ блистательно. Профессоръ Булыгинъ былъ въ восхищеніи отъ моихъ отвѣтовъ и сталъ задавать вопросы все труднѣе и труднѣе. Я коекакъ отвѣчалъ, но наконецъ задалъ молчка, когда онъ спросилъ меня, изъ какихъ источниковъ заимствовалъ Несторъ свою лѣтопись. Булыгинъ какъ будто обрадовался, что вотъ сбилъ же таки меня, поглядѣлъ немножко на меня, потомъ справился въ экзаменаціонномъ спискѣ и поздравилъ меня студентомъ, сказавъ:

«— А объ Несторѣ и его источникахъ вы узнаете на второмъ курсѣ.

«Это былъ послѣдній мой экзаменъ. Возвратясь къ Теласкову, я сейчасъ же взялся за перо и написалъ письмо къ отцу и матери, увѣдомляя ихъ о радостномъ событіи, а потомъ пошелъ къ портному заказывать студентское платье.

«У Васильева экзаменъ сошелъ хорошо. Попечитель Мусинъ-Пушкинъ каждый день бывалъ на пріемныхъ экзаменахъ съ начала до конца. Всѣ были испытаны на его глазахъ. Отвѣты Васильева до того ему понравились, что онъ распорядился о пріемѣ его въ казеннокоштные студенты и тутъ же предложилъ ему учиться по-монгольски, обѣщая, что если онъ хорошо окончитъ курсъ, то его пошлютъ въ Китай для изученія тамошняго языка и литературы, а потомъ дадутъ каѳедру китайскаго языка, которой въ то время въ Россіи еще не было. Такъ все и вышло.

«Дней черезъ пять послѣ экзамена у Булыгина, я уже щеголялъ въ вицъ-мундирѣ съ синимъ воротникомъ. Получалъ я послѣ и чины, и кресты, и перстни, и денежныя награды, но не было ни какого сравненія съ тою радостью, съ тѣмъ восторгомъ, который я чувствовалъ, надѣвши студентскій вицъ-мундиръ и прицѣпивъ съ боку шпагу. И всѣ бывшіе студенты единогласно говорятъ тоже самое. Иначе и быть не можетъ: это переходъ изъ дѣтства въ возрастъ юности; это первый шагъ человѣка въ жизни, первый самостоятельный шагъ. Тутъ въ первый разъ возникаетъ въ бывшемъ дотолѣ ребенкѣ сознаніе собственнаго достоинства, сознаніе независимости и самобытности. Дѣлаешься человѣкомъ, а вѣдь достоинство человѣка выше всякихъ чиновъ и титуловъ.

«Ногъ подъ собою не слыхалъ я. Идешъ бываю по улицѣ въ новенькомъ съ иголочки вицъ-мундирѣ, гордо посматриваешь по сторонамъ; всѣ проходящіе будто смотрятъ на тебя съ уваженіемъ, удивляются и только что пальцами не показываютъ: вонъ, десмать, идетъ новый студентъ. Мы съ Васильевымъ въ три, четыре дня облетали всю Казань, вездѣ хотѣлось побывать, людей посмотрѣть, себя показать. И въ Казанскомъ монастырѣ у обѣдни, и на Черномъ озерѣ, и въ Швейцаріи, и даже въ Татарской слободѣ — вездѣ мы перебывали, все осмотрѣли, со всѣмъ ознакомились.

«Но вотъ наступило 1-е сентября. На лекціи, на лекціи! Съ замираніемъ сердца, съ внутреннимъ трепетомъ подходилъ я въ первый разъ къ аудиторіи съ тетрадью чистой бумаги въ рукахъ, на которой хотѣлъ записывать первую лекцію психологіи. Вхожу, сажусь; профессора еще нѣтъ; въ нетерпѣніи я считаю, пересчитываю минуты, скоро ли, скоро ли? Виноградскій [1]), подлѣ котораго я сѣлъ, студентъ уже опытный, успѣвшій разузнать всѣ университетскіе порядки, съ усмѣшкою спросилъ меня:

---

[1]) Афиногенъ Васильевичъ, впослѣдствіи олонецкій и костромской вице-губернаторъ.

«— Зачѣмъ это ты притащилъ тетрадь то?

«— Какъ зачѣмъ? Лекціи записывать.

«Виноградскій захохоталъ и обратился ко всѣмъ студентамъ, указывая на меня: «Господа, посмотрите-ка, Мельниковъ хочетъ лекціи психологіи записывать». Всѣ, глядя на меня, засмѣялись. Я сконфузился, не могъ ни слова отвѣчать и думалъ про себя: что же это такое значитъ? чему они смѣются? Но вотъ дверь отворяется, является адъюнктъ и, ходя взадъ и впередъ по аудиторіи, читаетъ лекцію: «Психологія, психологія. Психологія, говорю я! Слышите ли? Психологія. Психологія есть наука. Наука о душѣ человѣческой». И такъ далѣе, все въ этомъ родѣ. Оказалось, что Виноградскій былъ правъ. Записывать лекціи этого адъюнкта дѣйствительно не стоило; надобно было просто на просто списать курсъ психологіи, который съ незапамятныхъ временъ адъюнктъ-профессоръ читалъ своимъ слушателямъ, не измѣняя ни одной іоты. Звонитъ солдатъ, татаринъ Халитъ, ходя по корридору. Лекція окончилась. Идемъ въ другую аудиторію — учиться языку Зевса олимпійскаго, языку божественной Эллады. И начинаешь: «альфа, вита, гамма, дельта». Лекціи въ двѣ мы, однако, выучились читать и принялись за склоненія. Придетъ, бывало, профессоръ Грацинскій, начнетъ спрашивать уроки, заставитъ писать склоненія на доскѣ. Та же гимназія, но что же дѣлать? Не зная вовсе греческаго языка, необходимо было начинать съ азбуки. Тихи, чинны, монотонны были эти лекціи. Я помню только одинъ случай, когда на лекціи Грацинскаго нарушена была усыпительная монотонность. Спросилъ профессоръ одного, другаго, третьяго склоненіе какого то слова и тѣмъ же гробовымъ тономъ, какимъ называлъ фамиліи студентовъ, сталъ задавать урокъ къ слѣдующей лекціи:

«— βασιλευς — царь, сказалъ онъ.

«— Болѣнъ, хоромъ отвѣчали мы въ тотъ же тонъ.

«Профессоръ засмѣялся и мы также разумѣется. Дѣло въ томъ, что между нами былъ студентъ Василій Аристовъ, котораго тогда не было на лекціи и мы, полагая, что Грацинскій хочетъ спрашивать у него урокъ, поспѣшили увѣдомить профессора, что Аристовъ болѣнъ.

«Послѣ лекціи эллинской азбуки, пошли мы въ аудиторію адъюнктъ-профессора, издававшаго тогда въ Казани «Заволжскій Муравей». Онъ читалъ теорію краснорѣчія. По первымъ же его словамъ мы замѣтили, что его лекціи тотъ же Кошанскій. Признаюсь, первый учебный день въ университетѣ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе; не того я ожидалъ, не того я искалъ. По окончаніи лекцій, я получилъ приказаніе немедленно явиться къ ректору. Призывъ къ ректору много у насъ значилъ. Онъ дѣлался не иначе, какъ по особо важному какому нибудь дѣлу. Иное дѣло,

какъ позовутъ студента на Проломную улицу, т. е. къ попечителю. Туда студентъ идетъ безъ страха, оттуда какъ встрепанный.

«— Ну, что? спросятъ товарищи.

«— Да ничего.

«— Въ карцеръ, что ли?

«— Нѣтъ, не посадилъ.

«— А шибко зѣвалъ?

«— Какъ водится.

«— И пѣна у рта.

«— И пѣна у рта.

«И затѣмъ какъ съ гуся вода. Но ректоръ, ректоръ — это другое дѣлое. Къ достоинству ректора и къ власти его студенты имѣли благоговѣйное уваженіе. Кому ректоръ сдѣлаетъ замѣчаніе, лица, бывало, на томъ нѣтъ; ночи двѣ, бывало, не спитъ студентъ послѣ ректорскаго спокойнаго, холоднаго, безстрастнаго выговора. Надъ другими, бывало, и острипіъ, другихъ и на смѣхъ поднимаешь въ пріятельскомъ кружкѣ, но, сохрани Богъ, сказать неуважительное слово о ректорѣ, — весь университетъ встанетъ на дерзкаго. Да и примѣровъ тому въ наше время не бывало. Слышали мы по преданію, что былъ когда то такой случай и что тогда студенты всѣхъ факультетовъ потребовали, чтобы студентъ, сказавшій дерзко о ректорѣ, вышелъ изъ университета, а не то плохо ему будетъ! Онъ долженъ былъ оставить университетъ, а начальство и не узнало о причинѣ его выхода.

«Такимъ же точно всеобщимъ уваженіемъ пользовался у насъ инспекторъ студентовъ, профессоръ Ѳедоръ Ивановичъ Эрдманъ. Онъ былъ профессоромъ арабской словесности, но, за неимѣніемъ профессора всеобщей исторіи, читалъ на первомъ курсѣ древнюю исторію, точно такъ же, какъ профессоръ словесности и эстетики, Суровцовъ, читалъ среднюю и новую исторіи студентамъ втораго и третьяго курсовъ. Бывало, одного слова Эрдмана достаточно, чтобы сдѣлать изъ студента все, что ему нужно. И никогда при немъ не было большихъ шалостей, ни какого нибудь озорства: студенты боялись огорчить Ѳедора Ивановича. Но когда мѣсто инспектора занялъ одинъ полковникъ изъ кадетскаго корпуса, мигомъ все измѣнилось и недѣли не проходило, чтобы кто нибудь не сотворилъ непростительной шалости. Ни карцеръ, ни арестъ въ казармѣ служителей, ни отдача въ солдаты, ничто не могло возстановить тишины и порядка, бывшихъ при Эрдманѣ.

«Надѣвъ мундиръ, шпагу, трехъуголку, я поспѣшилъ къ ректору. Съ какимъ страхомъ, съ какимъ трепетомъ взбирался я на лѣстницу ректорскаго дома и входилъ въ залу. Черезъ минуту медленнымъ шагомъ выходитъ изъ кабинета Николай Ивановичъ Лобачевскій съ длинною трубкою, съ которою онъ дома не разставался.

«— Васъ нельзя принять въ университетъ, сказалъ онъ. Духъ замеръ во мнѣ, слова не могу сказать, гляжу вопросительно на ректора.

«— Вамъ нѣтъ шестнадцати лѣтъ. Ну, да ужъ это наша бѣда, продолжалъ ректоръ, немного помолчавъ. Вы не виноваты, что мы не досмотрѣли вашихъ документовъ. Разъ принявши въ университетъ, не исключать же васъ безъ вины. Сходите къ профессору Булыгину, поблагодарите его; онъ въ совѣтѣ за васъ горою стоялъ.

«Восторгъ проникъ во весь составъ мой. Ни прежде, ни послѣ, я никогда такъ не радовался. Бѣгомъ выбѣжалъ я изъ ректорскаго дома, подхватилъ извозчика и прямо къ Булыгину. Онъ принялъ меня ласково, расспрашивалъ, какія книги читалъ я по русской исторіи и статистикѣ.

«— Вы еще, такъ сказать, черезъ годъ будете слушать у меня лекціи, сказалъ на прощанье профессоръ, но если у васъ будетъ время, читайте до тѣхъ поръ Эверса и Шлецера. Есть ли у васъ эти книги?

«Я отвѣчалъ, что нѣтъ, и профессоръ далъ мнѣ Шлецерова Нестора».

Мельниковъ поступилъ въ казанскій университетъ черезъ восемь лѣтъ послѣ Желтухинской ревизіи, вслѣдствіе которой попечитель казанскаго округа, Магницкій, былъ отвезенъ съ жандармами изъ Казани въ Ревель. Того духа, что былъ внесенъ Магницкимъ въ университетъ, уже не было, но оставались еще нѣкоторые изъ профессоровъ, которыми онъ замѣнилъ изгнанныхъ имъ европейскихъ знаменитостей въ области науки, Литрова, Френа, Бартельса, Врангеля и друг. Разумѣется, преемники этихъ славныхъ ученыхъ, введенные въ университетъ Магницкимъ, не вели преподаванія въ его духѣ. Если бы Магницкій слышалъ то, что они говорили студентамъ съ каѳедры, и если бы не былъ лишенъ силы, онъ бы, конечно, поступилъ съ ними такъ же, какъ съ профессорами петербургскаго университета во время извѣстной исторіи. Что если бы Магницкій слышалъ, какъ взысканный имъ Булыгинъ, на лекціяхъ по русской исторіи, объяснялъ принятіе великимъ княземъ Владиміромъ христіанства политическими разсчетами, внутренними и внѣшними. Что онъ сказалъ бы, если бы послушалъ отысканнаго имъ гдѣ то Суровцова, когда онъ на своихъ лекціяхъ проводилъ студентамъ параллели одъ Горація и Arsamandi Овидія съ Пѣснями Пѣсней царя Соломона. Сергѣевъ, возведенный въ ординарные профессора казанскаго университета изъ учителей петербургскаго благороднаго университетскаго пансіона, бывшій ближайшимъ наперстникомъ Магницкаго, преподавалъ естественное право по Шмальцу и говорилъ отъ себя о происхожденіи политической власти такъ, что у Магницкаго, сокрушившаго Куницына, конечно, волосы стали бы дыбомъ.

«Въ мое время въ университетѣ, сообщаетъ П. И. Мельниковъ, сохранялись еще нѣкоторые вещественные памятники Магницкаго, но уже лежали въ кладовыхъ, со всякимъ хламомъ. Почти половина обширнаго университетскаго зданія, вѣроятно по неискусству архитектора, оставалась и теперь почти пустою. Въ ней было нѣсколько комнатъ и ни одного окна. Въ этихъ комнатахъ, называвшихся темненькими, стояли зимнія рамы, ломаная мебель и сундуки съ собственными вещами казеннокоштныхъ студентовъ. Тутъ же стояло десятка полтора старыхъ каѳедръ, устроенныхъ Магницкимъ. На каждой каѳедрѣ, на сторонѣ, обращенной къ слушателямъ, золотыми буквами сдѣланы были надписи съ изрѣченіями царя Соломона и апостола Павла: «въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеса повиннѣмъ грѣху. Блюдитеся, да никто же васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію по стихіямъ міра». Въ тѣхъ же темненькихъ комнатахъ находилась почти уже совершенно изорванная, огромная картина, писанная на холстѣ масляными красками кистью не весьма важнаго, кажется, художника. Картина эта изображала страшный судъ и болѣе двухъ третей ея занималъ адъ, въ которомъ представлены были разнообразныя мученія грѣшниковъ, все мужчинъ и все молодыхъ. Эта картина повѣшена была въ карцерѣ съ тою цѣлью, чтобы арестованные студенты, называвшіеся «грѣшниками» (за нихъ даже молились студенты на утренней и вечерней молитвѣ), созерцая ужасы преисподней, раскаявались въ своихъ проступкахъ. Самый карцеръ устроенъ былъ недалеко отъ церкви, подъ колокольней. Магницкій сдѣлалъ это для того, чтобы «грѣшники», лишенные слышанія церковной службы, слышали бы однако колокольный звонъ и были бы имъ побуждаемы къ раскаянію, послѣ котораго они переводились изъ разряда «грѣшниковъ» въ разрядъ «припадающихъ», которыхъ въ церковь не пускали, но позволяли только стоять на паперти съ тѣмъ, чтобы они, кланяясь низко каждому, входившему въ церковь студенту, просили его помолиться о немъ грѣшномъ. Карцеръ и въ наше время остался въ томъ же мѣстѣ и выраженіе «колокола караулить» означало, на языкѣ студентовъ, сидѣть въ карцерѣ.

«Много въ наше время сохранилось преданій о Магницкомъ, стремившемся обратить университетъ въ монастырь; много было знакомыхъ, вышедшихъ въ его время изъ университета и получившихъ медали «за благонравіе и преклонность къ церкви». Но вотъ каковы были плоды отъ древа, насажденнаго Магницкимъ; всѣ до единаго, сколько я не зналъ ихъ, были отъявленными безбожниками и при томъ циниками, либо спивались съ круга.

«Преемнику Магницкаго, Мусину-Пушкину, казанскій университетъ много обязанъ. Онъ, въ продолженіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго управленія округомъ, возстановилъ университетъ и довелъ

его до такого состоянія, въ какомъ онъ не бывалъ ни прежде, ни послѣ. Особенно хорошъ былъ факультетъ математическій, гдѣ всѣ профессоры были замѣчательные ученые, и надъ всѣми ними возвышались профессоры: чистой математики Лобачевскій, астрономіи Симоновъ, химіи Зининъ. Въ медицинскомъ факультетѣ были также замѣчательные профессоры, а въ нашемъ словесномъ факультетѣ замѣчательны были профессоры восточныхъ языковъ Казембекъ, Ковалевскій, Эрдманъ и весьма полезенъ былъ для насъ старикъ Суровцовъ, преподававшій словесность и эстетику, и Фойгтъ, читавшій исторію всеобщей литературы. Юридическій факультетъ въ наше время былъ слабѣе другихъ; онъ процвѣталъ послѣ, въ сороковыхъ уже годахъ, когда на его каѳедрахъ явились такіе профессоры, какъ, напримѣръ, Мейеръ.

«Добродушный, любимый нами старикъ, Григорій Степановичъ Суровцовъ, не былъ замѣчателенъ своими учеными трудами, да едва ли, кромѣ рѣчей для университетскихъ актовъ, и писалъ онъ что нибудь. Надъ нимъ подтрунивали студенты особенно другихъ факультетовъ, но кто хотѣлъ учиться и кто внимательно слушалъ его, тому онъ много приносилъ пользы. Все преподаваніе его поставлено было на твердомъ основаніи древнихъ классическихъ писателей. Горацій и Аристотель были его кумирами: и на лекціяхъ словесности, и на лекціяхъ эстетики онъ все на нихъ основывалъ. Мы не на столько знали древніе языки, чтобы свободно читать этихъ писателей, но достаточно ознакомились съ ними и ихъ твореніями изъ лекцій Суровцова. Мы имѣли возможность усвоить, на сколько могли, строгія и твердыя правила славныхъ учителей древности и знакомство съ ними принесло намъ впослѣдствіи большую пользу. Прекрасно зная народный языкъ и созданія народнаго творчества, пѣсни, сказки, пословицы, Суровцовъ постоянно говаривалъ, что въ нихъ заключается чистый, ничѣмъ не возмутимый источникъ для настоящаго литературнаго русскаго языка, котораго еще нѣтъ, но который будетъ, и будетъ непремѣнно. Онъ постоянно внушалъ намъ, что неисчислимый вредъ родному языку и литературѣ приноситъ введеніе въ него множества иноязычныхъ словъ, употребляемыхъ безъ всякой нужды. Въ подаваемыхъ ему сочиненіяхъ, бывало, сохрани Богъ, написать какое нибудь иностранное слово: засмѣетъ старикъ, тотчасъ скажетъ непремѣнную свою поговорку: «пробавляться чужими словами все одно, что жить чужимъ умомъ», и за ней анекдотъ о Пушкинѣ, котораго зналъ лично, познакомившись съ нимъ въ то время, когда нашъ великій поэтъ ѣздилъ въ Оренбургъ собирать матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Однажды, говорилъ Суровцовъ, спросили Пушкина, какъ онъ находитъ даму, съ которою онъ долго говорилъ, умна ли она? Поэтъ отвѣчалъ: «не знаю, вѣдь я говорилъ съ нею пофранцузски». Изъ русскихъ писателей Суровцовъ объяснялъ намъ только

Ломоносова и Державина, но высоко ставилъ Пушкина. Онъ не разбиралъ его, говорилъ, что время для оцѣнки его произведеній еще не наступило; но читалъ намъ нѣкоторыя стихотворенія, отрывки изъ «Бориса Годунова» и только что напечатанной тогда «Капитанской дочки».

«— Музыка перловъ! восторженно восклицалъ онъ, послѣ прочтенія чего нибудь изъ Пушкина.

«Суровцову пришлось возвѣстить намъ и о преждевременной кончинѣ славнаго нашего поэта. Въ пятницу, 5-го февраля 1837 года, въ 8 часовъ утра, на третьемъ курсѣ словеснаго факультета была лекція русской словесности.

«Суровцовъ, по обыкновенію, вошелъ въ аудиторію во время боя часовъ. Мы ожидали, что онъ, какъ водится, взойдетъ, слегка прихрамывая, на каѳедру, сядетъ, оглядитъ студентовъ, замѣчая, кто не пришелъ на лекцію, вынетъ серебряную табакерку, положитъ ее направо, вынетъ красный фуляровый платокъ и положитъ его налѣво, и начнетъ лекцію обычною фразою: «въ прошедшій разъ бесѣдовали мы, государи мои, о томъ то». Не тутъ то было. Григорій Степановичъ взошелъ на каѳедру и, не садясь, вынулъ изъ кармана газетный листокъ, помнится, «Русскаго Инвалида», поднялъ его къ верху и, окинувъ быстрымъ взглядомъ аудиторію, громко сказалъ: «встаньте!» Мы встали, съ изумленіемъ глядя на профессора. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышались горькія задушевныя слезы, онъ прочелъ извѣстіе — всего нѣсколько строкъ. Живо помню первыя слова его: «Солнце нашей поэзіи закатилось — нѣтъ болѣе Пушкина!» Аудиторія ахнула въ одинъ голосъ, послышались рыданія... Самъ профессоръ сѣлъ и, склонивъ на каѳедру сѣдую, какъ серебро, голову, горько заплакалъ... Прошло нѣсколько минутъ, онъ всталъ и сказалъ: «Князь русскихъ поэтовъ во гробѣ. Его тѣло везутъ изъ Петербурга куда то далеко. Быть можетъ, оно еще не предано землѣ. При незакрытомъ еще гробѣ Пушкина, какъ смѣть говорить о русской словесности! Лекціи не будетъ — пойдемте молиться».

«Къ 9-ти часамъ пріѣхалъ въ университетскую церковь попечитель Мусинъ-Пушкинъ. Въ церкви собрались всѣ почти профессоры и студенты, члены общества любителей отечественной словесности при казанскомъ университетѣ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Пушкинъ. Архимандритъ Гавріилъ и четыре протоіерея отслужили панихиду, а потомъ заупокойную обѣдню по рабѣ Божіемъ, боляринѣ Александрѣ.

«Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Послѣ поста, когда мы готовились къ выпускному экзамену, на одной изъ послѣднихъ лекцій, Суровцовъ принесъ извѣстное стихотвореніе тогда еще безвѣстнаго Лермонтова и прочелъ его намъ. Кончивъ, онъ сказалъ:

«— Говорятъ, это написалъ кто то изъ молодыхъ, Лермонтовъ

какой то. Не родня ли вамъ, г. Лермонтовъ, прибавилъ профессоръ, обращаясь къ одному студенту, ни по плоти, ни по духу не бывшему, впрочемъ, въ родствѣ съ нашимъ знаменитымъ писателемъ. Какой стихъ! Какая сила! Какая смѣлость оборотовъ! Музыка перловъ! Нѣтъ, это не Лермонтовъ, это самъ Пушкинъ изъ гроба послалъ свой ропотъ на раннюю и ужасную кончину свою.

«Говорили потомъ, что Суровцову, за его увлеченіе и особенно за прочтеніе стиховъ Лермонтова, былъ сильный нагоняй отъ Мусина-Пушкина, который, впрочемъ, самъ съ гордостью говаривалъ намъ на экзаменѣ, что онъ происходитъ отъ одного родоначальника съ славнымъ нашимъ поэтомъ.

«Суровцовъ скончался въ Самарѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ преклонной старости. Незадолго до того я видѣлся съ нимъ, восьмидесятилѣтнимъ старикомъ. Я въ то время уже кое что напечаталъ. Не забуду я послѣдней встрѣчи моей съ моимъ почтеннымъ наставникомъ. Крѣпко онъ обнялъ меня и сказалъ:

«— Спасибо тебѣ, спасибо!.. Ты вѣдь мой, мой ученикъ. Да, нѣтъ, что я говорю? Ты послѣ меня научился. А попомнилъ же меня, старика. Я все читаю, что ты пишешъ; иноязычныхъ словъ у тебя нѣтъ. Хвалю, ставлю тебѣ 5.

«Я сказалъ, что ему обязанъ первоначальнымъ образованіемъ, и когда пишу, не выпускаю изъ памяти его наставленій и наставленій Горація и Аристотеля, имъ переданныя. Заплакалъ старецъ. Онъ вообще былъ слезливъ; рѣдкая лекція обходилась безъ подавляемыхъ слезъ профессора. Добромъ только могу я помянуть незабвеннаго учителя.

«Вообще Суровцовъ совѣтовалъ намъ избѣгать малѣйшей вычурности въ выраженіяхъ, внушалъ, что простота и естественность главнѣйшія свойства изящнаго. Замѣчательно, что это говорилось съ каѳедры въ тридцатыхъ годахъ, когда риторика царствовала въ нашей литературѣ и когда все преклонялось передъ Марлинскимъ. «Это фейерверкъ», говаривалъ намъ Суровцовъ про Марлинскаго. «Избави васъ Богъ подражать ему. Огня много, но тепла ни на грошъ. Вспыхнетъ, блеснетъ, ослѣпитъ и померкнетъ». Надъ Суровцовымъ смѣялись, говорили, что онъ не знаетъ своего предмета, что онъ устарѣлъ, а мнѣ кажется, что онъ на десятки лѣтъ ушелъ впередъ.

«Другой профессоръ, имѣвшій на насъ доброе вліяніе, былъ молодой еще тогда К. К. Фойгтъ, впослѣдствіи попечитель харьковскаго учебнаго округа, умершій въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Фойгтъ, незадолго до моего поступленія въ казанскій университетъ, окончилъ курсъ въ немъ по восточному отдѣленію словеснаго факультета и сначала преподавалъ въ казанской гимназіи и въ первомъ курсѣ университета персидскій языкъ. Мы были на второмъ курсѣ, когда ему поручено было читать исторію всеобщей лите-

ратуры. Какъ теперь помню первую лекцію К. К. Фойгта. Ждали новаго профессора съ равнодушіемъ, отчасти даже съ недовѣріемъ. Но вотъ онъ начинаетъ читать лекцію. Изящность и живость блестящей рѣчи, соединенная съ простотою и естественностью (онъ также былъ ученикъ Суровцова), съ первыхъ словъ поразила насъ. Представивъ намъ картину природы въ Индіи, онъ перешелъ къ народу, издревле тамъ обитавшему, указалъ на значеніе санскрита для европейскихъ языковъ, особенно же для славянскихъ, и затѣмъ перешелъ къ памятникамъ санскритской литературы. Онъ разсказывалъ намъ содержаніе каждой изъ замѣчательнѣйшихъ эпопей и драмъ и приводилъ изъ нихъ длинные отрывки. Новость предмета, своеобразіе произведеній индійскихъ поэтовъ, передаваемыхъ живымъ словомъ, каждый разъ привлекали на лекціи студентовъ изъ другихъ факультетовъ. Аудиторія стала тѣсна и Фойгту отвели самую большую, гдѣ помѣщалось до 200 человѣкъ, и каждый разъ всѣ скамьи въ ней были заняты. Отъ санскритской литературы онъ перешелъ прямо къ греческой и потомъ къ латинской. И это не была простая исторія литературы; нѣтъ, весь древній классическій міръ представалъ передъ нами на лекціяхъ К. К. Фойгта. Онъ всесторонне изобразилъ намъ жизнь эллиновъ и римлянъ до мельчайшихъ подробностей. Затѣмъ онъ указывалъ на книги, которыя совѣтовалъ прочитать, и, будучи въ то же время университетскимъ библіотекаремъ, снабжалъ на свой страхъ даже самыми дорогими и рѣдкими изданіями каждаго изъ студентовъ, кто бы ни попросилъ его.

«Болѣе половины нашего курса занималась восточными языками и была освобождена отъ лекцій греческаго языка. Но большая часть и насъ, такъ называемыхъ тогда общихъ словесниковъ, прилежно слушала нѣкоторые предметы восточнаго курса. Такъ, мы у профессора Эрдмана слушали исторію Персіи, халифата и мусульманскихъ династій до XV вѣка по арабскимъ и персидскимъ источникамъ, а также исторію литературы персидской и арабской; у профессора Ковалевскаго исторію буддизма и исторію монгольской литературы. Такимъ образомъ, на университетскихъ скамьяхъ, мы хорошо ознакомились съ древнею литературою и съ литературою Востока, но не изучили исторіи новой европейской словесности, что конечно составляло важный пробѣлъ въ нашемъ образованіи. Правда, адъюнктъ Бюрно читалъ исторію французской литературы; пасторъ Фюрренъ исторію нѣмецкой, а лекторъ Турнерелли англійской, но надобно признаться, что мы не очень много вынесли изъ ихъ аудиторій. При томъ же одинъ изъ нихъ только и читалъ о провансальской поэзіи; другой, какъ и подобаетъ, впрочемъ, духовному лицу, цѣлый годъ читалъ намъ о Клопштокѣ и его Мессіадѣ; и я право не знаю, на что эти лекціи были болѣе похожи: на лекціи нѣмецкой литературы или на лекціи протестан-

скаго богословія. Турнерелли что то очень туманно разсказывалъ объ Оссіанѣ и далѣе не пошелъ.

«Курсъ философіи мы прошли полный; чистую и прикладную логику мы слушали еще въ гимназіи, а въ университетѣ начинали съ психологіи, за которою слѣдовала метафизика, нравственная философія, естественное право по Шмальцу и исторія философическихъ системъ по Гамму. Не могу сказать, чтобы преподаваніе матери наукъ у насъ было блестящее, но мы всѣ и до нынѣ благодаримъ судьбу, что выслушали полный курсъ философіи. Много принесла она пользы, а главное выучила тому, какъ учиться по выходѣ изъ университета.

«Изъ особенностей нашего университетскаго воспитанія могу указать на то, что мы тогда находились въ общеніи со студентами разныхъ восточныхъ племенъ. На медицинскомъ факультетѣ и на восточномъ отдѣленіи словеснаго было тогда нѣсколько десятковъ татаръ, башкиръ и киргизовъ. Они воспитывались на казенный счетъ съ тѣмъ, чтобы вышли изъ нихъ врачи для башкирскихъ кантоновъ и киргизскихъ степей и переводчики при пограничныхъ управленіяхъ. Было нѣсколько закавказскихъ армянъ, калмыковъ и въ томъ числѣ сынъ самаго хана, Джингиръ Тюменевъ. Въ 1835 году, привезли въ Казань человѣкъ до пятнадцати мальчиковъ бурятъ, сыновей тамошнихъ тайшей, и съ ними пріѣхалъ прелюбезный и премилый лама Галсонъ Минитуевъ, котораго мы обыкновенно называли Галстукъ Никитичъ. Буряты поступили въ первую гимназію. Галстукъ Никитичъ жилъ съ ними въ особыхъ комнатахъ и былъ при нихъ гувернеромъ, законоучителемъ и совершителемъ религіозныхъ буддійскихъ обрядовъ. Въ одной изъ занимаемыхъ ими комнатъ былъ даже устроенъ алтарь, на которомъ стояло десятка два мѣдныхъ разной величины изображеній Будды и другихъ божествъ. Лама, въ обыкновенное время ходившій въ какомъ то особаго покроя суконномъ кафтанѣ ярко-краснаго цвѣта съ желтыми отворотами и въ желтой шапочкѣ, во время богослуженія надѣвалъ шелковыя мантіи одну на другую, одну желтую, другую красную съ вытканными на ней драконами, а на головѣ имѣлъ что то въ родѣ короны. Гимназисты-буряты тоже надѣвали какіе то шелковые яркихъ цвѣтовъ балахоны и когда лама прерывалъ чтеніе молитвъ, они что есть силы колотили въ мѣдныя тарелки, барабаны и китайскій тамъ-тамъ, пронзительно трубили въ особаго устройства мѣдныя трубы, словомъ, задавали такой концертъ, отъ котораго, бывало, поскорѣе давай Богъ ноги.

«Въ августѣ 1836 года, казанскій университетъ былъ посѣщенъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Попечитель Мусинъ-Пушкинъ, желая показать императору буддійское богослуженіе, въ одной изъ залъ устроилъ огромный буддійскій алтарь подъ балдахиномъ или, лучше сказать, въ палаткѣ изъ китайскихъ шелковыхъ ма-

терій. Въ казанскомъ университетѣ былъ очень богатый азіятскій кабинетъ, теперь находящійся въ Петербургѣ. Въ немъ было множество буддійскихъ идоловъ. Всѣхъ ихъ поставили на алтарь; передъ ними поставили курильницы съ ладономъ, поставили своеобразной формы зажженныя восковыя свѣчи. Самъ лама и его единовѣрцы-гимназисты были одѣты въ великолѣпныя платья. Когда государь вступилъ въ залу, Галстукъ Никитичъ и всѣ буряты упали ницъ и Мусину-Пушкину стоило не малаго труда уговорить ихъ встать. — «Какъ на солнце нельзя смотрѣть, говорилъ лама, знавшій хорошо по-русски, такъ нельзя взирать и на повелителя многихъ народовъ». И когда, послѣ рѣшительнаго приказанія встать и начинать свой молебенъ, онъ исполнилъ это, то все-таки не взглянулъ на государя, а пошелъ къ своему алтарю съ зажмуренными глазами. Ставъ передъ алтаремъ, лама началъ молитву на тибетскомъ языкѣ, въ которомъ поминались имена всѣхъ особъ царской фамиліи. И лишь только онъ успѣлъ закончить, гимназисты-буряты такъ забарабанили и затрубили, что государь тотчасъ же вышелъ изъ залы, подальше отъ такой неслыханной еще, конечно, имъ музыки.

«Моего товарища и друга Васильева, для практики въ монгольскомъ языкѣ и для изученія тибетскаго, помѣстили въ гимназіи вмѣстѣ съ ламою и бурятами. Я часто бывалъ у него и очень сблизился съ Галстукомъ Никитичемъ. Бывало, цѣлые вечера проводили Васильевъ, я и нѣкоторые другіе товарищи съ ламою. Онъ угощалъ насъ кирпичнымъ чаемъ, свареннымъ на молокѣ съ солью, жирною бараниною и объяснялъ ученіе своей вѣры. Интересныя были бесѣды. Гимназисты-буряты были очень способны и прекрасно учились, но не многіе изъ нихъ дошли до университета: всѣ перемерли одинъ за другимъ отъ непривычной европейской жизни. Остальные перемерли, будучи студентами. Кончилъ университетскій курсъ одинъ, Дорджи Бонзаровъ, необыкновенно способный молодой человѣкъ, вполнѣ усвоившій себѣ европейскую жизнь. Онъ написалъ замѣчательное сочиненіе «О черной, т. е. шаманской вѣрѣ» и, защитивъ его, получилъ степень магистра. Это былъ первый и послѣдній магистръ изъ монгольскаго племени. Ему чрезвычайно хотѣлось остаться въ Петербургѣ и даже съѣздить за-границу, но, по распоряженію правительства, какъ казеннокоштный воспитанникъ, онъ былъ отправленъ на службу въ Иркутскъ, въ распоряженіе тамошняго генералъ-губернатора. Съ годъ прожилъ онъ въ Иркутскѣ и встосковался по роднымъ мѣстамъ. Заѣхавъ въ бурятскія селенія, гдѣ съ него какъ вѣтромъ сняло весь европеизмъ, онъ спился тамъ съ круга и умеръ.

«Шли годъ за годомъ и подошли выпускные экзамены. Но и они окончились. 18-го іюня 1837 года весь университетъ собрался въ большой университетской залѣ, обыкновенно называвшейся желтою.

Съ одной стороны выстроились рядомъ студенты по факультетамъ, выставивъ впереди своихъ кандидатовъ и лекарей первой степени. Съ другой стороны стали въ рядъ всѣ университетскіе профессоры въ мундирахъ. Хотя въ залѣ было до 500 человѣкъ, однако тишина была невозмутимая. Вдругъ на улицѣ, подъ самыми окнами университета, сотни голосовъ закричали громкое, радостное ура. Чрезъ нѣсколько минутъ, сопровождаемый попечителемъ, ректоромъ и блестящею свитою, въ залу вступилъ стройный, прекрасный собою, добромъ и привѣтомъ сіявшій молодой человѣкъ въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ. Это былъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, путешествовавшій тогда по Россіи. Попечитель представилъ ему всѣхъ профессоровъ и затѣмъ перешелъ на ту сторону, гдѣ стояли студенты. Ректоръ Лобачевскій прочелъ передъ цесаревичемъ списокъ новыхъ кандидатовъ и лекарей первой степени. Цесаревичъ сказалъ намъ нѣсколько теплыхъ привѣтственныхъ словъ и, при нашихъ кликахъ ура, пошелъ далѣе по университету. Въ залѣ остались двое изъ сопровождавшихъ цесаревича. Одинъ высокій ростомъ, съ задумчивымъ видомъ и кроткими, сіявшими душевною красотою глазами, другой невысокій, съ умнымъ лицомъ и проницательными глазами. Во всей свитѣ только они двое были во фракахъ. Они подошли къ кандидатамъ словеснаго факультета и ласково разговаривали съ нами, распрашивали кто куда намѣренъ поступить по выходѣ изъ университета. То были знаменитый нашъ поэтъ Жуковскій и первый разработавшій отечественную статистику по правиламъ науки Арсеньевъ.

«Такъ кончилась наша университетская жизнь. Въ нашемъ курсѣ было только 14 человѣкъ. Выпускъ считался однимъ изъ лучшихъ, потому что изъ 14 человѣкъ шестеро вышли кандидатами. Въ наше время кандидатскій дипломъ получить было гораздо труднѣе, чѣмъ потомъ, когда въ каждомъ выпускѣ кандидатовъ было болѣе, чѣмъ дѣйствительныхъ студентовъ. Кандидатами вышли Васильевъ, Березинъ (ординарные профессоры петербургскаго университета), Диттель (профессоръ того же университета, умершій въ 1848 году), я, Каратаевъ и Александровъ-Дольникъ».

П. Усовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КЪ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 ГОДА.

(Депеши итальянскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза Пеполи).

ОМѢЩАЕМАЯ здѣсь переписка маркиза Пеполи, бывшаго въ 1863 году итальянскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, переведена изъ газеты «Gazzetta d'Italia». Переписку эту велъ Пеполи съ тогдашними итальянскими министрами иностранныхъ дѣлъ — сперва Пазолини, а потомъ Веноста, а также и съ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ. Она имѣетъ для насъ важное значеніе какъ потому, что относится къ исторіи польскаго возстанія, такъ и потому еще, что обрисовываетъ политику въ отношеніи къ Россіи не только со стороны Италіи, но еще и Франціи, и Англіи. Къ этому надобно добавить, что маркизъ Пеполи, переписываясь вполнѣ откровенно не только съ министрами, но и съ самимъ королемъ, передаетъ весьма многія интересныя подробности о своихъ объясненіяхъ съ княземъ Горчаковымъ и по временамъ касается настроенія тогдашняго русскаго общества.

Послѣ паденія министерства Ратацци, Пеполи, защищавшій въ палатѣ интересы этого министерства, удалился въ Болонью, но король вызвалъ его оттуда и предложилъ ему отъ имени новаго министерства должность посла въ Петербургѣ, которую Пеполи и принялъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Пеполи скоро убѣдился, что ему не легко будетъ выйти съ честью изъ его положенія, какъ итальянскаго посла, и что для пріобрѣтенія сочувствія къ итальянскимъ дѣламъ нужно поступать съ крайнею предусмотрительностію. Въ короткое время онъ вполнѣ увѣрился, что русская аристократія

была противъ итальянскаго движенія и сильно склонялась на сторону неаполитанскихъ Бурбоновъ.

Высшіе придворные сановники также недружелюбно смотрѣли на дѣйствія новаго короля, и весь дипломатическій корпусъ, не исключая и англійскаго посланника—лорда Непира, былъ противъ Виктора Эммануила.

Тѣмъ не менѣе Пеполи съумѣлъ вскорѣ снискать себѣ уваженіе, а потомъ и любовь даже самыхъ упорныхъ противниковъ Италіи, и въ короткое время сдѣлался любимцемъ петербургскаго общества.

Онъ началъ съ того, что открылъ для избраннаго общества столицы свои роскошные салоны и устроилъ у себя концерты знаменитѣйшихъ итальянскихъ пѣвцовъ, выписанныхъ для императорскаго театра. Ко дню рожденія короля, композиторомъ Риччи была приготовлена кантата, въ которой прославлялось торжество объединенія Италіи. Въ этотъ день великолѣпныя залы Демидовскаго дома, гдѣ жилъ итальянскій посланникъ, служили мѣстомъ собранія всего, что было въ Петербургѣ наиболѣе знатнаго, наиболѣе любезнаго и наиболѣе представительнаго.

Князь Горчаковъ, не говоря уже о другихъ, выказывалъ въ отношеніи Пеполи большое уваженіе, и такъ какъ князь — что̀ всѣмъ извѣстно—былъ человѣкомъ большаго ума и отличался остроуміемъ и нерѣдко высокопарностью слога, то въ день Пасхи онъ написалъ Пеполи, что «въ этотъ день любви и согласія онъ предсказываетъ Италіи благопріятный миръ». Но Пеполи далъ понять князю, что Италія успокоится только тогда, когда Римъ будетъ взятъ итальянцами.

Чтобы дать понятіе, на сколько Пеполи былъ способенъ поддержать достоинство своей націи, своего короля и правительства, а также и свое собственное, издатель его переписки, нѣкто Віанки, приводитъ въ примѣръ слѣдующій случай. Императрица давала малый балъ, на который итальянскій посланникъ — вслѣдствіе-ли забывчивости распорядителей, или по какой либо другой причинѣ— не получилъ приглашенія. Выбравъ удобную минуту, Пеполи обратился къ князю Горчакову и откровенно высказалъ ему, что онъ, Пеполи, охотно вернулся бы въ Италію, оставивъ на своемъ мѣстѣ другаго посланника, который переносилъ бы терпѣливо неблаговоленіе и невниманіе императрицы. Это оказало хорошее дѣйствіе: 12 часовъ спустя, флигель-адъютантъ привезъ маркизу Пеполи приглашеніе на балъ. При назначеніи Пеполи въ Петербургъ, министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ ему слѣдующее:

«Король и его правительство довѣряютъ вашему сіятельству тяжелое и почетное бремя быть представителемъ Италіи при россійскомъ дворѣ. Высокія должности, которыя вы занимаете съ такимъ достоинствомъ, и то важное участіе, какое вы принимали въ

интересахъ народа, засѣдая въ парламентѣ и въ государственномъ совѣтѣ, убѣждаютъ меня, что вамъ лучше, чѣмъ кому-либо другому, могутъ быть ввѣрены интересы Италіи въ Петербургѣ, и въ то же время освобождаютъ меня отъ необходимости входить въ пространныя разъясненія относительно главныхъ руководителей политики, надъ которыми королевское правительство надѣется восторжествовать».

Въ то время, когда Пеполи пріѣхалъ въ Петербургъ, общество было чрезвычайно взволновано событіями въ Польшѣ, такъ какъ инсургенты взялись за оружіе, а дипломатическая Европа соединилась противъ Россіи. Поэтому первыя письма Пеполи къ королю и министерству Пазолини выражаютъ опасенія. Королю онъ писалъ:

«Петербургъ, 23-го марта, 1863 года.

«Ваше величество!

«Такъ какъ в. в. соизволили разрѣшить мнѣ писать къ вамъ непосредственно, то я пользуюсь отъѣздомъ англійскаго курьера, чтобы написать в. в. нѣсколько почтительныхъ словъ изъ мѣста моего изгнанія.

«Я отправилъ сегодня министерству депешу, которая, надѣюсь, дастъ нашему правительству возможность судить о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Если в. в. удостоите взглянуть на нее, то, можетъ быть, убѣдитесь, что русское правительство съ трудомъ согласится снизойти на рискованныя сдѣлки. Я не упущу ни одного способа, чтобы удовлетворить желаніямъ правительства в. в. и буду обо всемъ сообщать.

«Кратковременность моего здѣсь пребыванія не позволяетъ мнѣ составить точное понятіе о положеніи дѣлъ, но я боюсь, что мы заблуждались относительно русской политики.

«Князь былъ со мною любезенъ, а императоръ говорилъ о в. в. съ истиннымъ расположеніемъ и высочайшимъ уваженіемъ».

Къ Пазолини Пеполи писалъ слѣдующее:

«Петербургъ, 24-го марта, 1863 года.

«Согласно извѣщенію, отправленному мною во вчерашней телеграммѣ, сегодня я имѣлъ честь представить е. в. императору вѣрительныя грамоты, которыми я аккредитованъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра при здѣшнемъ дворѣ.

«Оставшись вдвоемъ съ е. в., я выразилъ ему твердое желаніе нашего правительства поддерживать наилучшія отношенія съ Россіею и высказалъ чувства особеннаго расположенія, которое е. в. нашъ король питаетъ къ особѣ царя. Государь любезно благодарилъ меня и, казалось, былъ доволенъ выраженіемъ такихъ чувствъ. Онъ закончилъ свою рѣчь, сказавъ, что такія отношенія были бы наиболѣе удобны въ минуту, когда всѣ государи, которымъ угрожаетъ возстаніе, должны были бы искренно соединиться

между собою, чтобы положить предѣлъ анархіи. Я понялъ, что послѣдними словами императоръ хотѣлъ намекнуть на внутреннія опасности, которыя угрожаютъ Италіи, а именно на митинги, собирающіеся почти во всѣхъ городахъ королевства и предводительствуемые партіею дѣйствія. Изъ дальнѣйшаго разговора я понялъ, что послѣднія извѣстія изъ Польши должно считать благопріятными для императорскаго правительства, и это обстоятельство особенно способствовало бы тому, что императоръ могъ бы слѣдовать побужденіямъ своего сердца. Я долженъ однако сознаться, что не нашелъ удобнымъ высказать такую мысль государю, и заключилъ нашъ разговоръ опять выраженіемъ желанія, которое питаетъ Италія къ поддержанію и укрѣпленію союза съ Россіею — союза, по моему мнѣнію, весьма благопріятнаго для интересовъ Италіи. На это императоръ отвѣтилъ мнѣ: «Да, для мира всей Европы»!

Во второмъ письмѣ къ королю Пеполи писалъ:

«Петербургъ, 4-го апрѣля, 1863 г.

«Государь!

«Почта неисправна, и французскіе курьеры также неисправны — этимъ объясняется мое молчаніе; но такъ какъ я узналъ, что в. в. сердитесь на меня, то позволяю себѣ донести вамъ, что я запоздалъ пріѣхать въ Петербургъ вслѣдствіе точнаго приказанія министерства, которое по телегдафу задержало меня на два дня во Франкфуртѣ и на десять дней въ Берлинѣ.

«Изъ донесенія моего в. в. изволите увидѣть, что я не уклонился отъ желаній вашихъ, но время еще не благопріятно. Я однако усердно прошу в. в. прочесть это донесеніе: изъ него вы изволите усмотрѣть все, что я могу сказать посовѣсти о настоящемъ положеніи дѣлъ, а также планъ политики, которому единственно можно слѣдовать.

«Не скрою отъ в. в., что перемѣны въ министерствѣ не особенно благопріятны, какъ для меня, такъ и для Италіи, по крайней мѣрѣ, я вывожу такое заключеніе изъ того, что мнѣ пишутъ. Я все таки настаиваю на моемъ образѣ дѣйствій, потому что у меня единственное желаніе: служить моему королю и моему отечеству. Но умоляю в. в., не будемъ раздражать Россію для того, чтобы участвовать въ мистификаціи; если ужъ мы должны разойтись, то разойдемся во имя свободы и независимости...» и т. д.

Одновременно съ письмомъ къ королю, Пеполи писалъ къ министру иностранныхъ дѣлъ Висконти Веноста:

«Я хочу быть съ тобою совершенно откровеннымъ, потому что желаю быть всегда твоимъ истиннымъ и вѣрнымъ другомъ.

«Твое назначеніе, ты это знаешь, не производитъ хорошаго дѣйствія, но это потому, что ты не имѣлъ удобнаго случая обнаружить свои способности. Рѣчь твоя относительно Польши тебя возвысила,

и теперь Италія открыто признала тебя своимъ. Что касается до меня, то я предпочитаю находиться подъ начальствомъ молодаго генерала, нежели повиноваться старымъ начальникамъ, которые уже не способны чувствовать біеніе сердца. Отъ всей души, какъ другъ и братъ, желаю, чтобы ты утвердился на своемъ посту.

«Я буду искренно радоваться, если ты заявишь себя способнымъ продолжать политику Кавура. Это было бы неожиданнымъ счастьемъ, котораго не имѣло предшествовавшее правленіе. Могу ли я сказать, что твоя послѣдняя нота отвѣчаетъ этой надеждѣ? Утверждая это, я обманулъ бы тебя. Твоя рѣчь была бы пригодна для Сардиніи, но для Италіи она скромна и нерѣшительна, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы во мнѣніи публики она была одобрена вполнѣ. Но все же это первый шагъ на пути, болѣе открытомъ и свободномъ, нежели былъ путь твоего предшественника. Утвердитесь на этомъ пути; я надѣюсь, что настанетъ пора переговоровъ, въ которыхъ вы будете имѣть возможность возвысить Италію и заставить цѣнить и уважать ея желанія. Разъясненія, прибавленныя мною къ нотѣ, не только не произвели дурнаго впечатлѣнія, но встрѣтили сочувствіе со стороны русскаго правительства и министерства. Теперь зависитъ отъ васъ дать дѣлу настоящій ходъ офиціально; вы окажете услугу одновременно и Россіи, и Италіи. Любезный другъ, умоляю тебя, а вмѣстѣ съ тобою и Мингетти, Перуцци и всѣхъ прочихъ, не упустите этого случая; не робѣйте, будьте смѣлѣе министровъ другихъ государствъ — за вами стоитъ мнѣніе всей либеральной Европы. Прости, любезный Емиль, откровенность и, можетъ быть, даже жесткость моихъ словъ, но я желаю писать тебѣ вполнѣ откровенно и дружески и не смѣю тебя обманывать. Съ своей стороны и тебя настоятельно прошу о томъ же.

«Курьеръ вручитъ тебѣ депешу, въ которой сообщается отчетъ о разговорѣ моемъ съ русскимъ министромъ. Депеша составлена такимъ образомъ, что вы можете ее напечатать; я читалъ ее князю Горчакову, который призналъ ее совершенно подходящею и вполнѣ ее одобрилъ. Въ Англіи была отпечатана депеша лорда Непира къ Росселю; я думаю, что вы не затруднитесь напечатать и мою, если только она не встрѣтитъ вашего неодобрѣнія. Въ случаѣ если я перешелъ предѣлъ, скажите мнѣ это откровенно и посовѣтуйте, какъ исправить мою ошибку, ибо не выгодно слѣдовать политикѣ, въ которой не убѣжденъ. Моя отставка были бы вызвана не оскорбленнымъ самолюбіемъ, но побужденіемъ собственной совѣсти и уваженіемъ къ законамъ конституціонной системы».

Въ оффиціальной депешѣ къ Веноста Пеполи писалъ:

«Петербургъ, 3-го апрѣля, 1863 г.

«Депеша моя, телеграфированная отъ 26-го (14-го) минувшаго марта, дастъ министерству возможность узнать смыслъ отвѣта, по-

лученнаго мною отъ князя Горчакова. Можетъ быть, было бы удобнѣе, если бы министерство могло имѣть объ этомъ свѣдѣнія тотчасъ же и своевременно уладить бесѣду, которую я имѣлъ съ вице-канцлеромъ Россійской имперіи, но я не могу довѣрить почтѣ ни одного важнаго документа, если къ тому не представится какого-либо особенно удобнаго случая.

«Сегодня я пользуюсь отъѣздомъ англійскаго курьера, и въ этомъ замедленіи, которое я вообще считаю вреднымъ для нашихъ интересовъ, я нахожу новый поводъ просить министерство объ учрежденіи курьерской почты между Туриномъ, Берлиномъ и Петербургомъ. Хотя я знаю, что мои сообщенія запоздаютъ прибытіемъ въ Туринъ, но во всякомъ случаѣ, полагаю, они представятъ въ истинномъ свѣтѣ дѣйствительное положеніе дѣлъ.

«Я не читалъ русскому министру инструкцій, присланныхъ мнѣ въ Берлинъ, такъ какъ не былъ на это уполномоченъ, но я представилъ ихъ ему, почти во всей ихъ полнотѣ, на словахъ и при этомъ выразилъ отъ имени моего правительства: «горячее желаніе, чтобы великодушіе императора Александра заставило, посредствомъ громкаго милосерднаго дѣянія, забыть ужасныя происшествія въ Кѣльнѣ, и выразилъ увѣренность, что е. в. императоръ россійскій, слѣдуя благороднымъ внушеніямъ своего сердца, будетъ продолжать дѣйствовать на пути уступокъ и преобразованій».

«На это русскій министръ тотчасъ же отвѣтилъ категорически: «Императоръ Александръ постановилъ даровать полякамъ амнистію, исключая только предводителей мятежа. Е. в. будетъ продолжать въ томъ же духѣ дѣйствовать, хотя постороннее вліяніе и старается уничтожить великодушныя внушенія его сердца. Что касается до реформъ, то русское правительство намѣрено продолжать начатыя имъ въ этихъ областяхъ преобразованія, но при этомъ положительно не допуститъ никакого посторонняго вмѣшательства во внутреннія дѣла имперіи». На это я возразилъ, что мое покровительство, проникнутое съ одной стороны живѣйшимъ и искреннимъ сочувствіемъ къ интересамъ Россіи, а съ другой — тѣми началами, на которыхъ основано возрожденіе Италіи, считаетъ своимъ долгомъ представить императору Александру, что польское возстаніе, бросая печальную тѣнь на его правленіе, составляетъ прискорбную противоположность съ тѣмъ по истинѣ величественнымъ зрѣлищамъ, какое доставило освобожденіе 22 милліоновъ рабовъ, а также и преобразованія въ русскомъ законодательствѣ. И при этомъ я не могъ не воскликнуть: «Польша для васъ, какъ Венеція для Австріи, составляетъ пушечное ядро, прикованное къ вашимъ ногамъ»! Но князь Горчаковъ съ достоинствомъ возразилъ, что польскій вопросъ есть вопросъ революціонный, подобный тому вопросу, который императоръ Наполеонъ разрѣшилъ пушечными выстрѣлами 2-го декабря на улицахъ Па-

рижа, а мы, итальянцы, — при Сарнико и Аспромонте. Мы имѣемъ неопровержимыя доказательства, — добавилъ онъ — что польскимъ движеніемъ управляетъ рука Мадзини.

«Демагогія — сказалъ онъ — хочетъ учредить польское государство по тому образцу, какой употребляется для государствъ внутренней Европы». Я возражалъ князю, чтобы указать на разницу, какая существуетъ между движеніемъ демагогическимъ и движеніемъ національнымъ, но князь перебилъ меня, сказавъ: «Но чего добивается Польша? Она добивается не только освобожденія изъ-подъ власти русскаго правительства, но еще и завоеванія русскихъ областей въ Литвѣ и Подоліи. Если мы возстановимъ герцогство Варшавское — мы утратимъ миръ. Мы предоставимъ полякамъ армію, и они воспользуются ею, чтобы воевать съ нами; дѣло, начатое по почину Александра II, будетъ уничтожено, быть можетъ, на всегда, и намъ придется сожалѣть объ утраченномъ мирѣ въ Европѣ». Я не могъ согласиться съ такими воззрѣніями и старался, говоря въ примирительномъ тонѣ, опровергнуть ихъ. Когда вслѣдъ за тѣмъ рѣчь зашла о Франціи, министръ иностранныхъ дѣлъ горько жаловался на императора Наполеона и сказалъ: «Россія надѣялась, что Франція исправитъ то зло, которое она произвела своею нотою, потому что если возстаніе не прекратилось и кровь продолжаетъ литься въ Польшѣ, то вина должна падать на зачинщиковъ, которые вселили несбыточныя надежды въ сердца мятежниковъ. Я надѣюсь, — добавилъ князь — что ваше правительство не будетъ ссылаться, какъ Англія, на договоры 1815 года, такъ какъ королевство Италія уже само по себѣ является явнымъ нарушеніемъ этихъ трактатовъ, тѣмъ болѣе, что и обѣщанныя Польшѣ преобразованія были только филантропическими мечтаніями, возникшими по мысли Александра I». Я отвѣчалъ, что Италія говоритъ не во имя трактатовъ 1815 года, но во имя принципа національности — основнаго принципа ея возрожденія. Князь замѣтилъ, что Италія провозгласила принципъ невмѣшательства, что Россія съ своей стороны не вмѣшивалась въ неаполитанскія смуты, но что она, въ свою очередь, не признаетъ ни за одной державой права мѣшаться въ польскія дѣла. Далѣе князь выразилъ удовольствіе, что пренія во французскомъ сенатѣ имѣли благопріятный исходъ, и это было первымъ шагомъ на пути осторожной политики; поэтому можно надѣяться, что вопросъ будетъ разрѣшенъ въ непродолжительномъ времени. Говоря о папѣ и объ Австріи, князь выразилъ свое одобреніе, какъ первому, такъ и второй. Папа въ своей энцикликѣ былъ снисходителенъ къ притѣснителямъ католицизма, а Австрія отвергла всякій договоръ противъ Россіи. Какъ можно думать, что Австрія будетъ воевать въ пользу Польши, не освободивъ ни Венеціи, ни Венгріи, ни Богеміи и не вынувъ сама ни одного перла изъ своей короны»!

«Изъ этихъ словъ князя, а также и изъ разговоровъ моихъ сотоварищей по дипломатическому корпусу я, кажется, могу заключить, что здѣсь и правительство, и дипломаты, думаютъ, что польскій вопросъ окончится протоколами. Я еще не достаточно уяснилъ себѣ ихъ доводы, но полагаю за лучшее придерживаться данныхъ мнѣ инструкцій и не слишкомъ настаивать, такъ какъ сомнѣваюсь въ томъ, чтобы впослѣдствіи великія державы не отступились отъ польскаго вопроса, и мнѣ кажется весьма неосторожнымъ подвергать Италію, одну изъ всѣхъ державъ, непріязни состороны Россіи. Разговоры лорда Непира, а также герцога Монтебелло, были умѣренны и даже дружескіе, и поэтому я полагалъ, впредь до новыхъ инструкцій, вести мои переговоры въ ихъ духѣ.

«Теперь я перехожу ко второй части бесѣды моей съ вице-канцлеромъ. Не считая удобнымъ касаться общей политики и нашихъ настоящихъ и будущихъ отношеній къ Россіи, я не продлилъ бы моей бесѣды, еслибы князь не заявилъ, что е. в. нашъ король высказалъ нашему посланнику въ Туринѣ желаніе итальянскаго правительства укрѣпить при моемъ посредствѣ узы дружбы между обѣими націями и дѣйствовать сообща при будущихъ случайностяхъ, которыя уже издавна угрожаютъ миру Европы.

«Росссія — сказалъ князь — не имѣетъ интересовъ, противныхъ интересамъ Италіи. Торговыя отношенія обѣихъ странъ могутъ содѣйствовать развитію благосостоянія этихъ двухъ народовъ; мы не только не боимся, но даже желаемъ усиленія Италіи и не имѣемъ основательнаго повода для сопротивленія тому, чтобы дѣло объединія Италіи пришло къ успѣшному концу. Насъ не озабочиваетъ римскій вопросъ: если папская власть уничтожится совершенно, мы не будемъ противиться этому ни силою оружія, ни силою нравственнаго вліянія; но мы никогда не посовѣтуемъ вамъ подвергать, при помощи невѣрныхъ предпріятій, случайностямъ то, что вы пріобрѣли. Италія имѣетъ такую территорію и такое народонаселеніе, которыя соотвѣтствуютъ могущественной державѣ, чего же недостаетъ ей для того, чтобы быть признанной таковою? Нравственнаго авторитета!.. и этого она можетъ достигнуть не иначе, какъ только приведя въ порядокъ свои финансы и развивъ свои значительныя богатства посредствомъ промышленности и труда. Въ настоящее время, продолжалъ онъ, новое министерство обнаруживаетъ здравую политику, объявляя, что оно обратитъ свои заботы на вопросы коммерческіе и внутренніе. Въ этомъ программа обоихъ правительствъ сходствуетъ: Россія также направляетъ свои заботы на упорядоченіе внутренняго состоянія своего государства и... добавилъ онъ, улыбаясь: «chi si assomiglia si piglia!» [1]) Нашъ союзъ можетъ быть основанъ на сходствѣ програмъ; но для васъ

[1]) Соотвѣтствуетъ русской поговоркѣ: «рыбакъ рыбака видитъ издалека».

финансовый вопросъ представляетъ большую важность, и вы можете привести въ порядокъ свой балансъ не иначе, какъ только разоружившись». Я съ живостью прервалъ князя, замѣтивъ, что указанное имъ средство составляетъ часть нашей программы, но что мы не можемъ оставить безъ вниманія Рима и Венеціи и распустить войска въ виду тѣхъ важныхъ вопросовъ, которые угрожаютъ миру Европы на востокѣ. Продолжая разговоръ, я добавилъ, что именно въ восточномъ вопросѣ, гдѣ Россія защищала принципы національности, мы могли бы почерпнуть основанія того вѣрнаго и искренняго союза, о которомъ шла рѣчь. Я не скрылъ того, какъ намъ прискорбно видѣть, что польское возстаніе и укрощеніе мятежа нарушили согласіе между Россіею и Франціею и тѣмъ отдалили надежду на тѣсный союзъ Италіи съ Россіею на востокѣ — на союзъ, который доставилъ бы торжество этимъ притѣсненнымъ и несчастнымъ національностямъ. Въ отвѣтъ на это князь съ горечью заговорилъ противъ Франціи и сказалъ: «Я хочу быть съ вами совершенно откровеннымъ и желаю, чтобы вы узнали, какова истинная политика Россіи. Россія вовсе не думаетъ о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ: она владѣетъ территоріей, которая даже слишкомъ обширна. На востокѣ недовѣріе со стороны англичанъ создало между нами и Англіей раздоры. Мы желаемъ усилить мелкія государства, которыя находятся подъ властію Турціи. Но мы вовсе не хотимъ — руководимые завѣщаніемъ, котораго никогда не существовало — завоевать Константинополь, а хотимъ только получить отъ султана рядъ уступокъ въ пользу христіянъ. Въ Греціи никогда не поддерживалась кандидатура Лейхтенберговъ. Мы желаемъ видѣть въ Греціи правительство мудрое, осторожное и народное и признаемъ королемъ того, кого изберетъ Греція между государями, принимавшими участіе въ трактатахъ. Мы не уступимъ только въ одномъ вопросѣ — въ вопросѣ о религіи. Россія нуждается въ мирѣ, и русская кровь слишкомъ драгоцѣнна, чтобы проливать ее ради выполненія задуманной Петромъ Великимъ программы, которой не существуетъ и никогда не можетъ существовать въ просвѣщенномъ государствѣ. Мы не станемъ подражать Франціи и обращаться къ славянамъ и румынамъ съ такими рѣчами, какія нынѣ внушаются полякамъ и французскою печатью, и французскимъ правительствомъ. Политика предполагаемаго завѣщанія Петра Великаго есть измышленіе нашихъ враговъ. Теперь я высказалъ вамъ все; а вы, господинъ министръ, что сокровеннаго имѣете сказать мнѣ?» спросилъ меня вице-канцлеръ.

«То, что сказалъ бы вамъ всякій итальянскій дипломатъ: — Римъ и Венеція. Но тутъ разговоръ нашъ былъ прерванъ. Князь долженъ былъ отправиться къ императору и, разставаясь со мной, сказалъ, что ему будетъ пріятно продолжать нашъ разговоръ въ другой разъ.

«Я болѣе не видѣлъ его и не считаю удобнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ возобновлять этотъ разговоръ, который мнѣ кажется несвоевременнымъ, особенно послѣ того, какъ я узналъ изъ вашей телеграммы краткое содержаніе рѣчи, сказанной въ парламентѣ, а также и содержаніе депешъ, полученныхъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ отъ вашего предшественника — депешъ, которыя, по моему мнѣнію, существенно измѣняютъ данныя мнѣ инструкціи.

«Здѣсь я долженъ обратить ваше вниманіе на одну статью въ нотѣ, присланной мнѣ бывшимъ министромъ, такъ какъ эта статья мнѣ кажется очень важною. Въ инструкціи подъ датою 24-го февраля написано: «Считаю почти излишнимъ замѣтить, что посланникамъ не дозволяется вмѣшиваться во внутреннія дѣла тѣхъ государствъ, при которыхъ они аккредитованы. Поэтому вы потрудитесь или совершенно умалчивать, или говорить съ крайней осторожностію о положеніи, въ которомъ находится Польша». Далѣе министръ высказываетъ мысль, что Россія должна бы соединить подъ своею властію польско-русскія области, не желая при этомъ распространить на нихъ преобразованія, дарованныя Варшавѣ.

«Въ нотѣ своей отъ 7-го марта предшественникъ вашъ поручаетъ мнѣ выразить «отъ имени Италіи горячее желаніе, чтобы великодушіе императора Александра заставило посредствомъ громкаго милосерднаго дѣянія забыть ужасныя происшествія въ Кёльнѣ, и вслѣдствіе этого князь Горчаковъ найдетъ естественною нашу увѣренность въ томъ, что е. в. императоръ россійскій, слѣдуя внушеніямъ своего великодушнаго сердца, будетъ продолжать дѣйствовать въ духѣ уступокъ и преобразованій»; эти строки заключаются предписаніемъ министра: «присоединиться къ усиліямъ, которыя могутъ употребить посланники Франціи и Англіи для достиженія той же цѣли».

«Въ министерскомъ письмѣ отъ 24-го марта написано: «если вопросъ коснется ссылки на трактаты 1815 года, къ которымъ приступила и Сардинія, если мы должны будемъ — какъ этого домогается Англія—высказать наше мнѣніе по поводу выполненія и толкованія этихъ актовъ, то, очевидно, мы можемъ сдѣлать это не иначе, какъ соотвѣтственно тѣмъ принципамъ и тѣмъ чувствамъ, которые мы уже изъявили. Это послужитъ для васъ новымъ поводомъ къ выраженію, что слѣдуетъ предоставить полную свободу великодушію императора Александра».

«Въ нотѣ, врученной кавалеру Нигра, я нахожу заявленіе, что мнѣ дано было предписаніе «присоединиться къ дальнѣйшимъ представленіямъ, которыя Франція и Англія сочтутъ подходящими сдѣлать въ отношеніи Польши» — безъ указанія, къ какимъ именно.

«Въ нотѣ, врученной маркизу д'Азеліо, графъ Пазолини говоритъ, что мнѣ предписано обратить вниманіе князя Горчакова на необходимость возстановленія въ Польшѣ мудрой политики, предпри-

нятой Александромъ I, продолжать которую выразилъ намѣреніе и Александръ II.

«Противорѣчіе, на которое я долженъ обратить ваше вниманіе, происходитъ вслѣдствіе неуясненія себѣ той разницы, какая существуетъ между политикой Александра I и политикой Александра II. Первая намѣревалась возстановить Польшу подъ властію Россіи, даровавъ полякамъ народное представительство, войско и отдѣльное управленіе. Вторая, напротивъ, не желаетъ переходить границы административныхъ реформъ. Прочтя приводимые мною документы, вы можете убѣдиться, что я былъ уполномоченъ только выразить ту мысль, что императоръ Александръ II возобновитъ начатое собственно имъ дѣло, которое было остановлено польскимъ возстаніемъ. Теперь Англія старается о возстановленіи политическаго значенія Польши и требуетъ этого, основываясь на трактатахъ 1815 года, а также и на обѣщаніяхъ Александра I.

«Министерство, поручая мнѣ поддержать это требованіе, измѣняетъ смыслъ депеши отъ 7-го марта, которую я уже буквально сообщилъ князю Горчакову. Вслѣдствіе этого я долженъ перевести вопросъ на ту почву, на которую ставитъ его Англія, но при этомъ я не могу не замѣтить вамъ, господинъ министръ, что по отношенію къ депешѣ отъ 7-го марта, цѣль, предпринятая итальянскимъ министерствомъ, уже достигнута, такъ какъ русское правительство формально заявило мнѣ, что оно, наперекоръ возстанію, будетъ настаивать на реформахъ въ Польшѣ.

«Переговоры между Англіею и Россеію идутъ (какъ говорилъ мнѣ лордъ Непиръ) объ истолкованіи одной изъ статей Вѣнскаго трактата и объ истолкованіи ея въ ограничительномъ смыслѣ, какъ отлично замѣтилъ французскому сенату Билло. Но, говоря словами русскаго министра, «Италіи не слѣдовало бы упоминать о трактатахъ 1815 года».

«Я хотѣлъ снова обратить ваше вниманіе на это обстоятельство, такъ какъ, по моему мнѣнію, вы можете дать мнѣ относительно этого точныя и категорическія инструкціи, тѣмъ болѣе, что посланники англійскій и французскій не предпринимаютъ ничего, ожидая, какъ я слышалъ, исхода открывшихся въ Вѣнѣ переговоровъ.

«Мнѣ остается еще изложить министерству мое мнѣніе, которое, какъ мнѣ кажется, должно опредѣлить нашъ образъ дѣйствій.

«Я полагаю, что наше правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять участія въ такомъ дипломатическомъ дѣйствіи, которое основывается на трактатахъ 1815 года. Я думаю, Италія не должна и не можетъ ни въ какомъ случаѣ заявлять, что Польша, отстаивающая свою народность, не имѣетъ права ни на что, кромѣ конституціи подъ властію Россіи. Мы не можемъ присоединиться къ заявленію, что реформы въ состояніи удовлетворить эту несчастную страну, не уладивъ прежде какимъ нибудь способомъ венеціан-

скій вопросъ. Легко предвидѣть, что въ противномъ случаѣ русское правительство сослалось бы на политику итальянскихъ народовъ, которые всегда отвергали и теперь отвергаютъ реформы, исходящія отъ ненароднаго правительства. Я полагаю, что присоединеніе къ заявленіямъ, которыя могутъ быть сдѣланы въ этомъ смыслѣ Франціею, Англіею и Австріею, было бы съ нашей стороны большою ошибкою. Италія можетъ говорить только во имя свободы и національности. Слабый протестъ и дружеское понужденіе будутъ имѣть болѣе вѣса и болѣе силы, нежели протестъ, предпринятый сообща съ Австріею — этою вѣчною непріятельницей Италіи. Теперь я выскажу мое мнѣніе до конца. Я не вѣрю въ силу дипломатическихъ представленій: Россія будетъ сопротивляться, а если и уступитъ, то дастъ такія незначительныя реформы, которыя, можетъ быть, и удовлетворятъ дипломатію, но не удовлетворятъ общественнаго мнѣнія и не умиротворятъ Польши.

«Каковы же будутъ для Италіи послѣдствія присоединенія къ такой политикѣ? Участіе въ одной изъ дипломатическихъ мистификацій, которыя уменьшаютъ вліяніе причастныхъ къ нимъ народовъ; отреченіе отъ собственныхъ принциповъ, такъ какъ мы будемъ гововить во имя трактатовъ 1815 года и испрашивать реформы для народа, отстаивающаго свою національность; присоединеніе къ австрійскому знамени, уменьшеніе расположенія къ намъ со стороны великой державы, въ союзѣ и при помощи которой мы можемъ разрѣшить многія затрудненія, и съ которою у насъ общая политика и одинаковыя стремленія на Востокѣ.

«Развѣ это та политика, которой должна слѣдовать Италія? Нѣтъ, нужно отказаться отъ поддержанія всякой дипломатической задачи, имѣющей основаніемъ трактаты 1815 года, въ особенности, если при этомъ участвуетъ Австрія; сохранить собственную независимость, чтобы имѣть возможность говорить Россіи о либерализмѣ, поставляя ей на видъ выгоды, которыя имѣла бы Европа, слѣдуя примѣру англичанъ на Іоническихъ островахъ. Задача Италіи мнѣ кажется вполнѣ ясною: она должна остаться вѣрною толковательницею народныхъ стремленій, безъ всякихъ дипломатическихъ, временно облегчающихъ средствъ, и я имѣю основаніе думать, что свободная и откровенная рѣчь не уменьшитъ сочувствія къ намъ Росссіи, и что, напротивъ, сочувствіе это было бы меньше, если бы мы дѣйствовали, согласно съ Австріею, во имя трактатовъ 1815 года.

«По моему мнѣнію, итальянскій посланникъ не долженъ забывать, что въ Россіи онъ является представителемъ либеральныхъ идей всей Европы, и что его образъ дѣйствій долженъ быть таковъ, чтобы ни коимъ образомъ не могло уменьшиться сочувствіе къ нему со стороны угнетенныхъ народовъ. Въ силу этого, мы должны быть независимы отъ всѣхъ, чтобы, выбравъ удобное время

и удобный способъ, имѣть возможность привлечь на нашу сторону и Россію, и восточныя державы, и, въ то же время, примирить наши интересы, клонящіеся къ союзу съ Россіей, съ обязанностями нашими въ отношеніи національностей. Въ этомъ, я полагаю, состоитъ политика одиночества. Эта политика не отчуждаетъ насъ отъ общественнаго мнѣнія, но еще болѣе согласитъ и сблизитъ насъ со всею Европою. Она не отчуждаетъ насъ ни отъ Франціи, ни отъ Англіи, потому что и съ той, и съ другой мы всегда будемъ имѣть общія цѣли и можемъ за-одно съ ними подать голосъ въ пользу Польши. По моему мнѣнію, такой образъ дѣйствій не можетъ принести вреда ни въ какомъ случаѣ: если возгорится война, то Италія въ настоящее время достаточно сильна, чтобы противопоставить своимъ врагамъ собственный союзъ; если послѣдствіемъ этого кризиса будутъ — и таково мнѣніе дипломатическаго корпуса — однѣ призрачныя уступки, то и въ такомъ случаѣ мы не повредимъ себѣ, такъ какъ не будемъ подвергать случайностямъ союза нашего съ Россіею и не уронимъ дружбою съ Австріей нашего нравственнаго авторитета въ Венеціи. Мы не примемъ участія въ такихъ дѣяніяхъ, которыя будутъ строго осуждаемы, и послѣдствіемъ которыхъ будетъ только горькая насмѣшка надъ несчастной Польшой и пренебреніе либеральнымъ мнѣніемъ Европы».

Въ слѣдующей за тѣмъ депешѣ Пеполи писалъ Веноста:

«Петербургъ, 17 апрѣля, 1863 года.

«Я отправилъ сегодня къ вамъ депешу по телеграфу, извѣщая васъ, что французскій и англійскій посланники, а также и австрійскій министръ, представятъ министру иностранныхъ дѣлъ три ноты съ приложеніемъ коллективнаго письма отъ трехъ посольствъ. Какъ по своему существу, такъ и по формѣ, всѣ три ноты значительно разнятся между собою. Мнѣ неизвѣстно, сообщено ли вамъ краткое содержаніе ихъ. Англійская нота весьма язвительна: она опирается на трактаты 1815 года, отказываетъ наслѣдникамъ Александра I въ правѣ отнимать у Польши народное представительство, утвержденное на Вѣнскомъ конгрессѣ; обвиняетъ русское правительство въ вѣроломствѣ; надѣется, что русское правительство усмиритъ мятежъ, но не рѣшается утверждать этого; допускаетъ оба эти предположенія и заключаетъ ихъ требованіемъ уступокъ; заявляетъ, что Россія не только въ силу трактатовъ 1815 года, но и какъ членъ европейскаго общества, обязана, во избѣжаніе роковыхъ послѣдствій, выступить на путь преобразованій. Французская нота не ссылается на вѣнскіе трактаты, но указываетъ только на возможность нарушенія мира въ Европѣ; она снисходительна и благосклонна по отношенію къ Россіи. Австрійская нота говоритъ о Галиціи, объ опасностяхъ,

возбуждаемыхъ польскими смутами, и умоляетъ Россію избѣгать поводовъ къ политическимъ раздорамъ.

«Вотъ, насколько я помню, краткое содержаніе трехъ нотъ. Вчера я былъ у англійскаго посланника, и разговоръ мой съ нимъ заслуживаетъ вашего вниманія. Лордъ Непиръ началъ съ заявленія, что мнѣ необходимо знать содержаніе ноты, представленной имъ князю Горчакову, такъ какъ я долженъ,—судя по тому, что было писано маркизу д'Азеліо,— поддерживать представленія Англіи. Онъ прочелъ мнѣ ноту и затѣмъ спросилъ, что я о ней думаю? Я не могъ не сказать, что нахожу ее слишкомъ язвительной и думаю, что она не можетъ способствовать укрѣпленію мира. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что французская нота гораздо умѣреннѣе; нота же англійская болѣе откровенна и внушена чувствомъ дружескаго участія къ Россіи. Я не могъ не улыбнуться и спросилъ: «какого же отвѣта онъ, Непиръ, ожидаетъ отъ русскаго правительства?» — «Думаю, что оно отнесется къ намъ благосклонно, а вы какъ полагаете?» Я отвѣчалъ: «что сказалъ бы министръ иностранныхъ дѣлъ въ Лондонѣ, если бы ему представили подобную ноту?» Непиръ не могъ не сознаться, что министръ принялъ бы ее съ большимъ неудовольствіемъ, но все таки онъ, Непиръ, надѣется на то, что русское правительство будетъ склонно къ выраженію умѣренности.

«Я не высказалъ сомнѣнія, такъ какъ, судя по утреннимъ извѣстіямъ, императоръ былъ, дѣйствительно, склоненъ къ примиренію, но министръ и сановники внушили ему чувства, противныя миру, а печать высказала такія мысли, которыя должны быть непріятны для сторонниковъ мира. Мнѣ, однако, кажется, что англійскій посланникъ волнуется и хочетъ только скрыть грустныя предчувствія. Онъ опасается возстанія, потому что послѣдствіемъ его можетъ явиться, по его мнѣнію, польско-католическое государство, которое, примкнувъ къ Германіи, будетъ противорѣчить интересамъ Англіи. Далѣе лордъ Непиръ передавалъ мнѣ, что въ Берлинѣ и въ Петербургѣ распространилось извѣстіе, будто Италія заключила съ Франціей союзъ, чтобы объявить войну, и спрашивалъ, что мнѣ извѣстно на этотъ счетъ? Я отвѣчалъ, что ничего подобнаго не знаю и не вѣрю этому, но что главное желаніе Италіи — дѣйствовать въ согласіи съ Англіей.

«А если французы очистятъ Римъ?» — «Въ такомъ случаѣ, милордъ, отвѣчалъ я, Англія будетъ удовлетворена такъ же, какъ и Италія. Для васъ, добавилъ я, наилучшимъ средствомъ къ устраненію исключительнаго вліянія Франціи было бы продолженіе той политики, которая внушила лорду Пальмерстону его знаменитые разсказы объ Іоническихъ островахъ и которая присоединила англійскія войска къ французскимъ во время крымской войны». Лордъ Непиръ, мнѣ кажется, вообще раздраженъ противъ Россіи и подо-

зрѣваетъ Францію въ честолюбіи, а Италію — въ союзѣ съ императоромъ Наполеономъ. Затѣмъ лордъ Непиръ высказалъ мнѣ, уже съ оттѣнкомъ горечи, что князь Горчаковъ сообщилъ ему о томъ, что представленія итальянскаго министра были очень умѣренны, и сожалѣлъ, что я не оставилъ ему копіи съ депеши, присланной мнѣ изъ Турина. Я отвѣчалъ, что не могъ оставить депеши, не будучи на то уполномоченъ своимъ правительствомъ, и онъ съ этимъ согласился. Далѣе я сказалъ, что въ силу полученныхъ мною инструкцій, я долженъ былъ выразить только желаніе, чтобы полякамъ была дарована амнистія, а также надежду, что русское правительство будетъ продолжать начатыя Александромъ II преобразованія, что я дѣйствительно получилъ предписаніе поддерживать представленія англійскаго посланника, но до сихъ поръ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ онъ самъ просилъ меня повременить до новыхъ инструкцій, которыя онъ со дня на день ожидалъ изъ Лондона. Тутъ я не преминулъ ему замѣтить, что инструкціи эти мнѣ сообщены имъ только сегодня, когда французская и англійская ноты были уже представлены. Разговоръ нашъ, однако, имѣлъ характеръ пріятельской бесѣды, и мы простились въ дружескихъ выраженіяхъ. Но я не могу не представить моему правительству слѣдующихъ фактовъ: Франція и Англія вошли въ союзъ съ Австріей и предпочли этотъ союзъ союзу съ Италіей; они представили свои ноты, не сообщивъ объ этомъ предварительно итальянскому посланнику; они поступили въ отношеніи насъ, какъ въ отношеніи второстепенныхъ державъ — Испаніи, Швеціи и Португаліи. Эти обстоятельства подтверждаютъ мое мнѣніе, что образъ дѣйствій Италіи долженъ быть независимъ, какъ подобаетъ государству, господствующему въ силу принциповъ національности и свободы и желающему, чтобы его слово имѣло значеніе въ европейскомъ совѣтѣ, а его шпага имѣла силу въ судьбахъ народовъ.

«Послѣ того я видѣлся съ французскимъ посланникомъ. Англійская нота произвела на него такое же впечатлѣніе, какъ и на меня. «Elle casse les vittres», — выразился онъ о ней. Однако, онъ полагаетъ, что форма изложенія ноты гораздо болѣе жестока, нежели намѣренія ея автора, такъ какъ лордъ Россель заботился единственно о томъ эффектѣ, какой должна была произвести его нота въ парламентѣ. Герцогъ Монтебелло читалъ мнѣ и австрійскую депешу. Вѣнскій кабинетъ говоритъ во имя человѣколюбія и европейскаго мира. Это горькая насмѣшка, и Россіи будетъ не трудно отвѣчать на подобную ноту. Князь Горчаковъ не далъ никакого отвѣта французскому послу, сказавъ ему, что предварительно онъ долженъ испросить приказаній его величества.

«Не могу умолчать о томъ, что петербургское общество въ данную минуту чрезвычайно возбуждено: всѣ говорятъ о войнѣ; всѣ воодушевлены патріотизмомъ; сочувствіе и содѣйствіе правитель-

ству высказывается со всѣхъ сторонъ. Въ настоящую минуту русскіе сознають свое достоинство; дворянство составило планъ и намѣрено подвергнуть изгнанію изъ своего общества каждаго русскаго дворянина, который не приметъ участія въ этомъ планѣ. Всякій намекъ на конституцію вызываетъ подозрѣніе; правительство думаетъ о вооруженіи гораздо больше, чѣмъ того требуетъ ходъ возстанія въ Польшѣ; смерь молодаго Ремера, племянника сенатора, произвела глубокое впечатлѣніе въ высшемъ обществѣ. Ненависть къ полякамъ безмѣрна. Опасаются главнымъ образомъ не возстановленія польскаго королевства, но того, что возстановленная Польша снова начнетъ свои безпрерывныя войны съ Россіей и будетъ стараться отнять у нея древнія русскія провинціи. Русскіе не могутъ забыть, что поляки входили побѣдителями въ Москву. Этотъ первобытный народъ все еще вѣритъ въ справедливость возмездія. Если манифестъ императора, о которомъ я говорилъ, будетъ обнародованъ, я сообщу его по телеграфу; въ случаѣ полученія какихъ либо важныхъ новостей, я отправлю съ ними курьера. Теперь я сдѣлаю краткій очеркъ настоящаго положенія дѣлъ: ненависть къ Наполеону III значительно усилилась; Александръ II надѣется, что Англія отступится отъ Франціи, если только Наполеонъ начнетъ военныя дѣйствія. Англія не довѣряетъ Франціи. На нашей сторонѣ общее сочувствіе, и я твердо убѣжденъ, что для Италіи никогда не представлялось болѣе удобнаго, чѣмъ теперь, случая къ занятію мѣста между великими державами и къ тому, чтобы высказаться дружески, искренно и свободно въ пользу угнетенныхъ національностей. Духъ населенія вполнѣ благопріятствуетъ правительству, либеральная партія первая выскажетъ свое одобреніе царю, если онъ будетъ противиться постороннему давленію. Французскій посланникъ все таки надѣется на миръ, и союзъ съ Австріей можетъ быть купленъ только этою цѣною».

Къ приведенной выше депешѣ было приложено слѣдующее письмо:

«Петербургъ, 18 апрѣля 1863 года.

«Вчера ночью я получилъ вашу депешу, въ которой вы спрашиваете, могу ли я сказать утвердительно, что князь Горчаковъ приметъ ноту, составленную въ дружескомъ тонѣ и въ тѣхъ выраженіяхъ, о которыхъ я говорилъ въ депешѣ моей отъ 3 апрѣля? Я не отвѣчалъ вамъ по телеграфу, такъ какъ въ концѣ депеши сказано, что вы ожидаете отъ меня сообщеній, чтобы сообразно съ ними измѣнить нашъ образъ дѣйствій. Дѣло это кажется мнѣ настолько важнымъ, что я считаю своею обязанностію объясниться какъ можно обстоятельнѣе, чтобы отвѣтъ мой не могъ вовлечь наше правительство въ такіе поступки, которые могутъ имѣть непріятныя и даже роковыя послѣдстія. Поэтому я позволяю себѣ обратить ваше вниманіе прежде всего на нѣкоторые факты, случив-

шіеся послѣ отправленія мною первыхъ депешъ. Здѣсь я подразумѣваю: манифестъ императора Александра, представленіе французскимъ, англійскимъ и австрійскимъ посланниками нотъ и тѣ послѣдствія, какія имѣли эти событія.

«Если вы сличите содержаніе императорскаго манифеста съ данными мнѣ инструкціями, то увидите, что цѣль этихъ инструкцій достигнута вполнѣ: императоръ высказываетъ намѣреніе не только выполнить обѣщанныя реформы, но еще и расширить ихъ. Но я съ прискорбіемъ долженъ замѣтить, что императорскій манифестъ, согласный съ нашими желаніями, затрудняетъ формулированіе новыхъ требованій съ нашей стороны. Что же касается до представленія Франціею и Англіею нотъ безъ предварительнаго съ нами совѣщанія, то это даетъ Италіи право дѣйствовать независимо и дѣлать свои представленія по собственному усмотрѣнію.

«Слѣдующія соображенія еще болѣе увеличиваютъ важное значеніе приведенныхъ мною фактовъ.

«Въ то время, когда я писалъ мою депешу отъ 3 апрѣля, никто еще не думалъ о войнѣ. Казалось, у всѣхъ господствовало желаніе мира; страна не была еще проникнута убѣжденіемъ въ необходимости сопротивленія и императору Александру II не старались внушить, что слѣдуетъ отвергать всякія домогательства иностранныхъ державъ. Я долженъ указать еще и на другое обстоятельство, которое существенно измѣняетъ нашъ образъ дѣйствій — это полная увѣренность петербургскаго и берлинскаго обществъ въ томъ, что Италія и Франція вступили въ тайныя между собою соглашенія и готовятся къ войнѣ. Вслѣдствіе этого, положеніе мое становится затруднительнымъ, а такія обстоятельства, какъ манифестъ императора Александра, представленіе нотъ, воинственное настроеніе народа, рѣшимость императора Александра оказать противодѣйствіе, подозрѣніе противъ насъ и нашего прямодушія — все это, взятое вмѣстѣ, не позволяетъ мнѣ утверждать по совѣсти, что нота, составленная по первоначально намѣченному мною плану, «не уменьшитъ расположенія къ намъ со стороны Россіи».

«Я повторилъ въ точности выраженіе, употребленное мною въ прежней депешѣ, хотя и не указалъ на разницу, существующую между выраженіями: «принимать съ дружескимъ чувствомъ» и «уменьшить расположеніе». Но такъ какъ вы, господинъ министръ, спрашиваете моего мнѣнія, то я позволю себѣ сдѣлать точныя и ясныя поясненія.

«Вотъ въ какомъ положеніи находится Италія относительно Россіи: Россія — наша союзница противъ Австріи и защищаетъ на востокѣ тѣ же принципы, какіе защищаемъ и мы. Если бы польскій вопросъ не нарушилъ международныхъ отношеній, то нашей главной заботой было бы укрѣпленіе союза съ Россіей. Въ этомъ именно и состояла ввѣренная мнѣ миссія. Но польскій вопросъ

принуждаетъ Италію привести въ боевую готовность противниковъ Россіи. Насъ побуждаютъ къ этому многія причины, какъ то: возможность европейской войны, опасенія союза между Франціею и Австріею и общественное мнѣніе Европы, которое отреклось бы отъ насъ, если бы мы отреклись отъ польскаго вопроса. Такимъ образомъ мы неизбѣжно должны произнести свое слово, но во всякомъ случаѣ мы можемъ свободно выбирать для этого и способъ, и время.

«Что касается до времени, то мнѣ кажется, мы можемъ опредѣлить его только тогда, когда Россія дастъ отвѣтъ на представленныя ей ноты и когда выяснится рѣшеніе петербургскаго кабинета.

«Если изъ этого дипломатическаго кризиса выйдетъ, какъ я замѣтилъ въ моей депешѣ отъ 3 апрѣля, только мистификація, то я, конечно, не смѣю совѣтовать моему правительству принять въ немъ участіе; по моему мнѣнію, въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы не должны дѣлать устныхъ представленій, внушенныхъ чувствами расположенія къ Россіи, чтобы не закрыть дорогу къ союзу, который можетъ доставить намъ помощь противъ Австріи.

«Если, напротивъ, судя по общему мнѣнію, Россія отвѣтитъ на упомянутыя ноты съ пренебреженіемъ, тогда Италія должна занять соотвѣтствующее ей мѣсто и представить русскому правительству свою ноту, такъ какъ при подобныхъ обстоятельствахъ молчаніе ея было бы не только ошибкою, но и положительнымъ отреченіемъ отъ своихъ правъ. Необходимость представленія съ нашей стороны ноты не подлежитъ никакому сомнѣнію, даже, если она будетъ принята неблагосклонно и послужитъ причиною уменьшенія къ намъ сочувствія со стороны Россіи. Мы должны только позаботиться, чтобы содержаніе ноты вполнѣ удовлетворяло нуждамъ нашей политики и непремѣнно достигало той цѣли, какую преслѣдуетъ Италія. Мы должны позаботиться, чтобы нота не была оскорбительна для Россіи; чтобы она возвысила Италію; чтобы она унизила Австрію и, если угодно, возвысила бы, въ ущербъ намъ, западныя державы.

«Нота, составленная въ такомъ смыслѣ, могла бы, какъ мнѣ кажется, лучше нежели всякая другая, достичь своей цѣли. Не подлежитъ сомнѣнію, что она будетъ менѣе оскорбительна для Россіи, нежели нота, написанная въ такихъ выраженіяхъ, какъ англійская. Англія обвиняетъ Россію въ тѣхъ смутахъ, которыя волнуютъ Польшу, обвиняетъ ее въ дурномъ управленіи, въ вѣроломствѣ и въ нарушеніи трактатовъ 1815 года. Франція и Австрія точно также выставляютъ Россію виновницею смутъ въ Польшѣ и думаютъ, что реформы въ состояніи умиротворить эту несчастную страну. Италія, не обвиняя русское правительство въ польскихъ событіяхъ и не поддерживая мнимыхъ реформъ, но выстав-

ляя причиною возстанія нарушеніе принципа національности, ни коимъ образомъ не оскорбитъ ни императора Александра II, ни его министровъ, ни русскаго народа. Напротивъ, она защититъ ихъ отъ обвиненій, которыя бросаютъ въ нихъ другія государства, незнающія истинной причины смутъ, но измышляющія ее. Со стороны Англіи въ высшей степени безразсудно опираться на трактаты 1815 года, которые, до тѣхъ поръ, пока они существуютъ, будутъ всегда служить поводомъ къ раздорамъ въ Европѣ. Я полагаю, что въ этомъ случаѣ историческая правда будетъ стоять за Россію.

«Я не вѣрю въ дурное управленіе польскими областями; если же въ настоящее время правительство принимаетъ крутыя мѣры, то еще неизвѣстно, кто поступаетъ болѣе жестоко: казаки, или польскіе инсургенты. Нота, составленная по указанному мною плану, соотвѣтствовала бы также и другой еще цѣли, а именно: поддержанію общественнаго мнѣнія. Италія не будетъ требовать ни реформъ, ни временнно облегчающихъ средствъ, ни выполненія трактатовъ 1815 года — какъ это дѣлаютъ Франція, Англія и Австрія; она будетъ ходатайствовать только о возстановленіи польской національности. Будучи толковательницею великаго либеральнаго мнѣнія Европы, Италія можетъ говорить только въ этомъ смыслѣ. Защищая польскіе интересы, она должна въ тоже время защищать и интересы Венеціи, не называя ихъ; она должна сдѣлаться распространительницею того новаго общественнаго права, которое внушило ей необходимость объединенія и отъ котораго она ожидаетъ выполненія своихъ обѣтовъ: Италія должна воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выйти изъ разряда второстепенныхъ державъ, въ средѣ которыхъ она находилась до сихъ поръ, и показать Европѣ, что она независима отъ другихъ государствъ. Чтобы привлечь на свою сторону Австрію, Франція и Англія отвели Италіи мѣсто между второстепенными державами и придумали, въ угоду Австріи, представить въ одинъ и тотъ же день всѣ три ноты, приложивъ къ нимъ коллективное письмо отъ трехъ посольствъ, желая этимъ показать, что они не признаютъ за другими государствами права считатать себя въ числѣ первостепенныхъ державъ. Пруссія, отказавшаяся отъ участія въ этихъ представленіяхъ, осталась въ сторонѣ. Затѣмъ присоединиться къ нотамъ были приглашены второстепенныя державы, и въ числѣ ихъ такое приглашеніе получила и Италія. Не поддерживая тѣхъ принциповъ, которые приведены въ упомянутыхъ нотахъ, но громогласно защищая собственные принципы, Италія становится во главѣ всего общественнаго мнѣнія и требуетъ возвращенія себѣ мѣста между первенствующими державами. Нота наша не можетъ быть оскорбительной для Франціи, такъ какъ въ ней можно указать, что династія Наполеоновъ пользуется народною любовью,

что, уважая великіе принципы народности, она признала единство Италіи и отстаивала собственною кровью ея независимость. Въ нотѣ можно воздать похвалу и Англіи за то, что она сохранила полное уваженіе къ этимъ принципамъ, уступивъ Іоническіе острова грекамъ и обнародовавъ благородныя рѣчи Пальмерстона.

«Обижена будетъ только Австрія, которая призвана защищать дѣло, совсѣмъ для нея неподходящее: она хочетъ превратиться въ защитницу народныхъ принциповъ, если ее, вмѣстѣ съ Россіею, принудить къ тому общественное мнѣніе; она старается поставить Италію въ разрядъ второстепенныхъ державъ, но вмѣсто того, мы сами заставимъ ее занять соотвѣтствующее ей мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. Эта нота была бы ребячествомъ, если бы, какъ во время крымской войны, намъ приходилось вымаливать, чтобы нашъ союзъ былъ принятъ. Политика, которая была прекрасна въ то время, теперь свидѣтельствовала бы о нашей трусости. 400,000 солдатъ и поддержка со стороны общественнаго мнѣнія даютъ право и даже понуждаютъ насъ возвысить голосъ и не отказываться отъ поднятаго нами знамени.

«Такая политика, однако, должна измѣниться въ томъ случаѣ, если Франція и Австрія согласятся, для сохраненія союза съ нами въ будущемъ, признать за нами наши права вполнѣ. Но я долженъ сознаться, что не довѣряю этому, потому что союзы не заключаются въ правительственныхъ кабинетахъ, а создаются въ силу общественнаго мнѣнія и тождества принциповъ. Напрасно Франція думаетъ о союзѣ съ Австріею, если союзъ этотъ долженъ скрѣпиться потерею Венеціи, Венгріи и Богеміи. Съ другой стороны никогда не можетъ существовать одинаковыхъ принциповъ у Франціи, которая всегда была выразительницею народныхъ чувствъ, и у Австріи, которая ихъ всегда отрицала. Торжество принциповъ, которые въ настоящее время возбуждаютъ общественное мнѣніе противъ Россіи, служитъ сигналомъ распаденія австрійской имперіи.

«Дѣлая общій выводъ изъ моего плана, я полагаю, что наша нота должна стоять за принципъ народности и спасти достоинство и представительность Россіи, приписавъ всю вину польскаго движенія трактатамъ 1815 года.

«Въ дополненіе къ моему плану, позвольте мнѣ, господинъ министръ, прибавить еще нѣкоторыя другія соображенія, внушенныя мнѣ тѣми разговорами, которыя я слышу ежедневно. Когда рѣчь заходитъ о Польшѣ въ присутствіи русскихъ, то они прежде всего объясняютъ дѣло слѣдующимъ образомъ: если бы вопросъ шелъ только о возстановленіи герцогства Варшавскаго, то онъ былъ бы быстро разрѣшенъ. Никто изъ нихъ не отрицаетъ народности этихъ областей; никто не осуждаетъ національнаго чувства поляковъ. Полу-офиціальная газета «Русскій Инвалидъ» высказала даже похвалу полякамъ, сражавшимся за собственную независимость, го-

воря, что лира русскихъ поэтовъ будетъ не осуждать, а оплакивать ихъ.

«Но зачѣмъ въ такомъ случаѣ они отказываютъ имъ въ ихъ справедливыхъ требованіяхъ? зачѣмъ продолжаютъ политику насилія?

«Русскіе утверждаютъ, что какъ полякамъ возстаніе внушается чувствомъ любви къ отечеству, такъ и имъ, русскимъ, внушается противодѣйствіе тѣмъ же самымъ чувствомъ. Они думаютъ, что спокойствіе Россіи будетъ утрачено, если поляки сдѣлаются независимыми. Варшава, по ихъ мнѣнію, сдѣлается очагомъ безпорядковъ для обширной имперіи, поляки начнутъ наступательныя дѣйствія, которыя ужъ однажды привели ихъ къ Москвѣ и къ Кіеву, и чтобы подкрѣпить такое мнѣніе, русскіе ссылаются на то, что поляки въ настоящее уже время подбиваютъ къ участію въ возстаніи области, хотя и бывшія нѣкогда подъ властью Польши, но принадлежавшія имъ только по праву завоеваній. Однимъ словомъ, русскіе утверждаютъ, что, отстаивая свое господство въ Варшавѣ, они тѣмъ самымъ защищаютъ Кіевъ, Литву и другія русскія области. Мнѣ кажется, въ нашей нотѣ слѣдовало бы опровергнуть эти доводы и указать на то, что выраженія сочувствія польской народности было бы также благопріятно и для русской народности, и что времена наступательной и буйной политики и времена завоеваній уже миновали для всѣхъ.

«Я задержалъ до сегодняшняго числа графа Торніелли, потому что не могъ раньше получить у князя Горчакова аудіенціи, которую я считалъ въ эту важную для насъ минуту необходимою, чтобы узнать какое дѣйствіе произвели на русское правительство французская, англійская и австрійская ноты. Предлогомъ аудіенціи послужило сообщеніе князю полученнаго мною изъ Турина отвѣта относительно почтоваго договора и, дѣйствительно, я представилъ вице-канцлеру депешу его величества, которая уполномочиваетъ меня просить сообщенія мнѣ русскихъ почтовыхъ трактатовъ. Князь Горчаковъ принялъ меня привѣтливо; я не возбудилъ въ немъ ни неудовольствія, ни подозрѣнія. Онъ сказалъ, что вскорѣ передастъ мнѣ то, о чемъ я прошу. Видя, что онъ избѣгаетъ говорить о Польшѣ, я счелъ за лучшее заговорить самъ и потому замѣтилъ шутливо, что князю, безъ сомнѣнія, легче отвѣчать на мою сегодняшнюю ноту, чѣмъ на ноты, представленныя ему вчера. Князь отвѣчалъ, что мы, итальянцы, слишкомъ умны, чтобы вмѣшиваться въ это прискорбное дѣло, и выразилъ надежду, что я не получилъ предписанія поддерживать представленныя Россіи требованія. Я сказалъ, что до сихъ поръ не получалъ никакихъ инструкцій, кромѣ тѣхъ, которыя уже сообщилъ ему, и при этомъ далъ ему замѣтить, какъ мнѣ непріятно было узнать, что князь сказалъ англійскому посланнику, будто мои заявленія были

легковѣсны. «О, что до этого, то мнѣ нечего больше говорить: манифестъ императора служитъ тому доказательствомъ; я не допускаю слова уступка: сильное государство не уступаетъ, и слово «уступка» равносильно слову «слабость». Когда завязался разговоръ въ этомъ смыслѣ, мнѣ уже не трудно было привести въ исполненіе мое намѣреніе, и я откровенно спросилъ князя: «чѣмъ это все кончится»? — «Не тѣмъ, что желаютъ западныя державы. Россія не уступитъ и не отступитъ, она спокойно согласится даже на войну».

«Я выразилъ сомнѣніе, что дѣло можетъ кончиться такимъ образомъ, и высказалъ увѣренность въ здравомъ смыслѣ и величіи души императора Александра, а также въ способностяхъ его министра. «Мнѣ кажется, сказалъ я, что Россія, если захочетъ, можетъ выйти съ величіемъ изъ настоящаго положенія и возвратить утраченное вліяніе въ Европѣ; тутъ я прибавилъ, что высказываю только мое личное мнѣніе, ни къ чему не обязывающее мое правительство. Я думаю — продолжалъ я — что, возстановивъ польское королевство, Россія можетъ стать во главѣ національнаго движенія всей Европы». «Да, во главѣ пустыхъ мечтаній о національности — прервалъ меня князь. — Я понимаю итальянскую національность, но какъ объяснить другія національности? Возстановить государства Европы на основаніи принципа національности значило бы создать смуты и приготовить поводы съ сотнѣ войнъ». Я выразилъ, что устройство государствъ Европы на основаніи трактатовъ 1815 года имѣло роковыя послѣдствія и было причиною всѣхъ происходившихъ затрудненій, но я не могъ согласиться, что затрудненія, вызванныя защитою народныхъ началъ, были уже на столько важны, какими считалъ ихъ князь, и высказалъ мое мнѣніе, что такова должна быть политика въ будущемъ, и что Россіи, болѣе чѣмъ какой либо другой державѣ, слѣдуетъ поддерживать такую политику. Тогда князь Горчаковъ самъ заговорилъ о комбинаціи, высказанной въ данныхъ мнѣ инструкціяхъ, т. е. о присоединеніи Галиціи и герцогства Позванскаго къ герцогству Варшавскому подъ властію Россіи.

«Я знаю, — сказалъ князь — что многіе желаютъ этого, но пока я засѣдаю въ совѣтѣ государя, этого никогда не будетъ. Россія не желаетъ расширять своихъ владѣній, и если подобные великіе планы западаютъ мнѣ въ голову, я ихъ отталкиваю, какъ мечты, роковыя и опасныя для моего отечества. Россіи нужно привести въ порядокъ свое внутренное устройство. Александръ I и Николай I были слишкомъ заняты вопросами внѣшней политики и недостаточно заботились о внутреннемъ управленіи страны. Александръ I гордился даннымъ ему на Вѣнскомъ конгрессѣ названіемъ царя Агамемнона и забывалъ, что государство можетъ считаться великимъ съ внѣшней стороны только въ такомъ случаѣ,

если оно могущественно и свободно въ своемъ внутреннемъ управленіи. Политика же Александра II преслѣдуетъ такой планъ: подготовить господство свободы и положить основаніе промышленному и торговому величію имперіи. Государь могъ бы стѣснять министерство иностранныхъ дѣлъ, потому что внѣшняя политика, которой я слѣдую, сводится къ политикѣ невмѣшательства, но если бы мои принципы были отвергнуты — я покинулъ бы мой постъ. Государю извѣстно мое нежеланіе оставаться министромъ и то, что это съ моей стороны тяжелая жертва, взамѣнъ которой онъ ничего не можетъ предложить мнѣ. Богатство мнѣ не нужно, а что касается до почестей, то у меня ихъ по горло. Двѣ вещи, которыя могли бы произвести на меня впечатлѣніе, выше его власти: онъ не можетъ дать мнѣ ни домашняго утѣшенія, которое я утратилъ со смертію моей жены, ни молодости. А независимое положеніе составляетъ мою силу».

«Я удивляюсь, князь, вашей твердости, — отвѣчалъ я, — но усилія ваши упрочить благосостояніе государства мнѣ кажутся напрасными, когда ваша страна разъединена гражданскими несогласіями, и когда вамъ нужно осадное положеніе, чтобы управлять ею».

«И вы — возразилъ князь въ волненіи — обвиняете Россію и считаете, что мы несправедливо притѣсняли Польшу?»

«Князь, — отвѣчалъ я — повторяю вамъ, что я высказываю только мое личное мнѣніе, и, можетъ быть, я не правъ, говоря съ вами слишкомъ откровенно, но я не могу скрыть того, что чувствую. Я думаю, что васъ обвиняютъ напрасно и что вы несете роковыя послѣдствія вѣнскихъ трактатовъ, составленныхъ единственно для того, чтобы служить династическимъ интересамъ. Думаю, что причина польскаго возстанія имѣетъ чисто національный характеръ, и что поступки русскихъ въ Польшѣ не болѣе ужасны, чѣмъ поступки поляковъ относительно русскихъ. По возвращеніи моемъ въ Италію, я могу и въ парламентѣ высказать безъ всякаго затрудненія такое мое мнѣніе по этому вопросу и указать на трактаты 1815 года, какъ на единственную причину безпорядковъ въ Польшѣ».

«Да, такія слова менѣе оскорбительны для насъ, сказалъ князь, но, во всякомъ случаѣ, политика національности — полнѣйшая утопія. Довольствуйтесь тѣмъ, что такой политикѣ удалось восторжествовать въ Италіи, и не старайтесь распространять ее на остальную Европу: вы произведете только смятеніе и безпорядки. Что же касается до тѣхъ, кто обвиняетъ Россію въ вѣроломствѣ, то будьте увѣрены, они получатъ такой отвѣтъ, который отмститъ имъ за оскорбленное достоинство Россіи.

«А Австрія? — спросилъ я, — какъ могла она присоединиться къ державамъ, защищающимъ національность»?

«Вы ошибаетесь, — возразилъ князь, — содержаніе австрійской ноты вполнѣ благопристойно и представленія ея вполнѣ дружескія. Австрія не уступила ни Франціи, ни Англіи, и мы не только не имѣемъ повода жаловаться на нее, но, напротивъ, можемъ считать себя совершенно удовлетворенными съ этой стороны».

«Я не могъ не замѣтить князю, что если онъ въ данную минуту высказываетъ свои мысли вполнѣ откровенно, то, кажется, всѣ факты свидѣтельствуютъ противъ такого его мнѣнія.

«Да, конечно, отвѣчалъ онъ, если вы вѣрите тому, что кажется. Но вѣдь въ такомъ случаѣ и намъ слѣдуетъ повѣрить извѣстію, будто вашъ король, по совѣту Чіальдини, обѣщалъ императору Наполеону 60 тысячъ войска для войны съ Россіею».

«Я поспѣшилъ опровергнуть этотъ фактъ. Князь сказалъ, что и де-Люна опровергнулъ это извѣстіе въ Берлинѣ.

«Такъ какъ было уже поздно, то я откланялся князю и просилъ у него позволенія почаще посѣщать его.

«Приходите, — сказалъ князь, — мнѣ очень пріятно вести съ вами откровенную бесѣду».

«Только въ такомъ случаѣ, если вы не будете считать моихъ словъ, заслуживающими того, чтобы принимать ихъ въ соображеніе, — возразилъ я.

«Хорошо, я не буду вѣрить въ силу политики, имѣющей принципомъ національность.

«Подождите, князь, пока Австрія повѣритъ этому; въ то время, какъ австрійскіе государственные люди сердились и негодовали, Италія сдѣлала свое дѣло».

«Вотъ содержаніе моего сегодняшняго разговора съ княземъ. Я не вхожу въ большія подробности, чтобы не задержать графа Торніелли, и не дѣлаю новыхъ поясненій, полагая, что и изложенныхъ мною во вчерашней моей депешѣ, къ которой я прилагаю это письмо, будетъ совершенно достаточно».

Въ депешѣ отъ 31-го апрѣля 1863 года Пеполи доносилъ:

«Сегодня я читалъ князю Горчакову ноту и спѣшу представить отчетъ о томъ, въ какихъ выраженіяхъ я старался пояснить ее, а также сообщить краткіе отвѣты, полученные мною отъ князя. Прежде всего я высказалъ надежду, что петербургскій кабинетъ приметъ въ соображеніе то особенное положеніе Итальянскаго королевства, въ силу котораго это государство, возникшее во имя принципа народности, не имѣетъ права отвергать такого принципа и у другихъ народовъ; что вслѣдствіе этого, наше правительство, признанное всѣми державами, не можетъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, обходить молчаніемъ свои принципы и скрывать подъ видомъ дипломатическаго притворства свое происхожденіе, которымъ оно гордится.

«Князь отвѣчалъ, что Россія признала принципы Италіи, но съ

тѣмъ условіемъ, если эта послѣдняя не будетъ стараться о распространеніи революціоннаго движенія въ другихъ государствахъ, и что именно въ такомъ смыслѣ составленъ актъ, по которому Италія была признана королевствомъ.

«Я поспѣшилъ возразить, что мы вовсе не имѣемъ намѣренія распространять революціонное движеніе, но что Италія не можетъ оставаться безъучастною къ общественному мнѣнію Европы, которое, благопріятствуя полякамъ, принуждаетъ признать справедливость народныхъ принциповъ, отстаиваемыхъ поляками — принциповъ, изъ-за которыхъ воевала и до сихъ поръ воюетъ Италія.

«Князь снова прервалъ меня, замѣтивъ, что я заблуждаюсь, такъ какъ ни Франція, ни Англія, ни Австрія не ставятъ вопроса на почву національности, и что такимъ образомъ Италія является единственнымъ государствомъ, которое дѣлаетъ свои заявленія въ такомъ смыслѣ.

«Я возразилъ, что общественное мнѣніе Европы видитъ въ польскомъ вопросѣ только вопросъ національности, и что никто, не исключая и русскаго правительства, не можетъ отрицать, что волненія въ Польшѣ возникли не столько вслѣдствіе административныхъ распоряженій, сколько вслѣдствіе того положенія, какое было установлено для національностей въ силу трактатовъ 1815 года. Съ другой стороны, — добавилъ я, — Россіи нечего опасаться политики, имѣющей своимъ принципомъ національность: впослѣдствіи Александръ II могъ бы, согласно общественному мнѣнію, требовать примѣненія этихъ принциповъ во всей Европѣ и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ бы себѣ неоспоримый правственный авторитетъ и положилъ бы предѣлъ эпохѣ революцій и войнѣ.

«Князь съ живостію отвѣчалъ, что Россія не можетъ слѣдовать такой политикѣ, и что съ нашей стороны чрезвычайно ошибочно защищать подобное ученіе, такъ какъ это можетъ уменьшить сочувствіе къ намъ со стороны другихъ державъ.

«Я замѣтилъ, что принципы эти были признаны общественнымъ мнѣніемъ всей Европы, и уже одинъ этотъ доводъ можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ моихъ заявленій. Далѣе я сказалъ, что считалъ долгомъ прежде, чѣмъ прочесть ноту, изложить причины, побудившія туринскій кабинетъ къ ея составленію; что итальянское правительство смотритъ на это, какъ на печальную съ его стороны обязанность, такъ какъ подобный образъ дѣйствія возстановляетъ противъ Италіи Россію, уже доказавшую не только свое сочувствіе къ итальянцамъ, но и свое свободомысліе, о чемъ свидѣтельствуетъ освобожденіе крестьянъ, а также и многія другія полезныя и либеральныя преобразованія.

«Послѣ того я прочелъ ноту. Князь нашелъ, что она составлена въ учтивыхъ выраженіяхъ, но сказалъ, что относительно отвѣта долженъ испросить приказаній императора. При этомъ князь вы-

сказалъ нѣкоторыя соображенія, которыя я считаю нужнымъ сообщить вамъ.

«Онъ заявилъ, что, вслѣдствіе того расположенія, какое Россія питаетъ къ Италіи, было бы желательно, чтобы наше королевство заняло мѣсто въ ряду великихъ державъ, а не ограничивалось бы скромною обязанностію одобрять и поддерживать дѣйствія Франціи. Ему извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что первоначально мы отвергли предложеніе Франціи и только впослѣдствіи уступили ея настоятельнымъ убѣжденіямъ.

«Я отвѣчалъ, что отрицаю подобный фактъ, потому что Италія, какъ это заявлено и въ нотѣ, уступаетъ единственно требованію общества, которое высказываетъ это требованіе въ своихъ наиболѣе выдающихся органахъ.

«Князь замѣтилъ, что онъ не жалуется на форму изложенія, но ему прискорбенъ самый фактъ представленія ноты, которая по своему содержанію является непріятнымъ противодѣйствіемъ для Россіи, что̀ плохо согласуется съ чувствами дружбы, существующей и съ той, и съ другой стороны. Онъ протестуетъ противъ слова періодическія, утверждая, что польское возстаніе занесено извнѣ, а слово періодическія подходитъ скорѣе къ опредѣленію волненій въ другихъ государствахъ.

«Я не могъ не замѣтить на это, что революціи и волненія въ Европѣ происходятъ временно, потому что теперь существуетъ множество поводовъ къ раздорамъ и ненависти одного народа къ другому, и такое положеніе дѣлъ создано трактатами 1815 года, и что именно это и разумѣлъ я, утверждая, что императоръ Александръ могъ бы прославиться, положивъ начало политикѣ возстановленія порядка въ Европѣ. Я прибавилъ, что, по моему мнѣнію, это единственное средство къ прекращенію системы вооруженнаго мира — системы, которая, обязывая правительства содержать постоянно вооруженныя войска, истощаетъ народныя богатства и препятствуетъ развитію промышленности, торговли и международныхъ сношеній.

«Князь, не оспаривая существованія множества поводовъ къ раздорамъ, смутамъ и періодическимъ волненіямъ въ Европѣ, все таки отвергаетъ пользу политики, внушенной принципами національности, которые я открыто защищалъ, и снова высказалъ мнѣ, что примѣненіе такой политики положило бы начало волненію, а не миру. Князь прибавилъ, однако, что если бы возникли какія либо перемѣны въ порядкѣ государственнаго устройства, то онѣ должны были бы обсуждаться на конгрессѣ, на которомъ предстала бы и Россія, но не въ качествѣ обвиняемой, а въ качествѣ великой державы, готовой принять участіе въ разсмотрѣніи всѣхъ вопросовъ, возбуждающихъ и волнующихъ Европу, и въ изысканіи средствъ для осуществленнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ».

По обыкновенію, Пеполи приложилъ къ депешѣ частное сообщеніе министру:

«Я сообщилъ отчетъ о разговорѣ моемъ съ княземъ Горчаковымъ въ оффиціальной депешѣ, но такъ какъ документъ этотъ, можетъ быть, предназначенъ къ обнародованію, то я долженъ былъ умолчать о нѣкоторыхъ выраженіяхъ, которыя тѣмъ не менѣе имѣютъ интересъ и заслуживаютъ вашего вниманія. Я сказалъ, что князь нашелъ форму изложенія ноты весьма учтивою, но его безпокоитъ мысль, что туринскій кабинетъ уступилъ настояніямъ Франціи. Приведу точныя слова, въ которыхъ князь высказалъ мнѣ такое мнѣніе.

«Мнѣ очень жаль, сказалъ князь, что Италія, которая, по моему мнѣнію, могла бы занять мѣсто между великими державами, оказывается, подобно Испаніи, Португаліи и Швеціи, способной только говорить съ чужаго голоса и заявляетъ себя сторонницей Франціи.

«Вы можете быть увѣрены, господинъ министръ, что я не отвѣтилъ молчаніемъ и съумѣлъ отмстить за оскорбленное достоинство моего правительства, настоятельно заявивъ князю Горчакову, что не французское правительство, а общественное мнѣніе всей Европы выступило на защиту польской національности. Князь говоритъ такимъ образомъ вслѣдствіе очевиднаго раздраженія его противъ Франціи. Онъ утверждаетъ, что дипломатическій походъ въ пользу поляковъ вообще большая ошибка, что германскія государства отказались отъ участія въ немъ, а образъ дѣйствій тюльерійскаго правительства доходитъ въ этомъ случаѣ до смѣшнаго.

«Императоръ Наполеонъ знаетъ меня, добавилъ князь, — и ему должно быть извѣстно, что даже дипломатическій протестъ всей Европы не можетъ заглушить во мнѣ чувства національнаго достоинства; если же императоръ разсчитываетъ, что Россія, занятая въ настоящее время усиленными заботами о своемъ матеріальномъ благосостояніи, не одобритъ моего образа дѣйствій, то онъ впадаетъ въ величайшее заблужденіе: никогда еще народное знамя Россіи не развѣвалось на всемъ ея пространствѣ такъ величественно, какъ въ настоящее время. Что касается до васъ, продолжалъ вице-канцлеръ, то мы любимъ васъ; въ былое время, когда вы представляли только маленькое Сардинское королевство, Россія всегда оказывала вамъ свое благоволеніе, и это чувство перешло въ дружбу, когда Италія сдѣлалась могущественнымъ государствомъ. Вотъ почему мнѣ такъ непріятно считать васъ въ числѣ нашихъ противниковъ».

«Я возражалъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ молчаніе съ нашей стороны могло бы считаться трусостью и отреченіемъ отъ нашихъ правъ; что съ другой стороны я никакъ не могъ ду-

мать, что Россія признаетъ и даже оскорбится ходатайствомъ, основаннымъ на чувствѣ національности, между тѣмъ какъ демонстраціи, обнаружившіяся на этихъ дняхъ въ Петербургѣ, внушены именно чувствомъ національности. Такъ, вчера вечеромъ, въ театрѣ публика вдругъ возстала противъ поляковъ, входившихъ побѣдителями въ Москву, и стала кричать: «Долой иностранцевъ! Смерть полякамъ!» [1]) Мнѣ непонятно, продолжалъ я, почему въ Варшавѣ считается преступленіемъ то, что̀ въ Петербургѣ составляетъ добродѣтель; къ тому же, надо замѣтить, что если существуетъ народъ и династія, которымъ должно быть вполнѣ понятно чувство любви къ отечеству, то это, безъ сомнѣнія, русскій народъ и династія Романовыхъ, сжегшіе Москву, чтобы воспрепятствовать вторженію французовъ.

«Мы сожжемъ и Петербургъ, но не подчинимся господству французовъ! воскликнулъ князь. Что касается до польской національности, то это пустая мечта, химера: національность эта не имѣетъ никакого значенія, и Польша такъ же слаба, какъ Лотарингія и Эльзасъ». На это я замѣтилъ, что свобода составляетъ основной камень всякой національности, и что въ тѣхъ странахъ, гдѣ свобода не является средствомъ къ низверженію иностраннаго правительства, побѣдители всегда имѣютъ преимущество надъ побѣжденными; въ странахъ же, гдѣ, какъ въ Венеціи и въ Польшѣ, не допускается свободы, народъ всегда стремится къ освобожденію изъ-подъ власти чужеземцевъ, и слѣдуетъ согласиться, что чувство народности энергично противится силѣ завоевателей, и бездна раздѣляетъ два такихъ народа.

«Но оставляя въ сторонѣ всѣ эти доводы, я долженъ сдѣлать вамъ, господинъ министръ, чрезвычайно важное сообщеніе, которое прошу васъ сохранить въ величайшей тайнѣ.

«Я получилъ извѣстіе, что князь Горчаковъ лично писалъ лорду Пальмерстону, предлагая составить конгрессъ для разрѣшенія всѣхъ важныхъ вопросовъ, волнующихъ Европу, и въ этомъ письмѣ къ лондонскому кабинету высказывалъ опасенія по поводу первенствованія Франціи. Съ своей стороны, Пальмерстонъ, какъ я слышалъ, боится принять участіе въ политикѣ, клонящейся въ пользу Польши, потому что онъ опасается Франціи, которая, по его мнѣнію, намѣрена образовать изъ Польши католическую имперію.

«Вслѣдствіе этого, начались частыя сношенія между обоими правительствами, и курьеры безпрестанно ѣдутъ туда и оттуда. Я далъ понять князю Горчакову, что мнѣ извѣстна истина, и спросилъ его, справедливъ ли слухъ, будто князь сдѣлалъ Пальмерстону предложеніе созвать конгрессъ. Князь не отрицалъ своего письма

[1]) Сколько намъ извѣстно, такой пьесы въ русскомъ репертуарѣ не существуетъ. Ред.

къ Пальмерстону, но отрицалъ его содержаніе; впрочемъ, онъ совершенно согласенъ со мною, что въ Европѣ существуетъ много поводовъ къ раздорамъ, которые слѣдуетъ уничтожить, а также исправить многія ошибки, сдѣланныя въ 1815 году.

«Хотя я не вѣрю въ существенную пользу конгресса, но во всякомъ случаѣ созваніе его представлялось бы весьма важнымъ фактомъ, такъ какъ это совершилось бы подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія; полагаю, что Италія въ этомъ случаѣ не была бы въ убыткѣ: она могла бы высказать все, чего она домогается отъ Россіи, Англіи и даже Пруссіи относительно вопросовъ римскаго и венеціанскаго. Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что въ близкомъ будущемъ всѣ державы станутъ искать союза съ нами, и что туринскій кабинетъ можетъ извлечь изъ этого кризиса большую пользу для Италіи. Когда я настаивалъ на томъ, что царю представляется удобный случай положить начало политикѣ, которая имѣла бы цѣлью возстановленіе порядка въ Европѣ, а также высказалъ мысль, что Россіи слѣдовало бы въ отвѣтахъ своихъ на ноты французскую, англійскую и австрійскую потребовать отъ этихъ государствъ, чтобы они оказали поддержку угнетеннымъ государствамъ, разумѣя здѣсь не одну только Польшу, то князь отвѣчалъ, что все это можно сдѣлать только на конгрессѣ, и спросилъ, имѣю ли я полномочіе высказать такое предложеніе русскому правительству? Я отвѣтилъ самымъ категорическимъ образомъ, что не имѣлъ относительно этого никакого полномочія и никогда не затрогивалъ этого вопроса въ моей перепискѣ съ туринскимъ кабинетомъ. Судя по общему тону нашей бесѣды, а также по нѣкоторымъ словамъ, которыми обмолвился князь, мнѣ кажется, что довѣріе къ Австріи уменьшилось, и что смѣлая и національная политика уже не будетъ отвергаться съ такимъ неудовольствіемъ, какъ прежде. Когда князь замѣтилъ, что Италія и Россія созданы для того, чтобы любить одна другую, то я отвѣтилъ: «только не платоническою любовью и не безъ важныхъ послѣдствій для свободы и народности!»

«Уходя отъ князя, я остановился передъ прекраснымъ портретомъ Петра Великаго. Князь съ чувствомъ взглянулъ на портретъ и сказалъ мнѣ: «Этотъ портретъ напоминаетъ мнѣ одинъ маленькій анекдотъ: когда я былъ въ Вѣнѣ на происходившихъ тамъ конференціяхъ—портретъ этотъ, а также портретъ Екатерины II висѣли, какъ и здѣсь, по обѣимъ сторонамъ моего стола. Графъ Буоль, желая узнать, въ хорошемъ ли расположеніи духа я нахожусь, всегда ко мнѣ подсылалъ баварскаго министра, чтобъ онъ изслѣдовалъ почву. Признаюсь, въ ту пору я часто бывалъ не въ духѣ и вовсе не былъ расположенъ поддаваться льстивымъ рѣчамъ австрійцевъ, вслѣдствіе чего баварскій министръ говорилъ: «чего

же можно ожидать отъ министра, который сидитъ между Великимъ Петромъ и Екатериною Великой!»

«Позвольте мнѣ князь, отозвался я, воспользоваться этимъ выраженіемъ и въ свою очередь сказать вамъ: «отъ министра, сидящаго между Великимъ Петромъ и Екатериною Великой, слѣдуетъ ожидать великой политики».

«Вотъ содержаніе моего вчерашняго разговора съ княземъ Горчаковымъ.

«По моему мнѣнію, итальянское правительство должно теперь съ особенною внимательностью наблюдать за ходомъ дѣлъ. Оно должно стараться, чтобы Италія не была отстранена отъ участія въ секретныхъ переговорахъ, которые въ настоящее время открылись между нѣкоторыми кабинетами, и о томъ, чтобы права Италіи получили вѣсъ, а ея заявленія принимались во вниманіе. Не желая, чтобы мои донесенія подали поводъ къ ложнымъ толкованіямъ, я поступилъ такъ, какъ это принято въ англійской дипломатіи, и далъ прочесть мою оффиціальную депешу князю Горчакову, прося его засвидѣтельствовать достовѣрность моихъ сообщеній. Сегодня утромъ я получилъ обратно свою депешу, уже вполнѣ одобренную вице-канцлеромъ. Вчера князь жаловался, что нота наша представляется враждебнымъ для Россіи актомъ, сегодня онъ просилъ меня замѣнить это слово непріятнымъ. Вообще, какъ мнѣ кажется, князь приникнутъ чувствомъ искренняго къ намъ расположенія. Вчера на мое замѣчаніе, что императоръ дѣлаетъ сомнительнымъ миръ въ Европѣ, князь отвѣтилъ, что Россія имѣетъ право притязать на то, чтобы ея государь говорилъ смѣло и съ достоинствомъ, и Европа очень хорошо знаетъ, что Россія готова отразить всякое нападеніе съ такимъ же мужествомъ, какъ и въ 1813 году.

«На мой вопросъ: въ примирительномъ или угрожающемъ тонѣ писалъ князь свои ноты, онъ отвѣчалъ:

«Мои ноты не запираютъ ни одной двери; довольно и того, если двери, которыя другія державы оставляютъ открытыми, не будутъ такъ низки, чтобы при входѣ въ нихъ не приходилось наклонять голову. Но я не ручаюсь ни за что».

Въ депешѣ отъ 3-го мая Пеполи доносилъ:

«Я отправилъ вамъ по телеграфу краткое содержаніе разговора моего съ лордомъ Непиромъ, но чтобы вы могли судить лучше о настоящемъ положеніи дѣлъ, спѣшу передать слово въ слово то, что сказалъ мнѣ англійскій министръ:

«Мнѣ извѣстно изъ оффиціальныхъ источниковъ, говорилъ онъ, что Франція въ настоящее время обѣщаетъ Вѣнѣ защиту венеціанскихъ провинцій, statu quo Рима и спокойствіе Италіи. Я не буду совѣтовать моему правительству объявлять войну, такъ какъ, по моему мнѣнію, Англія не можетъ извлечь изъ этой войны никакой

для себя пользы; быть можетъ, мой взглядъ на это и измѣнится, если Италія пріобрѣтетъ Римъ и Венецію.

«Паденіе католическаго Рима вознаградило бы Европу за то роковое вліяніе, которое на нее оказываетъ Польское королевство. Вѣроятность мира, какъ я полагаю, зависитъ отъ продолжительности возстанія: если Россіи не удастся усмирить его, то война будетъ болѣе вѣроятной».

«Лорду Непиру, какъ мнѣ кажется, не нравится мысль о конгрессѣ; онъ высказалъ, между прочимъ, что конгрессъ слѣдуетъ созвать послѣ войны, а никакъ не передъ войной. Судя по тому, что мнѣ удалось разузнать, надо опасаться, что лордъ Пальмерстонъ отклонилъ предложеніе князя Горчакова относительно этого вопроса.

«Во время моей послѣдней краткой бесѣды съ господиномъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ сказалъ мнѣ, что Италія не должна говорить о конгрессѣ, такъ какъ этимъ она помѣшаетъ его осуществленію, между тѣмъ какъ онъ можетъ быть для нея полезенъ».

Одновременно съ донесеніями министру, Пеполи писалъ королю Виктору-Эммануилу:

«Ваше величество!

«Мнѣ не предславилось случая видѣть императора, и потому я не имѣлъ возможности передать ему то, что вы приказали мнѣ черезъ Мингетти.

«Считаю долгомъ увѣдомить ваше величество, что во время итальянской войны Франція предлагала Россіи Галицію, но Россія отказалась воспользоваться такимъ предложеніемъ.

«Положеніе дѣлъ тяжелое, но для Италіи благопріятное. Наши откровенныя и честныя рѣчи не возбудили неудовольствія Россіи, и даже, мнѣ кажется, съ нѣкоторыхъ поръ она выказываетъ особенное къ намъ расположеніе.

«Я не раздѣляю страха и подозрѣній, которыми многіе проникнуты, и думаю, что, сохраняя независимое положеніе и провозглашая безъ обиняковъ свои принципы, Италія скорѣе всего возвысится во мнѣніи иностранныхъ державъ; мы не имѣемъ надобности подражать Англіи и Франціи, которыя унизили свое положеніе въ отношеніи Австріи, но должны занять соотвѣтствующее мѣсто, котораго намъ не желали предоставить.

«Я вспомнилъ одинъ анекдотъ. Когда союзные государи съѣхались въ Парижѣ, то возникъ споръ, кому изъ нихъ какое слѣдуетъ занять мѣсто. Пруссія, Австрія и Россія оспаривали одна у другой право предсѣдательства. Людовикъ XVIII, не входя въ разсмотрѣніе вопроса и не сказавъ ни слова, сѣлъ на первое мѣсто.

«Пусть ваше величество безбоязненно поступитъ точно также. Вамъ слѣдуетъ снова проникнуться тою смѣлостію, какая руково-

водила вами во время присоединенія Умбріи, и не допускать, чтобы судьбы Европы рѣшались безъ вашего участія, а также препятствовать возвышенію Австріи.

«Либеральное мнѣніе Европы превозноситъ императора Наполеона, который, послѣ войны крымской и итальянской, сталъ во главѣ этого мнѣнія. Въ Римѣ онъ преклонилъ свое знамя. Вашему величеству подобаетъ поднять это знамя, и вы будете королемъ не только итальянцевъ, но и всей обширной демократической партіи въ Европѣ.

«Изъ депешъ, отправленныхъ мною сегодня къ нашему министру, в. в. увидите, что для нашихъ интересовъ открывается новый горизонтъ».

Послѣдующая депеша Пеполи къ министру Веноста помѣчена 13 мая 1863 года:

«Если бы я получилъ ваше конфиденціальное письмо одновременно съ нотою, я не высказалъ бы князю Горчакову того, что вы считаете неудобнымъ и слишкомъ смѣлымъ. Первоначальное одобреніе моего плана, присланное мнѣ по телеграфу, а также нѣкоторыя выраженія, встрѣченныя мною въ частномъ письмѣ, побудили меня не скрывать своего мнѣнія передъ княземъ Горчаковымъ и настойчиво слѣдовать политикѣ, которую я считаю полезною для славы и достоинства Италіи. Я очень сожалѣю, что дурно истолковалъ ваши желанія, и хотя продолжаю думать, что только та политика, которой я слѣдовалъ, можетъ доставить Италіи положеніе великой державы, тѣмъ не менѣе мнѣ хорошо извѣстно, что посланникъ, аккредитованный при иностранномъ дворѣ, не имѣетъ права переступать границъ того образа дѣйствій, который ему предписываетъ отвѣтственный министръ.

«Если вы, господинъ министръ, находите нужнымъ дать политикѣ такой ходъ, какого желаетъ наше нынѣшнее правительство, то я и не буду болѣе разсуждать объ этомъ. Однако, извѣщеніе ваше о томъ, что мое офиціальное донесеніе можетъ быть напечатано, даетъ мнѣ надежду на возможность продолжать и въ будущемъ начатое мною дѣло, но, конечно, въ томъ случаѣ, если на то послѣдуютъ ваши приказанія, и если положеніе дѣлъ будетъ такъ же важно, какъ и теперь.

«Теперь позвольте мнѣ остановиться на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ, приведенныхъ въ вашей депешѣ.

«Вы считаете неудобнымъ приписывать трактатамъ 1815 года отвѣтственность за волненія въ Польшѣ, и опасаетесь этого по двумъ причинамъ:

«Вопервыхъ, вы боитесь оскорбить Англію, которая опирается на эти трактаты, а вовторыхъ, опасаетесь помѣшать созванію конгресса, который долженъ разрѣшить вопросъ о польскихъ дѣлахъ.

«Но слова, сказанныя Пальмерстономъ въ палатѣ общинъ по по-

воду уступки Іоническихъ острововъ, и статья, появившаяся недавно въ Morning Post, — вполнѣ достаточны, чтобы разсѣять всякія опасенія.

«Скажу еще болѣе: я сообщилъ лорду Непиру представленную нами ноту, а также прочелъ ему содержаніе моего разговора съ княземъ Горчаковымъ, и онъ похвалилъ мою депешу. На мой вопросъ, не находитъ ли онъ мой разговоръ неблагопріятнымъ для Англіи, лордъ Непиръ отвѣчалъ, что какъ англійское правительство, такъ и англійскій народъ, всегда будутъ относиться одобрительно къ такому образу дѣйствій, который можетъ возвысить Италію и содѣйствовать ея освобожденію изъ-подъ опеки Франціи.

«Что касается конгресса, то я долженъ замѣтить слѣдующее: вопервыхъ, Россія никогда не согласится на созваніе конгресса изъ-за одного польскаго вопроса; вовторыхъ, я полагаю невозможнымъ допустить, чтобы Италія въ настоящее время заняла на конгрессѣ такое же мѣсто, какое занимала Сардинія. Мнѣ слишкомъ дороги достоинства и независимость моего отечества, и я не могу повѣрить, что вы, господинъ министръ, рѣшитесь когда-нибудь допустить, чтобы Италія была офиціально причислена къ разряду второстепенныхъ державъ. Мнѣ кажется, пока намъ нѣтъ надобности торопиться съ заявленіями относительно условій національности и свободы; достаточно будетъ высказать, что польскій вопросъ есть вопросъ національный, и что Европа нѣкогда принимала участіе въ разрѣшеніи подобнаго вопроса, чему служатъ доказательствомъ трактаты 1815 года, возстановившіе нарушенные принципы національности. Такое мнѣніе я уже высказалъ здѣсь, и оно нисколько не показалось оскорбительнымъ для Россіи: никогда еще князь Горчаковъ не былъ со мною такъ любезенъ, какъ въ эти послѣдніе дни. Относительно же поясненій, представленныхъ мною при чтеніи ноты, вице-канцлеръ и въ общественныхъ собраніяхъ дѣлаетъ отзывы, въ высшей степени для меня лестные.

«Мнѣ не удалось повидать министра иностранныхъ дѣлъ сегодня, передъ отъѣздомъ курьера; но я видѣлся съ лордомъ Непиромъ и сообщу вамъ вкратцѣ нашъ разговоръ.

«Онъ читалъ мнѣ депешу лорда Росселя, въ которой говорится съ видимымъ удовольствіемъ о томъ, что Россія отвѣчала (на ноту) въ примирительномъ тонѣ. Кромѣ того, лордъ Непиръ прочелъ мнѣ письмо министра Реймонта. Въ этомъ письмѣ министръ, указывая лорду Непиру на предшествующія сообщенія, въ которыхъ опредѣляются права Польши, а также на представленіе либеральной политики, считаетъ безполезнымъ возвращаться къ этому вопросу, но высказываетъ, какъ бы вскользь, надежду, что императоръ Александръ будетъ придерживаться плана, начертаннаго англійскимъ кабинетомъ.

«Какой же слѣдуетъ сдѣлать изъ этого выводъ? Почему же, въ

такомъ случаѣ, лордъ Россель заявилъ въ верхней палатѣ, что Англія объявитъ войну только въ крайнемъ случаѣ?

«Лордъ Непиръ писалъ въ министерство, настоятельно прося разъяснить этотъ вопросъ. Онъ представляетъ, что такая политика поддерживаетъ возстаніе, и Англія, помимо своего желанія, дѣлается отвѣтственною за проливаемую кровь. Вотъ его выраженіе: «on ne peut pas traîner la question dans le sang».

«Онъ отрицаетъ, что Англія ведетъ переговоры съ Франціей относительно общаго образа дѣйствій. Личное его мнѣніе таково, что войны не будетъ, и что Польша кончаетъ свое существованіе. Между тѣмъ возстаніе усиливается, и въ Варшавѣ ожидаютъ важныхъ событій.

«Шведскій министръ получилъ депешу, въ которой ему высказывается, что сдѣланныхъ уступокъ недостаточно, и предписывается настаивать на прежнихъ требованіяхъ.

«Монтебелло, послѣ представленія ноты, не получилъ еще ни одной важной депеши. Португалія представитъ въ пятницу свою ноту».

Депеша отъ 16-го мая 1863 года:

«Получивъ телеграмму объ арестѣ полковника Кароли, я тотчасъ же написалъ князю Горчакову, прося позволенія переговорить съ нимъ, и вчера поутру былъ имъ принятъ. Я сообщилъ содержаніе доставленной мнѣ телеграммы, и князь обѣщалъ написать къ великому князю Константину, а также увѣрилъ меня въ своемъ ходатайствѣ за Кароли передъ императоромъ. Послѣ того вице-канцлеръ спросилъ, имѣю ли я извѣстіе о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на итальянское правительство его отвѣтъ?

«Я не скрылъ опасенія, что такой отвѣтъ могъ показаться оскорбительнымъ для самолюбія итальянскаго правительства, потому что, прочтя внимательно отвѣтъ, я нашелъ, что Россія говоритъ только о благоволеніи, но не о дружбѣ. Князь увѣрялъ меня, что не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія оскорбить Италію, тѣмъ болѣе, что итальянская нота была составлена въ выраженіяхъ чрезвычайно любезныхъ. Я замѣтилъ, что вмѣсто того, чтобы поступать такимъ образомъ съ нами, Россіи слѣдовало бы дать болѣе рѣзкій отвѣтъ тѣмъ державамъ, которыя представили противъ нея такія важныя обвиненія. Князь возразилъ, что хотя итальянская нота написана миролюбиво, но выраженная въ ней мысль рѣшительна и непоколебима. На это я отвѣтилъ, что оффиціальныя выраженія князя менѣе рѣзки, чѣмъ тѣ, которыя онъ употребляетъ въ разговорѣ. Далѣе я высказалъ, что такъ какъ князь встрѣчаетъ съ неудовольствіемъ всякое вмѣшательство въ польскій вопросъ, то я оставляю его открытымъ, но чрезвычайно радуюсь, видя, съ какимъ уваженіемъ Россія относится къ общественному мнѣнію; мнѣ только крайне непріятно, что я ввелъ въ заблужденіе мое правительство, увѣряя его, будто польскій вопросъ никогда не можетъ быть поставленъ

на почву примирительныхъ переговоровъ, такъ какъ Россія самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ всякое постороннее вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла.

«И она дѣйствительно отвергаетъ такое вмѣшательство», прервалъ меня князь. Я замѣтилъ, что въ кругу людей, наиболѣе свѣдущихъ, распространенъ слухъ, будто въ непродолжительномъ времени откроются переговоры по поводу польскихъ событій. «И эти наиболѣе свѣдущіе люди сильно ошибаются, возразилъ князь. — Сегодня я отправляю въ Парижъ депешу, которая разсѣетъ эти иллюзіи; васъ я также уполномочиваю сообщить вашему правительству, что Россія никогда не согласится вести переговоры, ни офиціальные, ни протокольные, относительно польскихъ дѣлъ».

«Въ отправленной въ Парижъ депешѣ говорится, что Россія согласится на европейскій конгресъ только въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ составленъ съ цѣлію водворенія мира и разрѣшенія вообще всѣхъ вопросовъ, волнующихъ въ настоящее время Европу, но что она отвергаетъ самымъ положительнымъ образомъ спеціальные переговоры о Польшѣ».

На другой день по отправленіи этой депеши, Пеполи въ частномъ письмѣ къ Веноста писалъ:

«Долженъ тебѣ сознаться, что содержаніе депеши, врученной мнѣ графомъ Торніелли, меня глубоко огорчило. Разномысліе наше, такъ ясно выразившееся въ этой депешѣ, заключается не въ формѣ и неблагонамѣренности, а въ самомъ существѣ нашихъ воззрѣній. Поэтому мнѣ очень жаль, что я высказалъ передъ княземъ Горчаковымъ такія мысли, которыя не соотвѣтствуютъ вашему плану и могутъ повредить вашей осторожной системѣ. Наперекоръ, однако, всѣмъ доводамъ, которые съ такою ясностію развиваются въ Туринѣ, заявляю тебѣ, что остаюсь при моемъ мнѣніи и умру нераскаявшимся грѣшникомъ.

«Я передалъ разговоръ мой съ княземъ Горчаковымъ двумъ посланникамъ, французскому и англійскому, и оба заявили, что итальянскому министру только въ такомъ тонѣ и слѣдовало говорить. Ваша нота имѣла большой успѣхъ между русскими: похвалы сыплятся на Италію со всѣхъ сторонъ, только я подозрѣваю, не имѣютъ ли всѣ эти похвалы и журнальныя статьи цѣли повредить мнѣ немножко въ либеральномъ лагерѣ.

«Съ большимъ вниманіемъ прочелъ я помѣщенную въ Journal des Débats статью о томъ, какого образа дѣйствій должна держаться Италія при настоящихъ обстоятельствахъ. Не могу согласиться съ доводами, будто нынѣшнее положеніе дѣлъ и то, которое было въ 1815 году, сходны между собою, и питаю полнѣйшую увѣренность, что графъ Кавуръ держался бы теперь другой политики и старался бы о пріобрѣтеніи независимости и о присоединеніи областей. Мно-

гія обстоятельства обусловливають разницу между тогдашнимъ и теперешнимъ положеніемъ Италіи, и главныя изъ нихъ слѣдующія:

«Въ то время Пьемонту нечего было спасаться внутреннихъ беспорядковъ, такъ какъ въ этой маленькой, но спокойной области царствовалъ прекраснѣйшій порядокъ; страна не была опустошена разбоями; наша столица не была занята нашими союзниками; Гарибальди не было въ Капрерѣ.

«Journal des Débats высказываетъ предположеніе о войнѣ съ Австріей. Не думаетъ ли господинъ Іонгъ, что итальянская армія, перешедшая рѣку Минчіо, присоединится къ общему возстанію въ венеціанскихъ провинціяхъ? Въ такомъ случаѣ Италія должна была бы помогать своимъ оружіемъ въ рѣзнѣ, которую ея союзники устроятъ въ Венеціи?

«Не думаетъ ли г. Іонгъ, что для своего противодѣйствія Римъ почерпнетъ новую отвагу, видя, что часть нашего войска находится въ отдаленіи, и не полагаетъ ли онъ, что Гарибальди не начнетъ національной войны, которая затруднитъ Австрію? Каковъ же можетъ быть исходъ австрійской войны? Если бы Австрія рѣшилась объявить войну Россіи, то, конечно, сдѣлала бы это ради своихъ интересовъ. Но таковы ли планы Франціи относительно Польши? Франція желала возстановленія польско-католическаго гогосударства, которое было-бы въ Европѣ новой союзницей для Франціи и управлялось бы государемъ изъ ея династіи — католическая Польша съ монархическимъ управленіемъ прибавила бы вѣса въ балансѣ Франціи. Но не была ли бы эта католическая монархія роковою для Италіи и ея свободы? Ксендзы-фанатики побудили поляковъ къ возстанію, и поляки преданы папѣ. Помогая въ этой войнѣ, мы содѣйствовали бы учрежденію новаго государства, которое оказалось бы противникомъ Италіи въ римскомъ вопросѣ, между тѣмъ какъ Россія — о чемъ я уже писалъ вамъ — не станетъ препятствовать занятію Рима. Но Франція завоевала бы Бельгію и Рейнскія провинціи. Для насъ это было бы весьма неблагопріятно: занятіе этихъ провинцій французами было бы нарушеніемъ принципа національности и увеличило бы перевѣсъ католической партіи, потому что, какъ тебѣ извѣстно, во всей Европѣ нѣтъ такихъ фанатическихъ католиковъ, какъ въ Кёльнѣ и Брюсселѣ.

«Мы ослабили бы благопріятный для насъ протестантскій элементъ и усилили бы элементъ католическій, являющійся нашимъ злѣйшимъ врагомъ. Впрочемъ, я не думаю, чтобы Австрія вмѣшалась въ это дѣло. Она боится поднимать національные вопросы, потому что если она потеряетъ одну область, то ей не представляется вѣроятности замѣнить ее другою, но, напротивъ, грозитъ распаденіе. Въ самомъ дѣлѣ, если она освободитъ Польшу, то по какому праву будетъ держать въ рабствѣ Венгрію, Богемію и Венецію?

«Вслѣдствіе такихъ соображеній, для меня не понятенъ австрійскій союзъ!

«Непонятно также, какимъ образомъ, въ минуту борьбы, Франція соглашается лишать себя помощи, которую она можетъ получить, если обратится съ призывомъ ко всѣмъ угнетеннымъ національностямъ.

«Я думаю, Австрія не рѣшится на войну и объявитъ себя нейтральною. Такая система можетъ быть роковою для Италіи, и это обстоятельство увеличиваетъ мои опасенія. Австріи не трудно будетъ, при помощи ея войскъ, поддержать спокойствіе въ ея областяхъ, и въ то время, какъ итальянцы будутъ проливать свою кровь за поляковъ, австрійцы станутъ притѣснять своихъ венеціанскихъ подданныхъ.

«Когда война окончится, католическая Польша, католическая Франція и католическая Австрія соединятся противъ насъ въ пользу Рима. На признательность поляковъ не разсчитывай: этотъ народъ рабски преданъ патерамъ, а тебѣ извѣстно, какой благодарности можно научиться въ исповѣдальняхъ. Италія не имѣетъ надобности пріобрѣтать вліяніе въ Европѣ, какъ не нуждалась въ этомъ и Сардинія. Она можетъ располагать 400 тысячъ солдатъ и достаточно сильна, чтобы не допустить войны безъ ея согласія, при чемъ она выскажетъ тѣ условія, на которыхъ намѣрена принять участіе въ этой войнѣ. Содѣйствіе Пьемонта въ Крыму было полезно для Италіи и почти совсѣмъ безполезно для союзныхъ державъ, — которыя одержали бы верхъ и безъ нашей помощи.

«Можетъ ли въ настоящее время Франція воевать за Польшу безъ нашей помощи? Нѣтъ, не можетъ. Если она будетъ въ союзѣ съ Австріей, то должна быть увѣрена въ нашемъ нейтралитетѣ относительно Венеціи, если она будетъ во враждѣ съ Австріей — ей нужна сильная диверсія на рѣкѣ Минчіо; ей необходимы всѣ элементы, которыми мы обладаемъ — ей нужны элементы революціонный и гарибальдійскій. Чѣмъ заискивать у Франціи, полезнѣе будетъ выждать, какъ она поступитъ. Если она обѣщаетъ Австріи, что мы не начнемъ войны въ Венеціи — мы отвѣтимъ, что не можемъ подтвердить такого обѣщанія. Если же она, оставленная всѣми, будетъ просить нашего содѣйствія — мы согласимся только подъ тѣмъ условіемъ, что война будетъ національная, и что императоръ Наполеонъ не остановится на полъ-дорогѣ, какъ сдѣлалъ это подъ Севастополемъ и въ Виллафранкѣ.

«Въ настоящее время для насъ самый подходящій союзъ былъ бы союзъ съ Англіей. Англія не представляетъ для насъ никакой опасности: она такъ же, какъ и мы, желаетъ воспрепятствовать возникновенію новаго католическаго государства; она, подобно намъ, предвидитъ преобладающее вліяніе Франціи въ Европѣ и не объ-

явить войны до тѣхъ поръ, пока не убѣдится, что исходъ этой войны будетъ благопріятенъ для свободы и прогресса.

«Присоединитесь къ Англіи; но для того, чтобы она вамъ вѣрила и поддерживала васъ — вамъ слѣдуетъ освободиться изъ-подъ опеки Франціи.

«Я съ своей стороны люблю императора и Францію, но полагаю, что въ настоящее время намъ нужнѣе всего показать свою независимость. Насъ не считаютъ въ разрядѣ великихъ державъ, потому что всѣ увѣрены въ господствѣ французовъ надъ нами. Теперь политика наша должна выказать осторожное сопротивленіе Франціи. Вотъ почему назначеніе посланникомъ Арезе, или хоть предположеніе объ этомъ назначеніи, кажутся мнѣ роковыми.

«Поэтому-то я и желалъ, чтобы нота наша не походила на французскую и не служила какъ бы уступкою въ пользу Франціи; по той же причинѣ я считалъ большою ошибкою подписаніе торговаго договора съ Франціей, такъ какъ намъ представлялся хорошій случай показать, что мы не подчиняемся французскому вліянію.

«Вы боитесь одиночества, и это опасеніе преслѣдуетъ васъ; вспомнивъ, что во дни моей молодости я былъ поэтомъ, скажу вамъ: «Тѣнь Банко смущаетъ вашъ сонъ».

«Но вы не останетесь въ одиночествѣ, потому что общественное мнѣніе Европы будетъ за васъ, и потому еще, что, имѣя сильную армію и олицетворяя великую идею, всегда можно быть увѣреннымъ въ пріобрѣтеніи союзниковъ.

«Или ты еще придаешь значеніе такимъ союзамъ, которые составляются въ кабинетахъ государственныхъ людей? Что касается до меня, то я не придаю имъ никакого значенія. Напротивъ, я увѣренъ, что союзы основываются на принципахъ и составляются въ силу общественнаго мнѣнія. Взгляни кругомъ и ты увидишь, что Европа волнуется общими съ нами интересами, а въ такомъ случаѣ нечего бояться, что содѣйствіе нашего сильнаго войска можетъ быть не принято».

Не извѣстно по какимъ причинамъ, но итальянскій кабинетъ не согласился слѣдовать такой политикѣ въ отношеніи Россіи. Тогда Пеполи, который принялъ это дѣло близко къ сердцу, испросилъ у своего правительства отпускъ и отправился на нѣкоторое время въ Италію, надѣясь лично добиться того, чего онъ не могъ достичь своими письмами. Получивъ отпускъ, Пеполи немедленно собрался въ Туринъ и 3-го іюня уже выѣхалъ изъ Петербурга. Проѣздомъ черезъ Парижъ, онъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у императора Наполеона и старался склонить его къ предложенію составить конгресъ. Наполеонъ оказался не безъучастнымъ къ такому плану и просилъ Пеполи изложить письменно его доводы и его совѣты.

Пріѣхавъ въ Туринъ, Пеполи составилъ записку, которая и была представлена Наполеону при посредствѣ итальянскаго посла въ Парижѣ. Записка эта имѣла несомнѣнный успѣхъ: Нигра писалъ, что она произвела большое впечатлѣніе въ Тюльери; независимо отъ этого, нѣсколько позже, при открытіи французскаго парламента, самъ Наполеонъ, говоря въ государственномъ совѣтѣ рѣчь на счетъ созванія конгреса, употреблялъ выраженія, заимствованныя имъ изъ записки Пеполи.

И такъ, инициатива конгреса, предложеннаго Наполеономъ, принадлежала всецѣло Пеполи. Это подтверждается и свидѣтельствомъ знаменитаго изгнанника-патріота Ломбардо, находившагося въ большой дружбѣ съ высшими сановниками Великобританіи, который писалъ по поводу этого проекта слѣдующее:

«Графъ Россель бесѣдовалъ съ однимъ извѣстнымъ итальянцемъ, который прославлялъ политическій геній императора Наполеона III, предложившаго созвать конгресъ, чтобы уладить затрудненія, возникшія въ Польшѣ. Въ отвѣтъ на это лордъ Джонъ Россель выразился такъ: «Я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ относительно высокаго генія и политической опытности французскаго монарха, но тѣмъ не менѣе я долженъ замѣтить, что мысль объ европейскомъ конгрессѣ возникла первоначально у посланника вашего въ Петербургѣ, маркиза Пеполи, который уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не разъ говорилъ объ этомъ съ княземъ Горчаковымъ, а объ этихъ разговорахъ мнѣ тотчасъ же сообщалъ нашъ посланникъ въ Петербургѣ».

Въ то время, когда маркизъ Пеполи находился въ отпуску, польское возстаніе было подавлено быстрыми успѣхами русскаго оружія и неудачная кампанія западныхъ дипломатовъ въ пользу Польши окончилась сама собою.

К. Н. В.

ТАМБОВСКІЙ КРАЙ ВЪ КОНЦѢ XVIII И НАЧАЛѢ XIX СТОЛѢТІЯ[1].

IV.

Тамбовское чиновничество.

НЕПРИГЛЯДНАЯ картина нравовъ отжившаго тамбовскаго дворянства дополняется крайне неутѣшительными чертами изъ быта тамбовскихъ чиновниковъ прошлаго времени.

Въ 1790 годахъ, кирсановскій исправникъ Бѣляевъ спеціально занимался конфискаціею старообрядческихъ книгъ, которыми онъ велъ торговлю. У крестьянина-старообрядца Алексѣева онъ отнялъ 12 старообрядческихъ книгъ и ему же продалъ ихъ за 200 руб. Этотъ же самый Бѣляевъ, во время сбора недоимокъ, зимою привязывалъ крестьянъ на нѣсколько часовъ къ столбамъ и сѣкъ ихъ. Къ счастію кирсановскаго крестьянства, въ средѣ кирсановскихъ помѣщиковъ оказался добрый человѣкъ, именно помѣщикъ Барчуговъ. Онъ подалъ сенаторамъ Трощинскому и Щербатову, ревизовавшимъ въ то время Тамбовскую губернію, письменную жалобу на Бѣляева, вслѣдствіе которой расходившійся исправникъ былъ уволенъ въ отставку.

Въ то время, какъ въ Кирсановѣ отличался своими подвигами исправникъ Бѣляевъ, въ Лебедянѣ властвовалъ городничій Шлиппенбахъ. Со всѣхъ торговыхъ статей онъ бралъ себѣ опредѣленную пошлину, по произвольной таксѣ. Противозаконныя финансовыя

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XVII, стр. 313.

операціи были, впрочемъ, не единственными увлеченіями городничаго Шлиппенбаха. Ночью, въ маѣ 1801 года, онъ ворвался въ домъ лебедянскаго мѣщанина Бѣлкина и требовалъ, чтобы тотъ выдалъ ему свою дочь. И когда ему отказали въ этомъ, онъ перебилъ въ домѣ Бѣлкина всѣ окна. Кромѣ того, Шлиппенбахъ съ обывателями обращался очень жестоко, подвергая ихъ побоямъ въ домахъ и на улицахъ. Даже одинъ офицеръ, Харламовъ, былъ прибитъ Шлиппенбахомъ на улицѣ [1].

Недостатки тамбовскаго чиновничества были хорошо извѣстны высшему правительству и потому изъ столицы часто наѣзжали въ Тамбовскую провинцію ревизоры. Чиновниковъ эти ревизоры, разумѣется, не исправляли, но все-таки ихъ ревизіи были не безполезны: онѣ доставляютъ намъ не мало матеріаловъ для характеристики отжившаго тамбовскаго чиновничества.

Въ 1806 году, въ Тамбовскую губернію ревизоромъ назначенъ былъ сенаторъ П. С. Руничъ, отецъ извѣстнаго петербургскаго попечителя и авторъ воспоминаній о Пугачевѣ и пугачевщинѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ, строгихъ и безкорыстныхъ сенаторовъ описываемаго нами времени. Этимъ вѣроятно и объясняется его командировка именно въ Тамбовскую губернію.

Сенаторъ Руничъ прибылъ въ Тамбовъ въ началѣ іюня 1807 года и ревизовалъ губернію почти 3 года. Такая продолжительность ревизіи обусловливалась важностію и сложностію тамбовскихъ злоупотребленій и безпорядковъ, о которыхъ далъ знать высшему правительству, именно министру юстицію князю Лопухину, тамбовскій губернскій прокуроръ Головинъ, а также и губернскій предводитель дворянства генералъ-лейтенантъ Баратынскій [2]).

Прежде всего пріѣзжій сановникъ обратилъ вниманіе на канцелярскіе порядки въ тамбовскихъ присутственныхъ мѣстахъ и нашелъ ихъ большею частію въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. «Дѣла въ Тамбовѣ, писалъ онъ въ одномъ изъ безчисленныхъ своихъ предложеній тамбовскому губернскому правленію,— отличаются напрасною волокитою, одниxъ тяжебныхъ дѣлъ въ производствѣ найдено мною 4767 и тяжущіеся претерпѣваютъ нѣкоторое угнетеніе. Сенатскіе указы исполняются весьма медленно, а иные валяются съ 1801 года безъ исполненія». Строгій ревизоръ обвинялъ такимъ образомъ губернское правленіе даже въ неповиновеніи правительствующему сенату и въ дурномъ примѣрѣ подчиненнымъ ему мѣстамъ. Между прочимъ, въ одномъ предложеніи гу-

---

[1]) Въ XVIII столѣтіи слишкомъ много было и другихъ подобныхъ фактовъ изъ жизни чиновниковъ.

[2]) Головинъ за свой доносъ былъ подвергнутъ двухнедѣльному аресту и лишенъ $^1/_3$ жалованья, а потомъ и вовсе уволенъ былъ отъ службы; но по окончаніи ревизіи Рунича онъ былъ возстановленъ въ должности и скоро даже повышенъ по службѣ.

бернскому правленію онъ выражался такъ: «губернское правленіе разрушаетъ твердѣйшую связь подчиненности и открываетъ безпредѣльное поле къ разнымъ неустройствамъ». Во время ревизіи тамбовской казенной палаты и уѣздныхъ казначействъ обнаружились злоупотребленія по соляной части. Соляные пристава обмѣривали и обвѣшивали народъ, употребляя во время продажи соли вѣсы и мѣры безъ казенныхъ клеймъ. Въ то же время винные пристава продавали извѣстныя доли порученнаго имъ вина въ свою пользу; а хлѣбные торговцы, съ вѣдома и согласія властей, насыпали покупателямъ хлѣбъ фальшивыми мѣрами. Сравнительно въ хорошемъ состояніи, и то только относительно канцелярскихъ порядковъ, Руничъ нашелъ тамбовскую гражданскую палату да уѣздные магистраты. А въ самомъ плохомъ состояніи найдена была тамбовская уголовная палата, о предсѣдателѣ которой Руничъ писалъ такъ: «г. предсѣдатель уголовной палаты, какъ видно, нисколько не помышляетъ о томъ, что истинное служебное отличіе состоитъ въ скоромъ доставленіи защиты страждущей невинности». Вслѣдствіе этого, Руничъ немедленно началъ ходатайствовать о томъ, чтобы чинамъ уголовной палаты сдѣлано было со стороны правительствующаго сената должное внушеніе. А между тѣмъ, въ виду найденныхъ въ тамбовскихъ присутственныхъ мѣстахъ значительныхъ канцелярскихъ безпорядковъ, онъ распорядился, чтобы всѣ члены этихъ присутственныхъ мѣстъ ходили въ присутствіе и послѣ обѣда, отъ 4 до 7 часовъ, пока всѣ накопившіяся дѣла не будутъ рѣшены. По поводу этого распоряженія всѣ тамбовскія канцеляріи и присутствія оживились небывалою дѣятельностію, примѣръ которой подавалъ самъ Руничъ, работавшій съ утра до ночи, прочитывавшій всѣ прошенія на его имя и лично объяснявшійся съ безчисленными просителями всевозможныхъ ранговъ...

Вѣсть о грозномъ ревизорѣ быстро облетѣла всю губернію и произвела сильнѣйшую тревогу среди чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ. Различные исправники и засѣдатели, судьи и стряпчіе, лѣсничіе и землемѣры, съ сожалѣніемъ вспоминали о недавней ревизіи сенатора павловскихъ временъ Леонтьева, отличавшагося чрезвычайною снисходительностію, и съ крайнимъ огорченіемъ видѣли, что Руничъ былъ совершенною ему противоположностью. И было отчего тревожиться разнымъ тамбовскимъ властямъ! Самъ губернаторъ Кошелевъ далеко былъ не безупреченъ въ своей дѣятельности [1]). Какъ чиновникъ крайне самовластный, онъ безъ суда увольнялъ отъ должностей даже уѣздныхъ предводителей дворянства, напримѣръ: Никифорова, Салькова и Мосолова, и на разныя выборныя дворянскія должности назначалъ любимцевъ своихъ самъ, не увѣдомляя объ этомъ губернскаго предводителя и дворянское собраніе.

---

[1]) Всегда подписывался такъ: Кошелѣвъ.

Онъ же во время поставки хлѣба въ петербургскіе запасные магазины, по словамъ генерала Баратынскаго, изъ 40 тысячъ девятипудовыхъ кулей хлѣба удержалъ въ свою пользу 5 тысячъ кулей.. Если самъ губернаторъ относился такъ къ своимъ обязанностямъ, то подчиненные ему чиновники и подавно не стѣснялись ими. Весьма многіе изъ нихъ знали за собою такіе грѣшки, которые и въ то темное время не могли даромъ пройти. Вотъ, напримѣръ, каковъ былъ лебедянскій исправникъ Дурасовъ.

Въ описываемое нами время, въ Лебедянскомъ уѣздѣ былъ страшный голодъ. Бѣдные люди ѣли лебеду, жолуди, дубовые листья и болотистый мохъ, смѣшивая это съ самою малою долею муки. Тогда губернаторъ Кошелевъ предписалъ Дурасову принять самыя быстрыя и рѣшительныя мѣры къ ослабленію голода, именно произвести въ пользу голодающаго населенія усиленную раздачу хлѣба изъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Но исправникъ ничего не сдѣлалъ по этому предписанію и даже не отвѣчалъ начальнику губерніи, вѣроятно потому, что былъ съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Удивленный страннымъ молчаніемъ лебедянскаго исправника, Кошелевъ отправилъ въ Лебедянскій уѣздъ цѣлую коммисію изъ разныхъ губернскихъ чиновниковъ съ тою цѣлью, чтобы помочь населенію и произвести дознаніе о дѣйствіяхъ исправника, и только эта чрезвычайная мѣра заставила, наконецъ, Дурасова нарушить молчаніе. Въ рапортѣ губернатору онъ писалъ: «отвѣчать мнѣ вашему превосходительству было некогда за многими дѣлами по сбору съ народа недоимокъ» [1]). Тотъ же самый Дурасовъ, пріѣхавъ однажды на ярмарку въ бывшій городъ Добрый, присталъ къ рыботорговцу Неронову съ цѣлью поживиться на его счетъ. Нероновъ, однако, почему-то поскупился. Тогда Дурасовъ арестовалъ его и посадилъ «въ желѣза», а весь рыбный товаръ арестованнаго, на сумму 580 рублей, пропалъ неизвѣстно куда.

Не менѣе замѣчателенъ былъ въ своемъ родѣ современникъ и сосѣдъ Дурасова по владѣніямъ—усманскій исправникъ Андреевъ. Наѣзжая въ села и деревни своего уѣзда, онъ съ полною откровенностію приказывалъ старостамъ и сотскимъ собирать съ народа въ его пользу извѣстныя, болѣе или менѣе значительныя, приношенія. Такъ, пріѣхавъ въ село Мосоловку, онъ велѣлъ однажды сотскому собрать тамъ барановъ, куръ, яицъ, коровьяго масла и ржаныхъ хлѣбовъ, и всего было доставлено ему въ слѣдующемъ количествѣ: барановъ — 17, куръ — 37, яицъ — 250, коровьяго масла — 10 фунтовъ, ржаныхъ хлѣбовъ — 34 [2]).

---

[1]) Не смотря на разныя вымогательства недоимокъ, эти недоимки въ Тамбовской губерніи доходили въ 1809 году до весьма почтенной цыфры: почти до 800 тысячъ рублей.

[2]) Все это обнаружилось во время усмиренія «бунта» въ селѣ Мосоловкѣ. Къ слову сказать, подпоручикъ Мартыновъ, командированный съ командою въ

Даже въ самомъ Тамбовѣ сплошь и рядомъ бывали факты самаго грубаго чиновничьяго произвола. Вотъ примѣръ. Канцеляристъ Басовъ не поладилъ съ своимъ отцомъ, человѣкомъ нетрезвымъ и крайне сварливымъ, и рѣшился переѣхать отъ него съ женою на свою квартиру. Это отцу не понравилось, такъ какъ переѣздъ сына лишалъ его матеріальной поддержки. Тогда онъ обратился за помощью къ своему пріятелю, квартальному надзирателю Дмитріеву, и тотъ явился на мѣсто какъ разъ во время переѣзда молодаго Басова на новую квартиру. Съ шумомъ вошелъ Дмитріевъ на дворъ и громко запретилъ переѣздъ. Когда ему на это было замѣчено, что онъ мѣшается не въ свое дѣло, онъ велѣлъ разшвырять по землѣ всѣ вещи, уже уложенныя въ сани, а молодаго Басова сталъ бить и потомъ препроводилъ его въ полицію [1]).

Въ одно время съ указанными мною полицейскими чиновниками, въ Темниковскомъ уѣздѣ отличался своими подвигами казначей Никифоровъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе брать въ свою пользу съ крестьянъ, привозившихъ казенныя подати, по 25 рублей. Дѣло это, однако, обнаружилось по доносу волостнаго головы Исеева. Тогда Никифоровъ объявилъ начальству, что взятыя имъ 25 рублевыя ассигнаціи были фальшивыя. Когда же у него потребовали эти фальшивыя деньги, онъ отвѣчалъ, что онѣ имъ уничтожены. Надобно замѣтить, что всѣ эти обстоятельства не помѣшали Никифорову быть выбраннымъ въ уѣздные судьи...

Примѣръ казначея Никифорова былъ не единственнымъ въ свое время. Современникъ этого Никифорова, тамбовскій казначей Муратовъ, присвоилъ себѣ около 39 тысячъ рублей казенныхъ денегъ, а лебедянскій казначей Ендоуровъ принималъ отъ крестьянъ казенныя подати у себя дома и не выдавалъ квитанцій. Объ этомъ донесено было губернатору Кошелеву. Стали повѣрять у Ендоурова кассу и не досчитались въ ней 15,687 рублей съ копейками.

Въ то же время былъ такой случай. Крестьяне деревни Клоковой (Моршанскаго уѣзда), за недостаткомъ пахотной земли, порѣшили на міру вырубить часть принадлежавшаго имъ лѣса. Объ этомъ узналъ форшмейстеръ Богдановъ и засѣдатель Дочкинъ и немедленно отправились въ Клоково съ понятыми и двумя рядовыми. Собрали сходъ.

— Какъ смѣли вы, грозно спросили они стариковъ, — истреблять лѣсъ?

— Нашъ лѣсъ, отвѣчали они.

Мосоловку для усмиренія бунта, такъ зажился тамъ на даровыхъ хлѣбахъ, что баталіонный командиръ едва выручилъ его оттуда чрезъ губернское правленіе.

[1]) Тамбовскіе квартальные описываемаго нами времени вообще отличались безцеремонностію при исполненіи своихъ обязанностей. Одинъ изъ нихъ, Албычевъ, собралъ въ 1809 году съ жителей городскія подати и удержалъ ихъ у себя.

— Хоть и вашъ лѣсъ, продолжали строгіе начальники, — но вы планъ испортили, на планѣ лѣсъ значится.

Потребовали палокъ. По обыкновенію, всѣ крестьяне упали на колѣни. Тогда Богдановъ и Дочкинъ смилостивились и взяли съ «виновныхъ» крестьянъ за освобожденіе ихъ отъ наказаній 635 рублей. «Это, говорили они, — штрафныя деньги за порубку лѣса». Пока пріѣзжіе чиновники жили въ деревнѣ Клоковой, они занимали со свитою нѣсколько избъ. Дѣло было зимою, тѣмъ не менѣе гости выгнали хозяевъ съ женщинами и ребятишками на морозъ.

Тревога тамбовскихъ властей по поводу ревизіи Рунича, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась не напрасною. Почтенный сенаторъ, отличавшійся замѣчательнымъ трудолюбіемъ, проницательностію и добросовѣстностію, съумѣлъ вникнуть во всѣ тамбовскіе непорядки. Узналъ онъ, что съ казенныхъ крестьянъ, сверхъ податныхъ денегъ, власти брали въ свою пользу по 70 копѣекъ и даже по рублю съ души; что эти же власти отягощали народъ подводною повинностію и сборомъ разной провизіи и что губернаторъ Кошелевъ потворствовалъ всѣмъ этимъ злоупотребленіямъ.... Не укрылось отъ Рунича и то, что совершалось въ отдаленныхъ отъ губернскаго города уѣздахъ. Провѣдалъ онъ, напримѣръ, что лебедянскій уѣздный предводитель Кошелевъ, братъ губернатора, сгонялъ казенныхъ крестьянъ на свою усадьбу и заставлялъ тамъ безплатностно копать прудъ, чистить садъ и вообще отбыватъ настоящую барщину. Изъ достовѣрныхъ источниковъ узналъ Руничъ также и о тяжелыхъ для казенныхъ крестьянъ способахъ сбора податей. Такъ, напримѣръ, если у кого изъ крестьянъ не было денегъ, то насильно брали у него лошадь, корову или овцу; если же не было у крестьянина подобныхъ дорогихъ предметовъ, то чиновники не пренебрегали и болѣе мелкими и дешевыми вещами, забирали хомутъ или топоръ и все это продавали. Чрезвычайно также тяжела была для казенныхъ крестьянъ подводная повинность, которою широко пользовались не одни только чиновники, но и ихъ дворовые, и сторожа присутственныхъ мѣстъ, и притомъ такъ, что разомъ забирали въ иномъ селѣ подводъ 15 и уѣзжали куда нибудь верстъ за 40 [1]). Сильно не нравилось крестьянамъ и то, что чиновники, безъ всякой надобности, заживались иногда у нихъ въ селахъ по нѣсколько недѣль, при чемъ, разумѣется, на мірской счетъ пили и ѣли сколько угодно, да еще таскали сельское начальство за волосы и за бороды: пища де у васъ не хороша и водка не крѣпка. Во всѣхъ волостяхъ Тамбовской губерніи заведенъ былъ, кромѣ того, обычай привозить къ уѣзднымъ начальникамъ передъ большими праздниками разную жив-

---

[1]) Секретарь шацкаго земскаго суда, Борисовъ, строилъ себѣ домъ. Лѣсъ для этого возили ему безплатно на 40 подводахъ крестьяне села Высокаго.

ность. При этомъ, конечно, случалось, что въ иномъ селѣ и для самихъ крестьянъ домашней скотины было мало. Тогда недостающую живность нужно было покупать. Такъ, крестьяне села Махровки издержали на это къ Рождеству 1807 года 86 рублей 95 копѣекъ. Но этого оказалось недостаточно. Прибавили еще 26 рублей 40 копѣекъ.

Замѣтивъ величайшіе безпорядки въ Тамбовской губерніи, Руничъ немедленно началъ принимать строгія и быстрыя мѣры къ ихъ искорененію. Прежде всего онъ отдалъ подъ судъ тѣхъ чиновниковъ, злоупотребленія которыхъ были слишкомъ явны и безспорны. Такихъ оказалось болѣе 40 человѣкъ. Всѣ они уволены были отъ службы, а на имѣнія ихъ наложенъ арестъ.

При такихъ грозныхъ обстоятельствахъ началась трехлѣтняя ревизія Тамбовской губерніи, обнаружившая массу различныхъ чиновничьихъ злоупотребленій, заключавшихся главнымъ образомъ въ лихоимствѣ и превышеніи власти.

Взяточничество въ описываемое нами время производилось въ Тамбовской губерніи самымъ патріархальнымъ образомъ. Пріѣзжалъ, напримѣръ, въ какое нибудь село чиновникъ, чаще всего полицейскій, и прямо объявлялъ сельскому начальству, что нужно собрать по столько то съ души. Такъ, въ селѣ Махровкѣ, въ 1806 году, земская полиція собрала себѣ по 20 копѣекъ съ человѣка. Такой сравнительно слабый сборъ мотивировался необходимостію покупки для чиновъ полиціи, по случаю наступившихъ Рождественскихъ праздниковъ, водки, свиныхъ тушъ, птицы и рыбы. Бывали, разумѣется, сборы, болѣе тяжелые для крестьянства. Напримѣръ, въ селѣ Боганахъ однажды собрано было для полиціи, стряпчаго и засѣдателя уголовной палаты Салькова болѣе 500 руб. Въ селѣ Шапкинѣ, по случаю рекрутскаго набора, взято было уѣздными властями по 40 копѣекъ съ души, всего 369 рублей 60 копѣекъ. Кромѣ того, волостному писарю дано было по 5 копѣекъ съ души, да землемѣру Кондыреву около того же времени дано было 370 рублей и ему же куплено французской водки 30 штофовъ на 50 рублей и свѣжей рыбы на 30 рублей. Случайно побывалъ въ злосчастномъ селѣ Шапкинѣ во время этихъ поборовъ Кондырева исправникъ Забузовъ, и онъ ни съ того ни съ сего попользовался 50 крестьянскими рублями. А крестьянамъ села Мучкапа было и того хуже. Они покупали для уѣздныхъ чиновниковъ чай, сахаръ, медъ, муку, масло, табакъ, и все это— кромѣ денежныхъ приношеній, иногда весьма значительныхъ. Одному чиновнику, Клементьеву, разомъ дано было 600 рублей. Въ то же время, т. е. въ 1806 году, въ селѣ Паревкѣ, Кирсановскаго уѣзда, было такое дѣло. Туда пріѣхали судья Вайберинъ, исправникъ Ардабьевъ и форшмейстеръ Сорокинъ производить слѣдствіе о порубкѣ лѣса. Порубки однако никакой не оказалось.

Тѣмъ не менѣе въ пользу слѣдователей взято было изъ мірской казны, именно изъ податнаго сбора, 300 рублей [1]). Случалось, что у крестьянъ не хватало наличныхъ денегъ для расплаты съ начальствомъ, тогда они, чтобы «ублаготворить» это начальство, продавали скотину и такимъ образомъ выручали деньги. Такъ, въ 1806 году мучкапскіе крестьяне продали въ пользу уѣздныхъ властей 500 овецъ. Всѣ эти расходы записывались въ особыя тетрадки. Это былъ сборъ поголовный, мірской. Въ ачадовскомъ волостномъ правленіи (Спасскаго уѣзда) долго сохранялась записная книжка старшины И. Иванова подъ слѣдующимъ названіемъ: «Реестръ мірскихъ издержекъ на засѣдателя Попова». Въ этой книжкѣ между прочимъ значилось:

«Изъ кабака с. Ачадова взято для засѣдателя Попова водки на 25 рублей.

«Изъ того же крбака разныхъ питій—на 4 руб. 50 копѣекъ.

«Изъ кабака с. Пичпанды взято водки на 20 рублей».

Староста Максимовъ выдалъ засѣдателю Попову 25 рублей денегъ и для него же купилъ разныхъ питій на 20 рублей.

Не ограничиваясь мірскими сборами, уѣздныя власти при всякомъ удобномъ случаѣ брали взятки и съ отдѣльныхъ лицъ, и при томъ иногда значительныя суммы. Напримѣръ, съ крестьянина с. Чуева, И. Котова, за увольненіе сына его отъ рекрутства, получено было властями 750 рублей, да съ крестьянина Захара Кожина, за дозволеніе перемѣнить ему мѣсто жительства, взято было 100 рублей.

Замѣчательна та простота, съ какою велись всѣ эти темныя дѣла, указанныя нами. Землемѣру Кондыреву понадобились, напримѣръ, деньги; и вотъ онъ пишетъ письмо одному зажиточному крестьянину:

«Емельянъ! Сдѣлай одолженіе, пришли мнѣ съ симъ посланнымъ деньги, а я нарочно за оными посылаю, чѣмъ одолжишь М. Кондырева».

Засѣдателю Попову понадобился халатъ. Онъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія крестьянъ с. Чуева, и они, на мірской счетъ, сшили ему этотъ халатъ, да еще подбили его овчинами.

Изрѣдка бывали впрочемъ случаи, когда крестьяне отказывались почему либо удовлетворять хищничеству уѣздныхъ властей. Тогда эти власти большею частію насильно вымогали требуемое.

Однажды засѣдатель Выдринъ пріѣхалъ въ одну деревню и обратился къ крестьянину Филимонову съ требованіемъ денегъ. Тотъ не далъ, и за это Выдринъ велѣлъ надѣть на «грубіяна»

[1]) Исправникъ Ардабьевъ, не смотря на то, что самъ былъ взяточникомъ, писалъ доносы губернатору Кошелеву на землемѣровъ, изобличая ихъ во взяточничествѣ.

ножныя колодки и привязать его къ столбу за шею веревкой. Послѣ этого на голову Филимонова вылили 15 ведеръ холодной воды. Подобнымъ же образомъ поступилъ съ крестьяниномъ с. Русанова, Саблинымъ, исправникъ Забузовъ. Зимою, въ жестокій морозъ, онъ велѣлъ раздѣть его и привязать на улицѣ къ столбу. Были случаи еще лучше. Нѣкто Куйманскій, служившій въ лебедянской полиціи, пріѣхалъ въ одно село, забралъ тамъ какъ то 4-хъ дѣвочекъ и 2-хъ мальчиковъ, обратилъ ихъ въ холопство и роздалъ разнымъ лицамъ, напримѣръ, лебедянскому священнику Родіонову, а тотъ одну изъ подаренныхъ ему дѣвочекъ отдалъ въ приданое за дочерью въ Данковскій уѣздъ [1]). А бывшій тамбовскій губернаторъ Лаптевъ отнялъ у ясатныхъ крестьянъ деревни Тенгушевой (Темниковскаго уѣзда) такъ называемую Раговинскую пустошь съ сѣнными покосами, рыбными ловлями и пахатною землей. Это «благопріобрѣтеніе» доставляло г. Лаптеву около 17-ти тысячъ рублей годоваго дохода. Тщетно Тенгушевскіе крестьяне тратили послѣднія свои средства, чтобы отстоять свое имущество: 12.224 рубля «даны были ими во взятокъ и на угощеніе проѣзжавшихъ чиновниковъ». Но земля такъ и осталась за Лаптевымъ [2]).

Вообще, надо замѣтить, что между чиновниками - хищниками нерѣдко попадались лица весьма состоятельныя и по служебному своему положенію въ уѣздахъ весьма почетныя. Слѣдствіемъ П. С. Рунича между прочимъ было обнаружено, что лебедянскій уѣздный предводитель Кошелевъ, братъ Тамбовскаго губернатора, безплатно пользовался казеннымъ лѣсомъ. Въ этомъ онъ изобличенъ былъ собственноручными записками къ старшему полѣсовщику Лутовину. Кошелевъ разомъ вырубалъ деревьевъ по 400 и все это перевозилъ къ себѣ при помощи казенныхъ крестьянъ и на ихъ лошадяхъ.

Чтобы воспользоваться взятками, власти описываемаго нами времени часто оказывались снисходительными. Въ 1807 году въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ была эпидемія. Вслѣдствіе этого въ Тамбовской губерніи учреждены были пограничные ка-

---

[1]) Этотъ же Куйманскій пріѣхалъ однажды въ с. Шовское, къ солдату Давыдову, котораго не оказалось дома. Тогда онъ отперъ солдатскій сундукъ и вынулъ оттуда 140 руб. ассигнаціями, да около 5 рублей звонкою монетою. На другой день солдатъ Давыдовъ вернулся домой, узналъ о грабежѣ и немедленно поскакалъ въ Лебедянь къ Куйманскому. Тотъ отказался вернуть ему деньги. Давыдовъ послѣ этого отправился къ исправнику Щепотьеву, но и тотъ отпустилъ его ни съ чѣмъ. «Гдѣ, говорилъ онъ, у тебя, солдата, быть деньгамъ».

[2]) За Лаптевымъ водилась еще одна слабость. Онъ занималъ значительныя суммы денегъ на срокъ и не отдавалъ ихъ, не безъ основанія расчитывая на свое значеніе и на извѣстную судейскую волокиту. Въ то же время онъ не щадилъ и духовенства, отнимая у него землю. Такъ, онъ отнялъ луга у бутаковскаго причта (Темниковскаго уѣзда).

рантины. Въ это время черезъ городъ Борисоглѣбскъ слѣдовали въ село Разсказово 100 подводъ, нагруженныхъ рыбою. Такъ какъ рыбу везли изъ Саратова, то транспортъ слѣдовало задержать. Но исправникъ и судья все таки пропустили его, взявши 85 рублей и 14 пудовъ рыбы. Далѣе, въ с. Чигоракѣ рыбный караванъ былъ остановленъ волостнымъ головою, но немедленно былъ отпущенъ, какъ только въ пользу сельской власти поступило 11 рублей и 2 пуда рыбы. Послѣ подобныхъ мытарствъ транспортъ прибылъ, наконецъ, въ с. Разсказово, къ владѣльцу его Н. П. Архарову.

Многіе чиновники даже и не считали взяточничества за преступленіе. Такъ, въ 1808 году, въ Тамбовѣ судились за взятки борисоглѣбскія сельскія власти. Судъ однако освободилъ ихъ отъ всякой отвѣтственности за это, по слабому смотрѣнію за ними земской власти [1]).

Рядомъ со взяточничествомъ и казнокрадствомъ развивалось и крѣпло самое необузданное самоуправство. Во время ревизіи Рунича, въ Кирсановѣ властвовалъ городничій Таировъ, родственникъ Тамбовскаго губернатора Кошелева. Вотъ какъ обращался онъ съ кирсановскими обывателями. Ночью, въ 1809 году, онъ за что то сталъ жестоко бить мѣщанина Максина. Дѣло было на улицѣ. На крикъ Максина выбѣжалъ мѣщанинъ Кузнецовъ и сталъ упрашивать расходившагося градоправителя: «ваше высокоблагородіе, помилуйте! Такъ и до грѣха не долго». Тогда Таировъ бросилъ Максина и сталъ бить палкой Кузнецова. А чтобы легче ему было управляться съ своею жертвою, онъ сбросилъ съ себя сюртукъ и остался въ одномъ жилетѣ. Потомъ съ шумомъ и ругательствами повезъ онъ обоихъ въ полицію, причемъ семейства ихъ съ плачемъ бѣжали за городническою повозкою и такимъ образомъ старались умилостивить Таирова. Не смотря на позднее время, почти всѣ жители Кирсанова выбѣжали на улицу. Болѣе почетные изъ нихъ, напримѣръ, градской голова и протоіерей Трескинъ, подошли къ городничему и просили его за арестованныхъ; но онъ, не обращая на нихъ никакого вниманія, прослѣдовалъ въ полицію и сейчасъ же распорядился экзекуціей: Максинъ и Кузнецовъ были наказаны батогами. Когда оба они, изсѣченные, лежали на полу въ полиціи, Таировъ сталъ обшаривать ихъ карманы и у Кузнецова вынулъ оттуда 200 рублей, а у Максина 360. На другой день мѣстныя кирсановскія власти, протоіерей, стряпчій и городской голова, составили актъ объ этомъ происшествіи и черезъ губернатора Кошелева препроводили его къ министру полиціи Балашеву, который прислалъ въ Кирсановъ для про-

---

[1]) А иногда за то же самое приговаривали къ наказанію плетьми. Очевидно, направленіе суда зависѣло отъ тѣхъ или иныхъ взглядовъ судей на дѣло.

изводства слѣдствія надъ Таировымъ чиновника Мамоновича. Сначала свидѣтели боялись показывать на городничаго; такъ что Мамоновичъ принужденъ былъ просить губернатора объ устраненіи его отъ должности, а потомъ единогласно говорили: «и смотрѣть то безъ содраганія на побои городничаго невозможно было; а когда усталъ онъ драться, то велѣлъ десятникамъ бить Максина и Кузнецова въ 2 палки». Объ этомъ же Таировѣ Мамоновичъ узналъ, что онъ закрылъ въ Кирсановѣ трактиръ купца Баженова только потому, что тотъ не согласился дать ему значительную взятку [1]).

Тотъ же Таировъ безплатно и самовольно занялъ домъ кирсановскаго купца Федюкина, мебель въ домѣ всю поломалъ, обидѣвшись за что то на хозяина, а садъ потравилъ скотиной.

Вообще, самоуправство и жестокость въ наказаніяхъ были отличительными чертами служебной дѣятельности прежнихъ исправниковъ и городничихъ. Современникъ Таирова, темниковскій исправникъ Куткинъ, однажды такъ жестоко наказалъ крестьянина Антонова, что онъ остальную свою жизнь едва могъ ходить и пересталъ владѣть руками. А темниковскій городничій Колончуковъ однажды устроилъ слѣдующую сцену. Онъ вошелъ въ домъ нелюбимаго имъ священника Матвѣя Иванова, чтобы арестовать его и вести въ полицію за мнимое буйство на базарѣ. У о. Матвѣя въ это время были гости, въ томъ числѣ темниковскій протоіерей Никифоръ Макаровъ. Нисколько не смущаясь этимъ, Колончуковъ приказалъ схватить и гостей: «тащите, кричалъ онъ полицейскимъ, всѣхъ ихъ въ полицію, а тебѣ, попу Матвѣю, я удружу; ты знай, что братъ у меня въ Тамбовѣ прокуроромъ. Я все здѣшнее общество возмущу, чтобы вывести тебя въ селѣ». Недовольствуясь такимъ скандаломъ, городничій велѣлъ полицейскому унтеръ-офицеру звонить въ колокола, чтобы побольше народу собралось полюбоваться на представленную нами картину. Вся эта возмутительная сцена продѣлана была съ священникомъ заслуженныхъ, имѣвшимъ орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Отъ произвола уѣздныхъ властей иногда не были свободны даже чиновники. Такъ, въ 1808 году, моршанскій городничій Кологривовъ напалъ на улицѣ, среди бѣлаго дня, на стряпчаго Левицкаго, схватилъ его за воротникъ сюртука и собственноручно повелъ на съѣзжую, гдѣ и заперъ его въ арестанской комнатѣ. Впослѣдствіи Кологривовъ оправдывалъ свой поступокъ тѣмъ, что Левицкій будто бы былъ пьянъ. Между тѣмъ, настоящая причина самоуправства городничаго была другая: Левицкій, какъ это извѣстно было Кологривову, несъ на почту доносъ на него.

---

[1]) Надворный совѣтникъ Мамоновичъ присланъ былъ министерствомъ полиціи для производства 2-хъ слѣдствій: о Таировѣ и о шацкомъ городничемъ Сипягинѣ. Онъ извѣстенъ въ Тамбовѣ какъ авторъ записки объ открытіи тамбовскаго отдѣленія Библейскаго общества.

Одинаковой участи съ Левицкимъ подвергся и кирсановскій стряпчій Денисовъ. Однажды онъ пришелъ къ исправнику Пахомову съ представленіемъ о казенныхъ крестьянахъ, подвергшихся излишнимъ поборамъ. Тогда Пахомовъ ударилъ его по лицу чубукомъ и выгналъ вонъ, послѣ чего сѣлъ за столъ и написалъ на Денисова жалобу губернатору: стряпчій де оскорбилъ меня дѣйствіемъ.

Въ то же время борисоглѣбскій стряпчій доносилъ губернатору Кошелеву, что «въ Борисоглѣбскѣ жить весьма не безопасно по случаю множества воровъ и буяновъ, покровительствуемыхъ городничимъ, который изъ своихъ разсчетовъ не принималъ даже и жалобъ на этихъ воровъ».

Не лучше было и въ Козловѣ. Въ 1803 году, козловскимъ почтовымъ отдѣленіемъ завѣдывалъ исправникъ Плаксинъ. Всѣ казенныя и пересылочныя деньги онъ обыкновенно хранилъ въ своемъ сундукѣ и безъ печатей. До какой степени онъ дорожилъ пересылочными деньгами, видно изъ слѣдующаго случая. Разъ, одинъ козловскій купецъ посылалъ черезъ почту въ Воронежъ 4,000 рублей. Тогда Плаксинъ разсудилъ одну тысячу оставить у себя, и только 3 тысячи послалъ по назначенію. Со всѣми проѣзжими Плаксинъ имѣлъ обыкновеніе обращаться крайне невѣжливо и дерзко. Однажды, онъ, по обыкновенію, нагрубилъ одному проѣзжему. Но этотъ проѣзжій оказался графомъ И. А. Безбородко, вслѣдствіе чего Плаксинъ лишился, конечно, должности.

Самоуправствомъ, иногда принимавшимъ самыя дикія формы, часто отличались чиновники весьма незначительнаго ранга. Въ 1807 году, въ Тамбовѣ былъ такой случай. Квартальный Быстровъ привелъ на квартиру къ купчихѣ Рожновой какого-то офицера. Хозяйка была больна, квартира ея была уже занята однимъ чиновникомъ и пріѣзжему офицеру указана была полиціей совсѣмъ другая квартира. Тѣмъ не менѣе, Быстровъ, въ сознаніи своего полицейскаго могущества, началъ выгонять Рожнову въ кухню называя ее въ то же время свиньею и канальею, а въ заключеніе своего объясненія ударилъ Рожнову въ грудь, такъ что она упала на полъ. Въ жалобѣ, поданной по этому поводу въ губернское правленіе, обиженная, между прочимъ, писала: «такъ въ другихъ мѣстахъ и съ преступниками не поступаютъ». Губернское правленіе не приняло, однако, жалобы: укоризны де для полиціи въ пропеніи заключаются.

Въ виду всѣхъ этихъ, отчасти указанныхъ нами, чиновничьихъ злоупотребленій, Руничъ усилилъ свою строгость и уже не ограничивался одними отставками. Нѣкоторыхъ чиновниковъ стали сажать подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Иныхъ даже отдали въ солдаты. Такъ, въ солдаты отданы были чиновникъ Поповъ за взятку въ 15 рублей и чиновникъ Боровиковскій за взятку въ

14 руб. 50 коп. Къ сожалѣнію, такимъ строгимъ наказаніямъ подверглись только мелкіе чиновники. Относительно же болѣе крупныхъ чиновниковъ Руничъ сдѣлалъ представленіе министру юстиціи, князю Лопухину. Въ этомъ представленіи, между прочимъ, значилось: «убѣжденія чести и стыда не имѣли достаточной силы для удержанія тамбовскихъ злоупотребленій. Зло сіе, распространивъ вѣтви свои, обратилось къ совершенному утѣсненію какъ однодворцевъ, такъ и казеннаго вѣдомства крестьянъ, кои впали въ нѣкоторое разореніе. Губернаторъ же тамбовскій руководствовался въ дѣлахъ не знаніемъ закона, а единымъ токмо самовластіемъ».

Между прочимъ, ревизія Рунича обнаружила, что не одни присяжные чиновники притѣсняли народъ. Случалось, что даже крестьяне, сдѣлавшись мірскими начальниками, свою же братью тиранили. Въ порывахъ начальническаго самовластья, эти, по народному выраженію, лыкомъ шитые начальники часто превосходили жестокостію самыхъ захолустныхъ капитанъ-исправниковъ. Въ 1807 году, въ селѣ Балушевыхъ Починкахъ, Елатомскаго уѣзда, старостою былъ крѣпостной крестьянинъ Малышевъ. Онъ особенно часто сѣкъ крестьянку Мавру Федорову и притомъ такъ жестоко, что она, наконецъ, рѣшилась убѣжать. Но ее поймали. И вотъ началась дикая расправа. Мавру Федорову сперва посадили на нѣсколько дней «въ цѣпь со стуломъ», а потомъ начали сѣчь плетьми присланные Малышевымъ десятскіе. При этой экзекуціи присутствовалъ самъ Малышевъ, который пришелъ въ такой азартъ при видѣ своей жертвы, что схватилъ пукъ зажженной лучины и сталъ жечь нагое тѣло несчастной страдалицы. Когда мѣстами это тѣло повисло кусками и стали виднѣться кости, сами десятскіе сжалились надъ Федоровой и стали отымать ее у Малышева. Но было уже поздно: черезъ нѣсколько часовъ Мавра Федорова уже умерла. А Малышевъ, предчувствуя бѣду за свой подвигъ, уѣхалъ въ Москву къ одной барынѣ искать защиты.

Иные волостные головы, писаря, старосты и сельскіе засѣдатели дѣлали въ селахъ и деревняхъ, что хотѣли. Чаще всего они упражнялись въ опустошеніи бѣдныхъ крестьянскихъ кармановъ и скопляли себѣ болѣе или менѣе значительные капиталы. Такъ, рудовскій голова (Кирсановскаго уѣзда) Кириллъ Вадинъ разомъ собралъ въ свою пользу съ одного села Рудовки 2,509 рублей. Когда нѣкоторые крестьяне стали высказывать ему, что онъ долженъ былъ бы пожалѣть своихъ односельцевъ, то жалобщиковъ за это посадили въ подполье волостнаго правленія. Между тѣмъ, кирсановскій земскій судъ, узнавши объ этомъ происшествіи, рѣшительно принялъ сторону волостнаго головы, и такимъ образомъ рудовскіе крестьяне попали изъ огня въ полымя: нѣкоторые изъ нихъ для пущаго позора, были даже обриты и острижены. Въ то

же время карпельскій (Моршанскаго уѣзда) писарь, Трухачевъ, однажды со всей волости собралъ себѣ по 2 рубля съ души. Съ такою безцеремонностію онъ дѣйствовалъ, между прочимъ, потому, что и карпельскій голова былъ съ нимъ заодно. Въ 1807 году карпельскіе крестьяне такъ жаловались начальству на своего голову: «недовольствуясь деньгами, онъ забираетъ у насъ насильственно свиныя туши и барановъ, а общественную землю отдаетъ невѣдомо кому внаймы и отчета въ деньгахъ міру не представляетъ». Все это практиковалось карпельскимъ головою въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ 1803 года, и крестьяне его волости все терпѣли. Впрочемъ, въ тѣ времена многія волости Тамбовской губерніи подобнымъ же образомъ терпѣли. Напримѣръ, пичаевскій (Моршанскаго уѣзда) голова Крючковъ, который велъ хлѣбную торговлю, имѣлъ постоянное обыкновеніе собирать съ крестьянъ своей волости по 2 четверика гречихи съ души, о чемъ доведено было даже до свѣдѣнія императора Александра I.

Нѣкоторые сельскіе начальники, въ сознаніи своего могущества, не ограничивались одними взятками, а шли гораздо дальше. Въ іюнѣ 1809 года, былъ такой случай. Крестьянская дѣвушка Лукерья Савостьянова (с. Мучкапу, Борисоглѣбскаго уѣзда) шла въ сопровожденіи своей маленькой сестры съ холстами домой. Это было около села. Въ это время навстрѣчу Савостьяновой выѣхали изъ села сельскій засѣдатель Цѣпляковъ и волостной голова Баландинъ. Савостьянова была недурна собой, а сельскіе начальники на этотъ разъ были на-веселѣ, и вотъ они схватили ее и потащили въ лѣсъ. Когда Савостьянова стала критать, то Цѣпляковъ схватилъ ее за горло и изорвалъ на ней рубаху. «Счастлива ты, говорилъ онъ ей послѣ того, собираясь продолжать свой путь, — что великая поднимается буря, а то бы не то съ тобою было за твое упрямство». На другой день Баландинъ былъ въ гостяхъ у соцкаго и кстати похвалился тамъ: «а вчера въ лѣсу я да засѣдатель немного пошутили съ дѣвкой Лукерьей Савостьяновой».

Въ томъ же 1809 году, у одного крестьянина села Троицкаго, Расляя, священникъ Егоръ Максимовъ служилъ молебенъ. Послѣ молебна, по обыкновенію, священника посадили въ передній уголъ и стали угощать. Въ это время вошелъ въ избу сельскій староста Кожевниковъ, сталъ ругать и бить священника и наконецъ выгналъ его изъ передняго угла. «Я, говорилъ онъ, начальство, а не ты; мое мѣсто въ переднемъ углу».

Въ слѣдующемъ, 1810 году, татаринъ Садаевъ (дер. Тарханъ, Шацкаго уѣзда) провожалъ въ Тамбовъ по случаю рекрутскаго набора трехъ сыновей. Съ нимъ было 165 рублей, при помощи которыхъ онъ хотѣлъ избавить свое семейство отъ солдатчины. Но соцкій деревни Тарханъ, Вахитъ Сейтовъ, по личному неудовольствію на

Садаева, догналъ его, отнялъ его деньги и вернулся съ нимъ домой, гдѣ и продержалъ его «въ желѣзахъ» 15 недѣль [1]).

И такъ, вотъ въ какомъ безотрадномъ положеніи найденъ былъ Руничемъ Тамбовскій край. Невольно является вопросъ, отчего произошли всѣ, отчасти указанныя нами, злоупотребленія? Можетъ быть, Тамбовская губернія, стоявшая вдали отъ правительственныхъ центровъ и бывшая одною изъ самыхъ глухихъ сторонъ русской земли, рѣдко привлекала на себя вниманіе высшаго правительства? Но этого забвенія не было. Мы знаемъ, что въ Тамбовской губерніи сенаторскія ревизіи были еще до Рунича и что въ теченіи какихъ нибудь 10-ти лѣтъ три тамбовскихъ губернатора, Неклюдовъ, Лаптевъ и Ниловъ, по высочайшему повелѣнію, были удалены отъ дѣлъ и подвергнуты императорскому неблаговоленію. Двоимъ изъ губернаторовъ, Неклюдову и Лаптеву, въ 1804 году, воспрещенъ былъ даже въѣздъ въ столицы. Слѣдовательно, причина указанныхъ нами тамбовскихъ безпорядковъ и злоупотребленій была другая, именно невѣжество и нравственная суровость края...

Строгая ревизія Рунича нисколько не измѣнила нравственнаго строя тамбовскаго быта. Захолустный Тамбовскій край, проводивъ Рунича, опять принялся за старое. Вотъ почему уже въ 1813 году послѣдовала новая ревизія Тамбовской губерніи. Это была ревизія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Винтера, присланнаго въ Тамбовъ по поводу злоупотребленій тамбовскихъ чиновниковъ по рекрутскому набору. Винтеръ между прочимъ обнаружилъ, что совѣтникъ казенной палаты Гороховскій, исправлявшій должность вице-губернатора, бралъ съ отдатчиковъ каждаго села по 100 рублей и болѣе; а козловскій исправникъ Карѣевъ скупалъ крестьянъ у бѣдныхъ дворянъ и однодворцевъ и потомъ продавалъ ихъ крестьянамъ для отдачи въ рекруты за ихъ семейства. Это барышничество давало ему весьма значительный доходъ. Такъ, напримѣръ, крестьянинъ Ненашевъ купленъ былъ имъ за 500 рублей, а въ рекруты проданъ одному богатому однодворцу—за 1800 рублей...

Въ 1814 году, по высочайшему повелѣнію, опять была ревизія Тамбовской губерніи. Ревизоромъ въ Тамбовъ пріѣхалъ сенаторъ А. А. Львовъ, бывшій тамбовскій губернаторъ. Онъ нашелъ губернію въ самомъ безотрадномъ положеніи. Это лучше всего можно видѣть изъ его предложеній разнымъ тамбовскимъ присутственнымъ мѣстамъ. Вотъ что онъ писалъ: «убѣдительнѣйше предлагаю губернскому правленію, дабы оно обратилось къ святости вѣрноподданнической присяги и къ важности его обязанности». Особенно Львовъ недоволенъ былъ тѣмъ, что невинно арестованные

---

[1]) Мы указали далеко не на всѣ факты злоупотребленій, обнаруженные ревизіей Рунича.

часто сидѣли по нѣсколько лѣтъ въ острогѣ, между тѣмъ какъ о нихъ шла многолѣтняя безплодная переписка. «Рабочій домъ, писалъ Львовъ далѣе въ своемъ предложеніи губернскому правленію,—хотя у васъ и есть, но оный лучше можно назвать домомъ отдохновенія, потому что содержащіеся тамъ никакихъ работъ не имѣютъ». Отзывы Львова о другихъ присутственныхъ мѣстахъ отличаются крайнею рѣзкостію и въ то же время свидѣтельствуютъ о чрезвычайно низкомъ нравственномъ уровнѣ этихъ присутственныхъ мѣстъ. Мы приведемъ эти отзывы въ сокращеніи.

«Уголовная палата представляетъ рѣдкій примѣръ крайняго небреженія всѣхъ своихъ обязанностей. Невѣроятное ея нерадѣніе и отступленіе отъ закона очевидны въ полной мѣрѣ. Палата по нерадѣнію часто судила уже умершихъ».

«Въ гражданской палатѣ сенатскіе указы отъ 1805 года остаются неисполненными по слабому дѣйствію палаты».

«Казенная палата въ рапортѣ своемъ ко мнѣ изъясняется сама о неисправности своей и запущеніи по всѣмъ частямъ. Главной тому причиной выставляетъ она малое жалованье служащихъ. Сія палата превосходитъ и уголовную совершенною беззаботливостію и небреженіемъ ея обязанности» [1]).

«Въ уѣздномъ судѣ нѣкоторыя дѣла медлятся съ 1799 г., по неуважительнымъ совсѣмъ причинамъ».

«Дворянскія опеки крайне нерадивы, опекуны не представляютъ въ нихъ отчетовъ».

О земскихъ судахъ тамбовской губерніи Львовъ писалъ такъ: «прошедъ состояніе земскихъ судовъ Тамбовской губерніи, затрудняюсь съ точностію опредѣлить, который изъ нихъ и въ какой мѣрѣ превосходитъ другихъ въ неимовѣрномъ нерадѣніи. Всѣ они кажется соревновали другъ другу въ бездѣйствіи лѣности, забыли долгъ присяги и всякое повиновеніе начальству».

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ безпорядковъ, обнаруженныхъ Львовымъ, послѣдовали разныя болѣе или менѣе строгія мѣры, направленныя противъ наиболѣе виновныхъ чиновниковъ, въ число которыхъ попали предсѣдатель уголовной палаты Евсюковъ, усманскій исправникъ Квашнинъ-Самаринъ и тамбовскій полицмейстеръ Винокуровъ, которые безъ прошеній уволены были отъ службы [2]).

Едва успѣлъ уѣхать изъ Тамбова Львовъ, какъ по поводу злоупотребленій, обнаруженныхъ во время Тамбовскихъ пожаровъ

---

[1]) Недоимокъ по Тамбовской губерніи въ 1814 г. не взыскано было, исключая сложенныхъ по манифесту 1 милл. 700 тысячъ—3.974,223 рубля 78 копѣекъ.

[2]) Кромѣ того Львовъ уволилъ отъ службы еще слѣдующихъ чиновниковъ: исправника Судейкина, стряпчаго Попова, регистратора Никольскаго, засѣдателя Кутукова, повытчика Пузынкина, канцеляриста Шарова, протоколиста Самкова и др.

1815 г., опять пріѣхалъ въ Тамбовъ ревизоръ флигель-адъютантъ Панкратьевъ...

Кончились ревизіи Рунича, Винтера, Львова, и все пошло въ Тамбовской губерніи по старому. Оффиціально все обстояло благополучно. Но не то было на самомъ дѣлѣ. Между оффиціальными отчетами стародавняго начальства и дѣйствительными фактами жизни было полное противорѣчіе. Мысль объ этомъ пришла намъ при чтеніи похвальной грамоты, адресованной генералъ-губернаторомъ Балашовымъ тамбовскому губернатору Миронову [1]). Грамата эта появилась на свѣтъ Божій 23-го іюля 1827 года и была результатомъ генералъ-губернаторской ревизіи, произведенной въ томъ же 1827 году. Въ ней выражается полное удовольствіе начальника края по поводу превосходнаго состоянія Тамбовской губерніи.

«Долгъ имѣю, пишетъ генералъ-губернаторъ Балашовъ, симъ засвидѣтельствовать вамъ, милостивый государь мой, особенную признательность начальства, признавая со всею искренностію, что образцовое состояніе губерніи, вамъ ввѣренной, происходитъ отъ неутомимой бдительности вашего превосходительства за ходомъ всѣхъ частей». Далѣе Балашовъ поручалъ Миронову «особо благодарить», какъ примѣрныхъ чиновниковъ, предсѣдателя губернскаго правленія—Арнольди, начальника губернской полиціи—князя Путятина и разныхъ городничихъ и исправниковъ, напримѣръ Фитингофа, Мяснова, Кутукова, Варламова, Горѣлова, Дурасова и Недѣлку.

Между тѣмъ какъ Балашовъ восхищался добродѣтелями тамбовской полиціи, одинъ изъ представителей этой самой полиціи, борисоглѣбскій городничій поручикъ Рожанскій, попалъ подъ судъ по весьма серьезному дѣлу. 83 человѣка Борисоглѣбскихъ купцовъ и мѣщанъ написали на него прошеніе въ губернію и съ ходокомъ Андреевымъ прислали его Миронову. Началось обычное слѣдствіе, при чемъ обнаружены были такія качества уѣздной полиціи, которыя всего менѣе могли свидѣтельствовать о благосостояніи края.

Поручикъ Рожанскій былъ старый и опытный служака. Въ 1812 году, онъ былъ раненъ въ ногу во время одного сраженія и вслѣдствіе этого, по высочайшему повелѣнію, перешелъ на полицейскую службу. Первоначальнымъ поприщемъ новой его дѣятельносси была Воронежская губернія. Тамъ, впрочемъ, Рожанскій пробылъ не долго: за разные противозаконные поступки, а особенно за то, что однажды въ церкви, во время богослуженія, обругалъ и избилъ унтеръ-офицершу Михайлову, онъ былъ удаленъ отъ долж-

[1]) Въ началѣ царствованія императора Николая I, Балашовъ былъ генералъ-губернаторомъ тульскимъ, орловскимъ, воронежскимъ, рязанскимъ и тамбовскимъ. Оффиціальная резиденція генералъ-губернатора находилась въ г. Рязани.

ности. Скоро послѣ этого онъ попалъ въ Борисоглѣбскъ и сразу заслужилъ у тамбовскаго губернатора Миронова репутацію «человѣка строптиваго характера». Ни сколько не смущаясь доходившими до него слухами о губернаторскомъ неблаговоленіи, Рожанскій и на новомъ служебномъ поприщѣ продолжалъ самоуправствовать. Такъ, 13-го апрѣля 1827 года, онъ, въ сопророжденіи квартальнаго и 5 полицейскихъ солдатъ, вошелъ въ одну городскую церковь и заперъ двери. Кончилась служба. Народъ пошелъ къ выходу изъ церкви. Но Рожанскій громко приказалъ всѣмъ остановиться и ждать, пока онъ сдѣлаетъ повальный обыскъ объ одной мѣщанкѣ. Тогда на помощь народу вышелъ изъ алтаря священникъ (о. Евфимій) въ ризахъ и сталъ урезонивать Рожанскаго: «въ церкви нельзя шумѣть; пустите народъ по домамъ, а обыскъ сдѣлайте не здѣсь». Это вмѣшательство священника вызвало только лишній шумъ и громогласную брань Рожанскаго, съ которою онъ преслѣдовалъ о. Евфимія до самыхъ царскихъ дверей.

У городничаго Рожанскаго была довольно многочисленная семья. Вслѣдствіе этого, страсть къ незаконной наживѣ усилась въ немъ до такой степени, что онъ началъ вырубать городской дубовый лѣсъ и среди бѣлаго дня перевозить на свою усадьбу. «Хотя—пишутъ по этому поводу Миронову борисоглѣбскіе купцы и мѣщане—лѣсные надзиратели и прилагали стараніе не допущать къ сему истребленію нашего лѣса посланныхъ городничимъ полицейскихъ солдатъ, но остановить не могли: самъ де приказалъ рубить лѣсъ». Еще энергичнѣе хищничество Рожанскаго выразилось въ томъ, что онъ собралъ съ жителей г. Борисоглѣбска посредствомъ экзекуціи 12,327 рублей. Деньги эти, по его словамъ, должны были пойти на усиленіе полиціи, но—разумѣется—никто этому не вѣрилъ, потому что и полицейскіе, и инвалидные солдаты въ Борисоглѣбскѣ постоянно содержались жителями, которые такимъ образомъ отбывали двѣ повинности—денежную и натуральную...

Собирая съ борисоглѣбскихъ обывателей обильную дань, Рожанскій въ то же время самъ изъ своего кармана почти ничего не тратилъ. У него заведенъ былъ такой порядокъ: лишь только какой-нибудь торговецъ появлялся на ярмаркѣ или базарѣ, сейчасъ же подходилъ къ нему полицейскій солдатъ и забиралъ часть товара въ пользу городничаго. При этихъ поборахъ Рожанскій не гнушался ни чѣмъ. Борисоглѣбскіе купцы такъ жаловались на него губернатору Миронову: «городничій Рожанскій безденежно беретъ у насъ капусту, яблоки, дыни, арбузы, огурцы, квасъ, мясо, рыбу; и все это съ крайнею обидою и насиліемъ. Которые торговцы не потрафятъ на городничаго, и у тѣхъ онъ портитъ товаръ. Такъ, у квасниковъ г. Рожанскій часто выливалъ на землю квасы. Всякій базаръ, до прибытія на торговую площадь г. городничаго,

никто не смѣлъ торговать. Только когда онъ пройдетъ по базару съ барабаннымъ боемъ, тогда торговля окрывалась» [1]).

Хищничество Рожанскаго часто отличалось мелочнымъ и придирчивымъ характеромъ. Бралъ онъ сотнями и тысячами, но не гнушался и вдовьими рублями. Разъ мѣщанка Скоморохова вздумала поправить заборъ у своей хаты и за разрѣшеніемъ пошла къ городничему. При помощи рубля серебромъ это разрѣшеніе было дано. Началась работа. Между тѣмъ Рожанскій сообразилъ, что взялъ съ Скомороховой слишкомъ мало, такъ сказать, продешевилъ, и потребовалъ съ нея еще 1 рубль. Когда же она по бѣдности отказалась платить ему новый налогъ, онъ велѣлъ разломать у нея заборъ [2]).

Слѣдствіе надъ Рожанскимъ производилъ борисоглѣбскій предводитель дворянства Оленинъ. При этомъ разобиженный городничій такъ объяснялъ городскія жалобы: «Давно разстроенный городъ, непросвѣщенное сословіе купцовъ и мѣщанъ могутъ ли благодѣтельное вліяніе законовъ за благо принять! Они не постигаютъ цѣли правительства, и вотъ причина ихъ жалобы».

Не смотря на всѣ эти отговорки, судъ вынужденъ былъ отстранить Рожанскаго отъ должности, но въ тоже время комитетъ министровъ оставилъ подсудимому всю пенсію [3]).

Одновременно съ Рожанскимъ попали подъ судъ бывшіе моршанскіе городничіе, Путятинъ и Фитингофъ, расхваленные генералъ-губернаторомъ Балашовымъ. Оба они обвинялись въ самомъ безцеремонномъ хищничествѣ. Слѣдствіе надъ ними выяснило слѣдующіе факты. Въ 1827 году, ассигнованы были значительныя суммы на постройку и поправку моршанскихъ мостовъ. Никакихъ построекъ и поправокъ, однако, не было сдѣлано, такъ что вся ассигнованная сумма, въ нѣсколько тысячъ рублей, пошла въ полицейскіе карманы, при чемъ отчасти попользовались казеннымъ

---

[1]) Купцы описываемаго нами времени, какъ видно, слишкомъ привычны были къ чиновничьимъ поборамъ. Въ 1827 году, въ Тамбовѣ была по обыкновенію такъ называемая десятая ярмарка. Въ это время къ нѣжинскому купцу Кондо подошелъ коллежскій регистраторъ Пиллихъ и взялъ у него табаку и цыгару, какъ писалъ полиціймейстеръ Модерахъ, на 41 рубль. «Это—сказалъ Пиллихъ купцу—я беру для начальника губерніи». Съ этими словами онъ ушелъ, не заплативъ денегъ, и Кондо не счелъ даже возможнымъ просить съ него уплаты за товаръ.

[2]) Въ видахъ экономіи Рожанскій производилъ работы въ своемъ имѣніи посредствомъ полицейскихъ солдатъ. Конечно, мысль о платѣ городскимъ стражникамъ совершенно устранялась.

[3]) Въ 1827 году, даже такіе мелкія чины, какъ усманскій квартальный Митрофановъ, проявляли свою власть въ самыхъ рѣзкихъ формахъ. Однажды этотъ Митрофановъ въ церкви такъ сильно ударилъ мѣщанку Васильеву, что она свалилась съ ногъ. Спустя нѣсколько минутъ послѣ этого тотъ же квартальный вытащилъ изъ церкви за волосы мѣщанина Богомолова.

добромъ городской голова Косолаповъ и подрядчикъ Макѣевъ. Кромѣ того, городничій Фитингофъ вздумалъ розыграть лотерею въ 5 тысячъ рублей. Деньги собрали сполна, а лотереи никакой не разыгрывали. Наконецъ, въ томъ же 1827 году собрано было съ моршанскихъ жителей болѣе 7 тысячъ рублей въ пользу полка, квартировавшаго тогда въ Моршанскѣ. Однако, деньги эти не достались полку, а пропали безслѣдно.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ своимъ сказать, что между тамбовскими чиновниками былаго времени нерѣдка попадались весьма почтенные и истинно добрые люди, стоявшіе много выше своей среды и вслѣдствіе этого заслуживающіе полнаго уваженія. Къ числу такихъ чиновниковъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ темниковскій городничій князь Маматовъ, шацкій становой Фирсовъ и козловскій почтмейстеръ Никольскій.

Лѣтомъ 1832 года, въ Тамбовской губерніи былъ голодъ. Изъ всѣхъ уѣздовъ доходили въ Тамбовъ самые печальные слухи. Изъ одного уѣзда писали, что хлѣбъ родился самъ-третей, изъ другаго,— что хлѣба въ приплодѣ не оказалось, изъ третьяго, — что урожая нехватитъ и на обсѣмененіе полей... Жители начали бѣдствовать. Въ это время темниковскимъ городничимъ былъ князь Маматовъ. Желая помочь городскимъ жителямъ, онъ началъ скупать въ темниковскихъ окрестностяхъ хлѣбъ и продавать его бѣднымъ жителямъ г. Темникова 30-ю копѣйками ниже своей цѣны, а самымъ бѣднымъ онъ раздавалъ по пуду хлѣба и болѣе даромъ. Между тѣмъ онъ и самъ былъ человѣкъ небогатый и притомъ многосемейный: на его попеченіи была престарѣлая мать, жена и 6 дѣтей. По окончаніи голода, жители г. Темникова всѣхъ сословій обратились къ уѣздному предводителю дворянства Ардабьеву съ просьбой, въ которой просили его довести о дѣйствіяхъ г. Маматова до свѣдѣнія губернскаго начальства. Ардабьевъ далъ знать объ этомъ исправлявшему должность тамбовскаго губернатора вице-губернатору Корсакевичу, который велѣлъ справиться у Маматова: кому именно благотворилъ онъ и сколько собственныхъ денегъ истратилъ на свои благотворенія. На это Ардабьевъ, по просьбѣ Маматова, отвѣчалъ такъ: «князь Маматовъ совершалъ свои благотворенія не изъ желанія вознагражденія, или славы, а по единому только чувству человѣколюбія; слѣдственно требованіемъ отъ него поясненія можно причинить ему одно оскорбленіе, несовмѣстное съ цѣлію благотворенія».

Въ 1847 году поручикъ Копыловъ шелъ по мосту черезъ рѣку Уну, въ селѣ Лѣсномъ Конобеевѣ. Въ это время около моста шла барка и бичевою Кобылова спихнули въ воду. А Уна въ томъ мѣстѣ была глубиною 3 сажени. Не смотря на то становой Фирсовъ, случайно бывшій на берегу, не раздѣваясь бросился за Копыловымъ и спасъ его.

Въ 1848 году, въ городѣ Козловѣ были сильные пожары. Въ это время загорѣлся почтовый домъ, въ которомъ между прочимъ находилась квартира почтмейстера Никольскаго. Почтмейстеръ былъ человѣкъ семейный, у него были малыя дѣти; тѣмъ не менѣе, забывая самого себя и свою семью, онъ съ самоотверженіемъ бросился въ горѣвшее помѣщеніе почтовой конторы и выхватилъ изъ огня казенные деньги и документы.

Иногда не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя учрежденія проявляли себя въ Тамбовской губерніи съ самой нравственной стороны. Примѣромъ этого можетъ служить слѣдующее:

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, тамбовскій помѣщикъ, извѣстный генералъ Н. П. Архаровъ, написалъ тамбовскому губернатору Копелеву такое письмо: «Моршанской округи, Пичаевской волости въ селѣ Бодинѣ находится въ замужествѣ за крестьяниномъ Дорофеемъ Ивановымъ, бѣжавшая въ 1796 году, села Разсказова (имѣнія Архарова) женщина Аграфена Яковлела съ двумя дѣтьми, о чемъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія. Вслѣдствіе чего, отправляя сего подателя для взятья ея и съ дѣтьми, прошу дать начальническое повелѣніе свое о выдачѣ ея и съ дѣтьми по принадлежности въ мое владѣніе, дабы отъ продолженія обыкновеннымъ порядкомъ дѣла сего не произошло какого нибудь злоупотребленія, относительно сокрытія ея, и не имѣть мнѣ лишней проволочки. Симъ законно удовлетворите вы въ доставленіи мнѣ права на собственность и обяжете къ всегдашней благодарности того, который съ душевнымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію вѣчно будетъ». Копелевъ передалъ дѣло о бѣжавшей Архаровской крестьянкѣ моршанскому земскому суду. И замѣчательно, что письмо знатнаго вельможи не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій для крестьяни Яковлевой и ея дѣтей. Моршанскій нижній земскій судъ отказался исполнить желаніе Архарова, онъ даже рѣшилъ взыскать съ него деньги за все дѣлопроизводство по возбужденному вопросу.

V.

Тамбовское приходское духовенство.

Исторія нашего приходскаго духовенста, въ настоящее время весьма мало разработанная, не смотря на такіе солидные труды, какъ, напримѣръ, извѣстное сочиненіе профессора Знаменскаго: «Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра I», представляетъ, конечно, большой интересъ для русской исторической науки. Помимо прямаго своего назначенія, пастырскаго и священнослужительскаго, духовенство наше съ прошлаго столѣтія давало государству дѣятелей самыхъ разнообразныхъ профессій.

Открывалось ли какое нибудь новое учебное заведеніе, университетъ, или медицинская академія, или, напримѣръ, Горыгорецкая школа, воспитанниковъ для всѣхъ этихъ заведеній набирали преимущественно въ духовныхъ семинаріяхъ. Требовались ли запасы для пополненія войскъ, утомленныхъ продолжительными войнами, обращались все къ тому же духовенству, именно къ менѣе развитымъ и болѣе празднымъ его элементамъ. Словомъ, и въ высшихъ интелигентныхъ сферахъ, и въ среднихъ чиновничьихъ, и въ тяжелой солдатской обстановкѣ — вездѣ съ прошлаго столѣтія мы встрѣчаемъ представителей такъ называемаго духовнаго сословія, въ настоящее время, какъ извѣстно, уже значительно сокращеннаго.

Въ виду исторической важности вопроса о духовенствѣ, принимавшемъ такое значительное участіе въ русской жизни, мы позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ о Тамбовскомъ приходскомъ духовенствѣ. Сначала мы скажемъ объ отношеніи общества къ духовенству, потомъ приведемъ нѣкоторыя черты изъ быта духовенства съ тою цѣлью, чтобы «отчасти» объяснить общественныя къ нему отношенія; наконецъ, въ заключеніе, мы укажемъ на тѣ правительственныя мѣры, которыя предприняты были съ «цѣлью очищенія и сокращенія» этого сословія, принимавшаго слишкомъ обширные размѣры и вслѣдствіе этого становившагося тяжелымъ для экономическаго народнаго быта.

Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, свѣтское общество всѣхъ сословій относилось къ духовенству большею частію съ полнымъ неуваженіемъ, часто выражавшемся въ самыхъ оскорбительныхъ мнѣніяхъ, словахъ и дѣйствіяхъ. Факты такого рода отношеній составляютъ, конечно, одно изъ самыхъ печальныхъ явленій русской исторической жизни, какъ сами по себѣ, такъ и по вліянію на духовенство, которое при такихъ условіяхъ не могло, хотя бы и хотѣло, удержаться на высотѣ своего нравственнаго положенія.

Для подтвержденія вышесказанной нами мысли объ отношеніяхъ общества къ духовенству, мы приведемъ нѣсколько фактовъ, новыхъ не по существу дѣла, но по нѣкоторымъ подробностямъ.

16 мая 1784 года, священникъ с. Пичаева, Моршанскаго уѣзда, Ѳома Егоровъ, вышелъ изъ своего дома въ приходъ для исполненія какой то требы. Проходя мимо питейнаго дома, священникъ неожиданно былъ остановленъ повѣреннымъ тамбовскаго откупщика Бородина, мѣщаниномъ Засухинымъ.

— «Батюшка, поди сюда!» позвалъ онъ.

Священникъ подошелъ къ Засухину.

— «Вчерашній день я посылалъ за тобою по дѣлу, а для чего ты не пришелъ?»

Священникъ сталъ извиняться тѣмъ, что у него были требы въ приходѣ. Но Засухинъ, считавшій себя обиженнымъ его невнимательностью, закричалъ своей прислугѣ: хватай его!

Немедленно выскочили изъ питейнаго три «молодца», повалили о. Ѳому и начали обливать его холодною водою изъ ближайшаго колодца.

Взмолился священникъ: «напрасно ты меня по священству безчестишь, по принесенной моей просьбѣ будешь отвѣтствовать», говорилъ онъ Засухину. Но тотъ не унимался.

Наконецъ, о. Ѳома Егоровъ вырвался и пошелъ заявить о случившемся сельскому начальству, въ такъ называемую приказную избу. Вслѣдъ за нимъ туда же прибѣжалъ и Засухинъ со своими работниками. Не смотря на присутствіе многочисленныхъ свидѣтелей, онъ началъ бранить священника и бить его палкой по головѣ, плечамъ и спинѣ, а потомъ толкнулъ его къ своимъ работникамъ, которые повалили его на землю и снова били кулаками, такъ что онъ нѣсколько часовъ лежалъ на полу безъ памяти, при чемъ никто не помогъ ему: такъ всѣ пичаевскіе жители боялись своего Бахуса-Засухина.

Когда обиженный подалъ жалобу тамбовскому епископу Ѳеодосію, то началось «дѣло», тянувшееся, какъ и многія подобныя дѣла, нѣсколько лѣтъ. По обыкновенію, стали допрашивать разныхъ свидѣтелей. Допросы шли весьма медленно, такъ какъ весьма многіе свидѣтели по торговымъ дѣламъ уѣхали въ Москву и другіе города. Чѣмъ кончилось все это, — намъ неизвѣстно. Изъ «дѣла» можно было замѣтить только то, что высшія духовныя власти не особенно озабочены были защитою своего подчиненнаго. Это, впрочемъ, было весьма обыкновенно въ то время. Случалось, что прихожане-помѣщики упекали своихъ приходскихъ пастырей въ монастыри, или же лишали права священнодѣйствія и даже сана, и все это на основаніи своего помѣщичьяго авторитета. Такъ, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по ходатайству отставнаго поручика Осипа Аврамова, лишенъ былъ священства священникъ села Копылова, Лебедянскаго уѣзда, Василій Ивановъ. А лѣтъ черезъ пять послѣ того, случайно обнаружилось, что священникъ пострадалъ совершенно невинно.

Случаи грубаго насилія по отношенію къ священникамъ и вообще причту отличались иногда чрезвычайною безцеремонностію. Напримѣръ, 27 января 1784 года, священникъ г. Тамбова, Григорій Елисѣевъ, былъ избитъ солдатомъ Заварзинымъ на одной изъ самыхъ людныхъ тамбовскихъ улицъ. Солдатъ Заварзинъ былъ сердитъ на священника за то, что онъ не повѣнчалъ его сына, жившаго въ чужомъ приходѣ. Когда на крикъ священника Ели-

сѣева сбѣжался народъ, то Заварзанъ сталъ жаловаться: былъ-де этотъ попъ въ моемъ домѣ и укралъ у меня образъ.

Почти въ то же время въ с. Поташьевѣ, Елатомскаго уѣзда, былъ такой случай. Ночью, 23 февраля, пьяный питейный повѣренный Бумажниковъ, залѣзъ на колокольню и началъ звонить во всѣ колокола. Разбуженный необычайнымъ звономъ, мѣстный священникъ побѣжалъ къ церкви, но тамъ встрѣтилъ его Бумажниковъ и со словами: «не мѣшай мнѣ, не твое дѣло», — ударилъ его по лицу и сбилъ съ ногъ. А на другой день, чтобы лишить священника свидѣтелей, собралъ все село къ кабаку и устроилъ «міру» даровое угощеніе.

Нѣсколько позднѣе описаннаго случая, тамбовскій помѣщикъ Шигаринъ поступилъ еще съ большею безцеремонностію съ своимъ приходскимъ духовенствомъ. Дѣло было на святой недѣлѣ. По обыкновенію, причтъ съ хоругвями и образами отправился къ помѣщику. Но Шигаринъ встрѣтилъ его съ собаками и, размахивая кнутомъ, сталъ наускивать этихъ собакъ на церковную процесію. Оказалось, что причтъ провинился передъ Шигаринымъ: осмѣлился прежде него зайти съ образами въ нѣкоторые крестьянскіе дома. Къ счастію, помѣщичій домъ былъ окруженъ крестьянскими избами, такъ что духовенство успѣло во время спрятаться за одними воротами.

Довольно характеренъ также и слѣдующій случай. Въ 1804 году, шацкій священникъ Борисъ Афанасьевъ имѣлъ несчастіе заслужить гнѣвъ помѣщика Свищева, и слѣдствіемъ этого гнѣва было то, что Свищевъ однажды ворвался съ своими дворовыми въ домъ къ священнику и произвелъ въ немъ переполохъ. Свиньямъ онъ приказалъ обрѣзать уши и хвосты, домашнюю птицу всю потравилъ борзыми собаками, а хозяина навсегда выгналъ изъ дому. Недовольствуясь этимъ, Свищевъ отнялъ у всего причта церковную землю, которая такъ и осталась за нимъ.

Съ низшими членами приходскаго духовенства въ то же время поступали, конечно, еще хуже, чѣмъ со священниками. Ихъ иногда иные помѣщики ухитрялись обращать въ своихъ крѣпостныхъ [1]). Такъ, напримѣръ, въ 1774 году, дьячекъ с. Тарханъ, Шацкаго уѣзда, Никита Ивановъ, «не вѣдомо почему», записанъ былъ за помѣщикомъ Татариновымъ. Не смотря на просьбы, обращенныя къ разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и повторявшіяся въ теченіе десятковъ лѣтъ, бѣдный Никита Ивановъ такъ и остался въ холопахъ до самой смерти, послѣ которой семейство его стало не-

[1]) Были, впрочемъ, случаи, когда церковники, вслѣдствіе крайней бѣдности добровольно шли въ неволю. Такъ, въ 1784 году, 4 церковника Козловскаго уѣзда по бѣдности пошли въ вѣчное и потомственное холопство къ маіоршѣ Суворовой.

реходить изъ однимъ помѣщичьихъ рукъ въ другія. Сынъ его, Иванъ, проданъ былъ помѣщицѣ Бигловой, и когда, по примѣру отца, сталъ отыскивать вольность, то помѣщица продала дочь его помѣщику Топорнину, а его самого съ остальнымъ семействомъ передала темниковскому помѣщику Дивѣеву, который распродалъ всѣ его пожитки и опредѣлилъ всю семью въ дворовые.

Въ имѣвшемся у насъ «дѣлѣ» ничего не сказано о томъ, получила ли семья Ивана Никитина вольность. Въ отвѣтъ на всѣ его прошенія въ тамбовскія присутственныя мѣста получался одинъ и тотъ же отвѣтъ: взыскать съ просителя гербовыя пошлины. Можно, впрочемъ, догадываться, что семья Никитиныхъ, наконецъ, освободилась отъ помѣщичьей власти, такъ какъ въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по распоряженію сената, отбирались у нѣкоторыхъ тамбовскихъ помѣщиковъ «закрѣпощенные церковники».

Въ 1795 году былъ случай еще болѣе варварскаго обращенія съ церковнослужителями. Въ августѣ этого года, шацкій помѣщикъ Чубаровъ засѣкъ до смерти плетьми престарѣлаго дьячка Прокофія Григорьева. Когда же послѣдовала по этому поводу жалоба, то Чубаровъ съумѣлъ оправдаться, свалившi смерть Прокофія Григорьева на апоплексическій ударъ.

Въ началѣ XIX-го столѣтія, какъ извѣстно, священнослужители освобождены были отъ тѣлеснаго наказанія. Эта правительственная мѣра имѣла цѣлью возвысить общественное положеніе духовенства. Тѣмъ не менѣе въ началѣ настоящаго столѣтія мы встрѣчаемся съ фактами самаго грубаго насилія по отношенію къ духовенству. Вотъ эти факты.

6 мая 1807 года, священникъ с. Высокихъ Полянъ, Алексѣй Петровъ, послѣ обѣда отдыхалъ у себя. Въ той же самой комнатѣ была его жена и престарѣлый тесть, заштатный дьяконъ. Въ это время зашелъ къ нему прикащикъ мѣстнаго помѣщика съ двумя крестьянами и безъ всякой серьезной причины и по одному только недоброжелательству ухватилъ его за волосы и бороду и сталъ таскать по полу. Подобная же участь постигла и остальныхъ членовъ его семейства. Между тѣмъ, священникъ Алексѣй Петровъ, вырвавшись изъ рукъ своихъ нежданныхъ гостей, побѣжалъ на колокольню и сталъ звонить, чтобы собрать народъ, а прикащикъ въ это время, успѣвъ забрать всѣ его деньги (120 руб.), ушелъ домой.

Въ томъ же году, подобное дѣло было въ Борисоглѣбскѣ. Пьяный помѣщикъ Дмитріевъ, славившійся своими шалостями по всему уѣзду, шелъ по улицѣ. На дорогѣ встрѣтился ему мѣстный дьяконъ Борисъ Матвѣевъ. Тогда Дмитріеву пришла мысль пошутить съ о. діакономъ и остричь ему волосы и бороду. Когда же діаконъ сталъ отбиваться отъ него, то онъ велѣлъ своимъ людямъ привязать «ослушника» къ столбу, а самъ сталъ сѣчь его кнутомъ.

Подобныя оскорбленія иногда касались даже женъ духовныхъ лицъ и ихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Въ августѣ 1803 года, въ Темниковскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, было такое дѣло: Управляющій бригадира Муханова, поручикъ князь Кугушевъ, прогнѣвался за что то на діакона Агафона Ермолаева и порѣшилъ примѣрно наказать его. Взявши съ собою дворовыхъ, онъ вошелъ въ діаконскій домъ. Хозяинъ, оказалось, былъ въ отсутствіи. Тогда Кугушевъ велѣлъ высѣчь жену діакона и ея малолѣтняго сына. Сѣченіе было такое жестокое, что высѣченные пролежали въ постели 12 дней. Этотъ фактъ, замѣчательный самъ по себѣ, представляетъ еще одну любопытную сторону. Именно, по поводу этого факта духовное и свѣтское начальства не приняли никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Вмѣсто того, чтобы судить Кугушева, стали розыскивать какого то однодворца Полухтина, бывшаго въ числѣ очевидцевъ сѣченія діаконской семьи. Посредствомъ «публикъ» его отыскивали по всей имперіи, въ то время, какъ онъ, вѣроятно, проживалъ гдѣ нибудь въ Тамбовской губерніи, вблизи темниковской или иной земской полиціи, находившей, безъ всякаго сомнѣнія, особенную выгоду въ сокрытіи Полухтина. Въ такомъ положеніи дѣло было даже въ 1809 году.

Вообще, въ началѣ настоящаго столѣтія къ лицамъ духовнаго званія принято было относиться болѣе, чѣмъ свысока. Такъ, въ 1810 году, дьячекъ Иванъ Даниловъ пришелъ къ липецкому дворянскому засѣдателю Артемьеву съ жалобою на одного однодворца. Засѣдателю не хотѣлось разбирать жалобы и онъ, ни съ того ни съ сего, началъ бить дьячка по щекамъ и рвать у него волосы, а послѣ того повалилъ его на землю и сталъ бить палкою: какъ де ты смѣлъ безпокоить меня, барина.

Бывали случаи, что даже сельскіе начальники поступали со священниками слишкомъ по начальнически. Въ 1805 году, сельскій засѣдатель Макаровъ арестовалъ священника села Лысыхъ Горъ и заковалъ его въ желѣза, по подозрѣнію въ легкомысленномъ поведеніи.

Вслѣдствіе тяжелыхъ условій общественнаго положенія, отчасти нами указанныхъ, и вслѣдствіе иныхъ неблагопріятныхъ условій, напримѣръ, экономической зависимости отъ прихожанъ, неудовлетворительнаго и суроваго воспитанія, духовенство наше описываемаго нами періода рѣдко стояло на высотѣ своего пастырскаго призванія. Большею частію, въ нравственномъ отношеніи оно совершенно сливалось съ грубою народною массою и, кромѣ того, отличалось еще нѣкоторыми особенными чертами, вполнѣ зависѣвшими отъ его среды. Это обстоятельство еще сильнѣе, конечно, укореняло въ обществѣ ненормальное, неуважительное отношеніе

къ духовенству. Въ настоящей замѣткѣ мы приведемъ нѣсколько такихъ фактовъ нравственнаго несовершенства духовенства, которые при всей ихъ немногочисленности (весьма желательной для всякаго православнаго русскаго) все таки не могли не оказывать сильнаго вліянія на народъ. Это мы сдѣлаемъ для того, чтобы показать, что духовенство и само «отчасти» было виновато, если ему не оказывалось должнаго уваженія. Слѣдующій фактъ, конечно, производилъ на православный людъ самое тяжелое впечатлѣніе.

21 сентября 1783 года, въ ожиданіи обѣдни, народъ стоялъ въ церквѣ села Мамонтова, Моршанскаго уѣзда. Тутъ же были 3 женщины съ младенцами, которые принесены были для крещенія. Въ это время нетвердыми шагами вошелъ въ церковь священникъ Василій Ларіоновъ и началъ совершать обрядъ крещенія, но при всемъ своемъ желаніи никакъ не могъ докончить обряда: руки у него до того дрожали, что одного младенца онъ чуть не убилъ объ купель. Не смущаясь этимъ, священникъ Ларіоновъ приступилъ, однако, къ служенію часовъ, причемъ прищелкивалъ зачѣмъ то пальцами; но и часовъ не докончилъ. Другой священникъ того же села, желая какъ нибудь замять это дѣло, облачился и сталъ служить желающимъ молебны. Въ рукахъ у него была стклянка съ церковнымъ виномъ, взятая имъ съ тою цѣлью, чтобы не допустить товарища до служенія обѣдни. Тогда священникъ Василій Ларіоновъ подошелъ къ своему сослуживцу, вышибъ у него изъ рукъ стклянку, а народъ выгналъ изъ церкви.

Если священники позволяли иногда нарушать церковное благочиніе, то про церковнослужителей, стоявшихъ на болѣе низкой степени умственнаго развитія, и говорить, кажется, нечего. Приведемъ, впрочемъ, одинъ фактъ. 7 января 1783 года, «г. Усмани, Пятницкой церкви, пономарь Петръ Бреевъ, во время вѣнчанія свадьбы, пришедъ въ церковь пьянымъ образомъ дѣлалъ въ церкви великое шумство и азартнымъ образомъ кричалъ на священника Ив. Федорова и толкалъ руками случившихся людей, а потомъ выскоча на колокольню звонилъ во всѣ колокола тревогу» [1]).

Съ особенною нелюбовью народъ нашъ относился къ вымогательствамъ духовенства во время свадебъ и похоронъ, хотя, благодаря этимъ вымогательствамъ, духовенство получало не Богъ знаетъ какіе капиталы, далеко не такіе, какіе получались съ простаго народа помѣщиками и чиновниками. Тѣмъ не менѣе о духо-

[1]) Случаи нарушенія церковнаго благочинія со стороны приходскаго духовенства происходили особенно часто во время важнѣйшихъ праздниковъ. Надобно замѣтить, впрочемъ, что при этомъ были много виноваты сами прихожане, слишкомъ неотступно угощавшіе свои причты.

венствѣ составилось народное мнѣніе, какъ о сословіи, дерущемъ съ живаго и мертваго. Ясное дѣло, что нашъ народъ по отношенію къ нравственному быту духовенства былъ гораздо требовательнѣе, чѣмъ къ нравственному быту другихъ сословій. Между тѣмъ, случаи вымогательства со стороны духовенства были далеко не рѣдки. Мы приведемъ здѣсь только два такихъ случая.

Въ августѣ 1815 года, утонулъ одинъ сасовскій крестьянинъ (Елатомскаго уѣзда). По обычаю, въ Сасово пріѣхалъ земскій судъ, покормился на счетъ сасовскаго общества и, наконецъ, далъ свѣденіе священнику Евлампію Евсѣеву о погребеніи утопленника. Священникъ запросилъ, однако, съ общества за похороны большую плату и выторговалъ съ него 16 рублей. Назначенъ былъ день погребенія. Но тутъ на сцену явился новый пастырь, протоіерей Никифоръ Макаровъ. Ему стало завидно, что не ему достались 16 рублей и въ качествѣ вѣдомственнаго благочиннаго онъ запретилъ священнику Евсѣеву, уже получившему съ общества деньги, хоронить покойника. Очевидно, онъ ожидалъ отъ общества особаго полученія. Вслѣдствіе этого запрещенія тѣло пролежало на жарѣ 11 дней, распространяя кругомъ себя ужасный смрадъ. Въ народѣ стали роптать на это. Тогда протоіерей Макаровъ далъ знать земскому суду, что утопленникъ, по его подозрѣнію, убитъ однимъ сасовскимъ крестьяниномъ. Опять пріѣхалъ земскій судъ для новаго слѣдствія. И когда вскрыли тѣло утопленника, то не нашли въ немъ никакихъ боевыхъ знаковъ.

Подобныхъ случаевъ, разумѣется, было не мало, и всѣ они, главнымъ образомъ, зависѣли отъ той гнетущей бѣдности, въ которой жило духовенство, вполнѣ зависѣвшее отъ случайныхъ приношеній со стороны прихожанъ. Въ іюлѣ 1784 года, къ моршанскому священнику Петру Савину пришли съ просьбою о погребеніи тѣла бѣдной старушки Марфы Москвитиной. Священникъ запросилъ за работу рубль, котораго, однако, дать ему были не въ состояніи. Тогда онъ рѣшительно отказался хоронить покойницу, которая, между тѣмъ, стала разлагаться. Во второй разъ пришли къ нему съ просьбою о дозволеніи внести разлагающееся тѣло въ церковь, пока отыщутъ рубль. Но и это дозволеніе не было дано. Хорошо еще, что нашелся добрый священникъ изъ чужаго прихода; онъ похоронилъ старушку и рѣшился ждать рубль на неопредѣленное время.

Что касается отношенія духовенства къ свадьбамъ, то въ этомъ случаѣ бывали иногда явленія дѣйствительно возмутительныя. За нѣсколько лишнихъ рублей иные священники рѣшались вѣнчать такія пары, которыя ничего общаго не желали имѣть между собою.

23 апрѣля 1792 года, священникъ с. Шаховки, Тамбовскаго уѣзда, насильно обвѣнчалъ цыганку Прасковью съ цыганомъ Мель-

гуновымъ. Прасковью предварительно поймали, заковали въ желѣза и въ такомъ видѣ привезли въ церковь. Она рвалась изъ рукъ своихъ провожатыхъ и кричала во весь голосъ, что не идетъ за Семена. Однако ее насильно втащили въ церковь, били тамъ и наконецъ повѣнчали.

Такой же случай былъ въ то же время въ Спасскомъ уѣздѣ. Крестьянку Ирину тоже хотѣли насильно повѣнчать съ однимъ крестьяниномъ и самъ священникъ тащилъ уже ее въ церковь. Но, къ счастію, невольная невѣста вырвалась и убѣжала.

Въ церковно-приходской практикѣ бывали и такіе случаи, что духовенство слишкомъ безцеремонно относилось къ церковной кассѣ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что такого рода злоупотребленія случались весьма рѣдко.

Приведемъ одинъ изъ фактовъ подобныхъ злоупотребленій.

Въ январѣ 1806 года, въ с. Кажлоткѣ, Спасскаго уѣзда, спасскій протопопъ Василій Ивановъ съ духовникомъ Федоромъ Михайловымъ повѣряли церковную кассу, причемъ церковныхъ денегъ оказалось 84 рубля 30 копѣекъ мѣдью и 65 рублей серебромъ. Вскорѣ послѣ этого стали замѣчать, что кажлотскій священникъ, у котораго хранились ключи и печати отъ кассы, сталъ давать крестьянамъ взаймы изъ процентовъ деньги, по нѣсколько десятковъ рублей. Церковнаго старосту взяло сомнѣніе, онъ позвалъ «лучшихъ» людей и открылъ церковный денежный сундукъ. Но въ немъ денегъ не нашли уже ни копѣйки. Тщетно церковный староста домогался возвращенія похищенныхъ денегъ и подавалъ прошенія въ темниковское духовное правленіе, въ тамбовскую духовную консисторію и къ самому архіерею. Такъ и пропало церковное имущество, а священникъ остался на своемъ мѣстѣ.

Бывали случаи, когда священники удостоивались дружбы съ мелкими помѣщиками или вотчинными управляющими. Въ такомъ случаѣ имъ бывала двойная выгода. Помѣщики ублаготворяли ихъ сами и въ то же время приказывали крестьянамъ побольше жертвовать причту. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, священникъ села Покровскаго, Моршанскаго уѣзда, Назарій Ивановъ, былъ друженъ съ помѣщикомъ Семеновымъ. Изъ этой дружбы, между прочимъ, выходило вотъ что. Если священникъ жаловался Семенову, что такой-то крестьянинъ не платитъ ему за требы, то помѣщикъ немедленно наказывалъ виновника соразмѣрно долгу: за 50 копѣекъ — 50 ударовъ розгами, за рубль — 100 ударовъ. Крестьянинъ Василій Крупновъ задолжалъ священнику Назарію Иванову нѣсколько рублей и слѣдствіемъ этаго было то, что Семеновъ изъ усердія къ своему пріятелю засѣкъ неисправнаго должника до смерти.

Если же кто нибудь изъ членовъ приходскаго духовенства по какому нибудь случаю получалъ власть, то иногда давалъ ее чувствовать подчиненнымъ, какъ прирожденный властелинъ прежняго

времени. Въ 1785 году, членъ шацкаго духовнаго правленія, протопопъ Степанъ Григорьевъ, имѣлъ порученіе отъ высшаго начальства обратить купца Ипполита Синельникова изъ раскола въ православіе. Тогда онъ посадилъ его въ тюрьму при духовномъ правленіи, сковалъ по рукамъ и ногамъ и въ сопровожденіи барабанщика приказывалъ водить къ богослуженію въ соборную церковь.

Инстинкты честолюбія выражались иногда въ духовенствѣ въ самыхъ странныхъ и наивныхъ формахъ. Намъ извѣстны 2 случая въ этомъ родѣ. Оба они относятся къ двадцатымъ годамъ настоящаго столѣтія.

Въ одно село, уже имѣвшее 2-хъ священниковъ, прибылъ третій священникъ, только окончившій курсъ въ тамбовской семинаріи. Вскорѣ послѣ того, въ приходѣ должно было совершаться соборнее богослуженіе, и вотъ юный священникъ вышелъ изъ алтаря и сталъ на первенствующее мѣсто. Это онъ сдѣлалъ на томъ основаніи, что вышелъ изъ семинаріи со степенью студента, тогда какъ его товарищи кончили курсъ по второму разряду. Но одинъ изъ этихъ второразрядныхъ священниковъ не пожелалъ уступить молодому студенту первенства и сталъ съ нимъ рядомъ. Такъ и простояли они до конца службы, поглядывая другъ на друга съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ.

Другой случай еще оригинальнѣе. Въ одномъ большомъ приходѣ Кирсановскаго уѣзда тоже было 3 священника, изъ которыхъ одинъ былъ украшенъ камилавкою и при всѣхъ богослуженіяхъ первенствовалъ. Между тѣмъ второй приходскій священникъ былъ назначенъ благочиннымъ и слѣдовательно сдѣлался въ нѣкоторомъ смыслѣ начальникомъ надъ своимъ настоятелемъ, и на этомъ основаніи при соборнихъ богослуженіяхъ сталъ становиться на настоятельское мѣсто. Слишкомъ обидно показалось это бывшему настоятелю, и вотъ онъ отправился въ консисторію, выхлопоталъ себѣ указъ на первенство и вернулся съ нимъ домой какъ разъ наканунѣ Рождества. Во время богослуженія благочинный, ничего не подозрѣвая, по обычаю сталъ на первое мѣсто. Тогда товарищъ его, въ виду всего народа, съ торжествомъ вынулъ изъ кармана консисторскій указъ, далъ прочитать его ошеломленному благочинному и побѣдоносно помѣнялся съ нимъ мѣстами.

До какой степени часто въ средѣ тамбовскаго духовенства происходили различныя судебныя слѣдствія, можно видѣть изъ слѣдующаго.

29-го января 1830 года, въ Тамбовѣ полученъ былъ синодскій указъ, которымъ предписывалось епископу Евгенію обратить особенное вниманіе на подсудимыхъ священниковъ тамбовской епархіи. Всѣ эти священники въ указѣ поименно перечисляются и ихъ оказывается около 200. Между ними нельзя не обратить вниманія на елатомскаго протопопа Ермила Никитина, который съ 1817 года

судился 15 разъ; на липецкаго протопопа Андрея Калугина, 14 разъ судившагося за присвоеніе церковныхъ денегъ, за держаніе липецкихъ священниковъ подъ карауломъ и за жестокое сѣченіе лозами прислуги въ липецкомъ духовномъ правленіи; и на темниковскаго протопопа Асигкрита Иванова, который между прочимъ судился за то, что велѣлъ кадомскимъ священно-церковно-служителямъ съ колокольнымъ звономъ и хоругвями встрѣчать новый соборный колоколъ. Если такія сравнительно высокопоставленныя особы своимъ неудовлетворительнымъ поведеніемъ навлекали на себя гнѣвъ высшаго церковнаго правительства, то о простомъ, такъ сказать рядовомъ, духовенствѣ не лѣть есть и глаголати.

Такое неудовлетворительное состояніе тамбовскаго духовенства зависѣло, кромѣ крайне незавидной его обстановки, отъ весьма неполнаго воспитанія. Въ тамбовской духовной семинаріи, какъ и въ другихъ, учили чуть не всѣмъ наукамъ, но каково было развитіе ея учениковъ, даже въ сравнительно недавнее время, лѣтъ 20 тому назадъ, это видно изъ слѣдующаго примѣра. Одинъ учитель семинаріи далъ своимъ ученикамъ тему для стихотворенія. Велѣно было воспѣть новый годъ. И вотъ одинъ изъ хорошихъ учениковъ приподнесъ своему наставнику слѣдующее твореніе.

Новый годъ.

«Вьются хлопья,
«Умножая снѣгъ.
«Вотъ явилось расторопье
«И работникъ на печь легъ»...

Не смотря на то, что наше духовенство въ лицѣ его молодого поколѣнія постоянно поставляло значительный контингентъ для всевозможныхъ служебныхъ профессій, оно всегда имѣло, вслѣдствіе многочисленности приходовъ и замкнутости своего сословія, много лишнихъ и свободныхъ силъ, которымъ некуда было дѣваться и которыя часто жили въ совершенной праздности. Въ виду этаго правительство иногда принимало рѣшительныя мѣры къ сокращенію духовенства. Такъ, въ 1784 году вышелъ именной указъ, по которому велѣно было сверхштатныхъ дьячковъ и пономарей, а равно штрафныхъ и бѣглыхъ, обратить въ подушный окладъ. А семинаристовъ, не изъявившихъ охоты къ духовному званію, опредѣлить въ приказные чины. Престарѣлыхъ и увѣчныхъ помѣстить въ заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія въ томъ случаѣ, если у нихъ нѣтъ родственниковъ. Вслѣдствіе этого указа въ тамбовской епархіи началась такъ называемая разборка духовенства, которую производилъ архіерей Ѳеодосій съ консисторіею, при участіи свѣтскихъ командъ. Такимъ образомъ, тамбовское духовенство сразу лишилось значительной массы своихъ членовъ, преимуще-

ственно церковниковъ, т. е. дѣтей священно-церковно-служителей, не опредѣлившихся на какія либо приходскія должности, поступившихъ въ купцы, мѣщане, однодворцы, приказные и въ крестьяне [1]). Если какіе нибудь церковники медлили припискою къ свѣтскимъ сословіямъ, то ихъ отсылали при указахъ и въ сопровожденіи солдатъ губернскаго баталіона въ уѣздные города и тамъ немедленно приписывали къ тому или иному сословію.

Въ началѣ XIX столѣтія, тамбовскому духовенству пришлось опять испытать невзгоду. По случаю войны съ Наполеономъ съ духовнаго сословія положено было, въ 1806 году, собрать рекрутъ, начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста. Въ назначенное время этихъ рекрутъ явилось въ Тамбовъ 191 человѣкъ и всѣ они, со слезами провожаемые родными и знакомыми, отправлены были въ Вильну для укомплектованія корпуса Римскаго-Корсакова. Нѣкоторые изъ нихъ не выдержали однако суровой солдатской обстановки и разбѣжались, укрываясь послѣ того по лѣсамъ и оврагамъ.

Въ 1807 году, послѣдовалъ указъ о возвращеніи всѣхъ этихъ рекрутъ духовнаго вѣдомства въ епархіальное вѣдомство, при чемъ относительно самыхъ молодыхъ рекрутъ замѣчено, что они возвращаются для продолженія наукъ въ семинаріи. Эта новая правительственная мѣра была вызвана всеподданнѣйшимъ докладомъ тогдашняго синодальнаго оберъ-прокурора о недостаткѣ кандидатовъ для замѣщенія священно-церковно-служительскихъ мѣстъ. Такимъ образомъ тамбовское духовенство успокоилось. Впрочемъ не надолго. Въ слѣдующемъ году опять требовали штрафныхъ лицъ духовнаго званія для приписки къ различнымъ горнымъ заводамъ.

Но самымъ тяжелымъ и, можно сказать, грознымъ временемъ для тамбовскаго духовенства было епископство преосвященнаго Евгенія, въ началѣ царствованія императора Николая I (1829 — 1832 гг.). Въ это время отдана была въ солдаты огромная масса въ нѣсколько сотъ человѣкъ дьячковъ, пономарей, церковниковъ и учениковъ семинаріи, даже изъ послѣднихъ классовъ. До какой степени паника овладѣла тогда низшими членами тамбовскаго духовенства, трепетавшими за свое тихое, деревенское прозябаніе, можно судить по слѣдующему факту. Въ одномъ селѣ Лебедянскаго уѣзда дьячекъ поправлялъ крышу на своемъ домѣ. Въ это время на дорогѣ показалась телѣжка вѣдомственнаго благочиннаго. Благочинный и не думалъ въ этомъ селѣ вербовать рекрутовъ изъ духовенства,

---

[1]) Въ 1784 году изъ среды тамбовскаго духовенства выбыло въ разныя «свѣтскія команды» 1,111 человѣкъ. Въ приказъ общественнаго призрѣнія поступило 55 человѣкъ, въ томъ числѣ восьмидесятилѣтній священникъ Өедоръ Федоровъ.

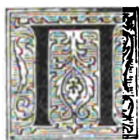
тѣмъ не менѣе перепуганный дьячекъ, наслышавшійся разныхъ страховъ про вербовки съ духовенства, пораженъ былъ до того, что безъ памяти слетѣлъ съ крыши и сломалъ себѣ руку и ногу. Очнувшись послѣ этого онъ находилъ еще возможнымъ радоваться, что по крайней мѣрѣ его не возьмутъ уже въ солдаты.

И. Дубасовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.


ОСЛѢ смерти нашей матери, умершей во время холеры въ Москвѣ, въ 1830 году, меня, моего старшаго брата Александра, и сестру Надежду принялъ къ себѣ на воспитаніе мой крестный отецъ, извѣстный въ то время стряпчій, надворный совѣтникъ Владиміръ Матвѣевичъ Глазовъ.

Глазовъ происходилъ изъ выслужившихся дворянъ, но за нимъ числилось, какъ говорили, въ Костромской губерніи имѣніе съ 1,000 душъ крестьянъ. Родовое или благопріобрѣтенное — не знаю.

Онъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, въ Грузинахъ, гдѣ у него было много земли, лавки, бани и тотъ знаменитый «Глазовскій» трактиръ, куда москвичи и ихъ залетные гости ѣздили слушать знаменитыхъ грузинскихъ цыганъ.

Домъ его походилъ на большинство барскихъ домовъ того времени. Это было довольно большое, одноэтажное, съ мезониномъ зданіе. Балконъ съ красивымъ портикомъ выходилъ въ обширный садъ, со всѣми прихотями, какъ-то: бесѣдками, горками, статуями разныхъ мифологическихъ боговъ и героевъ, аллеями, цвѣтниками и неизбѣжнымъ прудомъ съ мостикомъ и лодками. Вокругъ огромнаго двора ютились флигеля для гостей, людскія, кухни, конюшни, сараи, погреба и другія службы. На дворѣ царилъ вѣчный шумъ и гамъ. Лакеи, прачки, повара, садовники, кучера, сновали взадъ и впередъ, перебранивались и кричали. Лошади, множество раз-

ныхъ собакъ и домашняя птица дополняли шумную картину обыденной, скопированной съ большихъ барскихъ домовъ, жизни.

Владиміръ Матвѣевичъ жилъ въ домѣ съ женою Ульяной Ивановной, дамою почтенной и богобоязненной. Дѣтей у нихъ въ живыхъ не было, кромѣ одной дочери, Екатерины Владиміровны, находившейся въ замужествѣ за Ѳедоромъ Осиповичемъ Мазуровымъ, директоромъ московской сохранной казны. Но за то ихъ постоянно окружали воспитанники, воспитанницы, ихъ учителя, многочисленная дворня обоего пола и разныя приживалки.

Домъ имѣлъ всѣ удобства того времени. Тутъ были и громадная зала съ хорами, и комфортабельная гостинная съ балкономъ и террассою въ садъ, и уютныя внутреннія комнаты хозяйки дома, и большая свѣтлая столовая, и буфетныя, дѣвичьи и другія комнаты. Въ мезонинѣ располагался самъ владѣлецъ, устроившій тамъ себѣ рабочій кабинетъ, пріемную и спальню. Кромѣ того, въ особой комнатѣ при немъ жилъ воспитанникъ, Гавріилъ Ивановичъ Глазовъ, побочный сынъ его отъ дворовой женщины, тогда медицинскій студентъ, а впослѣдствіи уѣздный врачъ. Меблировка дома вполнѣ отвѣчала широкой натурѣ его обладателя. Кладовыя и погреба ломились подъ тяжестью всякихъ сбереженій и заготовленій. Повсюду видѣнъ былъ избытокъ средствъ. Каждая мелочь напоминала о довольствѣ, прихоти и тщеславіи.

Самъ Владиміръ Матвѣевичъ не обладалъ представительною наружностью. Это былъ мужчина лѣтъ 45—50, средняго роста, съ круглымъ животомъ и большою на короткой шеѣ головой, остриженной гладко. Черты лица крупныя, щеки мясистыя, глаза смѣющіеся, веселые, лицо гладко выбритое. Служилъ ли онъ, и гдѣ — я не знаю, но ходилъ всегда въ вицъ-мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами. Каждый день утромъ куда-то уѣзжалъ и возвращался домой къ обѣду, за которымъ было всегда нѣсколько человѣкъ гостей. Послѣ обѣда отдыхалъ или работалъ въ кабинетѣ, а вечеръ проводилъ съ гостями, засиживаясь иногда далеко за-полночь. Изобильный ужинъ заканчивалъ еще болѣе изобильный разными случайностями день.

Ульяна Ивановна — симпатичная, небольшаго роста старушка, слыла большою домосѣдкой. Болѣе всего она любила высшія сферы, хотя тамъ и не была принята. Ей доставляло большое удовольствіе видѣть у себя людей, принадлежащихъ, или соприкасающихся этимъ сферамъ. Пріемы ея были торжественны и чинны: тишина и скука царили въ нихъ. Друзей и короткихъ знакомыхъ принимала она запросто въ своей уборной, сидя въ покойномъ вольтеровскомъ креслѣ; туда же подавали и чай. Для знакомыхъ же мужа и такъ называемыхъ церемонныхъ гостей она удостоивала выходить въ гостинную, но сидѣла не долго, извинялась нездоровьемъ и уходила, предоставляя занимать гостей или мужу, или

своей дочери Екатеринѣ Владиміровнѣ Мазуровой. Въ числѣ гостей у Глазовыхъ, я помню, появлялись: Кологривовы, Небольсины, кн. Грузинскіе, Багговутъ, Мерлины, изрѣдка наѣзжалъ кн. П. П. Гагаринъ, С. Т. Аксаковъ и другіе московскіе именитые люди. Иногда собиралась молодежъ, и тогда пѣли и танцовали подъ фортепіано, а старики играли въ карты. Особые балы давались 15-го іюля, въ день имянинъ Владиміра Матвѣевича, и въ декабрѣ, въ день рожденія его супруги. Тогда приглашались и родня и знакомые. Играла полковая музыка, пѣли пѣсенники, дѣлалась иллюминація, вино лилось рѣкой, веселились на распашку, какъ только могутъ веселиться москвичи.

Значеніе Владиміра Матвѣевича въ московскомъ обществѣ обусловливалось его превосходными личными качествами и знаніемъ дѣла. Онъ принадлежалъ къ числу тогдашнихъ знаменитыхъ дѣльцовъ-законовѣдовъ. Ему поручались дѣла, выиграть которыя не было никакой надежды, и онъ выносилъ ихъ на своихъ плечахъ. Разскажу одинъ случай.

Въ Москвѣ проживалъ одинъ извѣстнѣйшій кутила и безобразникъ, купчина-милліонеръ Александръ Петровичъ Квасниковъ. Онъ проматывалъ по нѣскольку тысячъ въ одинъ вечеръ, производилъ дебоши и безобразія, за которые платилъ десятки тысячъ. Долго ему сходили съ рукъ всевозможныя выходки на стогнахъ города и гульбищахъ; наконецъ, пробилъ часъ расплаты. На какомъ-то поминальномъ обѣдѣ онъ снялъ съ архимандрита или архіерея, не помню, клобукъ и надѣлъ ему на голову выдолбленный арбузъ. Вышелъ скандалъ ужасный, погасить который ему не удалось. Дѣло дошло до Петербурга, и по резолюціи императора Николая, его отдали въ солдаты.

Строгій приговоръ переполошилъ всѣхъ его сочувственниковъ, бросились хлопотать о смягченіи наказанія, но едва-едва удалось исходатайствовать небольшое облегченіе. По свидѣтельству докторовъ, его признали неспособнымъ къ строевой службѣ и зачислили въ московскую пожарную команду. Въ этой командѣ онъ только числился, но службы никакой не исполнялъ, лечась отъ болѣзни на квартирѣ. Спустя нѣсколько времени, московское начальство попыталось было просить о помилованіи Квасникова, но представленія его не уважили. Вотъ тогда-то и обратились къ Владиміру Матвѣевичу, который за его дѣло и взялся.

Во избѣжаніе какихъ-либо новыхъ проказъ съ его стороны, во время веденія дѣла, Глазовъ поселилъ Квасникова въ одномъ изъ своихъ флигелей, подъ условіемъ гулять у него гдѣ хочетъ, но за ворота не выходить.

Какъ теперь вижу эту высокую, немного сутуловатую фигуру добровольнаго заключенника съ его худощавой выразительной физіономіей. Глаза въ глубокихъ впадинахъ, брови насуплены, носъ

большой, длинный, съ горбомъ, голова острижена подъ гребенку, усы большіе, бакенбарды висячіе, подбородокъ тщательно выбритъ. Онъ носилъ какой-то полувоенный плащъ, венгерку, шаровары въ сапоги и фантастическую фуражку. Вся его фигура напоминала типъ отставнаго гусара. Опираясь на тяжелый костыль, съ опущенною на грудь головою, часто прогуливался онъ по глазовскому саду, напѣвая себѣ подъ носъ какую нибудь пѣсенку и сильно ударяя костылемъ въ землю. Встрѣчъ съ незнакомыми избѣгалъ, на глазовскихъ вечерахъ не показывался, но порой въ его небольшой квартиркѣ появлялись старые друзья, хлопали пробки, брянчала гитара и до утра гикали и топали цыгане.

Владиміръ Матвѣевичъ два или три раза ѣздилъ по его дѣлу въ Петербургъ, и всякій разъ возвращался безъ успѣха. Но это былъ не такой человѣкъ, чтобы спасовать передъ неудачею. Спустя нѣкоторое время, онъ вновь поѣхалъ — и привезъ Квасникову прощеніе.

Прощеніе это, какъ объяснялъ Владиміръ Матвѣевичъ, получено имъ при исключительныхъ обстоятельствахъ. Онъ нашелъ доступъ къ графу А. Х. Бенкендорфу и послѣ долгихъ, подкрѣпленныхъ самыми вѣскими аргументами доводовъ, успѣлъ склонить его къ заступленію за несчастнаго Квасникова, представленнаго имъ жертвой злой интриги. Графъ далъ обѣщаніе ходатайствовать предъ государемъ, но съ оговоркой, что для этого нужно выждать благопріятный случай. Пришлось ждать, но, къ счастію, не долго. Говѣя на страстной недѣлѣ, императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе передъ исповѣдью просить прощенія у своихъ приближенныхъ. Графъ Александръ Христофоровичъ воспользовался этимъ случаемъ, и, когда государь обратился къ нему, осмѣлился напомнить о прощеніи наказаннаго не по винѣ Квасникова. Государь милостиво выслушалъ и повелѣлъ: возвратить Квасникова въ первобытное состояніе, но съ тѣмъ, что если онъ и засимъ будетъ вести себя по прежнему, то поступить съ нимъ безо всякаго снисхожденія.

Нужно ли говорить съ какимъ авторитетомъ возвратился въ Москву Владиміръ Матвѣевичъ. Начались пиры. Квасниковъ задалъ такой обѣдъ своему освободителю, что Москва удивилась. Но это дѣло было послѣднимъ въ длинномъ спискѣ удачъ Владиміра Матвѣевича. Во время кутежа у Квасникова, онъ простудился, заболѣлъ, мѣсяца два или три пролежалъ въ постели и умеръ.

Но я забѣжалъ далеко впередъ. Нужно возвратиться ко времени нашего водворенія у Глазова. Владиміръ Матвѣевичъ былъ другомъ нашего отца и душеприкащикомъ матери. Дѣйствуя на правахъ опекуна, онъ перевезъ насъ (меня, брата и сестру) къ себѣ и поселилъ въ особомъ флигелѣ, имѣвшемъ четыре комнаты и кухню, и отдалъ подъ попечительство одной доброй старушки

дворянки Агафьи Ивановны, въ помощь которой назначены были двѣ дворовыя женщины. Мнѣ шолъ тогда 6-й, брату, 8-й, сестрѣ 4-й годъ. Владиміръ Матвѣевичъ любилъ насъ, какъ своихъ дѣтей, озаботился устройствомъ для насъ всего нужнаго и нерѣдко заходилъ навѣдаться: не нужно-ли намъ еще чего нибудь? О чемъ бы ни просила его наша заботливая воспитательница Агафья Ивановна, все старался исполнить, по возможности, безъ замедленія. Въ воскресенье и праздничные дни мы ходили въ церковь къ обѣднѣ, а послѣ отправлялись въ домъ Владиміра Матвѣевича, гдѣ и оставались цѣлый день, а иногда и вечеръ, рѣзвились и играли съ пріѣзжавшими дѣтьми. Въ 9 часовъ вечера возвращались домой.

Въ началѣ 1831 года, Владиміръ Матвѣевичъ прислалъ намъ учителя. Это былъ діаконъ изъ причта церкви св. Георгія въ Грузинахъ, человѣкъ немолодой, но старательный. Онъ объявилъ намъ, что мы должны пройти полный курсъ обученія, и не смотря на то, что мы, т. е. братъ и я, умѣли уже читать, онъ засадилъ насъ, на равнѣ съ сестрою, за азбуку, и только пройдя съ нами сію стадію, почтеннѣйшій нашъ педагогъ сталъ упитывать насъ всяческими премудростями отъ грамматики, арифметики и катехизиса. Онъ занимался съ нами каждодневно (кромѣ дней праздничныхъ) съ 10 до 1 час. утра, а Агафья Ивановна приготовляла съ нами вечерніе уроки. Мы учились охотно и дѣлали порядочные успѣхи, такъ что въ началѣ 1832 года, сдали блистательно первый экзаменъ Владиміру Матвѣевичу, и за оказанное прилежаніе получили отъ него подарки. Онъ подарилъ мнѣ вышитую золотомъ куртку, штаны съ галунными лампасами и сапожки охотничьи съ кисточками, брату бархатный полукафтанъ съ короткими панталонами и башмаки съ пряжками, а сестрѣ — тирольскій костюмъ. Кромѣ того каждому изъ насъ онъ далъ по 25 р. ассигнаціями на гостинцы.

Это были мои первые деньги. Но я ими не воспользовался. Я отдалъ ихъ на сохраненіе добрѣйшей Агафьѣ Ивановнѣ, которая, потомъ, не выдавала мнѣ изъ нихъ ни копѣйки, говоря: «береги денежку на черный день». Когда же, годъ спустя, она умерла, мнѣ не возвратили моихъ денегъ.

Въ продолженіе всего 1832 года, въ домѣ Владиміра Матвѣевича царило особенное оживленіе. Гости, преимущественно же молодежь, съѣзжались часто. Много пѣли, много танцовали. Катинька Львова была прекрасная музыкантша и чрезвычайно мило пѣла. Ея высокій, чистый, звучный сопрано приводилъ въ восторгъ все наше маленькое общество. Особенно хорошо она исполняла «Красный сарафанъ» и Пушкинскую «Черную шаль». О Пушкинѣ тогда говорили много. Однажды, кто-то сообщилъ, что знаменитый поэтъ пріѣзжаетъ иногда въ Грузины слушать цыганъ и добавилъ: «цыгане — его стихія».

Разсказъ о поѣздкахъ Пушкина въ Грузины возбудилъ всеобщее любопытство. Молодой Дороховъ замѣтилъ, что интересно было-бы видѣть Пушкина въ обществѣ цыганъ. Все это возбудило во мнѣ желаніе взглянуть на Пушкина. Агафья Ивановна часто недомогала. Пользуясь этимъ, мы убѣгали играть на дворъ и выходили иногда за ворота. Братъ мой заходилъ часто къ Гавріилу Ивановичу Глазову и у него читалъ нѣкоторые изъ Пушкинскихъ стихотвореній. Онъ восхищался ими и называлъ Пушкина геніемъ. Я сообщилъ брату мое желаніе хотя мелькомъ взглянуть на Пушкина, когда онъ пріѣдетъ въ Глазовскій трактиръ слушать цыганъ. Онъ ухватился за эту мысль съ радостью и сказалъ, что все устроитъ. Дѣйствительно, дня два спустя, онъ забѣжалъ въ трактиръ и обѣщалъ трактирнымъ половымъ дать денегъ, если они сообщатъ ему, когда пріѣдетъ Пушкинъ. Долго ждали мы и, наконецъ, забыли было совсѣмъ объ этомъ, какъ вдругъ, въ концѣ лѣта, или въ началѣ осени — не помню хорошо, прибѣгаетъ къ намъ на кухню дѣвочка, дочь буфетчика, и передаетъ брату записочку съ двумя словами: «онъ здѣсь». Мы всполошились. Агафья Ивановна лежала въ своей комнатѣ больная, мы допивали вечерній чай. Повернувъ вверхъ донышкомъ чашки, мы бросились въ спальню и легли въ постель. Часъ или два мы провели въ какомъ-то лихорадочномъ напряженіи, пока всѣ въ домѣ угомонились. Часовъ въ 11-ть мы встали, тихонько одѣлись, вышли на цыпочкахъ изъ комнаты и не слышно ускользнули изъ дому.

Озираясь на всѣ стороны, мы пробѣжали по двору и вышли за ворота. Пріѣздъ гостей къ цыганамъ произвелъ вокругъ трактира оживленіе. У подъѣзда толпились извощики, кучера, троечные ямщики, лакеи. Они вели шумные разговоры, курили свои носогрѣйки, переругивались между собою или ругали хозяевъ и господъ.

Противъ оконъ, на площадкѣ, стояла небольшая кучка людей разнаго званія, жадно ловя каждый вырывающійся изнутри звукъ шумнаго цыганскаго пѣнія. Мы проскользнули въ эту кучку. Изъ оконъ трактира неслись припѣвы: «старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, жги меня, не боюсь я тебя!» раздавался раскатъ смѣха, хлопали пробки, и все покрывало неистовое гиканье и пляска.

Но вотъ кучка, поглазѣвъ, послушавъ, мало-по-малу стала таять и, наконецъ, разбрелась по домамъ. Остались только: я, братъ и два знакомыхъ сосѣднихъ мальчика, не захотѣвшихъ отстать отъ насъ, вѣроятно, во вниманіе къ тому, что мы числились на положеніи полубарчатъ-воспитанниковъ. Ночь, между тѣмъ, была уже поздняя, дулъ осенній свѣжій вѣтерокъ. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ, обливая сребристыми лучами полусонную окрестность. Боясь упустить случай посмотрѣть на Пушкина вблизи, мы расположились у самой лѣстницы, съ которой онъ долженъ былъ сойти, чтобы

сѣсть въ экипажъ. Но прошолъ часъ, другой, и мы, перезябнувъ, хотѣли было идти уже домой, какъ вдругъ раздался съ лѣстницы громкій голосъ половаго: «эй, ямщикъ, экипажъ:» мы встрепенулись, и какъ-бы боясь чего-то, отошли отъ лѣстницы въ сторону. Пока полусонный ямщикъ взнуздывалъ тройку и усаживался на козлы, на лѣстницѣ показались два господина. Одинъ брюнетъ, невысокаго роста съ небольшими баками, въ шинели съ капишономъ и шляпой на головѣ; другой высокій съ усами, въ какой-то длиннополой бекешѣ, съ замотаннымъ на шеѣ шарфомъ и тоже въ шляпѣ. На верху, на площадкѣ, стояли еще два господина, окруженные цыганами и прислугой, и громко хохотали.

— Который же Пушкинъ, спросилъ я брата. Онъ отвѣчалъ: «не знаю». Между тѣмъ, вышедшій прежде другихъ господинъ въ шинели, видя, что экипажъ еще не поданъ, спустился съ крыльца и пошолъ въ глубь двора. У перилъ, окаймлявшихъ берегъ пруда, на которомъ стояли бани, онъ остановился и началъ смотрѣть на отражавшуюся въ водѣ луну, деревья и строенія. Другой же стоялъ на крыльцѣ и перебрасывался словами съ оставшимися на верхней площадкѣ товарищами.

Я толкнулъ брата и мы, (всѣ четыре мальчика), окружили господина, стоявшаго у пруда. Онъ оглянулся и спросилъ: «что вамъ нужно?»

— Вы — Пушкинъ? спросилъ я тихо.

— На что вамъ?

— Такъ... интересно его видѣть.

— А почему вамъ интересно его видѣть?

— Онъ пишетъ стихи.

— Какъ вы узнали, что онъ пишетъ стихи?

— Я — крестникъ Владиміръ Матвѣича... у насъ въ домѣ барышни поютъ «Черную шаль», интересно узнать: ваша ли эта шаль.

— А что у васъ еще поютъ? Что вы еще знаете?

— Я ничего не знаю, но вотъ братъ мой читалъ у Гавріила Ивановича много вашихъ стиховъ. (Я не сомнѣвался болѣе, что это — Пушкинъ).

— Такъ вы ничего больше не знаете, сказалъ онъ какъ будто въ раздумьѣ и, погладя меня по головѣ, продолжалъ:

«Одну вы знаете лишь «шаль»,
Какая жалость...
Моя, мой милый, это шаль,
А проще шалость.

Слова эти меня такъ восхитили, что я схватилъ руку Пушкина и горячо поцаловалъ ее. Мальчишки загалдѣли: и я, и я! и бросились также цаловать его руку. Пушкинъ отнялъ руку назадъ и, добродушно улыбаясь, сказалъ: «къ чему это»!

Между тѣмъ лошади были поданы и онъ, направляясь къ экипажу, спросилъ меня: «А вы грамотный»!

— Учусь, отвѣчалъ я.

— Учитесь!.. будете знать болѣе, чѣмъ мои «шалости».

Затѣмъ, онъ сѣлъ въ коляску, товарищи за нимъ; цыгане, окружая экипажъ, просили скорѣе пріѣзжать опять къ нимъ; прислуга кланялась и желала счастливаго пути. Пушкинъ въ отвѣтъ кивалъ имъ головой, товарищи смѣясь отвѣчали: «да, да, хорошо, хорошо»! Но вотъ ямщикъ тронулъ возжей коренника, лошади тронулись, коляска громыхнулась и покатила. Еще мгновеніе — и вѣчность легла на слѣдъ ея...

Въ первое слѣдовавшее за симъ воскресенье я разсказалъ m-lle Львовой и другимъ гостямъ Владиміра Матвѣевича о нашемъ ночномъ путешествіи и передалъ отъ слова до слова разговоръ мой съ геніальнымъ поэтомъ. Всѣ восторгались нашей смѣлостью, нашей находчивостью. Я сдѣлался героемъ вечера. Меня распрашивали по нѣскольку разъ, заставляли повторять каждое слово Александра Сергѣевича, кормили сластями и отпустили домой, нагрузивъ карманы гостинцами.

На утро меня и брата, по приказанію Владиміра Матвѣевича, сильно выпороли за то, что мы осмѣлились безъ спросу выходить ночью на улицу...

Въ началѣ февраля 1837 года, въ Москвѣ получено было извѣстіе о смерти Пушкина. Это извѣстіе взволновало студенческій мірокъ. Я жилъ тогда на Никитской, въ домѣ князя Вадбольскаго, у г-жи Линденбаумъ, которая содержала меблированныя комнаты, отдаваемыя въ наймы, большей частію, студентамъ. Вечеромъ того дня, когда получено было печальное извѣстіе, студенты собрались въ залѣ и поставили на обсужденіе вопросъ: что дѣлать? Дебаты произошли жаркіе. Имена Данзаса, д'Аршіака, Дантеса, Геккерена не сходили съ устъ, крики благороднаго негодованія, проклятья и угрозы раздавались то и дѣло. Нѣкто Барановъ, сынъ полковника, степнякъ, натура горячая и необузданная, вызывался ѣхать въ Петербургъ и драться съ Дантесомъ, а если бы онъ отказался, отстегать его хлыстомъ. Его отговаривали. Другія предложенія тоже не прошли. Остановились на томъ, чтобы отслужить по Пушкинѣ панихиду. На утро сообщили товарищамъ, начались сборы, подписка пошла хорошо. Но университетское начальство подъ рукою не одобрило. Назначено было новое совѣщаніе и рѣшили отслужить панихиду не по Пушкинѣ, а по усопшемъ рабѣ божіемъ Александрѣ. День назначили праздничный — слѣдующее воскресенье; мѣсто — Никитскій монастырь. Пригласили пѣвчихъ, заказали полное освященіе церкви. Хлопотали было поставить пе-

чальный катафалкъ, но игуменья не разрѣшила. Недѣля пробѣжала быстро; наступилъ день панихиды. Началась обѣдня, народу собралось много. Студенты сходились и переговаривались; одни слушали обѣдню, другіе прохаживались по монастырскому двору. Показалась, наконецъ, и полиція, явился квартальный со своими будочниками, за нимъ прибылъ частный приставъ, позднѣе пожаловалъ и самъ полиціймейстеръ. Развязно вошолъ онъ во храмъ, еще развязнѣе подошелъ къ игуменьѣ и довольно долго бесѣдовалъ съ нею келейно.

Но вотъ обѣдня кончилась, полиціймейстеръ незамѣтно уѣхалъ. Народъ сталъ выходить изъ церкви. Потушили свѣчи. Потянулись монахини, но панихида не начиналась.

Прошло еще нѣсколько времени, всѣ студенты собрались въ церкви, небольшая группа публики, оставшаяся отслушать панихиду, стоитъ и ждетъ, но панихида не начинается.

Два, три студента пошли въ алтарь за объясненіями къ священнику, собиравшемуся уже оставить церковь. Онъ отвѣтилъ, что панихиды не будетъ. Спрашиваютъ: «почему»? — А потому, говоритъ, что по живомъ человѣкѣ панихидъ не служатъ. «Какъ по живомъ»! изумляются студенты. — «Да такъ, отвѣчаетъ, Пушкинъ живъ... не вѣрите — спросите мать игуменью». Обращаются къ игуменьѣ, та отозвалась, что, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ей сейчасъ полиційместеромъ, Пушкинъ, хотя и боленъ, но еще живъ. Бросаются къ приставу, — приставъ утверждаетъ, что подобное извѣстіе только что получено изъ Петербурга. Студенты, обрадованные такою доброю вѣстью, расходятся по домамъ.

Спустя часъ или два истина открылась; но собраться снова на панихиду студентамъ не позволили.

II.

Т. Н. Грановскаго я встрѣчалъ въ Москвѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, у А. Н. Назаровой, жившей на Тверской улицѣ, въ домѣ Жаркова. Она имѣла двухъ сыновей, студентовъ, Николая и Павла Ивановичей, жившихъ съ нею, и дочь, выданную замужъ за какого то тамбовскаго помѣщика. Я посѣщалъ Павла Ивановича разъ, а иногда и два въ недѣлю, чтобы набираться ума-разума. Онъ училъ меня русской словесности, давалъ читать книги и вообще руководилъ моими первыми шагами на поприщѣ жизни.

Первый разъ я видѣлъ Грановскаго въ небольшомъ кругу гостей Александры Никитишны, за вечернимъ чаемъ. Онъ уже тогда составилъ себѣ имя даровитаго ученаго; поэтому его встрѣчали съ особенной предупредительностію. Я зналъ его по наслышкѣ, говорили, что онъ умница, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ,

слѣдовательно, встрѣча съ нимъ представляла для меня двойной интересъ. Я вошелъ въ комнату несмѣло, конфузясь поклонился и сѣлъ въ уголкѣ. Тимофей Николаевичъ сидѣлъ у стола, вблизи хозяйки, рядомъ съ которою помѣщались двѣ какія то молодыя дамы, почтенный старичокъ, съ титуломъ превосходительства, солидный чиновникъ губернскаго правленія и нѣсколько студентовъ. Грановскій показался мнѣ еще очень молодымъ, манеры его были мягки, рѣчь тихая, вкрадчивая. Онъ говорилъ въ этотъ вечеръ немного, но каждое его слово, каждая фраза выходили такими красивыми, такими увлекательными, что любо было слушать. Но изъ всего имъ тогда сказаннаго у меня теперь ничего не осталось въ памяти.

Второй разъ я его видѣлъ при утреннемъ визитѣ. Побесѣдовавъ съ хозяйкой дома, онъ зашелъ къ намъ, т. е. въ рабочую комнату Павла Ивановича, гдѣ я сидѣлъ за книгой. Перекинувшись нѣсколькими словами съ Павломъ Ивановичемъ о новостяхъ дня, о какихъ то новыхъ распоряженіяхъ по университету, о своихъ лекціяхъ, онъ лѣниво повернулся ко мнѣ, посмотрѣлъ внимательно и спросилъ: «что, каковъ»?

— Поѣдомъ ѣстъ русскихъ беллетристровъ, отвѣчалъ Назаровъ.

— Вотъ какъ!.. А не можете ли прочитать намъ что нибудь? обратился онъ ко мнѣ.

Я сконфузился. Но, оправясь, прочиталъ наизусть сцену убійства изъ «Аммалатъ-Бека». Когда я съ пафосомъ продекламировалъ слова: «на томъ мѣстѣ, гдѣ ты убилъ отца моего, тамъ я изъ тебя выточу кровь и развѣю прахъ твой по вѣтру», Грановскій сказалъ: «хорошо!.. Изъ него выйдетъ писатель, или актеръ».

Вышелъ солдатъ.

III.

Послѣ польской компаніи 1831 года, въ Москву наѣхало много офицеровъ раненыхъ, больныхъ и просто пріѣхавшихъ повеселиться. Большинство этихъ офицеровъ любило пожить за спиною начальства, какъ говорилось, во всю. Товарищескія пирушки, кутежи, картежная игра, волокитство и эксцентричныя выходки были главнѣйшими составными элементами ихъ вольной, ничѣмъ не стѣсняемой отпускной жизни. Въ особенности выдѣлялись тогда два молодыхъ офицера. Одинъ гвардейскій поручикъ, другой штабсъ-ротмистръ гусаръ. Они были короткіе пріятели. Оба хорошихъ фамилій, оба храбры, оба красивы, оба богаты и оба хотѣли быть первыми въ тѣсномъ кружкѣ кутилъ и игроковъ. Мало-по-малу между ними возникло соперничество, и они старались превзойти одинъ другаго въ удальствѣ. Если сегодня гвардеецъ устраивалъ завтракъ, то завтра гусаръ давалъ пріятелямъ обѣдъ; если первый везетъ

вечеромъ товарищей за городъ на тройкахъ, то другой потомъ цѣлые три дня кутитъ съ друзьями у цыганъ, и въ концѣ концовъ разбиваетъ трактиръ. Если тотъ похищаетъ изъ театра танцовщицу, то этотъ, спустя нѣсколько времени, увозитъ у купца жену.

Симъ послѣднимъ эпизодомъ завершились ихъ доблестныя похожденія. Но эпизодъ окончился трагически. Разскажу, какъ я слышалъ о немъ.

На одной изъ окраинъ Москвы, заселенной купечествомъ, жилъ одинъ богатый коммерсантъ, человѣкъ молодой, солидный и дѣльный, недавно женившійся на 18-ти лѣтней, чрезвычайно красивой дѣвушкѣ. Онъ жилъ по старинному. Утромъ уѣзжалъ на откормленномъ рысакѣ въ гостинный дворъ, гдѣ у него находились товарные склады, занимался весь день дѣлами и только вечеромъ возвращался домой. Домъ его, какъ большинство старинныхъ купеческихъ домовъ того времени, содержался постоянно подъ замкомъ. Если кому нужно было войти въ него, то онъ долженъ былъ нѣсколько разъ позвонить. Къ воротамъ выходили молодецъ или кухарка и, не отпирая калитки, спрашивали: «кто? кого надо? зачѣмъ?» Получивъ отвѣтъ, шли съ докладомъ и послѣ нѣкотораго времени возвращались и впускали, или же отказывали, говоря: «дома нѣтъ», или же «велѣно придти тогда то». Жена его изъ дому никуда не выѣзжала, кромѣ церкви или родныхъ, и то не иначе, какъ съ мужемъ, или со старухой свекровью, или же съ обоими вмѣстѣ.

Объ этой то запертой красавицѣ и шепнули гусару. Онъ пріѣхалъ какъ то въ церковь, посмотрѣлъ и заинтересовался. Началъ онъ изыскивать мѣры, чтобы познакомиться съ купцомъ, но купецъ отъ всякаго знакомства отказался. Хотѣлъ обратить на себя вниманіе купчихи, пробраться какъ нибудь въ домъ, но не удалось: строгости въ домѣ увеличили, старуха свекровь не отходила отъ невѣстки ни на шагъ и берегла ее какъ зѣницу ока. Но встрѣчаемыя гусаромъ препятствія только сильнѣе подстрѣкали его самолюбіе, и онъ поставилъ себѣ цѣлью во чтобы-то ни стало завладѣть купчихой. Долго ему ничего не удавалось, но вдругъ выпалъ счастливый случай. Наканунѣ какого то большаго праздника, купчиха, въ сопровожденіи свекрови и старухи няньки, отправилась пѣшкомъ въ приходскую церковь ко всенощной. Гусара давно уже не было видно въ ихъ мирной окраинѣ, онъ перестал туда ѣздить. По окончаніи службы, когда купчиха съ своими провожатыми возвращалась домой, вдругъ изъ за угла сосѣдняго переулка выскочило нѣсколько молодцовъ, они растолкали старухъ, схватили купчиху подъ руки, посадили ее въ подлетѣвшія изъ за угла запряженныя лихою тройкою сани и увезли. Улица огласилась крикомъ о помощи, сбѣжался народъ, но тройки давно уже и слѣдъ про-

стыдъ. Купецъ бросился къ властямъ, поднялъ на ноги полицію, начались розыски, но купчихи не отыскали.

Черезъ три дня та же лихая тройка доставила купчиху домой. Стали расспрашивать: «гдѣ была?» Купчиха отвѣчала: «за городомъ, но гдѣ именно—не знаю». «Съ кѣмъ?»—«Съ гусаромъ». Собрали всѣхъ гусаровъ. Виновный заявилъ, что это сдѣлалъ онъ, и что же? Князь Д. В. Голицынъ, бывшій въ то время московскимъ генералъ-губернаторомъ, самъ въ молодости не мало напаливпій, хотѣлъ потушить дѣло и сталъ склонять купца на мировую. Трудно было тогда идти противу властей, въ особенности противу власти московскаго главнокомандующаго. Купецъ думалъ, думалъ и подчинился. Въ одномъ изъ извѣстныхъ московскихъ ресторановъ устроилась мировая. Къ роскошному обѣду явился купецъ въ сопровожденіи своихъ сродниковъ и свойственниковъ; гусаръ съ товарищами. Соперниковъ свели, заставили подать другъ другу руки. За обѣдомъ пошли тосты «за примиреніе», пили много, и еще болѣе шутили и смѣялись. Послѣ обѣда купецъ предложилъ гусару «сыграться въ карты», и мрачно прибавилъ: «авось я буду счастливѣе». Кто изъ офицеровъ отказывался отъ игры, гусары тѣмъ болѣе. Поставили столъ. Началась игра. Гусаръ металъ банкъ, купецъ понтировалъ. Счастье улыбалось по очереди то тому, то другому. Вдругъ купецъ, проигравъ одну довольно крупную ставку, хватаетъ гусара за руку, и съ крикомъ: «шуллеръ, передернулъ!» даетъ ему пощечину. Гусаръ выхватилъ саблю и хотѣлъ рубануть, но его удержали. Явилась полиція, купца отправили на съѣзжую, откуда онъ написалъ генералъ-губернатору письмо, въ которомъ объяснилъ, что гусара обезчестилъ за то, что тотъ обезчестилъ его жену, а на утро повѣсился.

Вотъ это то печальное событіе, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ товарищей М. Ю. Лермонтова, нѣкто И. И. Парамоновъ, и натолкнуло поэта на мысль написать сказку о купцѣ Калашниковѣ, которой конечно дана болѣе блестящая по содержанію форма.

IV.

Въ царствованіе императора Николая, общій срокъ военной службы былъ 25-ти лѣтній. Рекрутскіе наборы производились при особыхъ, весьма тягостныхъ для населенія условіяхъ. Назначались въ рекруты люди отъ 20 до 35 лѣтъ, а при неимѣніи метрическихъ свидѣтельствъ, шли иногда старики 40—45 лѣтъ и болѣе. Принимаемымъ брили лбы, а бракуемымъ затылки. Людей, назначаемыхъ въ солдаты, привозили изъ деревень подъ присмотромъ бурмистровъ, управляющихъ и старостъ, связанными, а подъ часъ и въ кандалахъ. Послѣ пріема ихъ отправляли подъ конвоемъ съ ружьями.

При такихъ порядкахъ, понятно, съ какими чувствами народъ шелъ отбывать эту тяжкую для него повинность. Исполненіе ея сопровождалось возмутительными сценами. Тутъ было все: и повальное, безпробудное пьянство назначенныхъ на очередь, и плачъ, ревъ, вой, обмороки и причитанья, какъ-бы по мертвецѣ, ихъ женъ, сестеръ и матерей, и безумная, безшабашная радость тѣхъ немногихъ, кто, по какому либо счастливому случаю, избавлялся отъ рекрутчины.

Я помню эти наборы. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, мнѣ часто приходилось видѣть въ Москвѣ эти печальныя церемоніи жертвоприношенія народомъ дѣтей своихъ на алтарь отечества. Особенно врѣзался въ мою память слѣдующій трагикомическій эпизодъ.

Пріемъ производился еще въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на Воскресенской площади. Очередныхъ вводили въ пріемъ по волостямъ или вотчинамъ. Семьи ихъ, родичи и друзья, а также городскіе зѣваки, составляли народныя массы вокругъ зданія присутственныхъ мѣстъ. Изрѣдка съ крыльца пріема сбѣгалъ вѣстникъ и вѣщалъ: «такой-то и такой-то забриты, такой-то забракованъ». Вопли и стоны усиливались. Толпа колыхалась и выбрасывала изъ себя два-три семейства сданныхъ въ рекруты: они уходили оплакивать свое горе туда, гдѣ надъ ними никто не посмѣется. Порой съ крыльца сбѣгалъ забракованный съ громаднымъ выбритымъ на затылкѣ полумѣсяцемъ и начиналъ или креститься по направленіямъ къ соборамъ, или плясать среди толпы.

Но вотъ однажды сбѣгаетъ съ крыльца присутствія, расталкивая стражу и толпу, неизвѣстно какъ ускользнувшій изъ пріема молодой парень съ забритымъ затылкомъ, въ костюмѣ прародителя, волоча правой рукой по снѣгу пестрядинную свою рубаху. Толпа загоготала и разступилась, давъ ему дорогу. Парень, вѣроятно желалъ пробраться къ Иверской, забывая, что онъ совершенно голый, ринулся на площадь и понесся прямо, что есть мочи.

Въ это мгновеніе выѣзжалъ изъ за угла, мчавшійся на своихъ «непобѣдимыхъ» съ тремя конвойными казаками, оберъ-полицмейстеръ Цынскій, не человѣкъ, а звѣрь, про котораго ходила въ народѣ поговорка: «укралъ у батюшки свитку, у матушки свинку»[1].

— Это что за безобразіе? раздался зычный голосъ начальника полиціи:— казакъ, взять его!

Казакъ бросился за парнемъ, парень отъ него, казакъ пришпорилъ лошадь и сталъ настигать нагиша. Казалось, вотъ, вотъ онъ его сейчасъ схватитъ; но парень не захотѣлъ поддаться, бросился на земь, и казакъ, перескочивъ черезъ него, пролетѣлъ да-

[1]) Намекъ на недостойность его быть въ царской свитѣ и на какіе-то денежны захваты.

леко впередъ. Парень же между тѣмъ вскочилъ и ударился бѣжать назадъ. Толпа ринулась на встрѣчу и заслонила его: кто набросилъ на него тулупъ, кто далъ валенки, кто надѣлъ шапку, и парень успѣлъ скрыться.

Цынскій рвалъ и металъ, но съ толпой ничего сдѣлать не могъ и уѣхалъ. На утро собрали къ нему всѣхъ волостныхъ и вотчинныхъ сдатчиковъ, провѣрили забракованныхъ и парня отыскали. Судопроизводство въ то время было упрощенное: парня отправили въ частный домъ и тамъ отстегали, но отстегали должно быть неосторожно, такъ что бѣдняка пришлось отправить въ больницу, гдѣ онъ полежалъ, полежалъ и померъ.

А. П. Ермоловъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «ну, провѣдаютъ въ Петербургѣ, сошлютъ бѣднаго Цынскаго на Кавказъ, на мѣсто Нейдгардта».

V.

Въ «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» А. И. Вольфа, мнѣ пришлось, между причимъ, прочитать, что «въ Петербургѣ, при директорѣ театровъ А. М. Гедеоновѣ, имѣла громадное вліяніе на театральный міръ Мина Ивановна Б., занимавшая неоффиціальный, но весьма важный постъ театральной помпадурши. Отъ нея зависѣли главныя назначенія и ангажированія артистовъ, она вмѣшивалась и въ хозяйственную часть: ни одинъ подрядчикъ, ни одинъ поставщикъ не допускался безъ ея предварительнаго одобренія. За то квартира этой чухонской Аспазіи и вообще вся ея обстановка отличались необыкновенною роскошью. Въ ея салонахъ толпились не только артисты, но и всѣ лица, имѣвшія дѣло до ея патрона», и т. д.

Эта «чухонская Аспазія» была дѣйствительно всемогущая въ свое время фаворитка министра двора и друга императора Николая, покойнаго графа В. Ѳ. Адлерберга. Вліяніе ея не ограничивалось однимъ театральнымъ міркомъ, многое отъ нея зависѣло и вообще по министерству двора. Знаменитый острякъ, князь А. С. Меншиковъ, сказалъ однажды: «люблю я графа Адлерберга, но мнѣ его мина не нравится».

Дѣятельность фаворитки многимъ въ Петербургѣ извѣстна и до сихъ поръ памятна. Но многіе ли знали ея прошлое и случай ея возвышенія?

Вотъ что разсказывалъ мнѣ о ней М. С. Морголи, бывшій откупщикъ, человѣкъ, обладавшій въ свое время большимъ состояніемъ и любившій пожить. Онъ зналъ Мину еще «бѣдною».

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, проживали въ Москвѣ двѣ сестры, нѣмки, дочери петербургскаго ремесленника, Юлія и Вильгельмина Ивановны Гутъ. Жили, конечно, и ничего не имѣли.

Ну, а какъ рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше, то онѣ и задумали отправиться за счастьемъ въ Петербургъ. Это было въ 1834 году. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не существовало, а для сообщенія обѣихъ нашихъ столицъ предлагали свои услуги почты, казенныя или вольныя, и знаменитые частные дилижансы. Проѣзжая изъ Малороссіи по дѣламъ въ Петербургъ, Михаилъ Степановичъ заблагоразсудилъ отправиться изъ Москвы въ частномъ дилижансѣ, и вотъ тутъ то онъ имѣлъ случай познакомиться съ дѣвицами Гутъ, отправившимися «за счастьемъ» въ Петербургъ. Само собою, дорога оказалась пріятною (дѣло было лѣтомъ). Продолжительныя остановки на станціяхъ, прогулки въ окрестныхъ лѣсахъ и рощахъ скрѣпили знакомство, которое по пріѣздѣ въ Петербургъ перешло въ дружбу.

Дѣвицы Гутъ поселились на углу Большой Подъяческой и канала, въ д. Мейера, въ небольшой квартиркѣ третьяго этажа. Наружностью онѣ особенно не выдѣлялись, но вообще при первой встрѣчѣ производили пріятное впечатлѣніе. Обѣ сестры были блондинки. Старшая, Юлія, имѣла 23 — 24 года, ростъ средній, лицо полное, немного рябоватое, отличалась чрезвычайно живымъ и веселымъ характеромъ. Младшей, Вильгельминѣ, было не болѣе 17 — 18 лѣтъ, ея маленькое, выразительное личико, молчаливость и мечтательность невольно какъ то располагали къ ней всякаго. Жили онѣ бѣдно, такъ какъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ не было. Одѣвались скромно, но прилично, квартирку содержали чисто. Михаилъ Степановичъ посѣщалъ ихъ около года и вносилъ въ семью нѣкоторый достатокъ, но онъ въ 1835 году отправился въ Малороссію и покровителемъ дѣвицъ Гутъ остался товарищъ его, Абрамъ Григорьевичъ Юровскій, богатый малороссійскій помѣщикъ, содержавшій въ то время на откупу нѣсколько уѣздовъ въ Малороссіи. Онъ былъ уже не молодъ, лѣтъ 50-ти, росту средняго, худощавый, съ громадной лысиной на головѣ. Особенно отличался онъ тѣмъ, что имѣлъ глаза не одинаковаго цвѣта: одинъ сѣрый, другой голубой. Покровительство его повело къ тому, что сестры разъѣхались. Юлія осталась въ Подъяческой, а Вильгельмина переѣхала на Пески.

Знаменитый пожаръ Песковъ, истребившій почти всю эту часть города осенью того года, сдѣлалъ карьеру Вильгельмины Гутъ. Извѣстно, что императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе выѣзжать на всякій мало-мальски серьезный пожаръ и личнымъ присутствіемъ и распорядительностію содѣйствовалъ къ скорѣйшему локализированію и тушенію огня. На песковскій пожаръ онъ пріѣхалъ съ генералъ-адъютантомъ графомъ В. Ѳ. Адлербергомъ. Помѣстившись почти въ самомъ центрѣ объятой пожаромъ мѣстности, государь отдавалъ приказанія и вдругъ видитъ изъ воротъ одного деревяннаго, только что загорѣвшагося недалеко домика выбѣжала

съ распущенными волосами, въ одной сорочкѣ и босикомъ, молодая дѣвушка, которая, какъ безумная, металась по улицѣ и молила о помощи. Государь обернулся къ графу Адлербергу и сказалъ: «надо ее укрыть гдѣ нибудь». Нѣсколько полицейскихъ чиновъ уже окружили дѣвушку; графъ подошелъ къ ней, накинулъ на нее свою шинель и велѣлъ отвезти ее къ себѣ на квартиру.

Это была «Мина» и съ этой ночи начался ея фаворъ.

М. С. Morголи посѣтилъ ее въ слѣдующемъ году. Она уже вошла въ свою роль и начинала господствовать. Не стану распространяться о ея вліяніи на графа Адлерберга, скажу только, что многіе, какъ напримѣръ Тарасовъ и др., нажили чрезъ нея состояніе. Для пріобрѣтенія же соціальнаго положенія, она вышла замужъ за почтоваго чиновника Б., котораго отправили почтмейстеромъ въ Сибирь, гдѣ онъ и дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Значитъ, «Мина» вышла въ генеральши. Сестра ея Юлія также вышла замужъ за почтоваго чиновника, но карьеры себѣ не сдѣлала.

Была у «Мины» еще сестра — Александра Ивановна, старше Юліи года на три, женщина замѣчательной красоты. Въ 1829 году году она плѣнила одного гвардейскаго офицера, полковника В. И. Родзянко, и уѣхала съ нимъ въ его имѣніе, Полтавской губерніи. Тамъ они обвѣнчались, но какъ то не по уставу церкви, или съ нарушеніемъ его правилъ. Мать и братья Родзянко возбудили дѣло и судъ, тянувшійся довольно долго, въ продолженіе котораго мужъ ея умеръ, а она отправилась съ какимъ то проходимцемъ въ Одессу, была имъ въ дорогѣ обобрана и явилась въ Петербургъ, когда фаворитизмъ «Мины» начался. Здѣсь она успѣла добиться пересмотра ея дѣла, кончившагося преданіемъ участниковъ суду. Но Александра Ивановна вышла изъ воды сухою. Она была признана законной женой полковниха Родзянко и получила вдовью часть 230 душъ крестьянъ въ Полтавской губерніи. Пострадали же только священникъ, да нѣсколько свидѣтелей дворовыхъ, отданныхъ въ солдаты или сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе.

VI.

Курьезны бываютъ иногда отношенія нашихъ русскихъ дѣятелей въ Литвѣ къ бѣднымъ русскимъ людямъ.

У меня есть одинъ добрый знакомый, нѣкто В. С. Александровъ. Происходя изъ дворянъ Псковской губерніи, онъ отдалъ въ юности дань вѣку, т. е. прослужилъ извѣстное число лѣтъ въ военной службѣ, и въ 1871 году, не имѣя надежды достигнуть степеней извѣстныхъ, вышелъ въ отставку съ тѣмъ, чтобы пріискать себѣ болѣе спокойное мѣсто въ гражданской службѣ. Человѣкъ не-

богатый, скромный, непьющій, онъ остался въ Западномъ краѣ, гдѣ стоялъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, и гдѣ онъ, какъ русскій, надѣялся скорѣе найти мѣсто.

Первые шаги свои онъ направилъ въ Гродно, гдѣ въ то время губернаторствовалъ извѣстный князь Крапоткинъ, такъ печально окончившій впослѣдствіи жизнь свою въ Харьковѣ.

Начались хожденія къ губернатору, къ предсѣдателямъ разныхъ палатъ, къ акцизному и другому начальству. Но бѣднаго просителя безъ связей, безъ рекомендацій, встрѣчалъ вездѣ сухой пріемъ и извиненія въ неимѣніи вакансій. При дальнѣйшихъ хожденіяхъ слѣдовали обѣщанія имѣть въ виду при случаѣ; далѣе послышались сожалѣнія о невозможности предоставить мѣсто и, наконецъ, всѣ просьбы и исканья завершились грубыми отказами.

А время между тѣмъ бѣжало быстро. Проходилъ мѣсяцъ, другой, нѣсколько; сдѣланныя въ военной службѣ кой-какія сбереженія были съѣдены, излишнія вещи заложены, явились долги, а затѣмъ невидимо подкрались лишенія, голодъ и нищета. Безо всякихъ знакомствъ, безъ средствъ, одинъ-одинёшенекъ въ чужомъ городѣ, Василій Степановичъ не зналъ что дѣлать: приходилось искать кусокъ хлѣба поденной работой, или идти по стезѣ преступленія. Онъ жилъ на краю города, у одного бѣднаго еврея — портнаго, который, сожалѣя о его несчастіи и неудачахъ, посовѣтовалъ ему обратиться къ архіерею съ просьбой помочь ему пріискать мѣсто, въ которомъ ему явно отказывали въ виду его русскаго происхожденія. Дѣйствительно, Муравьева и Кауфмана давно уже въ краѣ не было и Потаповскія идеи о покровительствѣ туземцамъ въ обществѣ преобладали. Александровъ рѣшился отправиться къ преосвященному.

Гродненскую каѳедру занималъ тогда Игнатій, бывшій викаріемъ литовскаго митрополита Іосифа Симашко. Это былъ маститый старецъ, съ бѣлыми, какъ лунь, волосами и бородой, крикливымъ голосомъ и дрожащими отъ старости руками. Онъ, говорили, былъ богатъ, но память измѣняла ему, такъ что послушники его частенько прибирали за нимъ кредитные билеты, которые онъ разсовывалъ по столамъ и ящикамъ и забывалъ. Онъ любилъ пожить, поѣсть, но въ обращеніи съ людьми былъ грубъ и отличался индиферентизмомъ къ интересамъ русскаго населенія.

Въ одно пасмурное утро, съ какой-то неясной тревогой въ душѣ, бѣдный Василій Степановичъ отправился въ епископскій дворецъ, и, прійдя въ пріемную, просилъ послушника доложить о немъ его преосвященству.

— Подождите, отвѣчалъ покровительственно молодой, франтоватый послушникъ.

Другихъ посѣтителей никого не было, и потому пришлось ждать долго. Наконецъ, около полудня, преосвященный изволилъ выйти

съ посохомъ въ рукѣ, и остановясь посреди комнаты, спросилъ: «что ты?»

Подойдя подъ благословеніе, Александровъ объяснилъ владыкѣ свое положеніе и тѣ препятствія, которыя встрѣчалъ при отысканіи мѣста, просилъ его предстательства объ опредѣленіи куда нибудь на службу, при чемъ представилъ и всѣ выданные ему отъ военнаго начальства бумаги и аттестаты о знаніяхъ и поведеніи.

Объясненія Александрова архіерей выслушалъ молча, нахмуривъ брови, и изрѣдка, какъ будто въ нетерпѣніи, постукивая объ полъ посохомъ. Потомъ посмотрѣлъ документы, и, возвращая ихъ, сказалъ: «документы твои ничего не значатъ: ты могъ быть прежде хорошъ, а теперь худъ, и на оборотъ, прежде могъ быть худъ, а теперь хорошъ. Я, какъ лицо духовное, могу ходатайствовать только о тѣхъ лицахъ, которые мнѣ лично извѣстны, а тебя я не знаю. Иди къ губернатору и проси его!»

Александровъ отвѣчалъ, что онъ былъ уже нѣсколько разъ и у губернатора, и у другихъ властныхъ лицъ, но безъ сильнаго заступничества у нихъ нельзя получить мѣста.

— Ну, такъ что же я могу для тебя сдѣлать? возразилъ съ горячностію Игнатій: — хочешь въ монахи — я пріиму.

— Не имѣю призванія, святой отецъ, отвѣчалъ Александровъ, и, извиняясь за причиненное безпокойствіе, вышелъ изъ пріемной.

Онъ сходилъ уже съ высокаго крыльца архіерейскаго палаццо, какъ вдругъ громкій голосъ послушника остановилъ его и пригласилъ опять къ преосвященному.

Сердце учащенно билось у бѣднаго просителя, когда онъ снова входилъ въ пріемную залу; ему казалось, что вотъ, наконецъ, счастье улыбается, онъ получитъ мѣсто и будетъ имѣть кусокъ насущнаго хлѣба.

Суровый архіерей стоялъ на томъ же мѣстѣ, опираясь на посохъ и усиленно моргая бровями. При приближеніи къ нему Александрова, онъ быстро протянулъ правую руку и, подавая нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ, сказалъ ему: «Вотъ на!.. чѣмъ могу, тѣмъ помогаю».

Несчастный Александровъ совершенно растерялся и нѣсколько времени не находилъ словъ для отвѣта. Эта милостыня, грубая, унижающая и оскорбляющая человѣческое достоинство, пришибла его окончательно, и онъ, сквозь слезы, едва могъ выговорить, что онъ пришолъ не за подаяніемъ, но чтобы получить право на заработокъ куска хлѣба, въ чемъ ему, какъ русскому, всѣ отказываютъ.

— А когда такъ — вскричалъ Игнатій, обращаясь къ послушнику внѣ себя отъ гнѣва и стуча, что есть силы, посохомъ объ полъ: — гони его вонъ!.. вонъ!.. вонъ!..

Александровъ бросился къ дверямъ, а вслѣдъ ему летѣли восклицанія гнѣвнаго архіерея: «гони же его!.. Если бы былъ бѣденъ, то взялъ бы... а то видно, что...»

Нужно ли говорить, что только благодаря снисхожденію послушниковъ, съ которыми онъ до выхода архіерея долго бесѣдовалъ и успѣлъ расположить ихъ къ себѣ, онъ не былъ спущенъ съ лѣстницы, по которой еще такъ недавно вела его надежда на благость высшаго представителя нашихъ духовныхъ интересовъ въ краѣ.

Подобный пріемъ такъ повліялъ на нервную систему Александрова, что онъ до сихъ поръ не можетъ видѣть равнодушно ни архіереевъ, ни священниковъ, ни монаховъ.

П. Мартьяновъ.

СЕМЕЙНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ГРАФА А. И. ОСТЕРМАНА.

ИЗНЬ и государственная дѣятельность графа Андрея Ивановича Остермана [1]), бывшаго въ теченіи тридцати лѣтъ душою петербургскаго кабинета, руководителемъ слабыхъ преемницъ и юнаго преемника, наслѣдовавшихъ престолъ Петра Великаго, на столько общеизвѣстны, что мы считаемъ излишнимъ о нихъ распространяться. И нравственный обликъ великаго государственнаго мужа, его двоедушіе, притворство, хитрость, вкрадчивость, были уже великое множество разъ описаны русскими и иностранными историками, изъ сказаній которыхъ у насъ сложились болѣе или менѣе преувеличенныя, стереотипныя понятія о графѣ Остерманѣ. Трудно сказать о немъ что-либо новое, или малоизвѣстное. Только одна сторона его жизни, именно семейный бытъ, его отношенія къ женѣ и дѣтямъ недостаточно обратили на себя вниманіе его біографовъ. Нынѣ, благодаря любопытнымъ архивнымъ документамъ, сообщеннымъ редакціи «Историческаго Вѣстника», мы имѣемъ возможность отчасти пополнить этотъ пробѣлъ. Хитрый дипломатъ, лукавый царедворецъ, то притворно больной, то притворно здоровый — графъ Остерманъ, въ своемъ семейномъ быту, безъ всякой личины, былъ добрый мужъ и примѣрный отецъ. Какъ ни черство было его сердце, но онъ умѣлъ внушить своей женѣ нѣжнѣйшую любовь и безграничную преданность.

Въ воскресенье, 18-го декабря 1720 года, въ день рожденія царевны Елизаветы Петровны, въ дворцовыхъ аппартаментахъ государя Петра Алексѣевича, въ присутствіи многихъ знатныхъ пер-

---

[1]) Родился въ Бохумѣ (въ Вестфаліи) 30-го мая (9-го іюня) 1686 года, скончался въ Березовѣ 22-го мая 1747 года.

сонъ обоего пола, происходила торжественная помолвка тайнаго совѣтника царской канцеляріи Андрея Ивановича Остермана съ боярышнею Мареою Ивановною, дочерью покойнаго ближняго боярина и стольника Ивана Родіоновича Стрѣшнева.

Помолвка эта, а за тѣмъ и свадьба, возбудили сильное неудовольствіе среди тогдашней русской знати и казались унизительными для родовитыхъ русскихъ людей. Дѣйствительно, двадцатидвухлѣтняя боярышня Марфа Ивановна доводилась двоюродною правнучкою покойной царицѣ Евдокіѣ Лукьяновнѣ [1]), родной бабкѣ самаго государя, и считалась одной изъ богатыхъ невѣстъ, а тридцатичетырехлѣтній женихъ ея былъ не болѣе какъ пришлецъиноземецъ, пасторскій сынъ, и притомъ лютеранинъ.

Но бракъ этотъ былъ устроенъ самимъ царемъ, который не допускалъ никакихъ возраженій своимъ приказаніямъ. Съ свойственной ему прозорливостью, Петръ Великій оцѣнилъ обширный умъ и рѣдкія способности Остермана; предвидя, какую громадную пользу можетъ принести этотъ замѣчательный иноземецъ Россіи, царь рѣшился, такъ сказать, «закрѣпить» его новому отечеству. Лучшимъ средствомъ для этого представлялись брачныя узы, кровное родство съ стариннымъ русскимъ боярствомъ.

Свадьбу Остермана сыграли въ воскресенье 21-го января 1721 года. Объ этомъ достопамятномъ днѣ, черезъ двадцать одинъ годъ, въ Березовѣ, уже ссыльный и лишенный всѣхъ почестей, Остерманъ, на листкахъ своей нѣмецкой библіи, сдѣлалъ слѣдующую замѣтку:

«1721 года января 21-го стараго штиля, праздновано бракосочетаніе наше со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ, при которомъ съ обѣихъ сторонъ: ихъ императорскіе величества, заступая мѣсто родителей нашихъ, присутствовать изволили и мы отъ высочайшихъ особъ, ихъ императорскихъ величествъ отведены были къ брачному ложу».

Помимо богатаго приданаго за женою деньгами, драгоцѣнностями и помѣстьями, Остерманъ—владѣлецъ одного изъ красивѣйшихъ домовъ на Невской набережной, былъ щедро награжденъ государемъ и въ томъ же 1721 году удостоенъ званія барона. Недолго однако-же веселились и пировали новобрачные: въ мартѣ мѣсяцѣ Андрей Ивановичъ отправился въ Ригу, оттуда 24-го апрѣля въ Ништадтъ на съѣздъ руских и шведскихъ дипломатовъ, имѣвшій цѣлью заключеніе давно желаннаго мира, которымъ такъ славно была закончена великая сѣверная война. Лѣтомъ, получивъ извѣстіе о болѣзни Андрея Ивановича, супруга посѣтила его въ Ригѣ,

[1]) Скончалась 18-го августа 1645 года. Вторая супруга царя Михаила Өеодоровича († 13-го іюля 1645 г.); мать царя Алексѣя Михайловича († 23-го — 30-го января 1676 г.).

откуда, послѣ непродолжительнаго пребыванія, возвратилась въ Петербургъ. Достопамятный миръ былъ подписанъ 30-го августа, но Остерманъ и Брюсъ — царскіе посланные, возвратились лишь 22-го октября. Оцѣнивая по достоинству заслуги Остермана, государь пожаловалъ ему золотую медаль, денежное вознагражденіе и нѣсколько деревень. Радостно и торжественно праздновали заключеніе мира въ обѣихъ столицахъ. Помня правило своего родителя: «дѣлу время, потѣхѣ часъ», Петръ Великій давалъ Остерману на отдыхъ весьма малые промежутки; одно дѣло смѣнялось другимъ, одно другаго важнѣе, и на каждое изъ нихъ государю былъ необходимъ умный,

Графъ А. И. Остерманъ.

расторопный Андрей Ивановичъ. Въ началѣ 1722 года онъ занялся составленіемъ «табели о рангахъ» и образованіемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; по паденіи Шафирова исправлялъ должность вице-канцлера; 12-го сентября 1723 года участвовалъ въ постановленіи мирнаго договора съ персидскимъ шахомъ. Драгоманомъ при переговорахъ съ посломъ былъ секретарь Остермана, одинъ изъ ученѣйшихъ оріенталистовъ своего времени, Георъ Якобъ Кэръ (Kehr).

Въ январѣ 1722 года, баронесса Мареа Ивановна проживала въ Москвѣ у своей матери. Здѣсь 21-го марта она разрѣшилась отъ бремени сыномъ первенцомъ, окрещеннымъ 29-го числа того же мѣсяца и нарѣченнымъ въ честь государя Петромъ. Воспріемниками и воспріемницами новорожденнаго были: государыня Екате-

рина Алексѣевна, великія княжны Анна и Елизавета и свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Подобной чести удостоивались немногіе изъ знатнѣйшихъ вельможъ; купель сына еще болѣе прежняго приблизила Остермана къ царскому семейству. Младенецъ былъ недолговѣченъ, 1-го мая 1723 года онъ скончался въ Петербургѣ, куда переѣхала супруга Остермана вмѣстѣ съ дворомъ, по возвращеніи государя изъ дербентскаго похода. Около года времени Остерманъ провелъ безотлучно со своею молодою женою.

Марфа Ивановна любила своего мужа безгранично. Не нуждаясь большаго свѣта, она тѣмъ болѣе предпочитала ему свой тихій, домашній уголокъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ ежегодно дарила своего мужа потомствомъ. 21-го марта 1723 года у нихъ родился сынъ Ѳедоръ, 1-го апрѣля воспринятый отъ купели царевною Анною Петровною. На слѣдующій годъ они были обрадованы рожденіемъ дочери, а въ 1725 году — сына Ивана.

О домашнемъ бытѣ Остермана и его отношеніяхъ къ женѣ сохранилось нѣсколько сказаній современниковъ, далеко не сочувственныхъ. Леди Рондо, обвиняя Остермана въ равнодушіи къ женщинамъ, говоритъ, что онъ называлъ ихъ «дорогими игрушками». Но, вѣроятно, онъ отзывался такъ о женщинахъ именно потому, что не хотѣлъ знать иныхъ, кромѣ своей жены. Послѣднюю Манштейнъ называетъ почему-то «однимъ изъ самыхъ злыхъ созданій, существовавшихъ на землѣ». Порокомъ, свойственнымъ супругамъ Остерманъ, была излишняя разсчетливость, близко граничившая со скупостью. Жена была не великая охотница до нарядовъ, мужъ — и того менѣе: его пренебреженіе къ щегольскимъ одеждамъ доходило до неряшливости, ославленной, не безъ преувеличенія, всѣми біографами Остермана. Но не любя щегольства, Андрей Ивановичъ не отказывалъ себѣ въ лакомомъ кускѣ, любилъ хорошо покушать, а при случаѣ и выпить; послѣднее всегда въ предѣлахъ благоразумія. Никто и никогда не видалъ его хмѣльнымъ. Нѣкоторые біографы утверждаютъ, что онъ истрачивалъ на свой столъ двѣ трети ежегоднаго своего дохода. По словамъ князя М. М. Щербатова, онъ одинъ изъ первыхъ держалъ у себя открытый столъ, «хотя впрочемъ, весьма умѣренно жилъ». По другимъ сказаніямъ, Остерманъ, приглашаемый куда либо на обѣды, имѣлъ обыкновеніе брать съ собою для прислуживанія ему за столомъ собственнаго лакея, привозя съ собою и свое вино.

Но, что̀ бы ни говорили современники, и въ особенности Манштейнъ, о неряшливости въ домѣ Остермана, о нечистотѣ его серебряной посуды, до того тусклой, что она казалась оловянною, наконецъ, о его дворнѣ, постоянно грязной и оборванной, — нельзя этому вѣрить безусловно. Марѳа Ивановна вела свой домъ исправно и заботливо, входя во всѣ хозяйственныя мелочи. Домовитая и экономная въ молодыхъ лѣтахъ, она дѣлалась расчетливѣе, можетъ

быть, и скупѣе по мѣрѣ своего приближенія къ зрѣлому возрасту. Но и этотъ недостатокъ, въ сравненіи съ мотовствомъ и нерадивостью большинства знатныхъ барынь того времени, нельзя вмѣнить во грѣхъ. Читателю, можетъ быть, покажется страннымъ наше желаніе представить домашній и семейный бытъ Остермана въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, нежели въ каковомъ его изображаютъ намъ современники знаменитаго дипломата. Насъ подкупаютъ печатаемыя ниже письма его жены, въ которыхъ такъ безъискусственно, такъ простодушно высказывается русская помѣщица былыхъ временъ. Она тоскуетъ въ разлукѣ со своимъ «батюшкою» Андреемъ Ивановичемъ; высказываетъ опасеніе за его здоровье, успокаиваетъ на счетъ своего, — хотя и находится въ послѣднемъ періодѣ беременности... И въ то же время сообщаетъ ему о дѣлахъ хозяйственныхъ, заботится о варкѣ пива, о провизіи и т. п. Ни тѣни боярской безпечности, праздности, или чванства; совѣстливый отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ, въ каждой мимолетной мысли. «Злая» женщина не могла написать подобныхъ писемъ; въ каждой строкѣ мы видимъ добрую жену и добрую хозяйку.

Въ половинѣ февраля 1724 года, государю Петру Алексѣевичу угодно было отправиться въ Москву на коронацію своей супруги. Въ предстоявшихъ торжествахъ барону Андрею Ивановичу было намѣчено занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Его пребываніе въ Москвѣ продолжалось до іюня мѣсяца. Въ день коронованія императрицы, 7 мая, князь Димитрій Голицынъ и баронъ Андрей Остерманъ несли императорскую мантію; когда же коронованная Екатерина возсѣдала на престолѣ, Остерманъ, по выраженію Петра великаго, стоялъ при немъ, «какъ стражъ».

Весело было въ Москвѣ, куда собрался весь дворъ, гдѣ торжества смѣнялись торжествами; но тоскливо было въ Петербургѣ, изъ котораго повыѣхали всѣ вельможи съ женами и чадами, въ которомъ оставалась по необходимости баронеса Мареа Ивановна. Ненастная весенняя пора только усиливала ея тоску по отсутствующему мужу. Въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ этой досадной разлуки, она написала Андрею Ивановичу слѣдующія письма:

I.

Изъ Санктпетербурга марта 2.

«Батюшка мой дорогой, любимый мой другъ Андрей Ивановичъ! я въ мыслѣхъ моихъ цалую ручки и ножки и дорогую любимую шейку твою и прошу Бога чтобъ далъ мнѣ тебя видѣть поскорѣе и въ добромъ здоровьи, а тебя прошу пожалуй мой любимой другъ по всякой возможности стараться, чтобъ ты былъ здоровъ и чтобъ не было такъ какъ въ Ригѣ и въ Ревелѣ, уже меня наше разлученье и твое слабое здоровье настращало, по куль не увижу тебя, моя радость, то мнѣ кажется, что ты все нездоровъ, я чаю, что мой другъ сегодни или вчера пріѣхалъ въ Москву, я прошу тебя, свѣтъ мой, пожалуй отпиши

ко мнѣ все-ли ты, мой другъ, въ дорогѣ былъ здоровъ и получилъ-ли ты мои прежнія письма два которыя я тебѣ писала.

«Благодарствую, мой батюшка дорогой, за милостивыя твои писанія, которыя я получила изъ Новгорода, также и посланные для меня гостинцы новогородскіе, а особливо благодарствую мой любезный другъ, что ты меня бѣдную любишь и помнишь, я надѣюсь, что и впредь также содержишь въ своей милости, а я тебя до смерти своей любить и почитать буду; я вчера была у брата твоего; было ему худо отъ болѣзни и я его многократно просила, чтобъ онъ послалъ по дохтура Захарья, онъ хотя не хотѣлъ, однако-жъ по многимъ моимъ словамъ послалъ и сегодня слава Богу гораздо лучше ему вчерашняго стало; ты, мой батюшка, пожалуй не печалься, ты какъ здравіи своемъ не крѣпокъ и по мнѣ мой любимый другъ не печалься, я слава Богу и сынъ нашъ здоровы.

«Я вчера принуждена была обѣдать у Сенявина [1]), была у него жена именинница и я теперь къ тебѣ не могу много писать, для того, что не знала, что такъ скоро почта пойдетъ; сего часу прислали ко мнѣ сказать почтмейстера только дано.... (знать?) что еще обозъ нашъ не пріѣхалъ и изъ деревни нашей не бывали, я 4-й день послала Василья онъ еще не бывалъ, пива варить сегодня начали; отпиши, мой батюшка, сколько варъ варить, мнѣ кажется, что 5 варъ варить надо англинскаго полпива, велю 2 четверти сварить, обо всемъ стану писать къ тебѣ въ четвергъ [2]), а теперь ни коли успѣть, опасаюсь чтобъ почта не ушла; пожалуй мой другъ, скажи отъ меня матушкѣ моей, чтобъ не прогнѣвалась на меня, что я къ ней не писала сегодни, истинно не успѣла.

«Любимой мой другъ дорогой батюшка Андрей Ивановичъ, живи весело и будь здоровъ и меня, бѣдную, люби всегда и я тебя до смерти буду любить вѣрная твоя Мареутченка Остерманова».

II.

(Отъ 5 марта?)

«Любимой мой другъ дорогой Андрей Ивановичъ!

«Прошу у тебя ради Бога пожалуй не печалься по мнѣ, я и сынъ нашъ слава Богу здоровы, послушай мой батюшка дорогой, ежели ты меня любишь, то пожалѣй своего здоровья не печалься ни о чемъ.

«Я сегодня къ брату твоему посылала, сказывалъ онъ въ опасномъ-же здоровьи своемъ каковъ былъ вчера.

«Пожалуй, мой батюшка, будь здоровъ любимой мой другъ Андрей Ивановичъ, я въ мысляхъ цѣлую ножки твои и любимую шейку твою, бѣдная твоя Мареутченка Остерманова.

III.

(Во второй половинѣ поста?)

«Батюшка мой дорогой Андрей Ивановичъ!

«Доношу тебѣ по приказу твоему, я людямъ деньги годовые и мѣсячные всѣмъ раздала; Синявинъ сказалъ, что у него погребъ очень великъ, льду въ него надобно 70 или 80 саженъ и притомъ сказалъ, что можно намъ вмѣстѣ съ

---

[1]) Ульянъ Акимовичъ, генералъ-маіоръ, оберъ-коммиссаръ и директоръ надъ строеніями († 1740) жена его Евдокія Алексѣевна N. N. (Русск. род. кн. 1873 г., стр. 291).

[2]) 2 марта 1724 г. приходилось въ понедѣльникъ, слѣдовательно жена Остермана намѣревалась писать 5 марта.

ними поставить въ одинъ погребъ, я приказала такъ сдѣлать и когда намъ будетъ потребно можемъ у нихъ взять бочку и поставимъ у себя, а я нынѣ одну варю, велю у насъ погребъ поставить, ледъ начали колоть по 2 алтына за сажень, а сколько потребно про то не знаю, буду впредь писать; солоду цѣны онъ не сказывалъ, пиво наняли варить у пѣвчаго Бѣляева, просилъ по три рубли за сажень за дрова, одному пивовару 7 гривенъ за котелъ, а я дрова на пиво купила 4 сажени по 2 рубли по 4 гривны сажень; отъ Синявина 10 сажень дровъ я взяла, отъ Павла Ивановича ничего не дали дровъ, хмѣлю купила 3 пуда по полтора рубли съ гривною пудъ, рожь которая у насъ есть Ульянъ Яковлевичъ обѣщалъ послать на мельницу молоть, какъ пошлю и что надлежитъ заплатить, о томъ стану къ тебѣ писать, мнѣ кажется, что лучше на мельницѣ нанять, нежели на нашихъ жерновахъ молоть, у насъ больше растеряютъ и хуже смѣлютъ, мнѣ кажется, что у Меера не надобно брать, можемъ довольны быть и такъ, лошадей еще не послала, они (?) говорятъ, что дожидаемся подводъ изъ деревни, съ ними пошлютъ, солодъ который у насъ есть, ты приказалъ продавать и оной солодъ гораздо дешевѣетъ... мнѣ сказывалъ нашъ ключникъ, что оной солодъ годится людямъ на квасъ и ежели его продать вмѣсто того развѣ покупать, мнѣ кажется не замать нежели дешево продать, медъ которой у насъ есть даютъ за него 40 алтынъ съ гривною за пудъ, я велю продать, чѣмъ напрасно пропасть, которой привозной будетъ изъ того велю нѣсколько сварить.

«Отпиши мой батюшка ко мнѣ по сему, что тебѣ угодно и что не угодно, я такъ стану дѣлать что могу по твоему приказу.

«Прошу тебя мой любимой другъ, когда изволишь посылать ко мнѣ ключникову жену, изволь мой батюшка приказать дѣвку маленькую въ деревнѣ пріискать и съ нею прислать, оная потребна дѣвка будетъ къ сыну нашему, когда отпустимъ кормилицу, мамѣ одной нельзя усмотрѣть, ежели будетъ дѣвка хороша, то мама можетъ ее учить, что надлежитъ ей дѣлать, изволь мой батюшка прикащика спросить для чего они не послали къ намъ суконъ и панитку и толстыхъ холстовъ, если возможно ковши прислать, также и мыла, котелъ, которой остался въ Москвѣ худой, что привезенъ былъ изъ Степановскаго, прикажи мой батюшка изъ половины сдѣлать купель, которую ты изволилъ обѣщать въ Степановское, а съ другой половины сдѣлать тазовъ: 4 таза на обѣ стороны луженыхъ, 3 таза простыхъ, чтобъ не очень велики были, одинъ другаго меньше.

«Изъ деревни нашей пріѣхали третій день, привезли 2 бочки овса, я велѣла возить имъ сѣна и ледъ на погребъ.

«Обозъ нашъ сего часу пріѣхалъ, только что однѣ птицы, а другаго ничего нѣтъ, сказалъ мужикъ который пріѣхалъ съ птицами, что дорога до Твери очень худа, наемщики больше (дальше?) не поѣхали и запасъ весь сложили, еще сказалъ, будто нанималъ ихъ, что ежели можно ѣхать будетъ зимнимъ путемъ то-бы они ѣхали, а ежели худо будетъ, то-бы не ѣхали до весны и привесть-бы онымъ наемщикамъ водою, затѣмъ они больше ѣхать не хотѣли. Отъ птицъ только сказываютъ умеръ 1 гусь, 2 утки, 1 курица, индѣйка, я теперь просила брата твоего, чтобъ онъ приказалъ своей бабѣ за ними смотрѣть.

IV.

«Любезной мой другъ дорогой батюшка Андрей Ивановичъ!

«Отъ всего моего сердца желаю тебѣ моему дорогому многихъ лѣтъ и добраго здравія, я тебѣ (sic) поздравляла со вчерашнимъ торжественнымъ праздни-

комъ [1]) въ двухъ моихъ письмахъ и нынѣ еще повторяю, здравствуй мой батюшка дорогой и дай Богъ многія лѣта тебѣ, моему другу жить въ добромъ здоровьѣ и въ радости, и мнѣ-бъ тебя любимаго своего друга видѣть по скорѣе, а я благодарю Бога, что сей праздникъ прошелъ, я бы желала чтобъ вся недѣля прошла по скорѣе для того, что мнѣ пуще въ праздникъ томно и скучаю, самъ ты, мой другъ, можешь разсудить есть-ли мнѣ причина тужить въ праздникъ такой великой, всѣ веселятся въ домѣхъ своихъ со своими мужьями, также со своими сродниками, а я бѣдная теперь одна, была я вчера у обѣдни, сколько могла крѣпилась, чтобы въ такой великой день не плакать, только не могла укрѣпить слезы, сами пошли, когда я поѣхала отъ церкви подумала, что сегодня великой праздникъ, я пріѣду домой, кто меня встрѣтитъ, кто меня ласковымъ словомъ утѣшитъ, кто обо мнѣ попеченье имѣетъ, когда ты мой другъ при мнѣ былъ, я пріѣду домой, ты меня встрѣтишь [2]) съ пріятностью, милостивыми словами и имѣешь о мнѣ попеченіе. «Мареутка, что тебѣ сегодня ѣсть и чтобъ тебѣ было угодно?» нынѣ кто обо мнѣ такъ имѣетъ попеченіе, когда я сіе все стану думать, какъ я могу, бѣдная, не плакать, хоть я надѣюсь на Бога, что онъ дастъ тебѣ, моему другу здоровье и дастъ мнѣ тебя видѣть и ты меня содержишь въ неотмѣнной своей милости, однако-жъ не могу вѣрить, что такъ моего милаго друга скоро видѣть; вчера у меня послѣ обѣда былъ Семенъ Ивановичъ съ женою, я просила ихъ, чтобъ они обѣдали у меня, они сказали, что у нихъ дѣти дома желаютъ быть съ ними, обѣдать еще пришелъ Шубертъ поздравствовать, я его удержала обѣдать, обѣдали у меня Шубертъ и наша мама [3]) и я, и это первый разъ, что я безъ тебя обѣдала въ средней горницѣ, послѣ обѣда дѣлать нечего, сидѣть не съ кѣмъ, я, бѣдненькая посидѣла маленько съ Федюшею [4]) онъ ничего не смыслитъ, пришла къ себѣ и легла на постель, не вставала до вечеренъ, послѣ пріѣхалъ Сенявинъ и жена его, ради ихъ встала съ постели и сидѣла съ ними.

«Благодарствую мой батюшка за твои милостивыя письма, которое писано отъ тебя марта 27 числа я получила апрѣля 3-го дня и впредь прошу, пожалуй мой другъ, какъ возможно пиши, у меня только и радости, что твои милостивыя письма, особливо благодарю за присланныя отъ тебя плетешки и Федяша нашъ благодаритъ за нихъ и ему потребны.

V.

Изъ С.-Пб. апрѣля 6 дня.

«Изволишь ты мой батюшка ко мнѣ писать о бабушкѣ, ѣздитъ-ли она ко мнѣ часто? Она послѣ тебя у меня только 1 разъ была съ Фельтеновою женою [5]), говоритъ, что ей часто ѣздить нельзя, что много у ней рожаницъ, когда мнѣ будетъ потребно чтобъ я по нее прислала, ты мой батюшка вѣдаешь самъ, что она живетъ за рѣкою, а ежели мнѣ потребно будетъ ночью, когда мнѣ по нее

---

[1]) Свѣтлаго Христова воскресенія: въ 1724 году оно было 5 апрѣля; въ этотъ-же день вскрылась Нева.

[2]) Доказательство, что Остерманъ не переходилъ въ православіе, такъ какъ жена его одна ѣздила въ церковь къ заутрени Свѣтлаго Воскресенія.

[3]) Домоправительница или «барская барыня» въ семействѣ Остермана, но, разумѣется не мать его супруги.

[4]) Сыну Остермана былъ тогда годъ и двѣ недѣли отъ роду.

[5]) Фельтенъ былъ обер-кухмистеромъ Петра Великаго. Одна изъ его дочерей была за академикомъ Таубертомъ, другая за царскимъ деньщикомъ Древниковъ.

посылать? у насъ рѣка до сего времени стояла, а нынѣ я чаю, въ сихъ дняхъ, пройдетъ, а по нее пошлю и стану ее просить, чтобъ она у меня жила, ежели при послѣднихъ дняхъ она у меня не станетъ жить, я не знаю какъ мнѣ быть, что никого у меня нѣтъ, только надежда моя на Бога, что онъ изволитъ дать ли мнѣ тебя, моего друга, видѣть и въ какомъ состояніи ты меня застанешь; до сего времени, слава Богу, здорова, а впредь что Богъ изволитъ...

«Я Фельтенову просила о кормилицѣ, она указала на бабушку, что она можетъ сыскать, та разсмѣялась только: «добре, я буду посмотрѣть». Послѣ того она у меня не была, я не знаю какова бабушка при своемъ дѣлѣ будетъ, только на словахъ показывается гораздо спѣсива, не такова что мать. Только я тебя прошу, мой любимой другъ, ты обо мнѣ не печалься, я слава Богу, до сего времени, хотя мнѣ не безъ тягости было, однако-жъ, благодарю Бога, не гораздо больна; я тебѣ объявляю, что вчера у обѣдни была я, потому можешь разумѣть, что еще не больна, коли могу ѣздить со двора, пуще мнѣ всего, ты-бы мой другъ былъ здоровъ.

«Я тебѣ мой другъ доношу, что ты обо мнѣ не думай и прежде мая мѣсяца отъ меня новой вѣдомости получить не можешь, однако-же я тебя мой батюшка нынѣ прошу, пожалуй отпиши ко мнѣ ежели Богъ совершитъ свою милость, дастъ мнѣ животъ и ребенокъ родится живъ, сынъ или дочь, какъ ты, свѣтъ мой, прикажешь дать ему имя и кому его крестить? хотя онъ здоровъ будетъ однако жъ лучше поскорѣе крестить и безъ всякихъ чиновъ, когда ты, мой батюшка, пріѣдешь съ дороги, и еще тебѣ тутъ будетъ много труда, мнѣ тебя жаль, что и такъ тебѣ довольно труда; Богу единому извѣстно, каково мнѣ твое здоровье потребно и каковъ ты мнѣ милъ нынѣ въ какомъ я состояніи обрѣтаюсь; однако-жъ ради тебя желаю себѣ живота, хотя-бы и умерла только-бы при твоихъ глазахъ и въ твоихъ дорогихъ рукахъ. Батюшка мой дорогой Андрей Ивановичъ, Федюша нашъ проситъ отъ тебя благословеніе, а я мыслями своими цалую всѣ пальчики и прошу Бога, чтобъ тебя видѣть по скорѣе, а ты меня содержи въ милости своей, я до смерти моей пребуду вѣрный твой юнченка (sic) которой только любя тебя хочетъ жить на свѣтѣ. Мареутченка Остерманова».

Черезъ шестнадцать дней послѣ этого письма, Мареа Ивановна разрѣшилась отъ бремени дочерью, о рожденіи которой въ библіи Остермана находится слѣдующая помѣтка:

«1724 г. апр. 22 род. въ Петербургѣ, по утру въ третьемъ часу, въ мое отсутствіе дочь Анна, которая воспріята отъ св. крещенія бригадиромъ и лейб-гвардіи маіоромъ Ив. Мих. Лихаревымъ и графинею Настасіею Ермолаевною Матвѣевою» [1]).

Занося на листки своей библіи единственно событія семейныя, Остерманъ подъ 1725 годомъ отмѣтилъ еще два числа, особенно ему достопамятныя:

«1725 генв. 28, въ пятомъ часу по утру, скончался Петръ Великій государь императоръ всероссійскій».

«Апр. 25 по утру, между 4 и 5 часомъ, род. сынъ Иванъ и 29 числа того же мѣсяца крещенъ. Воспріемниками были братъ

---

[1]) Супругою графа Андрея Артамоновича (род. 15 авг. 1666 † 16 сент. 1728).

мой мекленбургскій тайный совѣтникъ и министръ при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ баронъ Иванъ-Христофоръ фонъ-Остерманъ, генералъ-лейтенантъ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка маіоръ Лихаревъ, теща моя Наталія Львовна Стрешнева и генералъ-маіорша Авдотья Алексѣевна Сенявина».

Перечисленіе наградъ и повышеній Остермана, въ періодъ времени съ 1725 по 1741 годъ, отвлекло бы насъ отъ главнаго предмета нашей статьи — обзора его отношеній семейныхъ, замѣтимъ только, что въ декабрѣ 1725 года супруга его была пожалована въ статсъ-дамы императрицы [1]).

При несчастной правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, Остерманъ, какъ извѣстно, былъ кабинетъ-министромъ, сенаторомъ, генералъ-адмираломъ, графомъ, кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Сыновья его, въ чинахъ капитановъ гвардіи, имѣли александровскія ленты. Нѣжный и заботливый отецъ, графъ Остерманъ, при содѣйствіи своего секретаря Гросса, далъ имъ превосходное воспитаніе; руки его дочери, графини Анны Андреевны, искали молодые люди знатнѣйшихъ фамилій.

Въ теченіи почти двадцати лѣтъ, свидѣтель и отчасти пособникъ паденій Шафирова, Меншикова, Долгорукихъ, наконецъ, могущественнѣйшаго изъ всѣхъ этихъ временщиковъ — Бирона, графъ Андрей Ивановичъ предугадывалъ свое неминуемое паденіе и сопряженный съ нимъ государственный переворотъ. Простоватая, недальновидная и ребячески довѣрчивая правительница Анна Леопольдовна смѣялась надъ опасеніями Остермана. За два дня до сверженія принцессы, Остерманъ предостерегалъ ее, совѣтуя принять рѣшительныя мѣры противъ заговора приверженцевъ Елизаветы; но правительница, не слушая его, показывала ему новую кружевную рубашку своего сына.

Заговоръ созрѣвалъ подъ лучами любви войскъ и народа къ дочери Петра и жгучей ненависти къ нѣмецкой партіи. Въ ночь съ 24 на 25 ноября, у графа Головкина былъ балъ по случаю имянинъ его супруги, хотя онъ самъ хворалъ подагрою, точно такъ же, какъ и Остерманъ. На утро вся столица привѣтствовала восшествіе Елизаветы Петровны на престолъ. Начались аресты. Графы Остерманъ, Головкинъ, Минихъ, Левенвольде, баронъ Менгденъ и его сестры, генералы Стрѣшневъ, Альбрехтъ, Тимирязевъ, захваченные у себя въ домахъ, были подъ крѣпкимъ карауломъ отправлены въ Петропавловскую крѣпость; бумаги ихъ были опечатаны, на имущества — движимыя и недвижимыя — наложенъ секвестръ. На первыхъ порахъ не отдѣляли правыхъ отъ виноватыхъ и общее

---

[1]) Такъ показано у Карабанова («Русск. Стар.» 1870 г. томъ II, стр. 456). У А. Терещенко въ 1730 (стр. 101) въ запискахъ герцога де-Лирія («Русск. Стар.» 1873 г. томъ VIII, стр. 38) подъ 8 числомъ мая (22 апрѣля) того-же года.

число арестованыхъ по распоряженію новаго правительства простиралось до сорока лицъ обоего пола, изъ которыхъ восемнадцать причастныхъ только дѣлу Остермана: то были его жена, дѣти, секретари его Кэръ, Гроссъ и нѣкоторые изъ чиновниковъ и служителей. Впрочемъ, многіе изъ послѣднихъ были вскорѣ освобождены.

Графъ Остерманъ, пораженный несчастіемъ, заболѣлъ на столько опасно, что врачи не ручались за продолженіе его жизни до произнесенія приговора. Нѣмецкій біографъ его говоритъ [1]: — «У него была рана на ногѣ, которая во время заключенія, не безъ умысла съ его стороны, или просто по неосмотрительности, доподлинно сказать не могу, до того разболѣлась, что перешла въ раковидную, или скорѣе гангренозную, и всѣ доктора рѣшили, что ему жить не долго. Поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы изъ крѣпости его перенесть въ Зимній дворецъ, гдѣ приложены были самыя заботливыя о немъ попеченія и уходъ. Императрица Елизавета приказала не только встрѣтить его ласково и заботиться о его здоровьи, но, какъ говорятъ, сказала при этомъ: «что ей жаль такъ жестоко поступать съ столь знаменитымъ старцемъ, но того требуетъ справедливость».

Особая коммиссія, назначенная для изслѣдованія преступленій сановниковъ, состояла изъ пяти членовъ; то были: графъ Ушаковъ, князь Трубецкой, генералъ Левашовъ, князь Куракинъ и тайный совѣтникъ Нарышкинъ.

Не смотря на гуманное изрѣченіе Елизаветы, что подчиненные не отвѣтчики за своихъ начальниковъ, — графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ и князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, эти ученики Преображенскаго приказа и дилеттанты Бироновскихъ застѣнковъ, съумѣли при допросахъ на столько припугнуть несчастнаго Гросса, что 1 января 1742 года онъ застрѣлился! Въ оставленной имъ запискѣ онъ написалъ только: «Пожертвованіе моею жизнію есть самая малая мною испытанная потеря» [2]. Черезъ два дня графъ Остерманъ писалъ старшему своему брату: «Желая вамъ отъ всего сердца всевозможнаго счастія и благополучія на всю вашу остальную жизнь, симъ навсегда прощаюсь съ вами и прошу васъ присоединить ваши молитвы къ моимъ, да отпустить Всевышній всѣ мои прегрѣшенія» [3]. Графъ ожидалъ близкой смерти отъ болѣзни, или на эшафотѣ, къ которому его вели прямымъ путемъ допросы пристрастныхъ судей. Ихъ приговоръ былъ достоинъ не только временъ усмиренія стрѣлецкихъ мятежей, но пожалуй и кровавой эпохи Грознаго. Остерманъ былъ присужденъ къ колесованію жи-

---

[1]) Merckwürdiges Leben. стр. 279 — 280 и 140 — 141.
[2]) Merckwürdiges Leben, стр. 140 — 141.
[3]) Тамъ-же стр. 279.

сонъ обоего пола, происходила торжественная помолвка тайнаго совѣтника царской канцеляріи Андрея Ивановича Остермана съ боярышнею Мароою Ивановною, дочерью покойнаго ближняго боярина и стольника Ивана Родіоновича Стрѣшнева.

Помолвка эта, а за тѣмъ и свадьба, возбудили сильное неудовольствіе среди тогдашней русской знати и казались унизительными для родовитыхъ русскихъ людей. Дѣйствительно, двадцатидвухлѣтняя боярышня Марфа Ивановна доводилась двоюродною правнучкою покойной царицѣ Евдокіѣ Лукьяновнѣ [1]), родной бабкѣ самаго государя, и считалась одной изъ богатыхъ невѣстъ, а тридцатичетырехлѣтній женихъ ея былъ не болѣе какъ пришлецъ-иноземецъ, пасторскій сынъ, и притомъ лютеранинъ.

Но бракъ этотъ былъ устроенъ самимъ царемъ, который не допускалъ никакихъ возраженій своимъ приказаніямъ. Съ свойственной ему прозорливостью, Петръ Великій оцѣнилъ обширный умъ и рѣдкія способности Остермана; предвидя, какую громадную пользу можетъ принести этотъ замѣчательный иноземецъ Россіи, царь рѣшился, такъ сказать, «закрѣпить» его новому отечеству. Лучшимъ средствомъ для этого представлялись брачныя узы, кровное родство съ стариннымъ русскимъ боярствомъ.

Свадьбу Остермана сыграли въ воскресенье 21-го января 1721 года. Объ этомъ достопамятномъ днѣ, черезъ двадцать одинъ годъ, въ Березовѣ, уже ссыльный и лишенный всѣхъ почестей, Остерманъ, на листкахъ своей нѣмецкой библіи, сдѣлалъ слѣдующую замѣтку:

«1721 года января 21-го стараго штиля, праздновано бракосочетаніе наше со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ, при которомъ съ обѣихъ сторонъ: ихъ императорскіе величества, заступая мѣсто родителей нашихъ, присутствовать изволили и мы отъ высочайшихъ особъ, ихъ императорскихъ величествъ отведены были къ брачному ложу».

Помимо богатаго приданаго за женою деньгами, драгоцѣнностями и помѣстьями, Остерманъ—владѣлецъ одного изъ красивѣйшихъ домовъ на Невской набережной, былъ щедро награжденъ государемъ и въ томъ же 1721 году удостоенъ званія барона. Недолго однако-же веселились и пировали новобрачные: въ мартѣ мѣсяцѣ Андрей Ивановичъ отправился въ Ригу, оттуда 24-го апрѣля въ Ништадтъ на съѣздъ рускихъ и шведскихъ дипломатовъ, имѣвшій цѣлью заключеніе давно желаннаго мира, которымъ такъ славно была закончена великая сѣверная война. Лѣтомъ, получивъ извѣстіе о болѣзни Андрея Ивановича, супруга посѣтила его въ Ригѣ,

---

[1]) Скончалась 18-го августа 1645 года. Вторая супруга царя Михаила Θеодоровича († 13-го іюля 1645 г.); мать царя Алексѣя Михайловича († 28-го—30-го января 1676 г.).

откуда, послѣ непродолжительнаго пребыванія, возвратилась въ Петербургъ. Достопамятный миръ былъ подписанъ 30-го августа, но Остерманъ и Брюсъ — царскіе посланные, возвратились лишь 22-го октября. Оцѣнивая по достоинству заслуги Остермана, государь пожаловалъ ему золотую медаль, денежное вознагражденіе и нѣсколько деревень. Радостно и торжественно праздновали заключеніе мира въ обѣихъ столицахъ. Помня правило своего родителя: «дѣлу время, потѣхѣ часъ», Петръ Великій давалъ Остерману на отдыхъ весьма малые промежутки; одно дѣло смѣнялось другимъ, одно другаго важнѣе, и на каждое изъ нихъ государю былъ необходимъ умный,

Графъ А. И. Остерманъ.

расторопный Андрей Ивановичъ. Въ началѣ 1722 года онъ занялся составленіемъ «табели о рангахъ» и образованіемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; по паденіи Шафирова исправлялъ должность вице-канцлера; 12-го сентября 1723 года участвовалъ въ постановленіи мирнаго договора съ персидскимъ шахомъ. Драгоманомъ при переговорахъ съ посломъ былъ секретарь Остермана, одинъ изъ ученѣйшихъ оріенталистовъ своего времени, Георъ Якобъ Кэръ (Kehr).

Въ январѣ 1722 года, баронесса Марѳа Ивановна проживала въ Москвѣ у своей матери. Здѣсь 21-го марта она разрѣшилась отъ бремени сыномъ первенцомъ, окрещеннымъ 29-го числа того же мѣсяца и нарѣченнымъ въ честь государя Петромъ. Воспріемниками и воспріемницами новорожденнаго были: государыня Екате-

рина Алексѣевна, великія княжны Анна и Елизавета и свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Подобной чести удостоивались немногіе изъ знатнѣйшихъ вельможъ; купель сына еще болѣе прежняго приблизила Остермана къ царскому семейству. Младенецъ былъ недолговѣченъ, 1-го мая 1723 года онъ скончался въ Петербургѣ, куда переѣхала супруга Остермана вмѣстѣ съ дворомъ, по возвращеніи государя изъ дербентскаго похода. Около года времени Остерманъ провелъ безотлучно со своею молодою женою.

Марфа Ивановна любила своего мужа безгранично. Не нуждаясь большаго свѣта, она тѣмъ болѣе предпочитала ему свой тихій, домашній уголокъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ ежегодно дарила своего мужа потомствомъ. 21-го марта 1723 года у нихъ родился сынъ Ѳедоръ, 1-го апрѣля воспринятый отъ купели царевною Анною Петровною. На слѣдующій годъ они были обрадованы рожденіемъ дочери, а въ 1725 году — сына Ивана.

О домашнемъ бытѣ Остермана и его отношеніяхъ къ женѣ сохранилось нѣсколько сказаній современниковъ, далеко не сочувственныхъ. Леди Рондо, обвиняя Остермана въ равнодушіи къ женщинамъ, говоритъ, что онъ называлъ ихъ «дорогими игрушками». Но, вѣроятно, онъ отзывался такъ о женщинахъ именно потому, что не хотѣлъ знать иныхъ, кромѣ своей жены. Послѣднюю Манштейнъ называетъ почему-то «однимъ изъ самыхъ злыхъ созданій, существовавшихъ на землѣ». Порокомъ, свойственнымъ супругамъ Остерманъ, была излишняя разсчетливость, близко граничившая со скупостью. Жена была не великая охотница до нарядовъ, мужъ — и того менѣе: его пренебреженіе къ щегольскимъ одеждамъ доходило до неряшливости, ославленной, не безъ преувеличенія, всѣми біографами Остермана. Но не любя щегольства, Андрей Ивановичъ не отказывалъ себѣ въ лакомомъ кускѣ, любилъ хорошо покушать, а при случаѣ и выпить; послѣднее всегда въ предѣлахъ благоразумія. Никто и никогда не видалъ его хмѣльнымъ. Нѣкоторые біографы утверждаютъ, что онъ истрачивалъ на свой столъ двѣ трети ежегоднаго своего дохода. По словамъ князя М. М. Щербатова, онъ одинъ изъ первыхъ держалъ у себя открытый столъ, «хотя впрочемъ, весьма умѣренно жилъ». По другимъ сказаніямъ, Остерманъ, приглашаемый куда либо на обѣды, имѣлъ обыкновеніе брать съ собою для прислуживанія ему за столомъ собственнаго лакея, привозя съ собою и свое вино.

Но, что̀ бы ни говорили современники, и въ особенности Манштейнъ, о неряшливости въ домѣ Остермана, о нечистотѣ его серебряной посуды, до того тусклой, что она казалась оловянною, наконецъ, о его дворнѣ, постоянно грязной и оборванной, — нельзя этому вѣрить безусловно. Марѳа Ивановна вела свой домъ исправно и заботливо, входя во всѣ хозяйственныя мелочи. Домовитая и экономная въ молодыхъ лѣтахъ, она дѣлалась расчетливѣе, можетъ

быть, и скупѣе по мѣрѣ своего приближенія къ зрѣлому возрасту. Но и этотъ недостатокъ, въ сравненіи съ мотовствомъ и нерадивостью большинства знатныхъ барынь того времени, нельзя вмѣнить во грѣхъ. Читателю, можетъ быть, покажется страннымъ наше желаніе представить домашній и семейный бытъ Остермана въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, нежели въ каковомъ его изображаютъ намъ современники знаменитаго дипломата. Насъ подкупаютъ печатаемыя ниже письма его жены, въ которыхъ такъ безъискусственно, такъ простодушно высказывается русская помѣщица былыхъ временъ. Она тоскуетъ въ разлукѣ со своимъ «батюшкою» Андреемъ Ивановичемъ; высказываетъ опасеніе за его здоровье, успокаиваетъ на счетъ своего, — хотя и находится въ послѣднемъ періодѣ беременности... И въ то же время сообщаетъ ему о дѣлахъ хозяйственныхъ, заботится о варкѣ пива, о провизіи и т. п. Ни тѣни боярской безпечности, праздности, или чванства; совѣстливый отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ, въ каждой мимолетной мысли. «Злая» женщина не могла написать подобныхъ писемъ; въ каждой строкѣ мы видимъ добрую жену и добрую хозяйку.

Въ половинѣ февраля 1724 года, государю Петру Алексѣевичу угодно было отправиться въ Москву на коронацію своей супруги. Въ предстоявшихъ торжествахъ барону Андрею Ивановичу было намѣчено занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Его пребываніе въ Москвѣ продолжалось до іюня мѣсяца. Въ день коронованія императрицы, 7 мая, князь Димитрій Голицынъ и баронъ Андрей Остерманъ несли императорскую мантію; когда же коронованная Екатерина возсѣдала на престолѣ, Остерманъ, по выраженію Петра великаго, стоялъ при немъ, «какъ стражъ».

Весело было въ Москвѣ, куда собрался весь дворъ, гдѣ торжества смѣнялись торжествами; но тоскливо было въ Петербургѣ, изъ котораго повыѣхали всѣ вельможи съ женами и чадами, въ которомъ оставалась по необходимости баронеса Мароа Ивановна. Ненастная весенняя пора только усиливала ея тоску по отсутствующему мужу. Въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ этой досадной разлуки, она написала Андрею Ивановичу слѣдующія письма:

I.

Изъ Санктпетербурга марта 2.

«Батюшка мой дорогой, любимый мой другъ Андрей Ивановичъ! я въ мыслѣхъ моихъ цалую ручки и ножки и дорогую любимую шейку твою и прошу Бога чтобъ далъ мнѣ тебя видѣть поскорѣе и въ добромъ здоровьи, а тебя прошу пожалуй мой любимой другъ по всякой возможности стараться, чтобъ ты былъ здоровъ и чтобъ не было такъ какъ въ Ригѣ и въ Ревелѣ, уже меня наше разлученье и твое слабое здоровье настращало, по куль не увижу тебя, моя радость, то мнѣ кажется, что ты все нездоровъ, я чаю, что мой другъ сегодни или вчера пріѣхалъ въ Москву, я прошу тебя, свѣтъ мой, пожалуй отпиши

ко мнѣ все-ли ты, мой другъ, въ дорогѣ былъ здоровъ и получилъ-ли ты мои прежнія письма два которыя я тебѣ писала.

«Благодарствую, мой батюшка дорогой, за милостивыя твои писанія, которыя я получила изъ Новгорода, также и посланные для меня гостинцы новогородскіе, а особливо благодарствую мой любезный другъ, что ты меня бѣдную любишь и помнишь, я надѣюсь, что и впредь также содержишь въ своей милости, а я тебя до смерти своей любить и почитать буду; я вчера была у брата твоего; было ему худо отъ болѣзни и я его многократно просила, чтобъ онъ послалъ по дохтура Захарья, онъ хотя не хотѣлъ, однако-жъ по многимъ моимъ словамъ послалъ и сегодня слава Богу гораздо лучше ему вчерашняго стало; ты, мой батюшка, пожалуй не печалься, ты какъ здравіи своемъ не крѣпокъ и не мнѣ мой любимый другъ не печалься, я слава Богу и сынъ нашъ здоровы.

«Я вчера принуждена была обѣдать у Сенявина [1]), была у него жена именинница и я теперь къ тебѣ не могу много писать, для того, что не знала, что такъ скоро почта пойдетъ; сего часу прислали ко мнѣ сказать почтмейстера только дано.... (знать?) что еще обозъ нашъ не пріѣхалъ и изъ деревни нашей не бывали, я 4-й день послала Василья онъ еще не бывалъ, пива варить сегодня начали; отпиши, мой батюшка, сколько варъ варить, мнѣ кажется, что 5 варъ варить надо англинскаго полпива, велю 2 четверти сварить, обо всемъ стану писать къ тебѣ въ четвергъ [2]), а теперь ни коли успѣть, опасаюсь чтобъ почта не ушла; пожалуй мой другъ, скажи отъ меня матушкѣ моей, чтобъ не прогнѣвалась на меня, что я къ ней не писала сегодни, истинно не успѣла.

«Любимой мой другъ дорогой батюшка Андрей Ивановичъ, живи весело и будь здоровъ и меня, бѣдную, люби всегда и я тебя до смерти буду любить вѣрная твоя Мареутченка Остерманова».

II.

(Отъ 5 марта?)

«Любимой мой другъ дорогой Андрей Ивановичъ!

«Прошу у тебя ради Бога пожалуй не печалься по мнѣ, я и сынъ нашъ слава Богу здоровы, послушай мой батюшка дорогой, ежели ты меня любишь, то пожалѣй своего здоровья не печалься ни о чемъ.

«Я сегодня къ брату твоему посылала, сказывалъ онъ въ опасномъ-же здоровьи своемъ каковъ былъ вчера.

«Пожалуй, мой батюшка, будь здоровъ любимой мой другъ Андрей Ивановичъ, я въ мысляхъ цѣлую ножки твои и любимую шейку твою, бѣдная твоя Мареутченка Остерманова.

III.

(Во второй половинѣ поста?)

«Батюшка мой дорогой Андрей Ивановичъ!

«Доношу тебѣ по приказу твоему, я людямъ деньги годовые и мѣсячные всѣмъ раздала; Синявинъ сказалъ, что у него погребъ очень великъ, льду въ него надобно 70 или 80 сажень и притомъ сказалъ, что можно намъ вмѣстѣ съ

---

[1]) Ульянъ Акимовичъ, генералъ-маіоръ, оберъ-коммиссаръ и директоръ надъ строеніями († 1740) жена его Евдокія Алексѣевна N. N. (Русск. род. кн. 1873 г., стр. 291).

[2]) 2 марта 1724 г. приходилось въ понедѣльникъ, слѣдовательно жена Остермана намѣревалась писать 5 марта.

ними поставить въ одинъ погребъ, я приказала такъ сдѣлать и когда намъ будетъ потребно можемъ у нихъ взять бочку и поставимъ у себя, а я нынѣ одну варю, велю у насъ погребъ поставить, ледъ начали колоть по 2 алтына за сажень, а сколько потребно про то не знаю, буду впредь писать; солоду цѣны онъ не сказывалъ, пиво наняли варить у пѣвчаго Бѣляева, просилъ по три рубли за сажень за дрова, одному пивовару 7 гривенъ за котелъ, а я дрова на пиво купила 4 сажени по 2 рубли по 4 гривны сажень; отъ Синявина 10 сажень дровъ я взяла, отъ Павла Ивановича ничего не дали дровъ, хмѣлю купила 3 пуда по полтора рубли съ гривною пудъ, рожь которая у насъ есть Ульянъ Яковлевичъ обѣщалъ послать на мельницу молоть, какъ пошлю и что надлежитъ заплатить, о томъ стану къ тебѣ писать, мнѣ кажется, что лучше на мельницѣ нанять, нежели на нашихъ жерноваxъ молоть, у насъ больше растеряютъ и хуже смѣлютъ, мнѣ кажется, что у Меера не надобно брать, можемъ довольны быть и такъ, лошадей еще не послала, они (?) говорятъ, что дожидаемся подводъ изъ деревни, съ ними пошлютъ, солодъ который у насъ есть, ты приказалъ продавать и оной солодъ гораздо дешевѣетъ... мнѣ сказывалъ нашъ ключникъ, что оной солодъ годится людямъ на квасъ и ежели его продать вмѣсто того развѣ покупать, мнѣ кажется не замать нежели дешево продать, медъ которой у насъ есть даютъ за него 40 алтынъ съ гривною за пудъ, я велю продать, чѣмъ напрасно пропасть, которой привозной будетъ изъ того велю нѣсколько сварить.

«Отпиши мой батюшка ко мнѣ по сему, что тебѣ угодно и что не угодно, я такъ стану дѣлать что могу по твоему приказу.

«Прошу тебя мой любимой другъ, когда изволишь посылать ко мнѣ ключникову жену, изволь мой батюшка приказать дѣвку маленькую въ деревнѣ пріискать и съ нею прислать, оная потребна дѣвка будетъ къ сыну нашему, когда отпустимъ кормилицу, мамѣ одной нельзя усмотрѣть, ежели будетъ дѣвка хороша, то мама можетъ ее учить, что надлежитъ ей дѣлать, изволь мой батюшка прикащика спросить для чего они не послали къ намъ суконъ и панитку и толстыхъ холстовъ, если возможно ковши прислать, также и мыла, котелъ, которой остался въ Москвѣ худой, что привезенъ былъ изъ Степановскаго, прикажи мой батюшка изъ половины сдѣлать купель, которую ты изволилъ обѣщать въ Степановское, а съ другой половины сдѣлать тазовъ: 4 таза на обѣ стороны луженыхъ, 3 таза простыхъ, чтобъ не очень велики были, одинъ другаго меньше.

«Изъ деревни нашей пріѣхали третій день, привезли 2 бочки овса, я велѣла возить имъ сѣна и ледъ на погребъ.

«Обозъ нашъ сего часу пріѣхалъ, только что однѣ птицы, а другаго ничего нѣтъ, сказалъ мужикъ который пріѣхалъ съ птицами, что дорога до Твери очень худа, наемщики больше (дальше?) не поѣхали и запасъ весь сложили, еще сказалъ, будто нанималъ ихъ, что ежели можно ѣхать будетъ зимнимъ путемъ то-бы они ѣхали, а ежели худо будетъ, то-бы не ѣхали до весны и привесть-бы онымъ наемщикамъ водою, затѣмъ они больше ѣхать не хотѣли. Отъ птицъ только сказываютъ умеръ 1 гусь, 2 утки, 1 курица, индѣйка, я теперь просила брата твоего, чтобъ онъ приказалъ своей бабѣ за ними смотрѣть.

IV.

«Любезной мой другъ дорогой батюшка Андрей Ивановичъ!

«Отъ всего моего сердца желаю тебѣ моему дорогому многихъ лѣтъ и добраго здравія, я тебѣ (sic) поздравляла со вчерашнимъ торжественнымъ праздни-

комъ [1]) въ двухъ моихъ письмахъ и нынѣ еще повторяю, здравствуй мой батюшка дорогой и дай Богъ многія лѣта тебѣ, моему другу жить въ добромъ здоровьѣ и въ радости, и мнѣ-бъ тебя любимаго своего друга видѣть по скорѣе, а я благодарю Бога, что сей праздникъ прошелъ, я бы желала чтобъ вся недѣля прошла по скорѣе для того, что мнѣ пуще въ праздникъ томно и скучаю, самъ ты, мой другъ, можешь разсудить есть-ли мнѣ причина тужить въ праздникъ такой великой, всѣ веселятся въ домѣхъ своихъ со своими мужьями, также со своими сродниками, а я бѣдная теперь одна, была я вчера у обѣдни, сколько могла крѣпилась, чтобы въ такой великой день не плакать, только не могла укрѣпить слезы, сами пошли, когда я поѣхала отъ церкви подумала, что сегодня великой праздникъ, я пріѣду домой, кто меня встрѣтитъ, кто меня ласковымъ словомъ утѣшитъ, кто обо мнѣ попеченье имѣетъ, когда ты мой другъ при мнѣ былъ, я пріѣду домой, ты меня встрѣтишь [2]) съ пріятностью, милостивыми словами и имѣешь о мнѣ попеченіе. «Мареутка, что тебѣ сегодня ѣсть и чтобъ тебѣ было угодно?» нынѣ кто обо мнѣ такъ имѣетъ попеченіе, когда я сіе все стану думать, какъ я могу, бѣдная, не плакать, хоть я надѣюсь на Бога, что онъ дастъ тебѣ, моему другу здоровье и дастъ мнѣ тебя видѣть и ты меня содержишь въ неотмѣнной своей милости, однако-жъ не могу вѣрить, что такъ моего милаго друга скоро видѣть; вчера у меня послѣ обѣда былъ Семенъ Ивановичъ съ женою, я просила ихъ, чтобъ они обѣдали у меня, они сказали, что у нихъ дѣти дома желаютъ быть съ ними, обѣдать еще пришелъ Шубертъ поздравствовать, я его удержала обѣдать, обѣдали у меня Шубертъ и наша мама [3]) и я, и это первый разъ, что я безъ тебя обѣдала въ средней горницѣ, послѣ обѣда дѣлать нечего, сидѣть не съ кѣмъ, я, бѣдненькая посидѣла маленько съ Федюшею [4]) онъ ничего не смыслитъ, пришла къ себѣ и легла на постель, не вставала до вечеренъ, послѣ пріѣхалъ Сенявинъ и жена его, ради ихъ встала съ постели и сидѣла съ ними.

«Благодарствую мой батюшка за твои милостивыя письма, которое писано отъ тебя марта 27 числа я получила апрѣля 3-го дня и впредь прошу, пожалуй мой другъ, какъ возможно пиши, у меня только и радости, что твои милостивыя письма, особливо благодарю за присланныя отъ тебя плетешки и Федяша нашъ благодаритъ за нихъ и ему потребны.

V.

Изъ С.-Пб. апрѣля 6 дня.

«Изволишь ты мой батюшка ко мнѣ писать о бабушкѣ, ѣздитъ-ли она ко мнѣ часто? Она послѣ тебя у меня только 1 разъ была съ Фельтеновою женою [5]), говоритъ, что ей часто ѣздить нельзя, что много у ней рожаницъ, когда мнѣ будетъ потребно чтобъ я по нее прислала, ты мой батюшка вѣдаешь самъ, что она живетъ за рѣкою, а ежели мнѣ потребно будетъ ночью, когда мнѣ по нее

---

[1]) Свѣтлаго Христова воскресенія: въ 1724 году оно было 5 апрѣля; въ этотъ-же день вскрылась Нева.

[2]) Доказательство, что Остерманъ не переходилъ въ православіе, такъ какъ жена его одна ѣздила въ церковь къ заутрени Свѣтлаго Воскресенія.

[3]) Домоправительница или «барская барыня» въ семействѣ Остермана, но, разумѣется не мать его супруги.

[4]) Сыну Остермана былъ тогда годъ и двѣ недѣли отъ роду.

[5]) Фельтенъ былъ обер-кухмистеромъ Петра Великаго. Одна изъ его дочерей была за академикомъ Таубертомъ, другая за царскимъ деньщикомъ Древникомъ.

посылать? у насъ рѣка до сего времени стояла, а нынѣ я чаю, въ сихъ дняхъ, пройдетъ, а по нее пошлю и стану ее просить, чтобъ она у меня жила, ежели при послѣднихъ дняхъ она у меня не станетъ жить, я не знаю какъ мнѣ быть, что никого у меня нѣтъ, только надежда моя на Бога, что онъ изволитъ дать ли мнѣ тебя, моего друга, видѣть и въ какомъ состояніи ты меня застанешь; до сего времени, слава Богу, здорова, а впредь что Богъ изволитъ...

«Я Фельтенову просила о кормилицѣ, она указала на бабушку, что она можетъ сыскать, та разсмѣялась только: «добре, я буду посмотрѣть». Послѣ того она у меня не была, я не знаю какова бабушка при своемъ дѣлѣ будетъ, только на словахъ показывается гораздо спѣсива, не такова что мать. Только я тебя прошу, мой любимой другъ, ты обо мнѣ не печалься, я слава Богу, до сего времени, хотя мнѣ не безъ тягости было, однако-жъ, благодарю Бога, не гораздо больна; я тебѣ объявляю, что вчера у обѣдни была я, потому можешь разумѣть, что еще не больна, коли могу ѣздить со двора, пуще мнѣ всего, ты-бы мой другъ былъ здоровъ.

«Я тебѣ мой другъ доношу, что ты обо мнѣ не думай и прежде мая мѣсяца отъ меня новой вѣдомости получить не можешь, однако-же я тебя мой батюшка нынѣ прошу, пожалуй отпиши ко мнѣ ежели Богъ совершитъ свою милость, дастъ мнѣ животъ и ребенокъ родится живъ, сынъ или дочь, какъ ты, свѣтъ мой, прикажешь дать ему имя и кому его крестить? хотя онъ здоровъ будетъ однако жъ лучше поскорѣе крестить и безъ всякихъ чиновъ, когда ты, мой батюшка, пріѣдешь съ дороги, и еще тебѣ тутъ будетъ много труда, мнѣ тебя жаль, что и такъ тебѣ довольно труда; Богу единому извѣстно, каково мнѣ твое здоровье потребно и каковъ ты мнѣ милъ нынѣ въ какомъ я состояніи обрѣтаюсь; однако-жъ ради тебя желаю себѣ живота, хотя-бы и умерла только-бы при твоихъ глазахъ и въ твоихъ дорогихъ рукахъ. Батюшка мой дорогой Андрей Ивановичъ, Федюша нашъ проситъ отъ тебя благословеніе, а я мыслями своими цалую всѣ пальчики и прошу Бога, чтобъ тебя видѣть по скорѣе, а ты меня содержи въ милости своей, я до смерти моей пребуду вѣрный твой юнченка (sic) которой только любя тебя хочетъ жить на свѣтѣ. Марѳутченка Остерманова».

Черезъ шестнадцать дней послѣ этого письма, Марѳа Ивановна разрѣшилась отъ бремени дочерью, о рожденіи которой въ библіи Остермана находится слѣдующая помѣтка:

«1724 г. апр. 22 род. въ Петербургѣ, по утру въ третьемъ часу, въ мое отсутствіе дочь Анна, которая воспріята отъ св. крещенія бригадиромъ и лейб-гвардіи маіоромъ Ив. Мих. Лихаревымъ и графинею Настасіею Ермолаевною Матвѣевою» [1]).

Занося на листки своей библіи единственно событія семейныя, Остерманъ подъ 1725 годомъ отмѣтилъ еще два числа, особенно ему достопамятныя:

«1725 генв. 28, въ пятомъ часу по утру, скончался Петръ Великій государь императоръ всероссійскій».

«Апр. 25 по утру, между 4 и 5 часомъ, род. сынъ Иванъ и 29 числа того же мѣсяца крещенъ. Воспріемниками были братъ

---

[1]) Супругою графа Андрея Артамоновича (род. 15 авг. 1666 † 16 сент. 1728).

мой мекленбургскій тайный совѣтникъ и министръ при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ баронъ Иванъ-Христофоръ фонъ-Остерманъ, генералъ-лейтенантъ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка маіоръ Лихаревъ, теща моя Наталія Львовна Стрешнева и генералъ-маіорша Авдотья Алексѣевна Сенявина».

Перечисленіе наградъ и повышеній Остермана, въ періодъ времени съ 1725 по 1741 годъ, отвлекло бы насъ отъ главнаго предмета нашей статьи — обзора его отношеній семейныхъ, замѣтимъ только, что въ декабрѣ 1725 года супруга его была пожалована въ статсъ-дамы императрицы [1]).

При несчастной правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, Остерманъ, какъ извѣстно, былъ кабинетъ-министромъ, сенаторомъ, генералъ-адмираломъ, графомъ, кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Сыновья его, въ чинахъ капитановъ гвардіи, имѣли александровскія ленты. Нѣжный и заботливый отецъ, графъ Остерманъ, при содѣйствіи своего секретаря Гросса, далъ имъ превосходное воспитаніе; руки его дочери, графини Анны Андреевны, искали молодые люди знатнѣйшихъ фамилій.

Въ теченіи почти двадцати лѣтъ, свидѣтель и отчасти пособникъ паденій Шафирова, Меншикова, Долгорукихъ, наконецъ, могущественнѣйшаго изъ всѣхъ этихъ временщиковъ — Бирона, графъ Андрей Ивановичъ предугадывалъ свое неминуемое паденіе и сопряженный съ нимъ государственный переворотъ. Простоватая, недальновидная и ребячески довѣрчивая правительница Анна Леопольдовна смѣялась надъ опасеніями Остермана. За два дня до сверженія принцессы, Остерманъ предостерегалъ ее, совѣтуя принять рѣшительныя мѣры противъ заговора приверженцевъ Елизаветы; но правительница, не слушая его, показывала ему новую кружевную рубашку своего сына.

Заговоръ созрѣвалъ подъ лучами любви войскъ и народа къ дочери Петра и жгучей ненависти къ нѣмецкой партіи. Въ ночь съ 24 на 25 ноября, у графа Головкина былъ балъ по случаю имянинъ его супруги, хотя онъ самъ хворалъ подагрою, точно такъ же, какъ и Остерманъ. На утро вся столица привѣтствовала восшествіе Елизаветы Петровны на престолъ. Начались аресты. Графы Остерманъ, Головкинъ, Минихъ, Левенвольде, баронъ Менгденъ и его сестры, генералы Стрѣшневъ, Альбрехтъ, Тимирязевъ, захваченные у себя въ домахъ, были подъ крѣпкимъ карауломъ отправлены въ Петропавловскую крѣпость; бумаги ихъ были опечатаны, на имущества — движимыя и недвижимыя — наложенъ секвестръ. На первыхъ порахъ не отдѣляли правыхъ отъ виноватыхъ и общее

---

[1]) Такъ показано у Карабанова («Русск. Стар.» 1870 г. томъ II, стр. 456). У А. Терещенко въ 1730 (стр. 101) въ запискахъ герцога де-Лирія («Русск. Стар.» 1873 г. томъ VIII, стр. 38) подъ 8 числомъ мая (22 апрѣля) того-же года.

число арестованыхъ по распоряженію новаго правительства простиралось до сорока лицъ обоего пола, изъ которыхъ восемнадцать причастныхъ только дѣлу Остермана: то были его жена, дѣти, секретари его Кэръ, Гроссъ и нѣкоторые изъ чиновниковъ и служителей. Впрочемъ, многіе изъ послѣднихъ были вскорѣ освобождены.

Графъ Остерманъ, пораженный несчастіемъ, заболѣлъ на столько опасно, что врачи не ручались за продолженіе его жизни до произнесенія приговора. Нѣмецкій біографъ его говоритъ [1]): — «У него была рана на ногѣ, которая во время заключенія, не безъ умысла съ его стороны, или просто по неосмотрительности, доподлинно сказать не могу, до того разболѣлась, что перешла въ раковидную, или скорѣе гангренозную, и всѣ доктора рѣшили, что ему жить не долго. Поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы изъ крѣпости его перенесть въ Зимній дворецъ, гдѣ приложены были самыя заботливыя о немъ попеченія и уходъ. Императрица Елизавета приказала не только встрѣтить его ласково и заботиться о его здоровьи, но, какъ говорятъ, сказала при этомъ: «что ей жаль такъ жестоко поступать съ столь знаменитымъ старцемъ, но того требуетъ справедливость».

Особая коммиссія, назначенная для изслѣдованія преступленій сановниковъ, состояла изъ пяти членовъ; то были: графъ Ушаковъ, князь Трубецкой, генералъ Левашовъ, князь Куракинъ и тайный совѣтникъ Нарышкинъ.

Не смотря на гуманное изрѣченіе Елизаветы, что подчиненные не отвѣтчики за своихъ начальниковъ, — графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ и князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, эти ученики Преображенскаго приказа и дилеттанты Бироновскихъ застѣнковъ, съумѣли при допросахъ на столько припугнуть несчастнаго Гросса, что 1 января 1742 года онъ застрѣлился! Въ оставленной имъ запискѣ онъ написалъ только: «Пожертвованіе моею жизнію есть самая малая мною испытанная потеря» [2]). Черезъ два дня графъ Остерманъ писалъ старшему своему брату: «Желая вамъ отъ всего сердца всевозможнаго счастія и благополучія на всю вашу остальную жизнь, симъ навсегда прощаюсь съ вами и прошу васъ присоединить ваши молитвы къ моимъ, да отпуститъ Всевышній всѣ мои прегрѣшенія» [3]). Графъ ожидалъ близкой смерти отъ болѣзни, или на эшафотѣ, къ которому его вели прямымъ путемъ допросы пристрастныхъ судей. Ихъ приговоръ былъ достоинъ не только временъ усмиренія стрѣлецкихъ мятежей, но пожалуй и кровавой эпохи Грознаго. Остерманъ былъ присужденъ къ колесованію жи-

---

[1]) Merckwürdiges Leben. стр. 279 — 280 и 140 — 141.
[2]) Merckwürdiges Leben, стр. 140 — 141.
[3]) Тамъ-же стр. 279.

вымъ, Минихъ къ четвертованію, Головкинъ, Левенвольде, Менгденъ, Стрѣшневъ и Темирязевъ — къ отсѣченію головъ.

День казни былъ назначенъ на 18 января 1742 года. Къ эшафоту, воздвигнутому на Васильевскомъ островѣ, передъ зданіемъ двѣнадцати коллегій (на мѣстѣ нынѣшняго биржеваго сквера), потянулся изъ крѣпости рядъ простыхъ крестьянскихъ саней съ государственными преступниками. Первымъ везли Остермана, въ шубѣ, тепломъ шлафрокѣ и въ колпакѣ; за нимъ Минихъ, который ради какого то мелодраматическаго эффекта облачился въ красный, военный плащъ, въ которомъ совершалъ походы въ Данцигъ и къ Очакову. Шесть тысячъ гвардейскихъ солдатъ и массы народа окружали эшафотъ. Осмермана внесли на него на носилкахъ и посадили на стулъ, потомъ сняли со старика колпакъ и парикъ. Съ развѣвающимися клочьями сѣдыхъ волосъ, морщась отъ боли въ ногахъ, но совершенно спокойно, графъ выслушалъ чтеніе приговора. Біографы удивляются его хладнокровію, но причиною таковому была, конечно, твердая увѣренность въ милосердіи императрицы, которая въ самую ночь восшествія своего на престолъ, предъ иконою Спасителя, дала клятву никого не казнить смертію. Эта клятва, безъ сомнѣнія, была не безъизвѣстна Остерману. Съ тѣмъ же спокойствіемъ онъ, снятый со стула и опущенный на колѣна на помостъ, положилъ голову на плаху. Палачъ оправилъ воротъ сорочки, поднялъ топоръ и мгновенно отвелъ его въ сторону и опустилъ на помостъ при словѣ: прощеніе. Императрица замѣнила смертную казнь пожизненною ссылкою для всѣхъ осужденныхъ. Удѣломъ Остермана былъ назначенъ Березовъ, — могила Меншикова и его несчастной дочери, бывшей царской невѣсты. Вѣсть о своемъ помилованіи Остерманъ выслушалъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ и чтеніе приговора. Тихимъ, ровнымъ голосомъ онъ спросилъ свой парикъ и колпакъ, застегнулъ воротъ сорочки, надѣлъ шубу. До окончанія безкровной экзекуціи своихъ сотоварищей онъ оставался на помостѣ эшафота; затѣмъ былъ отвезенъ въ крѣпостную казарму, гдѣ былъ встрѣченъ своею доброю и вѣрною Марѳою Ивановною. Она не могла раздѣлить съ мужемъ смертной чаши, въ случаѣ его казни; но съ радостью готовилась сопровождать его въ далекое изгнаніе. Къ чести женъ всѣхъ ссыльныхъ онѣ сопровождали своихъ мужей и въ Сибирь, и въ отдаленныя захолустья Россіи... «Жены осужденныхъ», говоритъ Манштейнъ [1]), «получили позволеніе поселиться въ своихъ помѣстьяхъ и не слѣдовать за мужьями въ ссылку; но ни одна изъ нихъ не захотѣла воспользоваться этою милостью».

Не умаляя достоинствъ и геройства женъ «декабристовъ», раз-

[1]) «Записки» изд. 1875 г., стр. 237.

дѣлившихъ съ ними ссылку въ 1826 году, мы позволимъ себѣ только замѣтить, что за 84 года передъ тѣмъ обстановка ссыльныхъ была совершенно иная, а графинѣ Марѳѣ Ивановнѣ Остерманъ было уже сорокъ четыре года отъ рожденія, мужу ея 56 лѣтъ, это былъ больной, полуразслабленный подагрикъ, требовавшій ухода и неустанныхъ попеченій...

Въ силу высочайшаго повелѣнія, чтобы утренняя заря не застала изгнанниковъ въ столицѣ, Остерманъ и супруга его, въ самыя сумерки 18 января 1742 года, снаряжаемы были въ дальній путь. Распоряженіе по отправкамъ ссыльныхъ возложено было на князя Якова Петровича Шаховскаго.

«По вступленіи моемъ въ казарму», разсказываетъ онъ въ своихъ «Запискахъ» [1]), «увидѣлъ я онаго, бывшаго кабинетъ-министра графа Остермана, лежащаго и громко стенящаго, жалуясь на подагру, который при первомъ взорѣ встрѣтилъ меня своимъ краснорѣчіемъ, изъявляя сожалѣніе о преступленіи своемъ и прогнѣвленіи нашей всемилостивѣйшей монархини, кое здѣсь я подробно описывать за излишнее почелъ; наконецъ просилъ онъ, чтобъ я представилъ ея величеству о милостивомъ и великодушномъ покровительствѣ дѣтей его [2]); а какъ я имѣлъ повелѣніе, чтобы всѣ говоренныя при отправкахъ онымъ арестантовъ рѣчи записывать и представить ея величеству, то приказалъ стоящему близъ меня для такихъ записокъ опредѣленному все то записать, а ему, бывшему графу Остерману, объявилъ, что оное отъ меня, куда надлежитъ, представлено будетъ. Потомъ, объявивъ ему высочайшій ея величества указъ, каковой каждому изъ нихъ при отправленіи объявлять было повелѣно, приказалъ офицеру опредѣленному къ его отвозу, чтобы его команды солдаты сего несчастнаго поднявъ съ постели отнесли и бережно положили въ сани, такъ какъ и все съ нимъ подлежащее отправилъ и велѣлъ оному офицеру въ пристойномъ порядкѣ совсѣмъ въ свой путь ѣхать; о женѣ-жъ его, при семъ случаѣ находившейся, кромѣ слезъ и горестнаго стенанія описывать не имѣю».

Имущества ссыльныхъ, въ томъ числѣ и Остермана, были конфискованы; всѣ ихъ брилліанты и драгоцѣнности вообще отобраны

[1]) Изданіе второе 1821 г. Часть первая, стр. 72 — 73.

[2]) Сыновья Остермана были капитанами гвардіи и александровскими кавалерами. Лишенные ордена, они были переведены тѣмъ-же чиномъ въ армію. Опала надъ ними была непродолжительна. Графъ Ѳедоръ Андреевичъ († 10 ноября 1804 г.) въ царствованіе Екатерины II былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ; графъ Иванъ Андреевичъ († 19 апрѣля 1811 г.) государственнымъ канцлеромъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. За пресѣченіемъ прямаго потомства графовъ Остермановъ, ихъ фамилія была присоединена къ фамиліи Толстыхъ, потомковъ дочери графа Андрея Ивановича.

въ казну. Однако же, каждому, съ женою, выданы были одежда, бѣлье, столовые приборы, посуда и т. п. въ количествѣ, которое для ссыльныхъ признавали достаточнымъ. Приводимъ списокъ гардероба и всего хозяйства, дозволенныхъ Остерману и женѣ его къ отвозу съ собою въ Березовъ:

Реэстръ сколько чего съ бывшимъ графомъ Остерманомъ и женою его принято:

Образъ Богоматери «Неопалимыя купины», безъ окладу.

Складни маленькіе рѣзные изъ кипарису, безъ окладу.

Образъ на маленькой доскѣ «семи отроковъ спящихъ» въ окладѣ серебряномъ и позолоченомъ.

Мощи святыя въ ковчегѣ серебряномъ позолоченомъ.

Образъ «Успѣнія Богоматери» на маленькой доскѣ.

Библія на нѣмецкомъ языкѣ; молитвенниковъ два, псалтырь слѣдовательная маленькая.

Казакинъ изарбатной голубой на подкладкѣ выбойчатой.

Двѣ пары платья черныя, одинъ гарнитуромъ подбитъ, а другой стамедомъ поношеный.

Кафтанъ съ камзоломъ нарциковые, шелкъ съ серебромъ клѣтчатые, пуговицы серебряныя, штаны такія-жъ.

Суртукъ парчевой на песцовомъ мѣху съ позументомъ и съ пуговицами золочеными.

Четверы штаны суконные, одни коричневые, двои дымчатые поношеные, четвертые черные.

Епанча исподняя голубая стеганая атласная.

Юпка атласная жаркая, стеганая, подложенная стаметомъ.

Юпка изарбатная исподняя подложена выбойкой.

Юпка черная грезетова верхняя.

Юпка гарнитуровая зеленая съ позументомъ серебрянымъ.

Юпка штофная черная верхняя.

Юпка гарнитуровая, померанцевая.

Юпка гарнитуровая гижевая.

Шлафоръ свистуновой зеленой.

Шлафоръ камчатной, головой, сѣро-горючевой.

Шлафоръ камчатной юловой фіолетовой.

Шлафоръ гарнитуровой, померанцевой.

Балахонъ желтой, атласной, стеганой на подкладкѣ голубой.

Балахонъ камчатной синій на подкладкѣ.

Балахонъ камчатной фіолетовой.

Балахонъ грезетовой черной.

Балахонъ атласной жаркой на подкладкѣ.

Балахонъ штофной черной.

Двѣнадцать паръ чулковъ женскихъ шелковыхъ и гарусные разныхъ цвѣтовъ поношеные.

Двѣ пары черевикъ штофныхъ поношеные.

Пара черевикъ шиты серебромъ.

Восемь скатертей новыхъ.

Четыре скатерти подержаныя, поровнѣе.

есть дюжинъ салфетокъ въ томъ числѣ четыре дюжины одного сорта, а двѣ дюжины разныхъ.

Двѣ дюжины простынь холстинныхъ тонкихъ.

Восемнадцать наволокъ подушечныхъ, холстинныхъ тонкихъ, въ томъ числѣ четыре малыя.

Двадцать одна рубаха мужскихъ голландскаго полотна.

Двѣ дюжины женскихъ рубахъ тонкихъ.

Шесть галстуховъ кисейныхъ.

Пять платковъ бумажныхъ карманныхъ.

Шесть косынокъ полотняныхъ.

Два корсета черные атласные на байкѣ бѣлой.

Дюжина ложекъ серебряныхъ.

Дюжина ножиковъ съ вилки въ футлярѣ.

Посуды столовой оловянной:

Дюжина блюдъ большихъ и малыхъ.

Тарелокъ три дюжины.

Шесть кастрюлекъ мѣдныхъ большихъ и малыхъ.

Три котла мѣдныхъ съ крышками.

Двѣ пары шандаловъ мѣдныхъ.

Чайникъ съ камфоромъ мѣдный.

Три таза мѣдные.

Чайникъ мѣдный большой.

Чайникъ мѣдной маленькой.

Маленькой котликъ мѣдной съ ручкою.

Иготь мѣдная съ листомъ.

Горшечикъ мѣдной съ крышкою.

Сковородка мѣдная съ крышкою.

Кувшинчикъ мѣдной маленькой.

Чашка оловянная, маленькая съ ручкою.

Горшечикъ оловянной маленькой съ крышкою.

Двѣ сковороды желѣзныя.

Перина пуховая и съ подушками и съ одѣялами и пуховичокъ маленькой съ подушкою.

Шуба полосная (?) женская, желтая, тафтяная на бѣльемъ мѣху.

Епанечка черная гарнитуровая на лисьемъ мѣху.

Одѣяло полосатое атласное на байкѣ.

Одѣяло байковое.

Одѣяло синее камчатное на заячьемъ мѣху.

Ящикъ оклеенъ въ кожѣ въ которомъ имѣеть быть 22 сткляночки съ разными медикаментами.

Прибывшіе съ ними возокъ обить кожею, а внутри обить холстомъ бѣлымъ; сани обиты верхъ кожею, а внутри краснымъ сукномъ; двои сани обшивны.

При означенномъ же Остерманѣ люди: а именно мужскаго пола:

Лакеи: Павелъ Васильевъ.

Яковъ Ѳедоровъ.

Андрей Васильевъ.

Поваръ — Иванъ Степановъ.

Женска полу изъ турчанокъ:

Настасья Яковлова и

Катерина Яковлева.

(Подписалъ) Поручикъ Дорофей Космачевъ.

Марта 12 дня 1742 года.

Для перевозки Остермана и жены его съ прислугами и всѣмъ имуществомъ назначено было двѣнадцать ямскихъ подводъ. Кормовыхъ денегъ во время пути и на мѣстѣ ссылки было опредѣлено господамъ въ сутки по рублю на каждую персону, прислугамъ по десяти копѣекъ. При каждомъ изъ ссылаемыхъ отряженъ конвой отъ гвардіи изъ одного оберъ-офицера, одного капрала и восьми рядовыхъ. Начальникомъ конвоя, сопровождавшаго графа Остермана, былъ назначенъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Ермолинъ.

Во второмъ часу ночи съ 18 на 19 января, печальный поѣздъ выѣхалъ изъ воротъ Петропавловской крѣпости и изчезъ во мракѣ и ночной, морозной мглѣ по направленію къ зимнему тихвинскому тракту, въ далекую Сибирь, на край свѣта. Черезъ два дня послѣдовало всемилостивѣйшее соизволеніе императрицы Елизаветы Петровны на присоединеніе къ ссыльнымъ трехъ лицъ, изъявившихъ добровольное желаніе находиться при нихъ. То были: пасторъ Мертенсъ — въ Пелымъ къ Миниху; пасторъ, бывшій при Биронѣ въ Пелымѣ — къ Остерману въ Березовъ [1]), и лекарь къ Левенвольде — въ Соликамскъ.

Тобольской губерніи, городъ Березовъ [2]), построенный въ 1593 году воеводою Никифоромъ Траханіотовымъ, лежитъ на трехъ холмахъ лѣваго берега рѣки Сосвы, въ 20 верстахъ отъ ея сліянія съ Обью. Онъ принадлежалъ сто сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ принадлежитъ и нынѣ, къ числу самыхъ пустынныхъ и унылыхъ мѣстностей Азіатской Россіи. Сосва, рѣчка Вогулка, ручьи: Стражичій и Култучный омываютъ эту мѣстность съ востока и сѣвера, съ запада и юга она окружена дремучими хвойными лѣсами кедровъ, елей, лиственницъ и сосенъ, въ лѣсахъ обширныя болотныя пространства. Рѣка Сосва, въ полноводіе соединяясь съ разными проточками и рѣчками, образуетъ разливъ шириною до 50 верстъ и, такимъ образомъ, Березовъ кажется какъ бы прилежащимъ морю. Почва подъ городомъ состоитъ на полъ-аршина, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и менѣе, изъ чернозема, ниже котораго—

---

[1]) Послѣ смерти Остермана въ 1747 году онъ переселился въ Ярославль, гдѣ былъ учителемъ нѣмецкаго языка Ѳедора Григорьевича Волкова — основателя русскаго театра.

[2]) 63° 56′ сѣв. шир. въ 82° 44′ вос. долготы, отъ Петербурга 3866 верстъ. — Н. А. Абрамовъ «Описаніе Березовскаго края».

глина и песокъ. Въ срединѣ города есть мѣста засоренныя и зыблющіяся, ниже которыхъ вода. Березовъ, особенно при въѣздѣ въ него въ зимнее время, походитъ на пустынное мѣсто, окруженное грудами снѣга и хвойными лѣсами, и возбуждаетъ какое то уныніе. Напротивъ, лѣтомъ мѣстоположеніе его очень пріятно, особено если смотрѣть на него изъ-за рѣки Сосвы [1]).

Но весна начинается въ исходѣ мая и выше 10° термометръ не поднимается; продолжительность лѣта — пять недѣль; въ половинѣ августа уже наступаетъ осень; въ первой половинѣ ноября — зима... Но какая зима! морозы бываютъ свыше 45°, ртуть свертывается и лежитъ безъ дѣйствія по нѣскольку дней, даже спиртъ густѣетъ. Иногда морозъ съ копотью захватываетъ дыханіе у человѣка и выдыхаемый паръ превращается въ иней, стекла въ окнахъ лопаются, щелкаютъ стѣны домовъ, ледъ и земля растрескиваются. Въ это время ночи бываютъ ясны и безоблачны, погода стоитъ тихая, звѣзды ярко горятъ. Самые короткіе дни бываютъ до 18 декабря. Солнце въ полдень бываетъ не выше какъ на 4° 15′ надъ горизонтомъ и лучи его падаютъ очень косвенно. Безмолвная пустынность царствуетъ въ полутемномъ городкѣ; взору представляются лишь необозримыя равнины снѣга. Въ это время видъ Березова, а равно и другихъ здѣшнихъ жилыхъ мѣстъ, соотвѣтствуетъ понятію о крайнихъ жилищахъ человѣка на сѣверѣ. Только хвойныя деревья — кедры, ели, сосны, по высокому росту и зелени, оживляютъ нѣкоторымъ образомъ пустынныя картины здѣшней зимы [2]).

И этотъ несчастный уголокъ, при маломъ своемъ населеніи, испытывалъ еще и бѣдствія, присущія большимъ городамъ. Въ 1607 и въ 1665 гг. его осаждали взбунтовавшіеся вогулы, остяки и самоѣды; въ 1719 г. онъ выгоралъ, въ томъ же и въ 1726 и 1730 годахъ въ Березовѣ свирѣпствовалъ голодъ; оспа и цынга пожирали многочисленныя жертвы...

«Синодикъ», т. е. поминальный списокъ именитыхъ ссыльныхъ въ Березовъ, начинается съ 1660 годовъ. Первымъ былъ князь Димитрій Ромодановскій, впослѣдствіи перевезенный въ Соловецкій монастырь. За нимъ, въ декабрѣ 1727 года — князь Меншиковъ, съ сыномъ и двумя дочерьми; въ 1730 — семейство Долгоруковыхъ; наконецъ 12 марта 1742 года — графъ Остерманъ съ супругою.

Зима была въ полной силѣ и всѣ тѣ унылыя картины мороза, вьюгъ и мятелей, о которыхъ мы упоминали выше, предстали утомленнымъ, заплаканнымъ глазамъ несчастныхъ изгнанниковъ.

Наступилъ праздникъ Свѣтлаго Христова воскресенія (18 апрѣля). Припоминала-ли графиня Марѳа Ивановна тѣ блаженныя

---

[1]) Н. А. Абрамовъ стр. 362—343.
[2]) Н. А. Абрамовъ, стр. 440.

времена, когда она была встрѣчаема мужемъ поздравленіемъ и и милостивыми словами: «Мареушка, что тебѣ сегодня ѣсть и чтобъ тебѣ было угодно?» (см. письмо отъ 6 апрѣля 1725 года). Не откуда было ждать привоза всякихъ припасовъ къ празднику и разгавливаться приходилось теперь, чѣмъ Богъ послалъ.

Ближайшая къ острогу церковь Рождества Богородицы съ придѣломъ св. Иліи пророка отстроена была въ 1728 году княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ [1]), крестнымъ отцомъ перваго сына Остермана, — Меншиковымъ, двадцать лѣтъ тому назадъ бывшимъ могущественнымъ вельможею, любимцемъ Петра Великаго, опекуномъ и чуть не тестемъ его внука. Что же осталось отъ этого «полудержавнаго властителя?» Смиренная могила на косогорѣ у восточной стѣны имъ построенной церкви. Сколько грустныхъ, тяжелыхъ воспоминаній должно было примѣшиваться къ молитвамъ жены Остермана...

Бѣдствіе, постигшее графа, сопряженное съ его ссылкою въ ледяную пустыню, имѣло однако-же благодѣтельное вліяніе на его здоровье. Подобно графу Головкину [2]), также подагрику, одновременно съ Остерманомъ сосланному въ Германгъ и тамъ отъ своей болѣзни излечившемуся, — графъ Андрей Ивановичъ съ лѣта 1742 года сталъ видимо поправляться въ своемъ здоровьѣ, которое въ августѣ мѣсяцѣ на столько улучшилось, что онъ началъ ходить безъ костылей. Это изцѣленіе, можетъ быть очень рѣдкое, однако же для ученыхъ физіологовъ нимало не чудесное, возбудило подозрѣніе во властяхъ въ Петербургѣ, куда извѣстіе о томъ года черезъ четыре достигло. Удивительно показалось, что человѣкъ больной, посланный на вѣрную смерть — выздоровѣлъ. По поводу выздоровленія Остермана, между Петербургомъ и Березовымъ возникла цѣлая переписка, которую и приводимъ изъ подлиннаго дѣла.

«Указъ ея императорскаго величества самодержцы всероссійской изъ Правительствующаго Сената обрѣтающемуся въ Березовѣ у содержанія подъ арестомъ бывшаго графа Андрея Остермана, Сибирскаго гарнизона поручику Космачеву.

«По указу ея императорскаго величества, Правительствующій Сенатъ приказали тебѣ, поручику, прислать въ Правительствующій Сенатъ извѣстіе по полученіи сего указа въ самой скорости: означенный Остерманъ ходитъ-ли самъ и буде ходитъ, давно ли ходить началъ? И о семъ указѣ ни кому, тебѣ Космачеву, ни подъ какимъ видомъ не объявлять, а содержать въ секретѣ и Сибир-

---

[1]) Она по неосторожности пьянаго причетника сгорѣла 20 февраля 1764 г.

[2]) Графъ Михаилъ Гавриловичъ—вице-канцлеръ и кабинетъ министеръ скончался на мѣстѣ своей ссылки въ исходѣ 1755. Супруга его, Екатерина Ивановна, единственная дочь князя Ромодановскаго, родилась 22 ноября 1601. См. М. Д. Хмырова: «Графиня Е. И. Головкина». Спб. 1867, стр. 280.

скаго гарнизона поручику Космачеву учинить о томъ по сему ея императорскаго величества указу. Ноября 10 дня 1746 года».

3 марта 1747 года былъ посланъ съ этого указа дубликатъ за № 59.

Рапортомъ отъ 14 января, въ отвѣтъ на первый указъ, Космачевъ отвѣчалъ:

— «Остерманъ освободился отъ болѣзни и зачалъ ходить съ 1742 года августа мѣсяца о костыляхъ, а потомъ не въ долгое время и безъ костылей зачалъ ходить. И по сіе число прежней его болѣзни не видимъ».

По полученіи дубликата, полученнаго 23 мая, поручикъ Космачевъ въ тотъ же день поспѣшилъ отвѣтомъ:

— «Ея императорскаго величества указъ изъ Правительствующаго Сената, писанный марта 3 дня 1747 года подъ № 59, о присылкѣ въ Правительствующій Сенатъ извѣстіе, по полученіи сего указа въ самой скорости означенный Остерманъ ходитъ-ли самъ и буде ходитъ, давно-ли ходить началъ?

«И по силѣ онаго ея императорскаго велечества указу въ Правительствующій Сенатъ и предъявляется: вышеписанной бывшій графъ Остерманъ ходить началъ съ 742 году съ августа мѣсяца о костыляхъ, а потомъ и самъ собою до 747 году мая до 5 дня, а мая съ 5 дня заболѣлъ грудью и голову обносить обморокъ, а сего-жъ мая 21 дня 747 году по полудни въ четвертомъ часу волею Божіею умре, и ея императорскаго величества указъ полученъ мая 23 дня 747 года, а по прежде присланному ея императорскаго величества указу рапортъ посланъ 747 года января 14 дня».

Это извѣстіе, для многихъ особъ весьма отрадное, было получено въ Петербургѣ 6 іюля и въ тотъ же день доложено императрицѣ въ Петергофѣ оберъ-прокуроромъ Жеребцовымъ...

Въ то самое время, какъ поручикъ Дорофѣй Космачевъ писалъ вышеприведенный рапортъ, графиня Марѳа Ивановна, при содѣйствіи прислуги, обряжала своего дорогаго, искренно любимаго покойника. Желая по возможности съ подобающимъ приличіемъ предать его тѣло землѣ, графиня заказала рабочимъ при острогѣ дубовый досчатый гробъ, на украшеніе котораго пошли нѣкоторыя изъ платьевъ ея гардероба. Гробъ былъ обитъ снаружи матеріею гро-гро кофейнаго цвѣта и по краямъ обложенъ золотымъ позументомъ; внутри — бѣлой изкрасна тафтою. Похоронила она своего Андрея Ивановича въ 22 саженяхъ на сѣверо-западъ отъ церкви, прямо противъ острога. Въ теченіе лѣта озаботилась и поставкою памятника, въ видѣ часовни, надъ его могилою. Этотъ памятникъ помнятъ нѣкоторые березовскіе старожилы. Часовня изъ толстыхъ кедровыхъ брусьевъ, построенная въ замокъ, была покрыта въ двѣ доски со свѣсами, вырѣзанными разными фигурами. Длина и вышина ея 5 — ширина 4 аршина. Съ восточ-

мой мекленбургскій тайный совѣтникъ и министръ при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ баронъ Иванъ-Христофоръ фонъ-Остерманъ, генералъ-лейтенантъ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка маіоръ Лихаревъ, теща моя Наталія Львовна Стрешнева и генералъ-маіорша Авдотья Алексѣевна Сенявина».

Перечисленіе наградъ и повышеній Остермана, въ періодъ времени съ 1725 по 1741 годъ, отвлекло бы насъ отъ главнаго предмета нашей статьи — обзора его отношеній семейныхъ, замѣтимъ только, что въ декабрѣ 1725 года супруга его была пожалована въ статсъ-дамы императрицы [1]).

При несчастной правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, Остерманъ, какъ извѣстно, былъ кабинетъ-министромъ, сенаторомъ, генералъ-адмираломъ, графомъ, кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Сыновья его, въ чинахъ капитановъ гвардіи, имѣли александровскія ленты. Нѣжный и заботливый отецъ, графъ Остерманъ, при содѣйствіи своего секретаря Гросса, далъ имъ превосходное воспитаніе; руки его дочери, графини Анны Андреевны, искали молодые люди знатнѣйшихъ фамилій.

Въ теченіи почти двадцати лѣтъ, свидѣтель и отчасти пособникъ паденій Шафирова, Меншикова, Долгорукихъ, наконецъ, могущественнѣйшаго изъ всѣхъ этихъ временщиковъ — Бирона, графъ Андрей Ивановичъ предугадывалъ свое неминуемое паденіе и сопряженный съ нимъ государственный переворотъ. Простоватая, недальновидная и ребячески довѣрчивая правительница Анна Леопольдовна смѣялась надъ опасеніями Остермана. За два дня до сверженія принцессы, Остерманъ предостерегалъ ее, совѣтуя принять рѣшительныя мѣры противъ заговора приверженцевъ Елизаветы; но правительница, не слушая его, показывала ему новую кружевную рубашку своего сына.

Заговоръ созрѣвалъ подъ лучами любви войскъ и народа къ дочери Петра и жгучей ненависти къ нѣмецкой партіи. Въ ночь съ 24 на 25 ноября, у графа Головкина былъ балъ по случаю имянинъ его супруги, хотя онъ самъ хворалъ подагрою, точно такъ же, какъ и Остерманъ. На утро вся столица привѣтствовала восшествіе Елизаветы Петровны на престолъ. Начались аресты. Графы Остерманъ, Головкинъ, Минихъ, Левенвольде, баронъ Менгденъ и его сестры, генералы Стрѣшневъ, Альбрехтъ, Тимирязевъ, захваченные у себя въ домахъ, были подъ крѣпкимъ карауломъ отправлены въ Петропавловскую крѣпость; бумаги ихъ были опечатаны, на имущества — движимыя и недвижимыя — наложенъ секвестръ. На первыхъ порахъ не отдѣляли правыхъ отъ виноватыхъ и общее

---

[1]) Такъ показано у Карабанова («Русск. Стар.» 1870 г. томъ II, стр. 456). У А. Терещенко въ 1730 (стр. 101) въ запискахъ герцога де-Лирія («Русск. Стар.» 1873 г. томъ VIII, стр. 38) подъ 3 числомъ мая (22 апрѣля) того-же года.

число арестованыхъ по распоряженію новаго правительства простиралось до сорока лицъ обоего пола, изъ которыхъ восемнадцать причастныхъ только дѣлу Остермана: то были его жена, дѣти, секретари его Кэръ, Гроссъ и нѣкоторые изъ чиновниковъ и служителей. Впрочемъ, многіе изъ послѣднихъ были вскорѣ освобождены.

Графъ Остерманъ, пораженный несчастіемъ, заболѣлъ на столько опасно, что врачи не ручались за продолженіе его жизни до произнесенія приговора. Нѣмецкій біографъ его говоритъ [1]: — «У него была рана на ногѣ, которая во время заключенія, не безъ умысла съ его стороны, или просто по неосмотрительности, доподлинно сказать не могу, до того разболѣлась, что перешла въ раковидную, или скорѣе гангренозную, и всѣ доктора рѣшили, что ему жить не долго. Поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы изъ крѣпости его перенесть въ Зимній дворецъ, гдѣ приложены были самыя заботливыя о немъ попеченія и уходъ. Императрица Елизавета приказала не только встрѣтить его ласково и заботиться о его здоровьи, но, какъ говорятъ, сказала при этомъ: «что ей жаль такъ жестоко поступать съ столь знаменитымъ старцемъ, но того требуетъ справедливость».

Особая коммиссія, назначенная для изслѣдованія преступленій сановниковъ, состояла изъ пяти членовъ; то были: графъ Ушаковъ, князь Трубецкой, генералъ Левашовъ, князь Куракинъ и тайный совѣтникъ Нарышкинъ.

Не смотря на гуманное изрѣченіе Елизаветы, что подчиненные не отвѣтчики за своихъ начальниковъ, — графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ и князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, эти ученики Преображенскаго приказа и дилеттанты Бироновскихъ застѣнковъ, съумѣли при допросахъ на столько припугнуть несчастнаго Гросса, что 1 января 1742 года онъ застрѣлился! Въ оставленной имъ запискѣ онъ написалъ только: «Пожертвованіе моею жизнію есть самая малая мною испытанная потеря» [2]. Черезъ два дня графъ Остерманъ писалъ старшему своему брату: «Желая вамъ отъ всего сердца всевозможнаго счастія и благополучія на всю вашу остальную жизнь, симъ навсегда прощаюсь съ вами и прошу васъ присоединить ваши молитвы къ моимъ, да отпуститъ Всевышній всѣ мои прегрѣшенія» [3]. Графъ ожидалъ близкой смерти отъ болѣзни, или на эшафотѣ, къ которому его вели прямымъ путемъ допросы пристрастныхъ судей. Ихъ приговоръ былъ достоинъ не только временъ усмиренія стрѣлецкихъ мятежей, но пожалуй и кровавой эпохи Грознаго. Остерманъ былъ присужденъ къ колесованію жи-

---

[1]) Merckwürdiges Leben. стр. 279 — 280 и 140 — 141.
[2]) Merckwürdiges Leben, стр. 140 — 141.
[3]) Тамъ-же стр. 279.

вымъ, Минихъ къ четвертованію, Головкинъ, Левенвольде, Менгденъ, Стрѣшневъ и Темирязевъ — къ отсѣченію головъ.

День казни былъ назначенъ на 18 января 1742 года. Къ эшафоту, воздвигнутому на Васильевскомъ островѣ, передъ зданіемъ двѣнадцати коллегій (на мѣстѣ нынѣшняго биржеваго сквера), потянулся изъ крѣпости рядъ простыхъ крестьянскихъ саней съ государственными преступниками. Первымъ везли Остермана, въ шубѣ, тепломъ шлафрокѣ и въ колпакѣ; за нимъ Минихъ, который ради какого то мелодраматическаго эффекта облачился въ красный, военный плащъ, въ которомъ совершалъ походы въ Данцигъ и къ Очакову. Шесть тысячъ гвардейскихъ солдатъ и массы народа окружали эшафотъ. Осмермана внесли на него на носилкахъ и посадили на стулъ, потомъ сняли со старика колпакъ и парикъ. Съ развѣвающимися клочьями сѣдыхъ волосъ, морщась отъ боли въ ногахъ, но совершенно спокойно, графъ выслушалъ чтеніе приговора. Віографы удивляются его хладнокровію, но причиною таковому была, конечно, твердая увѣренность въ милосердіи императрицы, которая въ самую ночь восшествія своего на престолъ, предъ иконою Спасителя, дала клятву никого не казнить смертію. Эта клятва, безъ сомнѣнія, была не безъизвѣстна Остерману. Съ тѣмъ же спокойствіемъ онъ, снятый со стула и опущенный на колѣна на помостъ, положилъ голову на плаху. Палачъ оправилъ воротъ сорочки, поднялъ топорь и мгновенно отвелъ его въ сторону и опустилъ на помостъ при словѣ: прощеніе. Императрица замѣнила смертную казнь пожизненною ссылкою для всѣхъ осужденныхъ. Удѣломъ Остермана былъ назначенъ Березовъ, — могила Меншикова и его несчастной дочери, бывшей царской невѣсты. Вѣсть о своемъ помилованіи Остерманъ выслушалъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ и чтеніе приговора. Тихимъ, ровнымъ голосомъ онъ спросилъ свой парикъ и колпакъ, застегнулъ воротъ сорочки, надѣлъ шубу. До окончанія безкровной экзекуціи своихъ сотоварищей онъ оставался на помостѣ эшафота; затѣмъ былъ отвезенъ въ крѣпостную казарму, гдѣ былъ встрѣченъ своею доброю и вѣрною Мареою Ивановною. Она не могла раздѣлить съ мужемъ смертной чаши, въ случаѣ его казни; но съ радостью готовилась сопровождать его въ далекое изгнаніе. Къ чести женъ всѣхъ ссыльныхъ онѣ сопровождали своихъ мужей и въ Сибирь, и въ отдаленныя захолустья Россіи... «Жены осужденныхъ», говоритъ Манштейнъ [1]), «получили позволеніе поселиться въ своихъ помѣстьяхъ и не слѣдовать за мужьями въ ссылку; но ни одна изъ нихъ не захотѣла воспользоваться этою милостью».

Не умаляя достоинствъ и геройства женъ «декабристовъ», раз-

---

[1]) «Записки» изд. 1875 г., стр. 237.

дѣлившихъ съ ними ссылку въ 1826 году, мы позволимъ себѣ только замѣтить, что за 84 года передъ тѣмъ обстановка ссыльныхъ была совершенно иная, а графинѣ Марѳѣ Ивановнѣ Остерманъ было уже сорокъ четыре года отъ рожденія, мужу ея 56 лѣтъ, это былъ больной, полуразслабленный подагрикъ, требовавшій ухода и неустанныхъ попеченій...

Въ силу высочайшаго повелѣнія, чтобы утренняя заря не застала изгнанниковъ въ столицѣ, Остерманъ и супруга его, въ самыя сумерки 18 января 1742 года, снаряжаемы были въ дальній путь. Распоряженіе по отправкамъ ссыльныхъ возложено было на князя Якова Петровича Шаховскаго.

«По вступленіи моемъ въ казарму», разсказываетъ онъ въ своихъ «Запискахъ» [1]), «увидѣлъ я онаго, бывшаго кабинетъ-министра графа Остермана, лежащаго и громко стенящаго, жалуясь на подагру, который при первомъ взорѣ встрѣтилъ меня своимъ краснорѣчіемъ, изъявляя сожалѣніе о преступленіи своемъ и прогнѣвленіи нашей всемилостивѣйшей монархини, кое здѣсь я подробно описывать за излишнее почелъ; наконецъ просилъ онъ, чтобъ я представилъ ея величеству о милостивомъ и великодушномъ покровительствѣ дѣтей его [2]); а какъ я имѣлъ повелѣніе, чтобы всѣ говоренныя при отправкахъ онымъ арестантовъ рѣчи записывать и представить ея величеству, то приказалъ стоящему близъ меня для такихъ записокъ опредѣленному все то записать, а ему, бывшему графу Остерману, объявилъ, что оное отъ меня, куда надлежитъ, представлено будетъ. Потомъ, объявивъ ему высочайшій ея величества указъ, каковой каждому изъ нихъ при отправленіи объявлять было повелѣно, приказалъ офицеру опредѣленному къ его отвозу, чтобы его команды солдаты сего несчастнаго поднявъ съ постели отнесли и бережно положили въ сани, такъ какъ и все съ нимъ подлежащее отправилъ и велѣлъ оному офицеру въ пристойномъ порядкѣ совсѣмъ въ свой путь ѣхать; о женѣ-жъ его, при семъ случаѣ находившейся, кромѣ слезъ и горестнаго стенанія описывать не имѣю».

Имущества ссыльныхъ, въ томъ числѣ и Остермана, были конфискованы; всѣ ихъ бриліанты и драгоцѣнности вообще отобраны

---

[1]) Изданіе второе 1821 г. Часть первая, стр. 72 — 73.

[2]) Сыновья Остермана были капитанами гвардіи и александровскими кавалерами. Лишенные ордена, они были переведены тѣмъ-же чиномъ въ армію. Опала надъ ними была непродолжительна. Графъ Ѳедоръ Андреевичъ († 10 ноября 1804 г.) въ царствованіе Екатерины II былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ; графъ Иванъ Андреевичъ († 19 апрѣля 1811 г.) государственнымъ канцлеромъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. За пресѣченіемъ прямаго потомства графовъ Остермановъ, ихъ фамилія была присоединена къ фамиліи Толстыхъ, потомковъ дочери графа Андрея Ивановича.

въ казну. Однако же, каждому, съ женою, выданы были одежда, бѣлье, столовые приборы, посуда и т. п. въ количествѣ, которое для ссыльныхъ признавали достаточнымъ. Приводимъ списокъ гардероба и всего хозяйства, дозволенныхъ Остерману и женѣ его къ отвозу съ собою въ Березовъ:

Реэстръ сколько чего съ бывшимъ графомъ Остерманомъ и женою его принято:

Образъ Богоматери «Неопалимыя купины», безъ окладу.

Складни маленькіе рѣзные изъ кипарису, безъ окладу.

Образъ на маленькой доскѣ «семи отроковъ спящихъ» въ окладѣ серебряномъ и позолоченомъ.

Мощи святыя въ ковчегѣ серебряномъ позолоченомъ.

Образъ «Успѣнія Богоматери» на маленькой доскѣ.

Библія на нѣмецкомъ языкѣ; молитвенниковъ два, псалтырь слѣдовательная маленькая.

Казакинъ изарбатной голубой на подкладкѣ выбойчатой.

Двѣ пары платья черныя, одинъ гарнитуромъ подбитъ, а другой стамедомъ поношеный.

Кафтанъ съ камзоломъ нарцицовые, шелкъ съ серебромъ клѣтчатые, пуговицы серебряныя, штаны такія-жъ.

Суртукъ парчевой на песцовомъ мѣху съ позументомъ и съ пуговицами золочеными.

Четверы штаны суконные, одни коричневые, двои дымчатые поношеные, четвертые черные.

Епанча исподняя голубая стеганая атласная.

Юпка атласная жаркая, стеганая, подложенная стаметомъ.

Юпка изарбатная исподняя подложена выбойкой.

Юпка черная грезетова верхняя.

Юпка гарнитуровая зеленая съ позументомъ серебрянымъ.

Юпка штофная черная верхняя.

Юпка гарнитуровая, померанцевая.

Юпка гарнитуровая гижевая.

Шлафоръ свистуновой зеленой.

Шлафоръ камчатной, голової, сѣро-горючевой.

Шлафоръ камчатной юловой фіолетовой.

Шлафоръ гарнитуровой, померанцевой.

Балахонъ желтой, атласной, стеганой на подкладкѣ голубой.

Балахонъ камчатной синій на подкладкѣ.

Балахонъ камчатной фіолетовой.

Балахонъ грезетовой черной.

Балахонъ атласной жаркой на подкладкѣ.

Балахонъ штофной черной.

Двѣнадцать паръ чулковъ женскихъ шелковыхъ и гарусные разныхъ цвѣтовъ поношеные.

Двѣ пары черевикъ штофныхъ поношеные.

Пара черевикъ шиты серебромъ.

Восемь скатертей новыхъ.

Четыре скатерти подержаныя, поровнѣе.

есть дюжинъ салфетокъ въ томъ числѣ четыре дюжины одного сорта, а двѣ дюжины разныхъ.

Двѣ дюжины простынь холстинныхъ тонкихъ.

Восемнадцать наволокъ подушечныхъ, холстинныхъ тонкихъ, въ томъ числѣ четыре малыя.

Двадцать одна рубаха мужскихъ голландскаго полотна.

Двѣ дюжины женскихъ рубахъ тонкихъ.

Шесть галстуховъ кисейныхъ.

Пять платковъ бумажныхъ карманныхъ.

Шесть косынокъ полотняныхъ.

Два корсета черные атласные на байкѣ бѣлой.

Дюжина ложекъ серебряныхъ.

Дюжина ножиковъ съ вилки въ футлярѣ.

Посуды столовой оловянной:

Дюжина блюдъ большихъ и малыхъ.

Тарелокъ три дюжины.

Шесть кастрюлекъ мѣдныхъ большихъ и малыхъ.

Три котла мѣдныхъ съ крышками.

Двѣ пары шандаловъ мѣдныхъ.

Чайникъ съ камфоромъ мѣдный.

Три таза мѣдные.

Чайникъ мѣдный большой.

Чайникъ мѣдной маленькой.

Маленькой котликъ мѣдной съ ручкою.

Иготь мѣдная съ листомъ.

Горшечикъ мѣдной съ крышкою.

Сковородка мѣдная съ крышкою.

Кувшинчикъ мѣдной маленькой.

Чашка оловянная, маленькая съ ручкою.

Горшечикъ оловянной маленькой съ крышкою.

Двѣ сковороды желѣзныя.

Перина пуховая и съ подушками и съ одѣялами и пуховичокъ маленькой съ подушкою.

Шуба полосная (?) женская, желтая, тафтяная на бѣльемъ мѣху.

Епанечка черная гарнитуровая на лисьемъ мѣху.

Одѣяло полосатое атласное на байкѣ.

Одѣяло байковое.

Одѣяло синее камчатное на заячьемъ мѣху.

Ящикъ оклеенъ въ кожѣ въ которомъ имѣетъ быть 22 сткляночки съ разными медикаментами.

Прибывшіе съ ними возокъ обитъ кожею, а внутри обитъ холстомъ бѣлымъ; сани обиты верхъ кожею, а внутри краснымъ сукномъ; двои сани обшивны.

При означенномъ же Остерманѣ люди: а именно мужскаго пола:

Лакеи: Павелъ Васильевъ.
Яковъ Ѳедоровъ.
Андрей Васильевъ.

Поваръ — Иванъ Степановъ.

Женска полу изъ турчанокъ:

Настасья Яковлова и
Катерина Яковлева.

(Подписалъ) Поручикъ Дорофей Космачевъ.

Марта 12 дня 1742 года.

Для перевозки Остермана и жены его съ прислугами и всѣмъ имуществомъ назначено было двѣнадцать ямскихъ подводъ. Кормовыхъ денегъ во время пути и на мѣстѣ ссылки было опредѣлено господамъ въ сутки по рублю на каждую персону, прислугамъ по десяти копѣекъ. При каждомъ изъ ссылаемыхъ отряженъ конвой отъ гвардіи изъ одного оберъ-офицера, одного капрала и восьми рядовыхъ. Начальникомъ конвоя, сопровождавшаго графа Остермана, былъ назначенъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Ермолинъ.

Во второмъ часу ночи съ 18 на 19 января, печальный поѣздъ выѣхалъ изъ воротъ Петропавловской крѣпости и изчезъ во мракѣ и ночной, морозной мглѣ по направленію къ зимнему тихвинскому тракту, въ далекую Сибирь, на край свѣта. Черезъ два дня послѣдовало всемилостивѣйшее соизволеніе императрицы Елизаветы Петровны на присоединеніе къ ссыльнымъ трехъ лицъ, изъявившихъ добровольное желаніе находиться при нихъ. То были: пасторъ Мертенсъ — въ Пелымъ къ Миниху; пасторъ, бывшій при Биронѣ въ Пелымѣ — къ Остерману въ Березовъ [1]), и лекарь къ Левенвольде — въ Соликамскъ.

Тобольской губерніи, городъ Березовъ [2]), построенный въ 1593 году воеводою Никифоромъ Траханіотовымъ, лежитъ на трехъ холмахъ лѣваго берега рѣки Сосвы, въ 20 верстахъ отъ ея сліянія съ Обью. Онъ принадлежалъ сто сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ принадлежитъ и нынѣ, къ числу самыхъ пустынныхъ и унылыхъ мѣстностей Азіатской Россіи. Сосва, рѣчка Вогулка, ручьи: Стражичій и Култучный омываютъ эту мѣстность съ востока и сѣвера, съ запада и юга она окружена дремучими хвойными лѣсами кедровъ, елей, лиственницъ и сосенъ, въ лѣсахъ обширныя болотныя пространства. Рѣка Сосва, въ полноводіе соединяясь съ разными проточками и рѣчками, образуетъ разливъ шириною до 50 верстъ и, такимъ образомъ, Березовъ кажется какъ бы прилежащимъ морю. Почва подъ городомъ состоитъ на полъ-аршина, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и менѣе, изъ чернозема, ниже котораго—

---

[1]) Послѣ смерти Остермана въ 1747 году онъ переселился въ Ярославль, гдѣ былъ учителемъ нѣмецкаго языка Ѳедора Григорьевича Волкова — основателя русскаго театра.

[2]) 63° 56′ сѣв. шир. въ 82° 44′ вос. долготы, отъ Петербурга 3866 верстъ. — Н. А. Абрамовъ «Описаніе Березовскаго края».

глина и песокъ. Въ срединѣ города есть мѣста засоренныя и зыблющіяся, ниже которыхъ вода. Березовъ, особенно при въѣздѣ въ него въ зимнее время, походитъ на пустынное мѣсто, окруженное грудами снѣга и хвойными лѣсами, и возбуждаетъ какое то уныніе. Напротивъ, лѣтомъ мѣстоположеніе его очень пріятно, особено если смотрѣть на него изъ-за рѣки Сосвы [1]).

Но весна начинается въ исходѣ мая и выше 10° термометръ не поднимается; продолжительность лѣта — пять недѣль; въ половинѣ августа уже наступаетъ осень; въ первой половинѣ ноября — зима... Но какая зима! морозы бываютъ свыше 45°, ртуть свертывается и лежитъ безъ дѣйствія по нѣскольку дней, даже спиртъ густѣетъ. Иногда морозъ съ копотью захватываетъ дыханіе у человѣка и выдыхаемый паръ превращается въ иней, стекла въ окнахъ лопаются, щелкаютъ стѣны домовъ, ледъ и земля растрескиваются. Въ это время ночи бываютъ ясны и безоблачны, погода стоитъ тихая, звѣзды ярко горятъ. Самые короткіе дни бываютъ до 18 декабря. Солнце въ полдень бываетъ не выше какъ на 4° 15′ надъ горизонтомъ и лучи его падаютъ очень косвенно. Безмолвная пустынность царствуетъ въ полутемномъ городкѣ; взору представляются лишь необозримыя равнины снѣга. Въ это время видъ Березова, а равно и другихъ здѣшнихъ жилыхъ мѣстъ, соотвѣтствуетъ понятію о крайнихъ жилищахъ человѣка на сѣверѣ. Только хвойныя деревья — кедры, ели, сосны, по высокому росту и зелени, оживляютъ нѣкоторымъ образомъ пустынныя картины здѣшней зимы [2]).

И этотъ несчастный уголокъ, при маломъ своемъ населеніи, испытывалъ еще и бѣдствія, присущія большимъ городамъ. Въ 1607 и въ 1665 гг. его осаждали взбунтовавшіеся вогулы, остяки и самоѣды; въ 1719 г. онъ выгоралъ, въ томъ же и въ 1726 и 1730 годахъ въ Березовѣ свирѣпствовалъ голодъ; оспа и цынга пожирали многочисленныя жертвы...

«Синодикъ», т. е. поминальный списокъ именитыхъ ссыльныхъ въ Березовъ, начинается съ 1660 годовъ. Первымъ былъ князь Димитрій Ромодановскій, впослѣдствіи перевезенный въ Соловецкій монастырь. За нимъ, въ декабрѣ 1727 года — князь Меншиковъ, съ сыномъ и двумя дочерьми; въ 1730 — семейство Долгоруковыхъ; наконецъ 12 марта 1742 года — графъ Остерманъ съ супругою.

Зима была въ полной силѣ и всѣ тѣ унылыя картины мороза, вьюгъ и мятелей, о которыхъ мы упоминали выше, предстали утомленнымъ, заплаканнымъ глазамъ несчастныхъ изгнанниковъ.

Наступилъ праздникъ Свѣтлаго Христова воскресенія (18 апрѣля). Припоминала-ли графиня Мареа Ивановна тѣ блаженныя

---

[1]) Н. А. Абрамовъ стр. 362—343.

[2]) Н. А. Абрамовъ, стр. 440.

времена, когда она была встрѣчаема мужемъ поздравленіемъ и и милостивыми словами: «Мареушка, что тебѣ сегодня ѣсть и чтобъ тебѣ было угодно?» (см. письмо отъ 6 апрѣля 1725 года). Не откуда было ждать привоза всякихъ припасовъ къ празднику и разгавливаться приходилось теперь, чѣмъ Богъ послалъ.

Ближайшая къ острогу церковь Рождества Богородицы съ придѣломъ св. Иліи пророка отстроена была въ 1728 году княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ [1]), крестнымъ отцомъ перваго сына Остермана, — Меншиковымъ, двадцать лѣтъ тому назадъ бывшимъ могущественнымъ вельможею, любимцемъ Петра Великаго, опекуномъ и чуть не тестемъ его внука. Что же осталось отъ этого «полудержавнаго властителя?» Смиренная могила на косогорѣ у восточной стѣны имъ построенной церкви. Сколько грустныхъ, тяжелыхъ воспоминаній должно было примѣшиваться къ молитвамъ жены Остермана...

Бѣдствіе, постигшее графа, сопряженное съ его ссылкою въ ледяную пустыню, имѣло однако-же благодѣтельное вліяніе на его здоровье. Подобно графу Головкину [2]), также подагрику, одновременно съ Остерманомъ сосланному въ Германгъ и тамъ отъ своей болѣзни излечившемуся, — графъ Андрей Ивановичъ съ лѣта 1742 года сталъ видимо поправляться въ своемъ здоровьѣ, которое въ августѣ мѣсяцѣ на столько улучшилось, что онъ началъ ходить безъ костылей. Это изцѣленіе, можетъ быть очень рѣдкое, однако же для ученыхъ физіологовъ нимало не чудесное, возбудило подозрѣніе во властяхъ въ Петербургѣ, куда извѣстіе о томъ года черезъ четыре достигло. Удивительно показалось, что человѣкъ больной, посланный на вѣрную смерть — выздоровѣлъ. По поводу выздоровленія Остермана, между Петербургомъ и Березовымъ возникла цѣлая переписка, которую и приводимъ изъ подлиннаго дѣла.

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ Правительствующаго Сената обрѣтающемуся въ Березовѣ у содержанія подъ арестомъ бывшаго графа Андрея Остермана, Сибирскаго гарнизона поручику Космачеву.

«По указу ея императорскаго величества, Правительствующій Сенатъ приказали тебѣ, поручику, прислать въ Правительствующій Сенатъ извѣстіе по полученіи сего указа въ самой скорости: означенный Остерманъ ходитъ-ли самъ и буде ходитъ, давно ли ходить началъ? И о семъ указѣ ни кому, тебѣ Космачеву, ни подъ какимъ видомъ не объявлять, а содержать въ секретѣ и Сибир-

---

[1]) Она по неосторожности пьянаго причетника сгорѣла 20 февраля 1764 г.

[2]) Графъ Михаилъ Гавриловичъ—вице-канцлеръ и кабинетъ министеръ скончался на мѣстѣ своей ссылки въ исходѣ 1755. Супруга его, Екатерина Ивановна, единственная дочь князя Ромодановскаго, родилась 22 ноября 1601. См. М. Д. Хмырова: «Графиня Е. И. Головкина». Спб. 1867, стр. 280.

есть дюжинъ салфетокъ въ томъ числѣ четыре дюжины одного сорта, а двѣ дюжины разныхъ.

Двѣ дюжины простынь холстинныхъ тонкихъ.

Восемнадцать наволокъ подушечныхъ, холстинныхъ тонкихъ, въ томъ числѣ четыре малыя.

Двадцать одна рубаха мужскихъ голландскаго полотна.

Двѣ дюжины женскихъ рубахъ тонкихъ.

Шесть галстуховъ кисейныхъ.

Пять платковъ бумажныхъ карманныхъ.

Шесть косынокъ полотняныхъ.

Два корсета черные атласные на байкѣ бѣлой.

Дюжина ложекъ серебряныхъ.

Дюжина ножиковъ съ вилки въ футлярѣ.

Посуды столовой оловянной:

Дюжина блюдъ большихъ и малыхъ.

Тарелокъ три дюжины.

Шесть кастрюлекъ мѣдныхъ большихъ и малыхъ.

Три котла мѣдныхъ съ крышками.

Двѣ пары шандаловъ мѣдныхъ.

Чайникъ съ камфоромъ мѣдный.

Три таза мѣдные.

Чайникъ мѣдный большой.

Чайникъ мѣдной маленькой.

Маленькой котликъ мѣдной съ ручкою.

Иготь мѣдная съ листомъ.

Горшечикъ мѣдной съ крышкою.

Сковородка мѣдная съ крышкою.

Кувшинчикъ мѣдной маленькой.

Чашка оловянная, маленькая съ ручкою.

Горшечикъ оловянной маленькой съ крышкою.

Двѣ сковороды желѣзныя.

Перина пуховая и съ подушками и съ одѣялами и пуховичокъ маленькой съ подушкою.

Шуба полосная (?) женская, желтая, тафтяная на бѣльемъ мѣху.

Епанечка черная гарнитуровая на лисьемъ мѣху.

Одѣяло полосатое атласное на байкѣ.

Одѣяло байковое.

Одѣяло синее камчатное на заячьемъ мѣху.

Ящикъ оклеенъ въ кожѣ въ которомъ имѣетъ быть 22 сткляночки съ разными медикаментами.

Прибывшіе съ ними возокъ обитъ кожею, а внутри обитъ холстомъ бѣлымъ; сани обиты верхъ кожею, а внутри краснымъ сукномъ; двои сани обшивны.

При означенномъ же Остерманѣ люди: а именно мужскаго пола:

Лакеи: Павелъ Васильевъ.

Яковъ Өедоровъ.

Андрей Васильевъ.

ной стороны была дверь, къ верху полукругомъ; на югъ—длинное узкое окно, почти подъ самою крышею. Внутри и ближе къ сѣверной сторонѣ, надъ самою могилою, катафалкъ и на немъ подобіе гроба. Впереди икона съ лампадою и передъ ней аналой. Сюда каждодневно, со дня сооруженія памятника до отбытія своего изъ Березова, приходила супруга Остермана молиться о упокоеніи души его. Отъ этой часовни до настоящаго времени сохранились окладныя бревна, вросшія въ землю и покрывшіяся дерномъ [1]).

Высочайшій указъ объ освобожденіи изъ Сибири графини Марѳы Ивановны и находившихся при ней служителей [2]) послѣдовалъ лишь 21-го юня 1749 года. Изъ документовъ, къ тому относящихся, явствуетъ, что за добровольною изгнанницею, съ указомъ о ея освобожденіи, былъ посланъ, для сопровожденія графини до Москвы, курьеръ Артемій Каршаниновъ.

Радѣя о соблюденіи казеннаго интереса, должностныя лица, распоряжавшіяся возвращеніемъ графини Остерманъ, рѣшили возложить путевыя издержки на ея сыновей, у которыхъ Марѳѣ Ивановнѣ было дозволено проживать. Форменнымъ доношеніемъ отъ 26-го іюня 1749 года, графы Федоръ и Иванъ Андреевичи обязались принять на себя эти путевыя издержки — хотя бы до пяти сотъ рублей. Въ октябрѣ 1749 года, графиня Марѳа Ивановна выѣхала изъ Берзова и 17-го января 1750 года прибыла въ Москву, гдѣ и проживала до самой своей кончины, послѣдовавшей 24-го февраля 1781 года, на 84 году отъ рожденія.

Послѣднимъ государственнымъ преступникомъ, сосланнымъ въ Березовъ, былъ въ 1754 году Яковъ Гантковскій. Съ этого времени этотъ печальный городокъ пересталъ быть мѣстомъ заточенія опальныхъ олигарховъ, но сохранилъ за собой неотъемленыя права занимать многія страницы въ исторіи со дня кончины Петра Великаго до воцаренія его внука — Петра III. Березовъ — эпилогъ, заканчивавшій блестящія карьеры многихъ временщиковъ этого тридцатипятилѣтняго періода.

Со времени кончины графа Андрея Ивановича Остермана протекло сто лѣтъ. Въ началѣ 1847 г., Императорскимъ Географическимъ Обществомъ снаряжена была, подъ начальствомъ маіора Стражевскаго и полковника Гофмана, ученая экспедиція для изслѣдованія Сѣвернаго Урала, а на слѣдующій годъ полковникъ Гофманъ посѣтилъ березовскій край и самый Березовъ. 2-го іюня 1848 года, производя раскопки земли для изслѣдованія глубины промерзанія почвы, онъ случайно напалъ близъ церкви Рожде-

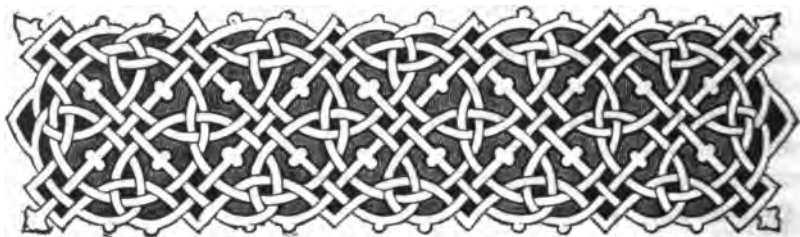
[1]) Н. А. Абрамовъ, стр. 377.

[2]) Пасторъ, жившій при Остерманѣ, уѣхалъ ранѣе.

ства Богородицы, на глубинѣ десяти футовъ, на истлѣвшій гробъ, въ которомъ находились остатки другаго гроба съ уцѣлѣвшими золотыми позументами, клочками цвѣтной шелковой матеріи и черепомъ, покрытымъ прахомъ и землею. Приказавъ засыпать пробитый шурфъ, полковникъ Гофманъ обратился къ Н. А. Абрамову за справками, чья могла-бы быть эта могила и не останки ли это какого нибудь знаменитаго ссыльнаго? По собраннымъ свѣдѣніямъ пришли къ заключенію, что это могила Остермана.

Полковникъ Гофманъ приказалъ покрыть найденную могилу свѣжимъ дерномъ и поставить надъ нею черный, колоссальной величины крестъ, къ которому была прибита мѣдная доска съ вырѣзанными на ней графскою короною и латинскими буквами H. O. (Heinrich Ostermann).

П. Каратыгинъ.



СТАРИНА XVIII СТОЛѢТІЯ.

(По газетамъ и журналамъ того времени).

УРНАЛИСТИКА прошлаго столѣтія еще мало изслѣдована у насъ во всемъ ея объемѣ и во всемъ разнообразіи разсѣяннаго въ ней и затерявшагося фактическаго матеріала, весьма цѣннаго для исторіи быта, нравовъ, торговли, промышленности, искусства, администраціи, благоустройства и другихъ сторонъ жизни того времени.

Рыться въ этихъ сугробахъ пыльныхъ и ветхихъ продуктовъ нашей старинной печати, въ надеждѣ на сотни, приблизительно, безсодержательныхъ страницъ найти одну, другую цѣнную строчку— дѣло не легкое, и, обыкновенно, занимавшіеся имъ изслѣдователи искали здѣсь только то, что имъ нужно для ихъ спеціальной задачи. Въ преслѣдованіи такихъ-же спеціальныхъ задачъ, занимаясь нынѣ изученіемъ журналистики прошлаго столѣтія, мы однако поставили себѣ цѣлью при этомъ извлекать, по спопутности, всѣ попадающіеся въ этомъ матеріалѣ факты и свѣдѣнія, имѣющіе общій интересъ, и которые, быть можетъ, пригодятся другимъ изслѣдователямъ, избавивъ ихъ отъ лишняго, кропотливаго, «чернаго» труда. Часть этихъ-то, сдѣланныхъ нами извлеченій, мы и предлагаемъ теперь читателямъ «Историческаго Вѣстника», въ болѣе или менѣе сгруппированномъ видѣ.

I.

1730—1740 годы.

Императрица Анна Ивановна и ея вкусы.—Придворныя охоты и травли.—Быстрая ѣзда.—Джигитовки и наѣздничество.—Породистыя лошади.—Придворная «менажерея».—Безногій артистъ и русская Пастрана.—Иллюминаціи.—Народныя пиршества.—Заѣзжіе артисты и комедіанты.—Забавы астрономіей и механикой.—Городскія событія и происшествія.—Романъ съ препятствіями.—Виртуозка Фонъ-Фикъ.—Правительственное опроверженіе извѣстій о разбояхъ.—Табакерка Шафирова и петербургскіе воры.—Торгово-промышленныя объявленія.—Цѣны привозныхъ hors d'oeuvre'овъ стола.—Должники академической книжной лавки.

Въ началѣ 30-хъ гг. императрица Анна Ивановна и дворъ, какъ извѣстно, пребывали постоянно въ Москвѣ, поэтому и кругъ внутреннихъ извѣстій въ тогдашнихъ «Вѣдомостяхъ» почти исчерпывался одной московской жизнью. Кругъ этотъ былъ, впрочемъ, очень узкій въ газетахъ того времени вообще, и главнымъ образомъ сосредоточивался на однихъ придворныхъ событіяхъ, и то — праздничнаго лишь свойства. Между прочимъ, очень часто и обстоятельно доводилось до свѣдѣнія читающей публики о времяпрепровожденіи государыни, чѣмъ, сказать къ слову, «Вѣдомости» временъ Анны Ивановны характерно отличаются отъ газетъ при послѣдующихъ царствованіяхъ Елизаветы и Екатерины, когда газетныя свѣдѣнія по этой части стали значительно скуднѣе и лаконичнѣе.

«Едва не ежедневно по часу передъ полуднемъ е. и. в., — читаемъ въ «Вѣд.» за 1737-й годъ, смотрѣніемъ въ зимнемъ домѣ медвѣжьей и волчьей травли забавляться изволитъ»... Травились здѣсь не только волки и медвѣди, но и другіе звѣри, напр., олени, дикія свиньи и проч. Хроникеръ при этомъ аккуратно доводилъ до свѣдѣнія публики о каждомъ звѣрѣ, застрѣленномъ изъ августѣйшихъ рукъ. Разъ отличилась въ этомъ искусствѣ и юная принцесса Анна Леопольдовна: «изъ фузеи пулею» застрѣлила оленя... Эти охотничьи забавы зимою происходили въ предѣлахъ столицы, а лѣтомъ въ Петергофѣ и другихъ загородныхъ резиденціяхъ.

Изъ другихъ родовъ спорта Анна Ивановна особенно любила лошадей и верховую, да и вообще всякую молодецкую, спортсменскую ѣзду. Нужно замѣтить, что даже во время обыкновенныхъ переѣздовъ сильные міра сего ѣздили тогда съ невѣроятной быстротой, достигавшей на хорошихъ дорогахъ и коротких разстояніяхъ положительно скорости почтоваго паровоза. Напр., путь между Москвой и Петербургомъ, по тогдашнему направленію въ 715 верстъ, императрицы Анна и Елизавета совершали свободно, съ большими роздыхами, въ трое сутокъ. Сохранился подробный раз-

счетъ одной изъ такихъ поѣздокъ (зимою): все путешествіе заняло времени 75 часовъ, въ томъ числѣ—46 часовъ въ ѣздѣ и 26 часовъ въ отдыхѣ на станціяхъ. Среднимъ счетомъ вышло по 14½ верстъ въ часъ, но были станціи—и не одна, на которыхъ царскій поѣздъ мчался съ быстротой 20—28-ми верстъ въ часъ, что равняется совершенно бѣшеной скачкѣ.

Анна Ивановна, какъ узнаемъ изъ «Вѣдомостей», любила подобнымъ образомъ кататься на саняхъ по городу, при сильномъ морозѣ. Затѣмъ, сама—ловкая наѣздница, она имѣла пристрастіе къ зрѣлищу конныхъ ристалищъ и джигитовокъ.

Въ 1730 г., проживая въ с. Измайловѣ, подъ Москвою, государыня нѣсколько разъ отправлялась оттуда, «съ великою свитою», въ «увеселительную мѣстность Грёгора» (?), гдѣ каждый разъ «съ удовольствіемъ смотрѣть изволила», какъ на имѣвшемся тамъ «великомъ лугѣ», спеціально для ея забавы, отрядъ георгіанцевъ чинилъ на коняхъ свои «обыкновенныя и военныя экзерциціи» съ «неизреченнымъ искусствомъ». Эта забава обыкновенно оканчивалась «преизряднымъ» ужиномъ въ другомъ увеселительномъ домѣ близь Измайлова—Алексѣевскомъ.

Вообще наѣздничество и джигитская удаль были тогда, вѣроятно, въ большой модѣ въ высшемъ обществѣ, судя отчасти по слѣдующему факту, имѣвшему мѣсто въ Москвѣ въ 1731 году. Какъ-то генералъ Урбановичъ, изъ за этой именно удали, вздумалъ на лошади переплыть Москву-рѣку и—утонулъ на глазахъ сбѣжавшейся смотрѣть его ухарство толпы. Несчастный случай этотъ весьма опечалилъ дворъ.

Кстати, о лошадяхъ того времени. Можно заключить, что относительно породъ ихъ и статей тогдашніе спортсмены были очень прихотливы. Кромѣ русскихъ породъ, на придворныхъ, напр., конюшняхъ имѣлись «гишпанскія верховыя», «готландскія», «лифляндскія» и «неаполитанскія» лошади. Дружественные Россіи кабинеты, вѣроятно, въ угоду любви Анны Ивановны къ спорту, часто дарили ей прекрасныхъ лошадей. Такъ, австрійскій императоръ прислалъ шестерку неаполитанскихъ жеребцовъ каштановой масти, на которыхъ государыня въ 1732 г. торжественно въѣхала въ Петербургъ въ раззолоченной каретѣ. Шведскій король тоже дарилъ верховыхъ лошадей императрицѣ Аннѣ.

Не мало доставляли развлеченія скучающей Аннѣ Ивановнѣ и другія рѣдкія животныя, содержавшіяся въ придворной «менажереѣ», которая постоянно пополнялась. Важнымъ пріобрѣтеніемъ для нея была привезенная изъ Англіи въ 1737 г. «великая птица Струсъ или Строфокамилъ». Въ томъ-же году персидскій шахъ прислалъ императрицѣ въ даръ ученаго слона, котораго она, по его прибытіи, «болѣе часу смотрѣть изволила».

Равнымъ вниманіемъ какъ государыни, такъ и представителей

образованнаго общества, пользовались разные монстры и уроды, нарочно привозимые въ Петербургъ, иногда по указамъ, а также пріѣзжавшіе сами изъ-за границы ради наживы.

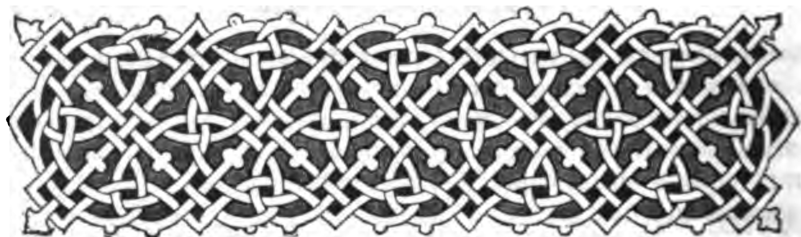
Въ 1734 г. «Вѣдомости» извѣщали о прибытіи въ столицу «англійскаго позітурнаго мастера, которой безъ ногъ родился и уже честь имѣлъ многихъ государей своими удивительными дѣйствіями увеселить», а теперь и «сюда прибылъ, чтобы здѣшнимъ охочимъ людямъ свое искусство показать».

Въ 1739 г. въ Петербургъ привезена была своя отечественная Пастрана — «мужицкая жена» Аксинья Иванова, 45 лѣтъ. Ее привезли по казенной надобности въ академію наукъ изъ Московской губерніи, какъ замѣчательный раритетъ, достойный вниманія науки. Аксинья была украшена щедрой къ ней природой пышной черной бородой, отъ 5 до 6 дюймовъ длиною, и усами. Борода стала рости у нея съ 20-ти лѣтняго возраста и была принята ею и ея близкими какъ особое благословеніе Божіе. Аксинья, по словамъ ученыхъ «Примѣчаній», «росту своихъ волосовъ не противилась и какъ стриженіемъ, такъ и вырываніемъ препятствовать оному не хотѣла, но за грѣхъ сіе признавала. А и мужъ ея того дѣлать ей не совѣтовалъ». Возникло было сомнѣніе — точно ли Аксинья женщина? Академія наукъ сомнѣніе это разсѣяла, подвергнувъ бородатую бабу «осмотрѣнію» и воочію убѣдившись, что она — «подлинная жена и во всемъ своемъ тѣлѣ, кромѣ уса и бороды, ничего мускова не имѣла». Тогда-же, при академіи, былъ снятъ съ нея «живописнымъ художествомъ портретъ» и напечатано въ академическомъ органѣ подробное ея описаніе.

При той скудости умственныхъ, отвлеченныхъ интересовъ, которымъ отличалось высшее общество временъ Анны Ивановны и она сама, спросъ на всевозможныя зрѣлища, тѣшившія глазъ и дѣйствовавшія на воображеніе, былъ особенно силенъ, и его удовлетвореніе было главнымъ средствомъ разбивать скуку безсодержательной жизни и наполнять досуги, въ которыхъ чувствовался такой избытокъ.

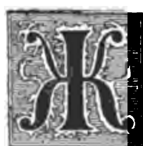
Кромѣ указанныхъ выше забавъ, кромѣ придворныхъ парадовъ, баловъ и театровъ, Анна Ивановна и ея современники развлекались часто еще множествомъ другихъ зрѣлищъ. Чаще всего и всего роскошнѣе устроивались тогда по разнымъ случаямъ необыкновенно затѣйливыя иллюминаціи съ разнообразными аллегоріями, эмблемами, стихотворными одами и надписями на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Журналы того времени полны подробныхъ описаній этихъ иллюминацій, и—этотъ предметъ заслуживалъ бы особой монографіи.

Особеннно пышны были иллюминаціи въ Петербургѣ по прибытіи сюда императрицы изъ Москвы въ 1732 г. Были, между прочимъ, устроены тріумфальныя, ворота, съ изображеніемъ самой



СТАРИНА XVIII СТОЛѢТІЯ.

(По газетамъ и журналамъ того времени).



УРНАЛИСТИКА прошлаго столѣтія еще мало изслѣдована у насъ во всемъ ея объемѣ и во всемъ разнообразіи разсѣяннаго въ ней и затерявшагося фактическаго матеріала, весьма цѣннаго для исторіи быта, нравовъ, торговли, промышленности, искусства, администраціи, благоустройства и другихъ сторонъ жизни того времени.

Рыться въ этихъ сугробахъ пыльныхъ и ветхихъ продуктовъ нашей старинной печати, въ надеждѣ на сотни, приблизительно, безсодержательныхъ страницъ найти одну, другую цѣнную строчку— дѣло не легкое, и, обыкновенно, занимавшіеся имъ изслѣдователи искали здѣсь только то, что имъ нужно для ихъ спеціальной задачи. Въ преслѣдованіи такихъ-же спеціальныхъ задачъ, занимаясь нынѣ изученіемъ журналистики прошлаго столѣтія, мы однако поставили себѣ цѣлью при этомъ извлекать, по спопутности, всѣ попадающіеся въ этомъ матеріалѣ факты и свѣдѣнія, имѣющіе общій интересъ, и которые, быть можетъ, пригодятся другимъ изслѣдователямъ, избавивъ ихъ отъ лишняго, кропотливаго, «чернаго» труда. Часть этихъ-то, сдѣланныхъ нами извлеченій, мы и предлагаемъ теперь читателямъ «Историческаго Вѣстника», въ болѣе или менѣе сгруппированномъ видѣ.

рынѣ, смотрѣвшей на это зрѣлище изъ дворцовыхъ оконъ, доставило оно «немалое веселіе».

Что касается собственно сценическихъ зрѣлищъ того времени, то ихъ выборъ въ Петербургѣ довольно часто пополняли и разнообразили наѣзжавшіе изъ заграницы искусники и антрепренеры, сманенные слухами о тароватости русскихъ и объ ихъ любви къ развлеченіямъ. Такимъ образомъ, въ дни Анны Ивановны мы встрѣчаемъ въ Петербургѣ заѣзжихъ савояровъ «съ дѣланнымъ въ Версаліи кабинетомъ восковыхъ фигуръ», фокусниковъ, арлекиновъ съ театрами маріонетокъ, акробатовъ и друг. Нѣкоторые изъ нихъ удостоивались особаго покровительства двора. Этимъ могли похвастаться, между прочимъ, прибывшіе въ 1738 г. изъ Голландіи «комедіанты». Они получили «отъ двора позволеніе играть въ лѣтнемъ дворцѣ на театрѣ», съ правомъ взымать плату съ «смотрѣльщиковъ»—за 1-е мѣсто 50 коп. съ человѣка, за 2-е—25 к., а за 3-е—10 коп. Въ афишахъ «комедіанты» эти оповѣщали о себѣ, что они «по веревкамъ танцуютъ, на воздухѣ прыгаютъ, на лѣстницѣ ни за что не держась въ скрыпкѣ играютъ, съ лѣстницею ходя пляшутъ, безмѣрно высоко скачутъ и другія удивительныя вещи дѣлаютъ».

Въ категорію сценическихъ зрѣлищъ при дворѣ Анны Ивановны входили также разные физико-механическіе опыты, устройствомъ которыхъ занимались ученые члены академіи наукъ. Такъ, въ 1734 г. нѣсколько разъ во дворцѣ, «къ высочайшему удовольствію» императрицы, показывались «острономическія обсерваціи», а также «пневматическіе и гидравлическіе опыты.»

Довольно обильная свѣдѣніями въ вышепредставленномъ родѣ, журналистика обозрѣваемаго періода значительно уже скуднѣе извѣстіями, касавшимися другихъ сторонъ городской и общественной жизни.

Относительно городскаго хозяйства, благоустройства и полицейскаго управленія столицы, всѣ почти извѣстія исчерпываются справочными цѣнами, вызовами «охочихъ людей» на подрядныя работы по различнымъ городскимъ постройкамъ, на поставки съѣстныхъ и другихъ вещевыхъ припасовъ для дворца, шляхетскаго кадетскаго корпуса и проч., вызовомъ арендаторовъ для взятія на откупъ единственнаго тогда чрезъ Неву Исакіевскаго плашкоутнаго моста, за проходъ и проѣздъ чрезъ который взималась опредѣленная плата, наконецъ — сообщеніями о чрезвычайныхъ происшествіяхъ да свѣдѣніями объ отъѣзжающихъ заграницу.

Въ числѣ извѣстій о событіяхъ и происшествіяхъ, рядомъ съ описаніемъ, напр., «посвященія преизрядныхъ и великихъ органовъ» въ лютеранской церкви (1737 г.), разрушенія громомъ церквей Петропавловской и Исакіевской, происшедшаго въ одинъ день въ 1735 г., и т. п., встрѣчаемъ изрѣдка и такіе «факты», съ при-

мѣсью юмористическаго оттѣнка и весьма цѣнные для характеристики нравовъ:

«На сихъ дняхъ — читаемъ въ «Вѣдомостяхъ» за 1731 годъ (№ 39) — случилось здѣсь (въ Москвѣ) зѣло рѣдкое приключеніе. А именно: нѣкоторый кавалергардъ полюбилъ недавно нѣкоторую россійской шляхетской породы дѣвицу. Но понеже онъ ее инымъ образомъ получить не могъ, какъ силою, что онъ ее увезти намѣрился, то нашелъ къ тому на сихъ дняхъ сей случай: какъ помянутая дѣвица съ бабкою выѣхала, взялъ онъ ее отъ ея бабки изъ кареты силою и поѣхалъ въ церковь, въ которой онъ попу тоя церкви себя съ оною дѣвицею немедленно обвѣнчать велѣлъ, и потомъ домой поѣхалъ, ради совершенія сего начатаго законнаго брака. Между тѣмъ, учинилось сіе при дворѣ извѣстно, и тогда въ домѣ новобрачныхъ того-жъ числа нѣкоторая особа отправлена, дабы оныхъ застать. Сія особа прибыла туда еще въ самую хорошую пору, какъ женихъ раздѣвался, а невѣста уже на постели лежала. Онъ взятъ того-жъ числа съ попомъ и со всѣми, которые ему въ томъ помогали, подъ караулъ, и нынѣ всякъ зѣло желаетъ вѣдать, какимъ образомъ сіе куріозное и любительное приключеніе окончится».

«Вѣдомости» давали также некрологи важныхъ и чиновныхъ лицъ. Однажды, въ 1730 году, былъ данъ некрологъ объ одной дѣвицѣ, заслужившей такую честь своимъ артистическимъ талантомъ. Это была фрейлина Фонъ-Фикъ, умершая на 24 году жизни, «которая, хотя въ ея младыхъ лѣтахъ глаза отъ оспы весьма повреждены были, однакожъ въ інструментальной музыкѣ зѣло искусна была, и тако объ ней каждый сожалѣетъ...»

Печатались также въ тогдашнихъ газетахъ важнѣйшіе указы и правительственныя распораженія, военныя реляціи и проч. Вотъ одно весьма интересное «правительственное сообщеніе», которое не могло, конечно, попасть въ «Полное Собраніе Законовъ». Оно было напечатано просто «для извѣстія», въ видѣ простаго опроверженія невѣрнаго сообщенія иностранныхъ газетъ.

«Понеже, — читаемъ тамъ, — въ 36-й части Кенигсбергскихъ Вѣдомостей, на 285 страницѣ, въ артікулѣ изъ Абова, отъ 7-го дня апрѣля (1730 г.) объявлено было, якобы нѣкоторой швецкой капитанъ съ женою и 4 дѣтьми и служанкою, изъ Россіи въ свое отечество ѣхавши, недалеко отъ С.-Петербурга на границѣ отъ нѣкотораго корчемника, которой можетъ у него какія деньги усмотрѣлъ, со всѣми при немъ бывшими убитъ и подъ избу въ яму брошенъ. Но здѣсь о такомъ смертномъ убивствѣ весьма неизвѣстно, которое такожде и подлинно не учинено. То разсуждено быть потребно, чтобъ о сей неосновательной вѣдомости публично объявить, дабы Россійскія границы, въ которыхъ, ради учинен-

образованнаго общества, пользовались разные монстры и уроды, нарочно привозимые въ Петербургъ, иногда по указамъ, а также пріѣзжавшіе сами изъ-за границы ради наживы.

Въ 1734 г. «Вѣдомости» извѣщали о прибытіи въ столицу «англійскаго позітурнаго мастера, которой безъ ногъ родился и уже честь имѣлъ многихъ государей своими удивительными дѣйствіями увеселить», а теперь и «сюда прибылъ, чтобы здѣшнимъ охочимъ людямъ свое искусство показать».

Въ 1739 г. въ Петербургъ привезена была своя отечественная Пастрана — «мужицкая жена» Аксинья Иванова, 45 лѣтъ. Ее привезли по казенной надобности въ академію наукъ изъ Московской губерніи, какъ замѣчательный раритетъ, достойный вниманія науки. Аксинья была украшена щедрой къ ней природой пышной черной бородой, отъ 5 до 6 дюймовъ длиною, и усами. Борода стала рости у нея съ 20-ти лѣтняго возраста и была принята ею и ея близкими какъ особое благословеніе Божіе. Аксинья, по словамъ ученыхъ «Примѣчаній», «росту своихъ волосовъ не противилась и какъ стриженіемъ, такъ и вырываніемъ препятствовать оному не хотѣла, но за грѣхъ сіе признавала. А и мужъ ея того дѣлать ей не совѣтовалъ». Возникло было сомнѣніе — точно ли Аксинья женщина? Академія наукъ сомнѣніе это разсѣяла, подвергнувъ бородатую бабу «осмотрѣнію» и воочію убѣдившись, что она — «подлинная жена и во всемъ своемъ тѣлѣ, кромѣ уса и бороды, ничего мускова не имѣла». Тогда-же, при академіи, былъ снятъ съ нея «живописнымъ художествомъ портретъ» и напечатано въ академическомъ органѣ подробное ея описаніе.

При той скудости умственныхъ, отвлеченныхъ интересовъ, которымъ отличалось высшее общество временъ Анны Ивановны и она сама, спросъ на всевозможныя зрѣлища, тѣшившія глазъ и дѣйствовавшія на воображеніе, былъ особенно силенъ, и его удовлетвореніе было главнымъ средствомъ разбивать скуку безсодержательной жизни и наполнять досуги, въ которыхъ чувствовался такой избытокъ.

Кромѣ указанныхъ выше забавъ, кромѣ придворныхъ парадовъ, баловъ и театровъ, Анна Ивановна и ея современники развлекались часто еще множествомъ другихъ зрѣлищъ. Чаще всего и всего роскошнѣе устроивались тогда по разнымъ случаямъ необыкновенно затѣйливыя иллюминаціи съ разнообразными аллегоріями, эмблемами, стихотворными одами и надписями на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Журналы того времени полны подробныхъ описаній этихъ иллюминацій, и—этотъ предметъ заслуживалъ бы особой монографіи.

Особеннно пышны были иллюминаціи въ Петербургѣ по прибытіи сюда императрицы изъ Москвы въ 1732 г. Были, между прочимъ, устроены тріумфальныя, ворота, съ изображеніемъ самой

рубля за сотню и по 15 руб. за ящикъ. У него же можно было получить соленые цитроны, устрицы въ лимонномъ соку, каштаны (15 к. фунтъ), сельди, по 5 коп. штука, и другіе деликатесы. Иностранныя вина были чрезвычайно дешевы. У того же Далмана, напримѣръ, бутылка шампанскаго или бургонскаго вина стоила 50 коп.

Встрѣчаются также объявленія мастеровъ музыкальныхъ инструментовъ (віолей, скрипокъ, волторнъ и проч.), зубныхъ врачей, танцмейстеровъ, учителей и т. д. Въ 1736 году, зубной врачъ Германъ публиковалъ, что у него, кромѣ лѣченія зубовъ, «можно въ ваннѣ мыться» и пользоваться «парами изъ лѣкарственныхъ травъ».

Хуже всего, надо полагать, шла въ то время книжная торговля, которой занимались тогда преимущественно переплетчики (напр., переплетчикъ шляхетскаго корпуса), но главнымъ средоточіемъ ея была академическая книжная лавка. Изъ лавки этой знатнымъ лицамъ книги отпускались въ кредитъ, а можетъ быть и обязательно посылались безъ требованія. На этихъ-то покупателей академія жаловалась, что они и послѣ «многократныхъ напоминаній» долговъ за взятыя книги не платятъ, о чемъ и доводилось до свѣдѣнія публики съ повтореніемъ требованія внести деньги.

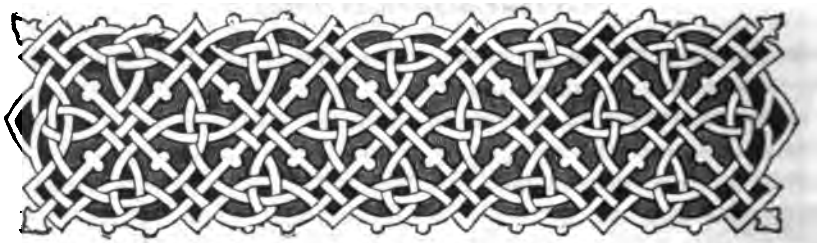
Вл. Михневичъ.

(Продолженіе будетъ).

КАРЛОВО ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ М. И. Сухомлинова «Полемическія статьи Пушкина», почтенный авторъ разсказываетъ, между прочимъ, любопытную исторію о томъ, какъ Булгаринъ просилъ у правительства 25,000 рублей подъ залогъ своего имѣнія — мызы Карлово, и какъ ему было отказано въ такой ссудѣ. Въ сороковыхъ годахъ, когда Булгаринъ игралъ весьма важную роль въ нашей журналистикѣ, названіе его мызы, гдѣ онъ постоянно проводилъ лѣто, было извѣстно всѣмъ: о ней очень часто поминалъ самъ Булгаринъ и писали его собратья. Недавно, просматривая для одной справки, «Иллюстрацію» 1847 года, мы нашли въ ней два вида Карлова. Такъ какъ эта мыза представляетъ своего рода историческій памятникъ, то мы воспроизводимъ здѣсь оба вида, вмѣстѣ съ сопровождающей ихъ статьею неизвѣстнаго автора, любопытной и по описанію дѣйствительно замѣчательной мѣстности, и по изложенію, свидѣтельствующему о вліяніи, которымъ пользовался Булгаринъ въ журналистикѣ того времени.

... Мы только что проѣхали Дерптъ, когда влѣво, на возвышенной окраинѣ долины, на которой построенъ этотъ городъ, на самомъ концѣ улицы, пролегающей отъ поворота на почтовую станцію, я увидѣлъ красиво растянувшееся, чистое строеніе съ легкимъ характеромъ готицисма въ стилѣ; зубчатый аттикъ, увѣнчанные башенками углы боковаго корпуса и главнаго зданія, средняя башня съ флагомъ, игра свѣта и тѣни на выступахъ, темная зелень, тамъ



СТАРИНА XVIII СТОЛѢТІЯ.

(По газетамъ и журналамъ того времени).

УРНАЛИСТИКА прошлаго столѣтія еще мало изслѣдована у насъ во всемъ ея объемѣ и во всемъ разнообразіи разсѣяннаго въ ней и затерявшагося фактическаго матеріала, весьма цѣннаго для исторіи быта, нравовъ, торговли, промышленности, искусства, администраціи, благоустройства и другихъ сторонъ жизни того времени. Рыться въ этихъ сугробахъ пыльныхъ и ветхихъ продуктовъ нашей старинной печати, въ надеждѣ на сотни, приблизительно, безсодержательныхъ страницъ найти одну, другую цѣнную строчку—дѣло не легкое, и, обыкновенно, занимавшіеся имъ изслѣдователи искали здѣсь только то, что имъ нужно для ихъ спеціальной задачи. Въ преслѣдованіи такихъ-же спеціальныхъ задачъ, занимаясь нынѣ изученіемъ журналистики прошлаго столѣтія, мы однако поставили себѣ цѣлью при этомъ извлекать, по спопутности, всѣ попадающіеся въ этомъ матеріалѣ факты и свѣдѣнія, имѣющіе общій интересъ, и которые, быть можетъ, пригодятся другимъ изслѣдователямъ, избавивъ ихъ отъ лишняго, кропотливаго, «чернаго» труда. Часть этихъ-то, сдѣланныхъ нами извлеченій, мы и предлагаемъ теперь читателямъ «Историческаго Вѣстника», въ болѣе или менѣе сгруппированномъ видѣ.

I.

1730—1740 годы.

Императрица Анна Ивановна и ея вкусы.—Придворныя охоты и травли.—Быстрая ѣзда.—Джигитовки и наѣздничество.—Породистыя лошади.—Придворная «менажерея».—Безногій артистъ и русская Пастрана.—Иллюминація.—Народныя пиршества.—Заѣзжіе артисты и комедіанты.—Забавы астрономіей и механикой.—Городскія событія и происшествія.—Романъ съ препятствіями.—Виртуозка Фонъ-Фикъ.—Правительственное опроверженіе извѣстій о разбояхъ.—Табакерка Шафирова и петербургскіе воры.—Торгово-промышленныя объявленія.—Цѣны привозныхъ hors d'oeuvre'овъ стола.—Должники академической книжной лавки.

Въ началѣ 30-хъ гг. императрица Анна Ивановна и дворъ, какъ извѣстно, пребывали постоянно въ Москвѣ, поэтому и кругъ внутреннихъ извѣстій въ тогдашнихъ «Вѣдомостяхъ» почти исчерпывался одной московской жизнью. Кругъ этотъ былъ, впрочемъ, очень узкій въ газетахъ того времени вообще, и главнымъ образомъ сосредоточивался на однихъ придворныхъ событіяхъ, и то — праздничнаго лишь свойства. Между прочимъ, очень часто и обстоятельно доводилось до свѣдѣнія читающей публики о времяпрепровожденіи государыни, чѣмъ, сказать къ слову, «Вѣдомости» временъ Анны Ивановны характерно отличаются отъ газетъ при послѣдующихъ царствованіяхъ Елизаветы и Екатерины, когда газетныя свѣдѣнія по этой части стали значительно скуднѣе и лаконичнѣе.

«Едва не ежедневно по часу передъ полуднемъ е. и. в., — читаемъ въ «Вѣд.» за 1737-й годъ, смотрѣніемъ въ зимнемъ домѣ медвѣжьей и волчьей травли забавляться изволитъ»... Травились здѣсь не только волки и медвѣди, но и другіе звѣри, напр., олени, дикія свиньи и проч. Хроникеръ при этомъ аккуратно доводилъ до свѣдѣнія публики о каждомъ звѣрѣ, застрѣленномъ изъ августѣйшихъ рукъ. Разъ отличилась въ этомъ искусствѣ и юная принцесса Анна Леопольдовна: «изъ фузеи пулею» застрѣлила оленя...

Эти охотничьи забавы зимою происходили въ предѣлахъ столицы, а лѣтомъ въ Петергофѣ и другихъ загородныхъ резиденціяхъ.

Изъ другихъ родовъ спорта Анна Ивановна особенно любила лошадей и верховую, да и вообще всякую молодецкую, спортсменскую ѣзду. Нужно замѣтить, что даже во время обыкновенныхъ переѣздовъ сильные міра сего ѣздили тогда съ невѣроятной быстротой, достигавшей на хорошихъ дорогахъ и коротких разстояніяхъ положительно скорости почтоваго паровоза. Напр., путь между Москвой и Петербургомъ, по тогдашнему направленію въ 715 верстъ, императрицы Анна и Елизавета совершали свободно, съ большими роздыхами, въ трое сутокъ. Сохранился подробный раз-

въ казну. Однако же, каждому, съ женою, выданы были одежда, бѣлье, столовые приборы, посуда и т. п. въ количествѣ, которое для ссыльныхъ признавали достаточнымъ. Приводимъ списокъ гардероба и всего хозяйства, дозволенныхъ Остерману и женѣ его къ отвозу съ собою въ Березовъ:

Реэстръ сколько чего съ бывшимъ графомъ Остерманомъ и женою его принято:

Образъ Богоматери «Неопалимыя купины», безъ окладу.

Складни маленькіе рѣзные изъ кипарису, безъ окладу.

Образъ на маленькой доскѣ «семи отроковъ спящихъ» въ окладѣ серебряномъ и позолоченомъ.

Мощи святыя въ ковчегѣ серебряномъ позолоченомъ.

Образъ «Успѣнія Богоматери» на маленькой доскѣ.

Библія на нѣмецкомъ языкѣ; молитвенниковъ два, псалтырь слѣдовательная маленькая.

Казакинъ изарбатной голубой на подкладкѣ выбойчатой.

Двѣ пары платья черныя, одинъ гарнитуромъ подбитъ, а другой стамедомъ поношеный.

Кафтанъ съ камзоломъ нарциговые, шелкъ съ серебромъ клѣтчатые, пуговицы серебряныя, штаны такія-жъ.

Суртукъ парчевой на песцовомъ мѣху съ позументомъ и съ пуговицами золочеными.

Четверы штаны суконные, одни коричневые, двои дымчатые поношеные, четвертые черные.

Епанча исподняя голубая стеганая атласная.

Юпка атласная жаркая, стеганая, подложенная стаметомъ.

Юпка изарбатная исподняя подложена выбойкой.

Юпка черная грезетова верхняя.

Юпка гарнитуровая зеленая съ позументомъ серебрянымъ.

Юпка штофная черная верхняя.

Юпка гарнитуровая, померанцевая.

Юпка гарнитуровая гижевая.

Шлафоръ свистуновой зеленой.

Шлафоръ камчатной, головой, сѣро-горючевой.

Шлафоръ камчатной юловой фіолетовой.

Шлафоръ гарнитуровой, померанцевой.

Балахонъ желтой, атласной, стеганой на подкладкѣ голубой.

Балахонъ камчатной синій на подкладкѣ.

Балахонъ камчатной фіолетовой.

Балахонъ грезетовой черной.

Балахонъ атласной жаркой на подкладкѣ.

Балахонъ штофной черной.

Двѣнадцать паръ чулковъ женскихъ шелковыхъ и гарусные разныхъ цвѣтовъ поношеные.

Двѣ пары черевикъ штофныхъ поношеные.

Пара черевикъ шиты серебромъ.

Восемь скатертей новыхъ.

Четыре скатерти подержаныя, поровнѣе.

есть дюжинъ салфетокъ въ томъ числѣ четыре дюжины одного сорта, а двѣ дюжины разныхъ.

Двѣ дюжины простынь холстинныхъ тонкихъ.

Восемнадцать наволокъ подушечныхъ, холстинныхъ тонкихъ, въ томъ числѣ четыре малыя.

Двадцать одна рубаха мужскихъ голландскаго полотна.

Двѣ дюжины женскихъ рубахъ тонкихъ.

Шесть галстуховъ кисейныхъ.

Пять платковъ бумажныхъ карманныхъ.

Шесть косынокъ полотняныхъ.

Два корсета черные атласные на байкѣ бѣлой.

Дюжина ложекъ серебряныхъ.

Дюжина ножиковъ съ вилки въ футлярѣ.

Посуды столовой оловянной:

Дюжина блюдъ большихъ и малыхъ.

Тарелокъ три дюжины.

Шесть кастрюлекъ мѣдныхъ большихъ и малыхъ.

Три котла мѣдныхъ съ крышками.

Двѣ пары шандаловъ мѣдныхъ.

Чайникъ съ камфоромъ мѣдный.

Три таза мѣдные.

Чайникъ мѣдный большой.

Чайникъ мѣдной маленькой.

Маленькой котликъ мѣдной съ ручкою.

Иготь мѣдная съ листомъ.

Горшечикъ мѣдной съ крышкою.

Сковородка мѣдная съ крышкою.

Кувшинчикъ мѣдной маленькой.

Чашка оловянная, маленькая съ ручкою.

Горшечикъ оловянной маленькой съ крышкою.

Двѣ сковороды желѣзныя.

Перина пуховая и съ подушками и съ одѣялами и пуховичокъ маленькой съ подушкою.

Шуба полосная (?) женская, желтая, тафтяная на бѣльемъ мѣху.

Епанечка черная гарнитуровая на лисьемъ мѣху.

Одѣяло полосатое атласное на байкѣ.

Одѣяло байковое.

Одѣяло синее камчатное на заячьемъ мѣху.

Ящикъ оклеенъ въ кожѣ въ которомъ имѣетъ быть 22 сткляночки съ разными медикаментами.

Прибывшіе съ ними возокъ обитъ кожею, а внутри обитъ холстомъ бѣлымъ; сани обиты верхъ кожею, а внутри краснымъ сукномъ; двои сани обшивны.

При означенномъ же Остерманѣ люди: а именно мужскаго пола:

Лакеи: Павелъ Васильевъ.

Яковъ Өедоровъ.

Андрей Васильевъ.

ко мнѣ все-ли ты, мой другъ, въ дорогѣ былъ здоровъ и получилъ-ли ты мои прежнія письма два которыя я тебѣ писала.

«Благодарствую, мой батюшка дорогой, за милостивыя твои писанія, которыя я получила изъ Новгорода, также и посланные для меня гостинцы новогородскіе, а особливо благодарствую мой любезный другъ, что ты меня бѣдную любишь и помнишь, я надѣюсь, что и впредь также содержишь въ своей милости, а я тебя до смерти своей любить и почитать буду; я вчера была у брата твоего; было ему худо отъ болѣзни и я его многократно просила, чтобъ онъ послалъ по дохтура Захарья, онъ хотя не хотѣлъ, однако-жъ по многимъ моимъ словамъ послалъ и сегодня слава Богу гораздо лучше ему вчерашняго стало; ты, мой батюшка, пожалуй не печалься, ты какъ здравія своемъ не крѣпокъ и по мнѣ мой любимый другъ не печалься, я слава Богу и сынъ нашъ здоровы.

«Я вчера принуждена была обѣдать у Сенявина [1]), была у него жена именинница и я теперь къ тебѣ не могу много писать, для того, что не знала, что такъ скоро почта пойдетъ; сего часу прислали ко мнѣ сказать почтмейстера только дано.... (знать?) что еще обовъ нашъ не пріѣхалъ и изъ деревни нашей не бывали, я 4-й день послала Василья онъ еще не бывалъ, пива варить сегодня начали; отпиши, мой батюшка, сколько варъ варить, мнѣ кажется, что 5 варъ варить надо англинскаго полпива, велю 2 четверти сварить, обо всемъ стану писать къ тебѣ въ четвергъ [2]), а теперь ни коли успѣть, опасаюсь чтобъ почта не ушла; пожалуй мой другъ скажи отъ меня матушкѣ моей, чтобъ не прогнѣвалась на меня, что я къ ней не писала сегодни, истинно не успѣла.

«Любимой мой другъ дорогой батюшка Андрей Ивановичъ, живи весело и будь здоровъ и меня, бѣдную, люби всегда и я тебя до смерти буду любить вѣрная твоя Мареутченка Остерманова».

II.

(Отъ 5 марта?)

«Любимой мой другъ дорогой Андрей Ивановичъ!

«Прошу у тебя ради Бога пожалуй не печалься по мнѣ, я и сынъ нашъ слава Богу здоровы, послушай мой батюшка дорогой, ежели ты меня любишь, то пожалѣй своего здоровья не печалься ни о чемъ.

«Я сегодня къ брату твоему посылала, сказывалъ онъ въ опасномъ-же здоровьи своемъ каковъ былъ вчера.

«Пожалуй, мой батюшка, будь здоровъ любимой мой другъ Андрей Ивановичъ, я въ мысляхъ цѣлую ножки твои и любимую шейку твою, бѣдная твоя Мареутченка Остерманова.

III.

(Во второй половинѣ поста?)

«Батюшка мой дорогой Андрей Ивановичъ!

«Доношу тебѣ по приказу твоему, я людямъ деньги годовые и мѣсячные всѣмъ раздала; Синявинъ сказалъ, что у него погребъ очень великъ, льду въ него надобно 70 или 80 сажень и притомъ сказалъ, что можно намъ вмѣстѣ съ

---

[1]) Ульянъ Акимовичъ, генералъ-маіоръ, оберъ-коммиссаръ и директоръ надъ строеніями († 1740) жена его Евдокія Алексѣевна N. N. (Русск. род. кн. 1873 г., стр. 291).

[2]) 2 марта 1724 г. приходилось въ понедѣльникъ, слѣдовательно жена Остермана намѣревалась писать 5 марта.

I.

1730—1740 годы.

Императрица Анна Ивановна и ея вкусы.—Придворныя охоты и травли.—Быстрая ѣзда.—Джигитовки и наѣздничество.—Породистыя лошади.—Придворная «менажерея».—Безногій артистъ и русская Пастрана.—Иллюминаціи.—Народныя пиршества.—Заѣзжіе артисты и комедіанты.—Забавы астрономіей и механикой.—Городскія событія и происшествія.—Романъ съ препятствіями.—Виртуозка Фонъ-Фикъ.—Правительственное опроверженіе извѣстій о разбояхъ.—Табакерка Шафирова и петербургскіе воры.—Торгово-промышленныя объявленія.—Цѣны привозныхъ hors d'oeuvre'овъ стола.—Должники академической книжной лавки.

Въ началѣ 30-хъ гг. императрица Анна Ивановна и дворъ, какъ извѣстно, пребывали постоянно въ Москвѣ, поэтому и кругъ внутреннихъ извѣстій въ тогдашнихъ «Вѣдомостяхъ» почти исчерпывался одной московской жизнью. Кругъ этотъ былъ, впрочемъ, очень узкій въ газетахъ того времени вообще, и главнымъ образомъ сосредоточивался на однихъ придворныхъ событіяхъ, и то — праздничнаго лишь свойства. Между прочимъ, очень часто и обстоятельно доводилось до свѣдѣнія читающей публики о времяпрепровожденіи государыни, чѣмъ, сказать къ слову, «Вѣдомости» временъ Анны Ивановны характерно отличаются отъ газетъ при послѣдующихъ царствованіяхъ Елизаветы и Екатерины, когда газетныя свѣдѣнія по этой части стали значительно скуднѣе и лаконичнѣе.

«Едва не ежедневно по часу передъ полуднемъ е. и. в., — читаемъ въ «Вѣд.» за 1737-й годъ, смотрѣніемъ въ зимнемъ домѣ медвѣжьей и волчьей травли забавляться изволитъ»... Травились здѣсь не только волки и медвѣди, но и другіе звѣри, напр., олени, дикія свиньи и проч. Хроникеръ при этомъ аккуратно доводилъ до свѣдѣнія публики о каждомъ звѣрѣ, застрѣленномъ изъ августѣйшихъ рукъ. Разъ отличилась въ этомъ искусствѣ и юная принцесса Анна Леопольдовна: «изъ фузеи пулею» застрѣлила оленя...

Эти охотничьи забавы зимою происходили въ предѣлахъ столицы, а лѣтомъ въ Петергофѣ и другихъ загородныхъ резиденціяхъ.

Изъ другихъ родовъ спорта Анна Ивановна особенно любила лошадей и верховую, да и вообще всякую молодецкую, спортсменскую ѣзду. Нужно замѣтить, что даже во время обыкновенныхъ переѣздовъ сильные міра сего ѣздили тогда съ невѣроятной быстротой, достигавшей на хорошихъ дорогахъ и короткихъ разстояніяхъ положительно скорости почтоваго паровоза. Напр., путь между Москвой и Петербургомъ, по тогдашнему направленію въ 715 верстъ, императрицы Анна и Елизавета совершали свободно, съ большими роздыхами, въ трое сутокъ. Сохранился подробный раз-

комъ [1]) въ двухъ моихъ письмахъ и нынѣ еще повторяю, здравствуй мой батюшка дорогой и дай Богъ многія лѣта тебѣ, моему другу жить въ добромъ здоровьѣ и въ радости, и мнѣ-бъ тебя любимаго своего друга видѣть по скорѣе, а я благодарю Бога, что сей праздникъ прошелъ, я бы желала чтобъ вся недѣля прошла по скорѣе для того, что мнѣ пуще въ праздникъ томно и скучаю, самъ ты, мой другъ, можешь разсудить есть-ли мнѣ причина тужить въ праздникъ такой великой, всѣ веселятся въ домѣхъ своихъ со своими мужьями, также со своими сродниками, а я бѣдная теперь одна, была я вчера у обѣдни, сколько могла крѣпилась, чтобы въ такой великой день не плакать, только не могла укрѣпить слезы, сами пошли, когда я поѣхала отъ церкви подумала, что сегодня великой праздникъ, я пріѣду домой, кто меня встрѣтитъ, кто меня ласковымъ словомъ утѣшитъ, кто обо мнѣ попеченье имѣетъ, когда ты мой другъ при мнѣ былъ, я пріѣду домой, ты меня встрѣтишь [2]) съ пріятностью, милостивыми словами и имѣешь о мнѣ попеченіе. «Маѳутка, что тебѣ сегодня ѣсть и чтобъ тебѣ было угодно?» нынѣ кто обо мнѣ такъ имѣетъ попеченіе, когда я сіе все стану думать, какъ я могу, бѣдная, не плакать, хоть я надѣюсь на Бога, что онъ дастъ тебѣ, моему другу здоровье и дастъ мнѣ тебя видѣть и ты меня содержишь въ неотмѣнной своей милости, однако-жъ не могу вѣрить, что такъ моего милаго друга скоро видѣть; вчера у меня послѣ обѣда былъ Семенъ Ивановичъ съ женою, я просила ихъ, чтобъ они обѣдали у меня, они сказали, что у нихъ дѣти дома желаютъ быть съ ними, обѣдать еще пришелъ Шубертъ поздравствовать, я его удержала обѣдать, обѣдали у меня Шубертъ и наша мама [3]) и я, и это первый разъ, что я безъ тебя обѣдала въ средней горницѣ, послѣ обѣда дѣлать нечего, сидѣть не съ кѣмъ, я, бѣдненькая посидѣла маленько съ Федюшею [4]) онъ ничего не смыслитъ, пришла къ себѣ и легла на постель, не вставала до вечеренъ, послѣ пріѣхалъ Сенявинъ и жена его, ради ихъ встала съ постели и сидѣла съ ними.

«Благодарствую мой батюшка за твои милостивыя письма, которое писано отъ тебя марта 27 числа я получила апрѣля 8-го дня и впредь прошу, пожалуй мой другъ, какъ возможно пиши, у меня только и радости, что твои милостивыя письма, особливо благодарю за присланныя отъ тебя плетешки и Федяша нашъ благодаритъ за нихъ и ему потребны.

V.

Изъ С.-Пб. апрѣля 6 дня.

«Изволишь ты мой батюшка ко мнѣ писать о бабушкѣ, ѣздитъ-ли она ко мнѣ часто? Она послѣ тебя у меня только 1 разъ была съ Фельтеновою женою [5]), говоритъ, что ей часто ѣздить нельзя, что много у ней рожаницъ, когда мнѣ будетъ потребно чтобъ я по нее прислала, ты мой батюшка вѣдаешь самъ, что она живетъ за рѣкою, а ежели мнѣ потребно будетъ ночью, когда мнѣ по нее

---

[1]) Свѣтлаго Христова воскресенія: въ 1724 году оно было 5 апрѣля; въ этотъ-же день вскрылась Нева.

[2]) Доказательство, что Остерманъ не переходилъ въ православіе, такъ какъ жена его одна ѣздила въ церковь къ заутрени Свѣтлаго Воскресенія.

[3]) Домоправительница или «барская барыня» въ семействѣ Остермана, но, разумѣется не мать его супруги.

[4]) Сыну Остермана былъ тогда годъ и двѣ недѣли отъ роду.

[5]) Фельтенъ былъ обер-кухмистеромъ Петра Великаго. Одна изъ его дочерей была за академикомъ Таубертомъ, другая за царскимъ деньщикомъ Древникомъ.

посылать? у насъ рѣка до сего времени стояла, а нынѣ я чаю, въ сихъ дняхъ, пройдетъ, а по нее пошлю и стану ее просить, чтобъ она у меня жила, ежели при послѣднихъ дняхъ она у меня не станетъ жить, я не знаю какъ мнѣ быть, что никого у меня нѣтъ, только надежда моя на Бога, что онъ изволитъ дать ли мнѣ тебя, моего друга, видѣть и въ какомъ состояніи ты меня застанешь; до сего времени, слава Богу, здорова, а впредь что Богъ изволитъ...

«Я Фельтенову просила о кормилицѣ, она указала на бабушку, что она можетъ сыскать, та разсмѣялась только: «добре, я буду посмотрѣть». Послѣ того она у меня не была, я не знаю какова бабушка при своемъ дѣлѣ будетъ, только на словахъ показывается гораздо спѣсива, не такова что мать. Только я тебя прошу, мой любимой другъ, ты обо мнѣ не печалься, я слава Богу, до сего времени, хотя мнѣ не безъ тягости было, однако-жъ, благодарю Бога, не гораздо больна; я тебѣ объявляю, что вчера у обѣдни была я, потому можешь разумѣть, что еще не больна, коли могу ѣздить со двора, пуще мнѣ всего, ты-бы мой другъ былъ здоровъ.

«Я тебѣ мой другъ доношу, что ты обо мнѣ не думай и прежде мая мѣсяца отъ меня новой вѣдомости получить не можешь, однако-же я тебя мой батюшка нынѣ прошу, пожалуй отпиши ко мнѣ ежели Богъ совершитъ свою милость, дастъ мнѣ животъ и ребенокъ родится живъ, сынъ или дочь, какъ ты, свѣтъ мой, прикажешь дать ему имя и кому его крестить? хотя онъ здоровъ будетъ однако жъ лучше поскорѣе крестить и безъ всякихъ чиновъ, когда ты, мой батюшка, пріѣдешь съ дороги, и еще тебѣ тутъ будетъ много труда, мнѣ тебя жаль, что и такъ тебѣ довольно труда; Богу единому извѣстно, каково мнѣ твое здоровье потребно и каковъ ты мнѣ милъ нынѣ въ какомъ я состояніи обрѣтаюсь; однако-жъ ради тебя желаю себѣ живота, хотя-бы и умерла только-бы при твоихъ глазахъ и въ твоихъ дорогихъ рукахъ. Батюшка мой дорогой Андрей Ивановичъ, Федюша нашъ проситъ отъ тебя благословеніе, а я мыслями своими цалую всѣ пальчики и прошу Бога, чтобъ тебя видѣть по скорѣе, а ты меня содержи въ милости своей, я до смерти моей пребуду вѣрный твой юнченка (sic) которой только любя тебя хочетъ жить на свѣтѣ. Мареутченка Остерманова».

Черезъ шестнадцать дней послѣ этого письма, Мареа Ивановна разрѣшилась отъ бремени дочерью, о рожденіи которой въ библіи Остермана находится слѣдующая помѣтка:

«1724 г. апр. 22 род. въ Петербургѣ, по утру въ третьемъ часу, въ мое отсутствіе дочь Анна, которая воспріята отъ св. крещенія бригадиромъ и лейб-гвардіи маіоромъ Ив. Мих. Лихаревымъ и графинею Настасіею Ермолаевною Матвѣевою» [1]).

Занося на листки своей библіи единственно событія семейныя, Остерманъ подъ 1725 годомъ отмѣтилъ еще два числа, особенно ему достопамятныя:

«1725 генв. 28, въ пятомъ часу по утру, скончался Петръ Великій государь императоръ всероссійскій».

«Апр. 25 по утру, между 4 и 5 часомъ, род. сынъ Иванъ и 29 числа того же мѣсяца крещенъ. Воспріемниками были братъ

[1]) Супругою графа Андрея Артамоновича (род. 15 авг. 1666 † 16 сент. 1728).

мой мекленбургскій тайный совѣтникъ и министръ при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ баронъ Иванъ-Христофоръ фонъ-Остерманъ, генералъ-лейтенантъ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка маіоръ Лихаревъ, теща моя Наталія Львовна Стрешнева и генералъ-маіорша Авдотья Алексѣевна Сенявина».

Перечисленіе наградъ и повышеній Остермана, въ періодъ времени съ 1725 по 1741 годъ, отвлекло бы насъ отъ главнаго предмета нашей статьи — обзора его отношеній семейныхъ, замѣтимъ только, что въ декабрѣ 1725 года супруга его была пожалована въ статсъ-дамы императрицы [1]).

При несчастной правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, Остерманъ, какъ извѣстно, былъ кабинетъ-министромъ, сенаторомъ, генералъ-адмираломъ, графомъ, кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Сыновья его, въ чинахъ капитановъ гвардіи, имѣли александровскія ленты. Нѣжный и заботливый отецъ, графъ Остерманъ, при содѣйствіи своего секретаря Гросса, далъ имъ превосходное воспитаніе; руки его дочери, графини Анны Андреевны, искали молодые люди знатнѣйшихъ фамилій.

Въ теченіи почти двадцати лѣтъ, свидѣтель и отчасти пособникъ паденій Шафирова, Меншикова, Долгорукихъ, наконецъ, могущественнѣйшаго изъ всѣхъ этихъ временщиковъ — Бирона, графъ Андрей Ивановичъ предугадывалъ свое неминуемое паденіе и сопряженный съ нимъ государственный переворотъ. Простоватая, недальновидная и ребячески довѣрчивая правительница Анна Леопольдовна смѣялась надъ опасеніями Остермана. За два дня до сверженія принцессы, Остерманъ предостерегалъ ее, совѣтуя принять рѣшительныя мѣры противъ заговора приверженцевъ Елизаветы; но правительница, не слушая его, показывала ему новую кружевную рубашку своего сына.

Заговоръ созрѣвалъ подъ лучами любви войскъ и народа къ дочери Петра и жгучей ненависти къ нѣмецкой партіи. Въ ночь съ 24 на 25 ноября, у графа Головкина былъ балъ по случаю именинъ его супруги, хотя онъ самъ хворалъ подагрою, точно такъ же, какъ и Остерманъ. На утро вся столица привѣтствовала восшествіе Елизаветы Петровны на престолъ. Начались аресты. Графы Остерманъ, Головкинъ, Минихъ, Левенвольде, баронъ Менгденъ и его сестры, генералы Стрѣшневъ, Альбрехтъ, Тимирязевъ, захваченные у себя въ домахъ, были подъ крѣпкимъ карауломъ отправлены въ Петропавловскую крѣпость; бумаги ихъ были опечатаны, на имущества — движимыя и недвижимыя — наложенъ секвестръ. На первыхъ порахъ не отдѣляли правыхъ отъ виноватыхъ и общее

---

[1]) Такъ показано у Карабанова («Русск. Стар.» 1870 г. томъ II, стр. 456). У А. Терещенко въ 1730 (стр. 101) въ запискахъ герцога де-Лирія («Русск. Стар.» 1873 г. томъ VIII, стр. 38) подъ 3 числомъ мая (22 апрѣля) того-же года.

число арестованыхъ по распоряженію новаго правительства простиралось до сорока лицъ обоего пола, изъ которыхъ восемнадцать причастныхъ только дѣлу Остермана: то были его жена, дѣти, секретари его Кэръ, Гроссъ и нѣкоторые изъ чиновниковъ и служителей. Впрочемъ, многіе изъ послѣднихъ были вскорѣ освобождены.

Графъ Остерманъ, пораженный несчастіемъ, заболѣлъ на столько опасно, что врачи не ручались за продолженіе его жизни до произнесенія приговора. Нѣмецкій біографъ его говоритъ [1]: — «У него была рана на ногѣ, которая во время заключенія, не безъ умысла съ его стороны, или просто по неосмотрительности, доподлинно сказать не могу, до того разболѣлась, что перешла въ раковидную, или скорѣе гангренозную, и всѣ доктора рѣшили, что ему жить не долго. Поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы изъ крѣпости его перенесть въ Зимній дворецъ, гдѣ приложены были самыя заботливыя о немъ попеченія и уходъ. Императрица Елизавета приказала не только встрѣтить его ласково и заботиться о его здоровьи, но, какъ говорятъ, сказала при этомъ: «что ей жаль такъ жестоко поступать съ столь знаменитымъ старцемъ, но того требуетъ справедливость».

Особая коммиссія, назначенная для изслѣдованія преступленій сановниковъ, состояла изъ пяти членовъ; то были: графъ Ушаковъ, князь Трубецкой, генералъ Левашовъ, князь Куракинъ и тайный совѣтникъ Нарышкинъ.

Не смотря на гуманное изрѣченіе Елизаветы, что подчиненные не отвѣтчики за своихъ начальниковъ, — графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ и князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, эти ученики Преображенскаго приказа и дилеттанты Бироновскихъ застѣнковъ, съумѣли при допросахъ на столько припугнуть несчастнаго Гросса, что 1 января 1742 года онъ застрѣлился! Въ оставленной имъ запискѣ онъ написалъ только: «Пожертвованіе моею жизнію есть самая малая мною испытанная потеря» [2]). Черезъ два дня графъ Остерманъ писалъ старшему своему брату: «Желая вамъ отъ всего сердца всевозможнаго счастія и благополучія на всю вашу остальную жизнь, симъ навсегда прощаюсь съ вами и прошу васъ присоединить ваши молитвы къ моимъ, да отпуститъ Всевышній всѣ мои прегрѣшенія» [3]). Графъ ожидалъ близкой смерти отъ болѣзни, или на эшафотѣ, къ которому его вели прямымъ путемъ допросы пристрастныхъ судей. Ихъ приговоръ былъ достоинъ не только временъ усмиренія стрѣлецкихъ мятежей, но пожалуй и кровавой эпохи Грознаго. Остерманъ былъ присужденъ къ колесованію жи-

---

[1]) Merckwürdiges Leben. стр. 279 — 280 и 140 — 141.

[2]) Merckwürdiges Leben, стр. 140 — 141.

[3]) Тамъ-же стр. 279.

вымъ, Минихъ къ четвертованію, Головкинъ, Левенвольде, Менгденъ, Стрѣшневъ и Темирязевъ — къ отсѣченію головъ.

День казни былъ назначенъ на 18 января 1742 года. Къ эшафоту, воздвигнутому на Васильевскомъ островѣ, передъ зданіемъ двѣнадцати коллегій (на мѣстѣ нынѣшняго биржеваго сквера), потянулся изъ крѣпости рядъ простыхъ крестьянскихъ саней съ государственными преступниками. Первымъ везли Остермана, въ шубѣ, тепломъ шлафрокѣ и въ колпакѣ; за нимъ Минихъ, который ради какого то мелодраматическаго эффекта облачился въ красный, военный плащъ, въ которомъ совершалъ походы въ Данцигъ и къ Очакову. Шесть тысячъ гвардейскихъ солдатъ и массы народа окружали эшафотъ. Осмермана внесли на него на носилкахъ и посадили на стулъ, потомъ сняли со старика колпакъ и парикъ. Съ развѣвающимися клочьями сѣдыхъ волосъ, морщась отъ боли въ ногахъ, но совершенно спокойно, графъ выслушалъ чтеніе приговора. Біографы удивляются его хладнокровію, но причиною таковому была, конечно, твердая увѣренность въ милосердіи императрицы, которая въ самую ночь восшествія своего на престолъ, предъ иконою Спасителя, дала клятву никого не казнить смертію. Эта клятва, безъ сомнѣнія, была не безъизвѣстна Остерману. Съ тѣмъ же спокойствіемъ онъ, снятый со стула и опущенный на колѣна на помостъ, положилъ голову на плаху. Палачъ оправилъ воротъ сорочки, поднялъ топорь и мгновенно отвелъ его въ сторону и опустилъ на помостъ при словѣ: прощеніе. Императрица замѣнила смертную казнь пожизненною ссылкою для всѣхъ осужденныхъ. Удѣломъ Остермана былъ назначенъ Березовъ, — могила Меншикова и его несчастной дочери, бывшей царской невѣсты. Вѣсть о своемъ помилованіи Остерманъ выслушалъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ и чтеніе приговора. Тихимъ, ровнымъ голосомъ онъ спросилъ свой парикъ и колпакъ, застегнулъ воротъ сорочки, надѣлъ шубу. До окончанія безкровной экзекуціи своихъ сотоварищей онъ оставался на помостѣ эшафота; затѣмъ былъ отвезенъ въ крѣпостную казарму, гдѣ былъ встрѣченъ своею доброю и вѣрною Маѳою Ивановною. Она не могла раздѣлить съ мужемъ смертной чаши, въ случаѣ его казни; но съ радостью готовилась сопровождать его въ далекое изгнаніе. Къ чести женъ всѣхъ ссыльныхъ онѣ сопровождали своихъ мужей и въ Сибирь, и въ отдаленныя захолустья Россіи... «Жены осужденныхъ», говоритъ Манштейнъ [1]), «получили позволеніе поселиться въ своихъ помѣстьяхъ и не слѣдовать за мужьями въ ссылку; но ни одна изъ нихъ не захотѣла воспользоватьсь этою милостью».

Не умаляя достоинствъ и геройства женъ «декабристовъ», раз-

---

[1]) «Записки» изд. 1875 г., стр. 287.

дѣлившихъ съ ними ссылку въ 1826 году, мы позволимъ себѣ только замѣтить, что за 84 года передъ тѣмъ обстановка ссыльныхъ была совершенно иная, а графинѣ Марѳѣ Ивановнѣ Остерманъ было уже сорокъ четыре года отъ рожденія, мужу ея 56 лѣтъ, это былъ больной, полуразслабленный подагрикъ, требовавшій ухода и неустанныхъ попеченій...

Въ силу высочайшаго повелѣнія, чтобы утренняя заря не застала изгнанниковъ въ столицѣ, Остерманъ и супруга его, въ самыя сумерки 18 января 1742 года, снаряжаемы были въ дальній путь. Распоряженіе по отправкамъ ссыльныхъ возложено было на князя Якова Петровича Шаховскаго.

«По вступленіи моемъ въ казарму», разсказываетъ онъ въ своихъ «Запискахъ» [1]), «увидѣлъ я онаго, бывшаго кабинетъ-министра графа Остермана, лежащаго и громко стенящаго, жалуясь на подагру, который при первомъ взорѣ встрѣтилъ меня своимъ краснорѣчіемъ, изъявляя сожалѣніе о преступленіи своемъ и прогнѣвленіи нашей всемилостивѣйшей монархини, кое здѣсь я подробно описывать за излишнее почелъ; наконецъ просилъ онъ, чтобъ я представилъ ея величеству о милостивомъ и великодушномъ покровительствѣ дѣтей его [2]); а какъ я имѣлъ повелѣніе, чтобы всѣ говоренныя при отправкахъ онымъ арестантовъ рѣчи записывать и представить ея величеству, то приказалъ стоящему близъ меня для такихъ записокъ опредѣленному все то записать, а ему, бывшему графу Остерману, объявилъ, что оное отъ меня, куда надлежитъ, представлено будетъ. Потомъ, объявивъ ему высочайшій ея величества указъ, каковой каждому изъ нихъ при отправленіи объявлять было повелѣно, приказалъ офицеру опредѣленному къ его отвозу, чтобы его команды солдаты сего несчастнаго поднявъ съ постели отнесли и бережно положили въ сани, такъ какъ и все съ нимъ подлежащее отправилъ и велѣлъ оному офицеру въ пристойномъ порядкѣ совсѣмъ въ свой путь ѣхать; о женѣ-жъ его, при семъ случаѣ находившейся, кромѣ слезъ и горестнаго стенанія описывать не имѣю».

Имущества ссыльныхъ, въ томъ числѣ и Остермана, были конфискованы; всѣ ихъ брилліанты и драгоцѣнности вообще отобраны

---

[1]) Изданіе второе 1821 г. Часть первая, стр. 72 — 73.

[2]) Сыновья Остермана были капитанами гвардіи и александровскими кавалерами. Лишенные ордена, они были переведены тѣмъ-же чиномъ въ армію. Опала надъ ними была непродолжительна. Графъ Ѳедоръ Андреевичъ († 10 ноября 1804 г.) въ царствованіе Екатерины II былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ; графъ Иванъ Андреевичъ († 19 апрѣля 1811 г.) государственнымъ канцлеромъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. За пресѣченіемъ прямаго потомства графовъ Остермановъ, ихъ фамилія была присоединена къ фамиліи Толстыхъ, потомковъ дочери графа Андрея Ивановича.

въ казну. Однако же, каждому, съ женою, выданы были одежда, бѣлье, столовые приборы, посуда и т. п. въ количествѣ, которое для ссыльныхъ признавали достаточнымъ. Приводимъ списокъ гардероба и всего хозяйства, дозволенныхъ Остерману и женѣ его къ отвозу съ собою въ Березовъ:

Реэстръ сколько чего съ бывшимъ графомъ Остерманомъ и женою его принято:

Образъ Богоматери «Неопалимыя купины», безъ окладу.

Складни маленькіе рѣзные изъ кипарису, безъ окладу.

Образъ на маленькой доскѣ «семи отроковъ спящихъ» въ окладѣ серебряномъ и позолоченомъ.

Мощи святыя въ ковчегѣ серебряномъ позолоченомъ.

Образъ «Успѣнія Богоматери» на маленькой доскѣ.

Библія на нѣмецкомъ языкѣ; молитвенниковъ два, псалтырь слѣдовательная маленькая.

Казакинъ изарбатной голубой на подкладкѣ выбойчатой.

Двѣ пары платья черныя, одинъ гарнитуромъ подбитъ, а другой стамедомъ поношеный.

Кафтанъ съ камзоломъ нарциковые, шелкъ съ серебромъ клѣтчатые, пуговицы серебряныя, штаны такія-жъ.

Суртукъ парчевой на песцовомъ мѣху съ позументомъ и съ пуговицами золочеными.

Четверы штаны суконные, одни коричневые, двои дымчатые поношеные, четвертые черные.

Епанча исподняя голубая стеганая атласная.

Юпка атласная жаркая, стеганая, подложенная стаметомъ.

Юпка изарбатная исподняя подложена выбойкой.

Юпка черная грезетова верхняя.

Юпка гарнитуровая зеленая съ позументомъ серебрянымъ.

Юпка штофная черная верхняя.

Юпка гарнитуровая, померанцевая.

Юпка гарнитуровая гижевая.

Шлафоръ свистуновой зеленой.

Шлафоръ камчатной, гол
овой, сѣро-горючевой.

Шлафоръ камчатной юловой фіолетовой.

Шлафоръ гарнитуровой, померанцевой.

Балахонъ желтой, атласной, стеганой на подкладкѣ голубой.

Балахонъ камчатной синій на подкладкѣ.

Балахонъ камчатной фіолетовой.

Балахонъ грезетовой черной.

Балахонъ атласной жаркой на подкладкѣ.

Балахонъ штофной черной.

Двѣнадцать паръ чулковъ женскихъ шелковыхъ и гарусные разныхъ цвѣтовъ поношеные.

Двѣ пары черевикъ штофныхъ поношеные.

Пара черевикъ шиты серебромъ.

Восемь скатертей новыхъ.

Четыре скатерти подержаныя, поровнѣе.

есть дюжинъ салфетокъ въ томъ числѣ четыре дюжины одного сорта, а двѣ дюжины разныхъ.

Двѣ дюжины простынь холстинныхъ тонкихъ.

Восемнадцать наволокъ подушечныхъ, холстинныхъ тонкихъ, въ томъ числѣ четыре малыя.

Двадцать одна рубаха мужскихъ голландскаго полотна.

Двѣ дюжины женскихъ рубахъ тонкихъ.

Шесть галстуховъ кисейныхъ.

Пять платковъ бумажныхъ карманныхъ.

Шесть косынокъ полотняныхъ.

Два корсета черные атласные на байкѣ бѣлой.

Дюжина ложекъ серебряныхъ.

Дюжина ножиковъ съ вилки въ футлярѣ.

Посуды столовой оловянной:

Дюжина блюдъ большихъ и малыхъ.

Тарелокъ три дюжины.

Шесть кастрюлекъ мѣдныхъ большихъ и малыхъ.

Три котла мѣдныхъ съ крышками.

Двѣ пары шандаловъ мѣдныхъ.

Чайникъ съ камфоромъ мѣдный.

Три таза мѣдные.

Чайникъ мѣдный большой.

Чайникъ мѣдной маленькой.

Маленькой котликъ мѣдной съ ручкою.

Иготь мѣдная съ листомъ.

Горшечикъ мѣдной съ крышкою.

Сковородка мѣдная съ крышкою.

Кувшинчикъ мѣдной маленькой.

Чашка оловянная, маленькая съ ручкою.

Горшечикъ оловянной маленькой съ крышкою.

Двѣ сковороды желѣзныя.

Перина пуховая и съ подушками и съ одѣялами и пуховичокъ маленькой съ подушкою.

Шуба полосная (?) женская, желтая, тафтяная на бѣльемъ мѣху.

Епанечка черная гарнитуровая на лисьемъ мѣху.

Одѣяло полосатое атласное на байкѣ.

Одѣяло байковое.

Одѣяло синее камчатное на заячьемъ мѣху.

Ящикъ оклеенъ въ кожѣ въ которомъ имѣетъ быть 22 стткляночки съ разными медикаментами.

Прибывшіе съ ними возокъ обитъ кожею, а внутри обитъ холстомъ бѣлымъ; сани обиты верхъ кожею, а внутри краснымъ сукномъ; двои сани обшивны.

При означенномъ же Остерманѣ люди: а именно мужскаго пола:

Лакеи: Павелъ Васильевъ.

Яковъ Өедоровъ.

Андрей Васильевъ.

Поваръ — Иванъ Степановъ.

Женска полу изъ турчанокъ:

Настасья Яковлова и

Катерина Яковлева.

(Подписалъ) Поручикъ Дорофей Космачевъ.

Марта 12 дня 1742 года.

Для перевозки Остермана и жены его съ прислугами и всѣмъ имуществомъ назначено было двѣнадцать ямскихъ подводъ. Кормовыхъ денегъ во время пути и на мѣстѣ ссылки было опредѣлено господамъ въ сутки по рублю на каждую персону, прислугамъ по десяти копѣекъ. При каждомъ изъ ссылаемыхъ отряженъ конвой отъ гвардіи изъ одного оберъ-офицера, одного капрала и восьми рядовыхъ. Начальникомъ конвоя, сопровождавшаго графа Остермана, былъ назначенъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Ермолинъ.

Во второмъ часу ночи съ 18 на 19 января, печальный поѣздъ выѣхалъ изъ воротъ Петропавловской крѣпости и изчезъ во мракѣ и ночной, морозной мглѣ по направленію къ зимнему тихвинскому тракту, въ далекую Сибирь, на край свѣта. Черезъ два дня послѣдовало всемилостивѣйшее соизволеніе императрицы Елизаветы Петровны на присоединеніе къ ссыльнымъ трехъ лицъ, изъявившихъ добровольное желаніе находиться при нихъ. То были: пасторъ Мертенсъ — въ Пелымъ къ Миниху; пасторъ, бывшій при Биронѣ въ Пелымѣ — къ Остерману въ Березовъ [1]), и лекарь къ Левенвольде — въ Соликамскъ.

Тобольской губерніи, городъ Березовъ [2]), построенный въ 1593 году воеводою Никифоромъ Траханіотовымъ, лежитъ на трехъ холмахъ лѣваго берега рѣки Сосвы, въ 20 верстахъ отъ ея сліянія съ Обью. Онъ принадлежалъ сто сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ принадлежитъ и нынѣ, къ числу самыхъ пустынныхъ и унылыхъ мѣстностей Азіатской Россіи. Сосва, рѣчка Вогулка, ручьи: Стражичій и Култучный омываютъ эту мѣстность съ востока и сѣвера, съ запада и юга она окружена дремучими хвойными лѣсами кедровъ, елей, лиственницъ и сосенъ, въ лѣсахъ обширныя болотныя пространства. Рѣка Сосва, въ полноводіе соединяясь съ разными проточками и рѣчками, образуетъ разливъ шириною до 50 верстъ и, такимъ образомъ, Березовъ кажется какъ бы прилежащимъ морю. Почва подъ городомъ состоитъ на полъ-аршина, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и менѣе, изъ чернозема, ниже котораго—

---

[1]) Послѣ смерти Остермана въ 1747 году онъ переселился въ Ярославль, гдѣ былъ учителемъ нѣмецкаго языка Ѳедора Григорьевича Волкова — основателя русскаго театра.

[2]) 63° 56′ сѣв. шир. въ 82° 44′ вос. долготы, отъ Петербурга 3866 верстъ. — Н. А. Абрамовъ «Описаніе Березовскаго края».

глина и песокъ. Въ срединѣ города есть мѣста засоренныя и выбiющiяся, ниже которыхъ вода. Березовъ, особенно при въѣздѣ въ него въ зимнее время, походитъ на пустынное мѣсто, окруженное грудами снѣга и хвойными лѣсами, и возбуждаетъ какое то уныніе. Напротивъ, лѣтомъ мѣстоположеніе его очень пріятно, особено если смотрѣть на него изъ-за рѣки Сосвы [1]).

Но весна начинается въ исходѣ мая и выше 10° термометръ не поднимается; продолжительность лѣта — пять недѣль; въ половинѣ августа уже наступаетъ осень; въ первой половинѣ ноября — зима... Но какая зима! морозы бываютъ свыше 45°, ртуть свертывается и лежитъ безъ дѣйствія по нѣскольку дней, даже спиртъ густѣетъ. Иногда морозъ съ копотью захватываетъ дыханіе у человѣка и выдыхаемый паръ превращается въ иней, стекла въ окнахъ лопаются, щелкаютъ стѣны домовъ, ледъ и земля растрескиваются. Въ это время ночи бываютъ ясны и безоблачны, погода стоитъ тихая, звѣзды ярко горятъ. Самые короткіе дни бываютъ до 18 декабря. Солнце въ полдень бываетъ не выше какъ на 4° 15′ надъ горизонтомъ и лучи его падаютъ очень косвенно. Безмолвная пустынность царствуетъ въ полутемномъ городкѣ; взору представляются лишь необозримыя равнины снѣга. Въ это время видъ Березова, а равно и другихъ здѣшнихъ жилыхъ мѣстъ, соотвѣтствуетъ понятію о крайнихъ жилищахъ человѣка на сѣверѣ. Только хвойныя деревья — кедры, ели, сосны, по высокому росту и зелени, оживляютъ нѣкоторымъ образомъ пустынныя картины здѣшней зимы [2]).

И этотъ несчастный уголокъ, при маломъ своемъ населеніи, испытывалъ еще и бѣдствія, присущія большимъ городамъ. Въ 1607 и въ 1665 гг. его осаждали взбунтовавшіеся вогулы, остяки и самоѣды; въ 1719 г. онъ выгоралъ, въ томъ же и въ 1726 и 1730 годахъ въ Березовѣ свирѣпствовалъ голодъ; оспа и цынга пожирали многочисленныя жертвы...

«Синодикъ», т. е. поминальный списокъ именитыхъ ссыльныхъ въ Березовъ, начинается съ 1660 годовъ. Первымъ былъ князь Димитрій Ромодановскій, впослѣдствіи перевезенный въ Соловецкій монастырь. За нимъ, въ декабрѣ 1727 года — князь Меншиковъ, съ сыномъ и двумя дочерьми; въ 1730 — семейство Долгоруковыхъ; наконецъ 12 марта 1742 года — графъ Остерманъ съ супругою.

Зима была въ полной силѣ и всѣ тѣ унылыя картины мороза, вьюгъ и мятелей, о которыхъ мы упоминали выше, предстали утомленнымъ, заплаканнымъ глазамъ несчастныхъ изгнанниковъ.

Наступилъ праздникъ Свѣтлаго Христова воскресенія (18 апрѣля). Припоминала-ли графиня Марѳа Ивановна тѣ блаженныя

[1]) Н. А. Абрамовъ стр. 362—343.
[2]) Н. А. Абрамовъ, стр. 440.

счетъ одной изъ такихъ поѣздокъ (зимою): все путешествіе заняло времени 75 часовъ, въ томъ числѣ—46 часовъ въ ѣздѣ и 26 часовъ въ отдыхѣ на станціяхъ. Среднимъ счетомъ вышло по 14½ верстъ въ часъ, но были станціи—и не одна, на которыхъ царскій поѣздъ мчался съ быстротой 20—28-ми верстъ въ часъ, что равняется совершенно бѣшеной скачкѣ.

Анна Ивановна, какъ узнаемъ изъ «Вѣдомостей», любила подобнымъ образомъ кататься на саняхъ по городу, при сильномъ морозѣ. Затѣмъ, сама—ловкая наѣздница, она имѣла пристрастіе къ зрѣлищу конныхъ ристалищъ и джигитовокъ.

Въ 1730 г., проживая въ с. Измайловѣ, подъ Москвою, государыня нѣсколько разъ отправлялась оттуда, «съ великою свитою», въ «увеселительную мѣстность Грѣгора» (?), гдѣ каждый разъ «съ удовольствіемъ смотрѣть изволила», какъ на имѣвшемся тамъ «великомъ лугѣ», спеціально для ея забавы, отрядъ георгіанцевъ чинилъ на коняхъ свои «обыкновенныя и военныя экзерциціи» съ «неизреченнымъ искусствомъ». Эта забава обыкновенно оканчивалась «преизряднымъ» ужиномъ въ другомъ увеселительномъ домѣ близь Измайлова—Алексѣевскомъ.

Вообще наѣздничество и джигитская удаль были тогда, вѣроятно, въ большой модѣ въ высшемъ обществѣ, судя отчасти по слѣдующему факту, имѣвшему мѣсто въ Москвѣ въ 1731 году. Какъ-то генералъ Урбановичъ, изъ за этой именно удали, вздумалъ на лошади переплыть Москву-рѣку и—утонулъ на глазахъ сбѣжавшейся смотрѣть его ухарство толпы. Несчастный случай этотъ весьма опечалилъ дворъ.

Кстати, о лошадяхъ того времени. Можно заключить, что относительно породъ ихъ и статей тогдашніе спортсмены были очень прихотливы. Кромѣ русскихъ породъ, на придворныхъ, напр., конюшняхъ имѣлись «гишпанскія верховыя», «готландскія», «лифляндскія» и «неаполитанскія» лошади. Дружественные Россіи кабинеты, вѣроятно, въ угоду любви Анны Ивановны къ спорту, часто дарили ей прекрасныхъ лошадей. Такъ, австрійскій императоръ прислалъ шестерку неаполитанскихъ жеребцовъ каштановой масти, на которыхъ государыня въ 1732 г. торжественно въѣхала въ Петербургъ въ раззолоченной каретѣ. Шведскій король тоже дарилъ верховыхъ лошадей императрицѣ Аннѣ.

Не мало доставляли развлеченія скучающей Аннѣ Ивановнѣ и другія рѣдкія животныя, содержавшіяся въ придворной «менажереѣ», которая постоянно пополнялась. Важнымъ пріобрѣтеніемъ для нея была привезенная изъ Англіи въ 1737 г. «великая птица Струсъ или Строфокамилъ». Въ томъ-же году персидскій шахъ прислалъ императрицѣ въ даръ ученаго слона, котораго она, по его прибытіи, «болѣе часу смотрѣть изволила».

Равнымъ вниманіемъ какъ государыни, такъ и представителей

образованнаго общества, пользовались разные монстры и уроды, нарочно привозимые въ Петербургъ, иногда по указамъ, а также пріѣзжавшіе сами изъ-за границы ради наживы.

Въ 1734 г. «Вѣдомости» извѣщали о прибытіи въ столицу «англійскаго позітурнаго мастера, которой безъ ногъ родился и уже честь имѣлъ многихъ государей своими удивительными дѣйствіями увеселить», а теперь и «сюда прибылъ, чтобы здѣшнимъ охочимъ людямъ свое искусство показать».

Въ 1739 г. въ Петербургъ привезена была своя отечественная Пастрана — «мужицкая жена» Аксинья Иванова, 45 лѣтъ. Ее привезли по казенной надобности въ академію наукъ изъ Московской губерніи, какъ замѣчательный раритетъ, достойный вниманія науки. Аксинья была украшена щедрой къ ней природой пышной черной бородой, отъ 5 до 6 дюймовъ длиною, и усами. Борода стала рости у нея съ 20-ти лѣтняго возраста и была принята ею и ея близкими какъ особое благословеніе Божіе. Аксинья, по словамъ ученыхъ «Примѣчаній», «росту своихъ волосовъ не противилась и какъ стриженіемъ, такъ и вырываніемъ препятствовать оному не хотѣла, но за грѣхъ сіе признавала. А и мужъ ея того дѣлать ей не совѣтовалъ». Возникло было сомнѣніе — точно ли Аксинья женщина? Академія наукъ сомнѣніе это разсѣяла, подвергнувъ бородатую бабу «осмотрѣнію» и воочію убѣдившись, что она — «подлинная жена и во всемъ своемъ тѣлѣ, кромѣ уса и бороды, ничего мускова не имѣла». Тогда-же, при академіи, былъ снятъ съ нея «живописнымъ художествомъ портретъ» и напечатано въ академическомъ органѣ подробное ея описаніе.

При той скудости умственныхъ, отвлеченныхъ интересовъ, которымъ отличалось высшее общество временъ Анны Ивановны и она сама, спросъ на всевозможныя зрѣлища, тѣшившія глазъ и дѣйствовавшія на воображеніе, былъ особенно силенъ, и его удовлетвореніе было главнымъ средствомъ разбивать скуку безсодержательной жизни и наполнять досуги, въ которыхъ чувствовался такой избытокъ.

Кромѣ указанныхъ выше забавъ, кромѣ придворныхъ парадовъ, баловъ и театровъ, Анна Ивановна и ея современники развлекались часто еще множествомъ другихъ зрѣлищъ. Чаще всего и всего роскошнѣе устроивались тогда по разнымъ случаямъ необыкновенно затѣйливыя иллюминаціи съ разнообразными аллегоріями, эмблемами, стихотворными одами и надписями на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Журналы того времени полны подробныхъ описаній этихъ иллюминацій, и—этотъ предметъ заслуживалъ бы особой монографіи.

Особеннно пышны были иллюминаціи въ Петербургѣ по прибытіи сюда императрицы изъ Москвы въ 1732 г. Были, между прочимъ, устроены тріумфальныя ворота, съ изображеніемъ самой

императрицы, передъ которой склонялся городъ Петербургъ, въ видѣ «дѣвицы», съ надписью на вѣнцѣ: «При тебѣ веселѣйшее!» Тутъ-же фигурировалъ «Аполлінъ съ десятью музами» и, «сидя подъ лавровою сѣнью», славилъ на своей лирѣ «любовь ея имп. величества къ наукамъ», съ такою надписью: «Возвеселюся и возрадуюся о тебѣ!»

Въ Петербургѣ иллюминаціи, при императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ, устраивались главнымъ образомъ на Васильевскомъ островѣ, на особо устроенномъ для того постоянномъ «ѳеатрумѣ», который возвышался, надо полагать, на нынѣшней Биржевой стрѣлкѣ надъ Невою, противъ Зимняго дворца, такъ что дворъ могъ любоваться иллюминаціями изъ его оконъ.

Здѣсь, собственно, устроивалась, по академической программѣ и на казенный счетъ, оффиціальная иллюминація, съ приличными случаю аллегоріями и картинами. Но въ торжественные дни, кромѣ того иллюминовался весь городъ, притомъ обязательно, такъ что, напр., въ 1740 г., «по приказу полиціи и въ самыхъ подлыхъ дворахъ (въ день коронаціи) ни на одномъ окнѣ меньше десяти свѣчъ зажечь не можно было», которыя, къ тому же, «надлежало, по словамъ современнаго хроникера, расположить пирамидальною фигурою». Изъ этого можно заключить, что иллюминація бывала тогда довольно обременительной повинностью.

За то «подлые» обыватели, т. е. низшій классъ народа, вознаграждался иногда довольно щедрымъ угощеніемъ отъ правительства, предлагаемымъ на площадяхъ въ особые высокоторжественные дни. Такой народный пиръ имѣлъ мѣсто, между прочимъ, въ 1740 г. на площади передъ Зимнимъ дворцомъ. Мѣсто это выбрано было отчасти для того, чтобы и здѣсь доставить увеселительное зрѣлище для императрицы—зрѣлище, обѣщавшее принять интересный видъ травли, которую такъ любила Анна Ивановна. Ожиданія оправдались, да и все для надлежащаго эффекта заранѣе было подготовлено.

На площади были выставлены два, цѣликомъ зажаренные быка, съ золоченными рогами. Другія яства, какъ-то: хлѣбы «разныхъ фигуръ», жаренныя рыбы, свиные окорока, птицы, колбасы и пр., были сложены пирамидами на пьедесталахъ и разставлены на столахъ. Тутъ-же находились бассейны, въ которые было вылито 60 бочекъ краснаго винограднаго вина, осушеннаго гостями, во время пира, «въ самое короткое время», по словамъ хроникера.

Въ центрѣ пиршества, надъ всѣми пирамидами была натянута огромная пелена изъ краснаго тонкаго сукна. По данному знаку, народъ бросился и въ мигъ эта пелена была изорвана въ мелкіе клочки, а въ слѣдующій затѣмъ мигъ было расхватано и растерзано, среди безобразной свалки, все изобильное угощеніе... Госуда-

рынѣ, смотрѣвшей на это зрѣлище изъ дворцовыхъ оконъ, доставило оно «немалое веселіе».

Что касается собственно сценическихъ зрѣлищъ того времени, то ихъ выборъ въ Петербургѣ довольно часто пополняли и разнообразили наѣзжавшіе изъ заграницы искусники и антрепренеры, сманенные слухами о тароватости русскихъ и объ ихъ любви къ развлеченіямъ. Такимъ образомъ, въ дни Анны Ивановны мы встрѣчаемъ въ Петербургѣ заѣзжихъ савояровъ «съ дѣланнымъ въ Версаліи кабинетомъ восковыхъ фигуръ», фокусниковъ, арлекиновъ съ театрами маріонетокъ, акробатовъ и друг. Нѣкоторые изъ нихъ удостоивались особаго покровительства двора. Этимъ могли похвастаться, между прочимъ, прибывшіе въ 1738 г. изъ Голландіи «комедіанты». Они получили «отъ двора позволеніе играть въ лѣтнемъ дворцѣ на театрѣ», съ правомъ взымать плату съ «смотрѣльщиковъ»—за 1-е мѣсто 50 коп. съ человѣка, за 2-е—25 к., а за 3-е—10 коп. Въ афишахъ «комедіанты» эти оповѣщали о себѣ, что они «по веревкамъ танцуютъ, на воздухъ прыгаютъ, на лѣстницѣ ни за что не держась въ скрыпкѣ играютъ, съ лѣстницею ходя пляшутъ, безмѣрно высоко скачутъ и другія удивительныя вещи дѣлаютъ».

Въ категорію сценическихъ зрѣлищъ при дворѣ Анны Ивановны входили также разные физико-механическіе опыты, устройствомъ которыхъ занимались ученые члены академіи наукъ. Такъ, въ 1734 г. нѣсколько разъ во дворцѣ, «къ высочайшему удовольствію» императрицы, показывались «острономическія обсерваціи», а также «пневматическіе и гидравлическіе опыты.»

Довольно обильная свѣдѣніями въ вышепредставленномъ родѣ, журналистика обозрѣваемаго періода значительно уже скуднѣе извѣстіями, касавшимися другихъ сторонъ городской и общественной жизни.

Относительно городскаго хозяйства, благоустройства и полицейскаго управленія столицы, всѣ почти извѣстія исчерпываются справочными цѣнами, вызовами «охочихъ людей» на подрядныя работы по различнымъ городскимъ постройкамъ, на поставки съѣстныхъ и другихъ вещевыхъ припасовъ для дворца, шляхетскаго кадетскаго корпуса и проч., вызовомъ арендаторовъ для взятія на откупъ единственнаго тогда чрезъ Неву Исакіевскаго плашкоутнаго моста, за проходъ и проѣздъ чрезъ который взималась опредѣленная плата, наконецъ — сообщеніями о чрезвычайныхъ происшествіяхъ да свѣдѣніями объ отъѣзжающихъ заграницу.

Въ числѣ извѣстій о событіяхъ и происшествіяхъ, рядомъ съ описаніемъ, напр., «посвященія преизрядныхъ и великихъ органовъ» въ лютеранской церкви (1737 г.), разрушенія громомъ церквей Петропавловской и Исакіевской, происшедшаго въ одинъ день въ 1735 г., и т. п., встрѣчаемъ изрѣдка и такіе «факты», съ при-

мѣсью юмористическаго оттѣнка и весьма цѣнные для характеристики нравовъ:

«На сихъ дняхъ — читаемъ въ «Вѣдомостяхъ» за 1731 годъ (№ 39) — случилось здѣсь (въ Москвѣ) зѣло рѣдкое приключеніе. А именно: нѣкоторый кавалергардъ полюбилъ недавно нѣкоторую россійской шляхетской породы дѣвицу. Но понеже онъ ее инымъ образомъ получить не могъ, какъ силою, что онъ ее увезти намѣрился, то нашелъ къ тому на сихъ дняхъ сей случай: какъ помянутая дѣвица съ бабкою выѣхала, взялъ онъ ее отъ ея бабки изъ кареты силою и поѣхалъ въ церковь, въ которой онъ попу тоя церкви себя съ оною дѣвицею немедленно обвѣнчать велѣлъ, и потомъ домой поѣхалъ, ради совершенія сего начатаго законнаго брака. Между тѣмъ, учинилось сіе при дворѣ извѣстно, и тогда въ домѣ новобрачныхъ того-жъ числа нѣкоторая особа отправлена, дабы оныхъ застать. Сія особа прибыла туда еще въ самую хорошую пору, какъ женихъ раздѣвался, а невѣста уже на постели лежала. Онъ взятъ того-жъ числа съ попомъ и со всѣми, которые ему въ томъ помогали, подъ караулъ, и нынѣ всякъ зѣло желаетъ вѣдать, какимъ образомъ сіе куріозное и любительное приключеніе окончится».

«Вѣдомости» давали также некрологи важныхъ и чиновныхъ лицъ. Однажды, въ 1730 году, былъ данъ некрологъ объ одной дѣвицѣ, заслужившей такую честь своимъ артистическимъ талантомъ. Это была фрейлина Фонъ-Фикъ, умершая на 24 году жизни, «которая, хотя въ ея младыхъ лѣтахъ глаза отъ оспы весьма повреждены были, однакожъ въ інструментальной музыкѣ зѣло искусна была, и тако объ ней каждый сожалѣетъ...»

Печатались также въ тогдашнихъ газетахъ важнѣйшіе указы и правительственныя распоряженія, военныя реляціи и проч. Вотъ одно весьма интересное «правительственное сообщеніе», которое не могло, конечно, попасть въ «Полное Собраніе Законовъ». Оно было напечатано просто «для извѣстія», въ видѣ простаго опроверженія невѣрнаго сообщенія иностранныхъ газетъ.

«Понеже, — читаемъ тамъ, — въ 36-й части Кенигсбергскихъ Вѣдомостей, на 285 страницѣ, въ артікулѣ изъ Абова, отъ 7-го дня апрѣля (1730 г.) объявлено было, якобы нѣкоторой швецкой капитанъ съ женою и 4 дѣтьми и служанкою, изъ Россіи въ свое отечество ѣхавши, недалеко отъ С.-Петербурга на границѣ отъ нѣкотораго корчемника, которой можетъ у него какія деньги усмотрѣлъ, со всѣми при немъ бывшими убитъ и подъ избу въ яму брошенъ. Но здѣсь о такомъ смертномъ убивствѣ весьма неизвѣстно, которое такожде и подлинно не учинено. То разсуждено быть потребно, чтобъ о сей неосновательной вѣдомости публично объявить, дабы Россійскія границы, въ которыхъ, ради учинен-

наго зѣло изряднаго и славнаго порядка, совершенная безопасность имѣется, отъ всякаго порицанія уволены были».

Весьма характеристична эта забота правительства «уволить» россійскія границы «отъ всякаго порицанія», главнымъ образомъ, конечно, въ глазахъ иностранцевъ, и, быть можетъ, точно, приведенная «вѣдомость» объ убійствѣ была вымышлена; но намъ хорошо извѣстно, что въ тѣ времена не только большія дороги, но даже улицы въ столицахъ далеко не могли похвастать «зѣло изряднымъ и славнымъ порядкомъ», относительно безопасности отъ грабежей и разбоевъ, случавшихся повсюду сплошь и рядомъ. Разъ былъ даже случай, что въ самой Петропавловской крѣпости грабители убили часоваго, взломали крѣпостную казну и унесли нѣсколько сотъ рублей безнаказанно.

Что касается простыхъ кражъ, то онѣ въ Петербургѣ были тогда весьма обыкновенны и случались даже въ императорскомъ дворцѣ. Въ «Вѣдомостяхъ» печатались изрѣдка по этому поводу довольно наивныя извѣщенія.

Въ 1736 году, у Шафирова стащили табакерку, цѣнностью въ 200 червонцевъ, и вотъ онъ заявляетъ, что «если кто бездѣльника объявитъ» или доставитъ украденную вещь, то получитъ 40 рублей награды. Другое лицо заявляетъ, что у него «покрадено изъ дому множество бѣлья»; третье, что у него «пропали четыре серебряные шандала»; четвертое, что у него «пропалъ мопсъ», и т. д. Всѣ они просятъ указать «бездѣльниковъ» или доставить вещи, въ чаяніи полученія награды. Отыскивались ли «бездѣльники» и похищенныя ими вещи при посредствѣ такихъ объявленій—неизвѣстно и весьма сомнительно.

Частныя объявленія въ «Вѣдомостяхъ» того времени, печатавшіяся подъ особой рубрикой: «Для извѣстія», были довольно скудны. Чаще всего встрѣчаемъ публикаціи аукціонистовъ и маклеровъ (болѣе другихъ повторяется фамилія маклера Тамеса) о продажѣ съ публичнаго торга разныхъ товаровъ и имущества, за долги владѣльцевъ и по соглашенію (такимъ порядкомъ продавалось, между прочимъ, хозяйство Волынскаго послѣ его казни). Изъ торговыхъ объявленій преобладаютъ предложенія «охотникамъ» «устерсовъ», «цитроновъ», винъ и другихъ привозныхъ столовыхъ продуктовъ.

Устрицы, между прочимъ, продавалъ въ 1734 году поваръ императорскаго величества Габеданкъ, по 5 руб. за сотню, но вскорѣ у него явились конкуренты, постепенно сбившіе эту цѣну до 2 руб. 50 коп. и даже до 2 руб. за сотню. Довольно часто «охотникамъ чинилось извѣстнымъ» о привозѣ «Стратскихъ цитроновъ», которые продавались ящиками, сотнями и дюжинами «по небольшой» или «по вольной цѣнѣ». Въ 1736 году, купецъ Іоганъ Далманъ, имѣвшій винный погребъ и фруктовый магазинъ въ Нѣмецкой (?) улицѣ, близъ стараго зимняго дворца, продавалъ цитроны по 3—4

рубля за сотню и по 15 руб. за ящикъ. У него же можно было получить соленые цитроны, устрицы въ лимонномъ соку, каштаны (15 к. фунтъ), сельди, по 5 коп. штука, и другіе деликатесы. Иностранныя вина были чрезвычайно дешевы. У того же Далмана, напримѣръ, бутылка шампанскаго или бургонскаго вина стоила 50 коп.

Встрѣчаются также объявленія мастеровъ музыкальныхъ инструментовъ (віолей, скрипокъ, волторнъ и проч.), зубныхъ врачей, танцмейстеровъ, учителей и т. д. Въ 1736 году, зубной врачъ Германъ публиковалъ, что у него, кромѣ лѣченія зубовъ, «можно въ ваннѣ мыться» и пользоваться «парами изъ лѣкарственныхъ травъ».

Хуже всего, надо полагать, шла въ то время книжная торговля, которой занимались тогда преимущественно переплетчики (напр., переплетчикъ шляхетскаго корпуса), но главнымъ средоточіемъ ея была академическая книжная лавка. Изъ лавки этой знатнымъ лицамъ книги отпускались въ кредитъ, а можетъ быть и обязательно посылались безъ требованія. На этихъ-то покупателей академія жаловалась, что они и послѣ «многократныхъ напоминаній» долговъ за взятыя книги не платятъ, о чемъ и доводилось до свѣдѣнія публики съ повтореніемъ требованія внести деньги.

Вл. Михневичъ.

(Продолженіе будетъ).

КАРЛОВО ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ.

Въ МАРТОВСКОЙ КНИЖКѢ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ М. И. Сухомлинова «Полемическія статьи Пушкина», почтенный авторъ разсказываетъ, между прочимъ, любопытную исторію о томъ, какъ Булгаринъ просилъ у правительства 25,000 рублей подъ залогъ своего имѣнія — мызы Карлово, и какъ ему было отказано въ такой ссудѣ. Въ сороковыхъ годахъ, когда Булгаринъ игралъ весьма важную роль въ нашей журналистикѣ, названіе его мызы, гдѣ онъ постоянно проводилъ лѣто, было извѣстно всѣмъ: о ней очень часто поминалъ самъ Булгаринъ и писали его собратья. Недавно, просматривая для одной справки, «Иллюстрацію» 1847 года, мы нашли въ ней два вида Карлова. Такъ какъ эта мыза представляетъ своего рода историческій памятникъ, то мы воспроизводимъ здѣсь оба вида, вмѣстѣ съ сопровождающей ихъ статьею неизвѣстнаго автора, любопытной и по описанію дѣйствительно замѣчательной мѣстности, и по изложенію, свидѣтельствующему о вліяніи, которымъ пользовался Булгаринъ въ журналистикѣ того времени.

... Мы только что проѣхали Дерптъ, когда влѣво, на возвышенной окраинѣ долины, на которой построенъ этотъ городъ, на самомъ концѣ улицы, пролегающей отъ поворота на почтовую станцію, я увидѣлъ красиво растянувшееся, чистое строеніе съ легкимъ характеромъ готицисма въ стилѣ; зубчатый аттикъ, увѣнчанные башенками углы боковаго корпуса и главнаго зданія, средняя башня съ флагомъ, игра свѣта и тѣни на выступахъ, темная зелень, тамъ

и сямъ перерѣзывавшая массами своими бѣлыя и стройныя линіи, — придавали мѣсту чрезвычайно пріятный видъ. — Что это? — спросилъ я спутника своего, постояннаго тамошняго жителя, знавшаго очень хорошо страну.

— Это? — отвѣчалъ онъ мнѣ, — какъ-бы съ дрожью ужаса.. позволь намъ отъѣхать далѣе, тогда я разскажу... Не смѣйся, могу увѣрить, что и тысячной части всего, что толкуютъ, кричатъ, печатаютъ, повторяютъ двадцать лѣтъ сряду, достаточно, чтобъ заставить обѣгать страшное мѣсто, на которое ты взглянулъ...

— Что-жъ такое? Легенда? у насъ здѣсь ихъ не оберешься.

— Хуже! Живая, современная исторія. Я отворачиваюсь, когда ѣду мимо, особенно лѣтомъ.

— Вотъ?.. Почему-же это?

— Потому что, если вѣрить, это замокъ страшнаго чародѣя, и именно лѣтомъ хозяинъ является сюда самъ. Онъ алхимикъ, чернокнижникъ, колдунъ, или лучше, бука; бука — именно! Что дѣлаетъ онъ въ этой вышинѣ, въ домашней обсерваторіи своей, или тамъ, — видите окна, находящіяся теперь въ тѣни, — тутъ его кабинетъ, а можетъ быть лабораторія? — какіе совершаетъ ужасы, какія составляетъ зелья, какіе выкладываетъ гороскопы, какимъ предается волшебствамъ?.. кто знаетъ...

— Скажите? — Но шутки въ сторону...

— Помилуй, я не помышляю о шуткахъ; этого человѣка если-бъ не растерзали, то конечно сожгли-бы живаго или, засудивъ безъ отговорокъ, заперли-бы въ инквизиціонныя подземелья, еслибъ еще существовали они: и теперь онъ спасается отъ страшныхъ враговъ своихъ вѣроятно только сверхъ-естественнымъ искусствомъ, силою заклинаній и чаръ. — Лѣтъ за шестьдесятъ тому назадъ...

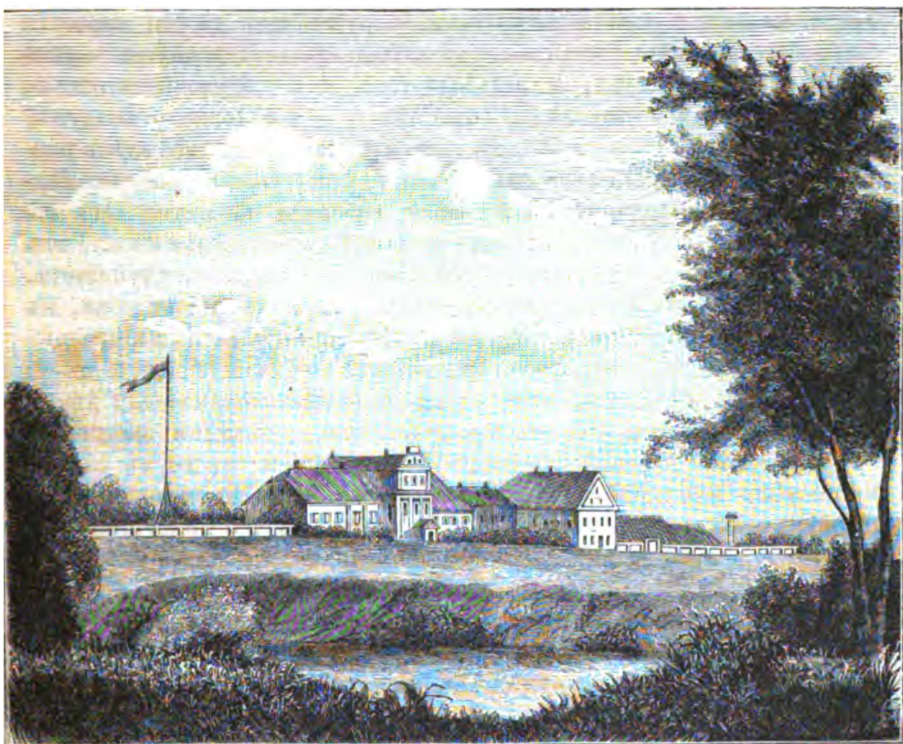
— А! видишь-ли, вотъ мы и добрались до легенды?

— Нѣтъ, я только хочу сказать нѣсколько словъ о мѣстѣ. Лѣтъ за шестьдесятъ тому назадъ все это не существовало: земля принадлежала подгородной мызѣ Техельферъ, — которою управлялъ въ званіи повѣреннаго Карлъ фонъ К..., прозванный въ шутку Карломъ мудрымъ (Karl der Kluge). Когда вотчинникъ мызы, баронъ Шиллингъ, поручилъ повѣренному продать это имѣніе, послѣдній выгадалъ у покупщика въ даръ при самомъ Дерптѣ часть земли, на которой находился крестьянскій участокъ (Gesinde) крестьянина Пабо, нынѣ купеческой фамиліи въ Дерптѣ. Г. К... построилъ тутъ небольшой домъ и эту дачу свою назвалъ по своему имени Карловымъ... Странно, неужели ты никогда не слыхалъ о Карловѣ?... быть не можетъ?

— Никогда, — отвѣчалъ я; — но развѣ оно точно чѣмъ-нибудь особенно замѣчательно.

— Такъ утверждаютъ; ты увидишь. Вотъ-съ, черезъ нѣсколько времени онъ пристроилъ къ домику залу и выстроилъ другой фли-

гель; потомъ, по мѣрѣ размноженія семейства, соединилъ галлереею оба дома, наконецъ пріобрѣлъ отъ гр. Сиверса имѣніе Рути гуренталь (Ruhenthal) въ 5 верстахъ отъ Дерпта и нѣсколько деревушекъ, присоединилъ все это къ Карлову, переименовалъ все въ мызу или въ рыцарское имѣніе (ritterschaftlhes Gut); имѣнью этому были даны всѣ права рыцарскихъ, т. е. дворянскихъ имѣній и вакенбухъ, книга крестьянскихъ обязанностей, утвержденная Сенатомъ; оно помѣщено было въ общее межеваніе гу-



Видъ Карлова до пріобрѣтенія его Булгаринымъ.

берніи и досталось по наслѣдству сыну владѣльца [1]), который никогда не жилъ въ Карловѣ, почему имѣніе пришло въ совершенное неустройство, а зданія были въ положеніи, близкомъ къ окончательному упадку...

— Откровенно признаюсь, въ этомъ началѣ я не вижу еще ничего очень ужаснаго...

[1]) Новый владѣлецъ, Антонъ Карловичъ Криднеръ, былъ полиціймейстеромъ Васильевской части въ С.-Петербургѣ, потомъ губернаторомъ въ Перми и наконецъ герольдмейстеромъ въ Правительствующемъ Сенатѣ.

— Ужасное все заключается не въ мѣстѣ, а въ лицѣ; но вотъ станція: сырость уже чувствительна, а жажда такъ мучитъ меня, что здѣсь не дурно-бы было напиться чаю...

— Я совершенно раздѣляю твое мнѣніе...

Недѣли черезъ три мы ѣхали тѣмъ-же путемъ назадъ. Подъѣзжая къ Дерпту съ южной его стороны, вправо я завидѣлъ тотъ-же замокъ чернокнижника; на зелени сада чисто отражалась, какъ лента, каменная ограда или стѣна, окружающая дворъ; строенія были весело освѣщены утреннимъ солнцемъ. — Я вспомнилъ разсказъ своего спутника, прерванный тогда путевой хлопотливостью, а послѣ дѣлами: — что-же? — спросилъ я, — а исторія о колдунѣ?

— Я сказывалъ, — отвѣчалъ мнѣ спутникъ, — что все здѣсь разваливалось, когда въ 1828 году новый помѣщикъ, продавъ наслѣдственную свою вотчину Могилевской губерніи въ Мстиславскомъ уѣздѣ и купивъ Карлово, началъ приводить его въ порядокъ. Вотъ уже 18 лѣтъ онъ копается, роется, строитъ, заводитъ, улучшаетъ. Прежній домъ, огромный сарай, обратился, какъ ты видишь, въ чрезвычайно красивое зданіе... Постой! — крикнулъ онъ ямщику, — остановись здѣсь... — Выросли пристройки со стороны сада и двора; внутренность отдѣлана, она удобна и помѣстительна для двухъ многочисленныхъ семействъ съ прислугою, — хозяинъ занимаетъ ту часть, надъ которой башня съ обсерваторіею; въ двухъ садахъ много тѣни и плодовъ; оранжереи небольшія, но въ отличномъ порядкѣ; хозяйственная и агрономическая части въ цвѣтущемъ состояніи и достойны вниманія не только каждаго помѣщика, но и знатока дѣла... Войдемъ, — сказалъ мнѣ разсказщикъ, — прогуляемся и посмотримъ на прекрасные виды; Эмбахъ протекаетъ по долинѣ между цвѣтущими лугами, а горизонтъ живописно обставленъ горами. — Вотъ городъ, — а вотъ и ворота въ Карловскій дворъ; — врядъ-ли есть гдѣ имѣніе, лежащее въ такомъ близкомъ разстояніи отъ города?.. Войдемъ!

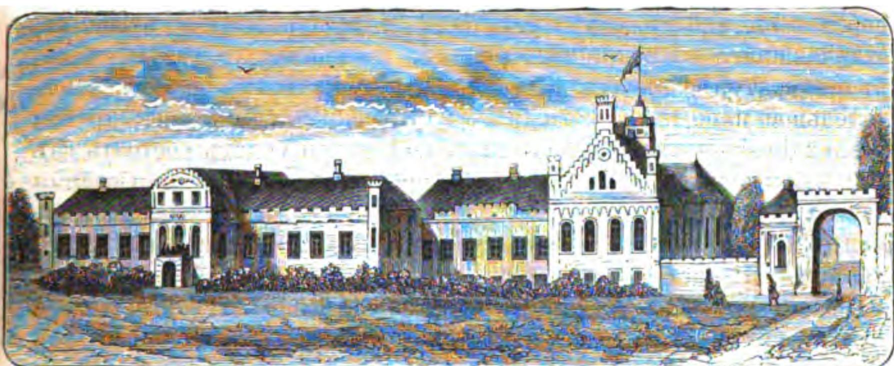
Мы вошли и не сдѣлали еще 20 шаговъ, когда были встрѣчены человѣкомъ небольшаго роста, довольно плотнымъ, съ сѣдоватыми, коротко остриженными волосами, съ проницательными, хотя свѣтлыми глазами, какъ говорится, на выкатѣ. — Ему не трудно было узнать въ насъ проѣзжихъ. — «Это хозяинъ», — успѣлъ мнѣ шепнуть товарищъ, — когда тотъ, снимая покойный картузъ, обращаясь ко мнѣ и называя меня по имени, началъ отрывчато, съ особенною живостью и съ замѣтною торопливостью въ выговорѣ: — «Вы ѣдете къ себѣ, домой, въ Питеръ; хотѣли погулять здѣсь, взглянуть на Карлово, изъ Карлова; хорошо, радъ! Для меня праздникъ, да, праздникъ тотъ день, въ который русскій человѣкъ посѣтитъ Карлово. Милости просимъ, радъ душевно!

Вы человѣкъ русскій, знаю, знаю; батюшку вашего зналъ 20 лѣтъ, дядюшку*** болѣе 25, васъ тоже знаю давно; помните, когда вы бѣгали еще на дачѣ?... Милости просимъ»...

— Но позвольте мнѣ прежде всего извиниться...

— Э! пожалуйте; пойдемте, пойдемте; вы найдете бутылку вина лучшаго, нежели на станціи: голодною смертью не умрете; да — и въ домѣ тоже, можетъ быть, встрѣтите чѣмъ развлечь утомительность всякаго пути.

Мнѣ совѣстно было сказать, что я даже еще не знаю, у кого въ домѣ; но онъ, взглянувъ на меня быстро и будто угадывая мою мысль, погрозилъ моему спутнику и приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія; а мнѣ сказалъ, смѣясь: — «Усадивъ васъ въ



Видъ Карлова послѣ перестройки его Булгаринымъ.

коляску, я дамъ вамъ свою визитную карточку; до тѣхъ поръ какое вамъ дѣло, кто помѣщикъ Карлова»?

Мы любовались картинными видами, обходили садъ, оранжерею, часть прилежащихъ полей, домашнія и хозяйственныя заведенія... извѣстна страсть помѣщиковъ, — но на этотъ разъ я не былъ утомленъ ею. Разговоръ хозяина былъ необыкновенно живъ, удачно пересыпанъ солью шутки, сарказма, нерѣдко заключавшаго свѣтлую мысль и истину безъ обходовъ, бившую прямо въ цѣль; замѣчанія его были дѣльны; разнообразіе калейдоскопическаго ума не давало засыпать интересу.

Осмотрѣвъ все внѣ дома, мы вошли въ домъ. Нѣтъ и замашекъ пустой, мишурной роскоши въ убранствѣ; но все хорошо: удобство, комфортъ и солидность были главнымъ характеромъ вкуса; весь флигель, надъ фасадомъ котораго находятся три башенки, занятъ библіотекою, которую я по справедливости долженъ назвать одною изъ лучшихъ частныхъ библіотекъ въ Россіи. Рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ книгъ множество; есть также собранія, т. е. коллекціи

императрицы, передъ которой склонялся городъ Петербургъ, въ видѣ «дѣвицы», съ надписью на вѣнцѣ: «При тебѣ веселѣйшее!» Тутъ-же фигурировалъ «Аппол\u0456нъ съ десятью музами» и, «сидя подъ лавровою сѣнью», славилъ на своей лирѣ «любовь ея имп. величества къ наукамъ», съ такою надписью: «Возвеселюся и возрадуюся о тебѣ!»

Въ Петербургѣ иллюминац\u0456и, при императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ, устраивались главнымъ образомъ на Васильевскомъ островѣ, на особо устроенномъ для того постоянномъ «ѳеатрумѣ», который возвышался, надо полагать, на нынѣшней Биржевой стрѣлкѣ надъ Невою, противъ Зимняго дворца, такъ что дворъ могъ любоваться иллюминац\u0456ями изъ его оконъ.

Здѣсь, собственно, устроивалась, по академической программѣ и на казенный счетъ, оффиц\u0456альная иллюминац\u0456я, съ приличными случаю аллегор\u0456ями и картинами. Но въ торжественные дни, кромѣ того иллюминовался весь городъ, притомъ обязательно, такъ что, напр., въ 1740 г., «по приказу полиц\u0456и и въ самыхъ подлыхъ дворахъ (въ день коронац\u0456и) ни на одномъ окнѣ меньше десяти свѣчь зажечь не можно было», которыя, къ тому же, «надлежало, по словамъ современнаго хроникера, расположить пирамидальною фигурою». Изъ этого можно заключить, что иллюминац\u0456я бывала тогда довольно обременительной повинностью.

За то «подлые» обыватели, т. е. низш\u0456й классъ народа, вознаграждался иногда довольно щедрымъ угощен\u0456емъ отъ правительства, предлагаемымъ на площадяхъ въ особые высокоторжественные дни. Такой народный пиръ имѣлъ мѣсто, между прочимъ, въ 1740 г. на площади передъ Зимнимъ дворцомъ. Мѣсто это выбрано было отчасти для того, чтобы и здѣсь доставить увеселительное зрѣлище для императрицы—зрѣлище, обѣщавшее принять интересный видъ травли, которую такъ любила Анна Ивановна. Ожидан\u0456я оправдались, да и все для надлежащаго эффекта заранѣе было подготовлено.

На площади были выставлены два, цѣликомъ зажаренные быка, съ золоченными рогами. Друг\u0456я яства, какъ-то: хлѣбы «разныхъ фигуръ», жаренныя рыбы, свиные окорока, птицы, колбасы и пр., были сложены пирамидами на пьедесталахъ и разставлены на столахъ. Тутъ-же находились бассейны, въ которые было вылито 60 бочекъ краснаго винограднаго вина, осушеннаго гостями, во время пира, «въ самое короткое время», по словамъ хроникера.

Въ центрѣ пиршества, надъ всѣми пирамидами была натянута огромная пелена изъ краснаго тонкаго сукна. По данному знаку, народъ бросился и въ мигъ эта пелена была изорвана въ мелк\u0456е клочки, а въ слѣдующ\u0456й затѣмъ мигъ было расхватано и растерзано, среди безобразной свалки, все изобильное угощен\u0456е... Госуда-

рынѣ, смотрѣвшей на это зрѣлище изъ дворцовыхъ оконъ, доставило оно «немалое веселіе».

Что касается собственно сценическихъ зрѣлищъ того времени, то ихъ выборъ въ Петербургѣ довольно часто пополняли и разнообразили наѣзжавшіе изъ заграницы искусники и антрепренеры, сманенные слухами о тароватости русскихъ и объ ихъ любви къ развлеченіямъ. Такимъ образомъ, въ дни Анны Ивановны мы встрѣчаемъ въ Петербургѣ заѣзжихъ савояровъ «съ дѣланнымъ въ Версаліи кабинетомъ восковыхъ фигуръ», фокусниковъ, арлекиновъ съ театрами маріонетокъ, акробатовъ и друг. Нѣкоторые изъ нихъ удостоивались особаго покровительства двора. Этимъ могли похвастаться, между прочимъ, прибывшіе въ 1738 г. изъ Голландіи «комедіанты». Они получили «отъ двора позволеніе играть въ лѣтнемъ дворцѣ на театрѣ», съ правомъ взымать плату съ «смотрѣльщиковъ»—за 1-е мѣсто 50 коп. съ человѣка, за 2-е—25 к., а за 3-е—10 коп. Въ афишахъ «комедіанты» эти оповѣщали о себѣ, что они «по веревкамъ танцуютъ, на воздухъ прыгаютъ, на лѣстницѣ ни за что не держась въ скрыпкѣ играютъ, съ лѣстницею ходя пляшутъ, безмѣрно высоко скачутъ и другія удивительныя вещи дѣлаютъ».

Въ категорію сценическихъ зрѣлищъ при дворѣ Анны Ивановны входили также разные физико-механическіе опыты, устройствомъ которыхъ занимались ученые члены академіи наукъ. Такъ, въ 1734 г. нѣсколько разъ во дворцѣ, «къ высочайшему удовольствію» императрицы, показывались «острономическія обсерваціи», а также «пневматическіе и гидравлическіе опыты.»

Довольно обильная свѣдѣніями въ вышепредставленномъ родѣ, журналистика обозрѣваемаго періода значительно уже скуднѣе извѣстіями, касавшимися другихъ сторонъ городской и общественной жизни.

Относительно городскаго хозяйства, благоустройства и полицейскаго управленія столицы, всѣ почти извѣстія исчерпываются справочными цѣнами, вызовами «охочихъ людей» на подрядныя работы по различнымъ городскимъ постройкамъ, на поставки съѣстныхъ и другихъ вещевыхъ припасовъ для дворца, шляхетскаго кадетскаго корпуса и проч., вызовомъ арендаторовъ для взятія на откупъ единственнаго тогда чрезъ Неву Исакіевскаго плашкоутнаго моста, за проходъ и проѣздъ чрезъ который взималась опредѣленная плата, наконецъ — сообщеніями о чрезвычайныхъ происшествіяхъ да свѣдѣніями объ отъѣзжающихъ заграницу.

Въ числѣ извѣстій о событіяхъ и происшествіяхъ, рядомъ съ описаніемъ, напр., «посвященія преизрядныхъ и великихъ органовъ» въ лютеранской церкви (1737 г.), разрушенія громомъ церквей Петропавловской и Исакіевской, происшедшаго въ одинъ день въ 1735 г., и т. п., встрѣчаемъ изрѣдка и такіе «факты», съ при-

времена, когда она была встрѣчаема мужемъ поздравленіемъ и и милостивыми словами: «Мареушка, что тебѣ сегодня ѣсть и чтобъ тебѣ было угодно?» (см. письмо отъ 6 апрѣля 1725 года). Не откуда было ждать привоза всякихъ припасовъ къ празднику и разгавливаться приходилось теперь, чѣмъ Богъ послалъ.

Ближайшая къ острогу церковь Рождества Богородицы съ придѣломъ св. Иліи пророка отстроена была въ 1728 году княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ [1]), крестнымъ отцомъ перваго сына Остермана, — Меншиковымъ, двадцать лѣтъ тому назадъ бывшимъ могущественнымъ вельможею, любимцемъ Петра Великаго, опекуномъ и чуть не тестемъ его внука. Что же осталось отъ этого «полудержавнаго властителя?» Смиренная могила на косогорѣ у восточной стѣны имъ построенной церкви. Сколько грустныхъ, тяжелыхъ воспоминаній должно было примѣшиваться къ молитвамъ жены Остермана...

Бѣдствіе, постигшее графа, сопряженное съ его ссылкою въ ледяную пустыню, имѣло однако-же благодѣтельное вліяніе на его здоровье. Подобно графу Головкину [2]), также подагрику, одновременно съ Остерманомъ сосланному въ Германгъ и тамъ отъ своей болѣзни излечившемуся, — графъ Андрей Ивановичъ съ лѣта 1742 года сталъ видимо поправляться въ своемъ здоровьѣ, которое въ августѣ мѣсяцѣ на столько улучшилось, что онъ началъ ходить безъ костылей. Это изцѣленіе, можетъ быть очень рѣдкое, однако же для ученыхъ физіологовъ нимало не чудесное, возбудило подозрѣніе во властяхъ въ Петербургѣ, куда извѣстіе о томъ года черезъ четыре достигло. Удивительно показалось, что человѣкъ больной, посланный на вѣрную смерть — выздоровѣлъ. По поводу выздоровленія Остермана, между Петербургомъ и Березовымъ возникла цѣлая переписка, которую и приводимъ изъ подлиннаго дѣла.

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ Правительствующаго Сената обрѣтающемуся въ Березовѣ у содержанія подъ арестомъ бывшаго графа Андрея Остермана, Сибирскаго гарнизона поручику Космачеву.

«По указу ея императорскаго величества, Правительствующій Сенатъ приказали тебѣ, поручику, прислать въ Правительствующій Сенатъ извѣстіе по полученіи сего указа въ самой скорости: означенный Остерманъ ходитъ-ли самъ и буде ходитъ, давно ли ходить началъ? И о семъ указѣ ни кому, тебѣ Космачеву, ни подъ какимъ видомъ не объявлять, а содержать въ секретѣ и Сибир-

---

[1]) Она по неосторожности пьянаго причетника сгорѣла 20 февраля 1764 г.

[2]) Графъ Михаилъ Гавриловичъ—вице-канцлеръ и кабинетъ министеръ скончался на мѣстѣ своей ссылки въ исходѣ 1755. Супруга его, Екатерина Ивановна, единственная дочь князя Ромодановскаго, родилась 22 ноября 1601. См. М. Д. Хмырова: «Графиня Е. И. Головкина». Спб. 1867, стр. 280.

Старый замокъ въ Дорнбургѣ.

ГОРОДОКЪ, ЛЮБИМЫЙ ГЕТЕ.

Вліяніе природы на умъ и сердце человѣка огромно и неоспоримо. Множество поколѣній любовались ея величественными картинами и многія еще будутъ любоваться ими, когда наше поколѣніе уже сойдетъ со сцены міра. Но на ряду съ роскошными пейзажами и величественными картинами природы, человѣка привлекаютъ тѣ мѣстности, гдѣ жили и дѣйствовали его геніальные собраты. Современникамъ и потомкамъ одинаково дороги такія мѣста. Интересуясь малѣйшими подробностями всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ тому, при какихъ условіяхъ писатели создавали свои лучшія произведенія, мы не можемъ не интересоваться и мѣстностями, гдѣ создавались эти произведенія. Нѣмцы въ особенности собираютъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ тому, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ писались творенія, которыми гордится

ной стороны была дверь, къ верху полукругомъ; на югъ—длинное узкое окно, почти подъ самою крышею. Внутри и ближе къ сѣверной сторонѣ, надъ самою могилою, катафалкъ и на немъ подобіе гроба. Впереди икона съ лампадою и передъ ней аналой. Сюда каждодневно, со дня сооруженія памятника до отбытія своего изъ Березова, приходила супруга Остермана молиться о упокоеніи души его. Отъ этой часовни до настоящаго времени сохранились окладныя бревна, вросшія въ землю и покрывшіяся дерномъ [1]).

Высочайшій указъ объ освобожденіи изъ Сибири графини Мареы Ивановны и находившихся при ней служителей [2]) послѣдовалъ лишь 21-го юня 1749 года. Изъ документовъ, къ тому относящихся, явствуетъ, что за добровольною изгнанницею, съ указомъ о ея освобожденіи, былъ посланъ, для сопровожденія графини до Москвы, курьеръ Артемій Каршаниновъ.

Радѣя о соблюденіи казеннаго интераса, должностныя лица, распоряжавшіяся возвращеніемъ графини Остерманъ, рѣшили возложить путевыя издержки на ея сыновей, у которыхъ Мареѣ Ивановнѣ было дозволено проживать. Форменнымъ доношеніемъ отъ 26-го іюня 1749 года, графы Федоръ и Иванъ Андреевичи обязались принять на себя эти путевыя издержки — хотя бы до пяти сотъ рублей. Въ октябрѣ 1749 года, графиня Мареа Ивановна выѣхала изъ Берзова и 17-го января 1750 года прибыла въ Москву, гдѣ и проживала до самой своей кончины, послѣдовавшей 24-го февраля 1781 года, на 84 году отъ рожденія.

Послѣднимъ государственнымъ преступникомъ, сосланнымъ въ Березовъ, былъ въ 1754 году Яковъ Гантковскій. Съ этого времени этотъ печальный городокъ пересталъ быть мѣстомъ заточенія опальныхъ олигарховъ, но сохранилъ за собой неотъемленыя права занимать многія страницы въ исторіи со дня кончины Петра Великаго до воцаренія его внука — Петра III. Березовъ — эпилогъ, заканчивавшій блестящія карьеры многихъ временщиковъ этого тридцатипятилѣтняго періода.

Со времени кончины графа Андрея Ивановича Остермана протекло сто лѣтъ. Въ началѣ 1847 г., Императорскимъ Географическимъ Обществомъ снаряжена была, подъ начальствомъ маіора Стражевскаго и полковника Гофмана, ученая экспедиція для изслѣдованія Сѣвернаго Урала, а на слѣдующій годъ полковникъ Гофманъ посѣтилъ березовскій край и самый Березовъ. 2-го іюня 1848 года, производя раскопки земли для изслѣдованія глубины промерзанія почвы, онъ случайно напалъ близь церкви Рожде-

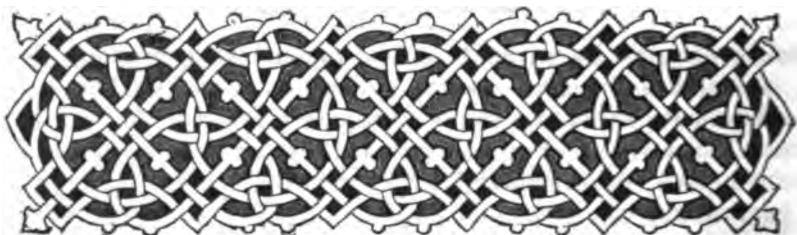
[1]) Н. А. Абрамовъ, стр. 377.

[2]) Пасторъ, жившій при Остерманѣ, уѣхалъ ранѣе.

ства Богородицы, на глубинѣ десяти футовъ, на истлѣвшій гробъ, въ которомъ находились остатки другаго гроба съ уцѣлѣвшими золотыми позументами, клочками цвѣтной шелковой матеріи и черепомъ, покрытымъ прахомъ и землею. Приказавъ засыпать пробитый шурфъ, полковникъ Гофманъ обратился къ Н. А. Абрамову за справками, чья могла-бы быть эта могила и не останки ли это какого нибудь знаменитаго ссыльнаго? По собраннымъ свѣдѣніямъ пришли къ заключенію, что это могила Остермана.

Полковникъ Гофманъ приказалъ покрыть найденную могилу свѣжимъ дерномъ и поставить надъ нею черный, колоссальной величины крестъ, къ которому была прибита мѣдная доска съ вырѣзанными на ней графскою короною и латинскими буквами H. O. (Heinrich Ostermann).

П. Каратыгинъ.



СТАРИНА XVIII СТОЛѢТІЯ.

(По газетамъ и журналамъ того времени).

УРНАЛИСТИКА прошлаго столѣтія еще мало изслѣдована у насъ во всемъ ея объемѣ и во всемъ разнообразіи разсѣяннаго въ ней и затерявшагося фактическаго матеріала, весьма цѣннаго для исторіи быта, нравовъ, торговли, промышленности, искусства, администраціи, благоустройства и другихъ сторонъ жизни того времени.

Рыться въ этихъ сугробахъ пыльныхъ и ветхихъ продуктовъ нашей старинной печати, въ надеждѣ на сотни, приблизительно, безсодержательныхъ страницъ найти одну, другую цѣнную строчку— дѣло не легкое, и, обыкновенно, занимавшіеся имъ изслѣдователи искали здѣсь только то, что имъ нужно для ихъ спеціальной задачи. Въ преслѣдованіи такихъ-же спеціальныхъ задачъ, занимаясь нынѣ изученіемъ журналистики прошлаго столѣтія, мы однако поставили себѣ цѣлью при этомъ извлекать, по споиутности, всѣ попадающіеся въ этомъ матеріалѣ факты и свѣдѣнія, имѣющіе общій интересъ, и которые, быть можетъ, пригодятся другимъ изслѣдователямъ, избавивъ ихъ отъ лишняго, кропотливаго, «чернаго» труда. Часть этихъ-то, сдѣланныхъ нами извлеченій, мы и предлагаемъ теперь читателямъ «Историческаго Вѣстника», въ болѣе или менѣе сгруппированномъ видѣ.

I.

1730—1740 годы.

Императрица Анна Ивановна и ея вкусы.—Придворныя охоты и травли.—Быстрая ѣзда.—Джигитовки и наѣздничество.—Породистыя лошади.—Придворная «менажерея».—Безногій артистъ и русская Пастрана.—Иллюминаціи.—Народныя пиршества.—Заѣзжіе артисты и комедіанты.—Забавы астрономіей и механикой.—Городскія событія и происшествія.—Романъ съ препятствіями.—Виртуозка Фонъ-Финкъ.—Правительственное опроверженіе извѣстій о разбояхъ.—Табакерка Шафирова и петербургскіе воры.—Торгово-промышленныя объявленія.—Цѣны привозныхъ hors d'oeuvre'овъ стола. — Должники академической книжной лавки.

Въ началѣ 30-хъ гг. императрица Анна Ивановна и дворъ, какъ извѣстно, пребывали постоянно въ Москвѣ, поэтому и кругъ внутреннихъ извѣстій въ тогдашнихъ «Вѣдомостяхъ» почти исчерпывался одной московской жизнью. Кругъ этотъ былъ, впрочемъ, очень узкій въ газетахъ того времени вообще, и главнымъ образомъ сосредоточивался на однихъ придворныхъ событіяхъ, и то — праздничнаго лишь свойства. Между прочимъ, очень часто и обстоятельно доводилось до свѣдѣнія читающей публики о времяпрепровожденіи государыни, чѣмъ, сказать къ слову, «Вѣдомости» временъ Анны Ивановны характерно отличаются отъ газетъ при послѣдующихъ царствованіяхъ Елизаветы и Екатерины, когда газетныя свѣдѣнія по этой части стали значительно скуднѣе и лаконичнѣе.

«Едва не ежедневно по часу передъ полуднемъ е. и. в., — читаемъ въ «Вѣд.» за 1737-й годъ, смотрѣніемъ въ зимнемъ домѣ медвѣжьей и волчьей травли забавляться изволитъ»... Травились здѣсь не только волки и медвѣди, но и другіе звѣри, напр., олени, дикія свиньи и проч. Хроникеръ при этомъ аккуратно доводилъ до свѣдѣнія публики о каждомъ звѣрѣ, застрѣленномъ изъ августѣйшихъ рукъ. Разъ отличилась въ этомъ искусствѣ и юная принцесса Анна Леопольдовна: «изъ фузеи пулею» застрѣлила оленя... Эти охотничьи забавы зимою происходили въ предѣлахъ столицы, а лѣтомъ въ Петергофѣ и другихъ загородныхъ резиденціяхъ.

Изъ другихъ родовъ спорта Анна Ивановна особенно любила лошадей и верховую, да и вообще всякую молодецкую, спортсменскую ѣзду. Нужно замѣтить, что даже во время обыкновенныхъ переѣздовъ сильные міра сего ѣздили тогда съ невѣроятной быстротой, достигавшей на хорошихъ дорогахъ и короткихъ разстояніяхъ положительно скорости почтоваго паровоза. Напр., путь между Москвой и Петербургомъ, по тогдашнему направленію въ 715 верстъ, императрицы Анна и Елизавета совершали свободно, съ большими роздыхами, въ трое сутокъ. Сохранился подробный раз-

счетъ одной изъ такихъ поѣздокъ (зимою): все путешествіе заняло времени 75 часовъ, въ томъ числѣ—46 часовъ въ ѣздѣ и 26 часовъ въ отдыхѣ на станціяхъ. Среднимъ счетомъ вышло по $14^1/_2$ верстъ въ часъ, но были станціи—и не одна, на которыхъ царскій поѣздъ мчался съ быстротой 20—28-ми верстъ въ часъ, что равняется совершенно бѣшеной скачкѣ.

Анна Ивановна, какъ узнаемъ изъ «Вѣдомостей», любила подобнымъ образомъ кататься на саняхъ по городу, при сильномъ морозѣ. Затѣмъ, сама—ловкая наѣздница, она имѣла пристрастіе къ зрѣлищу конныхъ ристалищъ и джигитовокъ.

Въ 1730 г., проживая въ с. Измайловѣ, подъ Москвою, государыня нѣсколько разъ отправлялась оттуда, «съ великою свитою», въ «увеселительную мѣстность Грёгора» (?), гдѣ каждый разъ «съ удовольствіемъ смотрѣть изволила», какъ на имѣвшемся тамъ «великомъ лугѣ», спеціально для ея забавы, отрядъ георгіанцевъ чинилъ на коняхъ свои «обыкновенныя и военныя экзерциціи» съ «неизреченнымъ искусствомъ». Эта забава обыкновенно оканчивалась «преизряднымъ» ужиномъ въ другомъ увеселительномъ домѣ близь Измайлова—Алексѣевскомъ.

Вообще наѣздничество и джигитская удаль были тогда, вѣроятно, въ большой модѣ въ высшемъ обществѣ, судя отчасти по слѣдующему факту, имѣвшему мѣсто въ Москвѣ въ 1731 году. Какъ-то генералъ Урбановичъ, изъ за этой именно удали, вздумалъ на лошади переплыть Москву-рѣку и—утонулъ на глазахъ сбѣжавшейся смотрѣть его ухарство толпы. Несчастный случай этотъ весьма опечалилъ дворъ.

Кстати, о лошадяхъ того времени. Можно заключить, что относительно породъ ихъ и статей тогдашніе спортсмены были очень прихотливы. Кромѣ русскихъ породъ, на придворныхъ, напр., конюшняхъ имѣлись «гишпанскія верховыя», «готландскія», «лифляндскія» и «неаполитанскія» лошади. Дружественные Россіи кабинеты, вѣроятно, въ угоду любви Анны Ивановны къ спорту, часто дарили ей прекрасныхъ лошадей. Такъ, австрійскій императоръ прислалъ шестерку неаполитанскихъ жеребцовъ каштановой масти, на которыхъ государыня въ 1732 г. торжественно въѣхала въ Петербургъ въ раззолоченной каретѣ. Шведскій король тоже дарилъ верховыхъ лошадей императрицѣ Аннѣ.

Не мало доставляли развлеченія скучающей Аннѣ Ивановнѣ и другія рѣдкія животныя, содержавшіяся въ придворной «менажереѣ», которая постоянно пополнялась. Важнымъ пріобрѣтеніемъ для нея была привезенная изъ Англіи въ 1737 г. «великая птица Струсъ или Строфокамилъ». Въ томъ-же году персидскій шахъ прислалъ императрицѣ въ даръ ученаго слона, котораго она, по его прибытіи, «болѣе часу смотрѣть изволила».

Равнымъ вниманіемъ какъ государыни, такъ и представителей

образованнаго общества, пользовались разные монстры и уроды, нарочно привозимые въ Петербургъ, иногда по указамъ, а также пріѣзжавшіе сами изъ-за границы ради наживы.

Въ 1734 г. «Вѣдомости» извѣщали о прибытіи въ столицу «англійскаго позитурнаго мастера, которой безъ ногъ родился и уже честь имѣлъ многихъ государей своими удивительными дѣйствіями увеселить», а теперь и «сюда прибылъ, чтобы здѣшнимъ охочимъ людямъ свое искусство показать».

Въ 1739 г. въ Петербургъ привезена была своя отечественная Пастрана — «мужицкая жена» Аксинья Иванова, 45 лѣтъ. Ее привезли по казенной надобности въ академію наукъ изъ Московской губерніи, какъ замѣчательный раритетъ, достойный вниманія науки. Аксинья была украшена щедрой къ ней природой пышной черной бородой, отъ 5 до 6 дюймовъ длиною, и усами. Борода стала рости у нея съ 20-ти лѣтняго возраста и была принята ею и ея близкими какъ особое благословеніе Божіе. Аксинья, по словамъ ученыхъ «Примѣчаній», «росту своихъ волосовъ не противилась и какъ стриженіемъ, такъ и вырываніемъ препятствовать оному не хотѣла, но за грѣхъ сіе признавала. А и мужъ ея того дѣлать ей не совѣтовалъ». Возникло было сомнѣніе — точно ли Аксинья женщина? Академія наукъ сомнѣніе это разсѣяла, подвергнувъ бородатую бабу «осмотрѣнію» и воочію убѣдившись, что она — «подлинная жена и во всемъ своемъ тѣлѣ, кромѣ уса и бороды, ничего мускова не имѣла». Тогда-же, при академіи, былъ снятъ съ нея «живописнымъ художествомъ портретъ» и напечатано въ академическомъ органѣ подробное ея описаніе.

При той скудости умственныхъ, отвлеченныхъ интересовъ, которымъ отличалось высшее общество временъ Анны Ивановны и она сама, спросъ на всевозможныя зрѣлища, тѣшившія глазъ и дѣйствовавшія на воображеніе, былъ особенно силенъ, и его удовлетвореніе было главнымъ средствомъ разбивать скуку безсодержательной жизни и наполнять досуги, въ которыхъ чувствовался такой избытокъ.

Кромѣ указанныхъ выше забавъ, кромѣ придворныхъ парадовъ, баловъ и театровъ, Анна Ивановна и ея современники развлекались часто еще множествомъ другихъ зрѣлищъ. Чаще всего и всего роскошнѣе устроивались тогда по разнымъ случаямъ необыкновенно затѣйливыя иллюминаціи съ разнообразными аллегоріями, эмблемами, стихотворными одами и надписями на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Журналы того времени полны подробныхъ описаній этихъ иллюминацій, и—этотъ предметъ заслуживалъ бы особой монографіи.

Особенно пышны были иллюминаціи въ Петербургѣ по прибытіи сюда императрицы изъ Москвы въ 1732 г. Были, между прочимъ, устроены тріумфальныя ворота, съ изображеніемъ самой

бородавка на тѣлѣ старухи считались печатью дьявола. Любимая черная кошка считалась воплощеніемъ демона, посланнаго для услугъ вѣдьмы сатаною. Лицо, заподозрѣнное въ колдовствѣ, готовили къ судебному изслѣдованію особенной діэтой, которая должна была уничтожить дѣйствіе волшебныхъ мазей и напитковъ, употребляемыхъ колдунами для обмана суда и собственной неуязвимости.

Въ XVII вѣкѣ, въ Шотландіи славился сыщикъ Джонъ Киннардъ, уличившій невѣроятное множество колдуновъ и вѣдьмъ. Въ 1640 году, по доносу его былъ казненъ Патрикъ Ватсонъ и жена его Мини Галибёртонъ; онъ изслѣдовалъ обоихъ, накалывая тѣло, и нашолъ неуязвимое мѣсто у мужа на спинѣ, у жены на затылкѣ. Какъ глубоко ни кололъ онъ ланцетомъ эти мѣста, не выступало ни капли крови. Мужъ упорно запирался, но жена созналась въ преступной связи съ сатаною. Колдуны и вѣдьмы сознавались Джону Киннарду въ томъ, что принимали участіе въ бѣсовскомъ шабашѣ; мѣстомъ шабаша былъ перекрестокъ двухъ дорогъ, близъ болота или стоячей воды; временемъ — ночи среды и пятницы.

Въ 1728 году сыщикъ открылъ, что одна рослая и толстая женщина, заподозрѣнная въ колдовствѣ, дѣйствительно вѣдьма, потому что она вѣсила не болѣе четырехъ унцій. Это было сочтено достаточной уликой не только противъ нея, но и противъ сообщниковъ ея, и всѣ они были сожжены по приговору суда.

Колдуновъ узнавали еще потому, что они не могли плакать и не умѣли читать «Отче нашъ» безъ ошибки. Всего чаще ошибались на словахъ: «И не введи насъ во искушеніе», и «Остави намъ долги наши». Иные не могли произнести ни одного слова изъ этой молитвы; другіе путали слова. За то многіе колдуны и вѣдьмы обладали искусствомъ читать «Отче нашъ» и «Символъ вѣры» на выворотъ, съ послѣдняго слова до перваго. Дьяволъ требовалъ такого чтенія, какъ доказательства отрѣченія отъ Христа.

Въ церковныхъ архивахъ XVI и XVII вѣковъ хранится много интереснаго матеріала о суевѣріяхъ. Всевластная церковь сильно поддерживала мракъ и невѣжество.

Въ половинѣ XVII вѣка, манія преслѣдованія колдовства дошла до такой степени, что почти не было человѣка, который не жаловался бы на бѣду или убытокъ, принесенные колдовствомъ. Болѣзнь ребенка, несчастіе, крушеніе корабля или лодки, каждый незначительный случай, сломанный плугъ или заступъ — все было дѣломъ колдовства. Если нельзя было пригласить профессіональнаго сыщика, то нанимали колдуновъ розыскивать виновниковъ несчастія и уничтожить колдовство. Если нанятый колдунъ не успѣвалъ въ розыскѣ, — приглашали священника; а если колдуны и сатана оказывались сильнѣе его, то обращались къ приходскому совѣту и синоду.

рынѣ, смотрѣвшей на это зрѣлище изъ дворцовыхъ оконъ, доставило оно «немалое веселіе».

Что касается собственно сценическихъ зрѣлищъ того времени, то ихъ выборъ въ Петербургѣ довольно часто пополняли и разнообразили наѣзжавшіе изъ заграницы искусники и антрепренеры, сманенные слухами о тароватости русскихъ и объ ихъ любви къ развлеченіямъ. Такимъ образомъ, въ дни Анны Ивановны мы встрѣчаемъ въ Петербургѣ заѣзжихъ савояровъ «съ дѣланнымъ въ Версаліи кабинетомъ восковыхъ фигуръ», фокусниковъ, арлекиновъ съ театрами маріонетокъ, акробатовъ и друг. Нѣкоторые изъ нихъ удостоивались особаго покровительства двора. Этимъ могли похвастаться, между прочимъ, прибывшіе въ 1738 г. изъ Голландіи «комедіанты». Они получили «отъ двора позволеніе играть въ лѣтнемъ дворцѣ на театрѣ», съ правомъ взымать плату съ «смотрѣльщиковъ»—за 1-е мѣсто 50 коп. съ человѣка, за 2-е—25 к., а за 3-е—10 коп. Въ афишахъ «комедіанты» эти оповѣщали о себѣ, что они «по веревкамъ танцуютъ, на воздухъ прыгаютъ, на лѣстницѣ ни за что не держась въ скрыпкѣ играютъ, съ лѣстницею ходя пляшутъ, безмѣрно высоко скачутъ и другія удивительныя вещи дѣлаютъ».

Въ категорію сценическихъ зрѣлищъ при дворѣ Анны Ивановны входили также разные физико-механическіе опыты, устройствомъ которыхъ занимались ученые члены академіи наукъ. Такъ, въ 1734 г. нѣсколько разъ во дворцѣ, «къ высочайшему удовольствію» императрицы, показывались «острономическія обсерваціи», а также «пневматическіе и гидравлическіе опыты.»

Довольно обильная свѣдѣніями въ вышепредставленномъ родѣ, журналистика обозрѣваемаго періода значительно уже скуднѣе извѣстіями, касавшимися другихъ сторонъ городской и общественной жизни.

Относительно городскаго хозяйства, благоустройства и полицейскаго управленія столицы, всѣ почти извѣстія исчерпываются справочными цѣнами, вызовами «охочихъ людей» на подрядныя работы по различнымъ городскимъ постройкамъ, на поставки съѣстныхъ и другихъ вещевыхъ припасовъ для дворца, шляхетскаго кадетскаго корпуса и проч., вызовомъ арендаторовъ для взятія на откупъ единственнаго тогда чрезъ Неву Исакіевскаго плашкоутнаго моста, за проходъ и проѣздъ чрезъ который взималась опредѣленная плата, наконецъ — сообщеніями о чрезвычайныхъ происшествіяхъ да свѣдѣніями объ отъѣзжающихъ заграницу.

Въ числѣ извѣстій о событіяхъ и происшествіяхъ, рядомъ съ описаніемъ, напр., «посвященія преизрядныхъ и великихъ органовъ» въ лютеранской церкви (1737 г.), разрушенія громомъ церквей Петропавловской и Исакіевской, происшедшаго въ одинъ день въ 1735 г., и т. п., встрѣчаемъ изрѣдка и такіе «факты», съ при-

мѣсью юмористическаго оттѣнка и весьма цѣнные для характеристики нравовъ:

«На сихъ дняхъ — читаемъ въ «Вѣдомостяхъ» за 1731 годъ (№ 39) — случилось здѣсь (въ Москвѣ) зѣло рѣдкое приключеніе. А именно: нѣкоторый кавалергардъ полюбилъ недавно нѣкоторую россійской шляхетской породы дѣвицу. Но понеже онъ ее инымъ образомъ получить не могъ, какъ силою, что онъ ее увезти намѣрился, то нашелъ къ тому на сихъ дняхъ сей случай: какъ помянутая дѣвица съ бабкою выѣхала, взялъ онъ ее отъ ея бабки изъ кареты силою и поѣхалъ въ церковь, въ которой онъ попу тоя церкви себя съ оною дѣвицею немедленно обвѣнчать велѣлъ, и потомъ домой поѣхалъ, ради совершенія сего начатаго законнаго брака. Между тѣмъ, учинилось сіе при дворѣ извѣстно, и тогда въ домѣ новобрачныхъ того-жъ числа нѣкоторая особа отправлена, дабы оныхъ застать. Сія особа прибыла туда еще въ самую хорошую пору, какъ женихъ раздѣвался, а невѣста уже на постели лежала. Онъ взятъ того-жъ числа съ попомъ и со всѣми, которые ему въ томъ помогали, подъ караулъ, и нынѣ всякъ зѣло желаетъ вѣдать, какимъ образомъ сіе куріозное и любительное приключеніе окончится».

«Вѣдомости» давали также некрологи важныхъ и чиновныхъ лицъ. Однажды, въ 1730 году, былъ данъ некрологъ объ одной дѣвицѣ, заслужившей такую честь своимъ артистическимъ талантомъ. Это была фрейлина Фонъ-Фикъ, умершая на 24 году жизни, «которая, хотя въ ея младыхъ лѣтахъ глаза отъ оспы весьма повреждены были, однакожъ въ інструментальной музыкѣ зѣло искусна была, и тако объ ней каждый сожалѣетъ...»

Печатались также въ тогдашнихъ газетахъ важнѣйшіе указы и правительственныя распораженія, военныя реляціи и проч. Вотъ одно весьма интересное «правительственное сообщеніе», которое не могло, конечно, попасть въ «Полное Собраніе Законовъ». Оно было напечатано просто «для извѣстія», въ видѣ простаго опроверженія невѣрнаго сообщенія иностранныхъ газетъ.

«Понеже, — читаемъ тамъ, — въ 36-й части Кенигсбергскихъ Вѣдомостей, на 285 страницѣ, въ артікулѣ изъ Абова, отъ 7-го дня апрѣля (1730 г.) объявлено было, якобы нѣкоторой швецкой капитанъ съ женою и 4 дѣтьми и служанкою, изъ Россіи въ свое отечество ѣхавши, недалеко отъ С.-Петербурга на границѣ отъ нѣкотораго корчемника, которой можетъ у него какія деньги усмотрѣлъ, со всѣми при немъ бывшими убитъ и подъ избу въ яму брошенъ. Но здѣсь о такомъ смертномъ убивствѣ весьма неизвѣстно, которое такожде и подлинно не учинено. То разсуждено быть потребно, чтобъ о сей неоснователной вѣдомости публично объявить, дабы Россійскія границы, въ которыхъ, ради учинен-

Старый замокъ въ Дорнбургѣ.

ГОРОДОКЪ, ЛЮБИМЫЙ ГЕТЕ.

Вліяніе природы на умъ и сердце человѣка огромно и неоспоримо. Множество поколѣній любовались ея величественными картинами и многія еще будутъ любоваться ими, когда наше поколѣніе уже сойдетъ со сцены міра. Но на ряду съ роскошными пейзажами и величественными картинами природы, человѣка привлекаютъ тѣ мѣстности, гдѣ жили и дѣйствовали его геніальные собраты. Современникамъ и потомкамъ одинаково дороги такія мѣста. Интересуясь малѣйшими подробностями всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ тому, при какихъ условіяхъ писатели создавали свои лучшія произведенія, мы не можемъ не интересоваться и мѣстностями, гдѣ создавались эти произведенія. Нѣмцы въ особенности собираютъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ тому, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ писались творенія, которыми гордится

рубля за сотню и по 15 руб. за ящикъ. У него же можно было получить соленые цитроны, устрицы въ лимонномъ соку, каштаны (15 к. фунтъ), сельди, по 5 коп. штука, и другіе деликатесы. Иностранныя вина были чрезвычайно дешевы. У того же Далмана, напримѣръ, бутылка шампанскаго или бургонскаго вина стоила 50 коп.

Встрѣчаются также объявленія мастеровъ музыкальныхъ инструментовъ (віолей, скрипокъ, волторнъ и проч.), зубныхъ врачей, танцмейстеровъ, учителей и т. д. Въ 1736 году, зубной врачъ Германъ публиковалъ, что у него, кромѣ лѣченія зубовъ, «можно въ ваннѣ мыться» и пользоваться «парами изъ лѣкарственныхъ травъ».

Хуже всего, надо полагать, шла въ то время книжная торговля, которой занимались тогда преимущественно переплетчики (напр., переплетчикъ шляхетскаго корпуса), но главнымъ средоточіемъ ея была академическая книжная лавка. Изъ лавки этой знатнымъ лицамъ книги отпускались въ кредитъ, а можетъ быть и обязательно посылались безъ требованія. На этихъ-то покупателей академія жаловалась, что они и послѣ «многократныхъ напоминаній» долговъ за взятыя книги не платятъ, о чемъ и доводилось до свѣдѣнія публики съ повтореніемъ требованія внести деньги.

Вл. Михневичъ.

(Продолженіе будетъ).

КАРЛОВО ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ.

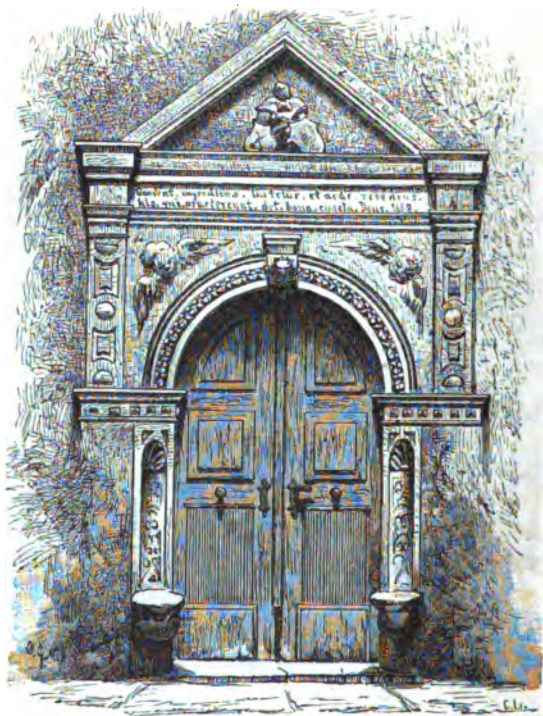
Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ М. И. Сухомлинова «Полемическія статьи Пушкина», почтенный авторъ разсказываетъ, между прочимъ, любопытную исторію о томъ, какъ Булгаринъ просилъ у правительства 25,000 рублей подъ залогъ своего имѣнія — мызы Карлово, и какъ ему было отказано въ такой ссудѣ. Въ сороковыхъ годахъ, когда Булгаринъ игралъ весьма важную роль въ нашей журналистикѣ, названіе его мызы, гдѣ онъ постоянно проводилъ лѣто, было извѣстно всѣмъ: о ней очень часто поминалъ самъ Булгаринъ и писали его собратья. Недавно, просматривая для одной справки, «Иллюстрацію» 1847 года, мы нашли въ ней два вида Карлова. Такъ какъ эта мыза представляетъ своего рода историческій памятникъ, то мы воспроизводимъ здѣсь оба вида, вмѣстѣ съ сопровождающей ихъ статьею неизвѣстнаго автора, любопытной и по описанію дѣйствительно замѣчательной мѣстности, и по изложенію, свидѣтельствующему о вліяніи, которымъ пользовался Булгаринъ въ журналистикѣ того времени.

... Мы только что проѣхали Дерптъ, когда влѣво, на возвышенной окраинѣ долины, на которой построенъ этотъ городъ, на самомъ концѣ улицы, пролегающей отъ поворота на почтовую станцію, я увидѣлъ красиво растянувшееся, чистое строеніе съ легкимъ характеромъ готицисма въ стилѣ; зубчатый аттикъ, увѣнчанные башенками углы боковаго корпуса и главнаго зданія, средняя башня съ флагомъ, игра свѣта и тѣни на выступахъ, темная зелень, тамъ

тономъ, находилась латинская надпись XVII вѣка, переведенная Гёте двумя гектаметрами:

«Весело въ зàмокъ вступай, и его покидай ты веселымъ.
Если-жъ ты мимо идешь, — Богъ съ тобой будетъ въ пути».

Въ 1825 году, и въ слѣдующихъ годахъ, престарѣлый герцогъ проводилъ здѣсь долгое время. Въ 1828 году, онъ отправился отсюда въ Берлинъ и на возвратномъ пути скончался. Смерть его



Порталъ рыцарскаго бурга.

сильно поразила горячо преданнаго ему поэта. Первое время траура провелъ онъ въ Дорнбургѣ. Въ это время онъ занимался одними метеорологическими наблюденіями и здѣсь посѣщали его другья и знакомые, въ томъ числѣ и Веллингтонъ. Затѣмъ Гёте посѣтилъ Дорнбургъ еще въ 1829 году и въ 1830 съ тремя русскими. Это было его послѣднее посѣщеніе живописной мѣстности, которая не можетъ не интересовать любителя литературы.

СУЕВѢРІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА [1].

III.

Суевѣрія новыхъ вѣковъ.

СВѢТА, больше свѣта! говорилъ умирающій Гёте въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Медленно шло человѣчество къ свѣту. Новыя вѣка не разграничены отъ среднихъ никакою рѣзкою чертою въ исторіи суевѣрій. Эпоха возрожденія, подорвавшая значеніе духовенства, подготовившая отчасти реформацію, не уничтожила суевѣрій Европы. Но если число суевѣрныхъ вѣрованій, примѣтъ, обрядовъ не уменьшалось, за то росло и число свободныхъ умовъ, убѣжденныхъ, что сверхестественное создано самимъ человѣчествомъ. Образованность распространялась въ высшихъ классахъ, но уживалась съ суевѣріемъ и, не искореняя его вполнѣ, заставила стыдиться его. Только въ XVII вѣкѣ уничтожена официальная должность придворныхъ астрологовъ; но это доказывало только, что государи начали стыдиться официальной вѣры въ чернокнижіе и астрологію. Вѣра эта не умерла однако совершенно. Въ XVIII вѣкѣ — вѣкѣ разума, Каліостро морочилъ едва ли не всѣ дворы Европы. Суевѣріе вымирало крайне медленно.

Сравнивая средніе вѣка съ новыми, замѣчаешь явленіе, которое съ перваго взгляда можно истолковать, какъ усиленіе суевѣрія:

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XVII, стр. 422.

преслѣдованіе колдуновъ и вѣдьмъ ростетъ; архивы всѣхъ судовъ переполнены документами съ процессовъ колдовства и казней. Женщины, какъ болѣе склонныя къ нервнымъ болѣзнямъ, къ историчности и галлюцинаціямъ, дали большее число жертвъ. Но усиленіе казней доказываетъ ослабленіе суевѣрія. Страхъ, внушаемый колдунами и вѣдьмами настолько ослабѣлъ, что ихъ осмѣливались преслѣдовать. Прошли тѣ времена, когда страхъ дѣлалъ ихъ неприкосновенными, когда чернокнижника, какъ Михаила Скотта, хоронили съ религіозными церемоніями въ аббатствѣ. Массы долгое время видѣли въ ученыхъ орудія нечистой силы.

Законодательство европейскихъ государствъ отличалось суровостью мѣръ противъ колдовства; позднѣйшіе законы безчеловѣчнѣе законовъ первыхъ вѣковъ христіанской эры. Въ 840 году, въ Шотландіи законъ каралъ за колдовство вырываніемъ языка. Генрихъ VIII издалъ законъ о смертной казни за колдовство. Въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ, когда въ Англіи всего безпощаднѣе преслѣдовали за колдовство, совершено тридцать тысячъ юридическихъ убійствъ, подъ видомъ законнаго наказанія за воображаемое преступленіе.

Шотландская королева Марія Стюартъ и парламентъ въ 1563 году издали законъ о казни лицъ, уличенныхъ въ колдовствѣ, и даже тѣхъ, которыя прибѣгали къ колдунамъ и вѣдьмамъ за совѣтомъ и помощью. Къ какому бы сословію ни принадлежали какъ лица, занимавшіяся колдовствомъ, такъ и лица, обращавшіяся къ колдунамъ, всѣмъ безразлично грозила смертная казнь. Фанатичныя протестантскія секты, съ Джономъ Ноксомъ во главѣ, овладѣли Шотландіей, и кровавый законъ принадлежитъ имъ. Марія Стюартъ была игрушкой въ рукахъ партій, и сама не разъ въ критическія минуты своей жизни, полной приключеній, прибѣгала къ гаданью. Іаковъ VI, король шотландскій, ввелъ этотъ законъ въ Англіи. Законъ этотъ оставался въ полной силѣ продолжительное время. При Долгомъ парламентѣ казнено за колдовство не менѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Не ранѣе Георга II въ Англіи было постановлено закономъ «не вчинать и не производить никакого слѣдствія, обвиненія и судоговоренія противъ кого бы то ни было за колдовство, гаданье, или союзъ съ нечистымъ, и не принимать доносовъ о подобныхъ преступленіяхъ ни въ какомъ судѣ». Но тѣ лица, которыя сами хвалились тѣмъ, что они колдуны, гадатели, ворожеи, что они знаютъ тайныя науки, подвергались наказанію, когда вина ихъ была доказана свидѣтелями. Наказаніемъ было заключеніе въ тюрьму срокомъ на годъ; сверхъ того, въ началѣ каждой четверти года, виновнаго выставляли у позорнаго столба на рынкѣ главнаго города графства въ продолженіе одного часа.

Въ Шотландіи въ XVIII вѣкѣ вѣрили въ колдовство даже ученые гуманисты, какъ Джонъ Макензи, извѣстный адвокатъ, и

Уильямъ Форбесъ, также адвокатъ, профессоръ законовѣдѣнія въ гласговскомъ университетѣ и авторъ многихъ замѣчательныхъ произведеній.

Въ первые вѣка христіанства, церковь не принимала участія въ преслѣдованіи колдуновъ; духъ ученія Христа не былъ еще искаженъ папствомъ; преслѣдованіе началось въ средніе вѣка и шло, разростаясь, до вѣка разума. Папа Іоаннъ, въ буллѣ 1317 года, упоминалъ, что многіе изъ придворныхъ и врачъ его предались суевѣрію и что злой духъ сидитъ въ кольцахъ и зеркалахъ ихъ. Въ 1484 году, папа Иннокентій VIII издалъ буллу противъ колдовства. Тысячи невинныхъ были сожжены; другіе умерли среди пытокъ. Въ XIV вѣкѣ, во Франціи было обнародовано 27 законовъ противъ колдовства и вызыванія злыхъ духовъ.

Число жертвъ суевѣрія громадно. Въ Женевѣ, въ продолженіе всего трехъ мѣсяцевъ 1515 года, сожгли 500 человѣкъ за колдовство. Въ епархіи Комо — тысячу въ одинъ годъ. 900 человѣкъ были сожжены въ Лотарингіи. Въ Германіи всего насчитываютъ болѣе 100,000. Для этой страны преимущественно былъ созванъ судъ съ двумя инквизиторами. Всего безчеловѣчнѣе были въ Америкѣ преслѣдованія 1648—49 годовъ. Пуритане Новой Англіи повѣсили въ 1692 году девять человѣкъ за колдовство. При допросѣ и пыткѣ пятьдесятъ человѣкъ сознались и покаялись. Италія, Португалія, Испанія насчитываютъ длинный списокъ жертвъ. Не рѣдко преступленіе колдовства соединялось съ другимъ — ересью. Свободные мыслители гибли жертвами мрачнаго изувѣрства. Изобрѣтатели, завѣщавшіе потомству великія открытія, подвергались той же участи; инымъ удавалось спастись бѣгствомъ. Когда германскіе печатники привезли первыя книги во Францію, то были присуждены къ сожженію живыми, и приговоръ былъ бы исполненъ, еслибы они не успѣли бѣжать. Несчастная жизнь и смерть Бертрана Ко, открывшаго силу пара, послужила темой патетическихъ очерковъ. Одно время Англія превзошла численностью казней другія страны Европы. Въ 1646 году, двѣсти человѣкъ были осуждены и казнены въ продолженіе одной сессіи судовъ въ Эссексѣ и Суссексѣ. Въ 1682 году, казнены въ Англіи послѣднія жертвы. Въ Шотландіи послѣдняя жертва юридическаго убійства сожжена въ 1722 году въ Дорнохѣ, по приказанію шерифа Сотерлендскаго графства.

Въ каждомъ графствѣ, въ каждомъ городѣ Шотландіи былъ сыщикъ вѣдьмъ (witch-finder), обязанность котораго заключалась въ изслѣдованіи всѣхъ заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ и доносѣ на нихъ судебнымъ властямъ. Отъ бдительности сыщика и его знанія дѣла зависѣло благосостояніе частныхъ лицъ и цѣлой страны. Градобитіе, наводненія, пожары, повальныя болѣзни людей и скота, опасныя частныя болѣзни, помѣшательство, семейные раздоры, червь и саранча — все приписывалось колдовству. Родимое пятно или

бородавка на тѣлѣ старухи считались печатью дьявола. Любимая черная кошка считалась воплощеніемъ демона, посланнаго для услугъ вѣдьмы сатаною. Лицо, заподозрѣнное въ колдовствѣ, готовили къ судебному изслѣдованію особенной діэтой, которая должна была уничтожить дѣйствіе волшебныхъ мазей и напитковъ, употребляемыхъ колдунами для обмана суда и собственной неуязвимости.

Въ XVII вѣкѣ, въ Шотландіи славился сыщикъ Джонъ Киннардъ, уличившій невѣроятное множество колдуновъ и вѣдьмъ. Въ 1640 году, по доносу его былъ казненъ Патрикъ Ватсонъ и жена его Мини Галибёртонъ; онъ изслѣдовалъ обоихъ, накалывая тѣло, и нашолъ неуязвимое мѣсто у мужа на спинѣ, у жены на затылкѣ. Какъ глубоко ни кололъ онъ ланцетомъ эти мѣста, не выступало ни капли крови. Мужъ упорно запирался, но жена созналась въ преступной связи съ сатаною. Колдуны и вѣдьмы сознавались Джону Киннарду въ томъ, что принимали участіе въ бѣсовскомъ шабашѣ; мѣстомъ шабаша былъ перекрестокъ двухъ дорогъ, близъ болота или стоячей воды; временемъ — ночи среды и пятницы.

Въ 1728 году сыщикъ открылъ, что одна рослая и толстая женщина, заподозрѣнная въ колдовствѣ, дѣйствительно вѣдьма, потому что она вѣсила не болѣе четырехъ унцій. Это было сочтено достаточной уликой не только противъ нея, но и противъ сообщниковъ ея, и всѣ они были сожжены по приговору суда.

Колдуновъ узнавали еще потому, что они не могли плакать и не умѣли читать «Отче нашъ» безъ ошибки. Всего чаще ошибались на словахъ: «И не введи насъ во искушеніе», и «Остави намъ долги наши». Иные не могли произнести ни одного слова изъ этой молитвы; другіе путали слова. За то многіе колдуны и вѣдьмы обладали искусствомъ читать «Отче нашъ» и «Символъ вѣры» на выворотъ, съ послѣдняго слова до перваго. Дьяволъ требовалъ такого чтенія, какъ доказательства отрѣченія отъ Христа.

Въ церковныхъ архивахъ XVI и XVII вѣковъ хранится много интереснаго матеріала о суевѣріяхъ. Всевластная церковь сильно поддерживала мракъ и невѣжество.

Въ половинѣ XVII вѣка, манія преслѣдованія колдовства дошла до такой степени, что почти не было человѣка, который не жаловался бы на бѣду или убытокъ, принесенные колдовствомъ. Болѣзнь ребенка, несчастіе, крушеніе корабля или лодки, каждый незначительный случай, сломанный плугъ или заступъ — все было дѣломъ колдовства. Если нельзя было пригласить профессіональнаго сыщика, то нанимали колдуновъ розыскивать виновниковъ несчастія и уничтожить колдовство. Если нанятый колдунъ не успѣвалъ въ розыскѣ, — приглашали священника; а если колдуны и сатана оказывались сильнѣе его, то обращались къ приходскому совѣту и синоду.

Въ разгаръ преслѣдованій за колдовство, крупный процентъ ихъ слѣдуетъ отнести и къ мошенничеству; обвиненіе въ колдовствѣ было безопаснымъ средствомъ избавиться отъ врага и нерѣдко жертвами обвиненія были лица, отличавшіяся красотой, богатствомъ, высокимъ положеніемъ. Въ XVI вѣкѣ, въ Шотландіи погибла по обвиненію въ колдовствѣ леди Глемисъ. Гордая и богатая красавица отказывала многимъ женихамъ, когда была дѣвушкой и когда овдовѣла послѣ короткаго замужества. Она пользовалась сильнымъ вліяніемъ при дворѣ, и это не спасло ее. Ее обвинили въ томъ, что она уморила мужа, опаивая его виномъ и заколдованнымъ зельемъ, и хотѣла также извести и короля. Ее судили и сожгли.

Въ Эдинбургскомъ музеѣ древностей хранится нѣсколько вещей, какъ памятники эпохи преслѣдованія вѣдьмъ. Это большею частью небольшія фигурки, изображающія людей. Онѣ всего чаще исколоты, что доказываетъ употребленіе ихъ для цѣлей колдовства. Въ музеѣ также много орудій пытокъ. Человѣческая фантазія была изобрѣтательна на орудія пытки: были винты для завинчиванія большихъ пальцевъ, сапоги съ клиньями для ногъ, раскаленные щипцы для вырыванія кусковъ тѣла и пр.

Не ранѣе 1628 года пытка при допросѣ была отмѣнена закономъ въ Англіи; но de facto она продолжалась въ иныхъ мѣстностяхъ до 1640 г. Джону Фельтону, обвиненному въ покушеніи на жизнь герцога Букингема, грозили пыткой въ 1640 году. Лондонскій епископъ предложилъ употреблять пытку вытягиванья членовъ, чтобы узнать отъ Фельтона имена сообщниковъ его. Фельтонъ отвѣчалъ: «Если меня будутъ пытать, то я не знаю кого я не оговорю отъ боли, епископа Лола или, пожалуй, каждаго лорда этого комитета». Пытки, конечно, вымогали сознанія въ колдовствѣ. Женщины въ галлюцинаціяхъ видѣли мрачныя картины, созданныя вѣковымъ суевѣріемъ, и убѣждались въ томъ, что онѣ колдуньи. Эта манія заражала и дѣтей.

Глазго, шотландскій городъ, отличался свирѣпостью преслѣдованій колдовства. Въ этомъ городѣ религіознаго фанатизма, реформація была встрѣчена ожесточенною борьбою; католическое духовенство пользовалось тамъ сильнымъ вліяніемъ надъ фанатизированнымъ населеніемъ. Позорный столбъ, розги и плети были наказаніемъ за мелкія нарушенія церковныхъ правилъ, приверженцевъ реформаціи сжигали на площадяхъ. Въ каждую сессію церковнаго суда сажали въ тюрьму и сѣкли публично мущинъ и женщинъ за маловажные проступки. За нарушеніе седьмой заповѣди возили въ телѣгѣ по улицамъ и сѣкли, спускали съ Гласговскаго моста на веревкѣ и купали въ рѣчкѣ Клейдѣ. Духовенство вмѣшивалось во всѣ судебныя дѣла. Переходъ отъ католицизма къ реформаціи не внесъ ни болѣе разума, ни болѣе человѣчности въ отношенія суда и народа къ колдовству. Протестанты

непосредственно почерпали изъ библіи доказательства существованія колдовства.

Обвиненіе Кромвеля въ связи съ нечистымъ раздѣляли люди, искренно преданные ему. Безпримѣрное возвышеніе Кромвеля не могло быть дѣломъ естественнымъ; нечистый долженъ былъ помочь ему. Кромвель продалъ сатанѣ свою душу и вѣчное блаженство за короткій срокъ земной власти. Самъ Кромвель не стоялъ выше своего вѣка и вѣрилъ въ гаданье. Онъ спрашивалъ совѣта у Лилли, астролога и гадателя, передъ всѣми важными предпріятіями: передъ вступленіемъ въ парламентъ, передъ осадой Дюнкирхена. 3-го сентября считалось роковымъ въ жизни Кромвеля. 3 сентября онъ одержалъ двѣ величайшія побѣды и 3 же сентября умеръ. Въ день смерти Кромвеля, вихрь срывалъ крыши съ домовъ, выбрасывалъ суда на берегъ. Въ разыгравшейся бурѣ слышались крики не человѣческіе, но крики духовъ, несшихъ разрушеніе и гибель. Хотя тѣло Кромвеля было похоронено въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, но ему не было суждено мирно покоиться въ могилѣ. Въ январѣ 1661 года, въ годовщину Карла I, полуистлѣвшее тѣло Кромвеля было вырыто изъ могилы, перевезено въ Тибурнъ и повѣшено на висѣлицѣ, потомъ снято, положено въ ящикъ и брошено въ яму; голову отрубили и выставили на шестѣ у стѣнъ Вестминстерскаго дворца.

Колдовство играло большую роль въ домѣ Тюдоровъ. Кентская монахиня, прославленная постомъ и подвижничествомъ, предсказала Генриху VIII скорую смерть, какъ божескую кару за бракъ его съ Анной Боленъ. Ее обвинили и арестовали по приказанію парламента. Судъ нашелъ ее виновной въ колдовствѣ и она была казнена вмѣстѣ съ нѣсколькими сообщниками. Чудеса ея были такъ необыкновенны, что даже знаменитый Томасъ Морусъ вѣрилъ имъ. Въ 1541 г. лорду Генгерфорду отрубили голову за то, что онъ спрашивалъ у гадателей, долго-ли проживетъ Генрихъ VIII. Въ 1562 году графа и графиню Ленноксъ обвинили въ государственной измѣнѣ за сношенія съ колдунами.

Религіозная ненависть протестантовъ и католиковъ породила много обвиненій въ колдовствѣ; духовенство и паствы враждующихъ церквей видѣли въ враждебной церкви и членахъ ея еретиковъ, слугъ антихриста. Отъ такого убѣжденія до таинственныхъ сношеній съ дьяволомъ—одинъ шагъ. Болѣе вліятельные и энергическіе исповѣдники были естественно не лишены обвиненій. Гоненіе раздражаетъ, вызываетъ подвиги мученичества; въ подобныя эпохи силы человѣчества напрягаются до такой высоты, которая кажется невозможной.

Въ XVII вѣкѣ, вмѣстѣ съ распространеніемъ духа независимости, явился новый видъ преступленій колдовства. Лица, заподозрѣнныя въ немъ, стали выказывать «скандальную дерзость» противъ

высшихъ сословій и даже высокопоставленныхъ особъ. Сатана внушалъ имъ такую смѣлость, что они произносили возмутительныя рѣчи и даже давали высокимъ и священнымъ лицамъ ругательныя прозвища.

Суевѣріе Европы распространялось и въ Новомъ Свѣтѣ. Гоненія на диссидентовъ заставили выселяться въ американскія колоніи массу шотландцевъ, ирландцевъ, англичанъ, датчанъ, голландцевъ, нѣмцевъ. Это была передовая Европа, переѣхавшая на новую квартиру. Но передовая Европа вмѣстѣ съ свѣтомъ, который гасили на старомъ материкѣ, привезла и тьму суевѣрія. Въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ передавалась отъ отца къ сыну, отъ матери къ дочери вѣра въ колдовство, заговоры, союзъ съ дьяволомъ. На новой квартирѣ суевѣріе держалось тѣмъ прочнѣе, что «передовая Европа», занятая устройствомъ порядковъ и пріобрѣтеніемъ квартиры въ полное владѣніе, оставалась въ сторонѣ отъ великаго движенія мысли XVIII вѣка и при переѣздѣ почти не захватила съ собою пріобрѣтеній мысли и науки. Она перевезла съ собою только тѣ теоріи государственнаго и общественнаго устройства, для которыхъ на старой квартирѣ не было мѣста. Высшее образованіе — больное мѣсто Америки. Суевѣрія старыхъ вѣковъ держатся тамъ въ отдаленныхъ отъ Запада городахъ и мѣстечкахъ. Сосѣдство съ индѣйскими племенами также способствуетъ живучести суевѣрій, не смотря на презрѣніе американцевъ къ краснокожимъ. Спиритизмъ разроссся въ Соединенныхъ Штатахъ до размѣровъ, немыслимыхъ въ Европѣ. Онъ сдѣлался религіей, насчитывающей сотни тысячъ адептовъ. Въ XVII вѣкѣ, долгое время послѣ того, какъ Пеннъ издалъ свои гуманные законы, въ колоніяхъ жгли за колдовство.

Въ Новой Англіи церковь назначила день молитвъ за несчастныхъ, испорченныхъ колдовствомъ. Болѣзни были такъ необыкновенны, что врачи признавали страданія паціентовъ сверхъестественными. Ничѣмъ инымъ въ темное время и темнымъ людямъ не могъ казаться фактъ страшнаго усиленія нервныхъ болѣзней, замѣчаемый въ поколѣніяхъ, рожденныхъ послѣ революціи. Жители Новой Англіи были потомками поколѣній, переживших въ Европѣ двѣ революціи—религіозную и политическую. Потрясенія, вынесенныя отцами, отозвались на дѣтяхъ. Американцы вообще отличаются нервностью, и одну изъ причинъ ея надо искать именно въ эмиграціи, дающей такой сильный приростъ населенію. Эмигрируютъ не тѣ, кому хорошо живется на родинѣ. Каждая европейская революція шлетъ въ Америку крупный процентъ людей, нервная система которыхъ потрясена. И въ наше время медицина нерѣдко сознаетъ несостоятельность свою передъ иными видами нервныхъ болѣзней; но теперь люди науки не вѣрятъ въ сатану, а въ тѣ времена онъ отвѣчалъ за все. При общей вѣрѣ въ силу его, до-

гадка, направленная злобой, местью, вела больнаго и друзей его къ полнѣйшему убѣжденію, что то или другое лицо испортили его колдовствомъ.

Писатели американскихъ колоній, извѣстные знаніемъ и талантомъ, протестантскіе священники вѣрили въ существованіе вѣдьмъ, гномовъ, эльфовъ, духовъ, и смѣло переносили пытку и смертную казнь за колдовство. При судѣ надъ Сузаной Мартинъ въ 1692 г., въ числѣ разныхъ нелѣпостей, какъ доказательство колдовства ея, приводили фактъ, что въ грязную погоду подолъ платья ея не былъ вымоченъ и запачканъ, какъ у другихъ женщинъ.

Въ XVII столѣтіи, колдовство навело ужасъ на Швецію. Король назначилъ комиссію для изслѣдованія зла. Сатана ходилъ въ человѣческомъ образѣ по всей странѣ; онъ губилъ бѣдные классы населенія, раздавая мясо и вино. Жители просили настоятельно, но смиренно, членовъ комиссіи истребить въ корень дьявольскую шайку, чтобы они наконецъ могли вздохнуть свободно. Это тѣмъ болѣе необходимо, что округъ Эльфдэль теперь совершенно спокоенъ съ тѣхъ поръ, какъ тамъ сожгли нѣсколько вѣдьмъ.

Послѣ долгаго обсужденія постановили разыскивать вѣдьмъ и нашли не менѣе 70 въ городѣ и деревняхъ. 23 изъ нихъ добровольно сознались и были тотчасъ казнены. Остальныя сказали, что невиновны и были пересланы въ Фалунъ, гдѣ ихъ также казнили; 15 дѣтей, сознавшихся въ колдовствѣ, были казнены; тридцать шесть, отъ девяти до шестнадцати лѣтъ, оказавшихся менѣе виновными, прогнаны сквозь строй; двадцать, по молодости, были приговорены получать удары розгами по рукамъ разъ въ недѣлю, въ продолженіе цѣлаго года. Число такихъ дѣтей доходило до трехсотъ. Вѣдьмы брали дѣтей на шабашъ, давая имъ рубашку, кафтанъ красный или синій. Дѣти сознались въ этомъ и нѣкоторыя прибавили, что они были рады ѣхать только потому, что на нихъ надѣли такое красивое платье. Маленькая дѣвочка изъ Эльфдэля созналась, что она произнесла имя Іисуса, когда ее увозили, вдругъ упала на землю и пробила себѣ большую дыру въ боку; но дьяволъ мгновенно излечилъ ее и унесъ съ собой; бокъ у нея болѣлъ даже до этого дня. Дѣти говорили, что они видѣли иногда большаго дьявола въ образѣ дракона, окруженнаго пламенемъ и связаннаго желѣзною цѣпью. Другія дѣти говорили о бѣломъ ангелѣ, который запрещалъ имъ дѣлать то, что приказывалъ дьяволъ.

Здѣсь видна цѣлая система галлюцинацій. Послѣ дѣтскаго крестоваго похода—эпохи, когда дѣти видѣли небесныя видѣнія, слышали голоса свыше, приказывавшіе имъ идти на невѣрныхъ,—это первый, встрѣчающійся въ исторіи суевѣрій, примѣръ повальныхъ дѣтскихъ галлюцинацій. Нищета и голодъ, свирѣпствовавшіе въ XVII вѣкѣ, вмѣстѣ съ религіознымъ фанатизмомъ вліяли на больной мозгъ. Дѣти избавлялись отъ галлюцинацій вынесеннымъ на-

казаніемъ. И это фактъ, вполнѣ объяснимый физіологически и психологически. Власть воображенія надъ нервной системой фактъ, признанный наукой; также извѣстенъ фактъ, что сознаніе въ страшной тайнѣ снимаетъ бремя съ сердца, кара искупляла грѣхъ. Вѣдьмы и заколдованныя дѣти теряли всякую чародѣйскую силу послѣ сознанія и наказанія и не могли дѣлать ничего сверхъестественнаго.

Инквизиція свирѣпствовала въ Португаліи, Испаніи, Франціи, Италіи. Въ Португаліи она преслѣдовала и животныхъ, и въ 1601 году приговорила къ сожженію лошадь одного англичанина, выученную хозяиномъ разнымъ штукамъ. Сохранились судебные акты о сожженіи свиней, какъ пособниковъ дьявола. Зубные врачи считались колдунами, продавшими душу чорту за свое искусство; въ XVII столѣтіи, во Франціи одинъ астрологъ и дантистъ былъ задушенъ дьяволомъ въ постели и это избавило его отъ костра.

Юридическое преслѣдованіе за колдовство было уничтожено ранѣе въ протестантскихъ странахъ, нежели въ католическихъ. Въ глухихъ мѣстностяхъ, особенно въ колоніяхъ, основанныхъ католиками, духовенство поддерживаетъ въ паствѣ вѣру въ колдовство.

Вѣра эта съ введенія христіанства стоила человѣчеству около девяти милліоновъ жертвъ, сожженныхъ на кострахъ, замореныхъ въ тюрьмахъ, замученныхъ до смерти въ пыткахъ. Эта цифра, собранная по документамъ, актамъ, хроникамъ, должна быть гораздо ниже дѣйствительной. О народныхъ неофиціальныхъ расправахъ съ колдунами, которыя происходятъ иногда и въ наше время, въ прежніе вѣка не собиралось свѣдѣній. Судъ Линча надъ колдовствомъ производился долгое время послѣ того, когда смолкли громы закона. Отмѣнѣ законовъ, преслѣдовавшихъ колдовство, оказали сильное сопротивленіе въ 1735 году, когда въ первый разъ биллъ о томъ прошелъ въ англійскомъ парламентѣ; противъ него всего сильнѣе возставали духовенство и юристы, въ особенности предсѣдатель уголовнаго суда. Въ XV и XVI вѣкѣ, не говоря уже о прежнихъ вѣкахъ, каждый, осмѣливавшійся сказать слово въ защиту жертвъ суевѣрія, самъ рисковалъ быть обвиненнымъ въ колдовствѣ или въ ереси.

Не ранѣе 1563 года, Вейеръ, знаменитый германскій врачъ, смѣло заговорилъ противъ вѣры въ колдовство, доказывая, что это или болѣзненная манія, или мошенничество. Двадцать лѣтъ послѣ него, Реджинальдъ Скоттъ въ Великобританіи горячо писалъ противъ нелѣпости вѣрить въ колдовство. Отъ перваго слова противъ колдовства до первой отмѣны его въ Европѣ прошло 172 года; такъ медленно уступало суевѣріе.

Съ вѣрою въ колдовство, въ сношенія съ сатаною, была тѣсно связана и другая вѣра, которая въ первые вѣка христіанства и въ средніе вѣка эпидеміей паники охватывала Европу, а въ позднѣй-

шіе вѣка появлялась временно — вѣра въ пришествіе антихриста и близкій конецъ міра. Вѣра эта опиралась на Апокалипсисъ, и въ эпохи, когда переполнялась чаша бѣдствій, распространяла повальное отчаяніе и ужасъ. Богъ отступился отъ міра и отдалъ его во власть антихристу, твердили фанатики. Нужно было спасать себя отъ вѣчной гибели. Первый крестовый походъ былъ поднятъ этой вѣрой. Антихристъ царилъ въ Европѣ; надо было идти отнять у невѣрныхъ святую землю и, основавъ тамъ царство Христово, очистить себя отъ грѣховъ и ждать кончины міра. Въ XIV вѣкѣ, когда гнетъ феодализма, войны, голодъ и чума уносили сотни тысячъ жертвъ, ожиданіе антихриста и кончины міра погнало массы народа въ Римъ за отпущеніемъ грѣховъ, и золото потоками полилось въ папскіе сундуки. Религіозныя секты, проникнутыя мрачнымъ аскетизмомъ, были плодомъ вѣры въ антихриста; между этими сектами была филіація: средневѣковые бичующіеся, каторры, конвульсіонеры, фротричелли XIV вѣка, игравшіе такую роль во время Ріенци, воскресли въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ «святыхъ», въ шекерахъ и въ другихъ сектахъ Стараго и Новаго Свѣта. Въ этомъ ожиданіи антихриста есть своя логика. Бѣдствія, зло не могутъ быть ни волей, ни дѣломъ благаго начала; до Бога далеко, а міръ отданъ злу. Надо уйти отъ міра — это логическій выводъ. Рядомъ съ отреченіемъ, рядомъ съ самымъ суровымъ аскетизмомъ, ожиданіе антихриста и кончины міра порождало и страшную распущенность нравовъ. Если міръ обреченъ гибели, если только немногіе избранные спасутся, то ужъ лучше на грѣшной землѣ насладиться всѣмъ, что только можно урвать; если ужъ горѣть въ аду и носить печать антихриста, то пусть было бы за что. Вѣра въ антихриста порождала разложеніе всѣхъ общественныхъ условій. Земледѣліе, торговля останавливались; браки расторгались, новыхъ не заключали; монастыри и церкви богатѣли, разбои росли, народъ все болѣе и болѣе нищалъ и голодалъ. Проходилъ годъ, въ который ждали кончины міра, и жизнь снова вступала въ свои права.

Ожиданіе кончины міра повторяется отъ времени до времени и всегда связано съ появленіемъ кометъ. Суевѣріе видѣло въ нихъ тѣ чудесныя звѣзды, о которыхъ говорится въ Апокалипсисѣ, которыя должны передъ кончиною міра упасть на землю и произвести катаклизмы. Въ Россіи при Екатеринѣ II чума и комета вызвали въ народѣ ожиданіе антихриста. Вѣру эту раздѣляли и ученые того времени; въ перепискѣ своей съ Гриммомъ, Екатерина II шутитъ надъ общимъ суевѣріемъ и говоритъ: «Эйлеръ предсказалъ намъ кончину міра въ іюнѣ будущаго года; онъ нарочно для этого заставитъ придти двѣ кометы, которыя сдѣлаютъ что-то, ужъ не знаю что, съ Сатурномъ, который въ свою очередь явится уничтожить насъ. Великая княгиня сказала мнѣ, чтобы я не вѣрила

астроному, потому что пророчества Евангелія и Апокалипсиса еще не исполнились, а именно, что антихристъ еще не пришелъ и что всѣ религіи не соединились еще. Я отвѣчаю на все это, какъ Севильскій цирюльникъ. Одному я говорю: Богъ съ вами; другой: ступай спать, и живу по прежнему. Что думаете вы объ этомъ?» За исключеніемъ изувѣрныхъ сектъ, вѣра въ пришествіе антихриста и кончину міра утратила характеръ паники ужаса и отчаянія, и въ наше время появленіе кометы — встрѣчается суевѣрными людьми съ тревожнымъ чувствомъ.

Появленіе кометы, въ 1680 году, навело панику на всю Европу. Ужасъ былъ еще усиленъ тѣмъ, что Кеплеръ по вычисленіямъ нашелъ, что встрѣча Сатурна и Юпитера подъ созвѣздіемъ Льва бываетъ только одинъ разъ въ восемьсотъ лѣтъ. Сатурнъ считался несчастной звѣздой, онъ былъ олицетвореніемъ всепожирающаго времени. Суевѣріе язычества подтверждало выводъ христіанской эпохи. Кеплеръ нашелъ, что комета вслѣдствіе этой встрѣчи должна предвѣщать бѣдствіе римской церкви. Математики также внесли свою долю въ распространеніе паники, вычисливъ, что комета была въ шесть разъ длиннѣе той, которая возвѣстила смерть папы Александра VII. Встрѣчи планетъ всегда имѣли сильное вліяніе на земныя событія. Вмѣстѣ съ кометою въ XVII вѣкѣ появилось много метеоровъ, распространявшихъ повсюду ужасъ. Беременныя женщины разрѣшались преждевременно. Ходили слухи о рожденныхъ чудовищахъ.

Кеплеръ оказался послѣдовательнѣе астролога Лилли, величайшаго авторитета въ Англіи. Роялисты, съ согласія короля, спрашивали его о томъ, будетъ-ли удачно бѣгство Карла I изъ Гэмтонъ-Порта и долженъ ли онъ подчиниться парламенту? Лилли получилъ 20 фунтовъ за отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Рядомъ съ вѣрой въ колдуновъ существовала и вѣра въ святыхъ людей, хотя и не признанныхъ церковью. Богъ вселялся въ нихъ, они слышали голосъ его и творили чудеса, прозрѣвали будущее. Мистическое движеніе это началось еще въ первые вѣка христіанства. Наслѣдовавъ многое отъ мистическихъ ученій древняго міра, оно въ первый разъ отлилось во II вѣкѣ въ опредѣленную форму секты монтанистовъ; подавленное католицизмомъ, оно выродилось въ ученіе альбигойцевъ, вотландцевъ, флористовъ (учениковъ Іохима Флора) анабаптистовъ. Въ XVIII и XIX в. проявилось подъ формою мартинизма, пилмитинитства и въ англійскихъ и американскихъ сектахъ ирвингіанъ и «святыхъ». Въ основѣ сектъ подъ мистической оболочкой лежитъ вѣра въ иныя, лучшія времена на землѣ; всѣ онѣ ждутъ новаго пришествія Мессіи. Монтанизмъ явился черезъ сто тридцать лѣтъ послѣ Христа, когда вѣрующіе устали ждать его обѣщаннаго появленія и отыскали причину, почему онъ медлитъ явиться, въ грѣховности церкви. Въ основѣ

всѣхъ сектъ этихъ, вмѣстѣ съ жаждой пришествія Мессіи, лежитъ и вѣчное стремленіе человѣчества къ независимости и равенству. Не нужно посредниковъ между Богомъ и человѣкомъ, не нужно князей церкви, по своему усмотрѣнію толкующихъ волю Божію. Богъ — единый отецъ, всѣ люди братья; онъ сходитъ къ тѣмъ, кто ищетъ его, вселяется въ нихъ, одаряетъ ихъ своею силою, своимъ всевѣдѣніемъ, своею властью, надъ природой и злыми духами. Вѣра эта вела къ обоготворенію человѣка, считавшаго себя сосудомъ Бога живаго; къ обоготворенію всѣхъ инстинктовъ природы, какъ самыхъ возвышенныхъ, такъ и грубыхъ, къ обоготворенію животныхъ. Вѣра эта создала Саванаролу и Гусса, Іоанна Лейденскаго, казнившаго съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своей женщинъ, не хотѣвшихъ пополнять гаремъ его; создала мормоновъ, нашихъ хлыстовъ, секту Татариновой въ началѣ XIX вѣка. Рядомъ съ аскетическими сектами она пораждала секты разнузданной чувственности и создавала учителей, угнетавшихъ своею деспотическою властью, вооруженною громами небесными.

Послѣ смерти Христа, являлось много непризнанныхъ церковью пророковъ, творившихъ чудеса, и въ которыхъ массы видѣли иногда людей, продолжавшихъ дѣло Іисуса. Павелъ, въ посланіи своемъ къ Колосеямъ, предостерегаетъ вѣрныхъ противъ лжепророковъ. Въ средней Азіи ждали новаго мессію Пароклета, пророки и пророчицы ходили по городамъ и селамъ и повсюду находили вѣрующихъ. Откровеніе не кончилось со смертью Христа; оно было доступно каждому, осѣненному духомъ свыше. Ересь монтанства явилась оформеннымъ догматомъ идеи личнаго вдохновенія и общедоступнаго откровенія. Учитель ея говорилъ: «Человѣкъ есть арфа, а я (т. е. духъ) летаю по ней, какъ пальцы. Человѣкъ спитъ, а я бодрствую за него». Политической подкладкой сектъ этого рода была ненависть къ тому строю, который являлся для нихъ олицетвореніемъ мрачной силы, дѣлами рукъ антихриста. Монтанская ересь была отчасти плодомъ вражды къ языческому міру. Рядомъ съ вѣрою въ гибель грѣшнаго міра, шла вѣра въ новый, которою и въ наше время держится секта милленаріевъ. Монтанисты проклинали бракъ. Секта эта принимала все болѣе и болѣе мрачный характеръ. Истязанія и мученичество были идеаломъ ея; въ ней надо искать корень всѣхъ истязующихся сектъ, бичующихся конвульсіонеровъ, самосожигателей, скопцовъ.

Всѣ свободныя секты видѣли царство антихриста въ католицизмѣ и даже епископствѣ; а католицизмъ проклиналъ ихъ, какъ ученіе антихриста. Эпоха реформаціи размножила эти секты. Пророки, пророчицы, снова заходили по городамъ и селамъ; ангелы и самъ Богъ, въ часы сна и въ часы бдѣнія святыхъ, являлись повѣдать имъ волю свою и грядущія бѣдствія міра. Когда воздвигалось гоненіе на вѣрныхъ, Всевышній чудесно охранялъ ихъ и

по ихъ молитвѣ совершались чудеса. Интересный примѣръ повальныхъ галлюцинацій и дѣтской вѣры въ чудеса представляетъ исторія ваатландцевъ. Людовикъ XIV, изгнавъ реформатовъ изъ Франціи, заставилъ герцога Савайскаго преслѣдовать сектантовъ. Они отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ на требованіе срыть свои церкви и крестить дѣтей. Раздраженный отказомъ, герцогъ принялъ предложеніе Людовика XIV выслать противъ нихъ армію. Ваатландцы счастливо сопротивлялись два дня, но потомъ, охваченные паникою, сдались безусловно побѣдителю. Герцогъ разсадилъ 14,000 сектантовъ по всѣмъ тюрьмамъ Піемонта. Они вышли оттуда въ числѣ всего трехъ тысячъ, похожихъ на тѣни, а не на живыхъ людей. Пасторъ ихъ и полковникъ Анри Арно привелъ ихъ на родину черезъ три съ половиною года въ числѣ тысячи человѣкъ.

Галлюцинаціи и сновидѣнія играютъ большую роль во всѣхъ сектахъ; онѣ заразительны въ силу нервнаго сочувствія. Болѣе рѣзкія проявленія ихъ мы видимъ въ періодическихъ собраніяхъ сектъ, не признающихъ организованнаго духовенства. Каждый вѣрующій можетъ проповѣдывать, если его осѣнилъ духъ. Женщины тоже проповѣдуютъ, и даже часто оказываются болѣе вдохновленными, чѣмъ мущины. На этихъ собраніяхъ повторяется то же самое, что происходило въ собраніяхъ монтановъ, отмѣнена только церемонія семи плакальщицъ, дѣвъ лампадофоръ, т. е. дѣвъ, несшихъ свѣтильники и оплакивавшихъ, рыдая и ломая руки, бѣдствія и грѣхи міра. Сцены иллюминизма начинались у монтановъ вслѣдъ за появленіемъ дѣвъ; ангелы сходили къ вѣрующимъ, влагали въ уста ихъ пророчества и поученія. На нынѣшнихъ собраніяхъ нѣтъ особыхъ плакальщицъ, вызывающихъ раздраженіе нервной системы. Плакальщицъ замѣняетъ общее пѣніе гимновъ. Болѣе галлюцинаціоннымъ и болѣзненнымъ характеромъ отличаются въ Европѣ собраніе ирландцевъ, въ Америкѣ негровъ. Невѣжество и бѣдственныя общественныя условія создаютъ эти движенія. Негры, когда ангелъ явится шептать имъ божественныя рѣчи, начинаютъ выкликать разныя слова безъ всякой связи и смысла. Чѣмъ длиннѣе и мудренѣе рѣчь, тѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ выслушивается она, какъ гласъ высшей мудрости.

Происходятъ сцены кликушества; вѣрующіе, нарыдавшись до истощенія силъ, падаютъ въ конвульсіяхъ. Чѣмъ сильнѣе припадки, тѣмъ сильнѣе и сошедшая благодать. Надо отпраздновать полученную благодать, и вѣрующіе празднуютъ сначала съ пристойною радостью, которая мало по малу переходитъ въ непристойную, и дикая оргія шумитъ тамъ, гдѣ часъ назадъ раздавались покаянныя рыданія. Разгоряченный мозгъ видитъ сатану и ангеловъ его, видитъ разверстыя врата адовы, и на другой день повторяется покаяніе собранія. Примиренные съ Богомъ, вѣрую-

бородавка на тѣлѣ старухи считались печатью дьявола. Любимая черная кошка считалась воплощеніемъ демона, посланнаго для услугъ вѣдьмы сатаною. Лицо, заподозрѣнное въ колдовствѣ, готовили къ судебному изслѣдованію особенной діэтой, которая должна была уничтожить дѣйствіе волшебныхъ мазей и напитковъ, употребляемыхъ колдунами для обмана суда и собственной неуязвимости.

Въ XVII вѣкѣ, въ Шотландіи славился сыщикъ Джонъ Киннардъ, уличившій невѣроятное множество колдуновъ и вѣдьмъ. Въ 1640 году, по доносу его былъ казненъ Патрикъ Ватсонъ и жена его Мини Галибёртонъ; онъ изслѣдовалъ обоихъ, накалывая тѣло, и нашолъ неуязвимое мѣсто у мужа на спинѣ, у жены на затылкѣ. Какъ глубоко ни кололъ онъ ланцетомъ эти мѣста, не выступало ни капли крови. Мужъ упорно запирался, но жена созналась въ преступной связи съ сатаною. Колдуны и вѣдьмы сознавались Джону Киннарду въ томъ, что принимали участіе въ бѣсовскомъ шабашѣ; мѣстомъ шабаша былъ перекрестокъ двухъ дорогъ, близъ болота или стоячей воды; временемъ — ночи среды и пятницы.

Въ 1728 году сыщикъ открылъ, что одна рослая и толстая женщина, заподозрѣнная въ колдовствѣ, дѣйствительно вѣдьма, потому что она вѣсила не болѣе четырехъ унцій. Это было сочтено достаточной уликой не только противъ нея, но и противъ сообщниковъ ея, и всѣ они были сожжены по приговору суда.

Колдуновъ узнавали еще потому, что они не могли плакать и не умѣли читать «Отче нашъ» безъ ошибки. Всего чаще ошибались на словахъ: «И не введи насъ во искушеніе», и «Остави намъ долги наши». Иные не могли произнести ни одного слова изъ этой молитвы; другіе путали слова. За то многіе колдуны и вѣдьмы обладали искусствомъ читать «Отче нашъ» и «Символъ вѣры» на выворотъ, съ послѣдняго слова до перваго. Дьяволъ требовалъ такого чтенія, какъ доказательства отрѣченія отъ Христа.

Въ церковныхъ архивахъ XVI и XVII вѣковъ хранится много интереснаго матеріала о суевѣріяхъ. Всевластная церковь сильно поддерживала мракъ и невѣжество.

Въ половинѣ XVII вѣка, манія преслѣдованія колдовства дошла до такой степени, что почти не было человѣка, который не жаловался бы на бѣду или убытокъ, принесенные колдовствомъ. Болѣзнь ребенка, несчастіе, крушеніе корабля или лодки, каждый незначительный случай, сломанный плугъ или заступъ — все было дѣломъ колдовства. Если нельзя было пригласить профессіональнаго сыщика, то нанимали колдуновъ розыскивать виновниковъ несчастія и уничтожить колдовство. Если нанятый колдунъ не успѣвалъ въ розыскѣ, — приглашали священника; а если колдуны и сатана оказывались сильнѣе его, то обращались къ приходскому совѣту и синоду.

Въ разгаръ преслѣдованій за колдовство, крупный процентъ ихъ слѣдуетъ отнести и къ мошенничеству; обвиненіе въ колдовствѣ было безопаснымъ средствомъ избавиться отъ врага и нерѣдко жертвами обвиненія были лица, отличавшіяся красотой, богатствомъ, высокимъ положеніемъ. Въ XVI вѣкѣ, въ Шотландіи погибла по обвиненію въ колдовствѣ леди Глемисъ. Гордая и богатая красавица отказывала многимъ женихамъ, когда была дѣвушкой и когда овдовѣла послѣ короткаго замужества. Она пользовалась сильнымъ вліяніемъ при дворѣ, и это не спасло ее. Ее обвинили въ томъ, что она уморила мужа, опаивая его виномъ и заколдованнымъ зельемъ, и хотѣла также извести и короля. Ее судили и сожгли.

Въ Эдинбургскомъ музеѣ древностей хранится нѣсколько вещей, какъ памятники эпохи преслѣдованія вѣдьмъ. Это большею частью небольшія фигурки, изображающія людей. Онѣ всего чаще исколоты, что доказываетъ употребленіе ихъ для цѣлей колдовства. Въ музеѣ также много орудій пытокъ. Человѣческая фантазія была изобрѣтательна на орудія пытки: были винты для завинчиванія большихъ пальцевъ, сапоги съ клиньями для ногъ, раскаленные щипцы для вырыванія кусковъ тѣла и пр.

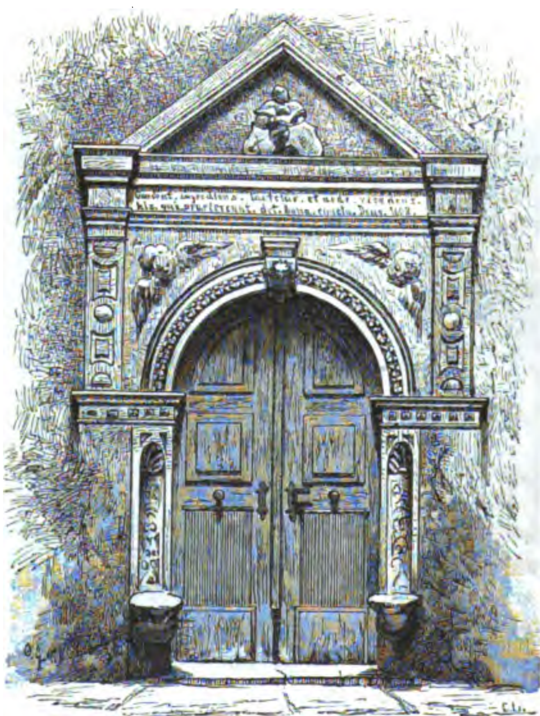
Не ранѣе 1628 года пытка при допросѣ была отмѣнена закономъ въ Англіи; но de facto она продолжалась въ иныхъ мѣстностяхъ до 1640 г. Джону Фельтону, обвиненному въ покушеніи на жизнь герцога Букингема, грозили пыткой въ 1640 году. Лондонскій епископъ предложилъ употреблять пытку вытягиванья членовъ, чтобы узнать отъ Фельтона имена сообщниковъ его. Фельтонъ отвѣчалъ: «Если меня будутъ пытать, то я не знаю кого я не оговорю отъ боли, епископа Лода или, пожалуй, каждаго лорда этого комитета». Пытки, конечно, вымогали сознанія въ колдовствѣ. Женщины въ галлюцинаціяхъ видѣли мрачныя картины, созданныя вѣковымъ суевѣріемъ, и убѣждались въ томъ, что онѣ колдуньи. Эта манія заражала и дѣтей.

Глазго, шотландскій городъ, отличался свирѣпостью преслѣдованій колдовства. Въ этомъ городѣ религіознаго фанатизма, реформація была встрѣчена ожесточенною борьбою; католическое духовенство пользовалось тамъ сильнымъ вліяніемъ надъ фанатизированнымъ населеніемъ. Позорный столбъ, розги и плети были наказаніемъ за мелкія нарушенія церковныхъ правилъ, приверженцевъ реформаціи сжигали на площадяхъ. Въ каждую сессію церковнаго суда сажали въ тюрьму и сѣкли публично мущинъ и женщинъ за маловажные проступки. За нарушеніе седьмой заповѣди возили въ телѣгѣ по улицамъ и сѣкли, спускали съ Гласговскаго моста на веревкѣ и купали въ рѣчкѣ Клейдѣ. Духовенство вмѣшивалось во всѣ судебныя дѣла. Переходъ отъ католицизма къ реформаціи не внесъ ни болѣе разума, ни болѣе человѣчности въ отношенія суда и народа къ колдовству. Протестанты

тономъ, находилась латинская надпись XVII вѣка, переведенная Гёте двумя гектаметрами:

«Весело въ замокъ вступай, и его покидай ты веселымъ.
Если-жъ ты мимо идешь, — Богъ съ тобой будетъ въ пути».

Въ 1825 году, и въ слѣдующихъ годахъ, престарѣлый герцогъ проводилъ здѣсь долгое время. Въ 1828 году, онъ отправился отсюда въ Берлинъ и на возвратномъ пути скончался. Смерть его



Порталъ рыцарскаго бурга.

сильно поразила горячо преданнаго ему поэта. Первое время траура провелъ онъ въ Дорнбургѣ. Въ это время онъ занимался одними метеорологическими наблюденіями и здѣсь посѣщали его друтья и знакомые, въ томъ числѣ и Веллингтонъ. Затѣмъ Гёте посѣтилъ Дорнбургъ еще въ 1829 году и въ 1830 съ тремя русскими. Это было его послѣднее посѣщеніе живописной мѣстности, которая не можетъ не интересовать любителя литературы.

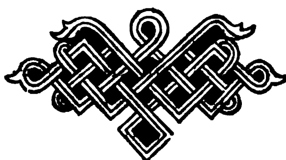
говоритъ Грантъ, «это не то что духи спириты». Кликушество, гипнотизмъ, галлюцинаціи — обычная основа всѣхъ сверхъестественныхъ явленій, часто передается по наслѣдству. Въ иныхъ мѣстностяхъ есть семьи, гдѣ отъ дѣдовъ къ внукамъ, отъ матерей къ дочерямъ, переходитъ «даръ» угадывать будущее. Въ горной Шотландіи есть цѣлые роды духовидцевъ. Такіе же духовидцы и гадатели водятся въ Пиринеяхъ, Норвегіи, Бретаніи и въ Финляндіи. Въ рудникахъ Гарца и въ наше время рудокопы видятъ кобальдовъ. Моряки всѣхъ странъ признаютъ таинственную силу огней св. Лаврентія, предвѣщающихъ бури и крушенія. Огни эти, происхожденіе которыхъ еще неопредѣлено, были особенно ярки въ 1878 г., когда бури и ураганы свирѣпствовали съ необычайной силой. Въ продолженіе послѣдняго столѣтія, когда начали наблюдать это явленіе, былъ доказанъ фактъ, что если въ лѣтнія ночи огни эти многочисленны и ярки, то за ними слѣдуютъ сильныя бури. Если смотрѣть на огни эти съ берега, то они имѣютъ видъ корабля, объятаго пламенемъ. Пламя, желтаго и синяго цвѣта, то высоко поднимается надъ водною массой, то разсыпается языками. При приближеніи судна или лодки пламя отступаетъ и безполезно преслѣдовать его.

Суевѣріе, видоизмѣняясь, ослабѣвало въ иныя эпохи для того, чтобы снова усилиться въ другія. За вѣкомъ разума, когда во Франціи немыслимо было признаніе Лурдскихъ чудесъ или Маріи Алакокъ, наступилъ вѣкъ, когда суевѣріе офиціально снова захватило право руководить обществомъ. Оно было подавлено, но не искоренено вѣкомъ разума, и его не искоренить никакою регламантаціею. Энциклопедистовъ XVIII вѣка смѣнили мистики и иллюминаты XIX вѣка. Не одинъ свободный мыслитель превращался въ мистика, видящаго вѣщіе сны и прорицающаго будущее. Объяснять такія превращенія исключительно выгодами, которыя несетъ за собою умѣнье плыть съ теченіемъ вѣка, было бы доказательствомъ слишкомъ поверхностнаго отношенія къ факту. Несомнѣнно, что въ средѣ обращенныхъ всегда есть крупный процентъ людей, ставящихъ свѣчи и Богу, и чорту, и разомъ обоимъ, и поочереди, смотря по тому, чего требуетъ выгода минуты; но такого процента не могло бы явиться, если бы не было общаго теченія и настроенія. Теченіе, уносящее людей назадъ, въ темную область суевѣрія, ханжества, обскурантизма, поднимается всего сильнѣе и охватываетъ общество послѣ періодовъ сильныхъ потрясеній, когда, вслѣдъ за энергическимъ порывомъ впередъ, настаетъ эпоха утомленія, обращенія назадъ, реакція. Надежды обмануты, нервы потрясены, силы надломлены. Чувство неувѣренности, страхъ, уныніе, повергаютъ въ апатію. Неизвѣстное всегда и пугало человѣческій умъ, и притягивало его неотразимой силой. Въ поступательномъ движеніи общество борется съ нимъ силою мысли, науки, срываетъ съ него хотя

часть завѣсы. Въ періоды упадка силъ, поворота назадъ, оно не имѣетъ силы смотрѣть неизвѣстному прямо въ глаза. Гораздо покойнѣе облечь неизвѣстное въ опредѣленную форму, какую бы то ни было, хотя бы самую фанатическую и нелѣпую, съ которою можно такъ или иначе считаться, которую можно заставлять служить себѣ. Прибавить къ этому вѣковыя привычки, передающія извѣстный складъ мозга, и индивидуальныя, пріобрѣтаемыя съ первыми впечатлѣніями и первыми уроками, и тогда станетъ вполнѣ понятнымъ почему отъ суевѣрія могла освободиться только сравнительно ничтожная горсть человѣчества.

Въ суевѣріяхъ всѣхъ вѣковъ рѣзко выдѣляются двѣ струи: прогрессивная и регрессивная. Лурдскія чудеса поддерживаютъ гнетъ средневѣковыхъ авторитетовъ; мормонство хотя создало многолюдную и богатую территорію въ пустыняхъ Новаго Свѣта, держится безконтрольнымъ самовластіемъ, рабствомъ невѣжественныхъ адептовъ и униженіемъ женщины. Мистическія секты, освобождающія личность отъ духовной іерархіи, расчищаютъ путь свободѣ и болѣе человѣчному устройству общественныхъ отношеній. Многія секты, какъ мартинисты и иллюминаты, играли значительную роль при всякомъ демократическомъ движеніи. Но не смотря на человѣчныя начала, которыми они проникнуты, силъ затрачено было много, и еще болѣе принесено жертвъ, но такою дорогою цѣною добыты неизмѣримо малыя крупицы, совершенно теряющіяся въ общемъ строѣ жизни. Суевѣріе всегда неумолимо подчиняетъ живую жизнь таинственному, сверхъестественному и въ самомъ себѣ заключаетъ фанатизмъ, который душитъ свободную, свѣтлую мысль.

М. Цебрикова.



ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ СНОШЕНІЙ СЪ ЧОРТОМЪ [1].

Чудеса и колдуны. — Магія на Востокѣ. — Волшебство въ Римѣ. — Колдуны по опредѣленію инквизиторовъ. — Формальные договоры съ чортомъ. — Легенда о Теофилѣ. — Гаданія и предсказанія. — Загадыванье на священныхъ книгахъ.— Законы варваровъ противъ колдовства.— Шаткость мнѣній о чародѣяхъ.— Фредегонда. — Θома Аквинскій. — Преднамѣренное смѣшеніе еретиковъ съ колдунами.— Исторія стедингскихъ еретиковъ.— Жертва, пріятная Богу.— Папа Сильвестръ II.—Адскій словарь.—Роджеръ Бэконъ.—Папы въ доброе старое время.— Нравы духовенства.—Реймскій соборъ.—Законъ о безбрачіи.—Чудовищныя личности и проклятія церкви.— Ханжество и кощунство.— Праздникъ дураковъ.— Орденъ бичующихъ.—Матерьяльныя бѣдствія народа.—Черная смерть.—Пляска св. Витта.—Бѣлые кающіеся и Stabat mater.—Гнетъ феодаловъ.—Альбигойцы.— Ужасы XIII вѣка. — Латранскій соборъ. — Инквизиція.— Фридрихъ II.— Тамплієры. — Іоаннъ XXII. — Процессъ Жанны Даркъ. — Базельскій соборъ и папа Евгеній IV. — Докторъ Эделинъ. — Бичъ еретиковъ. — Преслѣдованія еретиковъ въ Германіи.—Молотъ чародѣекъ.— Отчего реформація жгла колдуновъ.—Эпоха Возрожденія. — Страхъ передъ чортомъ.

ВЪ ЭПОХУ младенческаго состоянія первобытныхъ народовъ, все, что поражало ихъ воображеніе, что выходило изъ ряда обыденныхъ явленій, считалось чудомъ. Такія чудеса могли производить только лица, выдающіяся изъ толпы, избранники и любимцы боговъ. Особая наука образовалась вскорѣ же изъ искусства колдовать, то-есть производить чудеса (русское слово кудесникъ происходитъ прямо отъ слова чудеса). На берегахъ Евфрата и Тигра эта наука, названная магіей по имени маговъ, служителей божества, была въ то же время священнодѣйствіемъ. Жрецы были всегда волшебниками и

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XV, стр. 158.

колдунами. Посредствомъ таинственныхъ обрядовъ, формулъ и заклинаній они заставляли своего бога благодѣтельствовать вѣрующимъ, карать не признающихъ его. Въ Египтѣ каста жрецовъ, дѣлавшая чудеса передъ Аарономъ, старалась этимъ доказать превосходство своего бога надъ богомъ евреевъ. Когда поклоненіе одному божеству дѣлалось преобладающимъ, побѣжденные имъ боги превращались въ враждебныя, мрачныя силы. Зевесъ, взойдя на Олимпъ съ Аполлономъ и другими свѣтлыми божествами, уничтожилъ культъ темныхъ силъ природы: земли-матери (Деметеръ) Эринній, Гекаты. Имя этой послѣдней богини перешло въ магію и средневѣковыя оргіи на шабашѣ. Римская имперія, въ эпоху своего паденія, была наполнена волшебниками, поклонявшимися Изидѣ, Цибелѣ Пессинонтской, сирійскимъ божествамъ. Римъ допускалъ культъ всѣхъ чужеземныхъ боговъ, и императоръ Александръ Северъ, въ числѣ своихъ домашнихъ боговъ-пенатовъ, ставилъ рядомъ изображенія Авраама и Орфея, Аполонія Тіанскаго и Іисуса Христа.

Но правительство не благоволило къ волшебникамъ, вѣря, что они могутъ вызывать грозы и бури, поражать поля безплодіемъ, наводить на людей болѣзни. Законъ Двѣнадцати-таблицъ опредѣлялъ строгія наказанія за колдовство; императоры запрещали заниматься астрологіею и составлять гороскопы, изъ опасенія, что неблагопріятныя для нихъ предсказанія могутъ поколебать ихъ власть. Но гораздо строже отнеслась къ волшебству католическая церковь на томъ основаніи, что все чудесное, но не отъ нея происходящее, дѣлается съ помощью сатаны. Поэтому она смѣшала магію съ язычествомъ, волшебство съ ересью — и безразлично сжигала на кострахъ колдуновъ и еретиковъ, язычниковъ и невѣрующихъ. Одинъ изъ инквизиторовъ опредѣляетъ такъ колдуновъ въ 1583 году: «Колдуньями и колдунами называютъ такихъ мужчинъ и женщинъ, которые, отрекшись отъ Бога и религіи, предались діаволу по формальному условію, чтобы получить отъ него власть производить разнаго рода чудеса, невозможные при обыкновенномъ порядкѣ вещей». За это «формальное условіе», котораго никто не видалъ и которое, по разъясненію Ѳомы Аквинскаго, могло «подразумѣваться», погибали тысячи жертвъ, даже маленькія дѣти. Въ это «условіе» вѣрили многіе богословы и даже Августинъ говоритъ положительно: «magi faciunt miracula per privatos contractus». Приведемъ легенду, въ которой главную роль играетъ этотъ договоръ съ сатаною.

При одномъ изъ послѣднихъ западныхъ императоровъ, жилъ въ далекой провинціи благочестивый мужъ Теофилъ, котораго за его смиреніе и добродѣтели народъ выбралъ своимъ епископомъ. Теофилъ отказался отъ этого сана и передалъ его другому. Новый епископъ началъ съ того, что прогналъ своего конкурента — и всѣ тотчасъ отвернулись отъ Теофила. Пораженный людскою неблаго-

Въ разгаръ преслѣдованій за колдовство, крупный процентъ ихъ слѣдуетъ отнести и къ мошенничеству; обвиненіе въ колдовствѣ было безопаснымъ средствомъ избавиться отъ врага и нерѣдко жертвами обвиненія были лица, отличавшіяся красотой, богатствомъ, высокимъ положеніемъ. Въ XVI вѣкѣ, въ Шотландіи погибла по обвиненію въ колдовствѣ леди Глемисъ. Гордая и богатая красавица отказывала многимъ женихамъ, когда была дѣвушкой и когда овдовѣла послѣ короткаго замужества. Она пользовалась сильнымъ вліяніемъ при дворѣ, и это не спасло ее. Ее обвинили въ томъ, что она уморила мужа, опаивая его виномъ и заколдованнымъ зельемъ, и хотѣла также извести и короля. Ее судили и сожгли.

Въ Эдинбургскомъ музеѣ древностей хранится нѣсколько вещей, какъ памятники эпохи преслѣдованія вѣдьмъ. Это большею частью небольшія фигурки, изображающія людей. Онѣ всего чаще исколоты, что доказываетъ употребленіе ихъ для цѣлей колдовства. Въ музеѣ также много орудій пытокъ. Человѣческая фантазія была изобрѣтательна на орудія пытки: были винты для завинчиванія большихъ пальцевъ, сапоги съ клиньями для ногъ, раскаленные щипцы для вырыванія кусковъ тѣла и пр.

Не ранѣе 1628 года пытка при допросѣ была отмѣнена закономъ въ Англіи; но de facto она продолжалась въ иныхъ мѣстностяхъ до 1640 г. Джону Фельтону, обвиненному въ покушеніи на жизнь герцога Букингема, грозили пыткой въ 1640 году. Лондонскій епископъ предложилъ употреблять пытку вытягиванья членовъ, чтобы узнать отъ Фельтона имена сообщниковъ его. Фельтонъ отвѣчалъ: «Если меня будутъ пытать, то я не знаю кого я не оговорю отъ боли, епископа Лола или, пожалуй, каждаго лорда этого комитета». Пытки, конечно, вымогали сознанія въ колдовствѣ. Женщины въ галлюцинаціяхъ видѣли мрачныя картины, созданныя вѣковымъ суевѣріемъ, и убѣждались въ томъ, что онѣ колдуньи. Эта манія заражала и дѣтей.

Глазго, шотландскій городъ, отличался свирѣпостью преслѣдованій колдовства. Въ этомъ городѣ религіознаго фанатизма, реформація была встрѣчена ожесточенною борьбою; католическое духовенство пользовалось тамъ сильнымъ вліяніемъ надъ фанатизированнымъ населеніемъ. Позорный столбъ, розги и плети были наказаніемъ за мелкія нарушенія церковныхъ правилъ, приверженцевъ реформаціи сжигали на площадяхъ. Въ каждую сессію церковнаго суда сажали въ тюрьму и сѣкли публично мущинъ и женщинъ за маловажные проступки. За нарушеніе седьмой заповѣди возили въ телѣгѣ по улицамъ и сѣкли, спускали съ Гласговскаго моста на веревкѣ и купали въ рѣчкѣ Клейдѣ. Духовенство вмѣшивалось во всѣ судебныя дѣла. Переходъ отъ католицизма къ реформаціи не внесъ ни болѣе разума, ни болѣе человѣчности въ отношенія суда и народа къ колдовству. Протестанты

ляне—у Виргилія (sortes virgiliani); но и въ первые вѣка христіанства подобное гаданье практиковалось часто подъ названіемъ sortes sanctorum, apostolorum, prophetarum, и Августинъ осуждалъ только, что къ нему прибѣгаютъ для рѣшенія чисто свѣтскихъ вопросовъ. Но соборы, какъ Ваннскій (465 г.) Оксерскій (585 г.) и другіе, всегда осуждали этотъ обычай, хотя къ нему прибѣгали многіе, не смотря на запрещеніе церкви. Императоръ Ираклій въ 627 году, въ войнѣ съ Персіей, взявъ Тавризъ, загадалъ на евангеліи, долженъ ли онъ зимовать въ Азіи, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, не вернулся въ Европу. Самъ Августинъ говоритъ въ «Исповѣди», что онъ обязанъ своимъ обращеніемъ къ истинной вѣрѣ стиху изъ посланія апостола Павла къ римлянамъ, прочтенному наугадъ и заключавшему въ себѣ совѣтъ обратиться къ Христу. Не смотря, однако же, на странность этого рода гаданья, имъ занимались во всѣ вѣка лица, не имѣвшія никакихъ предразсудковъ. Кто бы повѣрилъ, что къ нему прибѣгалъ даже Дидро, запертый въ Венсенскую крѣпость. А между тѣмъ онъ пишетъ къ г-жѣ Воланъ, что, сидя въ заключеніи, взялъ бывшій у него томъ сочиненій Платона и, развернувъ его на удачу, прочелъ: это дѣло такого рода, что скоро кончится. «Я улыбнулся — говоритъ философъ-энциклопедистъ — но черезъ четверть часа двери моей тюрьмы отворились и мнѣ пришли сказать, что завтра я буду свободенъ».

Варвары были снисходительнѣе къ колдовству и гаданью, чѣмъ просвѣщенные римляне. Такъ, законы визиготскихъ королей отмѣнили смертную казнь для колдуновъ, сводившихъ градъ на нивы или поражавшихъ людей разными болѣзнями, и наказывали виновныхъ въ этомъ только 200 ударами плетью, тюрьмою или изгнаніемъ. Кто прибѣгалъ къ оракуламъ, чтобы узнать, когда умретъ король, у того конфисковали имущество въ пользу казны, а самого дѣлали рабомъ. Въ салическомъ законѣ говорится: «когда колдунья (stria) съѣстъ человѣка и это будетъ доказано, она приговаривается къ смерти или къ уплатѣ 200 су (sol). Но ломбардскій законъ короля Ротарія уничтожаетъ это наказаніе, не признавая возможнымъ самаго преступленія (nec possibile est ut hominem mulier vivum intrinsecus possit commedere). Онъ идетъ дальше, подвергая наказанію всякаго, кто обвиняетъ въ этомъ колдунью. Тотъ же законъ налагаетъ пеню въ 62 золотыхъ су на всякаго, кто безъ доказательствъ обвиняетъ другого въ томъ, что онъ былъ на шабашѣ колдуній. Падерборнскій синодъ, подтвержденный указомъ Карла Великаго, опредѣляетъ смертную казнь тѣмъ, кто сожжетъ женщину, обвиняя ее въ томъ, что она съѣла человѣка. Карловингская эпоха была вообще снисходительна къ колдунамъ. Синодъ въ Рисбахѣ 799 года постановилъ, что волшебниковъ должно заключать въ тюрьму и увѣщевать, чтобы они раскаялись, но ни въ какомъ случаѣ не лишать ихъ жизни. Зато уже въ половинѣ IX вѣка

Реймскій архіепископъ Гинкмаръ требовалъ ихъ казни. Венгерскій законъ отличалъ колдуновъ отъ предсказателей и гадателей, и первыхъ, если они своими заклинаніями наносили кому нибудь вредъ,—отдавали родственникамъ пострадавшаго, а послѣднихъ отсылали къ епископу для тѣлеснаго наказанія. Въ законахъ Коломана, царствовавшаго отъ 1095 по 1114 г., встрѣчается постановленіе, непостижимое для того времени, не признававшее вовсе волшебницъ: de strigis quae non sunt, nulla mentio fiat. Это объясняютъ тѣмъ, что подъ именемъ стриги законъ понималъ не собственно колдунью, а фантастическое созданіе женскаго рода, питавшееся тѣломъ и кровью людей, родъ вампира, извѣстнаго и древнимъ. Но въ то время, когда отдѣльные іерархи церкви признаютъ всѣ виды колдовства, соборы высказываютъ противоположныя мнѣнія. Въ Брагѣ (въ Португаліи) издается постановленіе, предающее анаѳемѣ всякаго, кто вѣритъ, что дьяволъ можетъ производить громъ, бури, засуху. Парижскій соборъ 829 года называетъ языческимъ суевѣріемъ всю магію, предсказанія, гаданія, даже истолкованіе сновъ, а Ліонскій архіепископъ Агобардъ возстаетъ противъ нелѣпаго мнѣнія народа о вызывателяхъ бурь (tempestarii). Анкирскій соборъ отвергаетъ, чтобы колдуньи отправлялись по ночамъ на шабаши и на поклоненіе сатанѣ, и говоритъ, что все это онѣ видятъ во снѣ.

Вообще, отъ VI до XIII вѣка преслѣдованія и казни колдуновъ были рѣдкимъ явленіемъ, кромѣ случаевъ, когда преслѣдователями являлись высшія духовныя и свѣтскія власти, натуры порочныя и исключительныя. Такова была Фредегонда, жена короля Хильперика. У нея умерли два сына отъ эпидеміи, пощадившей Хлодовика, сына Андоверы, первой отвергнутой жены короля. Фредегонда увѣрила мужа, что дѣти ихъ погибли вслѣдствіе колдовства матери наложницы Хлодовика. Король разрѣшилъ Фредегондѣ поступить съ виновными какъ она хочетъ. Принцъ былъ убитъ въ тюрьмѣ, старуха сожжена живою. Ярость королевы пала на мать и сестру Хлодовика, обвиненныхъ въ сообщничествѣ съ казненными. Андовера была заперта въ монастырь, гдѣ ее вскорѣ задушили; дочь ея отдана на поруганіе солдатамъ. Черезъ нѣсколько времени у Фредегонды умеръ и третій сынъ, что она опять приписала колдовству. Схватили нѣсколько женщинъ, начали пытать и онѣ сознались, что околдовали принца по наущенію мажордома. Того тоже подвергли пыткѣ, но онъ сознался только въ томъ, что получалъ отъ колдуній снадобья для пріобрѣтенія королевской милости. Его отпустили на свободу, но потомъ, увидя, что онъ вовсе не пострадалъ отъ пытки, сочли это знакомъ сношенія съ чортомъ и стали снова пытать до того, что онъ умеръ, а мнимыя сообщницы его погибли на кострахъ и на колесѣ. Законъ Оттона I предавалъ сожженію отступниковъ отъ вѣры, колдуновъ и отрави-

тономъ, находилась латинская надпись XVII вѣка, переведенная Гёте двумя гектаметрами:

«Весело въ зàмокъ вступай, и его покидай ты веселымъ.
Если-жъ ты мимо идешь, — Богъ съ тобой будетъ въ пути».

Въ 1825 году, и въ слѣдующихъ годахъ, престарѣлый герцогъ проводилъ здѣсь долгое время. Въ 1828 году, онъ отправился отсюда въ Берлинъ и на возвратномъ пути скончался. Смерть его

Порталъ рыцарскаго бурга.

сильно поразила горячо преданнаго ему поэта. Первое время траура провелъ онъ въ Дорнбургѣ. Въ это время онъ занимался одними метеорологическими наблюденіями и здѣсь посѣщали его друзья и знакомые, въ томъ числѣ и Веллингтонъ. Затѣмъ Гёте посѣтилъ Дорнбургъ еще въ 1829 году и въ 1830 съ тремя русскими. Это было его послѣднее посѣщеніе живописной мѣстности, которая не можетъ не интересовать любителя литературы.

Григорій IX, въ буллѣ 1232 года, приказалъ епископамъ Любека, Ратцебурга, Мюнстера, Оснабрюка и другихъ городовъ проповѣдовать крестовой походъ противъ еретиковъ, а архіепископу Майнцскому принять начальство надъ войскомъ. Въ папской буллѣ стедингцы обвинялись въ сношеніяхъ съ чортомъ, въ томъ, что во время причащенія они не проглатываютъ гостіи, а, удерживая ее во рту, выплевываютъ, вернувшись домой, въ нечистое мѣсто; далѣе описывается, какъ на собраніи еретиковъ они поклоняются жабѣ, черной кошкѣ и сатанѣ, являющемуся лично въ собраніе, оканчивающееся отвратительной оргіей. Сорокатысячная армія вторглась въ Стедингскій округъ и, не смотря на отчаянное сопротивленіе жителей, разбила ихъ, сожгла ихъ дома и имущество, превратила весь округъ въ пустыню. Особенно неистовствовалъ въ эту эпоху монахъ Конрадъ Марбургскій, сжигавшій на кострѣ тысячи еретиковъ по Рейну и въ Саксоніи до тѣхъ поръ, пока самъ былъ убитъ выведенными изъ терпѣнія родственниками его жертвъ. Болѣе всего въ это время сжигали манихеянъ, эту секту, не признававшую никакихъ внѣшнихъ религіозныхъ обрядовъ, ни крещенія, ни причащенія, ни браковъ, ни священства, возникшую еще въ III вѣкѣ и съ тѣхъ поръ постоянно преслѣдуемую сначала язычниками, потомъ христіанами. Въ 1239 году, въ Шампаніи, въ Монт-Эме сожгли 183 манихеянина, при огромномъ стеченіи народа, въ присутствіи короля Наварскаго, Рейнскаго архіепископа, бароновъ, знатныхъ дамъ. Монахъ Альберикъ, въ своей «Хроникѣ» прибавляетъ, что это торжество произвело сильное впечатлѣніе и было «пріятною жертвою Богу».

Тертулліанъ, возставая противъ изученія философіи, которая, по его словамъ, приводитъ къ ереси, говоритъ: «тому, кто изучилъ религію, нечего искать другихъ наукъ; ищутъ только то, чего не имѣютъ, или что потеряли». На основаніи этого убѣжденія, почти всѣ ученые и свободомыслящіе люди въ средніе вѣка подозрѣвались въ сношеніяхъ съ чортомъ. Подозрѣніе пало даже на папу Сильвестра II. Овернецъ Гербертъ, выбранный папою по протекціи императора Оттона III и управлявшій римской церковью четыре года (999—1003), былъ настоящій ученый, знавшій математику, физику, астрономію, философію, знакомый съ классическими авторами, прекрасно писавшій по латини. Поэтому его обвинили въ томъ, что онъ заключилъ договоръ съ чортомъ, помогавшимъ ему получить тіару. Легенда говоритъ, что онъ похитилъ въ Толедо, у арабскаго чародѣя, волшебную книгу, изъ которой вычиталъ все, что знаетъ; что въ минуту его смерти чортъ явился за своей добычей и папа при всѣхъ сознался въ договорѣ, заключенномъ съ нечистымъ. И это говорилъ не простой народъ, а такія лица, какъ лѣтописецъ XIII вѣка Мартинъ, прозванный Польскимъ, архіепископъ гнезенскій и духовникъ пяти папъ. То же повторилъ

въ концѣ XV вѣка ватиканскій библіотекарь Сакки Платина въ своей біографіи папъ, посвященной Сиксту IV. Коленъ де Планси, въ своемъ «Адскомъ словарѣ», съ негодованіемъ опровергаетъ это преданіе, повторенное еще пятью духовными лѣтописцами, но не говоритъ ничего о томъ, что папы болѣе всего негодовали на Сильвестра за высказанное имъ мнѣніе, что папа не только не можетъ претендовать на непогрѣшимость, но что если онъ поступаетъ вопреки евангельскому ученію, то епископы могутъ осудить его [1]). Другой примѣръ обвиненія въ ереси и магіи представляетъ Роджеръ Бэконъ, сдѣлавшій столько открытій въ астрономіи, химіи, медицинѣ, творецъ экспериментальнаго метода. Когда, въ 1278 году, генералъ ордена францисканцевъ, Асколи, бывшій потомъ папою, пріѣхалъ въ Парижъ въ качествѣ легата, капуцины воспользовались этимъ, чтобы подать ему доносъ на своего собрата, обвиняя его въ заключеніи договора съ чортомъ. Бэконъ написалъ тогда трактатъ «О ничтожествѣ магіи» (De nullitate magiae), гдѣ говорится прямо: «богословы и каноники называютъ все, что выше ихъ понятія, — дьявольскимъ дѣломъ». Но богословы все таки одержали верхъ: Роджеръ Бэконъ былъ осужденъ на вѣчное заточеніе и сочиненія его запрещены, какъ заключающія въ себѣ «нововведенія опасныя и подозрительныя». Папа подтвердилъ, конечно, приговоръ надъ ученымъ, доказавшимъ, что схоластическое ученіе поддерживаетъ невѣжество и заблужденіе, и его выпустили изъ темницы только за годъ до смерти, когда, изнуренный трудомъ и болѣзнями, онъ не былъ уже опасенъ для церкви. А между тѣмъ, каковы были сами папы въ то время, мы можемъ видѣть изъ сочиненій безпристрастныхъ историковъ какъ Ранке, Ланфре, Шлоссеръ. Стефанъ VII, отравившій своего предмѣстника, вырылъ трупъ папы Формоза I, судилъ его, предалъ проклятію и бросилъ трупъ въ Тибръ, но самъ былъ свергнутъ съ трона во время возстанія и, брошенный въ темницу, задушенъ. Куртизанка Теодора управляла тридцать лѣтъ Римомъ и папами, такъ же, какъ и ея дочери, Марозія и Теодора II. Іоаннъ XI, сынъ Марозіи и папы Сергія VII, «отъявленнаго злодѣя» по словамъ кардинала Бароніуса, умеръ отъ распутства. Іоаннъ XII, сынъ той же Марозіи и патриція Альберика, низложенный римскимъ соборомъ, посвящая въ конюшняхъ въ духовное званіе, на оргіяхъ пилъ за здоровье чорта; его убилъ одинъ оскорбенный мужъ. Бенедиктъ IX былъ выгнанъ изъ Рима за развратную жизнь, но императоръ Конрадъ силою посадилъ его на папскій престолъ. Выгнанный вторично, онъ передалъ тіару

[1]) Dictionnaire infernal—очень любопытная книга, выдержавшая съ 1844 г. десятокъ изданій; въ ней, кромѣ множества рисунковъ, помѣщены портреты 72-хъ главныхъ чертей. Она одобрена парижскимъ архіепископомъ, какъ не заключающая въ себѣ ничего «оскорбительнаго для религіи и нравственности».

Уильямъ Форбесъ, также адвокатъ, профессоръ законовѣдѣнія въ гласговскомъ университетѣ и авторъ многихъ замѣчательныхъ произведеній.

Въ первые вѣка христіанства, церковь не принимала участія въ преслѣдованіи колдуновъ; духъ ученія Христа не былъ еще искаженъ папствомъ; преслѣдованіе началось въ средніе вѣка и шло, разростаясь, до вѣка разума. Папа Іоаннъ, въ буллѣ 1317 года, упоминалъ, что многіе изъ придворныхъ и врачъ его предались суевѣрію и что злой духъ сидитъ въ кольцахъ и зеркалахъ ихъ. Въ 1484 году, папа Иннокентій VIII издалъ буллу противъ колдовства. Тысячи невинныхъ были сожжены; другіе умерли среди пытокъ. Въ XIV вѣкѣ, во Франціи было обнародовано 27 законовъ противъ колдовства и вызыванія злыхъ духовъ.

Число жертвъ суевѣрія громадно. Въ Женевѣ, въ продолженіе всего трехъ мѣсяцевъ 1515 года, сожгли 500 человѣкъ за колдовство. Въ епархіи Комо — тысячу въ одинъ годъ. 900 человѣкъ были сожжены въ Лотарингіи. Въ Германіи всего насчитываютъ болѣе 100,000. Для этой страны преимущественно былъ созванъ судъ съ двумя инквизиторами. Всего безчеловѣчнѣе были въ Америкѣ преслѣдованія 1648—49 годовъ. Пуритане Новой Англіи повѣсили въ 1692 году девять человѣкъ за колдовство. При допросѣ и пыткѣ пятьдесятъ человѣкъ сознались и покаялись. Италія, Португалія, Испанія насчитываютъ длинный списокъ жертвъ. Не рѣдко преступленіе колдовства соединялось съ другимъ — ересью. Свободные мыслители гибли жертвами мрачнаго изувѣрства. Изобрѣтатели, завѣщавшіе потомству великія открытія, подвергались той же участи; инымъ удавалось спастись бѣгствомъ. Когда германскіе печатники привезли первыя книги во Францію, то были присуждены къ сожженію живыми, и приговоръ былъ бы исполненъ, еслибы они не успѣли бѣжать. Несчастная жизнь и смерть Бертрана Ко, открывшаго силу пара, послужила темой патетическихъ очерковъ. Одно время Англія превзошла численностью казней другія страны Европы. Въ 1646 году, двѣсти человѣкъ были осуждены и казнены въ продолженіе одной сессіи судовъ въ Эссексѣ и Суссексѣ. Въ 1682 году, казнены въ Англіи послѣднія жертвы. Въ Шотландіи послѣдняя жертва юридическаго убійства сожжена въ 1722 году въ Дорнохѣ, по приказанію шерифа Сотерлендскаго графства.

Въ каждомъ графствѣ, въ каждомъ городѣ Шотландіи былъ сыщикъ вѣдьмъ (witch-finder), обязанность котораго заключалась въ изслѣдованіи всѣхъ заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ и доносѣ на нихъ судебнымъ властямъ. Отъ бдительности сыщика и его знанія дѣла зависѣло благосостояніе частныхъ лицъ и цѣлой страны. Градобитіе, наводненія, пожары, повальныя болѣзни людей и скота, опасныя частныя болѣзни, помѣшательство, семейные раздоры, червь и саранча — все приписывалось колдовству. Родимое пятно или

судъ божій и епископъ былъ отлученъ отъ церкви. Зато папа простилъ всѣхъ остальныхъ и поспѣшилъ закрыть соборъ, предавъ отлученію неявившихся французскихъ прелатовъ, которые, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали управлять своими епархіями. Но тѣ же епископы, когда дѣло касалось до какого нибудь несогласія съ церковными постановленіями, поднимались какъ одинъ человѣкъ на еретика, осмѣливавшагося усомниться въ признанномъ догматѣ. Такъ Беренгаръ, архидіаконъ Турскій, учившій, что въ причащеніи, вмѣстѣ съ преосуществленіемъ, сохраняются хлѣбъ и вино, былъ торжественно осужденъ парижскимъ синодомъ, требовавшимъ смерти ересіарха. Беренгаръ поспѣшилъ отречься отъ своей ереси. Когда папа Григорій VII востановилъ никѣмъ не исполнявшійся, но учрежденный Григоріемъ Великимъ законъ о безбрачіи священниковъ, духовенство подняло крикъ негодованія, а въ Германіи возстало съ оружіемъ на епископовъ, и только настойчивость папы, потребовавшаго отъ свѣтской власти поддержанія этого закона, дала ему возможность укорениться и не остаться мертвою буквою. Уничтоженіемъ семейныхъ узъ въ духовенствѣ, папа пріобрѣлъ огромную армію, не имѣвшую ни родства, ни родины и слѣпо повиновавшуюся только своему духовному предводителю. Зато нравы патеровъ сдѣлались еще ужаснѣе, а монастыри—притонами распутства, которому въ средніе вѣка предавались не одни служители церкви. Чудовищный развратъ этой эпохи уживался на ряду съ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ. Злодѣй Жиль-де-Ресъ, замучившій двѣсти дѣтей и сознавшійся, что заключилъ договоръ съ чортомъ, устроилъ въ своемъ замкѣ великолѣпную церковь, при которой содержалъ до 30-ти патеровъ и клерковъ, хоръ пѣвчихъ, музыкантовъ и, въ мистическомъ экстазѣ, устраивалъ духовныя процессіи. Эццелино IV, совершившій неслыханныя жестокости въ Миланѣ, былъ вѣрнымъ слугой церкви до тѣхъ поръ, пока Инокентій IV не предалъ его проклятію. Этотъ обрядъ лишалъ отлученнаго отъ церкви — погребенія въ освященной землѣ. Поэтому гробъ съ тѣломъ Раймонда VI графа Тулузскаго, умершаго въ 1222 году, пятьдесятъ лѣтъ оставался непогребеннымъ, а Леопольдъ австрійскій, захватившій въ плѣнъ Ричарда Львиное сердце, отлученный за это папою, успѣлъ сгнить окончательно, пока папа не снялъ съ трупа отлученія.

Но духовенство, такъ чутко наблюдавшее за соблюденіемъ всѣхъ своихъ привилегій и за исполненіемъ свѣтскими лицами церковныхъ обрядовъ, преслѣдовавшее малѣйшее отклоненіе отъ нихъ, какъ ересь, допускало, въ тоже время, страшное кощунство изъ опасенія нарушить нѣкоторые народные обычаи. Таковъ былъ «праздникъ дураковъ», когда въ церкви чернь выбирала епископа дураковъ (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже папу), который садился на епископское мѣсто, надѣвая вмѣсто митры колпакъ съ осли-

ными ушами. Онъ благословлялъ народъ гримасами и грязными шутками. Переряженные патеры въ маскахъ или вымазанные винной гущею плясали и пѣли циничныя пѣсни, діаконы ѣли сосиски передъ алтаремъ, играли въ кости, жгли въ кадильницахъ старые башмаки; потомъ «дураки» разъѣзжали по городу въ телегахъ съ нечистотами, кривлялись и принимали непристойныя позы. Праздникъ этотъ справлялся черезъ день послѣ Рождества. Въ «праздникъ осла» приводили это животное въ церковь и священникъ, служа обѣдню, подражалъ крику осла; ему вторили всѣ присутствующіе. Соборы, правда, не разъ возставали противъ подобныхъ праздниковъ, но ихъ поддерживало низшее духовенство, въ продолженіи многихъ вѣковъ. Оно допускало въ процессіи кающихся мужчинъ и женщинъ въ однѣхъ рубашкахъ, и даже безъ оныхъ; многіе въ процессіи пѣли, прыгали и скакали, другіе бичевали себя по нагому тѣлу. Одна изъ такихъ процессій была въ 1224 году въ Парижѣ и въ ней участвовали королева Біанка Кастильская, жена Людовика VIII, сестра королевы, Беренгера, и вдова Филиппа Августа, Ингельбурга. Нѣкоторые лѣтописцы утверждаютъ, что три королевы шли нагія. Обычай этотъ продолжался до XVI вѣка, только мущины въ процессіи надѣвали короткіе передники, а женщины шли въ мѣшкахъ «изъ тонкой матеріи», какъ говоритъ историкъ Мезере. Публичное бичеваніе продолжалось отъ XI до XV вѣка. Оно существовало и въ древнемъ мірѣ. Корибанты публично наносили себѣ удары ремнями въ честь матери боговъ; но бичеваніе въ Греціи и Римѣ не принимало эпидемическаго характера, какъ въ христіанствѣ, гдѣ тѣлесныя страданія ведутъ къ райскимъ наслажденіямъ. Бичующіе были сами причиною своего уничтоженія. Съ пріятнымъ занятіемъ хлестать себя по голымъ плечамъ четырехвостымъ ремнемъ съ желѣзными наконечниками они хотѣли соедининить догматическое ученіе и стали проповѣдовать, что проливаемая ими кровь имѣетъ тоже самое дѣйствіе, какъ кровь Христа, и можетъ искупить грѣхи міра. За это папа Климентъ VI объявилъ ихъ еретиками и они уничтожились.

Нравственный упадокъ соединялся съ матеріальными бѣдствіями отъ XI до XV вѣка. Эпидемическія болѣзни, голодъ, наводненія, безпрерывныя войны, чума терзали человѣчество. Недостатокъ въ пищѣ доходилъ до того, что являлись антропофаги. Близъ Макона, въ лѣсу Шатене, въ маленькой хижинѣ жилъ долго злодѣй, убивавшій прохожихъ и питавшійся ихъ мясомъ. Въ Турнѣ, на рынокъ, другой людоѣдъ принесъ продавать жареную человѣческую ляжку, его схватили и сожгли, а мясо зарыли въ землю. Нашелся несчастный, который отъ голода вырылъ мясо и съѣлъ его. Его также сожгли на кострѣ. Въ XIII вѣкѣ землетрясеніе, распространившееся отъ Сиріи до Англіи, разрушило много горо-

довъ, подъ развалинами которыхъ погибло 200,000. Въ XIV вѣкѣ южную Европу опустошила саранча, потомъ «черная смерть». Погибло до 25-ти милліоновъ населенія. Въ Азіи и Африкѣ опустошеніе было еще ужаснѣе. На островѣ Кипрѣ вымерли почти всѣ жители. Эти бѣдствія по мнѣнію французскихъ ученыхъ произошли отъ соединенія трехъ планетъ въ созвѣздіи Водолея, но народъ, поучаемый духовенствомъ, обвинилъ во всемъ еретиковъ, колдуновъ и евреевъ: они своимъ невѣріемъ навлекали на людей гнѣвъ божій. Король Филиппъ Валуа издалъ законъ, по которому за богохульство отрѣзывали сначала одну губу, потомъ другую, затѣмъ языкъ. Народъ набросился на евреевъ, даже на прокаженныхъ, которые прежде были предметомъ состраданія. Теперь увѣряли, что по наущенію чорта, они, купаясь по ночамъ, отравляютъ воду, а черезъ нее и людей. Когда ослабла «черная смерть», появилась новая болѣзнь, «пляска св. Вита» Въ 1374 году, стали появляться на улицахъ толпы людей, бѣгавшихъ безъ цѣли, плясавшихъ, скакавшихъ, катавшихся по землѣ въ страшныхъ конвульсіяхъ, съ пѣною у рта. Эти несчастные просили, какъ милости, чтобы имъ сдавливали животъ, топтали его. Во время припадковъ они подвергались галюцинаціямъ, видѣли ангеловъ, но чаще чертей. Болѣзнь была заразительная. Отъ береговъ Рейна, гдѣ она обнаружилась впервые, она перешла въ Нидерланды и Францію. Подверженныхъ этой болѣзни считали одержимыми дьяволомъ и отчитывали. Въ 1440 году, чума, появившись во Флоренціи, обошла всю Испанію. Болѣзнь лечили молитвами и процессіями «бѣлыхъ кающихся». Во Флоренціи число ихъ доходило до 40,000. Они ходили по полямъ, останавливались въ церквяхъ и монастыряхъ, гдѣ ночевали, причемъ дѣло не обходилось безъ непристойныхъ сценъ, бывшихъ причиною уничтоженія этихъ процессій. Но отъ нихъ остался странный гимнъ, распѣваемый ими,—«Stabat mater dolorosa», вдохновлявшій не разъ музыкантовъ, полный мистическаго экстаза, поэзіи мученичества, упоенія крестными страданіями (cruce hac inebriari).

Не меньше этихъ матеріальныхъ бѣдствій приносило бѣды человѣчеству — господство феодализма, то-есть грубой силы, самоуправства, отсутствіе всякой законности, всякой гарантіи. Жилось хорошо только сильнымъ бараномъ да богатымъ патерамъ, всѣ остальныя сословія зависѣли отъ нихъ. Но бароны по крайней мѣрѣ насиловали одно тѣло, а духовенство заставляло и думать, и вѣрить, какъ ему хочется, насиловало свободу совѣсти. Не мудрено, что возникали секты, протествовавшія противъ такого насилія. Первыми явились въ XI вѣкѣ катары, отрасль болгарскихъ богомоловъ; ихъ преслѣдовали, жгли на кострахъ, они все распространялись. По городу Альба, одному изъ ихъ главныхъ центровъ, ихъ назвали альбигойцами и открыли противъ нихъ крестовый походъ (отъ 1210

по 1228). Ихъ обвиняли въ томъ, что они поклоняются сатанѣ. Страшное истребленіе этихъ несчастныхъ не только на югѣ Франціи, но и вездѣ, гдѣ они появлялись, слишкомъ извѣстно въ исторіи. Симонъ Монфортскій сжигалъ на кострѣ и тѣхъ, кто отрекался отъ своего ученія. «Если они искренно раскаялись, говорилъ онъ, огонь очиститъ ихъ прегрѣшенія, если они лгутъ—онъ будетъ служить имъ наказаніемъ». Папскій легатъ Амори поучалъ солдатъ, готовившихся взять приступомъ Безьеръ: «убивайте всѣхъ, Богъ самъ разберетъ своихъ». Не даромъ Лейбницъ сказалъ, что въ исторіи человѣчества нѣтъ вѣка, нелѣпѣе XIII, кромѣ того, развѣ, который слѣдовалъ за этимъ. Со времени истребленія альбигойцевъ, которыхъ прямо обвиняли въ сношеніяхъ съ чортомъ, церковь начала уже сама казнить еретиковъ, не предавая ихъ свѣтской власти и не требуя ея помощи. Полная власть епископовъ въ дѣлахъ распознаванія и наказанія ереси утверждена на четвертомъ Латранскомъ соборѣ 1215 года. Онъ предписалъ епископамъ объѣзжать ихъ епархіи и, призывая къ себѣ гражданъ, требовать, чтобы они сообщали о тѣхъ лицахъ, кого подозрѣваютъ въ ереси. Кто не явится по призыву своего епископа, того объявляли еретикомъ. Если же самъ епископъ не исполнитъ этого предписанія, то лишается своего званія. Свѣтскіе властители обязаны были присягою изгонять отъ своихъ владѣній всѣхъ, на кого церковь укажетъ имъ какъ на еретиковъ. Если герцогъ или баронъ не исполнялъ этого, его отлучали отъ церкви, а если и это недѣйствовало—папа разрѣшалъ васаловъ отъ повиновенія своему государю и отдавалъ его земли «добрымъ католикамъ». Этотъ же соборъ положилъ начало инквизиціи, установилъ во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ особый судъ, на обязанности котораго лежало разъискиваніе еретиковъ, ихъ укрывателей или защитниковъ. Розыски эти каждый имѣлъ право производить и въ чужихъ владѣніяхъ. Раскаявшіеся еретики отмѣчались двумя крестами на ихъ одеждѣ и должны были имѣть при себѣ свидѣтельство о своемъ причащеніи. Всѣ достигшіе 14 лѣтъ, а женщины 12 лѣтъ, должны были торжественно отречься отъ всякой ереси и дать клятву преслѣдовать и открывать еретиковъ всѣми зависящими мѣрами. Присяга эта возобновлялась каждые два года. Причащаться слѣдовало три раза въ годъ: передъ пасхою, передъ рождествомъ и передъ пятидесятницею. Свѣтскимъ лицамъ запрещалось имѣть книги ветхаго и новаго завѣта, кромѣ псалтыря. Подозрѣваемые въ ереси не имѣли права быть докторами, и больной, и умирающій не смѣли обратиться къ ихъ помощи. Завѣщаніе, сдѣланное безъ участія священника, считалось недѣйствительнымъ. Пеня налагалась на всякаго, кто не былъ въ воскресенье у обѣдни. Это была уже настоящая инквизиція и первый такой трибуналъ учредили въ Лангедокѣ. Противъ

него возстали даже католики, но его поддержалъ король св. Людовикъ, во имя «свободы церкви».

Инквизиція, основанная Инокентіемъ III, получила окончательную форму при Григоріи IX, сдѣлавшимъ ее папскимъ учрежденіемъ и подчинившимъ даже епископовъ ордену доминиканскихъ монаховъ, зависѣвшему прямо отъ папы. Два первые инквизитора возбудили противъ себя такое негодованіе, что должны были бѣжать изъ Тулузы. За нихъ вступился св. Людовикъ и приказалъ графу Тулузскому ввести въ управленіе святой трибуналъ, на точномъ основаніи папской буллы. Съ тѣхъ поръ инквизиція начала свое кровавое дѣло, но первыми ея жертвами были оба первые инквизитора, растерзанные народомъ. За это преступленіе Раймондъ, графъ Тулузскій, долженъ былъ вымаливать прощеніе, стоя на паперти собора въ одной рубашкѣ, босой, съ веревкой на шеѣ. Католическая церковь не только убивала людей, но и убивала въ нихъ человѣческое достоинство. Правда, почти всѣ выдающіяся историческія личности и властители въ XIII вѣкѣ мало сознавали собственное достоинство. Такъ, образованный, умный, ни во что не вѣрившій Фридрихъ II для того, чтобы папа призналъ его германскимъ императоромъ, издалъ нѣсколько указовъ, осуждавшихъ еретиковъ на сожженіе, а богохульцевъ къ отрѣзанію языка. Эта ревность къ церкви не помѣшала, однако, впослѣдствіи папѣ наложить интердиктъ на императора, а Фридриху — возбуждать всю Европу противъ намѣстника апостоловъ. Такъ, Раймондъ Тулузскій, возстававшій противъ учрежденія инквизиціи, сжегъ въ Ажанѣ восемьдесятъ еретиковъ, совершая этимъ «актъ вѣры», auto da fe, непризнаніе котораго само по себѣ служило доказательствомъ ереси.

Исторія инквизиціи слишкомъ извѣстна, чтобы повторять подвиги этого чудовищнаго учрежденія, сжигавшаго сотни тысячъ людей по тайному доносу, вынуждая пыткою признаніе въ небывалыхъ преступленіяхъ, предоставляя свѣтской власти одну ужасную обязанность палача. Сжигая еретиковъ, церковь не забывала и колдуновъ. Такъ, еще въ 1275 году, въ числѣ нѣсколькихъ чародѣевъ, сожгли одну благородную даму 56-ти лѣтъ, находившуюся въ связи съ чортомъ и родившую отъ него чудовище съ волчьей головой. XIV вѣкъ начался процессомъ тампліеровъ. 15,000 рыцарей, владѣвшихъ въ Европѣ 10,000 богатыхъ замковъ, возбудили жадность короля — и орденъ былъ обвиненъ въ «діавольской магіи». Пятьдесятъ четыре рыцаря были сожжены въ Парижѣ, орденъ уничтоженъ, огромныя имѣнія его конфискованы. Въ этомъ «судѣ, постыдномъ и грѣховномъ», свѣтская власть шла объ руку съ духовною. На другой же годъ послѣ казни гросмейстера тампліеровъ, Жака де Моле, первый виновникъ ихъ гибели, другъ и совѣтникъ короля Филиппа Прекраснаго, Энгеранъ де Мариньи былъ повѣшенъ по приказанію наслѣдника Филиппа, Людовика X, за колдовство, имѣв-

шее цѣлью погубить несовершеннолѣтняго короля посредствомъ втыканія иглъ въ сердце восковой куклы, изображавшей Людовика. Этотъ родъ колдовства, сопровождавшійся заклинаніями и призываніями чорта, вслѣдствіе которыхъ лицо, изображаемое куклою, истыканною иглами, умирало медленною смертью, былъ въ большомъ ходу въ эту эпоху, и папа Іоаннъ XXII издалъ нѣсколько буллъ, въ которыхъ увѣрялъ, что его хотѣли извести такимъ же способомъ. Съ епископа Кагорскаго, обвиненнаго въ подобномъ покушеніи на жизнь папы, содрали сначала кожу, потомъ сожгли его. Но чему же удивляться, что въ XIV вѣкѣ вѣрили въ возможность такого колдовства, когда и въ 1861 году, аббатъ Леканю, парижскій докторъ богословія, въ своей книгѣ «Histoire de Satan» доказываетъ возможность вредить людямъ посредствомъ подобнаго чародѣйства.

Когда короли и папы стали заявлять всенародно вѣру въ колдовство и въ чорта, всѣ народныя бѣдствія, болѣзни, катастрофы приписывались вліянію нечистой силы. Въ время чумы и другихъ эпидемій стали увѣрять, что еретики отравляютъ рѣки и колодцы. Ученые и юристы, какъ профессоръ законовѣденія Бартоле, въ Омбріи, доказывали необходимость костровъ словами евангелія: «всякое дерево, не приносящее плодовъ должно быть срублено и брошено въ огонь». Сумасшедшій Карлъ VI, когда проходили пароксизмы помѣшательства, твердилъ, что его околдовалъ герцогъ Орлеанскій. Въ XV вѣкѣ духовная и свѣтская власть совершила еще болѣе постыдное преступленіе, чѣмъ казнь тампліеровъ. Жанна Даркъ была продана Жаномъ Люксенбургскимъ, взявшимъ ее въ плѣнъ; Парижскій университетъ, обвиняя ее въ колдовствѣ и еретичествѣ, писалъ что католическая вѣра и все христіанство подвергаются большой опасности, если ее не казнятъ; король Франціи не сказалъ ни слова въ защиту своей спасительницы. Три мѣсяца Жанну держали въ желѣзной клѣткѣ, съ цѣпями на шеѣ, на рукахъ и ногахъ, потомъ привели ее на судъ 95-ти епископовъ, абатовъ, докторовъ богословія, имѣвшихъ, однако, только совѣщательнѣй голосъ. Рѣшеніе принадлежало церкви и ее осудили на смерть, «избавляя отъ переломленія членовъ». Главнымъ пунктомъ обвиненія служило то, что по ея увѣренію она слышала небесные голоса, тогда какъ это говорилъ демонъ. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка, чортъ также игралъ главную роль во всѣхъ важныхъ обвиненіяхъ. Такъ, эпилептикъ Генрихъ IV, король Англіи, заключилъ въ темницу свою жену, королеву Жанну Наварскую, какъ колдунью. Война бѣлой и алой розы началась процессомъ околдованія слабоумнаго Генриха VI герцогомъ и герцогинею Глочестеръ. На Констанскомъ соборѣ главную роль игралъ инквизиторъ-доминиканецъ Нидеръ, которому поручено было огнемъ и мечомъ обратить на путь истины гуситовъ и таборитовъ. Онъ написалъ книгу, Formicarius, служившую ру-

ководствомъ въ процессахъ колдуновъ. Авторъ приписываетъ имъ власть являться въ различныхъ образахъ, летать по воздуху, вызывать градъ и бури, уничтожать жатвы, возбуждать ненависть и любовь, дѣлать безплодными женщинъ и бесильными мущинъ, убивать дитя въ утробѣ матери, превращать людей въ животныхъ. Все это подкрѣпляется многочисленными свидѣтельствами людей святыхъ, ученыхъ и авторитетомъ церкви. Въ 1437 году Базельскій соборъ потребовалъ, чтобы папа явился оправдаться въ своемъ невѣріи и, въ случаѣ неявки передъ соборомъ, угрожалъ наказаніемъ по всей строгости каноническаго права. За это Евгеній IV назвалъ членовъ собора агентами діавола и объявилъ въ своей буллѣ, что на соборъ явились демоны со всего свѣта, чтобы довершить беззаконіе и внести въ божью церковь мерзость запустѣнія. Преемникъ Евгенія приказалъ строжайше преслѣдовать еретиковъ, даже и такихъ, которые не высказываютъ открыто своей ереси. Первою жертвою этой буллы былъ докторъ Сорбонны и пріоръ Эделинъ, утверждавшій, какъ св. Агобардъ и Іоаннъ Салисбюрійскій, что колдуны и ихъ оргіи на шабашѣ — чистая выдумка. Его судили и, послѣ пытки, онъ, по своей доброй волѣ, de sa bonne voulenté, какъ говоритъ протоколъ, сознался, что онъ леталъ по воздуху верхомъ на помелѣ, поклонялся на шабашѣ чорту, въ видѣ барана съ хвостомъ, загнутымъ кверху трубою, и съ благоговѣніемъ цѣловалъ этотъ хвостъ. За это добровольное признаніе его избавили отъ костра, но присудили къ вѣчному заключенію въ цѣпяхъ, въ подземной тюрьмѣ, на хлѣбѣ и водѣ. Надломленный пыткою и страданіями, ученый докторъ умеръ въ тюрьмѣ черезъ нѣсколько недѣль.

Въ эту же эпоху вышла книга доминиканца Жакье, полная грубаго фанатизма, «Flagellum haereticorum fascinoriorum». Авторъ разбираетъ въ ней вопросъ: «дьяволъ-отецъ лжи; поэтому еретики лгутъ, когда утверждаютъ, что колдовали и были на шабашѣ?» «Нисколько», отвѣчаетъ хитроумный монахъ: «въ эти минуты Богъ принуждаетъ ихъ говорить правду». Этотъ казуистическій доводъ оправдывалъ всю процедуру суда надъ колдунами. Другой богословъ, Альфонсъ Спина, въ трактатѣ «Fortalitium fidei», допускаетъ, что колдуны могли только представлять себѣ, что они были на шабашѣ, а въ самомъ дѣлѣ оставались у себя дома, и чортъ, которому они предались, переносилъ ихъ въ воображеніи на оргіи еретиковъ, что нисколько не уменьшаетъ ихъ вины и не избавляетъ ихъ отъ костра. И несчастныхъ жгли сотнями, не принимая во вниманіе, сознавались они или нѣтъ въ поклоненіи дьяволу. Въ концѣ XV вѣка такія казни особенно усилились въ Германіи, гдѣ казнили множество вѣдьмъ. Въ 1487 году, въ одномъ маленькомъ городкѣ Равенсбургѣ, сожгли съ согласія императора Максимиліана 48 вѣдьмъ за тѣлесныя сношенія съ чортомъ, и вслѣдъ

затѣмъ вышелъ трактатъ Шпренгера «Malleus maleficarum (Молотъ чародѣекъ), одобренный папою и богословскимъ факультетомъ въ Кельнѣ, какъ вполнѣ католическое, ортодоксальное произведеніе. Оно доказываетъ, что невѣрить въ колдовство—значитъ быть еретикомъ; что чортъ можетъ имѣть дѣтей отъ людей; что между демонами есть своя іерархія, такъ какъ Люциферъ и Вельзевулъ называются въ писаніи князьями; что разрушительныя явленія въ природѣ могутъ происходить отъ чародѣйства; волшебницъ больше чѣмъ волшебниковъ оттого, что слабая женщина скорѣе подчиняется вліянію чорта (при этомъ трактатъ пускается въ лингвистическія тонкости и производитъ слово femina отъ fe — вѣра и minus—менѣе, и это доказываетъ, что у женщинъ меньше вѣры). Хотя Богъ не творитъ зла, но допускаетъ его «для очищенія созданія»; человѣку дана свобода и потому онъ можетъ грѣшить. Главная часть этого трактата состоитъ въ процедурѣ, которой должно слѣдовать въ процесахъ колдуновъ. Свидѣтелями здѣсь могутъ быть отлученные отъ церкви, дѣти противъ отцовъ, жены противъ мужей, еретики и колдуны противъ своихъ единомышленниковъ. Достаточно дурной репутаціи человѣка, чтобы предать его суду. Свидѣтелей не называютъ обвиняемому, такъ какъ они являются не обвинителями, а простыми доносчиками (какое тонкое различіе!) Такъ какъ никто не можетъ быть казненъ безъ собственнаго сознанія въ преступленіи, то въ случаяхъ непризнанія, необходимо прибѣгнуть къ пыткѣ, ей можно подвергать нѣсколько разъ, считая всѣ послѣдующія пытки только продолженіемъ первой. Судьи могутъ подать надежду обвиненному, что ему будетъ оставлена жизнь, если онъ принесетъ полное признаніе; не надо только давать формальнаго обѣщанія, чтобы потомъ можно было поступить по усмотрѣнію. Ни въ какомъ случаѣ не должно допускать ордалій или «суда божьяго», такъ какъ чортъ, при испытаніи огнемъ или раскаленнымъ желѣзомъ, можетъ сдѣлать колдуна неуязвимымъ. Судъ производится словесный и нѣтъ надобности записывать всѣ вопросы и показанія. Для убѣжденія въ виновности достаточно сильнаго подозрѣнія (violenta suspicio). Если обвиняемый былъ близко знакомъ съ другимъ еретикомъ—этого довольно для «сильнаго подозрѣнія». Кто не сознается, долженъ быть сожженъ, кто сознался въ сношеніяхъ съ чортомъ, того можно допустить къ святой исповѣди и причастію, но все-таки сжечь, такъ какъ онъ совершилъ преступленіе, достойное казни. Эти гуманныя постановленія подтверждаются буллами Инокентія VIII, Александра VI (Борджіи), Юлія II, Льва X и Адріана VI.

Съ особенною силою преслѣдованія чародѣйства продолжались въ эпоху Возрожденія и Реформаціи. Протестантизмъ, вмѣсто того, чтобы возстать противъ нелѣпой вѣры въ колдовство, преслѣдовалъ его не меньше папъ и инквизиціи. Это дѣлается понятнымъ,

если мы вспомнимъ, что реформація протестовала только противъ теологическихъ доктринъ, а не противъ принциповъ католицизма, недопускавшаго сомнѣнія въ сношеніяхъ людей съ чортомъ. Реформы касались только измѣненія обрядовой стороны, ничего неизмѣняя въ сущности основныхъ религіозныхъ положеній. Сумма зла въ мірѣ и страданій человѣчества, накопившаяся вѣками, была такъ велика, что ея существованіе неразвитая масса не могла себѣ объяснить иначе, какъ сверхъестественнымъ вліяніемъ. Что же касается до возрожденія искуствъ и литературы, оно касалось также только формы, а не сущности вѣрованія и знанія. Эпоха Микель Анджело, Рафаеля, Аріоста, Леонарда да Винчи, Браманте, Тиціана была, конечно, великою, но она только идеализировала общепринятыя понятія, не измѣняя ихъ значенія. Это всего лучше доказываетъ «Страшный судъ» Микель Анджело. Вѣрующіе—а они всегда составляли большинство — видятъ въ этой картинѣ олицетвореніе спасительнаго страха. Но это все таки страхъ передъ чортомъ, свойственный малоразвитымъ массамъ. Стендаль говоритъ, что этому страху обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ великія произведенія живописи въ храмахъ Италіи и другихъ странъ. Это же чувство заставляло преслѣдовать колдовство и ересь и черезъ два вѣка послѣ реформаціи, на которой останавливается книга Бессака, послужившая основаніемъ для нашей статьи. Почти вплоть до послѣдняго времени, масса всегда вѣрила въ Бога, очень много въ святыхъ, но страшно боялась чорта.

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія Императорскаго московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Д. чл. Нила Попова. Ч. I. (1804—1812). Москва. 1884.

НИГА ЭТА служитъ нагляднымъ примѣромъ трудолюбія по исторической части. Чѣмъ важнѣе и чѣмъ шире предметъ историческаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе и тѣмъ сильнѣе имъ можетъ увлекаться историкъ, такъ какъ въ своей работѣ онъ находитъ не мало разнообразія. Между тѣмъ «исторія» ученаго общества не можетъ представить, по видимому, заманчивой исторической задачи. До сихъ поръ исторія подобныхъ учрежденій обыкновенно ограничивается только сухими переписями сраженій членовъ, означеніемъ ихъ званія, исчисленіемъ изданныхъ отъ общества сочиненій и изслѣдованій и тому подобными, только внѣшними проявленіями работъ общества. Самый же духъ этого учрежденія остается неизслѣдованнымъ.

Кажется однако, что г. Н. Поповъ вышелъ изъ такой обычной колеи и что составленная имъ исторія ученаго общества пріобрѣла то значеніе, какое должны имѣть труды подобнаго рода, такъ какъ почтенный авторъ желаетъ прослѣдить въ своей книгѣ внутреннюю жизнь того учрежденія, которое сдѣлалось предметомъ его труда. Само собою разумѣется, что и при такомъ изслѣдованіи предмета не должна быть упущена изъ виду и внѣшняя его обстановка, а также и тѣ внѣшнія условія, при которыхъ развилась или задерживалась дѣятельность учрежденія. На эту внѣшнюю сторону и г. Поповъ обратилъ надлежащее вниманіе. Короче сказать, онъ знакомитъ съ былою жизнью Общества Исторіи и Древностей со всѣхъ точекъ зрѣнія, такъ что книга его можетъ служить хорошимъ образцомъ для изданій подобнаго рода.

Въ настоящемъ выпускѣ исторіи Общества, дожившаго уже до восьмидесяти лѣтъ, излагаются только первыя десять лѣтъ его дѣятельности, и это указываетъ на то, что трудъ г. Попова долженъ будетъ принять обширные размѣры. При составленіи исторіи г. Поповъ пользовался не только изданными трудами упоминаемаго Общества, протоколами его засѣданій, но и матеріалами, находящимися въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Этотъ послѣдній источникъ имѣетъ чрезвычайную важность, такъ какъ при пользованіи ими отчасти открываются новыя, а отчасти объясняются прежнія свѣдѣнія.

Особенную важность книга г. Попова имѣетъ въ томъ отношеніи, что по ней легко ознакомиться съ ростомъ воззрѣній на русскую исторію и съ достаточною полнотою можно указать, какіе вопросы, въ ту или другую эпоху, занимали тѣхъ, которые трудились у насъ надъ разработкою отечественной исторіи. Независимо отъ того, изъ книги г. Попова можно ознакомиться и съ личностями, посвящавшими свое время занятіямъ инаго рода, и при томъ ознакомиться съ ними и по ихъ сочиненіямъ или по формулярнымъ спискамъ, но, такъ сказать, съ воплотившимися и одухотворенными подъ перомъ трудолюбиваго изслѣдователя.

Когда въ 1802 году были учреждены министерства и управленіе дѣлами министерства народнаго просвѣщенія сосредоточилось въ однихъ рукахъ, то въ слѣдующемъ году были изданы «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія», а основанныя у насъ еще въ предшествовавшемъ столѣтіи литературныя общества получили пособіе отъ правительства, а вслѣдъ затѣмъ было открыто то Общество, составленіемъ исторіи котораго занимается нынѣ г. Поповъ. Основателемъ этого общества долженъ считаться знаменитый Шлецеръ, такъ какъ по его мысли императоръ Александръ I повелѣлъ учредить учено-историческое общество «при одномъ изъ ученыхъ сословій», существовавшихъ тогда въ Россіи, и такимъ «сословіемъ» былъ избранъ московскій университетъ.

Разумѣется, что главнымъ двигателемъ этого дѣла былъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій. Онъ не любилъ древней русской исторіи, считая единственно достойнымъ для талантливаго историка изложеніе событій, послѣдовавшихъ по кончинѣ Петра Великаго. Понятно, однако, что въ ту пору къ добросовѣстной разработкѣ русской исторіи означеннаго періода приступить было невозможно, такъ какъ исторія должна была бы обратиться только въ сплошное хвалебное пѣснопѣніе. Но бывшій наставникъ императора Александра I, а въ то время попечитель московскаго университета, М. Н. Муравьевъ, успѣлъ устранить такой односторонній взглядъ министра. Онъ признавалъ нужнымъ совмѣстное «изученіе древностей русскихъ съ древностями всемірными», и можно сказать, что такой взглядъ Муравьева на исторію опредѣлилъ главное направленіе въ дѣятельности новоучреждаемаго ученаго Общества. Дѣятельнымъ помощникомъ Муравьева явился въ этомъ случаѣ профессоръ московскаго университета Харитонъ Чеботаревъ. Въ спискѣ же первыхъ почетныхъ членовъ были: Л. А. Шлецеръ, «яко опытнѣйшій въ семъ родѣ ученый», графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, А. Ѳ. Малиновскій и Н. М. Каменскій.

Въ первомъ засѣданіи Общества цѣлью его было признано—критическое изданіе лѣтописей и, вслѣдствіе этого постановленія, высочайше повелѣно было: отнестись къ свѣтскимъ и духовнымъ мѣстамъ, чтобъ обществу «лѣ-

тописи и рукописи выдаваемы были». Съ своей стороны академія наукъ передала кенигсбергскій списокъ Несторовой лѣтописи непосредственно Муравьеву подъ его росписку, такъ какъ «академія сама имѣла на своей отвѣтственности сохраненіе столь драгоцѣннаго манускрипта».

Съ подробностями составлены г. Поповымъ личные очерки первыхъ почетныхъ членовъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ за собою заслуги въ пользу науки. Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ былъ извѣстный любитель и собиратель лѣтописей, старинныхъ рукописей и монетъ. Въ числѣ послѣднихъ онъ добылъ такъ называемое «Ярославле сребро». У него же былъ «Лаврентьевскій» списокъ первоначальной русской лѣтописи и такъ называемая лѣтопись князя Кривоборскаго. Пріобрѣтеніемъ этихъ древностей онъ былъ обязанъ званію синодскаго оберъ-прокурора. У него были: Псковская лѣтопись, Книга Большаго Чертежа и множество разныхъ рукописей. Разумѣется, что такой членъ былъ весьма важною находкой для общества исторіи и древностей. Мусинъ-Пушкинъ занимался изслѣдованіемъ по русской исторіи, изъ нихъ самымъ важнымъ считается изслѣдованіе о княжествѣ Тмутараканскомъ. Не мало натерпѣлся Мусинъ-Пушкинъ съ своимъ тмутараканскимъ камнемъ, такъ какъ графа обвиняли даже передъ императрицею Екатериною въ подделкѣ этой древности. Онъ участвовалъ также въ изданіи «Русской Правды» и «Поученія Владиміра Мономаха». Другой членъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, былъ извѣстенъ своими учеными занятіями въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ составилъ до тридцати историко-дипломатическихъ росписаній дѣлъ, хранившихся въ архивѣ. Въ добавокъ къ тому онъ подготовилъ богатые матеріалы по разнымъ историческимъ вопросамъ. Короче сказать, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ неутомимыхъ тружениковъ, какіе встрѣчаются вообще рѣдко, и тѣмъ еще рѣже у насъ.

Третій членъ, А. Ѳ. Малиновскій, пріобрѣлъ себѣ особенную извѣстность «Описаніемъ матеріаловъ Оружейной Палаты».

Весьма отчетливо представлена г. Поповымъ ученая дѣятельность Х. А. Чеботарева, перваго предсѣдателя общества. Какъ историкъ, Чеботаревъ въ своихъ взглядахъ не шелъ далѣе воззрѣній своего времени. Онъ признавалъ, что Россію, вслѣдствіе расширенія ея владѣній, должно считать великимъ государствомъ, что въ ней всегда все обстояло благополучно, и внушалъ, что «долгъ нашъ дѣлами правителей восхищаться, дивиться имъ и благодарить». Замѣтимъ кстати, что Чеботаревъ чрезвычайно любилъ произносить торжественныя рѣчи, а такого рода краснобаи, хотя бы и умные, и ученые, и добросовѣстные, не могутъ быть основательными и искренними историками. Чеботаревъ былъ гораздо сильнѣе по географіи, чѣмъ по исторіи, такъ какъ въ этомъ случаѣ ораторствовать приходилось меньше. Варяговъ Чебатаревъ считалъ готами или норманами, а руссовъ—куманами.

Не довольствуясь обрисовкою личностей самыхъ важныхъ членовъ общества, г. Поповъ говоритъ и о второстепенныхъ его представителяхъ: секретарѣ Сохацкомъ, казначеѣ Прокоповичѣ-Антонскомъ, Геймѣ, Черепановѣ, Буле и другихъ.

Попытки общества издавать лѣтописи не удались. По словамъ г. Попова это произошло вслѣдствіе того, что общество, не имѣя устава, не могло имѣть ни опредѣленныхъ засѣданій, ни съ точностію опредѣленныхъ занятій, и первые десять отпечатанныхъ листовъ лѣтописи Нестора, не будучи выпущены въ свѣтъ, истребились, какъ макулатура. Послѣ того общество перешло къ дру-

гимъ занятіямъ и объявило конкурсъ на медаль въ 100 червонныхъ за разрѣшеніе вопроса о переселеніи славянъ съ береговъ Дуная и о томъ, кого Несторъ называетъ волохами. На конкурсъ прислано было четыре сочиненія: одно на латинскомъ, одно на французскомъ и два на нѣмецкомъ языкѣ; на русскомъ не прислано — ни единаго. Конкурсная награда была присуждена сочинителю изслѣдованія на французскомъ языкѣ «за несомный историческій талантъ, за ученую проницательность и за любовь къ русской исторіи». Когда же оказалось, что авторъ этого сочиненія былъ Христіанъ Шлецеръ, то университетъ не выдалъ ему преміи, такъ какъ отецъ его состоялъ членомъ общества, а «члены исключаются изъ соревнованія».

Не напоминавшее ничѣмъ о себѣ историческое общество было забыто до того времени, пока попечителемъ Московскаго университета былъ назначенъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ. О немъ и какъ о начальникѣ, и о человѣкѣ сохранилась недобрая память. Въ неблагопріятномъ свѣтѣ,—впрочемъ, не безъ основанія,—выставляетъ его и г. Поповъ. Нельзя однако не замѣтить, что по отношенію собственно къ обществу Кутузовъ былъ правъ, указывая ему, что оно «не соотвѣтствовало ни своей цѣли, ни ожиданіямъ отечества, ибо въ теченіе шести лѣтъ издало только 80 страницъ, каковыя бы весьма легко каждый годъ по стольку издавать можно было». Разсчиталъ онъ срокъ въ какой могла бы быть издана лѣтопись Нестора, если бы трудъ этотъ былъ распредѣленъ между 30 членами общества, а между тѣмъ трудъ этотъ не подвигался вовсе впередъ. Кутузовъ сдѣлалъ также очень толковое замѣчаніе по поводу донесенія ему отъ предсѣдателя общества, Чеботарева, что собранія были безсрочныя и созывались по желанію членовъ и по встрѣчавшимся надобностямъ. «Нельзя не удивляться—писалъ по этому поводу Кутузовъ—что члены въ теченіе года не имѣли *желанія* собираться, хотя, кажется, по медленному изданію «Трудовъ» ихъ и встрѣчалась имъ *надобность* учащать засѣданія».

Въ виду такой несостоятельности общества, Кутузовъ представилъ министру народнаго просвѣщенія, графу Разумовскому, о прекращеніи засѣданій этого общества и учрежденіи, въ замѣнъ его, другаго. Такое представленіе Кутузова было уважено и общество было преобразовано по его проекту. Если, однако, Кутузовъ и имѣлъ достаточный поводъ къ принятію такой, дѣйствительно полезной мѣры, то все же, независимо отъ этого, тутъ были и другія еще, чисто личныя побужденія: Кутузовъ былъ самъ литераторъ и имѣлъ личные литературные счеты съ Карамзинымъ. Кутузовъ заявилъ, что въ сочиненіяхъ Карамзина растворяется «гибельный вольнодумническій и якобиническій ядъ», «что Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе». «Не орденъ ему надобно бы дать—продолжалъ Кутузовъ въ письмѣ своемъ къ Разумовскому—давно бы пора его запереть; не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь». Между тѣмъ близкія связи Карамзина съ обществомъ и были собственно причиною преслѣдованія этого послѣдняго со стороны Кутузова. Это происходило въ 1810 году. Узнавъ объ интригахъ и доносахъ Кутузова, Карамзинъ встрепенулся и поѣхалъ въ Петербургъ, «яко депутатомъ отъ всего историческаго общества», жаловаться, что они всѣ несправедливо обижены. По поводу этого, Кутузовъ усилилъ передъ Разумовскимъ свои объясненія противъ Карамзина, сочиненія котораго онъ называлъ «проклятыми» и истолковывалъ недѣятельность общества вліяніемъ Карамзина, который говорилъ, что Несторъ «бредилъ, а въ угожденіе ему Чеботаревъ

задерживалъ изданіе лѣтописи Нестора, чтобъ лѣтопись эта не отвергла всѣхъ вымысловъ и фантазій историографа».

Кутузову удалось взять верхъ надъ Карамзинымъ. Общество было преобразованно по желанію перваго, и предсѣдателемъ его, подъ вліяніемъ Кутузова, былъ избранъ извѣстный въ свое время майоръ Платонъ Петровичъ Бекетовъ, въ виду того, что «любовь къ отечеству, ревнованіе къ общему благу, неутомимая дѣятельность его въ предпріятіяхъ суть отличительныя его свойства; обширныя познанія россійской литературы, исторіи и древностей его украшаютъ; изслѣдованіе ихъ и собираніе къ онымъ матеріаловъ суть его любимыя упражненія». Выборъ Бекетова въ предсѣдатели былъ впрочемъ вполнѣ справедливый. Будучи человѣкомъ богатымъ—у него было 7,426 душъ крестьянъ—онъ не изъ-за барышей завелъ въ Москвѣ типографію и словолитню, принималъ участіе въ изданіи разныхъ журналовъ и оказывалъ пособія нуждавшимся литераторамъ и издателямъ. Въ добавокъ къ тому, онъ славился въ Москвѣ своими четвергами, на которыхъ самыми желанными гостями были писатели и ученые. Секретаремъ общества былъ избранъ Двигубскій, имя котораго, какъ извѣстно, такъ часто мелькаетъ на старинныхъ гнигахъ.

Преобразованное общество приняло на себя весьма разнообразныя задачи. Члены его вызвались заниматься: одинъ изслѣдованіемъ древней русской поэзіи; другой — редакціею лѣтописей; третій—изученіемъ Несторовой лѣтописи, пушкинскимъ спискомъ; четвертый — изслѣдованіемъ древнихъ русскихъ монетъ и медалей. Кромѣ того, одинъ изъ членовъ вызвался заняться изслѣдованіемъ состоянія фабрикъ, заводовъ и ремеслъ; а другой—медицины въ Россіи до Петра Великаго. Два послѣднія заявленія приняты были «съ отличительнымъ удовольствіемъ, яко существенно къ цѣлямъ упражненія общества принадлежащія».

Уставъ, составленный Кутузовымъ, былъ одобренъ министромъ, но съ значительными ограниченіями, и между прочимъ обществу было отказано въ выдачѣ ежегоднаго пособія въ количествѣ 8,000 рублей, а также въ освобожденіи домовъ, принадлежащихъ членамъ общества, и ихъ квартиръ отъ налоговъ и прочихъ полицейскихъ повинностей. Отказано было и въ дозволеніи членамъ носить университетскій мундиръ и отправлять письма и посылки безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

Уставъ общества былъ утвержденъ государемъ 21-го января 1811 года. Въ этомъ уставѣ о занятіяхъ общества было сказано слѣдующее: «Главнѣйшія упражненія сего общества будутъ состоять въ критическомъ разборѣ древнихъ русскихъ лѣтописей, въ сличеніи ихъ списковъ, какіе только обществу достать можно будетъ, въ исправленіи погрѣшностей, вкравшихся въ нихъ по нерадѣнію, невѣжеству или затѣйливости переписчиковъ». Исполнивъ это, общество приступитъ къ изданію лѣтописей. Кромѣ того общество должно стараться собирать остатки древностей и обнародовать свои замѣтки на всякія нелѣпыя сочиненія, до россійской исторіи касающіяся. Непремѣннымъ условіемъ для вступленія въ члены общество принято, чтобы таковое лицо было извѣстно въ ученомъ свѣтѣ сочиненіями или отличными свѣдѣніями въ исторіи россійской и древностяхъ. Чтобы упражненія общества не прерывались, каждый отлучившійся на долгое время изъ Москвы членъ обязанъ былъ передать свои занятія другому. Число членовъ ограничено тридцатью. Членъ, пропустившій три засѣданія съ ряду, считается выбывшимъ

изъ общества. Уставъ этотъ, со сдѣланными въ немъ въ 1816 году нѣкоторыми измѣненіями, доселѣ сохраняетъ свою силу.

Въ 1811 году членами общества явились между прочимъ А. Ѳ. Мерзляковъ, М. Т. Коченовскій, извѣстный патріотъ С. Н. Глинка, А. А. Перовскій, написавшій подъ фамилію Монастырскій романъ «Монастырку», Н. Н. Сандуновъ, Р. Ѳ. Тимковскій. Теперь общество дѣятельно принялось за разработку лѣтописей, за изслѣдованія о монетахъ и т. д.; денежныя средства его возростали съ замѣтною быстротою, а въ 1812 году оно имѣло уже до 20,000 рублей капитала, обширную библіотеку и коллекціи разныхъ древностей. Нашествіе французовъ не только разстроило ученую дѣятельность общества, но и подорвало его денежныя средства. Въ началѣ 1812 г. калужскій купецъ Билибинъ пожертвовалъ въ пользу Общества 10,000 рублей, но Голенищевъ-Кутузовъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, принялъ ихъ отъ казначея въ свои руки подъ предлогомъ приращенія ихъ процентами; и этотъ строгій начальникъ и человѣкъ, вопіявшій противъ всѣхъ пороковъ и неправды, кончилъ тѣмъ, что взятыхъ денегъ обществу не возвратилъ, а удержалъ ихъ въ свою пользу.

По возстановленіи въ 1813 году дѣятельности общества, оно не имѣло уже достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, а въ министерство Шишкова стало получать политическо-патріотическую закваску, не совмѣстную съ строго-научными занятіями.

Такъ, Шишковъ, поручивъ члену общества Бардовскому, написать исторію нашествія французовъ на Россію, давалъ историку такое наставленіе: «не худо краткимъ и нечувствительнымъ образомъ войти въ историческое разсмотрѣніе нравственности галльскаго народа, гдѣ откроется широкое поле говорить о ядовитыхъ книгахъ ихъ, о развратныхъ правилахъ, о неистовыхъ дѣлахъ, породившихъ чудовищную революцію и тысячи старыхъ и новыхъ Маратовъ и Робеспіеровъ... Въ противоположность сему, безъ всякаго самохвальства, можно брать справедливость, что въ нашемъ народѣ не было никогда тѣхъ книгъ, кромѣ насаждающихъ благонравіе, кромѣ благочестивыхъ». Въ этомъ случаѣ добродушный адмиралъ забывалъ тѣ проклятія, какими онъ самъ и его единомышленники разражались противъ сочиненій Карамзина.

Безъ всякаго сомнѣнія, продолженіе труда г. Попова представитъ не мало любопытныхъ свѣдѣній о томъ учрежденіи, которое онъ избралъ предметомъ своихъ добросовѣстныхъ изслѣдованій.

К. Н. В.

О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. I. Сенигова. Спб. 1884.

Въ русской исторіи не рѣшенъ вопросъ, гдѣ возникли первыя лѣтописи: на югѣ или на сѣверѣ Россіи. Мнѣнія объ этомъ нашихъ историковъ расходятся. Иные признаютъ одновременное появленіе лѣтописей въ Кіевѣ и Новгородѣ, относя ихъ къ первой половинѣ XI столѣтія; другіе высказываютъ предположеніе, что въ Новгородѣ были онѣ до введенія христіанства. Еще первый нашъ историкъ, В. Н. Татищевъ, говорилъ, что Несторъ составилъ свою лѣтопись «не со словъ, но съ какихъ либо книгъ и писемъ», и что «без-

сомнѣнно прежде Нестора, и задолго, писатели были». Татищевъ же призналъ, что первая и древнѣйшая новгородская лѣтопись составлена первымъ новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ, умершимъ въ 1030 году. Изслѣдуя эту лѣтопись, послѣдующіе историки пришли къ заключенію, что первая половина ея подложная, но остальная несомнѣнно мѣстнаго происхожденія. При этомъ высказывались различныя предположенія относительно времени ея появленія. Г. Сенигов разбираетъ всѣ эти мнѣнія: Татищева, Погодина, Срезневскаго, Лавровскаго, Костомарова, Соловьева, Филарета, Бестужева-Рюмина, Бѣляева, Янпша, Разсудова и приходитъ къ заключенію, по сравненіи первоначальной новгородской лѣтописи съ тверской, что первая начиналась извѣстіемъ о крещеніи Новгорода, а не разсказами о временахъ идолослуженія. Почему г. Сенигову непремѣнно хочется, чтобы первые лѣтописцы вовсе не упоминали о своихъ предкахъ — язычникахъ, мы этого не понимаемъ. Вѣдь даже въ позднѣйшихъ спискахъ новгородскихъ посадниковъ перечень ихъ начинается сказочнымъ Гостомысломъ. Если кіевскія лѣтописи сообщали о похожденіяхъ первыхъ князей, почему не могли дѣлать того же новгородскія? Это тѣмъ страннѣе, что г. Сениговъ допускаетъ существованіе въ Новгородѣ утраченной лѣтописи, древнѣе Іоакимовской, начинавшейся описаніемъ событій конца X столѣтія (съ 987 года). Нельзя, конечно, принять мнѣнія г. Янпша, что уничтоженіе начала новгородскихъ лѣтописей «могло быть дѣломъ московской политики, желавшей поразить на смерть историческія воспоминанія о прошлыхъ судьбахъ Новгорода и стремившейся къ уничтоженію всѣхъ слѣдовъ новгородской самобытности». До второй четверти XII вѣка новгородцы добровольно признавали свою зависимость отъ кіевскаго князя, старшаго въ родѣ Ярослава, посылали ему дань, принимали отъ него намѣстника или посадника, даже простого боярина. Но г. Янпшъ совершенно правъ, говоря, что Новгородъ «единственная старая русская земля, завѣщавшая потомству лѣтописные самостоятельные памятники, захватывающіе самый древній періодъ русской исторіи, самыя древнія, исконныя преданія сѣверной Руси». А періодъ этотъ начинается не съ христіанства. Срезневскій и Бестужевъ-Рюминъ полагаютъ возможнымъ существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ до Владиміра. Г. Сениговъ не хочетъ согласиться съ этимъ и свое изслѣдованіе посвятилъ опроверженію этого мнѣнія. Въ брошюрѣ его видно близкое знакомство съ памятниками, но онъ часто повторяется и цитируетъ по нѣскольку разъ одни и тѣ же аргументы.

В. З.

Володимерщина. Роспись печатнаго и изданнаго о Владимірской епархіи и губерніи. Составилъ Н. С. Строиловъ. Владиміръ на Клязьмѣ. 1884.

Г. Строиловъ принадлежитъ къ числу тѣхъ почтенныхъ тружениковъ русской исторической науки, которые посвятили свои досуги исключительно на изслѣдованіе провинціальной старины и архивовъ. Трудъ невидный и неблагодарный въ матерьяльномъ отношеніи, но въ высшей степени полезный, такъ какъ масса собранныхъ такимъ образомъ мелочныхъ фактовъ заключаетъ въ себѣ богатыя данныя для разнородныхъ выводовъ и обобщеній. Владимірская губернія, одна изъ древнѣйшихъ населенныхъ мѣстностей Рос-

сіи, давно привлекала къ себѣ вниманіе изслѣдователей, вслѣдствіе чего въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ разсѣянно множество статей, касающихся непосредственно Владимірскаго и Суздальскаго края, пользованіе которыми, при отсутствіи указателей, сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Г. Стромилову пришла счастливая мысль составить систематическій указатель всѣхъ печатныхъ источниковъ, гдѣ говорится о Владимірской губерніи и эпархіи. Въ первомъ выпускѣ, теперь изданномъ, перечислены сочиненія и статьи, относящіяся къ исторіи Владимірской эпархіи, Владимірскаго великаго княжества, Владимірской губерніи, городовъ Владиміра, Суздаля, Мурома, Переяславля-Залѣсскаго, Шуи, Иваново-Вознесенска, Юрьева, Коврова, Александрова, Вязниковъ, Гороховца, Киржача и Меленки, съ ихъ уѣздами. Само собой разумѣется, что въ трудѣ г. Стромилова найдутся пропуски, а исполненіе его не вполнѣ удовлетворяетъ строгимъ библіографическимъ требованіямъ (такъ, напримѣръ, г. Стромиловъ, принявъ порядокъ перечисленія статей по фамиліямъ авторовъ, почему то не счелъ нужнымъ ставить ихъ въ алфавитномъ порядкѣ и этимъ затруднилъ справки). Тѣмъ не менѣе всѣ занимающіеся русской исторіей, и въ особенности изслѣдователи Владимірской старины, будутъ весьма признательны ему за эту кропотливую работу. Вообще, дѣятельность г. Стромилова заслуживаетъ полнаго уваженія. Съ 1869 по 1884 годъ имъ напечатано въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ, преимущественно же во Владимірскихъ эпархіальныхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ, въ сборникахъ Владимірскаго земства и статистическаго комитета и «Земледѣльческой Газетѣ» нѣсколько десятковъ статей и замѣтокъ, касающихся разнообразныхъ сторонъ исторіи и жизни Владимірской губерніи, при чемъ въ каждой изъ нихъ читатель найдетъ какое нибудь новое свѣдѣніе объ изслѣдуемомъ предметѣ.

С. Ш.

Іоанникій Галятовскій. Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка. Н. Ѳ. Сумцова. Кіевъ. 1884.

Писатель, труды котораго разбираетъ г. Сумцовъ, не принадлежитъ къ числу выдающихся литературныхъ дѣятелей, но знакомство съ нимъ любопытно, потому что онъ характеризуетъ свою эпоху и, при всей неуклюжести своихъ произведеній, все-таки стоитъ выше современныхъ ему авторовъ, Лазаря Барановича, Радивиловскаго, Гизеля и др. Его можно назвать представителемъ южно-русской литературы второй половины XVII столѣтія, когда наука и просвѣщеніе сосредоточились въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ, устроенномъ по образцу іезуитскихъ коллегій и давившихъ русскую жизнь латинской схоластикой. Въ коллегіи Галятовскій учился поэзіи и риторикѣ, прежде чѣмъ перешелъ на философію и богословіе. Поэзія состояла въ искусствѣ плести вирши (ars pangendi versus), риторика въ выборѣ рецептовъ, какъ составлять періоды и ораторскія рѣчи. Миѳологія стояла на первомъ планѣ, примѣнялась ко всему. Сильвестръ Косовъ въ житіи святыхъ сравниваетъ печерскихъ угодниковъ съ Сатурномъ и Марсомъ. Въ «Ключѣ Разумѣнія» Галятовскаго первообразомъ Христа являются Юпитеръ и аѳинскій царь Кодръ. Мудрено ли, что объемистыхъ сочиненій Галятовскаго «Мессію Правдиваго», «Души» читать невозможно; онъ остался извѣстенъ

въ литературѣ только небольшими книжками, какъ «Бесѣды» и «Фундаменты». Въ философіи онъ не пошелъ дальше Аристотеля, хотя на Западѣ были уже въ то время Бэконъ и Декартъ, въ богословіи—дальше Ѳомы Аквинскаго съ его вѣрованіемъ въ колдовство и необходимостью сжигать еретиковъ. Наставникъ Галятовскаго, Барановичъ, сдѣлалъ его ректоромъ кіевской академіи, и ректоръ былъ преданнѣйшимъ слугою Москвы, хотя митрополитъ Косовъ въ то же время объявлялъ московскимъ воеводамъ: «Гетманъ поддался государю со всѣмъ войскомъ, а я со всѣмъ соборомъ бить челомъ не посылалъ; живу я съ духовными лицами самъ по себѣ, ни подъ чьею властью». Галятовскій установилъ польскую схоластическую проповѣдь своимъ «Ключемъ Разумѣнія», къ которому была приложена «Наука албо спосóбъ зложеня казаня» — первый въ Россіи учебникъ гомилетики, по которому составлялись всѣ проповѣди XVII вѣка. На народныя стремленія и волненія Галятовскій не отзывался, считая народъ «отродьемъ Хама» и утверждая, что «люде посполитыи должны служить попамъ и духовенству». Но онъ горячо боролся противъ папизма и уніи и много писалъ въ защиту православія и противъ враговъ Малороссіи—поляковъ и турокъ. Онъ писалъ и по-польски, посвящая свои сочиненія сильнымъ міра: царю Алексѣю Михайловичу, царевнѣ Софіи, царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, гетману Самойловичу, митрополитамъ, епископамъ. Послѣднія его сочиненія направлены противъ аріанъ, социніанъ и вообще еретиковъ; но къ еретикамъ онъ причисляетъ Зороастра, Ксеркса, греческихъ философовъ, Ксенофонта, Макіавеля—за то, что онъ ставитъ государство выше церкви,—мексиканцевъ, японцевъ и китайцевъ,—послѣднихъ за то, что они носятъ косы. Про Лютера онъ говоритъ, что ему чортъ свернулъ шею за то, что Лютеръ добрыя дѣла считалъ грѣхомъ. Изъ жизни и трудовъ Галятовскаго, г. Сумцовъ выводитъ вѣрное заключеніе, что «научный прогрессъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ плодотворное проявленіе умственной дѣятельности, если онъ не основывается на національной почвѣ и не вытекаетъ изъ всеобщаго, народнаго и общественнаго прогреса».

В. З.

Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ. 1884.

Ошибочно было бы смотрѣть на изданіе чьихъ либо свѣдѣній о своемъ родѣ только какъ на проявленіе суетности и тщеславія, какъ на желаніе выставить на показъ знаменитость или заслуги своихъ предковъ и однородцевъ. При изданіи такого рода свѣдѣній можетъ быть еще и другое побужденіе, а именно—желаніе доставить для исторіи если и не существенный, то все же болѣе или менѣе пригодный матеріалъ. Изданій по части русско-дворянской генеалогіи у насъ очень немного. Кромѣ такъ называемой «Бархатной книги», изданной еще въ прошломъ столѣтіи извѣстнымъ Новиковымъ, у насъ существуетъ «Родословная книга», которую началъ издавать, тридцать лѣтъ тому назадъ, князь Петръ Долгоруковъ, но онъ далеко не довелъ это изданіе даже до половины. Другое подобнаго рода изданіе было предпринято редакціею «Русской Старины», при дѣятельномъ участіи нынѣшняго нашего посла въ Вѣнѣ, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. До настоящаго времени вышли только двѣ части этого изданія, которое составлено съ боль-

шею тщательностію и обстоятельностію, нежели изданіе князя Долгорукова. Кромѣ того, «Родословной Книги», издаваемой «Русскою Стариною», никакъ не могутъ коснуться тѣ пререканія, которыя возбуждались по поводу труда покойнаго князя Долгорукова. Независимо отъ упомянутыхъ изданій, относящихся ко всѣмъ русскимъ дворянскимъ родамъ, существуютъ у насъ еще нѣсколько подобнаго рода изданій, исключительно посвященныхъ одному только дворянскому роду, но такихъ изданій у насъ также очень мало. Есть, напримѣръ, «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ», есть печатныя книги о родѣ князей Юсуповыхъ, дворянъ Воейковыхъ и нѣкоторыхъ другихъ, весьма, впрочемъ, немногихъ родовъ. Такая ограниченность русско-дворянской генеалогіи объясняется прежде всего равнодушіемъ нашего дворянства къ минувшимъ судьбамъ этого сословія, не имѣвшаго никогда политическаго значенія и довольствовавшагося только служебнымъ значеніемъ, память о которомъ сохранилась нѣкогда въ такъ называвшихся «Разрядныхъ книгахъ», сожженныхъ при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ. По случайности, одна изъ такихъ книгъ сохранилась отъ уничтоженія. Она попала какими-то судьбами въ Швецію, гдѣ и донынѣ хранится въ Стокгольмѣ, въ государственномъ архивѣ. Въ настоящее время, какія-то неизвѣстныя по фамиліямъ лица заявили въ газетахъ, съ означеніемъ своего адреса, что они къ 21-му апрѣля будущаго 1885 года, т. е., къ столѣтней годовщинѣ пожалованія дворянству Екатериною II грамоты на права вольности и преимуществъ — намѣрены издать, по образцу готскихъ альманаховъ, родословіе русскихъ дворянскихъ родовъ, внесенныхъ въ 4-ю, 5-ю и 6-ю часть дворянской «Родословной Книги», т. е. по генеалогіи родовъ въѣзжихъ, титулованныхъ и причисленныхъ къ древнему русскому дворянству.

Безъ всякаго сомнѣнія, на приглашеніе упомянутыхъ издателей доставить свѣдѣнія для предполагаемаго изданія отзовутся нѣкоторые представители тѣхъ родовъ, къ которымъ оно можетъ относиться, а пока намъ приходится упомянуть о книжкѣ, изданной графомъ Милорадовичемъ подъ упомянутымъ выше заглавіемъ.

Графъ Г. А. Милорадовичъ принадлежитъ къ числу лицъ, работающихъ перомъ, и притомъ уже весьма долгое время, — почти тридцать лѣтъ. Если имя его не пользуется литературною извѣстностію, то это объясняется родомъ тѣхъ произведеній, которыя вышли изъ-подъ пера почтеннаго автора. Онъ посвящаетъ свои труды преимущественно небольшимъ историческимъ, географическимъ, біографическимъ и библіографическимъ очеркамъ и изданіямъ матеріаловъ, относящихся преимущественно къ исторіи Малой Россіи, но извѣстно, что у насъ такого рода изданія, не смотря даже на ихъ достоинства, распространены весьма мало среди читающей публики.

Что же касается настоящаго изданія, то мы сдѣлаемъ нѣкоторыя краткія указанія.

Родъ Милорадовичей, — прославленный въ нашей военной исторіи графомъ М. А. Милорадовичемъ, котораго современники его признавали «русскимъ Баярдомъ», т. е. рыцаремъ безъ страха и упрека,—составляетъ отрасль древняго христіанскаго рода въ Герцеговинѣ. Милорадовичи отличались на родинѣ ревностію къ православной церкви послѣ того, какъ Герцеговина подпала подъ власть турокъ. Тамъ Милорадовичи строили своимъ иждивеніемъ православные монастыри и храмы и одинъ изъ построенныхъ ими монастырей, подъ названіемъ Житомысличи,—которому они записали богатыя

мѣнія,—донынѣ остается первымъ православнымъ монастыремъ во всей Герцеговинѣ, а Милорадовичи, поселившіеся въ Россіи, не забывали православной обители, воздвигнутой ихъ благочестивыми предками.

Какъ на первыхъ Милорадовичей, выѣхавшихъ въ Россію, авторъ «Сказаній» указываетъ на трехъ братьевъ: Александра, Михаила и Гаврила. Они пріѣхали сюда между 1711 и 1713 годами и двое изъ нихъ служили въ малороссійскомъ войскѣ, занимая, послѣдовательно одинъ за другимъ, весьма видную въ Малороссіи, во время гетманскаго правленія, должность полковниковъ задяцкихъ. Съ своей же стороны мы можемъ указать, что Милорадовичи являлись въ Россію еще до Петра Великаго. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были въ Москвѣ двое Милорадовичей, Богданъ и Степанъ, и отсюда они съ сотникомъ Некрасовымъ и двумя стрѣльцами, какъ «рудознатцы», посланы были на Кевроль и на Мезень отыскивать «серебренной и иныхъ всякихъ рудъ». Чѣмъ кончились ихъ поиски—неизвѣстно. Въ царской грамматѣ они названы «князьями Милорадовыми», а не Милорадовичами. Княжескій титулъ ихъ объясняется тѣмъ, что они были сербскіе «кнези», и это сербское слово, одновзвучное, но не однозначущее съ русскимъ словомъ «князь», передавалось по русскому произношенію. Что же касается усѣченія фамиліи, т. е., что вмѣсто Милорадовичъ писали Милорадовъ, то это происходило отъ того, что въ государствѣ московскомъ окончаніе «вичъ» считалось особымъ почетомъ и жаловалось государями въ награду. Поэтому въ приказныхъ бумагахъ, если какія либо лица не считались важными особами, то «вичъ» въ фамильныхъ прозваніяхъ отсѣкалось. Въ малороссійскихъ дѣлахъ это встрѣчается постоянно: такъ вмѣсто Якубовичъ, Мокріевичъ писали Якубовъ, Мокріевъ и т. д., и даже гетману Самойловичу бояре дѣлали запросъ, почему онъ пишетъ свое прозваніе съ «вичемъ», тогда какъ ему слѣдуетъ писаться только «Самойловъ».

Мы не можемъ сказать, куда дѣлись эти «кнези» Милорадовичи или Милорадовы и осталось ли отъ нихъ въ Россіи потомство.

Самымъ богатымъ лицомъ изъ малороссійскихъ Милорадовичей былъ Григорій Петровичъ, за которымъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія числилось 92,000 десятинъ земли, а самымъ извѣстнымъ Михаилъ Андреевичъ, сподвижникъ Суворова, герой 1812 года, получившій графское достоинство, переданное впослѣдствіи ближайшему представителю изъ рода, автору «Сказаній».

Изъ находящихся въ книгѣ графа Милорадовича старинныхъ бумагъ заслуживаютъ особеннаго вниманія письма князя Безбородко (съ 1787 по 1797 годъ) къ Григорію Петровичу Милорадовичу.

К. Н. В.

Извѣстія о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича, 1731—1785. Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, подъ редакцію д. чл. Нила Попова. Москва. 1884.

Не безъ увѣренности можно сказать, что только весьма немногіе завзятые любители чтенія по исторической, преимущественно по бытовой части, прочтутъ сначала до конца эту увѣсистую и объемистую, въ числѣ 556 страницъ, книгу тѣмъ болѣе, что она написана не только тяжелымъ, устарѣлымъ слогомъ, но и ломанымъ русскимъ языкомъ, да еще съ такимъ правописаніемъ,

какое едвали когда нибудь являлось въ русской печати. Всѣ эти особенности объясняются тѣмъ, что авторомъ книги былъ природный сербъ, прибывшій въ Россію изъ австрійскихъ владѣній. Между тѣмъ «Извѣстія» содержатъ въ себѣ не мало любопытныхъ историческихъ свѣдѣній о приливѣ въ Россію славянскихъ выходцевъ не только изъ Австріи, но и изъ Черногоріи, а также о положеніи дѣлъ въ бывшемъ королевствѣ Польскомъ во время перваго его раздѣла. Значительная часть книги посвящена, впрочемъ, личной судьбѣ автора, который и мелочи передаетъ иногда въ такихъ подробностяхъ, что чтеніе книги становится утомительнымъ. Въ нашей литературѣ есть подобная, по способу изложенія, книга—«Записки» Болотова, но разница между этими книгами весьма значительная, такъ какъ «Записки» Болотова написаны гораздо живѣе и занимательнѣе, и если ихъ нельзя прочесть подъ-рядъ безъ утомленія, но все же часто иныя страницы прочитываются съ большимъ удовольствіемъ.

Въ виду того, что съ одной стороны «Извѣстія» не будутъ читаемой книгою, а съ другой — что книга эта не можетъ пройти незамѣченной въ нашей исторической литературѣ, мы познакомимъ съ нею нашихъ читателей, выпустивъ все излишнее, не имѣющее существеннаго значенія.

Когда государственныя преобразованія, предпринятыя императрицею Маріею Терезіею въ наслѣдственномъ ея королевствѣ Венгерскомъ, коснулись жившихъ тамъ сербовъ, то сербы стали выселяться въ Россію, а въ числѣ ихъ былъ и авторъ «Извѣстій», Семенъ Степановичъ Пишчевичъ, дослужившійся впослѣдствіи въ Россіи до чина генералъ-маіора и имѣвшій Георгіевскій крестъ. Пишчевичъ начинаетъ свои воспоминанія съ самаго дѣтства и доводитъ ихъ до 1785 года, при чемъ большая часть его записокъ относится ко времени его пребыванія въ Россіи. При этомъ условіи онѣ обнимаютъ собою промежутокъ времени въ тридцать два года, такъ какъ Пишчевичъ пріѣхалъ въ Россію въ 1753 году. Продолженіемъ «Извѣстій», написанныхъ Семеномъ Пишчевичемъ, по отношенію къ Россіи служатъ «Записки» сына его Александра, который родился въ 1764 году, уже въ Россіи. Записки эти доведены до 1798 года.

Что касается автора «Извѣстій», то онъ родился въ 1731 году въ Венгріи, въ мѣстечкѣ Шиде, гдѣ отецъ его, сербъ по происхожденію, милиціонный капитанъ, былъ командиромъ этого мѣстечка. Молодой Пишчевичъ пошелъ сперва по службѣ удачно, но потомъ сдѣлался недоволенъ медленнымъ чинопроизводствомъ. Къ этому присоединилось общее неудовольствіе сербовъ противъ новыхъ порядковъ, и Пишчевичъ задумалъ уѣхать въ Россію. Путь туда былъ уже извѣстенъ австрійскимъ сербамъ, такъ какъ еще прежде выѣзда Пишчевича переселились въ Россію, подъ предводительствомъ хорвата Шевича и Прерадовича, нѣсколько тысячъ сербовъ съ разрѣшенія австрійскаго правительства. Этимъ поселенцамъ отведены были земли по Донцу и Днѣпру, близъ Бахмута. Здѣсь образовали они изъ себя военныя поселенія, а занятая ими до того времени пустынная мѣстность получила названіе Новой Сербіи. Сюда стали собираться и представители другихъ единоплеменныхъ или единовѣрныхъ намъ народовъ, и изъ этихъ-то поселенцевъ составились, соотвѣтственно ихъ національностямъ, гусарскіе полки: сербскій, болгарскій, валашскій, славонскій, албанскій, македонскій и пѣхотный пандурскій. Стали также выселяться въ Россію и черногорцы, которые, впрочемъ, были почему-то отправляемы въ Оренбургъ. Первона-

чально австрійское правительство безпрепятственно выпускало въ Россію своихъ сербскихъ подданныхъ, потомъ были сдѣланы въ этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія и наконецъ запрещено было переселеніе изъ Австріи славянъ въ Россію подъ смертною казнію. Это запрещеніе накрыло и Пишчевича, которому, впрочемъ, удалось выбраться въ Россію съ увольнительнымъ свидѣтельствомъ отъ австрійскаго правительства, благодаря тѣмъ предосторожностямъ, которыя онъ предпринялъ, будучи въ Вѣнѣ, и въ особенности покровительству, оказанному ему со стороны русскаго посланника при цесарскомъ дворѣ, графа Кейзерлинга.

Не смотря на проявлявшееся въ ту пору среди сербовъ тяготѣніе къ православной Россіи, а также и близкое родство языковъ русскаго и сербскаго, австрійскіе сербы предпочитали разговоръ съ русскими не на нашемъ языкѣ, но на нѣмецкомъ, и представляется страннымъ въ запискахъ серба, пріѣхавшаго на русскую границу слѣдующія строки: «того же дня къ вечеру поздо пришолъ ко мнѣ форпостной капытанъ, зделалъ мнѣ вызитъ, и счастиемъ, что онъ былъ Немецъ и могъ я съ нымъ тѣмъ языкомъ говорить».

Положеніе сербовъ-поселенцевъ было очень неудовлетворительное: ихъ предводители, Хорватъ, Шевичъ и Прерадовичъ, пожалованные въ генералы, желали лично властвовать надъ ними. «Всѣ сіи господа, — замѣчаетъ Пишчевичъ, — были мнѣ знакомые, аднако сожалытелно было гледѣть, что засталъ я у ныхъ великые междуусобыи и несогласіи и ссору, всякъ желалъ свою каманду людми умножить, и тѣмъ преманывали другъ друга людей и афицеровъ, и случая подавать о преходѣ прошеніи, чрезъ что напослѣдокъ драка и междуусобіи происходилы и много о томъ конфузій было».

Прежде всего Пишчевичъ остановился въ Кіевѣ, а оттуда отправился въ Москву. Въ Москвѣ сербскаго выходца приняли такъ ласково, что онъ по поводу этого писалъ: «Каковая вьстреча на то время оказаная мнѣ возбудила во мнѣ такую гарячую любовъ къ Россіи, что я не пожалѣлбы своею жызнию безъ всего жертвовать, и почиталъ совершеннейшимъ счастиемъ своимъ и удовольствиемъ одно толко то, что судбына моя прывела меня въ такое государство, гдѣ уже жыть и умереть съ радостию готовъ буду». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Пишчевичъ былъ крайне недоволенъ своими земляками. Онъ нашелъ Хорвата, Шевича и Прерадовича въ «превелыкомъ замешательстве». Никто изъ нихъ не желалъ подчиниться другъ другу. Короче сказать, между ними господствовала обычная славянская рознь. Особенно сильныя нареканія падаютъ со стороны Пишчевича на Хорвата, не смотря на то, что онъ въ Россіи женился на родной племянницѣ этого послѣдняго. Хорватъ бралъ и крупныя и мелкія взятки, и — по разсказамъ Пишчевича — такъ сурово расправлялся съ своими земляками, что не только жестоко билъ, сѣкъ, билъ кнутомъ, ссылалъ въ Сибирь, но и вѣшалъ ихъ, а однажды приказалъ стрѣлять въ толпу ихъ картечью. Такая расправа благополучно сходила ему съ рукъ до воцаренія императора Петра III, когда Хорватъ, не успѣвъ подкупить золотомъ лицъ, приближенныхъ къ государю, былъ, наконецъ, потребованъ въ Петербургъ для отвѣта за свои звѣрскіе и своевольные поступки; но смерть императора освободила его отъ грозившаго ему наказанія.

Весьма непохвально отзывается Пишчевичъ и о пріѣзжавшемъ въ то время въ Москву черногорскомъ владыкѣ Василіѣ Петровичѣ. Онъ говоритъ, что вообще черногорскіе владыки пріѣзжали въ Москву, какъ «безстыдные

калугеры», т. е. монахи за милостынею, что они всюду шатались и выискивали способы, гдѣ бъ обогатиться. Владыка Василій заявилъ сенату, что онъ, Василій, можетъ принести пользу русскому государству, выведя въ Россію съ Черной Горы нѣсколько тысячъ человѣкъ и отдавъ ихъ въ русскую службу. Императрицѣ понравилось это предположеніе и она приказала снестись съ вѣнскимъ дворомъ о свободномъ пропускѣ черногорцевъ черезъ австрійскія владѣнія. Владыка Василій предложилъ было Пишчевичу содѣйствовать этому предпріятію, но Пишчевичъ отказался отъ личной дѣятельности по этому предпріятію и только согласился быть членомъ «камысіи», учрежденной по дѣлу о переселеніи черногорцевъ въ русскіе предѣлы. Благодаря покровительству Адама Васильевича Олсуфьева, онъ былъ взятъ на службу въ придворное вѣдомство и отправленъ въ Австрію для покупки лошадей для императрицы. Пишчевичъ передаетъ подробно объ исполненіи имъ этого порученія, но разсказы обо всемъ этомъ не представляютъ особой важности.

По пріѣздѣ изъ Австріи въ Москву, Пишчевичъ встрѣтилъ тамъ черногорцевъ, которые, какъ мы сказали выше, были отправлены въ Оренбургъ. Они, зная его какъ члена комиссіи, разсказали ему, что никто изъ нихъ не хотѣлъ поселиться въ оренбургской степи, и просили, чтобы ихъ опредѣлили въ армію, въ гусарскіе полки. Въ числѣ этихъ выходцевъ не мало было и поповъ, при посвященіи которыхъ въ іерейскій санъ владыка опоясывалъ саблями. Въ виду просьбы черногорцевъ, вернувшихся изъ Оренбурга, русское правительство предполагало составить изъ этихъ выходцевъ особый гусарскій полкъ подъ названіемъ черногорнаго, но черногорцы не ладили между собою, а владыка и главный ихъ военный начальникъ, майоръ Петровичъ, до того перессорились, что пришлось по этой причинѣ отказаться отъ упомянутаго предположенія. Въ Москвѣ черногорцы отказались отъ всякаго повиновенія какому бы то ни было начальству и—по выраженію Пишчевича—«надѣлалы тамъ доволно стида». Они своевольничали часто и на рынкѣ, гдѣ продавались мясо и хлѣбъ, нападали на торговцевъ и отнимали у нихъ товары, бросая имъ за это ничтожное количество денегъ. Они заводили на улицахъ драки съ господскими людьми и даже, какъ разбойники, напали на домъ генеральши Строгановой, «гдѣ—по словамъ Пишчевича—произошло великое забойство и драка». По дошедшемъ объ этомъ извѣстіи въ Петербургъ, оттуда пріѣхалъ въ Москву владыка съ черногорскими старшинами. Черногорцы же съ своей стороны желали, чтобы командиромъ былъ у нихъ Пишчевичъ, который, однако, отказался отъ этого, ссылаясь на то, что онъ не черногорецъ, и принялся за сдачу приведенныхъ имъ изъ Австріи лошадей. Императрица осталась ими чрезвычайно довольна и въ знакъ своего благоволенія пожаловала Пишчевича къ ручкѣ. Объ этомъ онъ подробно разсказываетъ въ «Извѣстіяхъ», упоминая, что главнымъ его милостивцемъ былъ Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ.

Пишчевичъ скучалъ въ Петербургѣ, а такъ какъ война съ Пруссіею продолжалась, то онъ сталъ проситься въ армію, но Олсуфьевъ отговорилъ его отъ такого намѣренія.

Вообще славянскимъ выходцамъ везло у насъ въ ту пору, и Пишчевичъ въ особенности упоминаетъ о Подгоричанинѣ, который по пріѣздѣ изъ Австріи былъ прямо произведенъ въ полковники, но въ которомъ,—по выраженію Пишчевича—«ничто болѣе не светило, какъ только его огромная но-

зитура и выдъ такой имѣлъ, что неинаково объ нѣмъ и судыть можно было: мужикъ былъ безъ всякихъ наукъ и по нуждѣ толко грамотенъ, но при томъ столко въ Россіи былъ счастливъ, что ему всно везло и шло въ его полву даже до конца службы и своей высокой старосты и прыобрѣлъ достоинствы и богатство».

Между тѣмъ Хорватъ забралъ черногорцевъ въ свою команду и повелъ ихъ на поселеніе въ Новую Сербію, а тѣхъ, которые не хотѣли туда отправляться, билъ палками и надѣвалъ на нихъ колоды. Приведя черногорцевъ въ Новую Сербію, онъ тамъ составилъ изъ нихъ частью гусарскій македонскій полкъ, а частію миргородскій гарнизонъ.

Прежде чѣмъ Пишчевичъ, назначенный командиромъ гусарскаго македонскаго полка, успѣлъ выступить въ походъ, война съ Пруссіею окончилась; но за то ему привелось участвовать въ войнѣ съ польскими конфедератами. Въ 1767 году, авторъ «Извѣстій» отправился съ ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ на Украйну, въ Виницу, въ имѣніе одного изъ важнѣйшихъ тамошнихъ магнатовъ, графа Потоцкаго. «Сия положенная на меня експедиція есть особливо великая важность и секретъ», пишетъ Пишчевичъ, разсказывая о своихъ разъѣздахъ по Украйнѣ въ видѣ ремонтера, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявленія полякамъ декларацій императрицы Екатерины о томъ, что ея величество принимаетъ на себя «гваранцію» конституціи Рѣчи Посполитой. Въ этой экспедиціи онъ дѣйствовалъ «субтыльнымъ способомъ» и описываетъ тѣ сношенія, какія происходили у него съ польскими магнатами. Въ этой части книги встрѣчаются иногда занимательные разсказы, отличающіеся наглядностью и даже въ иныхъ мѣстахъ картинностью описанія. Декларація императрицы была съ удовольствіемъ принята польскою магнаціею, но среди шляхты она возбудила неудовольствіе. Тѣмъ не менѣе на Украйнѣ составилась конфедерація для поддержки русской декларація. Покончивъ свое порученіе на Украйнѣ, Пишчевичъ отправился со своимъ полкомъ къ Варшавѣ и тамъ участвовалъ въ арестѣ краковскаго епископа Солтыка, сына гетмана, графа Ржевусскаго, и епископа кіевскаго, Залусскаго, которыхъ онъ и отвезъ въ Вильно. Разсказъ обо всемъ этомъ читается легко, не смотря на нѣкоторую растянутость и на тотъ уродливый русскій языкъ, образцы котораго мы привели выше. Дальнѣйшаго продолженія «Извѣстій» Пишчевича не издано.

Е. К.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русскій дѣятель въ оцѣнкѣ французскаго публициста.—Записки эмигранта.— Исторія фехтованія. — Письма Лавеле. — Современникъ Людовика XIV. — Двѣ страницы изъ исторіи заблужденій человѣчества. — Макіавель. — Альманахи революціи. — Корреспонденція шпіона. — Городъ при старомъ режимѣ. — Сочиненіе министра объ Александрѣ Македонскомъ. — Великій пенсіонарій.— Книги о Мадагаскарѣ. — Новое сочиненіе Тиссо. — Адріатика-Мексика-Алжирія. — Сардинія и Суматра. — Сочиненія о Тонкинѣ. — Нѣмецкія войска на службѣ англичанъ. — Евфоріонъ. — Исторія Австраліи. — Новый трудъ Моммсена. — Борьба между папами и императорами.

КАЖДЫЙ русскій человѣкъ поблагодаритъ отъ души французскаго писателя Леруа Болье за его превосходную біографію «Русскаго государственнаго человѣка, Николая Милютина» (Un homme d'état russe, Nicolas Milioutine). Странно, конечно, что оцѣнка заслугъ человѣка, такъ много сдѣлавшаго для Россіи, является не на русскомъ языкѣ; но намъ не привыкать стать къ подобнымъ странностямъ, и, во всякомъ случаѣ, нельзя не радоваться, что хотя иностранцы взяли на себя трудъ познакомить и насъ, и Европу, съ такимъ историческимъ дѣятелемъ, о которомъ прокричала бы на Западѣ всякая цивилизованная страна, поставивъ его въ ряду людей, которыхъ потомство называетъ если не великими, то передовыми. Если у насъ еще невозможна исторія важнѣйшаго событія въ Россіи послѣдняго времени — освобожденія крестьянъ, то дѣятельность въ этомъ направленіи человѣка, болѣе другихъ содѣйствовавшаго осуществленію этого событія — вполнѣ доступна частнымъ изслѣдованіямъ, и Леруа Болье воскресилъ и въ глазахъ образованнаго міра, и въ нашей памяти, симпатичный образъ человѣка, бывшаго душою величайшей реформы нашего времени. Французскій писатель разсказываетъ всю жизнь Милютина, начиная съ его канцелярской жизни, не успѣвшей убить въ немъ блестящихъ способностей истиннаго администратора и высокогуманнаго и честнаго человѣка. Первою административною работою его было составленіе новаго положенія для городской думы Петербурга.

Милютинъ ввелъ избирательное начало въ управленіе столичнымъ хозяйствомъ. Но первые же шаги новой думы на поприщѣ самоуправленія навлекли ей строгій выговоръ и составитель новаго положенія пріобрѣлъ репутацію крайне либеральнаго и опаснаго человѣка. Онъ хотѣлъ выйти въ отставку и заняться литературою, сбирался даже издавать журналъ, но министръ внутреннихъ дѣлъ, Ланской, сдѣлалъ его своимъ товарищемъ и поручилъ ему вести дѣла по освобожденію крестьянъ. Милютинъ получилъ однако званіе «временнаго товарища министра» и ему объявили, что высшее петербургское общество считаетъ его революціонеромъ, и призывая его по настояніямъ Ланскаго къ высокой обязанности, даютъ ему этимъ возможность «возстановить свою репутацію». Можно представить себѣ поэтому, съ какими затрудненіями и врагами онъ долженъ былъ бороться, подготовляя дѣло эмансипаціи, планы которой онъ составлялъ съ 1847 года. Въ этомъ великомъ дѣлѣ онъ былъ положительно главнымъ лицомъ, хотя оно было поручено Ростовцеву, «отличавшемуся необыкновенною нерѣшительностью и боязливостью и подчинявшемуся давленію самыхъ противуположныхъ направленій». Помощниками Милютина были Самаринъ и Черкасскій; на ихъ сторонѣ была великая княгиня Елена Павловна. Работа подвигалась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. «Ростовцевъ чуть не каждый день переходилъ отъ одного мнѣнія къ другому»; но дѣло пошло еще хуже, когда на мѣсто Ростовцева былъ назначенъ Панинъ. Надо было имѣть желѣзную волю, громадную выдержку и силу убѣжденія, чтобы направить дѣло по желаемому пути. Какія страшныя усилія надо было употребить, чтобы провести принципъ надѣленія крестьянъ землею, признаваемый нарушеніемъ самаго священнаго и неприкосновеннаго права — права собственности. Объ этомъ надѣлѣ многіе имѣли смутное понятіе, и мы помнимъ, какъ Милютинъ собиралъ къ себѣ журналистовъ и разъяснялъ имъ значаніе этой великой мѣры. Манифестъ 19 февраля былъ составленъ Милютинымъ и исправленъ лишь съ внѣшней стороны Филаретомъ. Редакціонной комиссіи не было дано примѣнить на практикѣ новое положеніе, она была распущена, а Милютинъ и Ланской должны были оставить свою должность. Черезъ годъ Милютинъ былъ призванъ къ управленію царствомъ Польскимъ, гдѣ также совершилъ освобожденіе крестьянъ. Эта вторая половина дѣятельности русскаго реформатора изображена авторомъ также живо и наполнена такими же интересными подробностями, рисующими реформу, столь недалекую отъ насъ по времени.

— Мемуары лицъ, не игравшихъ важной роли въ событіяхъ ихъ времени, часто объясняютъ это время лучше оффиціальныхъ документовъ. Настоящая характеристика историческихъ дѣятелей часто гораздо вѣрнѣе передается скромными наблюдателями, чѣмъ патентованными исторіографами, не говоря уже о томъ, что событія легче описывать очевидцамъ, чѣмъ потомкамъ, хотя ни близость къ совершившимся фактамъ, ни отдаленіе отъ нихъ не гарантируютъ ихъ достовѣрности во всѣхъ подробностяхъ. Извѣстенъ случай съ Вальтеромъ Ралейгомъ. Запертый въ Тоуэрѣ, онъ, чтобы чѣмъ нибудь пополнить скуку тюремнаго заключенія, началъ писать всеобщую исторію. Однажды ему помѣшала работать ссора, происшедшая между его товарищами-узниками. Онъ началъ распрашивать о причинахъ ссоры и о томъ, что произошло, у ея участниковъ и постороннихъ зрителей, но получилъ діаметрально противоположныя свѣдѣнія и отвѣты. — «И я собираюсь,

сказалъ онъ, представить вѣрное описаніе того, что дѣлали тысячу лѣтъ тому назадъ люди, которыхъ я не зналъ и не видалъ, когда не могу добиться правдивой передачи знакомыми мнѣ лицами того, что случилось четверть часа тому назадъ!» Но какъ ни противорѣчивы бываютъ подчасъ свѣдѣнія, собираемыя современниками, составленныя подъ личнымъ впечатлѣніемъ, они всегда интересуютъ читателя. Къ запискамъ такого рода принадлежатъ «Воспоминанія объ эмиграціи, имперіи и реставраціи», графа Александра Пюимегра (Souvenirs sur l'émigration, l'Empire et la Restauration). Авторъ былъ эмигрантомъ во время революціи, служилъ Наполеону во время имперіи, былъ префектомъ при Бурбонахъ и вышелъ въ отставку при Орлеанахъ, оставивъ записки о своихъ похожденіяхъ. Они отличаются прежде всего искренностью и наивностью, впрочемъ не доходящею до крайности. Онъ безпристрастенъ даже по отношенію къ своему сословію и къ эмигрантамъ, «поступки которыхъ, какъ и сами они, часто весьма мало заслуживаютъ уваженія». Своимъ выдающимся противникамъ онъ отдаетъ полную справедливость. Политическія мнѣнія его не выдерживаютъ критики, но сужденія о лицахъ, большею частію, вѣрны.

— Довольно любопытна вышедшая на дняхъ «Исторія фехтованія» (Histoire de l'escrime) Эмиля Мериньяка. Хотя собственно фехтованіе относится къ позднѣйшимъ временамъ, но искусство владѣть оружіемъ принадлежитъ къ глубокой древности. Гризье говоритъ: человѣкъ, взявшій однажды въ руки оружіе, непремѣнно долженъ фехтовать, то есть стараться дѣйствовать этимъ оружіемъ искуснѣе, чѣмъ его противникъ. Еще Веды упоминаютъ, что, въ числѣ другихъ наукъ, Врама училъ также своихъ жрецовъ владѣть оружіемъ. Китайцы, ассирійцы, египтяне, евреи умѣли хорошо дѣйствовать мечомъ. Киръ, заставивъ свою армію бросить лукъ и дротики, самъ училъ ее работать копьемъ, мечомъ и топоромъ; у грековъ и римлянъ фехтованье играло важную роль въ гимназіяхъ и на аренахъ публичныхъ состязаній. Книга Мериньяка оканчивается древнимъ міромъ. Второй томъ будетъ посвященъ среднимъ вѣкамъ и новѣйшему времени.

— Извѣстный бельгійскій публицистъ и экономистъ, Эмиль Лавеле, издалъ «Новыя письма изъ Италіи» (Nouvelles lettres d'Italie), служащія продолженіемъ писемъ изъ той же страны, появившихся въ 1879 году. Новый томъ посвященъ устройству объединенной Италіи, только что освободившейся отъ чужеземнаго владычества. Исторія первыхъ годовъ итальянскаго возрожденія довольно печальна: народъ, разоренный непомѣрными налогами, страшная бѣдность крестьянъ, упадокъ нравственности въ интеллигентныхъ классахъ, правительство, незнающее за что приняться, строющее броненосцы въ 26 милліоновъ франковъ и неимѣющее возможности собрать недоимки за 18 лѣтъ, все это рельефно изображено талантливымъ авторомъ, не забывающимъ и своей спеціальности, такъ какъ вмѣстѣ съ описаніемъ нравовъ и интимной жизни, у него встрѣчаются статистическія данныя, экономическіе выводы, политическія сужденія.

— «Записки и разсужденія маркиза де-ла-Фаръ» (Memoires et réflexions du marquis de la Fare) переносятъ насъ въ эпоху Людовика XIV и представляютъ главнѣйшія событія его царствованія съ характеристикою выдающихся дѣятелей. Авторъ записокъ, извѣстный въ свое время поэтъ, писалъ мадригалы, нѣжныя элегіи и шуточныя посланія въ эротическомъ жанрѣ, но въ то же время былъ храбрымъ солдатомъ и умнымъ человѣ-

комъ, хорошо цѣнившимъ и вѣрно изобразившимъ свой вѣкъ. Записки его, первый разъ появившіяся въ 1716 году, не смотря на ихъ отрывочность и небрежность изложенія, заключаютъ въ себѣ много любопытнаго о вѣкѣ короля-солнца, на которомъ было гораздо больше пятенъ, чѣмъ лучей. Издатель, въ предисловіи къ запискамъ, представляетъ оцѣнку литературнаго значенія ла-Фара, вмѣстѣ съ его біографіей.

— Къ исторіи человѣческихъ заблужденій относится новое изданіе книги «Урбанъ Грандье и Луденскія бѣсноватыя» (Urbain Grandier et les possédées de Loudun). Судьба этого несчастнаго священника, сожженнаго фанатическими попами, по приговору свѣтскаго суда и президента Лобардемона, представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ суевѣрія въ первой половинѣ XVII вѣка. Докторъ Леге, на основаніи новыхъ документовъ, подробно доказываетъ, что урсулинскія монахини, околдованныя Урбаномъ, были одержимы не бѣсомъ, а истерическимъ неврозомъ. Другое изданіе въ томъ же родѣ, представляетъ подлинный «Протоколъ, составленный для освобожденія дѣвушки, одержимой злымъ духомъ въ Лувье» (Procès-verbal fait pour délivrer une fille possédée par un malin esprit à Louviers) и найденный въ національной парижской библіотекѣ. Въ введеніи объясняются, съ медицинской точки зрѣнія, факты психологическихъ болѣзней и неврозовъ. Самый протоколъ составленъ очевидно наивнымъ, но безпристрастнымъ судьею и напоминаетъ по формѣ изложенія подобный же документъ, помѣщенный въ книгѣ Мишле «Колдунья».

— Л. Деромъ издалъ новый переводъ «Государя» Макіавеля (Machiavel—Le Prince), замѣчательный оцѣнкою трудовъ и значенія этого писателя, сдѣланнаго издателемъ. О Макіавелѣ трудно сказать что нибудь новое, но Деромъ разсматриваетъ его не только какъ государственнаго дѣятеля, но и какъ моралиста. Онъ ставитъ его на ряду съ Ларошфуко, хотя свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у флорентинца всякаго моральнаго чувства. Деромъ разсказываетъ, какъ нѣкоторые восхищались Макіавелемъ, почти никто не изучалъ его, почти всѣ презирали, а между тѣмъ правиламъ его слѣдовали многіе, начиная отъ Карла V до Наполеоновъ. Авторъ не заблуждается относительно эпохи Возрожденія въ Италіи, блестящей артистами и писателями, но возмутительной по своимъ преступленіямъ и безнравственности. Книга Дерома читается съ интересомъ, даже послѣ сочиненія Маколея о томъ же лицѣ.

— Авторъ замѣчательныхъ книгъ «Цензура во время первой имперіи», «Театръ во время революціи» издалъ новое, не менѣе интересное изслѣдованіе «Альманахи Революціи» (Les Almanachs de la Révolution). Съ возникновеніемъ свободы печати во Франціи явилось множество книгъ, журналовъ, брошюръ во всѣхъ родахъ. Между ними альманахи занимали первенствующее мѣсто. Вельшингеръ групируетъ ихъ на альманахи политическіе, литературные и техническіе, излагаетъ содержаніе болѣе замѣчательныхъ, приводитъ изъ нихъ отрывки. Въ этихъ произведеніяхъ, носящихъ отпечатокъ своего времени, видны всѣ переходы народнаго духа, стремящагося сначала къ законной свободѣ, сопротивляющагося реакціи, уступающаго терроризму, возникающаго съ новой силою при директоріи для того, чтобы подчиниться деспотизму имперіи. Любопытна также приложенная къ этой книгѣ библіографія революціонныхъ календарей, число которыхъ доходитъ до 300.

— Между французскими писателями немного такихъ ненавистниковъ Франціи, какъ философъ и публицистъ Малле-дю-Панъ, корреспонденція котораго съ вѣнскимъ дворомъ издана теперь по рукописямъ, сохранившимся въ вѣнскихъ архивахъ (Correspondance inédite de Mallet du Pan avec la cour de Vienne, 1794—98). Этотъ кальвинистъ, враждебно относившійся къ революціи, получалъ въ Парижѣ ежемѣсячную субсидію отъ австрійскаго императора, котораго онъ называетъ «столбомъ общественнаго порядка, самою твердою опорою религіи, власти и потрясеннаго общественнаго благополучія». Субсидію онъ получалъ за сообщеніе обо всемъ, что дѣлалось въ конвентѣ, въ правительствѣ, въ народѣ. Подобныя же свѣдѣнія онъ доставлялъ и Пруссіи за такое же вознагражденіе. Реакціонеръ и монархистъ, онъ старается однако быть справедливымъ къ республиканцамъ и даже якобинцамъ, и въ своихъ донесеніяхъ представляетъ довольно вѣрную картину пяти самыхъ бурныхъ лѣтъ французской исторіи, хотя всѣ сужденія этого дипломатическаго шпіона о корифеяхъ революціи пристрастны и ошибочны. Къ его корреспонденціи другой ненавистникъ революціи, Тэнъ, написалъ предисловіе, въ которомъ восторгается Малле-дю-Паномъ, и даже тѣмъ, что въ то время, когда Франція должна была защищаться противъ всей Европы, вторгнувшейся въ ея предѣлы, этотъ французъ «не терялъ ни одного случая укрѣпить бодрость союзниковъ и указывалъ имъ на необходимость дѣйствовать единодушно и энергически военными силами, а внутри страны употреблять политическія мѣры», то есть, другими словами, совѣтовалъ, какъ лучше и удобнѣе предать врагамъ свое отечество.

— Поклонники добраго стараго времени будутъ довольны книгою Альберта Бабо «Городъ при старомъ режимѣ» (La ville sous l'ancien régime). Авторъ доказываетъ, что граждане и ремесленники городовъ въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ жили довольно счастливо. Никто не былъ свободенъ, принадлежа къ цеховой корпораціи, но сотни цеховъ защищали свои привилегіи и городъ былъ, относительно, свободенъ, когда отдѣльныя личности подвергались всякимъ стѣсненіямъ: старшины запрещали собираться на свадебномъ пиру болѣе двадцати лицъ; на обрученіи и крестинахъ не позволяли раздавать лакомства, ограничивали извѣстною суммою подарки между кумовьями; служанкамъ не позволяли носить крахмаленныя юбки и модные башмаки. Все это, конечно, не говоритъ въ пользу личной свободы. «Уважая прошедшее, мы заслуживаемъ уваженіе будущаго», говоритъ авторъ. Фраза громкая, но пустая: уважать можно только то, что заслуживаетъ уваженія—и будущее нисколько не будетъ уважать настоящее, если оно станетъ безразлично относиться къ прошедшему.

— Французскіе министры, выходя въ отставку занимаются литературою, а не упреками отечеству за то, что оно недостаточно цѣнитъ ихъ заслуги. Бывшій морской министръ и вице-адмиралъ Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ издалъ пять томовъ исторіи походовъ Александра Македонскаго. Въ послѣднихъ двухъ томахъ разсказано «Покореніе Индіи, плаваніе Неарха и распаденіе имперіи» (La conquete de l'Inde et le Voyage de Nearque. Le démembrement de l'Empire). Съ глубокимъ знаніемъ предмета авторъ соединяетъ восторженный патріотизмъ, твердо вѣря въ блестящую роль Франціи. «Надобно видѣть страны, гдѣ гремѣло наше оружіе и сохранилась память объ насъ, говоритъ онъ,—чтобы понять, чего міръ ожидаетъ отъ насъ. Слухъ объ нашихъ потеряхъ еще болѣе утверждаетъ мысль о нашей необходимости.

Мръ безъ Франціи — это вселенная безъ свѣточа». Такое заключеніе выводитъ авторъ изъ исторіи погибшихъ націй и исчезнувшихъ цивилизацій.

— «Двадцать лѣтъ парламентской республики въ XVII вѣкѣ. Іоаннъ-де-Виттъ, великій пенсіонарій Голландіи» (Vingt années de république parlementaire au XVII siècle. Jean de Witt, grand pensionnaire de Hollande) рисуютъ въ разсказѣ Лефевръ-Понталиса образъ одного изъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей, павшаго жертвою слѣпого озлобленія народа, обязаннаго Витту своею независимостью. Маленькая нація, храбро боровшаяся съ Англіей и Франціей, дававшая у себя пріютъ Вольтеру и Мирабо, печатавшая у себя все, что запрещалось во Франціи, не мало имѣла такихъ граждавъ, какъ братья Іоаннъ и Корнелій Виттъ, мученическая смерть которыхъ доказываетъ, что народное ослѣпленіе бываетъ сильнѣе народной привязанности и благодарности. Авторъ этой книги излагаетъ подробно и занимательно всѣ главнѣйшія событія этой эпохи въ Голландіи: соперничество съ Англіею, реставрацію Карла II, завоевательные замыслы Людовика XIV, интриги Оранскаго дома и его приверженцевъ, процвѣтаніе Соединенныхъ провинцій до смерти Виттовъ.

— Первый томъ «Исторіи правительства національной обороны въ провинціи» (Histoire du gouvernement de la défense nationale en province) описываетъ только начало республики во Франціи и борьбу съ непріятелемъ до паденія Страсбурга. Затрудненія правительства, которое не могло въ короткое время создать ни армій, ни генераловъ, были неисчислимы въ эту несчастную эпоху. Авторъ книги, Стенакерсъ, управлялъ въ то время почтами и телеграфами и поэтому сообщаетъ подробности вполнѣ достовѣрныя и интересныя; но ихъ слишкомъ много; изложены они безъ критической оцѣнки и внутренней связи и книга представляетъ скорѣе матерьялы для исторіи, которые еще приходится группировать и провѣрять.

— Французская экспедиція на Мадагаскаръ, отложенная, впрочемъ, по случаю возобновленія непріязненныхъ дѣйствій съ Китаемъ, дала поводъ къ появленію «Исторіи и географіи Мадагаскара» (Histoire et géographie de Madagascar) Генриха д'Эскампа. Это лучшее и подробнѣйшее сочиненіе, представляющее самую полную картину острова. Другое сочиненіе о томъ же предметѣ «Путешествіе на Мадагаскаръ» (Voyage à Madagascar) принадлежитъ Ж. Макари, иллюстрировано рисунками Ришара, секретаря французской миссіи во время коронованія Радамы II. Въ то время, когда д'Эскампъ описываетъ нравы, обычаи, флору и фауну острова, доказывая необходимость для Франціи завладѣть этою прекрасною колоніею, Макари изслѣдуетъ этнографическія данныя, критически разбираетъ ложныя и преувеличенныя извѣстія объ островѣ, изслѣдуетъ его легенды и преданія, пополняя такимъ образомъ первое сочиненіе.

— Авторъ «Путешествія въ страну мильярдовъ», ненавистный нѣмцамъ Викторъ Тиссо, издалъ новое путешествіе въ «Таинственныя страны къ неизвѣстнымъ народамъ» (Les contrées mystérieuses et les peuples inconnus). Это описаніе тѣхъ странъ свѣта, куда наукѣ еще предстоитъ проникнуть, внеся благотворный свѣточъ знанія. Начиная съ сѣвера Америки, читатель знакомится сначала съ Лабрадоромъ и страною великихъ озеръ, затѣмъ съ краснокожими, англійскою Колумбіею, Калифорніею, Юкатаномъ, Гондурасомъ, Панамой, южной Америкой и мысомъ Горномъ. Въ Австраліи уже нечего открывать и всѣ ея 600 острововъ уже изслѣдованы

Въ Азіи многое остается еще изслѣдовать по берегамъ Индѣйскаго океана и Китайскаго моря, по Гималаю, на равнинахъ Тибета и Туркестана, въ Персіи и Аравіи. Свѣденія наши объ Африкѣ весьма поверхностны. Въ особой главѣ разсказаны открытія Бёртона, Спика, Гранта, Ливингстона, Нахтигаля и др.

— «Письма объ Адріатикѣ и Черногоріи» (Lettres sur l'Adriatique et le Montenegro) Ксаверія Мармье принадлежатъ также къ числу путешествій, въ которыхъ преобладаетъ не одна описательная и географическая сторона, но передаются мѣстныя повѣрья, легенды, историческія преданія, этнографическія изслѣдованія. Вся эта часть очень любопытна у автора, но выводы его мѣстами очень странны. Такъ, говоря о Венеціи и о томъ, что граждане ея сожалѣютъ о паденіи Венеціанской республики, членъ французской академіи утверждаетъ, что и французы будутъ скоро оплакивать паденіе Франціи. Эта странная и вовсе не патріотическая увѣренность врядъ ли умѣстна въ подобномъ сочиненіи.

— «Современная Мексика» (Le Mexique d'aujourd'hui), изображенная однимъ изъ членовъ французской миссіи, Дюпен-де-Сент-Андре, является въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ, если вѣрить автору, смотрящему на нее, очевидно, съ точки зрѣнія пессимизма. — «Воспоминанія объ Алжирѣ» (Souvenirs d'Alger) представляютъ также неутѣшительную картину этой провинціи; но картина эта составлена по неоспоримымъ даннымъ и авторъ приходитъ къ заключенію, что самымъ лучшимъ дѣломъ было бы отказаться отъ этой колоніи, хотя, при другихъ условіяхъ управленія ею, она могла бы принести неисчислимыя выгоды. Такъ, вмѣсто того, чтобы всѣми средствами угнетать и обирать туземцевъ, слѣдовало бы открыть для нихъ ряды французской арміи. Теперь принимаютъ только четвертую часть являющихся вербоваться въ рекруты: они грязны, лѣнивы, безнравственны, лжецы и воры но они трезвы, послушны дисциплинѣ и равнодушны къ смерти—и съ этими качествами дѣлаются отличными солдатами, что доказала война въ Италіи, въ Крыму и 1870 годъ.

— Руассаръ-де-Белле описалъ «Сардинію съ птичьяго полета» (La Sardaigne à vol d'oiseau en 1882). Это названіе не совсѣмъ точно, потому что мало изслѣдованный островъ представленъ авторомъ не поверхностно, а изученъ подробно не только съ географической, статистической и промышленной точки зрѣнія, но съ исторической, политической и этнографической. Авторъ изучилъ всѣхъ народовъ, владѣвшихъ островомъ: иберовъ, финикіянъ, египтянъ, кареагенянъ, римлянъ, готовъ, сарациновъ, пизанцевъ и генуэзцевъ. Археологическая часть также не забыта и приведены любопытныя розысканія о двухъ исчезнувшихъ, но нѣкогда знаменитыхъ городахъ Сульписѣ и Тарросѣ. Рисунки, приложенные къ книгѣ, изображаютъ виды мѣстностей, костюмы, древнія гробницы, статуи, вазы и т. п. — Другой, отдаленный островъ «Суматра» (Ile de Sumatra) описанъ Сен-Полемъ Ліасъ съ цѣлью побудить французовъ къ основанію колоній на отдаленныхъ пунктахъ. Съ этою же цѣлью авторъ излагаетъ исторію англійской колонизаціи и управленіе голландцами въ странѣ Атчесовъ на берегахъ Логонча. Теперешнее французское правительство признало всю важность колоніальной системы и захватываетъ цѣлыя провинціи для произведенія опытовъ въ обширныхъ размѣрахъ. О ея новыхъ завоеваніяхъ можно найти свѣденія въ сочиненіяхъ Котто «Туристъ на крайнемъ Востокѣ. Японія, Китай, Индо-Китай и Тон-

кинъ» (Un touriste dans l'extrême Orient. Japon, Chine, Indo-Chine et Tonkin) и Колькгуна «Юннанъ, Кванг-Тунгъ и Кванг-Си» (Yunnan, Kwang-Tung et Kwang-Si). Послѣднія три провинціи принадлежатъ Китаю, но открыты для французской торговли по послѣднему трактату. Котто увѣряетъ, что еще въ 1881 году французы легко могли бы завладѣть Тонкиномъ. Колькгунъ подробно описываетъ отношенія Китая къ Тонкину и пограничныя съ нимъ провинціи.

— Эдуардъ Лоуэль издалъ любопытную книгу: «Гессенцы и другія нѣмецкія вспомогательныя войска Великобританіи въ революціонную войну» (The Hessians and the olter german auxilaries of the great Britain in the revolutionary war). Когда началось возстаніе сѣверо-американскихъ колоній, Георгъ III просилъ Екатерину II, чтобы она прислала ему двадцатитысячный корпусъ для усмиренія его взбунтовавшихся подданныхъ. Императрица отклонила это предложеніе и король обратился къ маленькимъ нѣмецкимъ князькамъ съ такою же просьбою. Тѣ были рады получить солидную плату за отдачу на прокатъ своихъ войскъ, и тридцать тысячъ нѣмецкихъ солдатъ сражались въ Сѣверной Америкѣ отъ 1776 по 1783 годъ. Изъ нихъ по заключеніи мира на родину вернулось 17,313 человѣкъ. Нѣмецкіе принцы получили до двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ за отданныхъ въ наемъ своихъ солдатъ, сражавшихся въ чужой землѣ за чуждые имъ интересы. Это считалось законнымъ и естественнымъ дѣломъ въ прошломъ столѣтіи. Если бы эти наемники не помогали англичанамъ, война кончилась бы гораздо раньше. Она, можетъ быть, была бы еще непродолжительнѣе, еслибы колонистамъ не помогала французская армія съ флотомъ. Въ эту войну французы съ нѣмцами дрались не рѣже, чѣмъ англичане съ американцами. Но и тогда уже были люди, осуждавшіе эту систему наемничества, недостойную великой страны. Лордъ Кавендишъ, Эдмондъ Борке, герцогъ Ричмондъ, Джоржъ Савиль, всѣ вожди партіи виговъ, возставали въ парламентѣ противъ постыднаго торга солдатами, но большинство считало благоразумною и экономичною позорную политику лорда Норта и поддерживало ее. Въ Германіи также протестовали противъ этой системы и Шиллеръ заклеймилъ ее въ трагедіи «Коварство и любовь». Въ наемныя войска вербовали насильно, бѣжавшихъ рекрутъ вѣшали. Особенной безчеловѣчностью отличался при этомъ ландграфъ Гессенъ-Кассельскій. Авторъ приводитъ возмутительные примѣры его жестокосердія. Дезертировъ было множество, но жители обязаны были ловить ихъ и если не поймаютъ—ставить другихъ рекрутовъ. Въ Виртембергѣ, давшій пріютъ дезертиру, лишался гражданскихъ правъ и подвергался сѣченью въ тюрьмѣ. Въ Гессенъ-Касселѣ за поимку дезертира выдавался червонецъ; деревня, черезъ которую проходилъ дезертиръ и не былъ схваченъ, платила червонецъ штрафу. Съ рекрутами обходились безчеловѣчно и все-таки они храбро дрались въ Америкѣ. Это свидѣтельствуетъ самъ Вашингтонъ. Въ книгѣ Лоуэля много интересныхъ подробностей о пребываніи нѣмецкихъ войскъ въ Америкѣ.

— «Евфоріонъ, этюды древности и среднихъ вѣковъ въ эпоху Возрожденія» (Euphorion, beeing studies of Antique and Mediaeval in the Renaissance). Подъ названіемъ «Евфоріона», сына Фауста и Елены, олицетворяющаго въ Возрожденіи соединеніе древности съ средними вѣками, Вернонъ Ли издалъ рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій эпохи, когда искусство, наука и литература воскресли къ новой жизни. Лучшія изъ этихъ статей:

«Италія по драматургамъ царствованія Елизаветы», «Древняя симетрія», «Портретное искусство», «Школа Боярдо», «Любовь въ среднихъ вѣкахъ»— отличительною чертою этой любви авторъ считаетъ вѣрность въ незаконныхъ связяхъ. Въ авторѣ вообще видно близкое знакомство съ духомъ описываемаго имъ времени.

— Росденъ написалъ три тома «Исторіи Австраліи» (History of Australia) съ цѣлью поддержать систему федераціи, къ которой стремятся теперь англійскія колоніи этой части свѣта, вступающія во второе столѣтіе своего существованія. У нихъ уже проявляются если не завоевательныя, то присоединительныя стремленія и онѣ обсуждаютъ средства присоединить къ себѣ Новую Гвинею и острова Тихаго океана. Это какъ-то невяжется съ недавними еще расчлененіями колоній и выдѣленіемъ изъ Новаго Южнаго Валлиса самостоятельныхъ колоній Тасманіи, Викторіи и Квинсланда. Росденъ описываетъ подробно исторію открытія этихъ странъ, управленіе ими, экспедицію для изслѣдованія внутреннихъ земель, бытъ туземцевъ, открытіе золотыхъ пріисковъ и проч.

— Вышло продолженіе труда извѣстнаго историка Моммсена «Порядокъ конскрипціи во время римскихъ императоровъ» (Die Konscriptionsordnung der römischen Kaiserzeit). Въ этомъ томѣ онъ разсматриваетъ правила набора войскъ въ восточные и западные легіоны, состоявшіе изъ римскихъ гражданъ, и въ вспомогательный корпусъ, формируемый изъ чужеземцевъ. Порядокъ этотъ, впрочемъ, сталъ нарушаться въ половинѣ II столѣтія, когда всѣмъ легіонерамъ начали давать гражданскія права. Такъ, жители Востока принимались во всѣ легіоны, кромѣ германскихъ, испанскихъ и паннонскихъ. Историкъ изслѣдуетъ также дислокацію войскъ на обширной територіи имперіи, раздѣленіе ихъ по провинціямъ и городамъ и т. п. Несмотря на кажущуюся сухость предмета, значеніе труда Моммсена весьма важно для римской имперіи.

— Георгъ Вольфрамъ издалъ исторію «Фридриха I и Вормскаго конкордата» (Friedrich I und das Wormser Konkordat). Борьба между папами и императерами въ XI и XII столѣтіи имѣла огромное вліяніе на развитіе религіозной и политической самостоятельности въ Германіи и изложеніе этой борьбы противъ антинаціональныхъ стремленій Рима и права инвеституры весьма интересно. Авторъ представилъ ясно историческую личность Фридриха I, отстаивавшаго въ Вормсѣ право избранія епископовъ и не признававшаго въ Германіи церковныхъ папскихъ имѣній. Въ книгѣ много новыхъ взглядовъ и большое знаніе изображаемой авторомъ эпохи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ исторіи военно-учебныхъ заведеній.

I.

ПРИКАЗЪ Исправляющаго Должность Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній.

Въ С.-Петербургѣ, сентября 19-го 1849 г., № 1110.

По Высочайшему Приказу, отданному въ С.-Петербургѣ сего сентября въ 19 день, назначаются:

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Главнымъ Начальникомъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Состоявшій при Его Императорскомъ Высочествѣ, въ Бозѣ почившемъ Государѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, по званію Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній, Генералъ-Лейтенантъ Чертковъ, состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, Главномъ Начальникѣ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Директоръ 2-го Кадетскаго Корпуса, Генералъ-Маіоръ Путята, состоять въ Свитѣ Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ въ той же должности.

Бывшіе Адъютанты Его Императорскаго Высочества, въ Бозѣ почившаго Государя Великаго Князя Михаила Павловича, Полковники: Дежурный Штабъ-Офицеръ Штаба, Лейбъ-Гвардіи Московскаго Полка, Горемыкинъ, и Исправляющій должность Директора 2-го Московскаго Кадетскаго Корпуса, Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка, Озеровъ, оба Флигель-Адъютантами къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ тѣхъ же должностяхъ.

Отцомъ нашимъ былъ Другъ и Братъ нашего Государя.

Богу угодно было Его отозвать—и Государь, взамѣнъ Его, даруетъ намъ въ Отцы Своего Сына, Своего Наслѣдника. И Наслѣдникъ трудовъ и благодѣяній Великаго Отца обширнаго нашего Отечества дѣлается, отнынѣ, и

преемникомъ трудовъ и благодѣяній въ Бозѣ почившаго Отца нашей скромной семьи. Это событіе тѣмъ для насъ священнѣе, что Ихъ Императорскіе Высочества, оба наши Августѣйшіе Начальники, были всегда друзьями.

Воспитатели и воспитанники, соединимъ всѣ усилія, всѣ чувства, всѣ молитвы наши, чтобы заслужить эту великую къ намъ милость Его Императорскаго Величества.

Будемъ молиться, и теперь и всегда, съ сыновнею любовію и благодарностію, объ упокоеніи души Великаго Князя Михаила Павловича, о здравіи и долгодѣнствіи Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича и всего Царственнаго Дома Ихъ, всегда намъ благодѣтельствующаго, и всегда горячо нами любимаго.

Приказъ сей прочесть въ общемъ сборѣ всѣхъ воспитателей и всѣхъ воспитанниковъ каждаго заведенія, и, вслѣдъ затѣмъ, отслужить въ церквахъ благодарственныя молебствія съ колѣнопреклоненіемъ.

Подлинный подписалъ: Генералъ отъ Инфантеріи Клингенбергъ.

II.

Приказъ Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній.

Въ С.-Петербургѣ, 20-го сентября 1840 года, № 1111.

Высочайшимъ приказомъ, сего 19-го сентября, Государь Императоръ соизволилъ Всемилостивѣйше назначить Меня Главнымъ Начальникомъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Вмѣняю Себѣ въ честь начальствовать заведеніями, процвѣтавшими подъ отеческимъ попеченіемъ Великаго Князя Михаила Павловича, Моего незабвеннаго Предмѣстника, Моего Руководителя и Друга.

Принадлежать Военно-Учебнымъ Заведеніямъ тѣмъ еще для Меня отраднѣе, что въ рядахъ ихъ Я началъ Мою службу. Главнѣйшею цѣлію всѣхъ Моихъ заботъ въ этой новой, драгоцѣнной для сердца Моего, должности, будетъ: сберечь все сдѣланное трудами и любовію Его Высочества, ко благу заведеній, и сохранить заведенія въ томъ же превосходномъ состояніи, въ какомъ они Отцемъ ихъ и Благодѣтелемъ, дотавлены Мнѣ, какъ бы въ залогъ Его ко Мнѣ дружбы и милостей.

Я увѣренъ, что всѣ члены Военно-Учебныхъ Заведеній свято сохранятъ въ душѣ своей благодарную память о Почившемъ, и такъ же свято будутъ исполнять всѣ благотворныя указанія Его, какъ исполняли ихъ при Немъ.

Надѣюсь, что и воспитанники, не только въ заведеніяхъ, но и за его порогомъ, будутъ стараться, и службою и всею своею жизнію, отплатить своему почившему Отцу за неограниченную Его къ нимъ любовь.

Приказъ сей прочесть въ сборѣ всѣхъ воспитателей и воспитанниковъ, съ панихидою о упокоеніи великой души Благодѣтеля Военно-Учебныхъ Заведеній.

Подлинный подписалъ: Генералъ-Адъютантъ Александръ.

Сообщено М. В. Быковымъ.

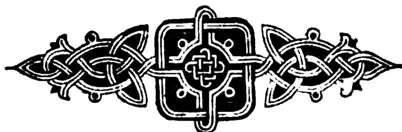
Анекдотъ о князѣ Багратіонѣ.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ пріѣхалъ изъ Грузіи въ Петербургъ въ 1782 году. Ему было тогда 18 лѣтъ. Онъ остановился въ домѣ княгини Анны Александровны Голицыной, урожденной княжны Грузинской, вызвавшей его изъ Грузіи для опредѣленія въ службу. На другой день, обѣдая у князя Потемкина на дачѣ, въ 13-ти верстахъ отъ столицы, по Петергофской дорогѣ, (бывшей впослѣдствіи Александра Львовича Нарышкина), княгиня Голицына просила Потемкина принять молодаго Багратіона подъ свое покровительство. Потемкинъ немедленно послалъ за нимъ курьера. Бѣдный юноша, только что прибывшій изъ дальняго края, не имѣлъ еще пристойной одежды и не зналъ какъ явиться къ Потемкину. Дворецкій княгини Голицыной, Карелинъ, вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, ссудивъ ему свое собственное платье, и Багратіонъ поскакалъ съ курьеромъ на дачу. Невысокаго роста, блѣдный, худощавый Багратіонъ, въ неуклюжемъ кафтанѣ дворецкаго, скромно, но не робко предсталъ предъ «великолѣпнымъ княземъ Тавриды», среди блистательнаго общества. Орлинымъ взоромъ окинувъ безвѣстнаго юношу, Потемкинъ удостоилъ его разговоромъ. Довольный отвѣтами Багратіона, онъ поздравилъ его прапорщикомъ и приказалъ ему отправиться въ армію.

Прошло болѣе четверти вѣка. Насталъ 1811 годъ. Багратіонъ, уже предводившій арміями, Андреевскій кавалеръ, озаренный славою народнаго героя Россіи, проводилъ лѣто у той же княгини А. А. Голицыной, Владимірской губерніи, Юрьевскаго уѣзда, въ селѣ Симѣ, между друзьями и родственниками, отдыхая на лаврахъ и готовясь къ новымъ подвигамъ. Однажды за обѣдомъ, Багратіонъ долго и пристально смотрѣлъ на служившаго за столомъ пожилаго дворецкаго: то былъ Карелинъ. Не говоря ни слова, Багратіонъ встаетъ, идетъ прямо къ старцу, бросается къ нему на шею и восклицаетъ: «Помнишь ли ты, добрый Карелинъ, какъ за 30 лѣтъ, въ твоемъ кафтанѣ явился я къ князю Потемкину? Безъ тебя, можетъ быть, не былъ бы я тѣмъ, чѣмъ ты меня теперь видишь. Спасибо, тысячу разъ спасибо!»

Вскорѣ потомъ, въ сентябрѣ 1811 года, курьеръ привезъ въ Симы повелѣніе князю Багратіону принять предводительство надъ второю западною арміею. Багратіонъ простился съ хозяевами села Симы, обѣщая пріѣхать къ нимъ въ слѣдующій годъ на отдохновеніе, если только обстоятельства позволятъ. Дѣйствительно: ровно черезъ годъ онъ возвратился въ Симы... на вѣчное отдохновеніе.

Сообщено В. И. Кушниковымъ.



СМѢСЬ.

Столѣтняя годовщина рожденія Давыдова. 16-го іюля русская журналистика почтила день рожденія нашего поэта и партизана сочувственными статьями, посвященными воспоминанію о немъ. Хотя мы вообще скоро забываемъ нашихъ былыхъ дѣятелей, но память о Денисѣ Васильевичѣ не умирала ни въ исторіи литературы, ни въ публикѣ, не смотря на то, что со смерти его прошло уже 45 лѣтъ, и что онъ принадлежалъ къ поколѣнію, которое мало знали люди нынѣшняго вѣка. Но въ общественномъ сознаніи давно утвердился образъ этого задушевнаго поэта, несмотря на неглубокое содержаніе и небрежную отдѣлку его стиха, этого симпатичнаго человѣка, не смотря на его гусарскія, подчасъ слишкомъ широкія увлеченія. Прямодушный, твердый, сердечный, остроумный, горячо любившій свое отечество и твердо вѣрившій въ него—Давыдовъ тотъ же и въ жизни, какъ въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ былъ слишкомъ горячъ—и это вредило ему и въ военной службѣ, и на службѣ Апполону. Получивъ поверхностное воспитаніе, онъ образовалъ самъ себя и пріобрѣлъ большія знанія, даже въ военномъ дѣлѣ. Отъ 1806 года до 1831 онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ, но долженъ былъ брать съ бою даже позволеніе сражаться за отечество. Поступивъ 17-ти лѣтъ въ гвардію, онъ черезъ два года былъ переведенъ въ армейскій Бѣлогородскій полкъ за басню «Рѣка и зеркало», и до сихъ поръ извѣстную только въ рукописи. Въ 1806 году онъ ночью явился къ фельдмаршалу Каменскому—проситься въ армію; тотъ обѣщался; за него хлопотала и всемогущая Марья Антоновна Нарышкина; и все таки онъ былъ принятъ только тогда, когда командиромъ арміи назначенъ былъ Бенингсенъ,—такъ велико было въ ней число карьеристовъ и тѣхъ, кому бабушки ворожили. Въ 1812 году Давыдовъ пріобрѣлъ безсмертную славу, какъ первый русскій партизанъ, незабывавшій однако и въ отношеніи къ врагу правила человѣколюбія и гуманности. Въ 1813 году за то, что онъ взялъ Дрезденъ вопреки распоряженію Винценгероде, его изгнали изъ рядовъ войска и не разстрѣляли только потому, что Александръ I сказалъ: побѣдителей не судятъ. За участіе въ 25-ти сраженіяхъ онъ получилъ высочайшее благоволеніе. Въ 1814 году изъ генералъ-маіоровъ его разжаловали въ полковники, потому что чинъ ему былъ данъ «по ошибкѣ». Онъ и Георгія 4-й степени получилъ только, подавъ прошеніе, въ которомъ указалъ, что

ему должны были дать орденъ по статуту. Другъ Пушкина, Вяземскаго, Жуковскаго, Вальтеръ-Скотта, онъ былъ ненавидимъ всѣми самолюбивыми посредственностями за свои мѣткія и злыя эпиграмы, за то, что всегда говорилъ правду, не низкопоклонничалъ, не наушничалъ. Съ цензурой онъ былъ въ вѣчной борьбѣ и, въ угоду военному министру Чернышову, она не пропустила статьи Давыдова о занятіи имъ Дрездена. Одинаково враждебный всякой лжи и фальши, онъ очерчивалъ ѣдкимъ стихомъ и либерала, дующаго въ усъ и въ рыло своего крѣпостного, и превыспренній конгресъ тощихъ, изъѣденныхъ злобою заправителей политики, размежевывающихъ свѣтъ на свой вкусъ и приглашающихъ поляковъ въ Москву. Правдивая натура поэта партизана вѣроятно съ такою же рѣзкостью отозвалась бы о политикахъ, если бы они призывали въ Москву татарщину. Академія наша не праздновала столѣтній юбилей рожденія Давыдова. Въ Москвѣ вышла къ этому дню недурная брошюра съ его біографіей и оцѣнкою его произведеній.

Московскіе Архивы. Главные архивы министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ увеличились многими пріобрѣтеніями. Такъ, между прочимъ, какъ даръ нашего посла въ Вѣнѣ, князя Лобанова-Ростовскаго, архивъ пріобрѣлъ автографъ извѣстнаго воззванія архимандрита Діонисія и келаря Авраама Палицына въ 1611 году къ жителямъ Перми и другихъ городовъ объ освобожденіи Руси отъ поляковъ. До сихъ поръ это воззваніе извѣстно было только въ копіи, съ которой оно было напечатано въ 1819 году, во 2-мъ томѣ собранія актовъ и договоровъ подъ № 275.

Памятникъ въ Малоярославцѣ. Въ концѣ минувшаго года, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ участниковъ войны 1812 года, отставной генералъ-маіоръ Мирковичъ, напомнилъ жителямъ Малоярославца о подвигѣ Саввы Ивановича Бѣляева, который, разрушивъ въ главѣ народа мельничную плотину, произвелъ затопленіе мѣстности, прилегающей къ городу, задержалъ этимъ наступленіе французскихъ войскъ, уже частью занявшихъ городъ, и далъ возможность своевременно подойти нашимъ войскамъ, направлявшимся изъ подъ Тарутина. Въ заявленіи, поданномъ малоярославскому городскому головѣ, Мирковичъ высказалъ мысль о постановкѣ памятника Бѣляеву въ Малоярославцѣ, на той самой площади, откуда Бѣляевъ бросился для разрушенія мельничной плотины. Согласившись съ мыслью Мирковича, собраніе малоярославской городской думы, въ засѣданіи 14-го декабря 1883 года, постановило уполномочить городскаго голову просить чрезъ калужскаго губернатора разрѣшенія поставить въ Малоярославцѣ памятникъ Бѣляеву съ надписью: «Доблестному патріоту Бѣляеву благодарная Россія», и на сооруженіе памятника установить для пожертвованій подписку по всей имперіи; на удовлетвореніе такого ходатайства малоярославской городской думы, 10-го мая послѣдовало высочайшее соизволеніе и теперь начали приготовляться къ осуществленной этой мысли.

Историческій музей. Графъ Уваровъ, озабочиваясь розысканіемъ памятниковъ старины для россійскаго историческаго музея, напалъ на слѣдъ частной коллекціи, принадлежащей помѣщику Крыма г. Бурачкову. Коллекція эта состоитъ изъ многочисленныхъ собраній монетъ какъ греческихъ поселеній береговъ Чернаго моря, такъ и монетъ восфоркихъ царей и скиескихъ, греческихъ надписей изъ южной Россіи, каменныхъ орудій, обломковъ мраморныхъ статуй, роскошныхъ вазъ, терракотовыхъ изваяній и разныхъ архитектурныхъ фрагментовъ изъ мрамора, — словомъ коллекція какъ нельзя болѣе подходящая къ задачамъ императорскаго музея. Она оцѣнена владѣльцемъ въ 20,000 р., и онъ изъявилъ согласіе на разсрочку платежа на 10 лѣтъ по 2,000 р. въ годъ. Покупка этой коллекціи разрѣшена министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Столѣтняя годовщина смерти Дидро. 30-го іюля Франція съ особеннымъ торжествомъ почтила день кончины одного изъ своихъ величайшихъ геніевъ,

вліяніе котораго на человѣчество было гораздо прочнѣе и обширнѣе, нежели вліяніе Вольтера и Руссо. Въ то время, когда Вольтеръ уничтожалъ предразсудки и заблужденія въ области мышленія и вѣрованій, Руссо въ дѣлѣ воспитанія и чувства, Дидро своею «Энциклопедіею» благотворно вліялъ на развитіе всей сферы человѣческихъ знаній, поступковъ, ощущеній. Значеніе этого великаго писателя и человѣка, такъ же какъ и его труда, которому онъ посвятилъ большую часть своей жизни, мы старались объяснить въ статьѣ «Энциклопедизмъ и журнализмъ». Послѣ того въ нашей литературѣ, обладающей уже хорошимъ переводомъ книги Морлея объ энциклопедистахъ, появилось самостоятельное сочиненіе г. Вильбасова о пребываніи Дидро въ Петербургѣ, состоящее на половину изъ французскихъ писемъ къ нему и отъ него, безъ перевода, и имѣющихъ мало значенія. Авторъ говоритъ болѣе о Екатеринѣ II, чѣмъ о философѣ, и хотя отдаетъ полую справедливость писателю, которому мы обязаны величайшимъ умственнымъ переворотомъ, пережитымъ человѣчествомъ, но признаетъ, что пребываніе его въ Россіи не имѣло никакихъ практическихъ результатовъ. Дидро только было обѣщано второе изданіе его Энциклопедіи (извѣстно, что первое было искажено негодяемъ-издателемъ, выбрасывавшимъ цѣлыя статьи изъ корректурныхъ листовъ Дидро, изъ боязни цензуры и преслѣдованій, и уничтожившимъ самыя корректуры) . Но дѣло кончилось одними обѣщаніями, и Бецкій, которому было поручено тянуть переговоры съ философомъ, по возвращеніи его на родину, дотянулъ ихъ до его смерти. Хотя Екатерина писала, что «ставитъ Дидро въ разрядъ самыхъ необыкновенныхъ людей, которые когда либо существовали», но не приняла ни одного изъ его предложеній по вопросамъ внутренней политики. Онъ былъ нуженъ ей, какъ были нужны другіе энциклопедисты, Даламберъ, Вольтеръ, Гриммъ, въ началѣ ея царствованія, чтобы склонить общественное мнѣніе западной Европы на ея сторону, такъ какъ энциклопедисты играли въ то время ту же роль, какую нынче играетъ журналистика. Когда же миновала надобность въ восхваленіяхъ западныхъ философовъ по поводу разныхъ «Наказовъ» и готовившихся, но не осуществлявшихся реформъ, о Дидро и его товарищахъ осталось убѣжденіе, что они крайне вредны и опасны, или по меньшей мѣрѣ корыстолюбивые, тщеславные шарлатаны, какъ ихъ называлъ Фонвизинъ. А какъ смотрѣла Екатерина на ихъ русскихъ послѣдователей, лучше всего доказываетъ судьба Новикова и Радищева. Въ родномъ городѣ Дидро, Лангрѣ, 3 августа открытъ ему памятникъ. Еще въ 1882 г. муниципальный совѣтъ Лангра рѣшилъ поставить статую Дидро и съ этой цѣлью открылъ подписку. Главный департаментскій совѣтъ ассигновалъ 3 тысячи франковъ, французское правительство также приняло участіе въ этомъ предпріятіи. Императоръ Александръ III, въ память вниманія Екатерины II къ Дидро, прислалъ двѣ тысячи рублей. Подписка собиралась въ Парижѣ, провинціяхъ Франціи, за границей. Такимъ образомъ явилась возможность соорудить бронзовую статую знаменитаго мыслителя. Исполнена она Бартольди, молодымъ, но уже извѣстнымъ скульпторомъ, которому Америка обязана своимъ коллосальнымъ памятникомъ «Свободы, озаряющей міръ» Дидро представленъ стоя, въ домашнемъ платьѣ. Осанка его вполнѣ натуральная, въ лѣвой рукѣ онъ держитъ книгу. Выразительная голова слегка наклонилась въ правую сторону. На пьедесталѣ: «Дидро. Признательностью его согражданъ. 1884 г.». Празднества открылись музыкой и гимнастическими играми, сопровождавшимися состязаніемъ въ стрѣльбѣ. Публичныя зданія и частныя дома въ городѣ были украшены флагами національныхъ цвѣтовъ. Артиллерія стрѣляла изъ пушекъ. Вечеромъ былъ большой патріотическій банкетъ. Большой кортежъ отъ городской ратуши положилъ множество вѣнковъ на пьедесталъ статуи, гдѣ разставлены ряды томовъ, придвинутые къ свѣтильникамъ, знаменующимъ тотъ свѣтъ знанія, который выходитъ изъ колосальнаго труда Дидро. Меръ Лангра въ своей рѣчи оха-

рактеризовалъ Дидро, какъ апостола просвѣщенія. Въ Парижѣ воздвигнуты двѣ статуи Дидро, на площади St-Germain-des-Prés и другая въ ратушѣ. Здѣсь Дидро представленъ сидящимъ. Память его чествовалась во всей Европѣ. Въ прусской академіи, въ день годовщины памяти Лейбница, профессоръ Дюбуа-Реймонъ произнесъ рѣчь и о Дидро. «Съ особеннымъ удовольствіемъ наша академія, сказалъ Реймонъ, первая привѣтствуетъ это чествованіе Дидро. Нынѣ національное чувство французовъ принимаетъ нерѣдко видъ національной ненависти противъ насъ, нѣмцевъ. Тѣмъ пріятнѣе для насъ вспомнить о тѣхъ временахъ, когда это новѣйшее варварство не мутило умы, когда Вольтеръ, Мопертюи, Ла-Меттри, Даламберъ, Дидро, тѣсно соединяли нашу академію съ Франціей, когда эти мужи, слава своей націи, не взирая на военное положеніе, чувствовали себя членами нашей корпораціи, и когда науки, культурныя стремленія дѣлали неразрывнымъ союзъ всѣхъ народовъ. Мы гордимся тѣмъ, что Дидро уже былъ нашимъ, прежде чѣмъ Вольтеръ тщетно добивался провести его во французскую академію, которая для него навсегда осталась закрытой, такъ что онъ вполнѣ можетъ называться берлинскимъ академикомъ, хотя онъ здѣсь никогда не засѣдалъ, отклонивъ приглашеніе Фридриха пріѣхать въ Берлинъ. Въ сравненіи со всесторонностью Дидро, и Вольтеръ, и Гете, даже считающійся за образецъ энциклопедическаго историка Лейбницъ, являются простыми спеціалистами. Кто, подобно ему, могъ обнять всю область наукъ, искусствъ и техники съ одинаковой любовью, быть какъ дома и въ области математической физики, и въ эстетическомъ творчествѣ романовъ и драматическихъ произведеній, въ философіи и металлургіи, въ этикѣ и лингвистикѣ, въ метафизикѣ и въ образовательномъ искусствѣ, въ исторіи философіи и драматургіи, въ политической экономіи и музыкѣ?.. И не только онъ вездѣ является знатокомъ дѣла, но и неизчерпаемымъ мыслителемъ и обобщителемъ. Дидро былъ не только универсальнымъ умомъ, не только его пламенное воодушевленіе, трудолюбіе, самоотреченіе, энергія сдѣлали возможнымъ осуществленіе исполинскаго предпріятія, энциклопедіи, но безспорно также, что въ рукахъ его это дѣло явилось сильнымъ боевымъ орудіемъ, давшимъ возможность пробить стѣны умственной Бастиліи придворной, поповской Франціи, и потому-то дѣло это вызвало такую ненависть въ темныхъ силахъ»,

Памятникъ Жоржъ Занду открылся 10-го августа въ Шатрѣ. Статуя знаменитой писательницы исполнена Эме Милле. Она изъ каррарскаго мрамора. Жоржъ Зандъ представлена сидя, въ мечтательномъ положеніи, одѣтая въ арабскій костюмъ, какой она носила въ Ноганѣ. Это — костюмъ съ двумя прорѣзами для рукъ и третьимъ — для головы. Складки сдѣланы въ архаическомъ стилѣ. Въ правой рукѣ Зандъ перо, въ лѣвой — раскрытая книга. Писательницѣ по виду около 40 лѣтъ, время ея большей славы. На лицевой сторонѣ этого пьедестала надпись: Жоржъ Зандъ и перечень нѣсколькихъ ея произведеній. Парижъ, 1884 г. Ноганъ, 1876 г. Позади статуи выбито: «на ціональнымъ иждивеніемъ». Особенность этого литературнаго чествованія памяти знаменитой писательницы — отсутствіе при открытіи представителей французской академіи, которая мотивировала свой отказъ на приглашеніе принять участіе въ празднествѣ тѣмъ, что академія не была при открытіи памятниковъ Бальзаку, Беранже и другимъ писателямъ не академикамъ. Такое рѣшеніе принято было, однако, не сразу. Собраніе «сорока безсмертныхъ» предложило Александру Дюма быть ихъ делегатомъ. Тотъ отказался, обиженный тѣмъ, что академія не присутствовала при открытіи памятника его отцу. Жюль Симонъ не рѣшился бросить засѣданій въ сенатѣ по случаю пересмотра конституціи. Тогда жребій палъ на Шербюлье. Этотъ принялъ полномочіе съ готовностью и даже приготовилъ было торжественную рѣчь. Но большинство академиковъ (кромѣ Легуве и Камилла Дусе) не согласились чествовать память писательницы. У насъ, конечно, многіе порадуются

тому, что французы воздвигли памятникъ высокодаровитой женщинѣ, имѣвшей большое и продолжительное вліяніе на русскую литературу. Романамъ перваго періода дѣятельности Жоржъ Зандъ, когда она проповѣдовала теорію свободной любви, подражали многіе русскіе писатели. «Полинька Саксъ» Дружинина, «Подводный камень» Авдѣева, «Испорченная жизнь» Дьяченко, романы г-жи Ганъ, Марченко — все это подражанія первымъ произведеніямъ Зандъ. Потомъ ея романы изъ народной жизни имѣли вліяніе на наше народничество, покрайней мѣрѣ на первые попытки его въ идилической формѣ. Во всякомъ случаѣ романы Жоржъ Зандъ, содѣйствуя развитію здравыхъ идей, принесли огромную пользу, и только обскуранты могутъ утверждать, что отъ нихъ произошелъ вредъ для развитія человѣчества — даже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ.

Статуя свободы, воздвигаемая у входа въ нью-іоркскую гавань, въ память столѣтней годовщины провозглашенія независимости Соединенныхъ Штатовъ, въ настоящее время окончательно готова и привлекаетъ въ мастерскія Гаже-Готье, въ Парижѣ, массы публики. Статуя эта несомнѣнно колоссальнѣйшая изъ всѣхъ статуй, какія когда либо были воздвигнуты. Отъ цоколя до вершины она имѣетъ 35 метровъ, приподнятая же къ верху рука (предназначенная для маячнаго огня) находится на высотѣ 46 метровъ (колосальная статуя св. Карла Борромео близь Комо имѣетъ всего 22 метра, а статуя Баваріи близь Мюнхена 17½). Поперечникъ статуи у ея подножія равняется почти 15 метрамъ. Чтобы дать точное понятіе о размѣрахъ статуи, напомнимъ, что правая нога, ступающая только пальцами, имѣетъ 5 метровъ длины. Приподнятая подошва образуетъ широкія и высокія двери, открывающія доступъ во внутренность памятника. Большой палецъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ 0,90 м. въ поперечникѣ, а внутри его можетъ свободно помѣститься взрослый человѣкъ. Указательный палецъ руки имѣетъ 2 метра длины и 1 метръ 45 с. въ окружности въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Внутри устроены лѣстницы, ведущія въ голову, пустота которой образуетъ довольно обширную комнату. Въ приподнятой къ верху рукѣ также помѣщается лѣстница, довольно крутая, но все-таки доступная для одного человѣка; лѣстница эта ведетъ къ маячному огню. Вся статуя состоитъ изъ выбивныхъ толщиною въ 2½ мил. мѣдныхъ плитъ, соединенныхъ заклепами. Статуя отправляется въ Нью-Іоркъ въ 300 кускахъ, но каждый изъ нихъ состоитъ еще изъ нѣсколькихъ частей. Общій вѣсъ статуи 200,000 кил. Постановкою статуи будутъ заняты въ теченіи 15 мѣсяцевъ 40 рабочихъ. Сооруженіе ея обойдется приблизительно въ два милліона. Сумма эта была собрана по подпискѣ во Франціи и Америкѣ. Въ художественномъ отношеніи произведеніе это не имѣетъ высокаго значенія, но пропорціи соблюдены добросовѣстно. Во всякомъ случаѣ, на извѣстномъ разстояніи этотъ новый родосскій колоссъ будетъ производить сильное впечатлѣніе.

† 14-го іюля въ Казани подполковникъ Александръ Амуратовичъ Туганъ-Мирза-Барановскій, на 37 году. Покойный занималъ видное мѣсто среди нашихъ военныхъ исторіографовъ. Окончивъ курсъ гимназіи, онъ поступилъ на математическій факультетъ Петербургскаго университета, но вскорѣ, узнавъ о смерти отца, убитаго польскими мятежниками въ Варшавѣ, опредѣлился въ Курляндскій уланскій полкъ. По окончаніи возстанія, онъ перешелъ въ Сумскій гусарскій полкъ и поступилъ въ старшій классъ кавалерійскаго училища, которое окончилъ, награжденный почетною саблею. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ переведенъ въ Кирасирскій Его Величества полкъ. Тутъ началась его военно-литературная дѣятельность. Первымъ трудомъ его была брошюра, изданная для солдатъ, объ аванпостной службѣ, разошедшаяся въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Издавъ затѣмъ еще нѣсколько брошюръ и переведя нѣкоторыя военныя сочиненія съ французскаго языка, покойный приступилъ къ составленію исто-

ріи полка, въ рядахъ котораго онъ служилъ. Трудъ этотъ, составившій три большихъ тома, былъ напечатанъ на счетъ государя и появился въ 1872 году, обративъ на себя всеобщее вниманіе. Два года спустя, написавъ для поднесенія императору германскому историческій очеркъ Орденскаго драгунскаго полка, Барановскій приступилъ къ обширному труду, которому посвятилъ всѣ послѣдніе годы жизни: подробной «Исторіи развитія вооруженныхъ силъ Россіи». Первые годы труда пошли на собираніе матеріалолъ. Въ то же время онъ занялся археологіей, изучая древнюю Россію; послѣ открытія въ Петербургѣ археологическаго института, поступилъ въ число его слушателей и, два года спустя, блестяще окончилъ курсъ. Исторія русской арміи доведена покойнымъ почти до царствованія Екатерины II, что должно составить пять большихъ томовъ. Неожиданная смерть прервала этотъ обширный трудъ.

† 22-го іюля въ Баденъ-Баденѣ предсѣдатель департамента государственной экономіи государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ. Дѣятельность Баранова имѣетъ такія неоспоримыя достоинства, его личныя, прекрасныя качества доставили ему такую почтенную популярность, что кончина его возбудила всеобщее сожалѣніе. Графъ по происхожденію дворянинъ Эстляндской губерніи, родился въ 1811 г. и получилъ образованіе въ пансіонѣ Царскосельскаго лицея. Онъ поступилъ въ 1829 г. юнкеромъ въ Измайловскій полкъ, а въ 1838 получилъ уже званіе флигель-адъютанта и въ 1850 г. въ чинѣ генералъ-маіора, Барановъ назначенъ начальникомъ штаба 1-го армейскаго пѣхотнаго корпуса; въ 1852 г. командиромъ Преображенскаго полка. Съ 1855 г. состоялъ начальникомъ штаба гвардейскихъ войскъ, съ 1863 г. главнымъ начальникомъ Остзейскаго края. Съ 1881 г. Барановъ занималъ отвѣтственный постъ предсѣдателя департамента государственной экономіи и служилъ образцомъ замѣчательнаго трудолюбія и энергіи, работая одновременно въ нѣсколькихъ коммисіяхъ. Такъ, между прочимъ, онъ состоялъ предсѣдателемъ особой высшей коммисіи по сокращенію государственныхъ расходовъ. Это былъ человѣкъ не только высокочестный и всецѣло преданный дѣлу общаго блага, но неспособный присущія ему гражданскія доблести поставить себѣ въ какую-либо заслугу. Съ 1863 года, со времени назначенія графа Баранова членомъ государственнаго совѣта, начинается та неутомимая, настойчивая, исполненная энергіи работа, которая очертила личность графа, какъ выдающагося государственнаго дѣятеля. Особыя заслуги проявилъ онъ по званію предсѣдателя высшей коммисіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Коммисія эта, учрежденная въ 1876 г., отмѣтила свое 8-ми лѣтнее существованіе массою серьезнаго труда, завершеннаго составленіемъ новаго проекта желѣзнодорожнаго закона, уже внесеннаго въ государственный совѣтъ.

† 20-го іюня извѣстный историкъ Іоганъ-Густавъ Дройзенъ. Онъ родился въ 1808 г. въ Трентовѣ, въ Помераніи. Окончивъ университетскій курсъ въ Берлинѣ, Дройзенъ сначала былъ учителемъ въ одной изъ тамошнихъ гимназій, потомъ приват-доцентомъ и профессоромъ. Переведенный въ 1840 г. въ Киль, онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ агитаціи, направленной къ возсоединенію Гольштиніи и Шлезвига съ Германіей, причемъ обратила особенное вниманіе его «Исторія датской нолитики». Избранный послѣ революціи 1848 г. во франкфуртскій парламентъ, Дройзенъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же направленіи. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ читалъ лекціи исторіи въ іенскомъ университетѣ, а въ 1859 былъ приглашенъ въ Берлинъ. Многочисленныя произведенія Дройзена отличаются чрезвычайною многосторонностью, силою и красотою языка. Прежде всего онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ переводчикъ Эсхила и Аристофана, также «Исторіей Александра Македонскаго», «Исторіей эллинизма» и многими изслѣдованіями въ области греческой исторіи. Затѣмъ явились въ свѣтъ «Лекціи

по исторіи войнъ за освобожденіе» и «Жизнеописаніе фельдмаршала графа Іорка Вартенбургскаго», прекрасная біографія, считающаяся однимъ изъ перловъ нѣмецкой исторической литературы. Изъ числа его критическихъ изслѣдованій заслуживаетъ вниманія: «Битва подъ Варшавою въ 1654 году», «О Пруссіи и системѣ великихъ державъ», «Карлъ-Августъ и германская политика». Но самый капитальный трудъ Дройзена — многотомная «Исторія прусской политики», написанная на основаніи матеріала, хранившагося въ архивахъ, излагающая исторію роста Пруссіи и ея отношеній къ Германіи въ томъ направленіи, которое завершилось возстановленіемъ германской имперіи.

По поводу гравюры „Екатерина II, во главѣ войскъ 29 іюня 1762 года".

Вниманіе, оказанное публикой изданной А. С. Суворинымъ «Иллюстрированной исторіи Петра Великаго», побудило его предпринять изданіе по тому же плану «Иллюстрированной исторіи Екатерины II», которая будетъ заключать въ себѣ до 300 гравюръ, воспроизведенныхъ, преимущественно, съ подлинниковъ екатерининскаго времени. Большая часть этихъ гравюръ уже изготовлена и въ настоящее время приступлено къ печатанію текста, составленнаго профессоромъ А. Г. Брикнеромъ, такъ что «Иллюстрированная исторія Екатерины II» начнетъ выходить безостановочно выпусками съ ноября мѣсяца. Мы позволимъ себѣ воспользоваться для «Историческаго Вѣстника» нѣсколькими гравюрами изъ этого роскошнаго изданія и на первый разъ прилагаемъ портретъ Екатерины II, изображающій императрицу въ ту минуту, когда она, во главѣ гвардіи, выступила, 29 іюня 1762 года, въ Петергофъ для низложенія Петра III. Портретъ этотъ гравированъ въ Парижѣ извѣстнымъ Панемакеромъ по рисунку художника Левченко, сдѣланному съ масляной картины, находящейся въ Эрмитажѣ.

Саванарола повиновался нѣкоторое время, но не могъ долѣе устоять противъ своего призванія. Въ праздникъ Рождества Христова онъ служилъ обѣдню въ церкви Санъ Марко, пріобщился съ своими монахами и значительнымъ числомъ приверженцевъ и во главѣ торжественной процессіи обошелъ церковь. Послѣ этого онъ объявилъ во всеуслышаніе, ссылаясь на авторитетъ папы Пелагія, что неправильное отлученіе отъ церкви не дѣйствительно, и что тотъ, противъ кого оно направлено, не нуждается въ оправданіи. Въ заключеніе онъ добавилъ, что наитіе свыше побуждаетъ его ослушаться недостойнаго судилища.

На слѣдующій день онъ появился въ соборѣ и началъ свою проповѣдь при большемъ стеченіи народа, нежели когда либо.

— Истинно говорю вамъ, сказалъ онъ громкимъ голосомъ,—что тотъ, кто признаетъ законность этого отлученія отъ церкви и находитъ, что я не имѣю права проповѣдывать передъ народомъ, долженъ считаться еретикомъ и достоинъ церковнаго проклятія! На чьей сторонѣ истина? На нашей, хотя мы отлучены отъ церкви, а не на сторонѣ тѣхъ, которые предаются пьянству, обжорству, скупости, сластолюбію, лжи и всѣмъ порокамъ. Христосъ сказалъ: «Поклоняющіеся Богу должны поклоняться въ духѣ и истинѣ»... Поэтому Господь стоитъ среди насъ, преданныхъ проклятію, а съ тѣми, которыхъ благословляетъ папа, пребываетъ дьяволъ. Мое ученіе согласно съ св. писаніемъ, кто не хочетъ принять его, тотъ жаждетъ, чтобы наступило царство зла...

Борьба принимала все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ. Флорентинскій архіепископъ обратился съ особымъ возваніемъ къ народу. Въ этомъ воззваніи говорилось, что отлученіе отъ церкви будетъ распространено на всѣхъ тѣхъ, которые будутъ слушать проповѣди Саванаролы, и что они не получатъ ни разрѣшенія грѣховъ, ни св. причастія, ихъ тѣла не будутъ лежать въ освященной землѣ. Но «Signoria», которая все еще милостиво относилась къ Саванаролѣ, приказала немедленно архіепископу выѣхать изъ города.

Въ продолженіе слѣдущихъ недѣль Саванарола проповѣдывалъ съ той же неустрашимостью и съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Когда наступилъ карнавалъ, онъ опять собралъ значительное число дѣтей, которые ходили по городу изъ дома въ домъ и отбирали нечестивыя книги и картины, игорныя карты, кости, лютни, мандолины и другіе музыкальные инструменты, накладные волосы, румяна, духи и пр. Всѣ эти вещи были сложены на площади въ большой костеръ, по примѣру прошлогодней церемоніи, и преданы пламени среди пѣнія псалмовъ и духовныхъ пѣсенъ.

Вліяніе Саванаролы на флорентинцевъ проявилось въ послѣдній разъ, во время этого своеобразнаго торжества, введеннаго по его инициативѣ. Живописецъ Бартоломео и Лоренцо Креди сами принесли ему модели, снятыя ими съ полныхъ людей, и сложили

ихъ на костеръ. Но противники мрачнаго міровоззрѣнія Саванаролы, съ плохо скрытымъ негодованіемъ, смотрѣли на ряды поющихъ дѣтей, монаховъ и женщинъ. При этомъ замѣтно было по общему настроенію зрителей, что число приверженцевъ Саванаролы сильно уменьшилось и что къ нему уже не относятся съ такимъ уваженіемъ, какъ прежде.

Но чѣмъ долѣе удерживалось значеніе Саванаролы, тѣмъ больше увеличивалось недовольство и гнѣвъ папы, поджигаемый приверженцами Медичисовъ, которые были убѣждены, что Пьетро давно былъ бы властелиномъ Флоренціи, если бы настоятель доминиканскаго монастыря не возбуждалъ противъ него жителей. Папа издалъ новую буллу, по которой флорентинская «Signoria» должна была строжайшимъ образомъ запретить проповѣди Саванаролѣ, потому что въ противномъ случаѣ республика подвергнется отлученію отъ церкви и папская армія принудитъ ее къ выполненію требованія его святѣйшества. Кромѣ того все имущество флорентинскихъ купцовъ будетъ вывезено изъ города.

Флорентинскія власти были поставлены въ большое затрудненіе; но такъ какъ дружба папы была нужна республикѣ, то Саванаролѣ послано было требуемое запрещеніе. Онъ торжественно простился съ своей паствой и вмѣсто себя назначилъ проповѣдниками двухъ доминиканскихъ монаховъ: Маруффи и Доменико изъ Пескіа, которые были ревностнѣйшими приверженцами его ученія.

Вскорѣ послѣ того, францисканскій монахъ Публіо говорилъ въ церкви Santa Croce противъ Саванаролы и торжественно объявилъ, что настоятель Санъ Марко обѣщалъ подтвердить свое лжеученіе чудомъ. По его словамъ, Саванарола предложилъ одному изъ францисканцевъ сойти вмѣстѣ съ нимъ въ церковный склепъ, гдѣ находились гроба; и если который нибудь изъ нихъ воскреситъ мертваго, то это будетъ служить доказательствомъ правоты его ученія.

— Что касается меня лично, продолжалъ Публіо, то я не признаю себя безгрѣшнымъ и не могу разсчитывать на подобное чудо! Поэтому я предлагаю моему противнику Божій судъ въ видѣ испытанія огнемъ. Я знаю, что это приведетъ меня къ гибели; но христіанская любовь научаетъ меня не щадить жизни, если я могу избавить церковь отъ еретика, который уже предалъ столько душъ на вѣчную муку и будетъ дѣлать это и впредь...

Странное предложеніе францисканскаго монаха было передано Саванаролѣ; но онъ не рѣшился принять его изъ боязни, что подъ этимъ скрывается хитрость его враговъ. Тогда одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцовъ настоятеля Санъ-Марко, монахъ Доменико изъ Пескіа, изъявилъ готовность подвергнуться вмѣсто него испытанію огнемъ, такъ какъ не сомнѣвался, что Господь ниспошлетъ чудо, чтобы спасти его.

Съ этого момента жители Флоренціи съ особеннымъ напряже-

ніемъ ожидали дня, когда произойдетъ испытаніе, и Божій судъ докажетъ правоту дѣла представителей новыхъ реформъ или навсегда уронитъ его. Противники Саванаролы были убѣждены, что торжество останется на сторонѣ римской церкви и что еретикъ погибнетъ въ пламени. Толпа жаждала увидѣть необычайное зрѣлище, при которомъ фанатики должны были подвергнуться неминуемой опасности въ ожиданіи непосредственнаго вмѣшательства божественной воли.

Флорентинскія власти съ радостью воспользовались случаемъ, чтобы разрѣшить распрю между римской церковью и реформаторомъ и выйти изъ непріятнаго положенія. Папа Александръ, съ своей стороны, писалъ францисканцамъ во Флоренцію, что благодаритъ ихъ за усердіе, съ которымъ они готовы рисковать жизнью для поддержанія авторитета церкви, и что этотъ подвигъ никогда не изгладится изъ памяти людей.

Между тѣмъ Публіо объявилъ, что онъ готовъ подвергнуться испытанію не иначе, какъ съ Саванаролой, и что онъ пойдетъ на вѣрную смерть только тогда, когда великій еретикъ также рѣшится идти на гибель. Вслѣдъ затѣмъ, два францисканскіе монаха выразили желаніе подвергнуться испытанію съ Доменико; хотя одинъ изъ нихъ тотчасъ-же отказался отъ своего заявленія, но другой, Андреа Рондинелли остался при своемъ рѣшеніи. Многіе изъ приверженцевъ настоятеля Санъ-Марко въ свою очередь изъявили готовность выдержать испытаніе, вмѣсто него. Въ числѣ ихъ были доминиканцы изъ Тосканы и нѣсколько священниковъ, даже женщины и дѣти просили дозволенія пожертвовать собою для Саванаролы или, по крайней мѣрѣ, послѣдовать за нимъ на костеръ, чтобы удостоиться Божьей милости, на которую онѣ вполнѣ разсчитывали.

Но «Signoria» отвергла всѣ эти предложенія и постановила, чтобы съ одной стороны подвергся испытанію монахъ Доменико Буонвичини изъ Пескія, а съ другой — францисканецъ Андреа Рондинелли.

Кромѣ того, выбраны были десять горожанъ, по пяти изъ каждой партіи, въ качествѣ экспертовъ; затѣмъ назначенъ былъ день для Божьяго суда, который долженъ былъ произойти на большой площади, передъ палаццо «Signoria». Волненіе возрастало съ каждымъ днемъ, и не только жители Флоренціи, но и ближайшихъ мѣстностей находились въ лихорадочномъ ожиданіи.

Наискось отъ площади воздвигнутъ былъ костеръ въ 2 метра высоты, 3 ширины и около 6 метровъ длины, покрытый сверху землей и кусками дерна, чтобы уменьшить силу огня, костеръ былъ сложенъ изъ дровъ, хвороста и легко воспламеняемыхъ веществъ. Вдоль костра оставленъ былъ проходъ, такъ что съ обѣихъ сторонъ болѣе чѣмъ на метръ видны были сложенные дрова и хворостъ, не прикрытые дерномъ.

Входъ въ средину костра былъ устроенъ изъ знаменитой Loggia dei Lanzi, великолѣпнаго портика съ стройными колонами, который былъ раздѣленъ рѣшеткой на двѣ половины: одна изъ нихъ отведена францисканцу, другая доминиканскому монаху.

Оба противника должны были выступить одновременно изъ Loggia и пройти сквозь пылающій костеръ во всю длину его.

Въ назначенный день, съ ранняго утра, безчисленная толпа двинулась по городскимъ улицамъ, увеличенная нѣсколькими тысячами иностранцевъ. Многіе изъ нихъ прибыли во Флоренцію, съ единственной цѣлью увидѣть своеобразное зрѣлище, которое должно было рѣшить участь знаменитаго проповѣдника. Такимъ образомъ, за шесть часовъ до начала церемоніи, вся площадь, окна и даже крыши домовъ, были наполнены зрителями, такъ какъ сюда собрались не только жители цѣлаго города, но народъ изъ окрестностей на далекомъ разстояніи.

Наконецъ, наступилъ давно ожидаемый моментъ. Францисканцы пришли въ простомъ платьѣ, безъ всякаго парада, между тѣмъ какъ Саванарола торжественно явился въ полномъ церковномъ облаченіи, въ которомъ служилъ обѣдню; въ рукахъ его были св. Дары. За нимъ слѣдовала толпа гражданъ, которые несли связки зажженнаго хвороста.

Саванорола формулировалъ слѣдующимъ образомъ свои тезисы, подтвержденіе которыхъ зависѣло отъ предстоящаго испытанія:

Церковь требуетъ преобразованій и обновленія.

Церковь подвергнется карѣ Божьей, прежде чѣмъ она будетъ преобразована.

Затѣмъ послѣдуетъ обращеніе невѣрующихъ.

Флоренцію постигнетъ наказаніе, послѣ чего она будетъ процвѣтать, какъ въ былыя времена.

Постановленное отлученіе отъ церкви не дѣйствительно; и тотъ, кто не признаетъ его, не совершаетъ грѣха.

Послѣдній тезисъ былъ самый важный, такъ какъ въ немъ заключалось прямое сопротивленіе папской власти.

Почти всѣ выходы на площадь были закрыты, а у двухъ главныхъ улицъ, которыя оставались открытыми, поставлена была многочисленная стража. Та часть Loggia, которую отвели доминиканцамъ, была украшена на подобіе капеллы, и въ ней въ продолженіе четырехъ часовъ слышалось пѣніе духовныхъ гимновъ.

Между тѣмъ, испытаніе замѣдлилось, вслѣдствіе всевозможныхъ затрудненій со стороны францисканцевъ. Кто знаетъ, говорили они, быть можетъ, настоятель Санъ Марко колдунъ, и монахъ, который долженъ замѣнить его, носить на себѣ талисманъ, который защититъ его отъ огня. Вслѣдствіе этого они потребовали, чтобы онъ снялъ съ себя платье и послѣ тщательнаго осмотра надѣлъ другое.

Послѣ долгихъ переговоровъ Доменико Буонвичини подчинился этому унизительному условію. Тогда Саванорола передалъ ему св. Дары, которые должны были охранить его отъ огня.

Францисканцы возражали, что онъ совершаетъ богохульство, подвергая опасности св. Дары, такъ какъ они могутъ сгорѣть, и что это событіе поколеблетъ вѣру народа въ таинство причащенія. Но Саванорола остался непоколебимъ и отвѣтилъ, что только отъ этой святыни Доменико можетъ ожидать спасенія.

Споръ монаховъ по этому поводу продолжался нѣсколько часовъ сряду. Въ это время народъ, который съ утра собрался на улицахъ и даже на крышахъ домовъ, чтобы насладиться невиданнымъ зрѣлищемъ, сталъ осущать голодъ и жажду и, наконецъ, потерялъ терпѣніе.

Хотя францисканцы очевидно выискивали всевозможные предлоги, чтобы избѣгнуть Божьяго суда; но тѣмъ не менѣе приверженцы Саваноролы находили, что если онъ дѣйствительно убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, то ему слѣдовало быть податливѣе на требованія его противниковъ.

Толпа не узнала, какіе доводы представляли обѣ партіи; она видѣла только передъ собой приготовленный костеръ и съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидала, когда его зажгутъ. Между тѣмъ оба противника видимо уклонялись отъ необходимости пройти черезъ него; и хотя ихъ колебаніе было вполнѣ понятно, но тѣмъ не менѣе зрители подняли ихъ на смѣхъ. Но вскорѣ шутки и остроты уступили мѣсто гнѣву, когда толпа, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, вообразила, что надъ нею издѣваются. Такимъ образомъ Саванарола въ этотъ злополучный день потерялъ все свое прежнее обаяніе въ глазахъ флорентинцевъ, которые теперь ничего не чувствовали къ нему, кромѣ негодованія и презрѣнія. Они явились сюда въ надеждѣ, что дѣло, къ которому воодушевлялъ ихъ настоятель Санъ Марко, окончательно восторжествуетъ, и заранѣе готовились отпраздновать побѣду. Но вмѣсто этого имъ приходилось удалиться ни съ чѣмъ, въ печальномъ и подавленномъ состояніи духа.

Наконецъ, наступили вечернія сумерки, а обѣ партіи все еще не могли прійти ни къ какому соглашенію; начался неожиданно проливной дождь, который промочилъ насквозь костеръ и зрителей, такъ что «Signoria» увидѣла себя вынужденной распустить собраніе.

Саванарола, по возвращеніи въ монастырь, вошелъ на каѳедру, чтобы объяснить сопровождавшей его толпѣ весь ходъ дѣла. Но теперь ничто не могло возстановить его прежняго значенія. Уже по дорогѣ къ монастырю ему пришлось услышать самые оскорбительные упреки. Толпа громко выражала свое неудовольствіе, что ее лишили ожидаемаго зрѣлища; многіе были убѣждены, что Саванарола вызвалъ неожиданный дождь съ помощью колдовства.

Неустрашимый реформаторъ долженъ былъ вынести тяжелую борьбу. Хотя его убѣжденія были тверже, нежели когда либо, но онъ уже не чувствовалъ прежней увѣренности. У него не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что если ему суждено восторжествовать надъ своими врагами, то развѣ только цѣною мученичества и въ видѣ пассивной жертвы. Тѣмъ не менѣе, онъ безропотно покорился волѣ Провидѣнія и рѣшился терпѣливо выносить всѣ страданія. Ему пришлось также не разъ видѣть слезы матери и выслушивать ея жалобы, и это была едва ли не самая тяжелая жертва, принесенная имъ за свои убѣжденія.

Въ день Вознесенія, Саванарола говорилъ проповѣдь въ церкви Санъ-Марко. Это была какъ бы его прощальная рѣчь, въ ней выразилась глубокая печаль его наболѣвшаго сердца, вмѣстѣ съ неизмѣнной покорностью Провидѣнію. Онъ зналъ, что его враги успѣли воспользоваться неудавшимся испытаніемъ. Развращенное флорентинское юношество примкнуло къ принципіальнымъ противникамъ его ученія, чтобы обвинить его въ лицемѣріи и убѣдить публику, чтобы она не давала себя дурачить лжепророку, который въ минуту опасности отступилъ передъ испытаніемъ, устроеннымъ по его инціативѣ.

Волненіе между городскими жителями возрастало со дня на день. Противники Саванаролы могли смѣло разсчитывать на успѣхъ; они соединились и направились къ монастырю съ крикомъ: «Къ оружію! Идемъ въ Санъ-Марко!»

Мало-по-малу, вокругъ нихъ собралась многочисленная толпа, которую они повели за собой въ монастырь. Церковь Санъ-Марко была переполнена молящимися, такъ какъ въ это время совершалось богослуженіе. Всѣ они были почти безъ оружія, между тѣмъ какъ нахлынувшая масса напала на монастырь съ мечами, копьями и въ полномъ вооруженіи. Приверженцы Саванаролы защищали церковь. Мать и сестру его, въ числѣ другихъ женщинъ, спрятали въ ризницу. Монахи столпились около алтаря и окружили своего настоятеля; между ними были: Доменико Буонвичини, Сильвестро Маруффи и молодой Донато Руффоли. Они выступили впередъ въ надеждѣ покончить дѣло миролюбивымъ образомъ и оградить церковь отъ оскверненія; но вооруженная толпа съ яростью напала на нихъ.

Въ этотъ моментъ, живописецъ Бартоломео, бывшій въ церкви, далъ торжественный обѣтъ поступить въ монастырь въ случаѣ благополучнаго исхода борьбы. Марко Аврелій былъ въ числѣ монаховъ, защищавшихъ настоятеля цѣной своей жизни.

Донато Руффоли былъ неустрашимѣе всѣхъ своихъ товарищей и подвергся наибольшей опасности. Смертельно раненый копьемъ, онъ шатаясь добрался до алтаря, у котораго стоялъ Саванарола съ нѣсколькими монахами. Донато упалъ къ ногамъ своего учителя;

этотъ благословилъ его со слезами на глазахъ, положивъ ему руку на голову. Послѣднія слова, которыя вырвались изъ устъ умирающаго юноши были:

— Благодарю тебя Господи, что ты избралъ меня жертвой за правду!

Между тѣмъ, осаждающіе выломили всѣ двери и уже раскладывали огонь, чтобы поджечь монастырь, но монахи, видя, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, рѣшились вступить въ переговоры съ непріятелемъ.

Разъяренная толпа не слушала никакихъ убѣжденій и требовала съ кромкими криками выдачи Джироламо Саванаролы и его двухъ приверженцевъ: Доменико Буонвичини и Сильвестро Маруффи, чтобы немедленно отвести ихъ въ тюрьму. Джироламо изъявилъ готовность идти въ заключеніе, только просилъ дать ему время проститься съ монахами, и, получивъ согласіе, отправился съ ними въ библіотеку.

Саванарола не могъ сомнѣваться, что его ожидаетъ мученическая смерть; но онъ спокойно стоялъ среди доминиканцевъ Санъ-Марко, которые лучше, чѣмъ кто нибудь, могли знать безпорочность его жизни и чистоту намѣреній. Хотя нѣкоторые изъ нихъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе склонялись на сторону его противниковъ, но въ эту минуту чувство глубокаго уваженія къ настоятелю соединило всѣхъ. Они столпились около него, становились передъ нимъ на колѣни, цѣловали руки и одежду его и просили благословенія. Съ рыданіемъ выслушали они его послѣднія слова, которыми онъ убѣждалъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ быть выносливыми и терпѣливыми, а остальныхъ покориться волѣ Божьей.

Но въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ выйти изъ библіотеки, чтобы предать себя въ руки враговъ, неожиданно произошла раздирающая сцена.

Анна Саванарола съ смертельнымъ страхомъ слѣдила за тѣмъ, что дѣлалось въ церкви, и слышала рѣшеніе своего сына. Не помня себя отъ отчаянія, она бросилась изъ ризницы въ церковь и отсюда въ монастырскую библіотеку, гдѣ съ громкимъ воплемъ упала къ ногамъ Джироламо.

Онъ старался успоить ее кроткими словами, и, приподнявъ ее съ полу, просилъ стоявшаго около него монаха увести ее.

Затѣмъ, въ сопровожденіи монастырской братіи, онъ сошелъ внизъ, чтобы отправиться въ заключеніе вмѣстѣ съ двумя своими вѣрными приверженцами. Анна шла за нимъ, опираясь на Беатриче и своего младшаго сына, Марка Аврелія. Горе несчастной матери не могло тронуть людей, ослѣпленныхъ страстью. Когда противники Саванаролы узнали, что незнакомый монахъ его братъ, то рѣшили взять и Марка Аврелія подъ стражу, между тѣмъ, какъ Анну съ дочерью велѣно было отправить въ монастырь августинокъ.

Было около семи часовъ вечера; Джироламо Саванаролу, вмѣстѣ съ его двумя товарищами и братомъ, повели въ тюрьму среди яростныхъ криковъ народной толпы. Можно было ожидать, что возмущеніе прекратиться съ наступленіемъ ночи; но въ дѣйствительности оказалось, что оно приняло еще бо́льшіе размѣры и распространилось по всему городу, такъ какъ враги Саванаролы хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ для удовлетворенія своей мести. Паллески остались побѣдителями и дома многихъ ревностныхъ піаньони были разграблены. Родственники одного приговореннаго къ смерти, по поводу возмущенія въ пользу Медичисовъ, напали на домъ судьи, который подалъ голосъ за его казнь. Этотъ судья былъ Паоло Кампини, въ домѣ котораго мать и сестра Саванаролы прожили нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ всегда бываетъ во время народныхъ смутъ, личныя страсти примѣшались къ раздору партій. Паоло Кампини палъ жертвой кровавой мести и былъ убитъ сыномъ осужденнаго имъ приверженца Медичисовъ. Всѣ тѣ, которые до послѣдней минуты остались вѣрными Саванаролѣ, должны были вытерпѣть всевозможныя оскорбленія отъ народа, который называлъ ихъ лицемѣрами и грѣшниками, и кричалъ имъ, что они должны радоваться, если переживутъ ночь.

На слѣдующее утро, едва первые солнечные лучи позолотили башни Флоренціи, какъ на дорогѣ, ведущей на возвышенность, по направленію въ Болонью, появились двѣ фигуры. Это была мать Саванаролы, которая медленно шла опираясь на руку своего сына, Марка Аврелія. Его выпустили изъ заключенія подъ условіемъ, что онъ немедленно вернется въ Болонью. Онъ поспѣшилъ въ монастырь августинокъ, чтобы проститься съ матерью и сестрой. Беатриче холодно разсталась съ нимъ и объявила ему о своемъ рѣшеніи остаться у августинокъ; но мать стала умолять его взять ее съ собой, такъ какъ она не въ состояніи была долѣе оставаться во Флоренціи. — Я чувствую, сказала она, что скоро умру, и не хочу кончить мою жизнь въ этомъ городѣ, гдѣ неблагодарный народъ осудилъ на гибель моего сына Джироламо.

Силы ея были надорваны; она знала, что ей не долго остается жить; но ничто не могло разубѣдить ее въ правотѣ Джироламо. Она видѣла въ немъ борца за святое дѣло, кровавую жертву порочныхъ служителей римской церкви, и была увѣрена, что враги ея сына могутъ насильственно лишить его жизни, но не въ состояніи уничтожить благія сѣмена, посѣянныя имъ въ сердцахъ людей.

ГЛАВА XVII.

Чезаре Борджіа.

Въ ТО ВРЕМЯ, какъ во Флоренціи великій проповѣдникъ съ благороднымъ самоотверженіемъ стремился къ благу человѣчества и мужественно приносилъ себя въ жертву смери, въ Римѣ, средоточіи церковной власти, безнаказанно царилъ порокъ и проявлялся во всей своей ужасающей наготѣ. Партія, желавшая гибели Саванаролы, имѣла особенно много представителей при папскомъ дворѣ, въ непосредственной близости человѣка, который называлъ себя намѣстникомъ Бога на землѣ. Александръ VI искренно радовался паденію Саванаролы. Онъ представлялъ полную противоположность съ флорентинскимъ реформаторомъ по своей легкомысленной и сластолюбивой натурѣ. Несмотря на свой умъ, онъ не въ состояніи былъ понять той отвѣтственности, какая лежала на немъ въ силу его высокаго положенія и по прежнему не только находился въ рабскомъ подчиненіи у окружавшихъ его женщинъ, но служилъ слѣпымъ орудіемъ своего порочнаго сына Чезаре. Послѣдній принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые для своихъ себялюбивыхъ цѣлей пользуются всякими средствами, какія имъ попадаются подъ руку.

Чезаре Борджіа, благодаря щедрости своего отца, имѣлъ въ своемъ распоряженіи громадныя денежныя средства. Но такъ какъ при этомъ его энергія и безстыдство возрастали по мѣрѣ того, какъ слабѣлъ папа, то его могущество все болѣе и болѣе увеличивалось. Онъ поставилъ себѣ задачей воспользоваться по возможности благопріятнымъ временемъ, которое должно было кончиться для него со смертью папы. Сообразно своему характеру онъ не вѣрилъ ни истинной дружбѣ, ни родственной привязанности, онъ признавалъ

только ту связь между людьми, которая была основана на общности интересовъ. Онъ находился въ прiятельскихъ отношенiяхъ съ принцами и мелкими владѣтельными князьями Италiи, но зналъ, что эти отношенiя будутъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока его отецъ носилъ папскую тiару. Поэтому въ его характерѣ все болѣе и болѣе развивалась хитрость и предусмотрительность хищнаго звѣря, который, скрытый въ засадѣ, выжидаетъ удобнаго случая, чтобы наброситься на добычу и уничтожить ее. Ему было безразлично, кто погибалъ отъ его руки, такъ какъ онъ видѣлъ въ убiйствѣ только средство, чтобы удовлетворить своей мести и достигнуть господства надъ Италiей.

Внѣшнiй блескъ, великолѣпiе и роскошь составляли отличительные признаки папскаго двора при Александрѣ VI. Самъ папа не былъ склоненъ къ обжорству и пьянству, и даже въ этомъ отношенiи былъ довольно умѣренъ; но его чувственность превосходила всякое вѣроятiе и могла только сравниться съ его тщеславiемъ. Безумная расточительность господствовала въ Ватиканѣ и при мелкихъ дворахъ кардиналовъ, для которыхъ члены фамилiи Борджiя служили примѣромъ. Если съ одной стороны грандiозныя сооруженiя и украшенiе церквей и дворцовъ привлекали знаменитѣйшихъ художниковъ въ Римѣ, то съ другой частная жизнь Александра VI была позоромъ для церкви и папской власти.

Микель Анджело познакомился тогда съ кардиналомъ Жаномъ де-Виллье, который заказалъ ему для капеллы старой церкви Св. Петра статую плачущей Мадонны съ тѣломъ Спасителя на колѣняхъ. Это мастерское произведенiе искусства доставило громкую славу молодому художнику, такъ какъ здѣсь впервые былъ изображенъ христiанскiй сюжетъ съ безъискусственной простотой, свойственной художественнымъ произведенiямъ древняго мiра. Исполненiе частностей въ этой прекрасной группѣ гармонируетъ съ цѣлымъ. Опечаленная мать держитъ на рукахъ мертваго Христа; его обнаженныя ноги свѣсились съ ея лѣваго колѣна; между тѣмъ, какъ безжизненное тѣло всей тяжестью покоится на правомъ колѣнѣ, съ котораго опустилась рука умершаго Спасителя. Мадонна поддерживаетъ тѣло ниже плечъ; она склонилась съ выраженiемъ глубокаго горя къ лицу мертваго сына, голова котораго, съ красивыми спокойными чертами, откинута назадъ. Лѣвая рука Богоматери протянута впередъ съ жестомъ, выражающимъ покорность волѣ Божьей. Немного моложавыя черты Марiи, вмѣстѣ съ выраженiемъ глубокаго душевнаго горя, носятъ отпечатокъ неувядаемой красоты дѣвственной матери. Не смотря на заявленiе Микель Анджело, что онъ съ этой цѣлью намѣренно придалъ моложавость Мадоннѣ, люди, знавшiе образъ мыслей великаго художника, объясняли иначе идею, которую онъ хотѣлъ осуществить въ изображенной имъ группѣ.

Они знали, что Микель Анджело высоко цѣнилъ Саванаролу, и хотя не раздѣлялъ взгляда знаменитаго реформатора на искусство, но настолько любилъ его проповѣди, что нѣкоторыя изъ нихъ постоянно носилъ собою и перечитывалъ въ свободныя минуты. Онъ считалъ гибель Саванаролы незамѣнимой потерей для христіанства, и соотвѣтственно съ этимъ хотѣлъ изобразить въ своей группѣ опечаленную церковь, оплакивающую вторично убитаго Христа.

Дѣйствительно, въ это время въ Римѣ, который долженъ былъ служить исходнымъ пунктомъ христіанства, трудно было найти какіе либо слѣды первоначальнаго ученія Спасителя. Преемникъ св. Петра, облеченный высшимъ духовнымъ саномъ, по своему свѣтскому образу жизни составлялъ предметъ соблазна для всѣхъ вѣрующихъ. Онъ собралъ вокругъ себя родъ гарема и не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы увеличить внѣшнимъ блескомъ и пышностью значеніе своей фамиліи и по возможности обезпечить будущность своихъ дѣтей. Хотя подобный способъ дѣйствій былъ въ духѣ тогдашнихъ властелиновъ Италіи; но папа былъ вдвойнѣ достоинъ осужденія, какъ глава церкви, который долженъ былъ служить примѣромъ для простыхъ смертныхъ.

Мадонна съ тѣломъ Спасителя, Микель Анджело.

Изъ всѣхъ пороковъ, отличавшихъ Александра VI, ложь стояла на первомъ планѣ; онъ пользовался ею при всякомъ удобномъ случаѣ такъ мастерски и съ такой наглостью, что въ этомъ отношеніи никто не могъ сравниться съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, хотя его лицемѣріе было извѣстно всему міру, а равно и распущенность папскаго двора, но жители Рима должны были молча покориться такому порядку вещей.

Однако, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Александръ VI былъ далеко не такъ жестокосердъ, какъ его сынъ Чезаре; ему всегда стоило большаго труда отказать въ просьбѣ красивой женщинѣ или кому либо изъ членовъ своей семьи. Онъ особенно любилъ Лукрецію за добродушіе и кроткій характеръ, между тѣмъ, какъ ея братья нерѣдко возбуждали его неудовольствіе своими непомѣрными притязаніями. Такой моментъ наступилъ вскорѣ послѣ удаленія Лукреціи въ монастырь San Sisto, такъ какъ въ это время Чезаре навлекъ на себя гнѣвъ отца новой выходкой.

Чезаре давно хотѣлъ сложить съ себя кардинальское достоинство и сдѣлаться владѣтельнымъ княземъ. Поэтому, въ одинъ прекрасный день, онъ предложилъ папѣ назначить вмѣсто него кардиналомъ его брата Джоффре и обвѣнчать съ нимъ жену послѣдняго, донну Санчію, съ которой онъ нѣсколько лѣтъ находился въ открытой любовной связи. Это предложеніе настолько возмутило папу, что онъ приказалъ дону Джоффре немедленно выѣхать изъ Рима съ молодой женой и въ то же время отправилъ Чезаре съ порученіемъ въ Казина. При этомъ папа объявилъ въ гнѣвѣ, что не желаетъ долѣе держать при себѣ кого либо изъ своихъ дѣтей или родственниковъ.

Но Александръ VI принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не въ состояніи выполнить подобное намѣреніе, потому что по своему характеру не могъ выносить долгой разлуки съ семьей.

Онъ уже отчасти раскаялся въ своемъ поспѣшномъ рѣшеніи въ тотъ вечеръ, когда въ его комнату неожиданно вошла женщина подъ вуалемъ, бросилась передъ нимъ на колѣни, покрывая слезами и поцѣлуями его руки. Это была Лукреція. Она услышала въ своемъ монастырскомъ уединеніи, что ея отецъ живетъ одинъ въ Ватиканѣ; это подало ей надежду, что онъ, быть можетъ, исполнитъ ея завѣтное желаніе.

Разсчетъ ея оказался вѣрнымъ, потому что Александръ при встрѣчѣ съ ней былъ болѣе тронутъ, нежели разгнѣванъ. Онъ всталъ съ кресла и обнялъ свою дочь съ отеческой нѣжностью; при этомъ Лукреція робко объявила ему, что только тогда рѣшилась прійти къ нему, когда узнала объ его одиночествѣ. Затѣмъ онъ ласково взялъ ее за обѣ руки, и, посадивъ рядомъ съ собой, спросилъ: согласна ли она исполнить его волю относительно развода съ мужемъ?

Лукреція отвѣтила, что не только пребываніе въ монастырѣ, но никакія молитвы, истязанія и посты не могутъ уничтожить ея привязанности къ Джьованни Пезаро, и что она скорѣе готова умереть, нежели выйти замужъ за кого либо другаго

Голосъ ея задрожалъ при послѣднинъ словахъ, потому что она искренно любила Джьованни и монастырское уединеніе еще болѣе усилило эту привязанность. Но у ней не достало смѣлости сказать отцу, что при мужѣ она не чувствовала своего двухсмысленнаго общественнаго положенія. Во время непродолжительнаго супружества она беззаботно наслаждалась жизнью, благодаря своему веселому характеру, и только непріязнь Чезаре Борджіа къ Джьованни отчасти нарушала ея счастіе.

Папа находился въ довольно затруднительномъ положеніи, потому что уже назначилъ коммиссію подъ предсѣдательствомъ двухъ кардиналовъ, которая должна была заняться разводомъ и найти для этого достаточные поводы. Графъ Джьованни обратился къ

своему родственнику, Лодовико Моро, и умолялъ его о помощи; но миланскій герцогъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, такъ какъ не хотѣлъ идти наперекоръ планамъ Чезаре Борджіа, который внушалъ общій страхъ.

Просьба Лукреціи заставила Александра поколебаться въ своей рѣшимости. Одну минуту онъ разсердился на дочь, грозилъ, что отошлетъ ее въ Испанію къ своимъ родственникамъ, которые жили въ Валенсіи; но это была не болѣе какъ мимолетная вспышка гнѣва. Въ слѣдующую минуту онъ думалъ только о томъ, чтобы утѣшить плачущую молодую женщину, и обѣщалъ подумать объ ея просьбѣ; но при этомъ взялъ съ нея слово, что она пробудетъ еще восемь дней въ монастырѣ San Sisto.

Лукреція съ благодарностью поцѣловала руку папы и обѣщала исполнить все, что онъ требуетъ отъ нея. Затѣмъ она заговорила о своей пріятельницѣ, Джуліи Фарнезе, о воспитательницѣ Адріанѣ и своей матери Ваноццѣ, такъ что ея веселая, задушевная болтовня мало по малу вызвала въ фантазіи престарѣлаго папы воспоминанія о многихъ счастливыхъ часахъ. Онъ началъ придумывать, какимъ образомъ исполнить желаніе Лукреціи и снова доставить себѣ нѣкоторыя развлеченія.

Лукреція вернулась въ монастырь еще на восемь дней, но не съ тѣмъ, чтобы провести ихъ въ уединеніи и тихомъ созерцаніи, согласно обѣщанію, данному папѣ. Она хотѣла воспользоваться этимъ временемъ для личнаго свиданія съ своимъ мужемъ. Ей удалось безъ особеннаго труда заручиться дозволеніемъ настоятельницы San Sisto, чтобы посѣтить папу въ Ватиканѣ; поэтому на этотъ разъ она знала, какъ приступить къ дѣлу, чтобы добиться всего, что ей было нужно для путешествія въ Пезаро.

Само собой разумѣется, что Лукреція не могла открыто явиться въ Пезаро, какъ супруга Джьованни Сфорца, и должна была устроить свое свиданіе съ мужемъ такимъ образомъ, чтобы никто не подозрѣвалъ ея пріѣзда. Поэтому она отправила впередъ слугу, который нанялъ ей помѣщеніе въ одной изъ виллъ по близости Пезаро, и остановилась здѣсь съ своей свитой. Но такъ какъ самъ хозяинъ занималъ часть виллы, то необходимо было пріискать для свиданія болѣе безопасное мѣсто.

Лукреція вспомнила о старой колдуньѣ, предсказаніе которой произвело на нее такое сильное впечатлѣніе, и рѣшилась воспользоваться ею въ данномъ случаѣ.

Старуха по обыкновенію сидѣла у развалинъ древняго храма, гдѣ находилось ея таинственное жилище, когда къ ней подошла молодая женщина подъ густымъ вуалемъ въ сопровожденіи слуги и подала ей письмо для передачи графу Джьованни Сфорца. Старуха, вмѣсто отвѣта, потребовала, чтобы посѣтительница подняла густой вуаль, покрывавшій ея лицо. Лукреція, послѣ нѣкотораго

колебанія, покорилась этому требованію. Въ памяти колдуньи тотчасъ же воскресло прошлое. Тогда уже знатные посѣтители показались ей подозрительными; но теперь она сразу поняла все, тѣмъ болѣе, что слухи о насильственной разлукѣ графа Пезаро съ женой проникли въ ея уединенное убѣжище. Страсть къ интригѣ, свойственная многимъ пожилымъ женщинамъ, заговорила въ ней; и такъ какъ она получила отъ молодой синьоры больше денегъ, нежели имѣла когда либо въ рукахъ, то съ величайшею готовностью взялась выполнить возложенное на нее порученіе.

Она осторожно прокралась въ замокъ и, передавъ по назначенію письмо Лукреціи, вернулась съ отвѣтомъ, что графъ явится черезъ нѣсколько минутъ. Затѣмъ она дождалась прихода правителя Пезаро и, оставивъ вдвоемъ обоихъ супруговъ, сѣла у входа, чтобы сторожить ихъ.

Свиданіе Лукреціи и графа Джьованни было самое нѣжное и восторженное. Они искренно любили другъ друга, и хотя имъ не разъ приходилось разставаться прежде, но что значили эти разлуки на опредѣленный срокъ, при постоянномъ обмѣнѣ писемъ, сравнительно съ тѣмъ, что имъ пришлось испытать въ послѣднее время! Ихъ разлучили насильственно, заставили прервать всякія сношенія, лишили надежды увидѣться когда либо!

А теперь они не только встрѣтились снова, но Лукреція говорила съ увѣренностью о возможности ихъ скораго соединенія. Она хотѣла просить папу, чтобы онъ отправилъ ее съ мужемъ въ какую нибудь отдаленную страну, гдѣ бы ничто не нарушало ихъ счастья и Джьованни могъ продолжать свою военную карьеру. Хотя среда, въ которой выросла Лукреція, менѣе всего могла развить въ ней сантиментальность, но подъ вліяніемъ любви, она искренно мечтала о томъ, чтобы найти гдѣ нибудь, вдали отъ Рима, мирный уголокъ, гдѣ бы она могла вполнѣ предаться своей привязанности.

Графъ Джьованни въ эту минуту также вѣрилъ въ возможность подобнаго исхода. Хотя все зависѣло отъ папы и менѣе всего можно было полагаться на его обѣщанія, но Лукреція разсчитывала на его отеческую привязанность къ ней и не сомнѣвалась въ исполненіи своихъ желаній.

Трудно передать словами, съ какимъ горемъ, увѣреніями, безконечными поцѣлуями и объятіями простились оба супруга. Лукреція, заливаясь слезами, вышла изъ развалинъ храма вмѣстѣ съ Джьованни, чтобы сѣсть на лошадь, которая должна была довезти ее до виллы, гдѣ она оставила свою свиту.

Самый фактъ, что формально обвѣнчанные супруги могли только украдкой и съ опасностью жизни видѣться другъ съ другомъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ испорченности нравовъ при папскомъ дворѣ. Не смотря на ихъ взаимную любовь, на то, что раз-

водъ безъ основательныхъ поводовъ строго запрещенъ католической церковью, папа рѣшилъ признать бракъ недѣйствительнымъ въ угоду своему порочному сыну и для удовлетворенія его ненасытнаго честолюбія.

Старая колдунья ожидала обоихъ супруговъ у входа въ развалины и привѣтливо улыбалась имъ. Чтобы загладить свое прежнее предсказаніе, напугавшее Лукрецію, и получить щедрое вознагражденіе, она сдѣлала видъ, что не узнаетъ своихъ прежнихъ посѣтителей, и просила показать ладони ихъ рукъ, если они желаютъ узнать свою будущность.

Сивилла, получивъ согласіе, сначала внимательно осмотрѣла руку Лукреціи, затѣмъ графа Джьованни, и сказала торжественнымъ тономъ:

— Я вижу одно, что рука синьоры принесетъ благополучіе и счастье знатному рыцарю, такъ же какъ и синьорѣ. Небо благословляетъ вашъ путь, а послѣ сегодняшней встрѣчи все пойдетъ къ лучшему...

Лукреція съ неудовольствіемъ взглянула на морщинистое лицо старой колдуньи и, подаривъ ей нѣсколько золотыхъ, вышла на дорогу, гдѣ ее ожидалъ слуга съ верховыми лошадьми. Джьованни еще разъ нѣжно простился съ женой и, усадивъ ее на сѣдло, вскочилъ на своего коня. Колдунья задумчиво смотрѣла на стройныя фигуры молодыхъ супруговъ, которые направились въ разныя стороны и не могли оторвать глазъ другъ отъ друга. Затѣмъ она махнула рукой и пробормотала вполголоса:—Ну, какое дѣло намъ, бѣднымъ людямъ, до судьбы этихъ знатныхъ господъ! Линіи его руки указываютъ на близкую смерть. Онъ долженъ принять мѣры... Впрочемъ, кто знаетъ, принесло ли бы мое предостереженіе какую нибудь пользу...

Лукреціи удалось благополучно вернуться въ монастырь, гдѣ она должна была ожидать рѣшенія папы. Къ счастью она пріѣхала во время, потому что уже на пятый день Александръ послалъ за дочерью. Онъ обдумалъ дѣло и пришелъ къ заключенію, что ему несравненно пріятнѣе имѣть при себѣ Лукрецію съ мужемъ, нежели быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ мрачнаго Чезаре. Кромѣ того присутствіе Лукреціи до извѣстной степени служило ему благовиднымъ предлогомъ для частыхъ сношеній съ тремя женщинами, безъ которыхъ онъ не могъ существовать.

Александръ, съ свойственнымъ ему лицемѣріемъ, объявилъ дочери, что не хочетъ идти противъ ея желаній и поэтому вызоветъ графа Джьованни въ Римъ, чтобы дать ему постоянную должность при папскомъ дворѣ.

Во всякомъ случаѣ это было не то, чего желала Лукреція, и она не была увѣрена: рѣшится ли Джьованни вернуться въ Римъ на такихъ условіяхъ. Но изъ боязни раздражить папу, она не стала

противорѣчить ему и, сдѣлавъ видъ, что очень обрадована его предложеніемъ, ничѣмъ не выразила своихъ сомнѣній относительно согласія мужа. Въ ея душѣ происходила тяжелая борьба между страхомъ и надеждой; она затруднялась также въ выборѣ средствъ, которыя могли вѣрнѣе довести ее до цѣли. Она знала, что Джьованни не будетъ въ безопасности въ Римѣ, и не разъ слышала отъ него, что онъ считаетъ для себя величайшимъ несчастіемъ постоянно жить при папскомъ дворѣ. Причина этого отвращенія была ей неизвѣстна, такъ какъ Джьованни не могъ объяснить своей женѣ, что народъ не дѣлаетъ различія между женщинами, окружающими папу, и думаетъ, что Александръ находится въ любовной связи съ дочерью и позволяетъ себѣ всевозможные грѣхи, потому что имѣетъ власть разрѣшать ихъ.

Лукреція переѣхала изъ монастыря въ палаццо близь Ватикана, который былъ всегда къ ея услугамъ, и, собравъ свой прежній придворный штатъ, возобновила старыя знакомства. Она знала, что, при характерѣ ея отца, поспѣшностью можно испортить все дѣло и что всего легче найти доступъ къ его сердцу, когда онъ въ обществѣ Джуліи и Адріаны; поэтому она терпѣливо выжидала минуты, когда онъ будетъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа.

Такой случай скоро представился. Александръ, въ сопровожденіи своихъ трехъ пріятельницъ и Лукреціи, осматривалъ новыя фрески, исполненныя живописцемъ Пинтуриккіо, въ нѣкоторыхъ комнатахъ Ватикана. Сюжетомъ для фресокъ служили сцены изъ недавняго нашествія французовъ на Италію; въ нихъ была изображена правственная побѣда Александра VI надъ французскимъ королемъ. Для одной изъ картинъ былъ взятъ тотъ моментъ, когда Карлъ VIII поцѣловалъ ногу папѣ; на другой папа готовился возложить кардинальскія шапки на французскихъ прелатовъ; на третьей Карлъ VIII былъ изображенъ прислуживающимъ папѣ во время мессы. Эти три картины, льстившія тщеславію Александра, были такъ мастерски выполнены, что дамамъ не трудно было расточать восторженныя похвалы, къ полному удовольствію его святѣйшества.

Затѣмъ папа въ сопровожденіи дамъ вернулся въ свои покои въ наилучшемъ расположеніи духа. Лукреція воспользовалась этой минутой, чтобы высказать ему свои соображенія, относительно опасностей, которымъ ея мужъ подвергается въ Ватиканѣ. При этомъ она робко выразила надежду, что святой отецъ вѣроятно дозволитъ ей удалиться со своимъ мужемъ куда нибудь подальше изъ Рима, гдѣ бы она могла насладиться скромнымъ, но безмятежнымъ существованіемъ.

Просьба Лукреціи совершенно не согласовалась съ намѣреніями Александра. Хотя онъ былъ далеко не такъ жестокъ и честолюбивъ, какъ его сынъ Чезаре, но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго же-

ланія ради счастья дочери отказаться отъ удовольствія имѣть ее при себѣ, тѣмъ болѣе, что ея присутствіе доставляло ему самому развлеченіе и служило украшеніемъ празднествъ въ Ватиканѣ.

Остальныя дамы поддержали просьбу Лукреціи, особенно Ваноцца, которая послѣ внезапной смерти своего сына, герцога Гандія, не снимала траура. Она вполнѣ раздѣляла опасенія дочери, такъ что у ней невольно вырвалось замѣчаніе, что Джьованни Сфорца имѣетъ основательныя причины избѣгать Ватикана.

— Пока неизвѣстно, какъ устроятся наши дѣла, возразилъ папа. Хотя это государственная тайна, но я разсчитываю на вашу скромность и сообщу вамъ, что Чезаре долженъ отправиться во Францію, гдѣ онъ женится на сестрѣ короля Наваррскаго и получитъ титулъ герцога де Валентинуа. Переговоры начались еще во время болѣзни покойнаго короля, и я надѣюсь, что вскорѣ намъ нечего будетъ бояться гласности. Смерть Карла VIII разрушила всѣ прежнія политическія комбинаціи, а его наслѣдникъ Людовикъ XII имѣетъ иные планы. Мы хотимъ заключить съ нимъ новый мирный договоръ; и такъ какъ онъ самъ нуждается въ нашей дружбѣ для достиженія своихъ цѣлей, то онъ исполнитъ всякое предложенное нами условіе.

— Вѣроятно, замѣтила Ваноцца, женитьба Чезаре и пожалованіе ему герцогскаго достоинства будутъ поставлены въ число этихъ условій?

— Конечно, отвѣтилъ папа, взглянувъ съ самодовольствомъ на окружавшихъ его женщинъ; но только Джулія и Адріана сочувствовали его радости и улыбнулись ему въ отвѣтъ. Ваноцца опустила глаза; лицо ея приняло еще болѣе суровое выраженіе.

— Франція соединилась съ Венеціей, продолжалъ папа; и можно ожидать съ ея стороны враждебныхъ дѣйствій противъ миланскаго герцога, близкаго родственника графа Джьованни. Поэтому, если мужъ Лукреціи хочетъ быть въ безопасности, то это возможно только тогда, если онъ отрѣшится отъ своихъ фамильныхъ интересовъ и будетъ жить вблизи насъ. Что же касается Чезаре, то онъ вѣроятно надолго разстанется съ Римомъ, потому что новый французскій король болѣе чѣмъ кто нибудь можетъ содѣйствовать его планамъ.

Всѣ эти извѣстія успокоили Лукрецію и заставили ее иначе взглянуть на дѣло. Между тѣмъ она имѣла такой же, если не большій поводъ для опасеній, потому что Чезаре, при союзѣ съ французскимъ королемъ, могъ смѣлѣе преслѣдовать свою главную цѣль, которая заключалась въ томъ, чтобы отстранить всѣхъ правителей мелкихъ итальянскихъ государствъ и самому сдѣлаться единымъ властелиномъ полуострова. Но эти планы были неизвѣстны его сестрѣ; къ тому же пребываніе въ монастырѣ и короткое свиданіе съ мужемъ настолько усили ея страсть къ нему, что

она въ ослѣпленіи старалась увѣрить себя, что все можетъ устроиться наилучшимъ образомъ, если Джьованни будетъ жить въ Римѣ подъ покровительствомъ папы. Лукреція имѣла веселый безпечный характеръ и въ этомъ отношеніи походила на своего отца. Хотя при своей податливости она могла мириться при случаѣ съ самой скромной обстановкой; но роскошная жизнь при папскомъ дворѣ представляла для нея много соблазна. Всѣ ея опасенія незамѣтно разсѣялись; она обѣщала написать графу Джьованни, но предварительно уговорила папу отмѣнить позорный для нея процесъ.

Такимъ образомъ дѣло о разводѣ было прекращено по распоряженію высшей изъ всѣхъ властей, управлявшей судьбой людей на землѣ, хотя не всегда къ ихъ благу. Лукереція и Джьованни находились въ непосредственной зависимости отъ этой власти, которая была тѣмъ гибельнѣе для нихъ, что они любили другъ друга. Тоска, которую испытала Лукреція въ разлукѣ съ мужемъ, побуждала ее видѣть во всемъ благопріятныя условія для соединенія съ нимъ и представлять себѣ опасность несравненно меньше, нежели она была на дѣлѣ. Къ этому присоединилось отсутствіе Чезаре Борджіа, которое успокоительно подѣйствовало на его сестру и возвратило чувство собственнаго достоинства папѣ и его окружающимъ. Всѣ они, за исключеніемъ Ваноццы, робѣли передъ безстрашнымъ злодѣемъ, который не останавливался ни передъ чѣмъ, когда дѣло шло объ удовлетвореніи его хищническихъ наклонностей.

Въ это время между Лукреціей и ея мужемъ шла дѣятельная переписка, которая кончилась тѣмъ, что графъ Джьовани пріѣхалъ въ Римъ. Онъ нашелъ здѣсь иные порядки, и еслибы онъ былъ въ состояніи думать о чемъ либо кромѣ свиданія съ Лукреціей, то вѣроятно былъ бы пораженъ огромнымъ вліяніемъ, какое можетъ имѣть на окружающихъ энергичный человѣкъ, если дѣятельность его неуклонно направлена къ одной цѣли, хотя бы самой преступной.

Различныя семейныя празднества теперь чаще, чѣмъ когда либо, устраивались при папскомъ дворѣ и со времени отъѣзда Чезаре приняли особенно веселый и непринужденный характеръ. Папа и весь его дворъ утѣшали себя обманчивой мечтой, что соединеніе Лукреціи съ мужемъ не представитъ никакихъ затрудненій. Кардиналъ Асканіо Сфорца въ интересахъ своей фамиліи усердно хлопоталъ о томъ, чтобы предать забвенію дѣло о разводѣ и разгласить въ Римѣ соединеніе Лукреціи съ мужемъ.

Супруги водворились въ томъ же палаццо, въ которомъ жили прежде, пока ничто не нарушало ихъ душевнаго спокойствія. Близкіе имъ люди были тѣмъ болѣе увѣрены въ ихъ безопасности, что Чезаре, повидимому, не чувствовалъ никакого неудовольствія противъ мужа своей сестры и въ отвѣтъ на письмо папы писалъ, что сообщенныя имъ извѣстія были ему крайне пріятны.

Но это было не болѣе, какъ лицемѣріе со стороны Чезаре. Его занимали новые планы. Онъ намѣревался при посредничествѣ французкаго короля соединиться съ кардиналомъ Юліемъ Ровере, самымъ неумолимымъ врагомъ папы, чтобы вытѣснить кардинала Асканіо Сфорца, близкаго родственника миланскаго герцога, такъ какъ Людовикъ XII хотѣлъ покорить Миланъ и заявить на него свои права, унаслѣдованныя отъ фамиліи Висконти. Въ тѣ времена было въ обычаѣ прикрывать завоевательныя стремленія призракомъ законныхъ притязаній. Еслибы Людовику XII удалось пріобрѣсти этимъ способомъ Неаполь и Миланъ, то Чезаре могъ бы присвоить себѣ остальную часть полуострова и осуществить свои честолюбивые планы господства надъ Италіей. Но французскій король могъ только въ томъ случаѣ обезпечить за собой въ будущемъ владѣніе Милана, если бы ему удалось обезсилить фамилію Сфорца и лишить ея представителей всякаго значенія.

Чезаре имѣлъ въ виду черезъ свою женитьбу съ французской принцессой породниться съ королемъ Людовикомъ XII и привязать его къ своимъ интересамъ. Онъ надѣялся, что если король завладѣетъ Миланомъ и согласно своему желанію получитъ императорское достоинство отъ папы, то изъ благодарности не замедлитъ вознаградить своего вѣрнаго союзника титуломъ герцога. Тогда Чезаре, какъ принцъ королевскаго французскаго дома, былъ бы очищенъ отъ клейма своего рожденія, между тѣмъ, какъ съ другой стороны родство съ владѣтельными фамиліями могло бы доставить ему одинаковыя права съ ними. Началомъ такихъ родственныхъ связей должно было послужить обрученіе восьмилѣтняго племянника кардинала Юлія Ровере съ четырехлѣтней Анджелой Борджіа, внучкой папы Александра VI. Такое преждевременное обрученіе не составляло тогда рѣдкости, потому что браки въ знатныхъ семействахъ большей частью заключались ради политическихъ цѣлей.

Въ то же самое время совершилось обрученіе малолѣтней Витторіи, будущей пріятельницы Микель Анджело, съ сыномъ маркиза Пескара. Поводомъ къ этому обрученію также служили чисто политическія соображенія. Неаполитанскій принцъ Федериго, послѣ удаленія Карла VIII, былъ возведенъ на королевскій престолъ по общему желанію народа, который боготворилъ его, но онъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ, какъ предполагами отъ тайнаго отравленія. Ему наслѣдовалъ принцъ Фердинандъ, и, такъ какъ фамилія Пескара находилась въ родствѣ съ неаполитанскимъ королевскимъ домомъ, то Фердинандъ рѣшилъ устроить обрученіе Витторіи, чтобы на всякій случай заручиться расположеніемъ фамиліи Колонна.

Въ настоящее время мы съ удивленіемъ видимъ, что среди вышеописанной безурядицы и смутъ искусство нерѣдко достигало высшей степени процвѣтанія. Достаточно было небольшаго проме-

жутка внѣшняго спокойствія, чтобы появились роскошнѣйшія художественныя произведенія. Съ Маріей Паццы въ Миланъ были перенесены традиціи дома Медичисовъ, которыя мало по мало отодвинуты были на задній планъ подъ вліяніемъ женщинъ дома Орсини и проповѣдей суроваго реформатора. Лодовико Моро былъ достойнымъ послѣдователемъ Лоренцо Медичи по своему широкому образованію, и не только высоко цѣнилъ искусство, но покровительствовалъ поэзіи и философіи.

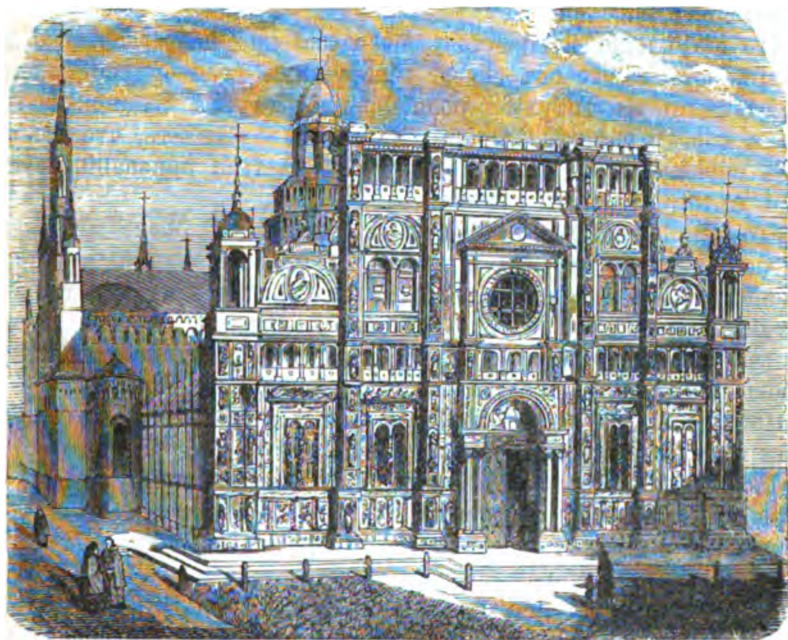
Всѣ наиболѣе замѣчательныя произведенія временъ возрожденія, какъ въ самомъ Миланѣ, такъ и въ окрестностяхъ, обязаны своимъ происхожденіемъ описываемой эпохѣ. Въ архитектоническомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманіе, какъ первое декоративное произведеніе Италіи и цѣлаго міра, фасадъ Чертоза близь Павіи, который служитъ доказательствомъ высокаго пониманія искусства въ тогдашнемъ Миланѣ.

Къ этому же времени принадлежитъ другое художественное произведеніе, которое имѣетъ такое же и едва ли не большее значеніе. Это Тайная Вечеря, нарисованная Леонардо да Винчи въ трапезѣ монастыря Santa Maria delle Grazie. Миланская герцогиня, зная безкорыстную и глубокую привязанность къ ней живописца, не теряла его изъ виду. Когда она услыхала, что Чезаре Борджіа втянулъ его въ мутный водоворотъ римской придворной жизни, то уговорила мужа пригласить его въ Миланъ. Герцогъ любилъ до страсти музыку, и такъ какъ Леонардо былъ превосходнымъ музыкантомъ, то это скоро послужило поводомъ къ самымъ дружескимъ и непринужденнымъ отношеніямъ между ними. Такимъ образомъ Леонардо остался въ Миланѣ и могъ работать на глазахъ прекрасной благородной женщины, которую онъ боготворилъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ и самоотреченіемъ. Здѣсь онъ написалъ свою лучшую картину Тайную Вечерю, которая разошлась въ безчисленномъ множествѣ копій и на вѣчныя времена останется образцовымъ произведеніемъ искусства.

Къ сожалѣнію, за этимъ періодомъ напряженной художественной дѣятельности, для фамиліи герцога наступило время тяжелыхъ испытаній. Трудно сказать въ настоящее время, одно ли честолюбіе было причиной новой войны и бѣдствій, постигшихъ несчастную Италію. Сперва наступило то роковое затишье, которое всегда предшествуетъ бурѣ, какъ въ природѣ, такъ и въ политическомъ мірѣ.

Анна Бретанская сидѣла у окна, въ своемъ замкѣ Амбруазъ, и задумчиво смотрѣла на прекрасный ландшафтъ, который растилался передъ ея глазами. Она была въ глубокомъ траурѣ; черный длинный вуаль, падавшій съ ея головы широкими складками, ясно показывалъ, что она переживаетъ первое время послѣ понесенной ею потери. Едва успѣла она оплакать своего первенца, какъ за

этимъ послѣдовала внезапная смерть короля. Если молодая королева, не смотря на постигшее ее горе, въ эту минуту думала о новомъ замужествѣ, то врядъ ли мы можемъ поставить ей это въ упрекъ, потому что ея первый бракъ въ сущности былъ не болѣе, какъ политической сдѣлкой. Хотя Анна честно исполняла свой долгъ относительно мужа и осталась сѣрна ему; но долгія слезы и печаль были не въ ея характерѣ и не въ духѣ того времени. Сама жизнь была настолько груба и безпощадна и женщинамъ приходилось постоянно видѣть и слышать о такихъ жестокостяхъ,



Фасадъ Чертова близъ Павіи.

что онѣ привыкли наскоро сводить счеты съ потерями, чтобы предаваться новымъ надеждамъ.

Въ то время, какъ Саванарола лишился милости своихъ многочисленныхъ приверженцевъ, и ихъ почитаніе уступило мѣсто обвиненіямъ, исполнилось одно изъ его пророчествъ. Онъ объявилъ Карлу VIII, во время своего перваго свиданія съ нимъ, что Господь избралъ его своимъ орудіемъ для освобожденія Италіи отъ тирановъ и преобразованія церкви, и въ случаѣ ослушанія грозилъ строгимъ наказаніемъ свыше. Смерть дофина, который былъ такъ рано отнятъ у королевской супружеской четы, была принята въ Италіи за исполненіе словъ Саванаролы. Но вслѣдъ затѣмъ новая

небесная кара постигла короля, потому что съ нимъ сдѣлался ударъ и онъ скончался черезъ нѣсколько часовъ.

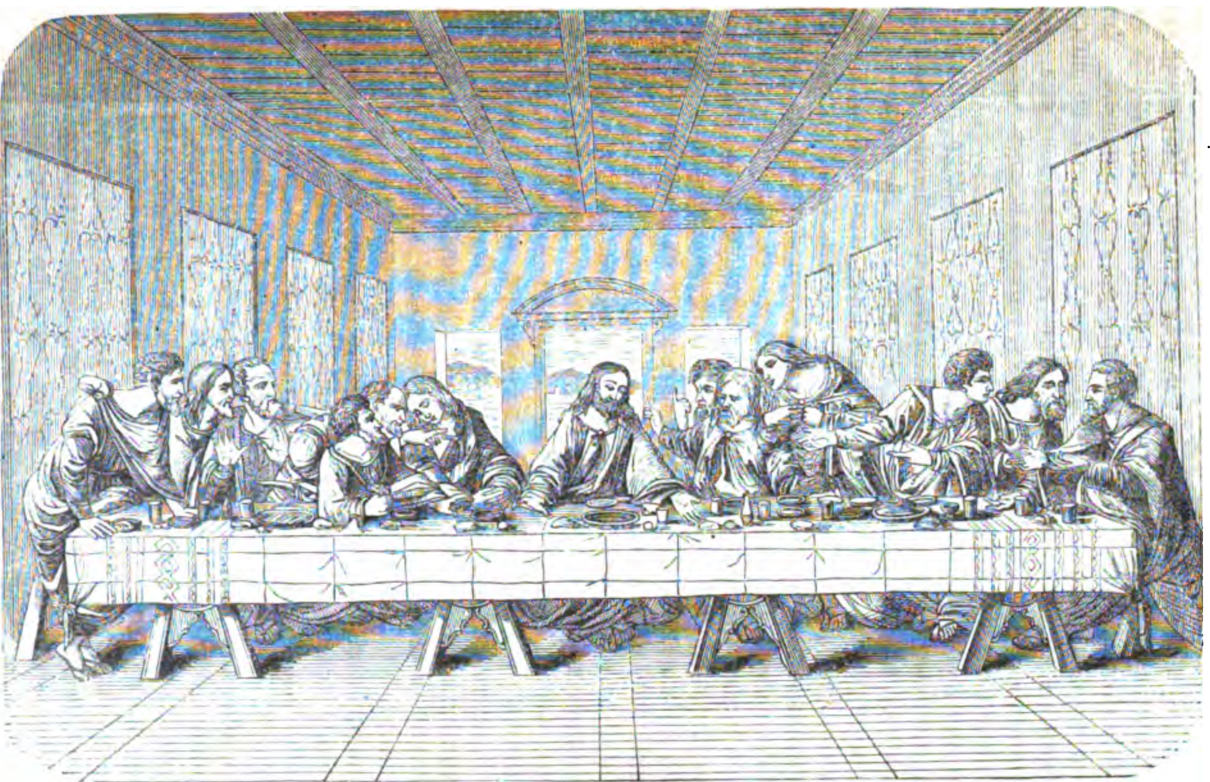
Карлъ VIII не оставилъ послѣ себя дѣтей и его корона перешла къ Людовику Орлеанскому, первому принцу крови. Бабка этого принца была изъ дома Висконти, а его супруга—дочь Людовика XI. Не смотря на его неоспоримыя права на престолъ, онъ жилъ вдали отъ двора и стоялъ во главѣ недовольныхъ партій, чѣмъ навлекъ на себя тюрьму и ссылку. Подобный опытъ рѣдко выпадаетъ на долю королевскаго принца; вслѣдствіе этого отъ него ожидали больше выдержки и рѣшительности, нежели отъ предшествовавшихъ королей.

Его вступленіе на престолъ было особенно неблагопріятно для Италіи, потому что онъ сразу обнаружилъ свои будущіе планы, присоединивъ къ титулу короля Франціи титулъ миланскаго герцога и короля обѣихъ Сицилій. Можно было ожидать, что онъ отъ словъ перейдетъ къ дѣлу и будетъ добиваться признанія своихъ правъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Его непріязненныя отношенія къ покойному королю и удаленіе отъ двора, помимо другихъ причинъ, объясняются личнымъ столкновеніемъ. Людовикъ орлеанскій двадцать лѣтъ тому назадъ былъ противъ воли обвѣнчанъ съ дочерью Людовика XI, при первой встрѣчѣ съ Анной Бретанской почувствовалъ къ ней страстную любовь, которую она раздѣляла до извѣстной степени.

Папа Александръ VI поспѣшилъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы оказать услугу Чезаре, который съ обычною настойчивостью стремился къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Людовикъ XI хотѣлъ развестись съ первой супругой и жениться на вдовѣ своего предшественника. Разрѣшеніе на разводъ и второй бракъ зависѣло отъ папы. Въ виду этого Александръ намѣревался извлечь возможно большія выгоды изъ новаго крупнаго скандала, на который онъ рѣшался передъ цѣлымъ свѣтомъ. Теперь наступила удобная минута для отъѣзда Чезаре Борджіа во Францію, гдѣ онъ именемъ его святѣйшества долженъ былъ содѣйствовать разводу короля.

Но Чезаре слишкомъ тонко повелъ дѣло и поэтому едва не потерялъ все то, чего добивался съ такой настойчивостью. Онъ объявилъ по пріѣздѣ, что не имѣетъ при себѣ папской буллы, которая признавала первый бракъ короля недѣйствительнымъ. Но король узналъ отъ Сеттскаго епископа, что булла послана изъ Рима и приказалъ немедленно объявить о своемъ разводѣ французскому духовенству. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился въ замокъ Амбуазъ, чтобы сообщить Аннѣ Бретанской о сдѣланномъ распоряженіи. Нетерпѣніе короля показываетъ насколько были основательны слухи объ его страстной любви къ прекрасной вдовѣ, которая повидимому съ такимъ же томленіемъ ожидала этого мо-



Тайная вечеря, съ картины Леонардо да Винчи.

емнта, судя по той поспѣшности, съ какой она сняла съ себя траурный вуаль.

Чезаре Борджіа, узнавъ объ этомъ, немедленно добился аудіенціи у короля, чтобы передать ему папскую буллу. При этомъ свиданіи Людовикъ въ избыткѣ счастья пожаловалъ ему титулъ герцога Валентинуа, вмѣстѣ съ рукой наваррской принцесы. Хотя такимъ образомъ всѣ желанія Чезаре были исполнены, но по своему мстительному характеру онъ не могъ забыть ловушки, разставленной ему Сеттскимъ епископомъ, который вскорѣ послѣ того былъ отравленъ по его распоряженію.

Въ это время французскій король былъ настолько поглощенъ своей любовью и предстоящимъ бракомъ, что Чезаре, потерявъ всякую надежду побудить его къ политической дѣятельности, рѣшилъ послѣдовать примѣру своего союзника и насладиться благополучіемъ, выпавшимъ на его долю. Но одинъ неожиданный случай напомнилъ ему, что человѣкъ въ его положеніи не долженъ терять дорогаго времени, и что одинъ моментъ можетъ разрушить всѣ его планы. Папа едва не былъ убитъ обрушившимся каминомъ. Его подняли слегка раненаго изъ подъ груды мусора; но испугъ произвелъ такое сильное потрясеніе на семидесяти-лѣтняго старика, что онъ опасно занемогъ.

Папы во время болѣзни всегда опасаются яда; въ виду этого Александръ изъявилъ желаніе, чтобы никто не ухаживалъ за нимъ, кромѣ дочери. Такимъ образомъ Лукреція и ея мужъ не могли думать объ отъѣздѣ изъ Рима, хотя вскорѣ затѣмъ прибылъ герцогъ Валентинуа подъ видомъ участія къ больному отцу, но въ дѣйствительности, чтобы привести въ исполненіе свои планы относительно Романьи и собрать необходимыя для этого денежныя средства.

Джоффре съ своей женой по случаю болѣзни папы также прибыли въ Римъ; и въ Ватиканѣ снова была сплетена цѣлая сѣть интригъ. Чезаре, какъ хищный звѣрь, выжидалъ только удобнаго момента, чтобы наброситься на добычу, тѣмъ болѣе, что не придавалъ никакой цѣны супружеству своей сестры съ ничтожнымъ представителемъ ненавистнаго для него дома Сфорца. Съ другой стороны графство Пезаро представляло многія стратегическія преимущества и должно было послужить началомъ захвата владѣній. По этому гибель Джьованни была для него дѣломъ рѣшеннымъ. Лукреція была настолько красива, что могла вступить въ новый бракъ, болѣе выгодный для ея брата, особенно въ данный моментъ, когда его судьба устраивалась такимъ блестящимъ образомъ.

Въ то время, какъ подобные планы созрѣвали въ головѣ Чезаре, устроено было грандіозное празднество, на которомъ папа долженъ былъ поднести даръ Пресвятой Дѣвѣ въ благодарность за свое спасеніе. Александръ VI настолько поправился отъ болѣзни, что могъ

принять участіе въ большой процессіи въ честь Богоматери, которая направилась изъ Ватикана черезъ мостъ Св. Ангела и отсюда по главнымъ городскимъ улицамъ въ церковь Santa Maria del popolo. Это было одно изъ тѣхъ пышныхъ церковныхъ празднествъ, при которомъ народъ, ослѣпленный блескомъ зрѣлища, забывалъ на минуту недовольство, охватившее тогда всѣ слои общества, кромѣ лицъ, непосредственно окружавшихъ папу. Все бѣлое духовенство и всѣ монахи Рима и ближайшихъ мѣстностей участвовали въ процессіи, представляя собой огромную толпу людей въ самыхъ разнообразныхъ одѣяніяхъ, начиная съ монаховъ различныхъ орденовъ и простыхъ священниковъ до кардиналовъ въ яркомъ пурпурѣ. Затѣмъ слѣдовалъ отрядъ швейцарцевъ въ ихъ живописномъ, пестромъ нарядѣ. Среди нихъ восемь великолѣпно одѣтыхъ слугъ несли папу, который сидѣлъ на позолоченномъ креслѣ, въ мантіи, сіявшей золотомъ, и съ тіарой на головѣ. Пажи несли за нимъ два большихъ павлиныхъ опахала, осѣнявшихъ его голову. Пристрастная къ зрѣлищамъ народная толпа тѣснилась около шествія; всѣ преклоняли колѣна по обѣ стороны въ то время, какъ проносили папу, который, поднимая руку, благословлялъ налѣво и направо свою паству. Даръ, подносимый папой Пресвятой Дѣвѣ, состоялъ изъ золотаго бокала, наполненнаго тремя стами дукатовъ, которые кардиналъ Пикколомини всенародно высыпалъ на алтарь.

Въ процессіи участвовалъ и бывшій кардиналъ Чезаре Борджіа; онъ шелъ рядомъ съ своимъ братомъ Джоффре и зятемъ Джьованни, который изъ любви къ женѣ готовъ былъ простить своему заклятому врагу.

Чезаре только ждалъ этого празднества, чтобы приступить къ выполненію своихъ плановъ, и хотѣлъ прежде всего покончить съ мелкими владѣтельными князьями и графами Романьи. Все было готово для убійства; подкупленные имъ агенты старались расположить народъ въ его пользу; несчастный случай съ папой заставлялъ его дорожить временемъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ празднества, графъ Джьованни вышелъ вечеромъ изъ своего палаццо и отправился въ Ватиканъ, гдѣ въ это время находилась Лукреція. Но въ тотъ моментъ, когда онъ проходилъ мимо лѣстницы св. Петра, на него напали замаскированные люди съ кинжалами. Послѣ отчаянной борьбы, ему удалось вырваться изъ рукъ убійцъ и добраться до Ватикана. Тяжело раненный, изнемогая отъ потери крови, онъ бросился въ комнату папы, гдѣ собрался обычный кружокъ дамъ, за исключеніемъ Ваноццы. При видѣ его, Лукреція упала на полъ безъ чувствъ.

Джьованни настолько ослабѣлъ, что его отнесли въ одну изъ комнатъ Ватикана и уложили въ постель. Одинъ изъ кардиналовъ поспѣшилъ дать ему разрѣшеніе отъ грѣховъ. Лукреція, очнувшись отъ продолжительнаго обморока, стояла около его постели и съ от-

чаяніемъ думала о томъ, что все кончено. Но противъ всякаго ожиданія, смерть на этотъ разъ миновала графа Сфорца.

Между тѣмъ, Чезаре, который сдѣлался еще самоувѣреннѣе послѣ своего пребыванія во Франціи, былъ сильно раздосадованъ неудачей убійства: — Ну бѣда не велика! пробормоталъ онъ себѣ въ утѣшеніе. Что не случилось сегодня, можетъ быть сдѣлано завтра...

Лукреція переселилась въ Ватиканъ, чтобы находиться неотлучно при мужѣ. Хотя она чувствовала себя совсѣмъ разбитой послѣ сильнаго нравственнаго потрясенія, произведеннаго испугомъ, но не рѣшилась никому поручить уходъ за больнымъ. Она горько упрекала себя, что по своему легкомыслію подвергла опасности жизнь Джьованни, и изъ боязни отравы сама готовила ему кушанье. Папа, чтобы успокоить ее до нѣкоторой степени, поставилъ стражу около комнаты больнаго.

Но Чезаре Борджіа сохранилъ невозмутимое хладнокровіе. Онъ распространилъ слухъ, что нападеніе, жертвой котораго былъ графъ, готовилось противъ него, и подъ страхомъ смертной казни запретилъ кому нибудь проходить съ оружіемъ въ рукахъ отъ замка Св. Ангела къ церкви св. Петра.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Чезаре отправился гулять въ садъ Ватикана. Затѣмъ, онъ неожиданно вошелъ въ комнату папы и съ обычной своей наглостью объявилъ, что въ него стрѣляли изъ окна, и что ему достовѣрно извѣстно, кто зачинщикъ этой попытки къ убійству.

На слѣдующее утро, Чезаре Борджіа посѣтилъ своего больнаго затя, у постели котораго онъ засталъ Лукрецію и свою мать Ваноццу.

Онъ не видѣлъ матери съ того вечера на виллѣ близъ Санъ-Пьетро, когда внезапно исчезъ его братъ, герцогъ Гандія. Строгое выраженіе лица Ваноццы и гнѣвный взглядъ ея темныхъ глазъ на минуту смутили Чезаре. Онъ замѣтилъ также ея траурное платье, но тотчасъ же овладѣлъ собой и почтительно поцѣловалъ ея руку. Ему было всего труднѣе скрыть свою ненависть къ Джьованни, но тѣмъ не менѣе, онъ выразилъ лицемѣрное участіе къ его болѣзни. Затѣмъ, разговаривая съ матерью и сестрой, онъ незамѣтно вышелъ изъ комнаты, и, такимъ образомъ, заставилъ обѣихъ женщинъ проводить его въ переднюю. Здѣсь ожидалъ Микелетто, капитанъ отряда, который находился подъ начальствомъ Чезаре, и по знаку послѣдняго вошелъ въ комнату больнаго, откуда онъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ видимо взволнованный. Страшное предчувствіе овладѣло Лукреціей; не помня себя отъ ужаса, она бросилась въ комнату своего мужа. Чезаре хотѣлъ удалиться, но мать загородила ему дорогу; раздирающій крикъ дочери извѣстилъ ее о случившемся: Лукреція, къ своему невыра-

зимому горю, нашла своего любимаго мужа задушеннымъ въ постели. Чезаре, зная, что Джьованни на этотъ разъ не ускользнулъ отъ его рукъ, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и, отстранивъ мать, направился къ дверямъ; но Ваноцца, схвативъ за руку своего сына, заставила его вернуться. Она подняла портьеру въ сосѣднюю комнату и, указывая на трупъ несчастнаго Джьованни, разразилась долго сдерживаемымъ гнѣвомъ:

— Тигръ! кровожадное чудовище! кричала она прерывающимся голосомъ. Мѣра твоихъ злодѣяній переполнилась! Ты убиваешь близкихъ людей, упиваешься человѣческой кровью ради твоего ненасытнаго честолюбія. Будь ты проклятъ за сегодняшнее преступленіе, трижды проклятъ за смерть твоего несчастнаго брата Гандія, котораго я не перестану оплакивать до послѣдней минуты моей жизни..,

Чезаре вырвался изъ ея рукъ съ угрожающимъ жестомъ.

— Убей и свою мать! крикнула она ему вслѣдъ. Тогда ты ни въ чемъ не уступишь своему подобію, и христіанскій міръ увидитъ втораго Нерона!..

Но Чезаре не слышалъ ея словъ, потому что въ это время сходилъ съ лѣстницы.

Страхъ, наводимый Чезаре на всю Италію, былъ на столько великъ, что никто не рѣшился открыто обвинять его. Графа Джьованни похоронили безъ всякой торжественности въ церкви св. Петра. Хотя самъ Чезаре объявилъ, что приказалъ убить своего зятя вслѣдствіе того, что Джьованни покушался на его жизнь; но и это злодѣяніе не имѣло для него никакихъ послѣдствій. Быть можетъ, папа принялъ бы какія либо мѣры, чтобы предупредить убійство, еслибы заранѣе зналъ объ этомъ, но теперь, когда фактъ совершился, онъ ни чѣмъ не выразилъ своего неудовольствія, потому что самъ боялся насилія со стороны Чезаре.

Лукрецію вынесли въ безчувственномъ состояніи изъ комнаты, гдѣ лежало безжизненное тѣло ея мужа. Она опасно заболѣла, и въ минуты, когда сознаніе возвращалось къ ней, молила Бога, чтобы смерть вновь соединила ее съ Джьованни. Папа часто навѣщалъ свою дочь; когда молодость взяла свое и наступило выздоровленіе, онъ безпрекословно дозволилъ ей, согласно ея просьбѣ, уѣхать изъ Рима, чтобы оплакивать свое горе въ уединеніи.

Она не въ состояніи была оставаться долѣе въ Ватиканѣ, гдѣ Чезаре, не обращая вниманія на горе сестры, хладнокровно занимался устройствомъ своихъ дѣлъ, вербовалъ солдатъ и совѣщался съ своими агентами. Но такъ какъ ему прежде всего необходимы были деньги, то онъ открыто продавалъ церковныя должности; и нашлось не мало прелатовъ, которые не стыдились принять кардинальскую шапку изъ его окровавленныхъ рукъ.

Лукреція, въ сопровожденіи шестисотъ вооруженныхъ всад-

никовъ, отправилась въ городокъ Непи, гдѣ для нея составленъ былъ небольшой придворный штатъ дамъ и кавалеровъ, которые должны были раздѣлить ея уединеніе. Неожиданное несчастіе глубоко потрясло молодую женщину и лишило ее послѣднихъ признаковъ воли. Теперь она болѣе, чѣмъ когда нибудь, была проникнута сознаніемъ, что отецъ и братъ имѣютъ право безусловно распоряжаться ея судьбой и что она не можетъ ничего предпринять или уѣхать куда либо безъ ихъ разрѣшенія.

Но въ замкѣ Непи никто не мѣшалъ ей оплакиветь потерю мужа; дамы и кавалеры ея свиты, изъ уваженія къ горю безутѣшной вдовы, старались не стѣснять ее своимъ присутствіемъ, и она могла на свободѣ предаваться своимъ печальнымъ размышленіямъ.

Лукреція цѣлыми часами сидѣла на балконѣ замка Непи, откуда открывался обширный видъ на окрестности. Красота роскошной южной природы успокоительно дѣйствовала на ея возбужденные нервы, такъ что мало по малу дикіе порывы отчаянія уступили мѣсто тихой скорби.

Въ то время, какъ Лукреція предавалась своему горю, убійца графа Джьованни завладѣлъ его наслѣдственныыи землями и, сосредоточивь свои войска, направился въ Римини, затѣмъ въ Фаэнцу. Вездѣ, гдѣ представлялась малѣйшая возможность, Чезаре изгонялъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ мелкихъ владѣтельныхъ князей и съ помощью хитрости, и отчасти насилія, захватывалъ ихъ земли.

ГЛАВА XVIII.

Мученичество Саванаролы.

ПЕЧАЛЬНАЯ трегедія, которая такъ неожиданно разыгралась во Флоренціи, быстро приближалась къ роковой развязкѣ. Послѣ успѣшной осады монастыря Санъ Марко, враги реформатора окончательно восторжествовали надъ его приверженцами и поспѣшили воспользоваться своей побѣдой. Разъяренная толпа едва не растерзала Саванаролу и его двухъ товарищей по дорогѣ въ тюрьму, такъ что ему пришлось еще разъ испытать на себѣ все непостоянство народнаго расположенія.

Настоятель Санъ Марко, Доминико Буонвичини и Сильвестро Маруффи, были отведены въ новую тюрьму, которая была прочнѣе построена, нежели всѣ прежнія. У входа въ темный корридоръ со сводами Саванарола повернулъ голову, чтобы взглянуть на своихъ товарищей; но ихъ увели въ обратномъ направленіи. Когда онъ крикнулъ, чтобы проститься съ ними, то голосъ его глухо раздался въ мрачныхъ стѣнахъ, какъ послѣдній крикъ утопающаго, потерпѣвшаго кораблекрушеніе среди высокихъ утесовъ.

Вооруженные люди, захватившіе въ плѣнъ Саванаролу, сдали его тюремщикамъ, которые молча повели узника по длинному подземному ходу. Они несли въ рукахъ зажженные факелы, время отъ время ударяли ими о стѣну, когда красноватое пламя начинало меркнуть. Пройдя нѣсколько низкихъ пещеръ, они достигли до подножья башни, въ крѣпкомъ фундаментѣ которой были устроены темницы, въ видѣ небольшихъ отверстій, отъ семи до восьми футовъ вь квадратѣ, въ которыхъ съ трудомъ могъ помѣститься одинъ человѣкъ и лечь во всю длину.

Нѣкоторыя изъ этихъ темницъ были до того низки, что узнику предстояло только сидѣть или лежать въ нихъ; при этомъ всѣ онѣ были лишены свѣта. Тюремщики подняли люкъ и, сойдя внизъ десять ступеней по крутой лѣстницѣ, открыли тяжелую дверь, которая была заперта большими замками и желѣзнымъ засовомъ, вдѣланнымъ въ каменныя стѣны.

Свѣтъ факеловъ освѣтилъ шестиугольную пещеру изъ большихъ квадратныхъ камней; на стѣнахъ висѣли тяжелыя желѣзныя цѣпи съ обручами для шеи и рукъ. Въ одномъ углу стоялъ каменный столъ и около него на землѣ лежалъ изодранный мѣшокъ, набитый гнилой соломой.

Тюремщики втащили въ эту темницу несчастнаго узника и молча удалились. Джироламо услышалъ щелканье замка и шумъ поднимаемаго засова; затѣмъ раздались тяжелые шаги по каменной лѣстницѣ и черезъ нѣсколько минутъ наступила мертвая тишина. Непроницаемый мракъ окружалъ его. Онъ прижалъ къ груди крестъ, который носилъ подъ рясой, и сталъ думать о мученичествѣ и насильственной смерти, которая ожидала его, какъ нѣкогда распятаго Христа. Глубокое уныніе овладѣло его душей; слезы одна за другой медленно текли по его щекамъ.

Немного погодя, Джироламо поднялъ голову и сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы отогнать тяжелыя мысли. Ощупывая стѣны, онъ старался отыскать небольшое отверстіе, которое замѣтилъ въ тотъ моментъ, когда его ввели въ темницу. Оно оказалось сверху надъ дверью и было закрыто частой рѣшеткой, почти не пропускавшей свѣта, такъ что несчастный узникъ не могъ сразу замѣтить его, не смотря на сильное напряженіе зрѣнія. Хотя его окружалъ тотъ же мракъ, но онъ пристально смотрѣлъ на рѣшотку, въ надеждѣ увидѣть слабый отблескъ неба, которое онъ такъ любилъ и такъ часто призывалъ въ свидѣтели чистоты своихъ намѣреній. Сердце его въ эту минуту было такъ же полно вѣры въ Провидѣніе, какъ и въ былыя времена. Ему казалось, что онъ видитъ передъ собой прекрасную, блестящую звѣзду; таинственный голосъ нашептывалъ ему, что эта предвѣстница свободы, которую онъ надѣялся дать народу. Онъ слышалъ знакомый шумъ волнъ Арно и чувствовалъ утреннюю свѣжесть, которая охлаждала его разгоряченную кровь. Но мало по малу сознаніе дѣйствительности снова вернулось къ нему; онъ увидѣлъ, что окруженъ могильнымъ мракомъ и тишиной и что ему приходится дышать сырымъ, удушливымъ воздухомъ.

По временамъ у него являлось опасеніе, что его осудятъ на голодную смерть, подобно Уголино; но онъ старался не думать объ этомъ. Между тѣмъ, глаза его настолько освоились съ темнотой, что онъ замѣтилъ полосу сѣроватаго свѣта, проникавшую въ его темницу. Но онъ не могъ видѣть ни земли, ни неба, потому что рѣшетчатое отверстіе выходило въ темный корридоръ и слабый

лучъ свѣта, падавшій съ высоты, терялся въ лабиринтѣ стѣнъ и колоннъ.

Но вотъ, гдѣ-то вдали раздался слабый звонъ; онъ сталъ прислушиваться и узналъ колоколъ Санъ Марко,

Сколько разъ этотъ колоколъ призывалъ народъ къ его проповѣди; какъ торжественно проносились тогда эти звуки подъ сводами монастырской церкви. Прошлое воскресло въ его памяти; онъ невольно задумался о судьбѣ людской и почти пришелъ къ убѣжденію, что Провидѣніе остается безучастнымъ къ дѣламъ и событіямъ, которыя совершаются на землѣ. Онъ такъ погрузился въ свои размышленія, что вздрогнулъ отъ удивленія, когда тюремщикъ приподнявъ рѣшетку, подалъ ему скудный обѣдъ.

Настроеніе духа узника колебалось между тихой покорностью судьбѣ и уныніемъ, доходящимъ до отчаянія. Онъ зналъ, что убіцы и разбойники могутъ больше разсчитывать на снисхожденіе людей, нежели злополучныя жертвы религіознаго и политическаго фанатизма. Такимъ узникамъ приходилось иногда цѣлыми годами выжидать рѣшенія своей судьбы въ мрачныхъ, сырыхъ тюрмахъ, при плохой пищѣ; но если дѣло не терпѣло проволочки, то ихъ подвергали допросу и съ помощью пытокъ доводили до мнимаго или дѣйствительнаго признанія.

Участь Саванаролы должна была скорѣе рѣшиться, нежели онъ предполагалъ. Однажды вечеромъ, въ его темницу вошли четверо людей въ черной одеждѣ, съ черными капишонами, закрывавшими ихъ головы и лица, кромѣ отверстій для глазъ. Они молча повели Саванаролу въ судъ для допроса.

Это была обширная зала со сводомъ, вся обтянутая чернымъ; въ концѣ ея стоялъ полукруглый столъ, покрытый чернымъ сукномъ. Кожа на стульяхъ была такого же цвѣта, равно и бархатный балдахинъ надъ кресломъ инквизитора, исполнявшаго роль предсѣдателя суда. На стѣнѣ висѣло рѣзное деревянное распятіе въ человѣческій ростъ; но лицо Спасителя имѣло суровое, неподвижное выраженіе и скорѣе могло внушать страхъ несчастнымъ подсудимымъ, нежели утѣшеніе и надежду. На столѣ, по правую руку предсѣдателя, былъ колокольчикъ, налѣво лежало большое открытое евангеліе, а посреди, между двумя подствѣчниками съ зажженными восковыми свѣчами, стоялъ бронзовый крестъ. Иногда его раскаливали до красна и заставляли подсудимаго приложиться къ нему; если онъ отъ боли ронялъ крестъ, то это служило доказательствомъ его виновности. Судьи рѣшали, что онъ выказалъ отвращеніе къ святынѣ или что Спаситель воспротивился его поцѣлую.

Въ углубленіи залы стояли монахи различныхъ орденовъ и свидѣтели; судьи заняли мѣста въ креслахъ; рядомъ съ ними помѣстились семнадцать «экзаменаторовъ», которые должны были

снимать допросъ съ подсудимаго, папскій коммиссаръ и фискалъ Франческо Ароне.

Отданъ былъ приказъ привести подсудимаго. Саванарола вошелъ ровнымъ шагомъ; прямой, открытый взглядъ его глазъ и непринужденная осанка показывали спокойную совѣсть; на его лицѣ, вмѣстѣ съ выраженіемъ глубокой скорби, видна была тихая покорность судьбѣ. Ему предложили сѣсть. Онъ горько улыбнулся, когда увидѣлъ приготовленный для него камень, но тѣмъ не манѣе безпрекословно сѣлъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства сталъ ожидать начала суда. Предчувствія его сбылись: подобно тому, какъ нѣкогда книжники и фарисеи поступали съ Христомъ, такъ и его судьи снимали съ него допросъ съ единственною цѣлью найти его виновнымъ и осудить на смертную казнь. Саванарола съ невозмутимымъ спокойствіемъ выслушивалъ угрозы и оскорбленія и, давая отвѣты, взвѣшивалъ каждое свое слово. Наконецъ одинъ изъ судей, возмущенный вопіющей несправедливостью своихъ товарищей, неожиданно объявилъ, что отказывается отъ дальнѣйшаго допроса, такъ какъ не желаетъ принимать участія въ убійствѣ.

Но этотъ случай еще больше увеличилъ упорство и ожесточеніе остальныхъ судей. По знаку папскаго коммиссара предсѣдатель позвонилъ въ колокольчикъ. Слуги подняли занавѣсъ, скрывавшую правую сторону залы, слабо освѣщенную двумя факелами. На багровомъ фонѣ сукна, покрывавшаго стѣны виднѣлись всевозможныя орудія пытки: подставки различной величины, желѣзные башмаки, гвозди, веревки, крюки и пр. Въ одномъ углу стояли столбы съ перекладинами, отъ которыхъ были протянуты веревки къ большимъ колесамъ; тутъ же на полу лежали гири, которыя привѣшивались къ ногамъ, чтобы придать большую тяжесть повисшему тѣлу. Кромѣ того разложены были воронки, смоляные факелы, кнуты, бичи съ желѣзными пулями, пилы, ножи различной величины, молотки, щипцы и другія приспособленія, чтобы выщипывать бороду, вырывать ногти, срѣзать кожу, пробуравливать тѣло и вливать въ раны горячее масло, смолу или олово. Въ нѣскольких мѣстахъ на полу были сдѣланы углубленія для стока крови; въ стѣнахъ виднѣлись печи, въ которыхъ раскаливали желѣзныя рѣшетки, пики и вертела для поджариванья человѣческаго мяса. Въ самомъ дальнемъ углу стоялъ большой чанъ съ пылающими угольями, которые освѣщали зловѣщимъ свѣтомъ глубину залы.

По знаку инквизитора тѣ-же таинственныя личности, которь ввели Джиронато въ залу, подняли его на руки и понесли въ т сторону залы, гдѣ находились орудія пытки. Епископъ Соренск и инквизиторъ Торріани набожно перекрестились, послѣ чего в монахи запѣли хоромъ заунывный псаломъ и молили милосердн Бога о ниспосланіи свѣта истины заблудшему человѣку, погиба щему во тьмѣ грѣховной.